

3-4

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РАССКАЗЫ БРАТНУХ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. Катковымъ.

ТОМЪ СТО ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

№ 3, 4

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°).
На Страстномъ Бульварѣ.

1875.

РАСКИН ВЕСТИНИКЪ

СВѢДѢНІЯ

УПРАВЛЕНІЯ И ВОСПИТАТЕЛЯ

СВѢДѢНІЯ

СВѢДѢНІЯ

ТОМЪ ОТО СЕЧЕНІЯ

№ 34

ВЪ СЕЧЕНІИ СЕЧЕНІИ СЕЧЕНІИ
1874

ВОЙНА И РЕВОЛЮЦІЯ*

ОЧЕРКИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

3) Революція и французское общество.

V.

До сихъ поръ мы видѣли причины бурныхъ потрясеній Франціи и болѣзненнаго направленія ея политической жизни въ ея государственномъ строѣ, сложившемся задолго до великой революціи прошедшаго столѣтія. Мы видѣли что эта революція не только не исправила, но усилила нѣкоторые существенные пороки французскаго государственнаго организма,—административный произволъ и бюрократическую централизацию,—несовмѣстимые ни съ условіями современнаго общественнаго быта, ни съ требованіями политической свободы, которой тщетно ищетъ эта страна. Какими бы страшными драматическими эпизодами ни сопровождалась революція 1789 года, сама собою она не внесла почти ничего органически новаго въ государственное устройство и управление не только Европы, но и Французской націи. ** Самый види-

* См. *Русск. Вѣстн.* 1872 № 9, 1873 №№ 2, 4, 5 и 9 и 1874 №№ 2 и 11.

** Мы говоримъ здѣсь о государственномъ устройствѣ и управленіи, то-есть, о сферѣ публичнаго права. На почвѣ частнаго или граж-

мый ея результатъ въ этомъ отношеніи есть начало народнаго представительства, но оно и практически (въ Великобританіи), и въ идеѣ существовало гораздо ранѣе; историческіе зачатки народнаго представительства встрѣчаются всюду за нѣсколько вѣковъ до французской революціи, они почти всюду были заморены французскимъ бюрократизмомъ и возродились снова въ нынѣшнемъ столѣтіи въ другихъ государствахъ, но безъ потрясеній, подобныхъ французскимъ. Французская революція скорѣе окомпрометтировала это начало, и ужасомъ наведеннымъ на всю Европу скорѣе замедлила его распространіе.

Но что-нибудь революція 1789 года да внесла во французскій государственный организмъ, что-нибудь ей неотъемлемо принадлежить, и на это-то мы бы хотѣли теперь взглянуть. Главное и едва ли не единственное новое начало вложенное съ 1789 года во французское государственное устройство есть понятіе о *народномъ верховенствѣ* (*la souveraineté du peuple*). Это понятіе съ тѣхъ поръ и бродитъ во всѣхъ полостяхъ этого организма и до сихъ поръ опредѣляетъ собою всѣ французскія политическія партіи.

„Когда была взята штурмомъ Бастилія (въ 1789 году), говоритъ Л. Штейнъ, королевскія войска были отчасти разбиты, отчасти перешли на сторону народа, мятежъ изъ пригородовъ Парижа разлился повсюду, весь старый государственный порядокъ былъ сломанъ, всѣ прежнія власти уничтожены и королевство и дворъ лишились всякой дѣйствительной силы, тогда только замѣтили что безъ всякой господствующей въ обществѣ власти оставаться было однако невозможно. Но кому же возсоздать эту власть? Для многихъ, которые еще до сихъ поръ никакъ не могутъ или не хотятъ разложить смутное понятіе народнаго верховенства на элементы его дѣйствительнаго содержанія, было бы очень поучительно разсмотрѣть, со всею серіозностью и безъ всякихъ предразсудковъ, именно этотъ моментъ въ исторіи француз-

данскаго права, революція 1789 года, *разрѣзавъ* послѣдніе узлы феодальнаго общества и сословныхъ привилегій, какъ мы объ этомъ упоминали не разъ, сдѣлала многое во Франціи. Но то же самое дѣло сдѣлано въ другихъ государствахъ путемъ реформъ, безъ всякихъ революціонныхъ переворотовъ.

* L. Stein *Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich*, I, 18, p. 94.

ской революціи. Что иное можетъ значить народное верховенство какъ не то что совокупность народа имѣетъ въ своихъ рукахъ полную власть надъ народомъ же? Такъ и случилось въ это время. Народъ (la nation) царствовалъ, и неограниченно. Онъ царствовалъ какъ масса *безусловно равноправныхъ* людей. Еслибъ было когда-нибудь возможно чтобы народъ и одинъ народъ царствовалъ, то эта возможность должна была существовать именно тутъ. Если понятіе народа какъ единицы имѣетъ какую-либо реальную сущность для государственнаго и управленія, то здѣсь она должна была бы сама собою выказаться. Но если вмѣсто какого-либо дѣйствительнаго верховенства (вмѣсто какой-либо организаціи верховной государственной власти) возникло распаденіе всякаго публичнаго порядка, то въ самомъ упомянутомъ понятіи должно заключаться нѣчто смутное. Дѣйствительно, исторія неоднократно доказывала что всякій разъ когда народное верховенство было объявляемо какъ высшее начало государственнаго устройства, начиналась нескончаемая неурядица въ государствѣ и обществѣ. Эта неурядица доказываетъ внутреннее противорѣчіе въ самомъ началѣ, и это противорѣчіе объясняется изъ понятія объ обществѣ. Всякая верховная государственная власть требуетъ какого-либо единства, возведеннаго на степень личной воли. Потому народное верховенство должно непременно предполагать какое-нибудь единство въ народѣ. Если его нѣтъ, то единственная власть находится въ опасности; если же оно невозможно, то невозможно и само народное верховенство. Между тѣмъ понятіе о народѣ какъ о единицѣ (о націи) есть представленіе объ немъ только въ отношеніи къ другимъ народамъ. Внутри себя народъ живетъ не иначе какъ въ извѣстномъ общественномъ порядкѣ, который содержитъ въ равновѣсіи преобладаніемъ тѣхъ или другихъ общественныхъ элементовъ, и который влечетъ за собою господство однихъ интересовъ и подчиненіе другихъ, взаимную зависимость, борьбу и противоположность всѣхъ интересовъ. Потому народное верховенство приводитъ въ дѣйствительности къ верховенству общества (то-есть, къ отсутствію государства и государственной власти). Но какъ во всякомъ обществѣ существуютъ противоположности могущественныхъ и трудно примиримыхъ интересовъ, изъ которыхъ каждый надѣется выиграть черезъ подчиненіе себя другихъ, то признаніе верховенства общества приводитъ въ

дѣйствительности къ признанію верховенства, верховной власти, извѣстныхъ, господствующихъ въ данное время, интересовъ. Нѣтъ возможности избѣжать этого послѣдствія. Такимъ образомъ, народное верховенство уничтожая всякую государственную власть, стоящую внѣ и выше этой социальной борьбы интересовъ, вооружаетъ каждый изъ нихъ верховнымъ правомъ. Но какъ каждый изъ нихъ стремится къ подчиненію себѣ другихъ, то всѣ они вооруженные своимъ верховенствомъ и выступаютъ одинъ противъ другаго. При этомъ исчезаетъ всякое понятіе о какой бы то ни было верховной власти, непрѣнно предполагающее какое-либо личное единство воли, и на его мѣсто становится узаконенная борьба всѣхъ социальныхъ противоположностей. Такъ само собою разрушается смутное представленіе народнаго верховенства. Въ то время какъ въ этомъ представленіи не заключается ничего иного кромѣ бессознательнаго признанія верховенства общества (подлѣ другаго верховенства государства или государственной власти), оно въ дѣйствительности дѣлаетъ общественный раздоръ неизбѣжнымъ, узаконяетъ его, и вмѣсто свободы, производитъ только безпорядокъ и владычество толпы. Горе тѣмъ кто считаетъ возможнымъ полагать этотъ принципъ въ основаніе государственнаго устройства. Они хотятъ невозможнаго: они хотятъ противорѣчіе сдѣлать порядкомъ, а противоположности единствомъ; во Франціи же, опираясь на Руссо, отдались мечтѣ о томъ что верховенство народа практически возможно. Казалось что эта мечта осуществилась въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ (въ 1789 году); однако вѣчные, непреложные законы человеческой жизни не замедлили своимъ дѣйствіемъ дать поученіе, котораго никогда не слѣдовало бы позабывать.“

Трудно кажется найти болѣе рѣшительное и болѣе ясное опроверженіе ученія о народномъ верховенствѣ, чѣмъ приведенныя нами мысли одного изъ главныхъ двигателей государственной науки въ нынѣшнемъ столѣтіи. Вся эта аргументація Л. Штейна отличается не только блестящею логикой, но и реальною правдой, которая всегда лежитъ въ основаніи всѣхъ его политическихъ сужденій, несмотря на кажущуюся ихъ отвлеченность.* Къ сожалѣнію и самая ясная логика и самые ясные уроки исторіи вразумляютъ не всѣхъ.

* Превосходная критика ученія о народномъ верховенствѣ, съ

Догматъ народнаго верховенства сталъ съ 1789 года основнымъ умозрительнымъ началомъ во французскомъ государственномъ правѣ и въ томъ или другомъ видѣ вносился съ тѣхъ поръ во всѣ безчисленныя ея конституціи, за исключеніемъ развѣ хартіи Людовика XVIII, октропированной королевскою властью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и признаваемой во Франціи насиліемъ иноземнаго нашествія, нарушеніемъ національнаго французскаго права, и отвергаемой ея политическими мыслителями. Этотъ догматъ, сдѣлавшійся съ тѣхъ поръ главнымъ политическимъ вѣроученіемъ всей революціонной европейской демократіи въ нынѣшнемъ столѣтіи, и до нынѣ исповѣдуемый ея невѣжественными массами не въ одной только Франціи, * ничего иного не можетъ внести въ дѣйствительную политическую жизнь всякой современной націи кромѣ анархіи. Онъ и не былъ съ послѣдовательною принятъ въ законахъ ни одного государства повѣйшаго міра, ни даже республикъ (Швейцаріи и Сѣверо-Американскихъ Штатовъ). Даже древнія республики, въ которыхъ только и дѣйствовало практически это начало, обязаны ему преимущественно своею скоротечностью, несмотря на благопріятныя для него условія ихъ общественнаго быта, совсѣмъ противоположнаго нашему. ** Такую же и еще худшую анархію вноситъ этотъ догматъ своими непримиримыми логическими противорѣчіями и въ кругъ политическихъ идей: онъ до сихъ поръ значительно спутанъ въ лучшихъ политическихъ умахъ Франціи этимъ злополучнымъ догматомъ, не соединимымъ съ

другихъ точекъ зрѣнія, можно также найти у Блаунчи (*Geschichte des allgemeinen Staatsrechts*, pp. 304—13, разборъ *Contrat social* Руссо).

* Этотъ догматъ и его практическіе постулаты (каково напримѣръ предоставленіе законодательной власти самимъ мѣстнымъ народнымъ собраніямъ, уничтоженіе народнаго представительства, и такъ далѣе) входятъ въ политическую программу соціально-демократической партіи въ Германіи, которая руководитъ огромнымъ большинствомъ всѣхъ германскихъ рабочихъ ассоціацій. См. A. Held, *die deutsche Arbeiter presse*, Leipzig, 1873, p. 55.

** См. между прочимъ L. Stein, *Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich*; III. В. (*Die Republiken des Altherthums*, p. 158). Авторъ доказываетъ что рабство было *conditio sine qua non* не только общественнаго, но и политическаго быта древнихъ республикъ и въ томъ числѣ народнаго верховенства.

самыми насущными началами государственнаго устройства и управленія нашего времени.

Но признавая что анархическій принципъ народнаго верховенства былъ водворенъ на практической государственной почвѣ Франціи великою революціей, нельзя съ другой стороны не признать что онъ дѣйствуетъ такъ губительно во французскомъ государственномъ строѣ только въ связи съ описанными нами его исконными историческими особенностями, практически гораздо болѣе существенными чѣмъ этотъ отвлеченный принципъ.

Правда, этотъ принципъ составляетъ коренную сущность политическаго ученія Ж. Ж. Руссо, а это ученіе сдѣлалось евангеліемъ всѣхъ умственныхъ вождей великой революціи (кромѣ Мирабо, который со своими государственными понятіями стоитъ посреди нея совсѣмъ особнякомъ) и было именно тою революціонною философіей XVIII столѣтія, тою революціей въ идеяхъ, которая предшествовала ея фактическому взрыву. * Однако Ж. Ж. Руссо при всей силѣ своего таланта былъ только *первое дитя своего вѣка* (какъ его называетъ Блунчли), и именно французскаго; только во Франціи его доктрина могла сдѣлаться сколько-нибудь дѣйствующимъ началомъ въ политической жизни и отсюда въ лицѣ всѣхъ ея французскихъ послѣдователей пошла она по всему свѣту, какъ зерно всего политическаго и соціальнаго радикализма XIX столѣтія. Этотъ радикализмъ хотя и всюду распространенъ, но онъ все-таки по преимуществу французскій. Въ собственномъ отечествѣ Руссо, въ Женевской республикѣ, онъ и его сочиненія подвергнулись самымъ ожесточеннымъ гоненіямъ, и никогда въ Швейцаріи, хотя и республиканской (но нисколько не революціонной въ своемъ бытѣ), Руссо не былъ такъ популяренъ какъ во Франціи. „Магическое дѣйствіе сочиненій Руссо на міръ того времени (то-есть французскій) было бы для насъ необъяснимою задачей, говорить Блунчли, еслибы мы не знали что въ личности Жанъ-Жака время видѣло самого себя. Ему недоставало почти всѣхъ условій необходимыхъ для политической

---

* См. I. C. Bluntschli, *Geschichte des allgemeinen Staatsrechts u. der Politik*, München, 1867. (IX cap., J. J. Rousseau, *Die Staatslehre der Französischen Revolution*, pp. 292—328).

дѣтельности. Онъ не имѣлъ въ себѣ никакихъ качествъ нужныхъ для государственнаго человѣка. Его историческое образованіе было очень скудно, онъ съ дѣтства гораздо болѣе углублялся въ романы чѣмъ въ исторію; онъ не прошелъ серьезной школы ни по одной наукѣ, занимаясь то тѣмъ, то другимъ съ дилеттантскою прихотью.“

Возведенное впервые въ систему въ сочиненіяхъ Руссо и доведенное до крайнихъ своихъ предѣловъ начало численнаго владычества толпы, весь этотъ духъ самаго необузданнаго демоса, конечно очень противоположны патріархальному королевскому управленію старой Франціи, и однакожь этотъ разрушительный демагогическій духъ нигдѣ лучше не могъ воспріять свои силы и вдохновенія и нигдѣ не могъ лучше сжиться со всѣмъ государственнымъ порядкомъ какъ въ этой же самой Франціи. Понятіе Руссо и всей его школы объ общей народной волѣ (*volonté générale de la nation*), выраженной посредствомъ поголовной подачи голосовъ, и лежащее въ основаніи этого понятія представленіе о народѣ какъ о численной суммѣ заключающихся въ немъ совершеннѣйшихъ индивидуумовъ, развѣ всѣ эти понятія не были родственны этому старому режиму, который въ теченіе вѣковъ изглаживалъ всякія историческія мѣстныя и іерархическія общественныя различія и нивелировалъ до нельзя всѣ историческія неровности и выпуклости французскаго общества? Ярмо бюрократическое, производившее всю эту нивелировку, какъ нельзя легче смѣнилось ярмомъ якобинскимъ, которое, въ свою очередь, какъ нельзя легче уступило мѣсто бюрократіи. Посреди націи утратившей всякіе общественные историческіе союзы и корпораціи, измельченной давно на индивидуальныя атомы, могло быть вскормлено дикое отождествленіе понятія о народѣ, имѣющемъ многовѣковую историческую жизнь въ прошедшемъ и будущемъ, *съ суммою наличныхъ жителей государственной территоріи*. Только къ государственному строю такой націи какъ Французская могло привиться это воззрѣніе, коренное въ политической доктринѣ Руссо, обуславливающее собою ученіе о народномъ верховенствѣ. Практически это воззрѣніе на народъ не слишкомъ удалось отъ стараго французскаго режима: въ томъ и другомъ случаѣ одинаково грубый взглядъ на народъ какъ на стадо *равноуныхъ* особей—все равно, называются ли они подданными, или гражданами. Сословнымъ привилегіямъ,

которые, какъ мы уже объясняли, имѣли во Франціи совсѣмъ исключительный характеръ, не бывъ соединены ни съ какими обязанностями предъ государствомъ, ни съ какою государственною службой, противопоставляется въ революціонной доктринѣ безусловное поголовное политическое равенство всѣхъ гражданъ. О политическихъ преимуществахъ; истекающихъ изъ преимущественнаго исполненія государственныхъ обязанностей, не имѣли ни тогда, ни теперь во Франціи понятія, такъ какъ въ ея бюрократической системѣ управленія (даже самоуправленія) всякій несетъ государственную службу не иначе какъ за деньги, за жалованье.

Отрицаніе Ж. Ж. Руссо народнаго представительства,* какъ искажающаго верховенство народа, который де непосредственно долженъ законодательствовать въ своихъ коммунѣхъ, также не было противно государственному порядку издавна изгнавшему начало представительства изъ законодательства и управленія. На мѣсто неограниченнаго абсолютизма безотвѣтственной административной власти было еще легче поставить такой же абсолютизмъ той же власти якобы исполняющей общую народную волю; а бюрократической централизациі какъ нельзя лучше соответствовало математическое дѣленіе націи на районы по числу душъ. Тираниія большинства надъ меньшинствомъ въ каждомъ районѣ (въ мѣстныхъ народныхъ собраніяхъ) и затѣмъ во всемъ государствѣ, для выраженія общей народной воли, по своему духу и по своимъ практическимъ послѣдствіямъ была очень близка къ бюрократическому и безправому самовластию стараго режима, которое и могло безпрепятственно продолжаться, только подъ другимъ названіемъ *исполнительной* ** власти, делегатовъ народа-самодержца. Эти делегаты или довѣренные народа должны были оставаться такими же, какъ и интенданты Людовика XVI, полномочными распорядителями въ дѣйствительныхъ ежедневныхъ дѣлахъ населеній. Они должны

* Представительство преслѣдуется всѣми исповѣдниками народнаго верховенства; они требуютъ на мѣсто его всенародныхъ собраній, обезпеченныхъ верховною властью.

** Это выраженіе *исполнительная* власть (вмѣсто административная), *pouvoir exécutif*, невѣрное и въ теоріи и въ практикѣ, создано французскою революціей и ея доктринами.

быть также неподсудны никакой иной власти кромѣ верховной воли народнаго большинства; но каждому простому смертному дойти до этого верховнаго народнаго собранія, не только центральнаго, но и областного, также далеко какъ и до короля. Коммиссары Конвента и Парижской коммуны были такими всемогущими владыками въ провинціи и на нихъ не было никакого суда кромѣ самого Конвента, или того скопища разбойниковъ чтѣ засѣдало въ Парижской ратушѣ, подъ обманнымъ титуломъ общинныхъ представителей. Дойти до Конвента или до этого скопища могли развѣ только самые безлокойные люди. Дойти лично до королевской власти противъ злоупотребленій чиновниковъ конечно легче чѣмъ до расправы въ этихъ народныхъ комиціяхъ, гдѣ настоящій диктаторъ могъ еще легче скрываться за кулисами чѣмъ въ бюрократическихъ канцеляріяхъ. О судебной и дѣйствительной отвѣтственности должностныхъ лицъ, какъ и вообще о какомъ-либо *правѣ* подвластныхъ въ отношеніи къ власти, не могло быть и рѣчи. Понятіе права столько же бездѣйственно въ системѣ управленія построенной на началѣ народнаго самодержавія, какъ и въ старомъ французскомъ режимѣ. Противъ противозаконныхъ дѣйствій власти и ея органовъ не предполагается въ пользу гражданъ никакихъ юридическихъ гарантій, и эта власть не связана даже закономъ, который не существуетъ для народной воли; никакихъ гарантій народу-государю (*le peuple souverain*) противъ самого себя не нужно, и *никакой законъ не можетъ стѣснять его воли*, — такъ буквально выражается самъ Ж. Руссо.

Какъ далека вся эта государственная теорія и вся эта революціонная ея практика отъ Англіи, гдѣ однако политическая свобода утвердилась наиболѣе прочнымъ образомъ! Никогда понятіе о народномъ верховенствѣ, которымъ такъ гордятся до сихъ поръ Французы всѣхъ партій, за исключеніемъ развѣ самыхъ крайнихъ легитимистовъ, не имѣло силы въ Великобританскомъ государствѣ, и верховная власть, какъ личная, всецѣло принадлежитъ въ немъ королю, и *de jure*, и *de facto*. Тѣмъ не менѣе самый ничтожный англійскій простолюдинъ, какъ недавно торжественно заявлялъ это вышшій

* Въ *Contrat social*. (Ср. Bluntschli *Geschichte des Allgemeinen Staatsrechts*, p. 305).

консервативный глава великобританскаго правительства, пользуется болѣе широкими и болѣе неприкосновенными правами чѣмъ самый знатный аристократъ въ континентальной Европѣ. Дѣло въ томъ что помимо права, помимо закона, по своей воли, никто не управляетъ въ Англіи. Во Франціи и до революціи и послѣ революціи всякій управлялъ по своей волѣ; какъ это происходить, не взирая на всѣ конституціи, мы достаточно объясняли прежде. О неприкосновенности закона и присвоенныхъ имъ каждому гражданину правъ всего менѣе думаютъ въ этой странѣ. Это явленіе, истекающее изъ всей административной исторіи Франціи, было какъ нельзя болѣе съ руки для практическихъ исполнителей революціонной философской доктрины XVIII столѣтія.

Наиболѣе проникнувшійся государственною системою Руссо законодатель революціи Сіесъ * какъ нельзя лучше успѣлъ согласовать ея начала, въ ихъ практическихъ послѣдствіяхъ, со старымъ административнымъ механизмомъ и со всѣми прерогативами его власти, которыя потомъ и остались въ своемъ существѣ нетронутыми. Еще лучше доказалъ легкость этого согласованія Наполеонъ I. Великій императоръ и теоретически (въ основныхъ началахъ всѣхъ своихъ учрежденій), и исторически прямо шелъ отъ Сіеса, котораго онъ признавалъ своимъ лучшимъ законодательнымъ совѣтникомъ. ** Оставаясь въ принципѣ вѣренъ теоріи народнаго верховенства, какъ государь поставленный на престолъ народною волею; осуществляя еще болѣе призракъ этого принципа въ устройствѣ централь-

---

* Авторъ деклараціи правъ (*droits de l'homme*), этого исповѣданія вѣры революціи. (Ср. Bluntschli, *Geschichte des Allgem. Staatsrechts*, pp. 321—328.)

** Несмотря на приверженность Сіеса къ основнымъ началамъ политической философіи Руссо, его здравый законодательный и политическій умъ заставлялъ его отказываться отъ многихъ чудовищныхъ логическихъ требованій этой философіи (напримѣръ онъ признавалъ необходимымъ народное представительство и ограниченіе народнаго верховенства законами, вопреки системѣ Руссо). Сверхъ того нравственная честность Сіеса (отчасти и благоразуміе) заставила его устранить себя и отъ ужасовъ революціи, и отъ деспотизма Наполеона. Едва ли императоръ не былъ болѣе вѣренъ, въ своемъ правленіи, системѣ Руссо, чѣмъ самъ законодатель революціи.

ныхъ и мѣстныхъ представительныхъ собраній, Наполеонъ I легко могъ сохранить за властью, перешедшею въ его руки, все внутреннее, самое практическое ея содержаніе, то-есть весь административный ея абсолютизмъ какой та же власть имѣла при неограниченной королевской монархіи. Кромвель, подобный же излюбленникъ народной массы, не могъ имѣть этой власти, ибо ее не откуда было ему взять; она въ этомъ видѣ совѣтъ не существовала въ англійскомъ государственномъ строѣ.

Бюрократическая централизація и самовластіе ея органовъ были усовершенствованы имперіей и доведены до такихъ крайнихъ предѣловъ какихъ они не знали даже при старомъ режимѣ, но общія начала этого управленія тѣ же самыя. Если представительныя учрежденія созданныя Наполеономъ I были только призракомъ представительства и нисколько не ограничивали его власти, даже въ законодательной дѣятельности, то и въ этомъ отношеніи было бы несправедливо обвинять во всемъ его личное властолюбіе, какъ бы велико оно ни было. Очень дерзко ворвался онъ съ своими гренадерами въ сонмъ народныхъ представителей (совѣтъ пятисотъ) и разогналъ ихъ 10го ноября 1799 года, со словами: „Je ne veux plus de factions“, * но этотъ дерзкій поступокъ и эти слова были только выраженіемъ общихъ желаній французскаго общества. Когда онъ черезъ нѣсколько дней заявилъ что хочетъ „чтобы не было ни якобинцевъ, ни умѣренныхъ, ни роялистовъ, а чтобы вездѣ были только Французы“, ** когда онъ въ послѣдствіи часто и откровенно говорилъ о своемъ отвращеніи ко всякимъ парламентскимъ преніямъ, то насколько все это было согласно съ его личными инстинктами, настолько же соответствовало дѣйствительнымъ потребностямъ окружающаго его общества. При внутреннемъ характерѣ всего государственнаго строя Франціи, при абсолютизмѣ административной власти, нисколько неизмѣненнымъ революціей, парламентское правленіе, какъ мы уже говорили, только усиливаетъ этотъ абсолютизмъ и дѣлаетъ его наименѣе выносимымъ для народа, отдавая весь народъ въ распоряженіе одной партіи. Самый деспоти-

* Я не хочу болѣе *кромольныхъ* партій.

** *Qu'il n'y ait plus de Jacobins, ni de modérés, ni des royalistes, mais partout des Français.*

ческой диктаторъ способенъ, въ этихъ условіяхъ административной власти, скорѣе смягчить ея суровость для общества строгимъ личнымъ надзоромъ, строгимъ выборомъ должностныхъ лицъ. И до и послѣ Наполеона I во Франціи царствовали префекты, но самые лучшіе и любимые народомъ префекты были при немъ. Если администрація неограничена въ существѣ своей власти и неподсудна, то своеволие ея органовъ только и можетъ быть сдержано крѣпкою рукой ея личнаго главы, который несетъ нелегкую отвѣтственность предъ исторіей, а безличное парламентское большинство не страшится даже и этого суда, какъ это отлично доказываетъ нынѣшнее національное собраніе во Франціи. Въ этихъ условіяхъ государственнаго управленія, борьба парламентскихъ партій только разстраиваетъ страну своимъ никому ненужнымъ шумомъ и только пугаетъ ее смѣною однихъ мѣстныхъ воеводъ другими, столь же пристрастными. Мы это и видимъ теперь во Франціи: созваніе національнаго собранія послѣ ваканцій устрашаетъ все общество, кромѣ немногихъ политиковъ. Если законъ и государственныя учрежденія не подчиняются администраціи, въ ея повседневныхъ отношеніяхъ къ обществу, безпристрастной нормѣ права, то это безпристрастіе ожидается по необходимости отъ диктаторской власти, которая бы не находилась въ распоряженіи партій. Въ этой борьбѣ за захватъ неограниченной административной власти, всѣ политическія партіи получаютъ характеръ *королевскій*, какъ выражался Наполеонъ.

Запоздавшие поклонники догмата народнаго самодержавія могутъ замѣтить намъ что французской революціи не удалось послѣдовательно воплотить этотъ догматъ въ государственномъ строѣ Франціи и что имперія, ложно прикрываясь имъ, скорѣе его подмѣняла, чѣмъ ему слѣдовала. Мы всего менѣе думаемъ это ослабивать, предоставляя другимъ вѣрить въ возможность всецѣлаго практическаго осуществленія этого ученія въ какомъ бы то ни было обществѣ. Исторія, какъ единственный опытъ для политическихъ теорій, есть самый достовѣрный способъ оцѣнки ихъ практическихъ достоинствъ. Есть до сихъ поръ люди наивно вѣрующіе что несостоятельность французской революціи (собственно Конвента и террора) произошла только потому что не были до конца доведены всѣ ея разрушенія и созиданія, что еслибъ она не была остановлена рукою Наполеона,

то непременно водворила бы царство небесное на землѣ, что также точно г. Тьеръ помѣшалъ это сдѣлать коммуны, и т. д. Въ такія разсужденія, не признающія никакого смысла въ исторіи, потеряли всякое значеніе предъ судомъ современной науки, хотя и повторяются непросвѣщенными фанатиками революціи. Несостоятельность всякой утопической политической доктрины въ томъ именно и заключается что она не принимаетъ въ расчетъ исторически сложившагося общества, и когда встрѣчаетъ на своемъ пути его историческую реальность, объ нее разбивается, но винить не себя, а историческія обстоятельства, въ которыхъ только обнаружилась сама эта реальность, чловѣкъ каковъ онъ дѣйствительно есть и сдѣланъ исторіей.

Но опровергать революціонныя мечты и чаянія здѣсь нѣтъ никакой надобности. Мы хотѣли только заявить фактъ что единственное новое государственное начало (народное верховенство) внесенное революціей въ старый государственный строй Франціи не измѣнило его въ дѣйствительности, что вліяніе этого начала ничтожно, сравнительно съ могуществомъ многовѣковыхъ историческихъ началъ, проникающихъ собою весь этотъ строй и нами изложенныхъ, что главное практическое дѣйствіе новаго революціоннаго начала заключалось именно въ чрезвычайномъ усиленіи дѣйствія этихъ старыхъ началъ и что въ нихъ гораздо болѣе чѣмъ въ переломахъ произведенныхъ въ государствѣ великой революціей кроется коренной хроническій недугъ Французскаго государства. Въ государственномъ управленіи Франціи, обусловленномъ всѣми особенностями ея исторіи и нѣсколько не измѣненнымъ революціей, кроется, какъ мы объясняли, причина благодаря которой такъ естественны всякіе насильственные перевороты, и всякое новое движеніе въ обществѣ, приводящее въ другихъ странахъ къ реформамъ, разрѣшается революціоннымъ взрывомъ. Мѣнялись требованія общества, идеи, содержаніе жизни, но революціонные конфликты общества и государства были тѣ же въ XIV столѣтіи какъ и въ XVIII и XIX. Многовѣковое движеніе къ упраздненію феодальной (сословной) организаціи общества, закончившееся взрывомъ 1789 года, было упущено совсѣмъ изъ виду французскою монархіей XVIII столѣтія, вопреки всѣмъ ея историческимъ традиціямъ. Главная заслуга французской монархіи и ея лучшихъ представителей, придавая-

шла ей крѣпость, вопреки всяческимъ ударамъ, заключалась въ борьбѣ съ феодальными привилегіями, въ гражданскомъ уравниніи подданныхъ. Чрезвычайною энергіей этой специфической дѣятельности она подавляла всякія домогательства къ политической свободѣ, вознаграждала общество за его отсутствіе и побуждала всѣхъ строптивыхъ представителей этихъ домогательствъ, поземельную аристократію, общину и всякія самостоятельныя и представительныя корпораціи. Выродившіеся въ XVIII столѣтіи лотомки этой великой въ свое время династіи выпустили изъ своихъ рукъ это многовѣковое движеніе Французскаго государства. Остатки феодальныхъ привилегій были сломаны революціей; въ этомъ окончательномъ уравниніи обществъ на почвѣ права заключалось ея главное дѣло, но и въ немъ ей принадлежитъ только ломка. Оно было организовано и собственно создано только законодательствомъ Первой Имперіи. Новое гражданское право со всѣми своими гарантіями, безусловная равноправность и личная гражданская свобода всѣхъ членовъ французскаго общества и затѣмъ охрана этого новаго частнаго права самостоятельною судебною властью (несмѣлимость судей) положены въ основаніе кодексовъ Наполеона I, которые останутся самымъ великимъ его историческимъ подвигомъ и которыми онъ разрѣшилъ единственную опредѣленную государственную задачу революціи 1789 года. * Это была настоящая историческая задача революціи. А вопросъ о политической свободѣ былъ всего менѣе ею поставленъ; если онъ и занималъ собою умы наиболѣе просвѣщенныхъ членовъ генеральныхъ штатовъ (Мирабо, а позже талантливѣйшій изъ жирондистовъ), то большинству онъ былъ чуждъ. Вопросъ французской революціи не есть вопросъ о свободѣ: это давно слѣдовало бы понять.

Вся область частнаго права (преимущественно гражданского), со всею законодательною и судебною своею организаціей, составляетъ дониндѣ самую крѣпкую и самую блестящую сторону Французскаго государства. Эта область здѣсь такъ превосходно выработалась что Франціи могутъ позавидовать всѣ безъ изыятія европейскія націи, даже Великобританская. Въ сферѣ французскаго частнаго права встрѣчаемъ именно тѣ гарантіи законности и права, отсутствіе

* Cp. L. Stein *Geschichte der sozialen Bewegung*, 18, I, p. 257—267.

которыхъ есть самая характеристическая черта Французской націи въ области публичнаго права (или государственнаго въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова). Вся эта область въ своемъ внутреннемъ существѣ, въ основныхъ началахъ государственнаго управленія и административной власти, во всѣхъ ихъ отношеніяхъ къ обществу и лицу, осталась и послѣ революціи и глубокихъ реформъ ея великаго организатора въ томъ же самомъ положеніи въ какомъ она была при старомъ режимѣ. Но Наполеонъ I не могъ найти въ революціонномъ движеніи никакихъ положительныхъ началъ для преобразованій въ этой области кромѣ смутнаго принципа народнаго верховенства. Онъ охотно удовлетворилъ этому принципу, въ самомъ коренномъ его требованіи, торжественно признавъ народную волю основаніемъ своей власти, тѣмъ болѣе что это нисколько не воспрепятствовало ему столь же торжественно искать помазанія главы римско-католической церкви. Иные рьяные лоборники Французской имперіи, а также нѣкоторые французскіе мыслители, * высказывали убѣжденіе что Французская нація по самой своей натурѣ способна только къ гражданской, а не къ политической свободѣ, другими словами, къ *равенству*, а не къ *свободѣ*. Дѣйствительно французская демократія, развившая свои теоріи исключительно на почвѣ догмата народнаго верховенства, не хуже Римской республики уживается съ цесаризмомъ: она это доказала не только исторически, но даже и въ самыхъ своихъ умозрѣніяхъ. Въ своихъ крайнихъ и впрочемъ послѣдовательныхъ требованіяхъ, французская демократія осуждаетъ начало народнаго представительства и относится къ нему не только съ пренебреженіемъ, но съ ожесточеніемъ, противопоставляя ему, весьма логически съ своей точки зрѣнія, свои мѣстныя, самодержавныя народныя комитѣи, или народныя громады, въ лицѣ которыхъ только дѣйствительно и можетъ весь народъ проявить или упражнять свою верховную волю (по французскому техническому выраженію *exercer sa volonté souveraine*). Въ видѣ какъ бы невольной уступки господствующему въ высшихъ образованныхъ классахъ предубѣжденію въ пользу представительства, — такъ-сказать по нуждѣ, — французская

* Знаменитый французскій философъ Кузенъ, во время Второй Имперіи.

демократія посылаетъ своихъ представителей, но не иначе какъ съ *mandat impératif*, то-есть съ прямыми обязательными для нихъ полномочіями отъ избирателей. Эти полномочія и практически и теоретически противны самому понятию о государственномъ народномъ представительствѣ и совсѣмъ его подкалываютъ, какъ мы это и видимъ во Франціи.

Въ этомъ равнодушіи отчасти даже враждебности современной демократіи къ народному представительству, кроется инстинктивное сознаніе чего-то болѣзненного, неладного, въ представительствѣ, когда оно является въ формѣ французскаго парламентаризма. Оно кажется практическимъ народнымъ массамъ, въ лучшемъ случаѣ, учрежденіемъ бесплоднымъ для удовлетворенія ихъ насущныхъ потребностей, а въ худшемъ случаѣ, оно кажется имъ даже механизмомъ который нарочно придуманъ для служенія своекорыстнымъ интересамъ высшихъ владѣльческихъ классовъ, для олигархическаго захвата государственной власти съ цѣлью доставленія высшимъ классамъ власти надъ низшими. И таково отчасти дѣйствительно всякое центральное представительное собраніе не связанное со страной сверху до низу неразрывными узами мѣстнаго самоуправленія, и занимающееся словопреніями и личными счетами партій. Французскія представительныя собранія всего менѣе содѣйствовали практическому улучшенію законодательства, администраціи и быта страны. Всѣ самыя значительныя, и въ наше время столь важныя, промышленныя реформы были произведены во Франціи, при Второй Имперіи, посреди безмолвія парламентской трибуны. Нельзя поэтому удивляться что демократизированныя рабочія массы, не имѣя во Франціи, включительно съ своими вожаками, никакого сознанія условій свободнаго правовѣрнаго государства, бросаются въ объятія цесаризма, который по крайней мѣрѣ обѣщаетъ имъ, съ болѣе обезпеченнымъ положеніемъ промышленности и съ публичными работами, болѣе продолжительный и вѣрный заработокъ. Онѣ и колеблются въ своихъ смутныхъ представленіяхъ между двумя полюсами, имперіей, дающей имъ *rapet et circenses*, и коммуной, этимъ собственнымъ желаннымъ царствомъ, изъ котораго ихъ изгоняютъ войска и имперіи и республики. О коммуналистскихъ чаяніяхъ рабочаго класса мы будемъ говорить въ свое время, когда займемся рабочимъ вопросомъ, а теперь возвращаемся къ предмету насъ занимающему.

Политическія ученія воодушевлявшія вождей и ораторовъ французской революціи и вся такъ-называемая революціонная философія предшествовавшая 1789 году были, хотя и въ нѣсколько иныхъ формахъ, распространены всюду въ то время въ Европѣ. Въ Германіи государственная философія Канта и въ особенности Фихте имѣла въ своей основѣ тѣ же самые принципы какъ и политическія системы Руссо и Сіеса, и въ томъ числѣ народное верховенство. * Эти два германскихъ философа пользовались громаднымъ вліяніемъ на современниковъ; ихъ практическіе политическіе выводы, если и не столь рѣзкіе и рѣшительные относительно окружающаго ихъ государственнаго порядка, тѣмъ не менѣе заключали въ себѣ положительное его осужденіе и подрывали его нравственныя основы. Если ученія Канта и Фихте не были столь доступны для публики какъ сочиненія Руссо, зато они проповѣдывались съ университетской кафедры, глубоко проникали въ умы молодого поколѣнія, переходившаго съ университетской скамьи къ практической дѣятельности по всѣмъ ея отраслямъ. Хотя и Кантъ и въ особенности Фихте ** имѣли нѣкоторыя столкновенія съ властями, но они преподавали свои ученія съ тою свободою какою издавна пользуется университетская наука въ Германіи, и съ несравненно большею свободой чѣмъ въ то же время обращались тѣ же политическія ученія во Франціи. А университеты всегда владычествовали въ умственной жизни Германіи, тогда еще больше чѣмъ теперь. Конечно политическія умозрѣнія, оглашавшія университетскія стѣны, держались на извѣстномъ почтительномъ разстояніи отъ преобладающей государственной власти и не позволяли себѣ слишкомъ наступательныхъ на нее дѣйствій; требованія чистаго разума, какъ бы они ни были радикальны сами по себѣ, всегда строго

---

* См. Bluntschli, *Geschichte des allgemeinen Staatsrechtes*, pp. 328—386 (Immanuel Kant, I. Gottlieb Fichte).

** Фихте, съ горячимъ сочувствіемъ относившійся къ первымъ движеніямъ французской революціи, печально защищавшій ее и откровенно признавшій себя демократомъ, долженъ былъ удалиться изъ Іенскаго университета въ Берлинъ, гдѣ король Фридрихъ Вильгельмъ II принялъ его подъ свое личное покровительство (см. тамъ же p. 366).

различались съ требованіями практической политики. „Изъ всѣхъ цивилизованныхъ націй, говорилъ Кантъ, Нѣмецъ всего легче подчиняется правительству подъ которымъ онъ живетъ, и всего болѣе далекъ отъ страсти къ новаторству и отъ сопротивленія существующему порядку“.

Событія нынѣшняго вѣка (и именно 1848—49 годовъ) въ Германіи доказали что едва ли можно упомянутую черту считать за непреложное національное свойство Германца. Давно впрочемъ пора перестать считать національными свойства народа за нѣчто неизмѣнное и не зависящее отъ разнообразныхъ историческихъ условій посреди которыхъ онъ живетъ и отъ того или другаго государственнаго порядка, который даетъ такое рѣшительное направленіе чувствамъ и мыслямъ каждой націи. А этотъ порядокъ, если и слагается отчасти подъ вліяніемъ особенныхъ національных свойствъ народа, то едва ли не еще въ большей степени слагается подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ и дѣйствующихъ въ нихъ личностей. Также точно давно пора перестать считать тѣ или другія политическія *идеи*, т.-е. теоріи вращающіяся въ высшихъ слояхъ общества, разрозненными съ дѣйствительнымъ государственнымъ порядкомъ господствующимъ въ странѣ, и считать ихъ вредными или опасными независимо отъ этого порядка, не взирая на тѣ или другія его свойства. Развѣ не знаменателенъ фактъ что тѣ же самыя политическія ученія получали, подъ вліяніемъ различнаго государственнаго порядка, совсѣмъ различное направленіе во Франціи и въ Англіи, и что тѣ же самыя идеи являвшіяся пагубными и разрушительными въ одномъ государствѣ были совсѣмъ безвредны въ другомъ. Мы уже говорили каковы самыя крайніе республиканцы въ Великобританіи. Всѣ эти различные элементы народной жизни, — національный характеръ общества, идеи волнующія образованныя его сферы, экономическіе интересы, занимающіе собою всѣ его классы, и наконецъ характеръ самого государственнаго строя или паряда, находятся въ тѣсномъ между собою взаимодействіи, но *только во взаимодействіи*. Ни одинъ изъ этихъ элементовъ самъ по себѣ, независимо отъ другихъ, не опредѣляетъ историческихъ судебъ народа. Отъ непризнанія этой самой простой истины и происходитъ между прочимъ это не прекращающееся двухстороннее заблужденіе: то во всемъ виноваты общество, народъ, противъ государства и правитель-

ства, то наоборотъ, во всемъ виноваты государство и правительство предъ народомъ.

Та же самая политическая философія радикальная въ своихъ принципахъ, то же самое естественное право съ его презрительнымъ отношеніемъ ко всякому положительному и историческому праву, та же теорія государства основанная на воображаемомъ договорѣ (народа съ государственною властью) и прямо истекающее изъ нея ученіе о верховенствѣ народной воли и верховномъ правѣ ея на низверженіе государственной власти, тѣ же теоріи и тѣ же ученія въ XVIII столѣтіи одинаково господствовали въ Германіи какъ и во Франціи. Но въ Германіи всѣ эти доктрины и ихъ адепты становятся въ примирительныя отношенія къ историческому государству, требуютъ реформы, а не революціи, тогда какъ во Франціи тѣ же самыя доктрины служатъ въ рукахъ демагоговъ оружіемъ для разрушенія государственнаго порядка. Нельзя же не видѣть причины такого различнаго дѣйствія тѣхъ же ученій въ общемъ государственномъ строѣ германскаго общества, существенно отличномъ отъ строя французскаго. Сколько ни было первоначальнаго историческаго сродства между Германіей и Франціей, и сколько ни было также въ послѣдствіи напущено въ германскую правительственную сферу и бюрократію французскихъ понятій, все-таки государственная жизнь въ той и другой странѣ текла различными направленіями и государственный порядокъ имѣлъ далеко не одинаковыя основанія въ Германіи и во Франціи. Великія реформы совершившіяся въ первой четверти нынѣшняго столѣтія въ Германіи, и преимущественно въ Пруссіи, произошли нисколько не въ духѣ Французскаго государства и французской революціи, хотя онѣ и совершились отчасти подъ ея ударами.

Еще одно историческое явленіе можетъ подтвердить нашу мысль что вліяніе политическихъ теорій на движеніе практической политической жизни вообще слишкомъ преувеличивается и что напротивъ вліяніе жизни на теоріи гораздо сильнѣе, чѣмъ это вообще думаютъ. Политическая философія и наука именно въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія отрѣшились и отъ догматическаго радикализма вообще и отъ ученія о договорномъ государствѣ; со всѣхъ кафедръ самыми знаменитыми представителями государственныхъ знаній въ Германіи преподавались самыя консервативныя историче-

скія начала государственнаго права. Между тѣмъ, въ это самое время, и въ Германіи и во всей Европѣ готовились революціонныя движенія; общество становилось въ болѣе и болѣе враждебныя отношенія къ государству, и надъ Европой пронеслась буря 1848—49 годовъ. Какъ она ни была скоротечна, она однако глубоко потрясла всѣ престолы и всѣ власти. Эта буря собиралась въ теченіе всего періода великой реакціи 1815—1848 годовъ, когда законодательство всей Европы, кромѣ Англіи, оцѣпенѣло въ своей неподвижности, когда бюрократическій и административный абсолютизмъ Франціи сдѣлался всюду господствующимъ, и когда правительства стали отказываться даже отъ тѣхъ государственныхъ началъ которыми сами провозглашали въ началѣ вѣка. Самымъ разительнымъ примѣромъ всему этому служить Пруссія. Какъ радикальныя теоріи ученыхъ и философовъ конца XVIII столѣтія были не въ силахъ потрясти въ Пруссіи государственный порядокъ, также точно умѣренныя и охранительныя ученія послѣдующаго поколѣнія были не въ силахъ предотвратить перевороты 48—49 годовъ. Гегель, котораго называли философомъ крайней прусской бюрократической ортодоксіи, всесильно властвовалъ надъ умами до этой эпохи, и однакоже на берлинскихъ улицахъ произошли революціонныя оргіи не лучше парижскихъ. Какимъ бы нравственнымъ могуществомъ ни обладали ученія науки въ исторической жизни народовъ, но ихъ вліяніе проявляется очень не быстро, преимущественно посредственнымъ образомъ, черезъ законодателей и правителей, черезъ посредство понятій которыя они вносятъ въ свою дѣятельность и которыя восприняты ими на почвѣ науки и въ школахъ. Это вліяніе научныхъ идей вмѣстѣ съ тѣмъ находится въ тѣсной зависимости отъ того дѣйствительнаго государственнаго строя въ которомъ живутъ и дѣйствуютъ законодатели и правители. Такъ послѣ 1849 года возникла во всей Европѣ передѣлка въ государственномъ устройствѣ и управленіи, въ духѣ преимущественно Великобританскаго государства, а не Французскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ революціонныя элементы стали всюду болѣе и болѣе ослабѣвать. Это сочувствіе къ великобританскому государственному строю, усилившееся въ правительственныхъ сферахъ и значительно подвигнувшее ихъ къ преобразовательной дѣятельности, было плодомъ движенія науки посреди котораго воспиталось новое поколѣніе государственныхъ людей (въ особенности въ Германіи).

Замѣчательно что нѣтъ страны гдѣ ученіе о народномъ верховенствѣ было бы менѣе распространено чѣмъ въ Англіи, да же въ XVIII столѣтіи, когда оно было господствующимъ на континентѣ. Нынѣ это ученіе, держащееся въ государственномъ правѣ Франціи какъ его основное начало, въ большомъ ходу среди германской соціальной демократіи, которая если и безсильна пока произвести серіозныя политическія замѣшательства, однако располагаетъ огромною арміей въ рабочихъ массахъ, всегда готовою воспользоваться всякимъ случаемъ для смуты. Но несмотря на сочувственныя связи между рабочими классами Германіи, Франціи и Англіи, несмотря на многія общія въ средѣ ихъ всѣхъ стремленія и на нѣкоторые общіе органы дѣйствія, въ понятіяхъ англійскаго рабочаго класса нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ вѣрованія въ догматъ народного верховенства. Даже въ политическихъ кругахъ Англіи настроенныхъ къ республиканскому образу мыслей нѣтъ и рѣчи объ этомъ догматѣ, признаваемомъ во Франціи не только республиканцами, но и конституционными монархистами за фундаментъ государственнаго зданія.

Принято думать что этотъ злосчастный догматъ унаследованъ Франціей отъ XVIII вѣка, отъ ея философіи и революціи, и что онъ до сихъ поръ остается главною причиною всего ея революціоннаго недуга. Однако необходимо значительно ограничить дѣйствіе этой причины. Этотъ догматъ дѣйствительно самый анархическій и тѣтворный, но было бы странно думать что всѣ тѣ шайки мятежниковъ, толпы городскихъ рабочихъ, которые всегда готовы по первому кличу выскочить изъ своихъ подпольй и мастерскихъ и идти на баррикады во Франціи, чтобы всѣ они сознательно исповѣдывали этотъ догматъ о народномъ верховенствѣ и о верховномъ правѣ народа-государя по своему произволу разрушать и созидать государственный порядокъ. Если даже эти мятежныя и невѣжественныя толпы непрерывно, по рутинѣ, восклицаютъ о своемъ священномъ правѣ инсurreкціи, то эти клики имѣютъ никакъ не болѣе смысла чѣмъ восторженное въ этомъ же случаѣ пѣніе *Марсельезы*, авторъ которой, какъ извѣстно, всего меньше думалъ о революціонномъ возстаніи, сочиняя свою пѣсню. И не только эти во всякое время организованныя во Франціи войска революціи, но даже и ихъ болѣе образованные предводи-

тели не отдають себѣ сознательнаго отчета въ теоріи народнаго верховенства которую боготворять французскіе радикалы, съ одинаковымъ жаромъ вооружающіеся противъ выборныхъ властей и противъ народныхъ представителей, какъ и противъ королевскихъ, императорскихъ и всякихъ бюрократическихъ властей. Въ настоящую минуту всѣ крайніе французскіе республиканцы сопротивляются плебисциту о формѣ правленія, хотя этотъ плебисцитъ былъ бы самымъ послѣдовательнымъ приложеніемъ ученія о верховной народной волѣ; чѣмъ же лучше она могла бы, казалось, заявить себя, какъ не постановленіемъ своего безапелляціоннаго рѣшенія относительно желаемой ею формы правленія? Однако предложить этотъ вопросъ народу согласны только имперіалисты, а всѣ отъявленные республиканцы безусловно отвергають этотъ способъ разрѣшенія нескончаемаго вопроса о формѣ правленія. Правда, французскіе республиканцы, чистые, то-есть желающіе республики по внутреннему убѣжденію, а не вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ и не вслѣдствіе одной только невозможности устроить монархію (какъ Тьеръ и его приверженцы въ лѣвомъ центрѣ національнаго собранія), всегда проповѣдывали что республика выше чьей бы то ни было воли, что она не подлежитъ обсужденію, также точно какъ крайніе легитимисты признають въ всякихъ преній монархію. Такимъ образомъ республика, которая, съ другой стороны, ея же исповѣдниками защищается какъ форма правленія наиболѣе соотвѣтствующая принципу народнаго верховенства, вступаетъ въ смертельную борьбу съ этимъ же принципомъ, при самомъ, казалось бы, простомъ практическомъ его примѣненіи.

Но возможно ли примирить неразрѣшимыя внутреннія противорѣчія ученія о народномъ верховенствѣ, когда оно, какъ мы уже достаточно говорили выше, не только въ каждомъ практическомъ своемъ примѣненіи, но во всемъ своемъ существѣ распадается на понятія одно другому противорѣчащія. Здѣсь мы хотѣли только показать что поклонники этого ученія во Франціи сами отъ него отказываются, ломая по своему произволу чтимую ими народную волю и не признавая себя повинными предъ самыми законными ея приговорами. Поэтому нельзя говорить о принципѣ народнаго верховенства, положенномъ въ основаніе французскаго государственнаго строя великою революціей, а также

и о самой этой революціи, ничего кромѣ этого принципа въ государственномъ отношеніи не создавшей, какъ о первой причинѣ всѣхъ дальнѣйшихъ потрясеній въ этомъ строѣ.

Самое значительное и самое вредное послѣдствіе политической доктрины народнаго верховенства, зная которой было дѣйствительно впервые водружено на практической государственной почвѣ революціей и съ тѣхъ поръ подымается во всякомъ французскомъ переворотѣ, есть то вліяніе которое съ тѣхъ поръ эта доктрина возымѣла на политическіе умы и правящіе классы во Франціи. Нѣсколько поколѣній государственныхъ людей Франціи, въ теченіе всего нынѣшняго столѣтія, были теоретически воспитаны исключительно по понятіямъ этой доктрины. Она сдѣлалась непрекаемымъ догматомъ для всѣхъ политическихъ партій, кромѣ легитимистской, и уже это одно препятствовало усвоенію во Франціи государственныхъ понятій выработанныхъ наукою новаго времени. Съ помощью этихъ понятій производились глубокія реформы въ государственномъ управленіи всѣхъ другихъ странъ. Единственныя руководящія государственныя идеи каждой французской партіи заключались въ томъ или другомъ пониманіи и толкованіи принципа народнаго верховенства, въ которомъ собственно и заключался весь *политическій* (не *соціальный*) * результатъ такъ-называемыхъ великихъ принциповъ 1789 года, *grands principes de la révolution*, отъ которыхъ, какъ извѣстно, не дерзаетъ отказываться ни одна партія, кромѣ легитимистской. Этимъ было обусловлено то обстоятельство что каждая партія заботилась исключительно объ устройствѣ верховной государственной власти, о сооруженіи того или другаго искусственно придуманнаго механизма высшихъ властей (*les grands pouvoirs publics*), для примиренія принципа народнаго верховенства съ практическими потребностями государственнаго управленія и общественнаго порядка. Казалось что эту, въ сущности неразрѣшимую задачу, всего успѣшнѣе могла разрѣшить партія такъ - называемой конституціонной монархіи, заключавшая въ себѣ въ теченіе всего нынѣшняго вѣка самыхъ просвѣщенныхъ и уважаемыхъ

---

* Не должно терять изъ виду что мы постоянно говоримъ только объ одной политической (государственной) сторонѣ революціи, отличая ее отъ *соціальной*.

политическихъ людей Франціи (центры теперешняго національнаго собранія) и имѣющая своимъ родоначальникомъ Бенжамена Констанъ;* но это могло казаться лишь при поверхностномъ взглядѣ и на политическую программу этой партіи и на дѣйствительныя государственныя нужды нашего времени.

Въ теченіе нынѣшняго столѣтія, эта партія имѣла въ своихъ рукахъ власть нѣсколько разъ: при законной монархіи (реставраціи), июльской монархіи, при Второй Имперіи, послѣ реформы 1868 года, и при нынѣшней республикѣ, въ правленіе г. Тьера. Въ каждую изъ этихъ эпохъ дѣйствовали во французскомъ правительствѣ люди съ различными отъѣнками убѣжденій и характеровъ, но все принадлежавшіе по общему направленію своимъ государственнымъ воззрѣніямъ къ одной и той же категоріи политическихъ людей, которые были прозваны въ 30хъ годахъ *доктринерами*, и которыхъ болѣею частью принято называть *парламентаристами*. Они приверженцы французскаго парламентаризма, парламентарскаго правленія въ самомъ узкомъ смыслѣ этого слова. Мы уже достаточно говорили о французскомъ парламентаризмѣ, основанномъ на подражаніи наружнымъ формамъ великобританской конституціонной жизни, безъ усвоенія внутренняго ея духа. Здѣсь нѣтъ намъ болѣе надобности распространяться объ этомъ предметѣ. Мы уже указали на главныя причины несостоятельности французскаго парламентарскаго правленія, которое не имѣетъ ничего общаго съ великобританскимъ и въ которомъ съ представительными формами законодательной власти, по воображаемому англійскому образцу, соединяется *абсолютизмъ административной власти*, нынѣ немыслимый въ великобританскомъ государственномъ управленіи. При отрицаніи всякой *правомѣрности*, всякаго дѣйствительнаго конституціонализма въ государственномъ управленіи, всякихъ гарантій противъ его самовластиа, были тщетны всякія попытки конституціонныхъ гарантій въ государственномъ устройствѣ.

Мы не можемъ не возвращаться непрерывно къ этому самому больному мѣсту во французскомъ государственномъ организмѣ; мы уже достаточно подробно его описали въ пре-

* Срав. Bluntschli, *Geschichte des allg. Staatsrechts*, pp. 515—540 (*Die constitutionelle Staatslehre und das Vernunftrecht*).

дыдущихъ главахъ чтобы для читателей была ясна сущность того историческаго недуга который главнѣйше производилъ все революціонныя смуты во Франціи. Революція измѣнила *гражданинскій строй* общества и, хотя насильственно, вырѣзала самый болѣзненный феодальный въ немъ вередъ, сословную организацію и сословное неравенство, но основной недугъ въ *государственномъ* строѣ Франціи, бюрократическую централизацію и не ограниченный никакими судебными и правомѣрными гарантіями произволъ административной власти, она не только не поправила, но даже усилила, и именно усилила догматомъ народнаго верховенства. Этотъ догматъ, несостоятельный въ теоріи, приводящій къ анархіи въ своемъ практическомъ примѣненіи, можетъ въ лучшемъ случаѣ оставаться въ государственномъ правѣ безъ его ниспроверженія, лишь посредствомъ разныхъ конституціонныхъ фикцій, только прикрывающихъ собою обманъ. Такимъ образомъ въ силу французскаго парламентаризма подлѣ монарха, главы исполнительной власти, неограниченнаго въ своемъ административномъ произволѣ, какъ верховнаго начальника неограниченныхъ въ своемъ бюрократическомъ самовластіи административныхъ учреждений, становится народное представительство, яко бы выражающее верховную волю народа, также ничѣмъ не ограниченую, не только относительно законодательной дѣятельности, но и даже административной. Отсюда возникаетъ или смертельная борьба между двумя владыками, оканчивающаяся низверженіемъ одного въ силу верховной власти другого, или устанавливается такъ-называемое во Франціи парламентское правленіе, — идеаль французскихъ конституціоналистовъ и либеральныхъ бюрократовъ, — т.-е. самовластіе большинства народнаго представительства, несколько не уменьшающее неограниченнаго деспотизма административной власти, а только усиливающее все его практическія невыгоды исключительнымъ политическимъ духомъ, который тогда примѣшивается ко всякому административному распоряженію. Сверхъ того, къ жизни мѣстныхъ народонаселеній, во всякомъ случаѣ закабаленной во власть префектовъ и подпрефектовъ, примѣшиваются парламентскія бури, пугающія воображеніе мирныхъ обывателей возможностью революціи, ничего не прибавляя

къ ихъ благосостоянію. На дняхъ одинъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ и здравомыслящихъ политическихъ людей Франціи, г. Лабуле, сказалъ мѣткое слово посреди преній національнаго собранія о формѣ правленія: „Nous donnons le spectacle d'un peuple tranquille avec des législateurs agités“. Масса мирныхъ обывателей, составляющая почти весь Французскій народъ, не любитъ этого парламентскаго правленія, которое держится всегда въ искусственномъ эквилибрѣ, ежеминутно готовомъ покачнуться. Эта масса гораздо болѣе любитъ диктатуру. Мы уже объяснили почему эти внутренніе инстинкты практической массы во Франціи, какъ и всюду чуждой политикѣ, не такъ нелѣпы какъ это кажется французскимъ конституціоналистамъ, живущимъ въ искусственной, тепличной атмосферѣ политическихъ кружковъ. Французскій конституціонализмъ ни въ управленіи, ни въ движеніи законодательства, не даетъ тѣхъ удовольреній практическимъ потребностямъ народа, какія способны дать только здоровый конституціонализмъ: французское парламентское правленіе не спасаетъ мѣстныхъ народонаселеній отъ административнаго бюрократическаго произвола, который лежитъ въ самыхъ нѣдрахъ французскаго государственнаго строя, и оно не произвело и не производитъ тѣхъ глубокихъ законодательныхъ реформъ которыя необходимы для искорененія этого порока. Для этого послѣдняго дѣла парламентскій режимъ оказался немощнымъ, потому что онъ былъ занятъ исключительно борьбою каждой партіи за охрану своего *устройства верховной власти* противъ устройства ея предлагаемаго другими партіями. Такова до сихъ поръ картина политической жизни Франціи, и тутъ мы касаемся еще одного особаго вопроса, почти еще не тронутаго нами, спора о формѣ правленія. Этотъ споръ другое печальное и тяжкое наслѣдіе революціи.

Перерывъ въ историческомъ развитіи формы правленія есть, безъ сомнѣнія, величайшее зло революціи XVIII столѣтія, самымъ специфическимъ образомъ принадлежащее этой катастрофѣ. Въ сравненіи съ нимъ начало народнаго верховенства, какъ начало практически почти не дѣйствующее, гораздо меньшее зло, и наихудшія послѣдствія его обнаружались именно вслѣдствіе утраты Франціей съ конца XVIII столѣтія всякой исторической законной формы правленія. При этомъ фактѣ, начало народнаго верховенства, съ помощью ко-

торого силятся теоретически возсоздать форму правленія, сдѣлалось особенно ядовито. Форма правленія образуется только исторически, и не творится теоріей. Нѣтъ сомнѣнія что споръ объ основныхъ началахъ образа правленія, вслѣдствіе насильственнаго разрушенія его законной исторической формы, не прерывавшейся въ теченіе десяти вѣковъ, достаточно самъ по себѣ чтобы произвести и поддерживать революціонное состояніе въ государствѣ. Въ иные моменты, какъ именно въ настоящій, можетъ даже казаться что въ этомъ спорѣ единственная причина этого состоянія и что съ тѣмъ или другимъ его разрѣшеніемъ должны совѣмъ кончиться революціонныя потрясенія во Франціи. Такъ говорятъ предводители всѣхъ парламентскихъ партій, и едва ли даже не всѣ они искренне и большею частию патріотически убѣждены что это дѣйствительно такъ; что установивъ *окончательно* (?) форму правленія желаемую каждымъ изъ нихъ, республику, монархію конституціонную, договорную, или монархію легитимистскую, по божественному праву, Франція покончитъ съ революціями.

Политическихъ людей скептически относящихся въ этой странѣ ко всякой формѣ правленія не много, а въ средѣ дѣйствующихъ партій ихъ почти совсѣмъ нѣтъ. Только политическіе мыслители-теоретики, находящіеся не у дѣлъ, могутъ позволить себѣ такой скептицизмъ; примѣромъ этому можетъ служить Э. Ренанъ, который едва ли не главнѣйше вслѣдствіе своего нежеланія безусловно примкнуть ни къ одной изъ партій, спорящихъ объ образѣ правленія, утратилъ въ политическихъ кругахъ громкую популярность, которую онъ такъ еще недавно пользовался.

Необычайная страстность съ которою всѣ французскія партіи предаются вопросу о формѣ правленія, исключительно предъ всякими другими государственными дѣлами, не объясняется одною историческою необходимостью поставившею этотъ вопросъ. И въ другихъ государствахъ бывали революціонныя и насильственныя разрушенія формы правленія и перерывы въ историческомъ законномъ развитіи верховной власти, но они вездѣ случались какъ исключительные историческіе случаи, продолжались временно, и въ историческомъ строеніи государства вездѣ отыскивались элементы къ возобновленію и закрѣпленію мгновенно порванной исторической нити. Во Франціи, эти перерывы сдѣлались хроническими

съ злочи революціи; съ тѣхъ поръ въ теченіе почти цѣлаго вѣка, здѣсь не было ни одного образа правленія который бы можно было признать законнымъ, на основаніи началъ государственнаго права, съ того времени дѣйствующаго. Въ этомъ, какъ намъ кажется, виновно болѣе всего главное изъ этихъ началъ—народное верховенство, которое не позволяетъ, при послѣдовательномъ своемъ примѣненіи, организовать ничего, кромѣ непрерывной анархіи. Въ литаемой этимъ началомъ во всѣхъ партіяхъ надеждѣ теоретически, а priori построить форму правленія,—надеждѣ тщетной и невозможной—видимъ мы самое вредное послѣдствіе этого ученія. Другое практически не менѣе вредное его послѣдствіе—поголовная подача голосовъ (suffrage universel), логически вытекающая изъ народнаго верховенства. Поголовное, безразличное участіе всего народа въ политическихъ правахъ вредно уже потому что даетъ орудіе въ руки людей которые не въ состояніи имъ пользоваться, ставятъ самую значительную силу въ государствѣ въ распоряженіе необразованныхъ и незрѣлыхъ массъ, которыя могутъ безсознательно употребить ее на лагубу и другимъ и самимъ себѣ. Это право, далѣе, извращаетъ самое понятіе о политической льготѣ, о правѣ членовъ общества на участіе въ государственномъ управленіи, ибо эта льгота и это право являются не естественными послѣдствіями обязанности, тяготы на пользу государству основанной на способности исполнить эту обязанность, а какою-то произвольною льготой, даруемой для удовольствія гражданъ, для украшенія ихъ политическаго быта. Исполненіе обязанности, безъ которой немислимо никакое право, представляется здѣсь какимъ-то побочнымъ и постороннимъ дѣломъ, которое зависитъ отъ доброй воли людей считающихъ себя прежде всего одаренными правомъ въ государство, но вольными пользоваться и не пользоваться этимъ правомъ, исполнять и не исполнять свои обязанности предъ государствомъ, по своему усмотрѣнію и благоизволенію. Ложныя политическія понятія возникающія изъ поголовнаго избирательнаго права подрываютъ въ своемъ основаніи всякое понятіе о политической правоспособности, безъ котораго невозможна никакая здоровая политическая жизнь. Изъ поголовнаго избирательнаго права извлекала для себя пользу только Вторая Имперія; возможность эксплуатировать это право давно убѣдила наиболѣе здоровы-

слящихъ Французовъ въ его практической несостоятельности. Къ несчастію, однажды дарованное народу право, какъ бы оно ни было пагубно для него самого, не можетъ быть отъ него отобрано иначе какъ путемъ насилій и потрясеній; сверхъ того поголовное голосованіе крѣпко держится въ умахъ всѣхъ фанатиковъ догмата народного верховенства на теоретической почвѣ этого догмата.

Таковы послѣдствія единственнаго *положительнаго* дѣйствія катастрофы XVIII столѣтія на государственный строй Франціи. Всѣ эти послѣдствія ученія о народномъ верховенствѣ, какъ мы видимъ, имѣютъ гораздо болѣе теоретическій чѣмъ практическій характеръ, то-есть главная сущность всѣхъ этихъ послѣдствій заключается въ тѣхъ ложныхъ отвлеченныхъ понятіяхъ о государственномъ правѣ которыя съотъ революціонный принципъ внесъ во всѣ политическія воззрѣнія и вѣрованія французскихъ государственныхъ людей пынѣшнлаго вѣка. Практическое значеніе доктрина народного верховенства получила главнѣйше вслѣдствіе всѣхъ издревле свойственныхъ французскому государственному строю историческихъ и національных пороковъ, зачавшихся, какъ мы видѣли, въ самыхъ первоначальныхъ періодахъ исторіи Франціи. Такимъ образомъ издавна начавшееся распаденіе всѣхъ стѣпій мѣстнаго самоуправленія и окончательное исчезновеніе ихъ въ XVIII столѣтіи лишили французское представительство той земской мѣстной почвы на которой зачинается участіе общества въ государственномъ управленіи и на которой оно организуется какъ многочисленное, сложное дѣло изъ представителей живыхъ историческихъ интересовъ. Въмѣсто такого общества, воспитаннаго въ сознаніи своихъ мѣстныхъ обязанностей предъ государствомъ и уже поэтому самому разчлененнаго на разнородныя группы, соотвѣтственно разнородности этихъ обязанностей, стояла во Франціи масса личныхъ атомовъ, не имѣвшихъ никакихъ взаимныхъ между собою государственныхъ отношеній, какія есть въ русскихъ земствѣ и мірѣ, германскихъ *Landschaft* и *Gemeinde*, англійскихъ графствѣ и приходѣ. Всѣ эти первобытныя историческія клѣточки государственнаго организма, соединяющія на первыхъ ступеняхъ государственной жизни воедино общество съ государствомъ, были раздавлены продолжительнымъ процессомъ централизаціи, который можно называть историческимъ процессомъ истолченія народа, сложной

органической исторической единицы называемой націей, посредствомъ самаго могущественнаго для такого дѣла государственнаго механизма—называемаго бюрократіей. И конечно нигдѣ нѣтъ народной массы столь удобной для всякихъ политическихъ экспериментовъ какъ во Французской націи, гдѣ народъ представляетъ самъ въ себѣ мало самостоятельныхъ жизненныхъ силъ для противодѣйствія вивисекціямъ, надъ нимъ производимымъ изъ государственнаго центра, то революціонерами, то диктаторами.

На такой почвѣ доктрина народнаго верховенства могла не остаться плодомъ личныхъ мечтаній уединенныхъ мыслителей, какъ осталась въ другихъ странахъ. Между этою доктриною и многовѣковымъ развитіемъ Французскаго государства издавна были самыя тѣсныя логическія связи, обнаружившіяся гораздо ранѣе XVIII столѣтія. И дѣйствія массы народонаселеній, провинцій, города (именно Парижъ) и отдѣльныя сословія, дворянство, городскіе патриціи, общины и наконецъ первоначальныя представительныя собранія, генеральные штаты, всѣ общественныя и народныя союзы, постоянно помогали *верховенству правъ*, прерогативъ верховной власти въ государствѣ, не соглашаясь ни на какія съ нею сдѣлки и уступая только силѣ. Эту печальную историческую картину, продолжающуюся до сихъ поръ въ странѣ и націи, одаренныхъ самыми высокими природными качествами, мы уже очертили. Какъ ни трудны всякія обобщенія разнообразныхъ фактовъ столь сложной картины, мы позволяемъ себѣ однако сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. Когда народъ всею своею исторіей насильственно отлучается отъ всякаго права участія въ государственномъ управленіи, то въ историческіе моменты крайней политической необходимости такого участія, онъ стремится получить для себя мѣсто въ государственномъ строѣ или формальнымъ договоромъ съ властью или революціоннымъ насиліемъ. Всякіе такіе договоры, какъ бы ни были торжественны, не имѣютъ силы сами по себѣ, безъ людей добровольно желающихъ ихъ исполнять съ обѣихъ сторонъ и безъ внутреннихъ условій и въ государствѣ и въ обществѣ благоприятныхъ для исполненія договора, прежде же всего безъ государственнаго воспитанія совершаемаго, и надъ людьми власти и надъ людьми подвластными, историческою жизнью. Это непреложно доказываетъ вся европейская исторія, а государственная теорія сверхъ того показы-

ваетъ безсмыслие самаго существа всякаго договора народа съ государственною властію, его противорѣчіе самымъ основнымъ современнымъ понятіямъ о государствѣ какъ о союзѣ людей не имѣющемъ ничего общаго съ договорнымъ началомъ. Вслѣдствіе несостоятельности договора, является и непрерывно повторяется насиліе противъ власти, еще болѣе бесплодное....

Мы вошли во всѣ эти разсужденія чтобы возобновить въ памяти читателей уже изложенный прежде нашъ общій взглядъ на хроническій революціонный недугъ Франціи, — какъ на результатъ не одной только катастрофы XVIII столѣтія, а всей ея исторіи, безъ которой была бы непонятна самая эта катастрофа. Единственное прямое послѣдствіе великой революціи въ государственномъ строѣ Франціи есть разрушеніе исторической законной формы правленія, которая въ теченіе 80 лѣтъ, до настоящаго дня, никакъ не можетъ возсоздаться. Это обстоятельство усложняетъ собою общее болѣзненное состояніе Французскаго государства и въ настоящую минуту господствуетъ надъ всѣми другими. Объ этомъ вопросѣ мы считаемъ необходимымъ поговорить отдѣльно, въ будущей главѣ, не только потому что онъ любопытенъ самъ по себѣ, но и потому что въ трудностяхъ его разрѣшенія заключается весь нынѣшній пароксизмъ многолѣтнихъ страданій Франціи.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ВЛАДИМИРЪ БЕЗОБРАЗОВЪ.

ОСАДА КОРИНФА

ПОЭМА ЛОРДА БАЙРОНА *

Была пора: мы дружно составляли
Одинъ кружокъ товарищей лихихъ.
Изъ края въ край мы весело блуждали,
Не страшень былъ намъ говоръ волнъ морскихъ!
Безъ усталы, бывало, безъ кручины,
Взбирались мы на горныя вершины,
Иль по рѣкамъ пускались смѣло въ бродъ, —
Всегда въ трудахъ и вѣчно безъ заботъ.
И гдѣ бѣ найдти почлегъ ни приходилось:
Въ пустынь ли на подвижномъ пескѣ,
Во мглѣ ль пещеръ, иль въ тепломъ уголкѣ, —
Какъ сладко намъ вездѣ спалось и снилось!
Пришлось ли лечь на берегу морскомъ,
Или на днѣ лагунъ въ просторѣ водномъ, —

* Байронъ, написавшій *Осаду Коринфа* въ 1815 году въ Лондонѣ, предположилъ своей поэмѣ слѣдующія, послужившія ей основой, историческія данныя:

„Въ 1715 году, сильная турецкая армія, подъ предводительствомъ великаго визиря, намѣреваясь проложить себѣ дорогу въ сердце Морей и съ этою цѣлью рѣшась осадить важнѣйшій пунктъ страны, Наплави-ди-Романію, начала пужнымъ сначала атаковать Ко-

Или въ лѣсу на войлокѣ походномъ
 Съ подложеннымъ подъ голову сѣдломъ,
 Вездѣ мы спимъ, бывало, крѣпкимъ сномъ,
 И, вставъ чуть свѣтъ, опять ужь въ путь готовы.
 Трудъ ни по чемъ былъ нашему кружку!
 Не зная нѣтъ, мы гнали прочь тоску,
 Всѣ молоды, отважны и здоровы.
 Мы были смѣсь пришельцевъ разныхъ странъ,
 Всѣхъ языковъ и убѣжденій дѣти:
 Кто вѣрилъ въ Библію, кто въ Алкоранъ,
 Кто посѣщалъ храмъ Божій, кто мечети,
 А кто совѣмъ не вѣрилъ ни во что;
 Но обойди хоть цѣлый міръ, едва ли
 Найдешь кружокъ — я поручусь за то —
 Кто бъ такъ, какъ мы, не вѣдалъ злой печали.

Однихъ ужь нѣтъ, давно усталъ ихъ прахъ;
 Тѣ разбрелись по всѣмъ предѣламъ міра;
 Тѣ съ Клефтами бунтуютъ на горахъ
 Взвизгивающихъ въ ущелія Элира,
 Гдѣ живъ еще свободы древней духъ,
 Гдѣ кровью метать за горькій стыдъ неволи;
 О прочихъ же давно умолкнулъ слухъ
 И не слышать объ ихъ безвѣстной долѣ.
 Нѣтъ! никогда намъ не сойтись опять,
 Чтобъ странствовать и вмѣстѣ лировать.

ринѳъ, на который и произвела нѣсколько штурмовъ. Комендантъ крѣпости, видя что гарнизонъ слабѣетъ и находитъ невозможнымъ дальнѣйшее сопротивленіе, вынужденъ былъ вступить въ переговоры съ Турками, но въ то время когда договорились о статьяхъ капитуляціи, одинъ изъ пороховыхъ магазиновъ, гдѣ находилось до шестисотъ бочекъ пороху, совершенно случайно, взлетѣлъ на воздухъ въ турецкомъ лагерѣ, причемъ погибло отъ 6 до 700 человекъ. Раздраженные этимъ невѣрные не захотѣли болѣе слышать о сдачѣ крѣпости и такъ стремительно повели штурмъ что вскорѣ овладѣли Коринѳомъ, причемъ перерѣзали большую часть гарнизона, въ томъ числѣ умертвивъ и коменданта крѣпости сирѣйора Минотти. Остальные, вмѣстѣ съ Антоніо Бембо, чрезвычайнымъ проводителемъ Венеціи, были взяты военнопленными." *History of the Turks*, vol. III, p. 151.

Да, въ эти дни мы не знавались съ горемъ!
 Но и теперь, тѣснится ль въ грудь печаль,
 Мечты мои, какъ ласточки надъ моремъ,
 Уносятся туда въ пѣмую даль,
 Черезъ материкъ, черезъ воздухъ, сини воды,
 Туда, туда — въ далекій край свободы.
 Онъ будитъ звукъ всегда въ моихъ струнахъ,
 И звуки струнъ не даромъ же зываютъ
 Къ немногимъ тѣмъ которые въ мечтахъ
 Въ волшебный край со мною улетаютъ.

Пойдемте же и взглянемъ на просторъ
 Тѣхъ чудныхъ странъ съ Акро-Коринѣскихъ горъ!

I.

Промчалось много, много лѣтъ,
 И бурныхъ грозъ, и бранныхъ бѣдъ,
 Черезъ Коринѣ; но и досель
 Крѣпка Олады цитадель.
 Ни трупы страшные землѣ,
 Ни натискъ бурь не потрясли
 Скалы сѣдой, гдѣ, ключъ къ странѣ,
 Стоитъ такъ гордо въ вышинѣ
 Коринѣ на грани двухъ морей,
 Чтò съ двухъ сторонъ стремятся къ ней,
 Какъ бы на бой, и у скалы
 Смиряютъ бурные валы.
 Но еслибы могла опять
 Земля изъ нѣдръ своихъ отдать
 Ту кровь которой тамъ межъ горъ
 Поля упитаны съ тѣхъ поръ
 Какъ брата свергъ Тимолонъ *
 И деспотъ Персін сраженъ, —

* Тимолонъ, коринѣскій уроженецъ, низвъ въ одномъ изъ сраженій съ Карфагенянами жизнь брату своему Тимоану, въ послѣдствіи же собственною рукою умертвилъ его за намѣреніе овладѣть верховною властью въ Коринѣ, ставя свой долгъ отечеству выше родственныхъ отношеній.

То въ этомъ морѣ кровавомъ
Весь потонулъ бы Истмъ кругомъ.
И еслибъ кости павшихъ тамъ
Собрать все въ груду по полямъ,
То въ высь поднялся бъ мавзолей,
Быть-можетъ, выше и грознѣй,
Чѣмъ горный тотъ Акрополисъ,
Чьи башни съ тучами слились.

II.

На Киверонѣ—брани кликъ!
Тамъ блещетъ двадцать тысячъ пикъ,
И вдоль по Истму, у горы,
Межъ двухъ морей стоятъ шатры,
И полумѣсяцъ на шатрахъ
Играетъ въ утреннихъ лучахъ:
То чамоносцы облегли
Коринѣ и близко, и вдали.
Туда вослѣдъ лапамъ текутъ
Отряды спаговъ, и верблюды
Несетъ Араба на спинѣ,
Татаринъ мчится на конѣ
И, бросивъ стадо, Туркоманъ
Туда принесъ свой ятаганъ.
Тамъ громъ орудій, взрывовъ трескъ
Волнъ заглушаютъ ревъ и плескъ,
И смерть чугунные шары,
Свистя, несутъ съ высотъ горы.
И распадается стѣна
Подъ тяжкой силой чугуна;
Но со стѣны, сквозь пыль и дымъ,
Огнемъ и мѣткимъ и живымъ
Врагъ отвѣчаетъ прямо въ станъ
На каждый выстрѣлъ мусульманъ.

III.

Но кто подъ самую стѣною
Всѣхъ впередъ передъ толпою,
Редущей къ ней подкопы мнѣ?
Кто этотъ дерзкій паладинъ,

Постигшій глубже, чѣмъ сыны
 Османа, темный смыслъ войны?
 Кого такъ мчитъ ретивый конь,
 Сквозь дымъ, въ убійственный огонь,
 Туда гдѣ вылазка враговъ
 Османовъ въ страхѣ гонеть въ ровъ,
 И гдѣ съ несбитыхъ батарей
 Огонь направленъ въ нихъ сильнѣй?
 Кто этотъ вождь, вносящій жаръ
 Въ упавшихъ духомъ лычарь?—
 Гяуровъ ужасъ, стѣнъ гроза,
 Стамбула гордость и краса,
 Во всемъ искусный—строить рать,
 Огонь орудій направлять,
 Разить копьемъ, вращать булатъ,—
 Тѣ Альпъ, адрійскій ренегать.

IV.

Родясь въ Венеціи, свой родъ
 Отъ славныхъ предковъ Альпъ ведетъ;
 Но, изгнанъ съ вольныхъ береговъ,
 Онъ поднималъ мечъ на земляковъ,—
 Тотъ самый мечъ которымъ онъ
 Владѣть былъ ими обученъ.
 Обривъ главу, теперь чалмой
 Обвилъ чело отступникъ злой.—
 Въ тотъ вѣкъ, извѣдавъ много золь,
 Коринѣ съ Мореей перешелъ
 Подъ власть Венеціи, и вотъ,
 У крѣпостныхъ его воротъ,
 Въ ряды враговъ страны родной
 Онъ сталъ съ той ревностью какой
 Пылаетъ, бѣшенствомъ объять,
 Одинъ лишь юный ренегать,
 Въ которомъ гордый духъ кипитъ
 Воспоминаніемъ обидъ.
 Теперь ему въ отчизнѣ нѣтъ
 Свободы милой прежнихъ лѣтъ,
 Съ тѣхъ поръ какъ тайнымъ былъ врагомъ
 Вложенъ „въ пасть льва“, передъ дворцомъ

Святаго Марка, въ часъ ночной,
 Доносъ съ презрѣнной клеветой.
 Онъ бѣгствомъ жизнь успѣлъ спасти,
 Чтобъ дней остатокъ провести
 Съ отчизной въ гибельной войнѣ
 И доказать родной странѣ
 Кого она лишилась въ немъ,
 Въ великомъ воинѣ своемъ,
 Который клялся крестъ затмить,
 Рѣшась погибнуть, или отмстить.

V.

Комурги, * страшный твой конецъ
 Поднесъ Евгенію вѣнецъ,
 Когда послѣдній вождь въ строю
 Ты палъ въ Карловѣцкомъ бою,
 Не за себя, за мусульманъ
 Кляня побѣду христіанъ!—
 Комурги, громъ твоихъ побѣдъ
 Дотолѣ помнитъ будетъ свѣтъ,
 Пока Европа не придетъ
 Съ Элады сбросить рабства гнетъ
 Взявши свободы, данной ей
 Мечомъ Венеціи вождей!
 Прошло съ тѣхъ лоръ уже сто лѣтъ,
 Какъ ты, о, баловень побѣдъ,

* Али Комурги, любимецъ трехъ султановъ и великій визирь Ахмета III, отнявшій Исландію у Венеціи въ одну кампанію, былъ смертельно раненъ въ слѣдующую войну противъ Нѣмцевъ, въ сраженіи подъ Будой (на равнинѣ Карловѣцкой), въ Венгріи, въ ту минуту когда дѣлалъ успѣхъ остановить бѣгство своей гвардіи. Послѣднимъ его распоряженіемъ былъ приказъ—отрубить голову генералу Брейнеру и нѣкоторымъ другимъ нѣмецкимъ офицерамъ, а послѣдними словами: „О, еслибы точно также я могъ распорядиться и со всеми остальными собаками-христіанами!“ Слова и поступокъ достойные Калигулы! Комурги былъ юноша безгранично самолюбивый, съ непомернымъ честолюбіемъ. Когда ему разъ сказали что тогдашній противникъ его принцъ Евгений Савойскій „великій полководецъ“, онъ отвѣчалъ: „А я стану еще выше его и на его же собственный счетъ!“

Послѣдній вождь османскихъ силъ,
 Морею Портъ возвратилъ,
 Весь край огнемъ опустошивъ
 И авангардъ свой поручивъ
 Младому Альпу, и тогда,
 Съ землей ровная города,
 Тебѣ отступникъ заявилъ
 Какъ твердъ онъ въ новой вѣрѣ былъ.

VI.

Слабѣютъ стѣны; все сильнѣй,
 Все чаще, жарче съ батарей
 Пальба направлена на нихъ,
 Неумолкая ни на мигъ.
 И раскаленныхъ пушекъ громъ
 Грохочетъ въ полѣ боевомъ,
 И съ страшнымъ трескомъ здѣсь и тамъ
 Валятся башни по стѣнамъ,
 И въ мигъ, какъ въ прахъ онѣ ладутъ
 Отъ взрыва бомбъ, съ горящихъ грудъ
 Сверкаетъ пламя сквозь проломъ,
 Взиваясь огненнымъ столбомъ,
 Иль, какъ болида страшный хвостъ,
 Разсылавшись въ миллионы звѣздъ,
 Ихъ искры мечетъ до небесъ,
 Гдѣ сквозь густой, двойной навѣсъ
 Изъ дымной мглы и сѣрыхъ тучъ
 Не проникаетъ солнца лучъ.

VII.

Но не изъ мести лишь одной
 Злой Альпъ, отступникъ молодой,
 Свирѣпый, учитъ Турковъ рать
 Искусству стѣны сокрушать.
 Изъ-за ограды крѣпкихъ стѣнъ
 Онъ мнитъ похитить дѣву въ плѣнъ
 У непреклоннаго отца,
 Который юныя сердца

Еще въ то время разлучилъ
 Какъ Альфъ Венеціи служить,
 Когда, счастливцевъ, не былъ онъ
 Еще измѣной заклеименъ,—
 Въ тѣ дни, когда онъ въ карнавалъ,
 Въ лирахъ, всѣхъ блескомъ ослѣплялъ,
 И всѣхъ нѣждѣ въ часъ почной
 Пѣлъ серенады надъ волной
 Въ честь Итальянки молодой.

VIII.

И всѣмъ казалось что его
 Франческа любить одного,
 Затѣмъ что слышали не разъ
 Всѣ женихи ея отказъ.
 Когда жъ адрійскій бурный валъ
 Ланчъотто въ чуждый край умчалъ,
 Сталъ гаснуть блескъ ея очей,
 И ликъ печальный сталъ блѣднѣй,
 И стали каждый день вдвоемъ
 Ее видать съ духовникомъ.
 И если изрѣдка на балъ
 Она являлась въ карнавалъ,
 То въ грустныхъ взорахъ шумный свѣтъ
 Читалъ печали тайный слѣдъ.
 И сталъ простѣй ея нарядъ,
 И невнимательнѣе взглядъ,
 И голосъ менѣе лѣвучъ,
 И легкій шагъ не такъ летучъ
 Среди танцующихъ гостей
 Всю ночь до утреннихъ лучей.

IX.

Отправленъ дожемъ край бѣдоты,—
 Край что Венеціи вожди
 Отъ Патры до Еврейскихъ водъ
 У Порты отняли въ тотъ годъ,

Когда Собескій сокрушилъ
 Подъ Будой мощь османскихъ силъ,—
 Минотти, храбрый генералъ,
 Въ тѣ дни въ Коринѣ возсѣдалъ,—
 Въ тѣ дни, когда разцвѣлъ какъ рай
 Подъ властью дождей Грековъ край,
 И прежде чѣмъ нарушенъ былъ
 Тотъ миръ, что ихъ освободилъ.
 Минотти дочь привезъ съ собой,
 И красоты еще такой
 На высотахъ морейскихъ горъ
 Никто не видывалъ съ тѣхъ поръ
 Какъ Менелаева жена
 Бѣжала, гостемъ прельщена,
 Заставивъ лить такъ долго кровь
 За незаконную любовь.

X.

Стѣна разрушена лавбой,
 И завтра съ раннею зарей
 Въ проломъ по грудамъ падшихъ стѣнъ
 Начнется пристуль злыхъ племенъ.
 Уже изъ Турокъ и Татаръ
 Колонны выбраны; ихъ жаръ
 Неукротимъ: не даромъ ихъ
 Зовутъ „отрядомъ роковыхъ“.
 Они проложатъ путь мечомъ,
 Застелятъ трупами проломъ,
 И какъ по лѣстницѣ взойдутъ
 По труламъ въ городъ, гдѣ падутъ.

XI.

Ужь ночь. Падъ гребнемъ темныхъ скалъ
 Холодный, полный мѣсяцъ всталъ.
 Струится бездна синихъ водъ.
 Безбрежнымъ моремъ средь высотъ
 Простерлась неба синева,
 И звѣзды, свѣта острова,

По ней разсыпались, полны
Духовной, чудной ташины.
О, кто, глядя на нихъ, мечтой
Не уносился въ край святой?
Кто не желалъ исчезнуть въ немъ,
Чтобъ слиться съ вѣчнымъ ихъ огнемъ?
Прозрачны, полны синей мглы,
Уснули волны у скалы,
По мелкимъ камнямъ чуть журча,
Какъ струйки чистаго ключа.
Надъ моремъ дремлютъ вѣтерки,
Висятъ на древкахъ бунчуки
И въ складкахъ ихъ Османовъ гербъ
Блеститъ луны серебристый серпъ.
И все заснуло крѣпкимъ сномъ;
Невозмутимый миръ кругомъ,
Лишь стража окликъ подаетъ,
Да звонко конь вдали заржетъ,
Да эхо вторитъ межъ холмовъ,
Да слышнемъ въ станѣ у враговъ
Немолчный говоръ, гулъ глухой,
Какъ шелестъ листьевъ предъ грозой.
Но чу! воззвалъ въ обычный часъ
Къ молитвѣ муредзина гласъ,
И, звукъ волшебный, неся онъ,
Какъ призрака пустыни стонъ,
Какъ вѣтерка чуть слышный свистъ
Въ струнахъ Эола. Звонко, чистъ
И мелодически - унылъ,
Онъ сердце въ трепетъ приводилъ.
Онъ къ осажденнымъ въ грудь проникъ,
Пророческой судьбы ихъ кликъ;
Онъ осаждающихъ смутилъ
Зловѣщимъ ужасомъ могилъ, —
Тѣмъ трелетомъ душевныхъ мукъ,
Когда въ насъ сердце биться вдругъ
Перестаетъ, чтобы опять
Еще сильнѣй затрепетать,
Какъ бы стыдился что такъ оно
Пустой тревогой смущено.

Въ такой невольный трепеть насъ
Приводить зволъ въ полночный часъ,
Когда гудитъ за упокой
Души отшедшей въ міръ иной.

XII.

Стоитъ на взморѣ Альповъ станъ.
Пробилъ ужъ зорю барабанъ,
Прочли молитву, часовыхъ
Разставили и — лагерь стихъ.
Всѣ спать. Одинъ лишь Альтъ не спитъ;
Онъ завтра въ битвѣ утолитъ
Всѣ муки долгія свои
Блаженствомъ мщенія и любви.
Часы бѣгутъ, и молить онъ
Чтобъ укрѣпилъ въ немъ душу сонъ
Для дѣлъ кровавыхъ; но кипятъ
Въ немъ думы черныя какъ адъ.
Онъ здѣсь одинъ въ толпѣ невѣждъ;
Не дѣлитъ съ ними онъ надеждъ
Затмить луною крестъ въ бою;
Не вѣритъ вовсе что въ раю
За каплю крови будетъ онъ
Любовью Гурій награжденъ.
И не пылаетъ сердце въ немъ
Тѣмъ вдохновительнымъ огнемъ
Съ какимъ суровый патріотъ
На смерть за родину идетъ.
Онъ здѣсь одинъ — отступникъ злой,
Измѣнникъ родины святой,
Одинъ безъ друга, безъ родныхъ,
Въ толпѣ враговъ, въ толпѣ чужихъ.
Они на смерть готовы съ нимъ,
Затѣмъ что онъ нелюбѣдимъ,
Затѣмъ что онъ, гяуровъ бичъ,
Сулитъ имъ въ битвѣ рядъ добычъ.
И пресмыкаются они
Предъ нимъ затѣмъ что искони
Передъ людьми высокихъ думъ
Смирятся въ черни темный умъ.

Но все же родомъ онъ изъ тѣхъ
Съ кѣмъ жить — въ глазахъ ихъ — тяжкій грѣхъ!
Они завидуютъ ему,
Что славенъ онъ, надѣвъ чалму,
Тогда какъ въ юности своей
Онъ былъ упорный назарей.
Они не знаютъ какъ убить
Духъ гордый дерзостью обидъ;
Они не знаютъ, имъ чужда
Души озлобленной вражда;
Они не знаютъ какъ объять
Желаньемъ мести ренегатъ.
Онъ вождь, но въ мірѣ вѣчно такъ:
Кто впереди, тотъ и вождякъ.
Шакаловъ такъ смиряетъ левъ
И, ихъ добычей овладѣвъ,
Одинъ съѣдаетъ всю корысть,
Имъ оставляя кости грызть.

XIII.

И лихорадочнымъ огнемъ
Онъ весь горитъ, и тяжело въ немъ
Трепещетъ сердце, поетъ грудь,
И тщетно хочетъ онъ заснуть —
Малѣйшій шорохъ, каждый звукъ
Сонъ гонитъ прочь для новыхъ мукъ.
Чалма лалитъ ему чело,
Грудь стиснулъ панцырь тяжело,
Хотя, бывало, заурядъ
Онъ крѣпко спалъ подъ грузомъ латы,—
Спалъ не въ постели пуховой
И не въ такой тиши ночной,
Какъ въ этотъ часъ, но въ бурной мглѣ,
Подъ хладнымъ небомъ, на землѣ.
И Альплъ не въ силахъ ждать внутри
Палатки утренней зари.
Идетъ на взморье, гдѣ кругомъ
Бойцы уснули крѣпкимъ сномъ.
Кто усыпалъ ихъ? Почему
Не спится въ станѣ лишь ему?

Трудовъ имъ больше, смерть вѣрнѣй,
 И многимъ, можетъ, въ жизни сей
 Насталъ послѣдней ночи сонъ,
 А онъ ничѣмъ не возмущенъ!
 И Альпъ, бессонницей томимъ,
 Бойцамъ завидуетъ простымъ.

XIV.

И утолились муки въ немъ
 На свѣжемъ воздухѣ ночномъ.
 Прохладой вѣяло съ небесъ,
 И снова духомъ онъ воскресъ.
 За нимъ былъ лагерь; передъ нимъ
 Съ зубчатымъ берегомъ своимъ
 Сверкалъ, врѣзаясь въ грудь земли,
 Заливъ Лепантскій; а вдали
 Сіялъ съ высотъ Дельфійскихъ горъ
 Снѣговъ незыблемый шатеръ.
 И лился блескъ отъ тѣхъ снѣговъ,
 Какъ лился много ужъ вѣковъ,
 Протекшихъ здѣсь, гдѣ нѣтъ зимы,
 И не исчезнетъ снѣгъ, какъ мы.
 Рабы, тираны — всѣхъ должна
 Смыть съ міра времени волна;
 Но бѣлый, выбѣлый тотъ покровъ,
 Изъ легкихъ сотканный паровъ,
 Межъ тѣмъ какъ гибнетъ все окрестъ,
 Сияетъ вѣкъ въ сосѣдствѣ звѣздъ.
 Какъ ткань, какъ облако, какъ паръ,
 Онъ тамъ раскинутъ людямъ въ даръ
 Самой Свободою, когда,
 Простясь съ Эладой навсегда,
 Она въ долины грустный взоръ
 Послѣдній, кинула съ тѣхъ горъ,
 Гдѣ въ вѣщихъ лѣсеняхъ столько разъ
 Гремѣлъ ея могучій гласъ.
 Но и теперь она порой
 Еще слетаетъ въ край родной
 Къ полямъ, принявшимъ видъ пустынь,
 Къ останкамъ храмовъ и святынь,

Чтобъ пробудить сердца людей
 Воспоминаньемъ славныхъ дзей.
 Вотще! Въ нихъ духъ не оживетъ,
 Пока сіянье не блеснетъ
 Той вѣчно памятной зари,
 Когда тиранъ бѣжалъ изъ при,
 И палъ съ улыбкой на устахъ
 Великій Спарты сынъ въ горахъ.

XV.

Не позабылъ и Альпъ злодѣй
 О славѣ этихъ чудныхъ дзей.
 Бродя въ безмолвіи ночномъ,
 Онъ вспомнилъ, въ мысляхъ о быломъ,
 О тѣхъ герояхъ старины,
 Чья кровь лилась за честь страны.
 И, этой думою смущенъ,
 Онъ сознавалъ какъ жало въ оны,
 Предатель, обнажившій мечъ
 Противъ отчизны въ шумѣ сѣчи,
 Притекшій поприщемъ измѣны
 На святотатный приступъ стѣны.
 О, такъ ли въ битву шло съ врагомъ
 Вожди, чей прахъ почилъ кругомъ?
 Они вели фаланги въ бой
 Въ защиту родины святой;
 Они погибли, но жива
 Ихъ вѣчной доблести молва.
 Объ ней гласить просторъ полей,
 Гласять ущелья горъ объ ней;
 Она живетъ во мглахъ лѣсовъ,
 Гремить и въ говорѣ валовъ;
 Ихъ духъ витаетъ на горахъ;
 Ихъ память искрится въ струяхъ
 Ручьевъ долины, въ волнахъ рѣки,
 И, мнится, шепчуть вѣтерки
 Ихъ имена, и каждый холмъ,
 Колонна каждая на немъ,
 И каждый камень на холмахъ
 Скрываетъ ихъ священный прахъ.

И вѣчно будетъ ихъ страна,
 Хоть нынѣ рабству предана,
 Страной свободы, славныхъ дѣлъ.
 И патріотъ, когда созрѣлъ
 Въ немъ подвигъ доблести, всегда
 Укажетъ съ гордостью туда
 И, вдохновенный стариной,
 Съ тираномъ смѣло вступить въ бой,
 Чтобъ грудью родину свою
 Иль отстоять, иль пасть въ бою.

XVI.

По взморью мраченъ бродитъ онъ,
 Прохладой ночи оживленъ.
 Недвижна зыбь лучинъ морскихъ:
 Приливъ съ отливомъ воли ихъ
 Не укрѣщаетъ и лунъ
 Не покоряются онъ. *
 Къ скалѣ ли рвутся ихъ валы,
 Спокойно ль льются отъ скалы,
 Шумятъ ли въ морѣ и кипятъ,
 Или въ заливѣ тихо спятъ,—
 Безмолвно смотреть въ нихъ луна,
 Надъ ними власти лишена.
 Угрюмъ, не слыша ихъ угрозъ,
 Надъ ними хмурится утесъ,
 И, какъ въ былыя времена,
 Черта у ногъ его видна,
 Гдѣ въ бурю лѣнятся валы,
 Не досягая до скалы—
 На золотой грядѣ песковъ
 Межъ волнъ и зелени луговъ.

По взморью онъ бродитъ при свѣтѣ луны
 На выстрѣлъ ружейный отъ грозной стѣны.
 Но видно нѣкъ не примѣченъ онъ тамъ,
 Не то—какъ бы смѣлъ подойти онъ къ стѣнамъ?

---

* Нечего кажется напоминать читателю что приливъ и отлив почти вовсе непримѣтны въ Средиземномъ морѣ.

Измѣна ль таплась въ гдурскихъ рядахъ,
 Рука ль ихъ ослабла, иль въ сердцахъ ихъ страхъ,—
 Не знаю! Но только не слышно палбы
 И пули не свищутъ отъ частой стрѣльбы,
 Хотя онъ такъ близко стоялъ у воротъ,
 Гдѣ съ моря прикрытъ бастіонами входъ,
 Что могъ бы слышать какъ тамъ за стѣной
 Угрюмо пароль принималъ часовой,
 Какъ мѣрнымъ онъ шагомъ у крѣпкихъ воротъ
 По плитамъ расхаживалъ взадъ и впередъ.

И тутъ подъ стѣною увидѣлъ эмиръ
 Собакъ одичалыхъ надъ трупами пиръ:
 Грызутъ, пожираютъ псы мертвыхъ тѣла,
 Лежавшія грудой во рву безъ числа,
 И мясо сдираютъ, какъ кожу съ плодовъ,
 Ихъ бѣлые зубы съ татарскихъ головъ,*
 И въ острыхъ зубахъ, какъ плодовъ скорлупа,
 Хрустятъ и трещатъ мертвецовъ черепа.
 И такъ заняты они дѣломъ своимъ,
 Что лаять на Альпа нѣтъ времени имъ,
 И даже нѣтъ силы подняться съ земли:
 Такъ жадно на трупахъ, прѣстертыхъ въ пыли
 И въ жертву имъ брошенныхъ грозной войной,
 Они утоляли гладъ бѣшенный свой.
 И Альпъ, по зеленымъ и алымъ чалмамъ,
 Разбросаннымъ всюду по зыбкимъ лѣскамъ,
 Узналъ съ содроганьемъ тѣхъ лучшихъ бойцовъ,
 Которыхъ онъ самъ устремлялъ на враговъ.
 Ихъ головы бриты; лишь пряди косы
 Спускались съ затылка, и лютые псы,
 Тѣ длинныя косы въ зубахъ волоча,
 Съ головъ рвали кожу, сердито ворча.
 А дальше,—гналъ коршунъ отъ падали прочь
 Крыломъ своимъ волка, который въ ту ночь,

* „Описанную здѣсь картину я видѣлъ собственными глазами подъ стѣною серала въ Константинополѣ, въ одномъ изъ небольшихъ углубленій, выдолбленныхъ Босфоромъ въ утесъ, образовавшемъ родъ террасы между дворцомъ и волнами. Помнится, Гобсоузь говорить о такомъ же фактѣ въ своемъ путешествіи. Надобно думать, что то были трупы какихъ-нибудь ослушанныхъ янычаръ.“ *Байронъ.*

Почуя добычу, подкрался къ стѣлѣ,
 Держась подлѣ взморья, отъ псовъ въ сторонѣ,
 И жадно глодаѣ въ ожиданіи дня
 Исклеванный птицами остовъ коня.

XVII.

Отъ страшной картины Альбі взоръ отвратилъ;
 Донынѣ въ бою онъ безтрепетенъ былъ,
 Но тутъ согласился бѣ охотиѣ онъ
 Услышать бойцовъ умирающихъ стоиъ,
 Узрѣть ихъ боренье со смертию вокругъ,
 Чѣмъ видѣть убитыхъ, которымъ нѣтъ мукъ.
 Въ насъ гордость рождаетъ опасности часъ,
 Въ какомъ бы смерть видѣ ни встрѣтила насъ.
 Тамъ слава разкажетъ о томъ кто убитъ,
 Тамъ почестъ на подвиги смѣлыхъ глядитъ.
 За то послѣ боя какъ тягостно намъ
 Скитаться въ крови по безгробнымъ тѣламъ
 И видѣть какъ черви, какъ птицы небесъ,
 Какъ хищные звѣри, покинувши лѣсъ,
 На трупъ человѣка свершаютъ набѣгъ,
 Дукая о томъ, что погибъ человѣкъ.

XVIII.

Есть храмъ близъ Коринѳа; въ развалинахъ онъ,
 Творенье давно забытыхъ племенъ.
 Въ немъ двѣ-три колонны, да нѣсколько плитъ,
 Да мраморъ, да мохомъ поросшій гранитъ.
 О, время, ты все истребляешь на вѣкъ,
 Что создалъ, что снова создастъ человѣкъ!
 О, время! щадишь ты лишь столько отъ дѣлъ
 Свершенныхъ давно, чтобъ потомокъ скорбѣлъ
 О томъ что погибло, о томъ что опять
 Создастъ онъ, чтобъ снова забвенью предать:
 Обломки и груды каменье въ пыли,
 Воздвигнутыхъ сыномъ безпальнымъ земли!

XIX.

Приѣвъ на базу подъ столбомъ,
Склонился Альпъ къ рукъ челомъ,
Задумчивъ, мраченъ и угрюмъ,
Подавленъ тяжестію думъ.
И онъ поникнулъ головой
На грудь стѣненную тоской,
Томясь, вздыхая тяжело,
Стуча перстами о чело,
Какъ наша бѣглая рука
Стучитъ по клавишамъ лока
Мы не исторгнемъ мѣрный тонъ
Изъ струнъ хранившихъ долгій сонъ.
И былъ онъ мраченъ. Вдругъ съ тоской
Вдохнулъ какъ будто вѣтръ ночной;
Но былъ ли вѣтромъ пробужденъ
Межъ камней этотъ тихій стонъ?

Онъ голову поднялъ, онъ въ море глядитъ,
Какъ зеркало море недвижимое спитъ.
На камни глядитъ онъ, не зыблется мохъ;
Откуда жь принесся таинственный вздохъ?
На флаги взглянулъ онъ — недвижны они,
На лѣсъ Киперона — онъ дремлетъ въ тѣни.
Все тихо; въ лицо не пахнетъ вѣтерокъ.
Что жь это за голосъ? откуда притекъ?
И Альпъ обернулся — въ сіяньи луны
На камнѣ онъ видитъ тѣнь чудной жены.

XX.

Вздвигнувъ, вскочилъ онъ, самъ не свой,
Какъ будто врагъ вступилъ съ нимъ въ бой.
„О, Боже праотцевъ моихъ!
Кто ты? откуда? какъ въ сей мигъ
Явилась въ станъ враговъ своихъ?“
Рукой дрожащей хочетъ онъ
Перекреститься; но, смущенъ

Упрекомъ совѣсти, безъ силъ
 Онъ руку въ страхѣ опустилъ.
 Глядитъ, и вмигъ узналъ черты
 И образъ дивной красоты:
 Его невѣста передъ нимъ,
 Франческа съ видомъ неземнымъ.

Все тѣ же розы средь ланитъ,
 Но блѣдный тусклъ по нимъ разлитъ.
 Гдѣ блескъ улыбки устъ молодыхъ,
 Такъ оживлявшій прелесть ихъ?
 Лазурь въ очахъ ея темнѣй,
 Чѣмъ синева въ волнахъ морей;
 Но какъ волны холодной плескъ,
 Очей недвижныхъ страшень блескъ.
 Подъ тканью легкой какъ туманъ
 Сіяютъ грудь и дивный станъ;
 И блещетъ роскошь плечъ нагихъ
 Межъ черныхъ прядей косъ густыхъ,
 Сбѣгавшихъ волнами на нихъ.
 Она не вдругъ дала отвѣтъ,
 Но противъ мѣсяца на свѣтъ
 Сначала руку подняла
 И, мнилось, такъ она была
 Прозрачна, призрачно-нѣжна,
 Что свѣтитъ сквозь нее луна.

XXI.

„Угодно судьбѣ чтобъ пришла я къ тебѣ
 Спасти твою душу на радость себѣ.
 Тебя я искала въ рядахъ мусульманъ,
 Пройдя мимо стражи чрезъ вражескій станъ.
 Ты знаешь сказанье: и яростный левъ
 Отъ дѣвъ непорочныхъ бѣжитъ, оробѣвъ.
 И Богъ милосердый, дающій покровъ
 Невиннымъ отъ злобы тирана лѣсовъ,
 Своей благодатью мой путь освѣя,
 Отъ рукъ мусульманскихъ избавилъ меня.
 Пришла я; но если напрасно пришла,
 Не узришь меня никогда, никогда!

Ты страшное дѣло изъ мести свершилъ;
Безумецъ, ты вѣрѣ отцовъ измѣнилъ!
Сбрось на земь чалму и крестомъ пресвятымъ
Себя осѣни, и ты будешь моимъ;
Смой съ гордаго сердца нечистую кровь,
И завтра навѣкъ соединишь насъ любовью.“

„Но гдѣ жь мы отпразднуемъ свадебный лиръ?
Не здѣсь же средь мертвыхъ, отшедшихъ въ тотъ міръ?
Не здѣсь же, гдѣ завтра мечу и огню
Сыновъ и святыни Христа предаю?
Здѣсь завтра площади врагамъ не пайти!
Одну лишь тебя я покаялся спасти.
Съ тобой улечу я въ счастливую даль,
Тамъ мы, обѣщавшись, забудемъ печаль,
Тамъ блага всѣ въ жизни тебѣ подарю.
Но прежде Венеціи гордость смирю,
Но прежде ея ненавистныхъ дѣтей,
Меня обезчестившихъ кривдой своей,
Заставлю извѣдать какъ бичъ мой разить:
Изъ злыхъ скорпіоновъ онъ бѣшенствомъ сентъ.“

Тогда, нѣмая отъ тоски,
Она слегка его руки
Коснулась мертвою рукой.
И холодъ смерти гробовой
Проникъ до сердца, до костей.
И оторвать руки своей
Онъ отъ руки ея не могъ.
И столько страха и тревогъ
Не ощущалъ онъ никогда,
Какъ здѣсь отъ пальцевъ изъ льда,
Къ нему примерзшихъ въ этотъ мигъ,—
Такъ тонкихъ, длинныхъ, не живыхъ.
Какъ камень сердце тяжело
Въ груди упало, и чело
Остыло. Онъ взглянулъ: увы!
Какъ страшно измѣнились вы,
Черты прекраснаго лица,
Безъ мысли какъ у мертвеца,
Безъ искры жизни, безъ любви,
Игравшей такъ въ ея крови,
Какъ солнца лучъ въ верхахъ струи.

Не видно движенья въ устахъ ледяныхъ,
 Слова безъ дыханья пеходятъ изъ нихъ,
 И грудь не волнуется ей вздохомъ любовь,
 И въ жилахъ не льется застывшая кровь.
 Въ очахъ неподвижныхъ сверкающій свѣтъ,
 Но дики ихъ взоры и жизни въ нихъ нѣтъ,
 Какъ взоры того кто въ мучительномъ снѣ
 При мѣсяцѣ бродить въ ночной тишинѣ.
 Такъ смотрятъ портреты съ старинныхъ обоей,
 Колеблемыхъ вѣтромъ ночью порою,
 Когда, при мерцаньи лампады, въ тѣни,
 Безъ жизни, но словно живые, они,
 Какъ призраки ночи, по мрачнымъ стѣнамъ
 Какъ будто выходятъ изъ тѣсныхъ ихъ рамъ,
 Съ нахмуреннымъ ликомъ; а буря реветъ,
 Волнуя обои и взадъ и впередъ.

„Пусть ты отвергъ любовь мою;
 Но Божьимъ именемъ молю—
 Сорви чалму; во прахъ склонись
 Челомъ преступнымъ, и клянись,
 Что ты помилуешь дѣтей
 Злосчастной родины твоей.
 Не тѣ, погибшіи навсегда,
 Ужъ не увидишь никогда
 Не этотъ міръ — ты въ немъ чужой!—
 Но небеса и образъ мой.
 Не отвергай моей мольбы,
 И пусть жестоко ударъ судьбы,
 Онъ можетъ грѣхъ твой искупить
 И благодать къ грѣшнику склонить.
 Когда жъ еще промедлишь мигъ,
 Прійми проклятье силъ святыхъ,
 Тобой отвергнутыхъ! Взгляни,
 Ужъ гаснутъ звѣздные огни.
 Вонъ тучка къ мѣсяду плыветъ,
 Она летитъ и вмигъ уйдетъ.
 Коль не смирись души своей,
 Пока воздушный парусъ сей
 Скрываетъ свѣтлый чолъ луны,
 То Богъ и люди отмщены.
 Твой страшенъ жребій, но страшнѣе
 Безсмертье гибели твоей.“

И въ небо смотритъ Альфъ, и вотъ,
 По небу облако лыветъ.
 Но безпредѣльно гордый духъ
 Ко всѣмъ молябамъ остался глухъ,
 И, какъ стремительный потокъ,
 Всѣ чувства въ Альфѣ превозмогъ.
 Ему смириться! Онъ готовъ
 Дрожать отъ робкихъ женскихъ словъ!
 Онъ, оскорбленный, пощадитъ
 Враговъ, которымъ смертью мститъ!
 О, нѣтъ! Хотя бы грянулъ громъ,
 Пусть грянетъ! Сердце крѣпко въ немъ!

И долго онъ смотрѣлъ, пока
 Неслись чрезъ мѣсяцъ облака.
 И вотъ прошли, и яркій лучъ
 Сверкнулъ на землю изъ-за тучъ.
 „Судьбы, сказалъ онъ, не страшусь!
 Ужь поздно! Нѣтъ, не измѣнюсь!
 Гроза, колебля, гнетъ тростникъ;
 Но дубъ не гнетъ, а ломитъ вмигъ.
 Всему Венеція виной;
 На вѣкъ я врагъ ей закланной.
 Но ты моя; бѣги жь со мной!“

Взглянулъ — ея ужь нѣтъ!
 Блеститъ на колоннѣ лишь мѣсяцъ свѣтъ.
 Исчезла ли въ землю, сплелась ли съ лучомъ —
 Не видить, не знаетъ; все пусто кругомъ.

XXII.

Промчалась ночь. Встаетъ заря,
 И, какъ для радости горя,
 Разсвѣтъ ночную гонитъ тѣнь
 И предвѣщаетъ знойный день.
 Восходитъ солнце сквозь туманъ,
 И вотъ проснулся вражій станъ.

Чу! Бой барабанный и гулъ отъ шаговъ,
 И звукъ заунывный турецкихъ роговъ,
 И вѣянье въ битву несомыхъ знаменъ,
 И говоръ немолчный различныхъ племенъ.

Чу! ржанье и топотъ коней предъ грозой,
 И трескъ отъ оружья и крики: на бой!
 Подъ конскою гривой шумятъ бунчуки
 И строятся въ полѣ на приступъ полки.
 Курдъ, Татаринъ, Туркоманъ!
 Покидайте ратный станъ!
 Мчитесь, рыскайте вокругъ,
 Чтобъ никто отъ вашихъ рукъ
 Изъ бѣжавшихъ черезъ валъ,
 Старъ, иль младъ, не избѣжалъ!
 Мчитесь по полю, пока
 На проломъ идутъ войска.

Все ужъ готово; кони кипятъ.
 Гривы волнуютъ, бьются, храпятъ,
 Бѣлою пѣной кропятъ удила.
 Войско за войскомъ! Нѣтъ имъ числа.
 Копья какъ лѣсъ; фитили зажжены;
 Тысячи жерлъ противъ сбитой стѣны
 Грянуть готовы послѣдній ударъ.
 Всѣхъ впереди полки янычаръ:
 Альпъ во главѣ ихъ; блещитъ отъ меча
 Лучъ въ обнаженной рукѣ до плеча.
 Ханъ и лаши вывзакаютъ впередъ;
 Самъ ихъ Комурги на приступъ ведетъ.

Съ первой пушкой вѣстовой
 Смѣло кинемся на бой!
 На Коринѣ! и смерть врагу!
 Богъ, пророкъ! Гу, Алла-гу!

XXIII.

Какъ волки съ воемъ, въ часъ ночной,
 Летятъ на буйвола грозой;
 А буйволъ, съ яростью въ глазахъ,
 Реветь, копытомъ толчетъ въ прахъ
 И подымаетъ на рога
 Остервенѣлаго врага:
 Такъ мчатся на стѣну орды,
 Такъ гибнуть первые ряды.

И, расшибаясь какъ стекло,
Не мало тамъ кольчугъ легло
Подъ градомъ ядеръ, подъ огнемъ
Гранатъ взметавшихъ пыль столбомъ.
И какъ подъ острою косою
Трава ложится полосой,
Такъ на землѣ, какъ палъ во прахъ,
Лежитъ рядами падшій врагъ.

XXIV.

Но какъ весеннихъ водъ палоръ
Свергаетъ груды камней съ горъ
И вокругъ обрушенной скалы
Катить вспѣнные валы,
Стремясь, какъ падаютъ снѣга
Съ вершины Альповъ на луга:
Такъ наконецъ передъ толпой
Враговъ, упорной и густой,
Утомлены, сокрушены.
Коринѳа падаютъ сыны.
Рука съ рукой, плечо съ плечомъ,
Герои рубятся съ врагомъ
И массой падаютъ во прахъ,
Не уступая ни на шагъ.
Тамъ крикъ побѣды, падшихъ стонъ
И копій трескъ, и сабель звонъ
Сливался съ грохотомъ пальбы,
И гулъ отчаянной борьбы
Къ далекимъ неся городамъ.
Въ волненьи страха ждали тамъ,
Въ чью пользу бой судьба рѣшитъ,
Веселье ль, горе ли сулитъ
Сей страшный громъ, сей грозный споръ,
Потрясшій гѣломъ нѣдра горъ,
Все заглушающій сей гласъ,
Предъ коимъ вся земля тряслась
Отъ Саламина до высотъ
Мегары и Пирейскихъ водъ.

XXV.

И бой кипитъ, — послѣдній бой,
 Кровавый, страшный, роковой.
 И вотъ вломился въ городъ врагъ;
 Онъ грабитъ, рѣжетъ, все во прахъ
 Наспровергаетъ. Передъ нимъ
 Въ крови, по скользкимъ мостовымъ,
 Бѣгутъ, подѣмая страшный стонъ,
 Толпы дѣтей, и дѣвъ, и женъ.
 Но гдѣ возможность есть бойцу
 Встать въ бой съ врагомъ лицомъ къ лицу,
 Еще кружки отважныхъ тамъ
 Сопротивляются врагамъ
 И прислонясь къ стѣнѣ спиной,
 Ведутъ упорный, тщетный бой.

Межъ нимъ, въ красѣ своихъ сѣдинъ,
 Могучъ и ростомъ исполненъ,
 Сражался старецъ. Бодръ и смѣлъ,
 Онъ полукругомъ вражыхъ тѣлъ
 Путь предъ собою устилалъ
 И невредимый отступалъ.
 Хоть подъ кирасой много ранъ
 Скрывалъ безстрашный ветеранъ,
 Но эти раны—славный слѣлъ
 Кровавыхъ битвъ минувшихъ лѣтъ.
 Хоть старъ, все жь крѣпокъ онъ какъ сталь,
 И силой, мужествомъ едва ль
 Сравнится наша юность съ нимъ.
 Одинъ, невѣрными тѣснимъ,
 Онъ отражалъ ихъ вокругъ себя
 И страшно саблею рубя,
 Османскихъ многихъ матерей
 Въ тотъ грозный день лишилъ дѣтей,—
 Дѣтей, еще не зрѣвшихъ свѣтъ,
 Когда впервые, мужъ побѣдъ,
 Свой мечъ онъ въ цвѣтѣ юныхъ силъ
 Турецкой кровью оросилъ.

Ужь много лѣтъ съ тѣхъ поръ прошло,
 Какъ сынъ единственный его
 Нашелъ въ бою у Дарданеллъ
 Свой преждевременный удѣлъ.
 Съ тѣхъ поръ вступивъ съ луною въ брань,
 Минотти гибельная длань
 Сыновъ османскихъ безъ числа
 Какъ жертву сыну принесла.
 И если крови страшный пиръ
 Даетъ тѣнямъ желанный миръ,
 То и Патроклъ не такъ отмщенъ,
 Какъ сынъ его что былъ сраженъ.
 Тамъ гдѣ, Европу отдѣливъ,
 Шумить вдоль Азіи проливъ,
 Гдѣ въ дни минувшіе легло
 Бойцовъ несмѣтное число;
 Но мы не знаемъ гдѣ ихъ прахъ,
 Гдѣ лали храбрые въ бояхъ.
 Нѣтъ камня надъ ними; ихъ пепелъ устаѣлъ;
 И жить въ пѣснопѣняхъ — ихъ вѣчный удѣлъ!

XXVI.

Чу! снова крики: Алла-гу!
 То Альпъ тѣсному врагу
 Съ отборнымъ войскомъ янычаръ
 Несетъ рѣшительный ударъ.
 Чтобъ могъ разить быстрее мечъ,
 У Альпа руки вплоть до плечъ
 Обнажены; летя впередъ,
 Манить онъ рати, онъ зоветъ.
 Пусть на другомъ убранство латъ
 Влечетъ враговъ корыстный взглядъ;
 Пусть у другаго изъ лашей
 Чалма богаче, мечъ цѣннѣй;
 Но Альпа всякъ узнаетъ вмигъ
 По грознымъ взмахамъ рукъ нагихъ.
 Гдѣ Альпъ, тамъ жарче бой кипитъ;
 Гдѣ онъ, тамъ яростнѣй разитъ
 Его орда ряды враговъ.
 Тамъ стягъ его средь бунчуковъ
 Всѣхъ выше вьется, какъ лучи

Кометы пламенной въ ночи.
 Гдѣ эта грозная рука
 Ведетъ османскія войска,
 Повсюду смерть и гибель тамъ;
 Тамъ нѣтъ лошады бѣглецамъ,
 Тамъ нѣтъ лошады и бойцу,
 Который, близкій ужъ къ концу,
 Борясь со смертью на землѣ,
 Въ крови, безъ страха на челѣ,
 Рукой ослабленной еще
 Разитъ врага, но ужъ вотще.

XXVII.

Минотти бьется, невредимъ.
 Вдругъ Альпъ является предъ нимъ.
 „Старикъ, сдавайся! для любви,
 Для дочери твоей живи.“
 — О, нѣтъ, отступникъ, никогда!
 Куплю ли жизнь цѣной стыда?
 „Франческа, другъ души моей!
 Ужель погибнуть должно ей,
 Старикъ, по гордости твоей?“
 — Ты ей не страшенъ! — „Гдѣ жъ она?“
 — Въ странѣ, откуда изгнана
 Душа злодѣя—въ небесахъ!“
 И съ злой усмѣшкой на губахъ
 Минотти видитъ какъ сраженъ,
 Какъ громомъ, страшной вѣстью онъ.
 „Когда жъ, о Боже! дочь твоя
 Скопчалась?“ — „Въ эту ночь, и я
 О ней напрасныхъ слезъ не лью;
 Не посрамишь ты кровь мою
 И не падетъ она рабой
 Предъ Магометомъ и тобой.
 Сражайся!“ Тщетно въ бой онъ звалъ,
 Ужъ Альпъ межъ трулами лежалъ.
 Пока Минотти злая рѣчь,
 Убийственный чѣмъ острый мечъ,

Явила грудь его тоской,
Раздался выстрѣлъ роковой,
Направленный изъ царскихъ вратъ
Сосѣдней церкви, гдѣ отрядъ
Бойцовъ, собравъ остатки силъ,
Жестокій бой возобновилъ.
И прежде чѣмъ замѣтилъ взоръ
Откуда выстрѣлъ данъ въ упоръ, —
Альпъ, закружившись, палъ во прахъ.
Сверкнулъ, какъ молнія, въ глазахъ
Огонь и вѣчной ночи мракъ
Покрывъ его померкшій зракъ.
Съ предсмертной мукой на челѣ
Лежалъ онъ въ корчахъ на землѣ.
Его приподняли; но ликъ,
Въ крови, въ пыли, былъ страшенъ, дикъ;
Сочилась кровь изъ блѣдныхъ губъ
И былъ онъ холоденъ какъ трупъ.
Не билось сердце, блескъ въ глазахъ
Потухъ и замеръ стонъ въ устахъ.
Онъ умеръ, но кончины мигъ
Не возвѣстилъ ни вздохъ, ни крикъ,
И прежде чѣмъ мелькнула въ немъ
Мечта о Промыслѣ благомъ,
Ужъ духъ его умчался въ адъ,
До самой смерти—ренегатъ.

XXVIII.

Тогда въ рядахъ друзей, враговъ
Поднялся вопль до облаковъ,
И былъ онъ радостенъ и дикъ,
Крикъ торжества и мщенья крикъ.
И снова вслыхнулъ бой: съ плеча
Съкутъ мечи, о мечъ стуча,
Трепещутъ, ломаются, древки ликъ
И всюду смерть и смерти крикъ.
Межъ тѣмъ, въ крови, въ дыму, въ пыли,
Минотти каждый футъ земли,

Рубясь, упорно защищалъ
 И шагъ за шагомъ отступалъ.
 Съ нимъ горсть отважныхъ удалцовъ
 Путь прорубаетъ сквозь враговъ,
 Стремясь проникнуть въ Божій храмъ,
 Откуда, въ мщеніе врагамъ,
 Тотъ грянулъ выстрѣлъ, что смирилъ
 Въ свирѣломъ Альфѣ рьяный пылъ.
 Туда-то трудною тропой
 Стремился храбрыхъ грозный строй,
 И, обратясь лицомъ къ врагу,
 Неся на каждомъ смерть шагу,
 Вслѣдъ за вождемъ, сквозь толпъ густыхъ,
 Проникъ подъ своды стѣнъ святыхъ:
 За ихъ твердыней, кончивъ трудъ,
 Герои духъ переведутъ.

XXIX.

Минутный отдыхъ! Вновь орды,
 Сомкнувшись въ плотные ряды,
 Такъ сильно ринулись, что имъ
 Ужь нѣтъ возврата и самимъ.
 Такъ узокъ путь ведущій въ храмъ,
 Что еслибъ первымъ ихъ рядамъ
 Вложилъ страхъ въ душу мысль бѣжать,
 Рядовъ имъ заднихъ не прорвать:
 Имъ надо биться, погибать!
 Пусть гибнуть: гдѣ одинъ падетъ,
 Тамъ сотня метителей встаетъ,
 И, не слабѣя отъ рѣзни,
 Тѣснѣй смыкаются опп.
 И вотъ ужъ Турки у воротъ.
 Еще противится имъ входъ;
 Еще изъ оконъ, изъ дверей,
 Изъ всѣхъ отверстій и щелей
 Ихъ поражаетъ частый градъ
 Каменьевъ, пуль, ручныхъ гранатъ.
 Но дверь колеблется, листы
 Желѣза прочь, трещать болты...
 Пагнулась, падаетъ, и вотъ
 Послѣдній часъ Коринѣу бьетъ!

XXX.

Предъ алтаремъ, суровъ, угрюмъ,
 Исполненный зловѣщихъ думъ,
 Стоитъ Минотти; а надъ нимъ,
 Одѣявъ свѣтомъ неземнымъ,
 Блеститъ Малонны ликъ въ лучахъ,
 Со взоромъ благи въ очахъ.
 Онъ тамъ блеститъ надъ алтаремъ,
 Чтобъ мы славялись съ божествомъ,
 Когда, колѣна приклоня,
 Мы зримъ, какъ свѣтлый ликъ Ея
 Съ предвѣчнымъ Сыномъ внемлетъ намъ
 И воскреляетъ къ небесамъ
 Улыбкой кроткой гласъ молитвъ.
 Она и нынѣ въ шумѣ битвъ
 Глядитъ на гибнущихъ въ крови
 Все тѣмъ жъ взорами любви.
 Къ ней старецъ взоръ возвелъ; потомъ,
 Грудь осынивъ себѣ крестомъ,
 Схватилъ свѣчу предъ алтаремъ.
 Онъ ждетъ; межъ тѣмъ и здѣсь и тамъ
 Османы рвутся въ Божій храмъ.

XXXI.

Подъ мозаикой древнихъ плитъ
 Есть склепъ: тамъ прахъ усопшихъ спитъ;
 Тамъ есть и надписи имъ въ честь,
 Но ихъ нельзя теперь прочесть.
 Теперь обломками щитовъ,
 Мечами, шлемами бойцовъ
 Покрыты, кровью залиты
 Гербы, надгробные щиты.
 Теперь тамъ всюду мертвецы:
 Вверху — убитые бойцы,
 Внизу — подъ сводами, въ гробахъ,
 Усопшихъ предковъ бранный прахъ.

Но и усонившъ мирный сонъ
 Бойною не бывъ потрепанны;
 Она, пройдя въ мракъ сырой,
 Тамъ въ корридорахъ подъ землею
 Скопана страшный свой предметъ,
 И въ дни осады, въ грозный часъ,
 Тамъ учредила средь лучины
 Пороховой своей магазинъ.
 Туда проложенъ ужъ привода,
 Послѣдній роковой билетъ
 Въ борьбу отчаянной! — И вѣтъ —

XXXII.

Ворвался врагъ какъ лютый звѣрь,
 И кто сразится съ нимъ теперь?
 Бѣдъ пали, некого губить!
 Чтобъ жажду мщенья утолить,
 На трупы врагъ заноситъ мечъ,
 Срубаетъ головы имъ съ плечъ;
 Тѣ съ злобой статуи святыхъ
 Свергаютъ въ прахъ изъ нишей ихъ;
 Тѣ грабятъ, рушатъ все вокругъ;
 Тѣ другъ у друга рвутъ изъ рукъ
 Святую утварь, образа
 И все что кинется въ глаза.
 Ужъ къ алтарю они бѣгутъ!
 Еще стоитъ на немъ сосудъ,
 Изъ золота чистаго литья,
 Тяжелый, съ хитрою резьбой,
 Манившій цѣнностью своею
 Глаза свирѣлыхъ дикарей.
 Сегодня утромъ въ немъ вино
 Въ Христову кровь освящено
 Для очищенья отъ грѣховъ
 Души готовыхъ въ бой сыновъ.
 Предъ алтаремъ пылаютъ въ рядъ
 Двѣнадцать золотыхъ лампадъ —
 Корысть безцѣнная, она
 Врагу послѣдней быть должна!

XXXIII.

Бѣгутъ, и первый изъ враговъ
Схватить добычу ужъ готовъ.

Но, упредивъ,
Минотти пламенной свѣчей
Поджогъ приводъ пороховой,
И — грянулъ взрывъ!

И вмигъ сводъ храма, стѣны, шпиль,
Алтарь, добыча, рядъ гробницъ,
И склепъ, и все что было тамъ,
Живые, мертвые, весь храмъ,
Взлетѣли съ трескомъ къ небесамъ.

И дрогнулъ городъ; стѣны въ прахъ;
Волна отхлынула; въ горахъ,
Какъ отъ удара подъ землей,
Раздался страшный гулъ глухой.
И съ дымомъ, съ пламенемъ, клубясь,
Пыль къ небу вихремъ поднялась
И возвѣстила что судьбой
Рѣшенъ свирѣпый, долгій бой.
И все, что было на землѣ,
Взвилось ракетами во мглѣ.
И много воиновъ живыхъ
Подъ облака взлетѣло вмигъ,
И, обгорѣлые, изъ мглы,
Упали внизъ съ дождемъ золы,
Кто на долину, кто въ заливъ,
Въ немъ сильно воду возмутьивъ
И оставляя въ ней круги.
Кто тутъ друзья, кто тутъ враги,
Кто Франкъ, кто Турокъ — какъ узнать?
Того не скажетъ намъ и мать!
Увы! качая въ прежни дни,
Лаская сына у груди
И съ нѣжной кротостью глядя
На спящее свое дитя,

Воображала ли она
Что день придетъ когда война
Такъ эти члены исказить,
Что въ нихъ и мать не различить
Черты ей милого лица! —
И внизъ летѣли безъ конца
Каменья, бревна, головни,
И, въ землю врѣзавшись, они
Дымилась многіе тамъ дни.

И все живое вѣтотъ громъ
Смутилъ на много миль кругомъ.
Взвилися птицы; стаи псовъ
Отъ тѣлъ бѣжали въ глубь лѣсовъ;
Верблюды вырвались изъ рукъ;
Волъ опрокинулъ въ полѣ плугъ;
Порвавъ узду, пугливый конь
Бѣжалъ на волю, весь огонь;
Лягушки крикъ свой средь трясины
Въ нестройный слили хоръ одинъ;
А на горахъ, гдѣ гулъ не моакъ,
Взвылъ не одинъ голодный волкъ.
И, вторя вою волчицъ стай,
Шакалы вдругъ подняли лай,
Протяжный, жалобно-глухой,
Какъ дѣтскій плачь, иль песій вой.
И, мощно крыльями взмахнувъ,
Орелъ раскрылъ въ испугъ клювъ,
И съ крикомъ съ горнаго гнѣзда
Поднялся медленно туда
Гдѣ за клубами дымныхъ тучъ
Сіяетъ солнца яркій лучъ,
И, выше, выше возносясь,
Онъ наконецъ исчезнулъ съ глазъ
За черной тучей громовой.

Такъ лалъ Коринѣ передъ луной!

ДМИТРІЙ МИНЬ.

УНИВЕРСИТЕТСКІЙ ВОПРОСЪ *

XIV.

Перехожу къ вопросамъ о порядкѣ назначенія профессоръ и объ устройствѣ университетскаго управленія, — вопросамъ стоящимъ на второмъ планѣ сравнительно съ капитальными задачами преобразования: измѣненіемъ системы экзаменовъ и правильнымъ устройствомъ преподаванія, но тѣмъ не менѣе имѣющимъ важное значеніе въ университетской жизни. Вопросъ о назначеніи профессоровъ показался моимъ многочисленнымъ противникамъ (известно что мое *Миніе по поводу предстоящаго пересмотра устава университетовъ* породило въ свое время цѣлую литературу возраженій и обличеній), особенно и, можно прибавить, единственно удобнымъ къ тому чтобы во имя яко бы либеральныхъ идей и мнимой преданности святынь университетскихъ правъ обвинить меня въ ретроградномъ направленіи, въ желаніи подслужиться власти, въ измѣнѣ университету. Я былъ объявленъ врагомъ университетовъ за то что высказался, — какъ высказывался двѣнадцать лѣтъ тому назадъ

* См. *Русскій Вѣстникъ*, № 1 и 2.

при обсужденіи проекта устава 1863 года, — противъ начала исключительнаго самопополненія университетовъ и въ пользу двойкаго пути при выборѣ профессоровъ: чрезъ избраніе совѣта и въ некоторыхъ случаяхъ чрезъ прямое назначеніе министромъ. „Не думаю, говорилъ я, чтобы было полезно пресѣкать министру возможность прямымъ путемъ содѣйствовать укрѣпленію и обновленію той или другой университетской корпораціи, хотя, съ другой стороны, право выбора въ смыслъ рекомендаціи должно, полагаю, остаться за университетами во всей силѣ.“ Право министра, прибавлялъ я, не отвергается абсолютно и уставомъ 1863 года, но обетовано условіями долженствующими парализовать его полезное дѣйствіе, внести разладъ въ дѣло требующее согласныхъ усилій правительственной власти и самой корпораціи, связывать руки въ хорошемъ, не пресѣкая возможности сдѣлать дурное.

Вотъ мысли за которыя я былъ объявленъ врагомъ университетовъ и ихъ самостоятельности. Но въ такомъ случаѣ надлежало бы объявить врагами университетовъ составителей университетскихъ уставовъ во всемъ образованномъ мірѣ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, происходило и происходитъ назначеніе профессоровъ въ Германію, какъ производилось и производится оно во Франціи и своеобразной Англіи? Полагаю что въ высшей степени важно при составленіи или пересмотрѣ нашихъ уставовъ имѣть въ виду какъ рѣшаются тѣ же вопросы въ странахъ откуда мы заимствовали университетъ, откуда продолжаемъ заимствовать науку. Начнемъ съ Германіи. Раскроемъ статуты Берлинскаго университета и прочтемъ какой порядокъ установленъ закономъ для назначенія профессоровъ этого знаменитаго учрежденія (см. Koch. *Die Preussischen Universitäten*, Berlin, 1839, T. I. 147 и др.). Замѣчу что университетскаго совѣта въ нашемъ смыслѣ нѣтъ въ Берлинскомъ университетѣ, какъ и въ большинствѣ германскихъ университетовъ, и общее собраніе всѣхъ ординарныхъ профессоровъ бываетъ почти только для выбора ректора и сенаторовъ, высшій же органъ внутренняго университетскаго управленія, сенатъ, состоящій изъ ректора, его предшественника, четырехъ декановъ и пяти ординарныхъ профессоровъ, не имѣетъ участія въ назначеніи профессоровъ. Избраніе, въ смыслѣ рекомендаціи, предоставлено факультетамъ. Въ статутахъ каждаго изъ факультетовъ

тетовъ читаемъ: „Когда становится вакантною какая-либо ординарная кафедра, факультету (то-есть собранію его *ординарныхъ* профессоровъ) дозволяется предложить министерству, въ формѣ мотивированнаго мнѣнія, трехъ къ занятію отъслужившей кафедры способныхъ лицъ. Министерство оставляетъ себѣ увеличивать число ординарныхъ профессуръ согласно нуждамъ факультета и имѣющимся средствамъ“. (Ist ein Ordinariat erledigt, so ist der Fakultät gestattet, drei für dasselbe geeignete Männer mittelst eines motivirten Gutachtens dem Ministerium vorzuschlagen. Das Ministerium behält sich vor, die Zahl der ordentlichen Nominalprofessuren nach Maassgabe des Bedürfnisses der Fakultät und der vorhandenen Mittel zu vermehren.) Вообще же, какъ сказано въ основныхъ положеніяхъ статутовъ Берлинскаго университета, корпусъ учащихся состоитъ „изъ королевскою властію и министерствомъ *призываемыхъ* и *определяемыхъ* ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ и изъ учащихся принимающихъ участіе въ преподаваніи, подъ наименованіемъ и приватъ-доцентовъ, съ одобренія и подъ авторитетомъ университета“ (sowohl der von Uns und Unserem Ministerium... *berufenen* und *angestellten*, ordentlichen und ausser-ordentlichen Professoren, als auch aus den mit Genehmigung und unter Autorität der Universität unter dem Namen der Privatdozenten an dem Lehrgeschäfte Theil nehmenden Lehrern). Въ статутахъ факультетовъ Берлинскаго университета (Кохъ, I, ст. 288 и друг.) находимъ: „факультету дозволяется для замѣщенія отъслужившей вакантною или нѣкоторое время незанятой профессуры предлагать съ мнѣніемъ чрезъ попечительство министерству трехъ способныхъ лицъ“ (ist der Fakultät gestattet, zur Besetzung jüngst erledigter, oder eine Zeit lang unversehen gebliebener Professuren drei geeignete Männer durch das Kuratorium dem Ministerium gutachtlich in Vorschlag zu bringen). Факультетская рекомендація не имѣетъ обязательной силы для министерства, и „въ Боннѣ, напримеръ, какъ свидѣтельствуемъ г. Кавелинъ въ своей статьѣ *Устройство и управление нѣмецкихъ университетовъ* (*Русскій Вѣстникъ*, 1865, № 2, стр. 541), назначеніе профессоровъ помимо предложенныхъ кандидатовъ — дѣло довольно обыкновенное“.

Такимъ образомъ въ странѣ славящейся процвѣтаніемъ науки, обладающей ученымъ сословіемъ уважаемымъ, по

всемъ міръ по его первокласснымъ заслугамъ, дорожающей своими университетами какъ главнымъ сокровищемъ, не считается полезнымъ давать этимъ учреждениямъ, какъ ни высоко стоятъ они, право исключительнаго самополненія, и согласно опыту исторіи, участіе университета въ избраніи профессора допускается въ формѣ *рекомендаціи*, то есть признается то начало которое, будучи указано мною, подверглось глумленію и обличенію со стороны нашихъ знатоковъ.

Несостоятельность начала исключительнаго самополненія университетовъ принадлежитъ къ числу предметовъ наименѣе спорныхъ. Оно давно уже осуждено исторіей и практикой. Въ Германіи вопросъ можно считать рѣшеннымъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, какъ не трудно убѣдиться, на примѣръ, читая уже не разъ упомянуемое нами сочиненіе геттингенскаго профессора Мейнерса (*Meiners: Ueber die Verfassung und Verwaltung deutscher Universitäten*, 1801) и ознакомившись съ исторіей основанія Берлинскаго университета. Германскіе университеты пользовались правомъ самополненія лишь въ отдаленную эпоху своего существованія, когда они еще сохраняли характеръ самостоятельныхъ корпорацій въ средневѣковомъ смыслѣ. Но когда правительства, ставшая просвѣщеніе, стали ближе интересоваться судьбами университетовъ, оказывать имъ особое покровительство, снабжать ихъ привилегіями и фондами, они вмѣстѣ съ тѣмъ естественно присвоивали себѣ долю участія въ дѣлахъ отъ которыхъ зависитъ благосостояніе университетовъ.

„Первое ограниченіе, говоритъ Мейнерсъ, состояло въ томъ чтобъ избранные университетами преподаватели и должностныя лица были представляемы на утвержденіе мѣстныхъ государей или правительствъ. Этотъ шагъ вскорѣ повелъ къ другому, вслѣдствіе котораго начальства высшихъ учебныхъ заведеній стали требовать чтобъ эти заведенія, для замѣщенія какого-либо мѣста или должности, представляли нѣсколько кандидатовъ, дабы можно было избрать изъ нихъ достойнѣйшаго. При основаніи университета въ Галле, факультеты юридическій и медицинскій испросили себѣ дозволеніе представлять на вакантныя мѣста двухъ кандидатовъ, надѣясь что одинъ изъ нихъ будетъ утвержденъ государемъ. Пункты содержащіе это дозволеніе были въ послѣдствіи включены и въ уставъ Геттингенскаго университета.“ Установился по-

рядокъ рекомендаціи, въ главныхъ чертахъ сохранившійся и донынѣ. Самъ Мейнерсъ высказывался рѣшительнымъ образомъ не только противъ начала самопополненія, но и противъ права рекомендаціи, и считалъ полезнымъ совершенно устранить университетскіе совѣты и факультеты отъ участія въ избраніи профессоровъ. Приведу его сужденія не потому чтобы держался подобнаго мнѣнія въ его исключительности, но потому что соображенія такого авторитетнаго лица, добытыя долгою практикой университетской дѣятельности, во всякомъ случаѣ заслуживаютъ вниманія людей способныхъ свободно отнестись къ дѣлу. Привожу ихъ отчасти и для того чтобы показать что въ странѣ университетской по преимуществу можно держаться по вопросу о назначеніи профессоровъ крайняго мнѣнія, предлагать отнять у университетовъ всякое право избранія и рекомендаціи, — чего я не предлагалъ и съ чѣмъ несогласенъ, — и никакъ не считать врагомъ университетовъ. Прибавлю мимоходомъ что имя Мейнерса не лишено значенія въ исторіи Московскаго Университета. Къ нему обращался въ 1804 году знаменитый попечитель Муравьевъ для приглашенія геттингенскихъ ученыхъ на кафедру Московскаго Университета. Имъ были рекомендованы Гофманъ, Буле, Рейсъ и другіе. (*Исторія Московскаго Университета* Шевырева, стр. 343.)

„Дѣйствительное избраніе и утвержденіе профессоровъ, говоритъ Мейнерсъ (т. II, 35), нынѣ въ большинствѣ университетовъ зависитъ отъ главы страны и поставленныхъ имъ попечителей *; лишь въ весьма немногихъ отъ самихъ университетовъ или отъ ихъ отдѣльныхъ коллегій и должностныхъ лицъ (von den hohen Schulen selbst oder einzelnen Collegiis und Beamten derselben). Университеты гдѣ профессора избираются и утверждаются главою страны или имъ поставленными попечителями различаются между собою тѣмъ что въ однихъ общее собраніе профессоровъ или отдѣльные факультеты имѣютъ право или только позволеніе предлагать кандидатовъ на открывшіяся мѣста, въ другихъ — нѣтъ. Возникаетъ вопросъ: что лучше, то ли когда университеты сами избираютъ профессоровъ или когда профессора избира-

* Мейнерсъ говоритъ о попечителяхъ, а не о министрахъ, потому что въ его эпоху попечители изъ сановниковъ были по отношенію къ университетамъ высшими представителями правительственной власти.

ются высшимъ начальствомъ? Лучше ли если университеты или ихъ коллеги имѣютъ право или дозволеніе предлагать или рекомендовать преподавателей, или предпочтительнѣе если они таковыхъ не имѣютъ?

„Безъ всякаго спора лучше чтобы преподаватели въ университетахъ были избираемы властью, а не университетскими сенатомъ или факультетами. Правда, сколь бы ученые ни были попечители, имъ невозможно однако во всѣхъ отрасляхъ знанія имѣть столько свѣдѣній чтобы, на основаніи собственного знанія, выбирать людей способныхъ для преподаванія и рѣшать на какихъ ученыхъ должно быть обращено вниманіе и кто изъ таковыхъ наиболѣе достоинъ избранія. Этого не могъ бы сдѣлать даже ученѣйшій изъ профессоровъ равно также какъ и попечитель. Но благонамѣренному и просвѣщенному попечителю не трудно добыть свѣдѣнія которыхъ самъ онъ не имѣетъ и не можетъ имѣть. Попечители преимущественно живутъ въ большихъ городахъ, гдѣ проживаютъ ученые вполнѣ знакомые съ каждою отраслью литературы. При этомъ попечители всегда знаютъ, во вѣреннейшихъ имъ университетахъ, надежныхъ ученыхъ людей, которые или сами могутъ дать имъ совѣтъ, или посоветоваться объ этомъ съ своими друзьями и знакомыми. Этими путями легко опредѣлить какъ число, такъ и достоинство кандидатовъ на вакантныя мѣста. Допустивъ это, нельзя отрицать что почти безъ изъятія всѣ попечители будутъ избирать того кандидата котораго имъ рекомендуетъ самый свѣдущій и безпристрастный совѣтникъ. Для попечителей нѣтъ никакого другаго или по крайней мѣрѣ никакого болѣе сильнаго интереса какъ поддержать и увеличить преуспѣваніе университетовъ надъ которыми они поставлены. Этотъ интересъ побуждаетъ ихъ, при замѣщеніи должности преподавателя, осведомляться какъ можно точнѣе кто изъ кандидатовъ наиболѣе достоинъ занять вакантное мѣсто, и отыскавъ такого они предпочтутъ его прочимъ. Люди изъ которыхъ имъ придется выбирать не свои для нихъ, и часто даже не были прежде извѣстны имъ и по имени. Слѣдовательно, почти никогда не можетъ быть повода для пристрастнаго расположенія попечителей къ кандидатамъ, и также рѣдко можетъ случиться чтобы они имѣли причину враждовать противъ кого-нибудь изъ кандидатовъ. Если попечитель изберетъ достойнаго, то не только будетъ имѣть одобреніе удовле-

твореніе поступивъ по волеѣ, но и выборъ послужить самому ему въ честь. Если же онъ дастъ себя увлечь непривѣреннымъ предстательствомъ и выберетъ не самаго достойнаго, то подвергнется тайному, а иногда и явному порицанію.

„Избирающіе академическіе сенаты или факультеты конечно имѣютъ то преимущество предъ попечителями что члены сената и факультетовъ лично знаютъ права кандидатовъ на преподавательскія должности. Но съ другой стороны, они уступаютъ попечителямъ въ томъ отношеніи что въ ихъ рѣдко можно предполагать добрую волю выбрать того кого они сами считаютъ достойнѣйшимъ. Самые достойные кандидаты часто бываютъ или противниками, или соперниками своихъ избирателей или ихъ друзей и знакомыхъ. Само избиратели, или ихъ друзья и знакомые, имѣютъ родныхъ или рекомендованныхъ имъ людей, которыхъ имъ хотѣлось бы пристроить. Слѣдовательно въ большей части случаевъ, интересы избирателей побуждаютъ ихъ устранять достойнѣйшихъ и выбирать менѣе достойныхъ. Безпристрастные выборы академическими сенатами и факультетами имѣла бы мѣсто только относительно мѣстъ гдѣ не представляется конкуренціи и замѣщеніе коихъ скорѣе выгодно для всѣхъ членовъ университета. А такіе случаи — неслы не случаются въ этомъ — довольно рѣдки. Итакъ, до тѣхъ поръ пока остается несомнѣннымъ что академическіе сенаты и факультеты чаще бываютъ пристрастными члѣны попечители университетовъ несвѣдущи, необходимо утверждать что выборъ профессоровъ лучше предоставлять начальникамъ, нежели самимъ преподавателямъ университетовъ. Исторія и опыты высказали объ этомъ своей вѣковой приговоръ.

„Предложеніе и рекомендація кандидатовъ академическими сенатами и факультетами составляютъ зло еще не столь большое какъ дѣйствительные выборы ими преподавателей. Но и это все-таки есть зло, которое надобно отмѣнить или котораго надо стараться избѣгать. По тѣмъ же причинамъ по какимъ слѣдуетъ опасаться что сенаты и факультеты устранять лучшихъ кандидатовъ, и выберутъ менѣе достойныхъ, можно ожидать и того что сенаты и факультеты не включаютъ въ списокъ кандидатовъ достойныхъ людей, а предлагаютъ и рекомендуютъ лишь менѣе достойныхъ. Гдѣ установлено чтобы сенаты или факультеты

предлагали нѣсколько кандидатовъ, а высшимъ властямъ предоставлялся выборъ только изъ предложенныхъ, тамъ возникалъ если не явный nepотизмъ, то по крайней мѣрѣ духъ землячества и тайный заговоръ противъ чужихъ, вредный для университетовъ. Поэтому, если высшія власти ограничатся при выборѣ только одними рекомендованными имъ лицами, то не рѣдко удостовѣрятся что онѣ не лучшими людьми могутъ замѣстить вакантныя должности. Если же онѣ не обратятся къ сенатамъ и факультетамъ, то возбуждать въ нихъ неудовольствіе и сдѣлаютъ ихъ заклятыми врагами тѣхъ лицъ кого сами выберутъ. Тогда сенаты и факультеты станутъ жаловаться на неуваженіе къ ихъ привилегіямъ и будутъ ненавидѣть и даже преслѣдовать лицо навязанное имъ вопреки этимъ привилегіямъ. Слѣдовательно, всего лучше чтобы при выборѣ преподавателей была предоставлена полная свобода основателямъ и начальникамъ университетовъ; послѣдніе же, при замѣщеніи преподавательскихъ должностей, совѣтовались бы съ людьми которые вполнѣ извѣстны имъ какъ самые надежные совѣтники.

„Но бывали же, возражать мнѣ, попечители столь же пристрастные какъ и несправедливые, которые безъ всякаго вниманія ко благу университета и безъ всякой заботы о собственной чести опредѣляли въ преподаватели людей неспособныхъ, или по рекомендаціи ненадежныхъ совѣтниковъ, или потому что не могли ничѣмъ другимъ вознаградить за услуги оказанныя имъ самимъ, или близкимъ къ нимъ людямъ. Конечно такіе попечители бывали и по временамъ будутъ бывать и въ послѣдствіи. Если такая казнь стрясется надъ университетомъ, то ему нисколько не поможетъ привилегія предлагать или рекомендовать кандидатовъ. Безсовѣстные начальники не уважатъ ссылокъ на привилегіи или сумѣютъ такъ распорядиться чтобы имъ предложили тѣхъ кандидатовъ которыми они благопріятствуютъ.“

Вопросъ о наилучшемъ устройствѣ университетовъ былъ въ особенности на очереди въ Германіи въ эпоху когда въ Пруссіи, возрождавшейся послѣ Наполеоновскаго погрома, возникла мысль объ основаніи университета въ Берлинѣ и многіе ученые высказывали свои соображенія о значеніи и желательномъ устройствѣ новаго учрежденія. Въ числѣ высказавшихся извѣстный философъ Шлейермахеръ (*Gelegentliche Gedanken über Universitäten*, Berlin, 1808) особенно вни-

мательно разбиралъ взаимныя отношенія государства и учебной корпораціи, какую представляет собою университетъ. Указывая что успѣхъ учрежденія главнымъ образомъ зависитъ отъ удачнаго выбора лицъ его составляющихъ,—„безъ чего оно при самыхъ лучшихъ законахъ и статутахъ можетъ остаться однимъ пустымъ подобіемъ дѣла“,—Шлейермахеръ называетъ заботу о выборѣ преподавателей первою и труднѣйшею заботой по отношенію къ университету. „Замѣчаютъ, говоритъ онъ, цѣлые періоды когда иной университетъ почти сплошь состоитъ изъ отличнѣйшихъ преподавателей, и другіе, когда мѣста замѣщены ниже чѣмъ посредственностями. Это, какъ кажется, имѣетъ свое объясненіе въ томъ обстоятельствѣ что правительства обыкновенно поручаютъ заботу о замѣщеніи этихъ должностей какому-либо значительному государственному лицу. Если оно имѣетъ прямой талантъ и истинное рвеніе, то не приминетъ собрать лучшихъ людей; но слѣдуетъ за нимъ другой неспособный избиратель и мало-по-малу плохіе выборы замѣщаютъ отличныхъ преподавателей рядомъ ничтожностей....“ Но слѣдуетъ ли отсюда что право назначенія должно быть предоставлено самимъ университетамъ? Противъ такого права самопополненія университетовъ Шлейермахеръ высказывается самымъ рѣшительнымъ образомъ. „Конечно, говоритъ онъ, самъ университетъ наилучше знаетъ въ чемъ нуждается какъ скоро обнаруживается пробѣлъ и представляется случай къ расширенію, и такъ какъ у его членовъ необходимо надо предполагать знакомство со всѣмъ чѣмъ есть замѣчательнаго въ отечественной области науки, то они должны знать въ комъ найти удовлетвореніе нуждамъ университета. Но къ сожалѣнію, никто конечно не подастъ голоса за то чтобъ университету предоставить исключительное право избранія (*allein leider möchte wohl Niemand dafür stimmen ihr jede Wahl allein zu überlassen*). Университеты вообще такъ славятся духомъ мелкихъ интригъ, что при подобномъ устройствѣ надлежало бы ждать самыхъ вредныхъ послѣдствій отъ духа партій, возбужденныхъ въ литературныхъ распряхъ, отъ страстей и разныхъ личныхъ комбинацій.“ Планъ предложенный Шлейермахеромъ не былъ и едва ли можетъ быть признанъ практическимъ. По его мнѣнію, при назначеніи на тѣ мѣста по отношенію къ которымъ „непосредственно высказывается интересъ государства какъ таковаго“ (*für Stellen an denen*

das Interesse des Staats als solchen sich unmittelbar ausspricht) инициатива должна идти отъ правительства. Попечитель вспомоществуемый училищнымъ совѣтомъ предлагаетъ, то-есть указываетъ лицъ, избраніе принадлежитъ университету (соотвѣствующему факультету въ соединеніи съ частию членовъ философскаго факультета). Для кафедръ же имѣющихъ строго научный характеръ инициатива идетъ отъ университета, предлагающаго трехъ кандидатовъ изъ которыхъ и выбираетъ начальство.

Знаменитый Савининъ въ рецензіи на *Мысли Шлейермахера* (въ *Гейдельбергскомъ Ежегодникѣ*, 1808, тетрадь III) называетъ планъ Шлейермахера искусственнымъ. „Гдѣ есть основаніе, говорить оъ, приписывать правительству узкія воззрѣнія, тамъ такой порядокъ конечно имѣлъ бы выгоды; но вообще мы не думаемъ чтобы при немъ университетъ могъ достичь высокаго процвѣтанія. Когда какой-либо университетъ прочно подымался,—это произошло, навѣрное можно оказать, благодаря научному смыслу попечителя, умѣнаго стать въ свободное сношеніе съ преподавателями. Пусть не возражаютъ намъ что здѣсь предполагается невѣроятный случай такого попечителя который бы самъ имѣлъ цѣну и имя какъ ученый: этого мы не требуемъ, ибо открытое живое пониманіе каждаго самостоятельнаго, сильнаго, богатаго духомъ явленія въ научной области,—а въ этомъ все дѣло,—можетъ очень хорошо имѣть мѣсто и безъ производительнаго таланта. Но всякое избирательное право преподавателей кажется намъ потому сомнительнымъ (alles Wahlrecht der Lehrer aber ist deshalb bedenklich). Величайшая опасность для научнаго учрежденія есть односторонность направленія, при которой въ концѣ-концовъ гибнетъ всякая свободная жизнь.“

Еще менѣе практическою признана была мѣра предложенная знаменитымъ Фихте (*Deducirter Plan einer zu Berlin zu errichtenden höhern Lehranstalt*, 1807). Фихте предлагалъ предоставить назначеніе профессоровъ соглашенію Академіи Наукъ (по его плану составленной преимущественно изъ профессоровъ окончившихъ преподавательскую дѣятельность) съ совѣтомъ преподавателей. Въ планѣ Фихте нѣтъ рѣчи о министерствѣ и попечительствѣ, но сомнѣваюсь чтобы его идеальный университетъ, родъ ученаго монашескаго ордена, понравился нашимъ якобы защитникамъ совѣтской автономіи. По идеальному построенію славнаго философа, новый

университетъ долженъ былъ быть семинаріей профессоровъ подготовляющею людей науки и построенной на совершенно новыхъ началахъ. „Замѣчательно, говоритъ профессоръ Деллингеръ, президентъ (послѣ покойнаго Либиха) Баварской Академіи Наукъ (въ брошюрѣ *Die Universitäten sonst und jetzt*. 2e. Ausgabe, 1871), что такой чисто нѣмецкій умъ какъ Фихте, какъ бы подъ вліяніемъ французскихъ революціонныхъ идей, могъ совѣтовать полную ломку существующаго и возведеніе учрежденія, которое, выросшее изъ Платоновой мысли о государствѣ управляемомъ философами, совершенно упустило бы индивидуальность воспитываемыхъ въ немъ учителей и ученихъ, уничтожило бы ихъ свободу и основало бы родъ литературнаго монашества съ самыми деспотическими формами.“

Мы видѣли выше какъ рѣшило прусское законодательство вопросъ о порядкѣ назначенія профессоровъ. Въ правительственныхъ совѣтахъ воспреобладали мысли знаменитаго ученаго и практическаго государственнаго мужа Вильгельма Гумбольдта, и Берлинскій университетъ, а за нимъ Боннскій, возникли въ формахъ общихъ германскимъ университетамъ. Участіе университетовъ въ выборѣ профессоровъ допущено въ формѣ рекомендаціи.

XV.

Но если такова буква закона, то спрашивается, каково практическое его осуществленіе, какой обычный путь назначенія профессоровъ въ Германіи? Не суть ли постановленія закона обветшалые остатки старины, которые отживаютъ свой вѣкъ? Не тяготятся ли университеты участіемъ правительственной власти въ рѣшеніи задачи о выборѣ лицъ, столь существенной для внутренняго развитія учрежденія, не стремятся ли они къ достиженію права самоуполномоченія, какъ идеала либеральнаго университетскаго устройства? Нѣтъ ли указаній что этому праву принадлежитъ будущее? Никакихъ подобныхъ указаній не имѣется; законодательное рѣшеніе труднаго вопроса считается повидимому удовлетворительнымъ по возможности, и незамѣтно ли малѣйшаго движенія въ пользу начала самоуполномоченія, нѣкъмъ изъ наиболее компетентныхъ людей не считаемаго

либеральнымъ благомъ къ какому слѣдуетъ стремиться. Вопросъ о порядкѣ назначенія преподавателей, какъ и другіе вопросы университетскаго устройства, лѣтъ двадцать тому назадъ внимательно обсуждался въ совѣтахъ прусскихъ университетовъ. Дѣло было послѣ событій 1848 и 1849 годовъ въ эпоху богатую увлеченіями всякаго рода, когда и по вѣдомству просвѣщенія задумывались обширныя преобразованія чуть не всѣхъ его частей. По распоряженію министра Ладенберга, университеты были приглашены къ обсужденію дѣйствующихъ постановленій и къ свободному выраженію своихъ желаній. Обсужденію подвергался и вопросъ о назначеніи профессоровъ. Одни университеты высказались за сохраненіе установившагося порядка; нѣкоторые считали полезнымъ устройство при министерствѣ совѣта въ родѣ французскаго *conseil de l'instruction publique*, съ своей стороны подающаго голосъ при назначеніи профессоровъ; нѣкоторые желали выговорить для университетовъ право *veto*. Галльскій университетъ, высказываясь за устройство совѣта при министрѣ, мотивировалъ свое мнѣніе довольно вѣскимъ соображеніемъ. При парламентской формѣ, указывалъ онъ, есть опасность чтобы иной министръ, служа выраженіемъ эфемернаго большинства палаты, не нанесъ вреда неизмѣннымъ интересамъ народнаго просвѣщенія во имя минутныхъ парламентскихъ интересовъ.

На основаніи мнѣній факультетовъ и иного матеріала имѣвшагося въ министерствѣ, былъ составленъ рядъ вопросовъ (136 касательно полнаго проекта университетскихъ преобразованій), которые и обсуждались отъ 24го сентября до 12го октября 1849 года въ особой комиссіи университетскихъ преподавателей (по два отъ каждаго университета), подъ предѣлательствомъ оберъ-регірунгсъ-рата Дг. Шульца. На основаніи какъ этихъ предварительныхъ работъ, такъ и подобныхъ же работъ по другимъ частямъ вѣдомства просвѣщенія, составленъ былъ полный проектъ закона преобразованій по учебной части, который и предполагалось внести въ палаты. Въ этомъ проектѣ, въ отдѣлѣ объ университетахъ (см. офиціальное изданіе *Die Gesetzgebung auf dem Gebiete des Unterrichtswesens in Preussen*, Berlin, 1870), § 180, касающійся назначенія профессоровъ окончательнo формулированъ такъ: „При назначеніи ординарныхъ или экстраординарныхъ профессоровъ, факультеты обще съ сенатомъ

(in Gemeinschaft mit dem Senat) имѣютъ право мнѣнiемъ предлагать (gutachtlich in Vorschlag zu bringen) одного или нѣсколькихъ кандидатовъ извѣстныхъ учеными трудами и даромъ преподаванiя, какой бы странѣ ни принадлежали они (ohne Rücksicht auf das Land dem sie angehören); въ экстраординарные профессора должны быть по преимуществу избираемы туземные приватъ-доценты выдающiеся ученостiю, научнымъ духомъ и преподавательскимъ талантомъ. Мнѣнiями факультетовъ и сената отвѣтственный министръ народнаго просвѣщенiя не стѣсняется въ своемъ свободномъ выборѣ (in seiner freien Wahl nicht beschränkt).“ Таковъ былъ результатъ преобразовательныхъ соображенiй по интересующему насъ вопросу. Впрочемъ законопроектъ такъ и остался проектомъ и никакого измѣненiя не послѣдовало доселѣ въ порядкѣ назначенiя университетскихъ преподавателей,—порядкѣ такъ удовлетворительно дѣйствующемъ.

Отъ области законодательства перейдемъ въ область обычая. Въ 1869 году, вышло небольшое сочиненiе о нѣмецкихъ университетахъ анонимнаго автора, наименовавшего себя „однимъ нѣмецкимъ профессоромъ“ (*Von Deutschen Hochschulen Allerlei was da ist und was da sein sollte, von einem deutschen Professor. Berlin 1869*). Сочиненiе не отличается особенными достоинствами, но не лишено интереса какъ указанiе вопросовъ какiе въ новѣйшее время занимаютъ университетскiе кружки, и какъ очеркъ нѣкоторыхъ сторонъ современнаго университетскаго быта въ Германiи. Какъ же относится авторъ къ вопросу объ избранiи преподавателей? Приведемъ страницу гдѣ авторъ изображаетъ обычный нынѣ въ германскихъ университетахъ порядкъ назначенiя профессоровъ. Для поясненiя замѣтимъ что въ большинствѣ случаевъ, кафедры въ германскихъ университетахъ замѣщаются или приватъ-доцентами успѣвшими въ какомъ-либо университетѣ приобрести солидную ученую репутацiю, или профессорами перезываемыми изъ одного университета въ другой.

„Въ настоящее время, говоритъ авторъ (стр. 164), дѣло происходитъ болѣею частiю слѣдующимъ образомъ: Инициатива возникаетъ со стороны факультета гдѣ оказывается вакантное мѣсто, или вслѣдствiе кончины или выхода преподавателя, или потому что есть потребность или желанiе пополнить число преподавателей. При этомъ обыкновенно указываютъ на разныхъ лица которыя могли бы соответство-

вать нуждамъ факультета; число предлагаемыхъ кандидатовъ почти всегда бываетъ не менѣе и не болѣе трехъ, причемъ на первомъ мѣстѣ выставляется наиболѣе благопріятствуемый кандидатъ. Иногда однако прибавляютъ на списокъ замѣчаніе что кандидаты размѣщены не по степени желанія предлагающихъ, и что каждый изъ нихъ былъ бы одинаково любъ факультету. Но рѣшеніе вопросовъ и притомъ обоихъ — слѣдуетъ ли вообще приглашать новаго преподавателя, и должно ли вниманіе остановиться на лицахъ указанныхъ факультетомъ, находится въ рукахъ министерства.“

Нынѣшнее отношеніе факультетовъ къ назначенію преподавателей авторъ указанной книжки не находитъ удовлетворительнымъ. „При теперешнихъ учрежденіяхъ, говоритъ онъ, перевѣса на сторонѣ того что полезно не оказывается, а между тѣмъ каждая попытка улучшить дѣло встрѣчаетъ разнообразнѣйшія помѣхи“. Затруднительно отмѣнить вполнѣ участіе профессоровъ въ дѣлѣ назначенія преподавателей, еще затруднительнѣе предоставить факультетамъ безусловную свободу избранія. „Приходится увѣриваться отъ неудобствъ: содѣйствіе товарищей по наукѣ нужно для правильной оцѣнки личностей, но вмѣстѣ съ тѣмъ приходится ограничивать это содѣйствіе для отпора интригамъ.“ Во всякомъ случаѣ, надлежало бы твердо и совершенно ясно опредѣлить мѣру вліянія факультетовъ. Что касается интригъ, съ одной стороны, и промаховъ патроната съ другой, то противъ этихъ золъ автору кажется нѣтъ лучшаго охранительнаго средства какъ гласность.

„Опытномъ дознано, замѣчаетъ онъ далѣе, что зло усиливается если — какъ бываетъ въ иныхъ мѣстахъ — мнѣніе факультетовъ предоставляется посредническому рѣшенію собранія всѣхъ ординарныхъ профессоровъ, — совѣта или сепата, — и уже это рѣшеніе вносится въ министерство. Большая часть обсуждающихъ дѣло, не имѣя потребныхъ спеціальныхъ свѣдѣній, и желая дѣйствовать объективно, всегда будутъ состоять въ зависимости отъ чужаго совѣта, а это поведетъ лишь къ тому что откроетъ доступъ незаконнымъ предложеніямъ, причемъ интрига найдетъ много средствъ для своей дѣятельности. Въ виду всего этого, сосредоточеніе права избранія въ одномъ мѣстѣ, при министерствѣ, кажется мнѣ, представляетъ наименѣе неудобствъ. И еслибъ удалось подчинить пользованіе этимъ правомъ цѣлесообразному кон-

тролю посредствомъ гласности, то было бы достигнуто самое лучшее какое только возможно устройство.“

Г. Кавелинъ, въ статьѣ о нѣмецкихъ университетахъ, на которую я уже ссылался, рассказываетъ что ему случилось въ Германіи со многими лицами говорить о порядкѣ назначенія профессоровъ въ тамошнихъ университетахъ. Не безъ нѣкотораго удивленія передаетъ г. Кавелинъ (*Русск. Вѣстн.* 1865, № 2й, стр. 541) что не встрѣтилъ даже въ профессорахъ ревности относительно права участвовать въ выборѣ преподавателей. Напротивъ того, многіе, говоритъ онъ, находятъ „что юридическое участіе университетовъ въ замѣщеніи вакантныхъ кафедръ вредно, потому что на выборъ кандидатовъ имѣютъ вліяніе партіи и интриги, личныя соображенія, духъ касты или узко и односторонне понимаемые мѣстные интересы; что Тюбингенскій университетъ, благодаря именно этому обстоятельству, болѣе и болѣе уединяется, получаетъ односторонній характеръ, становится исключительно мѣстнымъ университетомъ и наполняется главнымъ образомъ одними Швабами, съ возможнымъ устраненіемъ другихъ уроженцевъ, что напротивъ Мюнхенскій университетъ обновился и расцвѣлъ именно потому что правительство, ничѣмъ не стѣсняемое въ выборѣ профессоровъ, могло привлечь туда лучшія силы. Основываясь на этомъ, многіе радуются когда министерство, не обращая вниманія на предложенныхъ кандидатовъ, назначаетъ отъ себя другихъ, и считаютъ очень благопріятнымъ условіемъ для университета когда обновленіе его учебнаго состава зависитъ исключительно отъ правительства, безъ участія факультетовъ.“ Не доказываетъ ли этотъ разказъ что въ Германіи скорѣе можно встрѣтить приверженцевъ полнаго устраненія университетовъ отъ избранія профессоровъ чѣмъ партизановъ права исключительнаго самопополненія? Изъ послѣднихъ я просилъ бы указать мнѣ хоть одного.

XVI.

Какъ происходитъ назначеніе профессоровъ во Франціи? Укажу на порядки существующіе въ этой странѣ не какъ на примѣръ для подражанія. Порядки эти интересны для насъ въ другомъ отношеніи. Во французское законодатель-

ство по этой части, какъ одно изъ основныхъ началъ, долгое время входилъ, а отчасти и нынѣ входитъ принципъ внесенный и въ нашъ университетскій уставъ, но у насъ не получившій, и можетъ-быть къ лучшему, никакого серьезнаго значенія и остающійся мертвою буквой. Я говорю о началѣ *конкурса*. При первомъ взглядѣ, это начало побѣды достойнѣйшаго кажется въ высшей степени справедливымъ и либеральнымъ. Оно имѣетъ поэтому много приверженцевъ. Въ пользу его, какъ главнаго способа назначенія, высказались и нѣкоторые наши университеты при обсужденіи устава 1863 года (Московскій большинствомъ 18 голосовъ противъ 8). Но историческій опытъ Франціи, гдѣ это начало практиковалось постоянно въ большей или меньшей силѣ, едва ли свидѣтельствуетъ въ его пользу, и въ этой странѣ противъ него неоднократно высказывались компетентнѣйшіе люди, какъ напримѣръ Кузень. Состязаніе лицъ дѣйствующихъ на общемъ поприщѣ и стремящихся къ одной цѣли,—въ нашемъ случаѣ къ достиженію профессорскаго званія,—есть великая и плодотворная сила: но можно ли сдѣлать изъ него нѣчто въ родѣ совмѣстнаго экзамена нѣсколькихъ лицъ? Не очевидно ли что призъ на такомъ турнирѣ едва ли всегда достается достойнѣйшему? Люди наиболѣе достойные и извѣстные не явятся на такое состязаніе. А въ состязаніи молодыхъ надеждъ легко можетъ быть увѣнчана лишь наиболѣе бойкая. Между тѣмъ истинная конкуренція должна бы быть не между надеждами, а между лицами осуществившими уже надежды. Институтъ приватъ-доцентовъ есть въ этомъ отношеніи ни съ чѣмъ не сравнимое учрежденіе. Въ немъ истинный конкурсъ не надеждъ, которыя неизвѣстно еще сдержатъ ли свои обѣщанія, а положительныхъ заслугъ подлежащихъ прямому сравненію. У насъ конкурсъ допускаемый уставомъ университетовъ не регламентированъ никакими подробностями, и на практикѣ имѣетъ значеніе не болѣе простаго вызова желающихъ, когда таковыхъ не имѣется подъ рукой. Должна ли эта форма и на будущее время сохраниться въ уставѣ, или требуется измѣненіе относящихся къ ней постановленій? Для отвѣта на этотъ вопросъ полезно обратиться къ практикѣ французскаго законодательства. При этомъ замѣтимъ что въ дѣлѣ отношеній правительственной власти къ университетскимъ корпораціямъ, ми-

истерство во Франціи имѣть значительно большія полномочія чѣмъ въ Германіи и у насъ.

Во Франціи нѣтъ университетовъ въ германскомъ или нашемъ смыслѣ. Именемъ университета называется вся совокупность учрежденій управляемыхъ министерствомъ народного просвѣщенія. Университетъ дѣлится на академіи (наши округа), имѣющія во главѣ ректоровъ (наши попечители,—въ Парижѣ вице-ректоръ, такъ какъ ректоромъ считается министръ). При академіяхъ находятся независимые одинъ отъ другаго факультеты, имѣющіе во главѣ декановъ, назначаемыхъ правительствомъ изъ профессоровъ. Факультетъ медицинскій и юридическій носятъ даже особое названіе медицинской и юридической школъ. Рядомъ съ факультетами въ Парижѣ находятся учрежденія Collège de France и Музеумъ Естественной Исторіи, для свободнаго публичнаго преподаванія различныхъ отраслей знанія, безъ всякаго отношенія къ требованіямъ испытаній на ученія степени (относительно Музеума многое, впрочемъ, измѣнилось въ послѣднее время). Прочтемъ постановленія нынѣ дѣйствующихъ законовъ о порядкѣ замѣщенія вакансій какъ въ факультетахъ, такъ и въ этихъ учрежденіяхъ.

Декретъ 9го марта 1852 года. „§ 2. Когда предстоитъ назначить штатнаго профессора (professeur titulaire) на какомъ-либо факультетѣ, министръ предлагаетъ президенту республики (вообще главѣ государства) кандидата избраннаго имъ или между докторами достигшими по крайней мѣрѣ тридцатилѣтняго возраста, или въ двойномъ рекомендаціонномъ спискѣ (sur une double liste de présentation), необходимо требуемомъ отъ факультета, гдѣ открылась вакансія, и отъ академическаго совѣта... *

---

* Совѣтъ при учебномъ округѣ (академіи) состоитъ изъ ректора академіи (въ родѣ нашего попечителя), какъ председателя, члена назначаемого министромъ просвѣщенія, префекта или его уполномоченнаго, епископа или его уполномоченнаго, духовнаго лица назначаемого епископомъ, представителя отъ одной изъ протестантскихъ церквей назначаемого министромъ въ нѣкоторыхъ округахъ, гдѣ есть протестантская консисторія, уполномоченнаго отъ еврейской консисторіи въ округахъ гдѣ есть таковая, генераль-прокурора кассационнаго суда или прокурора суда первой инстанціи, члена кассационнаго суда или суда первой инстанціи, четырехъ членовъ изби-

„Въ случаѣ вакантной каѳедры въ Collège de France и
 „Музеѣ Естественной Исторіи, Школѣ Новыхъ Восточныхъ
 „Языковъ, или вакантнаго мѣста въ Бюро Долготы, или на
 „Обсерваторіяхъ Парижской и Марсельской, профессора или
 „члены этихъ учрежденій представляютъ двухъ кандидатовъ;
 „соотвѣтствующій классъ Института также двухъ. Кромѣ
 „того, министръ можетъ предложить на выборъ президента
 „республики (главы государства) кандидата извѣстнаго сво-
 „ими трудами.“

Въ дополненіе къ этимъ постановленіямъ, декретомъ 21го
 августа 1854 года выражены слѣдующія требованія:

„§ 6. Чтобы стать профессоромъ факультета надлежитъ
 „имѣть возрастъ не менѣе тридцати лѣтъ, быть докторомъ
 „по отдѣлу наукъ того факультета и въ продолженіе двухъ
 „по крайней мѣрѣ лѣтъ читать курсъ въ правительствен-
 „номъ учрежденіи или курсъ частный, подлежаще автори-
 „зованный (dûment autorisé), подобный курсамъ факуль-
 „тетовъ.“

„§ 7. Равнымъ образомъ могутъ быть назначены профессо-
 „рами факультетовъ члены Института преподававшіе въ про-
 „долженіе по крайней мѣрѣ шести мѣсяцевъ курсъ въ усло-
 „віяхъ указанныхъ предыдущимъ параграфомъ.“

„§ 8. Когда предстоитъ замѣстить вакантную каѳедру въ
 „одномъ изъ факультетовъ Парижской академіи (Парижскаго
 „учебнаго округа), соотвѣтствующіе факультеты въ депар-
 „таментахъ получаютъ о томъ извѣщеніе; они могутъ реко-
 „мендовать министру кандидатуру одного изъ своихъ чле-
 „новъ.“

„§ 9. Временныя замѣщанія (suppléances) на факультетахъ
 „министромъ ввѣряются состоящимъ при факультетахъ (ag-
 „régés) или докторамъ.“

„§ 10. Назначеніе состоящихъ при факультетахъ (agrégés)
 „продолжается производится по конкурсу.“

Чтобы понять значеніе этихъ параграфовъ, въ которыхъ,
 какъ мы видимъ, началу конкурса предоставлено уже весь-
 ма скромное мѣсто (лишь для agrégés, то-есть для считаю-
 щихся при факультетахъ кандидатовъ на профессорскія

раемыхъ общимъ совѣтомъ при министерствѣ; наконецъ въ совѣтъ
 приглашаются деканы факультетовъ съ совѣщательнымъ голосомъ
 по дѣламъ касающимся ихъ факультетовъ.

мѣста, причемъ необходимость быть agrégé можно обойти полученіемъ докторской степени), полезно обратиться къ исторіи французскихъ узаконеній по учебной части. Возьмемъ въ руководителя лицо долгое время занимавшее видныя мѣста въ высшей учебной администраціи Франціи. Я говорю о Курно (Cournot). Въ сочиненіи его *Объ учрежденіяхъ народнаго просвѣщенія во Франціи* (*Des institutions d'instruction publique en France*, Paris 1864) мы находимъ слѣдующій историческій очеркъ судебъ какимъ въ разныя времена подвергалось начало конкурса, нынѣ почти лишившееся значенія во французскомъ законодательствѣ по учебной части.

„Въ университетахъ въ Средніе Вѣка мы повсюду встречаемъ систему конкурса объ руку съ системой выбора сословіемъ профессоровъ, утверждаемаго властью духовною, муниципальною или туземнаго государя. Однако, несмотря на всю демократичность принципа конкурса, революціонный Конвентъ не рѣшился ввести его въ учебныхъ заведеніяхъ учрежденныхъ по его предписанію (въ училищахъ центральныхъ, санитарныхъ и пр.). Равнымъ образомъ этотъ принципъ отвергнуть и закономъ 1го мая 1802 года объ учрежденіи специальныхъ школъ юридической, медицинской и другихъ наименованныхъ въ законѣ. Въ этомъ законѣ сказано что преподавателей будетъ назначать первый консулъ, избирая ихъ изъ трехъ представленныхъ ему кандидатовъ: одного представленнаго ему компетентнымъ классомъ Института, другаго общими училищными инспекторами, третьяго преподавателями училища въ которомъ оказалось вакантное мѣсто. Но два года спустя, когда традиціи опять начали превозмогать, закономъ о юридической школѣ отъ 13го марта 1804 года было постановлено что на кафедры правъ преподаватели будутъ назначаться по публичному конкурсу, въ которомъ судьями должны быть профессеры, а предсѣдателями генераль-инспекторы.

„Потомъ органическимъ декретомъ 1808 года было объявлено что на кафедры и всѣхъ факультетовъ преподаватели будутъ назначаться по конкурсу; что даже для факультета богословія слѣдуетъ назначать конкурсъ, въ которомъ судьями будутъ члены этого факультета, а кандидатовъ, въ числѣ трехъ, имѣеть представлять епархіальный епископъ.

Странно видѣть что императоръ такимъ образомъ провозгласилъ принципъ конкурса, отвергнутый Конвентомъ.

„Все это было измѣнено предписаніемъ отъ 17го февраля 1815 года, коимъ объявлено что королевскій совѣтъ пароднаго просвѣщенія будетъ назначать пожизненно профессоровъ факультетовъ, избирая ихъ изъ четырехъ кандидатовъ, изъ коихъ два должны быть представлены факультетомъ, и два совѣтомъ провинціального университета. Вотъ еще странность состоящая въ томъ что королевское правительство возвратилось по этому дѣлу къ системѣ Конвента.

„Послѣ событій 1815 года, училищныя власти не считали дѣйствительно отмѣненными ни органическій декретъ 1808 года, ни предписание 17го февраля, и послѣ нѣсколькихъ колебаній по поводу пункта о которомъ идетъ рѣчь, прибѣгли наконецъ къ слѣдующей сдѣлкѣ. Конкурсъ удержанъ для факультетовъ права и медицины, а система установленная предписаніемъ 1815 года для факультетовъ точныхъ наукъ и словесности, съ легкимъ измѣненіемъ, состоявшимъ въ томъ что двумя кандидатами представленными отъ академическаго совѣта могутъ быть тѣ же лица которыя представлены факультетомъ.

„Въ 1852 году послѣдовала реакція противъ конкурсовъ и вообще противъ всего чѣмъ ограничивалось всемогущество министерства. Тогда, относительно порядка замѣщенія вакантныхъ кафедръ, факультеты права и медицины были подчинены тому же правилу какое было установлено для факультетовъ наукъ и словесности, и даже было опредѣлено что правительство можетъ назначить преподавателемъ и такое лицо которое не внесено въ списки кандидатовъ представленныхъ факультетами и академическимъ совѣтомъ.

„Эта предосторожность была кажется излишнею. Опытъ доказалъ что представительные списки не могли быть, по крайней мѣрѣ въ провинціи, ничѣмъ инымъ какъ простою формальностью. Очень скоро установился обычай что въ случаѣ вакантной кафедры, министръ, для временнаго замѣщенія ея, высылалъ въ качествѣ лица *исполняющаго должность* преподавателя (*chargé de cours*) того самаго человѣка котораго онъ предназначалъ для окончательнаго занятія кафедры. Такое временное порученіе продолжается два, три года; такъ нужно для того чтобы профессорамъ поневолѣ пришлось поставить на первомъ мѣстѣ въ списокѣ предста-

вляемыхъ лицъ имя человѣка котораго остается только утвердить въ должности и котораго они уже привыкли почитать своимъ товарищемъ. Академическій совѣтъ, которому не слѣдъ перечить власти въ ея выборахъ, тѣмъ болѣе что онъ встрѣтилъ бы много помѣхъ еслибы вздумалъ провѣрить права прочихъ кандидатовъ, ему неизвѣстныхъ (по предметамъ мало для него знакомымъ), невольно слѣдуетъ примѣру факультета. Извѣщаютъ только въ самое послѣднее время объ открытіи мнимаго конкурса; но на эти извѣщенія дѣйствительные конкуренты, если они есть, не отзываются, зная что вопросъ уже рѣшенъ помимо ихъ; впрочемъ, случается что одинъ или два изъ молодыхъ докторовъ просятъ чтобы имена ихъ были внесены въ списокъ на второмъ мѣстѣ, въ видѣ нѣкоторой рекомендаціи предъ властями для повышения въ будущее время. Ясно что тутъ нѣтъ ничего серьезнаго, да и жалѣть объ этомъ нечего, такъ какъ провинціальныя факультеты и академическіе совѣты для того чтобы сдѣлать хорошій выборъ находятся въ положеніи менѣе благоприятномъ чѣмъ министръ, могущій посоветоваться съ лицами высшаго авторитета, на которыхъ и слагается нравственная отвѣтственность за выборъ.

„Слѣдственно постановленіе закона представлять избирательные списки сдѣлалось теперь лишь пустою и даже нѣсколько смѣшною формальностью; да притомъ оно отчасти затрудняетъ власть въ тѣхъ случаяхъ гдѣ было бы полезно предоставить ей полную свободу дѣйствій. Такъ, напримѣръ, часто бываетъ нужно перемѣстить какого-нибудь профессора изъ одного факультета въ другой болѣе важный, или въ такой гдѣ по основательнымъ причинамъ желалось бы поручить ему должность декана; но можетъ ли онъ согласиться на такое повышение, если вынужденъ при этомъ обмѣнять свою должность на другую ненадежную и временную, и если для этого ему придется просить чтобы за него подали голосъ тѣ которые сами хотѣли бы получить мѣсто декана ему назначаемое?“

Никогда быть-можетъ не подымался столь рѣзкій и вмѣстѣ компетентный голосъ противъ французской системы устройства университетовъ, какъ голосъ Кузена въ его знаменитомъ *Отчетѣ о состояніи народнаго просвѣщенія въ Германіи (Rapport sur l'état de l'instruction publique dans quelques pays de l'Allemagne et particulièrement en Prusse,*

1832), составленномъ послѣ поѣздки въ Германію по порученію министерства. Несчастное состояніе провинціальныхъ французскихъ факультетовъ, „отдѣленныхъ одинъ отъ другаго, разсѣянныхъ и какъ бы затерянныхъ въ своемъ одиночествѣ“, въ сравненіи съ процвѣтающими университетами Германіи изображено имъ самыми рѣзкими чертами. Сравнивъ счастливую систему германской конкуренціи въ формѣ *privat-доцентовъ* съ французскимъ конкурсомъ, онъ говоритъ: „Хотите ли вы имѣть идеальное неслѣдственное устройство высшаго образованія? Вообразите себѣ что назначеніе профессоромъ дѣлается въ нѣсколько недѣль путемъ конкурса между молодыми людьми, часто не написавшими ни строчки, не преподававшими года, и которые въ концѣ нѣсколькихъ испытаній получаютъ иногда въ двадцать лѣтъ неотчуждаемое званіе, которое могутъ сохранить до семидесяти лѣтъ, ничего не дѣлая, которые съ перваго дня назначенія до конца жизни получаютъ то же содержаніе, много ли, мало ли у нихъ учениковъ, отличаются ли они или не отличаются, прозябаютъ ли въ забвеніи или становятся знаменитыми людьми. И между тѣмъ именно такую организацію встречаемъ въ образованной странѣ, рядомъ съ Германіей, и удивительное дѣло! система эта тамъ поддерживается не столько властію сколько ложнымъ общественнымъ мнѣніемъ: до такой степени что семь или восемь мѣсяцевъ тому назадъ гг. Брюсе и Мажанди, европейскія знаменитости, послѣ двадцати лѣтъ успѣшнаго преподаванія, принуждены были для полученія званія профессора идти на конкурсъ съ дѣтьми которыхъ можетъ-быть не успѣли еще дочесть сочиненій написанныхъ этими славными людьми.“

Въ заключеніе скажу два слова объ англійскихъ учрежденіяхъ. Они слишкомъ своеобразны чтобы служить предметомъ подражанія и даже сравненія. Нити управленія англійскихъ университетовъ находятся главнымъ образомъ въ рукахъ, по выраженію Губера, коллегіальной олигархіи, то-есть собранія начальниковъ отдѣльныхъ коллегій (*heads of colleges*), изъ которыхъ слагается университетъ. Профессоры какъ таковые не суть главные представители университетовъ, какъ профессора на материкѣ, и въ управленіи коллегіями не участвуютъ. Посѣщеніе ихъ немногочисленныхъ лекцій скорѣе формальность чѣмъ существенное требованіе отъ студентовъ. Такъ по крайней мѣрѣ было до послѣдняго

времени. Порядокъ и условія назначенія и содержанія чрезвычайно разнообразны, смотря по тому правительствомъ ли основана и содержится кафедра, или самимъ университетомъ, или частными жертвователями, такъ что одна профессура не похожа на другую. Все опредѣляется отчасти волей основателей, отчасти особыми статутами. Вообще способъ назначенія профессоровъ въ старыхъ англійскихъ университетахъ приводится къ четыремъ системамъ (Demogeot et Montucci, *De l'enseignement superier en Angleterre*, 1870, Paris, стр. 111): назначеніе общимъ собраніемъ университета (*convocation*, на участіе въ которомъ имѣетъ право всякій докторъ и магистръ университета), болѣе тѣснымъ собраніемъ тѣхъ или другихъ членовъ университета, выбранныхъ университетскими избирателями, правительствомъ (а именно первымъ министромъ). Изъ всѣхъ формъ избранія худшею по общему признанію считается первая. Второй способъ, говорятъ Деможо и Монтуччи, отдающій избраніе въ руки небольшого числа университетскихъ дѣятелей (или настоящихъ членовъ университета, или докторовъ и магистровъ опредѣленнаго факультета, или директоровъ коллегій), не болѣе перваго удовлетворителенъ. Это опять собраніе, хотя и болѣе ограниченное, можетъ-быть болѣе свѣдущее, но, съ другой стороны, болѣе доступное вліяніямъ камарадеріи, болѣе пристрастное. "По замѣчанію Марка Паттисона, мелкія интриги и личные раздоры, бичъ не одного, а всѣхъ университетовъ, дѣлають то что невозможно довѣрить членамъ университета выборъ ихъ товарищей одинаковаго съ ними ранга." Назначеніе на нѣкоторыя кафедры принадлежитъ архіепископу Кантерберійскому, лорду-канцлеру, президенту Лондонскаго Королевскаго Общества, Коллегіи Медиковъ и т. д. Коммиссія 1852 года изслѣдовавшая состояніе англійскихъ университетовъ отдастъ этой системѣ преимущество предъ двумя первыми. Наконецъ, послѣдняя система имѣетъ то неудобство что соображенія чисто политическаго свойства могутъ имѣть вліяніе на выборъ министра, зависящаго отъ парламентскаго большинства. Но вообще, замѣчаютъ Деможо и Монтуччи, выборы сдѣланные правительствомъ доселѣ оказывались самыми безпристрастными и лучшими.

XVII.

Какъ произошли параграфы нынѣ дѣйствующаго университетскаго устава коими опредѣляется порядокъ назначенія профессоровъ? Не безынтересно прослѣдить исторически тѣ фазы чрезъ которыя прошла ихъ редакція въ различныхъ университетскихъ уставахъ и проектахъ уставовъ со времени учрежденія министерства просвѣщенія и основанія, въ царствованіе Александра I, университетовъ въ различныхъ мѣстностяхъ Русскаго государства. Первый изъ нихъ былъ Дерптскій, „Актъ постановленія“ котораго подписанъ 12го декабря 1802 года. „Этотъ Актъ“, говорилъ профессоръ Парротъ, чьи совѣты по вопросу объ учрежденіи Дерптскаго университета имѣли особенное вліяніе въ правительственныхъ сферахъ (Rede bei Gelegenheit der Publication der Statuten der Universität am 21 September 1803, стр. 7), „былъ фундаментомъ и капитальною стѣною зданія, внутреннее раздѣленіе коего требовало новой работы. Законы для внутренней организаціи, ближайшее опредѣленіе всѣхъ старыхъ и новыхъ отношеній заведенія, спеціальныя законы для учащихся еще не существовали. Совѣтъ университета получилъ почетное порученіе, какое могло быть возложено на него лишь въ силу высшаго довѣрія, — порученіе самому начертить всѣ эти законы. Императорское высшее учебное управленіе въ Петербургѣ, неустанно подъ глазами монарха продолжающее, вмѣстѣ со своимъ достойнымъ начальникомъ, свои важныя труды, разсмотрѣло ихъ. При такомъ важномъ разсмотрѣніи университетская депутація удостоилась чести засѣдать въ этомъ высшемъ совѣтѣ народнаго просвѣщенія. Работа была представлена на утвержденіе повстаніи просвѣщеннаго монарха. Онъ утвердилъ ее.“ Уставъ былъ подписанъ 12го сентября 1803 года. Уставъ этотъ, въ главныхъ чертахъ, былъ составленъ по образцу германскихъ университетовъ, съ предоставленіемъ ученой дерптской корпораціи, по нѣкоторымъ пунктамъ, правъ болѣе значительныхъ чѣмъ какими пользовались въ ту же эпоху университетскія корпораціи въ самой Германіи. Все относящееся къ ученой и учебной части было поставлено внѣ прямого вліянія правительственной власти, охотно, сколько можно судить, слагавшей съ себя,

въ своей некомпетентности, заботы по этой части. Право избранія профессоровъ, съ утвержденіемъ министромъ, сосредоточивалось въ совѣтъ университета (*Denominationsrecht*). О правѣ непосредственнаго назначенія правительствомъ не упоминается. Послѣдовавшіе затѣмъ уставы русскихъ университетовъ (1804 года) составились по образцу Дерптскаго. Это обстоятельство имѣетъ важное значеніе. Благодаря ему, германское устройство университетовъ легло въ основу и нашихъ учрежденій этого рода. Параграфы объ избраніи профессоровъ были, въ главныхъ чертахъ, также заимствованы изъ Дерптскаго устава, съ тѣмъ различіемъ что предложеніе кандидатовъ предоставлено членамъ факультета, а не всѣмъ членамъ совѣта. Самая процедура избранія изложена менѣе точно и ясно. Вотъ эти параграфы:

„§ 60. Когда мѣсто профессора сдѣлается праздно, то каждый профессоръ того отдѣленія къ которому онъ принадлежалъ, не ранѣе какъ спустя мѣсяцъ, представляетъ ректору имя кандидата коюго почитаетъ достойнымъ занять оное, сочиненія его, ежели кандидатъ внѣ Россіи или не въ Москвѣ находится, и причины служащія основаніемъ къ представленію. Поданныя членами представленія читаются въ общемъ собраніи и хранятся въ совѣтѣ. Ежели кандидатъ находится въ Москвѣ,* то обязанъ самъ представить совѣту свои сочиненія, общее разсужденіе о наукѣ о которой идетъ дѣло, о предметахъ оной, о ея пространствѣ, успѣхахъ, о настоящемъ ея состояніи, удобнѣйшемъ способѣ преподавать оную и разныхъ писателей лучшимъ образомъ объяснявшихъ относящіяся къ ней предметы.

„§ 61. Совѣтъ на разсмотрѣніе сочиненій и на собраніе свѣдѣній о нравственности кандидата опредѣляетъ довольное время; по прошествіи оного, ректоръ назначаетъ чрезвычайное собраніе для выбора. Совѣтъ объ избранномъ предварительно представляетъ попечителю и ожидаетъ утвержденія министра народнаго просвѣщенія.

„§ 62. Тотъ же порядокъ наблюдается при избраніи адъюнктовъ. Природные Россіяне, нужные званія и качества имѣющіе, должны быть предпочтены чужестраннымъ.“

На практикѣ эти параграфы имѣли весьма ограниченное значеніе, и какъ не трудно прослѣдить, напримѣръ, въ исторіи Московскаго Университета, всѣ важнѣйшія замѣненія профессорскихъ кафедр дѣлались не тѣмъ путемъ какой

* Параграфъ взятъ изъ устава Московскаго университета. Въ уставахъ Харьковскаго и Казанскаго университетовъ стоитъ Харьковъ и Казань.

указывался уставомъ. Уставъ 1804 года засталъ Московскій Университетъ только-что обновленнымъ призывомъ иностранныхъ профессоровъ приглашенныхъ знаменитымъ въ свое время почителемъ, М. П. Муравьевымъ, принимавшимъ къ сердцу интересы университета. Въ числѣ призванныхъ, — большею частію по рекомендаціи геттингенскаго профессора Мейнера, — были Иде, Рейсъ, Рейнгардъ, Гофманъ, Фишеръ, Буле, Гольдбахъ. „Маттеи“, говоритъ Шевыревъ въ своей *Истории*, „съ 1772 до 1784 года, въ теченіе 12 лѣтъ, уже дѣйствовавшій въ университетѣ и принесшій такія важныя услуги древней филологіи своими открытіями въ Синодальной библіотекѣ и своими изданіями, возвращался въ Москву на знакомое мѣсто, исполненный надеждъ на покровительство и сочувствіе почитателя, который былъ самъ отличнымъ знатокомъ древнихъ языковъ“. Кромѣ призванія иностранныхъ ученыхъ, преподававшихъ на французскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ, другой господствовавшій способъ пополненія университетовъ былъ тотъ же къ которому и въ послѣдствіи неоднократно прибѣгали съ большою пользою, а именно посылка за границу. Шевыревъ, въ *Истории Московскаго Университета*, приводитъ изъ записокъ Муравьева черновыя замѣтки свидѣтельствующія о заботахъ почитателя образовать достойный личный составъ во ввѣренномъ ему университетѣ. Муравьевъ перечисляетъ лица которыя онъ имѣлъ въ виду для занятія кафедръ и изъ коихъ большинство дѣйствительно сдѣлалось полезными преподавателями. „Иначе нельзя, говоритъ онъ, завести своихъ профессоровъ какъ посылая ихъ въ чужіе края чтобъ они выучились тамъ своимъ правамъ, трудолюбію и должностямъ.“ Въ замѣткахъ встрѣчаемъ имена Грузинова, Чеботарева-Мерзлякова, Волкова, Двигубскаго, Тимковского, Болдырева, Мудрова, Цвѣтаева и другихъ. Когда Двигубскій прислалъ почитателю отчетъ о занятіяхъ, Муравьевъ „послалъ молодому ученому въ чужіе края званіе экстра-ординарнаго профессора, которое умножило средства его жизни, и по возвращеніи его въ 1806 году возвелъ его на ординарную кафедру... Мудрову, жившему въ Парижѣ домашнимъ докторомъ у княгини Прасковьи Андреевны Голицыной, послалъ также со званіемъ экстра-ординарнаго профессора и новыя средства для занятій“ (Шевыревъ, стр. 34). Иногда профессеры назна-

чались именными указами. Такъ назначенъ былъ, напримѣръ, профессоръ математики Суворовъ, отъ 2го іюля 1810 года.

Бывали, наконецъ, случаи совершенно исключительнаго назначенія. Когда знаменитый анатомъ лейбъ-медикъ Лодеръ продалъ въ 1818 году свой кабинетъ Московскому Университету, онъ предложилъ вмѣстѣ съ тѣмъ безвозмездно преподавать анатомію. Это было принято съ благодарностью высшимъ начальствомъ, послѣдовало Высочайшее соизволеніе, и Лодеръ вступилъ въ университетъ лицомъ вполне независимымъ, устроивъ замѣчательный по тому времени анатомическій театръ. Въ послѣдствіи онъ выговорилъ себѣ право экзаминовать. Сколько можно судить по официальнымъ документамъ, отношенія его къ факультету и совѣту были весьма натянутыми. Лодеръ держалъ себя гордо; университетъ тяготился исключительностію его положенія. Въ 1826 году, мелкія непріятности по случаю занятій безъ его спросу, по распоряженію совѣта, одной комнаты при анатомическомъ театрѣ для доктора Смѣльского, побудили его къ настойчивому заявленію своихъ правъ попечителю, повидимому, дѣйствовавшему также противъ него, и хотя дѣло уладилось, но едва ли не было одною изъ причинъ побудившихъ было Лодера сложить съ себя преподаваніе. По сношеніи съ министромъ, которому государь поручилъ уговорить Лодера не прекращать своихъ полезныхъ занятій при университетѣ, Лодеръ взялъ, впрочемъ, назадъ свое рѣшеніе. Въ докладной запискѣ государь написалъ „объявить Лодеру спасибо“.

Мнѣ случилось имѣть подъ руками совѣтскіе протоколы Московскаго Университета за 1826 годъ. Въ краткомъ протяженіи одного этого года можно указать цѣлый рядъ назначеній состоявшихся по распоряженію или подѣ непосредственнымъ вліяніемъ власти, и ни одного случая приложенія §§ 60, 61, 62 устава. Общее впечатлѣніе выносимое изъ чтенія далеко не гармонируетъ съ картиною процвѣтанія автономіи, а скорѣе возбуждаетъ представленіе о маленькомъ міркѣ мелкихъ внутреннихъ интригъ разрѣшаемыхъ болѣе или менее удачнымъ обращеніемъ ко власти или ея собственнымъ вмѣшательствомъ. Ограничусь указаніемъ нѣсколькихъ случаевъ назначенія. Въ засѣданіи 28го іюня читано предложеніе попечителя (генералъ-майора Писарева) о назначеніи профессора Бекетова на кафедру политической экономіи. „Ординарный профессоръ Шлецеръ,“ сказано въ протоколѣ,

„рекомендовалъ ему, г. попечителю, на упразднившуюся послѣ него кафедру политической экономіи г. профессора Бекетова. Письмо г. Шлецера по сему предмету представилъ онъ его высокопревосходительству г. министру народнаго просвѣщенія и получилъ отъ него отвѣтъ что онъ согласенъ на перемѣщеніе означеннаго ординарнаго профессора Бекетова на кафедру политической экономіи, слѣвавшуюся праздною за увольненіемъ профессора по сей части.“ Въ томъ же засѣданіи попечитель препроводилъ прошеніе на его имя отъ доктора Эйбродта, который просилъ объ опредѣленіи его на службу при университетѣ. Совѣтъ отвѣтилъ что по неимѣнію празднаго адъюнктскаго мѣста не можетъ постановить никакого рѣшенія по просьбѣ г. Эйбродта. Въ засѣданіи 18го августа получено предложеніе попечителя „принять въ дѣйствительную службу при университетѣ доктора медицины Эйбродта, согласно его желанію. Опредѣлено: Сообщить правленію университета чтобы оно благоволило доктору Эйбродта числить въ дѣйствительной службѣ при университетѣ, приведши къ присягѣ, а врачебному отдѣленію (сообщить) для свѣдѣнія.“ Въ октябрѣ послѣдовало распоряженіе министра объ утвержденіи Эйбродта адъюнктомъ анатоміи безъ жалованья. Такое назначеніе адъюнктовъ по уставу подлежавшихъ той же процедурѣ избранія какъ и профессора, было явленіемъ самымъ обычнымъ (одновременно съ Эйбродтомъ назначенъ Терновскій). И вообще лица искавшія профессорскихъ мѣстъ обращались обыкновенно съ прошеніями къ попечителю, какъ видно, напримѣръ, изъ препровожденнаго попечителемъ въ совѣтъ, для справки о занятіяхъ, прошенія адъюкта Фишера, искавшаго кафедры ботаники. Въ засѣданіи 13го октября „вслѣдствіе предложенія г. попечителя происходила баллотировка адъюкта Мягкова въ экстра-ординарные профессоры“. Назначеніе профессора Давыдова (по упраздненіи открытой было кафедры философіи назначеннаго инспекторомъ Благороднаго Пансіона) на кафедру математики произошло слѣдующимъ образомъ. Министръ просвѣщенія бумагой отъ 2го августа 1826 года сообщилъ попечителю что „государь императоръ соизволилъ уволить ординарнаго профессора Давыдова отъ занимаемой имъ должности инспектора Благороднаго Пансіона съ назначеніемъ на его мѣсто ординарнаго профессора Павлова, а какъ кафедра философіи закрыта, предоставить на выборъ

университетскаго совѣта назначить профессору Давыдову другую кафедру по способностямъ. "Совѣтъ былъ поставленъ въ затрудненіе, такъ какъ ни одной вакантной кафедры не было, и донесъ объ этомъ обстоятельстве на благоусмотрѣніе начальства, присовокупивъ что „способности Давыдова извѣстны совѣту въ латинской и греческой словесности, которыя онъ доказалъ преподаваніемъ сихъ предметовъ въ Университетѣ, равно и въ чистой математикѣ, которой высшія части преподавалъ въ Благородномъ Университетскомъ Пансіонѣ и издалъ для классовъ высшую алгебру и интегральное и варіаціонное исчисленіе Франкёра." Попечитель нашелъ полезнымъ поручить Давыдову преподаваніе математики, и на представленіе его послѣдовало разрѣшеніе министра. По математическій факультетъ сталъ дѣлать затрудненія. Профессоръ Щелкинъ и адъюнктъ Кацауровъ раздѣлили преподаваніе такъ что Давыдову ничего не осталось, и ему было предложено совѣтомъ заняться изданіемъ твореній кого-нибудь изъ классиковъ. Обиженный Давыдовъ подалъ въ совѣтъ прошеніе которое просилъ довести до высшаго начальства. Совѣтъ отклонилъ прошеніе, предоставляя Давыдову самому обратиться къ начальству. Попечитель повиному принялъ сторону Университета. Но скоро послѣдовала строгая бумага министра, заключавшая въ себѣ косвенный выговоръ попечителю и предписаніе немедленно поручить Давыдову преподаваніе математики.

Полагаю приведенныхъ фактовъ достаточно чтобы дать понятіе о томъ какъ дѣйствовалъ на практикѣ уставъ 1804 года. Предоставляю читателямъ судить насколько правы тѣ изъ моихъ противниковъ которые въ эпохѣ дѣйствія устава 1804 года видятъ по отношенію къ избранію профессоровъ золотой вѣкъ университетскаго самоуправленія. Что такъ повѣствуютъ мои противники—это не важно. Но не лишено нѣкотораго значенія что нѣчто подобное повѣствуется въ официальной *Объяснительной запискѣ* сопровождавшей въ 1862 году проектъ университетскаго устава. Этотъ документъ во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманія. Онъ лучше чѣмъ что-либо можетъ дать понятіе объ общемъ тонѣ господствовавшемъ въ сферахъ гдѣ, въ шестидесятыхъ годахъ, вырабатывалось новое положеніе для русскихъ университетовъ, и рѣзко свидѣтельствуетъ о преобладаніи фразы соединенномъ съ замѣтнымъ отсутствіемъ практической основа-

тельности. Не странно ли, напимѣрь, встрѣтить въ официальной запискѣ повѣствованіе о томъ будто бы совершившійся въ *іюль* 1819 года разгромъ Казанскаго университета былъ слѣдствіемъ событій въ Германіи, гдѣ „слѣдую постановленіямъ Франкфуртскаго союзнаго сейма *отъ 2го сентября* 1819 года правительства обратили самое дѣятельное вниманіе на университеты заподозрѣнные въ распространеніи ложныхъ идей“. Чтобы указать господство фразы приведу на выдежку два мѣста. Предполагается точно опредѣлить предѣлы попечительской власти, и проектируются параграфы ничего не опредѣляющіе. Но составители того не замѣчаютъ. Они довольны что „власть попечителя, по смыслу проекта общаго устава, отъ настоящаго своего матеріальнаго и механическаго значенія простой команды возвышается до высокаго нравственнаго положенія защитника законности и ходатая совѣта въ тѣхъ случаяхъ когда новая жизнь выступить съ новыми идеями ищущими законнаго пути для своего признанія и осуществленія.“ Какой смыслъ заключаетъ въ себѣ, и заключаетъ ли какой-либо, эта красивая фраза о новой жизни ищущей законныхъ путей и безъ помощи попечителя на нихъ не попадающая? И старая и новая жизнь университетовъ, полагаю, въ ихъ научно-дѣятельности, а не въ событіяхъ ихъ административно-канцелярской исторіи, въ которой для составителей объяснительной записки, повидимому, вся суть и душа университета. Предвидя наступленіе золотого вѣка для университетовъ со введеніемъ новаго устава, составители записки говорятъ: „До сихъ поръ университеты дѣлались тѣмъ чѣмъ ихъ дѣлали попечители, и правительство знало ихъ также такими какими ихъ ему представляли попечители. Въ первый разъ самостоятельный университет можетъ сдѣлаться тѣмъ что онъ есть и чѣмъ должны его сдѣлать люди пользующіеся довѣріемъ и уваженіемъ, для которыхъ репутація университета есть ихъ личное дѣло; съ другой стороны, и правительство въ первый разъ получить предметъ для наблюденія, потому что университетъ будетъ жить среди бѣлаго дня, а не въ запертой канцеляріи попечителя. Всякое отступленіе отъ устава или неправильное его толкованіе останется властію попечителя подъ личною его отвѣтственностію предъ министромъ и потому остается безъ послѣдствій; слѣдовательно совѣту университета предоставля-

„на вся свобода исполнять законъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отплату у него всякая возможность къ его нарушенію.“

Слогъ есть человѣкъ, сказалъ Бюффонъ. Приведенные отзывы — любопытные обрашки официальныхъ пріемовъ въ эпоху когда ликующія канцеляріи считали себя лабораторіями прогресса.

Но возвратимся къ очерку судебъ устава 1804 года.

Въ Харьковѣ, въ 1826 году, по представленію попечителя, почеркомъ пера было совѣмъ отмѣнено дѣйствіе устава по отношенію къ выбору профессоровъ. Докладывая государю объ этомъ представленіи, министръ просвѣщенія писалъ: „Попечитель Харьковскаго учебнаго округа представляетъ мнѣ, что уставомъ сего университета право избранія въ профессоры и адъюнкты предоставлено совѣту университета, состоящему изъ однихъ ординарныхъ профессоровъ. Судя по ходу дѣла сего университета въ прежнія времена и по настоящему оныхъ положенію, попечитель находитъ что недостатокъ въ отличныхъ профессорахъ и значительное число, особенно въ послѣдніе годы, празныхъ кафедръ, болѣе всего приписать должно сказанному праву совѣта. Очевидныя выгоды въ семъ случаѣ для состоящихъ на лицо профессоровъ какъ по присутственнымъ университетскимъ мѣстамъ, такъ и по занятію непринлежащихъ имъ кафедръ, заставляютъ ихъ слишкомъ мало заботиться о приумноженіи своихъ сочленовъ. Попечитель, желая по возможности исправить столь ощутительный недостатокъ въ Харьковскомъ университетѣ, не находитъ другихъ къ тому средствъ, какъ просить меня исходатайствовать у Вашего Императорскаго Величества соизволеніе, дабы ему впредь до окончательнаго составленія комитетомъ въ 14й день мая Высочайше утвержденнымъ новаго устава для университетовъ, позволено было, по его усмотрѣнію, приглашать и опредѣлять, съ утвержденія моего, какъ профессоровъ, такъ и адъюнктовъ въ Харьковскій университетъ.“ Соизволеніе послѣдовало.

Параграфы устава предоставлявшіе университетамъ право исключительнаго самопополненія серіозно дѣйствовали лишь въ Дерптѣ. Право это было сохранено за Дерптскимъ университетомъ и при пересмотрѣ его устава въ 1820 году, и лишь включенъ новый параграфъ, какъ надо полагать, вслѣдствіе случаевъ злоупотребленій бывавшихъ при избраніи

яхъ. Въ этомъ параграфѣ (§ 32) значится: „Никто не можетъ быть предлагаемъ къ выбору въ профессора на праздную кафедру сего университета, если прежде не занималъ профессорской кафедры или не извѣстенъ своими сочиненіями о предметѣ имѣющемъ съ оною ближайшую связь“.

Мысль о новомъ уставѣ возникла изъ сознанія что университеты находятся въ упадкѣ. С. С. Уваровъ въ бытность товарищемъ министра просвѣщенія осматривалъ въ 1832 году подробно Московскій университетъ именно съ цѣлью присканія мѣръ для возстановленія его развалинъ. „Въ Москвѣ“, говоритъ онъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ, „дѣло университета есть дѣло общее, оно составляетъ непрерывный главный предметъ всѣхъ наблюденій, всѣхъ разговоровъ. Всѣ принимаютъ болѣе или менѣе участія въ немъ; всѣмъ онъ близокъ къ сердцу. Оттуда и не трудно постигнуть въ какой мѣрѣ цѣнныя пожеланія правительства, особенно милостивое воззрѣніе Монарха; но и не трудно также постигнуть съ какимъ тщаніемъ, съ какою осмотрительностью, съ какимъ сочетаніемъ кротости съ твердостью слѣдуетъ приступить къ трудному и многосложному дѣлу возстановленія Московскаго университета изъ-подъ развалинъ его тяготящихъ.“

Новый уставъ, заготовившійся нѣсколько лѣтъ, вышелъ въ 1835 году. Право избранія сохранено за университетами, но вмѣстѣ съ тѣмъ министру предоставлено, когда найдетъ полезнымъ, назначать профессоровъ и по собственному усмотрѣнію изъ лицъ имѣющихъ требуемыя закономъ степени. Право это въ слѣдующемъ году было распространено и на Дерптскій университетъ. Какъ извѣстно, знаменитый въ исторіи учебнаго управленія въ Россіи министр Уваровъ разумно пользовался предоставленнымъ ему правомъ, и назначеніямъ его, а также заботливости о приглашеніи талантливыхъ профессоровъ попечителемъ Московскаго округа графомъ Строгановымъ, университеты наши много обязаны своимъ обновленіемъ.

XVIII.

Въ 1861 году было приступлено къ пересмотру устава 1835 года. Пересмотръ дѣлался въ комиссіи подъ предсѣдательствомъ попечителя Дерптскаго учебнаго округа фонъ-Брадке изъ попечителей другихъ округовъ и вызванныхъ мини-

стерствомъ профессоровъ Бунге, Лёнца, Никитенка, Соловьева, Бабста, Пахмана, Овсянникова и фонъ-Эттингена. Составленный въ комиссиі проектъ новаго устава былъ разосланъ для предварительнаго разсмотрѣнія въ университетскіе совѣты и къ нѣкоторымъ лицамъ въ Россіи и за границею. Въ проектѣ, параграфы объ избраніи профессоровъ были почти *безъ измѣненія* перенесены изъ устава 1835 года. Вотъ эти параграфы въ томъ видѣ какъ они были предъ глазами учреждений и лицъ къ которымъ былъ посланъ проектъ:

„§ 76 При открывающейся вакансіи преподавателя, факультетъ представляетъ совѣту о лицѣ избранномъ на эту кафедру, а равно и каждый членъ совѣта въ правѣ предложить * и своего кандидата, съ письменнымъ изложеніемъ побудившихъ его къ тому причинъ. Кандидаты вносятся въ особую книгу и не ранѣе какъ чрезъ семь дней баллотироваться порознь.

„§ 77. Если совѣтъ не имѣетъ въ виду кандидата достойнаго занять открывшееся мѣсто преподавателя, то объявляетъ конкурсъ.

„§ 78 Профессоры ** утверждаются министромъ, которому впрочемъ предоставляется право и по собственному своему усмотрѣнію назначать въ профессоры на вакантныя кафедры людей отличныхъ ученостію и даромъ преподаванія и имѣющихъ требуемыя ученныя степени.“

Какія мнѣнія были высказаны по поводу этихъ параграфовъ, и что побудило измѣнить ихъ въ окончательной редакціи устава? Мнѣнія эти можно раздѣлить на двѣ группы: мнѣнія иностранныхъ ученыхъ, а именно трехъ высоко компетентныхъ судей по университетскимъ вопросамъ: Роберта фонъ-Моля, Рошера и Вехтера, и мнѣнія отечественныхъ учреждений и лицъ. Мнѣнія иностранныхъ ученыхъ,

* Въ уставѣ 1835 года упомянуты и адъюнкты. Постановленія о доцентахъ, замѣняющихъ адъюнктовъ, въ проектѣ 1861 года не вполне ясны. Изъ сопоставленія относящихся къ нимъ параграфовъ можно заключить что предполагалось избирать доцентовъ, раздѣлявшихся на старшихъ и младшихъ, совѣтомъ съ утвержденія попечителя, на три года, съ перебаллотировкой по истеченіи этого срока, и въ то же время, несмотря на такое непрочное положеніе, съ правомъ голоса въ факультетѣ если доцентомъ занимается отдѣльная кафедра.

* Въ уставѣ 1835 года не упоминалось отдѣльно о факультетѣ, а просто было сказано „каждый профессоръ въ правѣ предложить“.

какъ не трудно прослѣдить, не имѣли никакого вліянія на новую редакцію параграфовъ. О мнѣніяхъ этихъ не упоминается въ журналахъ ученаго комитета, гдѣ дѣлался сводъ мнѣній и вырабатывалась новая редакція проекта (быть-можетъ мнѣнія иностранныхъ ученыхъ въ эпоху этихъ работъ не были еще доставлены, но и послѣ они остались безъ замѣтнаго слѣда, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мелочей, такъ что вся посылка проектовъ за границу на дѣлѣ осталась простымъ парадомъ). Всѣ трое упомянутыхъ ученыхъ одобрили принять участіа правительственной власти въ дѣлѣ выбора профессоровъ и высказались самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ начала самопополненія. „Непосредственное въ извѣстныхъ исключительныхъ случаяхъ назначеніе профессора министромъ, говоритъ Робертъ фонъ-Моль, есть важное средство въ томъ смыслѣ что предотвращаетъ для собственной пользы университета разныя пристрастныя рѣшенія; съ другой стороны, это право, предоставленное высшей власти, даетъ возможность снабдить университетскую корпорацию, принявшую ложное направленіе, новыми здоровыми силами. Изъ-за безусловнаго права самопополненія погибали не только политическія корпорации, но и сами университеты.“ „Неограниченное право выбора, говоритъ въ свою очередь Рошеръ, представляетъ самый вѣрный путь во всѣхъ замкнуто-организованныхъ обществахъ къ развитію односторонности, задержанію прогресса и особенно къ усилению духа касты. Поэтому, по моему мнѣнію, факультетамъ не слѣдуетъ предоставлять ни безусловнаго права выбора профессоровъ, ни безусловнаго veto: то и другое тѣмъ менѣе можетъ быть допущено, чѣмъ малочисленнѣе факультетъ.“ По мнѣнію Рошера и Вехтера, избраніе должно сосредоточиваться главнымъ образомъ въ факультетѣ къ которому принадлежитъ кафедра, а не въ совѣтѣ. „Соединеніе между факультетомъ и совѣтомъ, предполагаемое въ § 76“, говоритъ Рошеръ, „я считаю за иллюзію: совѣтъ почти всегда будетъ согласенъ съ рѣшеніемъ факультета, ближе знакомаго съ дѣломъ и принимающаго въ немъ болѣе живое участіе. Замаскированное же, скрытое вліяніе въ жизни всегда менѣе полезно, а въ извѣстныхъ спорныхъ случаяхъ гораздо вреднѣе чѣмъ открытое которое можетъ подвергаться отвѣтственности.“ „Что факультетъ, замѣчаетъ въ свою очередь Вехтеръ, при открытіи вакансій университетскаго преподавателя, предлага-

еть совѣту о ея замѣщеніи, какъ опредѣлено § 76, это вполнѣ правильно. Напротивъ, предоставленное совѣту, въ этомъ случаѣ, право выбора, во многихъ отношеніяхъ, сомнительно. Именно §§ 76, 78 и п. 2 § 85 предоставляютъ совѣту назначать лицо которому должно быть передано открывшееся вакантное преподавательское мѣсто, съ утвержденія министерства. Это такъ-называемое право непосредственнаго назначенія (*Nominationsrecht*), существовавшее прежде въ большей части германскихъ университетовъ. Но въ новѣйшее время оно совершенно отмѣнено, потому что встрѣчались поразительныя доказательства вреда отъ него происходящаго. При такомъ правѣ совѣта на восполненіе своего собственнаго состава очень легко могутъ проявлять свое вліяніе руководящія побужденія совершенно чуждыя интересамъ самого дѣла; съ другой стороны, для университета очень важно чтобы при замѣщеніи каждаго преподавательскаго мѣста предварительно выслушивались мнѣнія его ординарныхъ сочленовъ, то-есть чтобы факультеты, до которыхъ дѣло касается ближайшимъ и главнѣйшимъ образомъ, дѣлали объ этомъ предложенія и представляли ихъ совѣту, который, по разсмотрѣніи и обсужденіи ихъ, представлялъ бы свое заключеніе, при мнѣніи факультета, на рѣшеніе министерства."

Чтобы министерскія назначенія не упразднили совѣтамъ участія университетовъ въ избраніи преподавателей, и въ предупрежденіи великихъ непріязненныхъ столкновеній министерства съ факультетами въ подобныхъ вопросахъ, Роншеръ считаетъ полезнымъ чтобы министерство не назначало отъ себя профессоровъ не получивъ предварительнаго представленія отъ факультетовъ, и въ случаѣ если найдеть представленныхъ кандидатовъ неудовлетворительными спрашивало объясненія почему представлены такіе кандидаты. Нѣчто подобное высказываетъ и Робертъ фонъ-Моль, желая чтобы министеръ въ случаѣ несогласія съ представленіемъ университета указывалъ основанія по которымъ не утверждаетъ сдѣланнаго выбора и назначая своего кандидата объяснял почему онъ его предпочитаетъ. Высказавъ эту мысль Робертъ фонъ-Моль впрочемъ немедленно же отказывается отъ возможности примѣненія на дѣлѣ подобной мѣры, непрактичность которой очевидна, и соглашался что такіа объясненія мотивовъ не представляли бы достаточныхъ гарантій. при-

бавляетъ: „а главное—неосуществимы на дѣлѣ“. Опасенія почетныхъ ученыхъ были вполнѣ естественны если принять въ соображеніе то понятіе о нашихъ порядкахъ какое они должны были имѣть (Роберта фонъ-Моля въ особенности смущало назначеніе военныхъ на должности по учебному вѣдомству), не предчувствуя, конечно, что начало самозакланія власти, то-есть самоустраненія тамъ гдѣ требуется полезное содѣйствіе, покажется у насъ особенно соотвѣтствующимъ духу времени и требованіямъ просвѣщенно-либеральнаго направленія.

Прибавимъ что Робертъ фонъ-Моль весьма рѣшительно высказался противъ тайной подачи голосовъ при избраніи профессоровъ. „Не даетъ ли, говоритъ онъ, закрытая баллотировка не совсѣмъ честнымъ людямъ возможности слѣдовать личному своекорыстному убѣжденію, котораго бы открыто высказать они не посмѣли? Во всякомъ случаѣ, вредъ отъ закрытой баллотировки можетъ быть тотъ что путемъ ея недобросовѣстные люди очень легко могутъ прибѣгнуть къ тайнымъ несправедливостямъ и другимъ подобнымъ отступленіямъ отъ своихъ обязанностей. Кромѣ того для высшаго начальства не только важно знать сколько голосовъ высказалось въ пользу извѣстнаго кандидата, но, въ особенности, *какія лица* подали за него свой голосъ. Наконецъ, не слѣдуетъ забывать и того что, при закрытой баллотировкѣ пишутся только одни имена, а не высказываются ни побудительныя причины, ни дѣльныя основанія, вслѣдствіе которыхъ избирающій пишетъ то или другое имя. По всѣмъ этимъ причинамъ, мы, ради общей пользы, отдаемъ полное предпочтеніе открытому избранію.“

Мнѣнія отечественныхъ учрежденій о назначеніи профессоровъ раздѣляются, по классификаціи лица составляющаго сводъ этихъ мнѣній, на три разряда: „1) одни желаютъ чтобы прерогатива министра была признана за нимъ безусловно; 2) другіе безусловно ее отрицаютъ; 3) по мнѣнію третьихъ прерогатива должна быть присвоена министру какъ изъятіе изъ общаго правила только въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ.“ Къ послѣднему мнѣнію склонялся и составитель свода, предложившій такую редакцію спорнаго параграфа:

„§ 78. Профессоры утверждаются министромъ, которому предоставлено и по собственному своему усмотрѣнію назна-

чать на вакантныя кафедры людей отличныхъ ученостію и даромъ преподаванія и имѣющихъ требуемыя ученые степени, если по истеченіи одного года со времени открытія вакантнаго мѣста совѣтъ не представитъ своего кандидата.

Примѣчаніе. Молодые люди отправляемые по непосредственному распоряженію министерства за границу, для приготовления себя къ профессорскому званію, распределяются между университетами по усмотрѣнію министра.“

Параграфъ вновь былъ передѣланъ въ окончательномъ проектѣ, внесенномъ въ Государственный Совѣтъ и напечатанномъ въ 1862 году, подъ заглавіемъ: *Проектъ общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ*, съ присоединеніемъ замѣчаній къ параграфамъ и объяснительной записки. Примѣчаніе было отброшено и замѣнено внесенными въ текстъ слѣдующими словами: „Сверхъ того министръ можетъ во всякое время назначать сверхштатныхъ профессоровъ изъ лицъ удовлетворяющихъ условіямъ требуемымъ отъ профессора, съ назначеніемъ имъ особаго содержанія изъ суммъ министерства.“

Не трудно усмотрѣть неосновательность какъ той, такъ и другой редакціи. Параграфъ, предполагается, долженъ имѣть силу закона, а первое условіе редакціи закона есть ясность и опредѣленность. Ни той, ни другой не усматривается въ приведенныхъ редакціяхъ столь важнаго постановленія. Министру предоставляется право назначенія „если по истеченіи одного года со времени открытія вакантнаго мѣста совѣтъ не представитъ своего кандидата“. Итакъ, достаточно совѣту заявить кандидата чтобы министръ лишился права внимательства? Но какъ должно быть поступлено если кандидатъ этотъ не получитъ утвержденія? Свободенъ ли тогда министръ въ назначеніи, или можетъ совѣтъ представить новое лицо? О какихъ суммахъ министерства идетъ рѣчь? и т. д.

Послѣдняя, окончательная, редакція, вошедшая въ утвержденный уставъ 1863 года, гласитъ такъ:

„§ 72. Профессоры по избранію совѣта * утверждаются министромъ, а доценты и лекторы поочередно учебнаго округа. Въ тѣхъ случаяхъ когда вакантная въ университетѣ кафедра не будетъ замѣщена въ теченіе года избраннымъ отъ

* Согласно § 70 *каждый членъ факультета* можетъ предложить кандидата. Предложенные кандидаты дважды подвергаются тайному избранію: баллотировкѣ въ факультетѣ и новой, рѣшающей (забаллотированіе въ факультетѣ не останавливаетъ дѣла), въ совѣтѣ.

университетскаго совѣта кандидатомъ, министръ можетъ назначать въ профессора по своему избранію лица удовлетворяющія требуемымъ отъ профессора условіямъ. Сверхъ сего отъ министра зависитъ назначать во всякое время сверхштатныхъ профессоровъ изъ лицъ отличныхъ ученостію, даромъ преподаванія и удовлетворяющихъ прочимъ условіямъ требуемымъ отъ профессора, испрашивая каждый разъ, порядкомъ установленнымъ въ Высочайше утвержденнымъ 22го мая 1862 года правиламъ о составленіи, разсмотрѣніи и утвержденіи смѣтъ, разрѣшеніе на производство необходимаго для такого сверхштатнаго профессора содержанія.

Можно ли считать постановленіе это удовлетворительнымъ? Держусь мнѣнія что нѣтъ. Участіе министра обставлено условіями долженствующими, какъ сказано мною, парализовать его полезное дѣйствіе, вносить разладъ въ дѣло требующее согласныхъ усилій правительственной власти и самой корпораціи, связывать руки въ хорошемъ, не пресѣкая возможности сдѣлать дурное.

Имѣлось въ виду ограничить право министра дабы устранить возможность произвола и покровительства. Но устраняется ли эта возможность? Развѣ не можетъ министр ревнивый къ произволу и склонный къ покровительству, пользуясь § 72, парализовать, хоть во всѣхъ назначеніяхъ, участіе университета? Ему стоить только выждать годъ, не давая своего утвержденія на замѣщеніе каведры, и по истеченіи срока назначить кого заблагоразсудится. Правда, студенты долго остались бы безъ лекцій, но за то любителямъ происшествій представилось бы занятное зрѣлище борьбы властей. Возможность поступать дурно не пресѣкается, за то пресѣкается возможность поступать хорошо. Министру предоставляется содѣйствовать обновленію и оживленію университетовъ, только не прямымъ, а окольнымъ путемъ. Но именно подобнымъ путемъ и не пожелаетъ воспользоваться лицо не склонное къ произволу и покровительству, и желающее дѣйствовать безпристрастно и доброжелательно. Оно отстранитъ отъ себя не легкую заботу и приimanчивую безотвѣтственность предпочтетъ столкновеніямъ всегда способнымъ породить нареканія. У насъ любятъ говорить, и при составленіи устава 1863 года особенно много говорили о свѣжихъ силахъ и молодыхъ талантахъ. Но развѣ, поддерживая замкнутость самопополняющихся корпорацій, не пресѣкаемъ мы тѣмъ самымъ дорогу молодымъ талан-

тамъ? Молодые люди посылаются за границу. Представимъ себѣ что между возвратившимися есть нѣсколько успѣвшихъ обнаружить блестящія способности и произведшихъ труды обратившіе на себя вниманіе. Въ комъ найдутъ они опору, если университеты, законолотившіеся каждый въ своемъ кругу, не станутъ принимать того кто не изъ ихъ приходу? Уставъ дастъ, правда, министру право, исходатайствовать особый кредитъ, назначать сверхштатныхъ профессоровъ. Тутъ уже не студенты расплачиваются, а Государственное Казначейство несетъ на себѣ издержки конституціонной игры борящихся властей — министра и университетскаго совѣта. Хотя и предполагается что казна богата, однако во всякомъ случаѣ едва ли справедливо обременять ее безъ нужды, предоставляя министру, буде совѣтъ назначить плохого преподавателя, поправлять промахъ, поставляя рядомъ съ нимъ еще своего хорошаго. Высказываясь противъ сверхштатныхъ назначеній какъ средства поправлять ошибки совѣтовъ и какъ орудія борьбы, я далека, впрочемъ, отъ мысли высказываться противъ предоставленія министру, на основаніи ли ходатайства университета или по собственной инициативѣ, права испрашивать кредитъ для учрежденія новыхъ кафедръ или для опредѣленія какой-нибудь знаменитости сверхъ штата когда штатныя мѣста заняты.

Итакъ, какимъ же условіямъ должны удовлетворять постановленія о назначеніи профессоровъ для того чтобы важный вопросъ объ обновленіи личнаго состава университетовъ могъ получить возможно удовлетворительное рѣшеніе? Такое важное дѣло не должно быть предоставлено игръ шаровъ направляемой соображеніями болѣе или менѣе личнаго свойства и закулиснаго характера, хотя и съ изображеніемъ на декорациі яко бы требованій науки: оно должно быть предметомъ открытаго и внимательнаго обсужденія. Рѣшающей и отвѣтственной за свои рѣшенія власти должны быть представлены обстоятельныя данныя, которыя облегчали бы правильность сужденія, но вмѣстѣ съ тѣмъ требовали бы вполне внимательнаго отношенія къ рѣшаемому дѣлу и силой нравственнаго вліянія затрудняли бы возможность рѣшеній случайныхъ или произвольныхъ. Замѣчу что я имѣю въ виду назначеніе собственно профессоровъ: институтъ доцентовъ, по моему мнѣнію, подлѣжитъ существенному измѣненію. Доцентура должна быть приготовленіемъ

къ профессорству, но не профессорствомъ; профессорство же должно доставаться исключительно лицамъ уже имѣющимъ болѣе или менѣе значительный ученый багажъ (объ этомъ мы еще придется говорить).

Вообще, по моему мнѣнію, вопросъ о назначеніи профессоръ былъ бы разрѣшенъ наиболѣе правильно помощію слѣдующихъ положеній.

При открывшейся вакансіи факультетамъ предоставляется право рекомендовать одно или нѣсколько лицъ, вносимыхъ въ рекомендаціонный списокъ или *ex aequo* или по степени рекомендаціи. При этомъ каждый членъ можетъ предлагать своего кандидата, письменно мотивируя свое предложеніе. По обсужденіи правъ кандидатовъ, рѣшеніе факультета постановляется на основаніи явной подачи голосовъ, съ поименнымъ внесеніемъ въ протоколъ высказавшихся за и противъ кандидата и съ объясненіемъ причинъ. Состоявшійся рекомендаціонный списокъ, протоколъ засѣданія и мотивированныя предложенія членовъ представляются въ совѣтъ. Совѣтъ выражаетъ или свое общее мнѣніе о каждомъ кандидатѣ отдѣльно или предоставляетъ отдѣльнымъ членамъ высказать свое сужденіе въ формѣ отдѣльныхъ мнѣній. Всѣ документы, чрезъ полечителя, присоединяющаго и свое мнѣніе, представляются министру, рѣшающему дѣло.

Министръ можетъ и по собственному выбору назначать профессоровъ на открывающіяся вакансіи изъ лицъ удовлетворяющихъ условіямъ требуемымъ отъ профессора, но министръ не принимаетъ рѣшенія прежде полученія рекомендаціоннаго списка университета. Впрочемъ, если таковой не доставленъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ со времени открывшейся вакансіи, то министръ дѣйствуетъ по усмотрѣнію.

Министру предоставляется установленнымъ порядкомъ ходатайствовать о чрезвычайномъ кредитѣ для учрежденія новыхъ кафедръ или для опредѣленія сверхштатныхъ профессоровъ въ особенно уважительныхъ случаяхъ.

Дабы дать дѣлу избранія болѣе значенія, было бы можетъ-быть полезно чтобы утвержденіе профессоровъ, по крайней мѣрѣ ординарныхъ, дѣлалось Высочайшимъ приказомъ.

Не забудемъ упомянуть что требованіе докторской степени отъ ищущаго профессуры дѣлаетъ университеты прямо или косвенно участниками въ каждомъ профессорскомъ из-

бравіи, ибо возведеніе въ докторскую степень, по диспуту или безъ него, предоставлено университетамъ.

Я разобралъ съ подробностію вопросъ о порядкѣ назначенія профессоровъ, такъ какъ на этомъ пунктѣ преимущественно сосредоточились громы обличенія вызванныя моимъ *Миніемъ*. Остаюсь въ надеждѣ что всякій не предубѣжденный человекъ согласится что я имѣлъ достаточныя основанія высказаться противъ начала исключительнаго самопополненія университетовъ, и что осужденіе этого начала есть такое общепринятое положеніе которое стоитъ вѣкъ спора. Необходимость двойкаго пути при назначеніяхъ въ принципѣ признана самимъ уставомъ 1863 года, за который повидимому ратовали мои противники: она должна быть признаваема и ими, если ихъ защита устава искренняя. Почему же мнѣніе мое вызвало такое озлобленіе? Если мы вѣкъ согласны въ принципѣ и расходимся лишь въ подробностяхъ, то изъ чего же бывалъ гвалтъ?

Можетъ ли быть для кого-либо тайной фальшь негодования будто бы вызваннаго моими сужденіями? Фальшь эта раскрывается при первомъ прикосновеніи анализа. Въ самомъ дѣлѣ, нападеніе первоначально чинилось на меня какъ будто бы нападающіе были горячими защитниками права *исключительнаго* самопополненія университетовъ; все несогласное съ этимъ яко бы либеральнымъ и священнымъ правомъ отменялось; я, будто бы предлагающій, изъ угодничества правительству и изъ разныхъ стороннихъ цѣлей, коснуться этого права, подвергался поруганію: отвергать эту исключительность значитъ де предавать университетъ въ руки министерской канцеляріи, вмѣсто живыхъ корпорацій затѣвать Московскій, Казанскій, Харьковскій и пр., департаменты Министерства Народнаго Просвѣщенія. Итакъ, повидимому, провозглашалось что самопополненіе есть главное право и благо университетовъ. Но затѣмъ дѣлался поворотъ. Я призывался къ отвѣту уже не какъ противникъ исключительнаго самопополненія, а за то какъ смѣлъ высказаться въ пользу начала двойкаго пути и такъ де признаваемаго уставомъ 1863 года, дающимъ въ извѣстныхъ случаяхъ министру право назначенія; обвинялся яко бы поднимающій шумъ и нарушающій „царей и царствъ земныхъ отраду, возлюбленную тишину“. Изъ чего де хлопочу я? приступали ко мнѣ: не ясны ли тутъ тайныя цѣли? Говорю я что право

избранія въ смыслѣ рекомендаціи должно оставаться за университетами въ полной силѣ. Мы толковали въ одно ухо что это только фраза и я хочу чтобы профессора назначались исключительно министромъ, ибо употребилъ слово рекомендація; въ другое кричали что и теперешнее избраніе не болѣе какъ рекомендація (съ чѣмъ, впрочемъ, я и не спорилъ); о чемъ же я толкую? и т. д.

XIX.

Въ близкой связи съ вопросомъ о назначеніи преподавателей находится вопросъ объ оставленіи на службѣ профессоръ выслужившихъ пенсію. Трудно придумать что-нибудь болѣе несообразное, болѣе несправедливое какъ установленный нынѣ порядокъ по этому предмету. Еслибы въ человѣческихъ дѣлахъ справедливое и очевидное имѣло должную силу, онъ не могъ бы продержаться минуты. Онъ держится года, свидѣтельствуя о могуществѣ закона косности и въ нравственномъ мірѣ; мало того, находитъ приверженцевъ якобы нѣчто либеральное: подъ мнимо-либеральнымъ флагомъ онъ и былъ введенъ въ счастливый портъ устава 1863 года. Согласно предписанію параграфа 78 этого устава, профессоръ выслужившій пенсію, то-есть послѣ двадцати пяти лѣтъ учебной службы, подвергается баллотировкѣ въ совѣтъ, и буде избранъ, остается на службѣ на пятилѣтіе, получая значительно увеличенное содержаніе, а именно и жалованье, и пенсію. Для избранія уставъ требуетъ большинство трехъ третей.

Объяснительная къ уставу записка поясняла что въ мысли составителей оставленіе должно быть исключеніемъ, удаленіе правиломъ. Не успѣвъ законъ войти въ дѣйствіе какъ послѣдствіе неправильной мѣры тотчасъ обнаружился. Дѣло, какъ и ожидать слѣдовало, всецѣло внесено въ область интриги; забаллотировались самые достойные преподаватели, количество шаровъ опредѣлялось исключительно личными отношеніями и ни въ какой пропорціи съ учеными достоинствами не оказалось. Правительству пришлось прибѣгать къ разнымъ искусственнымъ мѣрамъ чтобы парализовать послѣдствія только-что введеннаго порядка и наконецъ совсѣмъ отмѣнить требованіе двухъ третей, замѣнивъ его требованіемъ простаго большинства. Вопіющіе случаи стали рѣже, но дѣло въ сущности не измѣнилось.

Чтобы получить вполнѣ ясное представленіе о несообразностяхъ нынѣ дѣйствующихъ установленій необходимо прослѣдить исторію ихъ возникновенія. Срочность профессорской службы введена уставомъ 1835 года. Главнымъ источникомъ новой мѣры было желаніе поднять находившіеся въ упадкѣ университеты чрезъ замѣну многихъ отсталыхъ и плохихъ профессоровъ новыми силами подготовленіемъ которыхъ было озабочено правительство. На принятіе такой мѣры, какъ и вообще на составленіе устава 1835 года, если не ошибаемся, не малое вліяніе имѣлъ обзоръ состоянія Московскаго университета, сдѣланный по Высочайшему повелѣнію въ 1832 году тайнымъ совѣтникомъ Уваровымъ, тогда товарищемъ министра народнаго просвѣщенія. Приведу изъ его отчета (см. *Дополненіе къ Сборнику постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія*) любопытные отзывы о московскихъ профессорахъ того времени (изъ нихъ нынѣ въ живыхъ Д. М. Перевощиковъ, М. П. Погодинъ и А. Г. Фишеръ).

„Въ Московскомъ университетѣ, пишетъ товарищъ министра, довольно неравное распредѣленіе способностей между преподающими: нѣкоторые стоятъ на стелени желаемаго образованія по своей наукѣ и владѣютъ способностью передавать свои познанія; другіе опоздали на собственномъ поприщѣ, и сихъ опоздалыхъ можно найти какъ между старыми, такъ и между младшими членами сего сословія. Къ первому разряду причисляю я по справедливости: ветерана Каченовскаго, трудолюбиваго и даже остроумнаго знатока по своей части, не столько краснорѣчиваго, сколько прилежнаго преподавателя; Давыдова, болѣе всѣхъ прочихъ владѣющаго языкомъ и даромъ выражать мысли, полезнаго на кафедрѣ русской словесности, нѣкогда можетъ-быть легкомысленнаго, но созрѣвшаго чрезъ опытность, любимаго публикою и студентами и въ готовности коему быть, при хорошемъ направленіи, хорошимъ во всѣхъ случаяхъ орудіемъ правительства и не имѣю никакаго повода сомнѣваться; астронома Перевощикова, образованнаго и умнаго профессора, съ открытою головою и съ благороднымъ чувствомъ—человѣка во всѣхъ отношеніяхъ заслуживающаго вниманіе начальства; профессора математики Щелкина и восточныхъ языковъ Болдырева; много обѣщающихъ и даже уже сдержавшихъ, профессора Александра Фишера и адъюнктовъ: Погодина, Максимовича, перваго—по части зоологіи, втораго—по части русской исторіи и третьяго—по ботаникѣ; въ факультетѣ медицинскомъ, усердныхъ и полезныхъ: Альфонскаго, отличнаго латиниста Рихтера и Эйбродта, лучшаго ученика Лодера. Къ разряду

хорошихъ преподавателей прибавлю профессора богословія, священника Терновскаго, лекціями коего я былъ совершенно доволенъ какъ въ отношеніи полноты и ясности, такъ и въ отношеніи языка и методы преподаванія.

„Въ числѣ опоздавшихъ, большею частію устарѣвшихъ, замѣтилъ я по медицинскому факультету Мухина и Котельническаго; въ словесномъ—профессора греческой словесности Ивашковскаго, съ довольно хорошими, но несвоевременными познаніями; въ нравственно-политическомъ—Василевскаго, неспособнаго къ занятію кафедры, столь важной, политическаго и народнаго права и дипломатіи, и который находился еще подъ моимъ начальствомъ въ бывшемъ главномъ Педагогическомъ Институтѣ и о благовидномъ удаленіи коего были приняты уже мѣры попечителемъ Московскаго университета; профессора латинской словесности Снегирева, не имѣющаго достаточныхъ познаній по сей части; профессора русскаго законодательства Смирнова, едва ли обнимающаго предметъ, и нѣсколько адъюнктовъ, отнюдь не общающихся быть отличными преподающими, и которые лишь по безлечности начальства могли быть допущены къ сему званію; я не упоминаю здѣсь о прочихъ заслуженныхъ профессорахъ, изъ коихъ большая часть не принимаетъ участія въ преподаваніи.

„Здѣсь, какъ и вездѣ, находится между сими двумя крайностями нѣкоторое число людей безъ отличныхъ способностей и безъ разительныхъ недостатковъ, какъ-то: молодой профессоръ археологіи Надеждинъ, слишкомъ рано возведенный въ званіе ординарнаго профессора, и который занимается изданіемъ *Телескопа* и *Молвы*—двухъ періодическихъ изданій, не заслуживающихъ одобренія ни по содержанію, ни по духу, но впрочемъ не лишенный нѣкоторой способности быть современемъ хорошимъ преподающимъ; профессоръ Павловъ, который равномѣрно имѣетъ даръ выражаться правильно и даже пріятно, но который содержитъ обширный вольный пансіонъ и управляетъ училищемъ Земледѣльческаго Общества и хуторомъ онаго, каковыя занятія едва ли могутъ оставить довольно времени чтобы сдѣлаться прилежнымъ изслѣдователемъ своей науки. Къ сему разряду принадлежатъ еще нѣсколько другихъ лицъ, слишкомъ рано и легко удостоенныхъ званія профессорскаго.

„Трудно, конечно, въ непродолжительномъ времени собранная впечатлѣнія излагать въ краткихъ и рѣзкихъ словахъ; легко даже или оцѣнить иныхъ выше достоинства, или не отдать другимъ надлежащей справедливости, особенно въ распредѣленіи умственныхъ способностей; однакоже думаю что я въ своихъ сужденіяхъ о лицахъ не могъ во многомъ отдалиться отъ истины, ибо смотрѣлъ съ безпристрастіемъ равнодушнаго посѣтителя и въ отношеніи къ нѣкоторымъ слѣдовалъ общепринятому мнѣнію.

„Изъ сего быстрого обозрѣнія главнѣйшихъ лицъ входящихъ въ составъ Московскаго университета, можно заклю-

чить что по медицинскому отдѣленію имѣемъ мы нѣсколько способныхъ и усердныхъ орудій; по отдѣленію словесному—нѣсколько отлично преподающихъ; по нравственно-политическому, сверхъ профессора богословія, изъ одного профессора Василевскаго съ экстраординарными профессорами и адъюнктами составленнаго, совершенный обломокъ факультета, въ которомъ все смѣшано, и юридическія, столь обширныя и необходимыя, науки не имѣютъ ни одного надежнаго преподавателя, а всѣ политическія, вмѣстѣ съ римскими правами, предоставлены адъюнкту Васильеву, кото мѣ, не взирая на его хорошія познанія и усердіе, не можетъ выполнить столь противоположныхъ требованій, ниже возложенное на него порученіе.

Изъ сего же можно вывести сколь несоразмѣрны и несообразны между собою разнородныя части составляющія публичное преподаваніе въ Московскомъ университетѣ. Отсюда происходитъ во многихъ какой-то упадокъ духа, какая-то лѣнь думать и идти впередъ, какое-то внутреннее несогласіе и неравенство, которыя много содѣйствовали къ разстройству университета и къ недовѣрію общаго мнѣнія къ оному.“

Постановленія устава 1835 года о срочности профессорской службы и порядкѣ увольненія профессоровъ отслужившихъ срокъ заключаются въ § 83, гдѣ значится:

„Профессоръ, по выслугѣ въ сей должности 25 лѣтъ, удостоенный званія *заслуженнаго*, увольняется изъ университета, и кафедра его почитается вакантною. Совѣтъ принимаетъ мѣры къ замѣщенію оной, при чемъ и заслуженный профессоръ можетъ подвергнуться узаконеннымъ порядкомъ избранію. Таковое вторичное избраніе имѣетъ силу въ теченіе пяти лѣтъ, по прошествіи коихъ министръ, принимая въ уваженіе мнѣніе попечителя и свидѣтельство совѣта, опредѣляетъ: имѣетъ ли заслуженный, вторично избранный, профессоръ продолжать еще преподаваніе и на сколько лѣтъ, или слѣдуетъ, по преклонности лѣтъ и другимъ обстоятельствамъ, освободить его отъ сего занятія и приступить къ новому выбору.“

Увольненіе было, впрочемъ, обставлено весьма льготными условіями: уволенный заслуженный профессоръ получалъ въ пенсію полный окладъ жалованья (§ 138), а въ случаѣ занятія вновь кафедры или по вступленіи въ другой родъ службы, сохранялъ такую полную пенсію, сверхъ жалованья по занимаемой должности. Постановленія устава были вкорѣ существенно измѣнены положеніемъ 18го ноября 1836 года о чинахъ и пенсіяхъ по вѣдомству министерства просвѣщенія. Въ примѣчаніи къ § 16 положенія значится: „правило изложенное

въ 83 ст. Общаго Устава Императорскихъ Россійскихъ Университетовъ, по коему профессеры удостоенные званія *заслуженнаго* увольняются изъ университетовъ или подвергаются новому избранію, остается въ своей силѣ, съ тѣмъ что и всѣ прочіе профессеры и другія лица, прослужившія въ учебномъ вѣдомствѣ двадцать пять лѣтъ, на основаніи сего же правила *не иначе оставляются на службу, какъ по ручательству ближайшаго начальства* что они могутъ еще служить съ пользою; причемъ они *сохраняютъ на службу и пенсію*“. Такимъ образомъ важная льгота полученія пенсіи при жалованіи была распространена на всѣхъ выслужившихъ двадцатипятилѣтній срокъ, тогда какъ по уставу 1835 года пенсія равная окладу жалованья назначалась лишь при увольненіи отъ службы. Въмѣстѣ съ тѣмъ оставленіе на службѣ каждаго окончившаго двадцатипятилѣтній срокъ было обусловлено ходатайствомъ ближайшаго начальства. Такъ установлено порядкомъ дѣйствовавшій въ продолженіи многихъ лѣтъ. Случаи неоставленія были вообще довольно рѣдки.

Въ эпоху когда заготовлялся уставъ 1863 году и были въ ходу самые разнообразныя планы преобразованія университетовъ, вопросъ объ ихъ обновленіи свѣжими силами сдѣлался особенно популярнымъ вопросомъ. Проводилось рѣзкое раздѣленіе всего къ нимъ принадлежащаго на старое и новое, не столько по лѣтамъ, сколько по степени соответствія *новымъ требованіямъ*“; старое обрекалось скорѣйшей смѣнѣ. Явленія дѣйствительной отсталости, ревнивой монополіи и болѣе или менѣе явнаго и искуснаго отстраненія отъ своей кафедры молодыхъ дѣятелей способныхъ явиться конкурентами, побуждали многихъ серьезныхъ и самостоятельныхъ въ своихъ мнѣніяхъ людей приставать къ сторонникамъ срочности профессорскаго служенія. Но въ какой формѣ осуществилось намѣреніе, вызванное, казалось, заботою о преуспѣянніи университетовъ? Уставъ 1863 года, не лишая начальства права забраковать выслужившаго срокъ (для оставленія требуется утвержденіе начальства, очевидно не обязательное), подчинилъ оставленіе кромѣ того милости совѣта и вручилъ право изгнать или помиловать произволу собранія въ которомъ значительная доля (экстра-ординарные профессора ждущіе повышенія) имѣетъ прямой интересъ въ забаллотированіи. Поставлено требованіе двухъ третей голосовъ, дабы, какъ значилось въ объяснительныхъ замѣчаніяхъ

къ уставу, оставленіе было „исключеніемъ изъ общаго явленія“, общимъ же нормальнымъ явленіемъ — забаллотированіе. Предъ профессоромъ приближающимся къ сроку службы была поставлена съ одной стороны приманка въ видѣ полуторнаго содержанія (тройнаго для тѣхъ которые уже выслужили срокъ или были близки къ нему въ эпоху утвержденія устава 1863 года, удвоившаго жалованье), съ другой — угроза быть сведеннымъ на тысячу четыреста рублей содержанія при удаленіи въ невольное бездѣйствіе. Въ наилучшемъ положеніи очутились тѣ которые намѣренно или ненамѣренно не заботились о приготовленіи дѣятелей по своимъ кафедрѣмъ и кого потому нечѣмъ было замѣнить; въ худшемъ тѣ которые о томъ заботились и которые по законамъ челоувѣческой неблагодарности находили нерѣдко главныхъ противниковъ въ тѣхъ возвышенію кого содѣйствовали. Началось, съ одной стороны, сильнѣйшее заискиваніе у мл. пухъ товарищей, вредно отражавшееся на этихъ послѣднихъ чрезъ возрастаніе самолюбія, вслѣдствіе значенія приобретаемаго въ силу положенія, а не въ силу заслуги. Съ другой стороны, началось организованіе партій, поднялись интриги съ цѣлью вытѣснить того или другаго, тогда какъ въ дружной корпораціи, конечно, причиною было бы встрѣтить начало взаимной поддержки, а не начало взаимнаго забракванія. Такой порядокъ вещей не мало содѣйствовалъ развитію общаго разлада въ профессорскихъ корпораціяхъ, замѣчаемаго въ особенности послѣ устава 1863 года, обусловленнаго организаціей постоянно вызывающей вопросы о дѣлѣ власти и преимуществъ, и который, къ сожалѣнію, идетъ возрастая, ибо дня не проходитъ чтобы не приходили вѣсти о томъ какъ тамъ, послѣ совѣтской ссоры, предположено обратиться съ жалобой къ прокурорскому надзору, здѣсь просить защиты своего начальства отъ оскорбленій, казалось бы немыслимыхъ въ ученомъ собраніи, тамъ бранятся до вызововъ...

Прибавлю о любопытномъ забвеніи въ какое впали составители устава 1863 года по отношенію къ вопросу объ оставленіи профессоровъ на службѣ и на которое я указывалъ въ моемъ *Мнѣніи*.

„Читая внимательно замѣчанія высказанныя въ объяснительной запискѣ къ проекту устава 1863 года, не трудно убѣдиться что просто-на-просто *забыто* что вступающій на службу въ университетъ можетъ имѣть уже предшествовавшіе

годы службы. И вотъ вмѣсто двадцатипятилѣтняго пребыванія въ университетѣ въ качествѣ преподавателя, принять двадцатипятилѣтній срокъ требуемый для получения пенсiи. Такимъ образомъ выходитъ что если человѣкъ поступить на кафедру не съ лавки, а послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ученыхъ трудовъ, то чѣмъ болѣе успѣлъ онъ накопить извѣстности, тѣмъ на меньшій срокъ оказывается ему довѣріе. Если кто вступилъ на кафедру черезъ двадцать лѣтъ по выходѣ изъ университета, то таковой официально признается годнымъ на пять лѣтъ, ибо, какъ значитсѣ въ объяснительныхъ замѣчаніяхъ, оставленіе по выслугѣ пенсiи должно быть „исключеніемъ изъ общаго явленія“, общее же нормальное явленіе должно быть забаллотированіе. Изгнаніе должно совершаться рукою товарищей, вопреки духу согласія и дружбы, какой желателенъ въ корпораціи....

Въ оправданіе того какъ устроилось дѣло приводятъ что при составленіи устава 1873 года имѣлось въ виду возвышеніе профессорской пенсiи до нынѣшняго оклада жалованья и что еслибы составители знали что таковое не послѣдуетъ, то въ уставъ не были бы введены такіа мѣры. Но странно составлять законъ обусловленный другимъ еще несуществующимъ. Къ тому же если можно было имѣть подобныя разчеты при первоначальномъ составленіи устава, то ихъ нельзя было имѣть при окончательной редакціи, когда въ уставъ введенъ параграфъ 145, гдѣ означено что пенсiи производятся въ прежнемъ размѣрѣ.

Между тѣмъ дѣло могло получить самое простое разрѣшеніе, удовлетворяя всѣмъ соображеніямъ какія можно привести въ пользу срочности профессорскаго званія и устраняя возраженія дѣлавшіяся съ точки зрѣнія государственной экономіи. Стоило увеличить пенсiю до оклада полнаго жалованья, но отмѣнить полученіе пенсiи и жалованія на службѣ. Государственное Казначейство осталось бы въ выгудѣ. Въ настоящее время весьма значительное число профессоровъ получаютъ и жалованіе и пенсiю вмѣстѣ, и сравнительно очень небольшое получаютъ только пенсiю, оставаясь безъ службы. Нѣтъ сомнѣнія что еслибы послѣ двадцати пяти лѣтъ и не давалась пенсiя остающимся на службѣ, а для увольняющихся полное жалованье обращалось въ пенсiю, большинство отслужившихъ срокъ не оставило бы университетовъ. Привычка къ преподавательской дѣятельности, любовь къ занятіямъ, по-

ложене даваемое профессорскимъ званіемъ, все это побудило бы многихъ продолжать службу; а еслибы чувствующие себя утомленными или имѣющие въ виду другую службу и оставили университетъ, то потери бы не было. Для остающихся могли бы быть допущены льготы въ облегченіи занятій. Кромѣ того министру должно быть предоставлено право увеличивать и даже въ довольно значительныхъ размѣрахъ содержаніе тѣмъ кого важно удержать при университетѣ въ интересахъ науки и преподаванія. Это могло бы быть довольно важнымъ стимуломъ не охладѣвать въ дѣятельности. Оставленіе на службѣ старшихъ преподавателей не могло бы вредить поступленію новыхъ. Такъ какъ оставшіеся получали бы на службѣ то самое что ему выдавалось бы и въ случаѣ увольненія, то можно было бы постановить правиломъ по каждой кафедрѣ много лѣтъ занимаемой однимъ лицомъ трудъ преподаванія раздѣлять между старшимъ профессоромъ и болѣе молодыми преподавателями. Участіе въ университетскихъ дѣлахъ старшихъ профессоровъ, облегченныхъ въ преподавательской дѣятельности, могло бы имѣть большое значеніе для преемства преданій и поддержанія общаго духа учрежденія.

XX.

По уставу 1835 года были три органа внутренняго университетскаго управленія: совѣтъ, правленіе и инспекція, каждый съ довольно строго разграниченнымъ кругомъ обязанностей. Совѣтъ, предполагалось, вѣдаетъ учебною, правленіе хозяйственною частію, инспекція надзоромъ за студентами. Уставъ 1863 года расширилъ кругъ дѣятельности совѣта и ввелъ два новыя учрежденія: судъ и университетскую канцелярію. Новыя учрежденія нельзя назвать удавшимися. Искусственно придуманный университетскій судъ остался мертвою буквой. Въ Московскомъ университетѣ онъ не функционировалъ *ни разу*, хотя и были неоднократно случаи студенческихъ столкновеній, безпорядковъ и т. п., но дѣла разрѣшали правленіе или совѣтъ, обѣгая назначенія суда. О томъ что по уставу 1863 есть цѣлое учрежденіе не упоминаемое въ уставѣ 1835 года, именуемое, подъ рубрикою отдѣленіе IV, канцелярію университета, съ *правителемъ* (§ 30) и

секретарями, едва ли кто замѣчаетъ въ университетахъ, такъ какъ общепринято держаться порядка дѣлопроизводства установившагося до новаго устава. Какой результатъ имѣло расширение круга дѣятельности совѣта? Обращу прежде всего вниманіе на то обстоятельство состоитъ ли это собраніе, должствующее держать бразды правленія и представлять собою нѣчто въ родѣ конвента въ миниатюрѣ, изъ членовъ съ достаточно независимымъ голосомъ? Нѣтъ, ибо мы встрѣчамъ въ немъ, во первыхъ, экстра-ординарныхъ профессоровъ, которымъ предстоитъ еще повышение и которые поэтому не могутъ въ однихъ дѣлахъ имѣть голоса независимаго, въ другихъ голоса безпристрастнаго. Мы видимъ въ немъ далѣе сонмъ старшихъ профессоровъ заискивающихъ всякими угожденіями у младшихъ своихъ товарищей и присѣдающихъ предъ ними въ виду разнаго рода баллотировокъ. Иностранные ученые разсматривавшіе проектъ устава 1863 года уже обращали вниманіе на несообразность присутствія въ совѣтѣ экстра-ординарныхъ профессоровъ. Робертъ фонъ-Мольтъ указывалъ что есть цѣлый рядъ дѣлъ въ которыхъ экстра-ординарные профессора не могутъ быть безпристрастными судьями, будучи въ нихъ лично заинтересованы. Напримѣръ, говорить онъ, „отъ удаленія ординарнаго профессора зависитъ открытіе новой вакансіи и повышение экстра-ординарнаго профессора, а вмѣстѣ съ этимъ — и увеличеніе содержанія. Такія матеріальныя выгоды, конечно, могутъ вліять на рѣшеніе того или другаго изъ вопросовъ и привести къ совершенно неправильнымъ постановленіямъ. Съ другой стороны, и изъ собственнаго интереса этихъ младшихъ преподавателей нельзя желать чтобъ они принимали участіе въ университетскомъ совѣтѣ и правленіи, потому что, присутствуя въ совѣтѣ, они могутъ примкнуть къ какой-либо партіи и, подачею своего голоса, сдѣлаться личными врагами тѣхъ которые рано или поздно будутъ имѣть вліяніе на ихъ собственное положеніе. Даже твердые характеры могутъ пострадать отъ этого, а люди слабые гибнутъ безвозвратно. Намъ кажется несомнѣнно вѣрнымъ что въ руководители университета нужно принимать такихъ людей которые уже составили себѣ положеніе и которые поэтому не могутъ бояться худыхъ для себя послѣдствій отъ расположенія или нерасположенія своихъ сочленовъ.“ То же высказалъ и Вехтеръ.

Къ многочленному собранію именуемому совѣтомъ, гдѣ университетскіе интересы представлены весьма неравно-мѣрно, — вспомнимъ преобладаніе многочисленныхъ факультетовъ надъ факультетами съ малымъ числомъ членовъ, — сводятся, по уставу 1863 года, всѣ нити университетскаго управленія. „Но удобно ли, спрашивалъ я въ моемъ *Мнѣніи*, возложить управленіе на собраніе изъ тридцати, сорока, и пятидесяти членовъ? Могутъ ли сорокъ человѣкъ завѣдывать дѣломъ безъ личнаго чьего-либо распоряженія, безъ личной чьей-либо отвѣтственности? Какую выгоду для дѣла можетъ представить скопленіе въ совѣтѣ занятій разнороднаго характера? Чтò можетъ побудить отстаивать такую систему, кромѣ развѣ удовольствія кроющагося въ сознаніи что всѣ нити управленія сводятся въ совѣтъ, такъ что каждый членъ можетъ чувствовать нѣкоторое наслажденіе административной власти? При расширеніи круга дѣятельности совѣтовъ, повидимому, имѣлось въ виду что никто такъ не заинтересованъ въ дѣлахъ университета какъ члены университета, въ средѣ которыхъ и должно де образоваться большинство дѣйствующее какъ одинъ человѣкъ, но поступающе по правилу: умъ хорошо, два лучше, а сорокъ еще превосходнѣе. Предполагалось что при такомъ порядкѣ, — по выраженію объяснительной записки къ проекту устава 1863 года, — рѣшеніе дѣлъ „соединеніемъ ученыхъ специалистовъ по многоразличнымъ отраслямъ наукъ не можетъ быть одностороннимъ (?)“. При этомъ въ печатаніи протоколовъ рекомендовалось несомнѣнное лѣкарство противъ всякихъ предвидимыхъ неудобствъ новаго порядка, и какъ на главную причину вслѣдствіе которой тогдашнее положеніе университетовъ признавалось „вполнѣ неудовлетворительнымъ“, указывалось на то что „по изъятіи суда, полиціи и хозяйственнаго управленія отъ совѣта, онъ былъ ограниченъ въ предметахъ своего вѣдомства одними дѣлами технически-учебными и выборомъ ректора и лицъ для занятія вакантныхъ кафедръ“. Новый порядокъ существуетъ уже десять лѣтъ, но не знаю можно ли признать уровень университетовъ настоящей минуты значительно поднявшимся сравнительно съ тѣмъ что было десять лѣтъ тому назадъ. И полезно ли удаленіе на второй планъ дѣлъ названныхъ въ запискѣ, не безъ презрѣнія, технически-учебными? Не главныя ли это дѣла въ учебной корпораціи? Протоколовъ уни-

верситетскихъ собраній напечатано не мало, и не трудно усмотрѣть что дѣла технически-учебнаго свойства дѣйствительно занимали въ нихъ второстепенное мѣсто, и что купчая дѣятельность обнаруживалась, по естественной человеческой слабости, преимущественно въ дѣлахъ о столкновеніяхъ разнаго рода и въ вопросахъ партій и личныхъ интересовъ. Въ собраніяхъ чисто совѣщательнаго характера изъ столкновений и борьбы мнѣній можетъ дѣйствительно возникнуть многосторонняя обработка предмета; но едва ли можно желать, какъ высказывалось въ объяснительныхъ замѣчаніяхъ, многостороннихъ *рѣшеній* въ учрежденіи управляющемъ.... Ограниченіе круга занятій совѣта предметами относящимися исключительно къ ученой и учебной дѣятельности университетовъ, полагаю, было бы бесспорно полезно для того чтобы этого рода дѣятельность стояла на первомъ планѣ въ учрежденіи ей исключительно посвященномъ. Полное отдѣленіе отъ университетовъ всѣхъ занятій экономическаго и бюрократическаго характера было бы, полагаю, важнымъ шагомъ въ исторіи ихъ устройства. Мнѣ кажется, вся экономическая часть могла бы быть съ пользой сосредоточена въ особомъ строительномъ комитетѣ при округѣ. Университетамъ въ этомъ отношеніи должно быть предоставлено право не распоряженія, а такъ-сказать требованія. Необходимо чтобы преподаванію была доставлена благопріятная обстановка: удобныя аудиторіи, удобныя помѣщенія для лабораторій и кабинетовъ, а также для лицъ заведующихъ ими и руководящихъ занятіями студентовъ и т. п. Университетамъ надлежитъ указать въ чемъ эти удобства, и указанія эти должны быть исполнены, по мѣрѣ возможности, лицами именно этимъ занятыми и отвѣтственными. Нѣтъ сомнѣнія что правомъ требованія и контроля университеты воспользовались бы внимательно. Гарантіею отъ недостаточнаго вниманія къ этимъ требованіямъ и замѣчаніямъ могло бы служить право университетовъ непремѣннаго доведенія, буде пожелаютъ, до министра своихъ указаній и замѣчаній. Столкновенія и споры могущіе возникнуть при такомъ порядкѣ могутъ быть придирчивы, утомительны, но для дѣла скорѣе полезны чѣмъ вредны. Суетное утѣшеніе доставляемое нынѣшнимъ порядкомъ: что мы главные распорядители,—есть, полагаю, скорѣе самообольщеніе чѣмъ сознаніе дѣйствительнаго значенія. Хозяйственная дѣятельность университета

имѣть почти номинальный характеръ. Да и можно ли требовать отъ ректора, декановъ, профессоровъ заботъ о крышахъ, карнизахъ, мостовыхъ! Канцелярскія дѣла по формулярамъ, производствамъ и другимъ заботамъ о членахъ университета какъ чиновникахъ также, по моему мнѣнію, должны быть удалены изъ университета. Не достаточно ли одной канцеляріи на округъ? Упрощеніе всего что имѣетъ характеръ формальности, возможное сокращеніе отчетовъ, протоколовъ и всякаго рода формальнаго бумагописанія въ высшей степени желательно.“ Не должно забывать, скажемъ словами Рошера, „что для cadaго профессора — обсуждаемые и предлагаемые въ совѣтѣ вопросы имѣютъ только второстепенное значеніе, потому что главные занятія его состоятъ въ научныхъ изслѣдованіяхъ и въ чтеніи лекцій.“

При ограниченіи и упрощеніи круга дѣятельности совѣтовъ, говорилъ я далѣе, нѣтъ надобности въ двухъ органахъ управленія: совѣтѣ и правленіи. Быть-можетъ проще всего было бы сдѣлать центральнымъ органомъ университетскаго управленія и представителемъ его въ сношеніяхъ съ начальствомъ — болѣе тѣсное собраніе изъ ректора, декановъ и нѣсколькихъ ординарныхъ профессоровъ, какъ въ германскихъ университетахъ, подъ наименованіемъ Сената, куда восходили бы дѣла изъ факультетовъ, какъ съ общими, такъ и особыми мнѣніями членовъ. Въ качествѣ собранія совѣщательнаго Сенатъ долженъ имѣть голосъ по всѣмъ дѣламъ касающимся университета и имѣющимъ важность. Ему должно принадлежать право обсужденія предложеній попечителя; въ случаѣ несогласія, дѣло должно восходить къ министру. Полный совѣтъ могъ бы быть сохраненъ для выборовъ. Ему могла бы быть предоставлена и другая функція, еслибы согласиться съ мнѣніемъ Вехтера, который говоритъ: „Совѣтъ и факультетскія собранія, которымъ должно быть представлено постановлять *окончательныя* рѣшенія, слѣдуетъ составлять только изъ однихъ ординарныхъ профессоровъ; но было бы въ высшей степени полезно, еслибы, наряду съ этими распоряжающимися и окончательно рѣшающими коллегіями, существовало полное университетское собраніе всѣхъ ординарныхъ и экстра-ординарныхъ профессоровъ и доцентовъ, которому было бы предоставлено дѣлать факультетамъ и совѣту предложенія о дѣлахъ университета.“

Наконецъ, въ значительной дисгармоніи съ общимъ харак-

теромъ совѣтской автономіи по уставу 1863 года находится положеніе ректора. Съ одной стороны приняты, повидимому, всѣ мѣры чтобы ректоръ былъ не болѣе какъ первый между равными и чтобы не было тѣни какого-либо начальническаго отношенія къ профессорамъ (по смыслу § 34, ректоръ, напримѣръ, не имѣетъ права сдѣлать замѣчаніе преподавателю); съ другой — ректорская должность поставлена въ такія условія что предъ лицомъ высшаго начальства онъ является какъ бы ближайшимъ начальникомъ университета: продолжительность срока службы, возвышенное содержаніе, важное право представлять профессоровъ, какъ и прочихъ служащихъ, къ наградамъ и инымъ аттрибуты начальствованія, суть свидѣтельства что на ректора сверху и со стороны смотрится не просто какъ на представителя и уполномоченнаго представителя профессорской коллегіи. Въ общемъ мнѣніи ректоръ есть нѣчто большее и призывается къ отвѣту за состояніе университета, имѣя впрочемъ возможность сложить съ себя отвѣтственность ссылакою на то что уставъ поставляетъ его простымъ исполнителемъ воли совѣта. Въ германскихъ университетахъ ректорское званіе далеко не такъ приманчиво, дается на годичный срокъ и обыкновенно переходитъ отъ одного профессора къ другому; избраніе ректора потому вовсе не есть такой важный эпизодъ во внутренней университетской жизни какъ у насъ, гдѣ въ нѣкоторыхъ университетахъ въ теченіе долгаго времени исторія университета сводилась къ борьбѣ большинства и меньшинства по вопросу объ избраніи ректора, предѣлахъ его власти и т. д.

Опытные въ университетскихъ дѣлахъ иностранные ученые указывали на неудобства продолжительнаго срока ректорской службы, но указанія ихъ и въ этомъ какъ въ другихъ случаяхъ не были приняты во вниманіе. „Въ германскихъ университетахъ, говоритъ Робертъ фонъ-Моль, ректоръ мѣняется каждый годъ и вреда отъ этого никакого не чувствуется. Напротивъ, чрезъ это многочисленные члены совѣта знакомятся съ занятіями перваго въ заведеніи лица, принимаютъ участіе въ дѣлахъ университета и изучаютъ ихъ. Кромѣ того, способный человѣкъ для отправленія ректорской должности, пожалуй, согласится прекратить свои занятія, а быть-можетъ и лекціи — на годъ; но едва ли онъ пожертвуетъ ими на четыре года.“

„По моему мнѣнію, говоритъ Рошеръ, четырехлѣтній срокъ ректорства и деканства можно бы было замѣнить однолѣтнимъ. Еще сомнительно, должно ли смотрѣть на возложеніе исправленія этихъ должностей какъ на выгоду, или какъ на бремя для профессоровъ. Но навѣрно что для *настоящаго* профессора они могутъ имѣть только второстепенное значеніе, не имѣя никакого вліянія на его занятія какъ изслѣдователя и преподавателя науки. Потому четырехлѣтній срокъ мнѣ и кажется слишкомъ продолжительнымъ и даже вреднымъ. Конечно, съ одной стороны, нельзя не согласиться что исполняющіе извѣстную должность въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ могутъ пріобрѣсти большую опытность и навыкъ въ соединенныхъ съ нею занятіяхъ; но за то вѣдь и эти занятія, какъ второстепенныя и малоинтересныя для профессора, могутъ очень легко надоесть ему, и пойдутъ вяло и нерѣшительно.“

Аномалія постановленія согласно которому выборное лицо представляетъ къ наградамъ своихъ избирателей такъ велика что о необходимости ея устраненія едва ли нужно говорить.

Прерываю мою уже довольно длинную рѣчь объ университетскихъ дѣлахъ. Я велъ ее,—обращаясь къ свободнымъ людямъ которые способны выслушать и взвѣсить доказательства, которыхъ мнѣніе не управляется хлопальщиками посаженными въ партеръ,—въ глубокомъ убѣжденіи что въ настоящее время нѣтъ въ Россіи вопроса болѣе важнаго какъ вопросъ о нашемъ высшемъ образованіи. Силою обстоятельствъ онъ необходимо выдвигается впередъ и требуетъ разрѣшенія. Рѣшеніе его въ ту или другую сторону можетъ имѣть неисчислимыя послѣдствія. Судьба школы у насъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо и когда-либо есть судьба государства.

Н. ЛЮБИМОВЪ.

ЗАКОНЪ И ЖЕНЩИНА*

РОМАНЪ

ВИЛКИ КОЛЛИНЗА

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

ГЛАВА XXXV.

Предсказаніе мистера Плеймора.

Мы прибыли въ Лондонъ въ девятомъ часу вечера. Строго методичный во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, Веніаминъ телеграфировалъ изъ Единбурга своей эконолкѣ чтобы къ десяти часамъ былъ готовъ ужинъ и чтобы на станцію былъ высланъ его извозчикъ.

Подѣхавъ къ коттеджу мы принуждены были обождать минуточку пока отъ калитки не отѣхалъ какой-то кабріолетъ. Въ кабріолетѣ сидѣлъ незнакомый мнѣ человекъ съ грубою наружностью и съ трубкой во рту. Еслибы не этотъ человекъ, я можетъ-быть взглянула бы пристальнѣе въ кабріолетъ и лопи и узнала бы ихъ. Теперь же я не обратила на нихъ вниманія.

Калитка была отворена почтенною старою эконолкѣй Веніамина.

---

* См. *Русскій Вѣстникъ* 1874 №№ 10, 11, 12 и 1875 № 1 и 2а.

— Слава Богу, воскликнула она увидавъ насъ. — Я думала что вы ужъ никогда не прѣдете.

— Развѣ что случилось? спросилъ Веніаминъ со своимъ непостижимымъ спокойствіемъ.

Экономка вздрогнула.

— Я совсѣмъ обезумѣла, сударь, я перестала понимать что у насъ творится, отвѣчала она. — Нѣсколько часовъ тому назадъ пришелъ какой-то незнакомый человѣкъ и спросилъ.... она остановилась какъ будто совсѣмъ сбилась съ толку, посмотрѣла съ минутой на своего хозяина и обратилась ко мнѣ. — И спросилъ, продолжала она, — когда васъ ожидаютъ назадъ, сударыня. Я передала ему что телеграфировалъ хозяинъ, а онъ вдругъ говорить на это: подождите крошечку, я сейчасъ вернусь. И онъ вернулся и притащилъ съ собой что-то такое страшное что у меня застыла кровь въ жилахъ и я затряслась съ головы до ногъ. Я знаю что мнѣ не слѣдовало пускать его, но я едва держалась на ногахъ. И съ вашего, или лучше сказать безъ вашего позволенія, мистеръ Веніаминъ, онъ вошелъ и пронесъ свою пошу прямо въ вашу библіотеку. И тамъ она оставалась всѣ эти часы и тамъ она теперь. Я обращалась къ полиціи, но полиція не хотѣла вмѣшаться, а я не могла придумать ничего больше. Не входите одна, сударыня. Вы испугаетесь до смерти.

Я однако рѣшилась войти. Вспомнивъ о лони и кабріолетѣ я легко объяснила себѣ тайну непонятнаго разказа экономки. Пройдя столовую, гдѣ уже былъ накрытъ столъ для ужина, я заглянула въ полуотворенную дверь библіотеки.

Да, я не ошиблась. Мизерримусъ Декстеръ, въ своемъ сюртукѣ и безъ покрывала сидѣлъ въ любимомъ креслѣ Веніамина и повидимому спалъ. Его странный костюмъ ни мало не соответствовалъ общепринятымъ понятіямъ о приличіи и я не удивляюсь что экономка, говоря о немъ, тряслась съ головы до ногъ.

— Валерія, спросилъ Веніаминъ, указывая на него. — Что это таксе? Индійскій идолъ или человѣкъ?

Я уже говорила что слухъ Мизерримуса Декстера былъ чутокъ какъ слухъ собаки. Теперь онъ показалъ что и сонъ его былъ легокъ какъ сонъ собаки. Незнакомый голосъ, хотя вопросъ Веніамина былъ предложенъ очень тихо, разбудилъ его мгновенно. Онъ протеръ глаза и улыбнулся невинною улыбкой пробуждающагося младенца.

— Какъ поживаете, мистрисъ Валеріа? спросилъ онъ. — Я славно соснулъ здѣсь безъ васъ. Вы не знаете какъ я радъ что вижу васъ опять. А это кто?

Онъ протеръ опять глаза и взглянулъ на Веніамина. Не зная какъ поступить иначе, я представила своего гостя хозяйину дома.

— Извините что я не встаю, сэръ, сказалъ Декстеръ. — Я не могу встать по той простой причинѣ что у меня нѣтъ ногъ. Вы какъ будто сердитесь что я занялъ ваше кресло. Если это не нравится вамъ, столкните меня своимъ зонтикомъ. Я упаду на руки и не буду въ претензіи. Я готовъ вынести толчокъ и брань, но не разбивайте моего сердца, не выгоняйте меня отсюда. Эта прелестная женщина можетъ быть иногда очень жестокой, сэръ. Она уѣхала въ то самое время когда мнѣ было крайне необходимо поговорить съ ней и оставила меня въ одиночествѣ и въ тревогѣ. Я жалкій калѣка съ горячимъ сердцемъ и, если хотите, съ ненасытимымъ любопытствомъ. Ненасытимое любопытство — испытали ли вы его когда-нибудь? — наказаніе Божіе. Я терпѣлъ его пока мозгъ не началъ кипѣть въ моей головѣ. Тогда я позвалъ своего садовника и заставилъ его привезти меня сюда. Мнѣ нравится здѣсь. Воздухъ вашей бібліотеки дѣйствуетъ на меня успокоительно; видъ мистрисъ Валеріи врачуетъ мое истерзанное сердце. Она имѣетъ сказать мнѣ нѣчто что я жажду услышать. Если она не слишкомъ устала отъ дороги и если вы позволите ей поговорить со мной, я обѣщаю убраться отсюда лишь только она кончитъ. Любезнѣйшій мистеръ Веніаминъ, вы кажетесь мнѣ уѣжищемъ страждущихъ. Я страдаю. Пожмите мнѣ руку какъ добрый христіанинъ и примите меня въ это уѣжище.

Онъ протянулъ руку. Его мягкіе голубые глаза приняли выраженіе жалобной мольбы. Совершенно сбитый съ толку странною рѣчью Декстера, Веніаминъ машинально, какъ сонный, взялъ протянутую руку.

— Надѣюсь что вы въ добромъ здоровьѣ, сэръ, сказалъ онъ и оглянулся на меня не зная что дѣлать.

— Я понимаю мистера Декстера, шепнула я. — Оставьте меня съ нимъ.

— Веніаминъ бросилъ послѣдній робкій взглядъ на странное существо сидѣвшее въ его креслѣ, поклонился ему съ никогда не покидавшею его учтивостью и вышелъ изъ комнаты, все еще какъ бы во снѣ.

Оставшись вдвоемъ мы съ минуту глядѣли другъ на друга молча.

Не знаю уступила ли я безсознательно неистощимой снисходительности съ которой женщина всегда относится къ нуждающемуся въ ней мужчине, или ужасное подозрѣніе мистера Плеймора, казавшееся мнѣ несправедливымъ, располагало меня къ жалости, но въ эту минуту я жалѣла Декстера какъ никогда прежде, и я не рѣшилась сдѣлать ему выговора, отъ котораго не избавила бы никого другаго кто осмѣлился бы войти безъ приглашенія въ домъ Веніамина.

Онъ заговорилъ первый.

— Леди Кларинда уничтожила ваше довѣріе ко мнѣ, началъ онъ съ жаромъ.

— Совсе нѣтъ, возразила я. — Леди Кларинда и не думала объ этомъ. Она не пыталась повліять на мои мнѣнія. Мнѣ дѣйствительно нужно было уѣхать на нѣсколько дней изъ Лондона, какъ я вамъ сообщала.

Онъ вздохнулъ съ облегченіемъ и закрылъ глаза съ такимъ видомъ какъ будто я освободила его отъ сильной тревоги.

— Будьте милостивы ко мнѣ, сказалъ онъ. — Разкажите мнѣ все. Я такъ страдалъ во время вашего отсутствія.

Онъ внезапно открылъ глаза и взглянулъ на меня съ вѣличайшимъ интересомъ.

— Вы очень устали отъ дороги? спросилъ онъ. — Я жажду узнать что случилось на обѣдѣ майора. Не слишкомъ ли жестоко съ моей стороны разспрашивать васъ когда вы еще не отдохнули? Только одинъ вопросъ сегодня. Остальное я оставлю до завтра. Что сказала вамъ леди Кларинда о мистрисъ Боли? Все что вы хотѣли узнать?

— Все и даже болѣе, отвѣчала я.

— Что еще? воскликнулъ онъ съ порывистымъ нетерпѣніемъ.

Я вспомнила предсказаніе мистера Плеймора. Онъ утверждалъ положительно что Декстеръ будетъ продолжать обманывать меня и не выкажетъ никакого удивленія когда я повторю ему разказъ леди Кларинды. Я рѣшилась подвергнуть предсказаніе юриста сильнѣйшему испытанію. Не предупредивъ Декстера ни однимъ словомъ, я сообщила ему мою новость такъ быстро и неожиданно какъ только могла.

— Особа которую вы видѣли въ корридорѣ была не мистрисъ Боли, объявила я. — То была ея служанка, одѣтая въ ея пальто и шляпку. Мистрисъ Боли не была въ это время въ домѣ, она танцевала на костюмированномъ балу въ Единбургѣ. Леди Кларинда узнала это отъ ея горничной, а я узнала отъ леди Кларинды.

Поглощенная интересомъ минуты я произнесла эти слова такъ быстро какъ только могла. Мизерримусъ Декстеръ ни мало не оправдалъ предсказанія юриста. Онъ задрожалъ, глаза его расширились отъ удивленія.

— Повторите ваши слова, воскликнулъ онъ. — Я не могу взять ихъ въ толкъ сразу. Вы ошеломили меня.

Я была болѣе чѣмъ довольна результатомъ, я торжествовала. Наконецъ я имѣла причину быть довольноною собой. Въ спорѣ съ мистеромъ Плейморомъ я держалась снисходительной, христіанской точки зрѣнія и оказалась правой. Я могла сидѣть въ одной комнатѣ съ Мизерримусомъ Декстеромъ въ счастливой увѣренности что не дышу однимъ воздухомъ съ отравителемъ. Это одно могло вознаградить меня за поѣздку въ Единбургъ.

Повторяя то что я уже сказала ему, я прибавила и нѣкоторыя подробности дѣлавшія разказъ леди Кларинды понятнымъ и вѣроятнымъ. Онъ выслушалъ меня съ начала до конца съ напряженнымъ вниманіемъ и повторяя про себя нѣкоторыя изъ моихъ словъ, какъ будто для того чтобы хорошенько понять и запомнить ихъ.

— Что сказать на это? Что дѣлать теперь? спросилъ онъ тономъ безнадежнаго отчаянія. — Я не могу не вѣрить. Какъ это ни странно, но вся эта исторія съ начала до конца повидимому справедлива.

(Что почувствовалъ бы мистеръ Плейморъ еслибъ услышалъ эти слова? Считая его хорошимъ человекомъ, я полагала что ему было бы очень стыдно за себя.)

— На это нечего сказать кромѣ того что мистрисъ Боли невинна и что мы съ вами были очень виноваты противъ нея, сказала я. — Согласны вы со мной?

— Я вполне согласенъ съ вами, отвѣчалъ онъ безъ малѣйшаго колебанія. — Мистрисъ Боли невинна. Защитники вашего мужа въ судѣ доказывали правду.

И онъ скрестилъ руки, повидимому вполне довольный своимъ заключеніемъ.

Я не была согласна съ нимъ. Къ моему смущенію я на этотъ разъ оказалась менѣе благоразумною чѣмъ онъ.

Мизерримусъ Декстеръ сдѣлалъ болѣе того на что я разчитывала. Онъ не только опровергнулъ вполне предсказаніе мистера Плеймора, но пошелъ дальше чѣмъ я ожидала. Я признавала невинность мистрисъ Боли, но признать что защитники моего мужа были правы, значило отказаться отъ надежды доказать его невинность, а эта надежда была также дорога мнѣ какъ моя любовь, какъ моя жизнь.

— Говорите за себя, возразила я. — Что касается меня, я не измѣнила своего мнѣнія о защитѣ.

Онъ встрепенулся и нахмурилъ брови, какъ будто я обманула его ожиданія и разсердила его.

— Не хотите ли вы сказать что вы не отказываетесь отъ своихъ плановъ?

— Да, я не отказываюсь отъ своихъ плановъ.

Онъ рѣшительно разсердился на меня и его обычная учтивость измѣнила ему.

— Нелѣпо! Невозможно! воскликнулъ онъ презрительно. — Вы сами сказали что мистрисъ Боли невинна. Развѣ можно заподозрить еще кого-нибудь? Объ этомъ смѣшно и спрашивать! Остается только помириться съ фактами. Нельзя оспаривать того что ясно какъ день. Вы *должны* отказаться отъ своихъ плановъ.

— Вы можете сердиться на меня, если угодно, мистеръ Декстеръ. Ни глѣвъ вамъ, ни ваши аргументы не заставятъ меня отказаться отъ моихъ плановъ.

Онъ овладѣлъ собой. Когда онъ заговорилъ опять, тонъ его былъ спокойнѣе и учтивѣе.

— Извините меня, если я на минуту предамся собственнымъ мыслямъ, сказалъ онъ. — Мнѣ нужно сдѣлать нѣчто чего я еще не дѣлалъ до сихъ поръ.

— Что же это такое, мистеръ Декстеръ?

— Я хочу поставить себя въ положеніе мистрисъ Боли и думать умомъ мистрисъ Боли, сказалъ онъ. — Оставьте меня на минуту. Благодарю васъ.

Что хотѣлъ онъ сказать? Какая новая перемѣна происходила въ немъ на моихъ глазахъ? Что за загадочный чело-вѣкъ? Глядя на него теперь, когда онъ углубился въ свои новыя идеи, трудно было представить что это то самое существо которое незадолго проснулось съ такимъ невиннымъ

видомъ и поразило Веніамина своею нескладною, ребяческою рѣчью. Говорятъ что въ каждомъ человѣческомъ характерѣ много сторонъ. Многія стороны характера Декстера выказывались одна за другой съ такою быстротою что я потеряла счетъ имъ.

Онъ поднялъ голову и устремилъ на меня пытливый взглядъ.

— Я вышелъ изъ положенія мистрисъ Боли, объявилъ онъ. — И вотъ что я скажу вамъ. Мы съ вами слишкомъ пытливые люди и мы нѣсколько поспѣшили своимъ заключеніемъ.

Онъ остановился. Я не сказала ничего. Не явилась ли у меня тѣнь подозрѣнія противъ него? Я ждала и слушала.

— Я попрежнему вполне убѣжденъ что леди Кларинда разказала вамъ правду, продолжалъ онъ. — Но подумавъ я увидалъ то чего не видалъ прежде. Ея разказъ допускаетъ два объясненія: одно поверхностное, другое болѣе глубокое. Ради вашихъ интересовъ я заглянулъ подъ поверхность и мнѣ кажется возможнымъ что мистрисъ Боли имѣла достаточно хитрости чтобъ отклонить отъ себя подозрѣніе, выставивъ на видъ свое *alibi*.

Мнѣ совѣстно сознаться что я не знала значенія послѣдняго слова. Онъ замѣтилъ что я не поняла его и высказался яснѣе.

— Не была ли служанка болѣе чѣмъ пассивною соучастницей своей госпожи? сказалъ онъ. — Не была ли она исполнительницей ея замысла? Не шла ли она дать первую дозу мышьяку когда я видѣлъ ее въ корридорѣ? И не провела ли мистрисъ Боли эту ночь въ Единбургѣ для того только чтобъ ея отсутствіе послужило ей оправданіемъ если подозрѣніе падетъ на нее?

Мое смутное подозрѣніе опредѣлилось когда я услышала эти слова. Права ли я была защищая его? Не пытается ли онъ возобновить мое подозрѣніе противъ мистрисъ Боли, какъ предсказалъ мистеръ Плейморъ? Въ этотъ разъ я не могла не отвѣтить ему.

— Странное предположеніе, мистеръ Декстеръ, сказала я.

Къ моему облегченію онъ не сталъ поддерживать свою новую идею.

— Можетъ-быть и странное, согласился онъ. — Я сказалъ только что это возможно, я не стою за свою идею. я придалъ ей можетъ-быть больше значенія чѣмъ она стоитъ. Отбросьте ее какъ смѣшную. Но въ такомъ случаѣ что думаете вы сдѣлать? Если мистрисъ Боли не виновна

въ отравленіи (своею рукою или рукою служанки), то кто же виновень? Мистрисъ Боли невинна, Евстаѳій невинень. Кого еще можете вы заподозрять? Не меня ли? крикнулъ онъ со сверкающими глазами. — Можете ли вы, можете ли кто-нибудь подозрѣвать меня? Я любилъ ее, я обожалъ ее, я пересталъ быть самимъ собою послѣ ея смерти. Слушайте. Я довѣрю вамъ тайну. Не говорите вашему мужу, это можетъ разстроить нашу дружбу. Когда она еще не знала Евстаѳія, я готовъ былъ жениться на ней еслибъ она согласилась выйти за меня. Когда доктора сказали мнѣ что она умерла отравленная, спросите доктора Джерома какъ я былъ пораженъ; онъ видѣлъ. Я не спалъ всю ночь ожидая возможности пробраться въ ея комнату. Наконецъ это удалось мнѣ и я простился съ останками ангела котораго обожалъ. Я плакалъ надъ ней, я поцѣловалъ ее въ первый и въ послѣдній разъ. Я похитилъ маленькій локонъ ея волосъ. Я ношу его съ тѣхъ поръ на груди и цѣлую его днемъ и ночью. О, Боже, я вижу опять эту комнату, я вижу опять это мертвое лицо. Взгляните, взгляните!

Онъ снялъ съ шеи небольшой медальйонъ надѣтый на лентѣ, бросилъ его мнѣ и залился слезами.

Мущина на моемъ мѣстѣ можетъ-быть сохранила бы самообладаніе. Будучи женщиной, я поддалась великодушному порыву.

Я встала и подошла къ Декстеру. Я отдала ему медальйонъ и безотчетно положила руку на его плечо.

— Я не способна подозрѣвать васъ, мистеръ Декстеръ, сказала я. — Я жалѣю васъ всѣмъ сердцемъ.

Онъ схватилъ мою руку и покрылъ ее поцѣлуями. Губы его жгли меня какъ огонь. Онъ быстро повернулся въ креслѣ и обнялъ мою талию. Въ ужасѣ и негодованіи, тщетно стараясь освободиться отъ него, я позвала на помощь.

Дверь отворилась и на порогѣ показался Веніаминъ. Декстеръ оставилъ меня.

Я подбѣжала къ Веніамину и помѣшала ему войти въ комнату. Съ тѣхъ поръ какъ я знала стараго друга моего отца, я еще никогда не видала его серіозно разсерженнымъ. Теперь же онъ былъ болѣе чѣмъ разсерженъ, онъ былъ блѣденъ, терпѣливый, кроткій старикъ былъ блѣденъ отъ ярости. Я должна была употребить всю свою силу чтобъ удержать его у двери.

— Вы не тронете калѣку! сказала я. — Пошлите сказать его слугѣ чтобъ онъ взялъ его отсюда.

Я увлекла Веніамина изъ комнаты и выходя заперла дверь библіотеки. Экономка была въ столовой. Я послала ее позвать человека сопровождавшаго Декстера.

Онъ пришелъ. Веніаминъ молча отперъ ему дверь библіотеки. Я не могла преодолѣть побужденія, недостойнаго побужденія, заглянуть въ дверь.

Мизерримусъ Декстеръ сидѣлъ согнувшись въ креслѣ. Слуга, этотъ грубый съ виду человекъ, взялъ своего господина на руки съ нѣжностью удивившею меня.

— Спрячьте мое лицо, сказалъ ему Декстеръ разбитымъ голосомъ.

Слуга распахнулъ сюртукъ, закрылъ голову своего господина, и, прижавъ его къ груди, вынесъ изъ дома какъ мать защищающая своего младенца.

ГЛАВА XXXVI.

А р і е л ь.

Я провела безсонную ночь.

Нанесенное мнѣ оскорбленіе было само по себѣ большою непріятностью, но связанныя съ нимъ послѣдствія могли быть еще непріятнѣе для меня. На моемъ пути, насколько достиженіе цѣли моей жизни зависѣло отъ моихъ личныхъ сношеній съ Мизерримусомъ Декстеромъ, возникло повидимому непреодолимое препятствіе. Могла ли я позволить себѣ, хотя бы ради интересовъ моего мужа, видѣться съ человекомъ такъ дерзко оскорбившимъ меня? Хотя я не была тѣмъ что называется *pride*, но одна мысль о свиданіи съ нимъ возмущала меня.

Я встала поздно и сѣла къ письменному столу, тщетно стараясь собраться съ духомъ и написать мистеру Плеймору.

Около полудня, когда Веніаминъ ушелъ ненадолго изъ дома, экономка пришла объявить мнѣ что у калитки сада стоитъ какая-то странная посѣтительница желающая видѣть меня.

— Это женщина, сударыня, если я не ошиблась, сообщила она мнѣ тайственно, — большое, неуклюжее, глупое созданіе въ мужской шлѣпѣ и съ мужскою тростью въ рукѣ. Она говоритъ что принесла вамъ письмо и не отдастъ его никому кромѣ васъ. Не лучше ли прогнать ее? Какъ вы полагаете?

Узнавъ по описанію кто была странная посѣтительница, я удивила экономку поручивъ ей ввести ее немедленно.

Аріэль вошла по обыкновенію молча, но я замѣтила въ ней перемѣну поразившую меня. Ея безсмысленные глаза были красны, и мнѣ показалось что на ея толстыхъ щекахъ были слѣды слезъ. Походка ея не отличалась обычною твердостью когда она подходила ко мнѣ. Неужели Аріэль способна быть настолько женщиной чтобы плакать? спросила я себя. Возможно ли дѣло чтобъ она пришла ко мнѣ въ горѣ или въ страхѣ?

— Я слышала что вы принесли мнѣ что-то, сказала я. — Не хотите ли сѣсть?

Не отвѣтивъ мнѣ, не принявъ моего приглашенія сѣсть, она молча протянула мнѣ конвертъ. Я разорвала его. Письмо было отъ Декстера. Вотъ оно:

„Постарайтесь пожалѣть меня, если въ васъ осталось хоть сколько-нибудь жалости къ несчастному человѣку. Я заплакалъ жестоко за минутное безуміе. Еслибы вы могли видѣть меня, даже вы согласились бы что я наказанъ достаточно. Ради Бога не покидайте меня. Я былъ виѣ себя когда позволилъ себѣ обнаружить чувство которое вы возбуждали во мнѣ. Я никогда не забудусь опять, мое чувство къ вамъ останется тайной которая умретъ со мной. Могу ли я разчитывать что вы повѣрите этому? Нѣтъ. Я не прошу васъ вѣрить мнѣ, я не прошу васъ довѣряться мнѣ впредь. Если вы когда-нибудь согласитесь повидаться со мной опять, возьмите съ собой кого-нибудь кто могъ бы служить вамъ защитникомъ. Я заслужилъ это, я покорюсь этому, я буду ждать пока время не усложнитъ вашего гнѣва противъ меня. Я прошу васъ теперь только объ одномъ — оставьте мнѣ надежду. Скажите Аріэль: „я прощаю его и когда-нибудь позволю ему повидаться со мной“. Она запомнитъ это изъ любви ко мнѣ. Если же вы отпустите ее безъ этого порученія, знайте что вы обречете меня на безуміе. Спросите ее если не вѣрите мнѣ. Мизерримусъ Декстеръ.“

Прочитавъ письмо, я взглянула на Аріэль.

Она стояла опустивъ глаза въ полъ и протянувъ ко мнѣ трость которую принесла съ собой.

— Возьмите палку, было первыми словами которыя она сказала мнѣ.

— Для чего? спросила я.

Она сдѣлала усиліе надъ своимъ слабымъ умомъ и медленно облекла свои мысли въ слова.

— Вы сердитесь на хозяина, сказала она. — Сорвите злость на мнѣ. Вотъ палка. Бейте меня.

— Бить васъ! воскликнула я.

— Моя спина широка, сказала бѣдная дѣвушка. — Я не буду кричать. Я вытерплю. Не мучайте только его. Берите же палку. Бейте меня.

Она грубо влихнула палку въ мою руку и въ ожиданіи ударовъ повернулась ко мнѣ спиной. Страшно и трогательно было смотрѣть на нее. У меня выступили слезы на глазахъ. Я начала разубѣждать ее кротко и терпѣливо. Тщетная попытка. Мысль вытерпѣть самой наказаніе заслуженное ея господиномъ крѣпко засѣла въ ея голову.

— Не мучайте его, повторила она. — Бейте меня.

— Что это значитъ не мучить его? спросила я.

Она хотѣла отвѣтить, но не сумѣла и объяснила мнѣ смыслъ своихъ словъ подражаніемъ. Она подошла къ камину, скорчилась на коврѣ, устремила въ огонь страшный, сосредоточенный взглядъ, сжала голову руками и начала медленно раскачиваться изъ стороны въ сторону.

— Вотъ какъ онъ сидитъ! воскликнула она. — Сидитъ такъ часъ за часомъ, никого не замѣчаетъ, все плачетъ о васъ.

Представленная ею картина напомнила мнѣ мнѣніе доктора о состояніи здоровья Декстера и прямые предсказанія объ опасности ожидающей его впереди. Еслибы даже я могла устоять противъ ходатайства Аріэля, я должна была бы уступить овладѣвшему мною страху чтобы случившееся не имѣло дурныхъ послѣдствій для Декстера.

— Перестаньте! воскликнула я. (Аріэль все еще раскачивалась изъ стороны въ сторону и не сводила глазъ съ огня.) — Встаньте пожалуйста, я перестала сердиться на него, я прощаю его.

Она приподнялась, оперлась на руки и на колѣнки и въ этой собачьей позѣ обратилась ко мнѣ со своею обычною просьбой когда хотѣла понять хорошенько то что ей было оказано.

— Повторите ваши слова.

Я исполнила ея просьбу, но она не удовлетворилась.

— Скажите это такъ какъ написано въ письмѣ, такъ какъ говорилъ хозяинъ, попросила она.

Я справилась съ письмомъ и сказала:—Я прощаю его и когда-нибудь позволю ему повидаться со мной.

Она вскочила. Глаза ея, въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ она вошла въ комнату, приняли осмысленное, радостное выраженіе.

— Вотъ теперь такъ, воскликнула она.— Послушайте, могу ли я повторить, запомнила ли я.

Я начала учить ее какъ ребенка, и мало-по-малу, слово за словомъ, она запомнила мое порученіе.

— Теперь отдохните, сказала я.— Не хотите ли подкрѣпиться чѣмъ-нибудь послѣ вашей длинной прогулки?

Она не обратила никакого вниманія на мои слова. Она подняла съ полу свою трость и разразилась громкимъ восклицаніемъ торжества.

— Я выучила теперь твердо, воскликнула она.— Это успокоить хозяина. Ура!

Съ этими словами она выскочила изъ комнаты какъ дикій звѣрь изъ клѣтки. Я послѣдовала за ней, но она уже вышла изъ калитки и шла такимъ быстрымъ шагомъ что гнаться за ней было бы бесполезно.

Я вернулась въ гостиную и задумалась надъ вопросомъ смущавшимъ людей умнѣ меня. Можетъ ли человѣкъ вполнѣ порочный внушить такую преданную любовь къ себѣ какую Декстеръ внушилъ этой женщинѣ и садовнику который наканунѣ обращался съ нимъ такъ нѣжно? Бесполезный вопросъ. Самый отъявленный негодяй всегда имѣетъ друга въ женщинѣ или въ собакѣ.

Я сѣла опять къ письменному столу чтобы написать мистру Плеймору.

Припоминая для письма все что сказалъ мнѣ наканунѣ Декстеръ, я остановилась съ особымъ интересомъ на его внезапномъ признаніи въ любви къ покойной мистрисъ Макалланъ. Я вообразила себѣ спальною съ мертвымъ тѣломъ и плачущаго надъ нимъ калѣку. Эта страшная картина овладѣла моимъ воображеніемъ. Я встала и начала ходить по комнатѣ, стараясь обратить мысли на что-нибудь другое. Напрасно: представленіе было слишкомъ живо чтобы я могла

избавиться отъ него такъ скоро. Я сама видѣла спальню и кровать на которой лежала покойница, я сама видѣла корридоръ по которому Декстеръ шелъ проститься съ ней въ послѣдній разъ.

Корридоръ? Я остановилась. Мысли мои внезапно, безъ участія моей воли, приняли новое направленіе.

Какое другое представленіе было связано въ моей памяти съ корридоромъ? Что-нибудь что я видѣла когда была въ Гленинкъ? Нѣтъ. Что-нибудь что я знала изъ отчета? Я схватила книгу. Она открылась на страницѣ занятой показаніемъ сидѣлки. Я перечла это показаніе съ самаго начала, и забытое воспоминаніе не оживлялось пока я не дошла до слѣдующихъ строкъ въ самомъ концѣ:

„Прежде чѣмъ лечь въ постель я пошла наверхъ чтобъ убрать тѣло покойницы. Дверь изъ спальни въ корридоръ была заперта, также какъ и дверь изъ спальни мистера Макаллана. Ключи, какъ мнѣ сказали, были взяты мистеромъ Гелемъ. У дверей стояли насторожѣ двое изъ слугъ. Ихъ обязали освободить въ четыре часа—это все что они знали.“

Вотъ мое забытое представленіе о корридорѣ! Вотъ что мнѣ слѣдовало припомнить когда Мизерримусъ Декстеръ разказывалъ мнѣ о своемъ прощаніи съ покойницей!

Какъ попалъ онъ въ спальню если двери были заперты и ключи взяты мистеромъ Гелемъ? Была только одна дверь ключъ отъ которой не могъ быть взятъ мистеромъ Гелемъ, дверь между спальней и кабинетомъ. Ключъ отъ этой двери былъ неизвѣстно гдѣ. Не былъ ли онъ украденъ и не укралъ ли его Декстеръ? Положимъ что слуги могли заснуть, или что Декстеръ пробрался въ спальню въ ту минуту когда ихъ смѣняли другими, но двери были заперты и онъ не могъ по-пасть въ спальню иначе какъ чрезъ дверь кабинета. А для этого онъ долженъ былъ имѣть ключъ отъ этой двери, онъ долженъ былъ завладѣть имъ за нѣсколько недѣль до смерти мистрисъ Макалланъ, потому что седьмого октября, когда сидѣлка прибыла въ Гленинкъ, ключа уже не было въ двери.

Къ какому заключенію приводили эти соображенія и открытія? Не выдалъ ли себя Мизерримусъ Декстеръ въ мину-ту сильнаго волненія? Не былъ ли исчезнувшій ключъ ключомъ къ открытію тайны отравленія въ Гленинкъ?

Я вернулась въ третій разъ къ письменному столу. Единственный человѣкъ отъ котораго я могла ждать отвѣта на эти вопросы былъ мистеръ Плейморъ. Я написала ему подробный и тщательный отчетъ обо всемъ случившемся, я попросила его простить и забыть мое прошлое неуваженіе къ его добрымъ совѣтамъ и общала не предпринимать ничего въ моемъ новомъ затрудненіи не узнавъ напередъ его мнѣнія.

День былъ прекрасный. Прогулка могла принести мнѣ пользу послѣ моихъ утреннихъ занятій и тревоженій, и я снесла письмо на почту сама.

Возвратясь домой я узнала что меня ожидаетъ новая по-сѣтительница, цивилизованная по-сѣтительница въ этотъ разъ, моя свекровь мистрисъ Макалланъ.

ГЛАВА XXXVII.

У постели.

Не успѣла она сказать слова какъ я уже поняла по ея лицу что она пріѣхала съ печальнымъ извѣстіемъ.

— Евстаѣй? спросила я.

Она отвѣчала взглядомъ.

— Говорите прямо, воскликнула я.—Я могу вынести все кромѣ неизвѣстности.

Мистрисъ Макалланъ подняла руку и показала мнѣ телеграмму которую до сихъ поръ держала подъ складкой платья.

— Я полагаюсь на ваше мужество, дитя мое, сказала она.— Прочтите.

Я взяла телеграмму. Она была послана изъ небольшого селенія на сѣверѣ Испаніи главнымъ хирургомъ походнаго госпиталя.

„Мистеръ Евстаѣй серьезно раненъ въ боевой стычкѣ ружейнымъ выстрѣломъ. Опасности до сихъ поръ нѣтъ. Ухождъ тщательный. Ожидайте другой телеграммы.“

Я отвернулась. Чтò я вытерпѣла въ эту минуту, не передать никакими словами. Я только въ эту минуту поняла всю силу моей любви къ мужу.

Мистрисъ Макалланъ обняла меня и нѣжно прижала къ себѣ. Она знала меня достаточно чтобы не пытаться утѣшить меня въ эту минуту.

Я собралась съ духомъ и указала на послѣднюю фразу въ телеграммѣ.

— Вы намѣрены ждать? спросила я.

— Ни одного дня, отвѣчала она.—Я отправляюсь сейчасъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ за паспортомъ. Кромѣ того я могу получить тамъ письма и совѣты. Я уѣзжаю сегодня съ почтовымъ пароходомъ въ Кале.

— Вы уѣзжаете? возразила я.—Неужели вы думаете что я не поѣду съ вами? Возьмите паспортъ и для меня. Въ семь часовъ вечера я буду у васъ.

Она попробовала отговорить меня, сказала что-то объ опасности поѣздки. Я прервала ее на первыхъ же словахъ.

— Развѣ вы еще не знаете, матушка, какъ я упряма? спросила я.—Васъ могутъ задержать въ министерствѣ. Зачѣмъ терять напрасно драгоценное время?

Она уступила съ необычайною для нея кротостью.

— Узнаетъ ли когда-нибудь мой бѣдный Евстаѣй какую жену послалъ ему Богъ? было все что она сказала.

Она поцѣловала меня и уѣхала.

Мои воспоминанія о нашей поѣздкѣ чрезвычайно смутны.

Когда я стараюсь припомнить наши приключенія въ Испаніи, въ моей памяти встаютъ позднѣйшія и болѣе интересные событія случившіяся послѣ моего возвращенія въ Англію и все предшествовавшее имъ начинаетъ казаться мнѣ дѣлами давно минувшихъ дней. Я смутно припоминаю задержки и опасности испытывавшія наше терпѣніе и наше мужество. Я помню что благодаря рекомендательнымъ письмамъ мы нашли друзей въ секретарѣ посольства и въ уполномоченномъ ея величества, которые защитили насъ и оказали намъ содѣйствіе въ самомъ критическомъ пунктѣ нашего путешествія. Я припоминаю длинную вереницу людей служившихъ намъ во время путешествія. Всѣ они отличались грязными плащами и чистымъ бѣльемъ, утонченно учтивымъ обращеніемъ съ женщинами и варварскою жестокостью съ лошадьми. Наконецъ и ясное всего остальнаго я припоминаю спальню въ бѣдной деревенской гостиницѣ гдѣ нашъ бѣдный больной лежалъ между жизнью и смертью, нечувствительный къ тому что происходило въ маленькомъ мірѣ окружавшемъ его постель.

Въ событіи поставившемъ въ опасность жизнь моего мужа не было ничего ни романческаго, ни интереснаго.

Онъ подошелъ слишкомъ близко къ мѣсту гдѣ произошло сраженіе (ничтожная стычка) и намѣреваясь спасти одного бѣднаго молодого человѣка который лежалъ раненый, смертельно раненый какъ оказалось въ послѣдствіи, былъ самъ раненъ ружейною пулей. Товарищи по госпиталю унесли его на свою квартиру съ опасностью собственной жизни. Они всѣ очень любили его. Терпѣливый, кроткій, мужественный, онъ былъ бы самымъ полезнымъ членомъ братства еслибы только не его безразсудная смѣлость.

Разказавъ мнѣ все это, докторъ прибавилъ внимательное и деликатное предостереженіе.

Рана произвела горячку сопровождавшуюся по обыкновенію безпамятствомъ. Умъ моего мужа, какъ можно было заключить изъ его несвязныхъ рѣчей, былъ занятъ исключительно мыслями о женѣ. Докторъ слышалъ достаточно чтобы придти къ заключенію что внезапная встрѣча со мной, когда Евстаѣй придетъ въ себя, можетъ имѣть прискорбныя послѣдствія. Пока онъ въ безпамятствѣ, что можетъ продолгаться еще нѣсколько недѣль, я могу ухаживать за нимъ безъ всякаго риска, сказалъ докторъ, но когда онъ придетъ въ себя, если только это когда-нибудь случится, я должна буду удалиться и не показываться ему пока докторъ не дастъ на это своего разрѣшенія.

Дни и ночи моя свекровь и я аккуратно смѣняли одна другую у постели больного.

Въ часы бреда, часы возвращавшіеся съ безпощадною аккуратностью, мое имя было постоянно на воспаленныхъ устахъ моего милаго. Господствующею идеей въ его умѣ была страшная идея которую я тщетно оспаривала во время моего послѣдняго свиданія съ нимъ. Онъ былъ убѣжденъ что въ виду вердикта произнесеннаго шотландскими присяжными даже жена его не можетъ быть увѣрена въ его невинности. Всѣ дикія картины которыя рисовало ему его горячее воображеніе были внушены этимъ упорнымъ заблужденіемъ. Онъ воображалъ что я все еще живу съ нимъ и что при всякомъ его поступкѣ я напоминаю ему объ ужасномъ несчастіи омрачившемъ его жизнь. Онъ игралъ свою роль и мою. Онъ подавалъ мнѣ чашку чая, а я говорила ему: „мы поссорились вчера, Евстаѣй, не ядѣ ли это?“ Онъ цѣловалъ меня въ знакъ примиренія, а я смѣялась и говорила: „теперь утро, милый мой; не умру ли я сегодня въ девять часовъ

вечера?" Я лежала больная, и онъ подавалъ мнѣ лѣкарство. Я глядѣла на него сомнительно и говорила: „ты влюбленъ въ другую женщину; нѣтъ ли въ этомъ лѣкарствѣ чего-нибудь о чемъ докторъ не знаетъ?" Такова была ужасная драма непрерывно разыгрывавшаяся въ его умѣ. Одни и тѣ же разговоры онъ повторялъ безсчетное число разъ. Иногда мысли его обращались на мое отчаянное намѣреніе оправдать его. Онъ то смѣялся надъ нимъ, то оплакивалъ его, то придумывалъ хитрые планы чтобъ остановить меня непредвидѣнными препятствіями. Онъ былъ особенно жестокъ со мной когда пытался помѣшать мнѣ. Онъ совѣтовалъ своимъ воображаемымъ сообщникамъ оскорблять и лгать меня безъ зазрѣнія совѣсти. „Пусть она сердится, пусть она плачетъ“, говорилъ онъ; „все это для ея же пользы. Это спасетъ ее отъ худшаго. Глядите! Она идетъ на оскорбленія, она идетъ на обманы, она идетъ на безчестіе, сама того не подозревая. Спасите ее! Спасите ее!“ Я сознаюсь что это было слабостью съ моей стороны, что мнѣ слѣдовало постоянно помнить что онъ былъ въ безпамятствѣ, но многіе изъ часовъ проведенныхъ мной у постели моего мужа были часами раскаянія и уладка духа, единственною и невинною причиною которыхъ былъ онъ.

Прошло нѣсколько недѣль, а онъ все еще находился между жизнью и смертью.

Я не слѣдила за ходомъ времени и не могу припомнить точно какого числа обнаружилась первая перемѣна къ лучшему. Я помню только что это было въ прекрасное зимнее утро на разсвѣтѣ. Когда больной проснулся, докторъ былъ случайно у его постели. Взглянувъ на него, докторъ поспѣшилъ сдѣлать мнѣ знакъ чтобъ я молчала и не показывалась мужу. Моя свекровь и я обѣ поняли что это значило и горячо „поблагодарили Бога одна за возвращеніе сына, другая мужа.

Въ тотъ же вечеръ, оставшись вдвоемъ, мы заговорили, впервые съ тѣхъ поръ какъ уѣхали изъ отечества, о будущемъ.

— Докторъ говоритъ, сказала мистрисъ Макалланъ,—что пройдетъ еще нѣсколько дней прежде чѣмъ Евстаѣй будетъ въ состояніи вынести что-нибудь неожиданное. Мы еще успѣемъ обдумать слѣдуетъ или нѣтъ сказать ему что онъ обязанъ спасеніемъ своей жизни столько же вашимъ забо-

тамъ, какъ моимъ. Неужели у васъ хватитъ духу, Валерія покинуть его послѣ того какъ милосердіе Божіе возвратило его вамъ и мнѣ?

— Еслибъ я могла руководиться только внушеніями своего сердца, я не покинула бы его никогда, отвѣчала я.

Мистрисъ Макалланъ взглянула на меня съ изумленіемъ.

— Чѣмъ же еще должны вы руководиться? спросила она.

— Я должна думать о его будущемъ и о своемъ, отвѣчала я. — Я могу вынести многое, матушка, но не вынесу если онъ покинетъ меня вторично.

— Вы несправедливы къ нему, Валерія, я твердо увѣрена что вы несправедливы къ нему считая его способнымъ покинуть васъ опять.

— Милая мистрисъ Макалланъ, развѣ вы уже забыли что онъ говорилъ обо мнѣ когда мы съ вами сидѣли у его постели?

— Но вѣдь это былъ горячечный бредъ. Не жестоко ли ставить Евстаѣю въ вину то что онъ говорилъ въ бреду.

— Еще болѣе жестоко спорить съ его матерью когда она ходатайствуетъ за него, возразила я. — Мой милый, мой лучший другъ! Я не ставлю Евстаѣю въ вину то что онъ говорилъ въ безпамятствѣ, я только принимаю это въ соображеніе. Его бредъ былъ вѣрнымъ отголоскомъ того что онъ говорилъ мнѣ въ полномъ цвѣтѣ силъ и здоровья. Могу ли я надѣяться что онъ измѣнится относительно меня когда выздоровѣетъ? Ни разлука, ни страданія не поколебали его мнѣнія обо мнѣ. Какъ въ горячечномъ бреду, такъ и въ полномъ разсудкѣ онъ одинаково сомнѣвается во мнѣ. Я вижу только одно средство заставить его вернуться ко мнѣ. Я должна уничтожить причину побудившую его покинуть меня. Убѣждать его что я увѣрена въ его невинности бесполезно. Я должна уничтожить необходимость убѣждать его въ этомъ, я должна сдѣлать чтобъ его положеніе относительно меня было положеніемъ оправданнаго человека.

— Валерія! Валерія! Вы тратите даромъ и слова и время. Вы уже пытались доказать его невинность и знаете теперь также хорошо какъ и я что это невозможно.

Мнѣ нечего было отвѣчать на это. Все что я могла сказать было уже сказано.

— Положимъ что изъ сожалѣнія къ сумасшедшему, малому негодяю который уже оскорбилъ васъ, вы отправитесь къ нему опять. Вы можете съѣздить къ нему со мной или

съ какимъ-нибудь другимъ провожатымъ, на котораго можно положиться. Но къ чему это поведетъ? Вы посадите съ нимъ немного чтобъ успокоить его больное воображеніе и увидите безъ всякой пользы для себя. Если даже Декстеръ все еще способенъ помочь вамъ, можете ли вы воспользоваться его помощью? Для этого вы должны были бы возобновить съ нимъ прежнія дружескія, довѣрчивыя отношенія. Отвѣчайте мнѣ прямо: неужели вы можете принудить себя къ этому послѣ того что случилось въ домѣ мистера Веніамина?

Естественное довѣріе которое она внушила мнѣ какъ родственница и какъ слугница въ путешествіи побудило меня разказать ей о моемъ послѣднемъ свиданіи съ Декстеромъ. И вотъ какъ она воспользовалась своими свѣдѣніями. Мнѣ кажется что я не имѣла права осуждать ее, что цѣль ея оправдывала средство. Во всякомъ случаѣ мнѣ приходилось или разсердиться, или отвѣтить. Я отвѣтила. Я созналась что никогда не буду въ состояніи обращаться съ Декстеромъ какъ съ другомъ.

Мистрисъ Макалланъ безжалостно воспользовалась выиграннымъ преимуществомъ.

— Хорошо, сказала она. — Такъ какъ этотъ путь уже закрытъ для васъ, на что вы надѣетесь? Куда намѣрены вы обратиться?

Въ моемъ тогдашнемъ положеніи у меня не было отвѣта на эти вопросы. Я была не похожа на себя. Я промолчала, а мистрисъ Макалланъ нанесла новый ударъ довершившій ея побѣду.

— Мой бѣдный Евстацій, продолжала она, — малодушенъ и своеволенъ, но его нельзя упрекнуть въ неблагодарности. Вы отплатили ему добромъ за зло. Вытерпѣвъ ради него столько опасностей и лишеній, вы доказали какъ неизмѣнно и преданно вы любите его. Довѣрьтесь мнѣ и ему. Онъ не устоитъ противъ васъ. Пусть онъ только увидитъ милое лицо полное прежней любви къ нему и онъ будетъ вашъ на всю жизнь, дитя мое. Она встала, подошла ко мнѣ и поцѣловала меня въ лобъ. Въ голосъ ея слышалась такая нѣжность какой она еще не выказывала мнѣ. — Скажите „да“, Валерія, прошептала она, — и вы будете для меня и для него мнѣе чѣмъ когда-либо.

Мое сердце держало ее сторону. Моя энергія была истощена. Отъ мистера Шейморе не было никакого письма чтобъ

ободрить и поддержать меня. Я сопротивлялась такъ долго и тщетно, я вытерпѣла столько тяжелыхъ неудачъ и разочарованій, и въ добавокъ онъ былъ въ одномъ домѣ со мной, онъ только-что начиналъ возвращаться къ жизни и къ сознанию. Могла ли я устоять? Сказавъ „да“ я должна была проститься съ самой заветною мечтой моего честолюбія, съ самой благородною надеждой моей жизни. Я знала это и сказала: да.

Конецъ благородной борьбы! Я рѣшилась покориться, я рѣшилась признать себя побѣжденною.

Моя свекровь и я спали въ единственномъ убѣжищѣ которое могли найти въ гостиницѣ, въ маленькой каморкѣ подъ самою крышей. Ночь послѣдовавшая за нашимъ разговоромъ была очень холодная. Мы зябли несмотря на теплыя блузы и дорожные пледы. Моя свекровь спала, но я не могла найти покоя. Я думала о моемъ измѣнившемся положеніи и была слишкомъ взволнована и слишкомъ несчастна чтобы заснуть.

Прошло нѣсколько часовъ и я все еще была погружена въ мои грустные размышленія когда вдругъ почувствовала новое и странное ощущеніе которое удивило и испугало меня. Я вскочила на постели едва дыша отъ волненія. Мое движеніе разбудило мистрисъ Макалланъ.

— Что съ вами? спросила она.—Не больны ли вы?

— Я объяснила ей какъ умѣла что я чувствовала. Она повидимому поняла меня прежде чѣмъ я договорила. Она нѣжно обняла меня и прижала къ груди.

— Мое бѣдное, невинное дитя, сказала она.—Неужели вы не знаете и я должна сказать вамъ?

Слѣдующія слова она сказала шепотомъ. Забуду ли я когда-нибудь борьбу чувствъ которую возбудили во мнѣ эти слова, странную смѣсь радости и страха, удивленія и облегченія, гордости и смиренія наполнившихъ все мое существо и сдѣлавшихъ меня съ этой минуты другою женщиной? Я узнала что если Господь продлитъ мою жизнь еще на нѣсколько мѣсяцевъ, я получу самую прочную и самую священную изъ земныхъ радостей, радость быть матерью.

Не знаю какъ прошла остальная часть ночи. Я помню только что когда настало утро, я вышла подышать свѣжимъ, холоднымъ воздухомъ на открытую поляну разстилающуюся за гостиницей.

Я сказала уже что я чувствовала себя другою женщиной. Утро застало меня вооруженною новою рѣшимостью и новымъ мужествомъ. Я узнала что теперь мнѣ приходилось думать не о мужѣ только. Его доброе имя было теперь не его и моимъ только именемъ, оно могло сдѣлаться скоро самымъ священнымъ наслѣдиемъ какое онъ могъ оставить своему ребенку. Что я сдѣлала когда еще не знала этого? Я отказалась отъ надежды освободить его имя отъ лежавшаго на немъ пятна, отъ постыднаго пятна, какъ бы ни было оно незначительно въ глазахъ закона. Со временемъ нашъ ребенокъ можетъ услышать отъ злыхъ языковъ: „Твой отецъ судился за самое гнусное изъ преступлений и не былъ оправданъ.“ Съ этой возможностью впереди могла ли я смотрѣть смѣло на предстоящее рожденіе ребенка? Нѣтъ. Я должна была сдѣлать еще попытку проникнуть въ совѣсть Мизерримуса Декстера, я должна была возобновить борьбу и доказать свѣту невинность моего мужа и отца моего ребенка.

Я вернулась домой одушевленная новою рѣшимостью. Я открыла свое сердце моему другу и матери, я сказала ей какая перемѣна произошла во мнѣ послѣ нашего послѣдняго разговора.

Она была болѣе чѣмъ разочарована, она была почти оскорблена. Новое счастье ожидавшее насъ впереди могло, по ея словамъ, составить новую связь между мною и мужемъ. Всякія другія соображенія казались ей пустыми фантазіями. Если я покину теперь Евстаѳіа, сказала она, я поступлю безсердечно и глупо и буду до конца моей жизни раскаиваться что упустила этотъ случай сойтись опять съ мужемъ.

Я вынесла тяжелую борьбу, я мучилась ужасными сомнѣніями, но я не уступила въ этотъ разъ. Я старалась не забывать ни на минуту что дѣло идетъ о чести отца, о наслѣдіи ребенка. Но по временамъ и эта мысль теряла свою силу, я упала духомъ и начинала плакать, потомъ сама стыдилась своего малодушія. Но мое природное упрямство, какъ выразилась мистрисъ Макалланъ, помогло мнѣ выдержать эту борьбу до конца. Время отъ времени, когда Евстаѳій засыпалъ, я ходила посмотрѣть на него, и хотя сердце мое сжималось отъ горя и сожалѣнія при взглядѣ на него, но эти тайныя посвѣщенія тѣмъ не менѣе служили мнѣ поддержкой. Я не берусь объяснить это противорѣчіе, а привожу его только какъ фактъ.

Я сдѣлала мистрисъ Макалланъ только одну уступку, я согласилась подождать два дня прежде чѣмъ предпринять что-нибудь для возвращенія въ Англію.

И я хорошо сдѣлала что согласилась подождать. На другой день директоръ походнаго госпиталя послалъ на почту въ ближайшій городъ за письмами адресованными къ нему и на его имя для передачи. Посланный принесъ письмо ко мнѣ. Почеркъ показался мнѣ знакомымъ и я не ошиблась. Ответъ мистера Плеймора дошелъ наконецъ до меня.

Еслибъ я была въ опасности перемѣнить свое рѣшеніе и отказаться отъ возобновленія борьбы, письмо мистера Плеймора спасло бы меня отъ этого. Приведенный ниже стрыжокъ заключаетъ сущность его письма и показываетъ какъ онъ ободрилъ меня когда я такъ нуждалась въ дружескомъ ободреніи.

„...Теперь позвольте мнѣ разказать вамъ (писалъ онъ) что я сдѣлалъ для того чтобы провѣрить заключеніе къ которому приводить ваше письмо.

„Я отыскалъ одного изъ слугъ стоявшихъ насторожѣ у дверей въ ночь смерти первой мистрисъ Макалланъ. Этотъ человѣкъ ясно помнитъ что Мизерримусъ Декстеръ внезапно появился предъ нимъ и его товарищемъ много спустя послѣ того какъ домъ успокоился на ночь. Декстеръ сказалъ имъ: „я думаю что мнѣ можно пойти почитать въ кабинетъ. Я не могу спать послѣ случившагося. Мнѣ нужно развлечься чѣмъ-нибудь.“ Слугамъ не было приказано охранять кабинетъ. Они знали что дверь между кабинетомъ и спальней заперта и что ключи отъ другихъ дверей унесены мистеромъ Гелемъ. Они пустили Декстера въ кабинетъ. Онъ вошелъ, заперъ за собою дверь и пробылъ нѣсколько времени — въ кабинетѣ, какъ полагали слуги, — въ спальнѣ, какъ мы съ вами знаемъ изъ того что онъ разказалъ вамъ во время своего послѣдняго свиданія съ вами. Войти же въ спальню, какъ вы правильно разсуждаете, онъ могъ не иначе какъ обладая пропавшимъ ключомъ. Какъ долго онъ пробылъ тамъ я не знаю, но это не важно. Слуга помнитъ только что онъ вышелъ изъ кабинета блѣдный какъ смерть и ушелъ въ свою комнату молча.

„Вотъ факты. Заключеніе къ которому они приводятъ имѣетъ чрезвычайно важное значеніе. Оно оправдываетъ все что я сказалъ вамъ въ моей Эдинбургской конторѣ. Вы

помните что произошло между нами. Я не скажу ничего болѣе.

„Теперь о васъ самой. Вы неумышленно возбудили въ Мизерримусѣ Декстерѣ чувство къ вамъ которое я не считаю нужнымъ опредѣлять. Въ вашей фигурѣ и въ нѣкоторыхъ вашихъ движеніяхъ есть дѣйствительно что-то такое что напоминаетъ покойную мистрисъ Макалланъ тѣмъ кто зналъ ее хорошо. Это сходство очевидно имѣетъ вліяніе на Декстера. Позвольте мнѣ напомнить вамъ что онъ показавъ себя неспособнымъ обдумывать свои слова въ вашемъ присутствіи. Возможно и даже весьма вѣроятно что онъ скомпрометтировалъ бы себя еще болѣе еслибы вы дали ему случай къ тому. Зная ваши интересы, я считаю себя обязаннымъ высказаться на этотъ счетъ откровенно. Я ни мало не сомнѣваюсь что вы сдѣлали шагъ впередъ къ вашей цѣли съ тѣхъ поръ какъ уѣхали изъ Единбурга. Я заключилъ изъ вашего письма и изъ моихъ собственныхъ открытій что Декстеръ былъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ покойною леди (съ ея стороны это были конечно самыя невинныя сношенія) и что онъ не только входилъ въ ея комнату послѣ ея смерти, но можетъ-быть былъ тамъ не разъ въ теченіе послѣднихъ недѣль ея жизни. Я не скрываю ни отъ себя, ни отъ васъ моего твердаго убѣжденія что еслибы вы открыли каковы были эти сношенія, то вы по всей вѣроятности нашли бы возможность доказать невинность вашего мужа. Какъ честный человѣкъ я обязанъ сказать это вамъ. Съ другой стороны, какъ честный человѣкъ, я обязанъ прибавить что даже зная вашу цѣль я не могу взять на себя посовѣтовать вамъ повидаться опять съ Декстеромъ. Я не могу и не хочу взять на себя такую отвѣтственность; окончательное рѣшеніе должно быть предоставлено вамъ. Я прощу васъ только объ одномъ одолженіи: сообщите мнѣ ваше рѣшеніе когда примите его.“

Затрудненія страшившія моего почтеннаго корреспондента не были затрудненіями для меня. Мое рѣшеніе было принято прежде чѣмъ я дочитала его письмо до конца.

Почта во Францію отходила на слѣдующій день. Я могла еслибы захотѣла, пользуясь протекціей кондуктора, получить мѣсто въ почтовомъ экипажѣ. Не посовѣтовавшись ни съ однимъ живымъ существомъ, рѣшительная какъ всегда, опрометчивая какъ всегда, я взяла его.

ГЛАВА XXXVIII.

На обратномъ пути.

Еслибъ я уѣхала изъ испанской гостиницы въ собственномъ экипажѣ, остальные главы моего разказа не были бы написаны. Не прошло бы часа какъ я приказала бы кучеру вернуться назадъ.

Можетъ ли кто похвалиться непоколебимою твердостью?

Предлагая этотъ вопросъ я говорю только о женщинахъ. Я была тверда когда не обратила вниманія на сомнѣнія и предостереженія мистера Плеймора, я была тверда когда устояла противъ просьбъ и убѣжденій моей свекрови, я была тверда когда взяла мѣсто въ дилижансѣ отправлявшемся во Францію. Но минутъ десять спустя послѣ того какъ мы отѣхали отъ гостиницы, мое мужество начало колебаться, еще немного позже оно совсѣмъ покинуло меня и я сказала себѣ: „несчастливая, ты рѣшилась бросить мужа!“ Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ послѣ этого я охотно остановила бы экипажъ еслибы могла. Я ненавидѣла кондуктора, добрыйшаго человѣка, я ненавидѣла испанскихъ лони которые бодро везли меня впередъ позванивая колокольчиками, я ненавидѣла свѣтлый день придававшій радостный видъ всему что окружало меня, я ненавидѣла свѣжій воздухъ которымъ должна была дышать съ наслажденіемъ, вопреки моей волѣ. Ни одно путешествіе не было для меня столь непріятнымъ какъ мое удобное и безопасное путешествіе до границы. Одно только утѣшеніе было у меня—прядь волосъ Евстація. Я уѣхала рано утромъ когда онъ еще спалъ. Я могла предъ отѣздомъ войти безопасно въ его комнату, поцѣловать его, поплакать надъ нимъ и отрѣзать прядь его волосъ. Я до сихъ поръ не могу понять какъ у меня хватило духу покинуть его. Мнѣ кажется что мнѣ помогла въ этомъ неумышленно моя свекровь. Она вошла въ комнату съ гордо поднятою головой, съ холоднымъ взглядомъ и сказала мнѣ: „Если вы дѣйствительно рѣшились уѣхать, Валерія, экипажъ готовъ“. Какая женщина хоть съ небольшимъ самолюбіемъ не рѣшилась бы при такихъ обстоятельствахъ? Я рѣшилась и уѣхала.

Потомъ я раскаялась въ этомъ. Жалкое созданіе!

Время считается самымъ могущественнымъ утѣшителемъ огорченныхъ смертныхъ. Мнѣ кажется что заслуги времени въ этомъ отношеніи преувеличиваются. Разстояніе производитъ такое же благотѣльное дѣйствіе гораздо быстрее и (при содѣйствіи перемѣны) гораздо прочнѣе. На желѣзной дорогѣ въ Парижъ я уже была въ силахъ взглянуть на свое положеніе разсудительнѣе. Я вспомнила что мужъ мой послѣ перваго удивленія и первой радости могъ не оправдать предвѣданій своей матери. Я знала что поступала неосторожно отправляясь опять къ Декстеру; но съ другой стороны, развѣ осторожно было бы вернуться безъ приглашенія къ мужу, послѣ того какъ онъ объявилъ мнѣ что супружеское счастье для насъ невозможно, и что мы не можемъ жить вмѣстѣ? Притомъ я еще имѣла надежду что будущее оправдаетъ меня не только въ моемъ собственномъ мнѣніи, но и во мнѣніи мужа, что онъ когда-нибудь скажетъ: она была слишкомъ любопытна, она открыла тайну до которой ей не было никакого дѣла, она упорствовала въ своемъ рѣшеніи и не хотѣла слушаться благоразумныхъ людей, но въ концѣ-концовъ она искупила все это, она оказалась правой.

Я осталась въ Парижѣ на одинъ день и написала три письма.

Одно къ Веніамину, чтобы предупредить его что я пріѣду на слѣдующій день вечеромъ. Другое къ мистеру Плеймору, съ увѣдомленіемъ его что я рѣшила сдѣлать послѣднее усиліе для разъясненія тайны преступленія въ Гленникѣ. Третье (очень краткое) къ Евстаѣю. Я созналась ему что помогала ухаживать за нимъ во время опаснаго періода его болѣзни, созналась также и въ причинѣ заставившей меня покинуть его и просила его не осуждать меня пока время не покажетъ что покидая его я любила его болѣе чѣмъ когда-либо. Это письмо я адресовала на имя мистрисъ Макалланъ прося ее передать его сыну когда она сочтетъ удобнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я рѣшительно запрещала ей говорить Евстаѣю о новой связи между нами. Хотя онъ покинулъ меня, но я хотѣла чтобы онъ узналъ это не иначе какъ отъ меня самой. Не спрашивайте почему. Есть нѣкоторые обстоятельства о которыхъ я не хочу говорить.

Отправивъ письма я исполнила свой долгъ и приготовилась сдѣлать послѣдній ходъ въ моей игрѣ, въ игрѣ съ сомнительнымъ исходомъ, шансы которой не выяснились еще ни за меня, ни противъ меня.

ГЛАВА XXXIX.

На пути къ Декстеру.

Честное слово, Валерія, я думаю что безуміе этого чудовища заразительно, и что вы заразились имъ.

Таково было мнѣніе Веніамина когда я разказала ему по возвращеніи о моемъ намѣреніи отправиться опять къ Декстеру.

Рѣшившись настоять на своемъ во что бы то ни стало, я заставила себя прибѣгнуть къ помощи кроткихъ увѣщаній. Я попросила моего добраго стараго друга быть снисходительнѣе ко мнѣ.

— И вспомните что я уже сказала вамъ, прибавила я. — Мнѣ крайне необходимо повидаться опять съ Декстеромъ.

Эти слова только подлили масла въ огонь.

— Крайне необходимо повидаться съ человѣкомъ который такъ дерзко оскорбилъ васъ въ этомъ самомъ домѣ, воскликнулъ Веніаминъ презрительно.

Я сознаюсь что это было дурно съ моей стороны, но добродѣтельное негодованіе Веніамина было такъ добродѣтельно что пробудило во мнѣ злобный духъ противорѣчія. Я не могла удержаться отъ искушенія подразнить его.

— Тише, мой добрый другъ, тише, возразила я. — Мы должны смотрѣть снисходительнѣе на человѣка страдающаго такими недугами какъ Декстеръ и живущаго такою жизнью какъ онъ. Наша скромность не должна заходить за границы благоразумія. Я начинаю думать что я сама тогда сторгла придала его поступку слишкомъ большое значеніе. Женщина уважающая себя и отдавшая все свое сердце мужу можетъ не считать себя жестоко оскорбленною тѣмъ что несчастный кляѣка обнялъ ея талію. Добродѣтельное негодованіе иногда очень дешевое негодованіе. Притомъ я уже простила его. Почему же и вамъ не простить его? Онъ не забудется въ вашемъ присутствіи. Домъ его самъ по себѣ рѣдкость, я увѣрена что вы найдете тамъ много интереснаго для васъ. Однѣ картины могутъ вознаградить за поѣздку. Я напишу ему сегодня и предупрежу его что мы будемъ у него завтра. Мы должны сдѣлать этотъ визитъ изъ уваженія къ самимъ

себѣ если не къ нему. Оглянитесь вокругъ, Веніаминъ, и вы увидите что снисходительность ко всѣмъ и каждому есть отличительная добродѣтель нашего времени. Бѣдный Декстеръ не долженъ быть лишенъ современнаго преимущества. Полно, другъ мой, идите въ уровень съ своимъ временемъ, откройте свой умъ для воспріятія новыхъ идей.

Вмѣсто того чтобы принять это учтивое приглашеніе, мой почтенный другъ накинулся на новое время какъ быкъ на красное сукно.

— Новые идеи! воскликнулъ онъ. — Какъ не принять новыхъ идей, Валерія! Старая нравственность была ложною нравственностью, старыя понятія отжили свой вѣкъ. Послѣднемъ за своимъ временемъ. Въ наше время все нипочемъ. Жена въ Англіи, мужъ въ Испаніи. Обвѣнчаны они, или нѣтъ, живутъ они вмѣстѣ, или нѣтъ, по новымъ идеямъ это все равно: Я отправлюсь съ вами, Валерія, я буду достоинъ поколѣнія съ которымъ живу. Покопчивъ съ Декстеромъ, мы не остановимся на половинѣ дороги. Мы начнемъ ходить на лекціи, мы познакомимся съ новоиспеченною наукой, мы послушаемъ новѣйшаго изъ новыхъ профессоровъ, того который былъ свидѣтелемъ мірозданія и знаетъ до малѣйшихъ подробностей какъ былъ сотворенъ міръ и во сколько времени. Мы не забудемъ и новаго Соломона самаго современнаго изъ современныхъ философовъ, того который считаетъ утѣшенія религіи безвредными игрушками и добродушно сознается что онъ былъ бы счастливѣе еслибы способенъ былъ играть этими игрушками какъ играютъ другіе. О, новыя идеи, новыя идеи! Какія утѣшительныя, возвышающія душу открытія сдѣланы новыми идеями! Мы всѣ были обезьянами прежде чѣмъ сдѣлались людьми и молекулами прежде чѣмъ сдѣлались обезьянами. Все это нипочемъ для новаго времени. И кто теперь останавливается предъ чѣмъ бы то ни было. Я послѣдую за вами, Валерія, я готовъ. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Отправимтесь къ Декстеру.

— Я очень рада что вы согласны со мной, но зачѣмъ же торопиться, возразила я. — Мы отправимся къ Декстеру завтра въ три часа. Я сейчасъ напишу ему чтобы онъ ждалъ насъ. Куда вы?

— Я иду очистить мысли, отвѣчалъ онъ угрюмо. — Я иду читать въ бібліотеку.

— Что вы будете читать?

— Прочту *Котъ въ сапогахъ*, *Джековъ Бобъ* и еще что-нибудь что не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ временемъ.

Съ этимъ прощальнымъ выстрѣломъ въ новое время мой другъ ушелъ отъ меня.

Написавъ и отославъ письмо, я спросила себя съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, въ какомъ состояніи здоровья найду я Декстера? Не можетъ ли кто изъ домашнихъ сообщить мнѣ что-нибудь о немъ? Обратиться съ этимъ вопросомъ къ Веніамину значило бы вызвать новую вспышку. Пока я все еще раздумывала въ комнату вошла экономка по какому-то хозяйственному дѣлу. Я спросила ее на удачу не слыхала ли она безъ меня о странной особѣ которая однажды такъ напугала ее.

Экономка покачала головой съ такимъ видомъ какъ будто самый разговоръ о странной особѣ казался ей непристойнымъ.

— Около недѣли спустя послѣ вашего отъѣзда, сударыня, сказала она съ необычайною строгостью въ голосѣ и тщательно выбирая слова, — особа о которой вы говорите имѣла дерзость прислать вамъ письмо. Посланному было сказано, по приказанію мистера Веніамина, что вы уѣхали за границу и что онъ можетъ убираться съ своимъ письмомъ куда хочетъ. Нѣсколько дней спустя, когда я пила чай у экономки мистрисъ Макалланы, мнѣ пришлось опять услышать объ этой особѣ. Онъ заѣзжалъ въ домъ мистрисъ Макалланы чтобы узнать о васъ. Непостижимое дѣло какъ онъ держится безъ ногъ въ своемъ кабріолетѣ! Но не въ этомъ дѣло. Безъ ногъ онъ, или съ ногами, но экономка видѣла его и говорить, какъ и я, что не забудетъ его до смертнаго часа. Она сказала ему что мистеръ Евстаѳій заботѣлъ за границей и что вы отправились ухаживать за нимъ. Онъ уѣхалъ, по словамъ экономки, со слезами на глазахъ и съ проклятіями на устахъ. Это все что я знаю объ этой особѣ, сударыня, и извините если я осмѣлюсь прибавить что этотъ разговоръ чрезвычайно непріятенъ для меня.

Она сдѣлала формальный книксенъ и вышла изъ комнаты.

Оставшись одна я начала думать съ бѣлымъ безпокойствомъ чѣмъ прежде объ испытаніи предстоявшемъ мнѣ на другой день. Судя по тому что я сейчасъ слышала, Декстеръ переносилъ мое отсутствіе не совсѣмъ терпѣливо и

подавалъ также мало надежды какъ и прежде на поправленіе его нервной системы.

На слѣдующее утро я получила отвѣтъ мистера Плеймора на мое письмо изъ Парижа.

Онъ отвѣчалъ очень кратко, не одобряя и не порицая моего рѣшенія, но настоятельно совѣтуя мнѣ взять съ собой компетентнаго свидѣтеля. Самая интересная часть письма была въ концѣ. „Вы должны быть готовы“, писалъ онъ, „найти въ Декстерѣ перемѣну къ худшему. Одинъ изъ моихъ друзей видѣлся съ нимъ нѣсколько дней тому назадъ по дѣлу и былъ пораженъ происшедшею въ немъ перемѣной. Ваше присутствіе конечно повліяетъ на него такъ или иначе. Я не могу дать вамъ никакихъ инструкцій касательно обращенія съ нимъ, вы должны будете примѣняться къ обстоятельствамъ. Вашъ собственный тактъ покажетъ вамъ слѣдуетъ ли поощрять его говорить о покойной мистрисъ Макалланъ, или нѣтъ. Но все шансы что онъ какъ-нибудь выдастъ себя связаны, какъ мнѣ кажется, съ разговоромъ о ней. Постарайтесь завязать его если будетъ возможно.“ Далѣе былъ прибавленъ слѣдующій постскриптумъ: „Спросите мистера Веніамина не слышалъ ли онъ какъ Декстеръ разговаривалъ вамъ о своемъ прощаніи съ тѣломъ мистрисъ Макалланъ въ ночь ея смерти.“

Я предложила этотъ вопросъ Веніамину когда мы съѣли завтракать предъ отправленіемъ на далекую окраину города гдѣ жилъ Декстеръ. Мой старый другъ все еще сердился на меня за предстоящую поѣздку. Отвѣчая мнѣ онъ былъ необычайно мраченъ и необычайно скупъ на слова.

— Я не имѣю обыкновенія подслушивать, сказалъ онъ, — но нѣкоторые люди говорятъ такъ что ихъ нельзя не слышать. Мистеръ Декстеръ одинъ изъ нихъ.

— Такъ вы слышали? спросила я.

— Дверь и стѣна не могли заглушить его голоса, отвѣчалъ Веніаминъ. — Я слышалъ что онъ говорилъ. Паглый чловѣкъ, вотъ мое мнѣніе.

— Сегодня мнѣ можетъ-быть понадобится чтобъ вы не только слышали что онъ будетъ говорить, рѣшилась я сказать, — но чтобы вы записывали нѣкоторые изъ его словъ. Вы когда-то писали письма моего отца подъ его диктовку. Не сохранилось ли у васъ одной изъ вашихъ записныхъ книжекъ?

Веніаминъ поднялъ на меня глаза съ выраженіемъ строгого удивленія.

— Писать подъ диктовку великаго коммерсанта, вести обширную корреспонденцію гдѣ отъ одного слова тысячи фунтовъ переходятъ изъ рукъ въ руки, не то же самое что записывать бредъ полоумнаго чудовища котораго слѣдовало бы держать въ клѣткѣ, сказалъ онъ. — Вашъ почтенный батюшка, Валерія, никогда не сдѣлалъ бы мнѣ такого предложенія.

— Простите меня, Веніаминъ, я не могу не просить васъ объ этомъ. Вы можете принести мнѣ громадную пользу. Уступите на этотъ разъ ради меня, милый другъ мой.

Веніаминъ опустил глаза въ тарелку съ видомъ печальной покорности показавшей мнѣ что я достигла своей цѣли.

— Я всегда жилъ какъ привязанный къ тесемкамъ ея передника, пробормоталъ онъ про себя. — Теперь поздно думать объ освобожденіи. — Онъ взглянулъ опять на меня. — Я полагалъ что уже кончилъ со службой, но оказывается что мнѣ приходится превратиться опять въ клерка, сказалъ онъ. — Что требуется отъ меня теперь?

Въ эту минуту намъ объявили что экипажъ ждетъ насъ у калитки. Я встала, взяла его руку и съ чувствомъ искренней благодарности поцѣловала его румяную щеку.

— Отъ васъ требуется, сказала я, — чтобы вы сѣли позади мистера Декстера такъ чтобы онъ не могъ видѣть васъ, но чтобы вы могли видѣть меня.

— Чѣмъ меньше придется мнѣ видѣть Декстера, тѣмъ я буду довольнѣе, проворчалъ Веніаминъ. — Что же мнѣ дѣлать послѣ того какъ я усядусь позади его?

— Вы должны ждать пока я не сдѣлаю вамъ знака; когда я сдѣлаю знакъ вы начнете записывать то что будетъ говорить Декстеръ и будете писать пока я не сдѣлаю вамъ другаго знака чтобы вы перестали.

— Хорошо, сказалъ Веніаминъ. — Какой же знакъ будетъ означать чтобы я началъ и какой чтобы я кончилъ?

Я еще не придумала знаковъ и попросила Веніамина помочь мнѣ. Нѣтъ, онъ не хотѣлъ принять никакого дѣлательнаго участія въ дѣлѣ. Онъ согласился быть пассивнымъ орудіемъ, но этимъ ограничивалась его уступка.

Предоставленная собственнымъ ресурсамъ, я нашла не легкимъ дѣломъ изобрѣсти такую телеграфическую систему

которая была бы удобна для Веніамина и вмѣстѣ съ тѣмъ не возбуждала бы сильно развитой подозрительности Декстера. Ища въ своемъ костюмѣ чего-нибудь что могло бы послужить мнѣ орудіемъ, я взглянула въ зеркало. Мои серьги вывели меня изъ затрудненія.

— Я постараюсь сѣсть въ кресло, сказала я. — Когда вы увидите что я облокочусь на ручку кресла и поднесу пальцы къ серьгѣ какъ будто играю ею, начинайте писать что онъ будетъ говорить и продолжайте пока я.... пока я не двину кресло. При этомъ звукъ остановитесь. Поняли вы меня?

— Понялъ.

Мы отправились къ Дектеру.

Г Л А В А XL.

Немезида.

Въ этотъ разъ калитка была отворена садовникомъ. Онъ очевидно получилъ приказанія насчетъ насъ.

— Мистрисъ Валерія? спросилъ онъ.

— Да.

— И другъ?

— И другъ.

— Пожалуйста наверхъ. Вы знакомы съ домомъ.

Пройдя переднюю я остановилась и оглянулась на Веніамина который все еще держалъ въ рукѣ свою любимую палку.

— Ваша палка будетъ мѣшать вамъ, сказала я. — Не лучше ли оставить ее здѣсь?

— Моя палка можетъ пригодиться мнѣ наверху, возражалъ онъ. — Я не забылъ что случилось въ моей библіотекѣ.

Спорить съ нимъ было не время и я повернула къ лѣстницѣ.

Поднимаясь наверхъ я была поражена внезапнымъ крикомъ, страдальческимъ крикомъ, повторившимся два раза прежде чѣмъ мы дошли до круглой прихожей. Я вошла въ сосѣднюю комнату первая и увидала многосторонняго Мизерримуса Декстера съ новой стороны.

Несчастная Аріэль стояла у стола предъ блюдомъ наполненнымъ маленькими пирожками. Обѣ ея руки были обвязаны выше локтей веревками концы которыхъ были въ рукахъ Декстера сидѣвшаго въ двухъ шагахъ отъ нея.

— Попробуй еще, моя красавица, сказалъ онъ ей когда я остановилась въ дверяхъ. — Возьми пирожокъ.

При этомъ приказаніи Аріэль покорно протянула руку къ блюду. Тщъ только она притронулась концами пальцевъ къ одному изъ пирожковъ рука ея была отдернута веревкой съ такою силой и съ такою дьявольскою жестокостію что я готова была схватить палку Веніамина и изломать ее о спину Декстера. Аріэль вытерпѣла въ этотъ разъ боль со спартанскою твердостію. Она стояла лицомъ къ двери и увидала меня первая. Зубы ея были стиснуты, лицо горѣло отъ усилія которое она дѣлала надъ собой. Въ моемъ присутствіи она не выдала своего страданія ни малѣйшимъ звукомъ.

— Бросьте веревки, крикнула я съ негодованіемъ. — Освободите ее, мистеръ Декстеръ, или я уйду отъ васъ.

Услышавъ мой голосъ онъ привѣтствовалъ меня радостнымъ крикомъ. Глаза его впились въ меня съ жаднымъ восторгомъ.

— Войдите, войдите! крикнулъ онъ. — Взгляните чѣмъ я развлекаюсь въ мучительномъ ожиданіи вашего прибытія. Взгляните какъ я убиваю время въ разлукѣ съ вами. Войдите. Сегодня, отъ нетерпѣнія увидать васъ поскорѣе, мистрисъ Валерія, я въ злобномъ расположеніи духа. Когда я въ злобномъ расположеніи духа мнѣ нужно дразнить кого-нибудь. Я дразню Аріэль. Взгляните на нее. Она еще ничего не ѣла сегодня и ей никакъ не удастся стащить хоть одинъ пирожокъ. Вы напрасно жалѣете ее. У Аріэль нѣтъ первовъ. Она не чувствуетъ боли.

— У Аріэль нѣтъ первовъ, повторила несчастная дѣвушка, хмурясь на меня за мое вмѣшательство между нею и ея господиномъ. — Я не чувствую боли.

Я услышала за собой взмахъ палки Веніамина.

— Бросьте веревки, крикнула я съ большимъ жаромъ чѣмъ прежде. — Бросьте, или я уйду отъ васъ сейчасъ же.

Деликатные нервы Мизерримуса Декстера были потрясены моею рѣзкостію.

— Какой сильный голосъ, воскликнулъ онъ, бросивъ веревки. — Возьми пироги, обратился онъ повелительно къ Аріэль.

Она прошла мимо меня съ блюдомъ въ рукахъ и съ тянущимися за ней веревками и бросила на меня вызывающій взглядъ.

— У меня нѣтъ перловъ, повторила она гордо. — Я не чувствую боли.

— Вы видите, сказалъ Декстеръ, — что никакой бѣды не случилось и что я бросилъ веревки лишь только вы приказали мнѣ. Не начинайте ссорою со мной послѣ такого долгаго отсутствія, мистрисъ Валерія.

Онъ замолчалъ. Онъ только теперь увидалъ Веніамина стоявшаго молча въ дверяхъ.

— Кто это? спросилъ онъ подозрительно и подкатилъ свое кресло ближе къ двери. — А, знаю, воскликнулъ онъ прежде чѣмъ я успѣла отвѣтить. — Это добродушный джентльменъ показавшійся мнѣ убѣжищемъ страдающихъ когда я увидалъ его въ первый разъ. Вы измѣнились къ худшему съ тѣхъ поръ, сэръ. Вы теперь совсѣмъ не то чѣмъ были прежде, сэръ, теперь вы олицетворяете собою карающее правосудіе. Это вашъ новый покровитель, мистрисъ Валерія?

Онъ низко поклонился Веніамину и продолжалъ со злобною пропіей:

— Вашъ покорнѣйшій слуга, карающее правосудіе. Я заслужилъ васъ и покоряюсь вамъ. Я постараюсь чтобы ваша новая должность была только синекурой. Эта женщина свѣтъ моей жизни. Попробуйте уличить меня въ недостаткѣ почитенія къ ней.

Онъ повернулся спиной къ Веніамину (слушавшему его въ презрительномъ молчаніи) и подкатился ко мнѣ.

— Вашу руку, свѣтъ моей жизни, прошепталъ онъ самымъ нѣжнымъ тономъ. — Одинъ разъ, попросилъ онъ шопотомъ, — одинъ только разъ.

Онъ почтительно поцѣловалъ мою руку и выпустилъ ее съ тяжелымъ вздохомъ.

— Бѣдный Декстеръ, сказалъ онъ со всею искренностью своего эгоизма. — Горячее сердце пропадающее въ одиночествѣ, униженное уродствомъ. Грустно, грустно! Бѣдный Декстеръ! Прекрасный день, сэръ, обратился онъ внезапно къ Веніамину насмѣшливо учтивымъ тономъ. — Погода начинаетъ поправляться послѣ столь продолжительныхъ дождей. Войдите. Чѣмъ прикажете васъ угощать? Не хотите ли сѣсть? Карающее правосудіе, когда оно не выше васъ, имѣетъ лучшій видъ въ креслѣ.

— А обезьяна имѣетъ лучшій видъ въ клѣткѣ, возразилъ Веніаминъ, разсерженный сатирическимъ намекомъ на его низкій ростъ.

Возраженіе не произвело никакого дѣйствія на Мизерримуса Декстера, онъ повидимому даже не слыхалъ его. Въ немъ произошла уже новая перемѣна, онъ былъ теперь задумчивъ и кротокъ, глаза его были устремлены на меня съ грустнымъ и пристальнымъ вниманіемъ. Я сѣла на ближайшее кресло и сдѣлала знакъ Веніамину. Онъ понималъ меня. Онъ сѣлъ позади Декстера, немного наискось, такъ что могъ видѣть меня. Аріэль, молча пожирившая пирожки, скорчилась на скамейкѣ у ногъ „хозяина“ и глядѣла на него какъ преданная собака. Нѣсколько времени мы все молчали и я могла разглядѣть Мизерримуса Декстера безъ помѣхи.

Я была удивлена и испугана замѣтивъ какъ онъ измѣнился къ худшему съ тѣхъ поръ какъ я видѣла его въ послѣдній разъ. Мягкость его глазъ пропала. Они были теперь испещрены кровавыми жилками и смотрѣли жалобно и разсѣянно. Его когда-то крѣпкія руки похудѣли и дрожали. Блѣдность его лица, можетъ-быть нѣсколько преувеличенная чернымъ бархатнымъ сюртукомъ, имѣла какой-то темный, болѣзненный оттѣнокъ. Многочисленные мелкія морщинки около угловъ его глазъ обозначались яснѣе. Голова его клонилась внизъ. Казалось что нѣмѣяцы, а годы прошли съ тѣхъ поръ какъ я не видала его. Вспомнивъ отчетъ о его здоровьѣ прочитанный мною у мистера Плеймора, вспомнивъ мнѣніе доктора что состояніе его здоровья зависитъ отъ состоянія его нервной системы, я не могла не подумать что я поступила благоразумно (если еще была надежда на успѣхъ), ускоривъ свое возвращеніе въ Англію. Знала то что я знала, я рѣшила что конецъ его близокъ. Когда глаза наши встрѣтились, я смотрѣла на него какъ на обреченнаго человѣка и жалѣла его.

Да, я жалѣла его. Я знаю что сожалѣніе было несовмѣстно съ цѣлю для которой я пріѣхала къ нему и съ моимъ подозрѣніемъ что мистеръ Плейморъ былъ правъ считая его виновникомъ смерти покойной мистрисъ Макаланъ. Я знала что онъ жестокъ, не сомнѣвалась что онъ безчестенъ. И несмотря на все это я жалѣла его. Не таятся ли во всѣхъ насъ извѣстная доля слабости? Не зависитъ ли развитіе или подавленіе этой слабости единственно отъ воспитанія и отъ силы искушеній? Не подтверждается ли это нашими глубочайшими симпатіями когда мы жалѣемъ порочныхъ, когда мы стремимся толпой на уголовный процессъ, когда мы жмемъ при прощаніи

руку самому гнусному изъ злодѣевъ? Я не берусь рѣшать такіе вопросы. Я знаю только что я жалѣла Мизерримуса Декстера и что онъ замѣтилъ это.

— Благодарю васъ, сказалъ онъ внезапно. — Вы видите что я боленъ и жалѣю меня. Милая, добрая Валерія!

— Имя этой молодой особы мистрисъ Макалланъ, замѣтилъ Веніаминъ строгимъ тономъ. — Прошу васъ не называть ее впередъ Валеріей.

Замѣчаніе его осталось опять не замѣченнымъ. Декстеръ повидимому совсѣмъ забылъ объ его присутствіи.

— Вы очаровали меня своимъ видомъ, сказалъ онъ. — Довершите мое наслажденіе, дайте мнѣ послушать вашъ голосъ. Говорите мнѣ о себѣ. Разкажите что вы дѣлали съ тѣхъ поръ какъ уѣхали изъ Англіи.

Мнѣ необходимо было завязать какъ-нибудь разговоръ и я рѣшилась воспользоваться представившимся случаемъ. Я разказала ему откровенно какъ я провела время въ Испаніи.

— Такъ вы все еще любите Евстаѳа? спросилъ онъ съ горечью.

— Болѣе чѣмъ когда-либо, отвѣчала я.

Онъ закрылъ лицо руками. Помолчавъ немного онъ спросилъ меня глухимъ голосомъ и не отнимая рукъ отъ лица.

— И вы покинули Евстаѳа въ Испаніи и пріѣхали въ Англію одни? Что побудило васъ къ этому?

— То же самое что побудило меня пріѣхать къ вамъ въ первый разъ и просить вашей помощи, мистеръ Декстеръ.

Онъ опустилъ руки и взглянулъ на меня съ удивленіемъ и испугомъ.

— Возможно ли, воскликнулъ онъ, — что вы даже теперь не хотите оставить въ покоѣ это ужасное дѣло? Неужели вы все еще не отказались отъ намѣренія раскрыть тайну преступленія въ Гленинкѣ?

— Нѣтъ, мистеръ Декстеръ, я еще не отказалась отъ своего намѣренія и все еще надѣюсь что вы можете помочь мнѣ.

На лицѣ его появилось прежнее недовѣріе ко мнѣ которое я хорошо помнила.

— Какъ могу я помочь вамъ? спросилъ онъ. — Развѣ я могу измѣнить факты? Онъ остановился и лицо его прояснилось опять какъ будто отъ какого-то внезапнаго радостнаго предположенія.

— Я пробовалъ помочь вамъ, продолжалъ онъ. — Я сказалъ вамъ что отсутствіе мистрисъ Боли могло быть средствомъ для избавленія отъ подозрѣнія, я сказалъ вамъ что ядъ могъ быть данъ горничной мистрисъ Боли. Не пришли ли вы сами къ тому же заключенію? Не нашли ли вы чего-нибудь въ этой идеѣ?

Возвращеніе къ мистрисъ Боли представило мнѣ возможность дать такое направленіе разговору какое мнѣ было нужно.

— Я не нашла ничего въ этой идеѣ, возразила я. — Я не вижу цѣли. Развѣ служанка имѣла какую-нибудь причину быть врагомъ покойной мистрисъ Макалландъ?

— Никто не имѣлъ причины быть врагомъ покойной мистрисъ Макалландъ, воскликнулъ онъ запальчиво. — Мистрисъ Макалландъ была воплощенная доброта, воплощенное великодушіе. Она никогда не причинила никому зла ни мыслію, ни дѣломъ. Она была святая. Почитайте ея память. Не тревожьте мученицу въ могилѣ.

И онъ закрылъ опять лицо руками дрожа отъ волненія.

Аріэль тихо встала съ своего мѣста и подошла ко мнѣ.

— Видите вы мои когти, прошептала она протянувъ ко мнѣ руки. — Попробуйте еще разъ подразнить хозяина и вы почувствуете мои когти на своемъ горлѣ.

Веніаминъ всталъ. Онъ не слышалъ словъ Аріэль, но видѣлъ ея угрожающій жестъ. Я сдѣлала ему знакъ чтобъ онъ не вмѣшивался. Аріэль вернулась на свое мѣсто и устремила глаза на хозяина.

— Не плачьте, сказала она. — Зачѣмъ плакать? Вонъ веревки. Подразните меня. Заставьте меня покричать.

Онъ не отвѣтилъ, онъ не сдѣлалъ никакого движенія.

Аріэль напрягла свой слабый умъ ища средства развлечь его. Я поняла это по ея нахмуреннымъ бровямъ, по ея глазамъ разсѣянно устремленнымъ на меня. Минуту спустя она радостно хлопнула кулакомъ по открытой ладони другой руки. Она торжествовала, она напала на мысль.

— Хозяинъ, воскликнула она. — Вы давно не разказывали мнѣ никакой сказки. Разшевелите мою глуую голову. Разкажите мнѣ хорошую, длинную сказку, полную крови и преступленій.

Не напала ли она случайно на вѣрное средство развлечь его? Я знала его высокое мнѣніе о советѣ талантъ къ драматическимъ разказамъ. Я знала что однимъ изъ его любимыхъ

развлеченій было пугать Аріэль сказками которыхъ она не понимала. Вдастся ли онъ въ область чистой фантазіи, или вспомнить что мое упорство все еще угрожало ему возобновленіемъ изслѣдованія Гленинградской трагедіи и постарается ввести меня въ заблужденіе какимъ-нибудь новымъ вымысломъ? Судя по моему прошлому опыту я ожидала послѣдняго, но къ моему удивленію и отчаянію мнѣ тотчасъ же пришлось убѣдиться что я ошиблась. Лидо Декстера озарилось широкою улыбкой польщеннаго самолюбія. Онъ былъ теперь такъ малодушенъ что даже Аріэль могла затронуть его тщеславіе. Когда я замѣтила это у меня явилось подозрѣніе отъ котораго я похолодѣла съ головы до ногъ, подозревая что мой пріѣздъ къ нему былъ уже слишкомъ поздній.

Мизерримусъ Декстеръ обратился къ Аріэль.

— Жалкое созданіе, сказалъ онъ милосиво глядя ее по головъ. — Ты не понимаешь ни слова изъ моихъ сказокъ и несмотря на то я умѣю овладѣть твоимъ глупымъ умомъ, я умѣю привести тебя въ трелетъ и тебѣ это нравится. Жалкое созданіе! Онъ спокойно откинулся на спинку кресла и взглянулъ на меня. Не напомнитъ ли ему мое присутствіе нашего неоконченнаго разговора? Нѣтъ. Онъ смотрѣлъ на меня съ такою же самодовольною улыбкой съ какой смотрѣлъ на Аріэль. — Я обладаю необыкновеннымъ талантомъ къ драматическимъ разказамъ, мистрисъ Валерія, сказалъ онъ. — Это несчастное созданіе можетъ засвидѣтельствовать это самымъ нагляднымъ образомъ. Она можетъ служить предметомъ для психологическаго этюда когда я разказываю ей одну изъ моихъ исторій. Забавно видѣть какія отчаянныя усилія дѣлаетъ она чтобы понять меня. Вы увидите это. Я былъ не въ духѣ во время вашего отсутствія, я давно не разказывалъ ей ничего. Сегодня я разкажу ей что-нибудь. Не думайте что это составитъ какой-нибудь трудъ для меня. Моя фантазія неистощима. Я увѣренъ что это позабавитъ васъ, какъ бы ни были вы серіозны по природѣ. Я также серіозенъ по природѣ, но я всегда смѣюсь надъ ней.

Аріэль захлопала своими большими безобразными руками.

— Онъ всегда смѣется надо мною! воскликнула она взглянувъ на меня съ гордымъ сознаніемъ своего превосходства.

Я была въ большомъ затрудненіи. Вспышка которую я вызвала напомнивъ ему о покойной мистрисъ Макалланъ

показала мнѣ что я должна была быть осторожнѣе и невозобновлять этого разговора пока не представится удобный къ тому случай. Но какъ же иначе могла я выпытать у него тайны которыя онъ скрывалъ отъ меня? Одно только показалось мнѣ несомнѣннымъ: допустить его разказывать сказку значило бы допустить напрасную трату времени. Живое помня угрозу Аріэль, я тѣмъ не менѣе рѣшилась мѣшать всѣми силами новой затѣѣ ея хозяйка.

— Слушайте, мистрисъ Валерія, началъ онъ громко и высококомѣрно. — Слушай, Аріэль. Я буду импровизировать. Я начну доброю старою формулою волшебныхъ сказокъ. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ...

Пока я выжидала случая прервать его, онъ остановился самъ. На лицѣ его выразилось смущеніе, онъ поднялъ руку, провелъ ею нѣсколько разъ по лбу и тихо засмѣялся.

— Я не чувствую вдохновенія, сказалъ онъ.

Не измѣнилъ ли ему разсудокъ? Никакихъ признаковъ этого не было замѣтно пока я къ несчастію не напомнила ему о покойной мистрисъ Макалланъ. Не была ли его слабость и его смущеніе только слѣдствіемъ временнаго расстройства? Иными словами, не были ли они только первымъ предостереженіемъ для него и для насъ? Можетъ-быть онъ скоро оправится если мы оставимъ его въ покоѣ? Даже Веніаминъ былъ наконецъ заинтересованъ, я видѣла что онъ перегнулся и старался заглянуть въ лицо Декстера. Даже Аріэль была удивлена и встревожена.

Мы всѣ ждали что будетъ дальше.

— Мою арфу! воскликнулъ онъ. — Музыка возбудитъ меня.

Аріэль принесла ему арфу.

— Хозяинъ, сказала она съ удивленіемъ, — что съ вами?

Онъ махнулъ рукой приказывая ей молчать.

— Ода, объявилъ онъ высококомѣрно. — Поэзія и музыка сочинены экспромптомъ самимъ Декстеромъ. Молчаніе! Вниманіе!

Пальцы его бродили слабо по струнамъ арфы, но ни музыки, ни словъ мы не слышали. Нѣсколько минутъ спустя руки его опустились, голова тихо склонилась и оперлась на рамку арфы. Я вскочила и приблизилась къ нему. Спалъ онъ или впалъ въ забытіе?

Я притронулась къ его рукѣ и назвала его по имени.

Аріэль послѣдшнею стала между мною и имъ и устремила на

меня грозный взглядъ. Въ ту же минуту Мизерримусъ Декстеръ поднялъ голову. Мой голосъ оживилъ его. Онъ взглянулъ на меня спокойно наблюдательнымъ взглядомъ, какъ никогда не смотрѣлъ прежде.

— Возьми арфу, обратился онъ къ Аріэль тономъ сильно утомленнаго человѣка.

Полоумное созданіе, по глупости, или по злобѣ, раздражило его снова.

— Что съ вами, хозяинъ? спросила она взявъ у него арфу. — Когда же сказку?

— Намъ не нужно сказки, вмѣшалась я. — Я еще не сказала мистеру Декстеру многого что мнѣ нужно сказать ему.

Аріэль подняла свою тяжелую руку. — Берегитесь, сказала она приближаясь ко мнѣ. Въ эту минуту голосъ хозяина остановилъ ее.

— Снеси арфу на мѣсто, безумная, сказалъ онъ строго. — Я разкажу сказку когда мнѣ вздумается.

Она покорно отнесла арфу въ конецъ комнаты. Мизерримусъ Декстеръ подвинулъ свое кресло ближе ко мнѣ.

— Я знаю что можетъ оживить меня, сказалъ онъ доверчиво. — Движеніе можетъ оживить меня. Я не дѣлалъ мотіона въ послѣднее время. Подождите и вы увидите.

Онъ положилъ руки на механизмъ кресла и покатился по комнатѣ. При этомъ злобѣщая перемѣна въ немъ выразилась въ новый формѣ. Онъ уже не могъ катать кресло съ прежнею непstовой быстротой, колеса не трещали и не свистѣли подъ нимъ. Прокатившись взадъ и впередъ по комнатѣ, онъ остановился задыхаясь отъ усталости.

Мы направились въ его сторону, Аріэль впереди, за ней я и Веніаминъ. Декстеръ сдѣлалъ имъ обоимъ знакъ остаться на мѣстѣ и пустить меня одну.

— Я отвыкъ, сказалъ онъ мнѣ слабымъ голосомъ. — Я не могъ выносить треска колесъ и дрожанія пола пока васъ не было.

Кто не пожалѣлъ бы его въ эту минуту, кто не простилъ бы ему всѣхъ его проступковъ? Даже Аріэль была растрогана. Я услышала что она всхлипывала позади меня. Единственный человѣкъ который могъ пробуждать ея чувства пробудилъ ихъ теперь своимъ пренебреженіемъ къ ней. Она воскликнула опять плачевнымъ, жалобнымъ тономъ:

— Что съ вами, хозяинъ? Когда же сказку?

— Не обращайтесь вниманія на нее, прошептала я ему.— Вамъ нуженъ свѣжій воздухъ. Пошлите за садовникомъ. Покатаемся въ вашемъ кабріолетѣ.

Напрасная попытка. Аріэль не хотѣла помириться съ его невниманіемъ. Она воскликнула опять:

— Когда же сказку? Когда же сказку?

Ей удалось наконецъ пробудить угасавшую энергію ея хозяйина.

— Негодная! крикнулъ онъ повернувъ кресло и остановившись предъ ней. — Сказка будетъ. Я хочу разказать ее! Я разкажу ее! Вина! Припеси вина, плаксивая идиотка! Какъ я не подумалъ объ этомъ раньше? Королевское бургундское, вотъ что мнѣ нужно, Валерія, чтобы возбудить мою фантазію. Стаканы для всѣхъ. Воздадимъ честь царю виноградниковъ, великолѣпному кло-вужо.

Аріэль отворила шкафъ въ альковѣ и достала вино и высокіе венеціанскіе стаканы. Декстеръ опорожнилъ свой стаканъ залпомъ и заставилъ насъ пить или по крайней мѣрѣ дѣлать видъ что мы пьемъ. Даже Аріэль не была забыта. Подражая своему хозяину, она выпила свой стаканъ залпомъ. Крѣпкое вино бросилось ей въ голову тотчасъ же и она заплѣла хриплымъ голосомъ пѣсню собственнаго изобрѣтенія, состоявшую изъ безконечнаго повторенія одной и той же просьбы: — „Разкажите намъ сказку! Хозяинъ! Хозяинъ! Разкажите намъ сказку!“ Ея хозяинъ молча палилъ себѣ другою стаканъ вина. Веніаминъ, воспользовавшись минутой когда онъ отвернулся отъ насъ, шепнулъ мнѣ:

— Послушайте меня хоть разъ, Валерія. Уйдемъ отсюда.

— Еще одно усиліе, прошептала я въ отвѣтъ, — послѣднее усиліе.

Аріэль продолжала сонно свою пѣсню:

— Разкажите намъ сказку! Хозяинъ! Хозяинъ! Разкажите намъ сказку!

Мизерримусъ Декстеръ поднялъ глаза. Сильное возбудительное начало производить свое дѣйствіе. На лицѣ его появился румянецъ, въ глазахъ прежній умъ. Бургундское оживило его. Доброе вино приняло мою сторону и дало мнѣ возможность сдѣлать послѣднюю попытку.

— Не нужно сказки, сказала я. — Мнѣ необходимо поговорить съ вами, мистеръ Декстеръ. Я вовсе не расположена слушать сказку.

— Не расположены слушать сказку, повторилъ онъ съ своей стороны съ прежнею насмѣшливостью. — Неправда. Я понимаю васъ. Вы думаете что моя изобрѣтательность истощилась и не хотите сказать это прямо. Я покажу вамъ что вы ошибаетесь. Я покажу вамъ что Декстеръ сдѣлался опять самимъ собою. Замолчи, Аріэль, не то я выгоню тебя изъ комнаты. Моя сказка у меня вотъ тутъ, съ законченными сценами и характерами, сказалъ онъ приложивъ руку ко лбу и глядя на меня лукаво. — Я увѣренъ что она заинтересуетъ васъ, мой прекрасный другъ. Она называется „Госпожа и Служанка“. Вернемся къ огню и я начну.

Сказка о госпожѣ и служанкѣ! Если это названіе имѣло какое-нибудь особое значеніе, онъ намѣревался разказать мнѣ въ формѣ сказки что-нибудь о мистрисъ Боли и ея служанкѣ!

Названіе сказки и его лукавый взглядъ на меня оживили снова мои едва не угасшія надежды. Онъ пришелъ въ себя наконецъ, его обычная проникаемость и его обычная хитрость вернулись къ нему опять. Подъ предлогомъ сказки для Аріэль онъ хотѣлъ ввести меня въ новое заблужденіе насчетъ мистрисъ Боли. Это было очевидно. Онъ былъ правъ сказавъ что Декстеръ сдѣлался опять самимъ собою.

Возвращаясь къ камину я взяла подъ руку моего старика друга.

— Я еще не потеряла надежды, шепнула я ему. — Не забудьте условленныхъ знаковъ.

Мы заняли свои прежнія мѣста. Аріэль глядѣла на меня опять угрожающимъ взглядомъ. Несмотря на выпитый стаканъ вина она была все еще насторожѣнн противъ меня, она опасалась новаго вмѣшательства съ моей стороны. Но я теперь не имѣла ни малѣйшаго намѣренія прерывать разказъ. Я ждала его съ такимъ же нетерпѣніемъ какъ сама Аріэль. Сюжетъ былъ опасенъ для разказчика. Онъ могъ проговориться, онъ рисковалъ выдать себя.

Онъ обвелъ насъ глазами и началъ:

— Усѣлась ли моя публика? Готова ли моя публика? спросилъ онъ весело. — Поверните лицо еще немного въ мою сторону, сказалъ онъ мнѣ самымъ мягкимъ и нѣжнымъ тономъ.

— Надѣюсь что я прошу не слишкомъ многого. Смотри на меня вы смотрите на самое жалкое изъ земныхъ созда-

ній. Позвольте мнѣ черпать вдохновеніе изъ вашихъ глазъ, позвольте мнѣ насытить мое жадное восхищеніе вами созерцаніемъ вашей красоты. Улыбнитесь хоть разъ сострадательною улыбкой человѣку у котораго вы отняли спокойствіе и счастье. Благодарю васъ, свѣтъ моей жизни, благодарю васъ.— Онъ послалъ мнѣ рукой поцѣлуй и откинулся комфортабельно на спинку кресла.—Сказка, сказалъ онъ,—сказка наконецъ. Въ какую форму одѣчь мнѣ ее? Въ драматическую форму. Это самая старая, самая правдивая, самая краткая форма для разказа. Сначала заглавіе. Краткое и заманчивое заглавіе: Госпожа и Служанка. Сцена — страна романтизма, Италія. Время—вѣкъ романтизма, пятнадцатое столѣтіе. А! Взгляните на Аріэль. Она знаетъ о пятнадцатомъ столѣтіи столько же какъ кухонная кошка, однако она уже зашнурована. Счастливая Аріэль!

Аріэль взглянула на меня съ торжествомъ.

— Я знаю столько же какъ кухонная кошка, сказала она съ широкою улыбкой польщеннаго тщеславія.— Я счастливая Аріэль. А вы что?

Мизерримусъ Декстеръ захохоталъ неудержимымъ хохотомъ.

— Развѣ я не говорилъ вамъ? сказалъ онъ.— Не забавна ли она? Дѣйствующія лица драмы, числомъ три, всѣ женщины, продолжалъ онъ свой разказъ.—Анджелика, благородная дама, благородная по характеру и по происхожденію; Кунигунда, дьяволъ въ прекрасномъ женскомъ образѣ, и Даморида, ея злосчастная служанка. Первая сцена. Мрачная комната со сводами въ древнемъ замкѣ. Время—вечеръ. Въ лѣсу кричатъ совы, въ болотѣ квакаютъ лягушки. Взгляните на Аріэль. У нея уже пробѣгаетъ морозъ по кожѣ, она дрожитъ. Несравненная Аріэль!

Моя соперница въ расположеніи хозяина взглянула на меня опять вызывающимъ взглядомъ.—Несравненная Аріэль! повторила она пьянымъ голосомъ. Декстеръ остановился чтобы взять стаканъ стоявшій на маленькомъ столикѣ придѣланномъ къ креслу. Пока онъ прихлебывалъ вино я могла разглядѣть его внимательнѣе. Въ лицѣ его все еще былъ румянецъ, въ глазахъ все еще былъ блескъ. Онъ поставилъ стаканъ на мѣсто съ наслажденіемъ чмокая губами и продолжалъ:

— Особы находящіяся въ комнатѣ со сводами—Кунигун-

да и Даморида. Кунигунда говоритъ: Даморида! — Что прикажете сударыня? — Кто лежитъ больной въ комнатѣ надъ нами? — Благородная госпожа Анджелика, сударыня. (Пауза. Кунигунда начинаетъ опять.) Даморида! — Что прикажете сударыня? — Расположена къ вамъ госпожа Анджелика? — Сударыня, благородная дама, милостивая и добрая со всѣми, добра и со мной. — Случалось тебѣ прислуживать ей? — Случалось, сударыня, когда сидѣлка отдыхала. — Принимала она изъ твоихъ рукъ успокоительное лѣкарство? — Разъ или два, сударыня. — Даморида, возьми этотъ ключъ и отопри шкатулку на томъ столѣ. (Даморида повинуется.) — Видишь въ шкатулкѣ зеленый пузырекъ? — Вижу, сударыня. — Вынь его. (Даморида повинуется.) Видишь въ пузыркѣ жидкость? Знаешь что это такое? — Нѣтъ, сударыня. — Сказать тебѣ? (Даморида почтительно кланяется.) Въ пузыркѣ ядъ. (Даморида вздрагиваетъ, она охотно выпустила бы изъ рукъ ядъ, но госпожа ея дѣлаетъ ей знакъ чтобъ она держала его и продолжаетъ.) Даморида, я сказала тебѣ одну изъ моихъ тайнъ. Не сказать ли и другую? (Даморида въ тревожномъ ожиданіи, ея госпожа продолжаетъ). Я ненавижу Анджелику. Ея жизнь стоитъ между мной и моимъ счастьемъ. Ея жизнь теперь въ твоихъ рукахъ. (Даморида падаетъ на колѣни, она набожная особа, она крестится и потомъ говоритъ). — Сударыня, вы приводите меня въ ужасъ. Сударыня, что я слышу? (Кунигунда приближается къ ней, останавливается надъ ней, смотритъ на нее страшными глазами и говоритъ шепотомъ). — Даморида, Анджелика должна умереть, но такъ чтобы подозрѣніе не пало на меня. Анджелика должна умереть отъ твоей руки.

Онъ остановился. Чтобы хлебнуть олять вина? Нѣтъ, чтобы выпить разомъ значительную долю стакана.

Неужели возбуждательное уже начинало терять для него свою силу?

Я взглянула на него внимательно между тѣмъ какъ онъ откинулся на минуту на спинку кресла собираясь съ мыслями.

Лицо его горѣло попрежнему, но свѣтъ въ глазахъ началъ уже потухать. Я замѣтила что онъ говорилъ все медленнѣе и медленнѣе. Не измѣняла ли ему его изобрѣтатель-

ность? Не сдѣлало ли уже вино все что вино могло сдѣлать для него?

Мы ждали. Аріэль сдѣла предъ нимъ съ мутнымъ взглядомъ и съ открытымъ ртомъ. Веніаминъ невозмутимо ждалъ сигнала прикрывъ рукой записную книжку лежавшую на его колѣнѣхъ.

Мизерримусъ Декстеръ продолжалъ.

— Даморида слышитъ эти ужасныя слова. Даморида сжимаетъ руки въ отчаяніи. — О, сударыня, могу ли я убить добрую, благородную даму? Какая у меня причина вредить ей? Кунигунда отвѣчаетъ: — У тебя есть причина повиноваться мнѣ. Даморида падаетъ лицомъ на полъ. — Сударыня, я не могу сдѣлать это, я не смѣю сдѣлать это! Кунигунда отвѣчаетъ: — Ты ничѣмъ не рискуешь. У меня есть планъ какъ избавить отъ подозрѣнія и меня и тебя. Даморида повторяетъ: — Я не могу сдѣлать это, я не смѣю сдѣлать это. Глаза Кунигунды сверкаютъ яростью. Она вынимаетъ сокрытый на груди...

Онъ остановился на срединѣ фразы и приложилъ руку ко лбу какъ будто внезапно забылъ что хотѣлъ сказать.

Слѣдуетъ ли мнѣ помочь ему вспомнить забытое? Или благоразумнѣе будетъ промолчать, если только я буду въ состояніи промолчать?

Я видѣла ясно цѣль съ которою онъ началъ свой разказъ. Онъ хотѣлъ представить мнѣ въ формѣ сказки опроверженіе противъ моего неопровержимаго довода что горничная мистрисъ Боли не имѣла побудительной причины брать на свою совѣсть убійство. Еслибъ ему удалось выдумать какую-нибудь побудительную причину которую я должна была бы признать достаточной, цѣль его была бы достигнута. Въ такомъ случаѣ мои изслѣдованія, которыя теперь ежеминутно угрожали его безопасности, приняли бы ложное направленіе и онъ остался бы въ сторонѣ.

Я рѣшила дать ему время подумать, я не проронила ни слова.

Время шло. Я ждала въ сильнѣйшей тревогѣ. Минута была дѣйствительно критическая. Еслибъ ему удалось найти побудительную причину и ловко вставить ее въ свой разказъ, онъ доказалъ бы однимъ этимъ что его умственные способности еще не измѣнили ему. Но найдетъ ли онъ побудительную причину — вотъ что безпокоило меня.

Да, онъ нашелъ ее, хотя не безъ замѣтнаго тяжелаго усилія, хотя не новую и не убѣдительную, но все же нашелъ.

— Кунигунда, продолжалъ онъ, — вынимаетъ скрытый на груди исписанный листокъ бумаги и развертываетъ его. — Взгляни на это, говоритъ она. Даморида взглядываетъ на листокъ и ладаетъ опять къ ногамъ своей госпожи въ пароксизмъ ужаса и отчаянія. Кунигунда знаетъ постыдную тайну въ прошломъ своей служанки. Кунигунда говоритъ ей:— Или я открою твою тайну которая опозоритъ навсегда тебя и твоихъ родителей, или ты исполнишь мое порученіе. Даморида могла бы покориться безчестію еслибъ оно падало только на нее, но родители ея честные люди, она не хочетъ обезчестить своихъ родителей. Не надѣясь смягчить жестокое сердце Кунигунды, она прибѣгаетъ къ послѣднему средству избавиться отъ страшнаго порученія, она пробуетъ доказать что независяція отъ нея прелятствія мѣшаютъ ей исполнить его. — Сударыня, восклицаетъ она, — какъ могу я сдѣлать это когда тамъ сидѣлка? Кунигунда отвѣчаетъ: — Сидѣлка иногда засыпаетъ, иногда уходитъ. Даморида настаиваетъ: — Сударыня, дверь заперта и ключъ у сидѣлки.

Ключъ! Я тотчасъ же вспомнила о пропавшемъ ключѣ. Не объ этомъ ли ключѣ говорилъ онъ? Я замѣтила что когда это слово сорвалось у него съ языка, онъ спохватился какъ будто сказалъ лишнее. Я рѣшилась дать сигналъ. Я облокотилась на ручку кресла и начала играть серьгой. Веніаминъ вынулъ карандашъ и положилъ свою записную книжку такъ чтобъ Аріэль не замѣтила ее если взглянетъ въ его сторону.

Мы ждали. Пауза была долгая. Декстеръ приложилъ руку ко лбу. Глаза его становились все тусклѣе и тусклѣе. Въ этотъ разъ онъ не приступилъ прямо къ продолженію разказа, онъ предложилъ сначала вопросъ.

— На чемъ я остановился? спросилъ онъ.

Мои надежды покидали меня. Я постаралась однако отвѣтить ему такъ чтобъ онъ не замѣтилъ этого по моему голосу.

— Вы остановились на томъ какъ Даморида возражала Кунигундѣ, сказала я.

— Да, да, прервалъ онъ. — Что же она сказала?

— Она сказала: — дверь заперта и ключъ у сидѣлки.

Онъ быстро наклонился впередъ.

— Нѣтъ! возразилъ онъ съ жаромъ. — Вы ошибаетесь. Ключъ? Вздоръ. Я ничего не говорилъ о ключѣ.

— Мнѣ показалось что вы сказали эти самыя слова, мистеръ Декстеръ.

— Никогда! Я сказалъ что-нибудь другое. Вы смѣшались.

Я не рѣшилась спорить съ нимъ. Мы замолчали опять. Веніаминъ, угрюмо покоряясь моему желанію, записалъ вопросы и отвѣты которыми мы обмѣнялись и ждалъ съ записной книжкой въ рукахъ. Аріэль, поддавшаяся усыпляющему дѣйствию вина и разказа, была встревожена переходомъ къ молчанію. Она оглянулась съ безпокойствомъ и устремила глаза на хозяина.

Онъ сидѣлъ безмолвно, приложивъ руку ко лбу, все еще собираясь съ мыслями, все еще стараясь выбраться на свѣтъ изъ скоплавшагося вокругъ него мрака.

— Хозяинъ! воскликнула Аріэль жалобно. — Что же сказка?

Онъ вздрогнулъ и нетерпѣливо потрясъ головой какъ будто стараясь стряхнуть съ себя какой-то тяжелый гнетъ.

— Терпѣніе! терпѣніе! сказалъ онъ. — Сказка продолжается.

И сдѣлавъ отчаянное усиліе онъ приступилъ опять къ разказу и началъ съ первой фразы какая пришла ему въ голову.

— Даморида упала на колѣни. Она залилась слезами. Она сказала....

Онъ остановился и поглядѣлъ вокругъ себя смущеннымъ взглядомъ.

— Какъ назвала я другую женщину? спросилъ онъ не обращаясь ни къ кому изъ насъ.

— Вы назвали другую женщину Кунигундой, сказала я.

При звукѣ моего голоса онъ повернулъ голову въ мою сторону, но не взглянулъ на меня. Его безсмысленный, спокойный, однообразный взглядъ былъ повидимому устремленъ на что-то далекое. Даже въ голосѣ его произошла перемѣна когда онъ заговорилъ опять. Это былъ спокойный, машинальный, монотонный голосъ, нѣсколько напоминавшій голосъ какимъ Евстафій говорилъ въ безпамятствѣ когда умъ его былъ слишкомъ слабъ чтобы слѣдовать за его словами. Неужели конецъ былъ такъ близокъ?

— Я назвала ее Кунигундой, повторилъ онъ. — А другую я назвала....

Онъ остановился опять.

— А другую вы назвали Даморидой, подсказала я.

Аріэль взглянула на него съ изумленіемъ и чтобы заставить его придти въ себя нетерпѣливо дернула его за рукавъ сюртука.

— Это сказка, хозяинъ? спросила она.

Онъ отвѣтилъ не глядя на нее. Его бессмысленные глаза были все еще устремлены въ пространство.

— Да, это сказка, сказалъ онъ разсѣянно. — Но для чего Кунигунда? Для чего Даморида? Не лучше ли просто госпожа и служанка? Такъ легче запомнить.

Онъ попробовалъ приподняться и содрогнулся. Минуту спустя онъ какъ будто овладѣлъ собою.

— Что сказала госпожа служанкѣ? пробормоталъ онъ. — Что? что? что? Онъ остановился опять. Потомъ какъ будто вдругъ сообразилъ что-то. Пришла ли ему новая мысль, или онъ вспомнилъ что-нибудь забытое? Онъ вернулся къ своему разказу и прибавилъ внезапно и постепенно слѣдующія загадочныя слова:

— Письмо, сказала служанка. — Письмо! О, мое сердце! Каждое слово мечъ. Мечъ въ мое сердце. О, это письмо! Ужасное, ужасное, ужасное письмо!

О чемъ онъ говорилъ? Какъ понять эти слова?

Не припоминалъ ли онъ безсознательно что-нибудь что дѣйствительно случилось нѣкогда въ Гленинкѣ? При уладкѣ всѣхъ его другихъ способностей не должна ли была память измѣнить ему послѣ всего? Не пробивалась ли истина, ужасная истина сквозь мракъ надвигавшагося безумія? Я едва дышала отъ волненія, отъ какого-то безотчетнаго ужаса овладѣвшаго всѣмъ моимъ существомъ.

Веніаминъ бросилъ на меня предостерегающій взглядъ. Аріэль сидѣла спокойная и довольная.

— Продолжайте, хозяинъ, сказала она. — Мнѣ нравится сказка. Продолжайте.

Онъ продолжалъ какъ человѣкъ говорящій во снѣ:

— Служанка сказала госпожѣ. Нѣтъ, госпожа сказала служанкѣ: — Покажите ему письмо. Вы должны, вы должны показать письмо. Служанка отвѣчала: — Нѣтъ, не должна, не покажу. Вздоръ! Пустяки! Пусть страдаетъ. Мы можемъ выручить его. Показать? Нѣтъ. Пусть случится худшее. Тогда покажите. Госпожа сказала..... Онъ остановился и быстро

замахалъ руками какъ будто стараясь отогнать какой-то воображаемый туманъ.—Которая говорила послѣдняя? спросилъ онъ.—Госпожа или служанка? Госпожа? Нѣтъ. Служанка, конечно. Служанка говоритъ громко, рѣшительно: — Негодяи! прочь отъ этого стола. Въ этомъ столѣ дневникъ. Нумеръ девятый. Кальдершо, спросить Данди. Вы не увидите дневника. Я шепну вамъ по секрету: дневникъ приведетъ его на вистълиду. Я не хочу чтобъ онъ былъ повѣшенъ. Какъ смѣете вы трогать мое кресло? Мое кресло это я. Какъ смѣете вы налагать руки на меня?

Послѣднія слова были для меня проблескомъ свѣта. Я читала ихъ въ отчетѣ, въ показаніи чиновника шерифа. Эти самыя слова были сказаны Декстеромъ въ то время когда онъ старался спасти бумаги моего мужа и когда слѣдователи вытолкнули его кресло изъ комнаты. Теперь не было сомнѣнія что память его была занята прошлыми событіями въ Гленникѣ.

Арцель поощрила его опять. Она была безпощадна къ нему. Она опять потребовала продолженія сказки.

— Зачѣмъ вы останавливаетесь, хозяинъ? Продолжайте. Разкажите намъ что сказала госпожа служанкѣ.

Онъ тихо засмѣялся.

— Что сказала госпожа служанкѣ, передразнилъ онъ ее. Затѣмъ онъ принялъ опять серьезный видъ и продолжалъ свой разказъ говоря все быстрее и быстрее, все безсвязнѣе и безсвязнѣе. — Госпожа сказала служанкѣ: Мы выручили его. Какъ быть съ письмомъ? Сжечь его? Въ каминѣ нѣтъ огня. Въ коробкѣ нѣтъ спичекъ. Весь домъ вверхъ дномъ. Слуги разбѣжались. Разорвать его. Бросить въ корзину съ другимъ соромъ. Непужная бумага. Выбросить вонъ. Пропало навсегда. О, Сара, Сара, Сара! Пропало навсегда!

Арцель захопала въ ладоши и въ свою очередь передразнила его.

— О, Сара, Сара, Сара, повторила она.—Пропало навсегда! Славно, хозяинъ. Теперь скажите намъ кто была Сара.

Губы его шевелились, но голосъ былъ такъ тихъ что едва можно было разобрать слова. Онъ началъ опять прежнимъ меланхолическимъ тономъ.

— Служанка сказала госпожѣ. Нѣтъ, госпожа сказала служанкѣ.... Онъ внезапно смолкъ, выпрямился въ креслѣ, поднялъ руки и разразился страшнымъ визгливымъ хохотомъ.—

Ха, ха, ха! Какъ смѣшно! Почему вы не смѣтаетесь? Смѣшно, смѣшно, смѣшно! Ха, ха, ха!

Онъ откинулся на спинку кресла. Рѣзкій хохотъ его перешелъ въ тихое всхлипливаніе. Затѣмъ онъ поднималъ лицо къ потолку. Глаза были мутны, губы были раздвинуты безсмысленною улыбкой. Немезида наконецъ! Предсказанная ему участь постигла его. Для него настала ночь.

Когда прошло первое потрясеніе, единственнымъ чувствомъ одушевлявшимъ меня была безграничная жалость къ этому несчастному человѣку. Даже его страшный видъ только усиливалъ это чувство. Я вскочила. Не видя ничего, не думая ни о чемъ кромѣ несчастнаго существа въ креслѣ, я бросилась къ нему чтобы приподнять его, чтобы оживить его, чтобы заставить его придти въ себя если это было еще возможно. Но при первомъ же шагѣ я почувствовала что кто-то крѣпко схватилъ меня за руку и потащилъ назадъ.

— Развѣ вы ослѣпли? воскликнулъ Веніаминъ. — Глядите!

Онъ указалъ и я взглянула.

Аріэль опередила меня. Она приподняла своего хозяина и поддерживала его одною рукой. Въ другой она держала индійскую дубину которую взяла изъ коллекціи восточнаго оружія украшавшаго стѣну надъ каминомъ. Аріэль преобразилась. Глаза ея сверкали какъ глаза дикаго животнаго, она скрежетала зубами.

— Это ваше дѣло! крикнула она маѣ, свирѣпо размахивая дубиной. — Если вы подойдете къ нему, я разможжу вамъ голову. Я буду бить васъ пока не переломаю вамъ всѣ кости!

Веніаминъ, держа меня одною рукой, другой отворилъ дверь. Я не сопротивлялась. Я не могла оторвать глазъ отъ Аріэль, я смотрѣла на нее какъ очарованная. Ярость ея утихла когда она увидала что мы уходимъ.

Она бросила дубину, обняла своего хозяина обѣими руками, прижалась головой къ его груди и зарыдала.

— Хозяинъ! хозяинъ! воскликнула она. — Они не будутъ больше дразнить васъ. Взгляните на меня. Посмѣйтесь надо мною. Скажите опять: Аріэль, ты глупа. Сдѣлайтесь опять самимъ собою.

Веніаминъ увлекъ меня въ сосѣднюю комнату. Аріэль продолжала плакать надъ несчастнымъ существомъ которое она

любила съ преданностью собаки, съ самоотверженіемъ женщины. Тяжелая дверь между нами затворилась. Растроганная до глубины души, безпомощная и бесполезная, я прижалась къ моему старому другу и тоже заплакала.

Веніаминъ повернулъ ключъ въ замкъ.

— Нечего плакать, сказалъ онъ. — Было бы лучше еслибы вы поблагодарили Бога что выбрались благополучно изъ той комнаты.

Онъ вынулъ ключъ изъ замка и свелъ меня внизъ, въ прихожую. Подумавъ немного онъ отворилъ выходную дверь. Садовникъ все еще работалъ въ саду.

— Вашъ хозяинъ заболѣлъ, сказалъ ему Веніаминъ, — а женщина которая ходитъ за нимъ сошла съ ума, если у нея когда-нибудь былъ умъ. Гдѣ живетъ ближайшій докторъ?

При этомъ извѣстіи садовникъ обнаружилъ такую же искреннюю преданность своему господину какъ и женщина наверху. Онъ съ проклятіемъ выбросилъ изъ рукъ лопату.

— Хозяинъ заболѣлъ? повторилъ онъ. — Я самъ схожу за докторомъ. Я найду его скорѣе васъ.

— Скажите доктору чтобъ онъ взялъ съ собою какого-нибудь мужчину, прибавилъ Веніаминъ. — Ему можетъ понадобится помощь.

Садовникъ оглянулся сурово.

— Развѣ я не могу помочь? сказалъ онъ. — Это мое дѣло и я не уступлю его никому.

Я вернулась въ прихожую и сѣла на стулъ, стараясь успокоиться. Веніаминъ началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. — И этотъ и та оба любятъ его, прошепталъ онъ задумчиво. — Полу-обезьяна, полу-человѣкъ, а они любятъ его. Это непостоянно для меня.

Садовникъ привелъ доктора, спокойнаго, смуглаго, рѣшительнаго человѣка. Веніаминъ вышелъ имъ на встрѣчу.

— Я заперъ его, сказалъ онъ. — Вотъ ключъ. Не пойти ли мнѣ съ вами?

Докторъ, не отвѣтивъ, отвелъ его въ уголокъ прихожей. Они заговорили шепотомъ. Затѣмъ докторъ сказалъ:

— Дайте мнѣ ключъ! Вы не можете принести никакой пользы, вы только раздражите ее.

Сказавъ это, онъ сѣлалъ знакъ садовнику и направился къ лѣстницѣ. Я рѣшилась остановить его.

— Могу я остаться здѣсь, сэръ? спросила я.—Мнѣ очень хотѣлось бы знать чѣмъ это кончится.

Докторъ поглядѣлъ на меня.

— Вамъ лучше отправиться домой, сударыня, сказалъ онъ.—Знаетъ садовникъ вашъ адресъ?

— Знаетъ, сэръ.

— Я дамъ вамъ знать чрезъ садовника чѣмъ это кончится. Послѣдуйте моему совѣту, отправляйтесь домой.

Веніаминъ взялъ меня подъ руку. Докторъ и садовникъ пошли на верхъ.

— Мы не послушаемся доктора, прошептала я.— Мы подождемъ въ саду.

Веніаминъ не хотѣлъ и слышать о томъ чтобы поступить вопреки совѣту доктора.—Нѣтъ, я увезу васъ домой, объявилъ онъ рѣшительно. Я взглянула на него съ удивленіемъ. Мой старый другъ, всегда кроткій и уступчивый, выказалъ теперь настойчивость и силу воли которыхъ я не подозрѣвала въ немъ. Онъ вывелъ меня въ садъ. Нашъ извозчикъ ждалъ насъ у калитки.

На пути домой Веніаминъ вынулъ изъ кармана свою записную книжку.

— Что сдѣлать, другъ мой, съ челухой которую я написалъ здѣсь? спросилъ онъ.

— Неужели вы записали все? спросила я съ удивленіемъ.

— Когда я берусь за какое-нибудь дѣло я исполняю его, отвѣчалъ онъ.—Вы не давали мнѣ знака чтобы я кончилъ и я записалъ все слово въ слово. Что сдѣлать теперь съ этими записками? Выбросить ихъ въ окно кареты?

— Отдайте ихъ мнѣ.

— Что вы сдѣлаете съ ними?

— Я еще сама не знаю. Я посоветуюсь съ мистеромъ Плейморомъ.

ГЛАВА XLI.

Мистеръ Плейморъ съ новой стороны.

Какъ ни была я утомлена, но я въ тотъ же вечеръ написала мистеру Плеймору, увѣдомляя его обо всемъ случившемся и прося у него наискорѣйшей помощи и совѣта.

Записки Веніамина были большею частью написаны стенографически и въ такомъ видѣ были конечно бесполезны для

меня. По моей просьбѣ онъ переписалъ ихъ въ двухъ экземплярахъ. Одну изъ копій я вложила въ мое письмо къ мистеру Плеймору, другую унесла съ собой въ свою спальню.

Въ долгіе часы безсонной ночи я читала и перечитывала послѣднія слова Декстера стараясь найти въ нихъ какой-нибудь полезный для меня смыслъ. Напрасная надежда. Сколько я ни думала, эти странныя слова не поддавались никакому объясненію и я наконецъ сдѣлала то что могла бы сдѣлать безъ ущерба для своихъ интересовъ въ самомъ началѣ, я въ отчаяніи бросила бумагу. Чѣмъ увѣнчались всѣ мои свѣтлыя надежды на успѣхъ? Полнѣйшимъ разочарованіемъ. Я слишкомъ хорошо помнила всѣ подробности моего послѣдняго свиданія съ Декстеромъ чтобы не имѣть надежды на его выздоровленіе. Я помнила также и заключительныя слова докторскаго отчета прочтеннаго мной у мистера Плеймора. Когда это случится, писалъ докторъ, „друзья его не должны будутъ питать надежды на его выздоровленіе. Равновѣсіе разъ утраченное будетъ утрачено навсегда“.

Подтвержденіе этого ужаснаго приговора не замедлило дойти до меня. На слѣдующее утро садовникъ Декстера принесъ мнѣ увѣдомленіе обѣщанное наканунѣ докторомъ.

Мизерримусъ Декстеръ и Аріэль были все въ той же комнатѣ въ которой мы оставили ихъ. Въ ожиданіи распоряженій ближайшаго родственника Декстера (его младшаго брата), жившаго въ провинціи и увѣдомленнаго о случившемся телеграммой, больной находился подъ присмотромъ опытныхъ служителей. Удалить Аріэль отъ ея хозяина безъ насильственныхъ мѣръ употребляемыхъ съ безумными больными оказалось невозможнымъ. Докторъ и садовникъ, оба необычайно сильные люди, не могли удержать ее когда хотѣли помѣшать ей войти въ комнату. Но лишь только они уступили ей, ея ярость тотчасъ же утихла. Пока ей не мѣшали сидѣть у ногъ ея господина и смотрѣть на него, она была совершенно спокойна и довольна.

Какъ ни было это печально, но отчетъ о положеніи Декстера былъ еще печальнѣе.

„Мой пациентъ находится въ состояніи полнѣйшаго идиотизма“, писалъ мнѣ докторъ, а простой разказъ садовника вполне подтвердилъ эти слова. Декстеръ былъ вполне равнодушенъ къ доказательствамъ преданности бѣдной Аріэль, онъ повидимому даже не замѣчалъ ея присутствія. Онъ сидѣлъ

по цѣлымъ часамъ въ состояніи полнѣйшей летаргіи и оживлялся только когда ему приносили пищу. Онъ ѣлъ и пилъ съ звѣрскою жадностью.

— Сегодня утромъ, сказалъ мнѣ преданный садовникъ, — намъ показалось что онъ оживился немного. Онъ началъ озираться и дѣлалъ руками какіе-то странные знаки. Я не могъ понять его, докторъ тоже, но она, бѣдная, она поняла. Она принесла ему его арфу и вложила ее ему въ руки. Однако толку было мало. Онъ не могъ играть. Онъ только щипалъ струны, смѣялся и бормоталъ что-то про себя. Нѣтъ, онъ не поправится никогда, это ясно для всякаго. Кушаетъ съ удовольствіемъ, какъ я уже сказалъ вамъ, но и только. Всего лучше было бы еслибы Господь прибралъ его. Это все что я могу сказать вамъ. Прощайте, сударыня.

Онъ ушелъ со слезами на глазахъ. Я тоже была тронута до слезъ.

Часъ спустя пришло извѣстіе ободрившее меня. Я получила телеграмму отъ мистера Плеймора заключающуюся въ нижеслѣдующихъ радостныхъ для меня словахъ: „Принужденъ ѣхать въ Лондонъ сегодня вечеромъ. Ждите меня завтра къ завтраку“.

На слѣдующее утро мистеръ Плейморъ былъ у насъ. Онъ ободрилъ меня съ первыхъ же словъ. Къ моему невыразимому удивленію и облегченію онъ вовсе не раздѣлялъ моего безнадежнаго взгляда на мое положеніе.

— Я не отвергаю, сказалъ онъ, — что на вашемъ пути есть серіозныя препятствія, но я не пріѣхалъ бы къ вамъ не успѣвъ еще сдѣлать главнаго дѣла для котораго я прибылъ въ Лондонъ, еслибы записки мистера Веніамина не произвели на меня сильнаго впечатлѣнія. По моему мнѣнію вы получили теперь первый шансъ на успѣхъ и я считаю себя теперь въ правѣ предложить вамъ свою помощь. Помраченіе умственныхъ способностей этого несчастнаго заставило его сдѣлать то чего онъ никогда не сдѣлалъ бы въ здоровомъ разсудкѣ, заставило его показать намъ первые драгоцѣнные проблески истины.

— Увѣрены ли вы что въ его словахъ есть проблески истины? спросила я.

— Да, я нашелъ ихъ въ двухъ важныхъ подробностяхъ его разказа, отвѣчалъ мистеръ Плейморъ. — Вы правы полагая что память пережила все его другія умственные спо-

собности. Я полагаю что во всемъ что онъ сказалъ послѣ того какъ заговорилъ о письмѣ безсознательно высказалась его память.

— Но какъ объяснить его слова о письмѣ? спросила я. — Для меня они загадка.

— Также какъ и для меня, отвѣчалъ онъ откровенно. — Главное изъ тѣхъ затрудненій о которыхъ я сейчасъ упомянулъ состоитъ въ разъясненіи значенія этого письма. Оно кажется какимъ-нибудь образомъ покойной мистрисъ Мак-алланъ, иначе Декстеръ не сказалъ бы что оно „мечъ въ его сердце“ и не соединилъ бы ея имя съ разказомъ о томъ какъ письмо было разорвано и брошено. Этотъ выводъ кажется мнѣ весьма правдоподобнымъ, но дальше этого я не иду. Я не имѣю ни малѣйшаго понятія о томъ кѣмъ было написано письмо и что заключалось въ немъ. Если мы рѣшимся попытаться узнать это, мы должны будемъ обратиться съ разспросами за три тысячи миль отсюда, мы должны будемъ послать кого-нибудь въ Америку.

Эти слова конечно чрезвычайно удивили меня. Я съ нетерпѣніемъ ждала узнать почему мы должны обратиться съ разспросами въ Америку.

— Выслушайте что я имѣю сказать вамъ, продолжалъ онъ, — и рѣшите сами стоить ли это дѣло денежныхъ жертвъ которыя потребуются отъ васъ если вы рѣшитесь послать кого-нибудь въ Нью-Йоркъ. Я знаю пригоднаго для этого человѣка, а сумму издержекъ (со включеніемъ телеграммы) я опредѣляю...

— Не говорите объ издержкахъ, воскликнула я возмущенная чисто шотландскою точкой зрѣнія, ставившей на первый планъ мой кошелекъ. — Я не забочусь объ издержкахъ. Разкажите мнѣ что вы открыли.

— Не заботиться объ издержкахъ, повторилъ онъ шуточно: — это чисто по-женски.

Я могла бы сказать: „Онъ заботится прежде всего объ издержкахъ; это чисто по-шотландски.“ Но я была слишкомъ заинтересована чтобъ острить. Я забарабанила нетерпѣливо по столу и воскликнула:

— Говорите, говорите!

Онъ вынулъ свою копію съ записокъ Веніамина и указалъ мнѣ на слѣдующія слова: „Какъ быть съ письмомъ?“

Сжечь его? Въ каминѣ нѣтъ огня. Въ коробкѣ нѣтъ спичекъ. Весь домъ вверхъ дномъ. Слуги разбѣжались.“

— Неужели вы понимаете значеніе этихъ словъ?

— Я припомнилъ прошлое и легко объяснилъ себѣ ихъ значеніе.

— Можете вы объяснить ихъ мнѣ?

— Конечно. Эти загадочныя слова передаютъ вѣрно тѣ которые прошлые факты. Мнѣ стоить только разказать вамъ эти факты и вы будете такъ же проникательны какъ и я. Во время судопроизводства вашъ мужъ удивилъ меня потребовавъ чтобъ я отказалъ немедленно во всемъ слугамъ въ Гленникѣ. Онъ поручилъ мнѣ отдать имъ жалованье за четверть года впередъ, дать имъ наилучшіе аттестаты, вполне ими заслуженные, и потребовать чтобы часть спустя послѣ моего приказанія никого изъ нихъ не было въ домѣ. Побудительною причиною этого страннаго поступка было почти то же самое что руководило его поступками съ вами. „Если я когда-нибудь вернусь въ Гленникъ“, сказалъ онъ мнѣ, „у меня не хватитъ духу взглянуть въ лицо моимъ честнымъ слугамъ послѣ того какъ меня судили по обвиненію въ убійствѣ.“ Что я ни говорилъ ему, ничто не поколебало его рѣшенія. Я отпустилъ слугъ. Часъ спустя послѣ моего приказанія они ушли, оставивъ всю дневную работу неоконченною. Единственными людьми оставшимися въ усадьбѣ были сторожъ, его жена и дочь, жившіе на краю парка. Въ послѣдній день судопроизводства я поручилъ дочери прибрать комнаты. Она была хорошая дѣвушка, но она никогда не служила горничной и ей не могло придти въ голову наложить дровъ въ каминъ, спальныя комнаты и наполнить спичечницы спичками. Слова Декстера описываютъ состояніе его комнаты когда онъ вернулся въ Гленникъ съ подсудимымъ и его матерью. Естественно что не найдя возможности сжечь таинственное письмо, онъ разорвалъ его и бросилъ клочки въ пустой каминъ или въ корзинку съ ненужными бумагами. Во всякомъ случаѣ ему нельзя было долго думать надъ этимъ. Все въ этотъ день дѣлалось поспѣшно. Подсудимый, его мать и съ ними Декстеръ уѣхали въ Англію въ этотъ же вечеръ. Я самъ заперъ домъ и отдалъ ключи сторожу. Условлено было что сторожъ возьметъ на свое попеченіе пріемныя комнаты, а его жена и дочь спальни. Получивъ ваше письмо, я тотчасъ же отправился въ Гленникъ чтобы

разспросить старуху насчетъ спальни вообще и спальни Декстера въ особенности. Старуха припомнила что въ то время когда хозяинъ уѣхалъ и домъ былъ запертъ она легла въ постель отъ боли въ поясницѣ и не выходила изъ сторожки около недѣли если не больше. Все что было сдѣлано въ это время для очистки спальныхъ комнатъ было сдѣлано ея дочерью. Она и только она можетъ сказать куда дѣвался соръ оказавшійся въ комнатѣ Декстера. Теперь въ этой комнатѣ, какъ я убѣдился собственными глазами, нѣтъ ни клочка разорванной бумаги. Гдѣ нашла дѣвушка клочки таинственнаго письма и что она сдѣлала съ ними — вотъ вопросы за разъясненіемъ которыхъ намъ придется обратиться въ Америку, по той простой причинѣ что дочь сторожа годъ тому назадъ вышла замужъ и переселилась съ мужемъ въ Нью-Йоркъ. Я не хочу обольщать васъ обманчивыми надеждами, я не хочу вводить васъ въ рискованныя издержки. Я долженъ напомнить вамъ что если даже дочь сторожа можетъ сказать что она сдѣлала съ соромъ который нашла въ комнатѣ Декстера, мы едва ли можемъ надѣяться найти по истеченіи такого долгаго времени хоть клочокъ таинственнаго письма. Не спѣшите рѣшеніемъ. У меня есть дѣло въ Сити и я хочу дать вамъ цѣлый день на размышленіе.

— Пошлите кого-нибудь въ Нью-Йоркъ съ первымъ же пароходомъ. Вотъ мое рѣшеніе, мистеръ Плейморъ, отвѣчала я.

Онъ покачалъ головой со строгимъ укоромъ. Въ мое первое свиданіе съ нимъ у насъ не было рѣчи о деньгахъ и я знакомилась теперь впервые съ шотландскою стороною характера мистера Плеймора.

— Какъ! возразилъ онъ пораженный и сконфуженный. — Но вѣдь вы не знаете чего это будетъ стоить вамъ. Подождите рѣшать пока я не опредѣлю вамъ сумму издержекъ въ англійскихъ и въ американскихъ деньгахъ.

— Я не могу ждать! Мнѣ нужны новыя открытія.

Онъ не обратилъ вниманія на мое замѣчаніе, онъ продолжалъ непоколебимо свои разчеты.

— Посланный отправится во второмъ классѣ и возьметъ билетъ туда и обратно, говорилъ онъ. — Хорошо. За эту плату онъ будетъ имѣть и столъ. Къ счастью онъ членъ общества трезвости и потому не будетъ тратить ваши деньги на вино. Въ Нью-Йоркѣ онъ отправится въ дешевую пѣмеккую

гостиницу, гдѣ, какъ я знаю изъ достовѣрнаго источника, онъ будетъ имѣть удовлетворительное помѣщеніе и содержаніе за...

Къ этому времени мое терпѣніе истощилось. Я вынула изъ ящика стола мою книжку съ чеками, написала на одномъ изъ нихъ мое имя и подала его мистеру Плеймору.

— Напишите тутъ нужную сумму, сказала я,—и ради всего святаго вернемся къ запискамъ Веніамина.

Мистеръ Плейморъ откинулся на спинку кресла и поднимая руки и глаза къ потолку. Это торжественное обращеніе къ невидимымъ силамъ ариметики и денегъ не произвело на меня никакого впечатлѣнія. Я настойчиво потребовала новыхъ объясненій.

— Скажите мнѣ, продолжала я взявъ записки Веніамина,—что значать вотъ эти слова Декстера: „номеръ девятый, Кальдершо, спросить Данди. Вы не увидите дневника. Я шепну вамъ по секрету: дневникъ приведетъ его на вистлищу.“ Какъ могъ узнать Декстеръ содержаніе дневника моего мужа? И что значить „номеръ девятый, Кальдершо, спросить Данди?“ Опять факты?

— Опять факты, отвѣчалъ мистеръ Плейморъ,—перепутанные факты, но все же факты. Кальдершо это одинъ изъ самыхъ подозрительныхъ кварталовъ въ Единбургѣ. Одинъ изъ моихъ клерковъ (исполняющій обыкновенно мои конфиденціальныя порученія) взялся узнать что за человѣкъ Данди, въ номерѣ девятомъ. Дѣло было щекотливое и трудное и мой клеркъ хорошо сдѣлалъ взявъ съ собою человѣка извѣстнаго въ Кальдершо. Номеръ девятый оказался лавчонкой стараго желѣза и тряпья. Кромѣ того Данди, какъ ходятъ слухи, промышляетъ укрывательствомъ краденыхъ вещей. Благодаря влиянію его спутника и банковаго билета (который будетъ причтенъ къ суммѣ американскихъ издержекъ) моему клерку удалось выпытать кое-что у Данди. Я передамъ вамъ сущность его разказа не обременяя васъ излишними подробностями. Недѣли за двѣ до смерти покойной мистрисъ Макалланъ Данди сдѣлалъ два ключа по образцу двухъ восковыхъ слѣпковъ присланныхъ ему какимъ-то неизвѣстнымъ заказчикомъ. Таинственность соблюдаемая агентомъ этого заказчика возбудила подозрительность Данди; и прежде чѣмъ отдать ключи онъ прослѣдилъ этого человѣка и узналъ что ключи были заказаны Мизер-

римусомъ Декстеромъ. Подождите, я еще не кончилъ. Прибавьте къ этому открытію знакомство Декстера съ содержаніемъ дневника вашего мужа и вы придете къ заключенію что восковые слѣпки присланные Данди были слѣпками съ ключей отъ дневника и отъ стола гдѣ лежала книга. Я имѣю свои подозрѣнія насчетъ открытій которыя ожидаютъ насъ если мы поведемъ это дѣло какъ слѣдуетъ, но теперь не время говорить объ этомъ. Я повторяю вамъ опять что Декстеръ виновенъ такъ или иначе въ смерти покойной мистрисъ Макалланъ и мнѣ кажется что вы теперь на прямомъ пути къ открытію въ чемъ состоитъ его вина. Мало этого, я скажу теперь же чего не рѣшался сказать прежде. Я считаю долгомъ относительно правосудія и относительно вашего мужа сдѣлать все возможное чтобъ открыть истину. Что же касается предстоящихъ затрудненій, мнѣ кажется что вы не должны смущаться ими. Величайшія затрудненія преодолеваются когда къ нимъ приступаютъ съ соединенными силами терпѣнія, рѣшимости и экономіи.

Мой достойный совѣтникъ сдѣлалъ сильное удареніе на послѣднемъ словѣ и помня о ходѣ времени и объ ожидавшихъ его дѣлахъ, всталъ чтобы проститься со мной.

— Еще одно слово, сказала я когда онъ протянулъ мнѣ руку.— Не успѣете ли вы побывать у Мизерримуса Декстера? Судя по тому что я слышала отъ садовника, его братъ теперь уже пріѣхалъ. Мнѣ было бы пріятно получить послѣднія извѣстія о Декстерѣ и получить ихъ отъ васъ.

— Посѣщеніе Декстера входило въ планъ моей поѣздки въ Лондонъ, отвѣчалъ мистеръ Плейморъ.— Не подумайте что я имѣю надежду на его выздоровленіе. Я хочу только удостовѣриться можетъ ли и хочетъ ли братъ его взять его на свое попеченіе. Для насъ съ вами, мистрисъ Макалланъ, онъ уже сказалъ свои послѣднія слова, намъ нечего больше ожидать отъ него.

Мистеръ Плейморъ отворилъ дверь, остановился, подумалъ и вернулся ко мнѣ.

— Что касается послылки агента въ Америку, сказалъ онъ,— я намѣреваюсь имѣть честь представить вамъ краткую смѣту....

— О, мистеръ Плейморъ!

— Краткую письменную смѣту расходовъ сопряженныхъ съ этимъ предпріятіемъ. Вы будете такъ добры что посмо-

трите ее внимательно и если найдете возможнымъ сократить расходы, то сдѣлайте на ней свои замѣчанія. Затѣмъ, если смѣта будетъ одобрена вами, вы потрудитесь написать на нашемъ чекѣ нужную сумму словами и цифрами. Нѣтъ, сударыня, моя совѣсть не позволяетъ мнѣ носить съ собой такой опасный документъ какъ пустой чекъ. Этотъ небольшой клочокъ бумаги есть нарушеніе основныхъ правилъ осторожности и экономіи и прямое противорѣчіе принципамъ руководившимъ мною всю жизнь. Я не могу поступить вопреки моимъ принципамъ. Прощайте, мистрисъ Макалланъ, прощайте.

Она положила мой чекъ на столъ съ низкимъ поклономъ и вышелъ изъ комнаты. Можно ли удивляться послѣ этого что Шотландцы такъ преуспѣваютъ въ жизни?

ГЛАВА XLII.

Новые сюрпризы.

Въ тотъ же день вечеромъ клеркъ мистера Плеймора доставилъ мнѣ смѣту.

Это былъ въ высшей степени характеристическій документъ. Издержки нашего агента были разочтены съ добросовѣстною аккуратностью не только до шиллинговъ, но даже до пенсовъ, инструкціи данныя ему на этотъ счетъ были такъ подробны и мелочны что его жизнь въ Америкѣ должна была быть мученіемъ для него. Изъ сожалѣнія къ нему я рѣшилась увеличить немного сумму назначенную мистеромъ Плейморомъ. Напрасная попытка. Мнѣ слѣдовало лучше знать человѣка съ которымъ я имѣла дѣло. Къ слѣдующему письму (увѣдомившему меня что нашъ посланный отправился въ путь) мистеръ Плейморъ приложилъ формальную росписку въ полученіи денегъ и весь излишекъ до послѣдняго фартинга.

Къ смѣтѣ было прибавлено нѣсколько слѣдующихъ строкъ въ которыхъ мистеръ Плейморъ разказалъ мнѣ о своемъ посѣщеніи Мизерримуса Декстера.

Въ больномъ не было никакой перемѣны ни къ лучшему, ни къ худшему. Братъ мистера Декстера пріѣхалъ и привезъ съ собой доктора спеціалиста душевныхъ болѣзней.

Докторъ отказался высказать какое-нибудь положительное мнѣніе о сумашествіи своего новаго кліента безъ тщательнаго и продолжительнаго изученія всѣхъ симптомовъ болѣзни. Вслѣдствіе этого рѣшено было перевезти Мизерримуса Декстера въ пріютъ для умалишенныхъ содержимый этимъ докторомъ. Единственное затрудненіе которое еще предстояло устранить касалось дальнѣйшей участи бѣдной Аріэль, этого преданнаго созданія не отходившаго отъ своего господина ни днемъ, ни ночью съ тѣхъ поръ какъ случилась катастрофа. Нельзя было, конечно, ожидать что докторъ приметъ ее въ свой пріютъ бесплатно, а братъ Декстера „сознавался съ сожалѣніемъ что средства его не позволяли ему платить за нее“. Насильственное удаленіе отъ единственнаго существа которое она любила и заключеніе въ сумашедшемъ домѣ—такова была перспектива ожидавшая ее, если никто не приметъ въ ней участія.

Къ виду этихъ печальныхъ обстоятельствъ великодушный мистеръ Плейморъ, подчинивъ правила экономіи требованіямъ человеколюбія, предложилъ устроить частную подписку и самъ украсилъ подписной листъ щедрымъ пожертвованіемъ.

Всѣ написанныя мною страницы написаны напрасно если мнѣ необходимо теперь прибавлять что прочитавъ письмо мистера Плеймора я тотчасъ же написала брату Декстера предлагая, въ ожиданіи результатовъ подписки, взять на себя содержаніе Аріэль, съ тѣмъ условіемъ чтобъ она сопровождала своего господина когда его повезутъ въ домъ умалишенныхъ. Мое предложеніе и условіе были охотно приняты. Но когда я попросила чтобъ Аріэль и впредь было позволено ухаживать за ея господиномъ какъ она ухаживала за нимъ до сихъ поръ, мнѣ было отказано. Правила заведенія воспрещали это, всеобщій опытъ воспрещалъ это и такъ далѣе, и такъ далѣе. Однако съ помощью настойчивости и убѣжденій мнѣ удалось добиться значительной уступки. Аріэль позволено было проводить извѣстные часы дня и съ извѣстными условіями въ комнатѣ ея хозяина и сопровождать его во время его прогулокъ въ креслѣ по саду. Къ чести человечества я должна прибавить что мое обязательство не ввело меня въ большія издержки. Нашъ подписной листъ, порученный Веніамину, приносилъ блестящіе результаты. Не только друзья его, но люди совершенно посторонніе, выслу-

павъ печальную повѣсть Аріэли, охотно открывали свои кошельки.

На другой день послѣ свиданія съ мистеромъ Плейморомъ я получила письмо отъ моей свекрови изъ Испаніи. Описать что я почувствовала когда сломала печать и прочла первыя строки рѣшительно невозможно. Пусть на этотъ разъ вмѣсто меня говоритъ мистрисъ Макалландъ.

Она писала:

„Приготовьтесь, моя милая Валерія, къ пріятнѣйшему сюрпризу. Евстаѣій оправдалъ мое довѣріе къ нему. Возвратясь въ Англію онъ возвратится, если вы позволите, къ своей женѣ.

„Слѣшу увѣрить васъ что это рѣшеніе не было слѣдствіемъ моего вліянія. Оно внушено вашему мужу его благодарностью и его любовью къ вамъ. Первыя слова которыя онъ сказалъ мнѣ когда пришелъ въ себя были слѣдующія: если я вернусь въ Англію и отправлюсь къ Валеріи, какъ вы думаете, проститъ она меня? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть данъ только вами, моя милая. Если вы любите насъ, отвѣчайте съ первою почтой.

„Передавъ вамъ что онъ сказалъ когда узналъ отъ меня что вы ухаживали за нимъ во время его болѣзни (если вамъ покажется что онъ сказалъ слишкомъ мало, вспомните что онъ еще такъ слабъ что едва можетъ говорить), я умышленно откладываю продолженіе моего письма на нѣсколько дней. Я хочу дать ему подумать, и если время произведетъ перемѣну въ его рѣшеніи, я скажу вамъ это прямо.

„Прошло три дня и перемѣны нѣтъ. Онъ одушевленъ теперь только однимъ чувствомъ — нетерпѣніемъ увидать поскорѣе жену.

„Но есть еще нѣчто что я должна сказать вамъ.

„Какъ ни сильно измѣнило его время и страданіе, но обращеніе съ которымъ онъ смотритъ на ваше намѣреніе изслѣдовать снова обстоятельства сопровождавшія ужасную смерть его первой жены осталось неизмѣннымъ. Ему нѣтъ дѣла до того что вами руководитъ единственное желаніе послужить его интересамъ. „Отказалась ли она отъ этого намѣренія? Вполнѣ ли вы увѣрены что она отказалась отъ этого намѣренія?“ Вотъ вопросы которые онъ продолжаетъ мнѣ безпрестанно. Я отвѣчаю ему такъ чтобъ успокоить его. Я говорю: улокойся на этотъ счетъ. Валерія волей или

неволей должна отказаться отъ своего намѣренія. Она встрѣтила препятствія оказавшіяся непреодолимыми, она принуждена уступить.

„Таково, если вы помните, было дѣйствительно мое мнѣніе когда мы говорили съ вами въ первый разъ о вашихъ планахъ и съ тѣхъ поръ я не слыхала отъ васъ ничего такого что могло бы заставить меня думать иначе. Если я права (и дай Богъ чтобъ я была права), вамъ стоить только сказать это въ вашемъ письмѣ и все пойдетъ хорошо. Въ противномъ случаѣ, то-есть если вы все еще не отказались отъ своихъ безнадежныхъ плановъ, приготовьтесь къ послѣдствіямъ вашего упрямства. Если вы пойдете въ этомъ дѣлѣ вопреки предубѣжденіямъ Евстаѳіа, вы лишите себя его благодарности, его раскаянія, его любви и по моему мнѣнію никогда не увидите его опять.

„Я выражаюсь сильно, моя милая, но я дѣлаю это для вашей же пользы. Когда напишите мнѣ, напишите нѣсколько строкъ и къ Евстаѳію.

„Что касается дня нашего отъѣзда, я еще не могу назначить его. Евстаѳій поправляется очень медленно, докторъ еще не позволяетъ ему вставать съ постели. Когда же мы наконецъ пустимся въ путь, мы должны будемъ ѣхать не спѣша, такъ что пройдетъ по крайней мѣрѣ шесть недѣль прежде чѣмъ мы увидимъ милую старую Англію.

„Любящая васъ

„Катерина Макаланъ.“

Я спрятала письмо и попробовала успокоиться и овладѣть собою. Чтобы понять вполнѣ мое положеніе необходимо вспомнить одно обстоятельство. Человѣкъ которому поручено было навести справки о таинственномъ письмѣ переплывалъ въ это время Атлантическій океанъ на пути въ Нью-Йоркъ.

Какъ должна я была поступить?

Я колебалась. Какъ ни предосудительно покажется это нѣкоторымъ людямъ, но я сознаю что я колебалась. Спѣшить рѣшеніемъ не было надобности. Предо мной былъ еще цѣлый день.

Я вышла на одинокую прогулку и обдумала все это дѣло. Я вернулась домой, сѣла у камина и снова обдумала все это дѣло. Оскорбить и отвергнуть моего милаго

когда онъ возвращался ко мнѣ добровольно и съ раскаяніемъ — этого не сдѣлала бы ни одна женщина въ моемъ положеніи и съ моими чувствами къ нему. Съ другой стороны, могла ли я отказаться отъ моего великаго предпріятія когда даже благоразумный, осторожный мистеръ Шлейморъ возымѣлъ такую надежду на успѣхъ что рѣшился предложить мнѣ свою помощь. На которую изъ этихъ двухъ жертвъ должна я была рѣшиться? Вспомните о собственныхъ слабостяхъ и будьте снисходительны ко мнѣ. Я не рѣшилась ни на ту, ни на другую. Два врага челоѣчества, лицемеріе и обманъ, взяли меня ласково за руку и прошептали мнѣ самымъ убѣдительнымъ тономъ: „не принимай на себя никакого обязательства. Отвѣчай настолько откровенно чтобы только успокоить свекровь и мужа. Предъ тобой еще много времени. Подожди. Можетъ-быть время окажетъ тебѣ услугу и выведетъ тебя изъ затрудненія.“

Коварный совѣтъ, однако я приняла его, я воспитанная такъ что мнѣ слѣдовало бы сумѣть отвергнуть его. Вы, читающіе эти строки, вы конечно отвергнули бы его. Вы не причислены въ молитвенникъ къ категоріи жалкихъ грѣшниковъ.

Что дѣлать! Я буду хоть настолько добродѣтельна чтобы сознаваться въ своихъ проступкахъ. Въ письмѣ къ свекрови я написала что Мизерримусъ Декстеръ отправленъ въ домъ умалишенныхъ и предоставила ей вывести изъ этого факта какое угодно заключеніе. Мужу я также сказала только половину правды. Я сказала что прощаю его всеѣмъ сердцемъ и что если онъ вернется ко мнѣ, то я приму его съ открытыми объятіями, и это была истинная правда. Что же касается остальнаго, я могу сказать вмѣстѣ съ Гамлетомъ: „остальное молчаніе“.

Отправивъ мои недостойныя письма я впала въ тревожное, тоскливое расположеніе духа и почувствовала необходимость въ перемѣнѣ образа жизни. Извѣстія изъ Нью-Йорка нельзя было ждать раньше какъ черезъ восемь или девять дней. Я простилась на время съ моимъ милымъ, несравненнымъ Веніаминомъ и отправилась на сѣверъ, къ моему дядѣ Старк-уэзеру. Поѣздка въ Испанію къ больному мужу помирала меня съ моими почтенными родственниками: мы обмѣнялись дружескими письмами и я общала пріѣхать погостить къ нимъ лишь только найду возможнымъ покинуть Лондонъ.

Время проведенное мной въ моемъ прежнемъ домѣ было спокойнымъ и сравнительно счастливымъ временемъ. Я любила опять на берегу рѣки гдѣ встрѣтилась впервые съ Евстаѣемъ, побывала на лугу и въ разсадникахъ гдѣ мы сходились тайно чтобы поговорить о нашихъ непріятностяхъ и такъ часто забывали ихъ въ поцѣлуѣ. Какъ жалка была наша жизнь съ тѣхъ поръ! И какъ еще сомнительно было будущее!

Обстановка среди которой я жила теперь произвела успокоительное дѣйствіе на мое сердце, облагораживающее дѣйствіе на мой умъ. Я начала упрекать себя, горько упрекать себя что мое письмо къ мужу было не вполне откровенно. Почему я колебалась пожертвовать ему моими надеждами и интересами? Онъ, бѣдный, не колебался, его первую мыслью была мысль о женѣ.

Спустя двѣ недѣли послѣ моего пріѣзда въ домъ дяди я получила отъ мистера Плеймора извѣстіе невыразимо огорчившее и разочаровавшее меня. Нашъ посланный увѣдомлялъ насъ телеграммой что дочь сторожа и ея мужъ уѣхали изъ Нью Йорка и что ему не удалось еще узнать куда они переселились.

Нечего было дѣлать. Оставалось только вооружиться терпѣніемъ и ждать лучшаго извѣстія. По совѣту мистера Плеймора я осталась на сѣверѣ чтобъ быть вблизи отъ него на случай если мнѣ понадобится посоветоваться съ нимъ лично. Прошло еще три недѣли тяжелаго ожиданія прежде чѣмъ я получила новое письмо отъ него. На этотъ разъ нельзя было сказать хорошо или дурно было извѣстіе, но хорошее или дурное, оно было въ высшей степени неожиданное. Даже мистеръ Плейморъ былъ пораженъ. Вотъ загадочная телеграмма (столь краткая вслѣдствіе экономическихъ расчетовъ, конечно) которую прислалъ намъ нашъ агентъ изъ Америки:

„Раскопайте сорную кучу въ Гленникъ.“

(Окончаніе въ слѣд. №)

ТАИТИ

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

I.

Съ шумомъ, какъ бы звеня въ прозрачномъ воздухѣ, рвался выпускаемый изъ машины блестящей бѣлизны паръ, въ контрастъ дыму черными клубами валившему изъ трубы нашего парохода. Подымаясь почти вертикально, дымъ терялъ постепенно ясные очерки своихъ громадныхъ клубившихся колецъ, рѣдѣлъ, и стался грязновато-желтымъ облакомъ, относимый легкимъ дуновеніемъ начинавшагося морского бриза. Мы уходили изъ Гополулу.

Все народонаселеніе корвета находилось на палубѣ, и мы ожидали только возвращенія съ берега ревизора, ловившаго покончить счеты съ консулами, чтобы дать ходъ машинамъ.

На ютѣ, * потихоньку, точно гуляя, заложа руки за спину, ходилъ старшій штурманъ, рядомъ съ суетившимся лоцманомъ-Янки. Послѣдній выходилъ изъ себя силась словомъ и жестомъ заставить перваго понимать то что онъ ему объяснялъ, но несмотря на все краснорѣчіе своихъ словъ и энер-

---

* Ютъ—часть верхней палубы.

гію махавшихъ, какъ крылья мельницы, рукъ, получалъ въ отвѣтъ неизмѣнное „уез“, произносившееся именно съ тою важностью которая подобала человѣку извѣстнаго вѣса и значенія не желавшему при подчиненныхъ выказать своего незнанія.

На мостикѣ * было три дѣятеля. Первый по старшинству, капитанъ, ходилъ торопливо взадъ и впередъ, потирая себѣ лѣвую ладонь пальцами правой руки, и цѣдя сквозь зубы при каждомъ поворотѣ, совершаемомъ быстро на одномъ каблукѣ: „это чортъ знаетъ что“.

Надо сказать что эти три дѣйствія, т.-е. хожденіе, потирание ладони и повороты, были у капитана въ неразрывной связи съ внутреннимъ его настроеніемъ и служили намъ вѣрнѣйшимъ барометрическимъ указаніемъ расположенія его духа. Въ настоящую минуту торопливость его шаговъ, быстрота поворотовъ и усиленное натирание ладони указывали что барометръ стоялъ почти на грозѣ и это благодаря запоздавшему ревизору, человѣку никогда и ни въ чемъ не торопившемуся.

Вторая личность былъ вахтенный начальникъ. Суетливость его распоряженій выражалась то фугой спуска по трапу, ** причемъ шумъ сапоговъ его о ступеньки походилъ на дробь барабана, то поспѣшностью съ какой онъ взлеталъ на мостикъ и давалъ право предполагать что его кто-либо подгоняетъ. Въ контрастъ безлокоившимся начальникамъ, забившись въ уголъ и съ подзорною трубой подъ мышкой, стоялъ выпуча животъ Чухна-сигнальщикъ. На скулистомъ и апатичномъ лицѣ его было написано полное равнодушіе ко всему окружающему.

На ихандахъ, *** кругомъ толстыхъ вомбовокъ, **** съ закрученными на затылокъ соломенными шляпами, въ самыхъ живописныхъ позахъ стояли наши молодцы матросы. Что за

* Мостикъ перекинутый поперекъ палубы—мѣстопребываніе вахтеннаго начальника, во время отправленія его служебныхъ обязанностей.

** Каждая деревянная или желѣзная лѣстница на суднѣ называется трапомъ.

*** Средняя часть верхней палубы, т.-е. пространство между задней и средней мачтами.

**** Рычаги которыми ворочаютъ шпиль, т.-е. воротъ служащій для подъема якоря.

разнообразіе лицъ и типовъ! Тутъ широкоплечій коренастый Костромичъ, съ мощною, открытою, заросшею грудью; рядомъ съ нимъ бѣлесоватый, узкій, но высокій Финъ. Далѣе атлетъ подходъ съ спокойнымъ правильнымъ лицомъ и черными какъ смоль, висющими длинными усами. Нѣсколько далѣе бросалась въ глаза черная фигура закопѣлаго кочегара вылезшаго по полюсъ изъ машиннаго люка чтобы подышать и освѣжиться. Наконецъ на бакѣ боцманъ * не торопясь распоряжался какъ бы скорѣй и лучше принять въ объятія свои любимое дѣтище якорь, еще безпечно лежавшій, засунувъ одну изъ лапъ своихъ въ прохладное ложе дна.

Наконецъ катеръ съ ревизоромъ отвалилъ отъ берега и понесся, быстро разсѣкая воды рейда, благодаря мѣрно ударявшимъ весламъ. Вотъ онъ и присталъ, вотъ и поползли кривыя ножки ревизора по непричудливому нашему трапу.

— Что это вы, А. А., такъ долго? Поѣхали на одинъ часъ, а остались дѣлать три, процѣдилъ сквозь зубы подошедшій къ нему капитанъ, глядя на него изъ подлбья, и дѣло улыбаясь.

— Счеты-съ не были готовы, отвѣтилъ тотъ, показывая на дѣлую связку разноцѣтной бумаги.

— Выхаживайте ** якорь, продолжалъ повидимому не удовлетворенный объясненіемъ капитанъ обращаясь къ вахтенному, у котораго благодаря бѣготѣ выступалъ крупный потъ по лбу.

„Катеръ подъ тали; *** пошелъ шпиль!“ пронеслась команда съ мостика.

Дружно налегли мощныя груди матросовъ на трещавшія подъ ихъ усиліями вымбовки шпиль, раздалась мѣрная топотня сильныхъ ногъ, прерываемая лишь переливами унтер-офицерскихъ свистковъ.

Насталъ моментъ когда якорь долженъ былъ отдѣлаться отъ дна. Чтобы вырвать его изъ ила нужно обыкновенно употребить наибольшее усиліе. Шпиль на мгновеніе остановился. Рванули дружнымъ усиліемъ матросы раза два. И завертѣлся онъ снова легко. „Всталъ якорь“, послышалось

* Фельдфебель, обыкновенно дока морскаго дѣла.

** Выхаживать якорь — терминъ выражающій подымать его помощью шпиль.

*** Система блоковъ.

съ баку. „Холъ впередъ!“ было отвѣтомъ съ мостика. Замолкъ свистъ выпускаемаго пара. Залыхтѣла машина. Забуравилъ винтъ. Корветъ двинулся.

Проходя подъ береговыми батареями, взвился на нашей гротъ-бразъ-стенгѣ * гавайскій флагъ, а вмѣстѣ съ нимъ изъ-подъ вырвавшагося стелящагося клуба бѣлаго дыма, раздался не разъ повторенный въ горахъ первый выстрѣлъ прощальнаго салюта. Вечеромъ, въ ожиданіи лассата, мы прекратили лары и вступили подъ паруса, бывши еще на траверсѣ острова Тагу. Послѣдній представлялся высокимъ темнозеленымъ конусомъ покоившимъ свою вершину въ темнѣвшей лазури вечерншаго неба. Изрытая, изборожденная вершина его осѣнялась гигантскою шалкой тумана.

Въ полночь, выйдя на вахту, я былъ пораженъ восхитительною картиною. Представьте себѣ теплую, темную тропическую ночь. Надъ вами глубокій куполъ тверди, который несмотря на темноту не совсѣмъ еще утратилъ свой темносиній колоритъ. Этотъ куполъ былъ усыпанъ миррадами звѣздъ, то тихо и плавно горѣвшихъ, то мерцавшихъ, какимъ-то кокетливымъ отблескомъ напоминавшимъ отблескъ глазъ сквозь отверстія маски. Мертвый штиль, гладкая какъ зеркало поверхность Океана, отражающая огненные испаренія вулкана Тагу.

Весь слѣдующій день прошелъ въ томительномъ и однообразномъ штилѣ. Онъ прерывался лишь время отъ времени шалетами изъ ущелья горы Тагу сырыми, ароматическими, легкими шквалами.

Шаловливый бризъ рябилъ поверхность воды, но былъ безсилень надуть наши грузно висѣвшіе на реяхъ паруса. Даже колдунчикъ, ** несмотря на всю свою традиционную и заслуженную репутацію легкости, и тотъ, повисши, катался кругомъ шеста, къ концу котораго былъ привязанъ.

На третій день тотъ же тягостный штиль, то же безоблачное небо, та же гладкая поверхность воды. Тоскливо перенѣсились взоры къ неподвижному колдунчику, а отъ него къ висѣвшимъ парусамъ, — штиль, мертвый штиль.

Тяжелое чувство овладѣло нами. Молча и угрюмо бродили мы не зная ни чѣмъ дѣлать, ни за чѣмъ взяться—все какъ изъ рукъ валялось.

* Верхняя оконечность средней мачты.

** Флюгеръ сдѣланный изъ перьевъ.

Найдѣ, мнѣ кажется, преданія не сохраняются въ такой неприкосновенности, какъ между моряками. Въ сущности изъ-за чего мы все изнывали? Погода теплая, не жаркая, корветъ не качало, лишние четыре-пять дней моря ничего не значило намъ, привыкшимъ считать ихъ десятками. На Таити ни знакомыхъ, ни лесемъ мы не ожидали; кажется, повидимому, и торопиться было не къ чему, — но изнывали и мучались только потому что былъ штиль. Нѣтъ хуже наказанья для моряка, какъ этотъ обязательный покой. Съ бурями и непогодами онъ сроднился, съ лишениями онъ свыкается, со штилемъ же никогда.

Не безъ вліянія тутъ преданія переходящія между моряками изъ поколѣнія къ поколѣнію о тѣхъ временахъ когда штиль бывалъ причиною голодной смерти, или еще хуже, смерти отъ жажды цѣлыхъ экипажей, когда подъ вліаніемъ страданій, на палубахъ штилевавшихъ судовъ разыгрывался тѣ драмы кровожадныхъ инстинктовъ, при чтеніи описаній которыхъ волосы становятся дыбомъ.

Молча, насунившись, сидѣли мы въ каютѣ-компаніи. Вдругъ неожиданно раздался свистъ съ словами: „всѣхъ на верхъ, гребный судна спускать!“ а вслѣдъ за тѣмъ энергическая дробь тревоги. До той поры безмолвная одинокая палуба оживилась подъ сотнями забѣгавшихъ вдругъ ногъ и представила собою хаосъ сновавшихъ людей, спускавшихся шлюпокъ, двигавшихся орудій... Не прошло десяти минутъ, шумъ и бѣготня затихли. Палуба снова опустѣла, а вооруженныя гребныя суда съ десантомъ выстраивались въ боевую линію не вдалекѣ отъ корвета.

Пользуясь благоприятною погодою и желая развлечь команду, адмиралъ сдѣлалъ ученье. Задача заключалась въ томъ что шлюпки обоихъ корветовъ должны были взять абордажемъ клиперъ.*

Въ исполненіе этой задачи входила быстрота спуска гребныхъ судовъ, точное ихъ вооруженіе, посадка на нихъ десанта и наконецъ умѣнье подойти къ клиперу не подвергаясь дѣйствію его орудій.

Соединившіеся оба отряда шлюпокъ гребли къ мнимому непріятелю отстоявшему отъ насъ въ полумилѣ ближе къ берегу.

* Мы плавали отрядомъ изъ двухъ корветовъ и клипера.

Въ это время и клиперъ готовился къ оборонѣ. Тревога была въ полномъ разгарѣ. Мы не успѣли оглянуться какъ стрѣлковыя и abordажныя партіи его покрыли бакъ и ютъ, а темныя жерла наведенныхъ на шлюбки орудій грозно ожидали нашего прибытія. Я любовался красавцемъ клиперомъ, вдругъ преобразившимся въ гордаго бойца. Длинный, низкій, острый, граціозный его корпусъ какъ-то особенно легко лежалъ на водѣ. А тонкое, высокое, молодецки посаженное вооруженіе, покрытое громадною парусностью, невольно заставляло заглядываться и любоваться.

Но вотъ мелькнулъ огонь. Вырвалось облако бѣлаго дыма. Раздался гулъ, повторившійся эхомъ въ ущельяхъ не далеко покоившагося Оагу—это было сигналомъ боя. Открыли и мы огонь. Трескотня штудерниковъ, шипѣніе ракетъ, гулъ залповъ орудій, покрываемый ревомъ шестидесятифунтовой клиперской пушки, все слилось въ одинъ непрерывный гулъ отдававшійся неумолкаемыми раскатами въ горахъ острова. Клиперъ скрылся въ непроницаемой завѣсѣ бѣлаго порохового дыма, столбомъ подымавшагося къ небу. Но вотъ онъ замолкъ. Дымъ разсѣялся и мы увидели спускавшуюся съ рей на воду фатальную свѣтку, * за которой вдоль борта стояла масса вооруженныхъ пиками и топорами людей. Еще послѣдній выстрѣлъ, послѣдній залпъ въ упоръ, и мой капитанъ запутался въ этой свѣткѣ.

Черезъ нѣсколько секундъ, несмотря на разумную и рациональную защиту свою, благодаря которой въ серіозномъ дѣлѣ онъ навѣрно перетопилъ бы всѣхъ насъ, мы, каждый во главѣ своей партіи, выстроившись на палубѣ клипера, выслушивали отъ адмирала кто похвалу, кто замѣчаніе: а затѣмъ ушедшихъ на шлюбки побѣдоносно отправившись вѣшать.

Къ вечеру этого дня, послѣ прошедшаго сильнаго шквала съ дождемъ и громомъ, подхватываемаго и понесенаго насъ съ

* Свѣтку устраиваютъ пушкія суда для того чтобы обозначить себя отъ abordажей шлюпками. Слѣдствіемъ изъ тѣхъ же веревочекъ на подобіе рыболовныхъ свѣтъ онъ окружаетъ снаженную, въ окрестностяхъ судна въ довольно большомъ отъ него разстояніи. И такъ что послѣднія для abordажіи шлюпокъ, дабы добраться до нихъ, должны сначала прорубиться сквозь свѣтъ. И такъ что для того въ свѣтъ не было бы достаточно для защиты отъ нихъ, а бы послѣдствіемъ шлюпки или перестрѣлять людей.

отданными марсафалами, * мы почувствовали признаки столь долго и нетерпѣливо ожидаемаго пассата. Къ утру NO установился и мы, разсѣкая ровное и частое волненіе тропического пояса, понеслись къ Таити, постепенно теряя тонувшій въ лазоревыхъ водахъ Великаго Океана островъ Оагу.

Къ полдню горизонтъ былъ чистъ кругомъ, и затѣмъ потекла наша мирная морская жизнь. Двадцатидневный переходъ до Таити былъ скорѣй прогулкой, чѣмъ морскимъ переходомъ. Дѣйствительно, провести двадцать дней на не качающемся и быстро идущемъ подъ парусами суднѣ въ тропикахъ не лишено прелести. Ночи во время нашего перехода были восхитительны. Полная луна заливала свѣтомъ наши ровно надутые паруса, какъ-будто оживлявшіеся подъ ея томными синеватыми лучами. Легкій креплъ, шумъ отгоняемой отъ остраго водорѣза воды, ея журчащіе всплески, все это наполняло душу какимъ-то спокойнымъ безуетнымъ чувствомъ.

Не одну ночь провелъ я на верху, съ наслажденіемъ представляя свое лицо теплому вѣтру.

Наконецъ на двадцать первый день къ вечеру, вдали показалось облако, рѣзкія, а главное постоянныя очертанія котораго убѣждали что на нашемъ горизонтѣ всплывала изъ голубыхъ водъ Тихаго Океана восхитительная царица этого роскошнаго пояса Таити.

Архипелагъ къ которому принадлежитъ Таити открытъ Португальцемъ Куирасомъ (Kuigas), случайно забредшимъ сюда въ 1606 году, и названъ имъ Сагиттарія (Sagittaria). Послѣ этого первое появленіе въ здѣшнихъ водахъ европейскаго судна, подъ начальствомъ Валлиса, было въ 1768 году, а черезъ годъ, то-есть въ 1769 году, постигъ эту группу Бугенвиль, и подъ впечатлѣніемъ восторга назвалъ ее архипелагомъ Новой Цитеры. Одновременно съ нимъ былъ и Кукъ, коего пуританизмъ и суровость не устояли предъ жгучими глазами красивыхъ туземокъ. Говоря о туземной женщинѣ, его точный, рѣзкій слогъ дѣлается чуть не поэтическимъ.

Таити лежитъ между 17° 29' и 17° 47' южной широты и 151° 30' и 151° 56' восточной долготы. Онъ состоитъ изъ

---

* Веревка посредствомъ которой натягиваютъ въ высоту марсель, средний парусъ, главный на суднѣ.

двухъ неровныхъ половинъ соединенныхъ между собою низменнымъ и узкимъ перешейкомъ, ширина котораго не превышаетъ двухъ верстъ. На послѣднемъ построенъ фортъ Таравао. Большая половина острова, почти круглой формы, собственно носить названіе Таити. Меньшая же, овальная, называется Тайрабу.

Какъ и всѣ острова Тихаго Океана, Таити окруженъ кольцомъ коралловъ, о которое разбиваются волны, вслѣдствіе чего водная поверхность между нимъ и островомъ всегда гладка и спокойна.

Климатъ Таити постояненъ и тепелъ. По наблюденіямъ вполнѣ заслуживающимъ довѣрія здѣшняго доктора г. Прата, средняя температура за нѣсколько лѣтъ въ Паплетѣ была $24^{\circ},5$ стоградусной скалы. Температура ближе всего подходящая къ Сень-Луи на Сенегалѣ ($24^{\circ},6$).

Различія время года далеко не такъ рѣзки, какъ мы привыкли это видѣть. Первые четыре мѣсяца въ году самые теплые и сырые. Падающіе въ это время дожди имѣютъ не малое вліяніе на общую среднюю температуру острова, которая была бы гораздо выше безъ этого обстоятельства. Съ мая температура понижается, достигая минимума въ періодъ съ іюля до октября. Въ это время дожди настолько рѣдки что эта часть года можетъ назваться сухою сравнительно съ зимою.

Когда на зарѣ послѣ безсонной ночи я вышелъ на верхъ, намъ оставалось не болѣе 30 миль до стоянки. Пары были готовы; чего-то, не помню, ожидали, чтобы дать ходъ машинамъ. Было пасмурно.

Предъ бугшпритомъ * высоко воздымалась темная масса острова, вплоть до низу задернутая непроницаемою мглой тумана, тяжелою завѣсой вѣшвшаго надъ Таити. Прегражденный островомъ пассатъ спалдалъ, хотя еще доносилъ до насъ теплыя, душистыя испаренія земли. На востокъ, обозначавшееся нитями перистыхъ облаковъ мѣсто восхода стало свѣтлѣть исполинскимъ сіяніемъ, центръ котораго принималъ багровые оттѣнки зарева. Заливъ точно расплавленнымъ металломъ полгоризонта, медленно выходившее изъ лазури Океана солнце озолотило и облачную завѣсу острова, а вслѣдъ

* Наклонная, почти лежащая впередъ мачта, находящаяся на носу корабля.

за тѣмъ, какъ бы на встрѣчу Фебу, потянулъ легкій береговой бризъ и разразилъ ее сильнымъ шкваломъ съ ливнемъ. Но вотъ прекратился дождь, заблестало солнце и предъ нами во всей красѣ раскинулась картина острова.

Громадная діадема скалъ причудливой формы, похожая на корону съ острыми зубцами, освѣняла вершину острова. Вся эта масса была одѣта зеленою лѣсовъ, почти сплошь покрывающихъ Таити. Эта зеленая глыба не представлялась однако однообразной, напротивъ, являла все оттѣнки зеленого цвѣта, начиная съ самыхъ темныхъ и до самыхъ свѣтлыхъ, переливавшихся играя съ теплыми и яркими снопами солнечнаго свѣта. Мѣстами только бросались въ глаза красныя блестящія пятна обнаженнаго базальта.

По мѣрѣ нашего приближенія стали выдѣляться подробности очертаній. Показались роцы, посвѣтлѣли вдоль бортовъ выпуклости, взаимныя чего темнѣя болѣе и болѣе стали углубляться впадины.

Берега острова, то вдаваясь внутрь, то выдаваясь наружу цѣлыми группами какъ бы жмущихся другъ къ другу мысковъ, образовали непрерывный рядъ бухтъ, издали напоминавшихъ узорное тонкое кружево. Мириады madreporъ широкою лентой окружили островъ, точно желая защитить изрытые берега его отъ напора не всегда ласковыхъ валовъ. Клокотавшія и пѣнящіяся спаружи кольца волнъ, разбившись на несмѣтныя брызги объ эту стѣну, являлись по ту сторону рифа гладкою какъ зеркало поверхностью, въ которой во всей красѣ и всехъ подробностяхъ отражается восхитительный образъ Таити.

Но вотъ показался парусъ. Легкокрылою чайкой къ намъ на встрѣчу, едва касаясь водъ, летѣла шлюпка съ лоцманомъ, а чрезъ полчаса съ громомъ несшаяся по лалубѣ цѣль отданнаго якоря возвѣстила о концѣ перехода.

Мы стали въ небольшомъ кругломъ рейдѣ. Сзади исполнскимъ букетомъ плавалъ островокъ, защищающій бухту съ моря. Кругомъ же по побережью обвивалась пестрая кайма, составленная домами и хижинами утопавшими въ могучей зелени и цвѣтахъ. Куда ни обернись, радостно, свѣтло и весело.

На другой день пріѣхалъ къ намъ губернаторъ колоніи, Французъ въ полномъ смыслѣ слова. Онъ гордился своимъ сходствомъ съ Наполеономъ I, осанку и жестъ котораго старался воспроизводить съ возможной точностью.

Съ важностью пройдя по палубѣ, онъ спустился въ каюту адмирала, куда и мы сошли завтракать. Здѣсь представитель Франціи разсыпался въ любезностяхъ съ трескомъ метеора. Всѣхъ надѣлилъ пріятностями и закончилъ свой визитъ приглашеніемъ къ себѣ, говоря что представить насъ своей супругѣ, которая по словамъ его была „la plus jolie femme de la colonie“.

— Согласись на половину, вырвалось у неодолеимаго Б*, котораго привычная поговорка была здѣсь какъ нельзя болѣе кстати.

На другой день, облаченные въ несносное сукно, отправились мы съ офиціальнымъ визитомъ къ губернатору, а затѣмъ должны были удостоиться представленія ея величеству королевѣ.

Паліете, городъ названный именемъ бухты которую окружаетъ. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ улицъ, изъ которыхъ набережная самая фашіонабельная.

Трудно себѣ представить какъ при общей здѣшней обстановкѣ колютъ глаза эти сундуки съ бельведерами имѣющіе претензію быть домами; эти лавки, рестораны; солдаты, въ желтыхъ бумажныхъ эполетахъ съ надѣтыми на бекрень кепи, длиннополые патеры и наконецъ въ шляпкахъ и въ прискачку бѣгушія чахоточныя Франдуженки...

Губернаторъ принялъ насъ весьма любезно и тотчасъ повелъ въ половину супруги. Последняя хорошенькая женщина недавно вышедшая замужъ. Полулежа, полуодѣтая, она дала намъ аудіенцію въ полутемномъ своемъ будуарѣ. Благодаря убійственной духотѣ, тѣспому, вплоть застегнутому суконному платью и прогулкѣ по всему городу, наши раскраснѣвшія и раслухнувшія физіономіи должны были произвести непріятное на хозяйку впечатлѣніе. Мы сами чувствовали до какой степени несчастное наше положеніе было не въ пользу намъ и насколько мы походили на кретиновъ.

Сидя кругомъ любезной хозяйки, мы систематически отмалчивались, потерявъ отъ жару всякую способность соображенія. Вопросы сыпались въ необыкновенномъ количествѣ, переносясь отъ одного къ другому, а отвѣты, вторившіе на разные голоса, являлись односложными.

Этотъ оригинальный разговоръ мнѣ живо напомнилъ слышаннаго разъ въ Англіи артиста игравшаго на колокольчикахъ.

Наконецъ визитъ кончился, и мы со срамомъ ретировались чтобъ идти на представленіе королевѣ, жившей на противоположномъ концѣ города. Дорога шла черезъ мостъ, перекинутый надъ горнымъ потокомъ, бурно бѣжавшимъ, журча безчисленными небольшими каскадами. Л*, большой оригиналъ, не говоря дурнаго слова, какъ былъ, съ шапкой на головѣ, такъ и бултыхнулся въ воду. „Сумашедшій“, сказалъ ему, когда онъ мокрый выѣзая на противоположный берегъ, „вѣдь мы идемъ представляться!“ — „Знаю“, отвѣчалъ онъ, „успѣю еще высохнуть“. И дѣйствительно, когда подходили ко дворцу, онъ былъ сухъ. Признаюсь, я пожалѣлъ что не послѣдовалъ его примѣру.

Резиденція королевы была громадная, окруженная верандой, бамбуковая хижина, помѣщавшаяся посреди большого двора, обнесеннаго частоколомъ и обсаженнаго большими тѣнистыми деревьями. Большая пріемная, куда насъ вели, была меблирована оригинальнымъ для дворца образомъ. На полу и на стѣнахъ видѣлись циновки, а прислонившись къ одному изъ угловъ стоялъ убогій, хотя когда-то и вызолоченный диванъ, онъ же и тронъ, предъ которымъ неизвѣстно почему воздымался туалетный столъ.

Черезъ пять минутъ въ открывшуюся дверь пролѣзла какая-то безобразная, съ лоснящимся отъ жира лицомъ, масса и стала подкатываться къ намъ.

То была ея величество королева Помаре. Одѣтая въ блузу, сквозь которую жирное тѣло ея окрашивало кисею въ какой-то грязно-розовый цвѣтъ; съ вѣеромъ въ рукахъ и съ жасминнымъ вѣнкомъ на головѣ, она явилась, сопровождаемая тремя фрейлинами-красавицами, шаловливыми туземками, въ искрящихся глубокихъ глазахъ которыхъ читалось столько наивнаго любопытства.

Подойдя къ намъ, по старшинству поставленнымъ и выровненнымъ, она стала безмолвно по очереди разглядывать каждого съ тѣмъ сосредоточеннымъ вниманіемъ съ какимъ добросовѣстная кухарка разсматриваетъ покупаемую ею пулярду или тетерку. Мы же, младшіе, въ ожиданіи очереди, съ своей стороны, осматривали хорошенькихъ фрейлинъ, которые кажется не были особенно въ претензіи на нашъ смѣлый, въ Европѣ назвали бы даже дерзкій, экзаменъ.

Послѣ осмотра всѣхъ насъ королева укатилась, и возсѣвъ на диванъ посадила рядомъ съ собой самаго старшаго изъ

насть. Последній, въ качествѣ любезнаго человѣка, желая за-
нять томимую жарой королеву, просто закидалъ ее вопроса-
ми и разказами, въ отвѣтъ на которые только и раздавалось
протяжное и глубокое „муу“, произносившееся ею съ види-
мымъ усиліемъ.

Результатомъ нашего представленія было, во первыхъ, при-
глашеніе къ обѣденному ея величества столу, сервированно-
му на туземный манеръ, а главное, позволеніе или приглаше-
ніе разъ навсегда приходить къ ней по вечерамъ слушать
музыку. Понятно, какъ то такъ и другое было съ благодар-
ностью принято.

II.

Папите своею пошлою подъ этимъ небомъ обстановкой
опротивѣлъ мнѣ положительно, почему первою моею заботой
было поскорѣй выбраться изъ этой среды Французовъ и
трактировъ и уѣхать подальше въ горы, отдохнуть на сво-
бодѣ.

Испросивъ дозволеніе на четырехдневную отлучку и за-
пасшись лошадыю и проводникомъ, я съ вечера съѣхалъ на
берегъ, съ тѣмъ чтобы до зари пуститься въ путь. Маршрутъ
у меня былъ составленъ слѣдующій: изъ Папите ѣхать на
Фатоуа, озеро лежащее въ горахъ, на 3.000 футахъ надъ
уровнемъ моря; затѣмъ перебравшись по горамъ въ округѣ
Палеурири, вернуться морскою дорогою, пересѣкши плодо-
роднѣйшій округъ Папара.

Было еще темно когда разбудилъ меня ѣхавшій со мной
проводникъ, ловкій, плутоватый полу-Французъ полу-тузе-
мецъ, въ крещеніи нареченный Ambroise. Его неосцѣненное
достоинство заключалось въ томъ что онъ зналъ островъ какъ
свои пять пальцевъ.

Выйдя изъ хижины я засталъ моего Амбруаза верхомъ,
державшимъ за поводъ крѣпкую, бодрую лошаденку, пре-
скверно взнузданную и осѣдланную. Все спало кругомъ, и
только изъ одного кабака неслась распѣваемая пьянымъ
Французомъ пѣсня.

— Неужели это солдатъ? спросилъ я улыбавагося Ам-
бруаза.

— *Is font qu'ça msu*, отвѣчалъ тотъ на своемъ ломаномъ французскомъ діалектѣ.

Выѣхавъ изъ черты города, мы мѣрнымъ, но шибкимъ галопомъ понеслись по дорогѣ пролегавшей на нѣсколько верстъ по обработанной части острова, въ концѣ которой находилась единственная значительная плантація сахарнаго тростника, принадлежавшая переселившемуся сюда лѣтъ двадцать Англичанину. Миновавъ плантацію и перебравшись въ бродъ черезъ рѣку текущую въ живописномъ ущельи мы въѣхали въ лѣсъ.

Опушку образовали кусты гуявы, полные пахучихъ и своимъ запахомъ раздражающихъ нервы плодовъ. За гуявой потянулась роща чистыхъ, опрятныхъ, какъ изъ кости точеныхъ, громадныхъ апельсинниковъ и лимонниковъ, съ блестящею ихъ зеленою, полныхъ спѣющихъ и спѣлыхъ плодовъ.

Запахъ цвѣтовъ, фруктовъ и листьевъ былъ такъ силенъ что по временамъ становилось просто тяжело дышать. Сотни тысячъ плодовъ покрывали дорогу. Давимые копытами лошадей, они лопались, причемъ брызги сладкаго желтаго ихъ соки далеко разбрасывались въ стороны. За этою рощей начинался собственно лѣсъ, почти сплошь покрывшій склонъ горы, на которую намъ приходилось взбираться. И что это былъ за лѣсъ! Чего тутъ не было!

Тутъ хлѣбное дерево съ широкими и глубоко разрѣзанными листьями раскинуло гнущіеся подъ тяжестью плодовъ вѣтви свои. Здѣсь группа чернаго и краснаго дерева, этихъ красавцевъ рожденныхъ огненнымъ дыханіемъ экваторіальнаго солнца. Далѣе камфарное дерево, окруживъ себя пахучею своею атмосферой, истымъ гигантомъ раскинулось и высоко, и широко, какъ будто бы желая пріютить все и всѣхъ подъ сѣнью могучихъ вѣтвей своихъ, а подъ нимъ какъ лигней рощю красивое розовое дерево, окруженное полнымъ цвѣтовъ кустомъ жасмина.

Тамъ же на какомъ-нибудь заглушенномъ стволѣ перепутались восемь-десять чуждаемыхъ стволовъ, составившихъ такой хаосъ листьевъ и цвѣтовъ что не разберешь что кому принадлежитъ. А какъ бы въ контрастъ этого сплошнаго покрова зелени, вдали на одинокой скалѣ разрослась группа желѣзныхъ деревьевъ. Тонкіе и висчіе невиданные листья ихъ напоминали издали зеленый газъ, въ который будто бы окутаны эти вѣтвистые исполины,—газъ рябавшій голубыми

оттѣнками неба, проглядывавшаго промежъ петель этой свѣти. Все это вмѣстѣ было въ свою очередь перелутано висѣвшими и качавшимися лѣянами, фестонами которыхъ, перекидываясь съ дерева на дерево, образовывали самые причудливые узоры зелени и цвѣтовъ.

Болѣе часа скакали мы по извивавшейся по лѣсу тропѣ и наконецъ выѣхали на дорогу, лѣвившуюся на краю глубокой пропасти, куда спадаль шумящій каскадъ горнаго потока. Дорога, по которой предстояло намъ ѣхать, подымаясь вилась по горѣ. Она то пропадала въ чащѣ лѣса, то опять показывалась, перерѣзывая рядъ холмовъ, на которыхъ высоко и стройно вытягивались группы тонкоствольныхъ, прямыхъ пальмъ. Послѣднія рѣзко выдѣлялись на лазури неба свои легкіе пушистые султаны.

Становилось жарко; лошади и мы порядкомъ измучились проѣхавъ безъ отдыха часовъ пять сряду, какъ вдругъ за поворотомъ скалы открылся частоколъ и крыша туземной хижины, гдѣ предполагалось отдохнуть.

Съ какимъ наслажденіемъ соскочивъ съ коня я растянулся на постланную подъ тѣнистымъ деревомъ циновку, обдуваемый легкимъ вѣтеркомъ тянувшимъ изъ лежавшаго впереди ущелья. Закрывъ глаза и слушая мѣрный звукъ жевавшихъ сочную траву лошадей я заснулъ въ ожиданіи завтрака. Сдержанный смѣхъ и шопотъ разбудилъ меня. Кругомъ, держа груды фруктовъ изящно разложенныхъ на банановыхъ листьяхъ, помѣстились три красавицы дочери хозяина, въ ожиданіи моего пробужденія.

Открывъ глаза, я увидалъ моего Амбруаза, который забравшись съ ловкостью гибона на прямой какъ мачта стволъ кокосовой пальмы, сбивалъ оттуда крупныя зеленныя орѣхи, ловимыя хозяиномъ на лету. Увидя что я проснулся, онъ поспѣшилъ передать мнѣ только-что бывшій между нимъ и дѣвушками разговоръ, сюжетомъ котораго былъ я.

— *Msi, кричалъ онъ съ верхушки дерева, — ils dire que msi pas garçon, mais demoiselle.*

Дѣвушки должно-быть поняли о чемъ идетъ рѣчь, потупили глаза, а одна изъ нихъ улыбувшись даже бросила въ Амбруаза бананъ. Послѣдній онъ поймалъ на лету, проглотилъ цѣлкомъ, а въ знакъ благодарности щелкнулъ зубами не хуже орангутанга.

— Почему онъ такъ думаютъ?

— *Msù pas mouchtage.... msù très blanc.... je dis.... embrassez msù.... que msù pas Français.*

— Что жь, скажите что я не прочь.

Мои красавицы повидимому слѣдили за разговоромъ и вдругъ кинувшая въ Амбруаза бананатъ, безъ чиновъ, какъ говорится, бросила въ сторону фрукты и обвила мою шею красивыми своими руками. За ней послѣдовала вторая, а тамъ и третья. Развязка была такъ неожиданна что я растерялся, тѣмъ болѣе что весь этотъ процессъ братскихъ поцѣлуевъ былъ на глазахъ отца, съ улыбкой подносившаго мнѣ кокосъ полный кисловатой, вкусной и прохладительной влаги кокосового молока, въ чемъ, признаюсь, я крайне нуждался. Амбруазъ, устроившій всю эту сцену локальнаго свойства, не торопясь спускался по десятисаженному стволу пальмы какъ по лѣстницѣ, попеременно мѣняя ноги свои съ красивыми жилистыми руками, цѣлко обхватывавшими круглый и гладкій стволъ дерева.

Дворъ гдѣ я находился представлялъ собою площадь въ какихъ-нибудь полдесятины и былъ единственнымъ достояніемъ цѣлаго семейства изъ двѣнадцати членовъ. Этотъ клочокъ земли ихъ кормилъ, служилъ имъ жилищемъ, радовалъ ихъ и утѣшалъ. Обнесенный низкими частоколами круглыхъ, между собою связанныхъ бамбуковъ, онъ представлялъ сплошной коверъ сочной густой травы, на которомъ вились узкія извивавшіяся дорожки, вытоптанныя къ кормившимъ семейство деревьямъ, расположеннымъ живописными букетами.

Поблагодаривъ хозяина и одаривъ бусами и лентами хорошенькихъ его дочерей, я выѣхалъ со двора, напутствуемый ласковыми пожеланіями.

Мы подъѣзжали къ быстрой горной рѣкѣ съ видѣвшимися развалинами поломаннаго каменнаго моста. Пришлось переправиться въ бродѣ, т.-е. переѣхать по поясъ въ водѣ. Бурливый потокъ сбивалъ своимъ теченіемъ лошадей, то и дѣло слотыкавшихся или остававшихся. Несмотря на это мы однако благополучно добрались до крутаго противоположнаго берега.

Поднявшись на холмы, мы вдругъ очутились предъ огромною отвѣсною скалой, подножіе которой омывалось большимъ бассейномъ воды, куда съ шумомъ впадала серебристою струей рѣчка. Зеленъ, сопровождавшая ее въ

роятно по всему ея теченію, и у водопада не рѣшалась покинуть свою любимцу. Цѣлая гирлянда тонкихъ стволотъ и листвы, какъ бы слѣдомъ за водой, свѣсилась сверху скалы внизъ, вѣкъ омывалась прощальными брызгами пропадавшего ручья. Последняя часть дороги до крѣпостцы, гдѣ я могъ переночевать, была проведена мной въ изысканіи средствъ отдѣлаться отъ предложеній жившаго тамъ Француза, который по словамъ Амбруаза непременно станетъ мнѣ навязывать свои услуги.

Дѣйствительно, не успѣлъ я соскочить съ лошади на эспланаду крѣпости, какъ изъ земли выросъ сѣденькій Французикъ, который просто рассыпался въ любезныхъ предложеніяхъ услугъ. Взятый въ распахъ я вѣроятно не сумѣлъ бы отклонить грозившую мнѣ бѣду. Къ счастью, взвѣсивъ заранѣе всю горечь которую влило бы въ мои чистыя наслажденія всякое сообщество чего-либо напоминающаго европейское, я живо отдѣлался отъ любезнаго Француза, къ великому, не знаю почему, удовольствію Амбруаза. Онъ на радостяхъ тотъ же часъ откопалъ гдѣ-то гамакъ, и затѣмъ повелъ меня въ селеніе не въ далекомъ лежавшее, прилепившись къ скалѣ.

Было темно когда мы добрались до этой разбросанной и утопавшей въ садахъ деревушки. Гостепріимные и добрые туземцы съ радостью приняли меня на почлегъ, а въ виду рѣдкости подобнаго посѣщенія послали оповѣстить и сосѣдей о пріѣздѣ гостя. Амбруазъ хлопоталъ. Развѣсить гамакъ, разсѣлать коней было для него минутнымъ дѣломъ. Затѣмъ онъ исчезъ, и я не успѣлъ, какъ говорится, оглянуться какъ онъ уже возвращался торжественно влача за ноги большого только что заколотата имъ поросенка, какъ въ послѣдствіи оказалось, украденнаго имъ у любезнаго Француза.

Хозяева, мгновенно вылотроша, вымыли въ нѣсколькихъ водахъ лакомое животное и наполнивъ внутренности его душистыми листьями банапа и горячими камнями, обвернули его снаружы пахучими травами и положивъ въ яму завалили грудой горячихъ булыжниковъ.

Пока пеклось такимъ образомъ жаркое, пока суетилась красивая молодая хозяйка около плодовъ, раскладывая ихъ на какой-то большущій листъ, дворъ понемногу наполнялся самой характеристичною толпой.

Не вдалекѣ отъ меня, съ сигарами въ зубахъ, расположились статные мужчины. Они были одѣты въ широкія рубахи, поверхъ *маро*,* и составляли группу эффектно освѣщенную отблесками огонька, весело трещащаго, перебѣгая по тонкимъ сучьямъ костра, сухаго хвороста. Дѣвушки и женщины, между которыми не было видно ни одной не молодой, составили другую группу. Я съ наслажденіемъ глядѣлъ на бывшія предъ глазами двадцать головокъ, съ которыхъ падали на роскошныя плечи волны черныхъ выющихся длинныхъ волосъ. Глаза искрились изъ-подъ нависшихъ густыхъ рѣсницъ; а между алыхъ, просившихъ подѣлуя губокъ, виднѣлись блестящія бѣлизной и безукоризненно ровныя маленькіе зубы.

Одежда туземной женщины состоитъ изъ длинной открытой кисейной широкой блузы и цвѣтовъ. Послѣдніе всегда носятъ ею въ изобиліи. Служа головнымъ украшеніемъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ замѣняютъ и серьги, а на очаровательной груди или какъ изъ кости точеной нѣжной рукъ являются восхитительнымъ украшеніемъ вплоть замѣняющимъ драгоценныя каменья ожерелій и браслеты.

Я поужиналъ кускомъ поросенка, оказавшимся очень вкуснымъ, сочнымъ и ароматнымъ, заѣдая его, вмѣсто хлѣба, печенымъ плодомъ хлѣбнаго дерева и заливая все съ наслажденіемъ влагой кокоса.

Стемпло совершенно. Небо заискрилось тысячами звѣздъ. Въ воздухѣ было тихо и тепло, а въ хижинѣ, освѣщенной пылавшимъ пламенемъ кокосоваго масла, горѣвшаго въ скорлупахъ орѣха, собралось нѣсколько дѣвушекъ и мужчинъ. И вотъ понеслась изъ хижины стройная туземная пѣсня, вѣрно слѣтая чистыми звучными голосами.

Пѣнье вошло въ натуру туземца, оно его необходимая принадлежность. Въ каждой деревнѣ по почамъ собираются дѣвушки и молодые люди въ какую-либо хижину для того чтобы пѣть свои религіозныя пѣсни. Случается что эти сборища съ религіозною цѣлью оканчиваются вакханаліями.

Подъ обаяніемъ окружающаго, я не замѣтилъ какъ прошелъ полночь. Кругомъ было тихо, и лишь разносившіеся звуки пѣсни одни прерывали спокойствіе погруженной въ сладкій сонъ природы.

* Маро—пестрый кусокъ матеріи которымъ туземцы обвертываютъ верхнія части ногъ замѣняя этимъ панталоны.

Я вошелъ въ хижину. Проницательный, раздражающій нервы запахъ, тяжелою ароматическою атмосферой висѣлъ надъ пѣвшею грулией, фантастически освѣщенной красноватымъ мерцающимъ пламенемъ первобытнаго освѣщенія. Замѣчательна страсть къ духамъ людей которыхъ мы привыкли считать дикими.

Рано утромъ меня разбудилъ Амбруазъ; знаками—маршируя двумя пальцами одной руки по ладонѣ другой—далъ понять что слѣдовало идти пѣшкомъ.

Выйдя на дворъ я засталъ все семейство на лицо. Какъ и вчера, трогательное прощанье, восторги получившихъ ленточки и бусы женщинъ, и наконецъ мелодичный напутственный гимнъ. Было еще темно когда я пустился въ путь. Легкій утренній туманъ, свѣсившійся на каменья узкой и круто поднимавшейся тропы, заставлялъ постоянно скользить и сползаться. Около часа поднимались мы. Какъ вдругъ за поворотомъ нависшей надъ дорогой скалы открылся видъ на дремавшія еще темныя воды Океана, въ восточной части котораго зажглось свѣтлое пятно, расходившееся сіяніемъ. Усѣвшись на первый камень, я сталъ наблюдать за борьбой свѣта и темноты, борьбой проявлявшейся въ игрѣ цвѣтовъ, переливахъ красокъ, предъ которыми ничто всѣ свѣтовые эффекты картинъ Айвазовскаго или Верне.

Показалось солнце, все ожило кругомъ. Повисшіе, какъ бы дремавшіе ночью, листы поднялись, птицы встрепенулись. Удивителенъ этотъ мгновенный переходъ усыпленной тѣнями ночи природы къ полной жизни. Какъ близко напоминаетъ онъ быстроту съ которой просыпается счастливый человѣкъ, сну котораго не предшествовала никакая тяжелая забота.

Мы пробирались къ катарактамъ Фатауа. По мѣрѣ приближенія къ цѣли прогулки, доносившійся шумъ каскадовъ, сгущаясь болѣе и болѣе, перешелъ сначала въ звуки шипѣвшихъ потоковъ, а затѣмъ въ ревъ массы падающей воды.

Но вотъ мы и въ долину водопада. Кругомъ меня восхитительная декорация горъ. Стопившись, онѣ образовали глубокую воронку, рѣзко выдѣляя красивыя линіи своихъ очертаній на голубомъ небѣ. Впереди воздымалась изукрашенная блестящими на солнцѣ скалами, точно драгоценными камнями, Фатауа, а на ней, въ изумрудной рамкѣ зелени, видѣлся рядъ синеватыхъ уступовъ съ водными бассейнами вымытыми въ гранитѣ ниспадающею рѣчкой. Спрыгивая со

скалы на скалу, ея шумяція струи добѣгаютъ до послѣдняго бассейна, изливаясь изъ котораго пропадаютъ въ неизмѣримой глубинѣ пропасти. Дна послѣдней не видно, а бока ея вплоть заросли цѣлымъ покровомъ висящей зелени паразитовъ, на которой, вѣкъ играя яркою радугой, садится водяная пыль разбитой, пропадающей рѣчки.

Отославъ проводника въ деревню, я цѣлый день провелъ одинъ. Чтò я дѣлалъ? Не знаю. Припоминаю однако что опомнился только вечеромъ, когда густо стлались тѣни ночи на восхитавшіе меня виды. Окинувъ прощальнымъ взглядомъ все, я какъ-то безотчетно побрелъ по знакомой дорогѣ обратно.

Къ друзьямъ туземцамъ я возвратился какъ дорогой знакомый. Подаренныя бездѣлушки произвели должный эффектъ, такъ что войдя во дворъ, я уже нашелъ его полнымъ жителей деревушки, съ радостью встрѣтившимъ меня. Амбрузъ готовилъ что-то необыкновенное. Поминутно бѣгая изъ угла въ уголъ онъ какъ-то таинственно улыбался торопливо проходя мимо меня.

Поживавъ по вчерашнему я точно также легъ въ гамакъ чтобы слушать правившееся мнѣ пѣніе. Пѣвшіе же на этотъ разъ размѣстились на дворѣ, окруживъ меня живописнымъ кольцомъ. Ночь была какъ и всегда восхитительна, теплая, влажная, душистая.

Неожиданно сидѣвшая кругомъ меня группа пѣвшихъ раздалась и образовала обширный полукругъ, за которымъ шпалерой поднялась толпа держа высоко надъ головами горячіе свѣтильники и пылавшіе сандаловые факелы. Откуда-то взялся тамъ-тамъ (родъ барабана). Какъ изъ земли выросли нѣсколько молодыхъ и красивыхъ дѣвушекъ. Поджавъ ноги, онѣ сѣли впереди пѣвцовъ и подъ тактъ выбивавшійся тамъ-тамомъ, хлопая въ ладоши, стали граціозно качаться на гибкихъ своихъ таліяхъ. Вдругъ сквозь толпу, въ одной короткой юлкѣ, съ цвѣтами на головѣ, груди и ногахъ, врывается въ освѣщенное краснымъ пламенемъ пространство мѣстная баядера. Закинувъ обвитую поднятыми руками голову и сильно перегнувшись назадъ, красавица остановилась, закрыла глаза и какъ бы заснула. По мѣрѣ того какъ учащались глухіе звуки тамъ-тама и громче раздавался въ ночной тиши ускоренный ритмъ плясовой пѣсни, она точно просыпалась. Медленно, какъ бы не отдавая себѣ

въ томъ отчетѣ, двинулась впередъ. Но вотъ она вздрогнула; широко раскрытые глаза заискрились, заблестали, и въ порывистомъ, мгновенно охватившемъ ея экстазѣ она начала свою пляску.

Предо мной во всей дикой прелести носилась вакханка. Восторгъ обуявшій танцовщицу перешелъ и на толпу. Задній рядъ взлѣзалъ на плечи передняго, и вся эта полудикая страстная орда съ замираніемъ сердца слѣдила за порывистыми движеніями танцовщицы.

Вставъ на другой день я засталъ танцовщицу еще спавшей. Положивъ около нея лучшее бывшее у меня въ запасѣ ожерелье, я почти съ грустью разстался съ добрыми туземцами.

Я поѣхалъ обратно. Но чтобы попасть, какъ предполагалъ, въ округъ Панеурири, мнѣ приходилось перевалиться чрезъ кряжъ, на вершинѣ котораго я провелъ послѣднюю ночь.

Спускъ съ горы былъ не менѣе восхитителенъ подъема. Картины полныя новизны и красота смѣнялись одна другой безъ перерыва, какъ бы желая разнообразною панорамой видовъ заставить забыть опасности спуска, по висѣвшей болѣею частью надъ пропастями узкой горной тропѣ. Бѣдный конь мой, поджимая подъ себя скользившія заднія ноги и упираясь на вытянутыя переднія, уши на сторожѣ и фыркающая, зачастую останавливалась предъ преграждавшими путь препятствіями. Онъ потѣлъ отъ страха и усилій, тѣмъ не менѣе вѣрною поступью преодолевалъ ихъ.

Отдохнувъ на дорогѣ у гостепріимнаго семейства, я вечеромъ спустился почти къ морю и остался ночевать въ деревушкѣ группировавшейся кругомъ готическаго шпица небольшой церкви.

Здѣсь узналъ что утромъ только-что уѣхала назадъ въ Паліете партія нашихъ, ночевавшая въ деревнѣ. Это мнѣ было крайне досадно и я рѣшилъ догнать ихъ по дорогѣ.

Двинувшись съ ранняго утра въ путь, я надѣялся что встрѣчающіяся здѣсь на каждомъ шагу для ѣзды въ экипажахъ препятствія, задержавъ товарищей, дадутъ возможность осуществиться моему желанію. Но я ошибся въ ожиданіяхъ и вынужденъ былъ совершить путь одинъ. Я ѣхалъ шибко, такъ что далеко до полудня уже подѣзжалъ къ деревушкѣ раздѣлявшей округъ Панеурири отъ Папары, но еще принадлежавшей первому.

Селеніе это было разбросано по берегамъ рѣки, неспудекѣ отсюда впадающей въ море. Красиво извиваясь въ глубинѣ ущелья, она окаймлялась пышною рамой восхитительной растительности и представляла крайне оживленный видъ. Тамъ тихо скользила пирога, ловко управляемая молодцомъ-туземцемъ, здѣсь группа женщинъ весело плескалась въ затишьѣ, защищенная отъ лучей горячаго солнца и отъ нескромныхъ взглядовъ сумракомъ тѣни густо нависшихъ деревьевъ. Тутъ въ запуски плавали, ныряли, кричали и бранились челобѣтъ двадцать дѣтей, чуть ли не цѣлый день проводившихъ въ водѣ.

За деревней начинался округъ Панаара, славящійся на островѣ своимъ плодородіемъ. Дорога шла то углубляясь внутрь, то приближалась къ морю, шла по извилинамъ образованнымъ капризными изворотами живописнаго кряжа, который, по мѣрѣ приближенія къ Паниетѣ, болѣе и болѣе напиралъ на шумящій Океанъ. Но вотъ впереди скала покрытая зелеными змѣйками ползшей по ней растительности. Она совсѣмъ нависла надъ моремъ, образовавъ у подошвы своей обширную темную пещеру полную воды. Туземцы страшились этой пещеры, предполагая ее населенной духами, и никто не рѣшится не только въѣхать въ глубину ея, но даже дать вамъ свою пирогу для этого, боясь навлечь на себя гнѣвъ наполняющихъ пещеру свирѣлыхъ духовъ.

Славившійся по склонамъ горъ туманъ постепенно собирался въ черныя тучи. Пошелъ дождь, теплый, частый и крупный, промочившій меня насквозь, но не надолго: взглянувшее изъ-за тучъ солнце скоро высушило меня своими теплыми лучами. Въ продолженіе дня я нѣсколько разъ мокъ, и столько же разъ сушился. Въ этихъ-то ежедневныхъ дождяхъ, орошающихъ чуть ли не круглый годъ эту мѣстность, должно искать причину ея баснословнаго плодородія.

Къ вечеру пятого дня я вернулся въ Паниете.

На другой день въ нашу честь городомъ давался балъ въ ратушѣ, обширномъ строеніи среди большого двора, куда вели тѣнистая аллея изъ тамариндовъ.

Въ свѣтлыхъ перчаткахъ и въ парадѣ, гурьбой вошли мы въ залъ уже полный всей колоніей бѣлыхъ, среди которыхъ видѣлось нѣсколько туземныхъ лицъ. Трудно представить болѣе разнородную толпу нежели та которая двигалась, говорила и смѣялась предъ нашими глазами. Чего тутъ не

было. Тамъ, въ углу, обмахиваясь краснымъ вѣеромъ и въ блузѣ, грузно сидѣла королева. Рядомъ съ ней, и какъ бы фланкируя ее, точно два боабаба, воздымались двѣ ея те-тушки. Эта колоссальная группа съ любопытствомъ прово-жала тусклыми своими взорами ходившихъ мимо офицеровъ гарнизона подъ руку съ блѣднлицыими ихъ женами, у кото-рыхъ вылѣзали изъ открытыхъ лифовъ тощія лопаточки.

Далѣе, группа мужчинъ и женщинъ, между которыхъ про-бирается супругъ королевы. На его лѣнивомъ, угловатомъ лицѣ, такъ кажется и читалось нетерпѣнье поскорѣй снять свой расшитый мундиръ.

Царица бала, „la plus jolie femme de la colonie“, подъ руку съ супругомъ, шушала лышными юпками своего парижска-го туалета. Она положительно напоминала пропадающій при-зракъ—до того была прозрачна и тонка.

Въ залѣ было нестерпимо жарко, несмотря на открытыя две-ри и окна. Это не мѣшало однако Французамъ любезничать въ ожиданіи танцевъ, которые не начинались, такъ какъ не доставало музыки. Надо сказать что приглашенный мѣстный органистъ, должно-быть, запилъ и не являлся. Одинокія цим-балы, временъ Лалеруза, грустно выставляли на показъ свои пожелтѣвшія, неровныя клавиши.

По доносу товарищей, выдавшихъ губернаторшѣ мое ис-кусство, ограничивавшееся умѣніемъ воспроизводить един-ственный вальсъ, подобранный мною въ минуты отдохнове-нія въ морѣ, она подошла ко мнѣ и съ улыбкой просила вы-ручить ее изъ непріятнаго положенія хозяйки бала безъ му-зыки. Чего не сдѣлаетъ улыбка хорошенькой женщины? Предваривъ ее о скромности моего репертуара, я съ необы-чайною храбростью, можно сказать дерзостью, приступилъ къ исполненію моего вальса.

Съ первыхъ же аккордовъ возбужденный мною звонъ и шипѣнье въ инструментѣ, на которомъ что ни играй, какъ ни играй, въ результатъ тотъ же звонъ и то же шипѣнье, живо успокоили мое артистическое самолюбіе, давъ увѣрен-ность что лицомъ въ грязь я не ударю. Благодаря этому соз-нанію, послѣ вальса я сыгралъ кадрили, подъ оглушающіе зву-ки котораго расходившаяся толпа выплясывала на радость.

Наконецъ отыскался настоящій виртуозъ, и меня освободили.

Слѣдующую кадрили, какъ бы въ награду, танцовалъ я съ губернаторшей.

Усталый отъ танцевъ я вышелъ на дворъ. Тутъ другая картина, полная яркихъ и сильныхъ штриховъ мѣстнаго колорита.

На обширномъ дворѣ, освѣщенномъ пламенемъ сандаловыхъ факеловъ, подъ звуки туземнаго оркестра и такта глухо выбиваемаго тамъ-тамомъ, плясала красавица свою порывистую хупа-хупа. Публика карабкалась на плечи другъ друга, покрывала собой всѣ вѣтви окружавшихъ дворъ деревьевъ сплошною живою гирляндой восторженныхъ существъ, неистово вторившихъ барабану крикомъ и хлопаньемъ въ ладоши. Но эта хупа-хупа, какъ ни была хороша, была лишь тѣнью той какую я видѣлъ въ горахъ.

Во время стоянки нашей въ Палиете я ознакомился съ новымъ проявленіемъ предприимчивости Американцевъ. Нѣсколько дней спустя послѣ нашего прихода вошла на рейдъ шкуна подъ федеральнымъ флагомъ. Чтò же вы думаете привезло это суденышко? Циркъ, съ ипподромомъ палаткой, лошадьми, наѣздниками, клоунами и учеными собаками,—все на лицо. Хозяинъ цирка, вмѣстѣ съ тѣмъ и судохозяинъ и капитанъ, при помощи своихъ наѣздниковъ и клоуновъ въ должности матросовъ, ходитъ по островамъ Полинезіи, по берегамъ Чили и Перу, и гдѣ вздумается разставляетъ свою палатку, свозитъ труллу на берегъ и при помощи своихъ наѣздницъ, скачущихъ сквозь вѣчные обручи подъ звуки скрипки, тарелокъ и барабана, зарабатываетъ денежки.

Я съ любопытствомъ осмотрѣлъ шкуну, гдѣ все прилажено съ морскимъ знаніемъ, а словоохотливый хозяинъ за рюмкой хереса разказалъ мнѣ два или три эпизода своей морской жизни.

Остальное время нашей стоянки всякую свободную отъ службы минуту я проводилъ на берегу. Чтò я дѣлалъ? спросите вы. Наслаждался въ полномъ смыслѣ слова.

Уйду бывало за городъ. Устану, лягу подъ дерево, и глядя то на синее море или на лазоревое небо, прислушиваюсь къ прибою. Попадается по дорогѣ хижина, войду въ нее. Тамъ найду радужное семейство. А пока хозяинъ возится разбивая кокосъ, гляжу на картину домашней жизни, развертывающейся предъ глазами. Напившись освѣжающей влаги иду далѣе, не тороплюсь, безъ цѣли, зная напередъ что куда бы ни пришелъ, вездѣ одинаково весело, просто и хорошо.

Проходя через мостъ перекинутый чрезъ журчащій ручей, чувствую что прохлада его соблазняетъ меня. Мигомъ легкое платье долой и въ воду, — а всплески послѣдней зачастую смѣшиваются со смѣхомъ незамѣченныхъ мною молодыхъ кулалыщъ. Вотъ, читатель, что дѣлалъ я, что все мы дѣлали, и несмотря на кажущееся однообразіе такой жизни, эта жизнь въ сущности была полна поэзіи.

Не разъ также засиживался я на верандѣ дворца слушая пѣніе сходящейся по вечерамъ молодежи. Въ сущности королева добрая и всеми любимая женщина. Когда французская политика удалила ее отъ всякаго вмѣшательства въ управленіе, ей осталось проявлять себя лишь добромъ частнаго богатаго человѣка. Къ чести ея, на этомъ поприщѣ она подвизалась со всею любовью чистой души и сумѣла снискать уваженіе не только обожавшихъ ея туземцевъ, но и всего бѣлаго населенія колоній. Зная какъ тучность королевы заставляетъ ее страдать отъ жары и бессонницы, молодежь изъ окружающихъ Папіете деревень ежедневно собиралась на дворѣ королевы и далеко за полночь усаждала слухъ ея любимыми ею мотивами. Узнавъ это я съ глубокимъ чувствомъ уваженія глядѣлъ какъ на добрую королеву такъ и на этотъ народъ, который сумѣлъ самымъ простымъ, но трогательнымъ образомъ доказывать ей ежедневно свою благодарность.

Съ разсвѣтомъ двадцать третьяго дня, отсалютовавъ, мы вышли въ море, и пробѣжавъ въ какіе-нибудь два часа раздѣлявшее насъ отъ Эмео разстояніе, бросили якорь въ глубокой прелестной бухтѣ.

При входѣ въ заливъ, въ глубинѣ его, теряясь въ синевѣ дали, воздымается крутобокая плоская наверху скала, напоминающая собою замокъ. Къ довершенію иллюзіи, около нея, немного въ сторонѣ, вы усматриваете другой узкій четвероугольный монолитъ похожій на сторожевую башню феодальной крѣпости. На томъ же планѣ, немного правѣй, рѣзко обозначается на голубомъ небѣ узкій высокій шпиль, коего неровности отбѣняясь въ прозрачной атмосферѣ представляются взору высокою готическою колокольней. Направо и лѣво, на заднихъ планахъ, стояли глыбы гранита, разбросанныя прихотливою рукою природы, а ближе къ намъ бросались въ глаза цѣлая серія высовывающихся другъ изъ-за друга скалъ и холмовъ, то постепенно понижавшихся къ

заливу, то какъ будто тѣснящихъ его своими изрытыми стремнинами. На бокахъ же послѣднихъ слѣзали къ водѣ цѣлые потоки качаемой вѣтромъ листвы.

Каждый день вечеромъ собирались мы всей семьей на берегъ. И на пышномъ коврѣ зелени пили чай, подъ звуки туземной лѣсни, а подъ часъ и нашей живой и беззаботной плясовой, напоминавшей родину.

Наконецъ, на основаніи того что все кончается, кончилось и наше блаженство. Съ разсвѣтомъ должны мы уходить.

Больно сжалось у меня сердце, когда, прѣхавъ на кайлеръ, я увидѣлъ окончательныя приготовленія къ выходу въ море.

Эти нѣсколько недѣль проведенныхъ въ блаженствѣ созерцанія восхитительнѣйшей природы принадлежатъ къ счастливейшимъ въ моей жизни.

ТИШАНСКІЙ.

ПАРИЖСКІЕ СИЛУЭТЫ.

Это было въ концѣ сентября 1872 года. Въ это время я жилъ въ *Hôtel du Pavillon de Rohan*.

Подъ этимъ громкимъ названіемъ значитъ заведеніе меблированныхъ комнатъ, занимающее половину огромнаго осьмиэтажнаго дома, стоящаго особнякомъ на одномъ изъ самыхъ бойкихъ мѣстъ Парижа и составляющаго какъ бы отдѣльный кварталъ.

Одинъ фасъ дома выходитъ на Палерояльскую площадь, другой на улицу *Saint-Honoré*, прямо насупротивъ Пале-Рояля и Французскаго Театра, третій занимаетъ все протяженіе маленькой улицы *de Rohan*, наконецъ четвертый выходитъ на улицу *Rivoli*; лицомъ къ лицу съ Лувромъ. Съ этой стороны нижній этажъ дома выведенъ арками, составляя частицу безконечно длиннаго ряда *arcades* тянущихся версты на двѣ вдоль лѣвой стороны улицы *Rivoli*.

Великолѣпная улица *Rivoli*, вытянутая въ струнку, превосходно вымощенная, окаймленная справа рѣшеткою Тюильрійскаго сада, Тюильрійскимъ и Луврскимъ дворцами, служить главною артеріей движенія прибрежной части города по правую сторону Сены. Это прототипъ улицы новаго Парижа.

Улица *Saint-Honoré* одна изъ промышленнѣйшихъ и многолюднѣйшихъ улицъ Парижа, носящая у мѣстныхъ остря-

ковъ не лестное названіе *rue Deshonorée*, по причинамъ приводить которыя здѣсь считаю по меньшей мѣрѣ неудобнымъ, сохранила отчасти физіономію улицъ стараго Парижа.

Длиннѣйшая, узкая, извилистая, вымощенная, исключая двухъ-трехъ „кусочковъ“, легендарными четырехгранными камнями — *ravés* — обыкновеннымъ матеріаломъ парижскихъ баррикадъ, она окаймлена узкими, высокими, грязными домами, стѣны которыхъ, закопченные, засаленныя до крайности, кажутся покрытыми какъ бы смраднымъ нагноеніемъ. Дома почти всѣ шести- и семи-этажные, имѣютъ обыкновенно не болѣе двухъ, трехъ, много четырехъ оконъ въ рядѣ. Нѣкоторые изъ нихъ занимаютъ по фасаду много-много сажени двѣ. Въ такомъ случаѣ „этажъ“ изображается однимъ окномъ.

Какое-то особенно отвратительное и тоскливое впечатлѣніе производятъ эти многоэтажные *однооконники*. Сжатые, сдавленные между сосѣдными постройками, кажется что они пролѣзаютъ на улицу своими шестью торчащими другъ надъ другомъ почти квадратными окнами, тусклыми, зеленоватыми, засаленными, кажется что они нахально ломятся впередъ, на показъ, чтобы по экземпляру выставленному отъ каждаго этажа, міръ Божій могъ судить о томъ что происходитъ на задворкахъ.

Палерояльская площадь служитъ центральною станціей (биржею) фіакровъ и омнибусовъ.

Маленькая улица *de Rohan* упирается въ ворота такъ-называемаго лавильйона *de Rohan* Луврскаго дворца. Эти ворота служатъ главнымъ стокомъ движенія между обоими берегами Сены происходящаго по мосту *Святыхъ Отцовъ*.

Если къ этому прибавить что по сосѣдству находятся два большихъ театра, Французскій и Палерояльскій, громадная гостиница, *Grand Hôtel du Louvre*, гигантскій дамскій базаръ называемый *Les grands magasins du Louvre*, и наконецъ самъ Пале-Рояль, этотъ городъ въ городѣ, то вы легко поймете что вокругъ дома о которомъ я говорю, вѣчно кишмя кишитъ самая разнокалиберная публика, а мѣсто гдѣ онъ стоитъ не даромъ считается однимъ изъ самыхъ бойкихъ мѣстъ Парижа.

Нижній этажъ и антресоль дома отданы подъ магазины, лавки, конторы и пр., остальные четыре *официальныхъ* и два *неофициальныхъ* этажа раздѣлены по перпендикуляру на двѣ

половины и отданы подъ „меблированныя комнаты“ двумъ разнымъ антрепренерамъ.

Правая часть называется просто *Hôtel*, лѣвая носить болѣе звонкое и шикарное названіе *Hôtel du Pavillon de Rohan*, данное въ честь находящагося насупротивъ лавильона того же имени Луврскаго дворца.

Вы вѣроятно остановились въ нѣкотомъ недоумѣніи предъ словами *официальный* и *неофициальный* этажи. Это дѣйствительно требуетъ поясненія.

Крыши огромныхъ парижскихъ домовъ послѣдняго „Гаусманскаго фасона“ почти всѣ нѣсколько куполообразны и очень высоки. Благодаря этому онѣ вмѣщаютъ въ себѣ, кромѣ чердака, еще два этажа, иначе говоря, два ряда мансардъ. Эти-то два этажа, не идущіе въ общій счетъ, но въ вышину не уступающіе нашему двухъэтажному домику скромныхъ размѣровъ, я и называлъ неофициальными этажами.

Благодаря этимъ сортировкамъ, этимъ нижнимъ этажамъ, *rez-de-chaussée*, и антресолямъ не идущимъ въ счетъ, получается слѣдующій оптический обманъ:

Первый этажъ — *le premier* — на самомъ дѣлѣ оказывается третьимъ, второй — четвертымъ и т. д., а потому объявивъ вамъ что я занималъ скромное помѣщеніе „*au troisième*“ въ вышереченномъ отелѣ, я не буду болѣе бояться, послѣ этого поясненія, что вы заподозрите меня въ извращеніи истины, когда узнаете что мой, по-парижскому „третій“, былъ по нашему просто-на-просто пятый этажъ.

Взбираться ко мнѣ — надо мною громоздилось еще три этажа — было цѣлое путешествіе (сто съ чѣмъ-то ступенекъ по великолѣпнѣйшей монументальной лѣстницѣ), вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ не упускали случая называть меня „высокопоставленнымъ лицомъ“, отдуваясь послѣ прохожденія положительно неприличнаго количества ступенекъ о которомъ я сейчасъ упомянулъ.

Населеніе дома, численностью не уступающее населенію нашего маленькаго узднаго города, было въ то время, какъ впрочемъ всегда, самое разнообразное. Тутъ были образчики всѣхъ ступеней мірскаго благосостоянія, начиная отъ грандовъ имѣющихъ возможность платить по сту франковъ въ сутки за свои хоромы, до счастливицевъ платящихъ тридцать; отъ этихъ счастливицевъ до простыхъ смертныхъ въ родѣ меня, довольствовавшихся семифранковымъ помѣ-

щеніемъ; наконецъ отъ простыхъ смертныхъ до обиженныхъ и оскорбленныхъ, вынужденныхъ держаться скромной двухъ-и полтора-франковой квартирной платы; обиженныхъ и оскорбленныхъ разумѣется только относительно первыхъ категорій населенія палатцо, потому что эти псевдо-обиженные и оскорбленные, принимая ихъ точкою отправленія по нисходящему пути человѣческаго благосостоянія, становятся въ свою очередь грандами въ отношеніи многочисленныхъ и многострадательныхъ инстанцій находящихся между ними и, напримѣръ, обитателями такъ-называемыхъ *carrières d'Amerique*—последнюю ступенью этой скорбной лѣстницы.

Но такихъ въ домѣ не было, по той причинѣ что комнаты дешевле пятидесяти франковъ въ мѣсяцъ въ немъ не имѣлось, да и то такіа комнаты находились на высяхъ ужасныхъ и единственныхъ окна ихъ тоскливо и угрюмо глядѣли на узкій, темный дворъ дома.

Въ одной изъ этихъ комнатъ жилъ въ то время переводчикъ...

Кто онъ былъ такой и съ чего именно на что переводилъ, я не знаю, такъ какъ никогда ни его самого, ни вывѣски гласящей о его специальности не видѣлъ. Узналъ же я о существованіи его слѣдующимъ образомъ.

Это было утромъ, часовъ въ девять. Ко мнѣ постучались въ дверь и на мой откликъ *entrez!* въ комнату вошелъ незнакомый мужчина лѣтъ сорока, очень высокаго роста, худобы необычайной.

Острое, угловатое лицо, очень смуглое и страшно изможденное, съ рѣзкими чертами, выдающимися скулами и сильно развитою нижнею челюстью. Высокій, узкій, откинутый назадъ лобъ, изрытый вдоль и поперекъ глубокими морщинами. Впалые глаза, черные, живые, беспокойные. Острый сухой носъ съ горбомъ и раздувающимися подвижными ноздрями. Рѣзко очерченный ротъ, круто загибающійся по концамъ кверху, что придавало его улыбку какое-то особенное, плотоядное выраженіе. Тонкія поблеклыя губы; черные съ едва замѣтною простѣдью волоса, коротко остриженные; жидкіе усы, жидкая борода.

Одѣтъ онъ былъ болѣе чѣмъ скромно.

Широкій пальто-сакъ изъ легчайшаго драдедама, сѣраго съ „черною искрой“, висѣлъ на немъ какъ на вѣшалкѣ. Шелъ была повязана чернымъ платкомъ, изъ-подъ котораго не проглядывало ни малѣйшаго признака бѣлья. Очень узкіе истер-

тые панталоны, съ сильно обозначенными „колѣнками“, выставляли на показъ чрезвычайную худобу длиннѣйшихъ ногъ. Стоптаные, порыжелые сапоги на двойной подошвѣ.

Съ перваго же взгляда можно было почти безошибочно рѣшить что вошедшій принадлежалъ къ—увы!—слишкомъ многочисленной кастѣ общественныхъ протестантовъ.

Безпрестанныя исканія, безпрестанное спованіе, безпрестанная „проба пера“ читались въ этихъ юркихъ, безлокойныхъ, пытливыхъ глазахъ, утомленныхъ, живучихъ только искусственно, лихорадочно. Чувствовалось что эти глаза чаще всего уставались напрасно, что эти мощныя челюсти чаще всего яро жевали въ сухомятку, чувствовалось что безконечныя эти руки тянулись, силились ухватить и ловили одинъ воздухъ, чувствовалось что безконечныя эти ноги шагали, шагали, шагали.... и ни до чего не дошагали.

Вся эта оригинальная типичная фигура смахивала очень на отставнаго генерала или по крайней мѣрѣ на отставнаго штабъ-офицера коммуны.

Незнакомецъ вошелъ мѣрными огромными шагами, тяжело ступая и держась очень прямо, какъ бы откинувшись вѣсьмъ корпусомъ назадъ, снялъ мягкую полрковую шляпу низкой формы и поклонился.

— Вы господишь...? обратился онъ ко мнѣ съ сильнымъ марсельскимъ акцентомъ.

— Да.

— Русскій?

— Да.... Чтò вамъ угодно?

— Меня послать къ вамъ здѣшній переводчикъ....

— Какой переводчикъ?

— Переводчикъ который здѣсь живетъ въ домѣ, *au sixième*...

Надо перевести вотъ эту вещь.

Незнакомецъ досталъ изъ-за пазухи небольшую книгу въ сильей бумажной оберткѣ.

— Онъ ошибся.... Я переводами не занимаюсь, отвѣтилъ я.

— Онъ мнѣ однако прямо сказалъ обратиться къ вамъ.

— Странно! Я этого господина не знаю и никогда въ глаза не видалъ.... Но скажите пожалуйста, почему же онъ послалъ васъ ко мнѣ когда онъ самъ переводчикъ?

— Говорить что не знаетъ по-нѣмецки. Я у него тогда спросилъ не можетъ ли онъ дать мнѣ адресъ нѣмецкаго

переводчика. Говорить не знаю, а вотъ здѣсь въ домѣ живетъ Русскій. Я сейчасъ и отправился къ вамъ.

— Для нѣмецкаго перевода?

— Да.... Всѣ Русскіе знаютъ по-французски и по-нѣмецки, это вѣдь извѣстно!

Я не считалъ нужнымъ разувѣрять собесѣдника относительно лингвистическихъ познаній моихъ соотечественниковъ.

— Мнѣ очень жаль что не могу быть вамъ полезнымъ, но какъ уже сказалъ, я не занимаюсь переводами.

— Ну ужъ удача мнѣ, нечего сказать!... Еслибы вы знали какъ нужно.... Бюриданъ * поручилъ мнѣ перевести это къ сроку.

При этомъ имени я наострилъ уши.

— Книга небольшая, продолжалъ незнакомецъ. — Но главное тутъ что къ сроку.

— Покажите мнѣ пожалуста книгу.

Онъ видимо обрадовался моей просьбѣ и поспѣшно подаль мнѣ брошюру.

Я бросилъ взглядъ на заглавіе и тотчасъ же мысленно рѣшилъ принять непремѣнно переводъ.

— Наконецъ надо вѣдь только *помочь* перевести это, угваривалъ между тѣмъ незнакомецъ.

— Чтò вы подразумеваете подъ словомъ „помочь“?

— Вотъ въ чемъ дѣло. Я взялся перевести эту книгу.... Обратился къ одному человѣку чтобы помогъ мнѣ, но работа шла такъ медленно.... да притомъ же онъ, какъ кажется, очень плохо знаетъ нѣмецкій языкъ.

Это „какъ кажется“ нѣсколько удивило меня.

— Поэтому, продолжалъ онъ,—сегодня я наконецъ рѣшилъ отправиться къ настоящему переводчику. Обратился къ Г.—вы знаете, *place de la Bourse*. Онъ самъ не взялся перевести, но далъ мнѣ адресъ здѣшняго переводчика, который послалъ меня къ вамъ. Что же касается до условій.... Работу мы можемъ раздѣлить чтобы скорѣе шла, потому что до назначеннаго срока остается всего двѣ недѣли... Диктуйте мнѣ прямо по-французски, я буду писать. Перевести книгу я взялся за полтораста франковъ. Угодно вамъ положить?

---

* Вымышленное имя.

Предложенная цѣна была просто-на-просто ужасна. Семьдесятъ пять франковъ—двадцать рублей!—за спѣшный переводъ двухсотъ страницъ мелкой убористой печати. Правда что я избавлялся отъ труда писать.

„Ну, братъ, подумалось мнѣ, или ты нахаль вышей пробы или очень несчастный человѣкъ.“

— Тутъ уже кой-что переведено, придется только просмотрѣть. Вотъ чтѣ переведено уже, присовокупилъ незнакомецъ доставая изъ-за пазухи тетрадь въ четвертушку.— Тотъ увѣряетъ что дошелъ до сихъ поръ,—онъ указалъ на одну изъ первыхъ страницъ книги,—но мнѣ кажется лучше было бы вамъ провѣрить.

— Развѣ вы совсѣмъ не знаете по-нѣмецки? вырвалось у меня невольно.

— Ни слова...

„Вотъ такъ молодецъ!“ подумалъ я, и чуть не расхохотался.

— Хорошо, прибавилъ я вслухъ,—я согласенъ.

А согласился я вотъ почему.

И личность поручившая перевести книгу и сама книга меня очень интересовали. Наконецъ оригинальный индивидуумъ взявшійся перевести ее „съ помощью“, по его выраженію, показался мнѣ достойнымъ ближайшаго знакомства.

Бюриданъ—одна изъ куріознѣйшихъ фигуръ парижскаго асфальта.

Бюриданъ только псевдонимъ. Настоящее имя этого человѣка П....., но псевдонимъ до того затеръ настоящее имя что П..... почти никто не знаетъ, тогда какъ Бюриданъ извѣстенъ всему парижскому биржевому люду.

Этотъ архи-практичный человѣкъ нашелъ средство превратить скромный журнальный гонорарій въ золотой рудникъ. Тамъ гдѣ другіе бьются въ потъ лица своего паникуя газетныя строки по десяти сантимовъ за штуку, тамъ этотъ практикъ добываетъ двадцать пять, пятьдесятъ и сто франковъ за строку.

И не думайте чтобы такой гомерическій, баснословный гонорарій былъ достойнымъ возмездіемъ за какую-нибудь необыкновенную прозу или необычайную поэзію,—нѣтъ, проза этого человѣка состоитъ, или скорѣе состояла, почти исключительно изъ голыхъ цифръ.

Описываемый журнальный грандъ не былъ при этомъ въ обыкновенныхъ отношеніяхъ подчиненности къ редакціи, по

той простой причинѣ что не она ему платила, а онъ ей. За каждую свою строку онъ платилъ редакціи или скорѣе редакціямъ, и платилъ хорошо.

Короче говоря, Бюриданъ „дѣлалъ“ *финансовыя обозрѣнія* и *биржевой бюллетень* для нѣсколькихъ значительныхъ газетъ.

Дѣлался бюллетень этотъ очень просто. Бюриданъ появлялся на биржѣ часовъ около двухъ пополудни и бралъ „кѣту“ для справокъ. Затѣмъ между нимъ и какимъ-нибудь крупнымъ финансовымъ дѣятелемъ завязывался приблизительно слѣдующій разговоръ.

— Готова ваша „картина“ для завтрашняго нумера? спрашивалъ дѣятель, будто къ слову, старался придать какъ можно болѣе равнодушное выраженіе своему вопросу.

— Да, почти.... собираю вотъ послѣднія справки.

— Наша „кѣтка“ есть?

— Какъ же не быть, есть.... О чемъ же и говорить какъ не о вашей компаніи!.. Я поставилъ о васъ то-то и то-то въ отчетѣ.

— Прекрасно.

— Да.... Я и забылъ вамъ сказать, на счетъ этихъ глупыхъ слуховъ я вотъ что написалъ....

— Гм.... ну напрасно.... Вы знаете этихъ дураковъ, сейчасъ вообразить себѣ Богъ знаетъ что....

— Да не могу же я сказать что все обстоитъ у васъ благополучно, когда...

— Вопервыхъ, любезный другъ, вы знаете что эта неприятность случайная, моментальная. Случай простой и глупый случай, а вовторыхъ, умолчать или, наконецъ, оговориться разумно, вещи розныя....

— Это все такъ, любезнѣйшій, только я вамъ скажу что постоянно нельзя такъ дѣйствовать — терлешь авторитетъ....

— Прекрасно! Но зачѣмъ же дѣлать зло.... Поставьте только себя на мѣсто акціонера, пріятно вамъ было бы прочесть это?

— Да какъ же я могу поставить себя на мѣсто акціонера когда я не акціонеръ?

— Ошибаетесь....

— Какъ ошибаюсь?

— Да такъ.... Поэтому-то я и сказалъ вамъ: поставьте себя на ихъ мѣсто. Вы тоже акціонеръ, у васъ тоже есть акціи

На дняхъ я еще отложилъ для васъ три штуки, будучи увѣренъ что вы интересуетесь этимъ предпріятіемъ....

— Еще бы! Золотое дѣло!

Два-три подобныхъ *a parte* и Бюриданъ покидаетъ биржу чтобы составлять свою финансовую „картину“.

На квартирѣ у него ждутъ сотрудники—стадо голодныхъ волковъ питающихся убогими крохами съ царскаго стола своего набольшаго.

Онъ является, усаживаетъ ихъ у большаго стола, на которомъ лежитъ огромный разглафленный листъ бристольской бумаги, и бросаетъ имъ пачки записокъ, отмѣтокъ, табличекъ и пр. Они разбираютъ, сортируютъ, подводятъ, вносятъ слѣдуемое въ „кѣтки“, свѣряютъ, складываютъ, вычитаютъ, умножаютъ, дѣлятъ, спорятъ, бранятся, поѣдомъ ѣдятъ другъ друга и наконецъ провѣряютъ сдѣланное.

Послѣдняя операція смахиваетъ очень по характеру своему на сцену послѣдняго дѣйствія *Ревизора*, въ которой читается письмо Тряпичкину. Всѣ налегаютъ на каждого поочередно.

Такая система провѣрки даетъ удивительные результаты — пропущенныя ошибки не мыслимы.

Этотъ адъ длится до девяти часовъ вечера.

Тогда является Бюриданъ, спроваживаетъ всю ватагу, вручивъ каждому пятифранковую монету—гонорарій! бросаетъ на работу взглядъ опытнаго полководца и вставляетъ тамъ-сямъ, въ оставленныхъ пробѣлахъ, свои собственныя отмѣтки.

Эти-то драгоценныя отмѣтки и составляютъ самую суть работы. Только благодаря имъ и происходятъ биржевыя *a parte* образчики которыхъ я вамъ привелъ выше.

Затѣмъ просмотрѣнная и дополненная „картина“ приносится въ редакцію и публикуется въ газетѣ.

— Читали насчетъ.... компаніи?

— Читалъ....

— Крѣпко....

— Да....

— Ну видите ли, это все пустяки говорятъ....

— Должно-быть такъ.... мало ли что болтаютъ....

Вотъ непосредственные результаты отмѣтокъ Бюридана... И это не фикція. Больше найдется такихъ которые слѣло

повѣрятъ на-слово такого рода заявленіямъ, чѣмъ такихъ которые сумѣютъ прочесть между строками.

Что вы хотите, „печатное“!

Это такъ было, есть и будетъ до тѣхъ поръ пока.... пока свѣтъ Божій будетъ стоять на четырехъ китахъ.

Занимайся Бюриданъ только своею золотосоною спеціальностью, онъ былъ бы счастливѣйшій изъ смертныхъ, съ своей точки зрѣнія, разумѣется. Существованіе его было бы, какъ говоритъ поэтъ, „соткано изъ шелка и бархата“. Но на свою бѣду Бюриданъ любилъ всегда быстрые, немедленные, непосредственные результаты. Онъ презиралъ ожиданіе и сразу хотѣлъ ворочать деньги лопатой.

Что прикажете дѣлать! аппетиты, могучіе аппетиты. Натуры не передѣлаешь.

Короче говоря, Бюриданъ вздумалъ жить на широчайшую ногу; мало того, его полутало и на биржѣ играть...

На биржѣ, онъ, не взирая на свою спеціальность, все-таки оказался карасемъ въ сравненіи съ крупными финансовыми щуками и потерпѣлъ нѣсколько крушеній.

Жизнь на широчайшую ногу далась ему тоже не даромъ.

Онъ вѣхалъ въ долги, но, вступивъ разъ на этотъ скользкій путь, рѣшилъ—все какъ архи-практичный человѣкъ—что останавливаться здѣсь на полдорогѣ было бы крайне опасно, даже губельно, мало того—глупо, *qu' il fallait faire grand*, по мѣстному выраженію; онъ сказалъ себѣ что имѣя сто, двѣсти тысячъ неоплатнаго долга человѣкъ безусловно погибъ, тогда какъ имѣя два милліона такого долга онъ обезпеченъ на всю остальную жизнь. Почему? потому что въ первомъ случаѣ, человѣкъ этотъ изображаетъ изъ себя вульгарнаго несостоятельнаго должника, тогда какъ во второмъ—развѣнчаннаго кумира, потому что свора алчныхъ кредиторовъ загрызетъ, задушитъ и загубитъ съ яростнымъ злорадствомъ несчастнаго обобраваемаго ее на тысячи, тогда какъ та же свора серьезно призадумается когда, вслѣдствіе экзекуціи „жертвы“, ей пришлось бы навсегда распрощаться съ десятками, сотнями тысячъ, наконецъ потому что человѣкъ сумѣвшій обморочить и обобрать людъ Божій на подобную гомерическую сумму невольно вселяетъ къ себѣ нѣкоторое уваженіе,—и въ концѣ концовъ, потому что съ такою головкою можно всегда надѣяться что, поддержавъ эту головку вовремя, она снова всплыветъ и разчитается съ вами боками другихъ.

Тутъ, какъ видите, діалектика.

Діалектика эта принесла свои плоды. Имѣя на своемъ пасивѣ около двухъ милліоновъ, а на активѣ одни лишь изодня въ день перепадающія „прилагательныя“ биржевыхъ *a parte*, Бюриданъ продолжалъ жить бариномъ, и, благодаря громадной цифрѣ долга, держалъ кредиторовъ своихъ на привязи.

Нѣтъ денегъ на какую-нибудь мелкую затычку и не откуда взять, онъ беретъ за бока одного изъ крупныхъ своихъ кредиторовъ, и какъ бѣлое на черномъ доказываетъ ему что не выручить его, Бюридана, было бы, со стороны крупнаго кредитора, неразчетливо, непростительно, глупо и бессмысленно.

— Попадусь изъ-за такихъ лустяковъ, вамъ же будетъ хуже.... Вернуть мнѣ вамъ тогда все, какъ вы думаете?

И крупный кредиторъ, дѣйствительно соглашаясь съ мудрою аргументаціей, выдаетъ со скрежетомъ зубовъ субсидію.

Это Бюриданъ называлъ *пифсонировать* своихъ дойныхъ коровъ, или, говоря менѣе фигуральнымъ слогомъ, своихъ должниковъ.

Не взирая на свой соколиный взглядъ Бюриданъ впалъ въ огромную ошибку—онъ не сумѣлъ остановиться вовремя.

По долговой части начали накапливаться, какъ говорятъ Французы, *Pelion sur Ossa*; къ тому же онъ успѣлъ приобрести не малое количество враговъ, не говоря уже о самихъ кредиторахъ, правда, крѣпившихся еще, но внутренно сладостно мечтавшихъ о какомъ-нибудь возмездіи столь же гомерическомъ какъ навороченный долгъ. Мало того, пошли слухи о какихъ-то совершенно уже темныхъ продѣлкахъ хроникера-финансиста, продѣлкахъ сильно припахивающихъ пенитенціарною колоніей и острогомъ....

Тутъ началось для Бюридана странное существованіе. Онъ почувствовалъ что полъ подъ нимъ обрушивается и пустилъ въ ходъ весь свой умъ, всю олытность, всю ловкость чтобы выкарабкаться посчастливіе. Людъ Божій почувалъ это тоже и сталъ инстинктивно отстраняться чтобы какъ-нибудь не быть задѣтымъ щелами и обломками этого крушенія.

Бюриданъ удвоилъ усилія. Какого свойства были эти усилія—вѣроятно темнѣйшаго, потому что недобрая молва усилилась.

Между тѣмъ онъ продолжалъ писать свои курьеры и бюллетени для газетъ, жилъ на такую же ногу, въ той же

шикарной квартирѣ, имѣлъ тотъ же шикарный ажитажъ, одно только онъ прекратилъ, свои „пріемы“, или скорѣе долженъ былъ ихъ прекратить, потому что принимать было некого.

Знакомые при встрѣчѣ съ этимъ человѣкомъ старались быть возможно сдержаннѣе, не зная какъ имъ придется на другой же день съ нимъ встрѣтиться, придется ли имъ протянуть руку знакомому или подать милостыню колоднику на цѣлурѣ.

Таковъ былъ человѣкъ которому, по крайней мѣрѣ по словамъ явившейся ко мнѣ личности, былъ нуженъ переводъ книги въ возможно скорый срокъ.

Теперь два слова о самой книгѣ.

Книга была, какъ я уже сказалъ, нѣмецкая, и носила заманчивое заглавіе: *Treiben der Juden in Frankreich*.

Заглавіе достаточно объясняетъ о чемъ шло дѣло. Авторъ, баварскій *chevalier* (имени не помню) и ультра-клерикаль, старался доказать что причиною всѣхъ несчастій, погромовъ и разгромовъ обрушившихся на Францію были Евреи, и что несчастная страна олутана и олутовается все тѣснѣе и плотнѣе паутиной громадной подпольной интриги, пауками которой являются наибольшіе люда Израилева. Начиная съ братьевъ Бедарридъ, положившихъ при Первой Имперіи основаніе еврейскаго масонства во Франціи, и кончая Гамбеттой, коего авторъ производитъ отъ нѣкоего нѣмецкаго Жидка Гамберле, * всѣ, по мнѣнію баварскаго *chevalier*, вредные дѣятели Франціи за послѣдніе три четверти столѣтія, всѣ почти безъ исключенія были Евреи. Разумѣется всѣ они перебраны по косточкамъ и караемы вельми. Самому Наполеону приписывается, *documents en main*, жидовское происхожденіе.

Взглядъ, какъ видите, нѣсколько односторонній. Тѣмъ не менѣе памфлетъ написанъ бойко, талантливо и изобилуетъ куріозными свѣдѣніями и документами.

---

* По словамъ автора упоминаемой книги, отецъ бывшаго диктатора Франціи—нѣмецкій Жидъ родомъ изъ Штутгарта. Въ 1804 году онъ переселился въ Геную, сталъ торговать въ періодъ континентальной системы суррогатомъ кофе, нажилъ себѣ кое-какія деньги, женился, и, изъ своей чисто жидовской фамиліи Гамберле, сдѣлалъ будто бы, по настоятельнымъ просьбамъ жены, нѣчто полу-жидовское, полуиталіанское—Гамбетту.

Особенное значеніе придавало этой книгѣ то что ввозъ ея во Францію былъ воспрещенъ.

Теперь вы вѣроятно поймете тѣ мотивы любопытства и вѣдствіе которыхъ я принялъ обѣими руками переводъ предложенный мнѣ на такихъ безобразныхъ условіяхъ.

Мнѣ чрезвычайно любопытно было знать что-нибудь поближе о Бюриданѣ, о томъ что могло быть общаго между такою личностью и нѣмецкимъ политическимъ памфлетомъ; наконецъ я обрадовался неожиданному случаю прочесть книгу о которой много слышалъ, но достать которую никакъ не разчитывалъ. Третья причина, какъ я уже сказалъ, была сама личность съ которою мнѣ приходилось раздѣлить трудъ.

Работа пошла у насъ на всѣхъ парахъ.

Каждый день, въ восемь часовъ утра, минута въ минуту, раздавались три легкихъ отрывистыхъ удара въ дверь и сотрудникъ мой входилъ въ комнату своимъ мѣрнымъ, тяжело-вѣснымъ, командорскимъ шагомъ. Мы тотчасъ же усаживались за переводъ и не вставали до одиннадцати.

Писалъ онъ совершенно замѣчательно. Развернувъ тетрадку, насадивъ новое перо на длинѣйшую ручку, онъ садился на стулъ и, откинувшись на спинку, не сгибался, накренивъ нѣсколько на бокъ голову, заложивъ лѣвую руку за лазуху, принимался писать, и обыкновенно, въ продолженіе добраго часа, не мѣнялъ положенія. Писалъ онъ необыкновенно скоро, красиво, круглымъ вязаннымъ почеркомъ, писалъ безъ усталости, безъ передышки.

Иногда мнѣ казалось что это былъ не человѣкъ, а какая-то одушевленная скорописная машина.

Въ одиннадцать часовъ мы останавливались. Онъ закладывалъ перо за ухо, наскоро просматривалъ написанное, и затѣмъ, отеревъ перо о полу сѣраго съ искрой пальто-сака, пряталъ тетрадку за лазуху и уходилъ завтракать.

Исключая нѣкоторыхъ лаконичныхъ замѣчаній касавшихся предмета перевода, въ первые три-четыре дня мы не обмѣнялись можетъ-быть и десятью фразами. Кромѣ фамиліи Х***, которую онъ мнѣ сообщалъ еще при первомъ посѣщеніи, я рѣшительно ничего не зналъ о томъ кто такой и что такое мой сотрудникъ. За то въ слѣдующіе дни онъ вдругъ развернулся и угостилъ меня такими розказнями о себѣ что, на первыхъ порахъ, я принялъ его за одного изъ самыхъ видныхъ представителей мѣстной хлестаковщины.

Начало этой второй фазы нашего знакомства было довольно куріозное.

Не помню по какому случаю Х*** употребилъ одинъ или два раза выраженіе „мои жены“.

Это множественное, какъ вы понимаете, меня нѣсколько удивило. Я всегда слышалъ отъ двойныхъ и тройныхъ вдовцовъ выраженія „моя первая жена“, первая и „вторая жена“, но огульнаго отношенія къ усопшимъ подругамъ жизни мнѣ еще не случалось слышать.

— Давно вы овдовѣли въ послѣдній разъ? спросилъ я, когда онъ мнѣ сказалъ что обрѣтается въ совершенномъ одиночествѣ.

— Я не овдовѣлъ, всѣ жены мои живы.

Господи! подумалось мнѣ, кого и чего тутъ только не встрѣтишь въ Парижѣ; переводить нѣмецкую книгу съ Мормономъ, и то привелось!...

— Гдѣ же ваши... супруги? спросилъ я.

— Я ихъ оставилъ на Мадагаскарѣ....

И Х*** сообщилъ мнѣ что, пробывъ нѣсколько лѣтъ на этомъ островѣ, между Маллангами, онъ счелъ долгомъ, по туземному обычаю, обзавестись законнымъ путемъ — разумѣется мѣстнымъ — лятью женами, Малланками.

— Этотъ бракъ, какъ вы понимаете, дѣйствителенъ только тамъ, заключилъ онъ, такъ что, если хотите, на самомъ-то дѣлѣ я холостъ.

Это я и безъ него понималъ.

— Но какъ же, вы ихъ такъ и бросили?

— То-есть какъ бросилъ?

— Когда уѣхали.

— Нѣтъ. Я далъ имъ маленькое приданое—онѣ вернулись къ себѣ...

Такое начало общало. Мнѣ только приходилось развѣсывать уши и слушать, что я и сдѣлалъ.

Х*** сообщилъ мнѣ что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ отправился на Мадагаскаръ изучать производительныя силы этого африканскаго острова, что тамъ онъ составилъ проектъ товарищества на паяхъ для монопольной разнѣрной торговли между Франціею и Мадагаскаромъ, что явился обратно въ Парижъ съ этимъ проектомъ въ 1868 году, что дѣло мало-по-малу начало устраниваться, и только Франко-Прусская война и послѣдовавшія за нею событія помѣша-

ли до сихъ поръ осуществленію этого гигантскаго предпріятія. Цифры исчислялись собесѣдникомъ моимъ гомерическія: онъ жонглировалъ милліонами и десятками милліоновъ какъ мячиками и все отъ собственного имени. „На это я кладу столько-то милліоновъ...“ „Здѣсь я получаю столько-то десятковъ милліоновъ...“

— Но, счелъ я долгомъ замѣтить, если это такое блестящее предпріятіе, почему не продадите вы какому-нибудь капиталисту вашъ проектъ и концессию, если вы ее имѣете?

— Какъ!.. продать за какія-нибудь пятьсотъ-шестьсотъ тысячъ милліонное дѣло, на которое я убилъ и время и трудъ!

Я опустилъ глаза за своего собесѣдника. Опустившись, взоръ мой встрѣтилъ столпанные до крайности и порывѣлые сапоги Х***.

— Но, рѣшился я еще прибавить,—такъ какъ вы не положили на это собственныхъ капиталовъ, то...

— Какъ?.. А мысль? *l'idée—c'est tout!*... Это выше всякихъ капиталовъ! Мнѣ тутъ давалъ одинъ бандитъ двѣсти тысячъ за мой проектъ...

— Ну и что же?

— *Des nêfles!* * вотъ что я ему отвѣтилъ.

На слѣдующій день другая исторія.

Послѣ введенія ружья Шаспо, французское военное министерство рѣшило продать съ публичнаго торга ружья, карбинны и пистолеты старой системы. Онъ, Х***, составилъ тогда проектъ слѣдующаго рода: предложить правительству вышнюю цѣну, съ условіемъ принять не сразу все оружіе, но получать его изъ арсеналовъ частями, по мѣрѣ надобности: приводить въ исправность и продвигать значительными партіями.

— Кому же? полюбопытствовалъ я узнать.

— Всегда есть охотники не въ Египтѣ, такъ въ Азіи, въ Америкѣ... Всегда гдѣ-нибудь да дерутся.

— Если я хорошо понималъ, вамъ пришло на мысль устроить нѣчто въ родѣ центрального склада оружія для всякаго рода возстаній, междоусобныхъ войнъ, бунтовъ и пр.

— Да, отчасти; если хотите, это было нѣчто въ такомъ

* *Des nêfles* можетъ быть передано по-русски изящнымъ выраженіемъ: „хотите дулю?“

родѣ, потому что не регулярныя же правительства стали бы къ намъ обращаться.

— И правительство Второй Имперіи согласилось терпѣть у себя подобное... „учрежденіе“?

— Ну!.. правительство Второй Имперіи!.. процвѣдалъ онъ съ величайшимъ презрѣніемъ. — Что ему было за дѣло до этого: на вывозъ вѣдь, другимъ!.. Очень оно заботилось... *Le pot de vin*, * вотъ о чемъ заботились прежде всего, а тамъ хоть пропадай все!

— И удалось вамъ это дѣло?

— Да, нечего сказать! — Я вамъ говорю, *pas de chance!*.. Какъ видно на роду написано! Удалось, только не для меня... Былъ со мною компаньйонъ, деньги внесъ, ну и отстранилъ какъ только дѣло устроилось... Предложилъ крохи! Я на это сказалъ: нѣтъ любезный, мысль моя, главное мое, и завелъ съ нимъ дѣло....

— И проиграли?

— Нѣтъ, ничего не вышло. Тутъ началась война, старое оружіе изъ арсеналовъ выдали войскамъ.... Что же вы думаете, этотъ дуракъ, вмѣсто того чтобы требовать отъ правительства теперь уплаты, сидитъ себѣ сложа руки!

И онъ мнѣ объяснилъ что отъ правительства, по настоящему, слѣдовало потребовать, за все оружіе старой системы взятое изъ арсеналовъ во время Франко-Прусской войны, уплаты по цѣнамъ „назначеннымъ нами“, или крулой неустойки.

Патріотъ! подумалъ я.

— И вы думаете что правительство признало бы такой искъ справедливымъ?

— А *pot-de-vin*? Вы забываете это....

— Что же? значитъ, вашъ компаньйонъ не согласился идти на эту аферу?

— Не согласился!.. такому жиду не согласиться! Не сумѣлъ, а меня уже тогда съ нимъ не было....

— И предпріятіе это до сихъ поръ существуетъ?

— Какъ же! онъ и теперь проживаетъ тутъ, въ Парижѣ, и торгуетъ оружіемъ.... Какъ живетъ! росписные плафоны, мраморныя лѣстницы.... Только, между нами, это ничего не значитъ, дѣла его идутъ очень плохо.

* Бсѣтка.

На слѣдующій день новая исторія.

На этотъ разъ дѣло шло о зажигательныхъ спичкахъ. Французское правительство рѣшилось, послѣ войны, отдать торговлю спичками на откупъ.

— Я сейчасъ же принялся изучать это дѣло.... Золотое, я вамъ скажу, дѣло! можно смѣло поднять торги до семнадцати милліоновъ. Занялись имъ нѣсколько компаній. Одной изъ нихъ я предложилъ составленный мною проектъ. Нашли превосходнымъ.... И что же вы думаете? Эти болваны не рѣшились поднять цѣну на торгахъ, остановились на четырнадцати милліонахъ!

— Ну и?...

— Ну и что жь! другая компанія перебила!... Мы потеряли полтора ста тысячъ предварительныхъ расходовъ и остались на бобахъ!

— А вы собственно много потеряли въ этихъ полтора ста тысячахъ?

— Я?... деньгами ни одного су, конечно, но вѣдь мысль погибла — тѣ же деньги.

— И такъ монополія спичечной торговли теперь у другой компаніи?

— Да, пошла за четырнадцать милліоновъ съ чѣмъ-то. — Какъ вамъ это нравится? когда семнадцать можно было дать съ закрытыми глазами!... Не правда ли что жалость?

Я пожалѣлъ.

За эти дни, какъ видите, изъ милліоновъ мы не выходили.

Далѣе, въ другомъ порядкѣ мыслей, X*** сообщилъ мнѣ что написалъ историческій этюдъ „изъ русскихъ правовъ“.

— И какъ вы думаете, прибавилъ онъ при этомъ, — гдѣ я нашелъ матеріалы для этого этюда? на Мадагаскарѣ!... Странныя вещи бываютъ на бѣломъ свѣтѣ....

Я и рукой махнулъ на своего сотрудника. Однако полюбопытствовалъ узнать что за документы о Россіи могли очутиться на Мадагаскарѣ.

— Исторія Ламе Флери и другая еще.... Я разработалъ характеръ тзаровича Жана, *le tzarowitch Jean*... Впрочемъ завтра я принесу вамъ эту работу. Вы, какъ Русскій, скажете ваше мнѣніе и сдѣлаете ваши замѣчанія.

На слѣдующій день, только-что явившись, X*** сталъ доставать изъ кармановъ пальто-сака цѣлую кипу бумагъ и тетрадей. Я содрогнулся вообразивъ себѣ что вся эта

бумажная громада изображаетъ обѣщанное романтико-историческое твореніе.

Испугъ мой былъ кратковременный. Эта кила бумагъ изображала совсѣмъ другое. То были доказательства и документы касающіеся разказанныхъ исторій.

Тутъ былъ и проектъ торговаго трактата, о которомъ Х*** говорилъ, съ присовокупленіемъ множества докладныхъ записокъ, замѣтокъ и отчетовъ о производительныхъ силахъ края; и проектъ объ оружіи, съ документами по исковому дѣлу Х*** противъ его компаньйона; и проектъ „товарищества спичечной монополіи“. Самъ романъ, къ величайшей моей радости, занималъ очень мало мѣста въ этой бумажной грудѣ.

Я былъ чрезвычайно удивленъ. И такъ, если Х*** и лгалъ, то лгалъ только на половину. Документы лежавшіе предомною свидѣтельствовали что этимъ человѣкомъ были по крайней мѣрѣ предприняты дѣла о которыхъ онъ мнѣ говорилъ. Я видѣлъ прошенія и официальные отвѣты, на бланкахъ, съ подписями, видѣлъ исковые документы, форменные, настоящіе.

Между прочимъ я убѣдился по бумагамъ что дѣйствительно, года два до того, компаньйонъ Х*** предложилъ послѣднему сорокъ пять тысячъ франковъ „отступнаго“.

Письмо компаньйона было вшито въ дѣло, помѣчено номеромъ и тембрировано. Сомнѣнія не могло оставаться никакого.

— И вы отказались отъ этихъ сорока пяти тысячъ? невольно воскликнулъ я.

— Да, разчитывая получить милліонъ.

— И не раскаиваетесь теперь?...

— Признаться, раскаиваюсь.... Пригодились бы по крайней мѣрѣ на другія дѣла.

— Вы непременно хотите милліоны?

— Надо.... И онъ задумчиво уставился въ пространство.

Странная фигура, въ своемъ убогомъ лалыто-сафѣ, приняла внезапно въ моемъ умѣ совершенно иные размѣры. Это былъ уже не вульгарный экземпляръ мѣстной хлестаковщины, а нечто другое, покрупнѣе, поинтереснѣе; словомъ *нѣчто*.

Но что именно?

Эти труды, повидимому дѣльные и серіозные, эти энергическія исканія, какъ совмѣстить ихъ съ метаніемъ въ сторону отъ одного къ другому, не доводя ничего до конца?

какъ совмѣстить это крупное отношеніе къ цѣли, къ миллиону, презирая десятками тысячъ „положенными на столъ“, какъ совмѣстить это съ мизерною хлестаковщиною, съ непрошенными разказами, съ этою выкладкой документовъ? эту безалаберную откровенность, съ этимъ „надо“?

Впрочемъ на счетъ одной стороны характера моего со-трудника я могъ вскорѣ положить совершенно опредѣлительное сужденіе.

Еще при самомъ началѣ Х*** объяснилъ мнѣ что переводимая книга была задержана на границѣ по той причинѣ что изобилующая безобразными пасквилями на многихъ видныхъ и достойнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей. Изъ его словъ я могъ понять что задержаніе нѣмецкой брошюры было однако только временное, „дабы дать время написать отвѣтъ, въ которомъ опровергались бы побѣдоносно взведенныя клеветы“. Это меня нѣсколько удивило. Далѣе, Х*** сообщалъ что написать разгромительный отвѣтъ баварскому *chevalier* поручено было именно Бюридану, и что онъ, Бюриданъ, не зная ни слова по-нѣмецки, далъ перевести книгу. Х*** присовокупилъ что самъ, съ своей стороны, намѣренъ содѣйствовать Бюридану въ этомъ трудѣ, что собираетъ данныя имѣющія доказать, какъ бѣлое на черномъ, всю пользу приносимую Евреями обществу вообще и французскому въ особенности. При этомъ Х*** цитировалъ нѣсколько фактовъ собранныхъ имъ направо и налево.

Недѣли полторы послѣ этого разговора, Х*** явился ко мнѣ однажды въ ужаснѣйшемъ видѣ, промокшій до костей, забрызганный грязью по колѣна, измученный на видъ до крайности.

Погода стояла отвратительная, такая что, какъ говорится, добрый хозяинъ собаки не выгонитъ на улицу, или, по нынѣшнему французскому выраженію, *un temps à ne pas mettre un Prussien à la porte*.

Х*** былъ безъ зонтика. Съ линючей шляпы текла струйка-ми грязная черноватая вода. Пальто-сакъ изъ сѣраго превратилось почти въ черное и изображало нѣчто въ родѣ губки напитанной водою.

Я послѣдшилъ предложить ему снять пальто и присѣсть къ камину. Онъ снялъ пальто и развѣсилъ его на спинкѣ стула. Подъ этимъ легчайшимъ верхнимъ одѣяніемъ оказались только жилетъ и рубашка. При каждомъ шагѣ въ сапогахъ

Х*** слышалось какое-то лищаніе. Очевидно они были полны водою.

— Да вѣдь у васъ ноги насквозь промочены, сказалъ я.

— Мокры очень..... Позвольте? обратился онъ ко мнѣ въ отвѣтъ, указывая на ноги.

— Разумѣется.

— Но прежде позвольте взять соломенный стулъ, такъ, по крайней мѣрѣ, течь будетъ насквозь.

Онъ сѣлъ къ камину, снялъ ботинки, вылилъ изъ нихъ воду и сталъ отогрѣваться. Онъ находился повидимому въ очень возбужденномъ состояніи.

— Вотъ скоты-то! воскликнулъ Х*** послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— Кого это вы такъ честите?

— Да этого бандита Бюридана и всю его логаную клику...

— А что?

— Что?.. Да вотъ, я вамъ скажу что: съ сегодняшняго же дня я начну собирать документы—и, я вамъ скажу, тутъ мнѣ остается только выбирать!... Кучи, груды, мысы ихъ можно найти со всѣхъ сторонъ!

— Какіе документы?

— А такіе чтобы разбить, разрушить, свалить, смять, затоптать въ грязь всѣ мизернѣйшіе аргументишки, всѣ подкупные доводы, всѣ такъ-называемыя доказательства господина Бюридана въ пользу отцовъ и благодѣтелей!...

— Какъ отцовъ и благодѣтелей?

— Да такъ.... Жидовъ-то его любезныхъ! Вѣдь они же все устроили, они же уладили такъ что книгу задержали, они же предложили Бюридану написать опроверженіе..... Кто же бы другой и взялся—гсвори серьезно между нами—защищать ихъ...

— Нѣтъ, я вамъ скажу, заговорилъ онъ снова послѣ нѣкотораго молчанія, уставившись на огонь,—съ такими людьми ничего не возьмешь, ничего!... Надо чтобъ они боялись, надо ихъ держать въ лапахъ, вотъ такъ,—онъ вытянулъ руку со сжатымъ кулакомъ,—въ страхъ... Только тогда они васъ и знаютъ...

Ага! подумалось мнѣ. Вотъ оно что!

— И что же вы намѣрены сдѣлать съ вашими документами? публиковать ихъ?

— Да.

— Не разрѣшать продажу.

— Ничего. По крайней мѣрѣ оружіе будетъ въ рукахъ.

Понять было не трудно. Такую откровенность моего сотрудника можно было только приписать раздраженному состоянию въ которомъ онъ находился.

Разспрашивать, какъ вы понимаете, былъ самый вѣрный способъ не узнать правды. Я оставилъ собесѣднику самому высказаться.

Дѣйствительно, далѣе какъ-то въ разговорѣ, онъ замѣтилъ съ горечью какъ великолѣпно живетъ мѣстный главный раввинъ и нѣкоторые наибольшіе сыны Израилевы, въ особенности банкиры.

Изъ этого я могъ заключить что Х*** недавно, въ то же утро быть - можетъ, побывалъ у люда обстановка котораго дѣйствовала на него такъ раздражительно. Догадки мои превратились въ увѣренность. Х*** „пощупалъ“ вѣроятно представителей французскаго іудаизма, вѣроятно получилъ отпоръ и, недовольный такимъ результатомъ, намѣревался „взять“ ихъ съ другой стороны, страхомъ, „въ лапы“, какъ онъ выразился.

Понявъ тутъ я также что семидесятипятифранковый гонорарій игралъ конечно послѣднюю роль въ мотивахъ побудившихъ этого человѣка взяться за переводъ нѣмецкой брошюры.

— Вы намѣрены продолжать переводъ? спросилъ я.

— Еще бы! Хотя и семьдесятъ пять франковъ, да пригодятся.

Какъ всякій добрый Французъ, Х*** на первыхъ же порахъ вывалилъ предо мною весь ворохъ своихъ политическихъ симпатій. Симпатіи оказались багровыми, политическая программа радикальная. По его словамъ, онъ былъ разумѣется врагъ Второй Имперіи, ликовалъ 4го сентября 1870 года, считалъ президентство Тьера чѣмъ-то временнымъ, переходнымъ, и полагалъ радикальную но „строго-легальную“ республику единственнымъ возможнымъ и разумнымъ исходомъ. Словомъ, онъ принадлежалъ къ многочисленной плеядѣ такъ-называемыхъ *républicains avancés*. Политикъ былъ онъ повидимому довольно равнодушный, особенно близко къ сердцу ничего не принималъ, и о наибольшихъ своей партіи былъ мнѣнія не особенно блестящаго.

Разъ какъ-то разговоръ коснулся о дарованіяхъ извѣстнѣйшихъ дѣятелей радикализма.

— Гм... все это не то, *tout ça est flasque*... замѣтилъ онъ, и вдругъ воскликнулъ повидимому отъ всей души: — былъ тутъ одинъ человѣкъ! — это была голова и рука!

— Кто такой? спросилъ я.

— Милльеръ...

Милльеръ, одинъ изъ членовъ коммуны, разстрѣлянный и приколотый штыками, 22го мая, на панерти церкви Св. Магдалины.

— Милльеръ коммунаръ? воскликнулъ я съ недвусмысленнымъ изумленіемъ.

— Да.

— Но въ такомъ случаѣ вы находите и социальную-политическую программу его разумнѣею?

— Ну это, положимъ, нѣтъ, возразилъ Х*** съ какою-то странною неопредѣленною улыбкой. — Чтò вы хотите! умнѣйшіе, дѣльнѣйшіе люди влопываются иногда по уши помимо своей воли.... Съ этою коммуною онъ сдѣлалъ ужаснѣйшую глупость!

— Только глупость?

— Ну ошибку, или хотите....

— Вы однако очень снисходительны....

— Да какъ же тутъ и не быть снисходительнымъ? кромѣ ошибокъ, промаховъ и глупостей ничего кругомъ не видно...

Терпимость поразительная, въ особенности для Француза, подумалъ я.

Разговоръ нашъ почему-то оборвался на этомъ.

Переводъ нѣмецкой брошюры былъ оконченъ. На другой день Х*** принесъ мнѣ семьдесятъ пять франковъ. Онъ явился въ новыхъ сапогахъ, въ новыхъ панталонахъ, а подъ пальто-сакомъ, на этотъ разъ, оказался черный сюртукъ. Полученныя за переводъ деньги очевидно пошли на необходимѣйшую экипировку.

Я былъ въ неловкомъ положеніи: принять эти несчастные семьдесятъ пять франковъ отъ человѣка находившагося повидимому въ страшно стѣсненныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ, мнѣ было очень непріятно; отказаться совсѣмъ отъ денегъ я не рѣшался боясь его оскорбить. Попробовалъ я было предложить ему оставить покаместъ эти деньги у

себя живообразно и отдать мнѣ ихъ когда дѣла его поправятся, но онъ отказался наотрѣзъ.

Я вспомнилъ тогда что Х*** нѣсколько разъ поражалъ меня своими обширными гастрономическими свѣдѣніями и рассуждалъ всегда объ утонченной „кухнѣ“ съ какою-то особенною чувственностью. Мнѣ пришло въ голову угостить его однимъ изъ тѣхъ *меню*, говоря о которыхъ у него, какъ говорится, текли слюнки.

Я сдѣлалъ ему полупризнаніе объявивъ что принялъ переводъ только потому что желалъ прочесть книгу. Х*** на это улыбнулся своею непріятною вздернутою улыбкой, причемъ открылись два ряда маленькихъ, острыхъ рѣдко насаженныхъ зубовъ.

— *En ce cas vous êtes volé!* сказалъ онъ.—Книжка далеко не такъ интересна какъ о ней толковали, не правда ли?

Я поспѣшилъ увѣрить его въ противномъ, прибавилъ какую-то любезность относительно пріятнаго знакомства и предложилъ „скушать“ вдвоемъ эти семьдесятъ пять франковъ у Бребана. * Онъ принялъ приглашеніе, и мы условились встрѣтиться на другой день, въ половинѣ седьмого, въ *Café Brebant*, находящемся подъ рестораномъ Бребана.

Обѣдъ приближался къ концу. Меню составилъ Х***. Какъ и слѣдовало ожидать отъ сына южной Франціи и поборника „марсельской кухни“, онъ налегъ на пряныя блюда, такъ что обѣдъ вышелъ *d'un relevé à tout casser*, по выраженію мѣстныхъ *gourmets*.

Сначала Х*** ѣлъ и пилъ, пилъ и ѣлъ молча, сосредоточенно, съ благоговѣніемъ, но когда мы подошли къ жаркому съ акомпанементомъ шато-лароза, миновавъ вермутъ, мадеру, кортонъ и шато-икемъ, языкъ у моего собесѣдника развязался необычайно и рѣчи потекли неудержимымъ потокомъ.

— Чортъ знаетъ чего мнѣ стоило отказаться отъ всего этого! сказалъ Х*** послѣ минуты молчанія, откинувшись на спинку дивана и кивнувъ выразительно на столъ.

Я посмотрѣлъ на него вопросительно.

— Конечно не добровольно, прибавилъ онъ.—Я поступилъ радикально, слишкомъ круто принялся и.... *j'ai brûlé la chandelle par les deux bouts*....

* Одинъ изъ лучшихъ парижскихъ ресторановъ, бывшій знаменитый Вашетъ.

И онъ разказалъ безобразную Одиссею кутильной эпохи своей жизни: пять лѣтъ парижскаго разнузданнѣйшаго карнавала, поглотившія совершенно незамѣтно тысячь двѣсти франковъ да имѣніе на югѣ Франціи, доставшееся ему неожиданно послѣ дяди. Затѣмъ, трудовая жизнь, исканія, попытки, дѣльныя, энергичныя, но неудачныя.

— Но мнѣ кажется что отчасти вы сами виноваты, замѣтилъ я ему на послѣднее.—Вы непременно хотѣли каждый разъ забрать миллионъ, и кромѣ миллиона ничего и знать не хотѣли.

— Правда, но вы забываете что это все были за попытки, что это все были за мысли, какъ онѣ были разработаны? Каждый разъ я думалъ что держу его въ рукахъ, этотъ миллионъ.... Да и наконецъ, получи я какое-нибудь ничтожество въ родѣ того о которомъ вы говорите, я бы пропалъ. Биться, биться какъ рыба объ ледъ, родить мысль, взлѣлять ее, разработать, и для чего? чтобы обогатить другихъ, а самому чтобы только на зубокъ хватило?... Получи я эти несчастныя деньги, они исчезли бы, испарились въ моихъ рукахъ въ какіе-нибудь пять-шесть мѣсяцевъ, и снова пришлось бы привыкать къ цыганской жизни! Теперь я сижу и жду, и не сдаюсь, и добиваюсь, и добьюсь своего рано или поздно; тогда же я погрязну въ *dans les délices de Carouge*, чтобы чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ вдругъ проснуться на соломѣ?... Кто знаетъ, нашлось ли бы во мнѣ еще разъ достаточно энергіи и силы воли чтобы снова начать борьбу?

— Итакъ, этотъ миллионъ вамъ нуженъ...

— Для того чтобы наслаждаться, досказалъ онъ за меня и продолжалъ съ возрастающимъ жаромъ:—для того чтобы жить въ сласть, для того чтобы жуировать.... Да, только для того. Бился я только для этого, бьюсь и буду биться только для этого, потому что это все!...

Съ минуту онъ молчалъ, глаза его горѣли лихорадочно, нижняя челюсть судорожно дрожала, и вдругъ заговорилъ сдержаннымъ, чуть ли не спокойнымъ, мѣрнымъ голосомъ, но въ которомъ слышалось при этомъ какое-то довольство чувственнаго предвкушенія, заговорилъ, отчеканивая каждое слово, останавливаясь сосредоточенно по временамъ, о тѣхъ радостяхъ, о тѣхъ блаженствахъ, которыя миллионъ можетъ дать человѣку знающему цѣну вещамъ.

Перечисленіе это было поразительное. Это была картина

„полной чаши“ удивительно яркая, невообразимо полная, подробнѣйшая, подробнѣйшая до крайнихъ, невысказанныхъ мелочей, съ деталями куріозными, яркими, циничными, на которыя онъ напиралъ съ особенною пунктуальностью, съ особенною медленностью, будто сосредоточивая на каждомъ словѣ свои предвкусительныя ощущенія.

Эта замѣчательно яркая и полная картина не могла быть случайною импровизаціей; очевидно это былъ созрѣвшій плодъ страстныхъ разпаленныхъ мечтаній, нѣчто глубоко обдуманное, обработанное тщательнѣйшимъ образомъ, обработанное съ любовью, исподоволь. Эта картина должна была сложиться и дополняться въ часы матеріальныхъ лишеній, въ минуты убогаго одиночества, среди роскоши и затѣй великаго города.

На меня она произвела отталкивающее дѣйствіе.

Вообразите себѣ человѣка который хладнокровно и обстоятельно станетъ вамъ разказывать поутру какъ онъ намѣренъ провести вечеръ и ночь: такъ-то и такъ-то поужинать до отвала, того-то и того-то напиться, такъ-то и такъ-то прокутить и проразвратничать всю ночь; какая должна быть при этомъ обстановка, какимъ способомъ онъ, герой, намѣренъ оправиться среди этой оргіи чтобы съ новыми силами потонуть въ роскоши....

Нравственное я этого человѣка опредѣлилось сразу въ моемъ умѣ: богатая способности, энергія и умъ совершенно ослепленные самыми нездоровыми вождельніями, самыми необузданными аппетитами.

— Не даромъ же у тебя такія могучія челюсти! подумалъ я. „Картина“, изложенная поразительно краснорѣчиво, художественно оттушеванная, оборвалась искусно на точкахъ препинанія. Онъ остался неподвиженъ, сгорбившись, погруженный въ мысленное созерцаніе. Глаза были полузакрыты, взоръ мутный.

— Странное дѣло! прервалъ я молчаніе. — По моему вы не логичны съ самимъ собою.

Х*** вздрогнулъ очнувшись изъ сладкаго забытья. Взглядъ его сталъ обычный, безлокойный, испытующій.

— Почему? спросилъ онъ.

— Вы поставили себѣ цѣль, всѣмъ существомъ своимъ вы стремитесь къ этой цѣли, какова она, мы тутъ не будемъ оцѣнивать; но какая бы она тамъ ни была, вы преданы ей

всѣмъ. Почему же вы, который должны желать одного, думать объ одномъ, о необходимомъ для осуществленія вашихъ плановъ спокойствіи, о тишинѣ, о твердомъ правительствѣ, не разбирая начала на которомъ бы оно основывалось, почему всѣ ваши симпатіи лежатъ къ тому режиму благодаря которому нѣтъ необходимаго для васъ спокойствія, благодаря которому торговля, промышленность, дѣла, все застраивать еще болѣе чѣмъ теперь?

— Вы говорите о радикальномъ режимѣ? Олѣ улыбулся выставивъ свои острые зубы.

— Да.

Онъ засмѣялся.

— Вы ошиблись. Симпатіи у меня нѣтъ и не можетъ быть къ этимъ дѣтскимъ шалостямъ, къ этимъ смѣшнымъ людямъ... Да, я служу имъ, служу ревностно, служу яро, но потому только что они рычагъ, средство, устраненіе препятствій, какъ бы вамъ сказать, расчищеніе дороги. Говоря о томъ чего бы я долженъ былъ держаться, вы также ошиблись. И при Имперіи, и до сихъ поръ я былъ затертъ; много есть такихъ которые и вліяніемъ, и деньгами и положеніемъ своимъ заграждаютъ мнѣ дорогу. Понимаете вы что значать у насъ *свои люди*? что они могутъ дѣлать?... По этому-то будь *они* у власти, мнѣ станетъ несравненно легче и все пойдетъ какъ по маслу... И вы могли думать,—продолжалъ онъ укорительно,— что я увлекся ихъ бреднями, ихъ розовыми утопіями? Да и кѣмъ увлекся-то? На кого смотрѣть? На Тьера? разслабленнаго старикашку, мелко самолюбиваго, упрямаго губернера со школьною указкой въ рукѣ, съ пряниками въ одномъ карманѣ, съ розгами въ другомъ, губернера въ колпакѣ и очкахъ, возмечтавшаго выравнивать всѣхъ въ струнку „домашними средствами“? На Луи Блана? карлика-педанта, политическо-соціалистскаго кастрата, выработавшаго въ своемъ кабинетикѣ безсмысленныя неприложимыя теоріи? на Луи Блана „національныхъ мастерскихъ“?! На Гамбетту? на этого паяца драпирующагося въ мантию трибуна? на этого политическаго нахала? на этого политическаго спекулянта Еврея?.. Еврей! помните? прибавилъ онъ съ ядовитымъ хохотомъ намекая на нѣмецкую брошюру. На горбуна аптекаря Нака? На карлу аптекаря Ламуру? на эти политическія микстуры? на это касторовое масло подцвѣченное красною водоцею? На Гролье, лишающаго „*genre humain*“, *g-e-a-n-r-e*

h-u-m-i-n? На Шаламель-Лакура? картоннаго академиста, сизо-багроваго оттѣнка. — Хороши они всё, нечего сказать!

— Но чего же вы хотите? Чѣмъ же это не дѣтели въ вашемъ порядкѣ мыслей? Затѣмъ остается только коммуна. Но, говоря о гражданинѣ Милльерѣ, вы сами сказали что онъ сдѣлалъ глупость и ошибку прикнувъ къ коммуны; следовательно и коммуна не пользуется вашими симпатіями. О какомъ же *среднемъ* между радикализмомъ и коммуною мечтаете вы?

— О среднемъ? Какая можетъ быть тутъ середина?—И то и другое глупость, безсмысліе... Вы заговорили о Милльерѣ. Милльеръ сдѣлалъ глупость приставъ къ коммуны, именно потому что коммуна должна была изобразить нѣчто среднее...

Глаза моего собесѣдника заискрились, онъ пригнулся и продолжалъ страстнымъ шепотомъ:

— Чтѣ такое была коммуна? чтѣ задумали совершить эти несчастные безумцы? Они вообразили себѣ что сжаливъ нѣсколько домовъ на одной точкѣ міра, они перевернутъ, возродятъ общество, разрушатъ социальный порядокъ, переработаютъ насъ.... Насъ! которые сотнями, тысячами поколѣній успѣли уже прогнать до мозга костей! Чтѣ они задумали? Разбить власть, разрушить государство? Да вѣдь за государствомъ стоитъ общество сложившееся вѣками, прогнившее вѣками!... да вѣдь за обществомъ стоитъ семья—то же государство, то же общество въ маленькомъ видѣ, то же разлагающее начало!... да вѣдь за семьею стоимъ мы всё, прокаженные, прогнившіе единицы!... да вѣдь за нами стоятъ дѣти вскормленные нами же, воспитанные нами же, явившіяся уже прокаженными на свѣтъ!... Чтѣ сдѣлаетъ среди этого всеобщаго разложенія разгромъ какого-нибудь правительства? Они жгли, они разстрѣляли нѣсколько заложниковъ, они ломали, когда надо было косить.... Косить невозможно, косить немилосердно, косить, косить, косить, какъ косить природа, когда она серіозно принимается что-нибудь смывать.... Косить государство, косить общество, косить семью.... На развалинахъ не строятъ,—строятъ на чистомъ полѣ, на гладкомъ выровненномъ мѣстѣ!...

Онъ замолкъ и откинулся на спинку дивана. Глаза стали мутны, челюсть нервно подергивало.

Мнѣ вдругъ стало ужасно жаль этого человѣка. Откуда могли накопиться такіа громадныя залежи желчи, яду,

ненависти? Въ самомъ ли себѣ нашелъ онъ это безобразное скопленіе? Наносное ли оно? Результатъ ли всевозможныхъ разлагающихъ теорій попавшихъ на особенно воспримчивую почву? Жизнь ли его сложилась до того скверно и ужасно что никакого другого заключенія онъ изъ нея не вынесъ? Чтò это должна была быть за жизнь съ первыхъ же шаговъ?

— Было у васъ дѣтство? спросилъ я его. — Помните вы свою мать? знали вы ее?

Вопросъ мой произвелъ на Х*** дѣйствіе ушата холодной воды. Съ секунду смотрѣлъ онъ на меня вопросительно, какъ бы недоумѣвая отъ такого страннаго, нецѣлующаго къ дѣлу вопроса, и затѣмъ, совершенно уже спокойнымъ, обычнымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не помню. Она умерла когда я былъ еще совсемъ ребенкомъ. Да и отца-то зналъ мало: одиннадцати лѣтъ я попалъ юнгою на корабль....

Явился гарсонъ съ ликерами. Разговоръ нашъ оборвался. Х*** принялся расхваливать *зеленый кюрасао—la liqueur des liqueurs*, по его мнѣнію.

Послѣднія слова безобразной социалистско-политической исповѣди меня чрезвычайно поразили. Услышь я ихъ въ первый разъ, я бы принялъ эту софистическую сатурналію за бредъ пьянаго демагога, за отвратительную социалистскую хлестаковщину, и не обратилъ бы особеннаго вниманія: но меня поразило тутъ то что эту самую теорію всеобщаго конечнаго разгроменія мнѣ приходилось слышать въ третій разъ, отъ разныхъ лицъ, высказанную столь же восторженно.

— Изложенная вами разгромительная теорія—личное мнѣніе или программа? спросилъ я его.

— Программа.

— Согласитесь однако что съ этою программой мы далеко очутились отъ вашего милліона.

— Ага! вы, я вижу, олять находите что я не логиченъ съ собою. Вы олять ошибаетесь. Я логиченъ и докажу вамъ это. Чтò я такое? Я сынъ общества составленнаго изъ прокаженныхъ, прогнившихъ единицъ. Почему надо уничтожить эти единицы?—потому что исправить и передѣлать ихъ невозможно..... а я, одна изъ этихъ неисправимыхъ единицъ! мудрено ли что я хочу ухватить, изъ существующаго без-

образія, все что только могу? Указать я могу, косить я могу, переродиться самъ—нѣтъ.

„Указать я могу, косить я могу, переродиться самъ — нѣтъ“. Нельзя было найти болѣе ясной, краткой и полной отпустительной формулы. Этотъ человѣкъ въ трехъ словахъ поразительно откровенно, удивительно ярко очертилъ задушевные стремленія и дѣятельность столповъ всяческихъ „новыхъ общественныхъ наслоеній“, отъ радикализма до крайней разнузданнѣйшей демагогіи.

Прошло около двухъ недѣль. За это время я только разъ видѣлъ моего бывшего сотрудника: онъ зашелъ на нѣсколько минутъ, казался озабоченнымъ и объявлялъ что очень занятъ.

Однажды вечеромъ онъ явился въ высокихъ сапогахъ, въ пальто-сакѣ опоясанномъ ремнемъ, съ дорожною сумкой черезъ плечо. Въ правой рукѣ у него былъ крошечный, истрепанный до крайности сакъ-воляжъ, въ лѣвой нѣсколько книгъ. На рукахъ были надѣты красныя шерстяныя вязаныя перчатки.

— Что это? вы собираетесь въ дорогу? спросилъ я, оглядывая его куріозный нарядъ.

— Да, сѣйчасъ ѣду. Я зашелъ проститься и занести ваши книги; да вотъ еще принесъ одну. Прочтите, это васъ заинтересуетъ.

Онъ подаль мнѣ небольшую брошюру, на сѣрой оберткѣ которой стояло слѣдующее заглавіе:

*A la France, à l'Allemagne
et aux autres nations* *.

— На долго вы ѣдете? спросилъ я его.

— Не знаю, но вѣроятно на долго. Я ѣду въ Марсель... Получилъ мѣсто у одного тамошняго арматора.

— Вы собираетесь служить?

— Нѣтъ, но Испанія меня требуетъ.

Я не считалъ даже долгомъ спросить объясненія послѣдней фразы.

Уходя Х*** вдругъ обернулся ко мнѣ и съ своею плотоядною улыбкой произнесъ слѣдующія слова, на которыя я въ то время не обратилъ никакого вниманія:

— Вы Ома невѣрующій. Признайтесь что такъ. Теперь

* Объ этой брошюрѣ я еще надѣюсь побесѣдовать.

слушайте: слѣдите внимательно за испанскими извѣстіями и при случаѣ вспомните гдѣ я и что я.

— Просто болѣзнь какая-то! сказалъ я пожимая плечами, когда дверь за нимъ захлопнулась.

Прошло около семи или осьми мѣсяцевъ. Однажды утромъ гарсонъ подалъ мнѣ, съ газетами, нумеръ *République Française* подъ почтовою бандеролью съ „иногородною“ маркой.

Первую минуту я не могъ понять въ чемъ дѣло: парижская газета присланная мнѣ по почтѣ изъ другого города? Я взглянулъ на тембръ, прочелъ *Marseille* и вспомнилъ объ Х***.

Я развернулъ съ любопытствомъ газету. Небольшой параграфъ въ отдѣлѣ „разныхъ извѣстій“ отмѣченный синимъ карандашомъ тотчасъ же привлекъ мое вниманіе. Я прочелъ приблизительно слѣдующее:

„Странная участь постигла транспортъ съ оружіемъ отпавленный такимъ-то арматорскимъ домомъ изъ Марсели въ Испанію, два мѣсяца тому назадъ. По непостижимой ошибкѣ онъ очутился теперь въ водахъ Тихаго Океана! Транспортъ былъ запряженъ испанскимъ правительствомъ для перевозки 20.000 ружей новаго образца. *Il faut avouer que le gouvernement espagnol joue de malheur* *.

Тутъ только я убѣдился: это былъ „дѣятель“.

ПЕТРЪ ПЕТРОВЪ.

* Не забудьте что это происходило въ срединѣ 1873 года, въ самый разгаръ кантонализма и демагогическихъ безчинствъ въ Испаніи, когда каждая минута была дорога для испанскаго правительства. Это извѣстіе было въ то время перепечатано во всѣхъ иностранныхъ (между прочимъ и русскихъ) газетахъ.

ЦЕРКОВИЩЕ*

Тихо церковище въ снѣ заколдованномъ,
Свѣтитъ сквозь вѣтви луна,
Ночь воцарилась надъ міромъ окованнымъ,
Ужасомъ тихимъ полна.

Старыя ольхи вѣтвями широкими
Низко склонились къ водамъ;
Мрачно, темно подъ водами глубокими,
Жутко и сказочно тамъ.

Дальше, церковище въ лунномъ сіяніи
Холодно блещетъ какъ сталь,
Тихо дрожа, въ голубомъ очертаніи,
Тонетъ прозрачная даль.

* Почти повсемѣстно въ Россіи существуетъ преданіе о когда-то провалившихся, ушедшихъ въ землю, церквахъ; часто указываютъ мѣста гдѣ будто бы случилось когда-то такое происшествіе, и мѣста эти называются *церковищами*. Такія мѣста народная фантазія преимущественно видитъ въ глубокихъ колдобинахъ или омутѣхъ нашихъ небольшихъ рѣкъ, густо обросшихъ деревьями и лозою, и вообще въ мѣстностяхъ своею дикостію и таинственностію дающихъ пищу простонародному воображенію, столь склонному ко всему мистическому.

Бѣлый туманъ какъ живой колыхается,
Шелчется звучный камышъ,
Тихими звуками вдругъ оглашается
Ночи волшебная тишь.

Тамъ подъ плакучими старыми ивами,
Изъ глубины темныхъ водъ,
Тихими будто во снѣ переливами
Благовѣсть дальній идетъ.

Вотъ освѣтилась лучина бездонная,
Свѣчи въ водѣ зажжены,
Звуки слышишь,—то лѣсъ похоронная
Тихо идетъ съ глубины.

Вотъ колыхнулось туманное зданіе,—
Церковь видна въ глубинѣ,
Мертваго клира звучить отпѣваніе
Въ ночи таинственномъ снѣ.

Мертвый священникъ во всемъ облаченіи
Тамъ совершаетъ обрядъ,
Колокола тамъ въ глухомъ отдаленіи
Тихо и ровно гудятъ....

Гуще туманъ надъ водою колышется,
Скрылось видѣнье какъ сонъ....
Глуше, все глуше, невнятишь слышится
Дальній, таинственный звонъ....

Тихо церковнице въ снѣ заколдованномъ,
Свѣтитъ сквозь вѣтви луна,
Ночь протекаетъ надъ міромъ окованнымъ
Ужасомъ тихимъ полна....

Близкаго утра дыханье холодное—
Вѣтеръ съ востока пахнулъ;
Вдругъ зарябилоса зеркало водное,
Слышится издали гулъ!..

Это за омутомъ лѣсъ просыпается,
Ожила чудная тишь.
Новыми звуками міръ наполняется,
Шелчется громче камышъ....

Грянула чудная пѣснь соловьиная!
Сыплется звучная трель....
Рыба плеснулась надъ самой лучиною,
Дернулъ въ травѣ коростель,
Перепелъ гдѣ-то вдали окликается,
Громко кричать журавли....
Мѣсяцъ блѣднѣетъ, заря занимается,
Горлица стонетъ вдали....
Воды церквища блещутъ спокойныя,
Алымъ сіяньемъ горя....
Громче, все громче—гармонія стройная!
Всюду разсвѣтъ и заря!

М. ХИТРОВО.

АННА КАРЕНИНА *

РОМАНЪ.

XI.

Еще въ первое время по возвращеніи изъ Москвы, когда Левинъ каждый разъ вздрагивалъ и краснѣлъ вспоминая позоръ отказа, онъ говорилъ себѣ: „также краснѣлъ и вздрагивалъ я, считая все погибшимъ, получивъ единицу за физику и оставшись на второмъ курсѣ, также считалъ себя погибшимъ послѣ того какъ испортилъ порученное мнѣ дѣло сестры, и что жь?—теперь, когда прошли года, я вспоминаю и удивляюсь какъ это могло огорчать меня. То же будетъ и съ этимъ горемъ. Пройдетъ время, и я буду къ этому равнодушенъ.“

Но прошло три мѣсяца, и онъ не сталъ къ этому равнодушенъ, и ему также какъ и въ первые дни было больно вспоминать объ этомъ. Онъ не могъ успокоиться потому что онъ, такъ долго мечтавшій о семейной жизни, такъ чувствовавшій себя созрѣвшимъ для нея, все-таки не былъ женатъ и былъ

---

* См. *Русск. Вѣсти*. №№ 1 и 2й.

дальше чѣмъ когда-нибудь отъ женитьбы. Онъ болѣзненно чувствовалъ самъ, какъ чувствовали всѣ его окружающіе, что не хорошо въ его года человѣку единому быти. Онъ помнилъ какъ онъ, предъ отъѣздомъ въ Москву, сказалъ разъ своему скотнику Николаю, наивному мужику, съ которымъ онъ любилъ поговорить: „Что, Николай! хочу жениться“, и какъ Николай послѣшно отвѣчалъ, какъ о дѣлѣ въ которомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія: „и давно пора, Константинъ Дмитричъ“. Но женитьба теперь стала отъ него дальше чѣмъ когда-либо. Мѣсто было занято, и когда онъ теперь въ воображеніи ставилъ на это мѣсто кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ дѣвушекъ, онъ чувствовалъ что это было совершенно невозможно. Кромѣ того, воспоминаніе объ отказѣ и о роли которую онъ игралъ при этомъ мучило его стыдомъ. Сколько онъ ни говорилъ себѣ что онъ тутъ ни въ чемъ не виноватъ, воспоминаніе это, наравнѣ съ другими такого же рода стыдными воспоминаніями, заставляло его вздрагивать и краснѣть. Были въ его прошломъ, какъ у всякаго человѣка, сознанные имъ дурные поступки, за которые совѣсть должна была бы мучить его; но воспоминаніе о дурныхъ поступкахъ далеко не такъ мучило его какъ эти ничтожныя, но стыдныя воспоминанія. Эти раны никогда не затягивались. И наравнѣ съ этими воспоминаніями стояли теперь отказъ и то жалкое положеніе въ которомъ онъ долженъ былъ представляться другимъ въ этотъ вечеръ. Но время и работа дѣлали свое. Тяжелыя воспоминанія болѣе и болѣе застигались для него невидными, но значительными событіями деревенской жизни. Съ каждою недѣлей онъ все рѣже вспоминалъ о Кити. Онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ извѣстія что она уже вышла или выходитъ на дняхъ замужъ, надѣясь что такое извѣстіе, какъ выдергиванье зуба, со-всѣмъ выльцить его.

Между тѣмъ пришла весна, прекрасная, дружная, безъ ожиданія и обмановъ весны, одна изъ тѣхъ рѣдкихъ весенъ которыми вмѣстѣ радуются растенія, животныя и люди. Эта прекрасная весна еще болѣе возбудила Левина и утвердила его въ намѣреніи отречься отъ всего прежняго, съ тѣмъ чтобъ устроить твердо и независимо свою одинокую жизнь. Хотя многихъ изъ тѣхъ плановъ съ которыми онъ вернулся въ деревню и не было имъ исполнено; однако самое главное, чистота жизни, было соблюдено имъ. Онъ не испытывалъ

того стыда который обыкновенно мучилъ его послѣ паденія; и онъ могъ смѣло смотрѣть въ глаза людямъ. Еще въ февралѣ онъ получилъ письмо отъ Марьи Николаевны о томъ что здоровье брата Николая становится хуже, но что онъ не хочетъ лѣчиться, и вслѣдствіе этого письма Левинъ ѣздилъ въ Москву къ брату и успѣлъ уговорить его посоветоваться съ докторомъ и ѣхать на воды за границу. Ему такъ хорошо удалось уговорить брата и дать ему взаймы денегъ на поѣздку не раздражая его, что въ этомъ отношеніи онъ былъ собой доволенъ. Кромѣ хозяйства, требовавшего особеннаго вниманія весною, кромѣ чтенія, Левинъ началъ этою зимою еще сочинение о хозяйствѣ, планъ котораго состоялъ въ томъ чтобы характеръ рабочаго въ хозяйствѣ былъ принимаемъ за абсолютное данное, какъ климатъ и почва, и чтобы слѣдовательно всѣ положенія науки о хозяйствѣ выводились не изъ однихъ данныхъ почвы и климата, но изъ данныхъ почвы, климата и извѣстнаго неизмѣннаго характера рабочаго. Такъ что несмотря на уединеніе, или вслѣдствіе уединенія, жизнь его была чрезвычайно наполнена, и только изрѣдка онъ испытывалъ неудовлетворенное желаніе сообщенія бродящихъ у него въ головѣ мыслей кому-нибудь кромѣ Агаѣи Михайловны; хотя и съ нею ему случалось нѣсколько разсуждать о физикѣ, теоріи хозяйства, и въ особенности о философіи; философія составляла любимый предметъ Агаѣи Михайловны.

Весна долго не открывалась. Послѣднія недѣли лоста стояла ясная, морозная погода. Днемъ таяло на солнцѣ, а ночью доходило до семи градусовъ; настъ былъ такой что на возахъ ѣздили безъ дороги. Пасха была на снѣгу. Потомъ вдругъ, на второй день Святой, понесло теплымъ вѣтромъ, надвинулись тучи, и три дня и три ночи лилъ бурный и теплый дождь. Въ четвергъ вѣтеръ затихъ и надвинулся густой сѣрый туманъ, какъ бы скрывая тайны совершавшихся въ природѣ перемѣнъ. Въ туманѣ полились воды, затрепали и сдвинулись льдины, быстрее двинулись мутные, всплывшіеся потоки, и на самую Красную Горку, съ вечера, разорвался туманъ, тучи разбѣжались барашками, прояснѣло и открылась настоящая весна. На утро поднявшееся яркое солнце быстро съѣло тонкій ледокъ подернувшій воды, и весь теплый воздухъ задрожалъ отъ наполнявшихъ его испареній отжившей земли. Зазеленѣла ста-

рая и выдѣзжающая иглами молодая трава, надулись почки калины, смородины и липкой спиртовой березы, и на обыланной золотымъ цвѣтомъ лозицѣ загудѣла выставленная облетающаяся пчела. Залились невидимые жаворонки надъ бархатомъ зеленей и обледенѣвшимъ жнивьемъ, заплакали чибисы надъ налившимися бурю неубравшеюся водой низами и болотами, и высоко пролетѣли съ весеннимъ гоготаньемъ журавли и гуси. Заревѣла на выгонахъ облѣзшая, только мѣстами еще непереланившая скотина, заиграли кривопогіе ягнята вокругъ теряющихъ вошу блеющихъ матерей, побѣжали быстроногіе ретята по просыхающимъ съ отлечатками босыхъ ногъ тропинкамъ, затрещали на пруду веселые голоса бабъ съ холстами, и застучали по дворамъ толоры мужиковъ налаживающихъ сохи и бороны. Пришла настоящая весна.

XII.

Левинъ надѣлъ большіе сапоги и въ первый разъ не шубу, а суконную поддевку, и пошелъ по хозяйству, шагая черезъ ручьи, рѣжущіе глаза своимъ блескомъ на солнцѣ, ступая то на ледокъ, то въ липкую грязь. Весна время плановъ и предположеній. И выйдя на дворъ, Левинъ, какъ дерево весною, еще не знающее куда и какъ разрастутся его молодые побѣги и вѣтви заключенныя въ налитыхъ почкахъ, самъ не зная хорошенько за какія предпріятія, въ любимомъ его хозяйствѣ, онъ примется теперь, но чувствовалъ что онъ полонъ плановъ и предположеній самыхъ хорошихъ. Прежде всего онъ прошелъ къ скотинѣ. Коровы были выпущены на варокъ, и сія переланившею гладкою шерстью, пригрѣвшись на солнцѣ, мычали, просясь въ поле. Полюбовавшись знакомыми до малѣйшихъ подробностей ему коровами, Левинъ велѣлъ выгнать ихъ въ поле, а на варокъ выпустить телятъ. Пастухъ весело побѣжалъ собираться въ поле. Бабы скотницы, подбирая поневы, босыми, еще бѣлыми, не загорѣвшими ногами шлепая по грязи, съ хворостинами бѣгали, загоня ихъ на дворъ, за мычавшими, ошалѣвшими отъ весенней радости телятами. Полюбовавшись на приплодъ нынѣшняго года, который былъ необыкновенно хорошъ, — раннія телята были съ мужицкую корову, Павина дочь трехъ мѣсяцевъ была ростомъ съ годовыхъ, — Левинъ велѣлъ выне-

сти имъ наружу корыто и задать сѣно за рѣшетки. Но оказалось что на не употребляемомъ зимой варкѣ сдѣланные съ осени рѣшетки были поломаны. Онъ послалъ за плотникомъ который по наряду долженъ былъ работать молотилку. Но оказалось что плотникъ чинилъ бороны, которыя должны были быть починены еще съ масляницы. Это было очень досадно Левину. Досадно было что повторялось это вѣчное неряшество хозяйства противъ котораго онъ столько лѣтъ боролся всѣми своими силами. Рѣшетки, какъ онъ узналъ, ненужныя зимой, были перенесены въ рабочую конюшню и тамъ поломаны, такъ какъ онѣ и были сдѣланы легко, для телятъ. Кромѣ того, изъ этого же оказывалось что бороны и всѣ земледѣльческія орудія которыя вѣрно было осмотрѣть и починить еще зимой и для которыхъ нарочно взяты были три плотника, были не починены и бороны все-таки чинили когда надо было ѣхать скородить. Левинъ послалъ за прикащикомъ; но тотчасъ и самъ пошелъ отыскивать его. Прикащикъ, сіяя также какъ и все въ этотъ день, въ обшитомъ мерлушкой тулупчикѣ, шелъ съ гумна, ломая въ рукахъ соломинку.

— Отчего плотникъ не на молотилкѣ?

— Да я хотѣлъ вчера доложить: бороны починить надо. Вѣдь вотъ пахать.

— Да зимой-то что жъ?

— Да вамъ на счетъ чего угодно плотника?

— Гдѣ рѣшетки съ телячьяго двора?

— Приказалъ снести на мѣста. Что прикажите съ этимъ народомъ, сказалъ прикащикъ, махая рукой.

— Не съ этимъ народомъ, а съ этимъ прикащикомъ, сказалъ Левинъ, вспыхнувъ.—Ну для чего я васъ держу, закричалъ онъ, но вспомнивъ что этимъ не поможешь, остановился на половинѣ рѣчи и только вздохнулъ.—Ну что, сдѣлать можно? спросилъ онъ помолчавъ.

— За Туркинымъ завтра или послѣзавтра можно будетъ.

— А клеверъ?

— Послалъ Василья съ Мишкой, разсѣваютъ. Не знаю только пролѣзутъ ли, толко.

— На сколько десятинъ?

— На шесть.

— Отчего же не всѣ? вскрикнулъ Левинъ.

Что клеверъ сѣяли только на шесть, а не на двадцать десятинъ, это было еще досаднѣе. Посѣвъ клевера, и по теоріи

и по собственному его опыту, бывалъ только тогда хорошъ когда сдѣланъ какъ можно раньше, почти по снѣгу. И ни когда Левинъ не могъ добиться этого.

— Народу нѣтъ. Чтѣ прикажите съ этимъ народомъ дѣлать? Трое не приходили. Вотъ и Семенъ...

— Ну вы бы оставили отъ соломы.

— Да я и то оставилъ.

— Гдѣ же народъ?

— Пятеро компотъ дѣлають (это значило компостъ). Четверо овесъ пересыпають; какъ бы не тронулся, Константинъ Дмитричъ.

Левинъ очень хорошо зналъ что „какъ бы не тронулся“ значило что сѣмянной англійскій овесъ уже испортили, опять не сдѣлали того что онъ приказывалъ.

— Да вѣдь я говорилъ еще постомъ трубы.... вскрикнулъ онъ.

— Не безлокойтесь, все сдѣлаемъ вовремя.

Левинъ сердито махнулъ рукой, пошелъ къ амбарамъ взглянуть овесъ и вернулся къ конюшнѣ. Овесъ еще не испортился. Но рабочіе пересыпали его лопатами, тогда какъ можно было спустить его прямо въ нижній амбаръ, и распорядившись этимъ и оторвавъ отсюда двухъ рабочихъ для поства клевера, Левинъ успокоился отъ досады на прикащика. Да и день былъ такъ хорошъ что нельзя было сердиться.

— Игнатъ! крикнулъ онъ кучеру, который съ засученными рукавами, у колодца, обмывалъ коляску. — Осѣдай мнѣ...

— Кого прикажите?

— Ну хоть Коллика.

— Слушаю-сь.

Пока сѣдали лошадь, Левинъ опять подозвалъ вертѣвшася на виду прикащика, чтобы помириться съ нимъ и сталъ говорить ему о предстоящихъ весеннихъ работахъ и хозяйственныхъ планахъ. Возку навоза начать раньше, чтобы до ранняго покоса все было кончено. А лугами пахать безъ отрыву дальнее поле, такъ чтобы продержать его чернымъ паромъ. Покосы убрать все не исполу, а работниками.

Прикащикъ слушалъ внимательно и видимо дѣлалъ усилія чтобъ одобрить предложенія хозяина; но онъ все-таки имѣлъ столь знакомый Левину, и всегда раздражающій его, безнадежный и унылый видъ. Видъ этотъ говорилъ: все это хорошо, да какъ Богъ дастъ.

Ничто такъ не огорчало Левина какъ этотъ тонъ. Но такой тонъ былъ общій всѣхъ прикащиковъ, сколько ихъ у него перебывало. У всѣхъ было то же отношеніе къ его предположеніямъ, и потому онъ теперь уже не сердился, но огорчался и чувствовалъ себя еще болѣе возбужденнымъ для борьбы съ этою какою-то стихійною силой, которую онъ иначе не умѣлъ назвать какъ: „что Богъ дастъ“, и которая постоянно противопоставлялась ему.

— Какъ успѣемъ, Константинъ Дмитричъ, сказалъ прикащикъ.

— Отчего же не успѣете?

— Рабочихъ надо непремѣнно нанять еще человѣкъ пятнадцать. Вотъ не приходятъ. Нынче были, по семидесяти рублей на лѣто просятъ.

Левинъ замолчалъ. Опять противопоставлялась эта сила. Онъ зналъ что сколько они ни пытались, они не могли нанять больше сорока, тридцати семи, тридцати восьми рабочихъ за настоящую цѣну; сорокъ нанимались, а больше нѣтъ. Но все-таки онъ не могъ не бороться.

— Пошлите въ Суры, въ Чефировку, если не придутъ. Надо искать.

— Послать пошлю, уныло сказалъ Василій Федоровичъ.— Да вотъ и лошади слабы стали.

— Прикупимъ. Да вѣдь я знаю; прибавилъ онъ смѣясь,—вы все поменьше, да лохуже; но я нынѣшній годъ ужъ не дамъ вамъ по-своему дѣлать. Все буду самъ.

— Да вы и то, кажется, мало спите. Намъ веселѣй какъ у хозяина на глазахъ....

— Такъ за Березовымъ Доломъ разсѣваютъ клеверъ? Поѣду посмотрю, сказалъ онъ, садясь на маленькаго буланого Коллика, подведеннаго кучеромъ.

— Черезъ ручей не проѣдете, Константинъ Дмитричъ, крикнулъ кучеръ.

— Ну такъ лѣсомъ.

И бойкою иноходью доброй, застоявшейся лошади, похрапывающей надъ лужами и попрашивающей поводья, Левинъ поѣхалъ по грязи двора за ворота и въ поле.

Если Левину весело было на скотномъ и житномъ дворахъ, то ему еще стало веселѣе въ полѣ. Мѣрно покачиваясь на иноходи добраго конька, вливая теплый со свѣжестью запахъ снѣга и воздуха при проѣздѣ черезъ лѣсъ, по оставше-

муса кое-гдѣ проховому осовывавшемуся сѣвгу съ расплывшимися сѣвдами, онъ радовался на каждое свое дерево съ ожидавшимся на корѣ его мохомъ и съ напухшими почками. Когда онъ выѣхалъ за лѣсъ, предъ нимъ, на огромномъ пространствѣ, раскинулись ровнымъ бархатнымъ ковромъ зеленыя, безъ одной плѣшины и вымочки, только кое-гдѣ въ лощинахъ заляпанные остатками тающего сѣвга. Его не разсердили ни видъ крестьянской лошади и стригуна, топтавшихъ его зеленыя (онъ велѣлъ согнать ихъ встрѣтившемуся мужику), ни насмѣшливый и глупый отвѣтъ мужика Ипата, котораго онъ встрѣтилъ и спросилъ: „Что Ипатъ, скоро сѣять?“ „Надо прежде вспахать, Константинъ Дмитричъ“, отвѣчалъ Ипатъ. Чѣмъ дальше онъ ѣхалъ, тѣмъ веселѣе ему становилось, и хозяйственные планы одинъ лучше другаго представлялись ему: обсадить всѣ поля лозинами по полуденнымъ линіямъ, такъ чтобы не залеживался сѣвгъ подъ ними; перерѣзать на шесть полей навозныхъ и три запасныхъ съ травосѣяніемъ, выстроить скотный дворъ на дальнемъ концѣ поля и вырыть прудъ, а для удобренія устроить переносныя загороди для скота. И тогда 300 десятинъ пшеницы, 100 картофеля и 150 клевера, и ни одной истощенной десятины.

Съ такими мечтами, осторожно поворачивая лошадь между чтобы не топтать свои зеленыя, онъ подъѣхалъ къ работникамъ разсѣвавшимъ клеверъ. Телѣга съ сѣменами стояла не на рубежѣ, а на пашнѣ, и пшеничная озимь была изрыта колесами и ископана лошадью. Оба работника сидѣли на межѣ, вѣроятно раскуривая общую трубку. Земля въ телѣгѣ съ которою сѣвшаны были сѣмена была не размята, а слежалась или смерзлась комьями. Увидавъ хозяина, Василій работникъ пошелъ къ телѣгѣ, а Мишка принялся разсѣвать. Это было не хорошо, но на рабочихъ Левинъ рѣдко сердился. Когда Василій подошелъ, Левинъ велѣлъ ему отвезти лошадь на рубежъ.

— Ничего, сударь, затянетъ, отвѣчалъ Василій.

— Пожалуста не разсуждай, сказалъ Левинъ.—А дѣлай что говорятъ.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ Василій и взялся за голову лошади.— А ужъ сѣвъ, Константинъ Дмитричъ, сказалъ онъ, записывая,— первый сортъ. Только ходить страсть! По лудовику на лаптѣ волочень.

— А отчего у васъ земля не просѣянная? сказалъ Левинъ.

— Да мы разминаемъ, отвѣчалъ Василій, набирая сѣмяны и въ ладоняхъ растирая землю.

Василій не былъ виноватъ что ему насыпали не просѣянной земли, но все-таки было досадно.

Ужь не разъ испытать съ пользою извѣстное ему средство заглушать свою досаду и все кажущееся дурнымъ сдѣлать опять хорошимъ, Левинъ и теперь употребилъ это средство. Онъ посмотрѣлъ какъ шагала Машка, ворочая огромныя комья земли налипавшей на каждой ногѣ, слѣзъ съ лошади, взялъ у Василья сѣвалку и пошелъ разсѣвать. — Гдѣ ты остановился?

Василій указалъ на мѣтку ногой, и Левинъ пошелъ какъ умѣлъ высѣвать землю съ сѣменами. Ходить было трудно какъ по болоту, и Левинъ, пройдя леху, запотѣлъ и, остановившись, отдалъ сѣвалку.

— Ну баринъ, на лѣто чуръ меня не ругать за эту леху, сказалъ Василій.

— А что? весело сказалъ Левинъ, чувствуя уже дѣйствительность употребленнаго средства.

— Да вотъ посмотрите на лѣто. Отличится. Вы гляньте-ка, гдѣ я сѣялъ прошлую весну. Какъ разсадилъ! Вѣдь я, Константинъ Дмитричъ, кажется вотъ какъ отцу родному стараюсь. Я и самъ не люблю дурно дѣлать и другимъ не ведую. Хозяину хорошо, и намъ хорошо. Какъ глянешь вонъ, сказалъ Василій указывая на поле,—сердце радуется.

— А хороша весна, Василій.

— Да ужъ такая весна, старики не запомнятъ. Я вотъ дома былъ, тамъ у насъ старикъ тоже пшеницы три осмивника посѣялъ. Такъ сказывается ото ржей не отличить.

— А вы давно стали сѣять пшеницу?

— Да вы-жъ научили лозалѣтошный годъ; вы же мѣсяцъ двѣ мѣры пожертвовали. Четверть продали, да три осмивника посѣяли.

— Ну смотри же, растирай комья-то, сказалъ Левинъ подходя къ лошади,—да за Машкой смотри. А хорошій будетъ выходъ, тебѣ по пятидесяти копѣекъ за десятину.

— Благодаримъ покорно. Мы вами, кажется, и такъ много довольны.

Левинъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ на поле гдѣ былъ прошлогодній Киеверъ, и на то которое плугомъ было приготовлено подъ яровую пшеницу.

Всходъ клевера по жневью былъ чудесный. Онъ ужъ весь отжилъ и твердо зеленѣлъ изъ-за посломанныхъ прошлогоднихъ стеблей пшеницы. Лошадь вязла по ступицу, и каждая нога ея чмокала, вырываясь изъ полуоттаявшей земли. По плужной пахотѣ и вовсе нельзя было проѣхать: только тамъ и держало гдѣ былъ ледокъ, а въ оттаявшихъ бороздахъ нога вязла выше ступицы. Пахота была превосходная; черезъ два дня можно будетъ бороновать и сѣять. Все было прекрасно, все было весело. Назадъ Левинъ поѣхалъ черезъ ручей, надѣясь что вода сбыла. И дѣйствительно онъ переѣхалъ и вспугнулъ двухъ утокъ. Должны быть и вальдшнепы, подумалъ онъ, и какъ разъ у поворота къ дому встрѣтилъ лѣснаго караульщика, который подтвердилъ его предположеніе о вальдшнепахъ.

Левинъ поѣхалъ рысью домой, чтобъ успѣть пообѣдать и приготовить ружье къ вечеру.

XIII.

Подъѣзжая домой въ самомъ веселомъ расположеніи духа, Левинъ слышалъ колокольчикъ со стороны главнаго подъѣзда къ дому. „Да это съ желѣзной дороги“, подумалъ онъ, „самое время московскаго поѣзда... Кто бы это? Что если это братъ Николай? Онъ вѣдь сказалъ: можетъ-быть уѣду на воды, а можетъ-быть къ тебѣ пріѣду.“ Ему страшно и непріятно стало въ первую минуту что присутствіе брата Николая разстроитъ это его счастливое весеннее расположеніе. Но ему стало стыдно за это чувство, и тотчасъ же онъ какъ бы раскрылъ свои душевныя объятія и съ умиленною радостью ожидалъ и желалъ теперь всею душой чтобъ это былъ братъ. Онъ тронулъ лошадь и, выѣхавъ за акацію, увидалъ подъѣзжавшую ямскую тройку съ желѣзнодорожной станціи и господина въ шубѣ. Это не былъ братъ. „Ахъ, еслибы кто-нибудь пріятный человѣкъ съ кѣмъ бы поговорить“, подумалъ онъ.

— А! радостно прокричалъ Левинъ поднимая обѣ руки къверху. — Вотъ радостный-то гость! Ахъ, какъ я радъ тебѣ! вскрикнулъ онъ, узнавъ Степана Аркадьича.

„Узнаю вѣрно, вышла ли или когда выходить замужъ“, подумалъ онъ.

И въ этотъ прекрасный весенній день онъ почувствовалъ что воспоминанье о ней совсѣмъ не больно ему.

— Что, не ждаль? сказалъ Степанъ Аркадьевичъ вылезая изъ саней, съ комкомъ грязи на переносицѣ, на щекѣ и брови, но сияющій весельемъ и здоровьемъ.—Пріѣхалъ тебя видѣть, разъ, сказалъ онъ обнимая и цѣлуя его.—На тягѣ постоять, два, и лѣсъ въ Ергушовѣ продать, три.

— Прекрасно! А какова весна? Какъ это ты на саняхъ доѣхалъ?

— Въ телѣгѣ еще хуже, Константинъ Дмитричъ, отвѣчалъ знакомый ямщикъ.

— Ну, я очень, очень радъ тебѣ, искренно улыбаясь дѣтски-радостною улыбкой сказалъ Левинъ.

Левинъ провелъ своего гостя въ комнату для пріѣзжихъ, куда и были внесены эlegantныя вещи Степана Аркадьевича, мѣшокъ, ружье, сигарочница, и оставивъ его умываться и переодѣваться, самъ пока прошелъ въ контору сказать о пахотѣ и клеверѣ. Агафья Михайловна, всегда очень озабоченная о чести дома, встрѣтила его въ передней вопросомъ на счетъ обѣда.

— Какъ хотите дѣлайте, только поскорѣй, сказалъ онъ, и пошелъ къ прикащику.

Когда онъ вернулся, Степанъ Аркадьевичъ, вымытый, рачесанный и сияя улыбкой, выходилъ изъ своей двери, и они вмѣстѣ пошли на верхъ.

— Ну, какъ я радъ что добрался до тебя! Теперь я пойму въ чемъ состоятъ тѣ таинства которыя ты тутъ совершаешь. Но нѣтъ, право, я завидую тебѣ. Какой домъ, какъ славно все! Свѣтло, весело! говорилъ Степанъ Аркадьевичъ, забывая что не всегда бываетъ весна и ясные дни какъ нынче.—И твоя нянюшка какая прелесть! Желательнѣе было бы хорошенькую горничную въ фартучкѣ; но съ твоимъ монашествомъ и строгимъ стилемъ, — это очень хорошо.

Степанъ Аркадьевичъ разказалъ много интересныхъ новостей и въ особенности интересную для Левина новость что братъ его Сергѣй Ивановичъ собирался на нынѣшнее лѣто къ нему въ деревню.

Ни одного слова Степанъ Аркадьевичъ не сказалъ про Кити и вообще Щербацкихъ, только передалъ поклонъ жены. Левинъ былъ ему благодаренъ за его деликатность и былъ очень радъ гостю. Какъ всегда, у него, за время его уедине-

нія, набралось пропасть мыслей и чувствъ, которыхъ онъ не могъ передать окружающимъ, и теперь онъ изливалъ въ Степана Аркадьевича и поэтическую радость весны, и неудачи, и планы хозяйства, и мысли, и замѣчанія о книгахъ которыхъ онъ читалъ, и въ особенности идею своего сочиненія, основу котораго, хотя онъ самъ не замѣчалъ этого, составляла критика всѣхъ старыхъ сочиненій о хозяйствѣ. Степанъ Аркадьевичъ, всегда милый, понимающій все съ намека, въ этотъ прїѣздъ былъ особенно милъ, и Левинъ замѣтилъ въ немъ еще новую польстившую ему черту уваженія и какъ будто пѣвности къ себѣ.

Старанія Агаѣи Михайловны и повара чтобъ обѣдъ былъ особенно хорошъ имѣли своимъ послѣдствіемъ только то что оба проголодавшіеся пріятеля, подсевъ къ закускѣ, наѣлись хлѣба съ масломъ, полотка и соленыхъ грибовъ, и еще то что Левинъ велѣлъ подавать супъ безъ пирожковъ, которыми поваръ хотѣлъ особенно удивить гостей. Но Степанъ Аркадьевичъ, хотя и привыкшій къ другимъ обѣдамъ, все находилъ превосходнымъ: и травникъ, и хлѣбъ, и масло, и особенно полотокъ, и грибки, и крапивные щи, и курица подъ бѣлымъ соусомъ, и бѣлое крымское вино, все было превосходно и чудесно.

— Отлично, отлично, говорилъ онъ, закуривая толстую папиросу послѣ жаркаго.—Я къ тебѣ точно съ парохода послѣ шума и тряски на тихій берегъ вышелъ. Такъ ты говоришь что самый элементъ рабочаго долженъ быть изучаема и руководить въ выборѣ пріемовъ хозяйства. Я вѣдь въ этомъ профанъ; но мнѣ кажется что теорія и приложение ея будетъ имѣть вліяніе и на рабочаго.

— Да, но постой: я говорю не о политической экономіи, я говорю о наукѣ хозяйства. Она должна быть какъ естественныя науки и наблюдать данныя явленія и рабочаго съ его экономическимъ, этнографическимъ....

Въ это время вошла Агаѣя Михайловна съ вареньемъ.

— Ну, Агаѣя Федоровна, сказала ей Степанъ Аркадьевичъ, цѣлуя кончики своихъ пухлыхъ пальцевъ,—какой полотокъ у васъ, какой травничокъ!... А что не пора ли, Костя? прибавилъ онъ.

Левинъ взглянулъ въ окно на спускавшееся за оголенные макуши лѣса солнце.

— Пора, пора, сказалъ онъ. — Кузьма, закладывать линейку! — и побѣжалъ внизъ.

Степанъ Аркадьевичъ, сойдя внизъ, самъ аккуратно снялъ парусинный чохолъ съ лакированного ящика, и отворивъ его, сталъ собирать свое дорогое, новаго фасона, ружье. Кузьма, уже чужавшій большую дачу на водку, не отходилъ отъ Степана Аркадьевича и надѣвалъ ему и чулки и сапоги, что Степанъ Аркадьевичъ охотно предоставлялъ ему дѣлать.

— Прикажи, Костя, если прѣдетъ Рябининъ купецъ.... я ему велѣлъ нынче прѣхать, принять и подождать....

— А ты развѣ Рябинину продаешь лѣсъ?

— Да. Ты развѣ знаешь его?

— Какже, знаю. Я съ нимъ имѣлъ дѣла „положительно и окончательно“.

Степанъ Аркадьевичъ засмѣялся. „Окончательно и положительно“ были любимыя слова купца.

— Да, онъ удивительно смѣшно говорить. Поняла куда хозяинъ идетъ, прибавилъ онъ, потрепавъ рукой Ласку, которая, подвизгивая, вилась около Левина и лизала то его руку, то его сапоги и ружье.

Долгуша стояла уже у крыльца когда они вышли.

— Я велѣлъ заложить, хотя не далеко; а то пѣшкомъ пройдемъ.

— Нѣтъ, лучше поѣдемъ, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, подходя къ долгушѣ. Онъ сѣлъ, обвернулъ себѣ ноги тигровымъ пледомъ и закурилъ сигару. — Какъ это ты не куришь! Сигара это такое, не то что удовольствіе, а вѣнецъ и при знакъ удовольствія. Вотъ это жизнь! Какъ хорошо! Вотъ бы какъ я желалъ жить!

— Да кто же тебѣ мѣшаетъ? улыбаясь сказалъ Левинъ.

— Нѣтъ, ты счастливый человѣкъ. Все что ты любишь у тебя есть. Лошадей любишь,—есть, собаки есть, охота есть, хозяйство есть.

— Можетъ-быть оттого что я радуюсь тому что у меня есть и не тужу о томъ чего нѣту, сказалъ Левинъ, вспоминая о Кити.

Степанъ Аркадьевичъ понялъ, поглядѣвъ на него, но ничего не сказалъ.

Левинъ былъ благодаренъ Облонскому за то что тотъ, со своимъ всѣгдашнимъ тактомъ, замѣтивъ что Левинъ боялся разговора о Щербацкихъ, ничего не говорилъ о нихъ; но

теперь Левину уже хотѣлось узнать то что его такъ мучило, но онъ не смѣлъ заговорить.

— Ну что твои дѣла какъ? То-есть сердечныя? сказалъ Левинъ, улыбаясь.

Глаза Степана Аркадьевича весело заблестѣли.

— Ты вѣдь не признаешь чтобы можно было любить калачи когда есть отсыпной лаекъ; по твоему это преступленіе. А я не признаю жизни безъ любви. Что жъ дѣлать, я такъ сотворенъ. И право, такъ мало дѣлается этимъ кому-нибудь зла, а себѣ столько удовольствія....

— Что жъ, или новое что-нибудь? спросилъ Левинъ.

— Зачѣмъ тебѣ знать?.. Вотъ видишь ли, ты знаешь тилъ женщинъ Оссіановскихъ.... женщинъ которыхъ видишь во снѣ.... Вотъ эти женщины бываютъ на яву.... и эти женщины ужасны. Женщина, видишь ли, это такой предметъ что сколько ты ни изучай ее, все будетъ совершенно новое.

— Такъ ужъ лучше не изучать.

— Нѣтъ. Какой-то математикъ сказалъ что наслажденіе не въ открытіи истины, но въ исканіи ея.

Левинъ слушалъ молча, и несмотря на всѣ усилія которыя онъ дѣлалъ надъ собою, онъ никакъ не могъ перенестись въ душу своего пріятеля и понять его чувства и зрелости изученія женщины.

XIV.

Мѣсто тяги было недалеко надъ рѣчкой въ мелкомъ осинникѣ. Подъѣхавъ къ лѣсу, Левинъ слѣзъ и провель Облонскаго на уголь мшистой и толкой полянки, уже освободившейся отъ снѣга. Самъ онъ вернулся на другой край, къ двойняшкѣ-березѣ, и прислонивъ ружье къ развилкѣ сухаго нижняго сучка, перепоясался и приготовился.

Старая, сѣдая Ласка, ходившая за ними слѣдомъ, съѣла осторожно противъ него и насторожила уши. Солнце спускалось за крупный лѣсъ; и на свѣтѣ зари, березки, рассыпанныя по осиннику, отчетливо рисовались своими висящими вѣтвями съ надутыми, готовыми лопнуть, почками.

Изъ частаго лѣсу, гдѣ оставался еще снѣгъ, чуть слышно текла еще извилистыми узкими ручейками вода. Мелкія птички щебетали и изрѣдка пролетали съ дерева на дерево. Собачонка, недалеко въ караулкѣ, слышавъ грохотъ отъѣздавшей линейки, упорно лаяла, мѣшая слушать.

Когда все затихало на мгновенье, то напряженный слухъ внималъ шороху прошлогоднихъ листьевъ, шевелившихся отъ тающей земли и отъ росту травъ.

Каково! Слышно и видно какъ трава растетъ, сказалъ себѣ Левинъ, замѣтивъ двинувшійся грифельнаго цвѣта мокрый осиновый листъ подлѣ иглы молодой травы. Онъ стоялъ, слушалъ и глядѣлъ внизъ то на мокрую мшистую землю, то на прислушивающуюся Ласку, то на разстилавшееся предъ нимъ подъ горою море оголенныхъ макушъ лѣса, то на подернутое бѣлыми полосками тучъ, тускнѣвшее небо. Ястребъ, неслѣшно махая крыльями, пролетѣлъ высоко надъ дальнимъ лѣсомъ; другой точно также пролетѣлъ въ томъ же направленіи и скрылся. Птицы все громче и хлопотливѣе щебетали въ чащѣ. Недалеко заревѣлъ филинъ, и Ласка, вздрогнувъ, переступила осторожно нѣсколько шаговъ, и склонивъ на бокъ голову, стала прислушиваться. Изъ-за рѣчки послышалась кукушка. Она два раза прокуковала обычнымъ крикомъ, а потомъ захрипѣла, заторопилась и залугалась.

— Каково! ужъ кукушка! сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, выходя изъ-за куста.

— Да, я слышалъ, отвѣчалъ Левинъ, съ неудовольствіемъ нарушая тишину лѣса своимъ, непріятнымъ самому себѣ, голосомъ. — Теперь скоро.

Фигура Степана Аркадьевича опять зашла за кустъ, и Левинъ видѣлъ только яркій огонекъ спички, вслѣдъ затѣмъ замѣнившійся краснымъ углемъ папиросы и синимъ дымкомъ.

Чикъ! чикъ! щелкнули взводимые Степаномъ Аркадьевичемъ курки.

— А это что кричить? спросилъ Облонскій обращая вниманіе Левина на протяжное гуканье, какъ будто тонкимъ голосомъ, шала, ржалъ ребенокъ.

— А, это не знаешь! Это заяцъ самецъ. Да будетъ говорить! Слушай, летитъ! почти вскрикнулъ Левинъ, взводя курки.

Послышался дальній, тонкій свистокъ, и ровно въ тотъ обычный тактъ, столь знакомый охотнику, чрезъ двѣ секунды—другой, третій, и за третьимъ свисткомъ уже слышно стало хорканье.

Левинъ кинулъ глазами направо, налево, и вотъ предъ нимъ на мутно-голубомъ небѣ, надъ сливающимися, нѣжными лобѣгами макушекъ осинъ, показалась летящая птица. Она

летѣла прямо на него, звуки хора раздались надъ самымъ ухомъ, уже виденъ былъ длинный носъ и шея птицы, и въ ту минуту какъ Левинъ приложился, изъ-за куста гдѣ стоялъ Облонскій блеснула красная молнія, птица какъ стрѣла спустилась и взмыла опять къверху. Опять блеснула молнія и послышался ударъ; и трепля крыльями, какъ бы стараясь удержаться на воздухѣ, птица остановилась, постояла мгновенно, и тяжело шлепнулась о толкую землю.

— Неужели промахъ? крикнулъ Степанъ Аркадьевичъ, которому изъ-за дыму не видно было.

— Вотъ онъ! сказалъ Левинъ указывая на Ласку, которая, поднявъ одно ухо и высоко махая кончикомъ пушистаго хвоста, тихимъ шагомъ, какъ бы желая продлить удовольствіе и какъ бы улыбаясь, подносила убитую птицу къ хозяину. — Ну я радъ что тебѣ удалось, сказалъ Левинъ, вмѣстѣ съ тѣмъ уже испытывая чувство зависти что не ему удалось убить этого вальдшнепа.

— Скверный промахъ изъ праваго ствола, отвѣчалъ Степанъ Аркадьевичъ, зарывая ружье. — Шш... летитъ.

Дѣйствительно, послышались пронзительные, быстро сѣдовавшіе одинъ за другимъ свистки. Два вальдшнепа, играя и догоняя другъ-друга, и только свистя, а не хоркая, налетѣли на самыя головы охотниковъ. Раздались четыре выстрѣла и, какъ ласточки, вальдшнепы дали быстрый заворотъ и исчезли изъ виду.

Тяга была прекрасная. Степанъ Аркадьевичъ убилъ еще двѣ штуки, и Левинъ двухъ, изъ которыхъ одного не нашелъ. Стало темнѣть. Ясная, серебряная Венера низко на западѣ уже сіяла изъ-за березокъ своимъ нѣжнымъ и сильнымъ блескомъ, и высоко на востокѣ уже переливался своими красными огнями мрачный Арктуръ. Надъ головой у себя Левинъ ловилъ и терялъ звѣзды Медвѣдицы. Вальдшнепы уже перестали летать; но Левинъ рѣшилъ подождать еще, пока видная ему ниже сучка березы Венера перейдетъ выше его и когда ясны будутъ вездѣ звѣзды Медвѣдицы. Венера перешла уже выше сучка, колесница Медвѣдицы съ своимъ дыпломъ была уже вся видна на темносинемъ небѣ, но онъ все еще ждалъ.

— Не лора ли? сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

Въ лѣсу уже было тихо, и ни одна птичка не шевелилась.

— Постоимъ еще, отвѣчалъ Левинъ.

— Какъ хочешь.

Они стояли теперь шагахъ въ пятнадцать другъ отъ друга.

— Стива! вдругъ неожиданно сказалъ Левинъ:—что жъ ты мнѣ не скажешь, вышла твоя свояченица замужъ или когда выйдетъ?

Левинъ чувствовалъ себя столь твердымъ и спокойнымъ что никакой отвѣтъ, онъ думалъ, не могъ бы взволновать его. Но онъ никакъ не ожидалъ того что отвѣчалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— И не думала, и не думаетъ выходить замужъ, а она очень больна, и доктора послали ее за границу. Даже боятся за ее жизнь.

— Что ты! вскрикнулъ Левинъ.—Очень больна? Что же съ ней? Какъ она...

Въ то время какъ они говорили это, Ласка, настороживъ уши, оглядывалась вверхъ на небо и укоризненно на нихъ.

„Вотъ нашли время разговаривать“, думала она. „А онъ летитъ... Вотъ онъ, такъ и есть. Прозѣваютъ“... думала Ласка.

Но въ это самое мгновеніе оба вдругъ услышали пронзительный свистъ, который какъ будто стегнулъ ихъ по уху, и оба вдругъ схватились за ружья, и двѣ молніи блеснули, и два удара раздались въ одно и то же мгновеніе. Высоко летѣвшій вальдшнепъ мгновенно сложилъ крылья и упалъ въ чащу, пригибая тонкіе побѣги.

— Вотъ отлично! Общій, вскрикнулъ Левинъ, и побѣждалъ съ Лаской въ чащу отыскивать вальдшнепа. „Ахъ да, о чемъ это непріятно было“, вспоминалъ онъ. „Да, больна Кити... Что жъ дѣлать, очень жаль“, думалъ онъ.

— А, наша! Вотъ умица, сказалъ онъ, вынимая изъ рта Ласки теплую птицу и кладя ее въ полный почти ягташъ.— Нашель, Стива! крикнулъ онъ.

XV.

Возвращаясь домой Левинъ разспросилъ всѣ подробности о болѣзни и планахъ Щербацкихъ, и хотя ему совѣстно бы было признаться въ этомъ, то что онъ узналъ было пріятно ему. Пріятно и потому что была еще надежда, и еще болѣе пріятно потому что ей больно было, ей которая сдѣлала ему

такъ больно. Но когда Степанъ Аркадьевичъ началъ говорить о причинахъ болѣзни Кити, и упомянулъ имя Вронскаго, Левинъ перебилъ его.

— Я не имѣю никакого права знать семейныя подробности, по правдѣ сказать и никакого интереса.

Степанъ Аркадьевичъ чуть замѣтно улыбнулся уловивъ мгновенную и столь знакомую ему перемѣну въ лицѣ Левина, сдѣлавшагося столь же мрачнымъ сколько онъ былъ веселъ минуту тому назадъ.

— Ты уже совсѣмъ кончилъ о лѣсѣ съ Рябиннымъ? спросилъ Левинъ.

— Да, кончилъ. Цѣна прекрасная, тридцать восемь тысячъ. Восемь впередъ, а остальные на шесть лѣтъ. Я долго съ этимъ возился. Никто больше не давалъ.

— Это значитъ ты даромъ отдалъ лѣсъ, мрачно сказалъ Левинъ.

— То-есть почему же? даромъ? съ добродушною улыбкой сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, зная что теперь все будетъ нехорошо для Левина.

— Потому что лѣсъ стоить по крайней мѣрѣ пятьсотъ рублей за десятину, отвѣчалъ Левинъ.

— Ахъ, эти мнѣ сельскіе хозяева! шутило сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.—Этотъ вашъ тонъ презрѣнія къ нашему брату городскимъ!... А какъ дѣло сдѣлать, такъ мы лучше всегда сдѣлаемъ. Повѣрь что я все разчелъ, сказалъ онъ,—и лѣсъ очень выгодно проданъ, такъ что я боюсь какъ бы тотъ не отказался даже. Вѣдь это не обидной лѣсъ, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ желая словомъ *обидной* совсѣмъ убѣдить Левина въ несправедливости его сомнѣній,—а дровяной больше. И станетъ не больше тридцати сажень на десятину, а онъ далъ мнѣ по двѣсти рублей.

Левинъ презрительно улыбнулся. Знаю, подумалъ онъ, эту манеру не одного его, но и всѣхъ городскихъ жителей, которые, побывавъ раза два въ десять лѣтъ въ деревнѣ и замѣтивъ два, три слова деревенскія, улоупотребляютъ ихъ кста-ти и некстати, твердо увѣренные что они уже все знаютъ. *Обидной, станетъ 30 сажень.* Говоритъ слова, а самъ ничего не понимаетъ.

— Я не стану тебя учить тому что ты тамъ пишешь въ присутствіи, сказалъ онъ,—а если нужно, то спрошу у тебя.

А ты такъ увѣренъ что понимаешь всю эту грамѣту о лѣсѣ. Она трудна. Счелъ ли ты деревья?

— Какъ счесть деревья? смѣясь сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, все желая вывести пріятеля изъ его дурнаго расположенія духа.—Сочесть пески, лучи планетъ хотя и могъ бы умъ высокій...

— Ну да, а умъ высокій Рябинина можетъ. И ни одинъ купецъ не купитъ не считая, если ему не отдають даромъ, какъ ты. Твой лѣсъ я знаю. Я каждый годъ тамъ бываю на охотѣ, и твой лѣсъ стоить пятьсотъ рублей чистыми деньгами, а онъ тебѣ далъ двѣсти въ разсрочку. Значить ты ему подарилъ тысячу тридцать.

— Ну, полно увлекаться, жалостно сказалъ Степанъ Аркадьевичъ: — отчего же никто не давалъ?

— Оттого что у него стачки съ купцами, онъ далъ отступнаго. Я со всѣми ими имѣлъ дѣла, я ихъ знаю. Вѣдь это не купцы, а барышники. Онъ и не пойдеть на дѣло гдѣ ему предстоитъ десять, пятнадцать процентовъ, а онъ ждетъ чтобы купить за двадцать копѣекъ рубль.

— Ну, полно! Ты не въ духѣ.

— Нисколько, мрачно сказалъ Левинъ, когда они подъѣзжали къ дому.

У крыльца уже стояла туго обтянутая желѣзомъ и кожей телѣжка съ туго запряженною широкими гужами сытою лошадыю. Въ телѣжкѣ сидѣлъ туго налитой кровью и туго подпоясанный прикащикъ служившій кучеромъ Рябинину. Самъ Рябининъ былъ уже въ домѣ и встрѣтилъ пріятелей въ передней. Рябининъ былъ высокій, худошавый человѣкъ среднихъ лѣтъ съ усами и бритымъ выдающимся подбородкомъ и выпуклыми мутными глазами. Онъ былъ одѣтъ въ длиннополоый синій сюртукъ съ пуговицами ниже зада и въ высокіе, сморщенные на щиколкахъ и прямые на икрахъ, сапогахъ, сверхъ которыхъ были надѣты большія калоши. Онъ округло вытеръ платкомъ свое лицо, и залпахнувъ сюртукъ, который и безъ того держался очень хорошо, съ улыбкой привѣтствовалъ вошедшихъ. Вытеревъ платкомъ и руку, онъ протянулъ ее къ Степану Аркадьевичу, какъ бы желая поймать что-то.

— А вотъ и вы пріѣхали, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, подавая ему руку.—Прекрасно.

— Не осмѣлился ослушаться приказаній вашего сіятель-

ства, хоть слишкомъ дурна дорога. Положительно всю дорогу лѣшкомъ шелъ, но явился въ срокъ. Константинъ Дмитричъ, мое почтеніе, обратился онъ къ Левину, стараясь поймать и его руку. Но Левинъ, нахмурившись, дѣлалъ видъ что не замѣчаетъ его руки и вынималъ вальдшнеповъ.—Изволили потѣшаться охотой; это какая птица значить будетъ? прибавилъ Рябининъ, презрительно глядя на вальдшнеповъ:—вкусъ, значить, имѣть.—И онъ неодобрительно покачалъ головой, какъ бы сильно сомнѣваясь въ томъ чтобъ эта овчинка стоила выдѣлки.

— Хочешь въ кабинетъ? мрачно хмурясь сказалъ Левинъ по-французски Степану Аркадьевичу.—Пройдите въ кабинетъ, вы тамъ переговорите.

— Очень можно, куда угодно-съ, съ презрительнымъ достоинствомъ сказалъ Рябининъ, какъ бы желая дать почувствовать что для другихъ могутъ быть затрудненія какъ и съ кѣмъ обойтись, но для него никогда и ни въ чемъ не можетъ быть затрудненій.

Войдя въ кабинетъ, Рябининъ осмотрѣлся по привычкѣ, какъ бы отыскивая образъ, но найдя его не перекрестился. Онъ оглядѣлъ шкалы и полки съ книгами, и съ тѣмъ же сомнѣніемъ какъ и насчетъ вальдшнеповъ презрительно улыбнулся и неодобрительно покачалъ головой, никакъ уже не допуская чтобъ эта овчинка могла стоить выдѣлки.

— Что жъ, привезли деньги? спросилъ Облонскій.—Садитесь.

— Мы за деньгами не стоимъ. Повидаться, переговорить пріѣхалъ.

— О чемъ же переговорить? Да вы садитесь.

— Это можно, сказалъ Рябининъ, садясь и самымъ мучительнымъ для себя образомъ облокачиваясь на спинку кресла.—Уступить надо, князь. Грѣхъ будетъ. А деньги готовы окончательно, до одной копѣйки. За деньгами остановки не бываетъ.

Левинъ, ставившій между тѣмъ ружье въ шкалъ, уже выходилъ изъ двери, но услыхавъ слова купца, остановился.

— И такъ задаромъ лѣсъ взяли, сказалъ онъ.—Поздно онъ ко мнѣ пріѣхалъ, а то я бы цѣну назначилъ.

Рябининъ всталъ и молча, съ улыбкой поглядѣлъ снизу вверхъ на Левина.

— Очень скулы Константинъ Дмитричъ, сказалъ онъ съ улыбкой, обращаясь къ Степану Аркадьевичу,—окончательно

ничего не укупишь. Торговаль пшеницу, хорошія деньги давалъ.

— Зачѣмъ мнѣ вамъ свое даромъ давать? Я вѣдь не на землѣ нашелъ и не укралъ.

— Помните, по нынѣшнему время воровать положительно невозможно. Все окончательно по нынѣшнему время гласное судопроизводство, все нынче благородно; а не то что воровать. Мы говорили по чести. Дорого кладутъ за лѣсъ, разчетовъ не сведешь. Прошу уступить хоть малость.

— Да кончено у васъ дѣло или нѣтъ? Если кончено, нечего торговаться, а если не конченъ, сказалъ Левинъ, — я покупаю лѣсъ.

Улыбка вдругъ исчезла съ лица Рябинина. Ястребиное, хищное и жестокое выраженіе установилось на немъ. Онъ быстрыми, костлявыми пальцами разстегнулъ сюртукъ, открывъ рубаху на выпускъ, мѣдныя пуговицы жилета и цѣпочку часовъ, и быстро досталъ толстый, старый бумажникъ.

— Пожалуйста, лѣсъ мой, проговорилъ онъ, быстро прекрестившись и протягивая руку. — Возьми деньги, мой лѣсъ. Вотъ какъ Рябининъ торгуетъ, а не гроши считать, заговорилъ онъ хмурясь и размахивая бумажникомъ.

— Я бы на твоемъ мѣстѣ не торопился, сказалъ Левинъ.

— Помилуй, съ удивленіемъ сказалъ Облонскій, — вѣдь я слово далъ.

Левинъ вышелъ изъ комнаты, хлопнувъ дверью. Рябининъ, глядя на дверь, съ улыбкой покачалъ головой.

— Все молодость, окончательно ребячество одно. Вѣдь покупаю, вѣрьте чести, такъ значитъ для славы одной что вотъ Рябининъ, а не кто другой у князя Облонскаго рощу купилъ. А еще какъ Богъ дастъ разчеты найти. Вѣрьте Богу. Пожалуйста-съ. Условьице написать...

Черезъ часъ купецъ, аккуратно запахнувъ свой халатъ и застегнувъ крючки сюртука, съ условіемъ въ карманѣ, сѣлъ въ свою толсто окованную телѣжку и поѣхалъ домой.

— Охъ, эти господа! сказалъ онъ прикащику: — одинъ предметъ.

— Это какъ есть, отвѣчалъ прикащикъ, передавая ему возжи и застегивая кожаный фартукъ. — А съ покупочкой, Михаилъ Игнатьичъ?

— Ну, ну...

XVI.

Степанъ Аркадьевичъ, съ оттопыреннымъ карманомъ серій, которыя за три мѣсяца впередъ отдалъ ему купецъ, вошелъ наверхъ. Дѣло съ лѣсомъ было кончено, деньги въ карманѣ, тяга была прекрасная, и Степанъ Аркадьевичъ находился въ самомъ веселомъ расположеніи духа, а потому ему особенно хотѣлось разсѣять дурное настроеніе нашедшее на Левина. Ему хотѣлось окончить день за ужиномъ также пріятно какъ онъ былъ началъ.

Дѣйствительно, Левинъ былъ не въ духѣ, и несмотря на все свое желаніе быть ласковымъ и любезнымъ со своимъ милымъ гостемъ, не могъ преодолѣть себя. Хмѣль извѣстія о томъ что Кити не вышла замужъ понемногу начиналъ разбирать его.

Кити не замужемъ и больна, больна отъ любви къ человеку который пренебрегъ ею. Это оскорбленіе какъ будто падало на него. Вронскій пренебрегъ ею, а она пренебрегла имъ, Левинымъ. Слѣдовательно, Вронскій имѣлъ право презирать Левина, и потому былъ его врагъ. Но этого всего не думалъ Левинъ. Онъ смутно чувствовалъ что въ этомъ что-то есть оскорбительное для него; и сердился теперь не на то что разстроило его, а придирался ко всему что представлялось ему. Глухая продажа лѣса, обманъ, на который попался Облонскій и который совершился у него въ домѣ, раздражалъ его.

— Ну, кончилъ? сказалъ онъ, встрѣчая наверху Степана Аркадьевича: — хочешь ужинать?

— Да не откажусь. Какой аппетитъ у меня въ деревнѣ, чудо! Что жъ ты Рябинину не предложилъ поѣсть?

— А чортъ съ нимъ!

— Однако какъ ты обходишься съ нимъ, сказалъ Облонскій. — Ты и руки ему не подаль. Отчего же не подать ему руки?

— Оттого что я лакею не подамъ руки, а лакей во сто разъ лучше.

— Какой ты, однако, ретроградъ! А слияніе сословій? сказалъ Облонскій.

— Кому пріятно сливаться — на здоровье, а мнѣ противно.

— Ты, я вижу, рѣшительно ретроградъ.

— Право, я никогда не думалъ кто я. Я Константинъ Левинъ, больше ничего.

— И Константинъ Левинъ который очень не въ духѣ, улыбаясь сказалъ Степанъ Аркадьевичъ.

— Да, я не въ духѣ, и знаешь отчего? Отъ, извини меня, твоей глупой продажи....

Степанъ Аркадьевичъ добродушно сморщился какъ человѣкъ котораго безвинно обижаютъ и разстраиваютъ.

— Ну, полно, сказалъ онъ. — Когда бывало чтобы кто-нибудь что-нибудь продалъ и ему бы не сказали сейчасъ же послѣ продажи: „это гораздо дороже стоить“, а покуда продаютъ, никто не даетъ... Нѣтъ, я вижу у тебя есть *зубъ* противъ этого несчастнаго Рябинина.

— Можетъ-быть и есть. А ты знаешь за что? Ты скажешь опять что я ретроградъ или еще какое страшное слово; но все-таки мнѣ досадно и обидно видѣть это со всѣхъ сторонъ совершающееся обѣдненіе дворянства къ которому я принадлежу и, несмотря на сліяніе сословій, очень радъ что принадлежу... и обѣдненіе не вслѣдствіе роскоши, это бы ничего; прожить по-барски, это дворянское дѣло, это только дворяне умѣютъ. Теперь мужики около насъ скупаютъ земли. Мнѣ не обидно. Баринъ ничего не дѣлаетъ, мужикъ работаетъ и вытѣсняетъ празднаго человѣка. Такъ должно быть. И я очень радъ мужику. Но мнѣ обидно смотрѣть на это обѣдненіе по какой-то, не знаю какъ назвать, невинности. Тутъ арендаторъ-Полякъ купилъ за полдѣны у барыни, которая живетъ въ Ниццѣ, чудесное имѣніе. Тутъ отдаютъ купцу въ аренду за рубль десятину земли которая стоить десять рублей. Тутъ ты безо всякой причины подарилъ этому плуту тридцать тысячъ.

— Такъ что же? считать каждое дерево?

— Непремѣнно считать. А вотъ ты не считалъ, а Рябининъ считалъ. У дѣтей Рябинина будутъ средства къ жизни и образованію, а у твоихъ пожалуй не будетъ.

— Ну, ужъ извини меня, но есть что-то мизерное въ этомъ считаньи. У насъ свои занятія, у нихъ свои, и имъ надо барыши. Ну, впрочемъ, дѣло сдѣлано и конецъ. А вотъ и глазунья, самая моя любимая личица. И Агаѣя Михайловна дастъ намъ этого травничку чудеснаго...

Степанъ Аркадьевичъ сѣлъ къ столу и началъ шутить съ

Агафеей Михайловной, уверяя ее что такого обѣда и ужина онъ давно не ѣлъ.

— Вотъ вы хоть похвалите, сказала Агафья Михайловна, — а Константинъ Дмитричъ, что ему ни подай, хоть хлѣба корку, поѣлъ и пошелъ.

Какъ ни старался Левинъ преодолѣть себя, онъ былъ мраченъ и молчаливъ. Ему нужно было сдѣлать одинъ вопросъ Степану Аркадьевичу, но онъ не могъ рѣшиться и не находилъ ни формы, ни времени какъ и когда его сдѣлать. Степанъ Аркадьевичъ уже сошелъ къ себѣ внизъ, раздѣлся, опять умылся, облекся въ гофрированную ночную рубашку и легъ; а Левинъ все медлил у него въ комнатѣ, говоря о разныхъ пустякахъ и не будучи въ силахъ спросить что хотѣлъ.

— Какъ это удивительно дѣлаютъ мыло, сказалъ онъ, оглядывая и развертывая душистый кусокъ мыла который для гостя приготовила Агафья Михайловна, но который Облонскій не употреблялъ. — Ты посмотри, вѣдь это произведение искусства.

— Да, до всего дошло теперь всякое усовершенствованіе, сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, влажно и блаженно зѣвая. — Театры напимѣръ и эти увеселительныя... а-а-а! зѣвалъ онъ. — Электрическій свѣтъ вездѣ... а-а!

— Да, электрическій свѣтъ, сказалъ Левинъ. — Да. Ну а гдѣ Вронскій теперь? спросилъ онъ, вдругъ положивъ мыло.

— Вронскій? сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, остановивъ звѣвоту: — Онъ въ Петербургѣ. Уѣхалъ вскорѣ послѣ тебя и затѣмъ ни разу не былъ въ Москвѣ. И знаешь, Костя, я тебѣ правду скажу, продолжалъ онъ облокотившись на столъ и положивъ на руку свое красивое, румяное лицо, изъ котораго свѣтились какъ звѣзды масляные, добрые и сонные глаза. — Ты самъ былъ виноватъ. Ты испугался соперника. А я, какъ и тогда тебѣ говорилъ, я не знаю на чьей сторонѣ было болѣе шансовъ. Отчего ты не шелъ на проломъ? Я тебѣ говорилъ тогда что... Онъ зѣвнулъ одними челюстями не открывая рта.

„Знаетъ онъ или не знаетъ что я дѣлалъ предложеніе?“ подумалъ Левинъ, глядя на него. „Да, что-то есть хитрое, дипломатическое въ его лицѣ,“ и чувствовалъ что краснѣетъ, онъ молча смотрѣлъ прямо въ глаза Степана Аркадьевича.

— Если было съ ея стороны что-нибудь тогда, то это было

увлеченье внѣшностью, продолжалъ Облонскій.—Этотъ, знаешь, совершенный аристократизмъ и будущее положеніе въ свѣтѣ подѣйствовали не на нее, а на мать.

Левинъ нахмурился. Оскорбленіе отказа, черезъ которое онъ прошелъ, какъ будто свѣжею, только-что полученною раной загло его въ сердцѣ. Онъ былъ дома, а дома стѣны помогаютъ.

— Постои, постои, заговорилъ онъ, перебивая Облонскаго.— Ты говоришь: аристократизмъ. А позволь тебя спросить въ чемъ состоитъ этотъ аристократизмъ Вронскаго или кого бы то ни было, такой аристократизмъ чтобы можно пренебречь мною? Ты считаешь Вронскаго аристократомъ, но я нѣтъ. Человѣкъ, отецъ котораго вылезъ изъ ничего пронырствомъ, мать котораго Богъ знаетъ съ кѣмъ не была въ связи... Нѣтъ, ужъ извини, но я считаю аристократомъ себя и людей подобныхъ мнѣ, которые въ прошедшемъ могутъ указать на три, четыре честныя поколѣнія семей находившихся на высшей степени образованія (дарованье и умъ, это другое дѣло) и которые никогда ни предъ кѣмъ не подличали, никогда ни въ комъ не нуждались, какъ жили мой отецъ, мой дѣдъ. И я знаю много такихъ. Тебѣ низко кажется что я считаю деревья въ лѣсу, а ты даришь тридцать тысячъ Рябинину; но ты получишь аренду и не знаю еще что, а я не получу и потому дорожу родовымъ и трудовымъ.... Мы аристократы, а не тѣ которые могутъ существовать только подачками отъ сильныхъ міра сего и кого купить можно за двугривенный.

— Да на кого ты? Я съ тобой согласенъ, говорилъ Степанъ Аркадьевичъ искренно и весело, хотя чувствовалъ что Левинъ лодъ именемъ тѣхъ кого можно купить за двугривенный разумѣлъ и его. Оживленіе Левина ему искренно нравилось.— На кого ты? хотя многое и не правда что ты говоришь про Вронскаго, но я не про то говорю. Я говорю тебѣ прямо, я на твоемъ мѣстѣ лобхалъ бы со мной въ Москву и....

— Нѣтъ, я не знаю знаешь ли ты или нѣтъ, но мнѣ все равно. И я скажу тебѣ, я сдѣлалъ предложеніе и получилъ отказъ, и Катерина Александровна для меня теперь тяжелое и постыдное воспоминанье.

— Отчего? Вотъ вздоръ!

— Но не будемъ говорить. Извини меня пожалуйста если я былъ грубъ съ тобой, сказалъ Левинъ. Теперь, вы-

сказавъ все, онъ опять сталъ тѣмъ какимъ былъ поутру. — Ты не сердись на меня, Стива? пожалуйста не сердись, сказалъ онъ и, улыбаясь, взялъ его за руку.

— Да нѣтъ, нисколько и не за что. Я радъ что мы объяснились. А знаешь, утренняя тяга бываетъ хороша. Не поѣхать ли? Я бы такъ и не спалъ, а прямо съ тяги на станцію.

— И прекрасно.

XVII.

Несмотря на то что вся внутренняя жизнь Вронскаго была наполнена его страстью, внѣшняя жизнь его неизмѣнно и неудержимо катилась по прежнимъ, привычнымъ рельсамъ свѣтскихъ и полковыхъ связей и интересовъ. Полковые интересы занимали важное мѣсто въ жизни Вронскаго и потому что онъ любилъ полкъ, и еще болѣе потому что его любили въ полку. Въ полку не только любили Вронскаго, но его уважали и гордились имъ, гордились тѣмъ что этотъ человекъ, огромно-богатый, съ прекраснымъ образованіемъ и способностями, съ открытою дорогой ко всякаго рода услѣху и честолубію, и тщеславію, пренебрегалъ этимъ всѣмъ и изъ всѣхъ жизненныхъ интересовъ ближе всего принималъ къ сердцу интересы полка и товарищества. Вронскій сознавалъ этотъ взглядъ на себя товарищей, и кромѣ того что любилъ эту жизнь, чувствовалъ себя обязаннымъ поддерживать установившійся на него взглядъ.

Само собою разумѣется что онъ не говорилъ ни съ кѣмъ изъ товарищей о своей любви, не проговаривался и въ самыхъ сильныхъ попойкахъ (впрочемъ онъ никогда не бывалъ такъ пьянъ чтобы терять власть надъ собой) и затыкалъ ротъ тѣмъ изъ легкомысленныхъ товарищей которые пытались намекать ему на его связь. Но несмотря на то, его любовь была извѣстна всему городу: всѣ болѣе или менѣе вѣрно догадывались объ его отношеніяхъ къ Карениной; большинство молодыхъ людей завидовали ему именно въ томъ что было самое тяжелое въ его любви,—въ высокомъ положеніи Каренина и потому въ выставленности этой связи для свѣта.

Большинство молодыхъ женщинъ завидовавшихъ Аннѣ, которымъ уже давно наскучило то что ее называютъ *справедливою*, радовались тому что онѣ предполагали, и ждали только подтвержденія оборота общественнаго мнѣнія чтобъ обру-

питься на нее всею тяжестью своего презрѣнія. Онъ приготавливали уже тѣ комки грязи которыми онъ бросать въ нее когда придетъ время. Большинство пожилыхъ людей и люди высоко поставленные были недовольны этимъ готовящимся общественнымъ скандаломъ.

Мать Вронскаго, узнавъ о его связи, сначала была довольна, и потому что ничто, по ея понятіямъ, не давало послѣдней отдѣлки блестящему молодому человѣку какъ связь въ высшемъ свѣтѣ, и потому что столь понравившаяся ей Каренина, такъ много говорившая о своемъ сынѣ, была все-таки такая же какъ и всѣ красивыя и порядочныя женщины по понятіямъ графини Вронской. Но въ послѣднее время она узнала что сынъ отказался отъ предложеннаго ему, важнаго для карьеры, положенія только съ тѣмъ чтобъ оставаться въ полку, гдѣ онъ могъ видѣться съ Карениной, узнала что имъ недовольны за это высокоставленные лица, и она перемѣнила свое мнѣніе. Не правилось ей тоже то что по всему что она узнала про эту связь, это не была та блестящая, граціозная свѣтская связь какую она бы одобрила, но какая-то Вертеровская, отчаянная страсть, какъ ей разказывали, которая могла вовлечь его въ глупости. Она не видала его со времени его неожиданнаго отъѣзда изъ Москвы, и черезъ старшаго сына требовала чтобъ онъ пріѣхалъ къ ней.

Старшій братъ былъ тоже недоволенъ меньшимъ. Онъ не разбиралъ какая это была любовь, большая или маленькая, страстная или не страстная, порочная или непорочная (онъ самъ имѣя дѣтей содержалъ танцовщицу, и потому былънисходителемъ на это); но онъ зналъ что это любовь не правящаяся тѣмъ кому нужно нравиться, и потому не одобрялъ поведенія брата.

Кромѣ занятій службы и свѣта, у Вронскаго было еще занятіе—лошади, до которыхъ онъ былъ страстный охотникъ.

Въ нынѣшнемъ же году назначены были офицерскія скачки съ препятствіями. Вронскій записался на скачки, купилъ англійскую кровную кобылу, и несмотря на свою любовь, былъ страстно, хотя и сдержанно, увлеченъ предстоящими скачками...

Двѣ страсти эти не мѣшали одна другой. Напротивъ, ему нужно было занятіе и увлеченіе независимое отъ его любви, на которомъ онъ освѣжался и отдыхалъ отъ слишкомъ волновавшихъ его впечатлѣній.

Въ день Красносельскихъ скачекъ, Вронскій раньше обыкновеннаго пришелъ съѣсть бифтекъ въ общую залу артели полка. Ему не нужно было очень строго выдерживать себя, такъ какъ вѣсь его какъ разъ равнялся положеннымъ четыремъ пудамъ съ половиною, но надѣ было и не потолстѣть, и потому онъ избѣгалъ мучнаго и сладкаго. Онъ сидѣлъ въ разстегнутомъ надъ бѣлымъ жилетомъ сюртукѣ, облокотившись обѣими руками на столъ, и ожидая заказаннаго бифтека, смотрѣлъ въ книгу французскаго романа лежавшую на тарелкѣ. Онъ смотрѣлъ въ книгу только затѣмъ чтобы не разговаривать со входившими и выходившими офицерами, и думалъ.

Онъ думалъ о томъ что Анна обѣщала ему дать свиданье нынче, послѣ скачекъ. Но онъ не видалъ ея три дня и, вслѣдствіе возвращенія мужа изъ-за границы, не зналъ возможно ли это нынче или нѣтъ, и не зналъ какъ узнать это. Онъ видѣлся съ ней въ послѣдній разъ на дачѣ у кузины Бетси. На дачу же Карениныхъ онъ ѣздилъ какъ можно рѣже. Теперь онъ хотѣлъ ѣхать туда и обдумывалъ вопросъ: „Какъ это сдѣлать?“

„Разумѣется, я скажу что Бетси прислала меня спросить пріѣдетъ ли она на скачки. Разумѣется повѣду,“ рѣшилъ онъ самъ съ собою, поднимая голову отъ книги. И живо представивъ себѣ счастье увидать ее, онъ просіялъ лицомъ.

— Пошли ко мнѣ на домъ чтобы закладывали поскорѣй коляску тройкой, сказалъ онъ слугѣ подавшему ему бифтекъ на серебряномъ горячемъ блюдѣ, и придвинувъ блюдо, сталъ ѣсть.

Въ сосѣдней бильярдной слышались удары шаровъ, говоръ и смѣхъ. Изъ входной двери появились два офицера: одинъ молоденькій, съ слабымъ, тонкимъ лицомъ, недавно поступившій изъ Пажескаго корпуса въ ихъ полкъ; другой пухлый, старый офицеръ съ браслетомъ на рукѣ и заплаканными маленькими глазами.

Вронскій взглянулъ на нихъ, нахмурился и какъ будто не замѣтивъ ихъ, косясь на книгу, сталъ ѣсть и читать вмѣстѣ.

— Что? подкрѣпляешься на работу? сказалъ пухлый офицеръ садясь подлѣ него.

— Видишь, отвѣчалъ Вронскій хмурясь, отирая ротъ и не глядя на него.

— А не боишься потолстѣть? сказалъ онъ, поворачивая стулъ для молоденькаго офицера.

— Чтò? сердито сказалъ Вронскій, дѣлая гримасу отвращенія и показывая свои сплошные зубы.

— Не боишься потолстѣть?

— Человѣкъ, подай мой хересъ, сказалъ Вронскій не отвѣчая, и переложивъ книгу на другую сторону продолжалъ читать.

Пухлый офицеръ взялъ карту винъ и обратился къ молоденькому офицеру.

— Ты самъ выбери чтò будемъ пить, сказалъ онъ подавая ему карту и глядя на него.

— Пожалуй рейнвейну, сказалъ молодой офицеръ, робко косясь на Вронскаго и стараясь поймать пальцами чуть отросшіе усики. Видя что Вронскій не оборачивается, молодой офицеръ всталъ.

— Пойдемъ въ бильярдную, сказалъ онъ.

Пухлый офицеръ покорно всталъ, и они направились къ двери.

Въ это время въ комнату вошелъ высокій и статный ротмистръ Яшвинъ и кверху, презрительно, кивнувъ головой двумъ офицерамъ, подошелъ ко Вронскому.

— А! вотъ онъ! крикнулъ онъ, крѣпко ударивъ его своею большою рукою по логону. Вронскій оглянулся сердито, но тотчасъ же лицо его просіяло свойственною ему спокойною и твердою лаской.

— Умно, Алеша, сказалъ ротмистръ громкимъ баритономъ. — Теперь поѣшь и выпей одну рюмочку.

— Да не хочется ѣсть.

— Вотъ неразлучные, прибавилъ Яшвинъ, насмѣшливо на двухъ офицеровъ, которые выходили въ это время изъ комнаты. И онъ сѣлъ подлѣ Вронскаго, согнувъ острыми углами свои слишкомъ длинныя по высотѣ стульевъ стегна и голени въ узкихъ рейтузахъ. — Что жъ ты вчера не заѣхалъ въ красненькій театръ? Нумерова совсѣмъ не дурна была. Гдѣ ты былъ?

— Я у Тверскихъ засидѣлся, отвѣчалъ Вронскій.

— А! отозвался Яшвинъ.

Яшвинъ игрокъ, кутила, и не только человѣкъ безъ всякихъ правилъ, но съ безнравственными правилами, Яшвинъ былъ въ полку лучший пріятель Вронскаго. Вронскій лю-

билъ его и за его необычайную физическую силу, которую онъ большею частью выказывалъ тѣмъ что могъ пить какъ бочка, не спать и быть все такимъ же, и за большую нравственную силу которую онъ выказывалъ въ отношеніяхъ къ начальникамъ и товарищамъ, вызывая къ себѣ страхъ и уваженіе, и въ игрѣ которую онъ велъ на десятки тысячъ, и всегда, несмотря на вылитое вино, такъ тонко и твердо что считался первымъ игрокомъ въ Англійскомъ Клубѣ. И Вронскій, несмотря на совершенно противоположныя правила, уважалъ и любилъ его, и изъ всѣхъ товарищей едва ли не въ немъ одномъ Вронскій былъ увѣренъ что онъ не завидуетъ ему и любитъ его не за его имя и богатство, а за него самого. И изъ всѣхъ людей съ нимъ однимъ Вронскій хотѣлъ бы говорить про свою любовь. Онъ чувствовалъ что Яшвинъ одинъ, несмотря на то что, казалось, презиралъ всякое чувство, одинъ, казалось Вронскому, могъ понимать ту сильную страсть которая теперь наполнила всю его жизнь. Кромѣ того, онъ былъ увѣренъ что Яшвинъ уже навѣрное не находитъ удовольствія въ сплетняхъ и скандалѣ, а понимаетъ это чувство какъ должно, то-есть знаетъ и вѣритъ что любовь — это не шутка, не забава, а дѣло, на которое какъ на одну карту поставлено все счастье жизни.

Вронскій не говорилъ съ нимъ о своей любви, но зналъ что онъ все знаетъ, все понимаетъ какъ должно, и ему пріятно было видѣть это по его глазамъ.

— А, да! сказалъ онъ на то что Вронскій былъ у Тверскихъ, и блеснувъ своими черными глазами, взялся за лѣвый усь и сталъ заправлять его въ ротъ по своей дурной привычкѣ.

— Ну, а ты вчера что едѣлалъ? Выигралъ? спросилъ Вронскій.

— Восемь тысячъ. Да три не хорошо, едва ли отдастъ.

— Ну такъ можешь за меня и проиграть, сказалъ Вронскій смѣясь. (Яшвинъ держалъ большое пари за Вронскаго.)

— Ни за что не проиграю. Одинъ Махотинъ опасенъ.

И разговоръ перешелъ на ожиданія нынѣшней скачки, о которой только и могъ думать теперь Вронскій.

— Пойдемъ, я кончилъ, сказалъ Вронскій, и вставъ пошелъ къ двери. Яшвинъ всталъ тоже, растянувъ свои огромныя ноги и длинную спину.

— Мнѣ обѣдать еще рано, а выпить надо. Я приду сейчасъ. Эй, вина! крикнулъ онъ своимъ знаменитымъ въ командованіи густымъ и заставлявшимъ дрожать стекла голосомъ.— Нѣтъ, не надо, тотчасъ же опять крикнулъ онъ.— Ты домой, такъ я съ тобой пойду.

И они пошли съ Вронскимъ.

XVIII.

Вронскій стоялъ въ просторной и чистой, разгороженной на двое, чухонской избѣ. Петрицкій жилъ съ нимъ вмѣстѣ и въ лагеряхъ. Петрицкій спалъ когда Вронскій съ Яшвинымъ вошли въ избу.

— Вставай, будетъ спать, сказалъ Яшвинъ, заходя за перегородку и толкая за плечо уткнувшагося носомъ въ подушку взлomorphicнаго Петрицкаго.

Петрицкій вдругъ вскочилъ на колѣнки и оглянулся.

— Твой братъ былъ здѣсь, сказалъ онъ Вронскому. — Разбудилъ меня, чортъ его возьми, сказалъ что придетъ опять.— И онъ опять, натягивая одѣяло, бросился на подушку. — Да оставь же, Яшвинъ, говорилъ онъ сердясь на Яшвина тащившаго съ него одѣяло.— Оставь. — Онъ повернулся, и открылъ глаза. — Ты лучше скажи что вылить; такая гадость во рту что....

— Водки лучше всего, пробасилъ Яшвинъ. — Терещенко! водки барину и огурцовъ, крикнулъ онъ, видимо любя слушать свой голосъ.

— Водки ты думаешь? А? спросилъ Петрицкій морщась и протирая глаза: — А ты выльешь? Вмѣстѣ, такъ выльемъ. Вронскій, выльешь? сказалъ Петрицкій вставая и закутываясь подъ руками въ тигровое одѣяло.

Онъ вышелъ въ дверь перегородки, поднялъ руки и заплѣлъ по-французски: Былъ король въ Ту-у-лѣ. — Вронскій, выльешь?

— Убирайся, сказалъ Вронскій, надѣвавшій подаваемый лакеемъ сюртукъ.

— Это куда? спросилъ его Яшвинъ. — Вотъ и тройка, прибавилъ онъ увидѣвъ подѣзжавшую коляску.

— Въ конюшню, да еще мнѣ нужно къ Брянскому объ лошадяхъ, сказалъ Вронскій.

Вронскій дѣйствительно обѣщалъ быть у Брянскаго, въ десяти верстахъ отъ Парголова, и привезти ему за лошадей деньги; и онъ хотѣлъ успѣть побывать и тамъ. Но товарищи тотчасъ же поняли что онъ не туда только ѣдетъ.

Петрицкій, продолжая пѣть, подмигнулъ глазомъ и надулъ губы, какъ бы говоря: знаемъ какой это Брянскій.

— Смотри не опоздай! сказалъ только Яшвинъ, и чтобы переменить разговоръ: — Что мой саврасый служить хорошо? спросилъ онъ, глядя въ окно, про кореннаго, котораго онъ продалъ.

— Стой! закричалъ Петрицкій уже уходившему Вронскому. — Братъ твой оставилъ письмо тебѣ и записку. Постой, гдѣ онъ?

Вронскій остановился. — Ну гдѣ же онъ?

— Гдѣ онъ? Вотъ въ чемъ вопросъ! проговорилъ торжественно Петрицкій, проводя кверху отъ носа указательнымъ пальцемъ.

— Да говори же, это глупо, улыбаясь сказалъ Вронскій.

— Камина я не топилъ. Здѣсь гдѣ-нибудь.

— Ну, полно врать! Гдѣ же письмо?

— Нѣтъ, право забылъ. Или я во снѣ видѣлъ? Постой, постой! Да что жь сердиться! Еслибы ты, какъ я вчера, выпилъ четыре бутылки на брата, ты бы забылъ гдѣ ты лежишь. Постой, сейчасъ вспомню.

Петрицкій пошелъ за перегородку и легъ на свою кровать.

— Стой! Такъ я лежалъ, такъ онъ стоялъ. Да-да-да-да.... Вотъ оно! и Петрицкій вынулъ письмо изъ-подъ матраца, куда онъ запряталъ его.

Вронскій взялъ письмо и записку брата. Это было то самое что онъ ожидалъ, — письмо отъ матери съ упреками за то что онъ не прѣзжалъ, и записка отъ брата, въ которой говорилось что нужно переговорить. Вронскій зналъ что это все о томъ же. „Что имъ за дѣло!“ подумалъ Вронскій и смявъ письма, сунулъ ихъ между луговицъ сюртука, чтобы внимательно прочесть дорогой. Въ сѣняхъ избы ему встрѣтились два офицера: одинъ ихъ, а другой другаго полка.

Квартира Вронскаго всегда была притономъ всѣхъ офицеровъ.

— Куда?

— Нужно, въ Парголово.

— А! Лошадь пришла изъ Царскаго?

— Пришла, да я не видалъ еще.

— Говорятъ Махотина Гладіаторъ захромалъ.

— Вздоръ! Только какъ вы по этой грязи поскачете? сказалъ другой.

— Вотъ мои спасители! закричалъ, увидавъ вошедшихъ, Петрицкій, предъ которымъ стоялъ деньщикъ съ водкой и соленымъ огурцомъ на поднось. — Вотъ Яшвинъ велитъ пить чтобъ освѣжиться.

— Ну, ужъ вы намъ задали вчера, сказалъ одинъ изъ пришедшихъ, — всю ночь не давали спать.

— Нѣтъ, каково мы окончили, разказывалъ Петрицкій. — Волковъ залѣзъ на крышу и говоритъ что ему грустно. Я говорю: давай музыку, погребальный маршъ. Онъ такъ и заснулъ на крышѣ подъ погребальный маршъ.

— Выпей, выпей водки непременно, а потомъ сельтерской воды и много лимона, говорилъ Яшвинъ, стоя надъ Петрицкимъ какъ мать заставляющая ребенка принимать лѣкарство, — а потомъ ужъ шампанскаго немножечко, такъ, бутылочку.

— Вотъ, это умно. Постой, Вронскій, выпьемъ.

— Нѣтъ, прощайте, господа, нынче я не пью.

— Что жъ, потяжелѣешь? Ну, такъ мы одни. Давай сельтерской воды и лимона.

— Вронскій! закричалъ кто-то, когда онъ ужъ выходилъ въ сѣни.

— Что?

— Ты бы волоса обстригъ, а то они у тебя тяжелы, особенно на лысинѣ.

Вронскій дѣйствительно преждевременно начиналъ плѣшивѣть. Онъ весело засмѣялся, показывая свои сплошные зубы, и надвинувъ фуражку на лысину, вышелъ и сѣлъ въ коляску.

— Въ конюшню! сказалъ онъ и досталъ-было письма чтобы прочесть ихъ, но потомъ раздумалъ, чтобы не развлекаться до осмотра лошади. — Потомъ....

XIX.

Временная конюшня, балаганъ изъ досокъ, была построена подлѣ самаго гипподрома, и туда вчера должна была быть приведена его лошадь. Онъ еще не видалъ ея. Въ эти ло-

слѣдніе дни онъ самъ не ѣздилъ на проѣздку, а поручилъ тренеру, и теперь рѣшительно не зналъ въ какомъ состояніи пришла и была его лошадь. Едва онъ вышелъ изъ коляски, какъ конюхъ его (грумъ), такъ-называемый мальчикъ, узнавъ еще издалека его коляску, вызвалъ тренера. Сухой Англичанинъ въ высокихъ сапогахъ и въ короткой жакеткѣ, съ клочкомъ волосъ оставленнымъ только подъ подбородкомъ, неумѣлою походкой жокеевъ, растопыривая локти и раскачиваясь, вышелъ навстрѣчу.

— Ну что Фру-Фру? спросилъ Вронскій по-англійски.

— All right, sir—все исправно, сударь,—гдѣ-то внутри горла проговорилъ голосъ Англичанина. — Лучше не ходите, прибавилъ онъ поднимая шляпу. — Я надѣлъ намордникъ, и лошадь возбуждена. Лучше не ходить, это тревожитъ лошадь.

— Нѣтъ, ужъ я войду. Мнѣ хочется взглянуть.

— Пойдемъ, все также не открывая рта, нахмурившись, сказалъ Англичанинъ и размахивая локтями пошелъ впередъ своею развѣшенною походкой.

Они вошли въ дворикъ предъ баракомъ. Дежурный, въ чистомъ курткѣ, нарядный, молодцоватый мальчикъ, съ метлой въ рукѣ, встрѣтилъ входившихъ и пошелъ за ними. Въ баракѣ стояло пять лошадей по денникамъ, и Вронскій зналъ что тутъ же нынче долженъ быть приведенъ и стоитъ его главный соперникъ, рыжій, пятивершковый Гладіаторъ Махотина. Еще болѣе чѣмъ свою лошадь, Вронскому хотѣлось видѣть Гладіатора, котораго онъ не видалъ, но по законамъ приличія конской охоты Вронскій зналъ что не только нельзя видѣть его, но неприлично и спрашивать про него. Въ то время когда онъ шелъ по корридору, мальчикъ отворилъ дверь во второй денникъ налѣво, и Вронскій увидѣлъ рыжую крупную лошадь и бѣлыя ноги. Онъ зналъ что это былъ Гладіаторъ, но съ чувствомъ человѣка отворачивающагося отъ чужаго раскрытаго письма, онъ отвернулся и подошелъ къ деннику Фру-Фру.

— Здѣсь лошадь Ма-к... Мак... никогда не могу выговорить это имя, сказалъ Англичанинъ черезъ плечо, указывая большимъ, съ грязнымъ ногтемъ, пальцемъ на денникъ Гладіатора.

— Махотина? Да, это мой одинъ серіозный соперникъ, сказалъ Вронскій.

— Еслибы вы ѣхали на немъ, сказалъ Англичанинъ, — я бы за васъ держалъ.

— Фру-Фру нервнѣе, онъ сильнѣе, сказалъ Вронскій, улыбаясь отъ похвалы своей ѣздѣ.

— Съ препятствіями все дѣло въ ѣздѣ и въ рлскъ, сказалъ Англичанинъ.

Рлскъ, то-есть энергію и смѣлости, Вронскій не только чувствовалъ въ себѣ достаточно, но, что гораздо важнѣе, онъ былъ твердо убѣжденъ что ни у кого въ мірѣ не могло быть этого рлскъ больше чѣмъ у него.

— А вы вѣрно знаете что не нужно было большого потнвннѣя?

— Не нужно, отвѣчалъ Англичанинъ. — Пожалуста не говорите громко. Лошадь волнуется, прибавилъ онъ, кивая головою на залптый денникъ предъ которымъ они стояли и гдѣ слышалась перестановка ногъ по соломѣ.

Онъ отворилъ дверь, и Вронскій вошелъ въ слабо освѣщенный изъ одного маленькаго окошечка денникъ. Въ денникѣ, перебирая ногами по свѣжей соломѣ, стояла караконная лошадь съ намордникомъ. Оглядѣвшись въ полусвѣтѣ денника, Вронскій опять невольно обнялъ однимъ общимъ взглядомъ всѣ стати своей любимой лошади. Фру-Фру была средняго роста лошадь и по статямъ не безукоризненная. Она была вся узка костью; ея грудина хотя и сильно выдавалась впередъ, грудь была узка. Крупъ былъ вислосадъ, и въ ногахъ переднихъ и особенно заднихъ была значительная косолапина. Мышцы заднихъ и переднихъ ногъ не были особенно крупны; но за то въ подпругѣ лошадь была необыкновенно широка, что особенно поражало теперь, при ея выдержкѣ и поджаромъ животѣ. Кости ея ногъ ниже колѣнъ казались не толще пальца, глядя спереди, но за то были необыкновенно широки глядя съ боку. Она вся, кромѣ реберъ, какъ будто была сдавлена съ боковъ и вытянута въ глубину. Но у ней въ высшей степени было качество заставляющее забывать всѣ недостатки; это качество была *кровь*, та кровь которая *сказывается*, по англійскому выраженію. Рѣзко выступающія мышцы изъ-подъ сѣтки жилъ растянutoй въ тонкой, подвижной и гладкой какъ атласъ кожѣ казались столь же крѣпкими какъ кость. Сухая голова ея, съ выпуклыми блестящими веселыми глазами, расширялась у храла въ выдающіяся ноздри, съ налитую внутри кровью перепон-

кой. Во всей фигурѣ, и въ особенности въ головѣ ея, было опредѣленное, энергическое и вмѣстѣ нѣжное, выраженіе. Она была одно изъ тѣхъ животныхъ которыя не говорятъ только потому что механическое устройство ихъ рта не позволяетъ имъ этого.

Вронскому по крайней мѣрѣ показалось что она поняла все что онъ теперь глядя на нее чувствовалъ.

Какъ только Вронскій вошелъ къ ней, она глубоко втянула въ себя воздухъ и, скашивая свой выпуклый глазъ такъ что бѣлокъ наливался кровью, то съ той, то съ другой стороны оглядывалась на вошедшихъ, потряхивая намордникомъ и упруго переступая съ ноги на ногу.

— Ну, вотъ видите какъ она взволнована, сказалъ Англичанинъ.

Вронскій подошелъ къ лошади ближе, уговаривая:

— О, милая! О! говорилъ онъ.

Но чѣмъ ближе онъ подходилъ, тѣмъ болѣе она волновалась. Только когда онъ подошелъ къ ея головѣ, она вдругъ затихла, и мускулы ея затряслись подъ тонкою, нѣжною шерстью. Вронскій погладилъ ея жилистую шею, поправилъ на остромъ загривкѣ перекинувшуюся на другую сторону прядь гривы и придвинулся лицомъ къ ея растянутымъ, тонкимъ какъ крыло летучей мыши ноздрямъ. Она звучно втянула и выпустила воздухъ изъ напряженныхъ, тугихъ ноздрей, и вздрогнувъ, прижала острое ухо и вытянула крѣпкую, черную губу ко Вронскому, какъ бы желая поймать его за рукавъ. Но вспомнивъ о намордникѣ, она встряхнула имъ и опять начала переставлять одну за другою свои точенныя ножки.

— Успокойся, милая, успокойся, сказалъ онъ, погладивъ еще рукой по крупу, и съ радостнымъ сознаніемъ что лошадь въ самомъ хорошемъ состояніи, вышелъ изъ денника.

Волненіе лошади сообщилось и Вронскому; онъ чувствовалъ что кровь приливала ему къ сердцу, и что ему также какъ и лошади хочется двигаться, кусаться; было и страшно, и весело.

— Ну, такъ я на васъ надѣюсь, сказалъ онъ Англичанину, — въ шесть съ половиной на мѣстѣ.

— Все исправно, сказалъ Англичанинъ. — А вы куда ѣдете, милордъ? спросилъ онъ неожиданно, употребивъ это названіе my-Lord которое онъ почти никогда не употреблялъ.

Вронскій съ удивленіемъ приподнялъ голову и посмотрѣлъ, какъ онъ умѣлъ смотрѣть, не въ глаза, а на лобъ Англичанина, удивляясь смѣлости его вопроса. Но понявъ что Англичанинъ, дѣлая этотъ вопросъ, смотрѣлъ на него не какъ на хозяина, но какъ на жокея, отвѣтилъ ему:

— Мнѣ нужно къ Брянскому, я черезъ часъ буду дома.

„Который разъ мнѣ дѣлають нынче этотъ вопросъ“, сказалъ онъ себѣ и покраснѣлъ, что съ нимъ рѣдко бывало. Англичанинъ внимательно посмотрѣлъ на него. И какъ будто онъ зналъ куда ѣдетъ Вронскій, прибавилъ:

— Первое дѣло быть спокойнымъ предъ ѣздой, сказалъ онъ, — не будьте не въ духѣ и ничѣмъ не разстраивайтесь.

— All right, улыбаясь отвѣчалъ Вронскій, и вскочивъ въ коляску, велѣлъ ѣхать въ Парголово.

Едва онъ отѣхалъ нѣсколько шаговъ, какъ туча, съ утра угрожавшая дождемъ, надвинулась, и хлынулъ ливень.

„Плохо!“ подумалъ Вронскій поднимая коляску. „И то грязно было, а теперь совсѣмъ болото будетъ.“ Сидя въ уединеніи закрытой коляски, онъ досталъ письмо матери и записку брата, и прочелъ ихъ.

Да, все это было то же и то же. Всѣ, его мать, его братъ, всѣ находили нужнымъ вмѣшиваться въ его сердечныя дѣла. Это вмѣшательство возбуждало въ немъ злобу, — чувство которое онъ рѣдко испытывалъ. „Какое имъ дѣло? Почему всякій считаетъ своимъ долгомъ заботиться обо мнѣ? И отчего они пристають ко мнѣ? Оттого что они видятъ что это что-то такое чего они не могутъ понять. Еслибъ это была обыкновенная свѣтская связь, они бы оставили меня въ покоѣ. Они чувствуютъ что это что-то другое, что это не игрушка, что жизнь моя стоитъ тутъ на картѣ. И это-то непонятно и потому досадно имъ. Какаѣ ни есть и ни будетъ наша судьба, мы ее сдѣлали и мы на нее не жалуемся, говорилъ онъ, въ словѣ мы соединяя себя съ Анною. Нѣтъ, имъ надо научить насъ какъ жить. Они и понятія не имѣють о томъ что такое счастье, они не знаютъ что безъ этой любви для насъ ни счастья, ни несчастья—нѣтъ жизни“, думалъ онъ.

Онъ сердился на всѣхъ за вмѣшательство именно потому что онъ чувствовалъ въ душѣ что они, эти всѣ, были правы. Онъ чувствовалъ что любовь связывавшая его съ Анной не была минутное увлеченіе, которое пройдетъ какъ проходятъ свѣтскія связи, не оставивъ другихъ слѣдовъ въ жизни того и другаго

кромѣ пріятныхъ или непріятныхъ воспоминаній. Онъ чувствовалъ всю мучительность своего и ея положенія, всю трудность, при той выставленности для глазъ всего свѣта въ которой они находились, скрывать свою любовь, лгать и обманывать; и лгать, обманывать, хитрить и постоянно думать о другихъ, тогда когда страсть связывавшая ихъ была такъ сильна что они оба забывали обо всемъ другомъ кромѣ своей любви. Онъ чувствовалъ что положеніе не можетъ продолжаться.

Онъ живо вспомнилъ всѣ тѣ часто повторявшіеся случаи необходимости лжи и обмана, которые были такъ противны его натурѣ; вспомнилъ особенно живо, не разъ замѣченное въ ней, чувство стыда за эту необходимость обмана и лжи. И онъ испыталъ странное чувство, со времени его связи съ Анною иногда находившее на него. Это было чувство омерзѣнія къ чему-то,—къ Алексѣю ли Александровичу, къ себѣ ли, ко всему ли свѣту,—онъ не зналъ хорошенько. Но онъ всегда отгонялъ отъ себя это странное чувство. И теперь, встряхнувшись, продолжалъ ходъ своихъ мыслей.

„Да, она прежде была несчастлива, но горда и спокойна; а теперь она не можетъ быть спокойна и достойна, хотя она и не показываетъ этого. Да, это нужно кончить“, рѣшилъ онъ самъ съ собою.

И ему въ первый разъ пришла въ голову ясная мысль о томъ что необходимо прекратить эту ложь, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. „Бросить все ей и мнѣ, и скрыться куда-нибудь однимъ со своею любовью“.

XX.

Ливень былъ непродолжительный, и когда Бронскій подъѣзжалъ на всей рыси коренного, вытягивавшаго скакавшихъ уже безъ вожжей по грязи пристяжныхъ, солнце опять выглянуло, и крыши дачъ, старыя липы садовъ по обѣимъ сторонамъ главной улицы дачъ блестѣли мокрымъ блескомъ, и съ вѣтвей весело капала, а съ крышъ бѣжала вода. Онъ не думалъ уже о томъ какъ этотъ ливень испортитъ гипподромъ, но теперь радовался тому что благодаря этому дождю навѣрное застанетъ ее дома и одну, такъ какъ онъ

зналъ что Алексѣй Александровичъ, недавно вернувшійся съ водъ, не перѣвзжалъ изъ Петербурга.

Надѣясь застать ее одну, Вронскій, какъ онъ и всегда дѣлалъ это чтобы меньше обратить на себя вниманіе, слѣзъ не перѣвзжая мостика и пошелъ лѣшкомъ. Онъ не пошелъ на крыльцо съ улицы, но вошелъ во дворъ.

— Баринъ пріѣхалъ? спросилъ онъ у садовника.

— Никакъ нѣтъ. Барыня дома. Да вы съ крыльца пожалуйста; тамъ люди есть, отопрутъ, отвѣчалъ садовникъ.

— Нѣтъ, я изъ сада пройду.

И убѣдившись что она одна и желая застать ее врасплохъ, такъ какъ онъ не общался бытъ нынче и она вѣрно не думала что онъ пріѣдетъ предъ скачками, онъ пошелъ придерживая саблю и осторожно шагая по леску дорожки, обсаженной цвѣтами, къ террасѣ выходившей въ садъ. Вронскій теперь забылъ все что онъ думалъ дорогой о тяжести и трудности своего положенія. Онъ думалъ объ одномъ, что сейчасъ увидить ее не въ одномъ воображеніи, но живую, всю, какая она есть въ дѣйствительности. Онъ уже входилъ, ступая во всю ногу, чтобы не шумѣть, по отлогимъ ступенямъ террасы, когда вдругъ вспомнилъ то что онъ всегда забывалъ и то что составляло самую мучительную сторону его отношеній къ ней — ея сына, съ его вопрошающимъ, противнымъ, какъ ему казалось, взглядомъ.

Мальчикъ этотъ чаще всѣхъ другихъ былъ помѣхой ихъ отношеній. Когда онъ былъ тутъ, ни Вронскій, ни Анна не только не позволяли себѣ говорить о чемъ-нибудь такомъ чего бы они не могли повторить при всѣхъ; но они не позволяли себѣ даже и намеками говорить то чего бы мальчикъ не понималъ. Они не сговаривались объ этомъ; но это установилось само собою. Они считали бы оскорбленіемъ самихъ себя обманывать этого ребенка. При немъ они говорили между собой какъ знакомые. Но несмотря на эту осторожность, Вронскій часто видѣлъ устремленный на него, внимательный и недоумѣвающий взглядъ ребенка и странную робость, неровность, то ласку, то холодность и застѣнчивость, въ отношеніи къ себѣ этого мальчика. Какъ будто ребенокъ чувствовалъ что между этимъ человекомъ и его матерью есть какое-то значительное отношеніе, значенія котораго онъ понять не можетъ.

Дѣйствительно, мальчикъ чувствовалъ что онъ не можетъ

понять этого отношенія, и силился и не могъ уяснить себѣ то чувство которое онъ долженъ имѣть къ этому человѣку. Съ чуткостью ребенка къ проявленію чувства онъ ясно видѣлъ что отецъ, гувернантка, няня, — всѣ не только не любили, но съ ужасомъ смотрѣли на Вронскаго, хотя и ничего не говорили про него, а что мать смотрѣла на него какъ на лучшаго друга. Это сказало ему, яснѣе всѣхъ словъ, выраженіе ея лица въ присутствіи Вронскаго. Чтò же это значитъ? Кто онъ такой? Какъ надо любить его? Если я не понимаю, я виноватъ, или я глупый или дурной мальчикъ, думалъ ребенокъ, и отъ этого происходило его испытующее, вопросительное, отчасти непріязненное выраженіе, и робость, и неровность, которыя такъ стѣсняли Вронскаго. Присутствіе этого ребенка всегда и неизмѣнно вызывало во Вронскомъ то странное чувство безпричиннаго омерзѣнія которое онъ испытывалъ послѣднее время. Присутствіе этого ребенка вызывало во Вронскомъ и въ Аннѣ чувство подобное чувству мореплавателя видающаго по компасу что направленіе по которому онъ быстро движется далеко расходится съ надлежащимъ, но что остановить движеніе не въ его силахъ, что каждая минута удаляетъ его больше и больше, и что признаться себѣ въ отступленіи отъ должнаго направленія все равно что признаться въ гибели.

Ребенокъ этотъ со своимъ наивнымъ взглядомъ на жизнь былъ компасъ который показывалъ имъ степень ихъ отклоненія отъ того чтò они знали, но не хотѣли знать.

На этотъ разъ Сережи не было дома, и она была совершенно одна и сидѣла на террасѣ, ожидая возвращенія сына ушедшаго гулять и застигнутаго дождемъ. Она послала челоуѣка и дѣвушку искать его и сидѣла ожидая. Одѣталъ въ бѣлое, отдѣланное широкимъ шитьемъ платье, она сидѣла въ углу террасы за цвѣтами и не слыхала его. Склонивъ свою чернокурчавую голову, она прижала лобъ къ холодной лейкѣ стоявшей на перилахъ и обѣими своими прекрасными руками, со столь знакомыми ему кольцами, придерживала лейку. Красота всей ея фигуры, головы, шеи, рукъ, каждый разъ какъ неожиданностью поражала Вронскаго. Онъ остановился, съ восхищеніемъ глядя на нее. Но только-что онъ хотѣлъ ступить шагъ чтобы приблизиться къ ней, она уже почувствовала его приближеніе, оттолкнула лейку и повернула къ нему свое разгоряченное лицо.

— Что съ вами? Вы нездоровы? сказалъ онъ по-французски, подходя къ ней. Онъ хотѣлъ подбѣжать къ ней; но вспомнилъ, оглянувшись на балконную дверь и покраснѣвъ, какъ онъ всякій разъ краснѣлъ чувствуя что долженъ бояться и оглядываться.

— Нѣтъ, я здорова, сказала она вставая и крѣпко пожимая его протянутую руку.—Я не ждала... тебя.

— Боже мой! какія холодныя руки! сказалъ онъ.

— Ты испугалъ меня, сказала она.—Я одна и жду Сережу, онъ пошелъ гулять; они отсюда придутъ.

Но несмотря на то что она старалась быть спокойна, губы ея тряслись.

— Простите меня что я прѣхалъ, но я не могъ провести дня не видавъ васъ, продолжалъ онъ по-французски, какъ онъ всегда говорилъ избѣгая невозможно холоднаго между ними *вы* и опаснаго *ты* по-русски.

— За что жь простить? Я такъ рада.

— Но вы нездоровы или огорчены, продолжалъ онъ не выпуская ея руки и нагибаясь надъ нею.—О чемъ вы думали?

— Все объ одномъ, сказали она съ улыбкой.

Она говорила правду. Когда бы, въ какую минуту ни спросили бы ее о чемъ она думала, она безъ ошибки могла отвѣтить: объ одномъ, о своемъ счастьи и о своемъ несчастьи. Она думала теперь именно, когда онъ засталъ ее, вотъ о чемъ: она думала почему для другихъ, для Бетси напримѣръ (она знала ея скрытую для свѣта связь съ Тушкевичемъ), все это было легко, а для нея такъ мучительно. Нынче эта мысль, по нѣкоторымъ соображеніямъ, особенно мучила ее. Она спросила его о скачкахъ, онъ отвѣчалъ ей, и видя что она взволнована, стараясь развлечь ее, рассказывалъ ей самымъ простымъ тономъ подробности приготовленій къ скачкамъ.

„Сказать или не сказать?“ думала она глядя въ его спокойныя, ласковые глаза. „Онъ такъ счастливъ, такъ занятъ своими скачками что не пойметъ этого какъ надо, не пойметъ всего значенія для насъ этого событія.“

— Но вы не сказали о чемъ вы думали когда я вошелъ, сказалъ онъ перервавъ свой рассказъ,—пожалуйста скажите.

Она не отвѣчала, и склонивъ немного голову смотрѣла на него изъ-подлобья вопросительно своими глубокими изъ-за длинныхъ рѣсницъ глазами. Рука ея, игравшая сорваннымъ

листомъ, дрожала. Онъ видѣлъ это, и лицо его выразило ту покорность, рабскую преданность, которая такъ подкупала ее.

— Я вижу что случилось что-то. Развѣ я могу быть минуту спокоенъ зная что у васъ есть горе котораго я не раздѣляю? Скажите, ради Бога, умоляюще повторилъ онъ.

„Да, я не прощу ему если онъ не пойметъ всего значенія этого. Лучше не говорить, зачѣмъ испытывать?“ думала она, все также глядя на него и чувствуя что рука ея съ листкомъ все больше и больше трясется.

— Ради Бога, повторялъ онъ, взявъ ея руку.

— Сказать?

— Да, да, да....

— Я беременна, сказала она тихо и медленно.

Листокъ въ ея рукѣ задрожалъ еще сильнѣе, но она не спускала съ него глазъ чтобы видѣть какъ онъ приметъ это. Онъ поблѣднѣлъ, хотѣлъ что-то сказать, но остановился, выпустилъ ея руку и опустилъ голову. „Да, онъ понималъ все значеніе этого событія“, подумала она и благодарно пожала ему руку. Но она ошибалась въ томъ что онъ понималъ значеніе извѣстія такъ какъ она, женщина, его понимала. При этомъ извѣстіи онъ съ удесятеренною силой почувствовалъ припадокъ этого страннаго находившаго на него чувства омерзѣнія къ кому-то; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ понималъ что на него налагаются новыя обязанности, что онъ долженъ помочь ей, спасти ее, что тотъ кризисъ котораго онъ желалъ наступилъ теперь, что нельзя болѣе скрывать отъ мужа и необходимо такъ или иначе разорвать теперь это неестественное положеніе. Но, кромѣ того, ея волненіе физически сообщалось ему. Онъ взглянулъ на нее умиленнымъ, покорнымъ взглядомъ, поцѣловалъ ея руку, всталъ и молча прошелся по террасѣ.

— Да, сказалъ онъ рѣшительно, подходя къ ней.—Ни я, ни вы не смотрѣли на наши отношенія какъ на игрушку, а теперь наша судьба рѣшена. Необходимо кончить, сказалъ онъ оглядываясь,—ту ложъ въ которой мы живемъ.

— Кончить? Какже кончить, Алексѣй? сказала она тихо.

Она успокоилась теперь, и лицо ея сіяло нѣжною улыбкой.

— Оставить мужа и соединить нашу жизнь.

— Она соединена и такъ, чуть слышно отвѣчала она.

— Да, но совѣтъ, совѣтъ.

— Но какъ, Алексѣй, научи меня какъ? сказала она съ грустною насмѣшкой надъ безвыходностью своего положенія.—Развѣ есть выходъ изъ такого положенія, развѣ я не жена своего мужа?

— Изъ всякаго положенія есть выходъ. Нужно рѣшиться, сказалъ онъ.—Все лучше чѣмъ то положеніе въ которомъ вы живете. Я вѣдь вижу какъ вы мучаетесь всѣмъ, и свѣтомъ, и сыномъ, и мужемъ.

— Ахъ, только не мужемъ, съ простою усмѣшкой сказала она.—Я не знаю, я не думаю о немъ. Его нѣтъ.

— Вы говорите не искренно. Я знаю васъ. Вы мучаетесь и о немъ.

— Да онъ и не знаетъ, сказала она, и вдругъ яркая краска стала выступать на ея лицо; щеки, лобъ, шея ея покраснѣли, и слезы стыда выступили ей на глаза.—Да, и не будемъ говорить объ немъ.

XXI.

Вронскій уже нѣсколько разъ пытался, хотя и не такъ рѣшительно какъ теперь, наводить ее на обсужденіе своего положенія, и каждый разъ сталкивался съ тою поверхностностію и легкостью сужденій съ которою она теперь отвѣчала на его вызовъ. Какъ будто было что-то въ этомъ такое чего она не могла или не хотѣла уяснить себѣ, какъ будто, какъ только она начинала говорить про это, она, настоящая Анна, уходила куда-то въ себя и выступала другая, странная, чуждая ему женщина, которой онъ не любилъ и боялся, и которая давала ему отпоръ. Но нынче онъ рѣшился высказать все.

— Знаетъ ли онъ или нѣтъ, сказалъ Вронскій своимъ обычнымъ твердымъ и спокойнымъ тономъ.—Знаетъ ли онъ или нѣтъ, намъ до этого дѣла нѣтъ. Мы не можемъ... вы не можете такъ оставаться, особенно теперь.

— Чтò жъ дѣлать по вашему? спросила она съ тою же легкою насмѣшливостію. Ей, которая такъ боялась чтобъ онъ не принялъ легко ея беременность, теперь было досадно за то что онъ изъ этого выводилъ необходимость предпринять что-то.

— Объяснить ему все и оставить его.

— Очень хорошо; положимъ что я сдѣлаю это, сказала она. — Вы знаете что изъ этого будетъ? Я впередъ все разкажу, — и злой свѣтъ зажегся въ ея за минуту предъ этимъ нѣжныхъ глазахъ. — А, вы любите другаго и вступили съ нимъ въ преступную связь? (Она, представляя мужа, сдѣлала, точно такъ какъ это дѣлалъ Алексѣй Александровичъ, удареніе на словѣ *преступную*.) Я предупреждалъ васъ о поведеніяхъ въ религіозномъ, гражданскомъ и семейномъ отношеніяхъ. Вы не послушали меня. Теперь я не могу отдать позору свое имя... — и своего сына, хотѣла она сказать, но сыномъ она не могла шутить... — позору свое имя, и еще что-нибудь въ такомъ родѣ, добавила она. — Вообще онъ скажетъ со своею государственною манерой и съ ясностью и точностью что онъ не можетъ отпустить меня, но приметъ зависящій отъ него мѣры остановить скандалъ. И сдѣлаетъ спокойно, аккуратно что скажетъ. Вотъ что будетъ, говорила она горячась все болѣе и болѣе. — Это не человѣкъ, а машина, и зная машина когда разсердится, прибавила она, вспоминая при этомъ Алексѣя Александровича со всеми подробностями его фигуры, манеры говорить и его характера, и въ вину ставя ему все что только могла она найти въ немъ нехорошаго, не прощая ему ничего за ту страшную вину которою она была предъ нимъ виновата.

— Но, Анна, сказалъ Вронскій убѣдительнымъ, мягкимъ голосомъ, стараясь успокоить ее, — все-таки необходимо сказать ему, а потомъ ужъ руководиться тѣмъ что онъ предприметъ.

— Что жь, бѣжать?

— Отчего жь и не бѣжать? Я не вижу возможности продолжать это. И не для себя, я вижу что вы страдаете.

— Да, бѣжать, и мнѣ сдѣлаться вашею любовницей? со злобою подхватила она.

— Анна! укоризненно нѣжно проговорилъ онъ.

— Да, продолжала она, — сдѣлаться вашею любовницей и погубить все...

Она опять хотѣла сказать сына, но не могла выговорить этого слова.

Вронскій ужасался на нее, не могъ понять какъ она со своею сильною, честною натурой могла переносить это положеніе обмана и не желать выйти изъ него; но онъ не догадывался что главная причина этого было то слово *сынъ*

которое она не могла выговорить. Когда она думала о сынѣ и его будущихъ отношеніяхъ къ бросившей его отца матери, ей такъ становилось страшно за то что она сдѣлала, что она не разсуждала, а какъ женщина старалась только успокоить себя лживыми разсужденіями и словами, съ тѣмъ чтобы все оставалось по старому и чтобы можно было забыть про страшный вопросъ что будетъ съ сыномъ.

— Я прошу тебя, я умоляю тебя, вдругъ совсѣмъ другимъ, искреннимъ и нѣжнымъ, тономъ сказала она взявъ его за руку, — никогда не говори со мной объ этомъ!

— Но, Анна...

— Никогда. Предоставь мнѣ. Всю низость, весь ужасъ своего положенія я знаю; но это не такъ легко рѣшить какъ ты думаешь. И предоставь мнѣ, и слушайся меня. Никогда со мной не говори объ этомъ. Общаешь ты мнѣ?.. Нѣтъ, нѣтъ, общайся...

— Я все обещаю, но я не могу быть спокоенъ, особенно послѣ того что вы сказали. Я не могу быть спокоенъ, когда вы не можете быть спокойны...

— Я? повторила она. — Да, я мучаюсь иногда; но это пройдет если ты никогда не будешь говорить со мной объ этомъ. Когда ты говоришь со мной объ этомъ, тогда только это меня мучаетъ.

— Я не понимаю, сказалъ онъ.

— Я знаю, перебила она его, — какъ тяжело твоей честной натурѣ лгать, и жалѣю тебя. Я часто думаю какъ для меня ты могъ погубить свою жизнь.

— Я то же самое сейчасъ думалъ, сказалъ онъ, — какъ изъ-за меня вы могли пожертвовать всѣмъ. Я не могу простить себѣ то что вы несчастливы.

— Я несчастлива? сказала она приближаясь къ нему и съ восторженною улыбкой любви глядя на него: — я какъ голый человѣкъ которому дали вѣсть. Можетъ-быть ему холодно, и платье у него разорвано, и стыдно ему, но онъ не несчастливъ. Я несчастлива? Нѣтъ, вотъ мое счастье...

Она услышала голосъ возвращавшагося сына и, окинувъ быстрымъ взглядомъ террасу, порывисто встала. Взглядъ ея зажегся знакомымъ ему огнемъ, она быстрымъ движеніемъ подняла свои красивыя, покрытыя кольцами руки, взяла его за голову, посмотрѣла на него долгимъ взглядомъ, и приблизивъ свое лицо съ открытыми, улыбающимися

губами, быстро поцѣловала его ротъ и оба глаза, и оттолкнула. Она хотѣла идти, но онъ удержалъ ее.

— Когда? проговорилъ онъ шепотомъ, восторженно глядя на нее.

— Нынче, въ часъ, прошептала она, и тяжело вздохнувъ, пошла своимъ легкимъ и быстрымъ шагомъ навстрѣчу сыну.

Сережу дождь засталъ въ большомъ саду, и они съ няней просидѣли въ бесѣдкѣ.

— Ну, до свиданья, сказала она Вронскому. — Теперь скоро надо на скачки, Бетси общала заѣхать за мной.

Вронскій, взглянувъ на часы, послѣшпо уѣхалъ.

XXII.

Когда Вронскій смотрѣлъ на часы на балконѣ Карениныхъ, онъ былъ такъ растревоженъ и занятъ своими мыслями что видѣлъ стрѣлки на циферблатѣ, но не могъ понять который часъ. Онъ вышелъ на шоссе и направился, осторожно ступая по грязи, къ своей коляскѣ. Онъ былъ до такой степени переполненъ мыслями и чувствами что и не подумалъ о томъ который часъ, и есть ли ему еще время ѣхать къ Вронскому. У него оставалась, какъ это часто бываетъ, только внѣшняя способность памяти, указывающая что вслѣдъ за чѣмъ рѣшено сдѣлать. Онъ подошелъ къ своему кучеру, задремавшему на козлахъ въ косою уже тѣни густой липы, полюбавался перебивающимися столбами толкачиковъ-мошекъ вившихся надъ плотными лошадьми, и разбудивъ кучера, вскочилъ въ коляску и велѣлъ ѣхать къ Вронскому. Только отѣхавъ верстъ семь, онъ настолько опомнился что посмотрѣлъ на часы и понялъ что было половина шестаго, и что онъ опоздалъ.

Въ этотъ день было нѣсколько скачекъ: скачка конвойныхъ, потомъ двухверстная офицерская, четырехверстная, и та скачка въ которой онъ скакалъ. Къ своей скачкѣ онъ могъ послѣть, но если онъ поѣдетъ къ Вронскому, то онъ только такъ пріѣдетъ, и пріѣдетъ когда уже будетъ весь Дворъ. Это было нехорошо. Но онъ далъ Вронскому слово

быть у него, и потому рѣшилъ ѣхать дальше, приказавъ кучеру не жалѣть тройку.

Онъ пріѣхалъ къ Брянскому, пробылъ у него пять минутъ и поскакалъ назадъ. Эта быстрая ѣзда успокоила его. Все тяжелое что было въ его отношеніяхъ къ Аннѣ, вся неопредѣленность оставшаяся послѣ ихъ разговора, все выскочило изъ его головы; онъ съ наслажденіемъ и волненіемъ думалъ теперь о скачкѣ, о томъ что онъ все-таки поспѣетъ, и изрѣдка ожиданіе счастья свиданія нынѣшней ночи вспыхивало яркимъ свѣтомъ въ его воображеніи. Чувство предстоящей скачки все болѣе и болѣе охватывало его по мѣрѣ того какъ онъ въѣзжалъ дальше и дальше въ атмосферу скачекъ, обгоняя экипажи ѣхавшихъ съ дачъ и изъ Петербурга на скачки.

На его квартирѣ никого уже не было дома: всѣ были на скачкахъ, и лакей его дожидался у воротъ. Пока онъ переодевался, лакей сообщилъ ему что уже начались вторыя скачки, что приходило много господъ спрашивать про него и изъ конюшни два раза прибѣгали мальчикъ.

Переодевшись безъ торопливости (онъ никогда не торопился и не терялъ самообладанія), Вронскій велѣлъ ѣхать къ баракамъ. Отъ бараковъ ему уже были видны море экипажей, пѣшеходовъ, солдатъ, окружавшихъ гипподромъ, и кипящій народомъ бесѣдки. Шли вѣроятно вторыя скачки, потому что въ то время какъ онъ входилъ въ баракъ, онъ слышалъ звонокъ. Подходя къ конюшнѣ, онъ встрѣтился съ блѣднѣющимъ рыжимъ Гладіаторомъ Махотина, котораго, въ оранжевой съ синимъ полонѣ, съ кажущимися огромными, осторожными синими ушами, вели на гипподромъ.

— Гдѣ Кордъ? спросилъ онъ у конюха.

— Въ конюшнѣ, сѣдлаютъ.

Въ отворенномъ денникѣ, Фру-Фру уже была осѣдлана. Ея собирались выводить.

— Не опоздалъ?

— All right! All right! Все исправно, все исправно, проговорилъ Англичанинъ, — не будьте взволнованы.

Вронскій еще разъ окинулъ взглядомъ прелестныя, любимиыя формы лошади, дрожавшей всѣмъ тѣломъ, и съ трудомъ оторвавшись отъ этого зрѣлища, вышелъ изъ барака. Онъ подѣхалъ къ бесѣдкамъ въ самое выгодное время для того чтобы не обратить на себя ничьего вниманія. Только

что кончилась двухверстная скачка, и все глаза были устремлены на кавалергарда впереди и лейбъ-гусара сзади, изъ послѣднихъ силъ логонявшихъ лошадей и подходившихъ къ столбу. Изъ середины и извнѣ круга все тѣснились къ столбу, и кавалергардская группа солдатъ и офицеровъ громкими возгласами выражала радость ожидаемаго торжества своего офицера и товарища. Вронскій незамѣтно вошелъ въ середину толпы почти въ то самое время какъ раздался звонокъ оканчивающій скачки, и высокій, забрызганный грязью кавалергардъ, пришедшій первымъ, олутившись на сѣдло, сталъ спускать поводья своему сѣрому, потемнѣвшему отъ поту, тяжело дышущему жеребцу.

Жеребецъ, съ усиліемъ тыкаясь ногами, укоротилъ быстрый ходъ своего большого тѣла, и кавалергардскій офицеръ, какъ человѣкъ проснувшійся отъ тяжелаго сна, оглянулся кругомъ, и съ трудомъ улыбнулся. Толпа своихъ и чужихъ окружила его.

Вронскій умышленно избѣгалъ той избранной, великосвѣтской толпы, которая сдержанно и свободно двигалась и переговаривалась предъ бесѣдками. Онъ узналъ что тамъ была и Каренина, и Бетси, и жена его брата, и парочно, чтобы не развлечься, не подходилъ къ нимъ. Но безпрестанно встрѣчавшіеся знакомые останавливали его, разказывая ему подробности бывшихъ скачекъ и спрашивая его почему онъ опоздалъ.

Въ то время какъ скакавшіе были призваны въ бесѣдку для полученія призовъ и все обратились туда, старшій братъ Вронскаго, Егоръ, полковникъ съ эксельбантами, невысокій ростомъ, такой же коренастый какъ и Алексѣй, но болѣе красивый и румяный, съ краснымъ носомъ и пьянымъ, открытымъ лицомъ, подошелъ къ нему.

— Ты получилъ мою записку? сказалъ онъ. — Тебя никакъ не найдемъ.

Егоръ Вронскій, несмотря на разгульную, въ особенности пьяную жизнь, по которой онъ былъ извѣстенъ, былъ вполнѣ придворный человѣкъ.

Онъ теперь, говоря съ братомъ о непріятной весьма для него вещи, зная что глаза многихъ могутъ быть устремлены на нихъ, имѣлъ видъ улыбающійся, какъ будто онъ о чемъ-нибудь неважномъ шутилъ съ братомъ.

— Я получилъ, и право не понимаю о чемъ ты заботишься, сказалъ Алексѣй.

— Я о томъ забочусь что сейчасъ мнѣ было замѣчено что тебя нѣтъ, и что въ понедѣльникъ тебя встрѣтили въ Парголовѣ.

— Есть дѣла которыя подлежатъ обсужденію только тѣхъ кто прямо въ нихъ заинтересованъ, и то дѣло, о которомъ ты такъ заботишься, такое....

— Да, но тогда не служатъ, не....

— Я тебя прошу не вмѣшиваться, и только.

И Алексѣй Вронскій, нахмурившись, поблѣднѣлъ, и выдающаяся нижняя челюсть его дрогнула, что съ нимъ бывало рѣдко. Онъ, какъ человекъ съ очень добрымъ сердцемъ, сердился рѣдко, но когда сердился и когда у него дрожали подбородокъ, то, какъ это и зналъ Егоръ Вронскій, онъ былъ опасенъ. Егоръ Вронскій весело улыбнулся.

— Я только хотѣлъ передать письмо матушки, отвѣчай ей и не разстраивайся предъ ѣздой. Bonne chance, прибавилъ онъ улыбаясь и отошелъ отъ него.

Но вслѣдъ за нимъ опять дружеское привѣтствіе остановило Вронскаго.

— Не хочешь знать пріятелей. Здравствуй, mon cher! говорилъ Степанъ Аркадьевичъ, и здѣсь, среди этого петербургскаго блеска, не менѣе чѣмъ въ Москвѣ блистая своимъ румянымъ лицомъ и лоснящимися расчесанными бакенбардами. — Вчера пріѣхалъ и очень радъ что увижу твое торжество. Когда увидимся?

— Заходи завтра въ артель, сказалъ Вронскій, и пожавъ его, извиняясь, за рукавъ пальто, отошелъ въ середину гипподрома, куда уже вводили лошадей для большой скачки съ препятствіями.

Потныя, измученныя, скакавшія лошади, провожаемыя коныоками, уводились домой, и одна за другой появлялись новыя, къ предстоящей скачкѣ, свѣжія, большею частію англійскія лошади, въ капорахъ, со своими подпернутыми животами, похожія на странныхъ огромныхъ птицъ. Направо водили поджарую красавицу Фру-фру, которая какъ на пружинахъ переступала на своихъ эластичныхъ и довольно длинныхъ бабкахъ. Недалеко отъ нея снимали попону съ лопухато Гладіатора. Крупыя, прелестныя, совершенно правильныя формы жеребца, съ чудеснымъ задомъ и необычайно

короткими, надъ самыми копытами сидѣвшими бабками, невольно останавливали на себѣ вниманіе Вронскаго. Онъ хотѣлъ подойти къ своей лошади, но его опять задержалъ знакомый.

— А, вотъ Каренинъ, сказалъ ему знакомый съ которымъ онъ разговаривалъ.—Ищете жену, а она въ серединѣ бесѣдки. Вы не видали ея?

— Нѣтъ, не видалъ, отвѣчалъ Вронскій, и не оглянувшись даже на бесѣдку въ которой ему указывали на Каренину, подошелъ къ своей лошади.

Не успѣлъ Вронскій посмотреть сѣдло, о которомъ надо было сдѣлать распоряженіе, какъ скачущихъ позвали къ бесѣдкѣ для выниманія номеровъ и отправленія. Съ серіозными, строгими, многіе съ блѣдными лицами, семнадцать человѣкъ офицеровъ сошли къ бесѣдкѣ и разобрали номера. Вронскому достался 7й номеръ. Послышалось: „Садитесь!“

Чувствуя что онъ вмѣстѣ съ другими скачущими составляетъ центръ на который устремлены все глаза, Вронскій, въ напряженномъ состояніи, въ которомъ онъ обыкновенно дѣлался медлительнѣе и спокойнѣе въ движеніяхъ, подошелъ къ своей лошади. Кордъ для торжества скачекъ одѣлся въ свой парадный костюмъ, черный, застегнутый сюртукъ, туго накрахмаленные воротнички, подпирившіе ему щеки, и въ круглую, черную шляпу и ботфорты. Онъ былъ какъ и всегда спокоенъ и важенъ, и самъ держалъ за оба поводъ лошади стоя предъ нею. Фруфру продолжала дрожать какъ въ лихорадкѣ; и полный огня глазъ ея косился на подходившаго Вронскаго. Вронскій подступилъ пальцемъ подъ подпругу. Лошадь покосилась сильнѣе, оскалалась и прижала ухо. Англичанинъ поморщился губами, желая выразить улыбку надъ тѣмъ что повѣряли его сѣдланье.

— Садитесь, меньше будете волноваться.

Вронскій оглянулся въ послѣдній разъ на своихъ соперниковъ. Онъ зналъ что на фздѣ онъ уже не увидитъ ихъ. Двое уже фхали впереди къ мѣсту откуда должны были лускать. Гальдинъ, одинъ изъ опасныхъ соперниковъ и пріятель Вронскаго, вертѣлся вокругъ гнѣдаго жеребца, не дававшего садиться. Маленькій лейбъ-гусаръ въ узкихъ рейтузахъ фхалъ галопомъ, согнувшись какъ котъ на крупу, изъ желанія подражать Англичанамъ. Князь Кузовлевъ сидѣлъ блѣд-

ный на своей кровной, Грабовскаго завода кобылѣ, и Англичанинъ велъ ее подъ-устцы. Вронскій и всѣ его товарищи знали Кузовлева и его особенность „слабыхъ“ нервовъ и страшнаго самолюбія. Онъ боялся всего, боялся ѣздить на фронтальной лошади; но теперь, именно потому что это было страшно, потому что люди ломали себѣ шею и что у каждаго препятствія стояли докторъ, лазаретная фура съ нашитымъ крестомъ и сестрою милосердія, онъ рѣшился скакать. Они встрѣтились глазами, и Вронскій ласково и одобрительно подмигнулъ ему. Одного только онъ не видалъ, главнаго соперника, Махотина, на Гладіаторѣ.

— Не торопитесь, сказалъ Кордъ Вронскому, — и помните одно: не задерживайте у препятствій, и не посылайте, давайте ей выбирать какъ она хочетъ.

— Хорошо, хорошо, сказалъ Вронскій, взявшись за поводья.

— Если можно, ведите скачку; но не отчаивайтесь до послѣдней минуты еслибы вы были и сзади.

Лошадь не успѣла двинуться, какъ Вронскій гибкимъ и сильнымъ движеніемъ сталъ въ стальное, зазубренное стремя, и легко, твердо положилъ свое сбитое тѣло на скрипящее кожей сѣдло. Взявъ правою ногою стремя, онъ привычнымъ жестомъ уравнилъ между пальцами двойные поводья, и Кордъ пустилъ руки. Какъ будто не зная какою прежде ступить ногой, Фру-Фру, вытягивая длинною шеей поводья, тронулась какъ на пружинахъ, покачивая сѣдока на своей гибкой спинѣ. Кордъ, прибавляя шага, шелъ за нимъ. Вздвигавшаяся лошадь, то съ той, то съ другой стороны стараясь обмануть сѣдока, вытягивала поводья, и Вронскій тщетно, голосомъ и рукой, стараясь успокоить ее.

Они уже подходили къ запруженной рѣкѣ, направляясь къ тому мѣсту откуда должны были пускать ихъ. Многіе изъ скачущихъ были впереди, многіе сзади, какъ вдругъ Вронскій услышалъ сзади себя по грязи дороги звуки галола лошади, и его обогналъ Махотинъ на своемъ бѣлоногомъ, лопоухомъ Гладіаторѣ. Махотинъ улыбнулся, выставляя свои длинные зубы, но Вронскій сердито взглянулъ на него. Онъ не любилъ его вообще, теперь же считалъ его самымъ опаснымъ соперникомъ, и ему досадно стало на него что онъ проскакалъ мимо, разгорячивъ его лошадь. Фру-Фру вскинула лѣвую ногу на галопъ и сѣдъ-

лапа два прыжка прежде чѣмъ, сердясь на натянутые поводья, перешла на тряскую рысь вскидывавшую сѣдока. Кордъ тоже нахмурился, и почти бѣжалъ шлоходью за Вронскимъ.

XXIII.

Всѣхъ офицеровъ скакало семнадцать человѣкъ. Скачки должны были происходить на большомъ четырехверстномъ эллиптической формы кругу предъ бесѣдкой. На этомъ кругу были устроены девять препятствій: рѣка; большой, въ два аршина, глухой барьеръ, предъ самою бесѣдкой, канава сухая, канава съ водою, косогоръ, ирландская банкетка, состоящая (одно изъ самыхъ трудныхъ препятствій) изъ вала утыканнаго хворостомъ, за которымъ, невидная для лошади, была еще канава, такъ что лошадь должна была перепрыгнуть оба препятствія или убиться; потомъ еще двѣ канавы съ водою и одна сухая и конецъ скачки былъ противъ бесѣдки. Но начинались скачки не съ круга, а за сто сажень въ сторонѣ отъ него, и на этомъ разстояніи было первое препятствіе, запруженная рѣка, въ три аршина шириною, которую ѣздоки по произволу могли перепрыгивать или переѣзжать въ бродъ.

Раза три ѣздоки выравнивались, но каждый разъ высовывалась чья-нибудь лошадь, и пужно было заѣзжать опять сначала. Знатокъ пусканія, полковникъ Сестринъ, начиналъ уже сердиться, когда наконецъ въ четвертый разъ крикнулъ: „пошелъ“, и ѣздоки тронулись.

Всѣ глаза, всѣ бинокли изъ бесѣдокъ съ круга, были обращены на пеструю кучку всадниковъ въ то время какъ они выравнивались.

„Пустили! Скачутъ!“ послышалось со всѣхъ сторонъ послѣ тишины ожиданія.

И кучки, и одинокіе пѣшеходы стали перебѣгать съ мѣста на мѣсто чтобы лучше видѣть. Въ первую же минуту, собранная кучка всадниковъ растяннулась, и видно было какъ они по два, по три и одинъ за другимъ, близятся къ рѣкѣ. Для зрителей казалось что они всѣ поскакали вмѣстѣ; но для ѣздоковъ были секунды разницы, имѣвшія для нихъ большое значеніе.

Взволнованная и слишкомъ нервная Фру-Фру потеряла

первый моментъ, и нѣсколько лошадей взяли съ мѣста прежде ся, но еще не доскакивая рѣка, Вронскій, изо всѣхъ силъ сдерживая влегшую въ поводья лошадь, легко обошелъ трехъ, и впереди его оставался только рыжій Гладіаторъ Махотина, ровно и легко отбивавшій задомъ предъ самимъ Вронскимъ, и еще впереди всѣхъ прелестная Діана, несшая ни живаго, ни мертваго Кузовлева.

Въ первыя минуты Вронскій еще не владѣлъ ни собою, ни лошадью. Онъ до перваго препятствія, рѣки, не могъ руководить движеніями лошади.

Гладіаторъ и Діана подходили вмѣстѣ и почти въ одинъ и тотъ же моментъ: разъ, разъ, поднялись надъ рѣкой и перелетѣли на другую сторону; незамѣтно, какъ бы летя, взвилась за ними Фру-Фру; но въ то самое время какъ Вронскій чувствовалъ себя на воздухѣ, онъ вдругъ увидалъ, почти подъ ногами своей лошади, Кузовлева, который барахтался съ Діаной на той сторонѣ рѣки (Кузовлевъ пустил поводья послѣ прыжка, и лошадь полетѣла съ нимъ черезъ голову). Подробности эти Вронскій узналъ уже послѣ, теперь же онъ видѣлъ только то что прямо подъ ноги, куда должна стать Фру-Фру, можетъ упасть нога или голова Діаны. Но Фру-Фру, какъ падающая кошка, сдѣлала на прыжкѣ усиліе ногами и спинной и, миновавъ лошадь, понеслась дальше.

„О, милая!“ подумалъ Вронскій.

Послѣ рѣки Вронскій овладѣлъ вполне лошадью и сталъ удерживать ее, намѣреваясь перейти большой барьеръ позади Махотина, и уже на слѣдующей, безпрепятственной дистанціи саженей въ двѣсти, попытаться обойти его.

Большой барьеръ стоялъ предъ самой царскою бесѣдкой. Государь и весь дворъ и толпы народа, всѣ смотрѣли на нихъ,—на него и на шедшаго на лошадь дистанціи впереди Махотина, когда они подходили къ чорту (такъ назывался глухой барьеръ). Вронскій чувствовалъ эти направленные на него со всѣхъ сторонъ глаза, но онъ ничего не видѣлъ кромѣ ушей, шен своей лошади, бѣжавшей ему на встрѣчу земли и круга и бѣлыхъ ногъ Гладіатора, быстро отбивавшихъ тактъ впереди его и остававшихся все въ одномъ и томъ же разстояніи. Гладіаторъ поднялся не стукнувъ ничѣмъ, взмахнулъ короткимъ хвостомъ и исчезъ изъ глазъ Вронскаго.

— Браво! сказалъ чей-то одинъ голосъ.

Въ то же мгновеніе предъ глазами Вронскаго, предъ нимъ замимъ, мелькнули доски барьера. Безъ малѣйшей перемѣны движенія лошадь взвилась подъ нимъ; доски скрылись и только сзади стукнуло что-то. Разгоряченная шедшимъ впереди Гладіаторомъ лошадь поднялась слишкомъ рано предъ барьеромъ и стукнула о него заднимъ копытомъ. Но ходъ ея не измѣнился и Вронскій, получивъ въ лицо комокъ грязи, понималъ что онъ сталъ опять въ то же разстояніе отъ Гладіатора. Онъ увидалъ опять впереди себя его крулъ, короткій хвостъ и опять тѣ же неудаляющіяся быстро движущіяся бѣлыя ноги.

Въ то самое мгновеніе какъ Вронскій подумалъ о томъ что надо теперь обходить Махотина, сама Фру-Фру, понявъ уже то что онъ подумалъ, безо всякаго поощренія, значительно надала и стала приближаться къ Махотину съ самой выгодной стороны веревки. Махотинъ не давалъ веревки. Вронскій только подумалъ о томъ что можно обойти и извѣтъ, какъ Фру-Фру перемѣнила ногу и стала обходить именно такимъ образомъ. Начинаясь уже темнѣть отъ пота плечо Фру-Фру поровнялось съ крупомъ Гладіатора. Нѣсколько скачковъ они прошли рядомъ. Но предъ препятствіемъ къ которому они подходили, Вронскій, чтобы не идти большой кругъ, сталъ работать поводьями, и быстро, на самомъ косогорѣ, обошелъ Махотина. Онъ видѣлъ мелькомъ его лицо, забрызганное грязью. Ему даже показалось что онъ улыбнулся. Вронскій обошелъ Махотина, но онъ чувствовалъ его сейчасъ же за собой, и не переставая слышалъ за самою спиной его ровный поскокъ; отрывистое, совѣтъ еще свѣжее, дыханье ноздрей Гладіатора.

Слѣдующія два препятствія, канава и барьеръ, были перейдены легко, но Вронскій сталъ слышать ближе салъ и скокъ Гладіатора. Онъ послалъ лошадь, и съ радостью почувствовалъ что она легко прибавила ходу, и звукъ копытъ Гладіатора сталъ слышенъ опять въ томъ же прежнемъ разстояніи.

Вронскій велъ скачку,—то самое что онъ и хотѣлъ сдѣлать и что ему совѣтовалъ Кордъ,—и теперь онъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ. Волненіе его, радость и нѣжность къ Фру-Фру все усиливались. Ему хотѣлось оглянуться назадъ, но онъ не смѣлъ этого сдѣлать и старался успокоивать себя и не посылать лошади, чтобы приберечь въ ней запасъ равный тому который, онъ чувствовалъ, оставался въ Гладіаторѣ.

Оставалось одно, и самое трудное, препятствіе; если онъ перейдетъ его впереди другихъ, то онъ придетъ первымъ. Онъ подскакивалъ къ ирландской банкеткѣ. Вмѣстѣ съ Фру-Фру, онъ еще издалика видѣлъ эту банкетку, и вмѣстѣ имъ обоимъ, ему и лошади, пришло мгновенное сомнѣніе. Онъ замѣтилъ первѣшность въ ушахъ лошади и поднялъ хлыстъ, но тотчасъ же почувствовалъ что сомнѣніе было неосновательно: лошадь знала что нужно. Она наддала, и мѣрно, такъ точно какъ онъ предполагалъ, взвилась и, оттолкнувшись отъ земли, отдалась силѣ инерціи, которая перенесла ее далеко за канаву; и въ томъ же самомъ тактѣ, безъ усилія, съ той же поги, Фру-Фру продолжала скачку.

— Браво, Вронскій! посылались ему голоса кучки людей, онъ зналъ, его полка и пріятелей, которые стояли у этого препятствія; онъ не могъ не узнать голоса Яшвина, но онъ не видалъ его.

„О, предѣсть моя!“ думалъ онъ на Фру-фру, прислушавшись къ тому что происходило сзади. „Перескочилъ!“ подумалъ онъ, услышавъ сзади поскокъ Гладіатора. Оставалась одна послѣдняя канавка съ водой въ два аршина. Вронскій и не смотрѣлъ на нее, а желая придти далеко первымъ, сталъ работать поводьями кругообразно, въ тактѣ скока поднимая и опуская голову лошади. Онъ чувствовалъ что лошадь шла изъ послѣдняго запаса; не только шея и плечи ея были мокры, но на загривкѣ, на головѣ, на острыхъ ушахъ каплями выступилъ потъ и она дышала рѣзко и коротко. Но онъ зналъ что запаса этого слишкомъ достаточно на недостающія 200 сажень. Только потому что онъ чувствовалъ себя ближе къ землѣ и по особенной мягкости движенія Вронскій зналъ какъ много прибавила быстроты его лошадь. Канавку она перелетѣла какъ бы не замѣчая. Она перелетѣла ее какъ лица; но въ это самое время Вронскій, къ ужасу своему, почувствовалъ что не поспѣвъ за движеніемъ лошади, онъ, самъ не понимая, сдѣлалъ скверное, непростительное движеніе опустившись на сѣдло. Вдругъ положеніе его измѣнилось, и онъ понялъ что случилось что-то ужасное. Онъ не могъ еще дать себѣ отчета о томъ что случилось, какъ уже мелькнули подлѣ самого его бѣлыя ноги рыжаго жеребца, и Махотинъ на быстромъ скоку промелъ мимо. Вронскій касался одной ногой земли, и его лошадь валилась на эту ногу. Онъ едва

успѣлъ выпростать ногу, какъ она упала на одинъ бокъ, тяжело хрипя, и дѣлая чтобы подняться тщетныя усилія своею тонкою, потною шеей, она затрепыхалась на землѣ у его ногъ какъ подстрѣленная птица. Неловкое движеніе сдѣланное Вронскимъ сломало ей спину. Но это онъ понялъ гораздо послѣ. Теперь же онъ видѣлъ только то что Махотинъ быстро удалялся, а онъ шатаясь стоялъ одинъ на грязной землѣ, а предъ нимъ тяжело дыша лежала Фру-фру, и перегнувъ къ нему голову, смотрѣла на него своимъ прелестнымъ глазомъ. Все еще не понимая того что случилось, Вронскій тянулъ лошадь за поводъ. Она опять вся забила какъ рыбка, треща крыльями сѣдла, выпростала переднія ноги, но не въ силахъ поднять зада, тотчасъ же замоталась и опять упала на бокъ. Съ изуродованнымъ страстью лицомъ, блѣдный и съ трясущеюся нижнею челюстью, Вронскій ударилъ ее каблучкомъ въ животъ и опять сталъ тянуть за поводья. Но она не двигалась, а уткнувъ хвостъ въ землю, только смотрѣла на хозяина своимъ говорящимъ взглядомъ.

— Ааа! промывчалъ Вронскій схватившись за голову. — Ааа! что я сдѣлалъ! прокричалъ онъ. — И проигранная скачка. И своя вина, постыдная, непростительная. И эта несчастная, милая, погубленная лошадь. — Ааа! что я сдѣлалъ!

Народъ, докторъ и фельдшеръ, офицеры его полка, бѣжали къ нему съ вопросами о немъ. Къ своему несчастью, онъ чувствовалъ что былъ цѣлъ и невредимъ. Лошадь сломала себѣ спину и рѣшено было ее пристрѣлить. Вронскій не могъ отвѣчать на вопросы, не могъ говорить ни съ кѣмъ. Онъ повернулся, и не поднявъ соскочившей съ головы фуражки, пошелъ прочь отъ гипподрома самъ не зная куда. Онъ былъ глубоко несчастливъ. Въ первый разъ въ жизни онъ испыталъ самое тяжелое несчастье, несчастье неисправимое и такое въ которомъ виною самъ.

Яшвинъ съ фуражкой догналъ его, проводилъ его до дома, и черезъ полчаса Вронскій пришелъ въ себя. Но воспоминаніе объ этой скачкѣ надолго осталось въ его душѣ самымъ тяжелымъ и мучительнымъ воспоминаніемъ въ его жизни.

XXIV.

Внѣшнія отношенія Алексѣя Александровича съ женою были такія же какъ и прежде. Единственная разница состояла въ томъ что онъ еще болѣе былъ занятъ чѣмъ прежде. Какъ и въ прежніе года, онъ съ открытіемъ весны поѣхалъ на воды за границу поправлять свое, разстраиваемое ежегодно усиленнымъ зимнимъ трудомъ, здоровье. И какъ обыкновенно, вернулся въ іюль, и тотчасъ же съ увеличенною энергіей взялся за свою обычную работу. Какъ и обыкновенно, жена его переехала на дачу, а онъ остался въ Петербургѣ.

Со времени того разговора послѣ вечера у княгини Тверской, онъ никогда не говорилъ съ Анной о своихъ подозрѣніяхъ и ревности, и тотъ его обычный тонъ представленія кого-то былъ какъ нельзя болѣе удобенъ для его теперешнихъ отношеній къ женѣ. Онъ былъ нѣсколько холоднѣе къ женѣ. Онъ только какъ будто имѣлъ на нее маленькое неудовольствіе за тотъ первый ночной разговоръ который она отклонила отъ себя. Въ его отношеніяхъ къ ней былъ отблескъ досады, но не болѣе. „Ты не хотѣла объясниться со мной“, какъ будто говорилъ онъ мысленно обращаясь къ ней, „тѣмъ хуже для тебя. Теперь ужъ ты будешь просить меня, а я не стану объясняться. Тѣмъ хуже для тебя“, говорилъ онъ мысленно, какъ человѣкъ который бы тщетно попытался потушить пожаръ, разсердился бы на свои тщетныя усилія и сказалъ бы: „такъ на же тебѣ! такъ сгорѣшь за это!“

Онъ, этотъ умный и тонкій въ служебныхъ дѣлахъ человѣкъ, не понималъ всего безумія такого отношенія къ женѣ. Онъ не понималъ этого потому что ему было слишкомъ трудно понять свое настоящее положеніе, и онъ въ душѣ своей закрылъ, заперъ и запечаталъ тотъ ящикъ въ которомъ у него находились его чувства къ семьѣ, т.-е. къ женѣ и сыну. Онъ, внимательный отецъ, съ конца этой зимы сталъ особенно холоденъ къ сыну и имѣлъ къ нему то же подтрунивающее отношеніе какъ и къ женѣ. „А! молодой человѣкъ!“ обращался онъ къ нему.

Алексѣй Александровичъ думалъ и говорилъ что ни въ какой годъ у него не было столько служебнаго дѣла какъ въ нынѣшній: но онъ не сознавалъ того что онъ самъ выдумывалъ себѣ въ нынѣшнемъ году дѣла, что это было одно

изъ средствъ не открывать того лица гдѣ лежали чувства къ женѣ и семьѣ и мысли о нихъ, и которыя дѣлались тѣмъ страшнѣе чѣмъ дальше онѣ тамъ лежали. Еслибы кто-нибудь имѣлъ право спросить Алексѣя Александровича что онъ думаетъ о поведеніи своей жены, то кроткій, смиренный Алексѣй Александровичъ ничего не отвѣтилъ бы, а очень бы разсердился на того человѣка который у него спросилъ бы про это. Отъ этого-то и было въ выраженіи лица Алексѣя Александровича что-то гордое и строгое когда у него спрашивали про здоровье его жены. Алексѣй Александровичъ ничего не хотѣлъ думать о поведеніи и чувствахъ своей жены, и дѣйствительно онъ объ этомъ ничего не думалъ.

Постоянная дача Алексѣя Александровича была въ Парголово, и обыкновенно графиня Лидія Ивановна жила тамъ же, въ сосѣдствѣ и постоянныхъ сношеніяхъ съ Анной. Въ нынѣшнемъ году графиня Лидія Ивановна отказалась жить въ Парголово, ни разу не была у Анны Аркадьевны и намекала Алексѣю Александровичу на неудобство сближенія Анны съ Бетси и Вронскимъ. Алексѣй Александровичъ строго остановилъ ее, высказавъ мысль что жена его выше подозрѣнія, и съ тѣхъ поръ сталъ избѣгать графини Лидіи Ивановны. Онъ не хотѣлъ видѣть и не видѣлъ что въ свѣтѣ уже многіе косо смотрятъ на его жену, не хотѣлъ понимать и не понималъ почему жена его особенно настаивала на томъ чтобы переѣхать въ Царское, гдѣ жила Бетси, откуда недалеко было до лагеря полка Вронскаго. Онъ не позволялъ себѣ думать объ этомъ и не думалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ во глубинѣ своей души, никогда не выказывая этого самому себѣ и не имѣя на то никакихъ не только доказательствъ, но и подозрѣній, зналъ несомнѣнно что онъ былъ обманутый мужъ и былъ отъ этого глубоко несчастливъ.

Сколько разъ во время своей восьмилѣтней счастливой жизни съ женой, глядя на чужихъ невѣрныхъ женъ и обманутыхъ мужей, говорилъ себѣ Алексѣй Александровичъ: „какъ допустить до этого? какъ не развязать этого безобразнаго положенія?“ Но теперь, когда бѣда пала на его голову, онъ не только не думалъ о томъ какъ развязать это положеніе, но вовсе не хотѣлъ знать его, не хотѣлъ знать именно потому что оно было слишкомъ ужасно, слишкомъ естественно.

Можно придумать что сдѣлать когда въ дорогѣ сломается ось или падетъ лошадь, но ничего нельзя придумать если въ дорогѣ сломаются все суставы тѣла. Ничего нельзя придумать, можно только гнать скорѣе лошадь.

Изъ-за привычнаго увлеченія движеніемъ, Алексѣй Александровичъ не хотѣлъ признаться что онъ уже разбитъ въ дребезги, хотя во глубинѣ души онъ чувствовалъ это.

Со времени своего возвращенія изъ-за границы, Алексѣй Александровичъ два раза былъ на дачѣ. Одинъ разъ обѣдалъ, другой разъ провелъ вечеръ съ гостями, но ни разу не почевалъ, какъ онъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать это въ прежніе годы.

День скачекъ былъ очень занятой день для Алексѣя Александровича; но съ утра еще сдѣлавъ себѣ росписанье дня, онъ рѣшилъ что тотчасъ послѣ ранняго обѣда онъ поѣдетъ на дачу къ женѣ и оттуда на скачки, на которыхъ будетъ весь Дворъ, и на которыхъ ему надо быть. Къ женѣ же онъ поѣдетъ потому что онъ рѣшилъ себѣ бывать у нея въ недѣлю разъ для приличія. Кромѣ того, въ этотъ день ему нужно было передать женѣ, къ пятнадцатому числу, по заведенному порядку, на расходъ деньги.

Съ обычною властью надъ своими мыслями, обдумавъ все это о женѣ, онъ не позволилъ своимъ мыслямъ распространяться далѣе о томъ что касалось ея.

Утро это было очень занято у Алексѣя Александровича. Наканунѣ графиня Лидія Ивановна прислала ему брошюру бывшаго въ Петербургѣ знаменитаго путешественника въ Китаѣ, съ письмомъ, прося его принять самого путешественника, человѣка, по разнымъ соображеніямъ, весьма интереснаго и нужнаго. Алексѣй Александровичъ не успѣлъ прочесть брошюру вечеромъ и дочиталъ ее утромъ. Потомъ явились просители, начались доклады, приемы, назначенія, удаленія, распредѣленія наградъ, пенсій, жалованья, переписки, то будничное дѣло, какъ называлъ его Алексѣй Александровичъ, отнимавшее такъ много времени. Потомъ было личное дѣло, посѣщеніе доктора и управляющаго дѣлами. Управляющій дѣлами не занялъ много времени. Онъ только передалъ нужныя для Алексѣя Александровича деньги и далъ краткій отчетъ о состояніи дѣлъ, которыя были не совсѣмъ хороши, такъ какъ случилось что нынѣшній годъ вслѣдствіе частыхъ выѣздовъ было прожито больше и былъ

дефицитъ. Но докторъ, знаменитый петербургскій докторъ находившійся въ пріятельскихъ отношеніяхъ къ Алексѣю Александровичу, занялъ много времени. Алексѣй Александровичъ и не ждалъ его нынче и былъ удивленъ его пріѣздомъ, и еще болѣе тѣмъ что докторъ очень внимательно разспросилъ Алексѣя Александровича про его состояніе, прослушалъ его грудь, постучалъ и пощупалъ печень. Алексѣй Александровичъ не зналъ что его другъ, Лидія Ивановна, замѣтивъ что здоровье Алексѣя Александровича нынѣшній годъ не хорошо, просила доктора пріѣхать и посмотреть больнаго. „Сдѣлайте это для меня“, сказала ему графиня Лидія Ивановна.

— Я сдѣлаю это для Россіи, графиня, отвѣчалъ докторъ.

— Бездѣльный человекъ, сказала графиня Лидія Ивановна.

Докторъ остался очень недоволенъ Алексѣемъ Александровичемъ. Онъ нашелъ печень значительно увеличенною, питаніе уменьшеннымъ и дѣйствія воды никакого. Онъ предписалъ какъ можно болѣе движенія физическаго и какъ можно меньше умственнаго напряженія и, главное, никакихъ сгорченій, то-есть то самое что было для Алексѣя Александровича также невозможно какъ не дышать, и уѣхалъ оставивъ въ Алексѣѣ Александровичѣ непріятное сознаніе того что что-то въ немъ не хорошо и что исправить этого нельзя.

Выходя отъ Алексѣя Александровича докторъ столкнулся на крыльцѣ съ хорошо знакомымъ ему Слюдинымъ, прачею дѣла Алексѣя Александровича. Они были товарищами по университету, и хотя рѣдко встрѣчались, уважали другъ друга и были хорошіе пріатели, и оттого никому какъ Слюдину докторъ не высказалъ бы своего откровеннаго мнѣнія о больномъ.

— Какъ я радъ что вы у него были, сказалъ Слюдинъ. — Онъ не хорошъ, и мнѣ кажется... Ну что?

— А вотъ что, сказалъ докторъ махая, черезъ голову Слюдина, своему кучеру чтобъ онъ подавалъ. — А то, сказалъ докторъ, взявъ въ свои бѣлыя руки палецъ лайковой перчатки и натянувъ его. — Не натягивайте струны и попробуйте перервать, очень трудно; но натяните до послѣдней возможности и наляжьте тяжестью пальца на натянутую струну, она лопнетъ. А онъ по своей усидчивости, добросовѣстности къ работѣ, онъ натянуть до послѣдней степени, и давленіе постороннее есть, и тяжелое, заключилъ докторъ.

значительно поднявъ брови.— Будете на скачкахъ? прибавилъ онъ спускаясь къ поданной каретѣ.— Да, да, разумеется, беретъ много времени, отвѣчалъ докторъ что-то такое на сказанное Слюдинымъ и неразслышанное имъ.

Вслѣдъ за докторомъ, отнявшимъ такъ много времени, явился знаменитый миссіонеръ, и Алексѣй Александровичъ, пользуясь только-что прочитанною брошюрой и своимъ прежнимъ знаніемъ этого предмета, поразилъ путешественника глубиною своего знанія предмета и широтою просвѣщеннаго взгляда.

Вмѣстѣ съ путешественникомъ было доложено о пріѣздѣ губернскаго предводителя явившагося въ Петербургъ и съ которымъ нужно было переговорить. Послѣ его отъѣзда нужно было докончить занятія будничныя съ правителемъ дѣлъ и еще надо было съѣздить по серіозному и важному дѣлу къ одному значительному лицу. Алексѣй Александровичъ только успѣлъ вернуться къ пяти часамъ, времени его обѣда, и пообѣдавъ съ правителемъ дѣлъ, пригласилъ его съ нимъ вмѣстѣ ѣхать на дачу и на скачки.

Не отдавая себѣ въ томъ отчета, Алексѣй Александровичъ искалъ теперь случая имѣть третье лицо при своихъ свиданіяхъ съ женою.

XXV.

Анна стояла наверху предъ зеркаломъ, прикалывая съ помощью Аннушки послѣдній бантъ на платье, когда она услышала у подъѣзда звуки давящихся щелевъ колесъ.

„Для Бетси еще рано“, подумала она, и взглянувъ въ окно увидала карету и высовывающуюся изъ нея черную шляпу и столь знакомые ей уши Алексѣя Александровича. „Вотъ некстати, неужели почевать?“ подумала она, и ей такъ показалось ужасно и страшно все что могло отъ этого выдти что она, ни минуты не задумываясь, съ веселымъ и сіяющимъ лицомъ вышла къ нимъ на встрѣчу, и чувствуя въ себѣ присутствіе уже знакомаго ей духа ажи и обмана, тотчасъ же отдалась этому духу, и начала говорить сама не зная что скажетъ.

— А, какъ это мило! сказала она подавая руку мужу и улыбкой здороваясь съ домашнимъ человѣкомъ, Слюди-

нымъ. — Ты почувешь, надѣюсь? было первое слово которое подсказало ей духъ обмана: — а теперь ѣдемъ вмѣстѣ. Только жаль что я общалась Бетси. Она заѣдетъ за мной.

Алексѣй Александровичъ поморщился при имени Бетси.

— О, я не стану разлучать неразлучныхъ, сказалъ онъ своимъ обычнымъ тономъ шутки. — Мы поѣдемъ съ Михайломъ Васильевичемъ. Мыѣ и доктора велятъ ходить. Я пройду дорогой и буду воображать что я на водахъ.

— Торопиться некуда, сказала Анна. — Хотите чаю?

Она позвонила.

— Подайте чаю, да скажите Сережѣ, что Алексѣй Александровичъ пріѣхалъ. Ну, что, какъ твоѣ здоровье? Михайлъ Васильевичъ, вы у меня не были, посмотрите какъ на балконѣ у меня хорошо, говорила она обращаясь то къ тому, то къ другому.

Она говорила очень просто и естественно, но слишкомъ много и слишкомъ скоро. Она сама чувствовала это, тѣмъ болѣе что въ любопытномъ взглядѣ которымъ взглянулъ на нее Михайлъ Васильевичъ она замѣтила что онъ какъ будто наблюдалъ ее.

Михайлъ Васильевичъ тотчасъ же вышелъ на террасу. Она сѣла подлѣ мужа.

— У тебя несовсѣмъ хорошій видъ, сказала она.

— Да, сказалъ онъ, — нынче докторъ былъ у меня и отнялъ часть времени. Я чувствую что кто-нибудь изъ друзей моихъ прислалъ его: такъ драгоценно мое здоровье...

— Нѣтъ, что жъ онъ сказалъ?

Она спрашивала его о здоровьи и занятіяхъ, уговаривала отдохнуть и переѣхать къ ней.

Все это она говорила весело, быстро и съ особеннымъ блескомъ въ глазахъ; но Алексѣй Александровичъ теперь не приписывалъ этому тону ея никакого значенія. Онъ слышалъ только ея слова и придавалъ имъ только тотъ прямой смыслъ который они имѣли. И онъ отвѣчалъ ей просто, хотя и шутливо. Во всемъ разговорѣ этомъ не было ничего особеннаго, но никогда послѣ безъ мучительной боли стыда Анна не могла вспомнить всей этой короткой сцены.

Вошелъ Сережа, предшествуемый гувернанткой. Еслибъ Алексѣй Александровичъ позволилъ себѣ наблюдать, онъ замѣтилъ бы робкій, растерянный взглядъ съ какимъ Сережа

взглянулъ на отца, а потомъ на мать. Но онъ ничего не хотѣлъ видѣть и не видалъ.

— А, молодой человѣкъ! Онъ выросъ. Право, совѣтъ мущина дѣлается. Здравствуй, молодой человѣкъ.

И онъ подаль руку испуганному Сережѣ.

Сережа и прежде робкій въ отношеніи къ отцу, теперь, послѣ того какъ Алексѣй Александровичъ сталъ его звать молодымъ человѣкомъ, и какъ ему зашла въ голову загадка о томъ другъ или врагъ Вронскій, соединялъ вмѣстѣ эти обѣ загадки и чуждался отца. Онъ, какъ бы прося защиты, оглянулся на мать. Съ одною матерью ему было хорошо. Алексѣй Александровичъ между тѣмъ, заговоривъ съ гувернанткой, держалъ сына за плечо, и Сережѣ было такъ мучительно неловко что Анна видѣла что онъ собирается плакать.

Анна, покраснѣвшая въ ту минуту какъ вошелъ сынъ, замѣтивъ что Сережѣ неловко, быстро вскочила, подняла съ плеча сына руку Алексѣя Александровича, и поцѣловала сына, повела его на террасу и тотчасъ же вернулась.

— Однако пора уже, сказала она, взглянуть на свои часы, — что это Бетси не ѣдетъ!...

— Да, сказалъ Алексѣй Александровичъ, и вставъ, зажалъ руки и потрепалъ ими. — Я заѣхалъ еще привезть тебѣ денегъ, такъ какъ соловья баснями не кормятъ, сказалъ онъ. — Тебѣ нужно, я думаю.

— Нѣтъ, не нужно... да, нужно, сказала она не глядя на него и краснѣя до корней волосъ. — Да ты, я думаю, заѣдешь сюда со скачекъ.

— О да! отвѣчалъ Алексѣй Александровичъ. — Вотъ и краса Парголова, княгиня Тверская, прибавилъ онъ, взглянувъ въ окно на подъѣзжавшій, англійскій, въ шорахъ, экипажъ съ чрезвычайно высоко поставленнымъ крошечнымъ кузовомъ коляски. — Какое щегольство! Прелестъ! Ну, такъ поѣдьте и мы.

Княгиня Тверская не выходила изъ экипажа, а только ея въ штиблетахъ, пелеринкѣ и черной шляпѣ, лакей соскочилъ у подъѣзда.

— Я иду, прощайте, сказала Анна, и поцѣловавъ сына, пошла къ Алексѣю Александровичу и протянула ему руку. — Ты очень милъ что пріѣхалъ.

Алексѣй Александровичъ поцѣловалъ ея руку.

— Ну, такъ до свиданья. Ты заѣдешь чай пить, и прекрасно! сказала она и вышла сіяющая и веселая. Но какъ только она перестала видѣть его, она почувствовала то мѣсто на рукѣ къ которому прикоснулись его губы, и въ отвращеніи вздрогнула.

XXVI.

Когда Алексѣй Александровичъ появился на скачкахъ, Анна уже сидѣла въ бесѣдкѣ рядомъ съ Бетси, въ той бесѣдкѣ гдѣ собиралось все высшее общество. Она увидала мужа еще издалека. Два человѣка: мужъ и любовникъ, были для нея двумя центрами жизни, и безъ помощи внѣшнихъ чувствъ она чувствовала ихъ близость. Она еще издалека почувствовала приближеніе мужа, и невольно слѣдила за нимъ въ тѣхъ волнахъ толпы между которыми онъ двигался. Она видѣла какъ онъ подходилъ къ бесѣдкѣ, то снисходительно отвѣчая на заискивающіе поклоны, то дружески, разсѣянно здороваясь съ равными, то старательно выжидавъ взгляда сильныхъ міра и снимая свою круглую, большую шляпу, нажимавшую кончики его ушей. Она знала всѣ эти приемы, и всѣ они ей были отвратительны. „Одно честолюбіе, одно желаніе успѣть—вотъ все что есть въ его душѣ“, думала она, „а высокія соображенія, любовь къ просвѣщенію, религія, все это только орудія для того чтобъ успѣть.“

По его взглядамъ на дамскую бесѣдку (онъ смотрѣлъ прямо на нее, но не узнавалъ жены въ морѣ кисецъ, лентъ, перьевъ, зонтиковъ и цвѣтовъ), она поняла что онъ искалъ ее, но она нарочно не замѣчала его.

— Алексѣй Александровичъ! закричала ему княгиня Бетси:—вы вѣрно не видите жену; вотъ она.

Онъ улыбнулся своею холодною улыбкой.

— Здѣсь столько блеска что глаза разбѣжались, сказалъ онъ и пошелъ въ бесѣдку. Онъ улыбнулся женѣ какъ долженъ улыбнуться мужъ встрѣчая жену съ которою онъ только что видѣлся, и поздоровался съ княгиней и другими знакомыми, воздавъ каждому должное, то-есть пошутивъ съ дамами и перекинувшись привѣтствіями съ мужчинами. Внизу подлѣ бесѣдки стоялъ уважаемый Алексѣй Александровичемъ, извѣстный своимъ умомъ и образованіемъ, генералъ-адъютантъ. Алексѣй Александровичъ заговорилъ съ нимъ.

Былъ промежутокъ между скачками, и потому ничто не мѣшало разговору. Генералъ-адъютантъ осуждалъ скачки. Алексѣй Александровичъ возражалъ, защищая ихъ. Анна слушала его тонкій, ровный голосъ не пропуская ни одного слова, и каждое слово его казалось ей фальшиво и больно рѣзало ея ухо.

Когда началась четырехверстная скачка съ препятствіями, она нагнулась впередъ и не спуская глазъ смотрѣла на подходящаго къ лошади и садившагося Вронскаго, и въ то же время слышала этотъ отвратительный, неумолкающій голосъ мужа. Она мучилась страхомъ за Вронскаго, но еще болѣе мучилась неумолкавшимъ, ей казалось, звукомъ тонкаго голоса мужа съ знакомыми интонаціями.

„Я дурная женщина, я погибшая женщина, думала она, но я не люблю лгать, я не переносу лжи, а его (мужа) лица—это ложь. Онъ все знаетъ, все видитъ, что же онъ чувствуетъ если можетъ такъ спокойно говорить? Убей онъ меня, убей онъ Вронскаго, я бы уважала его. Но нѣтъ, ему нужны только ложь и приличіе“, говорила себѣ Анна, не думая о томъ чего именно она хотѣла отъ мужа, какимъ бы она хотѣла его видѣть. Она не понимала и того что эта нынѣшняя особенная словоохотливость Алексѣя Александровича, такъ раздражавшая ее, была только выраженіемъ его внутренней тревоги и безпокойства. Какъ убившійся ребенокъ прыгая приводитъ въ движеніе свои мускулы чтобы заглушить боль, такъ для Алексѣя Александровича было необходимо умышленное движеніе чтобы заглушить тѣ мысли о женѣ которыя въ ея присутствіи и въ присутствіи Вронскаго, и при постоянномъ повтореніи его имени, требовали къ себѣ вниманія. А какъ ребенку естественно прыгать, такъ и ему было естественно хорошо и умно говорить. Онъ говорилъ:

— Опасность въ скачкахъ военныхъ, кавалерійскихъ, есть необходимое условіе скачекъ. Если Англія можетъ указать въ военной исторіи на самыя блестящія кавалерійскія дѣла, то только благодаря тому что она исторически развивала въ себѣ эту силу и животныхъ и людей. Спортъ, по моему мнѣнію, имѣетъ большое значеніе и, какъ всегда, мы видимъ только самое поверхностное.

— Не поверхностное, сказала княгиня Тверская,—одинъ офицеръ, говорятъ, сломалъ два ребра.

Алексѣй Александровичъ улыбнулся своею улыбкой только открывавшею зубы, но ничего болѣе не говорившею.

— Положимъ, княгиня, что это не поверхностное, сказалъ онъ,—но внутреннее. Но не въ томъ дѣло,—и онъ опять обратился къ генералу съ которымъ говорилъ серьезно:—не забудьте что скажутъ военные, которые избрали эту дѣятельность, и согласитесь что всякое призваніе имѣетъ свою обратную сторону медали. Это прямо входитъ въ обязанности военнаго. Безобразный спортъ кулачнаго боя или испанскихъ тореадоровъ есть признакъ варварства. Но специализованный спортъ есть признакъ развитія.

— Нѣтъ, я не поѣду въ другой разъ; это меня слишкомъ волнуетъ, сказала княгиня Бетси.—Не правда ли, Анна?

— Волнуетъ, но нельзя оторваться, сказала другая дама.— Есаябъ я была Римлянка, я бы не пропустила ни одного цирка.

Анна ничего не говорила и не спуская бинокля смотрѣла въ одно мѣсто.

Въ это время черезъ бесѣдку проходилъ высокій генералъ. Прервавъ рѣчь, Алексѣй Александровичъ поспѣшно, но достойно всталъ и низко поклонился проходившему военному.

— Вы не скачете? пошутилъ ему военный.

— Моя скачка труднѣе, почтительно отвѣчалъ Алексѣй Александровичъ.

И хотя отвѣтъ ничего не значилъ, военный сдѣлалъ видъ что получилъ умное слово отъ умнаго человѣка и вполне понимаетъ *la pointe de la saucе*.

— Есть двѣ стороны, продолжалъ снова Алексѣй Александровичъ,—исполнителей и зрителей; и любовь къ этимъ зрѣлищамъ есть вѣрнѣйшій признакъ низкаго развитія для зрителей, я согласенъ, но....

— Княгиня, пари! слышался снизу голосъ Степана Аркадьевича, обращавшагося къ Бетси.—За кого вы держите?

— Мы съ Анной за князя Кузовлева, отвѣчала Бетси.

— Я за Вронскаго. Пара перчатокъ.

— Идетъ!

— А какъ красиво, не правда ли?

Алексѣй Александровичъ помолчалъ пока говорили около него, но тотчасъ опять началъ.

— Я согласенъ, но мужественныя игры... продолжалъ было онъ.

Но въ это время пускали ѣздоковъ, и всѣ разговоры прекратились. Алексѣй Александровичъ тоже замолкъ, и всѣ поднялись и обратились къ рѣкѣ. Алексѣй Александровичъ не интересовался скачками и потому не глядѣлъ на скакавшихъ, а разсѣянно сталъ обводить зрителей усталыми глазами. Взглядъ его остановился на Аннѣ.

Лицо ея было блѣдно и строго. Она очевидно ничего и никого не видала кромѣ одного. Рука ея судорожно сжимала вѣеръ и она не дышала. Онъ посмотрѣлъ на нее и послѣдшнею отвернулся оглядывая другія лица.

— Да вотъ и эта дама и другія тоже очень взволнованы, это очень натурально, сказалъ себѣ Алексѣй Александровичъ. Онъ хотѣлъ не смотрѣть на нее, но взглядъ его невольно притягивалъ къ ней. Онъ опять вглядывался въ это лицо, стараясь не читать того что такъ ясно было на немъ написано, и протавъ воли своей съ ужасомъ читалъ на немъ то чего онъ не хотѣлъ знать.

Первое паденіе Кузовлева на рѣкѣ взволновало всѣхъ, но Алексѣй Александровичъ видѣлъ ясно на блѣдномъ, торжествующемъ лицѣ Анны что тотъ на кого она смотрѣла не упалъ. Когда, послѣ того какъ Махотинъ и Вронскій перескочили большой барьеръ, слѣдующій офицеръ упалъ тутъ же на голову и разбился замертво, и шорохъ ужаса пронесся по всей публикѣ, Алексѣй Александровичъ видѣлъ что Анна даже не замѣтила этого и съ трудомъ поняла о чемъ говорили вокругъ. Всѣ были взволнованы, и потому волненіе Анны совершенно натурально, говорилъ себѣ Алексѣй Александровичъ. Но онъ все чаще и чаще и съ большимъ упорствомъ вглядывался въ нее. Анна, вся поглощенная зрѣлищемъ скакавшаго Вронскаго, почувствовала сбоку устремленный на себя взглядъ холодныхъ глазъ своего мужа.

Она оглянулась на мгновеніе, вопросительно посмотрѣла на него и, слегка нахмурившись, опять отвернулась.

— Ахъ, мнѣ все равно, какъ будто сказала она ему и уже болѣе ни разу не вглядывала на него.

Скачки были несчастны, и изъ семнадцати человекъ падало и разбилось больше половины. Къ концу скачекъ всѣ были въ волненіи, которое еще болѣе увеличилось тѣмъ что Государь былъ недоволенъ.

XXVII.

Всѣ громко выражали свое неодобреніе, всѣ повторяли сказанную кѣмъ-то фразу: „не достаетъ только цырка съ львами“, и ужасъ чувствовался всѣми, такъ что когда Вронскій упалъ и Анна громко ахнула, въ этомъ не было ничего необыкновеннаго. Но вслѣдъ затѣмъ въ лицѣ Анны произошла перемѣна, которая была уже положительно неприлична. Она совершенно потерялась. Она стала биться какъ пойманная птица: то хотѣла встать и идти куда-то, то обращалась къ Бетси.

— Поѣдемъ, поѣдемъ, говорила она.

Но Бетси не слыхала ея. Она говорила, перегнувшись внизъ, къ подошедшимъ къ ней генераломъ.

Алексѣй Александровичъ подошелъ къ Аннѣ и учтиво подалъ ей руку.

— Пойдемте, если вамъ угодно, сказалъ онъ по-французски, но Анна прислушивалась къ тому что говорилъ генералъ и не замѣтила мужа.

— Тоже сломалъ ногу, говорятъ, говорилъ генералъ.— Это ни на что не похоже.

Анна, не отвѣчая мужу, подняла бинокль и смотрѣла на то мѣсто гдѣ упалъ Вронскій, но было такъ далеко, и тамъ столпилось столько народа что ничего нельзя было разобратъ. Она опустила бинокль и хотѣла идти; но въ это время подскочилъ офицеръ и что-то докладывалъ Государю. Анна высунулась впередъ, слушая.

— Стива! Стива! прокричала она брату.

Но братъ не слыхалъ ея. Она опять хотѣла выходить.

— Я еще разъ предлагаю вамъ свою руку если вы хотите идти, сказалъ Алексѣй Александровичъ, дотрогиваясь до ея руки.

Она съ отвращеніемъ отстранилась отъ него, и не взглянувъ ему въ лицо, отвѣчала:

— Нѣтъ, нѣтъ, оставьте меня, я останусь.

Она видѣла теперь что отъ мѣста паденія Вронскаго черезъ кругъ бѣжалъ офицеръ къ бесѣдкѣ. Бетси махала ему платкомъ. Офицеръ принесъ извѣстіе что вѣздокъ не убитъ, но лошадь сломала себѣ спину.

Услыхавъ это, Анна быстро сѣла и закрыла лицо вѣтромъ. Алексѣй Александровичъ видѣлъ что она плакала и не могла удержать не только слезъ, но и рыданій, которыя поднимали ея грудь. Алексѣй Александровичъ загородилъ ее собою, давая ей время оправиться.

— Въ третій разъ предлагаю вамъ свою руку, сказалъ онъ чрезъ нѣсколько времени, обращаясь къ ней. Анна смотрѣла на него и не знала что сказать. Княгиня Бетси пришла ей на помощь.

— Нѣтъ, Алексѣй Александровичъ, я увезла Анну, и я общалась отвезти ее, вмѣшалась Бетси.

— Извините меня, княгиня, сказалъ онъ, учтиво улыбаясь, но твердо глядя ей въ глаза, — но я вижу что Анна не совсѣмъ здорова и желаю чтобы она вѣхала со мною.

Анна испуганно оглянулась, покорно встала и положила руку на руку мужа.

— Я пошла къ нему, узнаю и пришло сказать, прошептала ей Бетси.

На выходѣ изъ бесѣдки, Алексѣй Александровичъ, также какъ всегда, говорилъ со встрѣчавшимися, и Анна должна была, какъ и всегда, отвѣчать и говорить; но она была сама не своя и какъ во снѣ шла подъ-руку съ мужемъ.

„Убился или нѣтъ? Правда ли? Придетъ или нѣтъ? Увижу ли я его нынче?“ думала она.

Она молча сѣла въ карету Алексѣя Александровича и молча выѣхала изъ толпы экипажей. Несмотря на все что онъ видѣлъ, Алексѣй Александровичъ все-таки не позволялъ себѣ думать о настоящемъ положеніи своей жены. Онъ только видѣлъ внѣшніе признаки. Онъ видѣлъ что она вела себя неприлично и считалъ своимъ долгомъ сказать ей это. Но ему очень трудно было не сказать болѣе, а сказать только это. Онъ открылъ ротъ чтобы сказать ей какъ она неприлично вела себя, но невольно сказалъ совершенно другое.

— Какъ однако мы всѣ склонны къ этимъ жестокимъ зрѣлищамъ, сказалъ онъ.—Я замѣчаю....

— Что? Я не понимаю, презрительно сказала Анна.

Онъ оскорбился и тотчасъ же началъ говорить то что хотѣлъ.

— Я долженъ сказать вамъ, проговорилъ онъ.

„Вотъ оно, объясненіе“, подумала она, и ей стало страшно.

Я долженъ сказать вамъ что вы неприлично вели себя выпче, сказалъ онъ ей по-французски.

— Чѣмъ я неприлично вела себя? громко сказала она, быстро поворачивая къ нему голову и глядя ему прямо въ глаза, но совсѣмъ уже не съ прежнимъ скрывающимъ что-то весельемъ, а съ рѣшительнымъ и смѣлымъ видомъ, подѣ которымъ она съ трудомъ скрывала испытываемый страхъ.

— Не забудьте, сказалъ онъ ей, указывая на открытое окно противъ кучера.

Онъ приподнялся и поднялъ стекло.

— Что вы нашли неприличнымъ? повторила она.

— То отчаяніе которое вы не умѣли скрыть при паденіи одного изъ наѣзтниковъ.

Онъ ждалъ что она возразитъ, но она молчала, глядя предъ собою.

— Я уже просилъ васъ держать себя въ свѣтѣ такъ чтобъ и злые языки не могли ничего сказать противъ васъ. Было время когда я говорилъ о внутреннихъ отношеніяхъ; я теперь не говорю про нихъ. Теперь я говорю о вѣншихъ отношеніяхъ. Вы неприлично держали себя, и я желалъ бы чтобъ это не повторялось.

Она не слышала половины его словъ, она испытывала страхъ къ нему и думала о томъ, правда ли то что Вронскій не убили. О немъ ли говорили что онъ цѣлъ, а лошадь сломала спину? Она только притворно-насмѣшливо улыбулась когда онъ кончилъ и ничего не отвѣчала, потому что не слыхала того что онъ говорилъ. Алексѣй Александровичъ началъ говорить смѣло, но когда онъ ясно понималъ то о чемъ онъ говоритъ,—страхъ который она испытывала сообщился ему. Онъ увидѣлъ эту улыбку, и странное заблужденіе нашло на него.

„Она улыбается надъ моими подозрѣніями. Да, она скажетъ сейчасъ то что говорила мнѣ тотъ разъ: что нѣтъ основаній моимъ подозрѣніямъ, что это смѣшно.“

Теперь, когда надъ нимъ висѣло открытіе всего, онъ ничего такъ не желалъ какъ того чтобъ она также какъ прежде насмѣшливо отвѣтила ему что его подозрѣнія смѣшны и не имѣютъ основанія. Такъ страшно было то что онъ зналъ что теперь онъ былъ готовъ повѣрить всему. Но выраженіе лица ея, испуганнаго и мрачнаго, теперь не обѣщало даже обмана.

— Можетъ-быть я ошибаюсь, сказалъ онъ. — Въ такомъ случаѣ я прошу извинить меня.

— Нѣтъ, вы не ошиблись, сказала она медленно, отчаянно взглянувъ на его холодное лицо. — Вы не ошибались. Я была и не могу не быть въ отчаяніи, я слушаю васъ и думаю о немъ. Я люблю его, я его любовница, я не могу переносить, я боюсь, я ненавижу васъ.... Дѣлайте со мной что хотите.

И откинувшись въ уголъ кареты, она зарыдала закрываясь руками. Алексѣй Александровичъ не пошевелился и не измѣнилъ прямого направленія взгляда. Но все лицо его вдругъ приняло торжественную неподвижность мертвого, и выраженіе это не измѣнилось во все время ѣзды до дачи. Подъѣзжая къ дому, онъ повернулъ къ ней голову все съ тѣмъ же выраженіемъ.

— Такъ! Но я требую соблюденія вѣнскихъ условій пріличія до тѣхъ поръ—голосъ его задрожалъ—пока я приму мѣры обезпечивающія мою честь и сообщу ихъ вамъ.

Онъ вышелъ впередъ и высадилъ ее. Въ виду прислуги, онъ пожалъ ей молча руку, сѣлъ въ карету и уѣхалъ въ Петербургъ.

Вслѣдъ за нимъ пришелъ лакей отъ княгини Бетси и принесъ Аннѣ записку:

„Я посылала къ Алексѣю узнать объ его здоровьѣ, и онъ мнѣ пишетъ что здоровъ и цѣлъ; но въ отчаяніи.“

„Такъ онъ будетъ! подумала она.—Какъ хорошо я сдѣлала что все сказала ему.“

Она взглянула на часы. Еще оставалось три часа, и воспоминанія подробностей послѣдняго свиданія зажгли ей кровь.

„Боже мой, какъ свѣтло! Это страшно, но я люблю видѣть его лицо и люблю этотъ фантастическій свѣтъ.... Мужъ! ахъ да.... Ну, и слава Богу что съ нимъ все кончено.“

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ГРАФЪ ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ ВСЕВОЛОДА КРЕСТОВСКАГО

Кровавый Пуфъ. Хроника о новомъ смутномъ времени государства Россійскаго. Соч. Всеволода Крестовскаго. С.-Петербургъ, 1875.

Изъ походныхъ очерковъ, Вс. Крестовскаго. С.-Петербургъ, 1874.

На Западъ и на Востокъ, Вс. Крестовскаго. С.-Петербургъ, 1872.

Мы конечно не ошибемся если скажемъ что изъ нашихъ писателей выступившихъ на литературное поприще въ послѣдніе 15 — 20 лѣтъ, г. Всеволодъ Крестовскій принадлежитъ къ числу пользующихся наибольшою извѣстностью. Въ публикѣ можно встрѣтить весьма различныя мнѣнія о его талантѣ и въ особенности о внутреннемъ содержаніи его произведеній, но едва ли можно встрѣтить человека не читавшаго этихъ произведеній, по крайней мѣрѣ самаго извѣстнаго между ними — *Петербургскихъ Трудовъ*. Такая популярность писателя представляетъ сама по себѣ фактъ надъ которымъ критика не можетъ не остановиться. Г. Крестовскій не принадлежитъ къ числу писателей доводящихъ свои произведенія до чрезвычайной тщательности въ отдѣлкѣ или ищущихъ вложить въ нихъ ту глубину внутренняго содержанія, которая является результатомъ долго выношенной, сосредоточенной мысли. Къ тому же онъ никогда не пользовался благосклонностью журналистики, и критика ничего не сдѣлала для того чтобы провести его въ публику. Если,

несмотря на всѣ эти условія, онъ пользуется такою извѣстностію и имѣетъ столь обширный кругъ читателей, то значить въ его талантѣ есть нѣчто особенное, лично ему принадлежащее, установившее живую связь между нимъ и читающею публикой.

Есть сторона его литературнаго таланта объясняющая тайну этихъ близкихъ отношеній его къ публикѣ. Тайна эта, какъ намъ кажется, заключается въ томъ что г. Крестовскій умѣетъ брать каждое явленіе жизни *съ самой интересной его стороны*. О чемъ бы онъ ни писалъ, въ какую бы область дѣйствительной жизни ни заводилъ онъ читателя — послѣднему никогда не бываетъ скучно. Талантъ, конечно, здѣсь значить много, однакожь мы знаемъ не мало очень талантливыхъ произведеній за которыми скучаетъ читающая масса. Есть что-то въ литературнаго дарованія, что-то коренящееся въ самой натурѣ писателя что устанавливаетъ болѣе или менѣе близкую связь его съ публикой.

Плодovitая литературная производительность г. Крестовскаго коснулась различныхъ слоевъ нашего общества, отразила большое разнообразіе фактовъ и явленій современной русской дѣйствительности. Но главнымъ образомъ она посвящена тому обширному среднему кругу, къ которому принадлежитъ значительнѣйшая доля читающей публики. Въ его послѣднихъ романахъ, разказахъ и очеркахъ этотъ кругъ почти исключительно выступаетъ на сцену дѣйствія, авторъ лишаетъ для него, живетъ его интересами. Понятно что это обстоятельство само по себѣ должно значительно возвысить занимательность его произведеній для публики, всегда охотнѣе обращающейся къ той литературѣ которая откликается на ея собственныя заботы и интересы. Но и въ тѣхъ случаяхъ когда г. Крестовскій обращается къ матеріалу стоящему внѣ средняго образованнаго круга, онъ умѣетъ найти въ этомъ матеріалѣ такія стороны и черты въ которыхъ выражаются общечеловѣческія страсти, стремленія и инстинкты. Изображаетъ ли онъ русскаго мужика-пахаря, выводитъ ли на сцену мрачныхъ обитателей притоновъ столичнаго разгула, — онъ не обособляетъ этихъ явленій, не уходитъ въ нихъ, не забываетъ своего читателя. Онъ, напротивъ, отыскиваетъ въ этихъ явленіяхъ преимущественно то что можетъ быть интересно для читателя стоящаго гораздо выше изображаемой дѣйствительности. По этому поводу мы не мо-

жемъ не указать на прекрасный, нынѣ забытый очеркъ г. Крестовскаго: *Пчелникъ*. Произведеніе это принадлежитъ къ такъ-называемой у насъ народной литературѣ, то-есть дѣйствующими лицами въ немъ является крестьянская семья. Но какая разниа между этимъ поэтическимъ разказомъ и тѣмъ что представляетъ подъ именемъ народной литературы масса нашей повѣйшей беллетристики! Оставаясь совершенно вѣрнымъ дѣйствительности, прекрасно передавая и языкъ и всѣ внѣшніе бытовые признаки, г. Крестовскій со общилъ своему разказу столько поэтичности, раскрылъ такіе драматическіе, общечеловѣческіе мотивы, что читая это юношеское произведеніе, никто не скажетъ чтобъ оно не было интересно потому что воспроизводитъ безсодержательную, низшую жизнь. Точно также въ самомъ извѣстномъ своемъ романѣ, въ *Петербургскихъ Трущобахъ*, авторъ вводитъ читателя въ міръ тайнаго разврата и порока, гдѣ кишатъ отребья человѣческаго рода, гдѣ жизнь замкнулась въ особыя, мрачныя и часто отвратительныя формы. Но авторъ показываетъ эту жизнь не въ ея замкнутости и обособленности; онъ, напротивъ, слѣдитъ за тѣми соприкосновеніями въ какія она входитъ съ жизнью общества въ нѣдрахъ котораго гнѣздится, тайно вбираясь въ нее, какъ элементъ зла и порока. Подъ внѣшнимъ декорумомъ гражданственности и цивилизаціи, какимъ облекается современное общество, авторъ отыскиваетъ эти тайные проводники зла, посредствомъ которыхъ сообщаются между собой нечистыя начала содержащіяся въ различныхъ слояхъ общества...

Г. Крестовскій извѣстенъ въ литературѣ какъ поэтъ, жанристъ и романистъ. Извѣстность его въ послѣднемъ качествѣ заставила отчасти забыть его стихи и мелкіе юмористическіе очерки, хотя тѣ и другіе далеко не лишены значенія. Литературное развитіе г. Крестовскаго шло правильно: онъ посвятилъ поэзіи и смѣху самыя юныя свои годы, и позднѣе обратился къ серьезнымъ задачамъ большаго общественнаго романа. Стихотворные опыты его, принадлежащіе лишь нѣсколькимъ годамъ поэтическаго вдохновенія, составили однакожь два тома весьма разнообразнаго содержанія: мелкія лирическія стихотворенія, былинны и сказки народнаго характера, испанскіе мотивы, поэмы и антологіи изъ древняго міра, библейскія темы и пере-

ложенія, переводы изъ Анакреона и Горация, изъ Гёте и Гейне. Разнообразіе формъ и мотивовъ указываетъ на чрезвычайную гибкость стиха и впечатлительность вдохновенія.

Въ прозѣ г. Крестовскій выступилъ съ цѣлымъ рядомъ небольшихъ юмористическихъ разказовъ и очерковъ, помѣщавшихся въ различныхъ журналахъ конца пятидесятихъ годовъ и потомъ нѣсколько разъ издаваемыхъ отдѣльно, подъ заголовками: *Петербургскіе Типы*, *Петербургскіе Золотопромышленники* и *Фотографическія Карточки Петербургской Жизни*. Эти малкіе разказы исполнены веселости, остроумія, мѣткого и благодушнаго юмора. Цѣлый рядъ оригинальныхъ петербургскихъ типовъ, съ обстановкой характерныхъ петербургскихъ угловъ, отразился въ этихъ живыхъ очеркахъ, отмѣченныхъ яркими признаками еще незрѣлаго, молодого, но уже много обѣщавшаго таланта. Кому случалось читать ихъ, тотъ вѣроятно до сихъ поръ не забылъ мѣткія характеристики такихъ типовъ какъ Петя Вилиевъ, Богданъ Сіоничъ, Гнилушница, Извозчикъ-Ванька, Духачи, содержательница меблированныхъ комнатъ Анна Ивановна, капитанъ Закурдаило и пр. и пр. Удивительная простота съ какою авторъ подходитъ къ этимъ типамъ, условия въ нихъ именно то что существенно ихъ опредѣляетъ, дѣлаетъ ихъ неистребимыми изъ памяти читателя. Что такое напримѣръ этотъ Богданъ Сіоничъ? Онъ происходитъ изъ „армяшекъ“ и провелъ юность въ отъѣзженныхъ тармаками и тафты въ одномъ изъ „азіатскихъ магазиновъ“ на Невскомъ Проспектѣ. Въ эти дни первой юности Богданъ Сіоничъ ходилъ еще въ „азіатскомъ костюмѣ“ и на вопросъ кто онъ таковъ и какой чинъ имѣетъ? отвѣтствовалъ: „чинъ?—Азіате!“—Изъ какихъ? продолжалъ допрашивавшій. „Изъ восточныхъ чаловѣковъ“, поясняя Богданъ Сіоничъ, не любившій болѣе точно опредѣлять свою національность. И когда вопрошавшій не зналъ его профессіи, „восточный чаловѣкъ“ объяснялъ что онъ „изъ конвойныхъ“ и потому „гнѣжакамъ“ поситъ: у всѣхъ подобныхъ субъектовъ, поясняетъ авторъ, есть маленькая слабость самозванства насчетъ „конвойныхъ восточныхъ чаловѣковъ“.

Малкіе очерки изъ петербургской жизни послужили г. Крестовскому какъ бы первою пробой той широкой задачи которую онъ разработалъ въ самомъ извѣстномъ своемъ романѣ—въ *Петербургскихъ Трудностяхъ*. Многое что въ послед-

ствіи съ такою полнотою и такою захватывающею занимательностію было развито въ этомъ романѣ, встрѣчается въ видѣ набросковъ въ *Петербургскихъ Типахъ* и въ *Петербургскихъ Золотопромышленникахъ*; изученіемъ характерныхъ типовъ и угловъ петербургскаго захолустья авторъ какъ бы подготовлялся къ обширному художественно-этнографическому труду, идея котораго давно уже носилась предъ нимъ.

Произведенію къ которому мы теперь обращаемся г. Крестовскій главнымъ образомъ обязанъ своею чрезвычайною извѣстностію. Успѣхъ *Петербургскихъ Трущобъ* въ нашей публикѣ былъ громадный; каждая новая часть романа ожидалась съ нетерпѣніемъ и проглатывалась съ жадностію; журналъ гдѣ этотъ романъ печатался поправилъ на немъ свои прихоти и дившія въ уладокъ дѣла; два большія отдѣльныя изданія разошлись съ необыкновенною быстротою; явились многочисленныя подражанія. Романъ проникъ и въ европейскую публику, появившись въ переводахъ на нѣмецкій, французскій, англійскій, италіанскій и чешскій языки. Одна только русская критика встрѣтила романъ недоброжелательно и нашла въ подарить молодого автора лишь глумленіемъ и бранью.

Между тѣмъ чрезвычайный интересъ возбужденный *Петербургскими Трущобами* могъ бы, казалось, возбудить болѣе серьезный взглядъ на это произведеніе. Масса читающей публики (какъ бы свысока ни относились мы къ ней) обладаетъ извѣстнымъ чутьемъ, съ помощью котораго всегда умѣетъ отличить талантъ отъ бездарности. *Петербургскія Трущобы*—произведеніе очень молодое, но несомнѣнно и очень талантливое. Оба эти качества въ немъ какъ бы нераздѣльны, какъ бы взаимно дополняютъ и объясняютъ другъ друга. Молодость автора сказалась въ чрезмѣрной многообъемлемости замысла, въ пониманіи нѣкоторыхъ явленій жизни болѣе съ внѣшней стороны, въ энергіи съ какою авторъ собиралъ и изучалъ свой матеріалъ; талантъ выразился въ чрезвычайно искусномъ развитіи интриги, въ необыкновенной живости сценъ и описаній, въ захватывающей увлекательности разказа, въ умѣньи сочетать внѣшній сказочный интересъ съ интересомъ этнографическаго изученія въ области трущобнаго петербургскаго населенія. Планъ романа задуманъ такъ искусно что самыя недостатки выполненія, кажется, не вредятъ ему: нѣсколько внѣшняя точка зрѣнія на многія явленія дѣйствительности представляется какъ бы даже весьма умѣстною

въ этой сложной и пестрой композиціи, въ которой авторъ стоитъ на рубежѣ между сказочно-увлекательнымъ вымысломъ и самою обнаженною реальностью. Впрочемъ, рядомъ съ богатствомъ вѣшняго интереса, въ нѣкоторыхъ эпизодахъ романа чувствуется настоящая, глубокая драма; такова напримѣръ исторія Маши, и отчасти исторія Берсевыхъ. Замѣтимъ кстати что пестрота и сложность композиціи не отнимаютъ у романа характера цѣльности: многочисленные нити его такъ искусно переплетены между собою что читатель постоянно чувствуетъ общій клубокъ изъ котораго онѣ разматываются. По отношенію къ мастерскому развитію сложной романтической интриги, *Петербургскія Трущобы* конечно не много имѣютъ себѣ равнаго въ русской литературѣ. Единство композиціи поддерживается впрочемъ въ этомъ романѣ не однимъ только вѣшнимъ образомъ, но вытекаетъ также изъ единства основной идеи которую не трудно различить въ этомъ произведеніи. Мы отчасти уже указали эту идею: авторъ разсматриваетъ пороки во всѣхъ его видахъ какъ общечеловѣческую стихію, какъ начало зла лежащее въ челоѣческой природѣ и сообщающееся скрытыми путями чрезъ вѣтъ слоеи общественаго организма. Вводя читателя въ обособившуюся, замкнутую, специфическую жизнь петербургскихъ трущобъ, авторъ постоянно даетъ чувствовать что надъ этимъ міромъ грязи, порока и нищеты находится другой міръ, быть-можетъ столь же порочный, но умѣющій позолотить грязь и преступленіе, среди которыхъ онъ живетъ. Такимъ образомъ содержаніе романа подымается отъ картинокъ трущобнаго быта къ сатирѣ отражающей пороки и недостатки цѣлаго общественаго склада.

Петербургскія Трущобы закончили собою первый періодъ литературной дѣятельности г. Крестовскаго. Вскорѣ въ жизни его настала перевероть, до сихъ поръ продолжающій удивлять многихъ и служить источникомъ болѣе или менѣе неудачныхъ догадокъ. Достигнувъ въ чрезвычайно молодые годы необыкновеннаго литературнаго успѣха, г. Крестовскій вдругъ покинулъ Петербургъ и предпринялъ продолжительное путешествіе къ восточной окраинѣ Россіи. Онъ посѣтилъ поволжскія губерніи, проѣхалъ въ Киргизскія степи и къ низовьямъ Дона, увлекаемый отчасти интересомъ какой представляли для него своеобразныя черты нравовъ и быта Татаръ, Армянъ и прочихъ „восточныхъ

человѣковъ". Затѣмъ всѣ узнали что г. Крестовскій поступилъ юнкеромъ въ одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ стоящихъ въ западномъ краѣ. Извѣстіе это безконечно всѣхъ удивило. Представлялось невѣроятнымъ чтобы человѣкъ съ такимъ блестящимъ успѣхомъ выступившій на литературномъ поприщѣ, стяжавшій сразу такую извѣстность въ публикѣ, могъ безъ особенныхъ, весьма важныхъ причинъ надѣтъ на себя юнкерскій мундиръ и промѣнять независимость и выгоды своего прежняго положенія на скромную долю уланскаго офицера. Не будемъ повторять здѣсь всѣхъ предположеній и догадокъ какими заинтригованная публика старалась объяснить это невѣроятное въ глазахъ многихъ событіе; скажемъ только что никому не приходила въ голову самая простая и естественная мысль, именно что г. Крестовскій искренно любитъ военную службу и искренно предпочитаетъ обстановку кавалерійскаго быта жизни петербургскаго литератора. Только въ послѣдствіи, когда въ журналахъ стали появляться его прекрасные очерки кавалерійской жизни, проникнутые такою любовью къ своему новому дѣлу, а затѣмъ публика познакомила и съ болѣе серіозными трудами его по исторіи русской кавалеріи, только тогда стали догадываться что нѣтъ надобности объяснять поступленіе г. Крестовскаго въ военную службу какими-нибудь чрезвычайными причинами, и что на самомъ дѣлѣ событіе это гораздо проще чѣмъ кажется.

Переворотъ въ жизни, неизбѣжно отозвавшійся и въ литературной дѣятельности г. Крестовскаго, въ сущности былъ естественнымъ результатомъ его внутренняго развитія. Вслѣдъ за быстро-перегорѣвшею первою молодостью, наполненною горячими впечатлѣніями, броженіемъ неустановившихся силъ и преждевременнымъ жизненнымъ опытомъ, настала пора спокойнаго и трезваго отношенія къ дѣйствительности, почувствовалась потребность въ некоторомъ нравственномъ отдыхѣ. Окружающая жизнь, принимаемая до тѣхъ поръ преимущественно съ ея внѣшней стороны, раскрыла предъ писателемъ и романистомъ свое внутреннее содержаніе; наступилъ періодъ спокойнаго, чисто объективнаго творчества, періодъ авторской осязательности, если позволено такъ выразиться.

Въ этому второму періоду литературной дѣятельности г. Крестовскаго относятся главнымъ образомъ его романы *Паша-во Стадо* и *Два Силы*, изданные теперь въ четырехъ

томахъ подъ общимъ заглавіемъ *Кровавый Пуфъ*, фельетонный романъ *Внѣ Закона*, печатавшійся первоначально въ газетѣ *Русскій Миръ*, и небольшіе этюды и разказы, собранные въ два томика подъ заглавіемъ: *Изъ походныхъ очерковъ и На западъ и на востокъ*. За исключеніемъ романа *Внѣ Закона*, въ которомъ авторъ, въ виду особыхъ условій, преслѣдовалъ преимущественно внѣшнія задачи романическаго интереса, всѣ эти позднѣйшія произведенія г. Крестовскаго посвящены главнымъ образомъ бытовымъ и политическимъ условіямъ жизни нашего западнаго края, въ которомъ авторъ провелъ нѣсколько лѣтъ, обогатившихъ его обширнымъ литературнымъ и общественнымъ матеріаломъ. Намъ пришлось бы чрезмѣрно раздвинуть предѣлы этой статьи, еслибы мы захотѣли дать отчетъ о всѣхъ упомянутыхъ произведеніяхъ: мы остановимся только на нѣкоторыхъ, именно на тѣхъ въ которыхъ наиболѣе выразились черты присущія таланту г. Крестовскаго въ позднѣйшемъ періодѣ его литературной дѣятельности.

Въ ряду небольшихъ очерковъ и разказовъ посвященныхъ жизни западнаго края, одинъ изъ лучшихъ есть *Панъ Пшенендовскій*. Несмотря на шуточный тонъ этого разказа, онъ отличается замѣчательною типичностью воспроизведеннаго образа. Содержаніе разказа какъ нельзя болѣе просто: тутъ сама жизнь, какъ она сложилась въ западныхъ губерніяхъ послѣ повстанья, и вымыселъ автора почти не участвуетъ въ разказѣ. Господинъ Пшенендовскій — одинъ изъ тѣхъ Поляковъ русской службы которыми кишѣла администрація западнаго края, и которыхъ мятежъ лишилъ прежняго привольнаго и безпечальнаго существованія. Очувшившись „не у дѣла“, Пшенендовскій ворчитъ и брюжжитъ. „От-то дурни были!“ бранитъ онъ патріотовъ, не умѣвшихъ увѣнчать успѣхомъ свои старанія: „позавоидли этое само повстанье, але и чьто жъ такое! Теперь з-за нихъ за самыхъ человѣку, которы есть порадочный, а ни стулить, ни ликнуть! Ну, и чьто жъ? Теперь будемъ такъ говорить: хотя я самый — по выбору одъ усею благороднаго дворянства три трохлаѣтъя былъ капитанъ-справникомъ, а наусегда цару и ойтечеству былъ какъ вѣрный собака, а теразъ усею липонный. Одачежъ имѣю жѣну и ребенковъ, малютковъ имѣю, и всѣ мы желаемъ кушать — але-жъ не можно, бо этое само повстанье — а будь оно нѣ ладне! — какъ

есть усею лишило. И выходитъ что дурни сгадали, а повинный чловѣкъ есть жертва.“

И если спросить кто-нибудь лана Пшелендовскаго за что онъ потерялъ мѣсто, онъ отвѣчаетъ съ полнымъ убѣжденіемъ: „А за то за самое и потерялъ; бо этое, зволите видѣть, какъ пріѣхалъ у край графъ Муравьевъ, то такъ мене одъ разу и одрѣшилъ... Бо я, говоритъ, Полякъ. А какой я Полякъ?! И никогда, ни въ жизнь свою Полякомъ не былъ и не желаю, и не имѣю числиться въ Полякахъ, — а пропадай они и совѣмъ!“ А когда кто припомнитъ лану Пшелендовскому что во время повстанья водились за нимъ доказанные грѣшки — „ну и что жъ зъ того? возражаетъ онъ — ну и есть! Але-жъ будемъ мы такъ говорить: вы сидите себѣ мирно и покойно у своихъ, можно сказать, пенатовъ; при васъ ваша любимая жѡна... и ребенки тутъ на полу кувыркаются... и усе этое такъ пріятно вамъ, и вы ни о чемъ дурнаго не думаете себѣ, и никому никакого зла не желаете, — а тутъ вдрухъ входятъ до васъ у двоихъ, але и по трши гайдука — таки галгане! — и втотчасъ съ кынжаломъ у брухо, альбо и зъ тымъ... зъ револьверемъ... Какъ приставятъ до носу та и говорятъ вамъ: „проще лана офяроваць цокольвѣкъ зъ майонтковъ ланьскихъ до фундушу народо-вѣго!“ — Ну, и когда жъ они такъ застигнутъ васъ, и вы по своей неволѣ даете, бо они втотчасъ же забіють васъ, а у васъ жѡна, а у васъ потомки ваши ползають, и вы ломирать не хотите... Ну и дашь, только одвѣжитесь вы скорѣйшъ, лайдаки проклятые!“

Павъ Пшелендовскій необычайно чувствителенъ ко всякимъ переменамъ въ политической атмосферѣ: пока онъ ворчитъ и брюжжитъ на „лайдаковъ“, затѣявшихъ неудачное повстанье, мысль его забѣгаетъ гораздо дальше. Онъ уже подхватилъ кое-что съ вѣтру и имѣетъ свою идею о „крайовой“ политикѣ. — „Вы усеъ господа мировіи посредники — говоритъ онъ русскимъ людямъ — вы, усеъ, позвольте вамъ выразить, имѣете совѣмъ фальшиве, воображенье на этотъ щотъ. Мужикъ — онъ только нынѣ притворяется такимъ добрымъ, такимъ вѣрнопреданнымъ, а до этого дурацкаго повстанья мужикъ былъ найпервшій бунтовщикъ! найпервша бѣстія! Вы напрасно воображаете себѣ что тутъ что-небудь дворянство... Конечно, и въ дворянствѣ кое-что было, але гдѣ ларшина ѡвца не водиться? Но только повѣрте на

чести, дворянство — и это навсегда было наипервыи опора престола и ойчества... Оно еще и мужиковъ одъ бунтовъ воздерживало. То такъ есть! какъ честный чловѣкъ! Я смотрю безпристрастно, а потому такъ и говорю! А за паршивыхъ овецъ — то нынѣ усь мы жертвами выходимъ. Такъ не можно! И зъ тыми, которые какъ я, напримѣръ, навсегда были у вѣроподданствѣ, надо уже помыслить о примиренью и о забвенью.“

Но пока дѣло еще не дошло до „примиренью“ и „забвенью“, пану Пшелендовскому приходится круто: денегъ у него нѣтъ, онъ успѣлъ уже задолжать туда и сюда, жить ему рѣшительно нечѣмъ. Красивая панна Фелиція, его супруга, шпыняетъ его съ утра до вечера напоминаніемъ о разныхъ хозяйственныхъ нуждахъ. Видя что всѣ эти шпынянья плохо дѣйствуютъ на мужа, она рѣшается сама идти къ губернатору, просить для него мѣста. Губернаторъ, снисходя къ слезамъ и молябамъ красивой пани Фелиціи, готовъ сдѣлать чтъ можно, — препятствія слишкомъ велики. — Вашъ мужъ католикъ? спрашиваетъ онъ у просительницы, — „То-есть.... онъ не то чѣто католикъ....“ отвѣчаетъ пани Фелиція, — а только онъ есть рожденный въ томъ, бо и ойтець и matka его были католики, алежъ онъ очень сподлинный и скорый до дѣлъ, ваше пресходзицельство!“

Панъ Пшелендовскій понявъ въ чемъ заключается его единственное неудобство для „примиренью и забвенью“, принимаетъ православіе. Свершивъ этотъ подвигъ, онъ уже смѣло является къ губернатору какъ бы требуя отъ него лишь должнаго. Съ неподражаемымъ комизмомъ авторъ изображаетъ сцену пріема у губернатора, гдѣ панъ Пшелендовскій, при столкновѣніи съ лицами различнаго общественнаго положенія, обнаруживаетъ всю изумительную гибкость своей натуры.

Губернаторъ, обойдя просителей, подходитъ наконецъ къ нему съ обычнымъ вопросомъ: чтъ вамъ угодно?

„— Ваше превосходительство! съ солиднымъ достоинствомъ начинается проситель, не измѣняя своего наклоннаго полуферта: — принявъ православіе, а потому.... честь имѣю.... объ опредѣленью! (поклонъ съ каблучками.) Объ опредѣленью, ваше превосходительство!“

„Генералъ разсматриваетъ пана Пшелендовскаго.

„— Вы приняли православіе?“

„— Такъ есть, ваше превосходительство! Имѣлъ честь соединиться и соприсовокулиться!

„— Ну, поздравляю, душевно поздравляю! очень радъ! Такъ что же вы?

„— Явился собственно доложить и заявить о томъ вашему превосходительству.... бо какъ зная вашу ласку и доброту.... осмѣлилъ.... себѣ.... Имѣю честь объ опредѣленью.

„— Вы хотите на службу?

„— Мѣста желаю, ваше превосходительство, соответственнаго мѣста, для того какъ желаю увесъ животъ свой подъ престолъ оичества подложить, а потому....

„— Вашъ чинъ?

„— Пшендовскій, ваше превосходительство! У штабсъ-офицерскому рангу.... Надворный совѣтникъ, ваше превосходительство. И моя жона, ваше превосходительство, уже честь имѣла являться до вашего превосходительства, и ваше превосходительство были такой ласковій что общали ей, а потому.... честь имѣю....“

Губернаторъ припоминаетъ посѣщеніе пани Фелиціи; вмѣстѣ съ тѣмъ вспоминаетъ онъ и о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ сопровождавшихъ удаленіе Пшендовскаго отъ должности исправника.

„— Обстоятельства, ваше превосходительство, торопливо и заботливо перебилъ панъ Пшендовскій, — обстоятельства, могу честью завѣрить — отъ одной только клеветы.... бо я былъ наусегда какъ самый вѣрный собака, и меня за то самыи же Поляки одклеветали. Отто-то сама и есть эта польская интрига! Она сама и есть, ваше превосходительство.... Они мене даже до двохъ разовъ почти подъ шибеницу подводили и зъ тымъ.... зъ кыжаломъ у брухо заколотъ намѣренье имѣли, алеж не закололи, бо Богъ спасъ.... Одинъ только Богъ, вѣрно уже для того что былъ я какъ вѣрный собака. А они мене одъ тыхъ одъ самыхъ поръ недоколотымъ свынѣй называютъ.... Такъ и называютъ, ваше превосходительство! Пшендовскій — это, говорить, недоколотый свыня!

„Генералъ разсмѣялся.

„Панъ Пшендовскій въ ту жъ минуту поспѣшилъ и этотъ смѣхъ обратить въ свою пользу.

„— Такъ есть точно, ваше превосходительство! подтвердилъ онъ съ глубокимъ поклономъ, — недоколотый свыня, и

„— Повстаньцемъ бенде.... До лясу мамъ удѣкаты! бойко отвѣчаетъ Стасикъ.

„— Ого! повстаньцемъ? и заразы же до лясу? От-то кривъ! А кто ты естесь такій?

„— Естемъ Полякъ! еще бойче кричитъ мальчонка.

„— Э-э! те! съ шутливою строгостью останавливаетъ его панъ Пшенпендовскій и прибавляетъ назидательнымъ, хотя и шутливымъ тономъ:—нигды не мувь, же естесь Полякъ. Теразь южь нима Полякувъ — Москале сглоцили! Теразь есть тильке едне „віѣрнопопданьство“ и „православье“—разумѣшь то?—Віѣрнопопданьство и православье! Естесь віѣрнопопданьны Москаль!

„— Нѣ! нѣ! не хдемъ у Москале! не хдемъ! не хдемъ! чуть не съ ревомъ, кобенясь, кричитъ маленькій Стасикъ.

„— А для чего нѣ хдешъ? Пу, давай по русьску учицьсе! менторски шутить панъ Пшенпендовскій:— ты есть фруктъ одъ чресла моего и для того ты есть поросенокъ. Разумѣ-ешь? нѣ, не разумѣешь? Пу, давай лѣсеню спѣваць! Спѣвай за татемъ! Учи се! Ну?!

Бо-оже Цара храни...

„— На цо то глупьству такому учиць малего! съ неудовольствіемъ вмѣшалась пана Фелиція. — Стасю! сердце мое! не слухай тата! то — бѣ! бѣ! Идзь лѣлѣй до мамы! мама друге лѣсенке заспѣва! Така ладна лѣсенъ!

Еще Польска не сгинула,
Пуки мы жіемъ...

„— Тату! а тату! приставадь межъ тѣмъ маленькій Стасикъ:—цо то есть таке: Боже ца-а-ра?

„— А! Боже Цара храни? вразумительно сталъ объяснять ему панъ Пшенпендовскій:—Боже Цара храни — то есть московьска „Боже цосъ польска“. Разумѣшь теразь?

„— Разумѣмъ, тату!

„— А по русьску не хочешь учиться?

„— Нѣхдемъ!

„— От-то заядлы! от-то кривъ! ну, сядай на конику! Сядай! гопс-ля! Ну, терасъ естешь польски уланъ! Повстанецъ! Гопъ, гопъ, гопъ, гопъ, гопъ, гопъ, гопъ!

„И слегка придерживая Стася руками, панъ Пшенпендовскій въ темъ рыси сталъ качать его верхомъ на колѣнѣхъ, приговаривая въ тактъ речитативомъ:

Їдзе, їдзе панъ, панъ,
На конику самъ, самъ,
А за пакомъ жидъ, жидъ,
А за жидемъ полъ, полъ,
А за полемъ хлопъ, хлопъ,
По кожуку лопъ, лопъ!
А по Стасю шлепъ, шлепъ!
Шлепъ! шлепъ! шлепъ! шлепъ!

„И ланъ Пшелендовскій надѣлялъ своего потомка нѣжными и легкими родительскими подшлепниками.

— Ну, оттакъ ладне? обратился онъ къ нему въ заключеніе:—ладне? Ну, идзь до мамы! Идзь! Гуляй! Гуляй, віфрно-подданьны поросенокъ!“

Вотъ и все незатѣйливое содержаніе очерка *Панъ Пшелендовскій*, въ неширокую рамку котораго г. Крестовскій умѣлъ вложить столько простоты и правды, столько мѣткого и веселаго юмора.

Такимъ же, если не бѣльшимъ еще, характеромъ простоты и искренности запечатлѣны *Походные Очерки* г. Крестовскаго. Для читателя познакомившагося съ этими разказами уже не можетъ быть вопроса: почему и зачѣмъ авторъ, упрочившій себѣ положеніе въ литературѣ, вдругъ взялъ да и поступилъ юнкеромъ въ кавалерійскій полкъ. Ясно что онъ искренно любитъ эту кавалерійскую службу, эту полковую жизнь, въ которой умѣетъ найти столько привлекательнаго. Разказы его объ этой жизни проникнуты такою сердечною веселостью и теплотой, какую можетъ обнаружить только человекъ дѣйствительно любящій свое дѣло и сжившійся съ своею обстановкой. А эта обстановка въ сущности не представляетъ ничего заманчиваго: грязныя стоянки въ бѣлорусской хатѣ, ежедневныя столкновенія съ надоедливыми Жидами и говоровыми шляхтичами, непрерывныя передвиженія съ мѣста на мѣсто, лишающія человека всякой возможности устроиться комфортабельно, отсутствіе по цѣлымъ мѣсяцамъ всякаго другаго общества, кромѣ общества своего денщика да вахмистра — все это конечно не представляетъ никакихъ ресурсовъ для человека привыкшаго къ независимости и развлеченіямъ петербургской жизни. Но въ этой однообразной и скудной обстановкѣ есть своего рода нравственная привлекательность. „Надѣвая монашескую рясу или военный полковой мундиръ—говоритъ г. Крестовскій въ разказѣ *Буяновъ мой сестѣ*—человекъ какъ-то невольно начинаетъ чувствовать себя инымъ, нѣсколько отрѣшеннымъ отъ остальнаго міра. Между нимъ и этимъ остальнымъ міромъ словно бы ложится какая-то очень тонкая разграничивающая черта: тутъ вотъ я и та небольшая община съ ея уставами и жизнью къ которой я принадлежу прежде всего и больше всего; а тамъ, за этою чертою—остальной уже міръ и вся жизнь остальная. Я могу сочувствовать той жизни и ея интересамъ, ея

движенію, ея стремленіямъ, по все-таки для меня на первомъ планѣ будутъ стоять жизнь и интересы избранной мною общины, которые, пока я честно принадлежу этой общинѣ, будутъ для меня наиболѣе родными, наиболѣе близкими моему сердцу. И монастырь, и полкъ представляютъ для бобыля болѣе или менѣе прочное убѣжище, пристанище мирное и тихое, въ которое человѣкъ можетъ уйти и спрятаться какъ улитка въ свою скорлупу. А эта возможность спрятаться въ свою скорлупу, не переставая въ то же время жить своею разнообразною и полною жизнью, и притомъ такую жизнью какая тебѣ наиболѣе по-сердцу—эта возможность, говорю я—особенно для человѣка нравственно измученнаго тою жизнью которая кипитъ тамъ, за тонкою разграничивающею чертою—есть уже великое и драгоцѣнное преимущество.“ Но и помимо этого чисто-личнаго преимущества, обстановка полковаго товарищества представляетъ наибольшее нравственное удовлетвореніе тому въ комъ живы инстинкты любви, дружбы, братства. Здѣсь просторъ тому чувству человѣчности, которое сближаетъ людей между собою, заставляетъ любить солдата въ его скромной долѣ и дорожить въ свою очередь солдатскою любовью. Съ этой преимущественно стороны и отразилась полковая кавалерійская жизнь въ очеркахъ г. Крестовскаго. Онъ повидимому предполагаетъ изобразить весь годовой кругъ этой жизни; покамѣстъ появились въ печати очерки: *Отъ штаба до зимнихъ квартиръ* и *На травѣ* (последній въ журналѣ *Нива* за 1874 годъ). Несмотря на то что предметомъ разказа служатъ самыя всендневныя явленія кавалерійской жизни, каковы сборы къ выступленію на зимнюю стоянку, стоверстные переходы съ эскадрономъ, ночлеги въ бѣлорусской деревнѣ, лѣтній отдыхъ *на травѣ*—литературный талантъ автора и теплое отношеніе къ этой обыденной дѣйствительности сообщаютъ его разказу увлекательность и живость, и мѣстами чистое и свѣтлое поэтическое чувство. Благодушный юморъ, вообще свойственный таланту г. Крестовскаго, почти не покидаетъ его въ этихъ очеркахъ; какъ живые проходятъ предъ читателемъ характерныя типы польско-еврейскаго населенія, съ которымъ нашимъ армейскимъ кавалеристамъ приходится постоянно сталкиваться лицомъ къ лицу. Безъ Жида въ особенности тамъ не удастся повернуться. Объявлено напримѣръ эскадрону выступленіе на зимнія квартиры въ мѣстечко Свислочь; ѣдетъ офицеръ

на почтовую станцію нанимать лошадей. Прикащикъ на станціи конечно Еврей, „со всѣми характерными отличіями фizioноміи, запаха и костюма“.

„— Стколки коней ви говорите? вѣжливо и любезно прищуриваетъ онъ глазъ.

„— Пару.

„— Па-ару? Ну, ѵ зачѣмъ вамъ пару! Берить тройка! Увсѣ гхаросши гашпида зауснигда на тройка фхають и зъ кала-колчикъ. Ми вамъ будзимъ отпусшкадъ сшами лючши хуръ-ершкы тройка!

„— Мнѣ нужно не подъ себя, а подъ вещи мои.

„— Подъ вѣщу? Ну, то може какой гхаросшій вѣщу, гхуршталь чи то фаланды?... А подъ гхаросши вѣщу надо гхаросши кони.“

Наибольшую художественностью и поэтичностью отличаетъ послѣдній изъ походныхъ очерковъ г. Крестовскаго—*На травѣ*. На этомъ прелестномъ разказѣ какъ бы отразилось то веселое и радостное чувство съ которымъ и люди, и даже лошади располагаются послѣ продолжительныхъ трудовъ и порядочной скуки — на лѣтній отдыхъ.

„— Теперича мы значить на дачѣ! осклабясь широкою улыбкой, съ видимымъ удовольствіемъ говоритъ Каковинъ, эскадронный залѣвало, распустивъ свою аммуницію и растягивая китель. — Прекрасная трава будетъ, братцы!

„— А ты почему знаешь? откликается ему взводный.

„— Потому и знаю что день очень прекрасный: ишь, какая теплынь! и свѣту сколько! Ужь это у меня первая примѣта такая—какъ выходить на траву, коли день погожій, и вся трава веселая будетъ.

„Входитъ въ сарай эскадронный вахмистръ—освѣдомиться хорошо ли въ каждомъ взводѣ устроились люди и лошади.

„— Андрею Васильевичу! Съ травой честь имѣемъ проздравить! летятъ ему на встрѣчу привѣтливые голоса веселыхъ солдатъ.“

И дѣйствительно хорошо и привольно и людямъ и конямъ на этихъ сочныхъ лугахъ, зеленѣющихъ въ прорѣзахъ знаменитой Бѣловежской луцы. Лѣсъ и луга, и высокое чистое небо, то прозрачно-голубое, то мерцающее частыми звѣздами, и свобода какая только возможна для солдата.

„Солнце садится, и въ тихомъ вечернемъ воздухѣ вьются цѣлыя столбы лѣсной мошки, предвѣщая на завтра ясную и

жаркую погоду. Лѣсъ начинаетъ кутаться въ тонкую, сизоватую дымку, а по верхушкамъ сосенъ еще скользятъ и искрятся лучи заката, обливая горячимъ краснымъ свѣтомъ всегда и безъ того красноватые сосновые стволы и сучья. Птицы замолкли, и только одинъ черный дроздъ выводитъ еще время отъ времени свой мелодическій высвистъ гдѣ-то въ густыхъ вѣтвяхъ ближняго дерева — да голенастые аисты, слетѣвшіе въ свои гнѣзда, на сонъ грядущій, топчутся въ нихъ, помахивая крыльями, и высоко задрать къверху красные головы, производятъ своими клювами какой-то странный, но не лишенный мелодичности звукъ, сначала медленный, раздѣльный, потомъ все ускоряющійся и наконецъ переходящій въ частую дробь, которая очень похожа на звукъ деревянной трещотки.

„Но—чу!.. Рѣзко и громко раздается по лѣсу звукъ трубы, играющей людямъ „сборъ“ на вечернюю кашу. И вотъ, идутъ они вольными группами — кто съ котелкомъ, кто съ миской, кто съ кувшиномъ или съ балейкой, и у каждого въ рукахъ своя деревянная ложка и своя порція хлѣба — идутъ, мелькая межъ кустовъ бѣлыми кителями, которые то тамъ, то здѣсь принимаютъ на мгновеніе розоватый тонъ, когда случайно ударитъ на нихъ косвенный лучъ, прокравшійся между стволами. Веселый и разнообразный говоръ сопровождаетъ эти группы. Кто-то рассказываетъ, жестикулируя руками, должно-быть что-то очень смѣшное, потому что взрывы смѣха то и дѣло раздаются въ одной изъ удаляющихся кучекъ. Въ другой кучкѣ кто-то съ кѣмъ-то считается за какія-то провинности. Въ третьей — одинокій голосъ чувствительно выводитъ высокимъ фальцетомъ какую-то заунывную пѣсню, про то какъ „собачка вѣрная, звѣрокъ, завоить у воротъ“. Люди спускаются съ горы къ берегу озера гдѣ выкопана въ почвѣ эскадронная кухня, прикрытая съ трехъ сторонъ навѣсомъ, устроеннымъ въ видѣ шалаша изъ еловыхъ вѣтвей, камыша и хвороста. Бѣлый дымъ выбивается и струится изъ-подъ этого навѣса, а вмѣстѣ съ его залахомъ въ тихомъ, безвѣтренномъ воздухѣ распространяется также и вкусный паръ отъ крупаго хлеба съ лучкомъ, съ картофелемъ и съ поджаренными шкварками изъ свиного сала.“

Тихое, однообразное приволье этой жизни нарушается только какой-нибудь нечаянною встрѣчей въ сосѣдней жидовской корчмѣ, или такими „событіями“ какъ ловля эскадронныхъ лошадей, разбѣжавшихся вслѣдствіе испуга по лѣсу. А страна кругомъ интересная — полудикая и полная историческихъ воспоминаній и легендъ, одна изъ которыхъ прекрасно разказана авторомъ. Темныя дебри Бѣловежской луцы, уединенныя развалины панскихъ „палацовъ“, пустынное озеро,

у котораго ютятся стада дикихъ утокъ, и безлюдье, безлюдье кругомъ — все литаешь воображеніе и населяешь его призраками. И вдругъ, ввѣвъ, среди этой легендарно-поэтической обстановки, неожиданно встрѣчается граціозный образъ Еврейки Велли, загадочной героини этого прелестнаго разказа...

Не будемъ останавливаться на романъ *Виль Закона*, отличающемся преимущественно вышшею увлекательностью разказа и занимательностью интриги. На него нельзя впрочемъ не указать какъ на весьма удачный образецъ того что авторъ называетъ „фельетоннымъ романомъ“: предназначенный для ежедневной газеты, романъ этотъ отличается искуснымъ эпизодическимъ расположеніемъ плана, такъ что каждая глава, служа продолженіемъ всего предыдущаго, въ то же время какъ бы имѣетъ свою собственную маленькую завязку и развязку. Для ежедневной газеты это чрезвычайно удобно, но вмѣстѣ съ тѣмъ неизбежно связываетъ автора и принуждаетъ его опираться главнымъ образомъ на вышній или такъ-называемый сказочный интересъ повѣствованія. Для насъ же, въ настоящей статьѣ, преимущественно важны тѣ признаки внутренней зрѣлости въ талантѣ г. Крестовскаго, которые обнаружены имъ въ его послѣднихъ произведеніяхъ, и главнымъ образомъ въ *Полодныхъ Очеркахъ* и въ романической хроникѣ *Кровавый Пуфъ*.

Какъ прежде мелкіе фельетонные очерки петербургской жизни послужили г. Крестовскому подготовкой къ обширной эпопее *Петербургскихъ Трудобъ*, такъ и во второмъ періодѣ его литературной дѣятельности, разказы изъ жизни западнаго края являются какъ бы отдѣльными этюдами и эскизами, которыми авторъ подготовлялся къ двумъ большимъ романамъ, являющимся теперь отдѣльнымъ изданіемъ подъ общимъ заголовкомъ: „*Кровавый Пуфъ*“, хроника о новомъ смутномъ времени государства Россійскаго.“ Въ очеркахъ петербургской жизни, писанныхъ въ самой ранней молодости, отразилось преимущественно, какъ мы видѣли, вышнее пониманіе этой жизни, отчасти перешедшее и въ *Петербургскія Трудобы*. Въ разказахъ изъ кавалерійскаго быта и изъ жизни западнаго края замѣтно уже гораздо болѣе внутренняго содержанія, отражается болѣе положительное отношеніе къ дѣйствительности, что обыкновенно является резуль-

татомъ не одной только литературной зрѣлости, но и пережитыхъ впечатлѣній, жизненнаго опыта. Такою внутреннею зрѣлостью отличается и хроника *Кровавый Пудъ*, къ которой мы должны теперь обратиться. Такъ какъ оба произведенія изъ которыхъ составила эта хроника — *Панургово Стадо* и *Дѣя Силы* — были первоначально помѣщены въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, то, говоря о нихъ, мы будемъ предполагать содержаніе ихъ извѣстнымъ читателямъ.

Оба романа, какъ видно и изъ даннаго имъ авторомъ пояснительнаго заголовка: „хроника о новомъ смутномъ времени государства Россійскаго“, имѣютъ задачей изобразить извѣстное траги-комическое движеніе начала шестидесятыхъ годовъ, взволновавшее нашу общественную жизнь и отразившееся въ ней продолжительнымъ и сильнымъ броженіемъ. Юмористическій тонъ заголовка намекаетъ уже нѣкоторымъ образомъ на отношеніе въ какомъ стоитъ къ этому движенію авторъ. Дѣйствительно его хроника, подобно *Взбалоумченному Морю* г. Писемскаго, *Мареву* г. Ключникова и *Пекуду* г. Стебницкаго, изображаетъ это движеніе съ отрицательной его стороны, съ каковой впрочемъ оно только и обнаружилось. Несмотря однако на то что г. Крестовскій взялся какъ бы за разработку темы къ которой раньше его уже обращались наши беллетристы, хроника его подлѣ упомянутыхъ романовъ сохраняетъ совершенно самостоятельное значеніе. Гг. Писемскій, Ключниковъ и Стебницкій коснулись „смутнаго времени“ шестидесятыхъ годовъ со стороны его общаго, преимущественно нравственнаго смысла, оставивъ на заднемъ планѣ политическую сторону движенія. Г. Крестовскій, напротивъ, рассматриваетъ это явленіе главнымъ образомъ со стороны политической. Онъ приступилъ къ своей задачѣ вооружившись изученіемъ обширнаго и почти не тронутаго матеріала, такъ что его хроника, помимо романческаго, художественнаго интереса, представляетъ весьма значительный фактический интересъ. Это живая и почти вездѣ исторически-вѣрная летопись эпохи богатой событіями и драматическимъ содержаніемъ. Много авторъ разсказываетъ какъ очевидецъ — напримѣръ петербургскія и въ особенности университетскія событія 1861—62 годовъ; другія части хроники воспроизведены имъ при помощи богатаго матеріала собраннаго на мѣстѣ, въ Литвѣ и въ Варшавѣ, матеріала имѣющаго положительную историческую цѣн-

ность. Хроника его представляет необыкновенно удачное сочетаніе ни на минуту не ослабѣвающего романическаго интереса съ точностью историческихъ мемуаровъ. Въ недалекомъ времени, когда возможно будетъ замѣнить встрѣчающіеся въ этомъ романѣ псевдонимы собственными именами — *Кривой Пухъ* получить, безъ ущерба своему художественному содержанію, значеніе исторической монографіи. Тогда окажется что авторъ не только нигдѣ не дозволилъ себѣ произвольныхъ отступленій отъ историческихъ данныхъ, но что даже многіе темные факты и загадочные характеры эпохи разъяснены имъ вѣрно и основательно, чѣмъ это сдѣлано историками послѣдняго польскаго возстанія.

Несмотря на богатство и разнообразіе матеріала находившагося въ распоряженіи автора, хроника его представляет строго выдержанное единство разказа и возрѣнія. Различныя стороны общественнаго и политическаго движенія, составляющаго предметъ повѣствованія, не только не раздробили дѣйствіе романа, но впервые приведены авторомъ въ самую тѣсную и осмысленную связь между собою. *Дѣя Силы* являются продолженіемъ *Панургова Стада* не только потому что тамъ выступаютъ многія лица дѣйствовавшія въ первомъ романѣ, но и потому что сама историческая дѣйствительность изображаемая въ обоихъ произведеніяхъ является органически связною и вытекающею изъ однихъ и тѣхъ же причинъ и началъ.

Когда хроника г. Крестовскаго печаталась по частямъ въ журналѣ, съ перерывомъ въ нѣсколько лѣтъ между первою и второю половинами, отъ многихъ ускользало какъ единство цѣлаго произведенія, такъ и историческій смыслъ его. Многіе полагали что задачею автора было показать превосходство русскаго человѣка надъ героями польской sprawy, и съ этой точки зрѣнія справедливо сѣтовали, не находя въ предполагаемомъ русскомъ героѣ, Константинѣ Хвалынцевѣ, ни глубокаго ума, ни сильнаго характера. Сомнѣнія эти не разъ были высказаны и въ печати, и побудили автора разъяснить ихъ въ предисловіи, которымъ онъ нынче снабдилъ отдѣльное полное изданіе хроники. „Такъ какъ сочиненіе это не романъ, говоритъ между прочимъ г. Крестовскій въ этомъ предисловіи, то въ немъ и *нѣтъ героевъ* въ томъ смыслѣ въ какомъ обыкновенно понимаются герои

романа. Въ немъ, пожалуй, есть одинъ только герой, это время изображенное мною, и двѣ героини — Россія и Польша“.

„Нѣкоторые критики и рецензенты, продолжаетъ авторъ, усиленно старались навязать мнѣ въ герои одного изъ моихъ дѣйствующихъ лицъ, а именно Хвалынцева. Признаюсь, я его никогда не трактовалъ какъ моего главнаго героя. Онъ мнѣ нуженъ былъ просто затѣмъ чтобы связать посредствомъ него рядъ событій избранной мною эпохи — событій имѣвшихъ мѣсто и внутри коренной Россіи, и въ Петербургѣ, и въ Литвѣ, и въ Варшавѣ. Для такой цѣли мнѣ вовсе не нужно было брать человѣка ни сильнаго ума, ни сильнаго характера. Въ этомъ случаѣ наиболѣе подходящимъ къ моей задачѣ казался мнѣ самый обыкновенный русскій человѣкъ, съ довольно дюжиннымъ умомъ и образованіемъ, съ добрыми и честными инстинктами и наконецъ достаточно мягкій и безхарактерный, какъ и множество неустоявшихся русскихъ людей того времени. Сильный, самостоятельный умъ и характеръ, олицетворенный въ образѣ русскаго образованнаго человѣка, мнѣ вовсе не годился уже потому что таковой не могъ бы долгое время находиться въ заблужденіи относительно хитросплетеній той политической интриги которая имѣла видное мѣсто въ нашей жизни данной эпохи, не пошелъ бы ни на какія сдѣлки и не могъ бы поддаться вліяніямъ враждебнымъ своему народу настолько чтобы не порвать съ ними сразу, при первомъ же обнаружившемся противорѣчій дѣла съ идеей, при первой фальши. Для сильныхъ умовъ и характеровъ въ такихъ обстоятельствахъ не существуетъ никакихъ сомнѣній и колебаній: они ясно понимаютъ въ чемъ дѣло, и потому сразу и твердо становятся въ опредѣленное положеніе въ томъ или другомъ лагерѣ. Такъ точно и въ данную эпоху сильные умы и характеры стояли въ совершенно опредѣленномъ правдивномъ и политическомъ положеніи еще въ тѣ дни когда громадное большинство такъ называемаго „образованнаго“ общества лутало и луталось въ туманномъ лабиринтѣ предвзятыхъ вѣншиимъ образомъ идей и напускныхъ симпатій, пока-то наконецъ не грянулъ отрезвляющій громъ, который заставилъ прозрѣть это большинство, очень мѣтко названное Поляками „панурговымъ стадомъ“. Мой Хвалынцевъ есть именно выразитель этого самаго большинства русскаго „образованнаго“ общества той эпохи. Онъ представитель *шаткости* и *слабости* этого общества, то-есть тѣхъ именно его качествъ при отсутствіи которыхъ было бы не мыслимо ни наше русское броженіе, ни польскія событія начала шестидесятыхъ годовъ. На немъ-то я и думалъ показатъ какимъ образомъ податливые, хотя и совершенно честные русскіе люди вербовались въ панургово стадо сочувственниковъ и пособниковъ дѣлу совершенно для нихъ чуждому и враждебному, и что наконецъ ихъ отрезвляло, заставляя возвращаться на свою родную почву, то-есть

становиться людьми вѣрными своему народу, своей землѣ, своему русскому государственному дѣлу, русскимъ преданіямъ и задачамъ. Для этой цѣли мнѣ нужно было провести такого человѣка чрезъ всѣ перипетіи этой политической азартной игры, бросить его въ водоворотъ главнѣйшихъ общественныхъ и политическихъ событій эпохи, сначала въ водоворотъ жизни нашей провинціальной, затѣмъ петербургской и наконецъ литовской и варшавской; мнѣ надо было показать на немъ какимъ образомъ впечатлѣнія этихъ событій, ложась ему на душу, постепенно производили въ немъ свое отрезвляющее дѣйствіе, а для такой цѣли, повторяю, мнѣ нуженъ былъ никакъ не *герой*, не сильный самостоятельный характеръ, не сильный самостоятельный умъ, а просто себѣ обыкновенный и достаточно податливый русскій человѣкъ съ добрымъ, увлекающимся сердцемъ и честными инстинктами. Такого я и вывелъ въ лицѣ Хвалынцева, отнюдь не дѣлая изъ него ни главнаго, ни просто героя въ обыкновенномъ романическомъ смыслѣ.“

Въ изображеніи Хвалынцева г. Крестовскій обнаружилъ значительную зрѣлость психологическаго анализа, и въ этомъ отношеніи новый романъ его много выше *Петербургскихъ Труднобъ*. Внутренній процессъ переживаемый Хвалынцевымъ, исторія его увлеченій и его отрезвленія представляютъ много правды, реальности; это до извѣстной степени тотъ самый процессъ чрезъ который прошла въ шестидесятыхъ годахъ значительная масса русскаго образованнаго общества.

За этимъ какъ бы подставнымъ героемъ романической хроники невольно ищешь ея дѣйствительнаго героя. Авторъ въ вышеприведенныхъ строкахъ предисловія указалъ намъ его. Герой этотъ—время изображенное въ романѣ, или другими словами—нравственная и политическая смута пережитая русскимъ обществомъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Здѣсь дѣйствительно главная задача и внутренній центръ произведенія.

Что же это за время?

Приведемъ собственныя слова автора: „Дикости въ проявленіяхъ жизни общественной, разногласіе во всѣхъ сферахъ общества, фанфаронство общимъ и народнымъ дѣломъ, вопросительный знакъ значительной части дворянства предъ новымъ экономическимъ бытомъ, финансовый кризисъ, зловѣщая туча на окраинахъ, государственныя затрудненія, неуверенность, злорадство, апатія къ серіозному здравомыслящему дѣлу, непониманіе прямыхъ народныхъ интересовъ, под-

полная интрига и козни, наплывъ революціонныхъ прокламаций и брань, брань, одна повальная брань въ несчастной полунѣмотствующей литературѣ, и наконецъ, въ видѣ паллиативы, эта безумная и развратная оргія канкана—вотъ общая картина того положенія въ какомъ засталъ Россію 1862 годъ.

„И точно: это былъ какой-то сумбуръ, какая-то тяжелая, хмѣльная, чадная оргія.

„Но это было явленіе нормальное.

„Это было прямое и естественное слѣдствіе причинъ историческихъ...“

Въ этихъ строкахъ авторъ выразилъ свое отношеніе къ эпохѣ изображенной въ хроникѣ и приговоръ надъ движеніемъ начала шестидесятыхъ годовъ. Приговоръ строгій, и нѣтъ ничего удивительнаго если современная газетная критика встрѣтила романъ г. Крестовскаго съ нескрываемымъ раздраженіемъ. Она впервые нашла въ немъ полное и почти документальное повѣствованіе о событіяхъ и лицахъ долгое время считавшихся какъ бы неприкосновенными; и это повѣствованіе, въ документальной простотѣ своей, живо и правдиво отразило все неразуміе, всю пустоту и всѣ безобразія броженія, силившагося раздуться въ какое-то общественное движеніе. Для той части журналистики которая въ прекращеніи этого движенія видитъ дѣло реакціи, такое повѣствованіе не могло доставить особеннаго удовольствія.

Мы полагаемъ, однако, что объ отношеніяхъ автора *Крестовскаго* къ эпохѣ шестидесятыхъ годовъ надо судить не по вышеприведеннымъ строкамъ, резюмирующимъ хронику, а по ея объективному эпическому матеріалу, по художественной разработкѣ подробностей, отдѣльныхъ эпизодовъ, на которые распадается повѣствованіе, и въ которыхъ отразились различныя отдѣльно взятые стороны явленія. Если эти детали воспроизведены вѣрно, авторъ можетъ быть освобожденъ отъ отвѣтственности за общее впечатлѣніе производимое книгой, за общіе и окончательные ея выводы. А именно въ этихъ деталяхъ, отразившихъ отдѣльныя стороны движенія шестидесятыхъ годовъ, хроника г. Крестовскаго представляется правдивою почти до документальности. Укажемъ для примѣра хоть на самыя первыя главы *Панургова Стада*, въ которыхъ описывается одинъ изъ „крестьянскихъ бунтовъ“, по мѣстамъ возникавшихъ въ 1861 году.

Что можетъ быть правдивѣе, „историчнѣе“ этого изображенія?

Кто помнитъ хорошо событія той эпохи, кому доводилось близко и внимательно вникать въ крестьянское дѣло, тотъ знаетъ что такимъ именно образомъ раждались и разыгрывались бунты и волненія того времени. Общее, повальное, роковое недоразумѣніе — вотъ подкладка всѣхъ безпорядочныхъ явленій ознаменовавшихъ эпоху нашего пресловутаго прогресса, и не въ однихъ только тѣсныхъ предѣлахъ крестьянской реформы. Недоразумѣніе чувствуется почти во всемъ томъ что пережило наше общество въ годину „новаго смутнаго времени“: оно выразилось во всѣхъ нашихъ увлеченіяхъ, оно было главнымъ двигателемъ всѣхъ нашихъ ошибокъ, промаховъ и преступленій. Авторъ *Кроваваго Пуфа* обнаруживъ этого тайнаго двигателя въ самомъ началѣ романа, не убираетъ его со сцены: двигатель этотъ присутствуетъ во все продолженіе драмы, онъ незримо переплетается нити повѣствованія, сидитъ въ душѣ дѣйствующихъ лицъ, руководитъ ихъ мыслью и дѣлами. Романъ могъ бы назваться „хроникой всесовершеннаго, общаго, великаго недоразумѣнія“, въ той же мѣрѣ какъ онъ названъ „хроникой новаго смутнаго времени государства Россійскаго“. Потому что таково дѣйствительно воззрѣніе автора на внутренній смыслъ изображаемыхъ имъ явленій: какъ бы ни былъ строгъ его приговоръ надъ этими явленіями, читатель неотразимо чувствуетъ что подъ ними, на какой-то таинственной глубинѣ, лежитъ „всесовершенное“ недоразумѣніе. Оно выражается и въ картечныхъ залпахъ по безоружной толпѣ крестьянъ, смутно ожидающихъ какой-то залповской воли, и въ оваціяхъ губернскаго общества ссыльному польскому графу, и въ нелѣпой выходкѣ гимназиста декламирующаго на публичномъ чтеніи цензурное стихотвореніе, и въ исковерканной жизни несчастныхъ героинь петербургской коммуны, и въ студенческихъ манифестаціяхъ, и въ нравственномъ блуданіи честныхъ и искреннихъ людей, которые, подобно Хвалынцеву, долго шли на встрѣчу миражу, пока не разсѣлось создавшее эти миражи недоразумѣніе.

Изобразить признаки умственной и нравственной дряблости владычющей образованною массою, представить цѣлое общество игрушкой повальнаго недоразумѣнія, мятущимся въ какомъ-то непостижимомъ угарѣ — значить, конечно, раскрыть

обществу самые тяжкіе его недуги, обнажить самыя злокачественныя его раны. Это именно та цѣль которую должна преслѣдовать художественная сатира, если она желаетъ подняться на уровень зрѣлости. Повѣряя вновь, съ этой точки зрѣнія, обширное произведеніе г. Крестовскаго, мы должны сказать что оно болѣе удовлетворяетъ задачамъ серіозной и зрѣлой сатиры, чѣмъ весьма многія эфемерныя порожденія текущей литературы, преслѣдующія завѣдомо сатирическія цѣли. Такъ именно и поняла это произведеніе европейская публика, имѣющая возможность познакомиться съ нимъ въ переводѣ на многіе языки, въ томъ числѣ даже на шведскій.

Этой общеою оцѣнкой двухъ послѣднихъ романовъ г. Крестовскаго — преимущественно со стороны ихъ общественной идеи — мы полагаемъ ограничить нашу задачу. Войти въ подробную литературную оцѣнку ихъ мы не будемъ: для этого пришлось бы возобновлять въ памяти читателя множество сценъ и эпизодовъ которые и безъ того вѣроятно не забыты. Но мы не можемъ не указать на тѣ признаки художественной зрѣлости которые обнаружилъ авторъ въ этихъ послѣднихъ произведеніяхъ, сравнительно съ своимъ первымъ большимъ романомъ. *Кривавый Пуфъ* отличается чрезвычайною простотою композиціи и отсутствіемъ тѣхъ внѣшнихъ эффектовъ которые значительно обременили *Петербургскія Трущобы*. Дѣйствительная жизнь очевидно раскрыла предъ авторомъ свое внутреннее содержаніе безъ всякаго ущерба внѣшнему интересу, отличающему все то что пишетъ г. Крестовскій. Дѣйствующія лица рисуются не одною внѣшнею, бытовою стороною своею, но являются почти вездѣ цѣльными, обдуманнѣшими и законченными *характерами*. Нельзя при этомъ не вспомнить, на примѣръ, Ардальона Полояркова, изображеннаго съ необычайнымъ мастерствомъ и правдой: этотъ несравненный, живой типъ едва ли не болѣе опредѣляетъ эпоху, чѣмъ всѣ остальные дѣйствующія лица романа. Нѣкоторыя сцены въ которыхъ дѣйствуетъ Полоярковъ по своей яркой художественности долго не забудутся: такова на примѣръ сцена гдѣ онъ продаетъ откупщику сочиненный на него ласквиль. Можно указать затѣмъ на прекрасно разказанную исторію литературнаго вечера въ губернскомъ городѣ, балъ у губернатора, студентскія ссоры и публичныя чтенія, манифестацію въ Колокольной улицѣ,

тайныя собранія у петербургскихъ членовъ ржондовой организаціи, картину общественнаго настроенія въ сѣверо-западномъ краѣ, характеристику Варшавы въ эпоху возстанія, ея политическія мистеріи и пр. Всѣ эти бойко, талантливо и вмѣстѣ такъ просто набросанныя сцены, овладѣвая воображеніемъ и мыслью читателя, уносятъ его цѣликомъ въ эпоху и производятъ такое полное и цѣльное впечатлѣніе, какого только можно ожидать отъ беллетристическаго произведенія.

А.

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ НОВОЙ ПОВѢСТИ

Въ усадьбѣ и на порядкѣ. Повѣсть П. Д. Бобарыкина. *Вѣстникъ Европы.* Январь, 1875.

Un état où les femmes ne sont point respectées est un état tombé en désuétude.

Rousseau.

Въ первой книжкѣ *Вѣстника Европы* нынѣшняго года помѣщена повѣсть г. Бобарыкина, подъ заглавіемъ: *Въ усадьбѣ и на порядкѣ.* Мы прочли ее безъ всякой предвзятой мысли, и готовы отдать полную справедливость дарованію и литературной опытности автора. Тѣмъ не менѣе она произвела на насъ тяжелое впечатлѣніе. Не съ литературной точки зрѣнія хотимъ мы ее разбирать, ибо не художественные задатки шевелитъ она въ сердцѣ. Мы хотимъ указать на ту, по меньшей мѣрѣ странную, нравственную теорію какаѣ служить подкладкою разказу. Въ прошломъ году рецензентъ *Русскаго Вѣстника* разбирая *Полѣзизни* г. Бобарыкина замѣтилъ очень вѣрно что героиня повѣсти, княгиня Кудласова, не русскій типъ, а типъ взятый цѣликомъ изъ парижской, а именно изъ Бальзаковской гостиной. Въ новомъ произведеніи г. Бобарыкина является послѣдователемъ французскихъ романистовъ по части придумыванія искусственныхъ, фальшивыхъ нравственныхъ положеній и мотивовъ, выдаваемого за разоблаченіе человѣческой

природы, но въ сущности представляющаго собою не болѣе какъ порожденіе ученій утонченнаго разврата.

Вотъ содержаніе повѣсти:

Двадцатилѣтній ея герой, князь Григорій Дмитриевичъ Шелонинъ, возвращается къ матери послѣ годовой разлуки съ нею. Княгиня живетъ въ деревнѣ, а мужъ ея, человѣкъ порочный и кутила, въ Петербургѣ. Онъ промотался давно и жена высылаетъ ему часть доходовъ съ своего собственнаго имѣнія. Молодой князь не могъ любить отца, но съ раннихъ лѣтъ онъ привязался къ матери всѣми силами горячаго сердца. Княгиня Шелонина была изъ тѣхъ свѣтлыхъ личностей предъ которыми каждый преклоняется невольно. Она посвятила себя исключительно дѣтямъ и жила ихъ жизнью. Чтобы сохранить имъ независимое состояніе, она шла бодро на хлопоты, на лишенія, и наконецъ на борьбу съ мужемъ. По изю всѣхъ ея дѣтей самый близкій къ ея сердцу былъ ея первенецъ, милый ея Grégoire. Что же касается до него, „онъ находилъ въ ней, говоритъ авторъ, свое пристанище, свой идеалъ друга и наставника“. Съ его ранняго дѣтства она слѣдила за нимъ какъ добрый геній и вѣдила къ нему каждое лѣто въ Гейдельбергъ, гдѣ онъ слушалъ университетскій курсъ. Когда Шелонинъ возмужалъ, она спасла его отъ житейскаго скептицизма нашего времени. Презрительный приговоръ которымъ его молодые товарищи клеймили женщинъ вообще не смущалъ его души: мать была въ его глазахъ живымъ опроверженіемъ ихъ теорій и наконецъ вѣра въ нее сдѣлалась основой всѣхъ другихъ его вѣрованій и честныхъ убѣжденій.

Сильно билось его сердце при мысли что онъ обниметъ ее наконецъ и не разстанется уже съ нею. Настала минута осуществить давно лелѣянные планы: молодой человѣкъ поступилъ на службу въ Петербургъ, куда переѣдетъ и княгиня съ двумя малолѣтними сыновьями и двадцатилѣтнею дочерью. Лидія или Люлю, какъ ее звали, была дюжинная и пошлая натура, и Шелонинъ не любилъ ея. Точно также лежала бездна между княгиней и дочерью: молодая дѣвушка оскорбляла постоянно нѣжныя чувства матери. Этими лицами не ограничивался семейный кружокъ: въ домѣ княгини жилъ сирота Поль Качковъ, юноша, почти еще мальчикъ.

Вечеръ. Нашъ герой бродитъ около усадьбы. Онъ только

Сегодня возвратился подъ родимый кровъ и казалось бы что радость свиданья съ матерью не успѣла еще остыть въ его сердцахъ, однако онъ грустенъ и словно камень давить его грудь. Молодой человѣкъ сознаетъ смутно что что-то измѣнилось въ заветномъ его мирѣ, въ любимой его Шелонихѣ. Здѣсь онъ въ первый разъ дышитъ какимъ-то чуждымъ ему воздухомъ и словно все стало ему чуждо; да, все, потому что мать все для него, а между нимъ и матерью происходитъ что-то еще небывалое, въ чемъ онъ не можетъ дать себѣ отчета, что-то такое странное и не ясное что не допускаетъ даже возможности объясненія. Въ сущности и объяснить-то нечего: между нимъ и матерью не было ни несприятностей, ни недоразумѣній, но Богъ знаетъ почему онъ чувствуетъ что ему не о чемъ съ нею говорить, не о чемъ ее расспрашивать, не на что отзываться, что какая-то невидимая бездна легла между ними, словомъ, что они стали чужды другъ другу. Но княгиня сошлась, наоборотъ, съ дочерью, а младшіе сыновья, которые были неразлучны съ матерью, удалены: они гостятъ у какихъ-то знакомыхъ. Куда ни взглянешь Шелонихъ, все измѣнилось для него и около него.

Послѣ тревожной ночи онъ встаетъ рано и идетъ въ цвѣтникъ. Туда же является Люлю, и вступаетъ съ братомъ въ длинное и дипломатическое объясненіе. Она ничего не договариваетъ, но онъ все понимаетъ. Люлю собирается выйти замужъ за М. Oreste, бывшего его товарища и пошляка, и надѣется что Grégoire, несмотря на свои несправедливыя предубѣжденія, приметъ его любезно когда М. Oreste прѣдетъ въ Шелониху. Княгиня помирилась также съ этимъ бракомъ: нельзя жить безъ обоюдныхъ уступокъ, и въ свою очередь Люлю старается не стѣснять матери.

— Вотъ, и изъ-за этого Поля, прибавляетъ она, нечего по моему волноваться.

— Зачѣмъ ты мнѣ это говоришь? тревожно и почти строго спросилъ братъ.

— Je te mets sur tes gardes.

— Но почему? уже съ краской на щекахъ перебилъ онъ.

— Mais parsequence... Вѣдь ты и вчера долженъ былъ замѣтить что маман ужасно имъ... увлечена... Не правда ли, она никогда не могла жить безъ какого-нибудь engouement... А теперь это то же engouement, sous forme d'un mioche... Ты пожалуй, продолжала она, — tout philosophe que tu es — способенъ en faire une question... и выйдетъ что-нибудь... quelque chose de très bête...

Она ушла, а ея слова долго еще звучали въ его ушахъ, и долго не могъ онъ придти въ себя. Но часъ завтрака насталъ, и Шелонинъ, не выдавшій еще матери, пошелъ въ столовую. Особенная изысканность въ нарядѣ княгини поразила его непріятно. Тутъ же за столомъ сидѣлъ Поль Качковъ, розовая и пошлая фигура, и подтрунивалъ надъ Люлю, которая выслушивала молча, но краснѣя отъ досады, плоскія его шутки, между тѣмъ какъ княгиня улыбалась двусмысленною улыбкой. Послѣ завтрака Качковъ попросилъ Люлю ему акомпанировать и ушелъ съ ней въ другую комнату. Мать и сынъ остались съ глазу на глазъ, но разговоръ не клеился. Княгиня все прислушивалась къ звукамъ вокализациі, которые доносились до столовой, заговорила наконецъ объ этомъ „мальчикѣ“, сынѣ ея бывшей пріятельницы, и радовалась что онъ развивается и обнаруживаетъ замѣчательныя музыкальныя способности.

„— Ты на меня не въ претензіи? спрашиваетъ она,— за то что твое пьянство стоитъ въ комнатѣ Поля... ты понимаешь, онъ долженъ постоянно экзерцироваться, а ты вѣдь только иногда любишь...“

„— Пожалуста, перебилъ онъ, и вдругъ спросилъ: — а гдѣ его комната?“

„Вопросъ былъ сдѣланъ обыкновеннымъ голосомъ, но слово „гдѣ“ особенно рѣзко выдѣлялось изъ этой фразы.“

„Лицо княгини мгновенно точно сжалось. Взглядъ сына упорно уставился на нее, онъ не могъ сдержать въ себѣ такого движенія глазъ.“

„— Поль въ кабинетѣ отца, отвѣтила княгиня оправившись, — ты вѣдь не любишь этой комнаты, Grégoire.“

„Изъ кабинета дверь въ уборную, промелькнуло въ головѣ сына, и въ виски его застучало...“

Не прошло часа, а въ душѣ Шелонина не оставалось уже ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ истины. Онъ вышелъ изъ дома нетвердыми шагами, и не сознавая самъ куда идетъ, добрался до села. Тутъ онъ вспомнилъ о другой женщинѣ, которую горячо любилъ, о своей кормилицѣ. Она умѣла внушить всѣмъ знающимъ ее глубокое къ себѣ уваженіе. Мужъ ея, Акимъ Фарафонтъевъ, былъ драчунъ и гуляка, а Устинья, несмотря на замѣчательную красоту, славилась строгостію своей жизни. Эта кроткая, честная, безотвѣтная женщина терпѣла горькую долю, но никогда не жаловалась. Всѣхъ своихъ дѣтей она схоронила, за исключеніемъ по-

слѣдняго, Елифана, парня лѣтъ восемнадцать. Крестьяне говорили что онъ придурковатъ, но мать не знала въ немъ души.

Устинья словно догадалась что молочный сынъ заглагнетъ къ ней въ этотъ день и принарядилась. Она была однихъ лѣтъ съ княгиней, но смотрѣла еще пригожею и не пожилою женщиной. Молодаго князя кормилица встрѣтила въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своей избы, и крѣпко его обняла.

Они сѣли на крылечкѣ, но строгая, спокойная Устинья казалась чѣмъ-то встревожена и заглядывала то и дѣло въ сѣни. Вдругъ показался Елифанъ.

„— Елишка, сказала она ему, — за водой бы сходилъ... Гдѣ Ваня?

„— Дрыхаетъ въ амшеникѣ, угрюмо и глухо отвѣчалъ Елифанъ.

„— Батракъ у насъ, пояснила Устинья Шелонину, и какъ-то странно повела губами, — тоже малолѣтокъ еще, не больше годовъ чѣмъ Елишъ... Дѣло молодое... вотъ поѣлъ онъ и на боковую...

„— Идти нешто? перебилъ ее сынъ берясь за коромысло.

„— Побуди Ваню, коли тебѣ самому не въ охоту, отозвалась Устинья...

„— Не пойду я...

„Съ потемнѣвшимъ лицомъ онъ схватилъ коромысло, взвалилъ его на плеча и двинулся неровною, тяжелою поступью къ колодезю.

„Устиньѣ было видимо неловко. Шелонинъ попросилъ пить: она ушла за квасомъ.

„— Вприво отъ крылечка, изъ-за плетня посылались голоса. Онъ прислушался.

„— Ваня, а Ваня, донесся до него голосъ Устиньи.

„Отвѣта не было.

„— Ваня! повторила Устинья откуда-то поглубже.

„— Чѣво? раздался отвѣтъ сонно и сердито.

„— Встань-ка... я одна, Елиша осерчалъ, за водой ушелъ.

„— Ека важность!

„— Встань, милый, еще тише и нѣжнѣй просила Устинья. — Баринъ у меня сидитъ на крылечкѣ, ждетъ; квасу испить хочетъ.

„— А ты дай-ка мнѣ хлебнуть.

„— Чтой ты? рай приходится?

„— Ладно, нацѣди еще.

„Устинья уходя изъ амшеника сказала съ подавленнымъ смѣхомъ:

„— Привередникъ же ты.. ровно прыщъ растянулся.

„Подавая квасъ Шелонину она объяснила ему что замѣшалась потому что темно на погребидѣ...”

Разговоръ завязался, но какъ-то принужденно. Вскорѣ Шелонинъ всталъ и на прощанье далъ кормилицѣ ассигнацію,

которую она приняла не такъ какъ прежде, а съ непріятною для него, слащавою улыбкой.

„И Устинья!“ повторялъ онъ возвращаясь домой.

Итакъ, въ одинъ сутки были поруганы и разбиты всѣ его вѣрованья, всѣ его идеалы. Семейная жизнь сдѣлалась для него невыносимою. Пошлый М. Oreste гостилъ въ Шелони-хѣ въ качествѣ жениха. Онъ сразу понялъ всѣ закулисныя тайны и придерживался какъ могъ системы обоюдныхъ уступокъ. Качковъ разыгрывалъ все болѣе и болѣе роль хозяина дома, и не разъ Шелонинъ блѣднѣлъ предъ его выходками и дѣлалъ неимоверныя усилія надъ собою чтобы не возвысить голоса. Положеніе нашего героя становилось съ каждымъ днемъ тягостнѣе и затянулось наконецъ въ настоящій Гордіевъ узелъ. Этотъ узелъ разрубилъ „придурковатый“ Елифанъ своимъ толпоромъ.

Въ одинъ вечеръ княгиня поѣхала со всѣми своими въ рошу, гдѣ Качковъ устроилъ пикникъ въ честь жениха. Семейный кружокъ былъ увеличенъ присутствіемъ посредника. Вдругъ прискакалъ гонецъ и объявилъ что у Фарафонтьевыхъ „не здорово.... Елишка убилъ ихняго батрака“.

Шелонинъ измѣнился въ лицѣ и поѣхалъ съ посредникомъ на село.

„Убилъ, безпрестанно повторялъ онъ про себя, убилъ... такъ и должно было случиться.“

Елифанъ указывалъ ему путь по которому слѣдовало идти.

Молодой князь видѣлъ связаннаго убійцу, видѣлъ трупъ съ разрубленною головою, и наконецъ Устинью обезумѣвшую отъ горя. Когда онъ вернулся домой подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ всей этой драмы и его встрѣтили опять дерзкій голосъ и дерзкія выходки Качкова, вся затаенная злоба закипѣла съ новою силой въ его душѣ. Въ его ушахъ все звучали слова произнесенныя Устиньей: „Елишка взмахнулъ толпоромъ и покончилъ“, и неразъ готовъ онъ былъ схватить за горло эту лошлую куклу и покончить.... Но бесвязныя мысли бродили въ его головѣ: онъ еще не рѣшился.

Послѣ безсонной ночи онъ всталъ съ восходомъ зари и пошелъ на село, въ надеждѣ переговорить наединѣ съ Устиньей: ему казалось почему-то что бесѣда съ ней положитъ конецъ его недоразумѣнью. Дѣйствительно онъ засталъ кормилицу одну и выслушалъ ея грустную исповѣдь.

„— Я жила двадцать шесть годовъ по Божьи, говорила Ус-

тинья, а тутъ взяла да и наплевала на все житье свое честное... Статочное ли дѣло, Гришенька?... А такъ оно вышло... А какъ вышло-то? Ты мнѣ, Гришенька, повѣришь, потому мнѣ и легко съ тобой... вотъ эти-то двадцать шесть годовъ когда я по честному-то жила и стали меня душмя душить.“

Она разказала какъ разъ, Великимъ Постомъ, мужъ хотѣлъ, спяща, ее прибить, а сынъ за нее заступился, что было не ново, однако съ того времени какое-то незнакомое чувство стало ее мутить, и что-то шептало ей постоянно что она погубила даромъ свою молодость и дѣвичью красоту. „И такъ-то меня можжить, такъ-то можжить“, говорила она.

А весной, словно на грѣхъ, привелъ ея мужъ батрака въ домъ, и приголубила его Устинья, „почла его жалѣть, жалѣла, жалѣла все, продолжала она, да не взвидѣлась какъ Ванька ужъ мной командовать почалъ, и я предъ нимъ ровно раба какая, Гришенька, пойми ты это: только въ головѣ и держу какъ бы ему чѣмъ ни есть угодить, дороже онъ мнѣ сталъ роднаго дѣтища... Елиша-то въ тотъ же часъ учуялъ... сердцемъ учуялъ, а не разумомъ... Знать Елишѣ горько было, знать горько... Елиша Ванькина духа терпѣть не могъ... боялась я денно и ночью какъ бы чего не вышло промежъ ребятъ, ну, а все не смертоубійство.“

Она горько плакала, горько винила себя въ совершившейся бѣдѣ и рѣшилась идти вмѣстѣ съ сыномъ въ Сибирь.

Бѣдная женщина замолчала и опустила голову. А Шелонинъ?

„Какое-то опять новое чувство признательности наполняло его въ эту минуту, говорить авторъ. Но онъ не могъ высказать кормилицѣ что она дала ему своею исповѣдью, отъ чего отвратила его руку, какъ озарила его пониманье.“

Онъ возвратился домой и сѣлъ подъ окно своей комнаты

„Къ переднему крыльцу кучеръ подвелъ верховую лошадь... Шелонину видна была эта фигура во всѣхъ ея выпуклостяхъ и задорныхъ краскахъ. Но ни одинъ нервъ не дрогнулъ въ лицѣ его... Мимо его окна прогарцовалъ какой-то юноша... Юношу этого звали Качковымъ...“

Примиреніе замѣнило въ сердцѣ Шелонина ненависть и злобу. Чтобы не быть помѣхой матери, онъ принимаетъ предложеніе ѣхать въ Ташкентъ, куда снаряжали ученую экспедицію, и оставляетъ Шелонику.

Но если исповѣдь Устиньи могла помирить Шелонина съ паденіемъ кормилицы, почему же помирила она его съ па-

деніемъ матери? Ни человѣческой разумъ, ни гражданскій судъ не подводятъ одноименныхъ поступковъ подъ одну мѣрку. Законъ караетъ преступленіе-соображаясь съ обстановкой при которой оно совершилось. Точно также дѣйствуютъ и общество, и частныя лица. Кому изъ насъ не случалось протянуть сочувственной руки ладшей женщины, между тѣмъ какъ мы отворачивались отъ другой? Почему до сихъ поръ окруженъ грустною поэзіей образъ „*Soeur Louise de la miséricorde*“, когда современники и потомство наложили неизгладимое клеймо на имена маркизы де-Монтеспанъ, де-Помпадуръ и другихъ? Что общаго между Шарлотой Кордѣ и маркизой де-Бригвилье? Давно ли совершеніе одного и того же дѣйствія подводитъ людей подъ одинъ и тотъ же уровень, и въ силу какой логики, спрашиваемъ мы опять, исповѣдь кормилицы помирила Шелонина съ паденіемъ матери? Отчаяніе бѣдной женщины, ея раскаяніе и любовь къ своему Елишѣ должны были вызвать понятное сочувствіе и состраданіе въ сердцѣ молодого князя, но этихъ чувствъ онъ не могъ перенести на княгиню, которая не высказывала ни любви къ нему, ни горя, ни раскаянія? Какое же сдѣлалъ онъ сближеніе между матерью и кормилицей?

Вопросъ разрѣшается очень просто. Исповѣдь Устиньи не есть исповѣдь отдѣльнаго лица, это въ нѣкоторомъ родѣ тезисъ защищаемый самимъ авторомъ, о неизбѣжности паденія женщины вообще. Въ этой-то неизбѣжности убѣдился Шелонинъ. Вотъ почему г. Бобарыкинъ говорить что его герой вернулся отъ Устиньи „озаренный и обезоруженный“.

Чѣмъ объясняется ея паденіе? Пьяный мужъ бросился на нее съ кулаками, и мы поняли бы вполне еслибы силы измѣнили ей послѣ двадцатилѣтняго безмолвнаго страданія и она погубила бы себя безумною выходкой, чтобы потѣшить заговорившія наконецъ въ сердцѣ ненависть и желаніе мести. Есть роковыя минуты когда отчаяніе овладѣваетъ такъ всецѣло человѣкомъ, что не допускаетъ даже возможности борьбы и подавляетъ въ сердцѣ все другія чувства. Въ такія минуты человѣкъ не принадлежитъ себѣ: онъ рабъ своего горя и повинуется ему какъ листъ оторванный отъ дерева повинуется бурѣ ломыкающей имъ. Могла бы и Устинья пройти черезъ такой искусъ, и какъ больной въ горячешномъ бреду оскорбляетъ безсознательно все что ему дорого, могла

бы и она, по ея же выраженію, „наплевать на все житье свое честное“. Но чѣмъ заплатилась бы она за порывъ безумья и забвенья? Мы полагаемъ что Устинья, по крайней мѣрѣ та Устинья которая, по словамъ автора, цѣлыхъ двадцать шесть лѣтъ выносила свое горе „съ незапятнаннымъ достоинствомъ“, и несмотря на красоту, окружавшую соблазнами ея молодость, „оставалась вѣрна своему немудрому идеалу“, мы полагаемъ что она не утѣшилась бы въ поруганіи своей чести, а оплакивала бы въ продолженіе всей жизни грѣхъ, за который никто не рѣшился бы бросить въ нее камнемъ.

Но не случилось ничего подобнаго. Устинья погубила себя не въ минуту безумнаго отчаянія: мы видимъ изъ ея разказа что между грубою выходкой пьянаго Акима и появленіемъ Вани протекло не мало времени. Чтѣ же одолѣло силу этой женщины? Глубокая, упорная, горячая любовь? Нѣтъ: Устинья пала безъ любви. Она сошла съ своей нравственной высоты не видѣвши еще Вани-батрака. Еще до встрѣчи съ нимъ она оплакивала „свою молодость и дѣвичью красу пропавшія даромъ“, и „ее душой душили эти-то двадцать шесть годовъ, когда она по честному-то жила“. Да, ея непорочность, честныя воспоминанія прошлаго сдѣлались для нея орудіями пытки, и сталъ ее мучить неотразимую силой не призракъ любимаго лица, а соблазнъ безличнаго порока. Тутъ и сынъ сталъ ей не милъ: „На Елишу-то я не гляжу, говоритъ она,—онъ ко мнѣ ластится, а я гоню его прочь...“ Голова ея идетъ уже кругомъ, уже не ясны ея мысли когда мужъ приводитъ въ домъ Ваню. Ваня или другой было равно для Устиньи, не Ваню полюбила она, а удовлетвореніе своихъ нечестныхъ помысловъ и нечистыхъ мечтаній. Она полюбила въ батракѣ наслажденія порока, и не предъ любовью, а исключительно предъ ними, наплевала на все житье свое честное.

По словамъ автора, въ исповѣди Устиньи сердце его героя чувало такую же исповѣдь другой женщины, связанной съ нимъ еще болѣе кровными узами. И Шелонинъ былъ правъ: кормилица и мать стояли на одномъ уровнѣ.

Еслибы въ началѣ повѣсти авторъ, ознакомивши читателя съ княгиней Шелониной, въ которой олицетворялъ идеалъ женской нравственности и чистоты, съ этою кроткою, изычною, чуткою женщиною, несшей почти цѣлую жизнь оковы пошлаго брака полнаго униженій всякаго рода, и оставшейся

несокрушимою, еслибъ авторъ, говоримъ мы, поставилъ вопросъ: допускаете ли вы для нея возможность паденія? Читатель вѣрившій въ идеалъ начерченный г. Бобарыкинымъ и въ женскую непорочность вообще, отвѣчалъ бы вѣроятно: трудно допустить чтобъ она пала, однако не абсолютно невозможно, но даже и въ паденіи своемъ такая женщина не утратитъ своего нравственного обаянія. Не дай ей Богъ встрѣтиться съ человѣкомъ который соотвѣтствовалъ бы ея внутреннему превосходству. Но если встрѣтитъ она его, какъ бы горячо онъ ни любилъ, не легко достанется она ему. Она сдастся лишь послѣ упорной, отчаянной, безвыходной борьбы. Не впадши еще въ ошибку она искупитъ уже ее горячими, кровавыми слезами. Страшную драмой будетъ окружено паденіе этой женщины: за каждую минуту счастья она заплатитъ горькимъ страданіемъ, она будетъ краснѣть ежечасно предъ собою и предъ другими, и призракъ сына будетъ ее преслѣдовать какъ призракъ Банко преслѣдовалъ Макбета. Даже и въ своемъ паденіи она будетъ стоять выше общаго уровня, потому что паденіе превратитъ праведницу въ мученицу.

При такихъ ли условіяхъ пала княгиня Шелопина? Несоизмеримо ли натиску страсти уступила она? Гдѣ идеалъ которому она пожертвовала всеѣмъ, или по крайней мѣрѣ человѣкъ который явился предъ ней подъ личиною этого идеала? Ужь не Качковъ ли вовлекъ ее въ тотъ волшебный міръ изъ котораго такъ труденъ исходъ? Ужь не онъ ли шепталъ ей слова страстнаго моленія? Чтò такое Качковъ? Румяная, сытая, лошлая кукла, дерзкій наглый мальчишка который пользуется благосклонностью княгини чтобы распоряжаться хозяйномъ въ ея домѣ, командовать ея людьми, вѣздить на ея лошадяхъ и наѣдаться простоквашей и земляникой со сливками. Онъ изъ числа тѣхъ людей которыхъ приличныя женщины не впускаютъ къ себѣ. Какъ зазнавшійся холопъ онъ дерзокъ и грубъ съ княгиней, не стѣсняясь присутствіемъ кого бы то ни было, и выдаетъ то и дѣло тайну ихъ отношеній. Когда Шелопинъ, узнавъ объ убійствѣ, увѣжаетъ съ посредникомъ, княгиня, понимая смутно что драма совершившаяся „на порядкѣ“ можетъ отозваться и въ „усадебѣ“, смущена и встревожена. Всеѣмъ становится неловко: Люлю молчитъ, М. Oreste старается напрасно поддержать разго-

воръ, а Качковъ съ постояннымъ аллетитомъ и несокрушимымъ тупоуміемъ пьетъ аккуратно чай. Наконецъ княгиня произноситъ испуганнымъ голосомъ:

„— А Grégoire все нѣтъ!

„— Ахъ полноте, княгиня, восклицаетъ онъ,—вы тормозитесь точно князь малолѣтній: Grégoire, Гриша... вѣдь онъ въ профессора готовится.“

Когда же опасаясь какой-нибудь вспышки со стороны сына, она умоляетъ Качкова наблюдать за собой:

„Все это вздоръ!“ отвѣчаетъ онъ съ неподражаемою деликатностію.

На какое же нравственное ея влеченіе могъ онъ отозваться, до какой нѣжной струны ея сердца умѣлъ онъ дотронуться? Неужели можно предположить что эта „чуткая, изящная“ женская природа нашла какой-нибудь отголосокъ въ природѣ этого мальчишки, котораго авторъ старался выказать во всей его грубости и пошлости? Нѣтъ, княгиня полюбила въ немъ то именно что Устинья полюбила въ Ванѣ: предлогъ къ паденью, и желаніе отвѣдать запрещеннаго плода. Она постигла, по французскому выраженію, *le charme qu'il y a à se donner le luxe d'un amant*, и отдалась Качкову какъ отдалась бы всякому другому. Въ этихъ случаяхъ личность не играетъ никакой роли, и дѣйствительно трудно допустить что женщина не устоявшая противъ Качкова, устояла бы противъ кого-нибудь.

Нашла ли она въ своемъ паденьи поводъ къ страданью? Не нашла, и пайти не могла. Точно также какъ Устинью ее „душило“ честное ея житіе, она ждала лишь случая сбросить съ себя тягостное иго, и Качковъ удовлетворяетъ вполнѣ всѣмъ ея влеченіямъ. Она дышитъ съ такою полнотою своимъ грязнымъ счастіемъ что оно заглушаетъ въ ней всѣ заветныя когда-то чувства. Она не краснѣетъ ни предъ прислугой, ни предъ дѣтьми, угощаетъ безпрестанно сына разказами о своемъ Полѣ, и если конфузится иногда предъ немного рѣзкимъ движеніемъ или словомъ Шелонина, то оправляется мгновенно отъ своего смущенія и продолжаетъ прерванную рѣчь. Этотъ сынъ такъ долго, такъ нѣжно, съ такимъ самоотверженіемъ любимый, проходитъ чрезъ неслыханныя страданія, блѣднѣетъ и худѣетъ, но мать даже этого не замѣчаетъ: она стала равнодушна къ нему. Мало того: когда онъ ей объявляетъ что ѣдетъ въ азіатскія степи

вмѣсто того чтобы поселиться съ нею въ Петербургѣ, она не можетъ скрыть своей радости. Шелонинъ внушаетъ ей невольное чувство страха: она вздохнетъ свободно, проведивъ его, и будетъ наслаждаться мыслью что наконецъ-то и ей удастся патѣнниться вдоволь.

И что же въ итогѣ? Нѣкоторые антропологи утверждаютъ что образованность несовмѣстна съ черною породой, и что даже при счастливѣйшей обстановкѣ рано или поздно животная грубость расы беретъ свое. Какъ образованность согласна такому воззрѣнію несовмѣстна съ натурою негра, такъ повидимому по теоріи г. Бобарыкина чистота несовмѣстна съ природой женскою. Основываясь на примѣрахъ Устиньи и княгини Шелониной, не въ правѣ ли мы, въ самомъ дѣлѣ, заключить что насколько бы женщина ни стояла выше общаго уровня, она все-таки не способна сохранить своей непорочности, потому что настанетъ минута когда эта непорочность будетъ ее „душить“ и обратится въ невыносимыя вируги. Не ясно ли доказываютъ намъ героини повѣсти что честная молодость не даетъ права разчитывать на свѣтлую старость, потому что разовьется рано или поздно никогда не вымирающій въ сердцѣ женщины зародышъ лошлаго разврата? Развратъ необходимый элементъ ея природы; ей нѣтъ изъ него исхода, и такъ же безразсудно обвинять ее въ безправственности какъ безразсудно обвинять черную расу въ невозможности усвоить себѣ привычки бѣлой.

Литераторъ ласкаетъ себя обыкновенно мыслию что онъ достигъ цѣли которую поставилъ себѣ, и что читатели усвоили его убѣжденія и воззрѣнія. Допустимъ и мы что цѣль г. Бобарыкина вполне достигнута, что публика приняла его теорію какъ непреложный законъ, что каждый изъ ея членовъ, „озаренный“ какъ и герой повѣсти, взглянувъ на честную мать, сестру или дочь, скажетъ про себя: прошлое не порука за будущее; придетъ время когда и *ее* будетъ душить воспоминаніе честной жизни,—и помирится впередъ съ необходимостію ея паденія. Но куда же приведетъ дорога освѣщенная блескомъ такой теоріи? На этотъ вопросъ самъ авторъ дастъ намъ отвѣтъ:

Когда Шелонинъ мирится съ униженіемъ матери, авторъ прибавляетъ: „еще два-три такихъ примиренія и жизнь предстанетъ съ холоднымъ саваномъ въ рукахъ, указывая впереди на безстрастный, суровый долгъ.... на обязательное

существованіе среди могилъ, гдѣ зарыты, одни за другими, все упованія молодого сердца“.

Неужели къ этой завидной цѣли желаетъ г. Бобарыкинъ привести общество? По крайней мѣрѣ изъ его теорій другаго исхода не видится. Достойно замѣчанія что такая пропаганда ученія объ обязательномъ для женщинъ развратѣ находитъ себѣ мѣсто въ журналѣ повидимому съ такимъ жаромъ отстаивающемъ такъ-называемыя женскія права. Какіа? Несмотря на всевозможныя системы женщина можетъ обойтись безъ права на адвокатуру и хирургию, но есть у нея иное, священное право, которое у нея оспариваютъ ея же непрошенныя защитники. Мы говоримъ о ея правѣ сказать мужу, брату, сыну: „совѣтъ моя чиста, я требую твоего уваженія какъ законной дани, и вѣра твоя въ меня будетъ тебѣ оплотомъ противъ циническаго скептицизма разврата“. А общество? Въ чемъ заключается его нравственная сила? Въ женщинахъ-хирургахъ или юристахъ? Нѣтъ, въ уваженіи къ женщинамъ, въ сознаніи каждаго изъ его членовъ что онъ стоитъ на нравственной почвѣ уготованной для него матерью, и что ту же почву избранная имъ жена уготовить въ свою очередь его сыну. Смѣемъ думать что наше общество не такъ легко поддастся на растлѣвающія и далеко не новыя теоріи подобныя указанной и не забудетъ слова Руссо: *un état où les femmes ne sont point respectées est un état tombé en désuétude.*

Т. Н.

ВЪ КОНТОРѢ

ТИПОГРАФІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ГРЕЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА, изданіе 2е Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

КАЛЕНДАРЬ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ на 1869—70 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

То же на 1870—71 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

То же на 1871—72 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

То же на 1872—73 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 к., съ перес. 1 руб.

ЧТЕНІЯ ИЗЪ ПСАЛТЫРЯ И ПРОРОЧЕСКИХЪ КНИГЪ ВѢТХАГО ЗАВѢТА. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 50 к., съ перес. 70 к.

ГРЕЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ НА ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ МАТФЕЯ, для воспитанниковъ IV класса. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 35 к., съ перес. 50 коп.

РУССКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ ДЛЯ УЧЕНИКОВЪ ДВУХЪ НИЖШИХЪ КЛАССОВЪ. Изд. Лицея Цес. Николая. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

ЛАТИНСКАЯ ЭТИМОЛОГІЯ ВЪ СОЕДИНЕНИИ СЪ РУССКОЮ. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

КАКЪ УСТАНОВИЛОСЬ ЕДИНОДЕРЖАВІЕ ПЕТРА

УЧАСТІЕ СТРЕЛЬЦОВЪ ВЪ УМЫСЛѢ РАСКОЛЬНИКОВЪ ПРОТИВЪ ЦЕРКВИ.—КАЗНЬ КНЯЗЕЙ ХОВАНСКИХЪ.—ИЗСЛѢДОВАНІЕ ДѢЛА ШАКЛОВИТАГО.—КНЯЗЬ В. А. ГОЛИЦЫНЪ.

I.

Смѣлый замыселъ, при общемъ разстройствѣ вслѣдствіе стрѣleckаго бунта, уничтожить всѣ Никоновы исправленія и привести всѣ церковныя дѣла въ первобытное положеніе, какъ они были до царя Алексѣя Михайловича, грозилъ великимъ смущеніемъ не только въ церкви, но и въ государствѣ.

Кому же принадлежитъ этотъ замыселъ? Кто былъ начинщикомъ?

Выслушаемъ сперва свидѣтелей:

Матвѣевъ: „Тогда же (послѣ перваго бунта) объявились въ стрѣльцахъ многіе раскольники. Получа своему зломыслию удобное время, начали совѣтовать, какъ бы имъ расколъ свой пока вновь утвердить, и православную церковь, ихъ еретицеству противную, разорить и правотѣрныхъ любить, того ради избрали они себѣ предводителемъ, князя Хованскаго и въ ту же злополучную пору явившагося Никиту раскола, прозваніемъ пустосвята, и чернцовъ неучевъ, бродягъ и пьяницъ...” *

* Матвѣевъ у Сахарова; стр. 38; Туманскій, т. I, стр. 177.

Въ извѣстительныхъ и призывныхъ грамотахъ изъ Троицкаго монастыря было писано: „а послѣ того (послѣ московскихъ смятеній) онъ же князь Иванъ Хованскій ратовалъ на святую соборную церковь, соединяя съ проклятыми раскольниками, съ Никитою Пустосвятомъ и единоплемениками его, приходили для возмущенія народовъ въ Кремль“ и пр.

Въ приговоръ: „Ты же, князь Иванъ, со единомысленниками твоими, присовокупя къ себѣ проклятыхъ раскольниковъ, Никиту Пустосвята съ товарищи, ратовали на святую церковь; и тѣ раскольники по твоему согласію, надѣясь на тебя, приходили для возмущенія народовъ въ Кремль большимъ собраніемъ... для задору къ кровопролитію... а ты тѣхъ воровъ и мятежниковъ церкви святыхъ и всего государства отъ казни оберегалъ“ * и пр.

Медвѣдевъ. „7190 года видяще стрѣleckую дерзость во всемъ и смущеніе въ государствѣ, враги святыхъ церкви и раскольники, нарицаемые калитоны, начаша на святую церковь ратовати, народъ простой возмущать.... Помогаше же въ то время тѣмъ раскольникамъ бывшій въ Стрѣleckомъ приказѣ бояринъ князь Иванъ Андреевичъ Хованскій.“ **

Итакъ, Медвѣдевъ приписываетъ починъ раскольникамъ, Матвѣевъ стрѣльцамъ, официальные документы князю Хованскому.

Есть еще свидѣтель со стороны раскольниковъ, Савва Романовъ, который принималъ самъ дѣятельное участіе въ ихъ дѣйствіяхъ и описалъ оныя. Онъ приписывалъ начало стрѣльцамъ. „Въ 190 году, мая въ 15й день, по смерти государя царя Θεодора Алексѣевича, бысть чудо преславно (!) поущенія святаго Бога, возсташа служивые люди на бояръ и убиша князя Ю. Долгорукова съ товарищи. А послѣ того смятенія въ 3й день бысть промежь ими дума и совѣтъ заедино что въ ..... Москвѣ, старую православную вѣру возобновити“ и пр. ***

Раземотримъ эти три показанія.

Прежде замѣтимъ вообще что современнымъ свидѣтелямъ не достаетъ въ этомъ случаѣ необходимой точности. Начало

* У Сахарова, с. 67.

** Тамъ же, с. 18.

*** *Изътописи Русской Литературы и Древности*, т. V, с. 112.

смѣшивается съ продолженіемъ. Стрѣльцы, раскольники и князь Хованскій участвовали равно въ происшествіи, и имена ихъ употребляются безъ строгаго различія кому что и когда принадлежить; одни официальные документы, по особымъ причинамъ, приписываютъ начало именно князю Хованскому.

Будемъ говорить прежде о стрѣльцахъ.

Стрѣльцы въ попыткѣ раскольниковъ принимали участіе, кажется, болѣе страдательное, чѣмъ дѣйствительное и были слабыми орудіями посторонняго внушенія. Намѣреваясь якобы возстановить „древнюю православную вѣру“, они не могли найти у себя человѣка который былъ бы въ состояніи написать челобитную и потомъ держать отвѣтъ патріарху и властямъ; они не знали даже къ кому обратиться и должны были просить одного чернослободца выручить ихъ изъ затруднительнаго положенія.

Большинство стрѣльцовъ не отличалось грамотностію. Когда сочинена была челобитная царямъ о возвращеніи къ старому благочестію, то въ собраніи стрѣльцовъ не нашлось даже кому прочесть ее для прочихъ. „Сотенный (Михайло Артемьевъ) неискусенъ божественному писанію, чтетъ и рѣчь съ рѣчью не раздѣляетъ и туло гораздо, невнятно отъ него глаголемое. Они же (стрѣльцы) перестать ему велѣли, много искавши, и нѣсть такого человѣка, и принудили ту Савву чести.“ *

Точно такъ и послѣ, когда челобитная была отослана въ указы, требовался тотъ же Савва, „попече по приказамъ некому челобитныя честь“.

„Услышавъ чтеніе, удивися, мы де во дѣхъ своихъ не слышали такового слога, и толка описанія ересей въ новыхъ книгахъ.“ Спрашивается, объ чемъ же стрѣльцы сами-то хотѣли писать челобитную, если въ написанной другими для нихъ оказались новости, совершенно имъ неизвѣстныя, приведшія ихъ въ удивленіе?

Когда стрѣльцамъ предложена была челобитная для подписи, половина ихъ отказывалась: „намъ де за что прикладывать? Мы де отвѣчать противъ челобитной не умѣемъ и какъ руки приложить, такъ и отвѣтъ давать противъ патріарха и властей. А старцамъ умѣть ли противу такова собора отвѣтъ

* Тамъ же, т. V, стр. 113.

дать? А они смутивъ да уйдутъ. А все то дѣло не наше, сіе дѣло патріаршее.“ * Замѣтимъ слово *смутивъ*, которое также показываетъ что стрѣльцы не слишкомъ понимали сущность дѣла. „Мы и безъ рукъ рады тутъ быть, да стоять за православную вѣру и смотрѣть правду, а по старому де не дадимъ жечь, да мучить“.

Царевнѣ Софіи не стоило большого труда послѣ пренія уговорить выборныхъ, а потомъ и рядовыхъ стрѣльцовъ, деньгами, угощеніями и ласками, чтобъ они отказались отъ участія въ церковныхъ распряхъ. „Они же служивые злѣ соединившеся да и повинныя принесли за руками, что до того дѣла намъ нѣтъ, и впредь не вчинять“. **

Мало того, стрѣльцы, посланные сто человекъ, перехватили старцевъ и привели на патріаршій дворъ и посадили порознь. Никитѣ Пустосвяту отсѣчена была голова, а прочіе разосланы по монастырямъ въ заточеніе.

И Матвѣевъ свидѣтельствовалъ что по отшествіи царевны и царицы изъ Грановитой Палаты, „прочіе стрѣльцы“ не имѣвшіе раскола, „познавъ самую неправду раскольниковъ, выслали ихъ изъ Кремля тотчасъ, и съ той поры они, стрѣльцы, свою братью почали отъ раскола того по малу усмирять. Прочіе же стрѣльцы подѣ совѣстію своею и не хотя умолкнули, безпомощные остася.“ ***

Всѣ эти свидѣтельства достаточно показываютъ что стрѣльцы, то-есть большинство, не имѣли понятія о церковныхъ дѣлахъ, не принимали слишкомъ къ сердцу происшедшихъ измѣненій въ богослужебныхъ книгахъ, а просто повѣрили постороннимъ внушеніямъ что церковь подвергается опасности, и вызвались защищать ее, какъ защищали царскій домъ 15го мая.

Савва Романовъ, свидѣтель вполне достовѣрный во всемъ что касается до самаго событія, какъ оно обнаружилось, очень подозрителенъ въ описаніи его начала между стрѣльцами. Вотъ какъ описываетъ онъ начало: „Въ 109 году мая въ 15й день, по смерти царя Θεодора Алексѣевича бысть чудо преславно (?), возсташа служивые люди на бояръ и убиша... а послѣ того смятенія на третій день, бысть про-

* Тамъ же, стр. 120.

** Тамъ же, стр. 148.

*** Сахаровъ, стр. 49.

межь ими (?) дума и совѣтъ за едино... старую православную вѣру возобновити... и поискавши у себя таковыхъ людей чтобъ кто умѣлъ челобитную сложить и отвѣтъ дать патріарху и властямъ и не обрѣташеся въ нихъ такова человѣка... и призываша единого отъ чернослободцевъ."

Калашниковъ повѣдалъ своимъ знакомымъ Н. Баркову, И. Курбатову и Саввѣ Романову. На общемъ совѣщаніи они рѣшились поручить сочиненіе челобитной иноку своему Сергію. Всѣ вмѣстѣ потомъ они сочинили челобитную, и извѣстили Калашникова, а тотъ пятисотнаго *Ивана*. „Онъ же Иванъ, слышавъ, радъ бысть о семъ: взявъ съ собой двухъ стрѣльцовъ, *Никиту Юрьева Колму* да *Авдѣя Артемьева* пятидесятника“, пошли къ сочинителямъ и прослушали челобитную. „Пятисотный же Иванъ и сотенный Михайло Артемьевъ... послаша деньщиковъ по слободамъ“ и пр.

Вотъ только пять собственныхъ стрѣleckихъ именъ которыхъ упомянуты въ началѣ описанія, да и тѣ въ продолженіи позабылись и пропали. Въ приговорахъ называется еще стрѣлецъ Юдинъ Алексѣй.

Спрашивается, есть ли какое вѣроятіе полагать, чтобы два, три человѣка, или пятеро, не увѣренные въ дѣлательномъ участіи большинства, могли рѣшиться на такое важное дѣло, о которомъ ничего сами написать, а послѣ и прочесть написаннаго не умѣли? Они не могли ничего сдѣлать, какъ только посоветоваться съ какимъ-то чернослободцемъ, а тотъ съ своими знакомыми, которые уже отыскали наконецъ отца Сергія. Какая длинная процедура, исполненная случайностей!

„И возвѣстиша о семъ боярину князю И. А. Хованскому. Онъ же радостенъ былъ о семъ зѣло.“

Какъ могли они идти къ князю Хованскому съ извѣстіемъ о своемъ намѣреніи, не бывъ увѣрены заблаговременно въ его согласіи и содѣйствіи?

Какимъ образомъ могъ Сергій, только-что написавшій челобитную, по неожиданной якобы просьбѣ стрѣльцовъ, сдѣлаться вдругъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ и требовать торжественнаго пренія безъ совѣщанія съ своими единомышленниками, изъ которыхъ никого еще и не видать было?

И все это происходило между стрѣльцами на третій день ихъ бунта, когда городъ былъ въ совершенной тревогѣ, когда

стрѣльцы, равно какъ и правительство новое, ни о чемъ думать не могли, кромѣ текущихъ своихъ дѣлъ.

Все это такія странныя явленія, которыхъ никакимъ образомъ объяснить и допустить нельзя, вѣдѣствіе чего свидѣтельство Саввы Романова должно счесть невѣрнымъ, съ умысломъ или безъ умысла.

Обращаемся къ князю Хованскому.

Князь Хованскій былъ преданъ ученію первыхъ ревнителей: знаменитый Аввакумъ живалъ у него, равно какъ и другіе изъ ихъ единомышленниковъ. „Содержалъ же онъ“, говоритъ Матвѣевъ, „старый князь Хованскій тайно у себя калитойскаго еретическаго раскола старыхъ раскольниковъ Аввакума, бывшаго протопопа Казанскаго собора Пресвятой Богородицы, чѣмъ въ Китаѣ-городѣ [Москвы, и сообщниковъ его раскола, такихъ же раскольниковъ которые уже за тотъ свой расколъ и ересь давно прокляты отъ Восточныхъ святыхъ церкви, и въ Пусто-озерскій острогъ въ земляныя тюрьмы заточены, и потомъ за великія на царскій домъ хулы сожжены были“.*

Савва Романовъ свидѣтельствуетъ что Хованскій, принимая отца Сергія сказалъ: „Азъ и самъ грѣшный вельми желаю чтобы по старому было во святыхъ церквахъ единогласно и немятежно. Аще, рече, и грѣшенъ, но неизмѣнно держу старое благочестіе и чту по старымъ святымъ книгамъ и всеобщаю себѣ на лицѣ своемъ крестное знаменіе двѣма персты.“ „И нача чести символъ православныя вѣры:“ „и въ Духа Святаго Господа истиннаго и животворящаго.“ И рече: „такъ вѣрую, тако проповѣдую и молю въ Троицѣ славимаго Бога о семъ, дабы умилосердился о народѣ христіанскомъ, и не далъ бы въ конецъ погибнути душамъ христіанскимъ отъ нынѣшнія новыя Никоновы вѣры“. И много изрекъ отъ божественныхъ писаній.**

Живое, дѣятельное участіе князя Хованскаго въ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ раскольниковъ очевидно какъ по извѣстіямъ Романова, такъ и по свидѣтельствамъ Матвѣева и Медвѣдева:

Онъ является главнымъ посредникомъ между раскольни-

* У Сахарова, стр. 38.

** Ср. с. 115.

ками и правительствомъ, старается сколько отъ него зависѣло помогать имъ, желаетъ доставить имъ побѣду,—и только.

Въ описаніи Саввы Романова онъ представляется даже какъ бы впервые освѣдомленнымъ о принятомъ намѣреніи подать царямъ челобитную, только тогда когда ему донесено было стрѣльцами. Такъ точно и изъ послѣдующаго разказа показывается что онъ по указанію только стрѣльцовъ, теперь, познакомился съ отцомъ Сергіемъ, и также слышалъ отъ нихъ имя Никиты, какъ бойца способнаго состязаться. *

Положимъ, что этимъ показаніямъ довѣряться нельзя, что они сочинены для закрытія дѣйствительныхъ подступовъ къ дѣлу, но вообще мудрено предположить чтобы Хованскій, не утвердившись еще на своемъ мѣстѣ, могъ затѣять новое столь важное дѣло, исходъ котораго былъ не вѣренъ, и когда же? Лишь только былъ назначенъ начальникомъ Стрѣлецкаго приказа, и среди приготовленій къ царскому вѣчанію.

Самая организація дѣла указываетъ не на лицо, а на общество, и общество книжное, то-есть раскольниковъ, къ которымъ теперь и обращаемся.

Дѣло принадлежитъ имъ въ самомъ началѣ, и мы должны принять буквально свидѣтельство Медвѣдева, хотя мимоходомъ, безъ особеннаго намѣренія, имъ представленное. **

Ударъ былъ вѣроятно задуманъ и подготовленъ передовыми людьми изъ раскольниковъ.

Никому кромѣ раскольниковъ не могла придти въ голову мысль о представленіи царямъ челобитной: стрѣльцы не знали о чемъ и просить, какъ мы видѣли выше, и удивились когда слышали какія ереси попали въ богослужебныя книги.

Никто кромѣ общества раскольниковъ не могъ предложить всенароднаго разсужденія о вѣрѣ.

Видя разстройство и замѣшательство въ правительствѣ, и всю силу въ рукахъ у стрѣльцовъ, они рѣшились воспользоваться благоприятными обстоятельствами для исполненія пламенныхъ своихъ желаній и приступили немедленно къ дѣйствию.

Придумали сочинить челобитную и вытребовать торжественное всенародное преніе о церковныхъ вопросахъ, въ

* Ср. т. 114 и 115.

** Медвѣдевъ, у Сахарова, с. 17.

которыхъ увѣрены были одержать побѣду при извѣстной слабости патріарха.

Въ локровительствѣ князя Хованскаго они были увѣрены, ибо онъ издавна былъ съ ними въ тѣсной связи и разделялъ ихъ убѣжденія, какъ Соковнинъ и его сестры, Урусова и Морозова, и многіе другіе.

Требованія свои предъявили они нарочно среди придворныхъ приготовленій къ царскому вѣчанію чтобы напасть на правительство врасплохъ.

Между тѣмъ они начали ходить по улицамъ, какъ свидѣтельствуетъ Матвѣевъ, и проповѣдывать свое ученіе. **

„Начальствующие же бѣ въ нихъ; за той же расколъ прежде изверженный, и потомъ обѣщавшійся того не творити бывший полъ Никита Пустосвятъ-Суздалецъ.“

Его и видимъ мы на сценѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, какъ на совѣщаніяхъ, такъ и на словопреніи.

Ему одному и голова отсѣчена, а прочіе пятеро подверглись только заточенію.

Хованскій оставался въ сторонѣ, какъ будто ничего не зналъ, и все происходило мимо его, и между тѣмъ дѣйствовалъ подъ рукою чрезъ своихъ агентовъ, изъ которыхъ главнымъ былъ, кажется, Алексѣй Юдинъ, выборный Воробьина приказа.

Изъ сказанія Романова видно что онъ на первомъ частномъ совѣщаніи у патріарха былъ какъ бы представителемъ стрѣльцовъ и началъ бесѣду съ патріархомъ. ***

Въ приговорѣ сказано: по злохитростному умысленію князя Ивана и сына его.... и единомышленниковъ ихъ воровъ и раскольниковъ святыя церкви и ругателей Алешки Юдина съ товарищами.... учинилось великое смятеніе.

И въ нынѣшнемъ 191 году, сентемвря въ 17мъ числѣ.... Князь Иванъ и сынъ его.... и Алешка Юдинъ съ товарищи за то ихъ многое воровство казнимы смертію. ****

Дѣйствіе подъ рукою было впрочемъ и съ другой стороны, такъ что изъ нѣкоторыхъ выраженій Романова можно замѣ-

* У Туманскаго, т. I, с. 177.

** У Тихомирова, стр. 122.

*** Тамъ же, стр. 206.

чать что и патріархъ, а слѣдовательно и правительство знали о приготовленіяхъ и принимали свои мѣры.

„Видѣвъ въ Титовскомъ полку благоразумніи людіе“, говоритъ Савва Романовъ, „яко по улещению патріарха не бысть въ иныхъ полкахъ согласія о правовѣріи, совѣтъ сотвориша въ своемъ полку съ челобитною ходити по приказамъ, руки прикладывати.“ * „Среди этого обхода бысть между ими прѣ великая и брань; инии хотятъ прикладывати, а инии не хотятъ, обольстившися патріархомъ.“

Планъ содержался въ глубокой тайнѣ, такъ какъ прежде планъ Ивана Михайловича Милославскаго, поднять стрѣльцовъ для доставленія царевнѣ Софіи въ руки управленія, и послѣ планъ князя Бориса Алексѣевича Голицына для доставленія его Петру.

Савва Романовъ можетъ-быть не зналъ о приготовленіяхъ, не зналъ что происходило за кулисами, и началъ описывать только то что происходило на сценѣ.

Заключаемъ: замыселъ былъ искусно обдуманъ, съ большими надеждами на успѣхъ, а что онъ не удался, отечество тѣмъ обязано твердости, находчивости и рѣшительности царевны Софіи, которой принадлежитъ честь и слава за оборону православной церкви.

II.

За что были казнены князья Хованскіе, отецъ съ сыномъ?

Въ смертномъ приговорѣ отецъ былъ обвиненъ прежде всего въ возбужденіи стрѣleckаго бунта.

Имѣя предъ глазами всѣ документы относящіеся къ тому времени, удивляешься, какъ могло состояться такое явно нелѣпое обвиненіе! Съ какою наглостію могло оно быть произнесено предъ глазами современниковъ, которые ясно видѣли весь ходъ дѣла и знали къѣмъ и для чего было оно ведено!

Имени князя Хованскаго не встрѣчается ни одного раза ни въ какомъ изъ современныхъ документовъ, относящихся къ

* У Тихонова, стр. 120.

первому бунту, а была ли у него какая связь со стрѣльцами до бунта, нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека.

Для чего нуженъ ему былъ бунтъ? Никакой цѣли предположить у него нельзя.

Еслибъ онъ хотѣлъ захватить въ свои руки власть, то зачѣмъ же не захватилъ онъ ее тотчасъ, а предоставилъ царевнѣ Софіи, при которой былъ князь Голицынъ, И. М. Милославскій и цѣлая сильная партія?

На что ему смерть Матвѣева, Нарышкиныхъ, Долгорукихъ, съ которыми никакихъ враждебныхъ отношеній у него неизвестно, точно какъ не было дружескихъ съ прочими дѣйствовавшими лицами того времени? Если скажутъ что онъ хотѣлъ избавиться отъ противниковъ, то такими противниками должны бы въ такомъ случаѣ сдѣлаться ему не одни Нарышкины съ Матвѣевымъ, но и Милославскіе, Голицыны, Долгорукіе и пр. Онъ не могъ надѣяться ни на чье согласіе, а напротивъ долженъ былъ опасаться соперниковъ въ обѣихъ партіяхъ и во всемъ обществѣ.

Матвѣевъ приписываетъ веденіе дѣла въ стрѣлецкомъ бунтѣ И. М. Милославскому, не произнося ни единого слова о Хованскомъ: чрезъ 50 лѣтъ, когда и Хованскій и Милославскій искали въ своихъ гробахъ, почему бы ему было вину Хованскаго перенести свѣдома на Милославскаго? Не могъ выдумать Матвѣевъ ссоры Милославскаго съ Хованскимъ, на что ему такое показаніе?

Еслибы Хованскій устраивалъ бунтъ, то-есть еслибъ онъ былъ его зачинщикомъ, для своихъ цѣлей, то какъ бы никто изъ бояръ, принадлежащихъ къ той или другой партіи, этого не замѣтилъ на Верху въ продолженіе бунта, и какимъ образомъ не принято тамъ было мѣръ?

Какъ бы могъ онъ во время бунта оставаться одинъ одиноконекъ на Верху въ рукахъ противниковъ изъ обѣихъ партій, которые тотчасъ, увидѣвъ въ чемъ дѣло, могли бы съ нимъ раздѣлаться?

Еслибы Хованскій устраивалъ бунтъ, то какъ бы явилась на сценѣ Софія, и получила отъ стрѣльцовъ просьбу быть правительницею?

Мы видимъ Хованскаго въ продолженіи бунта за одно съ Софьею, какъ бы въ зависимости отъ нея: онъ относился, напримѣръ, къ царевнѣ Софіи съ объясненіями о датскомъ резидентѣ.

Сама Софія назначила Хованскаго начальникомъ стрѣльцовъ послѣ ихъ бунта.

Еслибы Софія знала его зачинщикомъ бунта, то какъ бы она могла сдѣлать такой выборъ?

Хованскій, получивъ стрѣльцовъ подъ свое начальство, является прежде всего покровителемъ такъ-называемыхъ старообрядцевъ и принимаетъ участіе въ ихъ дѣйствіяхъ для возстановленія старыхъ церковныхъ порядковъ; еслибъ у него были въ мысли какія важнѣйшія памѣренія, то съ чего сталъ бы онъ вмѣшиваться съ самаго начала въ такое опасное дѣло?

Все это такія нецѣлостности, которыя не выдерживаютъ ни малѣйшей критики.

И Софія обвиняя Хованскаго въ произведенномъ будто бы имъ бунтѣ обвиняла саму себя.

Обвиненіе изложено сначала въ грамотахъ разосланныхъ изъ Саввинскаго монастыря по городамъ съ призывомъ ратныхъ людей на помощь царскому дѣлу, такимъ образомъ:

„По кончинѣ царя Θεодора, Московскіе стрѣльцы всѣхъ приказовъ и Бутырскіе солдаты, по тайному согласію съ бояриномъ нашимъ, княземъ Иваномъ Хованскимъ, намъ государемъ измѣнили и весь народъ Московскаго государства возмутили.... А послѣ того, мая въ 15мъ числѣ, они же воры и измѣнники стрѣльцы и солдаты собрався.... приходили въ Кремль.... При насъ бояръ нашихъ и думныхъ и близкихъ людей лоймавъ, ругательно лобили и изъ палатъ пометали.* А послѣ того, онъ же, князь Хованскій, ратовалъ на святую соборную церковь, соединяся съ проклятыми раскольниками, съ Никитою Пустосвятомъ и съ единомышленниками его.... А послѣ того тѣ же воры и измѣнники по своему воровскому совѣту съ бояриномъ княземъ Иваномъ Хованскимъ и сынами его мыслили на насъ великихъ государей всякое зло и бояръ нашихъ хотѣли побить.“ **

То же обвиненіе изложено и въ прочихъ грамотахъ.

Въ подметномъ письмѣ, на которое грамоты ссылаются, было сказано что Хованскіе подговаривали доносчиковъ, вмѣ-

* Припомнимъ что за четыре мѣсяца она же, царевна Софія, за всѣ эти дѣла „выборныхъ стрѣльцовъ призвала и службу ихъ похваляла, а впредь де за ихъ службу имъ, ихъ государская милость будетъ.“ Медвѣдевъ у Аристова, с. XXI.

** У Туманскаго, т. VI, стр. 101.

стѣ съ другими, извести царской корень и любить бояръ: Одоевскихъ троихъ, Черкасскихъ двоихъ, Голицыныхъ троихъ, И. М. Милославскаго, Шереметевыхъ двоихъ и пр. „А какъ государство замутится, и на Московское царство избрали бы царемъ его, князя Ивана, а патріарха и властей поставить кого изберуть народомъ, которые бы *старыя книги любили*“ и пр. *

Въ приговорѣ прочитанномъ князю Хованскому въ Воздвиженскомъ предъ казню, преступленія его начинаются съ его управленія стрѣлецкимъ приказомъ. Видно совѣстно было такъ нагло въ глаза лгать ему что онъ началъ стрѣлецкій бунтъ. Старикъ понималъ изъ-за чего началось дѣло и хотѣлъ объясниться о „совершенныхъ заводчикахъ съ начала оного бунта стрѣлецкаго, отъ кого вымысленъ и учиненъ былъ“. **

Что касается до обвиненій сына, то онъ готовъ проклясть его, если обвиненія окажутся справедливыми.

Но съ Верху, по наущенію Милославскаго, послѣдовало приказаніе отрубить скорѣе головы Хованскимъ, что долженъ былъ исполнить стрѣлецъ, потому что палача не оказалось.

Разсмотримъ теперь эти обвиненія, предупреждая что казнь Хованскихъ представляетъ до сихъ поръ много страннаго и непонятнаго.

Онъ хотѣлъ, говорятъ, извести царское семейство и захватить въ свои руки верховную власть.

Какія же есть на то доказательства?

Никакихъ, кромѣ голословнаго обвиненія со стороны правительства.

Въ обвинительной грамотѣ и у Медвѣдева говорится что въ Коломенскомъ найдено было подметное письмо съ описаніемъ преступныхъ намѣреній Хованскихъ.

Это подметное письмо (средство самое обыкновенное въ то время) свидѣтельствуетъ гораздо болѣе противъ царевны Софіи, чѣмъ противъ Хованскихъ, а именно:

Оно не было оглашено въ Воздвиженскомъ, ибо еслибы сколько-нибудь было оглашено, то должно бы дойти до свѣдѣнія Хованскихъ, и они, разумѣется, приняли бы свои мѣры.

* Тамъ же, стр. 9.

** Тамъ же, стр. 94.

Въ мнимомъ письмѣ показаны примѣты писавшихъ, по которымъ можно было ихъ найти и допросить, получить доказательства, узнать подробности, сдѣлать очныя ставки. Ничего этого не было; доносчики не были привлечены ни къ какому слѣдствію и остались неизвѣстными.

Матвѣевъ называетъ письмо прямо выдумкою: „но тотъ коваръ видимо былъ сложенъ изъ природной политики того жъ боярина Милославскаго и сообщниковъ его, отъ чего великіе государи того жъ дѣла въ Саввинъ монастырь выѣхали.“*

Если жъ надо было выдумывать письмо, то значитъ, никакихъ наличныхъ доказательствъ не было. Письмо нужно было чтобъ имѣть послѣ лишній предлогъ для обвиненія и смертнаго приговора.

Казнить изъ-за наговора отъ неизвѣстныхъ людей, безъ всякихъ справокъ, не выслушивая объясненій, не предлагая ни одного вопроса, въ день именинъ царевны Софіи, по выходѣ изъ церкви,—одна эта поспѣшность доказываетъ что дѣло было не чисто, что прямыхъ доказательствъ не было, а была крайняя нужда избавиться поскорѣе, во что бы то ни стало, отъ опаснаго человѣка, по какимъ-то неизвѣстнымъ причинамъ, кои нельзя было обнародовать и кои нужно было замѣнить чѣмъ-нибудь, хоть явнсю ложью для формы.

Если мы видимъ что Хованскій былъ обвиненъ въ устройствѣ перваго стрѣлецкаго бунта, съ явною несправедливостію, то и прочія обвиненія имѣемъ право считать а priori столько же несправедливыми. Имѣя обвиненія достаточныя и справедливыя не нужно бы было прибѣгать къ явной лжи, и возбуждать ею недовѣрчивость къ справедливымъ, еслибы они были, обвиненіямъ.

Какія распоряженія дѣлали, какія мѣры принимали Хованскіе для приведенія въ исполненіе всего намѣренія извести царскій родъ?

Никакихъ, ибо еслибы было что, то непременно было бы упомянуто въ приговорѣ: слѣдовательно ничего не было такого что даже могло бы быть растолковано въ худую сторону.

Извѣдуемъ теперь событія.

Царевна Софія съ царями не пошла въ ходъ въ Донской монастырь 19го августа. Неужели Софія боялась въ самомъ

* Тамъ же, стр. 91.

дѣлъ нападенія въ церковномъ ходу, среди народа, а потому не приняла участія вмѣстѣ съ молодыми царями?

Нѣтъ, она вѣрно хотѣла только, согласно съ задуманнымъ планомъ, возбудить въ народѣ подозрѣніе что цари чего-то боятся.

Дворъ отправился въ Коломенское на другой день, 20го августа: * Участь Хованскаго была уже рѣшена, и планъ началъ исполняться.

Почему поѣхала царевна Софія въ Коломенское, а не прямо къ Троицѣ, гдѣ она могла быть безопаснѣе?

Вопервыхъ, къ Троицѣ походы были опредѣленные — ко дню памяти Преподобнаго Сергія, обрѣтенію мощей, Троицыну дню. Поѣхать за три недѣли туда было бы очень странно: ничѣмъ нельзя было объяснить такой ранней поѣздки. Чтѣ было дѣлать двору у Троицы въ продолженіе трехъ недѣль?

Притомъ дорога дальняя—потребовала бы трехъ дней, въ продолженіе которыхъ въ лутомъ полѣ мало ли чтѣ бы могло случиться. И Хованскому, предполагая въ немъ дурныя намѣренія, мудро было бы объяснить причины отъѣзда; точно также и вызвать его туда, достать въ свои руки, было бы гораздо мудренѣе и затруднительнѣе.

И теперь Хованскій началъ подозрѣвать недоброе:

Стрѣльцы, выборные изъ всѣхъ полковъ, вѣроятно подученные Хованскимъ, явились (23го августа) въ Коломенское съ челобитною: „Великимъ государямъ сказали будто у насъ у надворной пѣхоты учинилось смятеніе, на бояръ и на ближнихъ людей злой умыселъ, и будто у насъ изъ полку въ полкъ идутъ тайныя пересылки, хотимъ приходить въ Кремль съ ружьемъ попрежнему, и для того они, великіе государи, изволили изъ Москвы выѣхать; но у насъ во всѣхъ полкахъ такого умыслу нѣтъ и впередъ не будетъ; чтобъ великіе государи пожаловали, не велѣли такимъ ложнымъ словамъ повѣрить и изволили бы придти къ Москвѣ.“—„Великимъ государямъ про вашъ умыселъ не вѣдомо“, былъ отвѣтъ: „изволили великіе государи съ Москвы идти по своему государскому изволенію, да и прежде въ село Коломенское ихъ походы бывали же.“

Пріѣхавъ въ Коломенское и самъ князь Хованскій, вѣроятно чтобы разузнать положеніе дѣла; и вмѣстѣ онъ вздумалъ

* *Исторія Россіи Соловьева*, т. XIII, стр. 359.

попутать дворъ извѣстіемъ о намѣреніи Новгородскихъ дворянъ съ шыхъ чиновъ служилыми людьми придти на Москву и требовать заслуженнаго (?) жалованья и съѣчь всѣхъ безъ разбора и остатка.

Царевна Софія велѣла объявить о томъ на постельномъ крыльцѣ, а въ Новгородъ послать грамоту „для подлиннаго отомъ свидѣтельства“. Хованскій упросилъ въ Москвѣ не повѣщать и въ Новгородъ грамоты не посылать. Такъ сказано въ приговорѣ, но вѣроятно Царевна объяснялась съ княземъ Хованскимъ тогда гораздо мягче, и старалась представить дѣло ему гораздо спокойнѣе, не давая ему поводовъ опасаться. *

У Хованскаго не достало духу ступить послѣдній шагъ,—а у Софіи достало.

Царевна потребовала къ себѣ Стременный полкъ подъ предлогомъ именинъ царя Ивана Алексѣевича.

Полкъ былъ отпущенъ, какъ сказано даже въ обвиненіи. Но отпущенъ онъ былъ по многократномъ требованіи.

Хованскій хотѣлъ отправить его въ Кіевъ, какъ сказано въ приговорѣ. Но, вѣроятно, это была отговорка, а онъ, можетъ-быть, начиналъ опасаться собиравшейся на него грозы.

Еслибы Стременный полкъ былъ при Дворѣ въ Коломенскомъ, то почему же не спросила тогда Царевна Хованскаго къ себѣ для объясненія, по случаю полученнаго подметнаго письма? Звала же она его въ Воздвиженское. Она могла удержать его, имѣя при себѣ цѣлый полкъ, да и безъ полка — сдѣлать съ нимъ что угодно.

Дѣйство Новаго Года, сентября 1го, отправлялось обыкновенно съ великолѣпіемъ въ Успенскомъ соборѣ въ присутствіи всего двора.

Царевна и цари не воротились изъ Коломенскаго, прислали повелѣніе присутствовать вмѣсто себя князю Хованскому, который однакожь въ соборъ не поѣхалъ, и въ соборѣ изъ правительственныхъ лицъ былъ только одинъ окольничій, къ великому огорченію и оскорбленію патріарха.

Въ народѣ произведено великое смущеніе и въ то же время подготавливалось довѣріе къ послѣдующимъ обвиненіямъ.

* Когда пріѣзжалъ Хованскій, нѣтъ положительнаго свидѣтельства: мы думаемъ что вскорѣ по отъѣздѣ Двора въ Коломенское, до именинъ царя Ивана Алексѣевича, 29го августа, и до 1го сентября, когда объявилось подметное письмо.

Въ Москвѣ ожидали новаго кровопролитія. Изъ бояръ пные послѣдовали за царями, другіе отъѣхали въ свои помѣстья.

На другой день, 2го сентября, цари выѣхали изъ Коломенскаго въ село Воробьево, 4го числа изъ Воробьева въ Павловское, 6го пріѣхали въ Саввинъ Сторожевскій монастырь. Отпраздновавъ здѣсь память чудотворца Саввы, 10го сентября, въ тотъ же день выѣхали въ село Павловское; 12го числа изъ Павловскаго въ село Хлябово; 13го изъ Хлябова въ Воздвиженское, къ здѣшнему празднику 14го числа.*

Спрашивается, какимъ образомъ все это не обратило на себя вниманія Хованскаго?

Онъ долженъ былъ тотчасъ принять мѣры наступательныя, если имѣлъ замыслы въ своей головѣ, и приступить къ ихъ исполненію, или принять мѣры оборонительныя, если не успѣлъ еще приготовиться, и не осмѣливался напастъ безъ всякаго повода; однимъ словомъ, онъ долженъ былъ принимать какія-нибудь мѣры, хотя для своего оправданія, для уничтоженія возникшихъ подозрѣній, наконецъ, для своего спасенія.

Онъ ничего не дѣлалъ; значитъ, ничего опредѣленнаго, положеннаго, у него не было.

Въ Воздвиженскомъ, въ 15 верстахъ отъ Троицы, куда слѣдовательно можно было пріѣхать въ два часа, Дворъ былъ уже безопасенъ, и царица Софія рѣшилась остаться тамъ до 17го, чтобы править тамъ день своего ангела. Случай по-благопріятствовалъ и здѣсь царевнѣ Софіи, на погибель Хованскому. Туда пришло извѣстіе отъ него о прибытіи въ Москву гетманова сына.

„Егда же приспѣ, да не совершится злоба грѣшныхъ, зане Господь съемудренному совѣту въ коварствѣ зачинатель, писавъ онъ князь Иванъ съ Москвы въ походъ къ великимъ государемъ, что идетъ къ Москвѣ гетманскій сынъ изъ Малой Россіи, и како его принимать; по тому ево писемъ послана къ нему грамота съ похвалою чтобы онъ ради возвыщеныхъ дѣлъ гетманскаго сына пріѣхалъ въ походъ къ великимъ государемъ самъ въ село Воздвиженское, и отъ царскаго величества о томъ указъ, дѣлъ тѣхъ слушаеъ самъ, и

* Тамъ же, стр. 358.

онъ князь Иванъ ради того поѣхалъ изъ Москвы сентября въ 16й день и съ сыномъ своимъ княземъ Андреемъ.“*

Спрашивается, еслибы Хованскій зналъ за собою вину, еслибъ онъ зналъ о подметномъ письмѣ въ Коломенскомъ, еслибъ онъ зналъ о грамотахъ, разосланныхъ по сосѣднимъ городамъ, съ обвиненіемъ его въ тяжкихъ уголовныхъ преступленіяхъ; то какимъ образомъ рѣшился бы онъ ѣхать въ Воздвиженское?

Онъ долженъ былъ или бѣжать, или приготовляться къ оборонѣ, словомъ, употреблять тѣ средства кои хотѣли употребить стрѣльцы даже безъ него.

А если у него были намѣренія, то тѣмъ лаче онъ увидѣлъ бы необходимость приступить къ исполненію.

Но видно, повторяемъ, ничего не было, а со страху онъ не нашелся, и попалъ въ искусно разставленные сѣти.

Имѣвъ въ Москвѣ челоѣкъ по сту провожатыхъ или караульныхъ, здѣсь онъ, виноватый, подозрѣваемый, угрожаемый, ѣхалъ безо всякой свиты. Съ чѣмъ это сообразно? Такъ точно и прежде, имѣя такія намѣренія, какъ могъ бы онъ не помѣшать удаленію двора отъ Москвы, не напалъ на Дворъ въ Коломенскомъ, или въ Саввинѣ, или въ Воздвиженскомъ, когда у Двора не было никакой защиты?

Софія пригласила Хованскаго съ сыномъ пріѣхать для встрѣчи гетмана,—и отправила боярина князя Лыкова схватить его на дорогѣ, лишь только получила она извѣстіе что они двинулись изъ Москвы съ немногими провожатыми.

Лыковъ настигъ старика въ шатрахъ подъ Пушкинымъ, а сына его въ своей деревнѣ около Братовщины.

Дѣло было ведено со стороны правительства въ глубочайшей тайнѣ, и князь Хованскій, не имѣя никакихъ намѣреній ему приписанныхъ, отправился въ Воздвиженское безо всякихъ предосторожностей, какъ ни въ чемъ не бывалый.

Щербатовъ замѣчаетъ: „То истинно, что Хованскій поступкомъ своимъ, привлекать къ себѣ дружелюбіе стрѣльцовъ, великую причину подалъ, но чтобъ явнымъ бунтовщикомъ объявился, сего нигдѣ не видно; а напротивъ того, ссора его съ Милославскимъ и злоба на него царевны Софіи являются вину его уменьшать.“ (Въ примѣчаніяхъ къ исторіи Петра Грека Θεодоси, стр. 159).

* У Туманскаго, т. V, стр. 231.

Между тѣмъ въ Воздвиженскомъ, послѣ обѣдни, около церкви, подъ открытымъ небомъ, открылось совѣщаніе, гдѣ прочтены были вины Хованскаго и произнесенъ смертный приговоръ.

Еслибы Хованскій замышлялъ, подлинно что-нибудь недоброе и близокъ былъ къ началу, то непременно имѣлъ бы сообщниковъ, о которыхъ необходимо бы было сдѣлать розыскъ, допросы, слѣдствія, очныя ставки, какъ обыкновенно бываетъ и бывало при этихъ случаяхъ. Ничего этого не было сдѣлано, не было сдѣлано даже допроса ни ему, ни сыну, а немедленно отрублены головы, — въ день именинъ, пріидя отъ обѣдни, предъ собравшимися поздравителями!

Ясно, что хотѣли скорѣе концы въ воду и боялись потерять минуту. Одна эта поспѣшность доказываетъ и несправедливость, и пристрастіе, и опасеніе чтобы не предприняли чего стрѣльцы. Одинцовъ, одинъ изъ главныхъ дѣятелей въ первомъ бунтѣ, и Юдинъ, въ замыслѣ раскольниковъ, казненны кстати вмѣстѣ съ Хованскимъ.

Софію не зазрела совѣсть взвести небывалыя преступленія на старика, ей преданнаго, вмѣстѣ съ его молодымъ сыномъ, а ея историкъ Медвѣдевъ имѣлъ безстыдство думать объ ихъ увѣковѣченіи, чтобъ обмануть потомство.

Медвѣдевъ позабылъ что, при описаніи раскольниковъ смятенія, чрезъ нѣсколько дней послѣ стрѣлецкаго бунта, онъ самъ вложилъ въ уста Хованскаго слѣдующія слова обращенныя къ боярамъ: вамъ буди извѣстно что при нихъ, и намъ быти всемъ побитымъ, *также какъ и недавныя часы нашу братю побили*, и дома наши разграбятъ. *

Медвѣдевъ все это обходитъ, и не говоривъ ни слова о Хованскомъ въ описаніи бунта, что было бы необходимо и неизбежно, еслибы было дѣйствительно, повторяетъ свои обвиненія въ грамотахъ и не прибавляетъ ни слова въ объясненіе.

И о такомъ-то историкѣ г. Аристовъ даетъ слѣдующій отзывъ: „Какъ человѣкъ образованный по своему времени, и какъ очевидецъ происшествій, С. Медвѣдевъ изложилъ разказъ о нихъ въ высшей степени добросовѣстно и безпристрастно.“ (!!) **

* Медвѣдевъ, у Сахарова, стр. 22.

** Аристовъ, *Московскія Слуты*, стр. 2.

За что же былъ казнень Хованскій съ сынѣмъ?

Онъ зналъ тайны Софіи; онъ былъ нескроменъ, за что получалъ и прозваніе народное—тараруй; онъ былъ хвастунъ и хвастался предъ всѣми боярами своими заслугами, своею силою,—спасеніемъ Москвы отъ кровопролитія; онъ поставилъ противъ себя всѣхъ бояръ образомъ своихъ дѣйствій; онъ имѣлъ на своей сторонѣ стрѣльцовъ, которые такъ своевольничали что возбуждали опасеніе прежнихъ выходокъ,—можетъ-быть даже онъ пробалтывался о какихъ-нибудь намѣреніяхъ, и Софія могла опасаться что Хованскій вздумаетъ воспользоваться стрѣльцами, которые готовы были по его приказанію дѣлать все ему угодное; наконецъ, онъ имѣлъ на своей сторонѣ многихъ раскольниковъ между всѣми сословіями, которые не оставляли своихъ намѣреній. Присоединимъ такого убѣдительнаго прокурора, какъ Ив. Мих. Милославскій. Слѣдовательно, во всѣхъ отношеніяхъ былъ это человѣкъ опасный, отъ котораго необходимо было избавиться. Всеобщая ненависть которую онъ внушалъ противъ себя своимъ высокомеріемъ уменьшала опасеніе возбудить казню его противъ себя общее мнѣніе. Мечтанія молодого Хованскаго давали поводъ къ опасеніямъ другаго рода. Это былъ личный врагъ И. М. Милославскаго, который, по его милости, угрожаемый стрѣльцами, бѣгалъ и скрывался, какъ кротъ, по своимъ подмосковнымъ деревнямъ. Наконецъ, казня Хованскаго, Софія кстати можно было взвалить на него вину стрѣлецкаго бунта со всѣми его убійствами,—вину, которая въ глазахъ народа или общества, или значительнаго числа гражданъ, лежала на царевнѣ Софіи, и помрачала ея славу, возбуждала противъ нея общее, хотя и тайное осужденіе. Сколько несчастныхъ для Хованскаго обстоятельствъ которыми искусно умѣлъ воспользоваться Милославскій и убѣдить Царевну покончить съ нимъ разомъ.

Вотъ вѣроятное объясненіе, хотя, повторяю сказанное въ началѣ этого разсужденія, многое все-таки остается здѣсь темнымъ и необъясненнымъ по понятіямъ нашего времени. Какимъ образомъ, на примѣръ, Софія рѣшилась ѣхать въ Коломенское послѣ того какъ, противъ обыкновенія, не принимала участія въ Дюпскомъ ходу? Не должна ли бы она бояться нападенія, еслибъ оно было задумано? Какъ

не возвратилась къ дѣйству Новаго Года? Вѣдь подозрѣніе должно было непременно возбудиться въ Хованскомъ, если даже многіе бояре оставили Москву, опасаясь возмущенія? Ей надо было быть увѣренной что она обманетъ Хованскаго. Какимъ образомъ Хованскій далъ себя обмануть, если имѣлъ намѣренія, да и безъ намѣреній онъ долженъ былъ принять свои мѣры, а онъ не принялъ никакихъ, и полѣзъ прямо въ петлю?

Въ объясненіе можно сказать развѣ то, что по теперешнему нашему прогрессу въ хитростяхъ и предосторожностяхъ, и всякихъ козняхъ, нельзя судить о дѣйствіяхъ того времени: при всѣхъ усиліяхъ на многое не хватало тогда ума и догадки, и дѣла шли простѣе, смѣлѣе, неосторожнѣе; *авось* играло роль гораздо больше, чѣмъ теперь.

Устряловъ описалъ этотъ эпизодъ очень легко и безотчетно. Соловьева можно поблагодарить только за то что онъ нашелъ офиціальную записку о походѣ царскомъ въ Коломенское, Саввинъ монастырь и Воздвиженское, изъ которой мы увидѣли благовидные предлоги. Но нужно бы напечатать ее.

Планъ, какъ порѣшить съ Хованскимъ, былъ сдѣланъ вѣроятно еще въ Москвѣ: не идти въ ходъ, то-есть посѣять опасеніе въ народѣ, уѣхать въ Коломенское къ празднику Іоанна Предтечи, призвать туда полкъ на всякій случай, потомъ, разъѣзжая по церквамъ и по монастырямъ протянуть время, пока будутъ собираться понемногу изъ городовъ на помощь служилые люди, которымъ, можетъ-быть, даво было знать только подъ рукою безъ огласки; грамоты же предложено было вѣрно разослать уже изъ Воздвиженскаго близъ Троицкой крѣпости (почему на нихъ и не выставлены числа), гдѣ Софія съ царями была бы безопасна, вызвать туда Хованскихъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ, — и порѣшить тамъ дѣло.

Планъ такой же художественный, какъ и при устройствѣ перваго стрѣльческаго бунта: виденъ мастеръ своего дѣла — бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій.

III.

Мы должны теперь изслѣдовать исторію послѣдней распри царевны Софьи съ Петромъ, которая кончилась его единодержавіемъ.

Приступая къ изслѣдованію, выразимъ прежде всего сожалѣніе что слѣдственное дѣло о Шакловитомъ до сихъ поръ не только не напечатано, но и не собрано, не приведено въ порядокъ, неизвѣстно вполнѣ, ибо всѣ такъ-называемые свитки, которыми пользовались Устряловъ и Аристовъ, составлены или склеены часто на удачу или наобумъ, съ большими пробѣлами. Могу сказать это рѣшительно, перечитавъ по многу разъ выдержки г. Аристова, главы изъ исторіи г. Устрялова обнимающія это событіе, и копію находящуюся въ Археологической Коммисіи. Дѣло подвергалось какимъ-то случайностямъ, и нѣкоторыя части его попали въ частныя руки. Покойный графъ Віельгорскій, молодой собиратель матеріаловъ для русской исторіи, говорилъ мнѣ еще въ 1839 году, въ Римѣ, что у него есть дѣло о Шакловитомъ. Устряловъ упоминаетъ о двухъ частныхъ собраніяхъ въ концѣ, какъ онъ слышалъ, находятся отрывки.

Еслибы мы видѣли ясно весь ходъ дѣла, еслибы имѣли въ послѣдовательномъ порядкѣ допросы или извѣты, потомъ допросы влѣдствіе допросовъ сдѣланные, отвѣты или объясненія, далѣе очныя ставки и признанія, тогда легче было бы отыскивать истину чрезъ сличеніе показаній и соображеніе обстоятельствъ. Даже о сохранившихся отрывкахъ изъ дѣла встрѣчаются разногласія: Устряловъ ссылается на такія показанія которыхъ нѣтъ у Аристова. Мы примемъ ихъ въ соображеніе, ибо не можемъ подозрѣвать Устрялова въ выдумкѣ: дѣло другое—какъ онъ принималъ и объяснялъ эти показанія. Въ этомъ можно съ нимъ не соглашаться.

Замѣтимъ въ заключеніе что изъ читавшихъ дѣло въ подлинникъ, Устряловъ увлекался желаніемъ обвинить Софью, а Аристовъ желаніемъ оправдать ее и пр.

Употребимъ испытанный нами при изслѣдованіяхъ этого рода приѣмъ математическій, не понимаемый нашими недоучками: идти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ несомнѣннаго, яснаго, къ неясному, сомнительному.

Въ ночь съ 7го на 8е августа, Петръ ускакалъ внезапно изъ Преображенскаго въ Троицкій монастырь, спасая жизнь свою бѣгствомъ.

Это есть важнѣйшее событіе, которымъ положено основаніе рѣшенію распри между имъ и сестрою въ его пользу, какъ прежде отъѣздъ царевны Софьи съ братьями и Дворомъ въ Коломенское, а оттуда въ Саввинъ монастырь и Троицкую Лавру рѣшилъ судьбу князя Хованскаго.

Съ другой стороны, побѣгъ Петровъ проливаетъ свѣтъ на предшествовавшія обстоятельства, о которыхъ можемъ мы судить на основаніи этого многозначительнаго даннаго. Его должно изслѣдовать тщательно.

Если Петръ бѣжалъ, то значитъ что жизнь его въ Преображенскомъ подверглась опасности и онъ получилъ въ томъ удостовѣреніе.

Такъ ли это было? Точно ли онъ бѣжалъ опрометью изъ Преображенскаго?

Это было точно такъ, и мы имѣемъ вѣрнаго свидѣтеля, стоявшаго вѣхъ партій, генерала Гордона, который держался еще на ту пору Софьи, и присоединился къ Петру гораздо позднѣе, когда побѣда склонялась на его сторону. Онъ въ дневникѣ своемъ написалъ именно что получивъ „извѣстіе о собраніи стрѣльцовъ въ Кремлѣ, по полученному приказанію, и намѣренію идти съ оружіемъ на Преображенское чтобы побить Нарышкиныхъ и нѣкоторыхъ другихъ, онъ вскопчилъ съ постели, и бросился, даже не обувшись, въ конюшню. Тамъ велѣлъ онъ осѣдлать себя лошадь, и отъѣхалъ въ соседній лѣсъ, куда принесено ему было платье. Одѣвшись, поскакалъ онъ опрометью въ Троицкій монастырь. Кто могъ и былъ готовъ, тотъ слѣдовалъ за нимъ. Онъ прибылъ къ Троицѣ 8го числа поутру въ шесть часовъ, въ совершенномъ утомленіи. Если онъ употребилъ на дорогу шесть часовъ, — меньше положить нельзя, — то изъ Преображенскаго отправился онъ около полуночи. Отнесенный въ комнату, въ монастырѣ, онъ бросился на постель, въ слезахъ разказалъ игумену о случившемся, и просилъ помощи и покровительства. Нѣсколько потѣшныхъ (guards) и придворныхъ прибыли туда въ тотъ же день и въ слѣдующую ночь донесли изъ Москвы разныя извѣстія. Внезапный отъѣздъ молодого царя произвелъ большое смущеніе и распрю въ Москвѣ, дѣло

содержалось въ тайнѣ, и извинялось, или, лучше сказать, со всевозможными ухищреніями представлялось маловажнымъ. “*

Слѣдуетъ ли принимать свидѣтельство Гордоново? Могъ ли онъ узнать обо всѣхъ обстоятельствахъ и записать ихъ у себя въ дневникъ немедленно?

Гордонъ жилъ въ Нѣмецкой Слободѣ, въ соседствѣ съ Преображенскимъ, да если и переѣхалъ въ новый свой домъ, то могъ получить извѣстія отъ пріятелей изъ Нѣмецкой Слободы, которые могли знать и знали все происходившее въ Преображенскомъ, и могли сообщить ему такую любопытную новость.

Имѣя такого вѣрнаго свидѣтеля, примемъ къ свѣдѣнію или къ подтвержденію показанія сдѣланныя послѣ при допросахъ:

Псаломщикъ Антонъ Муромцевъ показалъ:

„А какъ де великій государь изволилъ идти изъ села Преображенскаго *скорымъ походомъ*, и той ночи Лаврентьева полку Сухарева пятидесятникъ Алексѣй Савостьяновъ въ слободѣ ночевалъ, и поутру въ той слободѣ почали кликать остаточныхъ и спусковыхъ (?) стрѣльцовъ чтобы шли въ походъ. И онъ де Алексѣй посылалъ провождать сына своего, названнаго, Степана Алексѣева, на сѣзжую избу, для чего кличутъ стрѣльцовъ въ походъ? И десятиникъ ему сказалъ: для того де кличутъ что великому государю походъ въ Троицкій монастырь, да тихонько ему сказалъ что де изволилъ на Преображенское идти скорымъ походомъ *въ одной сорочкѣ*. И онъ, пришедъ, ему Алексѣю сказалъ что де походъ въ Троицкій монастырь, а того ему не сказалъ, что скорымъ обычаемъ походъ учинился. Онъ сказалъ послѣ бабѣ своей, и та бабка, вышедъ въ городъ, сказала своимъ сестрамъ, и отъ нихъ де услышалъ погребщикъ, а какъ его зовутъ и какого чину, того онъ не вѣдаетъ. И погребщикъ де извѣщалъ въ стрѣлецкомъ приказѣ къ Ѳ. Шаковитому; и Ѳ. де тое бабку и его Стенку взялъ въ стрѣлецкій приказъ, и десятиника который ему Стенкѣ сказывалъ, взялъ и разспрашивалъ. А къ нему Антошкѣ пришли изъ Сухарева полка и сказали что по посылкѣ Ѳ. Шаковитаго та баба и стрѣльцы взяты, и хочетъ де имъ, выведъ на площадь, головы отсѣчь. И онъ Антошка пришедъ вверхъ, Ѳ. Шаковитому говорилъ, чтобъ онъ надъ ними показалъ милость для того что походъ великихъ государей учинился явенъ по всему государству.

* Гордонъ II, 268, подъ 8 янв.

И онъ де Ѳ. ему сказалъ: „и тебѣ же тутъ же доведется голову отсѣчь“. И послѣ того билъ челомъ онъ царевнѣ, и послѣ де челобитья тѣ вышелеписанныя люди изъ приказа освобождены и никакого наказанья имъ не учинено.“*

Изъ этого показанія видно что Петръ точно бѣжалъ ночью внезапно, въ одной сорочкѣ, слѣдовательно въ виду крайней опасности, неожиданно узнанной; что по бѣгствѣ Петра, въ ту же ночь изъ Преображенскаго послано было распоряженіе звать стрѣльцовъ Сухарева полка въ походъ къ Троицѣ; что бѣгство сочтено, даже и въ народѣ, важнымъ событіемъ, и какой-то погребщикъ, узнавъ о немъ случайно, счелъ обязанностію тотчасъ донести о томъ главному лицу, Шакловитому; что бѣгство со стороны Софіи хотѣли содержать въ тайнѣ, и за первое разглашеніе виновники подверглись было казни.

Деньщики Шакловитаго, Ѳеодоръ Турка, Иванъ Троицкій, Михайло Ѳеоктистовъ, съ товарищи, въ доносѣ своемъ показали:

Августа противъ 8го числа послалъ ихъ Шакловитый въ село Преображенское провѣдать, тутъ ли де государь и будетъ ли де къ Москвѣ, и государя де они въ Преображенскомъ не застали, а пріѣхали за полчаса до свѣта къ Шакловитому на дворъ, и сказали ему что благочестиваго царя изъ Преображенскаго согнали, *ушелъ де онъ босъ, только въ одной сорочкѣ*, а куда, того не вѣдомо, и онъ Шакловитый молвилъ: „вольнo де ему взбѣсѣсь бѣгать“.**

Это показаніе вставлено въ особый какъ будто обвинительный актъ.

Самъ Шакловитый показывалъ: По утру часу (?) въ другомъ днѣ (то-есть 8го числа) пріѣхавъ они къ нему на дворъ (посланные имъ наканунѣ для развѣдыванія въ Преображенское деньщики его Ѳеодоръ Турка, Иванъ Троицкой, Михайло Ѳеоктистовъ съ товарищи, а кого имени того не упомянуть) сказали что великій государь Петръ изволилъ идти изъ Преображенскаго въ ночи *скорымъ походомъ* въ село Алексѣевское; а послѣ того съ часъ спустя пришелъ приставъ Родіо-

* Аристовъ, стр. 52. Замѣтимъ вѣрность Гордонова извѣстія о намереніи скрыть до времени въ Москвѣ извѣстіе о бѣгствѣ Петра, а потомъ представить его не имѣющимъ значенія.

** Тамъ же, стр. 35.

нова полка Остафьева и сказалъ что великій государь изволилъ идти въ Тайнинское. *

Итакъ вѣрно что Петръ, услуганный извѣстіемъ что его хотятъ въ эту ночь убить, бѣжалъ изъ Преображенскаго къ Троицѣ. Это согласно свидѣтельству: Шакловитый, его денщики и доносчики, Сухаревскій десятникъ, и тѣ люди кому онъ сообщилъ эту новость.

Замѣтимъ въ пользу этихъ свидѣтельствъ что они согласны съ Гордономъ, слѣдовательно показанія при пыткахъ вообще не всѣ сомнительны.

Но правда ли это что Петра убить хотѣли въ ночь съ 7го на 8е августа?

Едва ли было такое намѣреніе по крайней мѣрѣ на эту ночь, судя по многимъ обстоятельствамъ.

Наканунѣ, предъ вечеромъ, князь В. В. Голицынъ, сшедъ съ Верху, отдалъ приказъ полковнику Нормадскому, бывшему въ тотъ день съ своихъ полкомъ на стѣнномъ караулѣ, всѣ ворота въ Кремлѣ, Китаѣ и Бѣлгородѣ запереть, какъ пробьетъ первый часъ ночи, и никого не пускать, а отпирать за часъ до свѣта.

Вотъ показаніе полковника Андрея Нормадскаго: „Августа де въ 8й день (?) стоялъ онъ на Москвѣ на стѣнномъ караулѣ, въ Верху, съ полкомъ своимъ. И того жъ де числа князь В. Голицынъ за часъ до вечера шель съ Верху, а приказалъ ему Андрею записать указъ въ книгу, чтобъ запираеть ворота въ Кремлѣ, въ Китаѣ и Бѣломъ городѣ, какъ пробьетъ часъ ночи, а отпирать за часъ до свѣта. А знатныхъ людей велѣтъ пропускать попрежнему.“ **

Распоряженіе такое точно было сдѣлано, ибо Гордонъ въ своемъ дневникѣ подъ 7 августа говоритъ: „ночью собралось много стрѣльцовъ, но никто не былъ впускаемъ кромѣ извѣстныхъ и знакомыхъ лицъ. Это встревожило партію младшаго царя, такъ что всѣ, узнавшіе про то, поспѣшили въ Преображенское.“

Для чего жъ бы дѣлать такое распоряженіе, еслибъ было намѣреніе идти изъ Кремля? Напротивъ, — не видно ли изъ этого что въ Кремлѣ боялись нападена изъ Преображенскаго?

* Тамъ же, стр. 52.

** Аристовъ, стр. 9. Замѣтимъ и это согласіе разспросовъ при слѣдствіи съ извѣстіемъ Гордона о запираніи воротъ.

Ни Голицына, ни Шаковитаго не было въ Кремлѣ вечеромъ 7го числа. Вотъ свидѣтельство что Шаковитый прѣхалъ въ Кремль уже ночью. Подъячій Агалъ Петровъ показалъ:

„Въ 197 году, августа 7го, приходитъ Агалка къ Шаковитому въ день, и онъ не велѣлъ ему уходить со двора. И часу де въ другомъ *ночи* поѣхалъ Ѳ. Шаковитый въ Верхъ, а съ собою взялъ его Агалку, да подъячихъ же Ѳ. Степанова, Ивана Истомина. И какъ пришли за нимъ они въ Верхъ, и велѣлъ имъ спать въ Грановитой Палатѣ, и самъ онъ спалъ въ Грановитой же Палатѣ, да съ нимъ спалъ полковникъ А. Норманскій.“

„И часа за два до свѣта Ѳ. Шаковитый, взбудя ихъ, велѣлъ идти за государыней къ церкви Казанской Богородицы, и какъ начали пѣть молебень, Агалка взомедъ въ монастырь легъ спать.“

А вотъ свидѣтельство что и князя В. В. Голицына не было тогда въ Кремлѣ. Шаковитый послалъ за нимъ изъ Казанскаго собора стрѣльца Абросима Петрова, которому сказано что онъ не можетъ. Тогда Шаковитый поѣхалъ къ нему самъ и пробылъ полчаса. *

Итакъ по этимъ показаніямъ кажется что о нападеніи на Преображенское въ ночь съ 7го на 8е августа никто не думалъ: ни Софія, ни Голицынъ, ни Шаковитый.

Такъ можетъ сказать адвокат принимающій показанія подсудимыхъ на вѣру и составляющій изъ нихъ свое оправдательное цѣлое, но надо изслѣдовать, вѣрны ли они, не противорѣчатъ ли имъ другія показанія, наконецъ совершенно ли они согласны между собою.

Самъ Шаковитый показалъ что его больного нѣсколько разъ, 7го августа, вызывала къ себѣ на Верхъ царевна Софія. Она велѣла нарядить пѣвшихъ стрѣльцовъ побольше сперва для сопровожденія ея на богомолье, по обѣщанію, въ Донской монастырь, потому что намереніи предъ ея глазами убили на Дѣвичьемъ Полѣ отставнаго конюха.

Мы не станемъ разсуждать пока о томъ что обѣщаніе идти лѣшкомъ въ монастырь, разказъ объ убитомъ конюхѣ за

* Аристовъ, стр. 6, ссылака на столбецъ 24 въ слѣдственномъ дѣлѣ о Шаковитомъ.

дѣлѣ на Дѣвичьемъ Полѣ, и необходимость имѣть въ провожатые стрѣльцовъ побольше съ ружьемъ, принадлежать къ выдумкамъ: онѣ не идутъ къ настоящему вопросу.

Мы примемъ сперва только показаніе Шакловитаго, что онъ нарядилъ стрѣльцовъ собираться въ Кремль для чего бы то ни было.

Когда онъ сдѣлалъ это распоряженіе?

Въ дѣлѣ не означено, но его опредѣлить можно по слѣдующимъ даннымъ:

Часть спустя послѣ перваго порученія царевна сказала ему (слѣдовательно онъ оставался на Верху): объявилось письмо что потѣшныя конюхи, собрався въ селѣ Преображенскомъ, хотѣли приходить августа противъ 7го числа на ихъ государственной домъ въ ночи, и ихъ государей (то-есть Ивана и Софію съ сестрами) побить всѣхъ, а противъ 8го числа будутъ для того кончая (то-есть тѣмъ лаче), и чтобъ она брата своего великаго государя Ивана Алексѣевича и сестеръ своихъ здоровья опасла, и пр. Тогда царевна велѣла собрать стрѣльцовъ челоѣкъ триста или больше, всѣ ворота въ Кремлѣ на ту ночь запереть и впредь запирасть.*

Вотъ объ этомъ распоряженіи имѣемъ мы точное опредѣленіе времени: Полковникъ Нормандскій показалъ что онъ получилъ его отъ князя Голицына за часъ до вечера, какъ мы видѣли выше.

Слѣдовательно больной Шакловитый пришелъ на Верхъ, по зову царевны, часа за три до вечера; черезъ часъ по его приходѣ объявилось подметное письмо. Прочестъ письмо, разсудить, распорядиться о вызовѣ стрѣльцовъ — на это никакъ нельзя положить менѣе *двухъ часовъ*, и за часъ до вечера, черезъ три часа по его приходѣ, состоялось распоряженіе.

Стрѣльцы не вдругъ могли собраться: надо было къ нимъ послать приказы, надо ихъ было оповѣстить, изготovitъся, наконецъ придти. Все это должно было продолжаться часа два, три, и они могли собраться только около полуночи, и тогда уже должны были послѣдовать окончательныя распоряженія.

Какимъ же образомъ въ такое опасное время, когда ожидалось нападеніе на Кремль, Шакловитый могъ оставить Царевну и уѣхать домой ночевать?

* Тамъ же, стр. 23.

Точно то же должно сказать и о князѣ Голицынѣ: могъ ли онъ не оставаться въ Кремлѣ, въ ожиданіи нападенія потѣшныхъ конюховъ?

Нѣтъ, они вѣрно оставались въ Кремлѣ въ обоихъ случаяхъ — хотѣли ль нападать оттуда, или тамъ обороняться.

Но подъячій Агаль Петровъ показывалъ, какъ мы видѣли выше, что днемъ засталъ Шакловитаго дома.

Для чего же Агалу Петрову выдумывать такое показаніе?

Становясь на адвокатскую точку, можно предположить, съ большою впрочемъ натяжкою, что Шакловитый, кончивъ свои распоряженія на Верху, за часъ до вечера, какъ это нами по изслѣдованію заключено, имѣлъ какую-либо нужду захватить къ себѣ на домъ, чтобы тотчасъ опять воротиться на Верхъ: въ такомъ случаѣ могъ Агаль Петровъ застать его днемъ, хотя уже и очень позднимъ, въ послѣднія минуты предъ вечеромъ.

Предположить что Агаль Петровъ пришелъ къ Шакловитому рано утромъ, нельзя, по ходу его рѣчи, ибо онъ говорить: я пришелъ, онъ меня оставилъ, и въ первомъ часу ночи пошелъ на Верхъ, велѣлъ мнѣ идти съ собою.

Подъ такое предположеніе подходитъ, хоть и не вполне, показаніе и другого подъячаго Федора Степанова: „Августа 7го пошелъ онъ на дворъ отца своего Степана Евдокимова (исполнителя Царевны), и на встрѣчу ему попался Ѳ. Шакловитый и велѣлъ идти за собою; былъ онъ у него во дворѣ часа полтора и на послѣдней четверти перваго поѣхалъ Шакловитый въ Верхъ и велѣлъ почевать.“

По этому показанію выходитъ что Шакловитый дома оставался около полтора часовъ, то-есть воротился домой съ Верху, по нашему счисленію времени, въ одиннадцать часовъ, что несомнѣнно согласно со „днемъ“ Агала Петрова.

Какъ бы то ни было, Шакловитый, по собственному его показанію, былъ въ Кремлѣ 7го августа, отлучаясь домой на короткое время, если даже принять показанія Петрова и Степанова.

Голицынъ же былъ на Верху до вечера, и если уѣхалъ, то могъ воротиться при малѣйшемъ признакѣ опасности, въ предположеніи оборонительномъ, а въ наступательномъ онъ желалъ даже и преднамѣренно оставаться въ сторонѣ, такъ какъ дѣло могло обойтись безъ него.

Ворота въ Кремль и Китаѣ могли запирались и на случай обороны, и на случай нападенія — въ послѣднемъ для того чтобы скрыть приуготовленія.

Такимъ образомъ по вышеприведеннымъ даннымъ, сличеннымъ съ другими, нельзя утверждать (см. выше) что ни Софья ни Голицыны ни Шакловитый не думали о нападеніи на Преображенское съ 7го на 8е августа. Вопросъ остается открытымъ.

Мы возвращаемся на ту точку съ которой начали изслѣдованіе: Петръ бѣжалъ ночью съ 7го на 8е число къ Троицѣ, испуганный доносомъ что его сейчасъ убить хотѣтъ въ Преображенскомъ.

Какъ доносчики это узнали и на чемъ основывали свой доносъ? Чтѣ побудило ихъ такъ послѣшить своимъ извѣстіемъ?

Первый вопросъ представляется здѣсь, кто были доносчики?

Судя по жалованной грамотѣ (см. ниже) ихъ было семеро: стрѣльцы Стремянаго Цыклерова полка: пятисотенный Ларіонъ Елизарьевъ, пятидесятники Ипатъ Ульфовъ, Дмитрій Мельновъ, десятники Федоръ Турка, Яковъ Ладогинъ, Михаилъ Оеоктистовъ, Иванъ Троицкой.

И въ дѣлѣ о Шакловитомъ, при всей его запутанности, главное мѣсто занимаютъ ихъ извѣсты.

Первое лицо между ними пятисотенный *Ларіонъ Елизарьевъ*; его имя стоитъ на первомъ мѣстѣ въ жалованной грамотѣ; между извѣстами главный и подробнѣйшій принадлежитъ ему; первое подозрѣніе царевны Софіи въ доносѣ пало на него; посланцамъ Шакловитаго къ Троицѣ поручено было развѣдывать чтѣ говоритъ Елизарьевъ и пр.

Чтѣ это было за лицо?

Соберемъ всѣ извѣстія объ немъ разсыпанные въ дѣлѣ.

Это было лицо издавна самое близкое къ Шакловитому, довѣренное, посвященное въ его тайны, осыланное жалованьями царевны Софіи, которая часто призывала его съ товарищами къ себѣ для различныхъ тайныхъ объясненій.

Елизарьевъ въ 195 году (1687) въ Великій Постъ принесъ къ Шакловитому письмо, найденное на Лубянкѣ (онъ имѣлъ тамъ свой домъ), на полустолбѣ, „а въ томъ письмѣ написано чтобы всякихъ чиновъ люди народомъ собрався шли

къ Казанской Богородицѣ, и выняли письмо у той церкви на паперти за иконою Пресвятой Богородицы, и учинили бы по тому письму.“

Шакловитый послалъ за тѣмъ письмомъ самого Елизарьева, который его нашелъ и доставилъ къ Шакловитому.

Въ письмѣ были писаны многія непристойныя слова о царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, совѣтовалось „послать бояръ... къ которымъ она была милостива...“

„Получивъ такое письмо, царевна“, говоритъ Шакловитый, „должна была опасаться всякаго дурна.“

Письмо это было, разумѣется, выдуманно, но оно показываетъ, какъ рано начала царевна Софія распускать слухи о своихъ опасностяхъ, и вмѣстѣ какою довѣренностію пользовался Елизарьевъ у Шакловитаго, который поручилъ ему исполненіе продѣлки.

Казалось нужно бы было, при розыскѣ, спросить Елизарьева о происхожденіи письма, которое могло бы объяснить многое, но въ дѣлѣ не видать ни малѣйшаго къ тому приступа.

Елизарьевъ раздавалъ деньги стрѣльцамъ, по порученію царевны Софіи, когда она намѣревалась вѣнчаться царскимъ вѣнцомъ, что доказываетъ давнюю ея къ нему довѣренность.

„Тому года съ два или больше, сказывалъ Гладкову Стремлянаго полку стрѣлецъ Д. Воротниковъ: вѣдаешь ли де ты, па Семеновъ де день великую царевну вѣнчать царскимъ вѣнцомъ, и никому де ты не сказывай. И за то де далъ ему Л. Елизарьевъ полтора рубля денегъ.“

Стрѣлецъ Михаилъ Чететка показывалъ что Елизарьевъ призывалъ былъ Шакловитымъ къ себѣ на дворъ для совѣщанія объ избраніи новаго патріарха.

„Прежде того съ годъ или больше призывалъ Шакловитый ихъ къ себѣ на загородной дворъ, да съ нимъ разныхъ стрѣльцовъ, Ларіона Елизарьева, Ивана Шестакова, пристава Об. Петрова, Ал. Стрижова, Ел. Романова, Семенова полку Капустина, пристава Кондрашку (?), а иныхъ именъ не уломятъ, было человекъ съ 20. И при нихъ имъ Ѳ. Шакловитый говорилъ: имъ мочно де патріарха переимѣнить и взять изъ властей которые на ихъ руку, для того что отъ него многое преніе бываетъ.—И они де задумались и говорили, вѣдаютъ ли де про то великіе государи и бояре, и Ѳ.

имъ сказалъ, вѣдаетъ де одинъ великій государь, а другой въ малыхъ лѣтѣхъ, а про бояръ сказалъ: всѣ де отладшее зяблосе дерево. И они де ему сказали: твоя де воля, а ихъ разуму нѣтъ. И того числа вынулъ Ѳ. изъ кармана челобитную, а въ той челобитной имена стрѣльцкихъ и солдатскихъ полковъ и гостей и гостинныя сотни, чтобы великіе государи указали святаго патріарха перемѣнить за то что не ихъ рука. И они де ему говорили, кого де надо на его мѣсто быть, и онъ де имъ сказалъ изъ властей; буде изъ властей не похотятъ, мощно де и простаго старца, и учинятъ ему такую честь—тотъ же де будетъ патріархъ, и про челобитную сказалъ: я де напишу и бѣлую челобитную, и велѣлъ домой идти, и далъ имъ по бумажкѣ денегъ, а по сколько не упомянуть.

Изъ показанія Н. Гладкаго видно что Елизарьеву вмѣстѣ съ другими стрѣльцами царевна Софія жаловалась на происки царицы Натальи Кирилловны: „ему да Л. Елизарьеву, да Ульфову, да А. Кондратьеву, въ августѣ мѣсяцѣ въ первыхъ числахъ 197 году, великая государыня Софія Алексѣевна у церкви Ризъ Положенія въ палаткѣ изволила говорить: долго ль де намъ терпѣть? ужъ де житія нашего не стало де отъ князя Бориса да отъ Льва; брата ихъ великаго государя Иоанна Алексѣевича компану дровами заклали, и хотятъ де князь Василья Васильевича Голицына голову отрубить, а онъ де добра много сдѣлалъ. Польское де перемиріе учинилъ, съ Дону де выдачи не бывало, а его де промысломъ и съ Дону выдаютъ. Да на него жъ де все несуть: братъ де ему князь Борисъ... и вы де насъ не покиньте, мощно ль де на васъ надѣяться и кн. Бориса и Льва взять. И они де ей, великой государынѣ, сказали: „воля де въ томъ ваша государская“, и велѣла компанному истопнику дать имъ сто рублевъ денегъ, и тѣ деньги имъ даны.“

(Не этотъ ли случай въ извѣстѣ Ульфова приписанъ Шакловитому?): „Говорилъ ему Илату“, показываетъ Ипатъ Ульфовъ, „да Л. Елизарьеву, да А. Кондратьеву и Н. Гладкому Ѳ. Шакловитой, „мощно ль на васъ надѣяться? Голицынъ съ товарищи изгоняютъ и поругаются и вѣнецъ царской изломали. Мощно ль де вамъ ихъ взять, и учинить надъ ними смертное убийство?“ И въ то де время далъ онъ Ѳ. имъ четверымъ: ему, Илату, и Ларіону, и Андрюшкѣ, и Н. Гладкому,

государева жалованья 100 рублей, по 25 рублей человѣку, для того чтобъ они на такое дурно были готовы.“

Изъ показанія истолника Евдокимова видно, что Елизарьевъ приводимъ былъ для совѣщанія къ царевнѣ Софіи къ церкви Воскресенія. „Съ Ивановской площади для стрѣльцовъ, какъ укажетъ великая царевна быть имъ Вверхъ, истолникъ Степанъ Евдокимовъ хаживалъ; а буде его въ которое время не прилучится, хаживалъ истолникъ О. Осиповъ, и стрѣльцовъ съ Ивановской площади *Елизарьева* и Ульфога Вверхъ приваживалъ ко Воскресенью.“ *

Никита Гладкій сказалъ: Медвѣдевъ де ему, Микитѣ, далъ денегъ 5 руб., Ларіону *Елизарьеву* 10 руб., Федору Туркѣ, Михаилу Оеоктистову, Ивану Троицкому далъ по пяти рублей. А. С. Медвѣдевъ на очной ставкѣ въ застѣвкѣ съ Гладкимъ сказалъ: такіа де деньги стрѣльцамъ онъ давалъ, а велѣлъ де ему раздать Ѳ. Шакловитый въ то время какъ поѣхалъ къ гетману для того что стрѣльцы погорѣли. **

Л. Елизарьевъ сказывалъ Сильвестру что у Ѳ. Шакловитаго есть роспись, кого имъ бить, которую Шакловитый хотѣлъ имъ дать. ***

Наконецъ вотъ еще какое показаніе объ Елизарьевѣ далъ С. Медвѣдевъ:

„Пятисотный Л. *Елизарьевъ*, пришедъ къ нему, плакалъ: бѣда де на нихъ пришла великая, не знаютъ де какъ быть, призывалъ де ихъ Ѳ. Шакловитый, его, да О. Кондратьева, Стрижова, Петрова, и говорилъ чтобъ имъ тайно въ ночи послать по боярина Льва Кирилловича Нарышкина да кравчего князя Бориса Алексѣевича и иныхъ, а кого, то онъ не знаетъ.“ (Елизарьевъ просилъ его: „Про тѣ ихъ слова ему, Ѳ., не сказывать“. Сильвестръ отвѣтовалъ и грозилъ гибелью и въ этомъ вѣкѣ и въ будущемъ; „онъ де ему и въ лицо скажетъ“. Ларіонъ съ товарищи спросили его: „какъ же имъ быть и отъ того дѣла отговориться, потому что за то непослушаніе бояться они смерти“. Сильвестръ присовѣтовалъ сказать „что (имъ) того дѣла учинить однимъ никоими мѣры невозможно, а инымъ говорить они о томъ не смѣютъ, говорилъ бы онъ самъ имъ“. Ѳ. можетъ отпереться и всѣхъ ихъ

* Аристовъ, стр. 6.

** Тамъ же, стр. 66.

*** Тамъ же, стр. 73.

напрасно погубить. Елизарьевъ привелъ къ нему товарищей своихъ, и Сильвестръ „имъ о томъ чтобы имъ не дѣлать за-прецалъ же и говорилъ имъ: „если де вы то учините, пропадете“. Тогда они, Елизарьевъ съ товарищи, ему, Ѳ., отказали и того дѣлать не стали. И *многажды* ему Сильвестру онъ, Ларіонъ, говаривалъ: еслибы де „онъ“ ихъ не укрѣпилъ и имъ де было то сдѣлать.“ *

Противъ этого показанія никакихъ возраженій въ дѣлѣ нѣтъ.

Замѣтимъ еще что рѣшеніе убить Голицына и Нарышкина и другихъ дѣлаю было давно, какъ видно изъ этихъ показаній.

Вотъ еще свидѣтельство того же Елизарьева на стрѣльца Аванасія Ларіонова, которое доказываетъ вмѣстѣ съ прочими что онъ зналъ всѣ дѣла и замыслы того времени: „Въ 195 году августа въ 18 числѣ призывалъ его Шакловитый на загородный дворъ, да Б. Дмитріева съ товарищи, и говорилъ чтобъ имъ сентября де 1го числа 197 года, какъ изволятъ великіе государи въ возобновленіе новаго лѣта выдти къ дѣйству, изъ тѣхъ полковъ приготовить стрѣльцовъ чело-вѣкъ по 50 и по 60, и побрать де боярина Льва Кирилловича съ братьями и посадить за караулъ; а Сухаревскимъ стрѣльцамъ приказалъ чтобъ въ то время для того дѣла Кремль они заперли. А прежь сего за день Ѳ. Ш. его при-звалъ и сказалъ ему государеву милость и службу ихъ по-хвалилъ. И дано де было имъ за то денегъ по пяти рублей, а деньги давалъ Ѳ., и въ тѣхъ де полкахъ которые къ тому были призваны, своей братьѣ велѣлъ сказывать, и давали имъ по два рубля чело-вѣку.“

Первое знакомство Елизарьева съ Сильвестромъ Медвѣ-девымъ учинилось (черезъ Гладкаго), приходилъ онъ, Глад-кій, къ нему съ *Ларіономъ* и пилъ пиво.

А *Елизарьевъ* далъ Никитѣ Гладкому тетрадку о церков-ныхъ предметахъ, полученную отъ Медвѣдева.

Изъ всѣхъ этихъ показаній видно что Ларіонъ Елизарь-евъ находился въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ къ царев-нѣ Софіи, Шакловитому и С. Медвѣдеву, и даже въ послѣд-ній день Шакловитый сообщилъ ему, кажется, о своемъ на-мѣреніи (см. ниже).

* Тамъ же, стр. 38.
т. сѣмѣ.

Изъ прочихъ доносчиковъ Турку, Оеоктистова, Троицкаго, Устряловъ называетъ, не знаю почему, деньщиками Шакловитаго. Ихъ посылалъ онъ съ 7го на 8е число провѣдывать о Петрѣ въ окрестностяхъ Преображенскаго.

О *Туркѣ* по дѣлу извѣстно что онъ ставалъ на Ивановской площади, гдѣ велѣно было ему слушаться приказовъ, которые принесутся съ Верху истопникомъ Евдокимовымъ.

Ульфова, какъ Елизарьева, призывала часто царевна въ Верхъ къ Воскресенью, гдѣ она говорила съ ними тайно.

Теперь обратимся къ показаніямъ о событіяхъ съ 7го на 8е число августа, подавшимъ поводъ къ бѣгству Петра. Здѣсь представляется такое замѣшательство, такая путаница, такія противорѣчія, которыхъ разрѣшить, согласить, объяснить нѣтъ никакой возможности, тѣмъ болѣе что розыскъ не вполне извѣстенъ, какъ замѣчено выше.

Устряловъ говоритъ что Шакловитый передалъ свое распоряженіе, которое представлено нами прежде, стрѣльцамъ Обросиму Петрову и Андрею Кондратьеву, и послалъ деньщиковъ своихъ Турку, Троицкаго и Капранова „верхомъ къ селу Преображенскому для вѣстей, куда пойдетъ царь Петръ, и велѣлъ караулить его одному подъ рощею, другому у Краснаго Села, третьему на плотинѣ“.*

Устряловъ ссылается на показаніе Петрова, подтвержденное де Шакловитымъ, котораго нѣтъ въ выдержкахъ Аристова.

Мы находимъ впрочемъ подтвержденіе о распоряженіи Шакловитаго собираться стрѣльцамъ въ Кремль въ показаніи Юрія Лѣсника: „По приказу пятидесятника *О. Петрова* наряженъ онъ, Юрка, августа противъ 8го числа въ ночи, и иные того жъ полку стрѣльцы съ ружьемъ, человекъ со сто выборомъ, а иттить имъ велѣлъ въ Кремль.... и поставилъ ихъ Оброська на Лыковъ дворъ, да съ ними Микитка Гладкій съ товарищи.“

Порученіе *Кондратьеву* доказывается словами Гладкаго: „Августа 8го числа въ ночи, велѣлъ ему приставъ Кондратьевъ нарядить сто человекъ стрѣльцовъ, и онъ пришелъ на Лубянку“ и пр.

* Устряловъ, т. II, с. 55.

Приведемъ теперь извѣтъ самого Елизарьева, подтвержденный Гладкимъ, которому судьбою было предоставлено заварить кашу на гибель своихъ единомышленниковъ.

Устряловъ вотъ какъ начинаетъ разказъ объ этомъ событіи: „Ларіонъ Елизарьевъ до 28го іюля пользовался особенною довѣренностью Софіи, неоднократно бывалъ въ ея хоромахъ, слушалъ ея жалобы на царицу, сопровождалъ ее на всѣхъ выходахъ и не измѣнялъ ей ни словомъ, ни дѣломъ; но когда Шакловитый потребовалъ у него рѣшительно убійства Нарышкиныхъ и другихъ приверженцевъ Петра, Елизарьевъ, вспомнивъ Бога, условился со своими товарищами при первомъ признакѣ опасности извѣстить о томъ государя, а въ случаѣ надобности пожертвовать для защиты его собственной жизнью. Въ домъ его собирались стрѣльцы преданные Петру, въ томъ числѣ деньщики Шакловитаго; а на дворѣ стояли осѣдланныя лошади для скорѣйшей вѣдомости.“

Извѣтъ Елизарьева, помѣщенный въ выдержкахъ Аристова, состоитъ въ слѣдующихъ словахъ:

„У него Елизарьева были въ дому того жъ Стремяннаго полку десятичники: Турка, Оеоктистовъ, Троицкій, Ладогинъ. И въ то де число прибѣжалъ на Дубянку къ сѣзжей избѣ Н. Гладкій, да А. Сергѣевъ, и отъ сѣзжей избы прислали по него, Ларіона, его, Сергѣева, чтобы шелъ къ сѣзжей избѣ. И онъ, и вышелісаные десятичники пошли съ нимъ. И у святыхъ воротъ онъ Н. Гладкій говорилъ имъ чтобы стрѣльцы взяли сто другое съ ружьемъ, шли въ городъ, всѣ де готовы, а ихъ де приказу никого нѣтъ.... У Спасскаго набату языкъ онъ привязалъ.... слушайте набату.... И велѣлъ на сѣзжей избѣ караульнымъ пятидесятиникамъ кликать въ строевыхъ кафтанахъ съ ружьемъ 300 человекъ, и приказывалъ строевымъ, собрався, идтить по набату въ городъ не мѣшкая, а Федору Туркѣ съ товарищи ѣхать по заставамъ для вѣстей.... и Турка говоритъ ему, по какому де указу имъ идтить въ городъ? а люди де у нихъ готовы.“ * „И О. де Турка ему, Микиткѣ, сказалъ что они де его не слушаютъ, и Михаила Капранова для провѣданья въ городъ посылалъ.“

Положимъ что Елизарьевъ съ товарищами, имѣвъ нѣсколько

* С. 57. Устряловъ ссылается здѣсь на показаніе Ларіонова (Ларіона Елизарьева) и другихъ, но мы не находимъ этихъ важныхъ показаній и въ выдержкахъ Аристова.

разъ вызовъ Шаковитаго на убійства въ Преображенскомъ, какъ мы видѣли выше, могли заключить изъ послышки Гладкаго что оно рѣшено на нынѣшнюю ночь, но какимъ же образомъ объяснить что въ извѣстѣ своемъ онъ говорилъ объ убійствахъ въ Кремлѣ, когда придетъ туда Петръ, а не въ Преображенскомъ: „*О. Шаковитый* призывалъ М. Гладкаго, да его *Ларіона*, да пристава А. Кондратьева, Е. Романова, и говорилъ имъ чтобъ приготовить стрѣльцовъ 100 или 200 человекъ, а буде мочно, хотя бъ кто и весь полкъ привелъ для того, какъ великій государь Петръ.... *изволитъ* къ Москвѣ быть, а въ то число побить бояръ Льва К. Нарышкина съ братьями, да кравчего Б. А. Голицына, будто они хотятъ извести великую государыню Софію Алексѣевну. Да въ то жъ число велѣлъ онъ *О.* побить Нарышкиныхъ всѣхъ до одного человекъ, и Лопухиныхъ, да Апраксиныхъ всѣхъ троихъ, Вилу Извольскаго, Федора Зыкова.“

Здѣсь говорится, кажется, именно о приготовленіяхъ и распоряженіяхъ въ случаѣ нападенія на Кремль съ 7го на 8е августа, ибо употребляются выраженія означающія однократное дѣйствіе: приготовить, привести. Такъ нельзя бы говорить о постоянной, имѣющей быть всегда, готовности. Какой бы смыслъ имѣли слова: приготовить сто-двѣсти человекъ, а кто можетъ, тотъ приводи хоть цѣлый полкъ, чтобъ побить... когда придетъ царь Петръ? Какъ можно готовить, приводить, не зная, *когда* именно это нужно?

Въ признаніи Гладкаго, выраженномъ почти тѣми же словами, какъ и извѣстѣ Елизарьева, смыслъ этотъ о 7мъ числѣ нѣсколько затемняется тѣмъ что Гладкій, разказавъ о призваніи, продолжаетъ: „А августа де противъ 8го числа въ ночи велѣлъ ему приставъ Кондратьевъ нарядить сто стрѣльцовъ и пр.“ Последнее обстоятельство какъ бы отдѣляется отъ перваго союзомъ *а*; вотъ слова Гладкаго:

„*О. Шаковитый* призывалъ его, Н. Гладкаго, да Елизарьева, Кондратьева, Петрова, Романова, и говорилъ имъ онъ, *О. Шаковитый*: великая де государыня приказывала чтобъ боярина Льва К. Нарышкина и кравчего князя Бориса А. Голицына побить и идти бы имъ для того великимъ собраніемъ къ великому государю (!) въ походъ въ село Преображенское и въ Преображенскомъ бы ихъ и побить. А августа противъ 8го числа въ ночи велѣлъ ему приставъ А. Кондратьевъ нарядить 100 человекъ стрѣльцовъ; и онъ пришелъ

на Лубянку, къ Ларіонову двору Елизарьева, съ Сергѣевымъ, говорили ему, Ларіону, что приставъ (Кондратьевъ) прислалъ, велѣлъ и проч.“ *

Странно было бы чтобы Шакловитый, задумавъ нападеніе на Преображенское, не далъ бы знать о томъ Елизарьеву, одному изъ самыхъ близкихъ и довѣренныхъ къ себѣ лицъ, которому и прежде говорено было о томъ часто.

Но странно и то что Елизарьевъ въ извѣтѣ своемъ выражается объ этомъ не такъ ясно и точно. Ему слѣдовало бы сказать прямо: Шакловитый де въ такомъ-то часу призывалъ меня съ такими-то товарищами, и сказалъ мнѣ что положено идти на Преображенское въ такомъ-то часу, или чтобъ мы тогда-то приводили стрѣльцовъ въ Кремль въ ожиданіи тамъ Петра.

Впрочемъ кажется что это только недостатокъ точности въ изложеніи дѣловъ-редакторовъ, которой требовать нельзя въ данномъ случаѣ. Елизарьевъ и Гладкій, кажется, говорятъ одно и то же объ одномъ и томъ же дѣлѣ; Шакловитый сообщалъ распоряженіе тому и другому, именно о нападеніи 7го августа.

„Елизарьевъ шелъ Мельнову“, продолжаетъ Устряловъ, описавъ появленіе Гладкаго на Лубянкѣ, „посмотрѣть что дѣлается въ Кремлѣ. Скоро возвратился Мельновъ и объявилъ что Кремль наполненъ вооруженными стрѣльцами, что всѣ ворота заперты, что въ глазахъ его Никита Гладкій стащилъ съ лошади царскаго спальника, пріѣхавшаго изъ Преображенскаго, Ѳедора Ѳедоровича Плещеева, и избивъ, отвелъ его на Верхъ къ Шакловитому. Видя что дѣло начинается, Елизарьевъ и друзья его велѣли отомкнуть церковь Преподобнаго Ѳеодосія, что на Лубянкѣ, позвали священника и предъ святымъ Евангеліемъ, дѣлая животворящій крестъ, дали клятву спасти царя.“

Устряловъ ссылается здѣсь также на показанія Ларіонова и другихъ, с. 57, но я нигдѣ не нашелъ этого показанія, ни у Аристова, ни въ спискѣ Археологической Коммисіи.

Теперь спрашивается, какимъ же образомъ Елизарьевъ, зная что въ Кремлѣ ждутъ нападенія,—это онъ пишетъ самъ въ своемъ извѣтѣ,—и вовсе не думаютъ нападать нынѣ на

* Аристовъ, с. 44.

Преображенское, могъ послать туда извѣстiе что Петра убить хотятъ и идти для того въ Преображенское? Онъ могъ донести только что въ Кремль сдѣланы приготовления его встрѣтить.

Еслибъ даже порученiю Шакловитаго, которое приведено выше (приготовить, привести) придавать общiй смыслъ, а не прiурочивать его именно къ 7му числу, то отъ Турки, Троицкаго, Оеоктистова, которые посланы были Шакловитымъ развѣдывать куда пойдетъ Петръ изъ Преображенскаго, Елизарьевъ могъ быть извѣщенъ объ ожиданiи, а не о нападенiи. И Сильвестру тою же ночью сказалъ Елизарьевъ что велѣно собираться стрѣльцамъ въ Кремль въ ожиданiи нападенiя Петрова, что видно изъ показанiя старца Арсенiя, жившаго и бѣжавшаго съ С. Медвѣдевымъ. Онъ показывалъ:

„Августа де противъ 8го числа, часу въ другомъ или третьемъ ночи, стрѣльцы Елизарьевъ и Гладкiй (?), Турка, Оеоктистовъ, къ нему Сильвестру приходили и говорили: то е де ночи великiй государь будетъ изъ села Преображенскаго къ Москвѣ, а имъ де велѣлъ (кто? Шакловитый) собираться въ городъ, а многимъ ли человѣкамъ и изъ которыхъ приказовъ, того онъ не вѣдаетъ. А Сильвестръ де Медвѣдевъ что имъ говорилъ, того онъ не слышалъ; только онъ то слышалъ отъ Селивестра будто онъ стрѣльцамъ говорилъ: „что де вы дѣлаете? Чтобъ ваши души не пропали.“*

Что же послѣ этихъ соображенiй и показанiй должно бы заключить отъ извѣстiя Елизарьева съ товарищами, будто стрѣльцы идутъ въ Преображенское убить Петра?

Извѣстiе ихъ было ложный. Они лгали завѣдомо.

—
Не меньше противорѣчiй представляется и въ другихъ обстоятельствахъ.

Гладкiй зналъ о порученiи Туркѣ, Троицкому, Оеоктистову. Зная стрѣльцовъ въ Кремль словами что тамъ все готово, онъ какъ будто даетъ понять что оттуда собираются идти на Преображенское, а напоминая Туркѣ, Троицкому, Оеоктистову о развѣдыванiи, онъ какъ будто думаетъ что въ Кремль ожидается нападенiе.

Для чего Туркѣ спрашивать Гладкаго, по какому указу стрѣльцы должны идти въ Кремль, когда ему дано другое

* Тамъ же, стр. 45.

порученіе, напоминаемое ему даже Гладкимъ? Гладкій на его вопросъ могъ отвѣтить ему что получилъ приказъ отъ Кондратьева.

Съ чего же говорить Туркѣ что не хочетъ слушать Гладкаго? О комъ говоритъ онъ: мы готовы, тѣмъ болѣе что дѣло до него не касалось, и ему дано было совершенно особое порученіе?

Съ чего ему, имѣющему совѣтъ другое порученіе, посылать, для повѣрки объявленнаго Гладкимъ, Капранова, которому тотъ, ни мало не оскорбляясь, разказываетъ по дорогѣ что онъ сдѣлаетъ съ патріархомъ, ризничимъ, тѣмъ или другимъ бояриномъ?

Турка показываетъ что послалъ съ Гладкимъ Капранова, что подтверждаетъ и Гладкій, а Елизарьевъ, по Устрялову, посылаетъ Мельнова, который возвращается и сообщаетъ ему что Кремль наполненъ стрѣльцами. Тогда Елизарьевъ посылаетъ Мельнова съ Ладонинымъ въ Преображенское.

Возвратился ли Капрановъ и съ какими извѣстіями, неизвѣстно.

А сами Елизарьевъ, Турка, Θεоктистовъ (старецъ Арсеній присоединяетъ къ нимъ Гладкаго вѣроятно по ошибкѣ) идутъ въ Кремль, неизвѣстно опять—одни или съ требуемыми стрѣльцами, и, пославъ доносъ о нападеніи на Преображенское, заходятъ сказать Сильвестру что въ Кремль ожидаютъ Петра, и имъ велѣно туда собираться.

А у Сильвестра былъ уже Кондратьевъ, который сказалъ ему то же:

„Въ ночи часу въ другомъ или третьемъ пришелъ къ нему А. Кондратьевъ и сказалъ: былъ де онъ въ слободѣ, и приказалъ чтобы сто человѣкъ съ ружьемъ шли въ Кремль, да изъ Ефимьева де и изъ Жукова полковъ указала великая государыня быть по сту жъ человѣкъ съ ружьемъ. А сказываютъ де что великій государь Петръ Алексѣевичъ изволилъ быть тое ночи къ Москвѣ, и великой государынѣ Софіи Алексѣевнѣ хочетъ отъ владѣнія отказать. И онъ де ничего имъ не сказалъ.“*

Турка и Θεоктистовъ идутъ теперь съ Елизарьевымъ въ Кремль, во 2 или 3 часу ночи, а имъ вѣдь велѣно ѣхать для вѣстей къ Преображенскому, и они пріѣдутъ оттуда поутру

* Тамъ же, с. 41.

часу въ другомъ днѣ, съ донесеніемъ что Петръ ускакалъ въ Алексѣевское (первое село на пути къ Троицѣ).

Здѣсь еще не всѣ волющія противорѣчили. Вотъ одно изъ самыхъ громкихъ:

Пѣвчій Лаврентій Кузьминъ Бурмистровъ показалъ:

„А августа противъ 8го числа, какъ собираны въ Кремль стрѣльцы, ночевалъ онъ дома. А дворъ его на Дубянкѣ; и услышалъ той *ночи* что собираются стрѣльцы. Онъ пришелъ на Дубянку. У церкви стоятъ стрѣльцы Елизарьевъ да Троицкій, да Турка; онъ спросилъ ихъ, для чего они собираются. Они ему сказали: „вѣрно имъ идти въ городъ“, больше того онъ съ ними ничего не говорилъ, и побѣжалъ въ монастырь къ старцу Селиверстру сказать ему, *какая бѣда чинится*. А то де слово онъ: „какая бѣда чинится“ сказалъ потому, на дорогѣ стрѣлецъ Θεоктистовъ ему говорилъ: какую бѣду Микитка Гладкой сдѣлалъ было, велѣлъ стрѣльцамъ идти въ городъ съ ружьемъ; а для чего, того не сказалъ.“ *

Какимъ образомъ Θεоктистовъ, посланный Шаховитымъ для развѣдыванія о Петрѣ въ Преображенскомъ, оказавшійся ночью у Елизарьева на Дубянкѣ съ товарищами, и выслушавшій вмѣстѣ съ ними вызовъ Гладкаго, могъ встрѣтиться Бурмистрову, бѣжавшему съ Дубянки на Никольскую въ Заиконоспасскій монастырь къ С. Медвѣдеву?

Какъ онъ успѣлъ побывать уже въ Кремлѣ, видно до Капранова и Мельнова (!), и узнать совершенно другое, чѣмъ Мельновъ, то-есть что Гладкій поднялъ напрасную тревогу? „*Какую де бѣду сдѣлалъ было Н. Гладкій, велѣлъ стрѣльцамъ идти въ городъ съ ружьемъ*“, сказалъ онъ Бурмистрову. И Сильвестръ, вышедъ къ Бурмистрову изъ чулана, подтверждаетъ это извѣстіе: „вотъ де какая бѣда, что бѣшенный Микитка Гладкой дѣлаетъ“.

Θеоктистовъ, встрѣчая Бурмистрова, бѣжавшаго съ Дубянки, пока тамъ оставался еще Елизарьевъ съ товарищами и Гладкимъ, долженъ былъ воротиться туда прежде Мельнова (и Капранова), и объяснить бѣду нужные своимъ сообщникамъ, чѣмъ мимоходомъ Бурмистрову, лицу постороннему, а они не узнаютъ отъ него, видно, ничего о напрасной бѣдѣ, а напротивъ узнаютъ отъ Мельнова, который долженъ былъ воротиться къ нимъ послѣ Θεоктистова, о собраніи стрѣльцовъ,

* Тамъ же, с. 49.

вслѣдствіе чего посылають доносъ въ Преображенское, чтобы спасался Петръ! Чтѣ же дѣлалъ тутъ Оеоктистовъ? Узнается что тревога поднята Гладкимъ по пустому, а между тѣмъ посылается въ Преображенское извѣстіе, чтобы тамъ спасались отъ убійцъ.

Устряловъ говоритъ что Гладкій прибѣгалъ на Лубянку и въ другой разъ съ понужденіемъ. Этого я не нахожу въ выдержкахъ у Аристова, и никакъ не могу понять: если первая его выходка сочтена бѣдою, какъ назвалъ ее Оеоктистовъ и подтвердилъ Медвѣдевъ, то по чьему приказанію могъ онъ прибѣгать на Лубянку во второй разъ и повторять свою бѣду?

Оеоктистовъ говорилъ Бурмистрову что Гладкій сдѣлалъ было бѣлу. Оеоктистовъ заходилъ къ Сильвестру съ Елизарьевымъ и Туркой и говорилъ что имъ велѣно собраться въ городъ. Оеоктистовъ же говорилъ Сильвестру что Кондратьевъ смутилъ и сбора нѣтъ.

Да въ то же ночи (послѣ 2 или 3 часа) къ нему Сильвестру въ монастырь заходили стрѣльцы Турка, Михайло Оеоктистовъ, и сказали что А. Кондратьевъ смутилъ, сказалъ де онъ, будто въ Кремлѣ де стрѣльцовъ никого нѣтъ.

Наконецъ Оеоктистовъ съ Туркою и Троицкимъ является на утро къ Шакловитому съ донесеніемъ что Петръ убѣжалъ въ одной сорочкѣ.

Вотъ какія противорѣчія являются въ показаніяхъ, а если мы попытаемся размѣстить все показанія въ хронологическомъ порядкѣ, то противорѣчій и непонятностей явится еще больше.

—
Изчислимъ сперва дѣйствія.

Шакловитый позванъ на Верхъ и получилъ приказаніе распорядиться о собраніи стрѣльцовъ для провожанья царевны Софіи.

Черезъ часъ по полученіи извѣстія о нападеніи изъ Преображенскаго, онъ сдѣлалъ новыя распоряженія.

За часъ до вечера дано приказаніе княземъ Голицынымъ запираеть ворота.

Шакловитый послалъ Турку, Троицкаго, Оеоктистова, для вѣстей въ Преображенское.

Собираются стрѣльцы и помѣщаются — одни на Лыковѣ дворѣ, другіе у Житнаго двора, третьи у дворцовой лѣстницы.

Гладкій бѣжитъ ночью на Лубянку собирать стрѣльцовъ, по приказу Кондратьева, и посылаетъ Сергѣева за Елизарьевымъ. Елизарьевъ является съ Туркой, Троицкимъ, Оеоктистовымъ, которые у него были.

Турка споритъ съ Гладкимъ.

Пѣвчій Бурмистровъ, жившій на Лубянкѣ, слышитъ о собраніи стрѣльцовъ, выбѣгаетъ на улицу, видитъ у церкви Елизарьева, Гладкаго, узнаетъ причину и бѣжитъ въ 5 часу ночи на Никольскую къ Сильвестру, чтобъ извѣстить его о происходящемъ.

Елизарьевъ посылаетъ Мельнова въ Кремль для освѣдомленія.

Турка Капранова, который отправляется вмѣстѣ съ Гладкимъ.

Встрѣчается Бурмистрову Оеоктистовъ на дорогѣ и говоритъ о бѣдѣ сдѣланной Гладкимъ. Сильвестръ подтверждаетъ его слова.

Возвращается Мельновъ изъ Кремля. Доносчики клянутся въ вѣрности.

Елизарьевъ посылаетъ Мельнова съ доносомъ въ Преображенское, чтобы Петръ спасался.

Гладкій прибѣгаетъ во второй разъ на Лубянку, съ настоятельнымъ призывомъ.

Бурмистровъ, уходя въ 5 часу ночи, встрѣчаетъ Кондратьева у дверей Сильвестровыхъ.

Кондратьевъ заходитъ къ Сильвестру и говоритъ что нарядилъ стрѣльцовъ въ Кремль.

Мельновъ является въ Преображенское около полуночи.

Петръ разбуженный скачетъ опрометью къ Троицѣ.

Елизарьевъ, Турка и Троицкій заходятъ къ Сильвестру и говорятъ что имъ велѣно идти въ Кремль. *

Послѣ того Турка и Оеоктистовъ заходятъ къ Сильвестру и говорятъ что Кондратьевъ смутилъ.

Шакловитый между тѣмъ пришелъ на Верхъ въ 1 часу ночи и остался тамъ ночевать.

Софія за два часа до свѣта идетъ въ Казанскую церковь.

Елизарьевъ разговариваетъ съ Агапомъ Петровымъ за церковью.

Являются деньщики Троицкій, Оеоктистовъ, къ Шакловитому и доносятъ о бѣгствѣ Петра изъ Преображенскаго.

* Тамъ же, с. 43.

Возьмемъ за исходную точку прибытіе стрѣльцовъ съ доносомъ въ Преображенское немного спустя по полуночи, и бѣгство Петра, прискакавшаго къ Троицѣ *въ 6 часовъ утра*, что мы узнаемъ навѣрное изъ дневника Гордонова.

Если Мельновъ и Ладогинъ прискакали въ Преображенское немного спустя по полуночи, то съ Лубянки отправились они по нашему счету часовъ около половины 12го.

Мельновъ предъ отправленіемъ своимъ въ Преображенское успѣлъ воротиться изъ Кремля, куда былъ посланъ доносчиками для осмотра: проѣхать взадъ и впередъ, съ Лубянки въ Кремль и изъ Кремля на Лубянку, осмотрѣть Кремль и передать о видѣнномъ, на это нуженъ по крайней мѣрѣ часъ.

Переговорить между собою доносчикамъ, принять рѣшеніе, обязаться взаимною присягой въ церкви и отправить вѣстниковъ въ Преображенское нужно также около часа.

Слѣдовательно Мельновъ съ Лубянки посланъ былъ въ Кремль въ половинѣ 10го часа, воротился въ половинѣ 11го, и отправленъ къ Петру въ половинѣ 12го.

Мельновъ ѣздилъ съ Лубянки въ Кремль, по выслушаніи Гладкаго. Гладкій, прибѣжавъ на Лубянку, посылалъ за Елизарьевымъ, который пришелъ съ товарищами. Онъ передалъ имъ приказъ, разказывалъ, спорилъ съ Туркою; на все это по крайней мѣрѣ нуженъ часъ. Слѣдовательно Гладкій прибѣжалъ на Лубянку въ половинѣ 9, а изъ Кремля около 9 часовъ, получивъ приказаніе Кондратьева, который привелъ стрѣльцовъ на Лыковъ дворъ въ 9 часу.

Стрѣльцовъ надо было оповѣстить, нарядить, имъ надо было собраться, и придти можетъ-быть отъ нынѣшней Сухаревой башни изъ-за Москворѣчья: на это нужно около двухъ часовъ, то-есть первый приказъ данъ въ 7 часовъ, что можетъ-быть и сходится съ извѣстіемъ что Голицынъ велѣлъ запереть ворота Кремлевскіе за часъ до вечера, хотя расчетъ этотъ противорѣчитъ нѣсколько показаніямъ что Гладкій прибѣжалъ на Лубянку ночью, а не вечеромъ въ 9 часу.

Но вотъ что никоимъ образомъ объяснить уже нельзя Бурмистровъ ночевалъ у себя дома на Лубянкѣ. Ночью онъ слышалъ что собираются стрѣльцы, вышелъ на улицу узнать что дѣлается, увидѣлъ Елизарьева, Троицкаго и спросилъ ихъ, и „больше того ничего съ ними не говорилъ“, побѣжалъ къ Силвестру. По вышепредложенному изслѣдованію это не могло быть иначе какъ въ 10 часу, а Бурмистровъ показы-

валъ что прибѣжалъ въ монастырь въ 5 часу ночи съ Лубянки на Никольскую. У Сильвестра побылъ онъ съ „четверть часа“ и уходя встрѣтилъ Кондратьева! Какимъ образомъ Гладкій, воротаясь съ Капрановымъ въ Кремль, успѣлъ тамъ стащить спальника Плещеева прѣхавшаго изъ Преображенскаго, отвести его на Верхъ къ Шаковитому, и потомъ опять побѣжать на Лубянку понуждать стрѣльцовъ?

Далѣе, Елизарьевъ, Турка, Оеоктистовъ, пославъ Мельнова и Ладогина, отправились сами въ Кремль за Гладкимъ, говорить Устряловъ, но я не нахожу этого извѣстія въ дѣлѣ, поколику оно извѣстно. Они зашли къ Сильвестру, во 2 или 3 часу ночи, сказать что имъ велѣно туда собираться. А по нашему изслѣдованію они должны быть у Сильвестра въ 12 часу, послѣ Кондратьева, который приходилъ къ нему съ тѣмъ же извѣстіемъ, между тѣмъ какъ Бурмистровъ сообщалъ совершенно противное.

И какимъ образомъ Кондратьевъ могъ придти къ Сильвестру въ 5 часу ночи, когда онъ распорядился въ Кремлѣ и послалъ Гладкаго въ 9 часовъ вечера? Или Кондратьевъ приходилъ къ Сильвестру два раза?

Какъ бы то ни было, но 7го на 8е августа тревога была напрасная, и намѣренія, по крайней мѣрѣ рѣшеннаго, идти на Преображенское съ цѣлію убить Петра не было.

Въ дополненіе къ сказанному замѣтимъ что въ дѣлѣ нѣтъ ни одного показанія стрѣльцовъ въ родѣ напримѣръ слѣдующаго: насъ посылалъ такой-то приставъ, сотникъ. Нѣтъ никакого розыска: ты снаряжалъ ли, посылалъ ли? Положимъ что царевна Софія ходила въ Казанскій соборъ именно для того чтобы прикрыть неудавшееся намѣреніе, но тогда обьявились бы возражавшіе, чтобы получить награду за вѣрность.

Для чего же собраны были стрѣльцы въ Кремль?

Для обороны отъ нападенія Петрова, о коемъ предупреждало подметное письмо, полученное будто бы царицею Софіею 7го августа. Не говоря о томъ что подметное письмо, какъ обыкновенное средство того времени, не только не заслуживаетъ никакого довѣрія, но, напротивъ, возбуждаетъ подозрѣніе что были на Верху какія-нибудь намѣренія, которыя закрывались этимъ письмомъ, а въ Преображенскомъ

не замѣтно было никакого движенія, Петра самые доносчики застали крѣпко спящимъ въ 12мъ часу. Да и на Верху Ша-кловитый, полковникъ Нормадкій, подбѣжце, — всѣ легли спать, и спали до заутрени, когда царевна Софія собралась въ Казанскій соборъ. Какимъ образомъ можно бы понять что всѣ они, ожидая Петра изъ Преображенскаго, легли спать предъ такой опасностью въ Грановитой Палатѣ?

Если Софія опасалась нападенія, то въ Преображенскомъ должны бы были неотлучно ея соглядатаи, которые извѣщали бы ее о всѣхъ движеніяхъ. Были же у нея тамъ пріятельницы, переносившія всякія вѣсти. Ша-кловитый послалъ наблюдать, куда поѣдетъ Петръ. Впервыхъ, кромѣ Кремля выѣзжать ему было некуда, слѣдовательно, если справедливо, то должно бы справляться не о мѣстѣ — куда, а о времени — когда.

Это одно обстоятельство давало бы знать вѣроятіе друг-ихъ что нападеніе ожидалось, если не приписать его отводу.

Въ разчетъ надо принять однакожь то, повторимъ прежнее замѣчаніе, что мы судимъ такъ по настоящимъ нашимъ взгля-дамъ на вещи съ предусмотрительностію, плодомъ опыта; тогда постулали, какъ это видно изъ многихъ событій, го-раздо простѣе, неосторожнѣе, рѣшались легкомысленнѣе, не-смотря далеко въ даль, не предполагая разныхъ возможностей.

—
Если нападенія ни предпринималось, ни ожидалось, то за-чѣмъ же созваны были стрѣльцы?

Сопровождать царевну Софію на богомолье. Причина самая невѣроятная. Ходить ей по богомольямъ въ такое опасное время было вовсе неудобно.

Но мы должны опять замѣтить что слѣдствіе ведено было самымъ неудовлетворительнымъ образомъ. Главное вниманіе было обращено на извѣсты. Обвиняемые подвергались пыткамъ, и послѣ нѣсколькихъ ударовъ, въ первый или второй разъ, признавали за собою большую частію всѣ вины: какъ же можно вѣрить подобнымъ признаніямъ?

Доносчики были неприкосновенны и говорили что хотѣли. Имъ не давали потомъ очныхъ ставокъ, ихъ не спрашивали по поводу другихъ показаній. Медвѣдевъ напримѣръ пока-зывалъ что Елизарьевъ съ товарищами приходили къ нему жаловаться на Ша-кловитаго, который требовалъ де отъ нихъ смерти Голицына и Нарышкина и т. д. Медвѣдевъ,

другъ Шаковитаго, будто убѣдилъ ихъ не принимать на себя такого преступнаго дѣла, и Елизарьевъ поминалъ послѣ часто что онъ и его товарищи обязаны за то Медвѣдеву, безъ котораго навѣрное исполнили бы предложеніе Шаковитаго. Елизарьевъ не былъ даже спрошенъ, правда ли это.

Точно также необходимо нужно бы было розыскать происхожденіе подметнаго письма, найденнаго Елизарьевымъ на Дубянкѣ, объ опасностяхъ грозившихъ царевнѣ Софіи года за два, которое было поводомъ къ разнымъ мѣрамъ, ею принятымъ.

На чемъ основываясь Θεоктистовъ называлъ сборъ стрѣльцовъ въ Кремлѣ бѣдою, которую сдѣлалъ-было Гладкій, названный по этому случаю отъ Сильвестра бѣшеннымъ? Чтѣ узналъ Сильвестръ прежде, и отъ кого, почему выразился такъ? Кто посылалъ Θεоктистова въ Кремль?

Зачѣмъ приходилъ къ Медвѣдеву Кондратьевъ два раза? Для чего заходили къ нему Елизарьевъ съ товарищами?

Если Гладкій имѣлъ поводъ прибѣжать на Дубянку въ первый разъ, чтобы звать стрѣльцовъ, то зачѣмъ же прибѣгалъ онъ въ другой разъ, какъ свидѣтельствуетъ Устряловъ, когда дѣйствія его объявились напрасными?

Зачѣмъ Шаковитый уходилъ съ Верху домой, сдѣлавъ распоряженія о сборѣ стрѣльцовъ?

На чтѣ нужны были Шаковитому на Верху трое подъячихъ?

Когда, въ какой день, въ которомъ часу, говорилъ Шаковитый Елизарьеву чтобы привести стрѣльцовъ и убить Нарышкина и Голицына?

Зачѣмъ царевна Софія послала изъ Казанскаго собора за княземъ Голицынымъ? Почему онъ не пошелъ къ ней, отзываясь нездоровьемъ и не принялъ даже къ себѣ посланнаго Обросима Петрова, между тѣмъ какъ за нѣсколько часовъ онъ былъ на Верху и дѣлалъ тамъ распоряженія? Зачѣмъ приходилъ къ нему, вслѣдствіе его отказа, самъ Шаковитый и говорилъ съ нимъ часъ?

Зачѣмъ Θεоктистовъ ходилъ съ Дубянки въ Кремль, и какъ онъ могъ туда явиться, когда былъ посланъ съ товарищами наблюдать Петра въ Преображенскомъ?

Почему, кромѣ ушедшаго Θεоктистова, посланы были туда Мельновъ и Капрановъ?

Съ какой стати распоряжаться было Туркѣ? О чемъ было справляться, и спрашивать, когда они, то-есть Елизарьевъ, знали въ чемъ дѣло, а прочіе имѣли особое порученіе?

Что увидѣлъ въ Кремлѣ Мельновъ?

Зачѣмъ пріѣзжалъ въ Кремль Плещеевъ изъ Преображенскаго?

Гдѣ извѣты Цыклера?

Слѣдствіе дѣлалось какъ будто для исполненія обряда, формы. Судьи считали заранѣе главными виноватыми Шакловитаго, Сильвестра и Гладкаго. Ихъ заранѣе рѣшено было казнить, а прочіе допрашивались только для того чтобы судьямъ получить оправданіе опредѣленныхъ казней. Точно такъ и подсудимые или спрашиваемые, замѣтя такое расположеніе судей, напускались на Шакловитаго, Сильвестра и Гладкаго, въ особенности на послѣдняго, и, кажется, прибивали къ ихъ дѣйствительнымъ винамъ свои выдумки.

Изъ свода всѣхъ обвиненій и признаній значащихся въ слѣдственномъ дѣлѣ видно пока что убить Петра не было ни у кого въ дѣйствительномъ, опредѣленномъ намѣреніи. Однѣ предположенія и похвальбы.

Остается принять естественную догадку Устрялова что у царевны Софіи и Шакловитаго было первоначальное намѣреніе идти на Преображенское, но что они отдумали, точно какъ Софія отдумывала и прежде, что примѣтно изъ одного показанія въ слѣдственномъ дѣлѣ, на которое не обращалось у насъ вниманія.

Кузьма Чермный показывалъ что въ первыхъ числахъ августа „ночью приходили къ нимъ ко дворамъ ихъ со стѣннаго караула стрѣльцы Андреева полка Нормандскаго, и велѣли приготовить ему (Чермному) человекъ 60, а Евдокимову съ 20 и больше, и велѣли дожидаться на дворѣ на двѣ или три (?) вѣдомости, а безъ вѣдомости никуда ходить не велѣли, а съ чѣмъ имъ идти, потому будетъ другая вѣдомость, и того де числа (?) вѣдомости имъ не бывало, и никуда они не ходили“. На другой день Евдокимовъ ходилъ справляться къ Шакловитому по его ли приказанію приходили къ нимъ стрѣльцы. Шакловитый отвѣчалъ утвердительно.

Для чего иначе могло бы быть нужно собраніе стрѣльцовъ съ заблаговременнымъ приготовленіемъ? Ясно что было какое-то тайное намѣреніе, которое на ту пору не состоялось и было отложено.

Точно также могло не состояться и быть отложено по той

или другой причинѣ нападеніе съ 7го на 8е августа. Можетъ-быть замѣчено было колебаніе, несогласіе стрѣльцовъ, которыхъ можно было убѣдить къ оборонѣ, но не къ нападенію, можетъ-быть не достало рѣшимости въ послѣднюю минуту, какъ не достало рѣшимости вѣнчаться на царство 1го сентября 1687 года, хотя наканунѣ еще тогда объявлялъ то Шакловитый Сильвестру положительно.

Въ дѣлѣ, при всемъ стараніи найти виновныхъ, отыскиваются для пытокъ только человѣкъ десять. Стрѣльцы Гладкій, больше всѣхъ, Кондратьевъ, Стрижевъ, Петровъ, Романовъ, да и тѣ обвиняются только въ непристойныхъ рѣчахъ, то-есть брани, въ похвальбахъ между собою, въ полученіи подарковъ отъ царевны Софіи, въ нѣкоторомъ знакомствѣ съ ея намѣреніями. Прочіе привлекаются къ слѣдствію только какъ свидѣтели неважныхъ распоряженій. Дѣйствій не было никакихъ. Самъ Шакловитый обвиняемъ былъ только въ намѣреніяхъ, и то по извѣстамъ доносчиковъ.

Когда обнаружилась невозможность напасть, тогда причиною собранія стрѣльцовъ объявлена необходимость обороняться отъ нападенія лотѣшныхъ конюховъ, о которомъ получено будто подметное письмо,—предлогъ употребленный и для ихъ собранія. Тогда можетъ-быть и Θεоктистову велѣно объявить Лубянской сборъ бѣдою, сдѣланною Гладкимъ, котораго и Сильверстъ назвалъ бѣшеннымъ. Тогда можетъ-быть Туркѣ и Θεоктистову было велѣно разглашать что Кондратьевъ смутилъ.

Итакъ намѣреніе не состоялось, рѣшенія не было, не было и прежде,—но не было ль мысли исполнить это въ другое время когда-нибудь? Это вопросъ другой, и на него можно, кажется, также рѣшительно отвѣчать что Софія была готова на это дѣло, хотя случаевъ указанныхъ доносчиками также допустить нельзя, а именно:

25го іюля, въ день Успенія Св. Анны, Петръ ожидаемъ былъ въ Вознесенскомъ монастырѣ для поздравленія тетки Анны Михайловны.

„Когда де великій государь въ нынѣшнемъ году изъ Коломенскаго приходилъ къ Москвѣ... Шакловитый имъ, стрѣльцамъ, велѣлъ быть въ Кремлѣ на площади съ саблями вскрытѣ, но близко Краснаго Крыльца, и велѣлъ имъ

слушать вѣстового колокольца, который для вѣсти большаго набату учиненъ у церкви Ризположенія, а какъ де въ большой набатъ учнутъ бить, и вы де дѣлайте то что вамъ велѣтъ.“

Стрѣлецкій капитанъ Салоговъ на очной ставкѣ сказалъ: въ 196 году лѣтомъ, какъ приходила великая государыня Софія Алексѣевна къ брату великому государю въ село Преображенское, и въ то де время онъ Шакловитый ималъ съ собою многихъ стрѣльцовъ разныхъ полковъ, чтобъ убить великую государыню Наталю Кирилловну, и ближнихъ бояръ и комнатныхъ людей, и выходилъ онъ, Шакловитый, къ нимъ на кормовой дворецъ и говорилъ ему, Филиппу: слушайте де какъ учинитца въ хоромѣхъ крикъ, и вы де будьте готовы всѣ, и которыхъ вамъ изъ хоромъ стануть давать, и вы ихъ бейте; Шакловитый объяснялъ: стрѣльцовъ де въ то время въ селѣ Преображенскомъ разныхъ полковъ человѣкъ съ 50 или съ 60 было, а такихъ словъ что у него, Филиппа, написано въ извѣстѣ, не приказывалъ.

Въ обоихъ случаяхъ мѣры принимались, кажется, только оборонительныя; еслибъ было какое намѣреніе, то почему же бы не было оно исполнено?

Устряловъ говоритъ что Петръ пріѣзжалъ на нѣсколько часовъ къ теткѣ, и потому какъ будто бы не было времени, но вѣдь на поздравленіи и нельзя было предполагать пребываніе дольше.

Точно также при посѣщеніи Софіей брата въ Преображенскомъ и предполагать нельзя какого-либо враждебнаго умысла противъ Петра, окруженнаго своими друзьями.

Все это извѣсты сомнительныя, если и не вовсе не вѣрные. Важнѣе всѣхъ показаній, доносовъ и допросовъ и тысячи исписанныхъ листовъ представляется мнѣ нѣсколько строкъ, оставленныхъ къ нашему счастью, въ своемъ дневникѣ, человѣкомъ постороннимъ и безпристрастнымъ, генераломъ Гордономъ, который не любилъ ничего говорить на вѣтеръ, и велъ свои записки собственно для себя, безъ всякихъ заднихъ мыслей.

Гордонъ послѣ извѣстія объ отказѣ Петра принять князя В. В. Голицына послѣ втораго Крымскаго похода, говоритъ:

„Теперь (28го іюля), всѣ предвидѣли ясно открытый разрывъ, который вѣроятно разрѣшится величайшимъ раздраже-

ніемъ, озлобленіемъ. Между тѣмъ оно сохранялось по возможности въ тайнѣ отъ народа. Но это дѣлалось не съ такою ловкостію и скромностію чтобы всѣ почти не узнали что происходитъ.“

31го іюля, „пыль и раздраженіе становились безпрестанно больше и больше и, казалось, они должны были вскорѣ разрѣшиться окончательно.“

6го августа ходили слухи которые передавать было страшно.

Объ чемъ могли быть такіе страшные слухи, кромѣ расправы въ Преображенскомъ, что объясняетъ онъ послѣ и самъ?

Въ этомъ смыслѣ говорить и Невиль, что кровопролитіе предотвращено только смѣлостію Петра, который велѣлъ задержать главныхъ помощниковъ Софіи.

Невиль писалъ, разумѣется, по слухамъ, но не по слухамъ Русскихъ, которыхъ онъ понимать не могъ, а по слышанымъ въ иностранныхъ посольствахъ, преимущественно въ польскомъ, которыя имѣли своею обязанностию доискиваться до правды и сообщать вѣрныя извѣстія къ своимъ дворамъ. Замѣтимъ что иностранцы имѣли сношенія больше съ побѣжденною партіей, чѣмъ съ побѣдителями. Корбовы извѣстія можно бы приписать торжествующей партіи Петровой, но они согласны впрочемъ съ Гордономъ и Невилемъ.

Невиль говоритъ еще что Софія рѣшилась вслѣдъ за казнію Хованскаго умертвить обоихъ братьевъ, но что Голицынъ посоветовалъ ей приступить къ дѣлу тише, женить Ивана, и когда родится у него сынъ, тогда Петръ лишится права занимать престолъ, Софія сочетается бракомъ съ Голицынымъ, жена Иванова обвинится въ прелюбодѣяннѣ, а сынъ ея объявится незаконнымъ.

Гордонъ, говоря объ осужденіи князя В. В. Голицына, пишетъ еще что хотя князь Голицынъ не былъ зачинщикомъ, но онъ зналъ обо всемъ что задумывалось *противъ жизни младшаго царя.*

Изъ этихъ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ видно что слухи о намѣреніи убить Петра ходили въ городѣ въ томъ или другомъ видѣ, слѣдовательно, были извѣстны и въ Преображенскомъ, гдѣ всякую минуту должны были опасаться нападенія и приготовляться къ оборонѣ.

Заручившись этимъ положеніемъ, обратимся къ доносу Ларіона Елизарьева съ товарищами.

Въ новомъ драгоценномъ сборникѣ, изданномъ Г. В. Есиповымъ, мы находимъ слѣдующій важный документъ:

„Лѣта 198 года, октября въ 31й день, постельничему Гаврилу Ивановичу Головкину: въ нынѣшнемъ въ 198 году, октября въ 22й день, великіе государи цари и великіе князья Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ пожаловали по имянному своему великихъ государей указу стольника и полковника Стремяннаго Иванова полку Цыклера, пятисотеннаго Ларіона Елизарьева, пятидесятниковъ Ипата Ульфога, Дмитрія Мельникова, десятниковъ: Федора Турку, Якова Ладогина, Михаила Θεоктистога, Ивана Троицкаго, велѣли имъ дать своего великихъ государей жалованья, за многія ихъ вѣрныя и радѣтельныя службы, по тысячи рублей человѣку, итого семь тысячъ рублей, вмѣсто каменныхъ лавокъ, и анбаровъ, и харчевень, и пирожень и рыбныхъ мѣстъ, которыя даны имъ были въ нынѣшнемъ же въ 198 году изъ приказа большіе казны. И по ихъ, Ларіонову и Ипатову съ товарищи, челобитью, тѣ лавки и анбары, и харчевни, и пирожные, и рыбные палаты взяты на нихъ великихъ государей, и велѣно ихъ вѣдать и въ наймы отдавать, попрежнему, изъ приказа большіе казны, а на тою дачу, тѣ деньги семь тысячъ рублей, изъ приказа большіе казны въ приказъ ихъ великихъ государей мастерскіе палаты, прислать къ тебѣ постельничему Гаврилу Ивановичу. П по сему великихъ государей указу въ то число, на тое вышелепанную дачу, изъ доходовъ приказу большіе казны, отпущено въ приказъ ихъ великихъ государей мастерскіе палаты денегъ три тысячи пятьсотъ рублей.“

Въ чемъ же состояла заслуга Елизарьева съ товарищами, за которую получали они такую необыкновенную для того времени награду?

Дать семи человѣкамъ по тысячѣ рублей—это награда чрезвычайная и не могла быть дана развѣ большаго дѣла.

Она получали, скажутъ, награду за то что донесли именію въ ту минуту когда предназначался ударъ.

Нѣтъ, въ данную минуту не предназначалось никакого удара, какъ мы заподлинно дознались, и сами доносчики это знали, и доносы лгали завѣдомо, клеветали.

Еслибы даже доносъ на первыхъ порахъ казался вѣрнымъ,

то у Троицы-то при начальныхъ допросахъ можно было удостовѣриться что въ ночь на 8е августа нападенія никакого на Преображенское не назначалось и не начиналось.

За что же, повторяемъ, дана такая награда? Даромъ не дали бы семь тысячъ рублей простымъ стрѣльцамъ за донось, оказавшійся ложнымъ, хотя и благонамѣренный.

Попытаемся сперва объяснить его въ хорошую сторону. Нельзя ли предположить что Елизарьевъ, связанный тѣсными узами съ царевной Софіей и Шакловитымъ, бралъ съ нихъ деньги, но внутренно не одобрялъ кровопролитія, что видно изъ показанія Сильвестра, но когда онъ увидѣлъ по послѣднимъ мѣрамъ что оно рѣшено, и что царевна хочетъ покончить съ братомъ и Нарышкинымъ, то рѣшился предупредить Петра объ опасности вмѣстѣ съ своими товарищами.

Нѣтъ, такого предположенія сдѣлать нельзя.

Если Елизарьевъ получилъ по утру порученіе приходить въ Кремль и приводить стрѣльцовъ на ночь, на 8е число, или по крайней мѣрѣ узналъ объ немъ, то кто же мѣшалъ ему тотчасъ предупредить Петра? Почему дождался онъ ночи, когда уже не оставалось какъ бы ни минуты времени, и Петръ босикомъ, въ одной рубашкѣ, долженъ былъ бѣжать въ конюшню и одѣваться въ рощѣ?

Если онъ самъ не зналъ о принятомъ намѣреніи заранѣе, и только отъ Гладкаго получилъ извѣстіе, то Θεоктистовъ, возвратившійся непременно прежде Мельнова, долженъ былъ ему сообщить что тревога поднята по пустому.

Если остаться при его собственномъ извѣтѣ, то онъ ожидалъ нападенія Петрова на Кремль, о которомъ во второмъ или третьемъ часу ночи передалъ извѣстіе Сильвестру Медвѣдеву, показавшему это въ своихъ отвѣтахъ.

Какъ ни оборачивать всѣ эти показанія, все приходится къ заключенію о его несостоятельности. Донось Елизарьева было ложный, придуманный заранѣе.

Не были ли Елизарьевъ съ товарищами подкуплены партией Петра (Голицынымъ, Нарышкинымъ), представить донось именно въ эту ночь, чтобы дать тѣмъ предлогъ къ бѣгству Петра, послужившему къ окончательной развязкѣ.

Иначе нельзя объяснить этого доноса и этой награды, которая была видно условною платой.

Въ этой стачкѣ важную роль игралъ полковникъ Стремлянаго полка, къ которому принадлежали все доносчики, стольникъ Иванъ Елизаревичъ Цыклеръ, столько извѣстный въ первомъ стрѣльцкомъ бунтѣ, одинъ изъ первыхъ слугъ царевны Софіи.

(Замѣтимъ что Ларіонъ Елизарьевъ чрезъ десять лѣтъ явился опять доносителемъ на друга своего и единомышленника, полковника Цыклера, который замыслилъ тогда новый заговоръ противъ Петра.)

Гордонъ подъ 10мъ числомъ августа пишетъ:

„Младшій царь прислалъ за полковникомъ Иваномъ Цыклеромъ и 50 стрѣльцами. Послѣ было узнано что это было сдѣлано происками этого полковника, чтобы пріобрѣсть милость младшаго царя, такъ какъ онъ въ послѣднемъ возстаніи стрѣльцовъ, въ коемъ погублены были многіе друзья младшаго царя, былъ однимъ изъ главнѣйшихъ орудій; поэтому онъ писалъ къ друзьямъ своимъ при Троицкомъ дворѣ, чтобъ они убѣдили младшаго царя прислать за нимъ, причемъ онъ обѣщалъ раскрыть такія вещи которыя тамъ знать должно; по прибытіи своемъ открылъ онъ все, и передалъ за своею подписью что онъ получалъ приказы и бумаги отъ двора для раздачи между стрѣльцами.“

Замѣтимъ что 8го Петръ прибылъ къ Троицѣ, а 10го послалъ уже за Цыклеромъ, а Елизарьевъ убѣжалъ туда 11го.

Гордонъ говоритъ о друзьяхъ его при Троицкомъ дворѣ, которыхъ онъ проситъ убѣдить младшаго царя чтобы тотъ вызвалъ его изъ Москвы. Это едва ли вѣрно. Какихъ друзей могъ имѣть Цыклеръ при Троицкомъ дворѣ, бывъ однимъ изъ главныхъ орудій царевны Софіи во время перваго стрѣльцкаго бунта, ставившій столбъ во славу убійцъ Матвѣева, Нарышкина и пр.? Вѣроятно такъ было условлено заранѣе при составленіи плана дѣйствій. Изъ переписки съ нимъ и Елизарьевымъ нѣкоторыхъ единомышленныхъ стрѣльцовъ, остававшихся въ Москвѣ, ясно видно что все доносчики составляли съ нимъ одно общество. Стрѣльцы обращаются къ Елизарьеву предъ Цыклеромъ, шлютъ ему поклонны, увѣдомляютъ о московскомъ положеніи, просятъ его ходатайства. *

Царевна Софія догадалась объ этой стачкѣ, и въ сказкѣ которую велѣла она Шакловитому написать для всякихъ

* См. у Аристова, въ дѣлѣ о Шакловитомъ, стр. 29—33.

чиновъ людей по поводу грамоты, было именно сказано что де въ грамотахъ написано изъ Троицкаго объѣзду про извѣтъ лятидесятника Л. Елизарьева съ товарищи... тѣ дѣла написаны напрасно, и чтобъ они тому не вѣрили. Да въ той же де сказкѣ написанъ былъ стольникъ и полковникъ Иванъ Елисѣевъ сынъ Цыклеръ, да извѣтчики Л. Елизарьевъ съ товарищи... они стакався съ ними затѣяли напрасно...

Ихъ, то-есть Цыклера и Елизарьева съ товарищами, разумѣла безъ сомнѣнія царевна Софія въ рѣчи своей обращенной къ стрѣльцамъ по полученіи требованія отъ Троицы 1го сентября: „Нашлись люди, сказала она, которые согласились быть *орудіями* (быть употребленными какъ орудія), и всѣ средства употребили чтобы разсорить ихъ (старшаго брата и Царевну); они возбудили великія тревоги, соперничество и ссору, они *настроили* нѣкоторыхъ людей говорить о заговорѣ на жизнь младшаго царя и другихъ. Изъ ревности къ полезной службѣ Федора Шакловитаго и постояннымъ его попеченіямъ днемъ и ночью о безопасности и благосостояніи государства, выдали они его зачинщикомъ заговора, какъ будто бы существовалъ какой. Она (Царевна), чтобъ уладить дѣло и розыскать основу этихъ пререканій, была сама на пути къ Троицѣ, но удержана по наговору злыхъ совѣтниковъ, которыхъ ея братья около себя имѣють, и ей не позволено было идти далѣе. Такимъ образомъ она, съ великимъ поруганіемъ, должна была воротиться. Всѣмъ имъ хорошо извѣстно какъ она въ продолженіи сихъ семи лѣтъ управляла государствомъ, принявъ на себя управленіе въ самое безпокойное время; ею заключенъ славный и вѣчный миръ съ христіанскими государями, нашими сосѣдами, и враги христіанской релігіи ея оружіемъ приведены въ страхъ и трепетъ; стрѣльцы за свою службу получили значительныя награды, и она къ нимъ всегда являла себя милостивою. Она не можетъ себѣ представить чтобъ они измѣнили ей и повѣрили вымысламъ враговъ общественнаго покоя и благосостоянія. Не Федора Шакловитаго жизни ищутъ, а моей жизни и жизни моего старшаго брата“, сказала она въ заключеніе.

Она отпустила ихъ съ обѣщаніемъ наградить тѣхъ которые останутся вѣрными и не будутъ вымѣшиваться въ это дѣло, и, напротивъ, наказать тѣхъ которые окажутъ непослушаніе и будутъ содѣйствовать смятенію.

Затѣмъ были призваны именитые люди изъ гражданъ и простаго народа. Царевна держала къ нимъ такую же рѣчь.

Въ третій разъ созвала она всѣхъ вмѣстѣ и сказала имъ длинную и прекрасную рѣчь въ томъ же духѣ.*

На другой день присланные стрѣльцы приходили къ царевнѣ, и просили чтобъ она отпустила хоть по человѣку съ полка. Царевна отказала рѣшительно. Если кто поѣдетъ, то помните что у васъ останутся здѣсь жены и дѣти. Но все было напрасно.

Во всякомъ случаѣ любѣгъ Петра рѣшилъ дѣло въ его пользу, и Софія не могла ничего предпринять противъ него, неприступнаго въ Троицкомъ монастырѣ. Между стрѣльцами мало было людей готовыхъ поднять руку на царя. Право было при немъ. Сторона приверженцевъ между боярами была многочисленная и сильная. Въ народѣ также предпочтеніе естественно отдавалось ему предъ болѣзненнымъ и слабоумнымъ его братомъ. Злоумышленія противъ него были явныя, чѣмъ возбуждалось къ нему участіе, и находились новые приверженцы.

Рѣшенія убить 8го августа, какъ прежде 25го іюля, и 1го августа, положимъ, не было, но вообще это рѣшеніе, безъ сомнѣнія, было въ умѣ, дѣлались приготовленія, шли разговоры, но среди этихъ приготовленій, пока еще не опредѣленъ былъ моментъ, противная партія сдѣлала свой *coup d'état*, и всѣ планы Софіи съ ея пріятелями были уничтожены.

Взаимное отношеніе партій и избранный ими образъ дѣйствій представляются намъ послѣ тщательнаго изслѣдованія въ такомъ видѣ:

Партіи уступить одна другой не хотѣли. Царевна Софія готова была на всякія средства чтобъ удержать власть которую имѣла въ своихъ рукахъ, но опасалась быть начинщицею; стрѣльцы находились подъ ея начальствомъ и вліяніемъ, и на защиту ея, управлявшей при старшемъ братѣ и осыпавшей ихъ наградами, они вѣрно были готовы. Голицынъ надѣялся уладить дѣло, а Софія оказывала нетерпѣніе.

* Гордоновъ дневникъ, т. II, стр. 272 и пр.

Такъ точно и Петровой сторонѣ начать открытую войну не доставало силъ: потѣшныхъ было не много, идти на старшаго брата и старшую сестру безъ всякаго видимаго предлога, — ни съ того, ни съ сего — было немислимо, и успѣхъ былъ не только сомнителенъ, но очевидно невозможенъ.

Для обѣихъ партій оборонительное положеніе было гораздо полезнѣе наступательнаго. Разыгрывать угнетенную невинность всегда выгодно для того чтобы возбудить участіе и привлечь общее мнѣніе въ свою пользу. Побѣдившей сторонѣ легко будетъ оправдать какія бы то ни было дѣйствія необходимостію, случайностію и всякою справедливостію, а въ свалкѣ разбирать мудрено, на кого должны падать удары.

Такимъ образомъ обѣ партіи выжидали удобныхъ случаевъ, пытались дразнить одна другую чтобы вызвать нападеніе, и получить поводъ къ оборонѣ, но безъ успѣха.

Петрова партія наконецъ перехитрила, и пока Софія собиралась, приготовлялась, рѣшалась и откладывала рѣшеніе, думала и передумывала, Преображенцы устроили свой *coup d'état*, и всѣ обстоятельства обратили въ свою пользу.

Они подкупили нѣкоторыхъ наперсниковъ царевны Софіи и Шакловитаго, и убѣдили ихъ сдѣлать доносъ на своихъ предводителей. Подкупить или даже убѣдить могли они, кромѣ денегъ, доказательствами что рано или поздно, такъ или иначе, Петръ, молодой, сильный, способный, дѣятельный, будетъ царемъ, и что взять его сторону теперь гораздо выгоднѣе, нежели оставаться при царевнѣ Софіи, которая собственно не имѣетъ никакого права, и что Петръ, сдѣлавшись царемъ, наградитъ вѣрныхъ своихъ слугъ, а недоброжелатели должны будутъ получить наказаніе.

Получить доносъ о злоумышленіяхъ было все-таки недостаточно: надо было поймать злоумышленниковъ съ поличнымъ, *en flagrant delit*, и кремлевскіе сборы стрѣльцовъ, которые устраивала царевна для своихъ цѣлей, доставили доносчикамъ самый благовидный и правдоподобный предлогъ исполнить ихъ намѣреніе. Копавшіе яму попали въ нее сами. Зная объ этихъ сборахъ, сторона Петрова, можетъ-быть, заранѣе дала инструкцію подкупленнымъ доносчикамъ чтобы они явились въ Преображенское въ такое-то время и такимъ-то образомъ.

Получивъ доносъ, оставаться въ Преображенскомъ, пред-

ставляло все-таки еще много опасностей, и успѣхъ могъ бы быть неизвѣстнымъ: оправдываться съ силою въ рукахъ, для царевны было бы легко.

Надо было начать борьбу не изъ Преображенскаго. Самое удобное и безопасное мѣсто былъ Троицкій монастырь, по опыту, сдѣланному уже самой Софіей, которая оттуда могла унять стрѣльцовъ и порѣшить съ Хованскими.

Какъ же устроить удаленіе Петровой партіи въ Троицкій монастырь? Да и самого его уломать, при его характерѣ, къ такому образу дѣйствій было бы трудно, а дѣйствовать нужно было какъ можно скорѣе, и ковать желѣзо пока горячо.

Рѣшено испугать его соннаго извѣстіемъ что вотъ идутъ убійцы, бѣги, — такъ чтобы не было времени опомниться и ни о чемъ подумать.

Такъ и велѣно было дѣйствовать доносчикамъ, которые исполнили отлично свои задачи, за что и получили, условную или обѣщанную, большую награду.

Петръ игралъ пассивную роль, потому, можетъ-быть, послѣ и не чувствовалъ особенной признательности къ дѣятелямъ.

Планъ удался какъ нельзя лучше. Царица Наталья Кирилловна и невѣстка ея съ сыномъ отправились вслѣдъ за Петромъ къ Троицѣ. Потѣшный Лука Хабаровъ отвезъ туда и лешки, „прчась отъ князя Василья Голицына“.

Никто не мѣшалъ имъ: ясно ли что у противной партіи опустились руки вслѣдствіе такого неожиданнаго оборота дѣлъ.

Полкъ стрѣльцовъ около тысячи человекъ за нимъ послѣдовалъ, о чемъ въ сборникѣ Есипова значится слѣдующій документъ:

„Лѣта 7198 года, октября въ 31й день, великіе государи цари и великіе князья Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ пожаловали стольника и полковника Лаврентія Сухарева и его полку подполковника, что нынѣ полковникъ, Ивана Спѣшнева, и капитановъ и лятисотныхъ и пятидесятниковъ и десятниковъ и рядовыхъ стрѣльцовъ, за ихъ многую, вѣрную и радѣтельную службу, что они въ прошломъ во 197 году, августа въ 8мъ числѣ, въ селѣ Преображенскомъ стояли на стѣнномъ караулѣ, и въ ночи противъ вышечисаннаго числа изъ села Преображенскаго шли они, Лаврентій, съ полчаны и со стрѣльцы за великимъ государемъ царемъ Петромъ Алексѣевичемъ, какъ ему великому государю учинился изъ того села походъ отъ воровъ, отъ измѣнниковъ, отъ

Оедьки Шакловитаго съ товарищи, безвременно, до Троицкаго монастыря, лѣвши и прошли въ скорыхъ часѣхъ, и въ Троицкомъ монастырѣ были до его великаго государя указу и его государское здоровье оберегали и повелѣніе его государское исполняли, и во всемъ многую свою вѣрную службу показали, и къ ворахъ и къ измѣнникамъ не приставали, и воровскихъ ихъ прелестныхъ словъ не слушали, — велѣли имъ дать своего великихъ государей жалованья, полковнику Лаврентію Сухареву бархатъ венецкій, мѣрою 10 аршинъ, обьярь двойную, мѣрою 5 аршинъ, атласъ мѣрою 10 аршинъ; Ивану Стѣпанову обьярь двойную мѣрою 5 аршинъ, камку кармазинную мѣрою 10 аршинъ, капитанамъ Петру Августову, Матвѣю Угрюмову, Василью Морозову, Ивану Лобкову, Володимеру Жаворонкову, Федору Степанову, Матвѣю Гамову, — по камкѣ кармазинной, мѣрою по 10 аршинъ; да по тафтѣ кармазинной же, мѣрою по 5 аршинъ; стрѣльцамъ лятисотнымъ и лятидесятникамъ, двадцати человекамъ, по тафтѣ, мѣрою по 5 аршинъ; да по сукну кармазинному, мѣрою по 5 аршинъ; семидесяти шести человекамъ десятникамъ, по сукну полукармазинному, мѣрою по 5 аршинъ; да по сафьяну; осьми стамъ лятидесяти семи человекамъ рядовымъ по сукну англійскому мѣрою по 5ти аршинъ изъ Казеннаго Приказу.“

Изъ Преображенскаго на другой день потребовано объясненіе, для чего собираемы были стрѣльцы ночью съ 7го на 8е августа. Отвѣтомъ—для сопровожденія царевны Софіи на богомолье — подтвердились всѣ подозрѣнія. Получились извѣты, вслѣдствіе которыхъ потребованы обвиняемые. Царевна не хотѣла ихъ отдавать, но принуждена была исполнить требованія; начались побѣги къ Троицѣ. Она послала духовника, потомъ патріарха, отправилась сама, — все безуспѣшно. Требованія и вызовы умножались къ стрѣльцамъ, къ полковникамъ; къ городскимъ жителямъ отправлены грамоты съ изложеніемъ всѣхъ извѣтовъ. Въ московскихъ стрѣльцахъ обнаружилось намѣреніе выдать измѣнниковъ. Софія должна была разстаться даже съ напереникомъ своимъ Шакловитымъ, котораго укрывала въ своихъ покояхъ. Сильвестръ Медвѣдевъ бѣжалъ. Нѣмецкіе полки съ Гордономъ пошли наконецъ къ Троицѣ. Лефортъ явился прежде всѣхъ. По окончаніи слѣдствія прислано повелѣніе Царевнѣ удалиться

въ Девичій монастырь, и Петръ съ торжествомъ возвратился въ Москву, 6го октября.

Замѣчательно что онъ не хотѣлъ подвергать Шакловитаго новымъ пыткамъ и не соглашался на казнь его, по извѣстію Гордона, какъ будто узнавъ что, при извѣстныхъ его винахъ, на него наговорено много напраслинь.

IV

Кто же былъ главнымъ руководителемъ въ этомъ великомъ по своимъ послѣдствіямъ событіи?

Князь Борисъ Алексѣвичъ Голицынъ.

Самое твердое и вѣрное свидѣтельство принадлежитъ Гордону, который по своимъ связямъ въ обѣихъ партіяхъ лучше всѣхъ зналъ тогдашнія отношенія. Онъ пишетъ въ своемъ дневникѣ подъ 1мъ сентября: князь Борисъ Алексѣвичъ Голицынъ распоряжался всѣми дѣлами у Троицы, ибо никто другой не осмѣлился вмѣшаться въ такое отважное опасное дѣло какимъ оно сначала казалось. *

Въ другомъ мѣстѣ, подъ 9мъ сентября, онъ говоритъ: „князь Борисъ Алексѣвичъ Голицынъ былъ до сихъ поръ (то-есть до совершеннаго окончанія дѣла) *главнымъ и единственнымъ* орудіемъ при этихъ перемѣнахъ, и *привелъ дѣло* на описанную дорогу.“

Предположеніе о князѣ Борисѣ Голицынѣ и Л. К. Нарышкинѣ есть въ показаніи самого Шакловитаго. „А Аброськѣ де Петрову такіа слова говорилъ что государю къ Троицѣ итти *чантъ наговорилъ бояринъ Л. К. Нарышкинъ да кравчей князь Б. А. Голицынъ.*“ **

„Какъ де великій государь изволилъ изъ села Преображенскаго итти скорымъ походомъ въ Троицкой Сергіевъ монастырь, а все де его подбили кравчей *князь Борисъ Алексѣвичъ, да бояринъ Левъ Кириловичъ.*“ ***

Заключаемъ: благополучнымъ окончаніемъ распри, побѣдой надъ царевной Софіей и ея партіей, предоставленіемъ единодержавія Петру, основаніемъ его царствованія, Россія обязана князю Борису Алексѣвичу Голицыну.

М. ПОГОДИНЪ.

* Гордоновъ дневникъ т. 2, стр. 273.

** Въ дѣлѣ о Шакловитомъ у Аристова, стр. 23.

*** Тамъ же, стр. 60.

О ПРАВАХЪ НЕЙТРАЛЬНЫХЪ

„Hoffen wir indess, dass das Rechtsgefühl aller Völker, gegründet auf das Bewusstsein der menschlichen, nicht bloss nationalen Freiheit.... sich übereinstimmend von dem morschen Kram selbstsüchtiger maximen lossagen werde, welche bisher das fermeintliche Seerecht der Neutralen bildeten“....

Heftler.

I. Общія начала нейтралитета.

Всякое государство, будучи независимымъ и самостоятельнымъ членомъ международнаго союза, имѣетъ полное право въ случаѣ открытія войны между другими членами союза оставаться чуждымъ войнѣ, считать ее для себя какъ бы не существующею, не принимать въ ней участія, словомъ, оставаться нейтральнымъ. Принимая такое положеніе оно вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ право требовать и отъ каждаго изъ воюющихъ государствъ чтобъ оно не принуждало его переходить на его сторону, чтобъ оно не нарушило его мира; словомъ, чтобъ въ силу войны, не прерывало тѣхъ отношеній въ которыхъ состояло съ нимъ до войны.

Нѣкоторые писатели даже опредѣляютъ нейтралитетъ какъ *продолженіе (continuatio) до-военнаго состоянія*. * Но очевидно

* Между прочими Галіана и Азуки. См. Hautefeuille, *Droits* т. II, 199.

что въ силу вещей положеніе нейтральнаго и отношенія его къ воюющимъ сторонамъ не могутъ остаться такими какъ были до войны. До войны всякое государство можетъ предпринимать какія угодно дѣйствія въ своихъ отношеніяхъ съ другими; оно можетъ благопріятствовать одному предъ другими, позволять одному вести какую-либо торговлю, закрытую для другихъ, давать денежныя пособія, посылать корабли и оружіе и пр. На все эти дѣйствія всякое государство имѣетъ неоспоримое право, и ни одно другое государство не можетъ видѣть въ нихъ обиду для себя и сдѣлать изъ нихъ *casus belli*. Но предположимъ что вспыхнула война; очевидно что государство, доставляя одному изъ воюющихъ извѣстныя выгоды, оказывалъ ему тѣмъ самымъ помощь, усиливаетъ его, и отказывая въ тѣхъ же выгодахъ другому, ослабляетъ этого послѣдняго, который такимъ образомъ ведетъ войну не съ однимъ своимъ противникомъ, но косвенно и съ третьимъ государствомъ, или по крайней мѣрѣ съ его силами, поставленными въ распоряженіе своего непріятеля. Съ этой минуты оно имѣетъ право разсматривать это третье государство какъ непріятеля, какъ союзника противной стороны.

Здѣсь возникаетъ вопросъ, остается ли государство нейтральнымъ если оно оказываетъ помощь, но помощь равносильную, обѣимъ сторонамъ? Кажется что самый вопросъ ложенъ: нейтралитетъ состоитъ, какъ сказано, въ полномъ бездѣйствіи и невмѣшательствѣ относительно войны, а не въ томъ чтобы въ одинаковой мѣрѣ помогать сторонамъ, и государство поступающее такимъ образомъ вмѣшивается въ войну. Обстоятельство что оно въ одинаковой мѣрѣ помогаетъ тому и другому изъ воюющихъ, можетъ говорить въ пользу его безпристрастія, не болѣе. Въ подобномъ положеніи не разъ находилась Швейцарія при системѣ военныхъ капитуляцій; ея войскамъ нерѣдко приходилось сражаться другъ противъ друга; въ этомъ, очевидно, есть противорѣчіе съ истинными принципами нейтралитета, и даже Ваттель, защищающій мнѣніе что государство при такомъ образѣ дѣйствій остается нейтральнымъ, говоритъ что хотя Швейцарія и не нарушала обязанностей нейтралитета, но подавала своимъ поведеніемъ поводъ ко многочисленнымъ нареканіямъ *. Оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о томъ насколько на прак-

* Vattel, III, § 110. Bluntschli, § 762.

тикѣ возможно такое *одинаковое, равносильное* для обѣихъ сторонъ вмѣшательство въ войну. Въ принципѣ вопросъ рѣшается несомнѣнно отрицательно, и нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Филлимора: „Государство оказывающее помощь обѣимъ сторонамъ, можетъ быть безпристрастно, но оно отнюдь не нейтрально.“*

Государство можетъ и независимо отъ собственной воли, даже противъ воли, утратить нейтралитетъ. Территоріальная неприкосновенность есть одно изъ существенныхъ правъ государства. Если его территоріальная неприкосновенность будетъ нарушена во время мира, государство можетъ требовать отъ нарушившаго удовлетворенія; но сдѣлать или не сдѣлать это зависитъ вполнѣ отъ его воли, и если оно почему-либо не считаетъ нужнымъ возбуждать дѣла, оно можетъ игнорировать нарушение и не разсматривать его какъ таковое. Это его *право*. Не такъ во время войны. Это право становится и обязанностью, если государство хочетъ оставаться нейтральнымъ. Положимъ что одно изъ воюющихъ государствъ заняло нейтральную крѣпость, нейтральный портъ и оттуда уже предпринимаетъ враждебныя дѣйствія противъ непріятели. Очевидно что тутъ оно имѣетъ болѣе выгоды чѣмъ противникъ и имѣетъ ихъ благодаря пассивному отношенію къ его дѣйствіямъ нейтральной державы. Нейтральное государство, не предпринимая ничего противъ державы занявшей часть его территоріи, своимъ молчаніемъ какъ бы созволяетъ на это занятіе, какъ бы становится ея союзникомъ, а слѣдовательно врагомъ второй воюющей стороны, которая уже тогда не обязана болѣе признавать его за нейтральное. Конечно, можетъ случиться что нейтральное государство, потерпѣвшее такое нарушение своихъ правъ, слишкомъ слабо для сопротивленія, и по этой причинѣ, безъ намѣренія помогать воюющему, желаетъ игнорировать правонарушеніе. Но въ такомъ случаѣ оно является слабымъ, разоруженнымъ, но уже не *нейтральнымъ*. Оно нарушило главное условіе нейтралитета; оно, хотя и пассивно, противъ воли, но вмѣшалось въ войну; eo ipso утратило нейтралитетъ. Къ вопросу о территоріальной неприкосновенности и о нарушении ея можно отнести и случаи *прохода войскъ* воюющихъ по нейтральной территоріи. Право прохода пред-

* Phillimore, III. § 150.

оставляетъ выгоду для пользующейся имъ державы. А какъ скоро нейтральное государство предоставляетъ выгоду одной изъ воюющихъ сторонъ въ ущербъ другой, оно отрѣшается отъ нейтралитета. Современная международная практика вполне принимаетъ это положеніе. Швейцарія, постоянный нейтралитетъ * которой былъ признанъ актомъ Вѣнскаго конгресса отъ 20го марта 1815 года, въ томъ же году допустила проходъ части союзныхъ войскъ по своей территоріи; допуская же его, она отказывалась отъ своего нейтральнаго положенія, что явствуетъ изъ депеши конгресса отъ 12го мая 1815 года **, а потомъ и изъ трактата заключеннаго 20го мая того же года, трактата которымъ Швейцарія примкнула, хотя и съ оговоркой, къ союзу ***.

Вообще можно сказать что охраненіе нейтральнымъ государствомъ своей территоріальной неприкосновенности есть его обязанность; безъ ея соблюденія нейтралитетъ нарушенъ. Только относительно морской территоріи практика устанавливаетъ нѣсколько отличныя отъ высказанныхъ выше правилъ.

Къ нарушеніямъ нейтралитета относится дозволеніе воюющимъ сторонамъ набора на нейтральной территоріи. Нейтральное государство, дозволяя наборъ, становится союзникомъ той стороны которой его дозволило. Практика подтверждаетъ это положеніе и не допускаетъ набора. Соображенія объ этомъ предметѣ были подробно развиты въ нотѣ правительства Сѣверо-Американскихъ Штатовъ (17го іюня 1793 года), въ которой опредѣляется положеніе нейтральнаго государства относительно воюющихъ. Въ 1794 году конгрессъ постановилъ что набору войскъ, флота и т. л. въ предѣлахъ территоріи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, какъ дѣйствіямъ противнымъ обязанностямъ нейтралитета, американское правительство будетъ сопротивляться съ оружіемъ въ рукахъ. Въ 1818 году декларація эта была возобновлена. **** Примѣру Америки вскорѣ послѣдовала Англія. По british foreign enlistement act отъ 1819 года, допущеніе наборовъ одной изъ воюющихъ сторонъ на англійской территоріи при-

* *Neutralité perpétuelle.*

** Martens, *Nouveau Recueil*, II, 170.

*** Wheaton, *Elements*, II, 77 и слѣд.

**** Ibid II, 94 и слѣд.

знако несовмѣстимъ съ началами нейтралитета. * Долѣе всѣхъ Швейцарія держалась правилъ несогласныхъ съ принятыми остальными государствами. Она заключала военныя капитуляціи (*capitulations militaires*) со многими государствами, и „не рѣдко“, говоритъ Блунчли, „служба въ двухъ различныхъ государствахъ, соотечественники были принуждаемы сражаться другъ противъ друга, что противно истиннымъ принципамъ международнаго права“, не говоря уже о безправственности положенія. ** Поэтому-то Швейцарія и отказалась конституціей 1848 года отъ военныхъ капитуляцій. ***

Не только дозволеніе набора одной, но и обѣимъ воюющимъ державамъ не согласно съ понятіемъ нейтралитета. Есть впрочемъ мнѣніе что это послѣднее дѣйствіе не противорѣчитъ нейтралитету, такъ какъ нейтральное государство, позволяя обѣимъ воюющимъ сторонамъ наборъ войска, безпристрастно къ той и другой сторонѣ. Этого мнѣнія держится, по странному противорѣчію съ самимъ собой, и Блунчли. Галиани и Ваттель тоже, хотя и съ оговорками, выражаютъ подобную мысль. „Если нейтральное государство“, говоритъ Блунчли, „дозволяетъ обѣимъ воюющимъ производство набора, оно тѣмъ не нарушаетъ своихъ обязанностей нейтральнаго; но еще лучше оно соблюдаетъ ихъ, если вполне воспретитъ наборъ“. **** Этими словами Блунчли вводитъ понятіе о какомъ-то неполномъ нейтралитетѣ,—понятіе едва ли допустимое. Одно изъ двухъ: государство нейтрально, или оно воюющая сторона; средняго между этими двумя положеніями нѣтъ. Да и самъ Блунчли, говоря немного выше объ образѣ дѣйствій Швейцаріи, дозволившей наборъ войскъ всѣмъ государствамъ, прибавляетъ: „въ этомъ очевидно есть нѣчто противное истиннымъ принципамъ нейтралитета“. † Ваттель, защищая образъ дѣйствій своего отечества, сознается что поведеніе Швейцаріи, хотя и не противное обязанностямъ нейтралитета, подавало однако поводъ ко многимъ нареканіямъ. †* Галиани, отвергая

* Ibid 96 и слѣд.

** Bluntschli, § 759.

*** Стат. II. См. Laferrière et Bathie, *Constitutions d'Europe et d'Amérique*, стр. 84.

**** Bluntschli, § 762.

† Bluntschli, § 759.

†* Vattel, III, § 110.

вообще эту теорію, исключаетъ изъ нея одинъ случай: если государство позволяло (по обычаю или договору) какой-либо державѣ во время мира набирать войска на своей территоріи, то, при открытіи войны, оно можетъ, не нарушая нейтралитета, продолжать дѣйствовать также, *лишь бы оно предоставило то же право и другой воюющей державѣ.*" *

Съ этимъ нельзя согласиться: Галиани въ этомъ случаѣ думаетъ что безпристрастіе, выраженное общимъ дозволеніемъ, можетъ покрыть вмѣшательство. Но вмѣшательство въ войну, по какимъ бы соображеніямъ оно ни произошло, какимъ бы безпристрастіемъ ни сопровождалось, составляетъ нарушение нейтралитета. На это можно бы возразить что воспрещая съ открытіемъ войны наборъ, дозволенный въ мирное время, нейтральное государство ослабляетъ силы державы которой воспрещаетъ, а следовательно дѣйствуетъ въ пользу противной стороны. Но стоять вѣзвѣдѣ ближе въ это возраженіе и оно потеряетъ ту вѣзвѣдѣ которую, повидимому, имѣетъ. Нейтральное государство, воспрещая наборъ, дѣйствуетъ не въ пользу противной стороны, но прежде всего въ пользу своихъ интересовъ, въ охраненіе своего нейтралитета. До открытія войны, дозволеніе набора, поставленіе войскъ, не имѣетъ враждебнаго характера по отношенію къ третьему государству. Но съ началомъ войны, это третье государство, какъ воюющая сторона, въ правѣ усмотрѣть въ этихъ дѣйствіяхъ дѣйствія враждебныя для себя и съ этой минуты считать государство позволяющее наборъ непріателемъ. Принявъ разсматриваемое возраженіе, мы пришли бы къ оправданію всякаго вмѣшательства нейтральнаго въ войну, если только оно основано на обычаѣ принятомъ во время мира.

Перечисленіе всѣхъ дѣйствій обуславливающихъ вмѣшательство въ войну со стороны нейтральнаго государства не возможно. Мы привели вышезложенные случаи, какъ наиболѣе часто встрѣчающіеся и представляющіе наиболѣе интереса, по различію взглядовъ на нихъ ученыхъ. Сказаннаго достаточно чтобъ убѣдиться что вообще всякое вмѣшательство въ войну нарушаетъ нейтралитетъ; будь оно активное, предпринятое по свободной волѣ нейтральнаго государ-

* Galiani, cap. 9; см. Hnutefeuille, *Droits etc*, I, 257.

ства, или же пассивное, происшедшее помимо или даже противъ его воли.

Полное безпристрастіе нейтральнаго государства въ своихъ сношеніяхъ съ воюющими есть, въ свою очеvedь, существенное условіе нейтралитета. Будучи пристрастно къ одному изъ воюющихъ, нейтральное государство, хотя и не вмѣшивается непосредственно въ войну, косвенно однако вліяетъ на ея ходъ, усиливая одну изъ воюющихъ сторонъ, ослабляя другую; предоставляя одной выгоды въ которыхъ отказываетъ другой.

Нѣкоторые писатели старались дать опредѣленіе общаго принципа безпристрастія. Такъ Пинеро-Феррейра опредѣляетъ его какъ „воздержаніе отъ всякаго нововведенія могущаго благоприятствовать одной изъ воюющихъ сторонъ“.* Другими словами, онъ требуетъ продолженія до-военнаго состоянія. Но во время мира государство имѣетъ полное право быть пристрастнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ и изъ большинства случаевъ никакое другое государство не станетъ разсматривать это какъ оскорбленіе для себя. Такъ напримѣръ допуская во время мира въ свои гавани военные корабли одного государства и исключая изъ нихъ корабли другаго, государство только пользуется своими правами, своимъ суверенитетомъ и никому не наноситъ этимъ дѣйствіемъ ущерба. Между тѣмъ, если оно, съ открытіемъ войны не дастъ того же права и кораблямъ другой воюющей державы, оно явнымъ образомъ будетъ помогать, усиливать одну сторону въ ущербъ другой и сдѣловательно нарушитъ нейтралитетъ. Отсюда видно что мнѣніе Пинеро-Феррейра не можетъ быть принято.

Вообще должно замѣтить что опредѣлить теоретически въ чемъ именно состоитъ безпристрастіе нейтральнаго государства дѣло невозможное. Какъ общій принципъ можно только повторить слова Галиани что нейтральное государство въ тѣхъ дѣйствіяхъ которыя не составляютъ вмѣшательства въ войну должно сдѣловать политикѣ безпристрастнаго отказа, безпристрастнаго дозволенія.** Но какъ прилагается

* Pinheiro-Ferreira, примѣч. къ § 355 Martens, *Précis du droit des gens*.

** *Imparziale rifiuto, imparziale concessione*, Galiani p. I, cap. 1, см. Hautefeuille, *Droits*, I, 205, примѣч. 3.

этотъ принципъ къ практикѣ, къ отдѣльному случаю, есть уже дѣло разумной политики.

Безпристрастіе не возбраняетъ однако симпатизировать одной изъ воюющихъ сторонъ. „Нейтралитетъ“, справедливо замѣчаетъ Блуншли, „не есть синонимъ безучастія“. * Нейтральное государство обязано лишь матеріально не благопріятствовать ни той, ни другой сторонѣ.

Возможенъ ли нейтралитетъ для государства обязаннаго по трактату помогать воюющему? Отвѣтъ можетъ быть только отрицательный, ибо ясно что подобный трактатъ есть не что иное какъ союзъ (*traité d'alliance*). А будучи союзникомъ одного изъ воюющихъ, государство само уже воюющая сторона. То соображеніе что оно лишь исполняетъ свои обязательства по трактату заключенному заранѣе, когда еще не предвидѣлась война, не можетъ повліять на разрѣшеніе вопроса. Трактатъ обязателенъ лишь для согласившихся на него сторонъ, а не для третьей посторонней (то-есть въ настоящемъ случаѣ второй воюющей). Фактъ нарушенія нейтралитета, по какимъ бы причинамъ онъ ни совершался, дѣлаетъ государство воюющею стороною.

Однако нѣкоторые выдающіеся писатели, а именно Ваттель и Уитонъ, утверждали что нейтралитетъ можетъ быть сохраненъ и государствомъ обязавшимся путемъ трактата принять участіе въ войнѣ. Ваттель требовалъ только чтобъ условленныя субсидіи были *умѣренны* (*modérés*). ** Уитонъ приводитъ то же требованіе и, кромѣ того, раздѣляетъ повидимому и мнѣнія Гуго Гроція что помощь по трактату обязательна лишь въ случаѣ войны начатой *justa causa*. *** Но ни то, ни другое условіе не выдерживаетъ критики. Вопервыхъ, *умѣренность* субсидій, понятіе весьма относительное, и государство оказавшее помощь во всякомъ случаѣ не будетъ уже нейтральнымъ. *Частное невмѣшательство* въ войну, *частное* безпристрастіе неудобомыслимо. Нейтралитетъ и его обязанности по существу своему не дѣлимы и не ограничиваемы. Точно также нельзя согласиться со взглядомъ Уитона: справедливость войны, *justa causa*, не можетъ вліять на образъ дѣйствій нейтральнаго государства; допустить

* Blunschli, § 753.

** Vattel, III, § 105.

*** Wheaton, *Elements*, I, 259, 260. II. Grotius I, II, chap. XXV.

противное значить уничтожить и самый нейтралитетъ; въ такомъ случаѣ логически было бы требовать вмѣшательства вѣщихъ государствъ за ту воюющую державу на сторонѣ которой *право*; а это, какъ я выше сказалъ, не согласно съ началами международного права. Притомъ война можетъ быть начата *justa causa* съ обѣихъ сторонъ. Спрашивается, какъ же должно въ этомъ случаѣ поступить нейтральное государство?

Несовмѣстность трактата о субсидіяхъ съ сохраненіемъ нейтралитета становится такимъ образомъ ясна: она столь очевидна что Бункерсгукъ не затруднился даже опредѣлить нейтралитъ отсутствіемъ подобнаго договора. *

Наконецъ и практика обнаружила всю несостоятельность трактатовъ ограничивающихъ обязанности нейтральнаго государства. Или они не были соблюдаемы, или же вовлекали нейтральное государство въ войну. Особенно богатъ такими трактатами XVIII вѣкъ. ** Въ XIX же вѣкѣ мы ихъ почти не находимъ и можно безошибочно сказать что современная международная практика отказалась отъ нихъ.

Изъ всего выше-сказаннаго ясно что нейтралитетъ возможенъ только тамъ гдѣ со стороны государства желающаго остаться мирнымъ не предпринимается никакихъ дѣйствій обусловливающихъ вмѣшательство или обнаруживающихъ явное пристрастіе къ одному изъ воюющихъ. Два эти принципа — невмѣшательство и безпристрастіе — составляютъ естественную грань, естественное ограниченіе правъ нейтральнаго государства. Какія же ограниченія налагаютъ они на государство, въ чемъ и насколько война двухъ державъ измѣняетъ отношенія къ нимъ третьей — нейтральной?

Главный вопросъ представляющійся здѣсь есть вопросъ о томъ имѣетъ ли нейтральное государство право продол-

---

* „Non hostes appello, qui neutrarum partium sunt, nec ex foedere his illisve quicquam debet, si quid debeant, foederati sunt, non simpliciter amici“. Bunkershoek Quaest. I, cap. IV; Wheaton, *Elements*, II, 73.

** Таковы наприм. трактаты: 1го марта 1778. (Испанія—Португалія); въ 1783 году къ нему присоединилась Франція; 17го мая 1795 Франція—Пруссія; 15го мая 1796 Франція—Сардинія; 7го августа 1796 Франція—Вуртембергъ и пр. См. Martens et Murhard, *Recueil* etc. t. II u t. VI.

жать свои торговыя сношенія съ воюющими. При томъ огромномъ значеніи которое имѣетъ торговля вообще, и морская въ особенности, для государства, ясно что вопросъ этотъ вопросъ существенный. Измѣняетъ ли вспыхнувшая война торговыя отношенія между нейтральнымъ и воюющими? Понятно что если нейтральное государство будетъ доставлять воюющей державѣ предметы необходимые для веденія войны, напримѣръ оружіе, порохъ, перевозить ея войска и т. под., то здѣсь есть вмѣшательство въ военныя дѣйствія—непріятелю доставляется вспоможеніе. Отсюда первое ограниченіе: несовмѣстность съ началомъ нейтралитета торговли извѣстными предметами, *военной контрабандой*, съ воюющими. Далѣе, нейтральная торговля можетъ быть помѣхой для воюющаго, если будетъ производиться съ мѣстами которыя воюющая держава находитъ необходимымъ изолировать. Это начало *блокады*. Наконецъ нейтральная торговля можетъ производиться въ ущербъ одному изъ воюющихъ; въ такомъ случаѣ нейтралитетъ будетъ нарушенъ, такъ какъ государство уже не будетъ безпристрастно.

Гуго Гроцій, Бункерсгукъ и Ваттель думаютъ что нейтральное государство не должно продавать или покупать у одной изъ воюющихъ сторонъ большее количество товаровъ или по меньшимъ цѣнамъ, чѣмъ у другой. Однако такой взглядъ не можетъ быть допущенъ. Ясно что такое количественное равенство совершенно невозможно, и допустить это значило бы поставить непреодолимую преграду нейтральной торговлѣ.

Вѣрнѣе мнѣніе Готфеля. Торговля дѣлится на двѣ вѣтви: пассивную и активную. Пассивная не требуетъ перемѣщенія отъ продающаго и производится на его территорію; активная та которая производится посредствомъ подвоза въ извѣстную мѣстность и покупки тамъ же обратнаго груза. „Безпристрастіе,“ говоритъ Готфель, ограничивается для нейтральнаго допущеніемъ обѣихъ воюющихъ сторонъ къ своей *пассивной* торговлѣ“, что же касается до торговли активной, то нейтральное государство можетъ располагать ею какъ захочетъ и не будетъ нарушать безпристрастія если торговля съ однимъ изъ воюющихъ будетъ дѣятельнѣе чѣмъ съ другимъ.*

* Того же мнѣнія и Гюбнеръ; „самый строгій нейтралитетъ“, говоритъ онъ, „не мѣшаетъ намъ поддерживать болѣе дѣятельную

За исключеніемъ указанныхъ случаевъ можно, казалось бы, утверждать что торговля нейтральнаго съ воюющимъ свободна. Но тутъ представляется дилемма выйти изъ которой не легко. Нейтральное государство имѣетъ полное право вести торговлю съ воюющими, но и воюющія, съ другой стороны, имѣютъ полное право употреблять все средства могущія вредить непріятелю, а къ числу самыхъ могущественныхъ средствъ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, полное прекращеніе его торговли. Съ одной стороны, право на свободную торговлю нейтральныхъ съ воюющими, съ другой, право воюющихъ прекратить эту торговлю. Изъ такого затруднительнаго положенія выводить ученіе о правѣ необходимости. Еслибъ ученіе это осталось чистою теоріей, еслибъ оно не прилагалось на практикѣ и не повлекло бы за собой гибельныхъ для нейтральныхъ послѣдствій, о немъ можно бы было умолчать. Но слишкомъ два столѣтія, то-есть съ минуты когда Англія стала самой могущественною морскою державой, право необходимости составляло ея политику и понынѣ англійскіе писатели не задумываются надъ его защитой. Поэтому-то мнѣ кажется не лишнимъ остановиться на немъ и указать его несостоятельность.

По мнѣнію Гуго Гроція, воюющіе имѣютъ право на все нужныя имъ дѣйствія. Исходя отъ этой точки отправленія, онъ допускаетъ и прекращеніе нейтральной торговли въ случаѣ крайней необходимости (*gravissima necessitas*), но подъ условіемъ возвращенія захваченнаго нейтральнаго имущества, если не будетъ причины не возвращать его.* Гейнекцій, Генрихъ Кокцей держатся того же мнѣнія, за ними и новѣйшіе писатели, какъ Ваттель, Азуни, Лампреди, развивали почти ту же теорію. Если воюющій захватитъ товары нейтральнаго, если будетъ мѣшать торговлѣ нейтральныхъ, то эти послѣдніе, по словамъ Ваттеля, будутъ страдать отъ войны для нихъ чуждой. „Но воюющій не отрицаетъ ихъ права, онъ только пользуется своимъ собственнымъ, если же сіи права сталкиваются и вредятъ другъ другу, то это слѣдствіе неизбѣжной необходимости“. ** Пуфендорфъ старался

торговлю съ однимъ изъ воюющихъ, чѣмъ съ другимъ.....“ *Haute-feuille, Droits, I, 281.*

* Н. Grotius, E. III, c. I, § 5.

** „Si nos droits se croisent et se nuisent mutuellement, c'est l'effet d'une nécessité inévitable“. *Vattel, III, § 110.*

также оправдать такой образъ дѣйствій воюющаго, хотя и сознавался что подобная мѣра можетъ быть только временною и основанной только на политическихъ соображеніяхъ, но не на правѣ. * Наконецъ Лампреди, а за нимъ и Азуни примыкаютъ къ этой школѣ. Оба эти писателя пытались найти основаніе права воюющаго прекратить нейтральную торговлю въ принципахъ гражданскаго и уголовного права. Въ положеніи воюющаго они видѣли положеніе крайности и въ захватѣ нейтральныхъ кораблей актъ аналогичный съ экспроприаціей. **

Наконецъ въ нынѣшнемъ столѣтіи англійскіе писатели Редди, Филлиморъ и другіе *** являются защитниками права необходимости. Основываясь исключительно на практикѣ англійскаго адмиралтейства, они не входятъ въ юридическую сторону вопроса, и историческій фактъ, какъ прецедентъ, возводятъ въ юридическую аксіому. Сущность ихъ разсужденій мы находимъ въ Discourse on the conduct of the government of Great-Britain in respect to neutral nations, небольшомъ сочиненіи написанномъ Дженкинсомъ, лордомъ Ливерпулемъ, въ 1757 году, по порученію англійскаго правительства. ****

„Свобода торговли, по его словамъ, не болѣе какъ право возить на спокойный рынокъ естественные и промышленные продукты нашего отечества и изъ этихъ дѣйствій извлекать извѣстныя выгоды, но можетъ ли быть это дозволено, если я терплю отъ этого ущербъ?... Права государствъ не одинаковы; какъ скоро два такихъ права приходятъ въ столкновеніе, болѣе слабое должно, очевидно, уступить болѣе сильному.... Свободная торговля допускается, лишь бы не вредила одному изъ воюющихъ. Поэтому-то и свобода эта ограничена; торговля военною контрабандой не допускается, также мало и всякими другими предметами, смотря по положенію или обстоятельствамъ данной минуты.“ † Но кто

* См. о Пуфендорфѣ: Wheaton, *Histoire*, I, 189.

** О мнѣніяхъ ихъ см. подробно у Hautefeuille, *Droit*, II, 382 и слѣд. (въ примѣчаніяхъ).

*** См. у Gessner, *Droit* 251 и слѣд. и Ortolan, II, прилож. 553 и слѣд.

**** Оно находится въ переводѣ у Rayneval, *De la liberté des mers*, II, 108—219.

† Ibid, 153, 155—165.

же, спрашивается, судья въ этихъ обстоятельствахъ? По словамъ Дженкинсона, само же всюющее государство. „Литъ только сталъ годворяться сколько-нибудь лучшій порядокъ вещей, воюющія государства стали предъ началомъ военныхъ дѣйствій специфировать въ своихъ деклараціяхъ ту торговлю которую намѣрены *дозволить* нейтральнымъ государствамъ.“ * Все это разсужденіе подтверждается авторомъ массой историческихъ фактовъ изъ морской практики Англіи.

Вотъ въ главныхъ своихъ чертахъ ученіе предлагаемое названными учеными. Не входя покамѣстъ въ разсмотрѣніе весьма сомнительнаго свойства аналогій съ гражданскимъ правомъ, какъ у Лампреди и Азуни, произвольныхъ опредѣленій свободной торговли, какъ у Дженкинсона, и иныхъ много-юридическихъ основаній, юридическихъ титуловъ, приписываемыхъ всюющей державѣ, въ оправданіе права необходимости, обращаюсь прямо къ самому существу этого права.

Вопросъ заключается въ слѣдующемъ: есть ли это право необходимости дѣйствительно *право*? и столкновение между правами нейтральныхъ государствъ и правами воюющихъ можетъ ли быть разрѣшено только съ допущеніемъ его?

Какъ мы видѣли, писатели защищавшіе право необходимости опредѣляютъ его весьма не ясно. Общій выводъ который можно сдѣлать изъ ихъ словъ это тотъ что воюющая держава находится въ необходимости прибѣгать ко всѣмъ мѣрамъ могущимъ ослабить ея непріятеля. Но въ силу права всякаго государства остаться мирнымъ зрителемъ въ войнѣ, вспыхнувшей между двумя державами, нельзя, разсуждалъ о вопросахъ войны, разсматривать только положеніе воюющихъ державъ. Здѣсь не двѣ, а три стороны: двѣ воюющія и третья—нейтральная. Эта послѣдняя, оставаясь чуждою войнѣ, имѣетъ право требовать чтобъ ея не коснулись и послѣдствія войны. Если само нейтральное государство не принимаетъ участія въ войнѣ, если оно одинаково безпристрастно относится къ обѣимъ воюющимъ, то эти послѣднія обязаны поступать съ нимъ какъ съ государствомъ мирнымъ, то есть признать за нимъ всѣ права принадлежащія государству какъ члену международнаго союза. Ограниченіе этихъ

* Ibid. B. 130.

правъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ есть прямое слѣдствіе нейтралитета, но ограниченіе это не есть *право воюющаго, а обязанность нейтральнаго*. Различеніе это не есть споръ въ словахъ; оно имѣетъ существенное значеніе. Если признать ограниченіе самостоятельности нейтральнаго за право воюющаго, то нѣтъ никакой причины чтобъ оно остановилось на какой-нибудь границѣ. Допустивъ право необходимости для воюющаго, логическимъ путемъ можно дойти до полного оправданія всякаго съ его стороны насильственнаго дѣйствія. „Право это“, говоритъ Готефѣль, „по самому своему существу не имѣетъ ни границъ, ни руководящихъ нормъ“. * (Гроцій доходитъ до заключенія что воюющій въ случаѣ крайней необходимости (*gravissima necessitas*), можетъ занять и разрушить крѣпость нейтральную). Словомъ, допустить право необходимости — равнозначуще отрицанію самостоятельности нейтральныхъ государствъ. Напротивъ, если смотрѣть на ограниченія самостоятельности нейтральныхъ государствъ какъ на обязанности, соблюденіемъ коихъ обуславливается и самый нейтралитетъ, то мы придемъ къ примиренію между правами воюющихъ и правами нейтральныхъ, вполне согласному съ юридическими принципами международнаго права.

Право воюющаго государства заключается въ томъ что оно можетъ всѣми *прямыми* средствами вредить своему противнику, но тѣ средства которыя поражаютъ противника, поражая въ то же время и нейтральную державу, не могутъ имъ быть употреблены, такъ какъ они нанесутъ ударъ независимости и верховенству государства нейтральнаго.

Такимъ образомъ право необходимости не есть право, — оно было признано таковымъ благодаря лишь смѣшенію правъ воюющаго съ обязанностями нейтральнаго. Но ясно что это два совершенно отдѣльныхъ понятія. Вопросъ же относительно примиренія правъ воюющаго и нейтральнаго рѣшается тѣмъ что воюющій имѣетъ право употреблять средства лишь прямо и непосредственно поражающія противника. Свобода же нейтральной торговли, въ принципѣ допускаемая даже защитниками права необходимости, не совмѣстима съ правомъ необходимости: *unius positio est alterius exclusio*.

* Hautefeuille, *Droit*, II, 30.

Говоря о нейтралитетѣ, излишне было бы искать его началъ въ древности и Среднихъ Вѣкахъ. Нейтралитетъ, какъ явствуетъ изъ всего вышесказаннаго, можетъ появиться, какъ юридическое понятіе, лишь съ наступленіемъ правовыхъ, а не чисто фактическихъ отношеній между государствами. Признаніе самостоятельности и независимости каждого отдѣльнаго государства есть условіе, *sine qua non*, для существованія нейтралитета въ истинномъ его смыслѣ. Поэтому въ историческомъ его развитіи первыя прочныя основанія правъ и обязанностей нейтральныхъ государствъ мы находимъ только въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка. Съ этой эпохой совпадаетъ и политическое преобразование Европы, основанное на принципѣ политическаго равновѣсія, составившаго съ той поры лозунгъ европейскихъ державъ; въ это же время, наконецъ, впервые появляется, какъ самостоятельная наука, и наука международнаго права, имѣвшая громадное вліяніе на практику.

Съ другой стороны, однако, при разсмотрѣніи нѣкоторыхъ вопросовъ нейтралитета, должно восходить нѣсколько далѣе, чѣмъ XVI вѣкъ. Такъ, напримѣръ, въ вопросѣ о правахъ нейтральнаго флага и груза. Этотъ вопросъ, какъ относящійся къ торговлѣ нейтральныхъ, возникъ очень рано, что объясняется тѣмъ что первыя мирныя отношенія между государствами несомнѣнно носили коммерческій характеръ. Раннее возникновеніе торговыхъ вопросовъ поэтому неудивительно.

Съ начала XVII вѣка, въ дѣлѣ морскаго международнаго права ясно опредѣляются два направленія: стремленіе сильныхъ морскихъ державъ—Испанія, Голландія и за ними въ особенности Англія—къ неограниченному господству надъ моремъ, къ исключительному завладѣнію морскою торговлею, и съ другой стороны естественное стремленіе континентальныхъ державъ противодействовать этому господству установленіемъ равновѣсія и на морѣ.

Вопреки всякимъ трактатамъ, Англія въ началѣ каждой войны обнародовала такъ-называемый *orders of council*, въ которыхъ всѣ права нейтральныхъ державъ нарушались самымъ явнымъ образомъ. Главными ея орудіями были: фиктивная блокада, относительная военная контрабанда, конфискація непріятельскаго имущества подъ нейтральнымъ флагомъ. Всѣ эти мѣры, оправдываемыя ею правомъ необходи-

мости, клонились, въ сущности, къ полному прекращенію торговли нейтральныхъ державъ на время войны и очевидно гибельно вліяли надолго и послѣ возстановленія мира.

Но во второй половинѣ XVIII вѣка морское преобладаніе Англіи пошатнулось. Равновѣсіе на морѣ начало устанавливаться. Въ международный союз вошли Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, морское могущество которыхъ вскорѣ стало способнымъ положить преграду политикѣ Великобританіи. Въ это же время и Россія, до тѣхъ поръ принимавшая мало участія въ дѣлахъ западныхъ державъ, приобрѣтаетъ далеко не послѣдній голосъ въ международномъ союзѣ и вскорѣ становится во главѣ союза нейтральныхъ государствъ, — союза, имѣвшаго цѣлью вооруженною рукой оградить права нейтральныхъ отъ нарушеній со стороны Англіи. Наконецъ послѣднее усиліе Великобританіи возстановить поколебленное свое морское преобладаніе встрѣтило отпоръ въ „континентальной блокадѣ“, проведенной Франціей.

Такимъ образомъ съ XVIII и начала XIX вѣка начинается устанавливаться равновѣсіе на морѣ, и хотя и нынѣ самое могущественное морское государство есть безъ сомнѣнія Англія, но исключительное преобладаніе ея рушилось. Съ начала XIX вѣка и до конца Восточной войны Англія одинъ только разъ въ своихъ трактатахъ коснулась, и то вскользь, вопросовъ морскаго нейтралитета; * въ этотъ періодъ времени она, по выраженію Геснера, „какъ бы одумалась“. Подписавши Парижскую декларацію 16го апрѣля 1856 года, она отказалась отъ вѣковой своей политики и признала права нейтральныхъ государствъ въ томъ видѣ какъ они уже давно были признаны остальными государствами.

Парижская декларація есть эпоха въ исторіи морскаго нейтралитета. Въ первый разъ всѣ державы единогласно **

* Трактатъ съ Португаліей 1842 года.

** Парижскаго трактата не подписали: Испанія, Мексика и Соединенные Сѣверо-Американскіе Штаты. Но государства сіи отказались только потому что не хотѣли допустить уничтоженія каперства безъ уничтоженія права захвата частной собственности и на морѣ. Остальные же принципы Парижской деклараціи приняты ими вполне. Война 1861 — 1864 доказала это относительно Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

оголасились признать основными принципами морскаго военнаго права нѣсколько положеній, составлявшихъ предметъ споровъ въ теченіи двухъ слишкомъ столѣтій.

Отъ общаго очерка условій нейтралитета перейдемъ къ нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ и во первыхъ къ вопросу о военной контрабандѣ.

II. О военной контрабандѣ.

Первое ограниченіе свободы нейтральной торговли заключается въ томъ что нейтральное государство лишается права снабженія воюющихъ сторонъ извѣстными предметами прямо и непосредственно усиливающими его военныя средства. Ограниченіе это само собою вытекаетъ изъ опредѣленія нейтралитета какъ оно было указано выше. Нейтралитетъ нарушенъ если государство оказываетъ матеріальную помощь одной изъ воюющихъ сторонъ. А очевидно что подвозъ извѣстныхъ предметовъ, каковы напримѣръ оружіе, порохъ и т. п., есть прямое усиленіе военныхъ средствъ воюющей державы, и эти дѣйствія дѣлаютъ нейтральное государство союзникомъ воюющаго. Нѣкоторые весьма авторитетные писатели думали однако что контрабанда можетъ быть только договорная и что тамъ гдѣ нѣтъ трактата, остается въ полной силѣ принципъ неограниченной свободы торговли. Все что должно сдѣлать въ этомъ случаѣ нейтральное государство, это соблюдать полное безпристрастіе относительно обѣихъ воюющихъ сторонъ. Таково мнѣніе Клюбера, Кобдена, Моллиари. *

Мнѣніе это не можетъ быть принято. Писатели ** защи-

* Klüber, § 288; о Кобденѣ см. Cauchy, *Du respect de la propriété privée dans la guerre maritime*, Paris 1866; стр. 51 и слѣд. Не лишнее замѣтить что изъ названныхъ писателей лишь первый спеціально занимался международнымъ правомъ, тогда какъ Кобденъ и Моллиари, какъ экономисты, смотрятъ на вопросъ съ своей точки зрѣнія.

** Гесснеръ причисляя къ числу писателей отвергающихъ контрабанду не договорную Кокцея и Лампреди дѣлаетъ ошибку, такъ какъ они выводятъ ея понятіе изъ другаго только источника, изъ

щавшіе, его упустили изъ виду что самый фактъ подвоза контрабанды есть вмѣшательство въ военныя дѣйствія, безпристрастіе же въ этомъ отношеніи только поставило бы государство въ странное положеніе союзника обѣихъ воюющихъ разомъ, нейтралитетъ его во всякомъ случаѣ былъ бы нарушенъ, ибо всякое дѣйствіе нейтральнаго относительно воюющаго должно вмѣщать оба условія: невмѣшательство и безпристрастіе, какъ было уже доказано выше.

Писатели школы Гуго Гроція, Кокцеа, Вольеръ, Ваттель, а за ними Лампреди, Азуни и англійская доктрина разсматриваютъ военную контрабанду какъ вытекающую не изъ основныхъ условій нейтралитета, а какъ право воюющаго. Другими словами, прилагаютъ здѣсь право необходимости, о которомъ уже была рѣчь. Вотъ какъ разсуждаютъ названные писатели: нейтральное государство имѣетъ полное право на свободную торговлю съ воюющими и право это распространяется на всѣ предметы, не исключая и военной контрабанды, если только оно будетъ дѣйствовать безпристрастно и не обязалось путемъ трактата къ иному. *

Съ другой стороны, воюющій, находясь въ состояніи законной обороны, пріобрѣтаетъ право на захватъ груза составляющаго помощь его непріятелю, а слѣдовательно невыгодную для него. Столкновеніе этихъ двухъ правъ и повело къ тому что государства путемъ трактатовъ стали условливаться въ томъ что считать свободнымъ товаромъ и что запрещеннымъ, военною контрабандой. **

Такимъ образомъ все это ученіе сводится къ слѣдующему: нейтральное государство имѣетъ право на свободную торговлю военною контрабандой, но должно воздерживаться

права необходимости, а не изъ понятія о нейтралитетѣ. Въ сущности же они признаютъ *принципъ* контрабанды, межъ тѣмъ какъ Клоберъ положительно отвергаетъ его (Gessner, *Droit* 86—87).

* См. у Gessner, 87 и слѣд.; Hautefeuille. II, 78. Vattel III. ch. 7: „D'après le même principe, si une nation fait commerce en armes... en munitions de guerre, je ne puis trouver mauvais, qu'elle vende tout cela à mon ennemi, pourvu qu'elle ne me refuse pas de m' en vendre aussi à un prix raisonnable.“

Въ томъ же смыслѣ выражаются Лампреди, стр. 1, § 4 и Азуни, II, cap. 2,

** Lampredi, I, 1, § 4, см. Wheaton, *Histoire* I, 375—376.

отъ него въ собственныхъ интересахъ, ибо и воюющее государство имѣетъ несомнѣнное право препятствовать всякимъ вреднымъ для него дѣйствіямъ. Слѣдовательно здѣсь устанавливается неосуществимое право *jus nudum* и ученіе о правѣ необходимости оказывается и въ этомъ случаѣ столь же несостоятельнымъ, какъ въ другихъ.

Галиани * полагаетъ что въ основѣ понятія о военной контрабандѣ лежитъ чувство *гуманности*. Для того только чтобы не давать воюющимъ средствъ къ продолженію войны, нейтральное должно воздерживаться отъ доставленія оружія. Нейтральное въ этомъ случаѣ отказывается отъ своего права „въ силу справедливости, а не въ силу обязанности.“ ** Но допуская и справедливость перваго положенія (будто бы доставкой оружія можно затянуть войну), должно замѣтить что чувство гуманности хотя имѣетъ несомнѣнное достоинство и въ области международного права, но основаніемъ какого-либо права быть не можетъ, ибо оно понятіе не юридическое. И странно встрѣтить такое мнѣніе у Галиани, столь вѣрно и мѣтко опредѣлившаго въ своемъ сочиненіи взаимныя обязанности и права нейтральныхъ и воюющихъ державъ, какъ мы уже видѣли выше.

Совершенно иного мнѣнія держатся Готфѣль, Гесснеръ, Ортоланъ и вообще всѣ другіе новѣйшіе писатели, за исключеніемъ англійскихъ. *** Для нихъ понятіе о военной контрабандѣ вытекаетъ изъ абсолютности обязанностей нейтральнаго. Допустивъ принципъ военной контрабанды, Ортоланъ, **** а вслѣдъ за нимъ и Гесснеръ, † задаются вопросомъ: какое различіе въ доставленіи военной контрабанды воюющему со стороны нейтральнаго государства, какъ государства, и тѣмъ же дѣйствіемъ со стороны *подданныхъ* нейтральнаго государства? Одинаково ли нарушается нейтралитетъ въ обоихъ случаяхъ? Вопросъ рѣшается Ортоланомъ отрицательно: въ пользу своего мнѣнія онъ приводитъ то соображеніе что нейтральное государство не

* Цитир. у Gessner, *Droit*, 87—88.

** Galiani, I, c. 1, § 6—9, *ibid*.

*** Hautefeuille. *Droits*, 69 и слѣд.; Gessner, *Droit*, 85 и слѣд. и *Recht* т. стр. 43 и слѣд.; Ortolan, II, 175 и слѣд.

**** Ortolan, II, 177.

† Gessner, *Recht, d. neutr. Suh.*, 45.

имѣть никакого основанія воспрещать своимъ подданнымъ торговлю военною контрабандой и подвергать ихъ наказанію за такую торговлю. Оно только отказывается имъ въ своемъ покровительствѣ. Тотъ же взглядъ раздѣляетъ и Блунчли.* Съ этимъ однако же нельзя согласиться: нейтральное государство несомнѣнно должно наблюдать за тѣмъ чтобъ обязанности его не нарушались во вредъ одной изъ воюющихъ сторонъ и оно отвѣчаетъ, по праву, за дѣйствія своихъ подданныхъ. Взглядъ Блунчли и Ортолана есть возведеніе факта въ международное правило. Какъ скоро нейтральный подданный захваченъ воюющимъ во время подвоза непріятелю контрабанды, воюющій передаетъ дѣло на разсмотрѣніе своихъ призовыхъ судовъ, но не дѣлаетъ заявленія нейтральному правительству о нарушеніи имъ нейтралитета. Стоитъ однако же внимательно посмотрѣть на это обстоятельство чтобъ убѣдиться что практика допустила такой образъ дѣйствій не по соображеніямъ права, а исключительно по причинамъ политическимъ, утилитарнымъ. Дѣйствительно, еслибы въ каждомъ случаѣ нарушенія правилъ о военной контрабандѣ со стороны подданныхъ нейтральнаго государства, воюющая сторона входила въ сношенія съ нейтральнымъ правительствомъ, то пререканіямъ и дипломатической перепискѣ не было бы конца. Вотъ почему международная практика установила обычай что производство торговли военною контрабандой нейтральными подданными не считается нарушеніемъ нейтралитета со стороны государства, а личнымъ проступкомъ подданнаго. Именно съ этой точки зрѣнія смотритъ на дѣло и Гесснеръ: „было бы несообразно со справедливостью (*es würde unbillig sein*) налагать на государство отвѣтственность за дѣйствія отдѣльнаго подданнаго.... Формальная точка зрѣнія что воюющее государство не имѣетъ юрисдикціи надъ нейтральнымъ подданнымъ разрѣшается тѣмъ соображеніемъ что тотъ кто ведетъ войну становится фактически и по принципамъ международного права собственнымъ судьей. Если поэтому подданный нейтральнаго государства переступаетъ границы своего права, то онъ становится на почву войны, гдѣ имѣетъ юрисдикцію воюющій.“** Но, по строгому праву, государство въ этомъ случаѣ

* Bluntschli, § 765, примѣч. 2.

** Gessner, *Recht* etc, 45—46.

отвѣтственно за дѣйствія своего подданнаго. Мало того, въ деклараціяхъ о нейтралитетѣ обыкновенно всегда находится статья воспрещающая подданнымъ торговлю военною контрабандой въ строгомъ смыслѣ. * Государство обязано сохранять исполненіе сихъ предписаній данныхъ законодательнымъ путемъ. Впрочемъ и Блунчли попускаетъ что если контрабанда будетъ вывозиться въ *значительномъ количествѣ*, то нейтральное государство можетъ быть разсматриваемо какъ нарушившее нейтралитетъ. ** Мнѣ кажется, однако, что вопросъ о количествѣ вывозимой контрабанды безразличенъ, и что правонарушеніе не можетъ измѣряться количествомъ. ***

Перехожу къ самому существенному и самому спорному пункту занимающаго насъ вопроса, а именно: какіе предметы должны быть исключены изъ нейтральной торговли, какъ военная контрабанда? При разсмотрѣніи сего вопроса мы опять встречаемся съ двумя направленіями, съ одной стороны, одни писатели стараются ограничить насколько возможно число предметовъ составляющихъ контрабанду, другіе же, по преимуществу Англичане, расширяютъ его, можно сказать, до безпредѣльности.

Первый Гуго Гроцій далъ дѣленіе всѣхъ вообще предметовъ встречающихся въ торговлѣ на три категоріи: первую составляютъ предметы употребляемые исключительно въ войнѣ, вторую предметы не относящіеся вовсе къ войнѣ, каковы предметы роскоши (*quae voluptati inserviunt*); въ третью, наконецъ, входятъ предметы одинаково употребляемые какъ во время

* См. напримѣръ декларацію о нейтралитетѣ Испаніи, Неаполя, Швеціи предъ Восточною войною; Франціи, Англіи, Испаніи предъ Американскою войною. См. Ortolan. II, спеціал. прил. VIII, IX, XI, XXII.

** Bluntschli, § 766.

*** Историческіе факты приводимые Ортоланомъ и Блунчли въ подтвержденіе ихъ теорій не могутъ служить ей основой: американскій нейтралитетъ позволяетъ торговлю контрабандой „aux sujets à leurs risques et périls“. На это можно отвѣтить что Америка не соблюдала строго нейтралитета. Тѣ же Соединенные Штаты протестовали въ 1863 году противъ торговли военною контрабандой англійскихъ подданныхъ съ Южными штатами и тѣмъ отказались отъ мѣры которая за полстолѣтія предъ тѣмъ была принята ими лишь въ виду тогдашняго положенія дѣлъ, по соображеніямъ часто политическимъ. (См. Ortolan. II, 179, прим. 2).

мира, такъ и во время военное (*ancipitis usus*). Сюда относятся деньги, жизненные припасы, корабельный матеріалъ и вообще всѣ сырые продукты.* Ясно что вопросъ сосредоточивается на третьей категоріи, такъ какъ о первыхъ двухъ не можетъ быть спора.

Согласно съ своей методой, Гроцій рѣшаетъ вопросъ такъ: если успѣхъ войны будетъ зависѣть отъ запрещенія сей торговли, то воюющее государство имѣетъ право ее приостановить (*necessitas jus dabit*). Но и самая классификація его шатка: весьма трудно найти такой предметъ который употреблялся бы *исключительно* для военныхъ цѣлей, точно также какъ было бы затруднительно указать и на такой который не могъ бы быть употребляемъ для войны.

Бинкерсхукъ указалъ уже на несостоятельность теоріи Гроція. ** Самъ онъ ограничилъ военную контрабанду оружіемъ и военнымъ матеріаломъ. Но стараясь оправдать нѣкоторыя дѣйствія своего отечества, *** онъ допустилъ расширение понятія и на нѣкоторые другіе предметы, *смотря по обстоятельствамъ*; „но“, говоритъ онъ, „эти исключенія подтверждаютъ общее правило.“ **** На самомъ же дѣлѣ такое исключеніе есть не что иное какъ узаконеніе того же права необходимости и выводимой изъ него такъ-называемой *относительной* контрабанды, о которой сейчасъ скажу подробнѣе. Ваттель, Лампреди и Азуни не даютъ никакихъ подробностей о предметахъ которые, по ихъ мнѣнію, составляютъ военную контрабанду. Они ограничиваются разсужденіями уже разсмотрѣнными выше.

Наконечъ, вотъ опредѣленіе предметовъ долженствующихъ считаться военною контрабандой даваемое французскимъ юристомъ Жуффруа: † „Должно разсматривать какъ недозволенное все то что при нынѣшнемъ образѣ веденія войны до такой степени необходимо для нападенія или для защиты что государство лишенное сихъ предметовъ не было бы въ состояніи вести войну“. Вслѣдъ затѣмъ дается перечень этихъ предметовъ:

* Н. Grotius, III, с. I, § 5.

** См. Gessner, *Droit*, 73.

*** Эдикты Генеральныхъ Штатовъ 1652, 1657 и 1689.

**** *Sunt haec exceptiones, quae regulam confirmant.* См. Hautefeuille, *Droit*, II, 115, прим. 3.

† Оно приведено у Gessner, *Droit*, 91 и слѣд.

- 1) оружіе въ тѣсномъ смыслѣ,
- 2) принадлежности къ нему, какъ порохъ, селитра, сѣра, свинецъ и прочіе;
- 3) матеріалы готовые для войска (мундиры, сѣдла и т. п.);
- 4) корабли;
- 5) корабельный матеріалъ;
- 6) жизненные припасы, если назначены въ военный портъ воюющаго.

Перечень этотъ, какъ видно, довольно произволенъ, но Жуффруа имѣетъ по крайней мѣрѣ ту заслугу что давши разъ, правда, весьма широкое, опредѣленіе контрабанды, онъ не допускаетъ уже дальнѣйшаго ея расширенія.

Въ бмъ пунктѣ онъ вскользь затрогиваетъ вопросъ съ иной стороны, а именно здѣсь контрабанда опредѣляется уже не по *существу* предмета, а по мѣсту назначенія. Мысль эта была подробно развита горячимъ сторонникомъ правъ нейтралитета, М. Гюбнеромъ *. Онъ опредѣляетъ военную контрабанду по двумъ признакамъ: по *качеству* предметовъ и, главнымъ образомъ, по *мѣсту ихъ назначенія*. Принявъ дѣленіе Гроція, онъ разсматриваетъ предметы третьей категоріи (т.-е. *ancipitis usus*) какъ контрабанду только въ случаѣ если ихъ назначеніе военный портъ, или мѣсто стоянки войскъ, или наконецъ если они направлены къ блокируемому или осаждаемому мѣсту. Такой взглядъ есть конечно большой шагъ впередъ въ сравненіи съ доктриной о правѣ необходимости, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не выдерживаетъ критики: вопервыхъ, совершенно все равно, въ военный ли, въ коммерческій ли портъ направлены предметы, и это не можетъ измѣнить ихъ природы. Изъ порта коммерческаго они тотчасъ же могутъ быть переправлены сухимъ путемъ или инымъ безопаснымъ способомъ къ войскамъ. Затѣмъ здѣсь смѣшеніе двухъ различныхъ явленій: торговля нейтральнаго съ нѣкоторыми мѣстами (блокируемыми) приостанавливается совершенно на другихъ основаніяхъ чѣмъ тѣ на которыхъ зиждется понятіе о военной контрабандѣ. Наконецъ, если (что въ большинствѣ случаевъ и бываетъ) портъ военный въ то же время и важный коммерческій пунктъ,

* Въ его сочиненіи *De la saisie des bâtimens neutres*. Первое изданіе 1759 Относящіяся къ вопросу о военной контрабандѣ мѣста цитируются Готфрелемъ, II, 119 и слѣд.

то въ чью бы пользу ни устанавливалась презумпція, въ пользу ли нейтральнаго, или въ пользу воюющаго, она будетъ произвольна.

Вѣрный своей теоріи Готфѣль думаетъ дать классификацію и опредѣленіе военной контрабанды по аналогіи съ тѣмъ что считалось контрабандой въ *status naturalis* челоѣчества.* Здѣсь не мѣсто входить въ разборъ этой теоріи, надъ которой наука давно уже произнесла свой приговоръ. Посмотримъ только къ какому заключенію приводитъ она Готфѣля. Видя основаніе контрабанды въ обязанности нейтральнаго не вмѣшиваться въ войну, Готфѣль приходитъ къ заключенію что только оружіе и военный матеріалъ въ самомъ ограниченномъ смыслѣ этого слова составляютъ военную контрабанду **. Затѣмъ онъ переходитъ къ опроверженію англійской доктрины и разбираетъ; обуславливаетъ ли природа того или другаго предмета въ отдѣльности качество требуемое для военной контрабанды по его взгляду, т.-е. возможность непосредственнаго приложенія къ войнѣ. ***

Нельзя не замѣтить что выводы Готфѣля изъ *status naturalis* завели его слишкомъ далеко: онъ и впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой. Такъ, разбирая вопросъ о драгоценныхъ металлахъ (литыхъ и чеканенныхъ), онъ не признаетъ ихъ военною контрабандой, между тѣмъ какъ выше, въ отдѣлѣ объ обязанностяхъ нейтральнаго государства относительно воюющаго, онъ въ подвозѣ денегъ видитъ прямое нарушеніе нейтралитета. ****

Наконецъ, наиболѣе губительное для интересовъ нейтральной торговли опредѣленіе военной контрабанды даетъ англійская теорія выработанная англійскимъ Адмиралтействомъ, прилагаемая Англіей къ дѣлу почти до нашихъ дней; она въ сущности сходна и тождественна съ ученіемъ Гуго Гроція и

* Hautefeuille, *Droits*. II, 73—75.

** *D'après la loi primitive, on peut donc affirmer, que la contrebande de guerre est expressement limitée aux armes, instruments et munitions de guerre, façonnés et fabriqués exclusivement pour servir dans la guerre....* *Droits*, II 83—84.

*** II, 129—157. 1) Металлы и монета, 2) хлѣбъ и жизненные припасы, 3) мануфактурныя издѣлія, 4) корабельный матеріалъ, 5) сырые матеріалы, 6) машины, 7) выючныя животныя.

**** I, 218—220.

его послѣдователей. Но отдѣльныя ея положенія, выработанныя до мелкихъ подробностей и подкрѣпленныя изворотливыми толкованіями свѣтилъ англійскаго Адмиралтейства, имѣли большую авторитетность и, къ сожалѣнію, крайне разрушительное дѣйствіе на торговлю нейтральныхъ государствъ. Ученіе это излагается англійскими писателями почти безъ комментаріевъ, ссылки на авторитетъ рѣшеній призовыхъ судовъ и совершившагося факта заступаютъ мѣсто юридическаго анализа. Вотъ эта доктрина въ главныхъ своихъ чертахъ: предметы входящіе въ понятіе о военной контрабандѣ слѣдующіе: 1) дѣйствительно военное оружіе (*actual instruments of war*); 2) предметы которые по природѣ своей, по качеству и по количеству могутъ быть съ пользой употреблены для военныхъ цѣлей (*applicable and useful for the purposes of war*); 3) предметы могущіе содѣйствовать военнымъ цѣлямъ, особенно если назначены къ войску, ко флоту или къ портамъ военнымъ *.

О предметахъ первой категоріи нѣтъ и спора; только по отношенію къ предметамъ *ancipitis usus* вопросъ осложняется. Они-то, вообще не считаясь военною контрабандой, въ данныхъ случаяхъ приобрѣтаютъ сей характеръ, „смотря по взаимному ихъ (воюющихъ) положенію или обстоятельствамъ данной минуты.“ ** Это такъ-называемая *quasi-контрабанда*, контрабанда случайная. Такіе предметы становятся, по англійскому ученію, контрабандой: во-первыхъ, по назначенію ихъ. „Новѣйшее правило, что такіе предметы не составляютъ вообще контрабанды, но могутъ сдѣлаться таковой, смотря по обстоятельствамъ войны и сторонъ ее ведущихъ....“ Главнымъ образомъ, должно здѣсь отличать какое назначеніе имѣютъ сіи предметы: для обыкновенныхъ ли жизненныхъ потребностей или для военныхъ. Естественное положеніе и качество порта назначенія опредѣляютъ ихъ характеръ. *** Это, слѣдовательно, почти Гюбнеровская теорія; ея недостатки были уже указаны. Впрочемъ для нѣкоторыхъ предметовъ *ancipitis usus* и мѣсто назначенія не имѣетъ вліянія, по англійскому воззрѣнію. Такъ, относительно корабельныхъ матеріаловъ безразлично военный ли, коммерческій

* Reddie, vol. II, p. 456; цитир. у Ortolan, II, 186.

** Jenkinson, *Discourse etc.* См. Rayneval, II, 165.

*** Robinson's *Admiralty Reports*, у Wheaton, *Elements*, II, 148 и слѣд.

ли портъ назначенія. Слѣдствіе въ обоихъ случаяхъ то же. Если портъ коммерческій, матеріалы могутъ быть употреблены на вооруженіе каперовъ, или же препровождены въ военный портъ и тамъ найти то же употребленіе какъ еслибы они прямо были доставлены туда*.

Они становятся контрабандой, воторыхъ, *по нуждамъ воюющей державы*. Такъ, если напримѣръ жизненные припасы перевозятся къ непріятелю, между тѣмъ какъ воюющее государство желаетъ довести его до крайности лишеніемъ необходимаго для жизни, то жизненные припасы объявляются военною контрабандой. Такъ поступилъ англійскій order of Council 1795 года. Мотивовъ было приведено два: 1) приказъ публикованъ въ такое время когда надѣялись принудить къ миру непріятеля голодомъ; 2) онъ оправдывается и нуждой, такъ какъ самой Англійи грозитъ голодъ. Въ подтвержденіе сихъ доводовъ приводились авторитеты Ваттеля и Валена.**

Но Ваттель въ указываемомъ англійскимъ приказомъ мѣстѣ говорилъ о блокадѣ, а не о военной контрабандѣ.***

Валенъ приведенъ также неудачно и ему приписано то чего онъ никогда не говорилъ.****

Ортоланъ подвергъ разбору теорію quasi-контрабанды и, строго осуждая ее, говоритъ что ей приличествуетъ гораздо болѣе названіе контрабанды *ad libitum*, чѣмъ quasi-контрабанды или контрабанды случайной, термина *какъ будто юридическаго*. † Однако, онъ же самъ немного далѣе объясняетъ что въ случаѣ крайней нужды (*péril éminent et majeur*), въ случаѣ если извѣстно что предметы *ancipitis usus* *несомненно* предназначены для войны (*que l'usage, auquel ils sont destinés, devienne incontestable*), они дѣлаются контрабандой.

* Ibid. 150.

** Wheaton, *Histoire*, II, 41; *Elements*, II, 153.

*** Vattel, III, 7: „Les choses, qui sont d'un usage particulier à la guerre, et dont on empêche le transport chez l'ennemi, s'appellent marchandises de contrebande. Tels sont: les armes, les munitions de guerre, les bois... et les vivres mêmes, en certaines occasions, où l'on espère réduire l'ennemi par la faim.“

**** Будто по мнѣнію Валена, деготь и лакая суть контрабанда. Валенъ же на самомъ дѣлѣ указалъ только на случай гдѣ французское правительство въ видѣ репрессаліи объявило сіи предметы контрабандой. См. Gessner. *Droit*. 78.

† Ortolan, II, 222.

Ясно что такое допущеніе открываетъ обширное поле произвольнымъ толкованіямъ заинтересованной стороны, толкованіямъ, которыми столь обильны рѣшенія англійскаго Адмиралтейства. * Однако же и оно, подъ вліяніемъ болѣе либеральныхъ началъ, ограничило свое мнимое право и смягчило свою практику, дѣлая различіе въ участи контрабанды и quasi-контрабанды.

Такъ, относительно жизненныхъ припасовъ, сѣры, селитры и иныхъ предметовъ *ancipitis usus* допускается не конфискація, но *jus praeeptionis*. Въ подтвержденіе этого права защитники его приводятъ:

1. Основанія *гражданской экспроприаціи*. Это очевидно не вѣрно, ибо въ отношеніяхъ международныхъ нѣтъ главнаго принципа гражданской экспроприаціи: *верховой власти*, экспроприирующей въ видахъ *общественной пользы*. Отношенія международныя свободны.

2. Цѣна предметовъ уплачивается нейтральному, такъ что сей послѣдній не терпитъ убытковъ. Но и это не вѣрно. „Торговля“, справедливо замѣчаетъ Готфѣль, „состоитъ не изъ продажи одного груза, но изъ цѣлаго ряда комбинированныхъ операцій; если одна изъ нихъ не удастся (а это неминуемое послѣдствіе приложенія *jus praeeptionis*) всѣ остальные рушатся...“ Уплата товара подвергшагося *jus praeeptionis* даже по цѣнамъ порта назначенія не можетъ вознаградить убытковъ которые онъ (нейтральный негодіантъ), несетъ въ данномъ случаѣ. **

Геффтеръ, разбирая занимающій насъ вопросъ, говоритъ что допустивъ разъ *jus praeeptionis*, было бы, по крайней мѣрѣ, логично и необходимо возможно полное вознагражденіе нейтральнаго, т.-е. уплатить какъ *damnum emergens*, такъ и *lucrum cessans*; „но“, продолжаетъ онъ, „практика этого не принимаетъ и нашла себѣ защитниковъ своего незаконнаго образа дѣйствій въ лицѣ такихъ людей какъ Вильямъ Скоттъ“. *** „Нельзя отрицать право воюющаго“, говоритъ въ

* Замѣчу здѣсь что къ сожалѣнію и Баунчи, вообще противникъ англійскихъ доктринъ, въ вопросѣ о контрабандѣ принялъ ее въ общихъ основаніяхъ, хотя и съ значительными оговорками. См. Bluntschli, §§ 805—807.

** Hautefeuille, *Droits*, II, 51—52.

*** Heffter, § 161. Практика доказываетъ справедливость этихъ словъ. Такъ, когда вслѣдствіе упомянутого уже выше *order of Coup-*

свою очередь Гессперъ, „захватить грузъ, состоящій изъ жизненныхъ припасовъ..... но при этомъ необходимо чтобы была крайность, чтобы не было иного средства къ спасенію жизни..... Это право *личнаго самосохраненія*, — право, какъ известно, признанное во всѣхъ отрасляхъ права..... но право сіе находитъ основаніе въ самомъ себѣ, а не въ иныхъ принципахъ.....“*, т.-е. въ такомъ случаѣ хлѣбъ и т. п. подвергается *jus praeeptionis* не какъ военная контрабанда, но какъ необходимая для спасенія жизни вещь, и въ этомъ видѣ *jus praeeptionis* существуетъ безразлично во время военное и во время мирное.**

Другое и болѣе важное возраженіе есть то что приложеніе *jus praeeptionis* нарушаетъ независимость нейтральнаго государства, свободу его торговли. Дѣйствительно, захватывая нейтральный грузъ не составляющій контрабанды самъ по себѣ, воюющій совершаетъ дѣйствіе такое же какъ еслибы онъ былъ въ правѣ руководить и по своему усмотрѣнію ограничивать нейтральную торговлю.

Ко всѣмъ этимъ соображеніямъ прибавлю еще одно и, мнѣ кажется, весьма важное: *jus praeeptionis* и потому не можетъ быть принято что допущеніе его со стороны нейтральнаго государства есть нарушеніе нейтралитета въ одной изъ существенныхъ его чертъ; а именно: если *jus praeeptionis* допущено, то ясно что всю выгоду изъ сего извлечь та изъ воюющихъ сторонъ которая располагаетъ большими морскими силами. Нейтральное же государство, не воспротивляясь приложенію *jus praeeptionis*, будетъ тѣмъ благопріятствовать одной воюющей сторонѣ во вредъ другой, которая и будетъ въ правѣ смотрѣть на него какъ на пристрастное, а слѣдовательно уже не нейтральное государство. Такимъ образомъ *jus praeeptionis* противно началамъ права; сопротивляться ему, есть не только право, но и обязанность нейтральнаго.

Второе ограниченіе допускаемое англійскою доктриною *cil 1795* (и прежняго 1793), хлѣбъ подвергается *jus praeeptionis*, неоганты получали цѣну по фактурѣ порта отправленія и 10% сверхъ того. А между тѣмъ хлѣбъ во Франціи стоялъ въ цѣнѣ несравненно болѣе высокой, чѣмъ означенная въ фактурахъ. См. *Gesner, Droit*, 133.

* *Droit*, 137.

** Klüber, § 289, Heffter, l. cit.; Hautefeuille, l. c.; Cauchy, II, 274.

въ правѣ воюющаго относительно quasi - контрабанды, состоитъ въ томъ что предметы составляющіе ее не считаются таковыми, если суть главный вывозной продуктъ нейтральнаго государства. Но и здѣсь англійская доктрина не стоитъ на твердой юридической почвѣ. Утилитарныя, промышленныя соображенія не должны и не могутъ вліять на характеръ тѣхъ или другихъ продуктовъ. Одно изъ двухъ: они или контрабанда, и въ такомъ случаѣ для всѣхъ государствъ въ одинаковой степени, или же они свободны, и для всѣхъ государствъ въ одинаковой степени. Ограниченіе это впрочемъ было рѣдко допускаемо и самою Англіей и то въ такихъ обстоятельствахъ когда она желала оставаться, по тѣмъ или, другимъ причинамъ, въ дружескихъ отношеніяхъ съ государствомъ которому дѣлала сію „льготу“.

Итакъ англійская система есть не что иное какъ приложеніе къ вопросу о контрабандѣ пресловутаго права необходимости. Причисленіе же къ военной контрабандѣ тѣхъ или другихъ предметовъ производится *ad libitum*; каталогъ ихъ имѣетъ самыя эластическія границы, или лучше вовсе ихъ лишень. Основная мысль та что контрабанда не можетъ быть опредѣлена точно, что она мѣняется смотря по обстоятельствамъ.

Изъ всего вышесказаннаго видно что запутанность вопроса о военной контрабандѣ, главнымъ образомъ, заключается въ неправильномъ дѣленіи предметовъ торговли на три категоріи, а именно, пока будемъ допускать между предметами абсолютно контрабандными и предметами абсолютно свободными третій, средній классъ предметовъ, признаваемыхъ то свободными, то контрабандными, мы оставимъ всегда широкое поле произволу и неясности. Но, за непризнаніемъ факультативной quasi - контрабанды, вопросъ значительно упрощается и сводится къ тому чтобъ опредѣлить какіе предметы контрабанда, какіе предметы свободны. Въ этомъ смыслѣ высказался Готфѣль. ** Такимъ образомъ

* Такъ въ 1700 году деготь объявленъ контрабандой, кромѣ шведскаго, а въ 1799 и шведскій подвергнутъ конфискаціи, какъ контрабанда. См. Wheaton, Elements, II, 142.

** „...La division des objets, qui peuvent faire la matière du commerce des neutres, en trois classes, est, à mes yeux, une erreur. Il n'existe, en réalité, que deux catégories: les objets de contrebande, les objets d'un commerce libre.“ Hautefeuille, Droit. II. 122.

поставленный вопросъ разрѣшается гораздо легче, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не сознаться что метода принятая Готфелемъ въ опредѣленіи военной контрабанды, хотя зиждется и на правильномъ основаніи—на признаніи двухъ только категорій предметовъ,—едва ли можетъ привести къ удовлетворительнымъ результатамъ. Онъ задается мыслью разбѣлать въ отдѣльности всѣ предметы подвергавшіеся сомнѣнію относительно ихъ качества. Но, спрашивается, возможно ли выполненіе? Какъ подробно мы не будемъ излагать дѣло, всегда изложеніе будетъ не полно, всегда найдутся новые вопросы, относительно новыхъ предметовъ. Словомъ, мнѣ кажется что опредѣленіе въ частности, классификація предметовъ военной контрабанды на основаніи теоретическомъ невозможна. Все что можно сказать, это то что согласно съ существомъ нейтралитета, согласно основаніямъ военной контрабанды вообще, таковою должны считаться только предметы прямо и непосредственно находящіе употребленіе въ войнѣ. Затѣмъ дѣло представляется намъ въ такомъ видѣ что нѣкоторыя отрасли промышленности и торговли прямо должны быть исключены изъ сношеній съ воюющими какъ непосредственно относящіеся къ войнѣ, остальные же, хотя и *могутъ* служить для военныхъ цѣлей, но остаются свободными. Не должно забывать что мы здѣсь стоимъ уже на фактической почвѣ. Теорія можетъ дать только общее юридическое основаніе, дальнѣйшее же развитіе понятія—историческій фактъ, и нельзя не согласиться съ Гефферомъ * и съ Блунчи что военная контрабанда дѣло историческаго факта и въ частности опредѣляется договорнымъ правомъ. Ошибки сихъ ученыхъ, какъ было указано, заключаются лишь въ томъ что они и самый принципъ искали въ исторіи, въ фактѣ, а не въ общихъ нормахъ права. „Всегда возникали споры относительно предметовъ которые должны считаться военною контрабандой,“ говоритъ Блунчи.... „Англія, въ качествѣ морской военной державы, старалась насколько возможно расширять ихъ границы и средства къ подавленію. Наоборотъ, нейтральные, желая охранять свою торговлю, старались по возможности сузить эти границы.... Мало-по-малу оба стремленія сблизились, хотя мы и нынѣ еще можемъ констатировать

---

* Heffter, § 157.

и въкоторыя колебанія въ международной практикѣ. Всѣ морскія державы имѣютъ значительный интересъ въ томъ чтобы нейтральные по возможности не испытывали на своей торговлѣ пагубныхъ послѣдствій войны...“ *

Излишне было бы искать началъ контрабанды ранѣе начала XVII вѣка. До этого времени международная практика вообще, и относительно военной контрабанды особенно, носить характеръ случайности. Рядомъ съ трактатами распространяющими воспрещеніе торговли на всѣ предметы безъ исключенія, ** мы встрѣчаемъ трактаты позволяющіе неограниченную торговлю всякими товарами, не исключая оружія и т. п. *** Очевидно что ни въ трактатахъ перваго, ни въ трактатахъ втораго рода понятіе контрабанды не выяснено, и тѣ и другіе суть крайности, столь не рѣдкія въ тѣ вѣка. Только съ начала XVII вѣка мы находимъ въ международныхъ договорахъ первые ясные слѣды правильного пониманія понятія о военной контрабандѣ. Просматривая трактаты XVII и XVIII вѣковъ, можно замѣтить что они всѣ, за немногими исключеніями, ограничивали военную контрабанду оружіемъ и предметами непосредственно назначенными для войны, находящими въ ней непосредственное примѣненіе.

Одинъ изъ первыхъ трактатовъ объявившихъ контрабандой только оружіе былъ трактатъ 1646 (Франція—Голландія). Затѣмъ тотъ же принципъ выраженъ Пиренейскимъ трактатомъ 1659; **** его постановленія еще яснѣе повторены Утрехтскими трактатами, † служившими основой положительнаго права XVIII столѣтія; наконецъ трактатами перваго и втораго вооруженнаго нейтралитета. †* Но если такимъ об-

* Bluntschli, § 801.

** Трактатъ 1304, Англія—Франція, возобновленъ 1314. См. Hautefeuille, *Histoire*, 110.

*** Трактатъ 1468. Gessner, *Recht s. n. S.* 33.

**** Вестфальскій миръ, столь важный въ другихъ отношеніяхъ для европейскаго международнаго права, не содержитъ никакихъ постановленій относительно морскаго права и правъ нейтральныхъ.

† Ст. 12 Пиренейскаго трактата; ст. 20 Утрехтскаго мира, кромѣ того содержитъ перечень предметовъ свободныхъ, въ подтвержденіе предыдущей статьи, опредѣляющей предметы контрабанды.

†* То-есть тѣ же самые предметы какіе объявляены контрабандой трактатами Россіи и Англіи 1766. См. Wheaton; *Histoire*, I, 361 и II, 84. Перечислены 20 предметовъ: см. Gessner, *Recht d. n. S.* 39.

разомъ всѣ наиболѣе знаменательные, торжественные трактаты освятили этотъ принципъ, * то мы находимъ въ очень, действительно, ограниченномъ числѣ трактатовъ и новыя начала, а именно: объявленіе военною контрабандой предметовъ чуждыхъ непосредственнаго употребленія въ войнѣ, и въ особенности: съѣстныхъ припасовъ, морскихъ принадлежностей, дегтя, смолы и нѣкоторыхъ другихъ. Готфель насчитываетъ такихъ трактатовъ, распространяющихъ понятие военной контрабанды, девять; ** по затѣмъ совершенно справедливо замѣчаетъ что стоить внимательно всмотрѣться въ исторію заключенія сихъ трактатовъ чтобъ убѣдиться что они заключены по принужденію, подъ гнетомъ минутныхъ обстоятельствъ, *** словомъ, они представляютъ трактаты неровные, лишенные *justus titulus*.

Такимъ образомъ юридическій принципъ находилъ себѣ признаніе въ торжественныхъ актахъ международной жизни; но посмотримъ насколько государства признавали его фактически слѣдовали принципамъ ими же провозглашеннымъ. Здѣсь надо обратиться ко внутреннему законодательству государствъ, къ регламентамъ и объявленіямъ о нейтралитетѣ, обыкновенно обнародуемымъ при началѣ войны.

Испанія, а вслѣдъ за нею Генеральныя Штаты, первые распространили понятие военной контрабанды. Вовлеченная въ войну съ Голландіей, Испанія въ началѣ XVII вѣка не разъ расширяла понятие контрабанды далеко за нѣстоящія его границы, объявляя и жизненные и морскіе припасы контрабандой. **** Но быстрое ея паденіе на стелень второстепенной державы произвело коренной переворотъ въ ея политикѣ, и насколько она прежде пренебрегала правами

* Кромѣ упомянутыхъ еще цѣлая масса трактатовъ повторила тотъ же принципъ. Главнѣйшіе переименованы у Готфеля: II, 86, 61 примѣчаніе 2, и *Histoire*, 286; у Ортолана, II, 192—195 и у Геснера, *Recht. d. n. S.* 38 примѣч. II.

** Вотъ они: 1604 (Испанія—Англія); 1614 (Швеція—Голландія); два 1630 (Испанія — Франція и Испанія — Англія); два 1651 (Англія — Данія и Англія — Швеція); 1654 (Англія — Голландія); 1742 (Англія — Данія); 1794 — 95 (Англія — Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты); 1803 (Англія — Швеція). Слѣдуетъ замѣтить что въ восьми Англія является договаривающеюся стороной.

*** Hautefeuille, II, 90.

**** Hautefeuille, II, 110.

нейтральныхъ, настолько же она съ XVII вѣка становится ихъ горячимъ защитникомъ. Эдикты Генеральныхъ Штатовъ также не разъ объявляли военною контрабандой предметы объявленные ими же оговоренными въ ранѣ заключенныхъ договорахъ. * Такъ эдикты 1652, 1657 и наконецъ 1689 годовъ называютъ контрабандой не только оружіе, но и сырые продукты, какъ желѣзо, деготь, деревянные корабельные матеріалы. Но съ начала XVIII вѣка начинается паденіе Голландіи, довершившееся гибельною для нея войной 1755—56 года. Съ этого времени она также перестаетъ разсматривать какъ контрабанду предметы не находящіе непосредственнаго употребленія въ войнѣ.

Но гибельная для нейтральныхъ система, впервые приложенная къ практикѣ Испаніей и Голландіей, была унаследована Англіей, и въ огромныхъ размѣрахъ и съ особенною энергіей прилагалась ею къ дѣлу въ теченіе двухъ столѣтій. Англія, не имѣя постоянного законодательства на случай войны, ** предъ открытіемъ каждой войны обнародовала спеціальныя регламенты, нерѣдко измѣняя ихъ въ теченіе войны, такъ-называемые *orders of Council*. Англійскіе дворяне и публицисты старались оправдывать эти *orders of Council*, утверждая что они имѣютъ международный авторитетъ: „Должно помнить,“ говоритъ лордъ Стюартъ (Вильямъ Скоттъ), что сія палата (то-есть Адмиралтійство) палата международная, хотя и засѣдаетъ здѣсь подъ авторитетомъ короля Великобританіи. Она принадлежитъ остальнымъ народамъ столько же сколько и намъ, и иностранцы имѣютъ право требовать отъ нея только строгаго исполненія международного права...“ *** Насколько строго исполняла Англія ею же заключенные трактаты и общія правила международного права, мы ясно видимъ изъ слѣдующихъ фактовъ:

Въ 1689 году объявлены контрабандой съѣстные припасы и корабельные матеріалы, въ 1744, 1755, 1778 годахъ повто-

* Какъ напримѣръ трактатомъ 1646. См. выше 157.

** Act of navigation 1651 (Oliv. Cromwell) не касается вопросовъ морскаго военнаго права, въ отношеніяхъ ихъ къ нейтральнымъ государствамъ. Только правила о каботажной и колоніальной торговлѣ составляютъ исключеніе. Прѣцеденты же, составляющіе, какъ извѣстно, основу англійской практики, собраны въ такъ-называемомъ *Black book of Admiralty*.

*** Phillimore, III. 537.

рилось то же самое. Эти orders of Council были обнародованы вопреки всемъ трактатамъ заключеннымъ Англіей. *

Въ 1780 году Англія была принуждена отказаться отъ многихъ своихъ правъ и ограничить значительно военную контрабанду, благодаря твердымъ и энергическимъ дѣйствіямъ Россіи и составившагося подъ руководствомъ сей державы перваго союза вооруженнаго нейтралитета. Но вскорѣ союзъ распался. Императрица Екатерина II заключила союзъ съ Англіей и отказалась отъ принциповъ вооруженнаго нейтралитета. Англія воспользовалась союзомъ съ Россіей и послѣдила обнародовать согласно съ своимъ союзникомъ два orders of Council, отъ 8го іюня 1793 и 8го января 1794 года. ** Не взирая на протесты Даніи, Швеціи, Соединенныхъ Штатовъ, ни на трактатъ 1797 года, *** Англія не отказывалась отъ своего образа дѣйствій, и только въ 1800 году, благодаря второму союзу вооруженнаго нейтралитета, можно было надѣяться что будутъ восстановлены истинные принципы провозглашенные въ 1780 году. Кончина императора Павла и бомбардированіе Копенгагена остановили готовившуюся коалицію, и въ 1801 году Англія заключила трактатъ съ Россіей и сѣверными державами, выгодный ея политикѣ, во вѣхъ отношеніяхъ; въ опредѣленіи контрабанды она однако же принуждена была ограничиться запрещеніемъ оружія. ****

Въ продолженіи войнъ Имперіи вопросъ о контрабандѣ былъ поглощенъ въ огромной системѣ фиктивной баскады почти всего міра со стороны Англіи и континентальной системы со стороны Франціи. Съ начала нынѣшняго столѣтія до 1856 года Англія не заключала ни одного договора гдѣ бы упомянула о военной контрабандѣ † (да и вообще о вѣхъ вопросахъ морскаго права). Молчаніе это краснорѣчиво; оно показываетъ что до сей поры Англія не отказалась отъ своей политики и поддерживаетъ теорію *относительной контрабанды*, старается удержаться на той высотѣ морскаго могущества которой она достигла какъ эими, такъ и многими

* См. Hautefeuil, *Histoire etc.*, 292 и слѣд.; *Droits*, II, 104 и слѣд.

** См. Wheaton, *Hist.*, II, 36 и слѣд.

*** Котораго II ст. объявляетъ контрабандой одно оружіе. См. Wheaton, *Hist.*, II, 88.

**** См. III, § 3; *Convention maritime* 1801. См. Wheaton, *Hist.*, II, 86 и слѣд.

† Послѣдній трактатъ Англо-Шведскій 1803 года.

другими аналогичными мѣрами. Восточная война доказала, что контрабанда относительная, входитъ еще цѣлкомъ въ англійскую политику, что понятіе о контрабандѣ далеко не ограничивается однимъ оружіемъ: и хотя въ 1854—56 годахъ Великобританія довольно мягко постукала на практикѣ, но принципъ остался неприкосновеннымъ. 30го марта 1854 года, на запросъ одного изъ членовъ палаты общинъ, генералъ-атторней объявилъ, что контрабандой слѣдуетъ считать оружіе, военный матеріалъ и съѣстные припасы. * 29го іюня того же года, первый лордъ адмиралтейства (Л. Грагамъ), въ отвѣтъ на другой запросъ, утверждалъ, что и дерево, деготь, смола, канатные товары и прочій корабельный матеріалъ есть также несомнѣнно контрабанда. ** Наполеонъ контрабандой относительно объявлялись: паровыя машины и каменный уголь. Офицерамъ Англійскаго флота предоставлялось, смотря по обстоятельствамъ, задерживать или пропускать ихъ. *** По изъясненію Филлимора, особенное вниманіе должно обращать въ этихъ случаяхъ на количество груза и мѣсто его назначенія. ****

Первые морскіе регламенты Франціи относятся къ XV вѣку; постановленія ихъ отзываются еще незрѣлостію эпохи и носятъ характеръ временнаго случайнаго правила. † Главный памятникъ ея внутренняго морскаго законодательства, морской ордоннансъ 1681 года, контрабандой считаетъ исключительно оружіе и военный матеріалъ. Регламентъ этотъ до нынѣшняго дня составляетъ французскій законъ, по крайней мѣрѣ въ своихъ постановленіяхъ относительно военной контрабанды. †* Однако же Франція не разъ отступала въ теченіе XVIII вѣка отъ принциповъ регламента 1681 года. Но всматриваясь въ ея образъ дѣйствій не трудно замѣтить, что каждый разъ какъ она распространяла понятіе контрабанды на свободные предметы, она дѣлала это въ видѣ репрессаліи. Такъ во время войны за испанское наслѣдство,

* Gessner *Droit*, 79.

** Ibid.

*** Рѣчь до, да Грагама 9го мая 1854 года. См. Gessner *Droit*, 82.

**** Phillimore III, 355.

† Регламентъ 1400; эдиктъ Франциска I, 1543 Генриха III, 1584. Декларация 1650. Въ нихъ воспрещается торговля оружіемъ. См. Hautefeuille *Hist.* 237.

†* См. Hautefeuille, *Droits* II, 107, прим. 2.

регламентомъ отъ 23го юля 1704 года запрещена нейтральная торговля продуктами непріятеля. То же явленіе повторилось и въ 1744 и 1755. Но въ 1704, 1744 и 55 годахъ Англія предупредила Францію, воспретивъ первая торговлю ея продуктами. Во время войны Америки за независимость, предъ самымъ открытіемъ войны, Франція обнародовала регламентъ 1778. Его XV статьей вводится опять относительно контрабанды регламентъ 1681, * то-есть контрабандой считается одно оружіе. Въ 1780 Франція примкнула къ союзу вооруженнаго нейтралитета и съ тѣхъ поръ не отступала уже отъ его принциповъ. Мѣры принятыя ею во время войны революціи и Имперіи были всегда объявляемы ею временными, и она постоянно обязывалась взять ихъ назадъ, съ условіемъ взаимности со стороны непріятеля. Регламентъ же постоянный, и основный вполнѣ согласенъ съ принципами регламента 1681 года. Ни одинъ изъ трактатовъ заключенныхъ Франціей съ 1815 года не отступилъ отъ нихъ; ** ни въ одной изъ послѣднихъ войнъ она не измѣнила имъ. Такъ во время Восточной войны, между тѣмъ какъ относительно другихъ вопросовъ касающихся нейтралитета союзники согласились, относительно военной контрабанды, Англія, какъ выше замѣчено, не приняла гуманныхъ принциповъ предложенныхъ Франціей; Франція же осталась вѣрна принципамъ вооруженнаго нейтралитета. ***

Что касается сѣверныхъ державъ: Даніи, Швеціи, Россіи, Пруссіи, онѣ всегда держались истинныхъ принциповъ международного права. По самому своему положенію, какъ морскія державы второстепенныя, онѣ являются поборниками правъ нейтральныхъ. Только въ 1710 году, во время войны со Швеціей, датское правительство попыталось объявить контрабандой съѣстные припасы, **** но Англія, нейтральная въ этой войнѣ, отказалась признать за Даніей право, кото-

* Hanitefeuille, *Histoire* стр. 292 и слѣд.

** Напримѣръ въ трактатѣ съ Бولیвіей 1834, съ Техасомъ 1839 (см. Martens et Cussy); въ трактатѣ съ Перу 1861 (см. Ortolan II, 195, прим. I).

*** См. французская инструкція морскимъ офицерамъ отъ 31го марта 1854, Ortolan, II, прил. VI, стр. 448. Въ конвенціи Франція и Англія не упомянуто о контрабандѣ. Ibid. VII (pag. 458).

**** Датскій регламентъ отъ 5го апрѣля 1710 года, стр. 5.

рымъ столь часто злоупотребляла сама, и принудила ее отмѣнить эту мѣру. * Россія, какъ я выше уже сказала, только одинъ разъ, во время войны революціи въ 1796 году, отступила отъ принциповъ вооруженнаго нейтралитета. Трактатъ 1793 года — единственный заключенный Россіей и отступившій отъ этихъ принциповъ.

Мало заинтересованныя въ дѣлахъ остальной Европы, италіянскія государства однако въ теченіе XVIII вѣка считали контрабандой только оружіе. Въ теченіе XIX вѣка они держались той же политики. **

Наконецъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты признавали контрабандой только оружіе и военный матеріалъ. Какъ во внутреннихъ регламентахъ, такъ и въ своихъ трактатахъ они всегда держались этого принципа. *** Одинъ лишь трактатъ съ Англіей 1794 года, трактатъ, какъ мы видѣли, неравный, освятилъ систему относительной контрабанды.

Изъ сдѣланнаго обзора видно что одна лишь Англія до сихъ поръ отказывается признать военную контрабанду въ границахъ принятыхъ нынѣ всеми членами международнаго союза. Парижскій трактатъ не далъ опредѣленія контрабанды; пропускъ, мотивированный только отказомъ Англіи. Въмѣстѣ съ тѣмъ, при постоянномъ развитіи истинныхъ и гуманныхъ принциповъ, при общемъ ихъ признаніи со стороны всего образованнаго міра, можно надѣяться что и Англія откажется отъ пути которому слѣдовала до сихъ поръ, и принятіемъ истинныхъ основаній военной контрабанды завершить тотъ переворотъ въ своей политикѣ относительно нейтральныхъ который она сдѣлала подписавъ Парижскій трактатъ.

(Continuë dans la suite.)

П. ПОВОСНИЛЬЦЕВЪ.

* Hautefeuille Hist. 295.

** См. Hautefeuille Hist. 296, и особенно Cauchy, Respect de la propr. etc. 127. Инструкціи 20го іюня 1866 года Италіанскимъ морскимъ офицерамъ ст. VIII.

*** Wheaton, Elements T. II, 161 и изд. Bluntschli § 765, 2, Декларациі конгресса 1778, 1793, 1818.

ЗАКОНЪ И ЖЕНЩИНА*

РОМАНЪ

ВИЛКИ КОЛЛИНЗА

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

ГЛАВА XLIII.

Наконецъ.

Письмо въ которомъ мистеръ Плейморъ сообщилъ мнѣ о странной телеграммѣ нашего агента не выражало того смѣлаго взгляда на наше положеніе какимъ онъ ободрилъ меня въ домѣ Веніамина.

„Телеграмма“ писаль онъ, „не можетъ имѣть другаго значенія кромѣ того что разорванное письмо было выброшено вмѣстѣ съ другимъ соромъ и золой въ сорную кучу. Въ продолженіе трехъ лѣтъ весь соръ выметавшійся изъ дома и зола изъ каминовъ топившихся въ библіотекѣ и въ картинной галлерей почти круглый годъ выбрасывались въ ту же кучу и зарывали драгоценные клочки все глубже и глубже. Если даже мы найдемъ ихъ, можно ли разчитывать

---

* Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ* 1874 №№ 10, 11, 12 и 1875 № 1, 2 и 3.

что они сохранились настолько что можно будетъ прочесть написанное на нихъ? Отвѣчайте мнѣ если возможно съ первою же почтой какого вы мнѣнія объ этомъ. Еслибы вы пріѣхали посоветоваться со мною лично, мы выиграли бы время которое можетъ быть очень дорого. Вы теперь недалеко отъ Эдинбурга. Подумайте объ этомъ."

Я много думала объ этомъ. Единственное затрудненіе которое останавливало меня касалось моего мужа.

Отъѣздъ матери и сына откладывался по совѣту доктора такъ долго что они были еще только въ Бордо когда я, дня три или четыре тому назадъ, получила послѣднее извѣстіе отъ мистрисъ Макаланъ. Принявъ во вниманіе время отдыха въ Бордо и медленность съ которой они должны были продолжать свое путешествіе, я все же должна была ожидать что они возвратятся въ Англію раньше чѣмъ мистеръ Плейморъ получитъ письмо отъ нашего агента. Буду ли я имѣть возможность съѣздить къ юристу въ Эдинбургъ послѣ того какъ встрѣчусь съ мужемъ въ Лондонѣ, это было весьма сомнительно. Я рѣшилась откровенно написать мистеру Плеймору что я не могу больше располагать своими дѣйствіями и попросила его адресовать свое слѣдующее письмо въ домъ Веніамина.

Къ этому отвѣту я прибавила нѣсколько своихъ соображеній на счетъ разорваннаго письма.

Въ послѣдніе годы жизни моего отца я путешествовала съ нимъ по Италіи и видѣла въ Неаполитанскомъ музеѣ удивительные памятники прошлаго, открытые между развалинами Помпеи. Желая поощрить мистера Плеймора, я напомнила ему что вулканическая зола подъ которой былъ погребенъ городъ сохранила отъ порчи въ теченіе шестнадцати столѣтій такіе непрочные предметы какъ живопись на стѣнахъ, носильное платье, солому въ которой была упакована посуда и (что всего замѣчательнѣе для насъ) листъ старинной бумаги все еще прикрѣпленный къ вулканической золѣ упавшей на него. Если такіе предметы сохранились въ цѣлости въ теченіе шестнадцати столѣтій подъ большою массой пыли и золы, почему намъ не надѣяться найти въ цѣлости наше письмо пролежавшее подъ небольшою массой тѣхъ же веществъ только три или четыре года? Принявъ за несомнѣнное что клочки письма отыщутся (что было можетъ быть еще весьма сомнительно) я выразила твердую увѣрен-

ность что написанное на нихъ окажется хотя и полинявшимъ, но все же удобочитаемымъ. Позднѣйшія постепенныя наслоенія пыли и золы не только не были вредны, какъ по видимому полагалъ мистеръ Плейморъ, но были напротивъ полезны потому что предохраняли бумаги отъ дождя и сырости. Этими скромными намеками я заключила свое письмо. Благодаря свидѣніямъ пріобрѣтеннымъ на континентѣ я была въ состояніи поправить ошибку моего ученаго совѣтника.

Прошелъ еще день. О путникахъ не было никакого извѣстія.

Я начала беспокоиться. Я уложила свои вещи и рѣшила ѣхать въ Лондонъ на другой день утромъ, если до тѣхъ поръ не получу никакого извѣстія о перемѣнѣ въ лутевыхъ планахъ мистрисъ Макалланъ.

На слѣдующее утро почта принесла мнѣ письмо отъ моей свекрови. Это письмо опредѣлило мой дальнѣйшій образъ дѣйствій и прибавило новый достапамятный день къ моему личному календарю.

На пути изъ Бордо въ Парижъ моего мужа постигло новое несчастіе. Дорожная усталость и волненіе въ ожиданіи свиданія со мною сломили его слабыя силы. Доѣхавъ съ трудомъ до Парижа онъ снова слегъ въ постель. Въ этотъ разъ доктора не опаслись за его жизнь, но предписывали ему продолжительный отдыхъ и полнѣйшее спокойствіе.

„Вы одна можете утѣшить и подкрѣпить Евстаѳа въ этомъ новомъ бѣдствіи, Валерія“, писала мнѣ мистрисъ Макалланъ. „Не думайте что онъ осуждаетъ или когда-нибудь осуждалъ васъ за то что вы покинули его въ Испаніи.“ „Я самъ покинулъ ее и она въ правѣ ожидать чтобъ я вернулся къ ней первый“, сказалъ онъ мнѣ когда мы впервые заговорили объ этомъ. „Таково его мнѣніе, другъ мой, и онъ сдѣлалъ все что могъ чтобъ исполнить то что онъ считаетъ своимъ долгомъ. Теперь же когда онъ слегъ въ постель, онъ принужденъ просить васъ принять его намѣреніе за исполненіе и пріѣхать къ нему самой. Мнѣ кажется что я знаю васъ достаточно, дитя мое, чтобы не сомнѣваться что вы исполните его просьбу. Я считаю только нужнымъ предостеречь васъ чтобъ вы избегали всякихъ разговоровъ не только о процессѣ (это вы и сами знаете), но даже о Гле-

никѣ. Вы поѣмете какъ сильна его болѣзненная раздражительность когда я скажу вамъ что я не рѣшилась бы пригласить васъ пріѣхать къ нему еслибы не знала изъ вашего письма что вы не видаетесь болѣе съ Декстеромъ. Повѣрите ли! его отвращеніе ко всему что напоминаетъ о нашихъ прошлыхъ испытаніяхъ все еще такъ сильно что онъ проситъ моего согласія на продажу Гленникъ.

Такъ писала мнѣ моя свекровь, но не полагаясь, вѣроятно, на силу собственныхъ убѣжденій она вложила въ свое письмо небольшой лоскутокъ бумаги съ двумя строчками написанными слабою, дрожащею рукой моего бѣднаго Евстаѣя. Онъ писалъ:

„Я слишкомъ слабъ чтобъ ѣхать дальше, Валерія. Не простишь ли ты меня и не пріѣдешь ли ты ко мнѣ сама?“

Дальше было еще нѣсколько словъ, но разобрать ихъ не было возможности.

Я не думаю ставить это себѣ въ большую заслугу, но такъ какъ я сознавалась въ своихъ проступкахъ, то позволяю мнѣ сказать и то что можетъ послужить въ мою пользу. Прочитавъ письма я немедленно отказалась отъ всякаго дальнѣйшаго участія въ отыскиваніи таинственнаго письма. Я рѣшила что если Евстаѣй спроситъ меня объ этомъ, то я буду въ состояніи отвѣтить ему искренно: „да, я принесла жертву необходимую для твоего спокойствія. Въ такое время когда это было особенно трудно, я ради тебя отказалась отъ моего предпріятія.“

Предъ отъѣздомъ изъ дома дяди я написала мистеру Плеймору новое письмо въ которомъ объяснила ему откровенно свое положеніе и разъ навсегда отказалась отъ всякаго дальнѣйшаго участія въ попыткѣ открыть тайну преступленія въ Гленникѣ.

ГЛАВА XLIV.

Нашъ новый медовый мѣсяцъ.

Не скрою что на пути въ Лондонъ я была въ очень грустномъ расположеніи духа.

Отказаться отъ самой дорогой цѣли моей жизни послѣ того какъ я уже столько выстрадала для достиженія ея и въ такое время когда я поவிдимому была уже такъ близка къ осуществленію.

ствленію моихъ надеждъ, было конечно большимъ испытаніемъ для женской твердости и чувства долга. Тѣмъ не менѣе еслибъ мнѣ представился случай вернуть мое письмо адресованное мистеру Плеймору, я не сдѣлала бы этого. „Дѣло сдѣлано и сдѣлано хорошо“, говорила я себѣ, „и мнѣ остается только дожидаться того дня когда поцѣлуй моего мужа примиритъ меня съ моей жертвой.“

Я разчитывала пріѣхать въ Лондонъ вовремя чтобъ отправиться дальше въ тотъ же вечеръ. Но нашъ поѣздъ встрѣтилъ нѣсколько препятствій на долгомъ пути съ свѣра и мнѣ пришлось переночевать у Веніамина.

Я не успѣла предупредить моего старого друга о перемѣнѣ въ моихъ планахъ, и мой пріѣздъ былъ для него неожиданностью. Я застала его въ библіотекѣ надъ большимъ столомъ освѣщеннымъ лампами и свѣчами и усыпаннымъ множествомъ мелкихъ клочковъ бумаги.

— Чтѣ вы дѣлаете? спросила я.

Веніаминъ покраснѣлъ... какъ молодая дѣвушка, хотѣла я сказать, но въ ваши дни молодыя дѣвушки не краснѣютъ.

— Ничего, ничего, отвѣчалъ онъ сконфуженный. — Не обращайтесь вниманія.

Онъ протянулъ руку чтобы смахнуть со стола клочки бумаги. Я остановила его. У меня явилось внезапное подозрѣніе.

— Вы получили какое-либо извѣстіе отъ мистера Плеймора, спросила я. — Отвѣчайте мнѣ правду. Да или нѣтъ?

Веніаминъ покраснѣлъ еще болѣе и отвѣчалъ утвердительно.

— Гдѣ письмо?

— Я не могу показать вамъ его, Валерія.

Само-собою разумѣется что этотъ отвѣтъ заставилъ меня рѣшиться прочесть письмо во чтѣ бы то ни стало. Лучшимъ средствомъ умилостивить Веніамина было разказать ему о жертвѣ принесенной мною для спокойствія моего мужа. Я не имѣю болѣе голоса въ этомъ дѣлѣ, сказала я въ заключеніе своего признанія. Теперь все зависитъ отъ мистера Плеймора, и я хочу только воспользоваться послѣднимъ случаемъ узнать чтѣ онъ думаетъ объ этомъ.

Веніаминъ былъ такъ удивленъ и доволенъ мною что не могъ отказать въ моей просьбѣ и показалъ мнѣ письмо.

Въ этотъ разъ мистеръ Плейморъ обращался къ нему какъ къ коммерческому человѣку съ конфиденціальнымъ вопро-

сомъ не случилось ли ему во время его долгой практики слышать о документахъ которые были разорваны умышленно или случайно и вновь составлены, или не можетъ ли онъ указать человѣка знающаго какъ это дѣлается. Чтобы объяснить свой странный вопросъ мистеръ Плейморъ разказалъ ему къ какимъ важнымъ открытіямъ привела „челуха“ записанная моимъ старымъ другомъ [у Декстера. Письмо заключалось совѣтомъ сохранить возникшую переписку въ тайнѣ отъ меня, чтобы не возбудить во мнѣ слишкомъ смѣлыхъ надеждъ, которыя могли не оправдаться.

Я поняла теперь причину безнадежнаго тона которымъ было написано послѣднее письмо ко мнѣ мистера Плеймора. Онъ былъ повидимому такъ увлеченъ надеждой отыскать и возстановить разорванное письмо что осторожность заставляла его скрывать свои чувства отъ меня. Въ виду этого можно было не опасаться что онъ броситъ начатое дѣло вслѣдствіе того что я отказалась отъ участія въ немъ. Я взглянула съ новымъ интересомъ на клочки бумаги разбросанные по столу Веніамина.

— Не нашли ли чего-нибудь въ Гленинкѣ? спросила я.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ.—Я хотѣлъ сдѣлать опытъ прежде чѣмъ отвѣтить мистеру Плеймору.

— Такъ вы разорвали это письмо сами?

— Да, и для того чтобы труднѣе было сложить его, я бросилъ клочки въ корзину съ ненужными бумагами. Въ мои годы это конечно ребячество, моя милая.

Онъ замолчалъ сильно сконфуженный.

— Удалось вамъ сложить письмо? спросила я.

— О, это очень трудно, Валерія, отвѣчалъ онъ.—Однако начало было удачно. Это дѣлается по тому же правилу которымъ мы руководствовались складывая такъ-называемыя „загадки“ когда я былъ мальчикомъ. Стоитъ только сложить центральную часть, а остальное сложится непременно въ болѣе или менѣе долгое время. Не говорите объ этомъ никому, Валерія. Люди могутъ сказать что я впалъ въ дѣтство. Подумать только что челуха которую я записалъ имѣетъ смыслъ! Я получилъ письмо мистера Плеймора сегодня утромъ и, повѣрите ли? съ тѣхъ поръ я только и дѣлалъ что складывалъ разорванныя письма. Вы не разкажете этого никому, другъ мой, не правда ли?

Я отвѣтила милому старику горячимъ поцѣлуемъ. Теперь,

когда онъ утратилъ свой твердый нравственный балансъ и заразился моимъ энтузіазмомъ, я любила его болѣе чѣмъ когда-либо.

Однако я все еще не была счастлива. Какъ я ни старалась, я не могла заглушить въ себѣ сожалѣнія что мнѣ пришлось отказаться въ такое время отъ участія въ начатомъ мною дѣлѣ. Моимъ единственнымъ утѣшеніемъ было думать о Евстаѣи и о перемѣнѣ къ лучшему въ нашей супружеской жизни. Въ этомъ отношеніи по крайней мѣрѣ я восторжествовала. Мой мужъ вернулся ко мнѣ добровольно, онъ уступилъ не по необходимости, но въ слѣдствіе своей благодарности и любви ко мнѣ. И я согласилась сойтись съ нимъ опять не потому чтобъ я сдѣлала открытія не оставившія ему другого выбора какъ жить со мной, но потому что вѣрила ему и любила его безгранично. Развѣ для такого результата не стоило принести нѣкоторыхъ жертвъ? Стоило, конечно стоило, но я все же была не въ духѣ. Впрочемъ это должно было скоро кончиться. Утѣшеніе было только на разстояніи дня пути.

На другой день я уѣхала изъ Лондона съ утреннимъ поѣздомъ. Веніаминъ проводилъ меня на станцію.

— Я напишу въ Единбургъ сегодня же, сказалъ онъ мнѣ, пока мы ждали отхода поѣзда. — Мнѣ кажется что я знаю человѣка который можетъ быть полезенъ мистеру Плеймору, если мистеръ Плейморъ рѣшится продолжать свои изслѣдованія. Не нужно ли передать что-нибудь отъ васъ, Валерія?

— Нѣтъ, Веніаминъ, я покончила съ этимъ дѣломъ, мнѣ больше нечего сказать.

— Написать вамъ чѣмъ кончится попытка мистера Плеймора?

Я отвѣчала съ горечью:

— Да, напишите мнѣ если попытка не удастся.

Мой старый другъ улыбнулся. Онъ зналъ меня лучше чѣмъ я сама.

— Хорошо, сказалъ онъ покорно. — У меня есть адресъ парижскаго повѣреннаго вашего банкира. Вамъ придется съѣздить къ нему за деньгами и вы можетъ-быть найдете у него письмо отъ меня когда всего менѣе будете ожидать этого. Пишите мнѣ о здоровьѣ вашего мужа. Прощайте, моя милая, да благословитъ васъ Богъ.

Въ этотъ день вечеромъ я увидѣла Евстаѳію.

Онъ былъ такъ слабъ, бѣдный, что не могъ даже приподнять голову съ подушки. Я опустилась на колѣна около его постели. Его усталые глаза просвѣтлѣли когда мои губы коснулись его губъ. — Я теперь постараюсь жить для тебя, сказалъ онъ.

Мистрисъ Макалланъ была такъ деликатна что оставила насъ вдвоемъ. Когда онъ сказалъ эти слова, я не могла устоять противъ искушенія сообщить ему о новой надеждѣ освѣтившей нашу жизнь.

— Ты долженъ жить теперь не для меня одной, Евстаѳій, прошептала я.

Онъ взглянулъ на меня съ удивленіемъ.

— Ты говоришь о моей матери? спросилъ онъ.

Я положила голову къ нему на грудь и отвѣчала:

— Я говорю о твоёмъ ребенкѣ.

Я была вполне вознаграждена за все чѣмъ я пожертвовала. Я забыла мистера Плеймора, забыла Гленникъ. Съ этого дня начался нашъ новый медовый мѣсяцъ.

Тихо и спокойно потекла наша жизнь среди парижскаго шума котораго мы не замѣчали. Евстаѳій поправлялся медленно, не постоянно. Доктора скоро оставили его на мое попеченіе.

„Вы для него лучший докторъ“, сказали они. „Чѣмъ счастливѣе онъ будетъ съ вами, тѣмъ скорѣе онъ поправится“. Спокойное однообразіе моей новой жизни вовсе не утомляло меня. Напротивъ, я сама нуждалась въ отдыхѣ, у меня не было интересовъ и удовольствій внѣ комнаты моего мужа.

Одинъ, и только одинъ разъ тихая поверхность нашей жизни слегка возмущилась намекомъ на прошлое. Какое-то случайное слово въ разговорѣ напомнило Евстаѳію наше послѣднее свиданіе въ домѣ майора Фитцъ-Девида. Онъ деликатно намекнулъ мнѣ на то что я сказала ему тогда о вердиктѣ и о моемъ намѣреніи доказать его невиновность и далъ мнѣ понять что я успокоила бы его еслибы подтвердила увѣренія его матери что я отказалась отъ моего намѣренія.

Я могла отвѣтить ему искренно и безъ всякаго затрудненія что его желанія сдѣлались для меня закономъ. Но мнѣ кажется что я постулила бы не по-женски еслибы ограничилась этимъ отвѣтомъ. Мнѣ пришло въ голову что я тоже въ

правѣ ожидать чтобъ онъ успокоилъ меня и, какъ это всегда бываесть со мной, слова немедленно послѣдовали за побужденіемъ выговорить ихъ.

— А ты, Евстаѣй, спросила я, — освободился ты отъ жестокихъ подозрѣній побудившихъ тебя покинуть меня?

Его отвѣтъ заставилъ меня покраснѣть отъ удовольствія.

— Я не разстался бы съ тобой, еслибы зналъ тебя тогда какъ знаю теперь.

Такъ исчезла послѣдняя тѣнь недовѣрія между нами.

Всѣ мои прошлыя тревоженія въ Лондонѣ какъ будто изгладились изъ моей памяти. Мы были опять влюбленными, мы были опять поглочены другъ другомъ, намъ казалось что мы обвѣнчаны не болѣе двухъ дней. Но при всемъ этомъ я не всегда была вполне спокойна и счастлива. Въ опасныя минуты когда я оставалась одна мной опять овладѣвало страстное желаніе узнать пытался ли мистеръ Плейморъ отыскать въ сорной кучѣ разорванное письмо, или нѣтъ. Что мы за странныя созданія? Обладая всею что только можетъ пожелать женщина для своего счастья я готова была скорѣе рискнуть этимъ счастьемъ чѣмъ остаться въ невѣдѣніи насчетъ того что дѣлалось въ Гленникѣ. Я благословила день когда мой опустѣвшій кошелекъ далъ мнѣ случай сѣздить къ повѣренному моего банкира и узнать не получилъ ли онъ письма для передачи мнѣ.

Я не помню какъ я спросила деньги. Я думала только о письмѣ и украдкой оглядывала столы и конторки. На виду не было писемъ, но изъ сосѣдней комнаты вышелъ какой-то человекъ, некрасивый человекъ, но мнѣ онъ показался красивѣе потому что въ рукѣ его было письмо которое онъ подалъ мнѣ.

Я взглянула на адресъ и узнала почеркъ Веніамина.

Раскопали ли они сорную кучу? И если раскопали, то какъ былъ результатъ?

Кто-то положилъ деньги въ мой мѣшокъ и учтиво проводилъ меня до кареты ожидавшей меня у подъѣзда. Я пришла въ себя только когда на пути домой распечатала письмо. Изъ первыхъ же словъ я узнала что сорная куча была разрыта и клочки разорваннаго письма отысканы.

ГЛАВА XLV.

Поиски въ сорной кучѣ.

У меня потемнѣло въ глазахъ. Я принуждена была подождать и дать стихнуть своему волненію прежде чѣмъ продолжать чтеніе письма.

Отдохнувъ немного я взглянула опять на письмо и увидела въ концѣ его фразу которая и удивила, и испугала меня.

Я остановила извозчика и приказала ему ѣхать въ Булонскій Лѣсъ. Мнѣ нужно было выиграть время чтобы прочесть письмо на свободѣ и рѣшить должна ли я сохранить его въ тайнѣ отъ мужа и свекрови, или нѣтъ.

Принявъ эту предосторожность, я приступила къ чтенію письма моего благоразумнаго и внимательнаго друга. Передавая мнѣ событія съ методическою послѣдовательностью, онъ началъ съ письма изъ Америки.

Нашъ посланный удачно прослѣдилъ дочь сторожа и ея мужа до маленькаго городка въ одномъ изъ западныхъ штатовъ куда они переселились. Рекомендательное письмо мистера Плеймора доставило ему самый радушный пріемъ въ ихъ домѣ.

Его первые разспросы привели къ далеко не ободрительному результату. Женщина удивилась, смутилась и повидимому не могла припомнить ничего сколько-нибудь полезнаго для насъ. Къ счастью мужъ ея оказался разсудительнымъ человекомъ. Онъ отвелъ нашего агента въ сторону и сказалъ ему: Я понимаю свою жену, а вы ее не понимаете. Скажите, что именно вамъ нужно узнать и предоставьте мнѣ разспросить ее.

Это благоразумное предложеніе было охотно принято нашимъ агентомъ. На другой день рано утромъ его хозяинъ сказалъ ему: поговорите теперь съ моей женой и вы увидите что она можетъ сообщить вамъ кое-что. Только не смѣйтесь надъ ея разказомъ. Все что она можетъ разказать кажется ей до такой степени ничтожнымъ что она стыдилась говорить объ этомъ даже со мной. Она думаетъ что такіе пустяки не могутъ интересовать мужчинъ. Слушайте сло-

койно, не мѣшайте ей говорить и вы узнаете все что она помнитъ.

Нашъ агентъ послѣдовалъ этимъ инструкціямъ, и женщина разказала ему слѣдующее:

Она помнила ясно что послѣ отъѣзда хозяина и гостей изъ Гленника ей было поручено прибрать спальни. Мать ея была больна въ то время и не могла помочь ей. Дѣвушка не хотѣлось идти одной въ большой домъ послѣ того что случилось тамъ. По дорогѣ ей встрѣтились въ паркѣ два ребенка изъ окрестныхъ коттеджей. Мистеръ Макалланъ былъ добрѣ съ своими бѣдными арендаторами и никогда не мѣшалъ ихъ дѣтямъ играть въ паркѣ. Двое дѣтей отъ нечего дѣлать послѣдовали за ней и она рѣшилась взять ихъ съ собой въ домъ чтобы не быть тамъ одной.

Она начала свое дѣло съ корридора Гостей, оставивъ другой корридоръ, тотъ въ которомъ умерла хозяйка, до другого дня.

Въ первыхъ двухъ комнатахъ почти нечего было дѣлать. Дѣвушка не наполнила въ нихъ даже до половины бадью которую привезла съ собой для сора и золы. Дѣти слѣдовали за нею и дѣйствительно были для нея большимъ утѣшеніемъ въ пустомъ домѣ.

Третья комната, то-есть спальня которую занималъ Мизеримусъ Декстеръ, была въ худшемъ состояніи чѣмъ двѣ первыя и доставила дѣвушкѣ значительно больше труда. Занявшись дѣломъ она забыла о дѣтяхъ. Она уже смела пылъ съ ковра, выгребла золу изъ камина и сыпала все это въ бадью когда громкій плачь напомнилъ ей объ ея спутникахъ.

Она оглянулась и сначала не нашла ихъ, но новый взрывъ плача показалъ ей что они были въ углу комнаты подъ столомъ. Младшій забрался въ корзинку для бумаги, старшій нашелъ старую бутылку съ остатками вишневаго клея и съ кистью придѣланною къ пробкѣ и пресеріозно принялся размазывать клей по лицу младшаго. Естественное сопротивленіе младшаго кончилось тѣмъ что онъ опрокинулъ корзинку и разразился громкимъ плачемъ.

Помочь бѣдѣ было не трудно. Дѣвушка отняла у старшаго бутылку и дала ему подзатыльникъ, младшаго подняла на ноги и чтобы они не мѣшали ей поставила обоихъ въ уголъ. Успокоивъ дѣтей, она собрала бумаги разлетѣвшіеся по

полу, бросила ихъ опять въ корзину вмѣстѣ съ бутылкой, принесла бадью, высыпала въ нее все что было въ корзинахъ и перешла въ четвертую комнату, которой и закончила въ этотъ день свою работу.

Она вышла изъ дома вмѣстѣ съ дѣтьми, отнесла бадью къ сорной кучѣ, и вывалила принесенный соръ въ небольшое углубленіе на одной изъ сторонъ кучи. Затѣмъ она проводила дѣтей домой и вернулась къ себѣ.

Вотъ все что узналъ нашъ агентъ отъ дочери сторожа.

Разказанные факты привели мистера Плеймора къ заключенію что шансы были рѣшительно въ нашу пользу. Разорванное письмо, брошенное въ средину бадьи, было защищено въ сорной кучѣ и сверху и снизу. Соръ сваливавшійся въ ту же кучу въ послѣдующіе мѣсяцы и годы содѣйствовалъ еще болѣе предохраненію бумаги отъ вѣшнихъ вліяній, а такъ какъ сорная куча пролежала всѣ эти годы нетронутая, то и клочки драгоценнаго письма должны были отыскаться въ томъ мѣстѣ куда они были брошены.

Таковы были заключенія юриста и онъ немедленно сообщилъ ихъ Веніамину. А что сдѣлалъ Веніаминъ?

Испробовавъ свою способность складывать разорванные письма на своей собственной корреспонденціи, онъ не могъ устоять противъ искушенія сдѣлать опытъ съ таинственнымъ письмомъ. „Ваше предпріятіе свело меня съ ума“, другъ мой“, писалъ онъ мнѣ. „Вы знаете что я имѣю несчастье быть человѣкомъ празднымъ. У меня есть лишнее время и лишнія деньги. Вслѣдствіе этого я теперь въ Гленникъ и съ позволенія добраго мистера Плеймора занимаюсь раскапываніемъ сорной кучи.“

За этими характеристическими строками слѣдовало описаніе мѣста его дѣятельности. Для меня это описаніе было лишнимъ, потому что я сама видѣла мѣстность и все еще живо помнила ее. Что сдѣлали Веніаминъ и мистеръ Плейморъ? Чѣмъ увѣщались ихъ поиски? Вотъ что интересовало меня всего болѣе въ разказѣ моего друга, и я послѣдила перейти къ той части письма въ которой это описывалось.

Они принялись за дѣло съ отличавшею ихъ методичностью, не упуская изъ виду съ одной стороны цѣль, съ другой экономію въ тратѣ фунтовъ, шиллинговъ и пенсовъ. Въ Веніаминъ юристъ нашелъ то чего не находилъ во мнѣ, симпати-

зирующій умъ, способный оцѣнить важность „смѣты расходовъ“ и пользу расчетливости.

За извѣстную плату въ недѣлю они наняли людей для раскпыванія сорной кучи; за извѣстную плату въ недѣлю они достали палатку для предохраненія кучи отъ сора и дождя; за извѣстную плату въ недѣлю они запаслись услугами молодого химика (котораго Веніаминъ зналъ лично) занимавшагося въ лабораторіи одного профессора и прославившагося искуснымъ восстановленіемъ документовъ въ недавнемъ дѣлѣ о мошенничествѣ въ одной извѣстной лондонской фирмѣ. Покончивъ съ этими приготовленіями, они приступили наконецъ къ дѣлу. Веніаминъ и молодой химикъ поселились въ Гленникъ чтобы наблюдать поочередно за ходомъ работы.

Три дня работы лопатой и рѣшетомъ не принесли никакихъ сколько-нибудь важныхъ результатовъ. Но предпріятіе было въ рукахъ двухъ твердо рѣшившихся людей, и не теряя мужества, они продолжали.

На четвертый день показались первые клочки бумаги.

По разсмотрѣніи они оказались разорваннымъ счетомъ торговца. Веніаминъ и молодой химикъ, ободренные, продолжали свое дѣло. Въ концѣ третьяго дня появились новые клочки бумаги. Они оказались исписанными чернилами. Мистеръ Плейморъ, прѣзжавшій въ Гленникъ каждый вечеръ, былъ спрошенъ насчетъ почерка. Послѣ тщательнаго разсмотрѣнія онъ объявлялъ что это былъ несомнѣнно почеркъ покойной мистрисъ Макалланта.

Это открытіе довело энтузіазмъ искателей до крайней степени напряженія.

Лопаты и рѣшета сдѣлались съ этихъ поръ воспреценными орудіями. Дальнѣйшая раскопка производилась руками, какъ ни непріятна была такая работа. Отрываемые клочки размѣщались въ томъ порядкѣ какъ ихъ находили въ большія картонныя коробки. Настала ночь, работники были отпущены, но Веніаминъ и его два товарища продолжали работу при свѣтѣ лампъ. Клочки появлялись теперь не по одному и не по два, какъ сначала, а цѣлыми дюжинами. Такъ продолжалось нѣсколько времени, потомъ клочки перестали появляться. Все ли они были собраны? Дальнѣйшій незначительный слой сора былъ осторожно снятъ и подъ нимъ лежала горлышкомъ внизъ бутылка о которой говорила дочь сторожа.

И, что было еще драгоценнѣе, подъ бутылкой оказались новые клочки бумаги склеенные послѣдними каплями клея вытекшими на нихъ изъ бутылки.

Сцена дѣйствій перенеслась во внутренность дома. Искатели соединились вокругъ большого стола въ бібліотекѣ.

Веніаминъ, основываясь на опытѣ пріобрѣтенномъ въ дѣлѣ надъ складываніемъ загадокъ, выразилъ предположеніе что клочки сбившіеся въ кучку должны были по всей вѣроятности прійтись одинъ къ другому и могли послужить точкой отправленія для дальнѣйшей работы.

Трудное дѣло разъединить эти клочки сохранивъ порядокъ въ какомъ ихъ нашли было поручено искуснымъ пальцамъ химика. Но этимъ далеко не ограничивалась трудность задачи. Письмо, какъ и бѣольшая часть писемъ, было написано на обѣихъ сторонахъ листа, и для того чтобы перевести написанное на другую бумагу необходимо было раздвоить каждый клочокъ чтобы получить чистую сторону которую можно было бы намазать тонкимъ цементомъ употребляемымъ для соединенія клочковъ бумаги.

Мистеръ Шлейморъ и Веніаминъ въ виду такихъ затрудненій едва не потеряли надежды на достиженіе цѣли, но ихъ искусный товарищъ посѣвшиль ободрить ихъ.

Онъ обратилъ ихъ вниманіе на плотность бумаги (почтовой бумаги лучшаго достоинства) на которой было написано разорванное письмо. Она была вдвое плотнѣе той надъ которой онъ произвелъ свой опытъ въ дѣлѣ о подлогѣ. Вслѣдствіе этого онъ находилъ раздвоеніе клочковъ (съ помощію механическихъ приспособленій привезенныхъ имъ изъ Лондона) дѣломъ сравнительно легкимъ и обѣщалъ имъ что они въ ту же ночь будутъ въ состояніи прочесть часть письма.

Послѣ этого объясненія онъ спокойно принялся за свое дѣло. Пока Веніаминъ и юристъ пробовали сложить раздвоенные клочки которые были найдены первыми, химикъ успѣшно раздвоилъ бѣольшую часть порученныхъ ему клочковъ и сложилъ пять или шесть фразъ письма.

Они взглянули съ любопытствомъ на сложенные слова.

Первый результатъ опыта былъ такъ важенъ что могъ вознаградить ихъ за всѣ труды. Сложенные фразы ясно указывали на лицо которому было адресовано письмо.

Этимъ лицомъ былъ мой мужъ.

А разорванное письмо было по всей вѣроятности то

самое которое Мизерримусъ Декстеръ утаилъ и хранилъ у себя до произнесенія приговора надъ своимъ мужемъ, а послѣ приговора разорвалъ.

Таковы были открытія сдѣланныя до того дня какъ Веніаминъ написалъ мнѣ свое письмо. Онъ уже готовился отправить его на почту когда мистеръ Плейморъ посоветовалъ ему удержать его на нѣсколько дней чтобы сообщить мнѣ сразу все что имъ удастся открыть.

— Все это ея дѣло, сказалъ мистеръ Плейморъ.—Еслибы не ея рѣшимость и не ея вліяніе на Мизерримуса Декстера намъ никогда не удалось бы узнать тайну скрытую въ сорной кучѣ, намъ никогда не удалось бы увидать даже проблескъ истины. Она больше всѣхъ насъ имѣетъ право узнать все что намъ удастся открыть.

Письмо было оставлено на три дня, но по истеченіи этого срока къ нему было прибавлено только нѣсколько спѣшныхъ строкъ которыя смутили и испугали меня невыразимо.

„Химикъ быстро подвигается впередъ съ своею частью работы, а мнѣ удалось сложить другую часть письма“, писалъ Веніаминъ. „Сопоставленіе результатовъ его работы съ результатами моей привело насъ къ поразительнымъ заключеніямъ. Дай Богъ чтобы мы были въ полнѣйшемъ заблужденіи, но если наши заключенія справедливы, вы не должны говорить никому о возстановленіи письма. Открытія сдѣланныя нами до сихъ поръ такъ ужасны что я не могу принудить себя написать о нихъ теперь. Простите пожалуйста что я беспокою васъ этимъ извѣстіемъ. Рано или поздно мы обязаны будемъ посоветоваться съ вами и мы считаемъ нужнымъ приготовить васъ къ тому что вамъ предстоитъ узнать.“

Далѣе было нѣсколько строкъ прибавленныхъ мистеромъ Плейморомъ.

„Обратите серіозное вниманіе на предостереженіе мистера Веніамина“, писалъ онъ, „и примите предостереженіе отъ меня: вашъ мужъ послѣдній изъ людей которому я рѣшился бы показать отысканное письмо.“

ГЛАВА XLVI.

Кризисъ отсрочки.

— Берегитесь, Валерія, сказала мистрисъ Макаланъ.—Я не хочу разспрашивать васъ, я хочу только предостеречь васъ. Евстаѣй какъ и я замѣтилъ перемѣну въ васъ. Будьте осторожны.

Это было сказано въ тотъ же день вечеромъ когда мы остались вдвоемъ. Я сдѣлала все что могла чтобы скрыть впечатлѣніе произведенное на меня страннымъ и ужаснымъ извѣстіемъ изъ Гленника. Но прочитавъ то что я прочитала, чувствуя то что я чувствовала, возможно ли было сохранять невозмутимое наружное спокойствіе?

Высказавъ свое предостереженіе, мистрисъ Макаланъ дѣйствительно не сдѣлала никакой попытки вывѣдать мою тайну, она была можетъ-быть права, но мнѣ тѣмъ не менѣе очень тяжело было остаться одной не услышавъ ни слова совѣта или участія и рѣшить самой какъ я должна была поступить относительно мужа.

Показать ему письмо Веніамина при слабости его здоровья и въ виду сдѣланныхъ мнѣ предостереженій было рѣшительно невозможно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣ того какъ я уже выдала себя, нельзя было не сказать ему ничего. Я продумала объ этомъ всю ночь и къ утру рѣшила обратиться къ его довѣрію ко мнѣ.

Я приступила къ дѣлу прямо.

— Евстаѣй, начала я,—твоя мать сказала мнѣ вчера что ты замѣтилъ во мнѣ перемѣну послѣ того какъ я вернулась домой. Правда ли это?

— Правда, Валерія, отвѣчалъ онъ тихимъ голосомъ и не глядя на меня.

— Между нами, продолжала я,—не должно быть скрытности. Я должна сказать тебѣ что я получила вчера у банкира письмо изъ Англіи и что это письмо встревожило меня. Позволишь ли ты мнѣ не давать тебѣ полного объясненія пока я не сочту этого удобнымъ и повѣришь ли ты мнѣ, милый мой, когда я скажу что прося этой отсрочки я только исполняю свой долгъ относительно тебя какъ любящая жена?

Я замолчала. Онъ не отвѣчалъ. Онъ видимо боролся съ собою. Не слишкомъ ли смѣло поступила я? Не слишкомъ ли я понадѣялась на свое вліяніе? Мое сердце замерло, но я овладѣла собой настолько чтобы взять его руку и обратиться опять къ его довѣрію.

— Евстаѣій, сказала я, — развѣ ты не настолько знаешь меня чтобы вѣрить мнѣ?

Онъ взглянулъ на меня. Когда глаза наши встрѣтились, въ его глазахъ исчезла послѣдняя тѣнь сомнѣнія.

— Обѣщаешь ли ты сказать мнѣ со временемъ всю правду?—спросилъ онъ.

— Обѣщаю отъ всего сердца.

— Я вѣрю тебѣ, Валерія.

Его просвѣтлѣвшіе глаза свидѣтельствовали что онъ говорилъ искренно. Подѣлуй закрѣпилъ нашъ договоръ. Извините что я упоминаю о такихъ мелочахъ, я все еще пишу, если вы потрудитесь вспомнить, о нашемъ новомъ медовомъ мѣсяцѣ.

Въ этотъ же день я написала Веніамину, увѣдомая его какъ я поступила и умоляя его, если онъ и мистеръ Плейморъ одобрятъ мой поступокъ, сообщить мнѣ и дальнѣйшія открытія въ Глениакѣ.

Послѣ десятидневнаго промежутка, казавшагося мнѣ безконечнымъ, я получила второе письмо отъ моего друга съ новою припиской отъ мистера Плеймора.

„Наша работа успѣшно подвигается впередъ,“ писалъ мнѣ Веніаминъ. „Единственное новое открытіе которое мы сдѣлали имѣетъ важное значеніе для вашего мужа. Мы сложили нѣсколько фразъ въ которыхъ говорится прямо что мышь-якъ былъ купленъ мистеромъ Макалланомъ по просьбѣ его покойной жены и былъ переданъ ей. Замѣьте что письмо написано рукой покой мистрисъ Макалланъ и подписано ея именемъ. Къ сожалѣнію, я принужденъ прибавить что причина дѣлающая нежелательнымъ чтобы мужъ вашъ прочелъ это письмо остается въ прежней силѣ. Мы сами (изъ снисхожденія къ памяти покойной) охотно бросили бы его назадъ въ сорную кучу еслибы могли руководиться только своими чувствами. Я удержу свое письмо дня на два. Если въ это время прибавится еще что-нибудь новое, вы узнаете это отъ мистера Плеймора.“

Приписка мистера Плеймора была помѣчена двумя днями позже.

„Заключительная часть письма покойной мистрисъ Макалланъ,“ писалъ юристъ, „была случайно первою частью которую намъ удалось сложить. За исключеніемъ немногихъ пробѣловъ послѣдніе параграфы были возстановлены вполнѣ. Я не имѣю теперь ни времени, ни желанія писать вамъ подробно все что я долженъ сказать вамъ по поводу этого прискорбнаго письма. Недѣли черезъ двѣ мы пришлемъ вамъ полную копію съ него. Теперь же я скажу вамъ только что въ этомъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ печальномъ документѣ есть и свѣтлая сторона. Онъ ясно доказываетъ юридически и нравственно невинность вашего мужа и можетъ послужить средствомъ для его публичнаго оправданія если только мужъ вашъ рѣшится предъявить его въ судъ. Постарайтесь понять меня. По нѣкоторымъ юридическимъ причинамъ, которыхъ я не буду объяснять вамъ, вашъ мужъ не можетъ быть судимъ вновь по тому что мы называемъ уголовнымъ обвиненіемъ. Но если можно доказать что факты замѣшанные въ уголовномъ процессѣ имѣютъ значеніе и въ гражданскомъ вопросѣ (а въ настоящемъ случаѣ это возможно), то дѣло можетъ быть пересмотрѣно вновь, и такимъ образомъ мужъ вашъ можетъ добиться оправдательнаго вердикта отъ новаго состава присяжныхъ. Держите это пока въ тайнѣ. Сохраните положеніе въ которое вы такъ умно поставили себя относительно мужа пока не прочтете возстановленнаго письма. Я почти увѣренъ что у васъ не хватитъ духа показать это письмо мужу. Какъ въ такомъ случаѣ намъ сохранить наше открытіе въ тайнѣ отъ него — объ этомъ вопросѣ мы потолкуемъ въ послѣдствіи. Теперь же я могу только повторить вамъ мой совѣтъ: ждите пока не получите новаго извѣщенія изъ Гленинка.“

Я ждала. Что я выстрадала въ это время, какъ смотрѣлъ на меня Евстаѣій—объ этомъ лучше не говорить. Я ограничусь передачей фактовъ.

Около двухъ недѣль спустя возстановленіе письма было окончено. За исключеніемъ нѣсколькихъ словъ затерявшихся безвозвратно и добавленныхъ составителями письмо было сложено съ начала до конца и мнѣ была прислана обѣщанная копія съ него.

Прежде чѣмъ я приведу здѣсь это письмо, позвольте мнѣ

напомнить вамъ вкратцѣ обстоятельства при которыхъ Евстаѣй женился на своей первой женѣ.

Вспомните что несчастная влюбилась въ него не пробудивъ въ немъ взаимной любви, вспомните что узнавъ это онъ тотчасъ же удалился отъ нея, вспомните что она прѣѣхала къ нему на его лондонскую квартиру не предупредивъ его ни однимъ словомъ, что онъ сдѣлалъ все что могъ чтобы спасти ея репутацію, что это не удалось ему и что онъ въ минуту отчаянія рѣшился сдѣлать ее своею женой чтобы положить конецъ скандалу который могъ бы испортить все ея будущее. Примите во вниманіе всѣ эти обстоятельства (они доказаны клятвенными показаніями почтенныхъ свидѣтелей) и не забывайте пожалуста что какъ ни предосудительны его отзывы о женѣ на секретныхъ страницахъ его дневника, онъ дѣлалъ все что могъ чтобы скрыть отвращеніе которое она внушала ему и былъ всегда (по свидѣтельству людей хорошо знавшихъ его) учтивымъ и внимательнымъ мужемъ.

Теперь читайте письмо. Оно проситъ васъ только объ одномъ снисхожденіи, оно проситъ чтобы вы прочли его при свѣтѣ заповѣди Христа: не судите да не судимы будете.

ГЛАВА XLVII.

Признаніе жены.

Гленинкъ, 19го октября 18**

„Мой мужъ.

„Я должна сказать тебѣ нѣчто весьма печальное объ одномъ изъ твоихъ старыхъ друзей.

„Ты никогда не поощрялъ меня къ откровенности съ тобой. Еслибы наши отношенія были такъ коротки какъ отношенія другихъ мужей и женъ, я объяснилась бы съ тобой на словахъ. Но при нашихъ отношеніяхъ я не знаю какъ ты примешь то что я имѣю сказать тебѣ, и я предпочитаю сказать это письменно.

„Человѣкъ противъ котораго я хочу предостеречь тебя—твой гость Мизерримусъ Декстеръ. Во всемъ мірѣ нѣтъ существа лживѣе и порочнѣе Мизерримуса Декстера. Подожди бросать мое письмо. Я не хотѣла говорить тебѣ это пока не буду имѣть доказательствъ которыя могутъ подтвердить мое мнѣніе. Теперь я ихъ имѣю.

„Ты можетъ-быть помнишь что я выразила неудовольствіе когда ты сказалъ мнѣ что пригласилъ этого человека пріѣхать погостить къ намъ. Еслибы ты далъ мнѣ время подумать, я можетъ-быть рѣшилась бы сказать тебѣ причину моего нерасположенія къ твоему другу. Но ты не хотѣлъ подождать. Ты поспѣшно объявилъ что я предубѣждена противъ него вслѣдствіе его уродства. Это несправедливо. Я никогда не чувствовала къ калѣкамъ ничего кромѣ участія, родственнаго участія, потому что я сама немногимъ лучше калѣки, я безобразная женщина. Причиной моего неудовольствія при извѣстіи о посѣщеніи Декстера было то что онъ нѣкогда предлагалъ мнѣ быть его женой и что я имѣла основаніе опасаться что его ужасная любовь ко мнѣ не угасла послѣ моего замужества. Не должна ли я была какъ честная жена воспротивиться его пріѣзду въ Гленникъ? И не долженъ ли ты былъ, какъ добрый мужъ, поощрить меня объяснитьсь?

„Какъ бы то ни было, но случилось такъ что Мизерримусъ Декстеръ пріѣхалъ, прогостилъ у тебя нѣсколько недѣль и осмѣлился заговорить со мной опять о своей любви.

„Онъ оскорбилъ и меня и тебя. Онъ осмѣлился увѣрять что онъ обожаетъ меня, а что ты будто бы ненавидишь меня. Онъ обѣщаетъ мнѣ невозмутимое счастье въ жизни съ нимъ за границей, онъ предсказываетъ мнѣ нестерпимое мученіе въ жизни дома съ моимъ мужемъ.

„Почему я не пожаловалась тебѣ раньше и не попросила тебя прогнать это чудовище разъ навсегда изъ нашего дома?

„Увѣренъ ли ты что ты не усомнился бы въ справедливости моихъ словъ еслибы я пожаловалась тебѣ, а твой задумчивый другъ сталъ бы увѣрять что у него и въ мысляхъ не было оскорбить меня? Я слышала какъ ты сказалъ однажды, не подозрѣвая о моемъ присутствіи, что некрасивыя женщины всегда тщеславны. Ты можетъ-быть заподозрилъ бы и меня въ тщеславіи. Какъ знать?

„Впрочемъ я не хочу оправдывать себя этимъ опасеніемъ. Я несчастное, ревнивое созданіе, постоянно сомнѣвающееся въ твоей любви, постоянно опасющееся что другая женщина заняла мое мѣсто въ твоемъ сердцѣ. Мизерримусъ Декстеръ воспользовался этою слабостью. Онъ предложилъ доказать что ты втайнѣ ненавидишь меня, что тебѣ противно

мое прикосновеніе, что ты проклинаешь день въ который назвалъ меня своею женой. Я долго боролась противъ искушенія позволить ему представить его доказательства. Для женщины далеко не увѣренной въ твоей любви это было болѣзненнымъ искушеніемъ. Кончилось тѣмъ что я поддаюсь ему. Я преступно скрыла отвращеніе которое я чувствую къ этому негодю, я преступно позволила ему объясниться. Что побудило меня къ этому? То что я люблю тебя и только тебя и то что предложеніе Мизерримуса Декстера усилило подозрѣніе которое давно втайнѣ тяготило мое сердце.

„Прости меня, Евстаѣй. Это мое первое прегрѣшеніе противъ тебя. Оно будетъ и послѣднимъ.

„Я не хочу щадить себя. Я разкажу тебѣ все что онъ сказалъ мнѣ и что я сказала ему. Ты можешь заставить меня поплатиться за мой поступокъ, но ты будешь предупрежденъ вовремя, ты увидишь твоего лживаго друга въ настоящемъ свѣтѣ.

„Я сказала ему: какъ можете доказать что мужъ втайнѣ ненавидитъ меня?

„Онъ отвѣчалъ: я могу доказать это его собственнымъ признаніемъ написаннымъ его собственною рукою. Я покажу вамъ его дневникъ.

„Я сказала: онъ лишеть свой дневникъ въ книгѣ съ замкомъ и хранить эту книгу въ запертomъ ящикѣ стола. Какъ отперете книгу и ящикъ?

„Онъ отвѣчалъ: я могу отпереть и книгу и ящикъ безъ малѣйшаго риска что мужъ вашъ узнаетъ это. Если вы дадите мнѣ средство войти тайно въ вашу комнату, когда вы будете одна, я обѣщаю принести вамъ отпертой дневникъ.

„Какъ могу я дать вамъ средство войти ко мнѣ тайно? Что вы хотите сказать?

„Онъ указалъ на дверь выходящую изъ моей спальни въ маленькій кабинетъ.

„Съ моею неподвижностью, сказалъ онъ, я можетъ-быть долго не найду случая войти къ вамъ незамѣтно изъ корридора. Позвольте мнѣ взять этотъ ключъ, оставивъ дверь запертою. Если вы скажете, когда замѣтять пролажу, что это не важно, что дверь заперта и чтобы слуги не трудились искать ключъ, въ домѣ не будетъ по этому поводу никакой тревоги, ключъ останется у меня и дастъ мнѣ

возможность войти къ вамъ тайно въ первую удобную минуту. Согласны вы на это?

„Я согласилась.

„Да, я сдѣлалась сообщницей этого двуличнаго негодяя, я унизила себя, я оскорбила тебя, я согласилась заглянуть въ твой дневникъ. Я знаю какъ низокъ мой поступокъ, я и не думаю оправдывать его. Я могу только повторить что любя тебя всѣмъ сердцемъ я сильно оласалась что ты меня не любишь, а Мизерримусъ Декстеръ предлагаетъ познакомить меня съ твоими сокровеннѣйшими мыслями и положить конецъ моимъ сомнѣнiямъ.

„Онъ придетъ ко мнѣ съ этою цѣлю въ продолженiи двухъ слѣдующихъ часовъ, когда тебя не будетъ дома. Я откажусь удовольствоваться однимъ разомъ. Я потребую чтобъ онъ принесъ мнѣ дневникъ завтра въ такое же время дня. До тѣхъ поръ моя сидѣлка передастъ тебѣ эти строки. Уйди по обыкновенiю изъ дому, но вернись раньше времени, отопрѣ ящикъ своего стола и убѣдившись что твоего дневника тамъ нѣтъ, войди потихоньку въ маленькiй кабинетъ и ты найдешь его въ рукахъ твоего друга когда онъ выйдетъ отъ меня.

Замѣтка мистера Плеймора: Величайшія затрудненія при возстановленiи были встрѣчены нами въ этой первой части письма. Въ четвертомъ параграфѣ съ начала мы припущены были вставить затерянные слова въ трехъ мѣстахъ. Въ девятомъ, десятомъ и семнадцатомъ параграфахъ также недоставало нѣсколькихъ словъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы вставляли слова съ величайшею осторожностью, стараясь выразить именно то что повидимому хотѣла выразить покойница.

„Октября 20.

„Я читала твой дневникъ.

„Наконецъ я знаю что ты дѣйствительно думаешь обо мнѣ. Я прочла то что Мизерримусъ Декстеръ обѣщалъ дать мнѣ прочесть, я прочла твое признаніе въ твоей ненависти ко мнѣ.

„Ты не получишь сегодня то что я написала тебѣ вчера. Какъ ни длинно мое письмо, но прочитавъ твой дневникъ, я нахожу нужнымъ написать еще нѣсколько словъ. Допишавъ

письмо я залечатаю его въ конвертъ, адресую къ тебѣ и положу къ себѣ подъ подушку. Оно будетъ найдено когда меня положить въ гробъ и ты прочтешь его, Евстаѣй, когда надежда или помощь будутъ уже невозможны.

„Да, жизнь опротивѣла мнѣ, я хочу умереть.

„Я уже принесла въ жертву тебѣ все кромѣ жизни. Теперь когда я знаю что ты не платишь мнѣ за мою любовь взаимною любовью, послѣдняя жертва легка. Моя смерть дастъ тебѣ возможность жениться на мистрисъ Боли.

„Ты не знаешь чего мнѣ стоило преодолѣть мою ненависть къ этой женщинѣ и попросить ее пріѣхать сюда не стѣсняясь моею болѣзью. Я не сдѣлала бы этого еслибы не любила тебя такъ сильно и не боялась разсердить тебя. И какъ вознаградила ты меня за это? Пусть отвѣтитъ твой дневникъ: „я нѣжно обнялъ ее и надѣюсь что она, бѣдная, не замѣтила чего мнѣ это стоило“.

„Теперь я знаю все. Я знаю что ты считаешь свою жизнь со мною пыткой, знаю что ты изъ сожалѣнія скрывалъ „отвращеніе какое возбуждали въ тебѣ мои ласки“, знаю что я стою между тобой и женщиной въ которую ты такъ влюбленъ что „обожаешь землю къ которой она прикасается ногами“. Я не хочу быть долѣе препятствіемъ на твоемъ пути. Я возвращу тебѣ свободу. Это не жертва и не заслуга съ моей стороны. Жизнь моя стала нестерпима съ тѣхъ поръ какъ я знаю что человекъ котораго я люблю всѣмъ сердцемъ и всею душой не чувствуетъ ко мнѣ ничего кромѣ отвращенія.

„Средство прекратить жизнь у меня подъ рукой.

„Мышьякъ, который я дважды поручала тебѣ купить, лежить въ моей туалетной шкатулкѣ. Я обманула тебя когда сказала что онъ нуженъ мнѣ въ домашнемъ хозяйствѣ. Я хотѣла имѣть его для того чтобы попробовать не улучшить ли онъ мой непріятный цвѣтъ лица. Не тщеславіе руководило мной, но единственно желаніе быть пріятнѣе тебѣ. Часть мышьяка я уже приняла съ этою цѣлью, но у меня осталось еще слишкомъ достаточно чтобы лишить себя жизни. Ядъ принесетъ наконецъ хоть какую-нибудь пользу. Какъ средство для улучшенія моего цвѣта лица онъ оказался бы можетъ-быть недѣйствительнымъ, но онъ навѣрное окажется дѣйствительнымъ какъ средство для освобожденія тебя отъ безобразной жены.

„Не позволяй вскрывать меня послѣ смерти. Покажи это письмо доктору, который лѣчитъ меня. Оно докажетъ что я самоубійца и что никто не виноватъ въ моей смерти. Я не хочу чтобы кто-нибудь пострадалъ изъ-за меня. Я тщательно опорожню пузырекъ въ которомъ былъ проданъ мышьякъ и сниму съ него ярлыкъ чтобы избавить отъ всякихъ непріятностей москательщика.

„Я должна отдохнуть прежде чѣмъ продолжать письмо. Оно уже достаточно длинно, но это послѣднія мои слова. Я могу позволить себѣ продолжать еще немного мое послѣднее письмо къ тебѣ.

„21го октября, два часа утра.

„Я вчера выгнала тебя изъ комнаты, когда ты пришелъ узнать какъ я провела ночь. Затѣмъ я высказала оскорбительныя для тебя вещи сидѣлкѣ, которая ходитъ за мной. Прости меня. Я теперь виѣ себя. Ты знаешь почему.

„Половина третьяго.

„О, мой мужъ! я сдѣлала дѣло которое освободитъ тебя отъ ненавистной жены. Я приняла ядъ, все что оставалось въ бумажномъ пакетѣ. Если этотъ пріемъ окажется недостаточнымъ, у меня есть еще мышьякъ въ пузырекѣ.

„Десять минутъ шестаго.

„Ты только-что вышелъ, давъ мнѣ успокоительное лѣкарство. Мое мужество колебалось при видѣ тебя. Я подумала: если онъ поглядитъ на меня съ участіемъ, я сознаюсь въ томъ что я сдѣлала и позволю ему спасти мою жизнь. Ты вовсе не взглянулъ на меня. Ты глядѣлъ только на лѣкарство. Я отпустила тебя не сказавъ ни слова.

„Половина шестаго.

„Я начинаю чувствовать слѣдствія отравленія. Сидѣлка спитъ возлѣ моей постели. Я не разбужу ее, я не позову на помощь, я хочу умереть.

„Половина девятаго.

„Агонія была нестерпима, я разбудила сидѣлку, я приняла доктора.

„Никто ничего не подозреваетъ. Мое страданіе совсѣмъ прошло. Я приняла вѣроятно слишкомъ мало яду. Придется раскупорить пузырекъ. Къ счастью тебя нѣтъ возлѣ меня и моя рѣшимость умереть, или лучше сказать мое отвращеніе къ жизни остается неизмѣннымъ. Чтобы не колебаться и

впредь, я запретила сидѣлкѣ посылать за тобой. Я только что услала ее внизъ. Я одна и могу вынуть ядъ изъ моей туалетной шкатулки.

„Десять минутъ десятого.

„Я только-что успѣла спрятать пузырекъ какъ ты вошелъ въ комнату.

„Я поколебалась опять когда увидала тебя. Я рѣшилась дать себѣ послѣдній шансъ на жизнь, а тебѣ послѣдній случай выразить мнѣ участіе. Я попросила тебя принести мнѣ чашку чая и рѣшила что если ты, оказывая мнѣ эту маленькую услугу, ободрить меня хоть однимъ словомъ или взглядомъ, то я не приму второй дозы мышьяку.

„Ты исполнилъ мою просьбу, но ты не былъ добрѣ со мной. Ты подалъ мнѣ чай, Евстаѣй, такъ какъ подалъ бы литье своей собацѣ. Потомъ ты подивился съ разсѣяннымъ видомъ (вѣроятно думая въ это время о мистрисъ Боли) что я уронила чашку, возвращая ее тебѣ. Нѣтъ ничего страннаго въ томъ что руки мои дрожали, когда у меня подъ одѣяломъ лежалъ мышьякъ, который я намѣревалась принять. Уходя ты учтиво пожелалъ чтобы чай принесъ мнѣ пользу и даже не взглянулъ на меня. Ты глядѣлъ на осколки разбитой чашки.

„Лишь только ты вышелъ, я приняла ядъ. Въ этотъ разъ вдвое больше чѣмъ въ первый.

„Я вспомнила сейчасъ что я должна обратиться къ тебѣ еще съ одною просьбой.

„Я уничтожила ярлыкъ который былъ приклеенъ на пузырекъ съ мышьякомъ и спрятала пустой пузырекъ въ свою туалетную шкатулку, но я забыла принять ту же предосторожность съ пустымъ бумажнымъ пакетомъ, на которомъ былъ ярлыкъ другаго москательщика. Я бросила его за кровать вмѣстѣ съ другими ненужными лоскутами бумаги. Моя сердитая сидѣлка заворчала на соръ, подобрала бумаги и куда-то спрятала ихъ. Надѣюсь что москательщикъ не пострадаетъ изъ-за моей небрежности. Пожалуста не забудь сказать что онъ ни въ чемъ не виноватъ.

„Декстеръ—я почему-то опять вспомнила о немъ—Декстеръ положилъ твой дневникъ обратно въ столъ и требуетъ у меня отвѣта на свои предложенія. Есть ли совѣсть у этого человека? Если есть, то и онъ будетъ страдать когда мое самоубійство послужитъ ему отвѣтомъ.

„Сидѣлка вошла было опять въ мою комнату. Я выслала ее. Я сказала ей что хочу быть одна.

„Какое теперь время? Я не нахожу своихъ часовъ. Не предвѣщаетъ ли эта слабость возвращающееся страданіе? Оно еще не сильно.

„Оно можетъ однако усилиться ежеминутно, а мнѣ осталось еще запечатать письмо, адресовать его тебѣ и спрятать подъ подушку чтобы никто не нашелъ его до моей смерти.

„Прощай, мой милый. Жаль что я не была болѣе красивою женщиной. Болѣе любящею женщиной (относительно тебя) я не могла быть. Даже теперь боюсь взглянуть на твое милое лицо. Еслибъ я доставила себѣ наслажденіе взглянуть на тебя еще разъ, я даже теперь могла бы поколебаться и сознаться тебѣ въ своемъ поступкѣ пока еще не поздно спасти меня.

„Но тебя нѣтъ здѣсь. Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше.

„Прощай еще разъ. Будь безъ меня счастливѣе чѣмъ ты былъ со мной. Я люблю тебя, Евстаѣій, и я прощаю тебя. Вспоминай иногда съ добрымъ чувствомъ твою бѣдную, безобразную

„Сару Макалланъ.“

Замѣтка мистера Плеймора: Затерянные и добавленные слова въ этой послѣдней части письма такъ незначительны что не стоить и упоминать о нихъ. Клочки которые были найдены склеенными вытекшимъ на нихъ клеемъ и были сложены первые составили часть письма начинающуюся со словъ: „Я высказала оскорбительныя для тебя вещи сидѣлкѣ“, и кончающуюся словами: „Я рѣшила что если ты, оказывая мнѣ эту маленькую услугу, ободрить меня хоть однимъ ласковымъ словомъ или взглядомъ, то я не приму“. Благодаря склееннымъ клочкамъ, вторая часть письма (начиная съ параграфа помѣченного 20мъ октября) была сложена нами несравненно легче чѣмъ первая, въ которой мы встрѣчали почти непреодолимыя трудности.

ГЛАВА XLVIII.

Могла ли я поступить иначе?

Когда я пришла въ себя и осушила глаза послѣ чтенія прискорбнаго и ужаснаго письма, моею первою мыслью была мысль о Евстаѣіи, моею первою заботой была забота о томъ чтобы онъ никогда не прочелъ этого письма.

Да, вотъ до чего я дожила. Я посвятила свою жизнь достиженію одной цѣли и достигла этой цѣли. На столѣ предо мной лежало торжественное доказательство невинности моего мужа. Но изъ состраданія къ нему, изъ снисхожденія къ памяти его покойной жены, единственнымъ желаніемъ теперь было скрыть это доказательство отъ него и отъ всего свѣта.

Я припомнила странныя обстоятельства влѣдствіе которыхъ было отыскано письмо.

Оно никогда не было бы отыскано еслибы не я. Однако все что я сдѣлала было сдѣлано почти безсознательно. Ничтожнѣйшій случай могъ измѣнить весь ходъ событій. Я неоднократно пыталась остановить Аріэль, когда она упрасивала своего хозяина разказать ей сказку. Еслибы она, несмотрѣя на мое сопротивленіе, не добилась исполненія своего желанія, послѣднія усилія памяти Мизерримуса Декстера не обратились бы можетъ-быть на Гленинкскую трагедію. И опять: еслибы я не забыла дать Веніамину знакъ прекратить записываніе, онъ не записалъ бы словъ въ которыхъ повидимому не было никакого смысла, но которыя привели насъ къ открытію истины.

Взглянувъ на прошлыя событія, я прокляла день въ который клочки ужаснаго письма были вынуты изъ ихъ грязной могилы. Въ то самое время когда Евстаѣй началъ поправляться, когда мы только-что соединились опять и были такъ счастливы, когда мы надѣялись сдѣлаться спустя мѣсяць или два отцомъ и матерью, предъ нами внезапно возсталъ какъ карающій духъ этотъ ужасный разказъ о страданіи и грѣхѣ. Онъ лежалъ предо мной, угрожая не только спокойствію моего мужа, но, при тогдашнемъ критическомъ положеніи его здоровья, даже его жизни.

Часы на каминѣ пробили часъ, когда Евстаѣй приходилъ обыкновенно по утрамъ въ мою маленькую комнатку. Онъ могъ войти ежеминутно и увидать письмо и отнять его у меня. Въ минутномъ ужасѣ и отчаяніи я схватила письмо и бросила его въ огонь.

Хорошо что мнѣ была прислана только копія съ письма. Еслибы у меня въ эту минуту былъ оригиналъ, его постигла бы та же участь.

Едва успѣвъ устлать послѣдній листокъ какъ Евстаѣй вошелъ въ комнату.

Онъ взглянулъ въ каминъ. За рѣшеткой все еще видѣлся

черный пепелъ сожженной бумаги. Евстаѣй видѣлъ за завтракомъ что я получила письмо. Не догадался ли онъ что я сожгла его? Онъ остановился и нѣсколько времени молча глядѣлъ на огонь. Потомъ повернулся и взглянулъ на меня. Я была вѣроятно очень блѣдна потому что онъ прежде всего спросилъ не больна ли я.

Я давно рѣшила не обманывать его даже въ пустякахъ.

— Я немного разстроена, Евстаѣй, отвѣчала я.

Онъ глядѣлъ на меня какъ будто ожидалъ что я объяснюсь. Я молчала. Онъ вынулъ изъ бокового кармана куртки какое-то письмо и положилъ его на столъ предо мною, на то самое мѣсто гдѣ за нѣсколько минутъ лежало предсмертное признаніе его покойной жены.

— Я тоже получалъ письмо сегодня утромъ, сказалъ онъ.—У меня, Валерія, нѣтъ секретовъ отъ тебя.

Я поняла упрекъ заключавшійся въ послѣднихъ словахъ мужа, но не стала оправдываться.

— Ты хочешь чтобы я прочла это письмо? спросила я указывая на конвертъ который онъ положилъ на столъ.

— Я уже сказалъ что у меня нѣтъ секретовъ отъ тебя, повторилъ онъ.—Конвертъ распечатанъ. Взгляни сама что лежитъ въ немъ.

Я взяла конвертъ и вынула изъ него не письмо, какъ я ожидала, но вырѣзку изъ шотландской газеты.

— Прочти,—сказалъ Евстаѣй.

Я прочла слѣдующее:

„Странныя дѣянія въ Гленникъ.“—Въ сельскомъ домѣ мистера Макаллана повидимому разыгрывается романъ въ дѣйствительной жизни. Въ сорной кучѣ (да простятъ намъ наши читатели напоминаніе о такомъ непріятномъ предметѣ) лежащей въ паркѣ, производятся какіе-то таинственные поиски увѣчавшіеся повидимому какимъ-то открытіемъ. Въ чемъ состоитъ это открытіе, мы не знаемъ. Достоверно только то что два джентльмена изъ Лондона (руководимые нашимъ достопочтеннымъ согражданиномъ мистеромъ Плейморомъ) въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль просиживали дни и ночи въ Гленникской библіотекѣ надъ какимъ-то таинственнымъ занятіемъ. Будетъ ли тайна когда-нибудь обнародована? И не развѣяснить ли эта тайна загадочнаго и ужаснаго событія которое наши читатели привыкли соединять съ прошлою исторіей Гленника? Можетъ-быть мистеръ Макалландъ, воз-

вратясь на родину, будетъ въ состояніи разяснить эти вопросы. До тѣхъ же поръ мы можемъ только ждать и слѣдить за событіями.“

Я положила газету на столъ съ несовѣмъ христіанскими чувствами къ тѣмъ кто издавалъ ее. Какой-нибудь репортеръ въ погонѣ за новостями вѣроятно заглянулъ и въ Гленинкъ, а какой-нибудь услужливый человѣкъ изъ мѣстныхъ жителей послалъ газету Евстаѳію. Не зная что сказать, я ждала чтобы мужъ заговорилъ первый. Онъ не заставилъ меня ждать, онъ немедленно приступилъ къ разпросамъ.

— Понимаешь ты что это значить, Валерія?

Я отвѣчала правду, я созналась что газетное извѣстіе не было для меня загадкой.

Онъ глядѣлъ на меня очевидно ожидая объясненія. Но я молчала. Молчаніе было теперь моимъ единственнымъ утѣшителемъ.

— Развѣ я не узнаю больше того что знаю теперь? спросилъ онъ подождая немного. — Развѣ ты не обязана сказать мнѣ что дѣлается въ моемъ собственномъ домѣ?

Вообще замѣчено что въ затруднительномъ положеніи люди соображаютъ быстро. Былъ только одинъ исходъ изъ затруднительнаго положенія въ которое поставили меня послѣднія слова моего мужа, и я нашла его.

— Ты общалъ вѣрить мнѣ, начала я.

Онъ согласился что дѣйствительно общалъ вѣрить мнѣ.

— Я должна попросить тебя ради тебя самого, Евстаѳій, не требовать у меня объясненія еще нѣсколько времени. Подожди и ты узнаешь все.

Его лицо омрачилось. — Долго ли еще ждать? спросилъ онъ.

Я увидала что нужно было прибѣгнуть къ болѣе сильному убѣдительному средству чѣмъ слова.

— Поцѣлуй меня если хочешь чтобы я отвѣтила тебѣ, сказала я.

Онъ поколебался (таковы мужья!). Я настаивала (таковы жены!). Волей или неволей онъ долженъ былъ уступить. Поцѣловавъ меня (не особенно нѣжно, надо сказать правду) онъ опять потребовалъ чтобы я сказала ему долго ли придется ему ждать.

— Я хочу чтобы ты подождалъ пока родится нашъ ребенокъ, сказала я.

Мой отвѣтъ очевидно удивилъ его. Я пожала его руку и устремила на него нѣжный взглядъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ взглядомъ вполне удовлетворившимъ меня.

— Скажи что ты согласенъ, прошептала я.

Онъ далъ согласіе.

Такимъ образомъ я опять отсрочила объясненіе и выиграла время чтобы посоветоваться съ Веніаминомъ и съ мистеромъ Плейморомъ.

Пока Евстаѣій сидѣлъ въ моей комнатѣ я была спокойна и могла разговаривать съ нимъ. Но когда я осталась одна и думая о случившемся вспомнила какъ великодушно уступилъ мнѣ мой мужъ, сердце мое обратилось съ сожалѣніемъ къ другимъ женамъ (къ лучшимъ женамъ чѣмъ я, можетъ-быть) мужья которыхъ при подобныхъ же обстоятельствахъ наговорили бы имъ грубостей, а можетъ-быть поступили бы еще хуже. Контрастъ между ихъ участію и моею растроганъ меня до глубины души. Что сдѣлала я, недостойная, чтобы заслужить свое счастье? Что сдѣлали онѣ, бѣдныя, чтобы заслужить свое мученіе? Мои нервы были сильно раздражены чтеніемъ прощальнаго письма первой жены Евстаѣя. Я заплакала и это принесло мнѣ облегченіе.

ГЛАВА XLIX.

Прошлое и будущее.

Я пишу на память, безъ помощи записокъ или дневника, и не могу припомнить точно какъ долго продолжалось наше пребываніе за границей. Я знаю только что мы прожили въ Парижѣ нѣсколько мѣсяцевъ. Когда Евстаѣій былъ уже давно въ силахъ совершить переездъ въ Лондонъ, доктора все еще удерживали его во Франціи. Въ одномъ изъ его легкихъ обнаружались болѣзненные симптомы и доктора предостерегали его отъ слишкомъ послѣдшаго переселенія изъ сухаго климата Франціи, который былъ ему очень полезенъ, въ сырой климатъ его родины.

Вслѣдствіе этого мы были все еще въ Парижѣ когда я получила слѣдующее извѣстіе изъ Гленника. Однажды утромъ,

къ моему удивленію и восторгу, въ нашу изящную французскую гостиную спокойно вошелъ мой старый другъ Веніаминъ. Онъ былъ одѣтъ такъ изысканно и такъ настойчиво старался внушить намъ (пока присутствовалъ мой мужъ) что онъ пріѣхалъ во Францію безъ всякой другой цѣли кромѣ развлечения что я тотчасъ же поняла его двойственную роль: туриста, въ присутствіи третьихъ лицъ, посланнаго отъ мистера Плеймора, наединѣ со мной.

Немного позже намъ удалось остаться вдвоемъ и мое предположеніе оправдалось. Веніаминъ по просьбѣ мистера Плеймора предпринялъ поѣздку въ Парижъ для того чтобы посоветоваться со мной насчетъ будущаго и чтобы просвѣтить меня насчетъ прошлаго. Онъ представилъ мнѣ свою кредитивную грамоту—небольшое письмо отъ юриста.

„Есть нѣсколько пунктовъ“ (писалъ мнѣ мистеръ Плейморъ) „которые остались неразъясненными отысканнымъ письмомъ. Я и мистеръ Веніаминъ сдѣлали все что могли чтобы найти правильныя истолкованія этихъ спорныхъ пунктовъ. Для краткости я изложилъ наши соображенія въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Примете ли вы меня какъ истолкователя послѣ ошибокъ которыя я сдѣлалъ когда вы совѣтовались со мной въ Единбургѣ? Позднѣйшія событія доказали что я былъ неправъ пытаясь отговорить васъ отъ свиданія съ Декстеромъ и считая Декстера прямымъ, а не косвеннымъ виновникомъ смерти мистрисъ Макаланъ. Вотъ мое признаніе. Вы потрудитесь сказать мистеру Веніамину считаете ли вы мой новый катехизисъ достойнымъ разсмотрѣнія, или нѣтъ.“

Я признала его новый катехизисъ (какъ онъ выразился) вполне достойнымъ разсмотрѣнія. Если вы не согласны со мной и если вамъ хочется отдѣлаться поскорѣе отъ меня и отъ моего разказа перейдите не стѣсняясь къ слѣдующей главѣ.

Веніаминъ досталъ вопросы и отвѣты и по моей просьбѣ прочелъ мнѣ вслухъ слѣдующія строки:

„Вопросы возбуждаемые письмомъ отысканнымъ въ Гленкинкѣ. Первая группа: вопросы относящіеся къ дневнику. Первый вопросъ: былъ ли Мизерримусъ Декстеръ руководимъ предварительнымъ знакомствомъ съ содержаніемъ дневника когда старался получить доступъ къ нему?“

„Отвѣтъ: сомнительно чтобы имъ руководило предварительное знакомство съ содержаніемъ дневника. Естественнѣе

предположить что онъ замѣтилъ какъ тщательно оберегалъ мистеръ Макалланъ свой дневникъ отъ нескромныхъ глазъ и заключилъ изъ этого что онъ содержитъ опасныя семейныя тайны которыя могутъ пригодиться ему для достиженія его преступныхъ цѣлей.

„Второй вопросъ: какими побужденіями объяснить внимательство Мизерримуса Декстера когда полицейскіе дѣлали обыскъ въ комнатѣ мистера Макаллана?

„Отвѣтъ: чтобы разрѣшить этотъ вопросъ мы должны прежде всего отдать справедливость Мизерримусу Декстеру. Какъ ни жестоко и ни безчестно воспользовался онъ дневникомъ, но онъ не былъ отъявленнымъ негодяемъ. Несомнѣнно что онъ втайнѣ ненавидѣлъ мистера Макаллана и что онъ сдѣлалъ все что могъ чтобы побудить несчастную жену покинуть мужа. Но весьма сомнительно чтобы онъ способенъ былъ допустить умышленно и не сдѣлавъ попытки помѣшать этому, чтобы человѣкъ невинный и считавшій его своимъ другомъ былъ по-его винѣ преданъ суду по обвиненію въ убійствѣ. Мистеру Макалану, невинному въ смерти жены, не пришло въ голову уничтожить письма и дневникъ какъ опасныя для него документы. Онъ никакъ не ожидалъ что подозрѣніе можетъ пасть на него. Но Декстеръ долженъ былъ смотрѣть на дѣло иначе. „Дневникъ приведетъ его на висѣлицу. Я не хочу чтобы онъ былъ повѣшенъ“, говоритъ онъ припоминая безсознательно прошлое когда разсудокъ уже началъ измѣнять ему. Еслибъ онъ нашелъ случай овладѣть дневникомъ раньше, еслибы полицейскіе не предупредили его, онъ по всей вѣроятности уничтожилъ бы его. Онъ былъ такъ проникнутъ опасеніями послѣдствій открытія этого документа что даже рѣшился помѣшать полицейскимъ исполнить ихъ обязанность. Мистеръ Плейморъ, котораго онъ пригласилъ на помощь, видѣлъ его волненіе и можетъ поручиться что оно было непритворное.

„Вопросы второй группы: относящіеся къ признанію жены.

„Первый вопросъ: что побудило Декстера сохранить письмо вмѣсто того чтобы уничтожить его тотчасъ же послѣ того какъ онъ нашелъ его подъ подушкой?

„Отвѣтъ: то же самое что побудило его отстаивать дневникъ и потомъ дать въ судѣ показаніе въ пользу подсудимаго. Нѣкоторыя изъ его послѣднихъ словъ (записанныхъ

мистеромъ Веніаминомъ) заставляютъ предполагать что въ случаѣ обвинительнаго вердикта онъ не замедлялъ бы спасти невиннаго предъявленіемъ предсмертнаго признанія его жены. Всякая порочность имѣетъ границы. Декстеръ способенъ былъ утаить письмо оскорблявшее его самолюбіе, Декстеръ способенъ былъ подвергнуть ненавистнаго соперника мученію и униженію публичнаго суда по подозрѣнію въ убійствѣ, но Декстеръ неспособенъ былъ допустить чтобы невинный человѣкъ былъ казненъ по его винѣ. Постарайтесь представить себѣ что онъ долженъ былъ почувствовать когда впервые прочелъ признаніе покойной. Онъ разчитывалъ поколебать ея привязанность къ мужу, и какъ оправдались его ожиданія? Онъ узналъ что его поступокъ довелъ ее до самоубійства. Примите это во вниманіе и вы поймете что угрызения совѣсти могли побудить даже такого человѣка принести искупительную жертву.

„Второй вопросъ: какія чувства руководили поведеніемъ Мизерримуса Декстера когда мистрисъ Валерія Макалланъ объявила ему что она намѣрена возобновить изслѣдованіе преступленія въ Глениакѣ?

„Отвѣтъ: по всей вѣроятности преступныя опасенія Декстера возбудили въ немъ подозрѣніе что кто-нибудь подсматривалъ за нимъ когда онъ былъ въ комнатахъ гдѣ лежало тѣло покойной мистрисъ Макалланъ. Не стыдясь подслушивать у дверей и подсматривать въ замочныя щели, онъ готовъ заподозрить въ томъ же и другихъ. Подъ вліяніемъ этого опасенія ему вѣроятно пришло въ голову что мистрисъ Макалланъ можетъ встрѣтиться съ человѣкомъ подсмотрѣвшимъ за нимъ и онъ рѣшился направить съ самаго начала ея усилія въ ложную сторону. Ея ревность къ мистрисъ Боли давала ему возможность исполнить это безъ труда и онъ тѣмъ охотнѣе воспользовался этою возможностью что самъ ненавидѣлъ мистрисъ Боли. Онъ зналъ ее какъ соперницу разстроившую семейное счастье мистрисъ Макалланъ, и любя мистрисъ Макалланъ онъ естественно ненавидѣлъ ея соперницу. Сохраненіе своей преступной тайны и отмщеніе мистрисъ Боли—вотъ двѣ причины руководившія его поведеніемъ относительно мистрисъ Валеріи Макалланъ.“ *

* *Примѣчаніе автора:* Это мнѣніе подтверждается сценой въ домѣ Веніамина (глава XXXV) когда Декстеръ въ минуту неудержимаго волненія выдаетъ Валеріи свою тайну.

Веніаминъ положилъ на столъ свои записки и снялъ очки.

— Мы не сочли нужнымъ идти дальше этого, сказалъ онъ.— Не найдете ли вы чего-нибудь что осталось необъясненнымъ?

Я подумала и не могла найти ни одного сколько-нибудь важнаго пункта который былъ бы оставленъ необъясненнымъ. Но имя мистрисъ Боли напомнило мнѣ одно обстоятельство которое мнѣ хотѣлось разъяснить вполне.

— Говорили вы когда-нибудь съ мистеромъ Плейморомъ о прежней привязанности моего мужа къ мистрисъ Боли? спросила я.— Не говорилъ ли вамъ мистеръ Плейморъ почему Евстаѣй не женился на ней по освобожденіи отъ суда?

— Я самъ предложилъ однажды этотъ вопросъ мистеру Плеймору и онъ отвѣчалъ мнѣ безъ затрудненія, сказалъ Веніаминъ.— Вашъ мужъ совѣтовался съ нимъ когда писалъ послѣ суда свое письмо къ мистрисъ Боли, и мистеръ Плейморъ передалъ мнѣ содержаніе этого письма. Хотите чтобы я въ свою очередь повторилъ вамъ его какъ запомнилъ?

Я отвѣчала утвердительно. То что передалъ мнѣ Веніаминъ вполне согласовалось съ тѣмъ что я слышала объ этомъ отъ Декстера и что передала въ тридцатой главѣ моего разказа. Мистрисъ Боли была свидѣтельницей глубочайшаго униженія моего мужа. Это само по себѣ было достаточною причиною чтобы отвратить его отъ женитьбы на ней. Онъ разорвалъ съ ней по той же причинѣ которая побудила его покинуть меня. Онъ не чувствовалъ въ себѣ достаточно мужества чтобы жить съ женщиной знавшей что его судили какъ убійцу и что ему угрожала висѣлица. Объясненіе мистера Плеймора согласовалось во всѣхъ подробностяхъ съ объясненіемъ Декстера. Мое ревнивое любопытство было наконецъ удовлетворено вполне и Веніаминъ могъ оставить въ покоѣ прошлое и перейти къ болѣе критическому и къ болѣе интересному разговору о будущемъ.

Его первые разспросы касались Евстаѣя. Онъ спросилъ имѣеть ли мой мужъ какія-нибудь подозрѣнія насчетъ того что произошло въ Гленинкѣ.

Я разказала ему что случилось и какъ мнѣ удалось отерочить на время неизбежное объясненіе.

Лицо моего стараго друга прояснилось.

— Это будетъ хорошею новостью для мистера Плеймора, сказалъ онъ.— Нашъ добрый другъ сильно опасается что

сдѣланныя нами открытія повредятъ вашему супружескому счастью. Съ одной стороны, ему очень хочется освободить вашего мужа отъ страданія которое причинитъ ему чтеніе предсмертнаго признанія его покойной жены, съ другой стороны, онъ считаетъ рѣшительно невозможнымъ утаить документъ имѣющій такое важное значеніе для вашихъ будущихъ дѣтей, документъ очищающій имя ихъ отца отъ пятна оставленнаго на немъ шотландскимъ вердиктомъ.

— Какъ же онъ думаетъ выйти изъ этого затрудненія? спросила я.

— Онъ находитъ только одинъ исходъ изъ затрудненія, отвѣчалъ Веніаминъ. — Онъ намѣревается запечатать возста-
повленный документъ вмѣстѣ съ подробнымъ изложеніемъ обстоятельствъ при которыхъ онъ былъ отысканъ, подписаннымъ мною и вами какъ свидѣтелями, и передать конвертъ вамъ. Вы же объяснитесь съ мужемъ когда сочтете это удобнымъ, и предоставите Евстаѳію рѣшить распечатать ли онъ конвертъ самъ, или оставить его нераспечатаннымъ въ на-
слѣдство своимъ дѣтямъ, съ тѣмъ чтобъ они, достигнувъ совершеннолѣтія, могли поступить съ письмомъ какъ имъ заблагоразсудится. Одобряете вы такое рѣшеніе, другъ мой? Или вы предпочтете чтобы мистеръ Плейморъ объяснился съ вашимъ мужемъ самъ?

Я не колеблясь предпочла взять отвѣтственность на себя. Тамъ гдѣ дѣло шло о томъ чтобы направить рѣшеніе Евстаѳіа въ ту или другую сторону, я считала свое вліяніе положительно сильнѣе вліянія мистера Плеймора. Мой выборъ былъ вполне одобренъ Веніаминомъ. Онъ сказалъ что въ этотъ же день напишетъ мистеру Плеймору и успокоитъ его.

Единственный вопросъ который предстояло теперь рѣшить касался нашего возвращенія въ Англію. Рѣшеніе этого вопроса зависѣло отъ докторовъ и я рѣшила посоветоваться съ ними въ ихъ ближайшій визитъ къ Евстаѳію.

— Не желаете ли вы спросить меня еще о чемъ-нибудь? сказалъ Веніаминъ открывая свой письменный ящикъ.

Я вспомнила Декстера и Аріэль и спросила не знаетъ ли онъ какъ они проживаютъ. Мой добрый другъ вздохнулъ и предупредилъ меня что я коснулась очень печальнаго предмета.

— Лучшее что можетъ случиться съ этимъ несчастнымъ

по всей вѣроятности случится скоро, сказалъ онъ.—Единственная перемѣна замѣтная въ немъ угрожаетъ параличемъ. Очень можетъ-быть что вы услышите объ его смерти прежде чѣмъ вернетесь въ Англію.

— А Аріэль? спросила я.

— Аріэль нисколько не измѣнилась, отвѣчалъ Веніаминъ.— Она вполне счастлива пока находится съ своимъ хозяиномъ. Судя по тому что я слышалъ о ней, она не причисляетъ Декстера къ числу смертныхъ. Она смѣется когда говорятъ что онъ умретъ и вполне увѣрена что онъ когда-нибудь опять узнаетъ ее.

Послѣднія извѣстія огорчили меня и отняли у меня охоту продолжать разговоръ. Я оставила Веніамина писать письмо.

ГЛАВА L.

Окончаніе разказа.

Десять дней спустя мы возвратились въ Англію въ сопровожденіи Веніамина.

Домъ мистрисъ Макалланъ въ Лондонѣ былъ предоставленъ въ наше полное распоряженіе. Мы охотно приняли ея предложеніе остаться у нея пока не родится нашъ ребенокъ и пока не опредѣлятся наши планы на будущее.

Вскорѣ по возвращеніи въ Англію я получила изъ дома умалишенныхъ печальное извѣстіе къ которому Веніаминъ приготовилъ меня въ Парижѣ. Мизерримусъ Декстеръ освободился наконецъ отъ бремени жизни. За нѣсколько часовъ до кончины онъ ненадолго пришелъ въ себя и узналъ Аріэль. Онъ произнесъ ея имя, поглядѣлъ на нее и спросилъ обо мнѣ. Окружающіе хотѣли послать за мной, но было уже поздно. Прежде чѣмъ посланный успѣлъ выйти изъ дома, Декстеръ сказалъ съ своимъ прежнимъ высокомеріемъ: „молчите всѣ вы! мой мозгъ утомленъ, я хочу спать.“ Онъ задремалъ и больше не просыпался. Такъ скончался безъ горя и страданія этотъ странный человекъ. Такъ протекла и исчезла какъ сонъ эта странная, многосторонняя жизнь съ ея проступками и страданіями, съ ея капризными проблесками поэзіи и юмора, съ ея фантастическою веселостью, съ ея жестокостью и тщеславіемъ.

Бѣдная Аріэль! Она жила только для хозяина. Когда хозяина не стало, ей осталось только послѣдовать за нимъ.

Ей позволили присутствовать на похоронахъ Мизерримуса Декстера, въ надеждѣ что эта церемонія убѣдитъ ее въ его смерти. Ожиданіе не оправдалось, она попрежнему не хотѣла вѣрить что хозяинъ покинулъ ее. Несчастную могли удержать на мѣстѣ только силой когда гробъ опустили въ могилу и силой увели ее съ кладбища. Съ этихъ поръ ея жизнь была непрерывною смѣной припадковъ бѣшенства и летаргическаго спокойствія. Наконецъ въ день ежегоднаго бала въ домѣ умалишенныхъ, немного раньше полуночи, разнеслась тревожная вѣсть что Аріэль пропала. Сидѣлка ходившая за ней, видя что она уснула, поддалась искушенію сойти внизъ и поглядѣть на танцы. Когда она вернулась наверхъ, Аріэли уже не было. Присутствіе постороннихъ и суета всегда сопровождающая балъ дали Аріэль возможность уйти изъ дома незамѣченною. Всѣ ночные поиски были тщетны, но утромъ на разсвѣтѣ ее нашли умершею отъ холода и истощенія на могилѣ Мизерримуса Декстера. Преданная до конца Аріэль послѣдовала за своимъ хозяиномъ, преданная до конца Аріэль умерла на могилѣ своего хозяина.

Написавъ эти печальныя строки, я охотно перехожу къ менѣе тяжелому предмету.

Послѣ достопамятнаго дня моей встрѣчи съ леди Клариндой на обѣдѣ майора, судьба удалила меня отъ современнаго Донъ-Жуана. Я долгое время ничего не слыхала о немъ и сознаюсь со стыдомъ что я уже почти забыла его когда онъ внезапно напомнилъ мнѣ о себѣ пригласительнымъ билетомъ на свою свадьбу. Майоръ рѣшился наконецъ жениться! И что еще удивительнѣе, майоръ избралъ законною властительницей своего домашняго очага и своей особы „будущую царицу лѣтнія“, разодѣтую молодую особу съ круглыми глазами и рѣзкимъ голосомъ.

Мы сдѣлали новобрачнымъ поздравительный визитъ и отъ души пожалѣли майора Фитцъ-Девида.

Женитьба такъ измѣнила моего прежняго веселаго и любезнаго поклонника что я едва узнала его. Онъ отказался отъ всякихъ претензій на молодость, онъ открыто и безнадежно призналъ себя старикомъ. Стоя позади кресла на которомъ возсѣдала его повелительная молодая жена, онъ смотрѣлъ на нее такъ какъ будто ждалъ ея позволенія чтобъ

открыть ротъ. Когда она перебывала его (что она дѣлала безпрестанно и безъ всякой церемоніи) онъ умолкалъ съ такою старческою покорностью и съ такимъ восторженнымъ взглядомъ что мнѣ было совѣстно смотрѣть на него.

— Не правда ли какъ она прекрасна? сказалъ онъ мнѣ въ присутствіи жены и настолько громко что она могла слышать. — Что за фигура и что за голосъ! Вы помните ея голосъ? Да, оперная сцена понесла въ ней незамѣнимую утрату. Когда я подумаю что могла бы сдѣлать эта талантливая женщина, я спрашиваю себя, имѣлъ ли я право жениться на ней? Повѣрите ли, мнѣ иногда кажется что я совершилъ кражу у лублики.

Что касается виновницы этихъ восторговъ и сожалѣній, она сооблаговолдила принять меня какъ стараго друга. Пока Евстаѣій говорилъ съ ея мужемъ, она отвела меня въ сторону и объяснила мнѣ съ самою безстыдною откровенностью причины побудившія ее выйти за майора.

— Семейство наше большое и нисколько не обезпечено, сказала мнѣ эта странная молодая женщина. — Я знаю что я никогда не сдѣлалась бы „царицей лѣвня“ или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ. Все это одни слова. Бывая въ оперѣ и учась сама я поняла какъ трудно сдѣлаться хорошею лѣвницей. У меня нѣтъ такого терпѣнія какъ у этихъ черномазыхъ иностранокъ. Я ненавижу ихъ. Гораздо легче было сдѣлаться богатою, выйдя замужъ за этого старика. Теперь я обезпечена и все мое семейство обезпечено, и у меня нѣтъ другаго занятія какъ только тратить деньги. Я люблю мое семейство, я добрая дочь и добрая сестра. Взгляните какъ я одѣта, взгляните на убранство дома. Я поступила не глупо, не правда ли? Имѣть мужемъ старика большое преимущество, вы можете вертѣть имъ какъ угодно. Счастлива ли я? О, да, я вполне счастлива! Надѣюсь что вы тоже счастливы? Гдѣ вы живете теперь? Я пріѣду къ вамъ, мнѣ хочется поболтать съ вами. Вы всегда правились мнѣ, а теперь, когда я ничѣмъ не хуже васъ, я хочу подружиться съ вами.

Я отвѣчала на это кратко и учтиво, но въ душѣ рѣшила что она не войдетъ въ дверь моего дома когда пріѣдетъ навѣстить меня. Она была мнѣ противна. Когда женщина продаетъ себя мужчине, этотъ позорный поступокъ по моему мнѣнію одинаково ужасенъ совершается ли онъ съ освященіемъ церкви и закона или безъ онаго.

Когда я сижу теперь у моего письменнаго стола, припоминая прошлое, майоръ и его жена изглаживаются изъ моей памяти, и мое вниманіе сосредоточивается на сценѣ которую я заключу мой разказъ.

Дѣйствіе происходитъ въ моей спальнѣ. Дѣйствующія лица (оба въ постели, если вы извините ихъ) я и мой сынъ, которому уже три недѣли. Мой добрый дядя Старкъуэзеръ скоро прѣвдетъ въ Лондонъ чтобъ окрестить его. Мистрисъ Макалланы будетъ его крестною матерью, а его крестными отцами будутъ Веніаминъ и мистеръ Плейморъ. Желала бы я знать, пройдутъ ли крестины моего ребенка веселѣ чѣмъ прошла моя свадьба?

Докторъ только-что ушелъ отъ насъ нѣсколько встревоженный на мой счетъ. Онъ нашелъ меня (какъ всегда въ последнее время) полулежащею въ моемъ креслѣ, но въ этотъ разъ онъ замѣтилъ во мнѣ симптомы слабости показавшіеся ему необъяснимыми и предписалъ мнѣ лечь въ постель.

Я не сказала ему что удивившіе его симптомы были слѣдствіемъ двухъ причинъ — безпокойства и сомнѣнія.

Въ этотъ день я наконецъ собралась съ духомъ и рѣшилась исполнить обѣщаніе которое дала мужу въ Парижѣ. Евстацій уже знаетъ какъ было отыскано признаніе его жены, знаетъ что это признаніе по мнѣнію такого авторитетнаго лица какъ мистеръ Плейморъ можетъ послужить средствомъ для его публичнаго оправданія въ судѣ и, главное, знаетъ что наши открытія хранились до сихъ поръ въ тайнѣ отъ него ради его спокойствія и изъ снисхожденія къ памяти его покойной жены.

Эти необходимыя признанія я сдѣлала мужу не устно — когда настало время у меня не хватило духа заговорить съ нимъ о его лервой женѣ — но посредствомъ письменнаго разказа, основаннаго преимущественно на письмахъ ко мнѣ Веніамина и мистера Плеймора. Онъ уже имѣлъ достаточно времени чтобы прочесть мой разказъ и чтобы подумать надъ нимъ въ уединеніи своего кабинета. Я жду, съ роковымъ письмомъ въ рукѣ, услышать его рѣшеніе. Свекровь моя ждетъ въ сосѣдней комнатѣ.

Проходитъ еще десять минутъ, а его все нѣтъ. Чѣмъ долѣе я жду, тѣмъ сильнѣе мучать меня мои сомнѣнія насчетъ его рѣшенія. Самое обладаніе письмомъ при разстроенномъ состояніи моихъ нервовъ тяготитъ меня. Мнѣ про-

тивно держать его, мнѣ противно видѣть его. Я безпокойно перекладываю его съ мѣста на мѣсто на постелѣ и все никакъ не могу забыть о немъ. Наконецъ мнѣ приходитъ странная фантазія. Я беру письмо и кладу его подъ ручку спящаго младенца, и соединивъ такимъ образомъ это страшное признаніе съ младенческою прелестью и невинностью какъ будто очищаю и освящаю его.

Проходитъ еще полчаса и наконецъ на лѣстницѣ слышатся шаги Евстаѳа. Онъ тихо стучитъ въ дверь и входитъ въ комнату.

Онъ смертельно блѣденъ и мнѣ кажется что на лицѣ его видны слѣды слезъ. Но онъ ничѣмъ не выдаетъ своего волненія когда садится возлѣ меня. Я понимаю что онъ ради меня не шелъ ко мнѣ пока не овладѣлъ собою.

Онъ беретъ мою руку и нѣжно цѣлуетъ меня.

— Валерія, говоритъ онъ, — я долженъ попросить у тебя еще разъ прощенія въ томъ что я говорилъ и дѣлалъ въ бывшее время. Если я не понималъ ничего другого, дорогая моя, я понималъ до крайней мѣры то что доказательство моей невинности отыскано и что я обязанъ этимъ исключительно мужеству и преданности моей жены.

Я молчу нѣсколько времени, вполне наслаждаясь счастіемъ слышать эти слова и видѣть любовь и благодарность выражающіяся въ его влажныхъ глазахъ. Потомъ я собираюсь съ духомъ и предлагаю вопросъ отъ котораго зависитъ наше будущее.

— Хочешь ты прочесть письмо, Евстаѳій?

Вмѣсто того чтобъ отвѣтить прямо, онъ начинаетъ разспрашивать меня.

— Письмо у тебя?

— У меня.

— Запечатанное?

— Запечатанное.

Онъ молчитъ обдумывая то что намѣревается сказать.

— Позволь мнѣ увѣриться что я понимаю мое положеніе, продолжаетъ онъ. — Положимъ что я рѣшусь прочесть письмо....

Я прерываю его. Я знаю что я обязана воздерживаться отъ выраженія своихъ чувствъ, но въ этотъ разъ я не въ силахъ исполнить мою обязанность.

— Милый мой, не читай письма, пощади себя...

Онъ останавливаетъ меня.

— Я думаю не о себѣ, говоритъ онъ. — Я думаю о моей покойной женѣ. Думаешь ли ты какъ и мистеръ Плейморъ что если я откажусь отъ публичнаго оправданія себя въ течение своей жизни, если я оставляю письмо нераспечатаннымъ, то я пощажу этимъ память моей покойной жены?

— О, Евстаѣй, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія!

— Искуплю ли я этимъ хоть сколько-нибудь страданіе которое неумышленно причинилъ ей во время ея жизни со мной?

— Да, да!

— Но будешь ли ты довольна мною, Валерія?

— Милый мой, я буду въ восторгѣ.

— Гдѣ письмо?

— Въ рукѣ твоего сына, Евстаѣй.

Онъ переходитъ на другую сторону постели и подноситъ къ губамъ розовую ручку младенца. Онъ стоитъ такъ нѣсколько минутъ въ грустномъ созвѣщаніи съ самимъ собою. Я вижу что его мать тихо отворяетъ дверь и слѣдитъ за нимъ какъ и я слѣжу за нимъ. Съ тяжелымъ вздохомъ онъ опускаетъ ручку младенца на запечатанное письмо и этимъ дѣйствіемъ говоритъ какъ бы словами: я оставляю его тебѣ!

Вотъ какъ это кончилось. Не такъ какъ я ожидала, не такъ какъ можетъ-быть ожидали вы. Можемъ ли мы знать напередъ какъ исполнятся наши лучшія желанія? Будущее извѣстно одному Богу, и это къ лучшему.

Закрывать ли мнѣ рукопись? Да. Мнѣ больше нечего сказать вамъ.

Кромѣ нѣсколькихъ словъ въ видѣ постскриптума. Не будьте слишкомъ строги, добрые люди, къ увлеченіямъ и ошибкамъ моего мужа. Браните меня сколько угодно. Но прошу васъ, ради меня, думайте снисходительно о Евстаѣи.

ОТЕЦЪ И СЫНЪ

ОПЫТЪ КУЛЬТУРНО - БІОГРАФИЧЕСКОЙ ХРОНИКИ

Предлагаемая хроника составилась случайно. Большинству читателей герои ея, Второвы, едва ли извѣстны; но многимъ книжнымъ, литературнымъ людямъ, мы полагаемъ, еще памятно имя Второва-сына какъ издателя старинныхъ актовъ и автора нѣсколькихъ сочиненій, какъ лица вокругъ котораго въ одномъ изъ нашихъ губернскихъ городовъ образовался въ пятидесятыхъ годахъ литературный кружокъ, какъ дѣятеля въ послѣдней реформѣ по городскому управленію. Авторъ настоящей хроники, самъ нѣкогда принадлежавшій къ названному кружку; лично знавшій Второва и хорошо знакомый съ его дѣятельностью въ провинціи, давно задумалъ составить его біографію. Знакомство съ семейными бумагами Н. И. Второва (дневниками, записками, письмами и т. п.) невольно, независимо отъ автора, вызывало къ литературной жизни другое лицо, уже рѣшительно никому неизвѣстное, точнѣе, давно забытое, Второва-отца. Такимъ образомъ вмѣсто одной задуманной біографіи составились двѣ въ тѣсной связи между собою и изъ коихъ первую, касающуюся Второва-отца, предлагаемъ нынѣ на судъ читателей. Второвъ-отецъ былъ въ свое время, въ концѣ прошлаго и въ первой четверти нынѣшняго вѣка, тоже *известность*, замѣ-

чательность, хотя и провинціальная. Онъ былъ знакомъ почти со всѣми писателями своего времени; онъ собралъ замѣчательную библіотеку, изъ которой образовалась лотомъ Казанская городская библіотека; онъ зналъ почти все Поволжье, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ не безплодно. Если не масонъ, то ученикъ масоновъ, онъ былъ для своего времени весьма типичною личностію, по развитію и образованію стоялъ въ числѣ передовыхъ людей, хотя и занималъ самое скромное положеніе, не на вершинахъ общественности, а на одномъ изъ фланговъ общественнаго строя.

При составленіи настоящей хроники мы встрѣтили самое живое содѣйствіе и предупредительную помощь со стороны профессора Казанскаго университета Н. Н. Булича, восполнившаго наше незнакомство съ Поволжьемъ и съ казанскою стариною. Мы обязаны также многими указаніями К. О. Александрову-Дольнику, А. Д. Шумахеру и графу В. А. Соллогубу. Цѣль наша будетъ вполнѣ достигнута если предлагаемый читателю опытъ, при всѣхъ его недостаткахъ, окажется нелишнимъ въ русской литературѣ.

I.

(1772—1793).

Родъ Второвыхъ.—Дѣтство и юность И. А. Второва.—Н. И. Веревкинъ и учителя высшаго народнаго училища въ Симбирскѣ.—Дневники и тогдашнее ихъ значеніе.—Мать Второва и старшая сестра его преслѣдуютъ.—Самообразование и служба.—Характеристика Н. М. Веревкина.—Чтеніе книгъ и живыя бесѣды Второва съ симбирскими и казанскими педагогами.—Масонскіе идеалы и вражда къ нимъ современнаго общества.—Семейство Курофдовыхъ.—Путешествіе Второва въ Макарьевъ (на ярмарку) и въ Казань.—Д. К. Крашениниковъ.—Переездъ въ Самару.

Второвы ведутъ свой родъ изъ Оренбурга, гдѣ дѣдъ Второва отца, Андрей Прокофьевичъ, служилъ въ царствованіе императрицъ Анны Ивановны и Елисаветы Петровны при оренбургскомъ губернаторѣ Неплюевѣ,* правителемъ его канцеляріи, и въ 1756 году былъ произведенъ въ чинъ кол-

* И. И. Неплюевъ (1693—1773) питомецъ Петра Великаго, сообщившій о немъ любопытные разказы въ своей автобіографіи, напечатанной въ *Русск. Архивъ* 1871 года, стр. 577—693.

лежскаго секретаря. У него было три старшіе брата въ Москвѣ, изъ которыхъ одинъ былъ капитаномъ морской службы, другой содержателемъ типографіи, третій—протоіереемъ. Несомнѣнно что и Андрей Второвъ былъ выходцемъ изъ Москвы, гдѣ его родъ принадлежалъ или къ приказному, или къ духовному сословію, но не къ дворянскому. Дворянство пріобрѣтено уже Иваномъ Алексѣевичемъ Второвымъ за тридцатипятилѣтнюю службу, съ полученіемъ ордена Св. Владимира 4й степени, въ 1827 году. Объ Андрѣ Прокофьевичѣ Второвѣ долго сохранялось въ Оренбургѣ воспоминаніе какъ объ умномъ и *честномъ* человѣкѣ. Последнее качество въ ту пору составляло въ служиломъ сословіи величайшую рѣдкость, а присутствіе его въ Андрѣ доказывается тѣмъ что онъ не оставилъ своимъ дѣтямъ (четыремъ сыновьямъ и дочери) ровно никакого состоянія. Изъ нихъ второй, Алексѣй, служилъ въ Оренбургѣ, въ почтовомъ правленіи регистраторомъ, и былъ женатъ на самарской дворянкѣ Акулинѣ Ивановнѣ, изъ рода Пяткиныхъ. У нихъ былъ свой домъ въ Оренбургѣ и трое дѣтей: сынъ Иванъ и двѣ дочери, Катерина и Александра. Но кромѣ дома и дворовой дѣвки, женинаго приданаго, Алексѣй Андреевичъ Второвъ, умершій въ 1779 году, въ чинѣ коллежскаго секретаря, также какъ и отецъ его, ничего не оставилъ своимъ наслѣдникамъ. Итакъ, герои нашей хроники принадлежать къ младшей линіи Второвыхъ, доселѣ существующей, между тѣмъ какъ была старшая, давно прекратившаяся. Ее составляло потомство Бориса Андреевича, старшаго брата Алексѣя: его сынъ Петръ Борисовичъ и внукъ Андрей Петровичъ; о нихъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

По смерти мужа, Акулина Ивановна Второва переѣхала изъ Петербурга на родину, въ Самарскую „округу“, гдѣ у нея было много родни между тамошнимъ дворянствомъ и не мало „милостивцевъ“. Но родня эта (Пяткины, Лопатины, Алампіевы, Бушуевы, Бронскіе, Мильковичи и пр.) или сама пребывала въ крайней бѣдности (какъ Пяткины), или не особенно торопилась выраженіемъ своего сочувствія къ положенію бѣдной родственницы, какъ напримѣръ братъ и сестра Бушуевы, изъ которыхъ первый (Алексѣй Михайловичъ) въ началѣ девляностыхъ годовъ прошлаго вѣка служилъ вице-губернаторомъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ, а вторая (Настасья Михайловна) жила въ Казани и почему-то играла тамъ значитель-

ную роль. Но, тѣмъ не менѣе, положеніе дворянки и сильный, мужественный характеръ спасли Акулину Ивановну если не отъ голодной смерти, то отъ крайней нищеты. Оставшись вдовой съ тремя дѣтьми и безъ всякихъ средствъ къ жизни, она не потерялась: она сумѣла возбудить къ себѣ сочувствіе въ обществѣ, заботливо относилась къ воспитанію своихъ дѣтей и, какъ увидимъ, держала всѣхъ ихъ въ грозѣ и страхѣ. Она едва ли знала грамотѣ, но дѣтей своихъ учила читать и писать и, при всей крайней бѣдности, крѣпко держалась за свои дворянскія привилегіи, научая и дѣтей дорожить ими.

Иванъ Алексѣевичъ Второвъ родился 1го іюня 1772 года, въ деревнѣ Ласкаревкѣ, Бузулукскаго уѣзда, и по смерти отца остался шести лѣтъ отъ роду, но уже былъ обученъ русской грамотѣ, то-есть умѣлъ читать и писать. О бѣдности Второвой можно судить по тому что она принуждена была опредѣлить шестилѣтняго своего сына въ татарскую школу учителемъ русской грамоты, съ жалованьемъ за этотъ трудъ по тридцати рублей въ годъ, такъ говоритъ самъ сынъ, но подробностей объ этомъ оригинальномъ учительствѣ мы не знаемъ. Но въ 1781 году въ судьбѣ Второвыхъ произошла важная перемѣна. Къ нимъ въ это время пріѣхалъ изъ Самары майоръ Бронскій, двоюродный братъ Второвой, по совету котораго маленькаго Второва взяли изъ училища и отправили въ Самару вмѣстѣ съ этимъ родственникомъ; велѣдъ за сыномъ переѣхала туда и мать. Майоръ хотѣлъ записать его въ гарнизонный баталіонъ, но почему-то раздумалъ и опредѣлилъ въ новооткрытый тогда въ Самарѣ уѣздный судъ, гдѣ Иванъ Алексѣевичъ, съ десятилѣтняго своего возраста, служилъ до 1792 года. Въ этомъ послѣднемъ году, имѣя девятнадцать лѣтъ отъ роду, онъ былъ переведенъ (въ январѣ) въ губернскій городъ Симбирскъ, въ намѣстническое правленіе и былъ назначенъ для писмоводства къ губернскому прокурору Андрею Семеновичу Лаптеву. Только здѣсь, по его словамъ, онъ началъ сознавать себя человѣкомъ, подавляемый до тѣхъ поръ совершеннымъ ничтожествомъ канцелярскаго служителя-малолѣтка, но и здѣсь, въ жалкомъ положеніи канцеляриста, не замедлила обнаружиться даровитость его натуры. „Склонность моя къ наукамъ (то-есть къ образованію, къ чтенію книгъ), говоритъ онъ, съ десятилѣтняго возраста была непреодолима. Я читалъ съ жадностію

всякія книги, какія мнѣ тогда ни попадались, и даже самъ собою выучился рисовать". Вотъ что говоритъ въ своихъ запискахъ объ этой порѣ его жизни сынъ его: „Отецъ мой представляетъ собою для меня рѣдкій, поучительный примѣръ. Въ бѣдности, въ кругу невѣждъ и развратныхъ людей, бывшихъ товарищами его по службѣ, порокъ не коснулся его чистаго, прекраснаго сердца. Онъ бѣгалъ своихъ товарищей и въ одиночествѣ искалъ услажденія въ любимыхъ занятіяхъ—въ чтеніи книгъ, сочиненіяхъ и рисованіи. Но благородные порывы и дома встрѣчали прелятствія: мать его, женщина безо всякаго образованія, смотрѣла на занятія ребенка (жалованьемъ котораго она пользовалась), какъ на шалости, отнимала у него книги, рвала и жгла его тетради и рисунки, не давала ему по вечерамъ свѣчь чтобъ онъ не занимался пустяками и не портилъ глазъ. О какомъ-нибудь протестѣ противъ материнскаго произвола канцеляристъ-мальчикъ, конечно, не посмѣлъ и думать. Но всякаго рода стѣсненія только возбуждали его энергію; едва достигнувъ четырнадцати лѣтъ, Второвъ началъ уже вести журналъ, записывая ежедневно все что съ нимъ случалось. Изъ этихъ записокъ черезъ два года составилаь большая книга, которую разсматривая потомъ черезъ нѣсколько времени онъ бросилъ въ огонь „стыдясь, какъ онъ замѣчаетъ, своихъ глупостей". Но съ 1792 года, по переходѣ въ Симбирскъ, журналъ былъ возобновленъ и продолжался до самой смерти автора. Въ Симбирскѣ, какъ въ городѣ губернскомъ, Второвъ нашелъ и общество пообразованнѣе и средствъ къ самообразованію больше чѣмъ въ Самарѣ. Онъ прежде всего познакомился со всѣми учителями высшаго народнаго училища (въ послѣдствіи — гимназіи), бралъ изъ училищной бібліотеки книги и даже слушалъ уроки. Первымъ наставникомъ его и другомъ сдѣлался Николай Матвѣевичъ Веревкинъ, * человекъ, по словамъ Второва, ученый и занимавшійся литературой. Съ помощью его Иванъ Алексѣевичъ познакомился съ грамматикой, поэзіей, исторіей, географіей, физикой, геометріей и съ французскимъ языкомъ. Они болѣе года прожили вмѣстѣ, ежедневно видѣлись, вмѣстѣ читали, писали, вмѣстѣ учи-

* Намъ неизвѣстно былъ ли онъ въ родствѣ съ М. И. Веревкинымъ, первымъ „командиромъ" (директоромъ) Казанскихъ гимназій (дворянской и разночинской).

лись. Все что произвела тогдашняя русская литература было прочитано ими съ жадностію, было ими усвоено; по крайней мѣрѣ на Второвѣ это чтеніе отразилось самымъ рѣшительнымъ образомъ. Пора къ которой принадлежитъ его развитіе была цвѣтущимъ временемъ типографской и литературной дѣятельности Н. И. Новикова. Книгъ выходило очень много; книги продавались не только по губернскимъ городамъ, въ особыхъ лавкахъ, но и по уѣзднымъ, на рукахъ купцовъ, коммисіонеровъ Типографской Компаніи, бакалейныхъ торговцевъ и краснорядцевъ. Къ этой же порѣ относится начало литературной дѣятельности Карамзина, пріобрѣтшаго тотчасъ же громадную популярность, тѣмъ большую на его родинѣ, гдѣ жилъ юноша Второвъ. Итакъ масонская литература и отчасти родственное ей, сентиментальное направленіе питали Второва и его друзей, кромѣ названнаго уже Веревкина, учителей вышатаго народнаго училища: Тихонравова, Цвѣткова, Шутихина и стихотворца Иванова. Окружающая ихъ жизнь представила діаметральную противоположность съ тѣмъ что они вычитывали въ книгахъ,—и вотъ наши юноши стали себя перевоспитывать, передѣлывать, подгонять себя къ тому идеалу нравственнаго совершенствованія который заявлялся масонскими мыслителями. Сами они (по крайней мѣрѣ Второвъ) никогда не принадлежали къ масонскимъ ложамъ, подсмѣивались надъ ихъ ритуаломъ и мистицизмомъ; но идеальныя стремленія масонства положили на нихъ свою неизгладимую печать. Въ борьбѣ духа съ подавляющими и поработщающими его всякаго рода матеріальными инстинктами наши юноши не уступали аскетамъ. Подобно аскетамъ, они молились, налагали на себя посты, бичевали себя раскаяніемъ, правда, выразившимся главнымъ образомъ потоками фразъ записываемыхъ въ дневники, вести которые сдѣлалось для нихъ нравственною потребностію какъ наилучшее средство къ самоусовершенствованію. Всю эту работу надъ самимъ собою продѣлывалъ и Второвъ, юноша горячаго нрава и пылкой природы, обуздать которую въ 20 лѣтъ и при недостаточности воспитанія ему было очень трудно. Почти на первой страницѣ своего журнала вотъ что онъ пишетъ: „я желаю чтобы добродѣтель, сія любезная спутница къ благополучію, не оставляла меня;

пороки бы не овладѣли мною, и я въ уединеніи забавлялся бы науками. Вся моя веселость въ книгахъ и больше ничего мнѣ не надобно". Но что же мѣшаетъ достигнуть такой цѣли? Уединенію—бѣдность и семейство; добродѣтели и образованію—„пороки, сіи чудовища, которыя находятъ способы развращать молодыхъ людей" и къ числу которыхъ причислялись лишній часъ отдыха, сна, лишній кусокъ пищи, лишняя рюмка вина и т. п. Второву и его сверстникамъ, почти мальчикамъ, стоящимъ въ низменныхъ рядахъ тогдашняго губернскаго общества, вращавшимся лишь въ приказномъ, канцелярскомъ мірѣ, не легко было жить; они казались странными, надъ ними смѣялись; насмѣшки товарищей доходили до слуха лицъ повыше поставленныхъ, начальствующихъ. Эти послѣдніе, волею-неволею, стали обращать вниманіе на Второва и подобныхъ ему юношей, и не находя въ нихъ (что и естественно) канцелярскаго, служебнаго усердія, пыла (а можетъ-быть и знанія), начали коситься, а потомъ и распекать, грозить удаленіемъ отъ службы, то-есть лишеніемъ куска хлѣба.

По вступленіи на службу И. А. Второва въ Симбирское намѣстническое правленіе, переѣхала къ нему изъ Самары мать съ сестрами, въ началѣ сентября 1792 года. Въ то время такой небольшой путь по Волгѣ, какъ разстояніе отъ Самары до Симбирска, былъ еще не безопасенъ отъ разбойниковъ, которые до чиста ограбили бѣдную вдову. Второвы помѣстились въ домъ купца Кожина, въ одной комнатѣ. Мать Второва была, какъ мы видѣли, женщина съ характеромъ, но горячая и капризная; понять сына, его стремленій, она не могла; сестра его, Катерина, гораздо старшая его лѣтами, не далеко ушла отъ матери во всѣхъ отношеніяхъ; но меньшая, Александра, была другаго права: она симпатизировала брату и вскорѣ сдѣлалась его любимцей. Семейство Второвыхъ содержалось на скудные средства Ивана Алексѣевича; но у матери и старшей сестры не было столько деликатности чтобы понять чѣмъ они ему обязаны и какія лишенія онъ изъ-за нихъ терпитъ. Мать точно также и въ Симбирскѣ, какъ это дѣлала она въ Самарѣ, не давала ему заниматься, тушила и отнимала свѣчи, дѣлала сцены которыми разгоняла гостей его; не скупилась на распеканія за то что онъ мало занимается дѣломъ, службою,

и считала что сынъ бьетъ баклуши проводя время съ книгами и въ обществѣ учителей. При горячности сына, такіа отношенія производили не только бури, шумъ и брань, но не рѣдко и драки. Выписываемъ изъ дневника Второва эти мѣста, не лишеныя интереса для характеристики нравовъ прошлаго столѣтія.

8го декабря 1792 года. „Свѣтаеть.... Я обуваюсь. Матушка начинаетъ разговоръ о дѣлѣ, обыкновенные разговоры!.. Терзаетъ меня упреками, мучить разсужденіями, которыя опровергать мнѣ всего мучительнѣе! Я уже ожесточенъ; рвусь, досадою, мѣшаю въ разговорахъ грубости противъ матери. Сбираюсь скоро чтобы бѣжать въ правленіе. Создатель мой! Ужели жестокое сіе начало предвѣщаетъ мнѣ несчастіе на весь день? Я иду теперь въ правленіе, что-то тамъ будетъ? Былъ въ правленіи; былъ и у прокурора. Писалъ, читалъ, ходилъ и пр. Трудился съ лучшимъ прилежаніемъ, однакожь измѣнялось оно; но не болѣе часа во всемъ днѣ были безполезны. Пообѣдалъ только, и больше не ужиналъ; однакожь и въ семь пунктѣ не безъ погрѣшности: брюхо изрядно было набито, но не протаву прежнихъ пресыщеній. День прошелъ. Въ половинѣ 9го часа ночи пришелъ я въ квартиру. Окончаніе здѣсь было такое же, какъ и начало. Я терзался мучительными упреками родительницы; однако оныя были не по тому дѣлу какъ поутру, да и я, будучи невиненъ, хотя скрывалъ скорбь мою во внутренности: и уже бѣшенства не оказывалъ, а былъ потише.“

14го декабря. „Сенгилейская женщина была у насъ въ квартирѣ и черезъ нея узнала матушка о платкѣ, стряпчимъ тамошнимъ мнѣ даренкомъ, котораго я не принялъ. Однако сіе было умолчено до вечера, и я, бывъ на базарѣ, пріѣхалъ въ правленіе, гдѣ по невозддержности, нажрался скоромныхъ лакомствъ и къ тому же соблазнилъ двухъ человѣкъ. Но что изъяснять много о своихъ дурачествахъ,—довольно сказать что я былъ въ сей день преступникомъ закона Божія и закона натуральнаго. Былъ наказанъ, и хотя чувствовалъ жестокость сего наказанія, однако не поправился, но увеличивалъ свои злодѣянія при сей казни. Какая ужасная пыль была за платокъ! Упреки въ „женскомъ разумѣ“ терзали меня и вырывали столь грубыя противъ родительницы слова что я былъ битъ; но и побои, кромѣ умноженія злобы моей, ничего не произвели. Приходитъ Андрей Ивановичъ Тихо-

правовъ, слышитъ нашъ раздоръ; мнѣ его жалко; онъ чувствуетъ неудовольствіе. Выходимъ съ нимъ вмѣстѣ. Я пришелъ къ нему, а черезъ часъ къ Николаю Матвѣичу (Веревкину). Съ избитою головою хотя, однако упражнялся въ грамматикѣ, какъ у насъ было положено по вторникамъ и пятницамъ (былъ вторникъ).“

26го декабря. Проводивъ всѣхъ гостей вечеромъ, Иванъ Алексѣевичъ остался одинъ со стихотворцемъ Степаномъ Ивановичемъ Ивановымъ. Вотъ что произошло: „матушка о пустомъ совѣмъ, какъ и часто бываетъ, ругала меня. Я, терзаясь симъ, не молчалъ, но оправдывался. Ей казалось грубо, пошла драка. *При гостѣ битъ я стуломъ и руками.* Какой стыдъ и какую скорбь я чувствовалъ, не буду изъяснять! Должно плакать, находясь въ такихъ обстоятельствахъ; когда участь моя переимѣнится!“

22го января 1793. „Пріѣхала матушка отъ Курофдова. (О немъ см. ниже). Пошли вопросы и сужденія, мнѣ мучительные. Я терзался, однако молчалъ: досада моя была сокрыта въ сердцѣ. Мать и сестра (Катерина) казались мнѣ мучительницами. О, злая жизнь моя! Какіе способы помогутъ мнѣ наслаждаться нѣкоторыми минутами спокойно? Книга *О познаніи самого себя* (Іоанна Массона) представляла мнѣ снести сіе безъ огорченія, а разсмотрѣвъ характеръ и намѣренія моихъ мучителей, не досадовать на нихъ. Боже мой! Какъ же мнѣ снести: я не каменный! Характеръ ихъ мнѣ давно извѣстенъ, и я бы всегда прощалъ имъ ежели бы не заглушали онѣ мои совѣты и вѣрили бы тому что я правильно представляю. Но какъ же можно не мучиться когда онѣ, одерживая верхъ надо мною, повторяютъ мнѣ всѣ мученія кои я забываю: ругаютъ и рвутъ меня такими наставленіями кои для меня злѣе яда.“

Цѣнность ограбленнаго имущества вдовы Второвой была опредѣлена во 150 рублей; отыскиались и грабители, крестьяне окрестныхъ селъ. Начался искъ; но сначала земская полиція, а потомъ вѣздный судъ, обирая крестьянъ, тянули дѣло. И. А. Второвъ не только хлопоталъ въ судѣ по этому дѣлу, но и вѣзды по деревнямъ для разыскиванія пропавшихъ вещей; но матери и сестрѣ Катеринѣ всего этого казалось мало: медленность дѣла онѣ приписывали неумѣяно молодого человѣка, нежеланію имъ заняться какъ слѣдуетъ, — новый матеріалъ для брани и вышеописанныхъ сценъ. На-

конецъ 27го января Второвъ узналъ что дѣло его въ уѣздномъ судѣ рѣшено и что вмѣсто 150 рублей онъ получить только 70 руб. Отчаяніе его не было границъ. Мысль что скажутъ его домашнія, мать и сестра, цѣлый день не давала ему покоя. Размышляя объ этомъ, онъ было рѣшился на самое благое дѣло: отослать свое семейство въ Самару, а самому одному жить въ Симбирскѣ, отдавалъ матери и сестрамъ большую половину своего жалованья; но, къ сожалѣнію, этотъ планъ онъ почему-то не исполнилъ. Между тѣмъ онъ приходитъ обѣдать и разказываетъ о рѣшеніи суда. Произшла буря, о которой въ журналѣ подъ этимъ числомъ записаны слѣдующія строки: „Пошли укорины мнѣ. Я рвусь, жестоко рвусь. Въ горести и досадѣ на мучителей моихъ не могъ пообѣдать порядочно. *Възгу изъ квартиры какъ изъ ада отъ фурий терзающихъ меня.*“ Побѣждалъ онъ въ свое милое пристанище, въ высшее народное училище, къ А. И. Тихомирову. „Здѣсь-то я нѣсколько облегчилъ мои прискорбія. Андрей Ивановичъ показывалъ мнѣ камни и руды, изъ коихъ по кусочку нѣкоторыхъ далъ мнѣ; допустилъ меня къ своей библіотекѣ и далъ мнѣ волю рыться въ ней. Тутъ-то я увеселялъ себя! Забылъ мои горести и пробылъ въ разсматриваніи разныхъ книгъ до самаго вечера, взявъ двѣ книги: *Премудрость и Добродѣтель* дн Галловы *Размышленія*. За ужинкомъ очень терзали меня мои мучительницы, *особенно сестра.*“ Меньшая сестра, Александра Алексѣевна, уже принадлежала къ новому тогда поколѣнію женщинъ. Она читала книги, вѣроятно тайкомъ отъ матери, по поводу ихъ разговаривала съ братомъ и однажды даже рѣшилась отправиться съ братомъ въ театръ переодѣтая въ мужское платье, смотрѣть представленіе *Мельника* Аблесимова и отъ видѣннаго была въ восторгѣ. По поводу ея у брата вырвались однажды слѣдующія мысли: „Александра, моя сестра, читала мнѣ (2го іюня) *Московский Журналъ*. Я услаждался тѣмъ и наставлялся ее нѣкоторыми совѣтами и познаніями о жизни человѣческой и нравственности. Въ ней великія способности, особливо склонность къ наукамъ равная со мною. О, еслибы не бѣдность и не состояніе такое наше, да и полъ ея, то можетъ-быть въ сѣмъ человѣкѣ увидѣло бы отечество не посредственнаго гражданина! („Это мои глупыя замѣчанія“, тутъ же, и одновременно добавлено авторомъ въ скобкахъ).“ Дѣло о разбойникахъ кончилось и того хуже чѣмъ оно было рѣшено: Второву

выдали всего 40 рублей, да росписку на 25 р. на имя застѣдателя. Этотъ новый, чиновничій грабѣжъ привелъ его въ отчаяніе и негодованіе; но одновременно же другое, повидимому ничтожное, событіе привело его въ восторгъ: 21го февраля, въ томъ же домѣ, онъ занялъ особую комнату! Вотъ что у него по этому поводу записано: „Благодарю Тебя, мой Создатель, что ты исполнилъ одно мое желаніе! Я теперь наслаждаюсь уединеніемъ: есть у меня особая горница! О, мой Творецъ милосердный! дозвожь мнѣ нынѣ исполнить мои обѣты. Я всегда ропталъ на то, что окруженъ былъ моимъ семействомъ, которое, будучи со мною въ одномъ цокотѣ, всегда препятствовало мнѣ наслаждаться спокойствіемъ и любезными мнѣ науками и чрезъ то дѣлало меня неспособнымъ ни къ какимъ упражненіямъ. Всегда бывъ я слаба и не воздерживъ ко всему, поставлялъ себя наравнѣ со скотомъ, чему (причиною) больше полагалъ безпокойство въ квартирѣ, и обѣщалъ: ежели Создатель наградитъ меня когда особымъ покоемъ, гдѣ бы никто не могъ нарушить моего спокойствія въ уединеніи, — сдѣлать планъ всѣмъ упражненіямъ моимъ, расположивъ часами и частями: сколько чего дѣлать, сколько спать и сколько ѣсть.“ По особая комната однакожь не спасла, или мало спасла отъ семейныхъ непріятностей, какъ это обнаружилось менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ. Воспользовавшись отдѣльною комнатою, Иванъ Алексѣевичъ немедленно приступилъ къ осуществленію своего плана. Начальническая угроза прокурора, выразившаяся словами: „ты у меня не спи! Я тебя разбужу!“ заставила его самымъ усерднымъ образомъ заниматься въ правленіи, въ которомъ, впрочемъ, онъ и безъ того проводилъ большую часть времени, приходя первѣдо до снѣгу, часто по вечерамъ, и всегда послѣ обѣда; но, какъ видно, чтеніе книгъ, писаніе писемъ, журнала, стиховъ, разговоры съ товарищами, больше занимали Второва чѣмъ дѣловые бумаги. Принудивъ себя посвятить все время судѣнья въ правленіи имъ однимъ, Второвъ сдѣлалъ еще новое усиліе надъ самимъ собою, по части „умерщвленія чувствій“, то-есть чтобы не переступать во всемъ границы умѣренности и благоразумія: для этого онъ наложилъ на себя постъ — сталъ ѣсть по одному разу въ день. Все пошло какъ по маслу. Прокуроръ умилосердился и сама прокурорша, ласковая Анна Васильевна, похвалила искусство нашего автора въ чиненіи перьевъ, что доставило ему „неописанное

удовольствіе“ и пріятный сонъ въ ночь съ 9го на 10е марта. На другой день, 10го, хотя онъ и однажды поѣлъ, но „столь много что мнѣ тягостно было даже сидѣть, и отъ сего нѣкоторая слабость была видна въ моей дѣятельности“. Но на другой день, 11го, несмотря на двукратную, хотя и умѣренную ѣду, все обстояло благополучно до самаго вечера. Утромъ Второвъ занимался въ привлени, послѣ обѣда учился географіи и потомъ отправился въ народное училище, прямо въ классы къ А. И. Тихонравову, который былъ въ восторгѣ отъ его прихода и пустилъ его въ училищную библіотеку. По окончаніи классовъ, они пошли въ квартиру Тихонравова, гдѣ занимались чтеніемъ новыхъ газетъ. Отъ Тихонравова Второвъ пошелъ въ правленіе, гдѣ посидѣвъ немного, возвратился домой въ 10мъ часу вечера, располагая еще часа два позаняться. „Но моя родительница“, говоритъ онъ, „на которую всегда я ропталъ за всѣ мои мученія, прекратила теченіе порядка моихъ дѣлъ. Я пришелъ часу въ 10мъ на квартиру, но она еще не спала. Велѣла огня подѣть, но сего не сдѣлали безъ шума и терзанія моего сердца жестокими укоризнами въ мотовствѣ и убыткѣ на свѣчи; сіи укоризны и ругательства продолжались съ часъ близко. Я не стерпѣвъ уже: сбросилъ огонь со стула и ушелъ въ правленіе. Тамъ-то я жестоко мучился, проклиналъ мое семейство и собственную мою глупость... Возвратился часовъ въ 12 на квартиру, всталъ всѣхъ въ глубокомъ снѣ, да и самъ уснулъ.“

Справедливость, однакожь, требуетъ сказать что не всегда мать была виновницей этихъ семейныхъ драмъ: случалось что и сынъ подавлялъ къ этому поводу своею горячностью и нѣкоторыми поступками, напримѣръ приходямъ домой навеселѣ, хотя это и случалось рѣдко. Притомъ же бѣдность играла не послѣднюю роль въ этой войнѣ за салыные огарки. Бѣдность и чернорабочій трудъ, конечно, заставляли и сестру Катерину ссориться съ братомъ за бѣлье, платье, чистоту помѣщенія. Необразованныя женщины, не понимая нравственныхъ потребностей юноши, естественно могли думать что изъ него выйдетъ дурной, неработающій человѣкъ, плохой кормилецъ. Катерина, по словамъ брата, была дѣвушка лѣзвонная, но склонная къ суевѣрію, „коимъ-то была для нея завѣсѣ къ разсмотрѣнію что все то

пустыя химеры, ни мало не отличающія человека предъ Богомъ". Между братомъ и сестрой произошла однажды такая сцена. Катерина посылала брата къ обѣднѣ и, когда онъ не хотѣлъ идти, начала колоть ему глаза книгами. Братъ вышелъ изъ себя и плюнулъ ей въ лицо, но тотчасъ же убѣжалъ въ правленіе, стыдась и раскаяваясь въ своемъ поступкѣ. Выписываемъ еще слѣдующія строки, написанныя 10го сентября, уже въ Самарѣ: „10й часъ ночи. Сейчасъ ратерзано мое сердце крикомъ и преплетствіемъ въ упражненіи глупой матери. Мерзкая жадность къ малѣйшей частичкѣ интереса ее къ сему понуждаетъ. Свѣчи мучать ее: жалъ что горитъ для меня одного и что я читаю за нею книгу. Боже мой! простительна ли мнѣ сія жестокая досада и сіи ругательныя изрѣченія! Я почитаю въ сіи минуты ее хуже скота; дѣйствительно такъ! всякій оправдаетъ меня ежели столько же будетъ знать ея мерзкій нравъ и безпредѣльную глупость въ подобныхъ сему происшествіяхъ.“ При дальнѣйшемъ самовоспитаніи, естественно смягчавшемъ его нравъ, Второвъ былъ уже не способенъ къ подобному цинизму въ выраженіяхъ.

Приведенныхъ выписокъ изъ журнала Второва слѣшкомъ достаточно для того чтобы составить понятіе объ отношеніяхъ его къ своему семейству, матери и сестрамъ. Эти выписки даютъ также нѣкоторое понятіе и о самомъ авторѣ, о его образѣ жизни, занятіяхъ, о его тогдашнемъ образѣ мыслей, или, выражаясь языкомъ того времени, „умоначертаніи“. Кромѣ книгъ, съ жадностью читаемыхъ, Второвъ имѣлъ предъ своими глазами живой идеалъ человѣческаго совершенства, который имѣлъ на него громадное вліяніе и которому онъ старался подражать даже въ мелочахъ: это былъ выше названный учитель народнаго училища Николай Матвѣевичъ Веревкинъ. Второвъ иначе не называетъ Веревкина, какъ своимъ мекторомъ: такимъ онъ и былъ въ занятіяхъ нашего героя риторикой, логикой, стихотворствомъ, французскимъ языкомъ, въ чтеніи и въ литературныхъ работахъ. Замѣтно что въ училищѣ онъ игралъ первую роль, и что авторитетъ его былъ не малъ въ тогдашней симбирской интеллигенціи. Онъ извѣстенъ былъ даже въ Казани, по крайней мѣрѣ между тамошними педагогами, которые навѣщали его въ Симбирскѣ. Веревкинъ былъ человекъ семейный и имѣлъ дочь; но ни о лѣтахъ ея, ни о ея матери въ журналѣ Второва не говорится.

Вережкинъ былъ, кажется, духовнаго званія, какъ объ этомъ можно судить по тому что въ числѣ близкихъ его знакомыхъ былъ какой-то игуменъ, видное лицо въ тогдашней духовной администраціи Симбирска, такъ и по самому роду нѣкоторыхъ его занятій. Онъ любилъ читать духовныя книги, церковныхъ писателей, Псалтирь, Святцы, писалъ на нихъ свои комментаріи и восхищался высотой ихъ мыслей и способомъ выраженія. Писалъ онъ вообще очень много. Подобно Второву, онъ велъ дневникъ, въ которомъ между прочимъ было записано изобрѣтенное имъ средство „къ воздержанію себя отъ нѣкоторыхъ непристойностей“: средство это состояло въ дощечкахъ съ какими-то знаками, изъ которыхъ каждый долженъ былъ напоминать ему отъ какой „непристойности“ слѣдуетъ воздерживаться. Кромѣ этого личнаго журнала, у него былъ планъ другаго, болѣе объективнаго и обширнаго,—для описанія всѣхъ замѣчательныхъ происшествій видимыхъ и слышимыхъ. Ему же принадлежала мысль о журналѣ *Провинціальному Зрителю*, кажется сатирическаго направленія, который если и не предполагался къ издаванію въ свѣтъ, то задумывался серьезно и кажется составлялся: по крайней мѣрѣ объ одной рубрикѣ его, подъ названіемъ „Невѣжество“, говоритъ Второвъ въ своемъ дневникѣ, замѣчая что *Провинціальнаго Зрителя* будетъ чѣмъ наполнить. Словомъ, Вережкинъ былъ истымъ словесникомъ и литераторомъ прошлаго столѣтія, въ противоположность натуралисту Тихонравову. Цвѣтковъ и Шутихинъ не обрисовываются въ дневникѣ Второва съ тою же опредѣленностью; о послѣднемъ онъ говоритъ какъ о человѣкѣ добромъ, семейномъ и всѣми любимомъ. Вотъ выдержки изъ дневника Второва о Вережкинѣ.

26го ноября 1792 года. „Въ вечеру сидѣлъ у Николая Матвѣевича, гдѣ видѣлъ многія его сочиненія разныхъ родовъ. Какъ особенно ощущалъ мое удовольствіе при чтеніи нѣкоторыхъ мѣстъ изъ его журнала, который нашелъ я одного плана съ моимъ. Откровенность его и ласки столько плѣнили меня что я отъѣнное отъ всѣхъ чувствую къ нему почтеніе: Полезныя и пріятнѣйшіе разговоры его, доставляющіе мнѣ новыя наставленія, останутся всегда начертанными въ душѣ моей.“

29го ноября. „Николай Матвѣевичъ сидѣлъ у меня часу до десятаго ночи. Мы занимались разными разговорами, боль-

шею частію относящимися къ учености: для меня все новыя открытія! Въ разговоры сіи вмѣшаны были и разныя веселыя сказанія, и наконецъ онъ многія мѣста разсматривалъ изъ моего журнала. Какъ не быть открыту для такого друга, въ которомъ нахожу и нѣчто выше человѣческаго. Любезный человѣкъ, продолжай изливать свои благосклонности къ искреннему тебѣ почитателю!“

14го января 1793 года. „Я наслаждался въ сей вечеръ съ моимъ менторомъ пріятнѣйшими разговорами и разсужденіями, изъ которыхъ лучшіе и полезныя впечатлѣвалъ въ душѣ моей, восхищающейся счастіемъ знакомства и любви сего достойнаго почета человѣка.“

Но несмотря на роль наставника и на складъ своего образованія, Вережкинъ не былъ человѣкомъ угрюмымъ. Напротивъ того, онъ нерѣдко подшучивалъ надъ промахами своего ученика; надъ пылкостью его характера и однажды не совсемъ осторожно подтрунилъ надъ отношеніями его къ кухаркѣ Тихонравова, которая воспылавъ страстью къ юному Второву, звала его къ себѣ, но отъ которой какъ отъ чумы бѣжалъ нашъ герой, сообщившій по секрету объ этомъ происшествіи своему ментору. Но всѣ эти шутки не имѣли никакихъ послѣдствій и не уменьшили любви Второва къ Вережкину. Любовь эта доходила до ревности. Когда Вережкину было не по себѣ или онъ былъ чѣмъ-нибудь занятъ, отвлеченъ, вслѣдствіе чего не могъ встрѣтить Ивана Алексѣевича съ обычнымъ своимъ радушіемъ, — горести послѣднего не было границъ! Такъ случилось въ пріѣздъ казанскихъ гостей педагоговъ. Первое появленіе въ средѣ ихъ Второва, человѣка имъ незнакомаго, естественно, ихъ стѣсняло, могло мѣшать ихъ бесѣдѣ; но когда потомъ, въ другой разъ, узнавъ отъ Вережкина, что за человѣкъ былъ Второвъ, они встрѣтили его съ распростертыми объятіями, поцѣлуями и увѣреніями въ дружбѣ, послѣдній былъ въ неподдѣльномъ восторгѣ. Вотъ что онъ пишетъ по этому поводу подъ 21мъ марта 1793 года: „О, какъ счастливъ! Или, лучше сказать, — несчастливъ, по уваженію моего разума! Обманываются во мнѣ сіи почтенныя особы: я не стою ихъ дружества! Довольно для меня ежели-бъ я принять былъ хотя ученикомъ ихъ“. Эти учителя были: Василій Родіоновичъ Бобровскій и Степанъ Васильевичъ Смирновъ. На вечерахъ у Вережкина, Тихонравова и другихъ учителей, кромѣ ли-

тературнымъ занятіямъ, чтенію книгъ, разсужденій и т. п., велась живая бесѣда и о другихъ предметахъ, пили чай, пуншъ, играли въ карты, но умѣренно и безъ тѣхъ, доходившихъ до безобразія, излишествъ, сопровождавшихся ссорами и драками, которымъ предавалось тогда чиновное симбирское общество: *Дѣтское Чтеніе*, *Московский Журналъ*, *С.-Петербургскій Вѣстникъ*, *Энциклопедія*, *Духъ Бюффона*, сочиненіе Іоанна Массона, *Премудрость и Добродѣтель*, *Галловы Размышленія*, *Философія Гейнекція*, *Всемірная Исторія Шрекка*, *Историческій Словарь*, *Юнговы Ночи*, сочиненія Сумарокова и Хераскова, *Утренній Свѣтъ*, *Письма Русскаго Путешественника*, *Покойныйя Трудолюбецъ* — вотъ сочиненія* которыя были прочтены Второвымъ въ 1792 и 1793 годахъ; не говоря объ учебникахъ по географіи, логикѣ, грамматикѣ. Іоаннъ Массонъ, какъ мы замѣтили, болѣе другихъ авторовъ произвелъ на него вліяніе. При чтеніи, герой нашъ намѣренъ былъ держаться слѣдующаго плана: „Я располагаю съ сего времени (30го января 93 года) по утрамъ читать Іоанна Массона, *Размышленіе* Галла и Гейнекціеву философію; въ полдни — повѣсти веселыя, а ввечеру — *Дѣтское Чтеніе* и *Исторію Всемірную*. Каждой книгѣ (надобно

* *Дѣтское Чтеніе для сердца и разума*, перев. съ нѣмецк. и француз. Н. Карамзина. 1785—1789. М. Унив. т. 20 частей. 3е изданіе. О Москв. Журн. смотри ниже. *С.-Петерб. Вѣстникъ* 1778 — 1781, 7 частей. *Энциклопедія, или краткое Начертаніе Наукъ и всѣхъ частей учености*. Перев. съ нѣм. Пав. Шувалова. М. 1781. *Духъ Бюффона*. Перев. съ франц. А. Малиновскаго. М. Унив. т. 1783. — *Іоанна Массона познаніе себя самого и пр.*, перев. съ нѣмецк. И. П. Тургенева. М. Унив. т. 1783. 3е изданіе. *Примѣры Мудрости и Добродѣтели*. М. Тип. Компл. 1787. *Основаніе умственной и нравов. философіи*, соч. Іоанна Гейнекція, пер. съ лат. М. Унив. т. 1766. *Іосифа Галла, еписк. Оксфорд., вnezapныя размышленія и пр.* Пер. съ лат. М. Тип. Компл. 1786. *Шрекковъ Всемір. Исторія для обуч. юношества*. Слб. т. Вилковскаго. 1787. *Словарь Историческій, или Сокращенная Библіотека и пр.* 14 частей, перев. съ франц. М. Унив. и Сенат. т. 1790. *Плачъ Эдварда Юнга, или пошныя размышленія о жизни, смерти и безсмертіи*. Перев. съ франц. М. тип. Лопухина. 3е изданіе. *Полное собраніе всѣхъ сочиненій А. И. Сумарокова*. Изд. Н. Новикова. М. Унив. т. 1781 — 1782. 10 ч. 2е изданіе. *Творенія Михайла Хераскова. Утренній Свѣтъ*, ежемѣс. изданіе Н. Новикова. 1777—1780. М. Унив. т. *Покойныйя Трудолюбецъ*, період. изданіе Н. Новикова. 4 части. М. Унив. тип. 1784.

прочестъ) не оставляя надолго, но чтобы каждый день всѣхъ по нѣскольку страницъ и съ замѣчаніями (читать)". А вотъ и результаты такого чтенія, той ломки себя во имя излюбленнаго идеала, которой подвергали себя русскіе юноши конца прошлаго столѣтія. „Поутру (2го февраля), слыша заутрени, встаю и я и, помолясь немного дома, принимаюсь за Іоанна Массона... Со вниманіемъ и удовольствіемъ читалъ съ 61го по 80й листъ 3й части, особливо IX глава, *о упражненіи и навыкѣ въ познаніи самого себя*, вселила въ меня прискорбныя мысли для себя и моего журнала. Я читалъ тутъ какъ должно записывать ввечеру случившееся съ собою и разсматривать свои недостатки и пороки, размышлять, также и примѣчать за собою, при разныхъ случаяхъ, кои производятъ въ насъ какую перемену. О, ежели бы мой Создатель удержалъ во мнѣ все то что я теперь чувствую, а также бы побуждалъ во мнѣ всѣ склонности къ добродѣтелямъ! То не желалъ бы я больше счастья, ежели только сердце мое меня не обманетъ. Я привелъ теперь на память всѣ дѣла мои и всѣ поступки которые съ двѣ недѣли уже какъ меня окружаютъ (sic): сколько я глупъ былъ, злобенъ и невозддерженъ! Далеко еще мнѣ доходить до познанія самого себя! На прошедшей недѣлѣ, какъ равно и на сей, не было во мнѣ добраго побужденія къ дѣламъ и укрѣпленія себя отъ пороковъ. Я много самъ претерпѣлъ отъ моей глупости, поступаая злобно, съ досадою и гнѣвомъ противъ попрековъ и словъ моей родительницы. Самъ я мучился, но слѣлъ былъ и безуменъ разсмотрѣть что отъ себя-то происходило: можно бы умѣрить мнѣ благоразумными, съ размышленіемъ, поступками жестокость укоризнъ и досадъ мнѣ причиненныхъ отъ родительницы и сестры. О, Боже мой! Сердце мое обливается кровію, вспомя о суетности и хлопотахъ въ какихъ мнѣ быть должно, въ разсужденіи состоянія моего и дѣлъ. Я размышляю, читаю теперь что *полезнее будетъ записывать худые поступки свои, съ размышленіемъ—что я при томъ чувствовалъ,—и какъ впередъ искоренять ихъ, нежели одну исторію, безъ всякихъ примѣчаній*. Сіе открытіе да будетъ мнѣ впередъ правиломъ вести журналъ мой.“ И журналъ велся по этому правилу, по смыслу напечатанныхъ курсивомъ строкъ, во все время юности нашего автора, пока онъ окончательно не освободился отъ мистико-сентиментальнаго направленія. „Павелъ Михайло-

вичъ г. Мясниковъ, * читаемъ подъ 29мъ апрѣля, пересказывалъ сегодня матушкѣ о моемъ развращеніи и безбожіи, будто происходящемъ отъ чтенія книгъ! Я рвался самъ извѣстіемъ, помня что говорилъ съ невѣждой о физикѣ и метеорологѣ дожда съ громомъ. Немного успокоиваюсь. Читаю въ *Московскомъ Журналѣ* „День мой“; восхищаюсь! Шталь, мысли, матерія,—все меня плѣняетъ. Благословляю сочинителя; сокрушаюсь завистью: почто не могу и я такъ чувствовать? Сколь еще малъ и далекъ я до сего любезнаго великаго человѣка! Постыдная мысль, куда ты заблуждаешься, зная тупыя и мелкія твои способности!“ Молодой человѣкъ котораго невѣжественно близкіе упрекали въ безбожіи, по праздникамъ не пропускалъ не только обѣдн, но и утрени, и рѣдкій день не поминалъ имени Божьяго въ своемъ дневникѣ; но съ духовными лицами не очень ладилъ. Въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ (22го октябрю) вотъ что говоритъ Второвъ: „въ самый обѣдъ потревоженъ былъ полами, *которыя я ненавижу по ихъ ханжеству и высокомерию*“. Приводимъ кстату разказъ его довольно рельефно обрисовывающій тогдашніе нравы. Въ послѣднее время пребыванія своего въ Симбирскѣ Второвы квартировали въ домѣ какого-то священника, человѣка еще очень молодаго, но весьма нетрезваго и буйнаго. Онъ преслѣдовалъ мать и сестру Ивана Алексѣевича почти ежедневными ругательствами, и послѣдній, выведенный изъ терпѣнія, по совѣту учителей, пожаловался на него вышеупомянутому игумену, ихъ пріятелю. Этотъ послѣдній велѣлъ привести къ себѣ неугомоннаго лапа и приказалъ посадить его на цѣль. Несмотря на просьбы истца и на раскаяніе отвѣтника, игуменъ не простилъ, и злополучный іерей такъ и остался на цѣлую ночь прикованнымъ къ стѣнѣ.

Одновременно съ чтеніемъ шло составленіе журналовъ. Кромѣ Второва и Веревкина, въ Симбирскѣ въ эту пору и еще нѣкоторые лица вели такіе же журналы, или на манеръ ихъ, какъ нѣкто Посниковъ, товарищъ Второва по службѣ у прокурора, кажется еще юнѣйшій его. О стихотворствѣ, которое Второвъ называетъ „дражайшимъ искусствомъ“ и въ

* Мясниковы-Твердышевы, извѣстные симбирскіе богачи и заводчики, вышедшіе въ дворяне, подобно Демидовымъ, изъ крестьянъ. О нихъ см. ниже, а также А. Артемьева, *Казанскія гиліази въ XVIII столѣтіи* (Спб. 1874. Тип. Баганова), стр. 64—65, и Соловьева *Исторія Россіи*, т. XXIV, 247.

которомъ первенство принадлежало какому-то Степану Ивановичу, мы упоминали выше. Были также охотники составлять автобіографіи, какъ нѣкій Родіоновъ, за что-то содержавшійся на гауптвахтѣ. Всѣ эти невзвѣныя упражненія въ чтеніи и писаніи, товарищескія сходки и вечеринки юныхъ друзей, рѣзко отличавшіяся отъ окружавшаго ихъ общества, возбуждали ядовитыя насмѣшки надъ ними: ихъ просто ругали именемъ „сочинителей“, ихъ дразнили, по крайней мѣрѣ такихъ горячихъ людей какъ И. А. Второвъ. Изъ записокъ послѣдняго можно заключить что большинство тогдашняго общества радовалось катастрофѣ недавно постигшей масоновъ: она давала поводъ бранить образованіе и распространяться о вредѣ его, ссылаясь на записку Тургеневу * въѣзда въ столицу. Что представляло собою тогдашнее общество, среди котораго находился Второвъ, объ этомъ можно судить по слѣдующимъ выраженіямъ находящимся въ его дневникѣ и, очевидно, прямо вырвавшимся изъ сердца: „О, Создатель! буду ль я когда пребывать среди лучшаго народа!... Сообщество гдѣ лучше пребываю я, состоитъ изъ людей испорченныхъ; какъ же мнѣ можно одному противостоять всѣмъ искушеніямъ! Нѣтъ! Я часто развращаюсь, смотря на нихъ, и часто терзаюсь, претерпѣвая насмѣшки ихъ, ежели не слѣдую ихъ поступкамъ, или оскорбляюсь когда кто разсуждаетъ со мною, умствуя неправильно.“ Общество среди котораго вращался Второвъ состояло изъ мелкаго приказнаго люда, который не давалъ ему проходу въ намѣстническомъ правленіи, куда онъ убѣгалъ отъ домашнихъ дразгъ раннимъ утромъ и позднимъ вечеромъ, точно также какъ мать и сестра Катерина преслѣдовали его дома. Все что было повыше, починовиѣ, хотя изрѣдка и допускало его къ себѣ, но не далѣе передней, и то для праздничныхъ поклоновъ и разныхъ поздравленій; всѣ эти господа, даже удостоившіе его своей ласки, по отношенію къ юному приказному были „милостивцами“, а визиты къ нимъ „поклонами“,—техническія названія которыя безпрестанно употребляетъ герой нашъ въ своемъ дневникѣ, какъ самыя обыкновенныя. Вотъ что говоритъ самъ Второвъ по поводу посѣщенія имъ нѣкоего Богданова, который даже и не посадилъ его: „Боже мой! Какъ я мучился воз-

* Ивану Петровичу, другу Новикова и Лопухина.

вратясь отъ него оскорбленнымъ сего горделивца презрѣніемъ! Я принялъ намѣреніе впередъ не видаться съ нимъ ежели необходимости не будетъ. Итакъ, человѣкъ сколь бы чувствителенъ и честенъ ни былъ, но самая досада и грубость, а особливо презрѣнія его прежняго мнѣстника дѣлають (его) неблагодарнымъ. Я при семъ случаѣ забылъ все его одолженія и онъ теперь въ глазахъ моихъ гнуснѣ всякаго чудовища. Прокуроръ Лаптевъ, человѣкъ не злой и даже расположенный къ Ивану Алексѣвичу, несмотря на ласки жены и знакомство сына, котораго Второвъ училъ рисованію, съ которымъ вмѣстѣ читалъ книги, видимо запкивая его расположенія, обходился съ нашимъ героемъ крайне грубо, особенно когда бывалъ не въ духѣ. Къ счастью же Второва у него въ Симбирскѣ были и другіе знакомые обоого пола, не чиновные, отъ которыхъ онъ не завистѣлъ въ служебномъ отношеніи. Онъ перѣдко бывалъ у нихъ; но, къ сожалѣнію, изъ его дневника не видно что это были за люди. Здѣсь, въ этого рода знакомствѣ, очень много помогли ему старыя материнскія дворянскія отношенія, изъ которыхъ самое замѣчательное было къ четѣ Курофдовыхъ (мужъ — Михаилъ Максимовичъ, жена — Надежда Ивановна). Чета эта изображена въ *Семейной Хроникѣ* Аксакова подъ именемъ Куролѣсовыхъ, съ тою лишь разницею что жена Курофдова названа не настоящимъ своимъ именемъ, а Праксовѣй Ивановной. Въ хроникѣ Аксакова ярко рисуется мрачная сторона характера Михаила Максимовича, — его безчеловѣчная жестокость къ крѣпостнымъ и его циническій разгулъ; въ нашей онъ выступаетъ только одною свѣтлою стороною, какъ богатый помѣщикъ, родственникъ Суворова, знакомый Державина, какъ вліятельнѣйшее лицо въ Симбирскѣ; гдѣ онъ по часту и подолгу жила въ одиночѣ, и съ Надеждой Ивановной, и гдѣ семья Второвыхъ находила себѣ самый радушный пріемъ, особенно юный ея представитель. Курофдовъ раньше чѣмъ кто-нибудь другой обратилъ вниманіе на нашего юношу и вполне сочувствовалъ его стремленіямъ. Изъ другихъ обитателей Симбирска почти такое же вниманіе оказывали ему Апраксины и Баратаевы. Въ это время въ Симбирскѣ жила княгиня Баратаева съ десятилѣтнимъ сыномъ Михаиломъ, ставшим потомъ большимъ пріятелемъ героя нашей хроники. Она была вдовой князя Петра Михайловича, бывшаго прежде (1780—1789) симбирскимъ губернаторомъ. Не говоримъ о другихъ

знакомыхъ, которыхъ только имена встрѣчаются въ дневникѣ Второва; ихъ было не мало. Вообще вся лучшая, неслужащая часть симбирскаго общества ласкала молодого человека, конечно потому что онъ во всѣхъ отношеніяхъ рѣзко отличался отъ прочей приказной братіи, отъ подъячихъ. Въ юномъ Второвѣ и тѣни не было того что составляло тогда необходимую принадлежность всего служащаго люда, именно поползновенія ко взяточничеству, которымъ онъ гнушался, довольствуясь своими скудными средствами 150 рублей жалованья. Съ увлеченіемъ изобличая себя въ „тнусныхъ порокахъ“, Иванъ Алексѣевичъ не преминулъ бы указать на побужденія ко взяточничеству еслибы оно въ немъ было; между тѣмъ мы находимъ у него подъ 29мъ января 1793 года слѣдующую, совершенно въ противоположномъ смыслѣ, замѣтку: „Поутру пришелъ къ г. Баумгартену, * вчерашнему лѣкарю... написалъ ему просьбу и получилъ отъ него за работу серебряный рубль. Наблюдая политику и благопристойность, я долго отговаривался принять отъ него сію сумму, представляя ему знакомство его жены, его ласки и малую мою услугу; изъяснилъ ему что я имѣю свойства и душу не подъяческія, и что мнѣ весьма совѣстно принять то. Онъ изъ сего заключилъ что я не принимаю для того что мало, и съ извиненіемъ и великими усиліями втеръ мнѣ въ руки. При семъ случаѣ воображалъ я что онъ самъ имѣеть свойство корыстолюбивое, и что лѣкарь, также какъ и подъячіе, весьма любятъ взятки.“ Постоянно занятая мысль и руки (кромѣ переписки служебныхъ бумагъ и рисованія, Иванъ Алексѣевичъ успѣшно занимался переплетнымъ мастерствомъ) спасали Второва и друзей его отъ правительственной гибели и выдвигали ихъ изъ темныхъ рядовъ тогдашняго общества, но обойтись безъ уступокъ окружающему быту не было возможности. Если не въ кружкѣ симбирскихъ учителей, то въ кружкѣ Степана Ивановича, симбирскаго стихотворца и друга Второва, вѣроятно изъ чиновниковъ, уступки окружающей жизни, выражавшіяся въ пристрастіи къ вину и картамъ, были замѣтны до такой степени что внушили нашему герою слѣдующій афоризмъ: „ученые люди, сколько бы бѣдны и порочны ни были, но всегда полезнѣе воздержныхъ

* Нѣмецъ, штабъ-лѣкарь, женатый на Стафутинной (Пракс. Гавр.), одной изъ знакомыхъ Второва. О немъ будетъ говорить еще впереди.

невѣждъ". Но какъ ни бѣдна была въ интеллектуальномъ отношеніи жизнь Симбирска въ концѣ прошлаго столѣтія, все же она, сравнительно съ уѣздной, съ Самарской или Ставропольской, гдѣ мы вскорѣ увидимъ Второва, казалась земнымъ раемъ. Кромѣ читающихъ кружковъ, въ Симбирскѣ въ эту пору бывали театры и маскарады, которые неукоснительно посѣщаль Иванъ Алексѣевичъ; ему особенно нравились послѣдніе: „въ маскарадѣ, онъ пишетъ, я гордился будто равенствомъ съ прочими, хотя судьба и не наградила меня еще благородіемъ". Онъ упоминаетъ о двухъ труппахъ актеровъ, Татищевской и Ермолова, отдавая предпочтеніе первой. Труппы эти состояли изъ крѣпостныхъ людей и принадлежали помѣщикамъ. Кромѣ названныхъ здѣсь, въ Поволжѣ въ концѣ прошлаго и въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія не мало было и другихъ; изъ нихъ замѣчательны: Столыпинская и Есилова. Послѣдняя находилась въ Казани. Старый холостякъ Есиповъ (Петръ Васильевичъ), объ образѣ жизни котораго, объ отношеніяхъ его къ крѣпостнымъ актрисамъ, занимавшимъ пріѣзжавшихъ въ деревню гостей не одною игрою на сценѣ но и вакханаліями всякаго рода, Вигель (II, 133, 137) разказываетъ возмутительныя подробности, тѣмъ не менѣе былъ, согласно свидѣтельству автора *Селѣйной Хроники* (стр. 378), истиннымъ основателемъ Казанскаго театра. Страстно любя сценическое искусство, Есиповъ посвятилъ всю свою жизнь и громадныя средства на водвореніе его въ Казани. Русская культура прежде и больше всего распространялась путемъ литературы и театра. Въ первой половинѣ прошлаго вѣка, вскорѣ послѣ великой Петровской реформы, литературно-сценическое движеніе шло къ центру, въ столицы, съ юга, изъ Малороссіи; во второй половинѣ оно замѣтно приняло другое движеніе, — пошло съ востока, изъ Поволжья. Вспомнимъ такихъ крупныхъ писателей какъ Державинъ, Дмитріевъ и Карамзинъ; такихъ людей какъ Тургеневы, Панаевы, Аксаковъ; даже всѣхъ этихъ Есиповыхъ, Столыпинныхъ, Ермоловыхъ и tutti quanti, разорявшихся не отъ однихъ картъ или собакъ, — и мы не можемъ отказать Поволжской Руси, едва уцѣлѣвшей отъ Пугачевского разгрома, въ значительномъ умственномъ движеніи, конечно, въ тѣхъ видахъ и формахъ какіе тогда были намъ доступны. Но возвращаемся ко Второву. Столь желаемое и столь необходимое

въ тотъ вѣкъ *благородіе* не замедлило придти къ нашему герою. въ августѣ, уже предъ отъѣздомъ изъ Симбирска въ Самару, онъ получилъ наконецъ чинъ губернскаго регистратора. Радость его по этому случаю была безпредѣльна и выразилась въ слѣдующихъ словахъ: „Боже мой! Какую принести благодарность Тебѣ! Я уже офицеръ; стою ли сего я? Могу ли еще когда, при нѣкоторыхъ мрачнотяхъ, роптать на жребій мой и называться несчастнымъ?“

Производство въ статскіе совѣтники и назначеніе, вслѣдъ за симъ, председателемъ уголовной палаты слѣдали прокурора Лалтева особенно благосклоннымъ къ служащимъ у него лицамъ, Второву и Посникову: ему захотѣлось вывести ихъ въ люди, дать имъ чинъ и новыя штатныя мѣста. Еще прежде этого И. А. Второвъ, обремененный семьей, хлопоталъ черезъ своихъ симбирскихъ знакомыхъ объ улучшеніи своего служебнаго и экономическаго положенія. Самое искреннее и горячее участіе въ этомъ дѣлѣ принимало семейство Курофдовыхъ, съ особеннымъ радушіемъ относившееся къ молодому челоѣку. Курофдовъ былъ знакомъ съ Державинымъ * и, черезъ посредство знаменитаго поэта, особенно авторитетнаго по всему Поволжію, обѣщался доставить ему мѣсто въ Петербургѣ; находясь же въ хорошихъ отношеніяхъ и съ Лалтевымъ, онъ располагалъ и этого послѣдняго въ его пользу. Повышеніе размягчило прокурорское сердце, — и вотъ онъ однажды призвалъ къ себѣ на квартиру, въ послѣдственное, т.е. неслужебное время, юнаго своего письмоводителя и прямо обратился къ нему съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Ты куда бы желалъ выдти изъ теперешняго мѣста?

Смущенный неожиданностью вопроса, письмоводитель не зналъ что отвѣчать и просто оробѣлъ въ присутствіи суроваго начальника. Вопросъ былъ предложенъ въ той же формѣ и тоже продолжалось молчаніе.

— Ты знаешь, пояснилъ прокуроръ, — я оставляю свою должность, хочу и васъ съ Посниковымъ освободить отъ ней и желаю помочь вамъ.

— Какъ вашей милости, будетъ угодно, послѣдовалъ отвѣтъ, слабымъ и невнятнымъ голосомъ.

* Слѣдовъ этого знакомства въ изданіи Я. К. Грота нигдѣ не видно.

— Ну, ступай и посоветуйся съ товарищемъ.

Однокое опредѣленіе воспослѣдовало не по желанію Второва: его назначили въ Самару, секретаремъ въ уездный судъ. Первое извѣстіе объ этомъ назначеніи было ему весьма непріятно, и прежде всего потому что въ Самарѣ не имѣлъ родныхъ, которые, по его словамъ, «не и могли намъ въ нашей бѣдности и презирали насъ»; однихъ изъ этихъ родственниковъ, Бушуевъ, какъ мы уже сказали, въ это время былъ вице-губернаторомъ въ Ново-одесскомъ*. Но, съ другой стороны, болѣею незанятости, болѣею свободой въ жизни (300 руб. въ годъ жалованья), роковыя мѣста и дѣтскія возмущенія мало-по-малу стали и умиротворять въ Самарѣ. Въ ожиданіи производствъ въ чинъ и утвержденія въ должности Сенаторъ, Второвъ отправился въ путешествіе къ Магарию на ярмарку, и въ Казань, гдѣ у него были кромѣ учителей нѣкоторые знакомые (Андрей Галамфровъ, Никита Прокофьевичъ Трубицынъ), съ которыми онъ нередко переписывался. Это путешествіе описано въ дневникѣ довольно подробно и послѣдовательно, съ нѣкоторою литературною отдѣлкой.

12го іюля выѣхалъ И. А. Второвъ изъ Самары, съ своимъ спутникомъ, юнымъ княземъ Баратаевымъ**. Въ часъ пополудни того же числа прибыли они въ деревню Баратаевку, гдѣ ихъ угостили сытнымъ завтракомъ и кофею, медомъ, отъ котораго спутникъ Второва простылъ потомъ всю дорогу, словно убитый, до самаго утра. Почивали въ деревнѣ Анненковой. Иванъ Алексѣевичъ и здѣсь, и въ Баратаевкѣ, ходилъ съ ружьемъ на охоту, но не столько занимался ею, сколько разсматриваніемъ «растуръ», то-есть растений и камней, въ чемъ онъ уже зналъ толкъ, благодаря своимъ естественно-научнымъ свѣдѣніямъ. Постель ему постлали на дворѣ, на свѣжей, скошенной травѣ. Онъ спалъ, но не могъ сомкнуть глазъ. Ночь была ясная, теплая:

* Этотъ Бушуевъ (Алексѣй Михайловичъ) былъ тотъ самый полковникъ Бушуевъ который въ 1782 году по Высочайшему повелѣнію путешествовалъ по Россіи съ нѣсколькими гвардейскими офицерами (въ числѣ ихъ былъ А. Г. Бобринскій) и академикомъ Озерецковскимъ. А. Артемьевъ *Казанскія гизманы*. т. XVIII стр. 171. 172—173.

** Баратаевы (вѣроятно одной вѣтви съ князьями Баратовыми живущими въ Малоросіи) были грузинскаго происхождения.

воздухъ дышалъ ароматомъ и нѣгой. Звуки народной пѣсни: „Ты зоря моя, зоря! Зоренька вечерняя!“ пріятно поражали слухъ юнаго симбирскаго мечтателя. Въ тотъ же дворъ, около полуночи, пріѣхали знакомые самарскіе купцы, также отправлявшіеся на ярмарку, стали окликать его, но онъ притворился спящимъ. Дворъ гдѣ ночевали наши путники и деревня принадлежали нѣкому Дмитрію Кузмичу Крашенинникову, лѣ гильдіи оренбургскому купцу и именитому гражданину. Наши путешественники увидѣли его раннимъ утромъ прытко бѣгающимъ по берегу пруда и смотрящимъ на ловлю рыбы большимъ бреднемъ; это былъ небольшого роста худощавый старикъ, одѣтый въ бѣлый, шлафрокъ. Пріѣзжіе купцы скидали предъ нимъ шалки и не накрывались до тѣхъ поръ пока онъ ихъ не замѣчалъ. Надобно думать, таковъ былъ заведенный обычай за даровое и роскошное гостепріимство. По окончаніи ловли старичокъ въ бѣломъ шлафрокѣ пригласилъ всѣхъ пріѣзжихъ къ себѣ во дворъ, а въ числѣ ихъ и Ивана Алексѣевича, который, хотя и съ неудовольствіемъ, долженъ былъ снять предъ нимъ шалку, но котораго Крашенинниковъ тотчасъ же примирилъ съ собою, взявъ его подъ руку. Домъ оригинальнаго старика оказался не только великолѣпнымъ, но даже изящнымъ. Онъ былъ украшенъ множествомъ картинъ, изображавшихъ различные ландшафты и портреты неизвѣстныхъ нашему путешественнику лицъ, изъ которыхъ, впрочемъ, по догадкѣ Второва, нѣкоторые были древнихъ писателей. Къ числу украшеній дома принадлежали и хорошенькія горничныя, изъ которыхъ одна, особенно милостивая дѣвушка, плѣнила юнаго симбирскаго философа. Неудовольствовавшись угощеніемъ своихъ гостей чаемъ, гостепріимный хозяинъ предложилъ имъ роскошный обѣдъ, по срединѣ двора, въ раскинутой палаткѣ, гдѣ сорокъ человекъ разнообразнаго провѣзжаго люду, въ томъ числѣ и двѣ керженскія старицы, до отвалу ѣли сытыя домашнія яства и до льяна пили крѣпкіе меды тароватаго хозяина, который можетъ-быть и потому такъ разщедрился что самъ собирался вмѣстѣ съ гостями къ Макарью. Послѣ обѣда, въ пятомъ часу пополудни, изъ дома Крашенинникова выѣхалъ цѣлый обозъ гостей, вмѣстѣ съ хозяиномъ, въ числѣ двадцати кибитокъ. Въ каждой кибиткѣ было не менѣе какъ по ружью, частью „на всякій случай“, въ острастку разбойникамъ,

которые еще водились, измѣльчавъ впрочемъ до ворышекъ, частью для охоты, для разогнанія скуки отъ томительно долгой ѣзды и отъ усыпляющихъ кормежекъ. При вѣздѣ въ лѣса, хотя бы и весьма скромныхъ размѣровъ, воздухъ оглашался залпомъ дружныхъ выстрѣловъ этой невинной артиллеріи, лугавшихъ не столько мнимыхъ разбойниковъ, сколько и безъ того трусливыхъ лѣсныхъ птицъ. Какъ бы то ни было, но ѣзда при такой обстановкѣ—въ шумной, многолюдной толпѣ, въ красивой, живописной мѣстности, которыми такъ богато Поволжье, въ лѣтнюю жаркую пору, подъ обаяніемъ еще свѣжихъ, хотя и начинавшихъ уже блѣднѣть, легендъ о разбойникахъ,—не лишена была привлекательности; по крайней мѣрѣ, Второвъ восхищался ею. 14е, 15е и 16е числа прошли въ поѣздкѣ,—такъ медленно тащались! Въ пути не произошло ничего особеннаго. Тагай и Ардатовъ и тогда были ничтожными городами. Вниманіе Второва остановилось на деревнѣ помѣщика Алѣева, за Ардатовомъ, гдѣ крестьяне, почти поголовно, стояли на дорогахъ и улицахъ и просили милостыни у проезжающихъ: „варваръ помѣщикъ!“ восклицаетъ въ негодованіи Второвъ. Видъ на село Лысково, на Макарьевъ и на Волгу, покрытую безчисленнымъ множествомъ судовъ, привелъ въ восторгъ Второва. Добравшись до мѣста своей поѣздки и переправившись на другой берегъ Волги, Второвъ тотчасъ же встрѣтился тамъ съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ, Борисовымъ, который разказывалъ ему о своей встрѣчѣ съ разбойниками: какъ онъ одного поранилъ саблей и какъ другіе заставили его самого бѣжать въ лѣсъ и тамъ отъ нихъ укрыться. Помѣстившись въ какомъ-то амбарѣ и переодѣвшись, Второвъ тотчасъ же побѣжалъ на ярмарку и прежде всего бросился въ книжныя лавки, которыхъ тогда на ярмаркѣ было четыре. Онъ купилъ „Покоящагося трудолюбца“ и какой-то „Театръ“. Книги эти онъ оставилъ въ квартирѣ Крашенинникова, съ которымъ сблизился во время пути. На другой день опять покупка книгъ; приобретены *Собесѣдникъ* * и *Московский Журналъ*; подъ день выѣзда, 22го, еще куплено разныхъ книгъ на 13 р. 50 к.,

* *Собесѣдникъ любителей россійскаго слова*, въ стихахъ и прозѣ. Издавался въ 1783—1784. 16 частей. Спб. типогр. Ак. Наукъ, Стоилъ 40 р.—*Московский Журналъ* на 1791—1792 годы. Издавъ Николай Карамзинъ. 8 частей. Въ 1801—1803. Изданіе повторилось.

всего, стало - быть, на громадную для бѣднаго канцеляриста сумму, который на остальные свои надобности, для покупки платья и пр., употребилъ гораздо меньше, а который въ буквальный смыслъ слова голодалъ. Симбирскіе спутники Второва дили чай и фли въ складчину: онъ отказался отъ этаго, разчитывая въ видахъ экономіи для себя меньше пробыть на ярмаркѣ и меньше издержать; но пробыть пришлось больше, а потому пришлось по утрамъ пить чаю: „стыдъ и скорбы!“ восклицаетъ нашъ юноша. Къ числу ярмарочныхъ удовольствій въ ту пору принадлежалъ театръ и цехъ шутовъ, потѣшавшій раскутившееся купечество. Второвъ посѣщалъ театръ, гулялъ по ярмаркѣ и по городомъ, а остальное время весь погруженъ былъ въ чтеніе, забывъ обо всемъ въ мірѣ: онъ былъ тогда въ упоеніи отъ чтенія *Бѣдной Лизы* Карамзина и первыхъ *Писемъ Русскаго Путешественника*. Страннымъ показался онъ своимъ спутникамъ, которые въ глаза ему называли дурачествомъ и такое чтеніе, и покупку такихъ книгъ.

23го іюля, раннимъ и прекраснымъ утромъ, на небольшомъ баркасѣ, поплылъ нашъ симбирскій путешественникъ внизъ по Волгѣ въ Казань. Видъ Макарьева привелъ его въ такое восхищеніе что онъ тутъ же у берега, сидя на лодкѣ, набросалъ карандашомъ его контуръ, приложенный къ дневнику. Всѣхъ пассажировъ, вмѣстѣ съ хозяевами, было на баркасѣ 11 человекъ; большая часть ихъ была вооружена ружьями и пистолетами. Въ полдень наши путешественники „видѣли одну лодку съ людьми, на насъ плывущую, и заключили изъ что это разбойники. Зарядили ружья и пистолеты и ожидали сраженія: однако избавились сей опасности, ибо лодка отворотилась отъ насъ, и, переплывъ на другую сторону Волги, въ виду нашемъ вышли всѣ изъ оной въ кусты.“ Почевали въ Василь-Сурскѣ. На слѣдующіе два дня, 24го и 25го числа, погода перемѣнилась: шелъ дождь и похолодѣло. Но наимѣнѣе при себѣ теплой одежды пришлось Второву согрѣваться работой на веслахъ. Мимо Козмодемьянска, Чебоксаръ и Свияжска путешественники проѣхали безъ всякихъ особенныхъ приключеній; подъ Чебоксарами осматривали ихъ лодку заставные солдаты и сорвали съ хозяевъ нѣсколько грошей. Въ Казань пріѣхали въ 3мъ часу пополудни, 26го іюля Городъ, т.-е. строенія и все что было на улицахъ, привелъ въ восторгъ Второва. Въ Казани онъ пробылъ до 1го авгу-

и оставившись на квартирѣ у Н. П. Трубицина. Кроме старыхъ уже учителей, В. Р. Бобровскаго и С. В. Смирнова, являлись въ Казань и другіе знакомые, какъ напримѣръ. На тѣхъ Михайловна Бушueva, уже упомянутая нами родственница, и еще какия-то Прасковья Александровна, не названная по фамиліи, которую Иванъ Алексѣевичъ называетъ также „милой“ родственницей и посвящаетъ ей, при прощаніи съ Казанью, нѣсколько сочувственныхъ строкъ; завязавъ знакомства и новыя. Авторъ путешествія посвятилъ казанскія сѣтаны и осмотрѣлъ всѣ достопримѣчательности города. Покупка книгъ въ Казани продолжалась (напримѣръ, *Собраніе новѣйшихъ сочиненій* *), вѣроятно, уже на послѣднія деньги, потому что на обратномъ пути въ Симбирскъ юный путешественникъ питался только хлѣбомъ, огурцами и толокномъ. Съ Казанью нашъ авторъ прощается слѣдующими словами: „Разстался я съ Казанью, разстался съ людьми милыми и чувствительными! Блаженная Казань!“ Армянецъ, владѣлецъ судна, взялся свезти Второва до Симбирска за рубль. Во время этого плаванія, продолжавшагося до 3го августа, ничего особеннаго не произошло. Нашъ путешественникъ, кажется, былъ въ самомъ сильномъ пароксизмѣ сентиментальности. Онъ не разлучался съ книгой ни на палубѣ, ни въ каютѣ; онъ находилъ даже удобнымъ писать тамъ свои замѣтки и сочинять тамъ какія-то стихи. Читая въ *Московскомъ Журналѣ* „Плачь Супруги“, * онъ плакалъ самъ, плакалъ, по его словамъ, перебирая въ мысляхъ всю свою жизнь „даже до смерти“. Очарованный журналомъ Карамзина, онъ даетъ себѣ обѣщаніе отнынѣ „читать его весь со вниманіемъ, и на особую бумагу выписывать и замѣчать важныя и трогательныя мѣста“. вмѣстѣ съ нимъ находилась на суднѣ малоденькая, четырнадцатилѣтняя, дѣвушка, очень красивая, умная и знавшая грамотѣ. Армяне купили ее на ярмаркѣ у помѣщика Камкарева, знакомаго и

* Сборникъ въ четырехъ частяхъ, изданный (1762) въ Москвѣ Иоганномъ Рейхелемъ и повторенный (1787) Типографической Компаніей.

** Стихотвореніе И. И. Дмитріева (*Моск. Журн.* 1790, май). Это же стихотвореніе помѣщено имъ въ книжкѣ *И мои бездѣлки* (М. 1795 стр. 246—248, подъ названіемъ „Плачь Матери“, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ.

Второву. „Не человѣкъ, но скотъ безъ чувствій!“ съ негодованіемъ восклицаетъ этотъ послѣдній.

По возвращеніи изъ Казани удобно было готовиться къ отъѣзду въ Самару, такъ какъ въ Симбирскѣ нечего было дѣлать. Для такихъ бѣдныхъ людей, какъ Второвы, сборы не могли быть продолжительны; но выѣздъ оттянулся на три недѣли: жалъ было Ивану Алексѣевичу разстаться съ Симбирскомъ, съ своими друзьями. „Вотъ послѣдній день моего здѣсь пребыванія. Записываетъ онъ подъ деньъ выѣзда въ своемъ журналѣ. Вотъ горестъ, вотъ разлука! Отколѣ и куда я удаляюсь?.. Симбирскъ научилъ меня чувствовать, научилъ познавать себя и сердца человѣческія.—и я его оставляю!.. Оставляю друзей, милыхъ, любезныхъ друзей, оставляю ментора, который питалъ мою душу и внушилъ мнѣ все то что теперь я ощущаю!.. Послѣдно одѣвшись обѣгаю я вѣхъ моихъ начальниковъ и милостивцевъ, скалываю объ отъѣздъ, благодарю ихъ милости и ласки и прощусь о неоставленіи впредь... Въ послѣдній уже разъ былъ я въ училищѣ, въ послѣдній разъ взглянулъ на бібліотеку и простился!“ Прощаніе съ учителями было глубоко трогательно. По нѣскольку разъ прощался Иванъ Алексѣевичъ съ П. М. Веревкинымъ и Степаномъ Ивановичемъ, каждый разъ обливаясь слезами; они платили ему тѣмъ же, приобѣщали къ нему, уже распрощавшись, еще разъ и мѣшали его собрать. Ласково простились съ нимъ и „милостивцы“, и во главѣ ихъ Лаптевъ, изъявившій сожалѣніе о разлукѣ своей со Второвымъ, напутствовавшій его пожеланіями и обѣщавшій помочь ему въ переходѣ въ Симбирскъ, въ случаѣ открытія вакантнаго мѣста, хотя прежде и отдававшій предпочтеніе Посникову, что глубоко огорчало Ивана Алексѣевича. Но въ минуту разлуки все прошлое было забыто послѣднимъ, и прощаніе съ бывшимъ начальникомъ его очень тронуло „какъ забыть мнѣ сіи милости,“ говоритъ онъ въ заключеніи своей дневной записи. Путь отъ Симбирска до Самары Второвы совершили по Волгѣ, въ пять дней. Кромѣ изъ семейства и крѣпостной служанки Авдотьи, имъ сопутствовали какой-то Осипъ Ивановичъ Поповъ и Татьяна Ивановна, молодая, красивая, но прежде неизвѣстная особа, ставшая героиней кратковременнаго дорожнаго романа. Жалкое судно, съ рогжыми парусами, плывя по теченію рѣки, едва тащилось. Но, несмотря на горестъ разлуки съ друзьями, герой нашъ

не обращалъ вниманія на обстановку и, по обычаю, уходилъ въ свой любимый міръ мечтательности, чтенія и даже писанія: книга и перо почти не выпадали изъ его рукъ. Своя семья ко всему этому давно привыкла; но бурлакамъ и Попову герой нашъ показался страннымъ, „чуднымъ“, въ особенности когда сталъ ихъ знакомить съ *Московскимъ Журналомъ*. Это случилось на другой день выѣзда, 24го августа. Второвъ читалъ февральскую книжку *Московского Журнала* за 1791, именно стихотвореніе на Новый Годъ *. Его особенно понравились слѣдующіе стихи, которые онъ поспѣшилъ прочесть своимъ спутникамъ:

Я слышу въ далекахъ
Тамъ рѣзкій трубный зыкъ;
Тамъ бубновъ громъ;
Тамъ стонъ
Ваторнъ.

Поповъ, прослушавъ это стихотвореніе, простодушно замѣтилъ: „Чего не напишутъ! Они ужъ взяли примѣръ съ Исакія, когда онъ видѣлъ бѣсовъ играющихъ на ваторнахъ. Имъ только деньги чѣмъ-нибудь выманывать!“ Слушавшій стихотвореніе бурлакъ не сказалъ ничего. Задѣтый за живое, хотя и понявшій странность такого чтенія, Второвъ хотѣлъ отомстить своимъ равнодушнымъ слушателямъ чтеніемъ другихъ стиховъ, Осель и Лира, ** напечатанныхъ въ той же книжкѣ журнала, но ядовитость ихъ, кажется, не была понята его аудиторіей. Погода стояла переменчивая; не разъ поднимался сильный вѣтеръ; надобно было прятаться въ каюту. Но и въ каютѣ, и на палубѣ, Второвъ не покидалъ книжки и тетрадки. Вѣтеръ рвалъ рогожные паруса, а онъ, находясь на палубѣ, умудрялся писать себѣ, едва удерживая бумагу, лежавшую на помостѣ (кралѣ, по-бурлацки) гдѣ стоитъ рулевой. Нашъ авторъ производитъ свою работу стоя. Предъ его глазами красовался ветхій рогожный парусъ, лохмотьями котораго било его прямо въ лицо и голову; тутъ же, у кормы, лежали въ живописномъ безпорядкѣ кормчіе бурлаки, кто на спинѣ, кто на брюхѣ. Но въ тихую погоду наши аргонавты не сходили съ палубы даже ночью, которую напролетъ проводили въ созерцаніи красотъ приволжской

* Это стихотвореніе Державина „Любителю Художествъ“ (*Протъ*, I, 362—363).

** Басня, подписанная буквою X.

природы, въ особенности Жигулевскихъ горъ. Днемъ не разъ садясь они въ лодку, причаливали къ берегу и выходили на поиски по окрестнымъ лѣсамъ, для собиранія орѣховъ и ягодъ. На третій день плаванія, Иванъ Алексѣевичъ, вмѣстѣ съ сестрой Александрой, отправился на охоту съ ружьемъ. Но только-что они скрылись за кустами, которыми былъ покрытъ берегъ, какъ откуда ни возьмись подступила къ бурлакамъ, которые привезли ихъ, сторожевая команда ставропольскихъ солдатъ, которая строго начала допрашивать послѣднихъ: не высадили ли они гдѣ-нибудь разбойниковъ? Вся эта дорожная обстановка, прогулки, починны бдѣны, восхожденія на палубу и нисхожденія въ каюту, конечно, книги и стихи, воспламенили въ сердцѣ нашего героя любовь къ Татьянѣ Ивановнѣ и расположили послѣднюю къ тому же чувству. Любовники объяснились: „дражайшіишъ поцѣлуй въ уста и лобзаніе рукъ другъ у друга“ запечатлѣли чье-то чувство: но прозаическій прїѣздъ въ Самару, гдѣ видѣлся въ перспективѣ противный уѣздный судъ, со скучнымъ судьей, Андреемъ Филатовичемъ Чекановымъ, и грудями бумагъ, прервалъ этотъ романъ въ самомъ его началѣ.

II.

(1793—1795).

Самара.—Судья Чекановъ и городничій.—Служба въ Самарскомъ уѣздномъ судѣ.—Низкій уровень самарскаго общества сравнительно съ симбирскимъ.—Лѣкарь Баумгартенъ и Н. Л. Хардинъ.—Книгопродавецъ Пономаревъ и тогдашняя цензура книгъ.—Умственная и литературная дѣятельность въ Поволжьѣ.—Значеніе для этой мѣстности Карамзина.—Вліяніе его на Второва.—Отношенія Второва къ Чеканову кончившіяся враждой и выходомъ въ отставку. Нравственная фізіономія Второва слагается.

Самара, куда вѣзжали наши путешественники, была для Второва роднымъ мѣстомъ, гдѣ протекло время его дѣтства и ранней юности, гдѣ каждая улица, каждый домъ были ему знакомы, да и самые Самаряне были извѣстны ему по именамъ и отчествамъ почти поголовно; въ Самарѣ, наконецъ, и около нея было у Второвыхъ не мало родныхъ, хотя и въ отдаленныхъ степеняхъ родства, но въ ту патриархальную эпоху, тѣмъ не менѣе, весьма почитаемыхъ. И

хотя бѣдное семейство, прожившее долго въ этомъ городѣ, кромѣ горя и нужды ничего не испытало и ни съ чьей стороны не находило ни малѣйшей помощи, но въ послѣдствіи времени горечь старыхъ отношеній была забыта, и живя въ Симбирскѣ, юный Второвъ уже благодушно относился къ прежнимъ знакомымъ. служилъ для нихъ исправнымъ коммисіонеромъ, сообщалъ имъ губернскія вѣсти, преимущественно служебнаго свойства, и, по своей страсти къ писанію, конечно, не скупился на подробности. Два крутихъ самарскихъ аристократа, городничій, не названный по фамиліи, и судья Чекановъ, до нѣкоторой степени за нимъ даже ухаживали, когда онъ служилъ при прокурорѣ. Теперь, по переездѣ въ Самару, эти отношенія должны были измѣниться. Андрей Филатьевичъ Чекановъ былъ масонъ, стало-быть, человѣкъ относительно образованный. Онъ принадлежалъ къ ложѣ Св. Іоанна, гдѣ значился ученикомъ, какъ писала грамота, данная ему за подписью мастера ложки Алексея Ильина, начало которой, по словамъ И. А. Второва, было слѣдующее „Велия Слава Всевышнему Строителю вселенныя! Мы, мастера съ братіей и учениками ложки Св. Іоанна, просимъ всѣхъ, разбѣянныхъ во вселенной братій ложки Св. Іоанна признавать и почитать нашего любезнѣйшаго брата, Андрея Филатьевича Чеканова, ученикомъ“. Чекановъ что-то такое писалъ или списывалъ, имѣлъ у себя книги, не прочь былъ и почитать ихъ, не прочь былъ и поговорить о разныхъ серьезныхъ, по тогдашнему времени, матеріяхъ, но ни масонство, ни умозрѣнія не мѣшали ему быть человѣкомъ весьма практическимъ, съ твердою волей и крупнымъ характеромъ. Городничій былъ человѣкъ совсѣмъ иного закала: книгъ онъ никакихъ не читалъ. Карамзина ни во что ставилъ, но любилъ стихи и даже былъ охотникъ ихъ декламировать; любилъ и весело пожить, будучи человѣкомъ весьма общительнымъ. По поводу Карамзина у него съ Второвымъ бывали иногда смѣшныя сцены. Разъ послѣдній, приглашенный на обѣдъ городничимъ, захватилъ съ собою *Московский Журналъ* и вздумалъ было читать ему *Письма Русскаго Путешественника*, но городничій прервалъ чтеніе словами: „все это пустяки!“ приведшими въ „содроганіе“ гостя, по его собственному выраженію. Въ другой разъ, посланный судьей къ городничему для объясненія по одному дѣлу, Второвъ имѣлъ неосторожность сказать что ни онъ, ни судья не поняли его

записки, присланной къ нимъ по этому же самому дѣлу. „Что жь дѣлать! возразилъ съ любезною, хотя и ехидною улыбкой городничій;—я не Карамзинъ и лучше писать не умѣю.“ Оба эти сановника, судья и городничій, встрѣтили Ивана Алексѣевича весьма радушно, и справедливость требуетъ сказать что послѣдній никогда не измѣнялъ къ нему добрыхъ отношеній. Кромѣ городничаго и Чеканова, у Второва явился въ Самарѣ цѣлый рой знакомыхъ, большею частию служащіе чиновники, частию же дворяне, проживавшіе въ городѣ. Какъ же почувствовалъ себя самъ авторъ дневника въ Самарѣ, въ этомъ новомъ, хотя и знакомомъ уже ему обществѣ?

Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ въ Самару, въ дневникѣ Второва, подъ 2мъ сентября, мы находимъ слѣдующую запись: „Давеча въ полдни, послѣ обѣда, принялся за *Московский Журналъ* и началъ читать первое Письмо Русскаго Путешественника, разставање его примѣняя къ себѣ. Чувствовалъ то же и плакалъ, особенно тронули меня слова: „Прошедшее есть сонъ и тѣнь. Гдѣ тѣ часы въ которые такъ хорошо бывало моему сердцу посреди васъ, милые?“ Больше не читалъ, зарыдалъ и упалъ на постелю. Долго билось мое сердце; всхлипывая, наконецъ пересталъ и уже размышлялъ о прошедшихъ дняхъ моей жизни.“ Положимъ, слезы у нашего героя въ эту эпоху были ни почемъ; отъ вліянія тогдашней литературы онъ приобрѣлъ способность безпрестанно плакать, по крайности такимъ себя выставляетъ, но самарское общество 90хъ годовъ, въ большинствѣ, хотъ кого могло привести въ отчаяніе. Карты, попойки всѣхъ родовъ, вечернія и утреннія, званья и незванья, сопровождавшіяся всякими безобразіями и нерѣдко драками, при отсутствіи иныхъ развлеченій, какъ театра и даже танцевальныхъ вечеровъ, составляли обычное времяпровожденіе тогдашнихъ Самарянъ. Нравы въ большинствѣ общества также не отличались особенною чистотой. Часто случалось что мѣстные цензоры карали за нарушеніе нравственности даже лицъ высокопоставленныхъ въ уѣздной іерархіи, вымазываніемъ дегтемъ воротъ, ставней и домовъ; кромѣ домашнихъ скандаловъ, разносимыхъ сплетнею по всему городу, случались скандалы крупныя, оглашавшіе цѣлый уѣздъ и даже всю губернію. Объ одномъ изъ такихъ скандаловъ повѣствуетъ Второвъ. Онъ касался нѣкоей Алашеевой, его родственницы,

помѣщицы бросившей мужа и бѣжавшей съ чужимъ лакеемъ, съ которыми болѣе трехъ лѣтъ она находилась въ связи. Губернаторъ послалъ за бѣглянкой логоню; имѣніе ея было отдано подъ опеку. Общественное мнѣніе тѣмъ болѣе было раздражено противъ нея что, бѣжавъ, она и ея сообщники сманили съ собою, неизвестно только чѣмъ, цѣлую семью дворовыхъ людей какой-то бѣдной капитанши. Вообще весьма неестественные отзывы мы находимъ въ дневникѣ Второва о самарскомъ обществѣ. „Всѣ мои компаніоны здѣсь, говоритъ онъ вскорѣ по пріѣздѣ, стараются только сократить время, и какъ-нибудь только бы пролетѣло оно тщетно: вездѣ только одно увеселеніе—пить и играть въ карты. Я привыкаю уже къ симъ улаженіямъ; за книгою становится мнѣ скучно; часто бываю въ ихъ бесѣдахъ и подражаю разнымъ тщетамъ.“ Но, несмотря на это подражаніе, доказываемое и содержаніемъ дневника, Второвъ вездѣ называетъ вещи настоящимъ ихъ именемъ, вездѣ гнушается сценами разврата и оскорбленіемъ человѣческой природы. Такъ, посѣтивъ, вскорѣ послѣ пріѣзда, одинъ порядочный домъ, Смолькова, * послѣ обѣда, онъ замѣчаетъ: „къ вечеру собралось общество развращенныхъ молодыхъ господъ. Я, съ ужасомъ смотря на нихъ, удивлялся и жалѣлъ — какими мечтамъ они преданы!“ Изъ знакомыхъ Второва рѣзко отличались двое, уже упомянутый лѣкарь Баумгартенъ, и нѣкто Николай Львовичъ Хардинъ, молодой человѣкъ, чѣмъ-то служившій въ уѣздномъ судѣ (кажется помѣщикъ, хотя и не богатый). Баумгартенъ какъ видно обжился въ Россіи; онъ любилъ выпить и въ хмѣлю былъ не спокоенъ. Книгъ русскихъ не читалъ, но говорить по-русски и писать кое-какъ умѣлъ. Увидѣвъ у Второва цѣлую бібліотеку русскихъ книгъ, привезенныхъ изъ Симбирска, онъ обратилъ вниманіе на молодаго человѣка какъ на рѣдкое явленіе въ окружающей его средѣ и охотно съ нимъ бесѣдовалъ о далекой своей родинѣ, о любимыхъ своихъ писателяхъ, изъ которыхъ Гёте и Геллертъ были Второву хорошо извѣстны, первый по *Вертеру*, которымъ онъ бредилъ въ эту пору. Баумгартенъ полюбилъ юнаго секретаря и при составленіи русскихъ писемъ къ разнымъ

* Самарскаго помѣщика, Смольковыхъ было два брата—Дмитрій и Алексѣй Михайловичи.

у широкопоставленнымъ лицамъ въ Петербургѣ, нерѣдко обращался къ нему за помощью. Николай Львовичъ Хардинъ сдѣлался зятемъ наперсникомъ Второва, его ученикомъ, тѣмъ же чѣмъ былъ послѣдній по отношенію къ Н. М. Веревкину. При самомъ началѣ знакомства, въ Хардинѣ понравилась Второву жившія порядочность и, при отсутствіи образованія, склонности обличавшія порядочность внутреннюю и острый умъ. Вотъ какъ о немъ выражается Второвъ: „Я замѣтилъ превосходную изящность его мыслей и остроты; удивлялся его дарованію, что безъ наукъ и безъ большого чтенія успѣлъ онъ образовать свое сердце и научиться тонко различать предметы моральные и физическіе.“ Хардинъ жилъ съ матерью, которая впрочемъ умерла въ слѣдующемъ 94 году. Второвъ горячо принялся за образованіе Хардина. Они были почти неразлучны: вмѣстѣ читали, нѣкоторое время вмѣстѣ жили; Хардинъ, по примѣру Второва, завелъ журналъ и началъ писать стихи; подъ вліяніемъ Второва онъ проникнулся обожаніемъ Н. М. Карамзина.

Второвъ приводитъ между прочимъ слѣдующій отрывокъ изъ дневника Хардина: „Поутру въ 9 часовъ мы съ пріятелемъ И. А. встали и разговаривали о религіи. Въ сіе время мы имѣли удовольствіе открывать внутренность нашу другъ другу.“ Въ образецъ же поэтическихъ дарованій своего друга, Второвъ приводитъ слѣдующіе его стихи:

ВЕСНА.

Уже зефиръ играетъ
Въ поляхъ между цвѣтовъ
И нѣжно лбызааетъ
Листочки у кустовъ.
Пернатые порхаютъ
И въ рощахъ, и въ долкахъ,
Въ эфирѣ вослѣвуютъ,
Играютъ на дубкахъ.
Весною утѣшался
Громче соловей;
Насвистывать старался
Въ благодаренье ей.
Тамъ горленка играетъ
Съ любовнымъ дружкомъ,
Съ сука на суку летаетъ
Любуясь деревцомъ.

А здѣсь, съ горы кремнистой,
Шумѣлъ и упадалъ
Источникъ серебристой
И быстро внизъ бѣжалъ:
Вѣсь между древами,
Въ долину растирался,
Прозрачными струями,
Какъ будто любовался.

Николай Львовичъ увлекся романомъ. Онъ влюбился въ одну дѣвицу III. (не названа по фамилии) и на одномъ вечерѣ, послѣ танцевъ, вздумалъ съ нею объясниться. Для этого на лоскутѣхъ бумаги написалъ слѣдующіе стихи своего сочиненія:

Позволь нелицеприимно
Сказать нелицеприимно,
Что я твоею красотою
Страдаю безпримѣрно.

Стихи эти онъ вложилъ въ вѣеръ красавицы, который взялъ у нея изъ рукъ; но, при посѣдѣхъ вѣера по принадлежности коварная бумажка изъ него выпала и тотчасъ же была подхвачена соглядатаями, которые, какъ оказалось, постоянно слѣдили за юною четою и едва ли не болѣе возмущались ихъ невинными отношеніями чѣмъ похожденіями вышеупомянутой Алашеевой съ лакеемъ или исторіями съ дегтемъ. Оскорбленные родные дѣвицы III. отказали Хардину отъ дома, несмотря на всѣ его оправданія и извиненія. Николай Львовичъ былъ въ отчаяніи и въ это время ему было конечно не до книгъ и литературныхъ занятій.

Послѣ смерти матери Хардина, отношенія его къ Второву начали измѣняться и окончились обоюдною холодностію; въ маѣ 1794 года Николай Львовичъ оставилъ Самару и переехалъ въ Уфу. Намъ еще придется съ нимъ встрѣтиться, но уже при другихъ обстоятельствахъ. Итакъ, симбирскихъ друзей, съ которыми не прерывались сношенія Второва, замѣнить ему въ Самарѣ было нечѣмъ.

Несмотря на лютоту и пошлость тогдашней самарской жизни, несмотря на свою бѣдность и низменность общественнаго положенія, на тѣ же неблагоприятныя семейныя отношенія какія были и въ Симбирскѣ, юный Второвъ, которому едва исполнился 21 годъ, не погибъ однако въ этой лютотѣ, не завязъ по уши въ этой тинѣ. Его спасала тогдашняя, еще бѣд-

ная, наша литература, чтеніе, писаніе, веденіе дневника, въ которомъ онъ ежедневно отдавалъ себѣ отчетъ о прожитомъ времени и гдѣ самообличалъ себя безпощаднымъ образомъ; его спасли тѣ идеалы человѣческаго достоинства которые были созданы ученіемъ масоновъ и ихъ пріемниковъ, писателей сентиментальной школы. Кромѣ литературныхъ, привычныхъ занятій, Второвъ началъ учиться въ эту пору игрѣ на флейтѣ; но какъ велики были его музыкальные успѣхи, объ этомъ онъ не сообщаетъ, заставляя поэтому предполагать что были они весьма скромны. Въ Самарѣ уже въ то время, въ 1793 году, была книжная лавка, по крайней мѣрѣ, у купца Пономарева, вѣроятно какого-нибудь бакалейнаго торговца, продавались книги. Эта продажа, конечно, ведетъ свое начало отъ учрежденія (1784 года) знаменитой Типографической Компаніи Новикова и друзей его, московскихъ мартинистовъ; въ предѣлахъ теперешнихъ Симбирской и Самарской губерній она была распространена тогда многочисленными его приверженцами; въ числѣ этихъ послѣднихъ находились и братья Тургеневы (Иванъ и Петръ Петровичи), * помѣщики Самарскаго уѣзда, у которыхъ бывалъ и нашъ Второвъ. Но 93—94 годы, въ которые проживалъ этотъ послѣдній въ Самарѣ, были уже неблагоприятны для литературной и книгопродавческой дѣятельности Новиковаго кружка. Преслѣдованіе масоновъ не было тайною въ Самарѣ; 25го января 1794 года тамъ полученъ указъ сенатскій объ отобраніи трагедіи Княжнина *Вадимъ Новгородскій*. Вотъ что записано въ дневникѣ Второва по этому поводу: „Сегодня читалъ я указъ сенатскій, по секрету, о книгѣ подъ заглавіемъ: трагедіа *Вадимъ Новгородскій*, сочиненіе Княжнина, которымъ велѣно у всѣхъ осмотрѣть оной книги, и ежели кто не объявитъ нынѣ, а послѣ окажется у того, то съ тѣмъ поступлено будетъ по законамъ строго. Прописано что въ оной книгѣ помѣщены какія-то дерзкія слова, могущія возмутить спокойствіе гражданское, относительно до правительствъ и царей. Чудно!“ ** Послѣ катастрофы съ мартинистами, Ра-

* Съ И. П. Тургеневымъ, другомъ Новикова и Лопухина, Второвъ познакомился въ 1794 году, въ деревнѣ Липовкѣ, у помѣщика Григорова (Никол. Вас.).

** Вотъ настоящее названіе этой брошюры, составлявшей отдѣльный оттискъ изъ XXXIX тома *Россійскаго театра* 1793 года: „*Вадимъ Новгородскій*, трагедія въ стихахъ и пяти дѣйствіяхъ, сочинена

лицевымъ и трагедіей Княжнина, полученіе книгъ въ Самарѣ, черезъ Пономарева, сдѣлалось очень затруднительнымъ: хотя Пономаревъ попрежнему выписывалъ книги, но онѣ не прежде вручались заказчикамъ, какъ по рассмотрѣніи ихъ мѣстною цензурой, свѣтскою и духовною. Въ дневникъ Второва читаемъ любопытныя подробности объ этомъ просмотрѣ. Бывши однажды (13го января 1794 года) у судьи Чеканова и просматривая присланныя Пономареву книги, вотъ что онъ замѣчаетъ:

„Я пожималъ плечами, услышавъ что здѣшняя инквизиція запретила продавать оныя. Скоро узналъ я что причиною сему было прелюдійное корыстолюбіе. Увидясь сначала съ благочиннымъ попомъ, извѣстнымъ уже мнѣ ханжею и зараженнымъ высокимъ о себѣ мнѣніемъ, невѣжею, отцомъ Н., говорилъ ему дружески что напрасно они не позволяютъ продавать, и что должны бы болѣе пріохочивать людей къ распространенію просвѣщенія, ежели не окажется запрещенныхъ книгъ. Но онъ, съ показывающею глубину его знаній умишкою, отошелъ отъ меня, сказавъ только:—мы-ста имѣемъ предписаніе! И тутъ доказалъ глубину своего невѣжества и подлости въ виду моемъ: отозвавъ мужика (вѣроятно, присланнаго Пономаревымъ), шепталъ ему что-то на ухо, а потомъ вслухъ сказалъ:—явись къ намъ непременно. Думать надобно что тайныя слова его были не что иное, какъ подлая просьба мзды, или злословіе на меня, за мое стараніе. Вскорѣ потомъ встрѣчается мнѣ глава духовенства здѣшняго, протопопъ А., и предлагаетъ мнѣ самъ о данномъ уже ему знать что я защищаю книгопродавца. Я отвѣтствую ему то же что и первому ханжѣ. Но сей, извѣстнѣе мнѣ по учености и добродушію противъ первого, говоритъ мнѣ съ учтивостію и съ солдатскимъ прибавленіемъ титула:

Як. Княжниннымъ. Слб.“ типогр. Им. Акад. Наукъ. 1793. 8°. Въ спискѣ рѣдкихъ книгъ Геннади (Слб. 1872) объ этой брошюрѣ говорится подъ № 84, на стр. 66—69, гдѣ доказывается что запрещеніе ея основано не по опредѣленію Сената, о чемъ здѣсь положительно заявляетъ Второвъ, а по распоряженію генераль-прокурора Самойлова, который входилъ въ Сенатъ съ представленіемъ о необходимости запретить трагедію Княжнина. Экземпляры *Вадима* въ Петербургѣ были уничтожены оберъ-полицеймейстеромъ Рылѣвымъ, а въ Москвѣ—главнокомандующимъ княземъ Прозоровскимъ, вслѣдствіе письма генераль-прокурора, отъ 11го ноября 1793 года.

„Ваше благородіе! мы не запродаемъ ему (Пономареву) продавать, а только требуемъ свидѣтельства, нѣтъ ли противныхъ законамъ книгъ.“

„Это можно разсмотрѣть у него, а не такъ чтобъ онъ явился къ вамъ со всѣмъ своимъ товаромъ.“

„Онъ открылъ мнѣ, посредствомъ шутокъ, что личному есть не иное что, какъ мздоимство. Послѣ увидѣвшаго съ книгопродавцемъ, не велѣлъ я ему ничего имъ давать, а въ противномъ случаѣ чтобъ онъ просилъ роздѣлчанаго, которому уже дозволено было продавать ему книги. Наконецъ я узналъ что мои записки были для него (Пономарева) не безъ пользы.“

Но эти неудобства къ пріобрѣтенію книгъ въ Самарѣ для Второвъ не могли быть особенно чувствительны, при его безпрерывныхъ сношеніяхъ съ симбирскими друзьями и тѣсно, съ казанскими знакомыми. Въ этихъ сношеніяхъ главную роль играли, конечно, перелески, сентиментальности, дружескаго свойства. Друзья обмѣнивались не одними мыслями, но и выдержками изъ своихъ дневниковъ, сужденіями, стихами. Все это они заботливо пересчитывали, анализовали, писали по поводу этихъ пріятельскихъ упрямейшій длинныя рецензій; такъ, по край ей мѣрѣ, дѣлалъ П. А. Второвъ со стихотвореніями симбирскаго поэта Степана Яковлева. Но послѣ писаній всякаго рода, пересылка книгъ занимала самое видное мѣсто въ этой дружеской корреспонденціи. Нельзя не удивиться что издавъ тому 80 лѣтъ, въ глухой, повидимому, мѣстности, было такое сильное умственное движеніе въ молодежи; но дѣло въ томъ что мѣстность о которой идетъ рѣчь, Поволжье, вовсе не была глухою въ ту пору, особенно въ литературномъ смыслѣ: вспомнимъ Державина-Казанца, Дмитриева и Карамзина-Симбиряковъ, П. А. Татищева, Тургеневыхъ и другихъ мартинистовъ-поволжцевъ.

Исторія русскаго провинціального масонства вообще очень мало извѣстна; несомнѣнно одно, что оно въ губерніяхъ лежащихъ по Волгѣ было болѣе распространено, чѣмъ гдѣ-либо. Такъ, въ Казани, еще въ 1776 году существовала ложа „Восходящаго солнца“ (системы Елагина); въ 1784 году была основана И. П. Тургеневымъ ложа въ Симбирскѣ (системы „Розоваго Креста“, сдѣлавшейся у насъ господствующею).

* Она же „Золотаго Вѣнца“ (XVIII вѣкъ Бартенова, II, 369).

Татищевъ (Петръ Алексѣевичъ), префектъ Московской логи „Коронованнаго Знамени“, другъ Шварца и дѣятельнѣйшій членъ „Дружескаго Общества“ и Типографической Компаніи, былъ богатымъ казанскимъ помѣщикомъ и, живя въ Москвѣ, не прерывалъ сношеній съ Казанью. Въ этомъ городѣ, подготовленномъ, благодаря существованію гимназій (съ 1768) и дѣятельности такихъ директоровъ какъ Веревкинъ и фонъ-Капицъ, болѣе другихъ ко всякому умственному движенію, если масонство послѣдней формациі не имѣло особой, правильно организованной логи, то имѣло многихъ и притомъ очегъ даровитыхъ послѣдователей, находившихся въ тѣсной связи съ Москвою *. Назовемъ такихъ лицъ какъ Москотильниковъ (Савва Андр.), другъ Новикова и Лабзина, переводчикъ Тассова *Освобожденнаго Иерусалима*, Каменевъ (Гавріилъ Петров.), авторъ *Громова*, и Полянскій (Василій Ипатьевичъ). Объ этихъ личностяхъ скажемъ еще нѣсколько словъ ниже **. Умственное движеніе возбужденное русскимъ масонствомъ находится въ связи съ литературно-общественною дѣятельностію Карамзина, для которой оно было подготовкой. Масонскія логи были закрыты и подвергнуты преслѣдованію; но ихъ просвѣтительныя и либеральныя стремленія остались, лишь облекшись въ сентиментальную оболочку и утративъ свою мистико-теософическую окраску.

О громадномъ вліяніи Карамзина на современную ему молодежь 80—90хъ годовъ прошлаго вѣка едва ли не болѣе всего свидѣлствуютъ записки Второва. Мы уже видѣли какимъ горячимъ карамзинистомъ былъ герой нашъ и въ какое неловкое положеніе онъ себя ставилъ, желая расширить кругъ читателей обожаемаго имъ автора. Къ сказанному, для полноты подробностей о великомъ писателѣ,

* М. Н. Лонгиновъ, *Новиковъ и Московскіе Мартинисты*, ст. 95 и 167—180. А. Артемьевъ, *Казанскія Гимназіи*, 171—172.

** Богатая мистическая бібліотека Москотильникова, въ полномъ своемъ составѣ, приобрѣтена профессоромъ Шпилевскимъ, назадъ тому два года. Но бумаги Каменева постигла иная судьба. Въ Казани еще живетъ родная внучка Каменева, богатая купчиха Круленникова, старуха. Въ августѣ 1874 года, когда въ Казани происходились разные обыски, она со страху сожгла цѣлый ящикъ масонскихъ писемъ дѣда и бумагъ его и о ихъ существованіи оповѣстила только тогда когда все уже было кончено.

считаемъ не лишнимъ прибавить нѣсколько фактовъ. Въ октябрѣ 93го года Второвъ отправился въ деревню Алексѣевку, недалеко отъ Самары, къ своимъ знакомымъ Молоствовымъ *. Семейство это, какъ кажется, интересовалось литературой; по крайней мѣрѣ, въ домѣ была библіотека. Въ числѣ гостей съѣхавшихся къ Молостковымъ находились и симбирскіе знакомые Второва, мужъ и жена Курофдовы, встрѣтившіе его весьма ласково. Самъ Курофдовъ также горячо, какъ и прежде, принималъ участіе въ служебномъ и семейномъ положеніи Ивана Алексѣевича и общалъ достать ему мѣсто въ канцеляріи Суворова; но Надежда Ивановна огорчила его до глубины души. Разъ за обѣдомъ, герой нашъ не вытерпѣлъ и началъ расхваливать *Московский Журналъ* своему сосѣду; этотъ послѣдній обратился къ Курофдовой и сталъ спрашивать ея мнѣнія. Не долго думая, Надежда Ивановна ** начала ругать Карамзина, называя его *дуракомъ* и

---

* Молостровыхъ было два брата, Порфирій и Христофоръ Львовичи, люди очень богатые. Они находились въ большой дружбѣ съ казанскимъ губернаторомъ Мансуровымъ. Старшій Молостровъ имѣлъ свой домъ въ Казани, въ которомъ проживалъ Вигель, состоявшій при посольствѣ гр. Головкина. (См. „Воспоминанія“ ч. II, стр. 129—130.) Мать этихъ Молостровыхъ имѣла какіе-то денежныя претензіи на Державина, которыя поэтъ, обѣщаясь уплатить, признавалъ однако неблаговидными, что и высказываетъ въ письмѣ къ старшему Молострову отъ 29го августа 1788. (См. сочин. Державина, изд. Я. К. Грота, V, 54.)

** Эту личность, какъ уже сказано, С. Т. Аксаковъ изобразилъ въ своей *Семейной Хроникѣ* и *Воспоминаніяхъ*. Въ *Хроникѣ* она вводится подъ именемъ Прасковьи Ивановны, жены Михаила Максимовича Куролѣсова, а въ *Воспоминаніяхъ* подъ своимъ настоящимъ именемъ. Нѣкоторыя черты ея характера, въ положеніи богатой, независимой вдовы, ярко рисуются въ *Воспоминаніяхъ*. По смерти ея (въ 1806 году), все состояніе ея перешло къ Аксаковымъ по духовному завѣщанію. Идеализованная въ *Хроникѣ*, въ *Воспоминаніяхъ* Аксакова она является такою же какъ здѣсь у Второва, грубою, но честною и прямою. Но знаменитый Аксаковскій Куролѣсовъ, или дѣйствительный Курофдовъ, на самомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ въ отношеніяхъ своихъ къ Второву, былъ не такимъ человѣкомъ: онъ, какъ видѣлъ читатель, принималъ самое горячее участіе въ молодомъ человѣкѣ и, кажется, помогалъ его семейству. Второвъ называлъ Михаила Матвѣевича своимъ „отмѣннымъ менторомъ“. По переѣздѣ въ Самару, они видѣлись рѣже.

утверждая что онъ пишетъ „только пустошь“, въ родѣ того, какъ онъ вѣхалъ дорогою и забрызгался грязью, и что она изъ презрѣнія, бросила книгу и не дочитала ее до конца. „Боже мой! тоскливо восклицаетъ нашъ герой, какъ мучительно слушать такія глупыя сужденія отъ невѣждъ о вещахъ коимъ не знаютъ цѣны!“ Въ другой разъ, у себя въ Самарѣ, когда одинъ изъ гостей Второва, слушая *Бѣдную Лизу*, плѣнился красотою слога и хвалилъ сочинителя; „я л доволенъ былъ сею похвалою, замѣчаетъ хозяинъ, для того что я больше всѣхъ почитаю любезнаго сочинителя г. Карамзина.“ Получивъ въ концѣ 1793 года отъ своихъ симбирскихъ пріятелей извѣстіе о Карамзинѣ такого рода, „что онъ несчастливъ и только что живъ, а больше ничего,“ * Иванъ Алексѣевичъ, по этому поводу, пишетъ: „мое сердце облилось кровію, какъ о родномъ моемъ братѣ, какъ о любезномъ моемъ другѣ; такъ я его почитаю!“

Но не одного Карамзина читалъ Второвъ и не имъ однимъ восхищался; въ это время своей самарской жизни онъ былъ подъ преобладающимъ вліяніемъ *Вертера* Гёте, котораго, кажется, никогда не выпускалъ изъ рукъ и къ которому особенно часто прибѣгалъ въ минуты душевнаго разстройства, какихъ у него бывало не мало; читалъ онъ много и другихъ книгъ, конечно, только на русскомъ языкѣ, а нѣкоторыя, какъ исторія Шрекка и Роллена, онъ изучалъ самымъ старательнымъ образомъ. Какъ кажется, секретарская должность не улучшила экономическаго положенія молодаго чело-вѣка: Второвы занимали въ Самарѣ маленькую квартиру и жили попрежнему очень бѣдно; попрежнему, т.е. почти также какъ и въ Симбирскѣ, чтеніе казалось матери и старшей сестрѣ Второва занятіемъ не только бесполезнымъ, но и убыточнымъ: на него выходило столько свѣчъ! Попрежнему, какъ и въ Симбирскѣ, избѣгая домашнихъ бурь, Второвъ нерѣдко уходилъ изъ дому ночью, за часъ и за два до разсвѣта, въ уѣздный судъ, подъ предлогомъ занятія дѣлами, а на самомъ дѣлѣ чтобы наслаждаться въ тишинѣ чтеніемъ любимой книжки. Поистинѣ, было много трогательнаго и поэтическаго въ этихъ утреннихъ бдѣніяхъ,

* „93й годъ былъ еще тяжеле для Карамзина, чѣмъ 92“, говоритъ его біографъ, М. П. Погодинъ: „въ 93 году онъ лишился своего перваго друга, Петрова.“ Но о болѣзни Карамзина у Погодина мы ничего не находимъ.

въ этихъ юношескихъ восторгахъ, забывавшихъ все на свѣтѣ,—и печальную прозаическую жизнь, и жалкую обстановку канцеляріи уѣзднаго суда! „Какая тишина! Какое спокойствіе! Какая свѣжесть въ мысляхъ моихъ!“ восклицаетъ восторженный юноша въ одну изъ такихъ минутъ. Но такіа минуты полнаго спокойствія и довольства были рѣдки. Умственные занятія Второва, его самоусовершенствованіе и самообразование встрѣчали въ это время въ Самарѣ препятствія почти неодолимые и во всякомъ случаѣ мѣшавшія правильному ходу дѣла. Препятствія эти лежали въ немъ самомъ, въ его незрѣлости и въ неокрѣпости его характера, въ пустотѣ и пошлости окружающей жизни, въ отношеніяхъ къ семейству и въ служебныхъ занятіяхъ. Какъ прежде, въ Симбирскѣ, такъ и теперь, въ Самарѣ, даже едва ли не болѣе, приказная служба не шла на умъ молодому человѣку; служебныя дѣла его плохо клеились. Такое положеніе, въ связи съ занятіями неслужебными, чтеніемъ и писаніемъ, въ особенности по ночамъ, съ образомъ жизни не всегда безукоризненно-правильнымъ, съ характеромъ увлекающимся и поддающимся первымъ впечатлѣніямъ, не могло правиться матери Второва, женщины необразованной, но весьма практической и съ твердымъ характеромъ. Отношенія между матерью и сыномъ нисколько не улучшились: она попрежнему за все и про все его журила, — и за сожигаемыя понапрасну свѣчи, и за игру на флейтѣ, и за нерадѣніе по службѣ; сынъ попрежнему бранилъ ее, осыпалъ ее самыми вѣдкими укоризнами въ своихъ запискахъ, обрашки которыхъ мы видѣли выше. Но когда проходили эти бури, когда мать выражала свое неудовольствіе на сына молчаливыми слезами, послѣдній искренно и горячо раскаивался въ своихъ ошибкахъ и умысленныхъ или неумысленныхъ оскорбленіяхъ ей причиненныхъ. Кроткая, спокойная укоризна матери совершенно его обезоруживала: предъ нею исчезалъ „весь куражъ“ его, хотя этого „куража“, какъ увидимъ, было у него немного. Въ одну изъ такихъ блаженныхъ минутъ, послѣ перваго урока на флейтѣ, подавшаго поводъ къ упрекамъ матери въ неостоянствѣ занятій и въ отлыниваніи отъ службы, герой нашъ въ первый разъ высказываетъ свои задушевные дѣла. „Я человѣкъ, говорилъ онъ, и одаренъ свободою не менѣе другихъ: та же душа и сердце, слѣдовательно, и склонности должны у меня равняться съ подобными мнѣ

людьми“.... „Если судья, продолжаетъ онъ, порицающій меня за нерадѣніе къ службѣ, имѣетъ похвальную склонность заниматься ею и размышлять только о дѣлахъ канцелярскихъ; если инымъ нравится быть экономами, математиками, ухаживать за женщинами, играть въ карты и пр.; то и я, занимаясь разными упражненіями, имѣю господствующую склонность къ изящнымъ знаніямъ. Итакъ, должно ли переламывать себя, когда уже зажженная къ сему искра возгорѣлась болѣе другихъ? Пусть буду я презренъ по службѣ юридической; но я найду себѣ подобныхъ въ моей склонности, — найду, и буду посреди ихъ спокоенъ. Духъ мой и сердце будутъ восхищаться изящными чувствованіями, а особливо *если удастся достигнуть мнѣ моей цѣли, — хотя посредственнымъ быть позтомъ*. Тогда уже ничто не можетъ сравниться съ моимъ блаженствомъ: я буду въ тишинѣ утѣшать себя сею усадытельницею жизни (то-есть поэзіей).“ Здѣсь кстати привести образчикъ тогдашнихъ поэтическихъ упражненій Второва.

Когда въ темницѣ засыпаетъ
Невольникъ, страдающій въ цѣпяхъ,
Свое злосчастье забываетъ,
Всѣ скорби, горести и страхъ;
Когда смежить ему зѣнцы
Мгновенный утѣшитель-сонъ,
То и средь мрачныхъ темницы
Отраду ощущаетъ онъ.

Крылаты мысли лишь затматся
Забвенья облакомъ густымъ,
Лишь скорби въ чувствахъ укротятся,
Терпимыя въ неволѣ имъ;
Тогда мечты ему представляютъ
Счастливые прошедши дни,
Свободу прежнюю доставятъ
И восхитятъ его они.

и т. д.

Хотя, по служебнымъ отношеніямъ, Второвъ гораздо ближе стоялъ къ Андрею Филатьевичу Чеканову, самарскому судѣ, чѣмъ къ прежнему своему начальнику Лалтеву, симбирскому прокурору, въ нѣкоторомъ родѣ аристократу, однакоже эта близость отношеній не принесла ни малѣйшей пользы нашему юношѣ-литератору; въ концѣ концовъ въ

Лаптевъ онъ нашелъ себѣ покровителя, въ Чекановѣ—врага. Сначала и долго потомъ они были неразлучны. Чекановъ запросто приходилъ къ Второву; Второвъ ежедневно бывалъ у Чеканова и вмѣстѣ съ нимъ путешествовалъ по самарскимъ вечеринкамъ, обѣдамъ и званымъ и не званымъ пиrotгамъ. Судья биралъ изъ библіотеки своего секретаря книги и атласы, но, кажется, больше „баловался ими“, чѣмъ читалъ. Но скоро отношенія измѣнились. Второвъ навлекъ на себя преслѣдованіе судьи за его нерадивое отношеніе къ службѣ. Герой нашъ во многомъ былъ неправъ; онъ самъ, и не разъ, сознается въ своей лѣности и въ своемъ служебномъ нерадѣніи. Повидимому, впрочемъ, не одно служебное нерадѣніе было причиною преслѣдованія Чеканова, а что-то еще личное, хотя намъ и неизвѣстное. Неудовольствія судьи начались съ половины ноября 1793 года, за то что Второвъ забылъ дать приказнымъ свѣчей для вечернихъ занятій и не заперъ ящика въ которомъ находились печать и другія, какія-то, секретныя вещи; за эту оплошность онъ получилъ выговоръ. Въ слѣдующемъ году эти выговоры стали учащаться, по мѣрѣ того какъ возрастала апатія Второва къ канцелярской работѣ, выражавшаяся, между прочимъ, тѣмъ что онъ не всегда бывалъ на вечернихъ занятіяхъ; за эти отлучки Второвъ долженъ былъ выслушать (въ февралѣ) отъ судьи жестокое распеканье, въ которомъ ничего не было забыто, ни укоризны въ „неуваженіи къ начальству“, ни угрозы аттестовать „неспособнымъ и безлечнымъ“ въ формулярѣ, или представить таковымъ высшему начальству, ни справедливость, во имя которой, по словамъ разгнѣваннаго начальника, онъ не спустилъ бы и отцу родному. Распеканье въ этомъ родѣ, по словамъ нашего героя, продолжалось съ добрую вечерню. Второвъ не могъ ни слова сказать въ свое оправданіе и „слушалъ едва удерживая слезы“. „Для столь мягкосердечнаго, для такого малодушнаго и робкаго, каковъ я (говорилъ онъ далѣе), сколько чувствительно должно быть такое наказаніе!“ Перенести его спокойно не хватило „куражу“, и вотъ нашъ герой въ тотъ же день послѣ обѣда, вмѣсто того чтобы пойти въ судъ, завалился на постель съ *Вертеромъ* въ рукахъ и началъ читать этотъ романъ, выбирая изъ него самыя патетическія страницы и вымучивая для собственнаго вящаго страданія изъ глазъ своихъ послушныя слезы. „Рыдалъ, повѣствуетъ онъ, не-

утѣшно и нѣсколько капель скатившихся по лицу моему, оросили подушку поддерживающую печальную мою голову". Однако слезы и *Вертеръ* плохо помогали. Чекановъ сдѣлался неумолимъ и сталъ придираться къ пустякамъ, не обращая вниманія на то что Второвъ, послѣ каждой распекашціи, которыя участвовали, становился внимательнѣе къ своей секретарской должности. Дѣло дошло наконецъ до того что онъ представлялъ нашего героя къ увольненію за нерадѣніе и лѣность, и хотя потомъ велѣлъ уничтожить это представленіе, но молва о немъ разнеслась по всему городу, а въ мірѣ чиновномъ неспособность къ чиновничеству, засвидѣтельствованная компетентнымъ начальникомъ, признавалась если не преступленіемъ, то свидѣтельствомъ совершенной негодности человѣка. Второву многіе перестали кланяться, нѣкоторые просто отворачивались; положеніе его было невыносимо; онъ началъ думать о выходѣ въ отставку и задумалъ промѣнять Самару на Казань, Москву или Петербургъ; одно лишь останавливало его поискать счастья въ другомъ мѣстѣ: „ужасная, какъ онъ говоритъ, бѣдность моя и несостояніе чѣмъ содержать мое семейство“. О семействѣ въ эту критическую пору его жизни мы ничего не узнаемъ изъ дневника; неоспоримо что оно по крайней мѣрѣ не присоединилось къ толпѣ недоброжелателей нашего героя. Между тѣмъ Чекановъ продолжалъ свои нападки, съ каждымъ разомъ выражая ихъ все въ болѣе грубой формѣ ругни и брани. Второвъ, чтобъ умиловить свою злосчастную судьбу въ образѣ судьи-мучителя, налагаетъ на себя странную эпитимію: не ѣсть ничего кромѣ хлѣба и воды въ продолженіи трехъ дней, и въ первый обѣдъ (18го мая 1794 года) добросовѣстно ее исполняетъ, отказавшись отъ прекрасной ухи приготовленной изъ свѣжей волжской рыбы, но въ вечеру того же дня онъ для успокоенія себя прибѣгнулъ къ совершенно противоположному средству, къ крѣпкимъ напиткамъ, которые дѣйствительно помогли ему на нѣкоторое время забыться. Но „злбный мучитель“ его (такъ сталъ онъ называть Чеканова) готовилъ ему впереди и изъ-подтишка бѣды еще горшія, — изъ-подтишка говоримъ потому что онъ продолжалъ быть любезнымъ съ Второвымъ, ласково съ нимъ разговаривалъ при другихъ и даже принималъ его у себя. 12го іюня, въ присутствіи всѣхъ членовъ и канцеляристовъ уѣзднаго суда, при открытыхъ дверяхъ въ помѣщеніи зави-

маемомъ тутъ же судомъ земскимъ, Андрей Филатьевичъ разбранилъ въ духѣ Второва. Герой нашъ молчалъ „и неутѣшно рыдалъ“, испытывая такой незаслуженный и безплощадный позоръ. Вечеромъ съ *Вертеромъ* въ рукахъ онъ пошелъ бродить по городскому кладбищу. Но страданія Вертера, вызывавшія у него потоки слезъ, и печальный пріютъ самарскихъ праотцевъ не облегчили гнетущаго его, горя, публично испытаннаго позора. Къ счастью, подоспѣвшій къ этому времени двадцативосьмидневный отлукъ, о которомъ еще прежде просилъ онъ, далъ ему возможность покинуть Самару; что послѣдовало 27го іюня 1794 года.

Изъ отдѣльных, сколько-нибудь замѣчательныхъ фактовъ относящихся ко времени пребыванія въ Самарѣ Второва, почти не на что указать. Самарская жизнь его разнообразилась только поѣздками, которыя, при отношеніяхъ съ Чекановымъ, не могли быть часты. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ (въ началѣ октября 1793 года), въ село Алексѣевское къ Молоствовымъ, остановившись въ ожиданіи смѣны лошадей, Второвъ читалъ какую-то тетрадь о путешествіи Петра Великаго, по его словамъ написанную неправильно и дурнымъ слогомъ, но очень любопытную. На рождественскія сватки онъ ѣздилъ въ Симбирскъ, гдѣ пробылъ до 9го января 1794 года, въ обществѣ своихъ друзей. Долгая его отлучка подала поводъ уѣздной молвѣ распространить слухъ что Второвъ остается въ Симбирскѣ секретаремъ у губернатора; „какіе скверные здѣсь жители!“ замѣчаетъ по поводу этой молвы недовольный ею нашъ авторъ. Въ мартѣ 94го года одна изъ тетокъ Второва по матери, Лизавета Леонтьевна Пяткина, бѣдлившая дворянка, проживавшая по домамъ помѣщиковъ, привезла и отдала ему на руки своего сына для опредѣленія его на службу; авторъ дневника замѣчаетъ что чрезъ это для него прибавились новыя заботы; этотъ сынъ, какъ увидимъ, игралъ важную роль въ жизни героя нашей хроники. Въ томъ же мѣсяцѣ монотонная самарская жизнь Второва оживилась пріѣздомъ съ Кавказа его двоюроднаго брата, также Второва (Петръ Борисовъ), служившаго въ Воронежскомъ мушкетерскомъ полку и отправлявшагося для свиданія съ матерью въ Оренбургъ*.

* Кажется, въ этомъ городѣ находились и другіе члены старшей линіи Второвыхъ.

Два-три раза лѣтомъ 1794 года Иванъ Алексѣвичъ ѣздилъ въ ближайшія къ городу деревни, къ окрестнымъ помѣщикамъ, которые замѣтно ласкали молодого человѣка, рѣзко отличавшагося отъ всей приказной братіи. Съ этой поры начинаются его сближенія съ братьями Тургеневыми, Углицкими (Василій и Андрей Андреев.), Молоствовыми, Микулиными (Павелъ и Порфирій Петровичи), Смольковыми и др. Въ дневникѣ записаны два случая свидѣтельствующіе о тоглашней общественной безопасности: первый, нападеніе Калмыковъ на конскіе табуны въ Самарѣ и отогнаніе этихъ посядниковъ; второй, открытый денной грабежъ на Волгѣ, съ оружіемъ въ рукахъ. Разбойники напали на купца плывшаго на своемъ суднѣ въ Астрахань, ограбили его до нитки, избили и изранили картечными пулями до полусмерти; въ суднѣ пообрубили всѣ снасти и пустили его по теченію рѣки. Къ счастью, одинъ добрый человѣкъ, судопромышленникъ, встрѣтивъ судно, остановилъ его и, найдя на немъ лежащаго безъ сознанія хозяина, привезъ его въ Самару, заявилъ о происшествіи, а умирающаго купца отдалъ на попеченіе лѣкаря Баумгартена.

Одновременно съ отпускомъ, Второвъ просилъ и объ отставкѣ; которал и прислана ему была въ началѣ октября 1794 года, по возвращеніи изъ Симбирска. Изъ Симбирска Второвъ ѣздилъ въ Казань; тамошніе пріятели звали его, по выходѣ въ отставку, переселиться совсѣмъ въ этотъ городъ, обѣщая ему свое содѣйствіе при опредѣленіи на службу. Къ сожалѣнію Второвъ не сообщаетъ подробностей о своемъ путешествіи въ эти два города, между тѣмъ какъ оно (по крайней мѣрѣ поѣздка въ Казань) не лишено было значенія и не осталось безъ вліянія. Въ Казани онъ сошелся съ главою тамошнихъ масоновъ, С. А. Москотильниковымъ. При первой встрѣчѣ, нѣсколько суровый на видъ Москотильниковъ не понравился Второву; но разстались они по пріятельски. Москотильниковъ, какъ видно, былъ очень близокъ съ вышеупомянутымъ Бобровскимъ и Орловымъ (Кондратъ Сергѣев.), префектомъ Казанской семинаріи. Въ домахъ Бобровскаго, Орлова и Москотильникова бывали (можетъ-быть по случаю самарскаго гостя) частыя собранія, днемъ (обѣды) и вечерами. Второву болѣе всего понравились вечеринки у Москотильникова, гдѣ слухъ его улаждался игрою на скрипкѣ и флейтѣ и гдѣ хозяинъ находилъ возможность

говорить съ нимъ „объ упражненіяхъ въ познаніи самого себя“. Бывалъ ли на этихъ вечеринкахъ другъ Саввы Андреевича, Каменевъ, изъ дневника Второва не видно. „Савва Андреевичъ и Василій Родіоновичъ (Бобровскій) принудили меня“, говоритъ авторъ дневника, „предъ отъѣздомъ дать имъ слово чтобы непременно, по возвращеніи въ Самару, проситься въ отставку и пріѣзжать къ нимъ въ Казань, гдѣ общали къ опредѣленію меня сдѣлать всякое пособіе.“ Совѣтъ этотъ пришелся какъ нельзя болѣе къ месту. Еще болѣе скрупулы на извѣстія дѣлается Второвъ по возвращеніи въ Самару, выйдя въ отставку: по нѣскольку дней и недѣль онъ ровно ничего не записываетъ, а что и записываетъ, то уже черезчуръ лаконически. Последняя запись въ журналѣ за 1794 годъ была сдѣлана имъ 15го декабря. Въ этотъ день онъ не выходилъ изъ дому и съ пяти часовъ утра до шести часовъ вечера, почти не вставая съ мѣста, все занимался чтеніемъ; на душѣ у него было свѣтло и покойно. „Создатель мой“, читаемъ въ записи, „еслибы всегда такая благодать небесная посѣщала меня! Еслибы всѣ праздные часы, коихъ бываетъ несравненно больше, употреблены были съ пользою на подобныя сему упражненія, я былъ бы счастливъ, былъ бы спокоенъ, несмотря на состояніе моей жизни!... Читая Невтонову оптику, воображалъ я Эйлера, его физическія письма, его жилище (пребываніе) въ Россіи, вдругъ мысленно перелетѣлъ и самъ въ Москву, познакомился съ нѣкоторыми учеными, которыхъ мнѣ фантазія изображаетъ однѣ тѣни. Между тѣмъ посѣщаю типографію; сочиненія Саввы Андреевича * у меня въ рукахъ; я сочиняю самъ къ нимъ предисловіе, сочиняю письмо къ Николаю Львовичу (переписка съ которымъ въ послѣднее время возобновилась) и посвящаю ему сіе собраніе. Издаю въ печать. Главная цѣль сего изданія не интересъ и не ласкательство, но единая жертва благодарности и усердія моему чувствительному другу, чтобы симъ возбудить въ немъ склонность, мнѣ извѣстную, къ наукамъ, или, по крайней мѣрѣ,

---

* Москвитинъ перевелъ *Освобожденный Иерусалимъ* съ французскаго. Этотъ переводъ былъ изданъ въ Москвѣ два раза, въ 1819 и 1820—21 годахъ. Съ италіанскаго эта поэма переведена А. С. Шашковымъ и напечатана въ Петербургѣ почти одновременно (1818—1819).

къ упражненію въ чтеніи и писаніи. Потомъ разсылаю сіи книжки ко всѣмъ моимъ друзьямъ и пріятелямъ "... Таковы были наивныя мечтанія двадцатидвухлѣтняго юноши обнаруживавшаго несомнѣнную склонность къ литературнымъ занятіямъ. Тогдашняя русская литература, при всей своей незрѣлости, сдѣлала свое дѣло: она порвала всякую моральную связь между молодымъ человекомъ и окружающею его дѣйствительностію, — канцелярскимъ, приказнымъ міромъ; она загнала этого юношу въ самого себя, въ міръ мечтательности, отвлеченій, и заставила его стремиться *куда-то*, но куда именно, онъ самъ еще не могъ отдать себѣ отчета. Иванъ Алексѣевичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ самоучекъ, которые, къ счастью, никогда не переводились на Руси со временъ Ломоносова. Ихъ нравственный обликъ тѣмъ любопытнѣе, чѣмъ большимъ пространствомъ времени они отъ насъ отдѣляются. Но будущій литераторъ, какимъ мы готовы признать Второва, съ той поры какъ онъ оставилъ секретарскую должность въ Самарскомъ уѣздномъ судѣ, вмѣсто того чтобы развернуться, расписаться, сдѣлаться говорливѣе, хотя бы въ томъ же сентиментальномъ направленіи, вдругъ почти умолкаетъ на цѣлыхъ шесть лѣтъ! Чтò же это значить? Самарскія свои записки авторъ оканчиваетъ слѣдующею шуткой: „Самарская муза пресѣкла гласъ свой на семь мѣствъ и будетъ отдыхать до времени когда опять настроить *кобузъ* свой, у котораго крючекъ уже началъ брянчать. Не дивитесь! Здѣшніе жители, будучи въ сосѣдствѣ съ Азіатцами, весьма часто утѣшаютъ себя ихъ музыкою.“ По самому дѣлу автору дневника было не до шутокъ.

Съ 16го декабря 1794 по 10е апрѣля 1795 года въ журналѣ Второва не написано ни одной строчки. Но подъ это послѣднее число вотъ чтò читаемъ:

„Съ 15го числа декабря по 10е сіе апрѣля происходили со мною ужасныя перемѣны; но я, въ разсѣянности моей отъ оныхъ, ничего не записалъ въ моемъ журналѣ. Все оставлено, все забыто! Сіи записки (1792—1794) прекращаются. Я начну новаго рода мои записки съ начала 795 года, гдѣ запишу чтò упомяну о происшествіяхъ по сіе число со мною послѣдовавшихъ; и сколько оный (новый журналъ) продолжаться будетъ, не знаю.“

Но данное самому себѣ обѣщаніе не было исполнено: журналъ на два года прекратился совсѣмъ, и хотя возобновился

съ 1797 года, но велся весьма небрежно и отрывочно, такъ что въ продолженіе четырехъ лѣтъ, до 1801 года, авторомъ не исписано и десяти листовъ.

Что же означала такая перемѣна съ нашимъ будущимъ литераторомъ? Объ этомъ въ слѣдующей главѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

М. ДЕ-ПУЛЕ.

ТЕТЯ ЛЕНА

РАЗКАЗЪ ИЗЪ ЧЕШСКОЙ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ МОРИЦА
ГАРТМАНА.

I.

Точно все это случилось вчера. А вѣдь міровыя событія легли между „тогда“ и „теперь“. Тогда говорилось еще о смерти Наполеона какъ о новости. Многіе ужасные годы мирно прошли надъ чешскою деревушкой. Бурбоны сидѣли тогда на тронѣ и чествовали еще нашего добраго императора Франца. Какъ видите это было уже давно. Я хорошо помню себя въ то время. Матушка стояла на стулѣ и ставила въ стеклянный шкафъ перемытыя чашки и посуду. Сальная свѣча освѣщала насъ. Я же стоялъ съ боку и передавалъ матушкѣ эти чашки и посуду со стола и очень гордился тѣмъ что могу быть на что-нибудь полезенъ. Мнѣ вѣдь было ужъ цѣлыхъ семь лѣтъ. Чашки разставлены были въ два ряда и впереди ихъ на полочкѣ вытянулись въ рядъ особенно восемь хорошенькихъ фарфоровыхъ чашечекъ. Онѣ всѣ были съ золотыми ободочками. Подъ тонкою черточкой, снаружи на каждой изъ нихъ блестѣла ядлись золотыми

буквами: „Воспоминаніе о Карлсбадѣ“. Несмотря на ихъ однообразіе, онѣ составляли гордость нашего стекляннаго шкафа. И передавая каждую изъ этихъ чашекъ матушкѣ, я громко прочитывалъ „воспоминаніе о Карлсбадѣ“, чтобы доказать что я умѣю читать. Эти воспоминанія о Карлсбадѣ принадлежали моему дѣдушкѣ. Дѣдушка ежегодно возилъ свою подагру въ этотъ Багъ и ежегодно дарилъ моей матушкѣ одну такую чашку, купленную тамъ. Я знаю, матушкѣ хотѣлось имѣть полную дюжину. Что касается до меня, то эта надпись сдѣлала на меня неизгладимое впечатлѣніе, мнѣ стало казаться что всѣ воспоминанія должны быть о Карлсбадѣ и какъ только бывало начнутъ говорить о какомъ-нибудь воспоминаніи, такъ я тотчасъ же спрашивалъ: это воспоминаніе не о Карлсбадѣ? Матушка моя очень гордилась посудой своего стекляннаго шкафа, хотя употреблялась эта посуда очень рѣдко. И я гордился тѣмъ что матушка такъ хорошо и красиво устала эту блестящую посуду за чистыми стеклами. „Такой стеклянный шкафчикъ, говорилъ я себѣ, въ цѣлой Лытаницѣ есть только у однихъ насъ.“ И это была правда; „мы“—были самые богатые люди въ цѣлой деревнѣ. „Мы“—это значило „Мельхіоръ Брантъ и Сынъ“, то-есть мой дѣдушка и мой отецъ, которыхъ считали въ двадцати или двадцати пяти тысячахъ гульденовъ капитала. Это было очень много въ нашемъ краю въ то время. Это еще не считая стараго маленькаго домика дѣдушки и другаго поновѣе и побольше, который онъ выстроилъ для сына. При этомъ послѣднемъ были даже сарайчики со стойлами для двухъ лошадей и трехъ коровъ и недурной кусочекъ земли. Я спрашивалъ у отца, кто онъ такой собственно? И онъ отвѣчалъ съ самодовольною и гордою усмѣшкой: мы, подрядчики, мы „Мельхіоръ Брантъ и Сынъ“. Такъ какъ отецъ всегда говорилъ „мы“, то я и себя причислялъ также къ этому „мы“ и очень гордился что я подрядчикъ. Прежде ни одно устройство плотины, гати, моста и т. п. не обходилось безъ мошенничества со стороны строителей-чиновниковъ. Было рѣшено такія постройки сдавать съ торговъ мелкимъ подрядчикамъ. Это конечно было лучше. Однимъ изъ такихъ мелкихъ подрядчиковъ и былъ мой дѣдушка и отецъ мой—„Мельхіоръ Брантъ и Сынъ“. Дѣдушка мой началъ первое подрядное дѣло и сталъ извѣстенъ какъ отличный подрядчикъ, благодаря одному обстоятельству, которое и было собственно

основою его благосостоянія. Исторію этого дѣла онъ нерѣдко разказывалъ. Я ее запомнилъ.

Однажды—отецъ мой въ то время былъ еще ребенкомъ— въ нѣсколькихъ часахъ пути отъ нашей деревни предположено было строить каменный мостъ. Само собою разумѣется его долженъ былъ строить Мельхіоръ Брантъ. Но неожиданно на этомъ пути встрѣтился онъ съ однимъ человѣкомъ который не одинъ разъ съ нимъ конкурировалъ и говорилъ открыто что вытѣснить изъ дѣлъ Мельхіоръ Бранта. Такому конкуренту нельзя было уступить. Дѣдушка погорячился и споряча все сбавлялъ и сбавлялъ цѣну, пока наконецъ постройка моста не осталась за нимъ. Тутъ только, видя злобную улыбку своего конкурента и чувствуя какъ кровь въ немъ похолодѣла, сообразилъ онъ что разоренъ. На три часа пути въ окрестности не было ни одной каменной ломки, которая была ему конечно необходима. Значитъ ему пришлось везти камень издалека, и провозная плата одна далеко уже превышала сумму за которую онъ взялъ весь подрядъ. Печально бродилъ онъ по роковому мѣсту на которомъ долженъ былъ быть мостъ и въ которое уйдетъ вся его трудовая нажива. Печально разглядывалъ онъ мѣсто своего конечнаго разоренія. Часто стоялъ онъ тутъ обдумывая всю мѣру своего несчастія и безсознательно въ горести ударялъ своей тростью въ землю, а тяжелыя думы все гнали его душу и больнѣе вливались въ сердце. При одномъ такомъ ударѣ желѣзнымъ наконечникомъ палки въ землю, онъ вдругъ почувствовалъ что палка звонко стукнула во что-то твердое. Радостная мысль какъ молнія озарила его. Онъ началъ копать глубже палкой и карманнымъ ножомъ, онъ наконецъ схватилъ лопату—и, о счастье!—нашелъ большія залежи камня, именно такого какой ему нуженъ былъ для постройки. И это только во ста шагахъ отъ моста. Онъ былъ спасенъ. Половина суммы которую онъ долженъ былъ получить осталась ему чистою прибылью.

Съ этого времени его начали считать человѣкомъ съ которымъ конкурировать нельзя и онъ строилъ уже одинъ, позднѣе въ компаніи съ своимъ отцомъ, всѣ гати, мосты, плотины, школы, по крайней мѣрѣ часовъ на восемь пути въ окрестности.

Все это узналъ я очень рано, что „мы“ подрядчики и богатые люди и даже то что мы были „благородные“, потому

что весь домъ говорилъ по-нѣмецки у насъ, а въ то время въ Чехіи только „благородные“ говорили по-нѣмецки. Почешки говорилъ только „простой народъ“. Поэтому я не удивлялся что насъ посѣщали такъ много благородныхъ, чиновниковъ и иностранцевъ, которые всѣ говорили по-нѣмецки, и я вовсе также не удивился когда однажды вечеромъ (я передавалъ матушкѣ чашки, съ „воспоминаніями о Карлсбадѣ“), въ двери постучались. Вошли два иностранца, которые казались очень важными господами, особенно одинъ, который былъ моложе и выше ростомъ.

Онъ былъ въ широкой венгерской „бундѣ“ или плащѣ съ рукавами, густо обшитомъ шнурами, закинутыми за плечи, и на узлахъ этихъ шнуровъ качались большія золотыя кисти. Одною рукою игралъ онъ шнурами, а въ другой держалъ какую-то невиданную мною иноземную выдровую шапочку. И вообще во всей его фигурѣ и въ лицѣ съ черными бакенбардами было что-то иноземное, не наше. Бакенбарды тогда еще были у насъ рѣдкостью. Орлиный носъ и бакенбарды придавали мужественный видъ его прекрасному лицу, между тѣмъ какъ ротъ и глаза имѣли выраженіе такое кроткое, мягкое и даже какъ-то женственно улыбающееся. Нельзя было не полюбить юношу, который однако казался моложе чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Несмотря на его крѣпкій и сильный станъ и воинственный видъ съ нимъ было легко и нестѣснительно. Онъ взглянулъ на меня очень ласково, когда я подошелъ съ удивленіемъ разсматривая его красивый плащъ, такъ ласково что я тотчасъ началъ тянуть за кисти какъ за шнурокъ комнатнаго звонка. Онъ держался скромно и молчаливо, сидѣлъ около дверей, между тѣмъ какъ другой чужестранецъ, маленькій, очень подвижной человекъ лѣтъ пятидесяти, подступилъ къ моей матушкѣ, вынулъ изъ кармана письмо; языкъ его былъ кажется такой же подвижной какъ онъ самъ и мы скоро слышали множество комплиментовъ. Онъ стремительно объявилъ намъ что онъ Альтманъ, рекомендовалъ намъ своего шурина, Вильгельма Гебгарда, и предъявилъ рекомендательное письмо отъ брата моей матери. Все это было торопливость и быстрота, къ которой мы не привыкли. Онъ и десяти минутъ не пробылъ въ комнатѣ какъ мы узнали его прошлое, бросили взглядъ на его настоящее, слышали похвалы красотѣ нашихъ мѣстъ, расположенію нашего дома, изяществу посуды

въ стеклянномъ шкафчикѣ, услышали что я (который теперь разказываю) хорошенькій мальчикъ и услышали какъ гость сожалѣть что не засталъ хозяина дома. Матушка едва имѣла время выразить радость письму брата и извиниться за беспорядокъ въ комнатѣ. Она очень рада принять такихъ прекрасныхъ гостей. Братъ ея учитель главной школы въ большомъ городѣ, въ городѣ съ семью тысячами жителей. Онъ ученый семьи, слово котораго для нея много значить, и онъ рекомендуетъ ихъ хорошо.

Мнѣ было очень жаль что матушка увела обоихъ чужестранцевъ къ дѣдушкѣ и не позволила мнѣ идти за ними. Мнѣ хотѣлось подольше посмотреть на красиваго молодого человека въ венгерскомъ плащѣ и еще послушать разговора его толстенькаго спутника. Еще досаднѣе мнѣ стало что меня исключили изъ общества, когда я вскорѣ услышалъ на кухнѣ ожесточенную стряпню, шипѣнье, кипѣнье. Но я имѣлъ здѣсь хоть ту надежду что по крайней мѣрѣ узнаю всѣ новости на кухнѣ; я замѣтилъ какими многозначительными взглядами обмѣнивались матушка и бабушка, которыя хлопотали и ходили безпрестанно взадъ и впередъ. Я чувствовалъ что случилось что-то необыкновенное. Тетя Лена была очень молчалива и это меня очень удивляло, потому что и по двору, и по дому постоянно раздавались ея звонкій смѣхъ, болтовня и лѣнь. Удивило меня тоже что бабушка сказала тетѣ Ленѣ что ей бы не мѣшало попріодѣться. Я зналъ что тетя Лена одѣвалась всегда хорошо и ходила такая чистенькая что дѣдушка всегда говорилъ что она точно сейчасъ вынута изъ коробочки. И сама бабушка прежде находила что ея младшая дочка Лена для деревенской дѣвочки слишкомъ хорошо одѣвается и слишкомъ много тратитъ на это времени. Сегодня она говорила совершенно противоположное, а тетя Лена, тоже противъ обыкновенія, возражала, очень краснѣла и не хотѣла не только надѣть платье получше, но даже переодѣнуть передничекъ. Мнѣ казалось что просто шибѣтъ перевернулася вверхъ ногами и я съ удивленіемъ поглядывалъ на матушку, бабушку и тетю Лену. Тетю Лену мнѣ было очень жаль, потому что бабушка сказала ей будто она совсѣмъ дура и не умѣетъ съ чужими словечка промолвить. Это послѣднее меня изумило окончательно, потому что я сто разъ слышалъ отъ дѣдушки какъ онъ жалѣлъ что тетя Лена дѣвочка, а не мальчикъ; изъ нея, говорилъ онъ,

вышелъ бы отличный адвокатикъ, который всѣхъ заткнулъ бы за поясъ миль на двадцать въ окружности. Кромѣ того я зналъ что тетя помогала дѣдушкѣ въ самыхъ головоломныхъ занятіяхъ, составляла условія и даже иногда переговаривалась съ важными чиновниками, съ которыми у насъ была дѣла. И вдругъ она сразу сдѣлалась дурой. Въ этотъ вечеръ точно земля колебалась подѣ нашими ногами. Я не понималъ ничего. Лучомъ свѣта во всемъ этомъ мракѣ было замѣчаніе бабушки: „что ни говори, Софьюшка, а это, увидишь сама, женишокъ“. Бабушка шепнула это матушкѣ въ ту минуту когда тетя Лена вышла изъ кухни.

— Увидишь, Софьюшка, продолжала бабушка, — что бы тамъ этотъ толстенкій ни говорилъ про какую-то покунку шерсти, это одинъ отводъ. Зачѣмъ торговецъ шерстью забредетъ въ нашъ лѣсной край? Держу это противъ одного. Это просто женишокъ для Ленушки, и я видѣла плутишка-паренекъ сейчасъ приглядѣлъ дѣвочку. Это вѣрно. Я-таки пожила на свѣтѣ и повидала кое-что.

— Ну, а еслибъ и такъ, отвѣчала матушка съ гордостью: — коли братъ кого намъ рекомендуетъ, ужъ такой стѣнитъ хорошаго.

— Я не говорю что нѣтъ, отвѣчала бабушка, — и насколько я видѣла и слышала его, это красивенькій паренекъ, который порядочно-таки потаскался по свѣту. Пройти всю Венгрію не шутка, да еще зайти Богъ знаетъ куда — къ турецкой, видишь ли, границѣ, гдѣ всѣ люди солдаты, и такъ онъ хорошо разказываетъ объ этомъ, просто прелесть.

— Если его братъ рекомендуетъ, опять повторила матушка, — то это конечно очень образованный человекъ, потому что братъ водится только съ образованными людьми.

— Это что и говорить, отвѣчала бабушка и задумчиво прибавила: — братъ твой ученый, а вѣдь извѣстно какъ ученые, они вѣдь въ житейскихъ дѣлахъ плохо смыслятъ. Братъ твой, не въ обиду будь тебѣ сказано, Софьюшка, также можетъ-быть недалеко въ этихъ дѣлахъ видѣть, какъ и всѣ они, эти ученые. Можетъ-быть что этотъ Гергардъ и хорошій малый, и съ достаткомъ, а ужъ красивенькій онъ какой это мы знаемъ. Мы имѣемъ право ждать хорошаго муженька для Ленушки, потому что я тебѣ скажу, Софьюшка, десять тысячъ гульденовъ приданого, это что-нибудь; однако, — прервала себя бабушка, — тамъ давно стоитъ этотъ плутишка и

такъ и вливается въ каждое слово. Съ этимъ маленькимъ народомъ просто бѣда. Только разговорись, а онъ ужъ тутъ.

При этихъ словахъ бабушка повернула меня за плечи и вывела изъ кухни. Я былъ очень несчастливъ что изъ семейной тайны меня такъ упорно исключаютъ и залакалъ. Тетя Лена, увидѣвъ что я плачу, взяла меня къ себѣ на колѣни, цѣловала особенно нѣжно и общала мнѣ много разныхъ хорошихъ вещей чтобъ я только не плакалъ. Я дѣйствительно пересталъ плакать и счелъ долгомъ отплатить чѣмъ-нибудь тетѣ Ленѣ за ея нѣжность и сближенія, и передалъ разговоръ бабушки и матушки.

— Тетя Лена, говорилъ я,—красивый молодой человекъ— женихъ и видѣлъ такую страну гдѣ всѣ люди солдаты и еще что-то такое о десяти тысячахъ гульденовъ. А что женихъ хорошая ли партія и знаетъ ли толкъ въ житейскихъ дѣлахъ дядюшка-учитель, этого бабушка не знаетъ, а дядюшка-учитель водится только съ образованными людьми.

Послушавъ меня, тетя Лена велѣла мнѣ молчать и сказала что ежели я буду уменъ и не буду плакать пока гости будутъ у насъ, то она мнѣ дастъ сладкаго пирога.

Но она никакого пирога мнѣ не давала. Я и мой младшій братишка пробыли цѣлый вечеръ въ полномъ одиночествѣ. Поздно вернулся отецъ домой и мать собрала ему ужинать. Сама же скоро пришла насъ укладывать спать. Но происшествія этого дня не давали мнѣ заснуть и изъ-камина я слышалъ все что говорили. Матушка приготовила ему переодѣнуть платье, но онъ сказалъ, когда надѣлъ другой сюртукъ:

— Это только одинъ отводъ будто я пришелъ къ тебѣ перемѣнить сюртукъ, а я хотѣлъ съ тобой поговорить съ одной о дѣлѣ. Знаешь ли, Софья, мнѣ эти два человека не нравятся.

— Какъ, воскликнула матушка въ удивленіи,—эти которыхъ намъ рекомендовалъ братецъ?

— Рекомендація твоего брата насчетъ этого Альтмана, по чести, точно рекомендація какого-нибудь ребенка. Этотъ Альтманъ такъ ужасно много говоритъ, точно ему нужно какъ можно больше разговоровъ чтобы самому за ними спрятаться; это и въ дѣлахъ такъ, я знаю, люди которые такъ много говорятъ, не много стоятъ и особенно люди которые такъ много толкуютъ о деньгахъ, никогда ихъ не имѣютъ.

— А другой? спросила матушка.

— Красивый малый, о, да, очень красивый малый, очень красивый малый, можетъ-быть даже хорошій человекъ, и когда говоритъ, то скромно и хорошо, очень мало, правда, да и то кажется только потому что тотъ, толстенькій, заставляетъ его говорить. Но малый мнѣ противенъ, потому что пришель съ тѣмъ, съ другимъ. Онъ не самъ отъ себя; тотъ, другой, подталкиваетъ его и подсказываетъ ему, и такъ какъ онъ такой смазливый малый, я полагаю толстенькій не спелкуруетъ ли имъ?

— Что же, онъ не маленькій, возразила матушка,—странно было бы чтобъ онъ собой позволилъ распоряжаться какъ дѣвочка какая-нибудь, человекъ который такъ много путешествоваль....

— Ужь эти мнѣ путешествія, отвѣчалъ отецъ покачивая головою, — изъ ста туристовъ девяносто девять навѣрное проходимцы: живи дома и живи спокойно и честно. И гдѣ онъ былъ? Въ Венгрію, гдѣ шлюются всѣ банкроты, потому что тамъ нѣтъ никакихъ законовъ. Будь онъ въ Саксоніи или въ Пруссіи. А! это другое дѣло. Но Венгрія! Венгрію я терпѣть не могу. Во всякомъ случаѣ, продолжалъ батюшка,—я не хочу торопиться и говорить впередъ и не хочу быть несправедливымъ къ мальчику,—онъ глядитъ очень порядочно и скромно. Обо всемъ этомъ мы справимся, и если малый задумалъ какія-нибудь штуки, мы его повернемъ съ носомъ обратно. Для этого у Ленушки есть и братъ и отецъ. Мы посмотримъ.

Оказавъ это, отецъ опять оставилъ комнату и вышелъ къ гостямъ. Матушка повѣсила его сюртукъ въ шкафъ и хотѣла пройти къ намъ, дѣтямъ; но дверь открылась и вошла моя хорошенькая тетя Лена. Она въ раздумьи остановилась у двери, ничего не спрашивала и ничего не говорила. Матушка взглянула на нее и спросила что ей нужно. Тогда тетя встрепенулась.

— Софьюшка, заговорила она скоро и горячо,—видитъ Богъ! вотъ такой человекъ мнѣ тысячу разъ милѣе, будь у него полголовы, чѣмъ Нейбергъ, будь онъ двухголовый.

— Ужь ты не влюбилась, чего добраго, спросила матушка упрекающимъ тономъ.

— Да, отвѣтила тетя рѣшительно,—да, видитъ Богъ, я его полюбила!

И тогда я поднимал голову изъ своей постельки и увидѣлъ что у матушки такое сердитое лицо точно она сейчасъ начнетъ браниться.

— Лена, начала увѣрять матушка,—ты умная дѣвочка. Такой шагъ надо обсудить хорошенько, ты не такъ дѣлаешь. Мы еще ничего ни о немъ не знаемъ, ни о его состояніи....

— Это для меня рѣшительно все равно! Или его, или никого, сказала хорошенькая тетя,—и потомъ, какъ будто ей не сидѣлось или будто не хотѣла еще объ этомъ говорить, она вскочила и выбѣжала въ другую комнату. За ней вышла и матушка.

Во всемъ этомъ опять-таки было многое надъ чѣмъ я ломалъ голову. Многое было также и такое что освѣщало мнѣ совсѣмъ новыя стороны жизни. Что двухголовый Нейбергъ былъ уломянуть и рядомъ гость съ половиной головы, это мнѣ вдругъ объяснило почему этотъ добрый Нейбергъ такъ часто ходитъ къ намъ и подарилъ мнѣ канарейку. Значитъ онъ хотѣлъ, также какъ и этотъ гость, сдѣлаться моимъ дядюшкой. Мнѣ льстило что онъ и меня хотѣлъ подкупить канарейкой и я его оправдывалъ раздумывая о разныхъ дурныхъ вещахъ которыя про него говорила тетя Лена. Она его называла гаулымъ и неуклюжимъ. Я сравнивалъ его съ гостемъ и хотѣлъ быть справедливымъ, но какъ у него это были двѣ головы, я понималъ не совсѣмъ ясно; и наконецъ началъ смѣшивать, лежа въ темнотѣ на своей постелькѣ, у кого изъ нихъ половина головы, у кого двѣ. Вотъ и оба жениха моей хорошенькой тети Лены, но они то съ половиной головы, то съ цѣлою головой, то съ двумя, какъ призраки мелькають предо мною. Я спалъ очень безпокойно, и когда матушка утромъ спросила меня, почему, я грустно отвѣтилъ „потому что я боюсь тетя Лена сдѣлаетъ плохую партію...“

II.

Оба гостя черезъ день ушли домой. Въ домѣ все осталось по-старому и однако все перемѣнилось и перемѣнилось совсѣмъ не такъ какъ бывало съ отѣздомъ другихъ гостей. Всѣ говорили о Вильгельмѣ Гергардѣ, кромѣ тети Лены. Она была молчаливѣе обыкновеннаго, то-есть была какъ всегда оживлена, но казалось что она имѣетъ какую-то тайну

отъ всѣхъ, и когда другіе говорили про юношу въ венгерскомъ плащѣ, она молчала, но съ такимъ видомъ какъ будто говорила: „дѣлайте что хотите, я знаю что сдѣлаю...“ Какъ я припоминаю, весь домъ раздѣлился на двѣ партіи. Одна за, другая противъ жениха, и каждая изъ нихъ не знала хорошенько почему. Дѣдушка стоялъ на сторонѣ жениха потому что бабушка сказала ему что Лена влюблена и что она цѣлую ночь безъ сна металась въ постели. Но съ дѣдушкой было совсѣмъ особенное. Его долгая жизнь была въ высшей степени практическая и вся ушла въ пріобрѣтеніе. И вдругъ на старости лѣтъ онъ сдѣлался романтикомъ. Съ тѣхъ поръ какъ ревматизмъ приковалъ его къ дому и заставилъ передать дѣла сыну, онъ сталъ какъ-то юнѣ душою и причудливъ. Онъ просилъ всѣхъ чтобъ ему разказывали разныя исторіи и самъ онъ разказывалъ намъ дѣтямъ много разныхъ случаевъ изъ прежней жизни своей и сказки которыя зналъ или самъ выдумывалъ. Но онъ какъ будто жилъ прежнею молодостью въ любви къ младшей своей дочкѣ Ленѣ. Онъ уже воспиталъ и хорошо выдалъ замужъ четырехъ дочерей и теперь все его сердце отдалось младшей, и онъ всю нѣжность съ которой относился ко всей семьѣ перенесъ на эту дочку. Ленушкѣ онъ никогда ни въ чемъ не могъ отказать, каждое ея желаніе было его собственнымъ желаніемъ и еще сильнѣйшимъ чѣмъ у нея самой. Надо чтобы только ей что-нибудь понравилось и дѣдушка покупалъ, если даже она объ этомъ не просила и не имѣла въ виду похваливъ что-нибудь получить это. Ленушка была утѣхой его старости. Тетя Лена, хотя конечно далеко не была такою красавицей какой ее представлялъ дѣдушка, была однако совсѣмъ милая. Она была изъ тѣхъ счастливыхъ натуръ которымъ то кажется хорошо среди чего онѣ живутъ и хлопчуть. Она соединяла въ себѣ самыя разнообразныя хорошія качества: она была и сильна и нѣжна, спокойна и подвижна, горда и вмѣстѣ съ тѣмъ мила и радужна. Дѣдушкѣ не было больше радости какъ смотрѣть какъ она идетъ въ гости. Это бывало обыкновенно въ воскресенье: онъ съ трудомъ выходилъ и садился предъ домомъ на скамеечку. Съ этого обсервационнаго пункта онъ могъ ее видѣть далеко, какъ она черезъ плотину, черезъ лугъ, переходитъ къ дальней деревушкѣ. И такъ сидѣлъ онъ съ очками на носу и смотрѣлъ до тѣхъ поръ пока она не возвращалась на-

заше. Охотно слушалъ онъ ея разговоры и изъ каждаго ея слова выводилъ заключеніе что это „не только самая хорошенькая, но и самая разумная дѣвочка въ нашемъ краю“. Одна была у него забота. Онъ вовсе не былъ такъ богатъ, какъ о немъ говорили. Каждой изъ своихъ замужнихъ дочерей далъ по десяти тысячъ гульденовъ въ приданое. Разные расходы и четыре свадьбы, которыя обставлялись богато (и дѣдушка этимъ гордился), унесли еще тысячи двѣ гульденовъ. Все это были слишкомъ большіе расходы для тогдашняго времени въ нашихъ краяхъ. У него осталось еще ровно столько чтобъ и Елену выдать также какъ и другихъ ея сестеръ. Не то его заботило что онъ (онъ это зналъ одинъ) останется бѣдный старикъ безъ гульдена въ карманѣ. Его сокрушало что для такой дѣвочки не можетъ онъ найти жениха изъ высшихъ слоевъ общества. И ему очень понравился этотъ Вильгельмъ Гергардъ именно тѣмъ что имѣлъ хорошія манеры, и говорить какъ человѣкъ высшаго, по его мнѣнію, общества. Все это вмѣстѣ было причиной что дѣдушка оказался на сторонѣ Лены. Онъ рѣшился дать благопріятный отвѣтъ если молодой человѣкъ будетъ просить руки его дочери. Мой отецъ, напротивъ, былъ въ періодъ самаго практическаго настроенія въ то время и говорилъ противъ молодаго человѣка. Пусть это красивый и милый малый. Но посудите, не имѣтъ никакихъ занятій и никакого положенія! И еще этотъ его подозрительный спутникъ, такое скверное сообщество!

Бабушка колебалась; отецъ мой смутилъ ее своими сомнѣніями; съ другой стороны, ея материнское сердце сочувствовало дочерней любви. Бракъ безъ любви считала бы она грѣхомъ. Кромѣ того она такъ привыкла исполнять каждое желаніе своей Ленушки. Всѣ считали Лену гордою и холодною дѣвушкой, всѣ, кромѣ матери. Она знала что если ея Ленушкѣ что-нибудь закрадется въ голову или въ сердечко, то никакія силы ее не остановятъ, и что она поставитъ на своемъ непремѣнно. Матушка тоже колебалась. Какъ молодая женщина она конечно была на сторонѣ влюбленныхъ и какъ сестра была за жениха котораго рекомендовалъ ея ученый братъ. Что касается моего отца, то онъ приводилъ столько причинъ по которымъ эта свадьба невозможна, и чѣмъ дальше тѣмъ упорнѣе отстаивалъ свое мнѣніе. Конечно все это я узналъ въ послѣдствіи, со словъ другихъ. Какъ

очевидецъ, разкажу чему былъ свидѣтелемъ. Дней черезъ четырнадцать послѣ перваго посѣщенія, пришелъ Вильгельмъ Гебгардъ опять, но уже безъ своего спутника, и этимъ очень выигралъ въ общемъ маѳинѣ. Его приняли привѣтливо и просили побыть подольше. Онъ пробылъ три дня. Робкій и скромный онъ казался моложе чѣмъ былъ въ самомъ дѣлѣ и это внушило къ нему большое довѣріе. Ему охотно вѣрили, и отецъ мой началъ его разспрашивать о его состояніи. У насъ не сомнѣвались болѣе что онъ владѣлъ въ своемъ городѣ двухъэтажнымъ домомъ, а такое имущество конечно превышало приданое Лены въ десять тысячъ гульденовъ. Однако одними доходами съ этого дома жить было еще нельзя, и Вильгельмъ, какъ онъ самъ откровенно сознался, не имѣлъ опредѣленнаго занятія. Но онъ такъ недавно вернулся изъ путешествія и не успѣлъ еще осмотрѣться. Такимъ практическимъ людямъ какъ мой дѣдъ и отецъ было противно что молодой человѣкъ получаетъ за женой порядочное приданое и хочетъ начать занятіе съ капиталомъ котораго онъ не наживалъ. Но положеніе гостя въ нашемъ домѣ много улучшилось; съ нимъ гуляли, ему позволяли съ тетей ходить подъ руку, даже позволяли ему опережать съ ней общество и говорить съ ней одною. Я вспоминаю теперь какъ на этихъ прогулкахъ матушка часто отзывалась ко мнѣ къ себѣ, когда я, по старой привычкѣ, цѣплялся за платье тети Лены. Вильгельмъ Гебгардъ на этотъ разъ наконецъ объяснилъ свои намѣренія дѣдушкѣ и потомъ уѣхалъ.

Дней черезъ десять вывезена была на свѣтъ Божій старая коляска и работникъ вымылъ ее и даже кое-гдѣ заново покрасилъ. Коляску эту звали въ семьѣ у насъ Ноевымъ Ковчегомъ. Дѣдушка купилъ ее на распродажѣ имущества послѣ одного умершаго декана, за чистенькихъ пятьдесятъ лять гульденовъ. Она еще и болѣе пожалуй стоила — вся она была выкрашена красною краской. Такъ красились у насъ коляски богатыхъ декановъ, епископовъ и пробстовъ. Дѣдушка не хотѣлъ чтобъ его сочли принадлежащимъ къ духовенству, и красная краска замѣнена была голубою. Но такъ какъ слой голубой краски былъ не очень густъ, то яркая красная краска выступила отъ времени въ разныхъ мѣстахъ наружу и вышло какое-то странное смѣшеніе цвѣтовъ. Но все-таки этотъ Ноевъ Ковчегъ составлялъ гордость дѣдушки и всего нашего семейства. Во всей окрестности ни

у кого изъ поселянъ кромѣ насъ не было коляски. Дѣдушка не любилъ выказывать претензіи на роскошь и возбуждать ревность сосѣдей, а потому Ноевъ Ковчегъ показывался на свѣтѣ Божій очень рѣдко, въ важныхъ случаяхъ. Всегда что-нибудь значило когда его вывозили и начинали его мыть и класть подушки и сундучки, которые лежали обыкновенно въ чуланѣ. Въ нынѣшнее изнѣженное и развращенное время показалась бы смѣшна коляска на толстыхъ дрожинахъ и такая же тряская какъ обыкновенная крестьянская телега. Гордились собственно только двумя высокими выгнутыми рессорами, на которыхъ покоилось сидѣнье. Кажется ни разу не случалось съѣздить куда-нибудь въ этомъ экипажѣ безъ маленькаго приключенія. Много лѣтъ могъ считать за собой нашъ Ковчегъ и бабушка всегда съ большимъ опасеніемъ смотрѣла когда старикъ садился въ него. „Лучше бы въ телегѣ“, говорила она. Но все же это была коляска, и разъ ее купили, надо было въ ней и ѣздить. Появленіе коляски для меня знаменовало всегда что-то торжественное и праздничное. Хорошо помню какъ взобрался въ коляску дѣдушка и за нимъ полѣзъ отецъ, оба въ праздничныхъ кафтаняхъ; какъ бабушка и матушка прощались съ ними и называли все осмотрѣть и узнать хорошенько и домъ Гебгарда и его семью; какъ потомъ мы все стояли у дверей и долго слѣдили за коляской пока она не скрылась за деревьями, а мы все стояли и задумчиво смотрѣли вслѣдъ. „Бѣдный мой Мельхиоръ, сказала наконецъ, вздохнувъ, бабушка, не думала я чтобъ ему пришлось на старости, съ своею подагрой, двадцать миль ѣздить! Шутка ли! Но чего не сдѣлаешь для своего дитяти! Чтобы хоть это повело къ чему-нибудь! Дай-то Богъ!“

Долго пробыли наши путешественники въ отсутствіи. Двадцать миль въ тяжелой коляскѣ, да еще на своихъ рабочихъ лошадяхъ, по скверной тогдашней дорогѣ, не шутка. И только чрезъ десять дней, коляска, звеня и стуча, показалась на дворѣ, бабушка и матушка выбѣжали на встрѣчу, а тетя Лена стала у изразцовой печки и осталась въ кухнѣ неподвижна и встревожена. Она только тогда показалась въ дверяхъ когда дѣдушка сказалъ: „а гдѣ же дѣвочка?“ Онъ обнялъ тетю Лену и сказалъ тронутымъ голосомъ: „Ну, дай Богъ тебѣ счастья! Ты невѣста!“ При этихъ словахъ все заплакали. Я плакала, и маленькія сестры, которыя выбѣжали

къ дверямъ посмотрѣть коляску; плакала даже работница, всѣ давно и хорошо знали кто женихъ, хотя всѣ дѣлали видъ что ничего не замѣчаютъ. Всѣ находили что фрейлейнъ Елена поступила отлично и что у нея будетъ хорошенькій мужъ, мужъ очень пріятный! Лена всѣмъ подавала руки и убѣжала потомъ къ себѣ въ комнату чтобы выплакаться. Я побѣждалъ за ней — мнѣ хотѣлось сказать что она отлично сдѣлала, потому что всѣ такъ говорили.... „Не плачь тетя Лена — ты отлично сдѣлала!“ Она взяла меня къ себѣ на колѣни, поцѣловала и сказала: „дай Богъ чтобы ты сказаль вѣрно!“ Она принялась еще сильнѣе плакать и я уже просто не зналъ что бы мнѣ такое сказать ей.

III.

Женихъ скоро пріѣхалъ, и такъ какъ ему дома нечего было дѣлать, пробылъ у насъ нѣсколько дней, и для насъ, дѣтей, это было веселое время; онъ приносилъ намъ колбасики и пряничныхъ лошадокъ, и когда съ невѣстой дѣлалъ въ Ноевомъ Ковчегѣ визиты къ сосѣдямъ, то насъ всегда бралъ съ собой. Столъ у насъ сдѣлался гораздо лучше. Гуси, индѣйки — наши пріятели — исчезали со двора, и на кухнѣ я былъ грустнымъ свидѣтелемъ ихъ мученій. Дядя Гебгардъ сидѣлъ всегда рядомъ съ тетей Леной и я часто видѣлъ какъ они подъ столомъжимали руки другъ другу. Видѣлъ я также какъ новый дядя часто крѣпко цѣловалъ и обнималъ тетю Лену когда она была одна. Я составилъ себѣ совершенно ясное понятіе что значитъ быть женихомъ. Это надо ѣздить въ гости въ коляскѣ, ходить въ праздничномъ кафтанѣ и затѣмъ уже конечно поцѣлуи, колбасики, объятія и пряничныя лошадки. Мнѣ представлялось какое это пріятное дѣло быть женихомъ. Во всемъ нашемъ обществѣ былъ одинъ грустный человѣкъ — это Нейбергъ. Вы уже знаете, это былъ неудачный обожатель Лены. Нейбергъ, сынъ сельскаго врача, который при жизни своей былъ другомъ нашего дома, и роль эта перешла къ его сыну. Этотъ послѣдній тоже хотѣлъ сдѣлаться врачомъ, проваливался нѣсколько разъ на экзаменѣ и наконецъ помирился съ своею судьбой. Онъ жилъ доходами съ маленькаго имѣнія которое ему оставилъ отецъ. Въ послѣднее время онъ занимался только тѣмъ что

запоминалъ разныхъ замѣчанія тети Лены, былъ ей послушенъ, и несмотря на постоянныя ея отказы, ухаживалъ за ней. Онъ самъ говорилъ что онъ вовсе не такой человѣкъ который былъ бы достоинъ Елены Брантъ. Онъ называлъ себя огороднымъ пугаломъ, человѣкомъ ни къ чему не годнымъ, который не можетъ выдержать даже самаго легкаго экзамена изъ хирургіи. Но все же никто не могъ ему запретить любоваться на Елену и любить ее. Это оставалось ему единственною отрадой въ жизни. Не было ли доказательствомъ его искренности то что даже послѣ помолвки онъ продолжалъ бывать у насъ каждый день? Но онъ былъ еще молчаливѣе, а послѣдніе дни и очень печаленъ. Никто его не спрашивалъ о причинѣ и это заставило его самого высказаться. Онъ говорилъ съ моею матушкой.

— Вы всѣ думаете конечно, началъ онъ однажды послѣ отъѣзда Гебгарда,—думаете что я грущу потому что Лена выходитъ за другаго. Совсѣмъ нѣтъ, я это нахожу очень естественнымъ, но я знаю что вы сомнѣваетесь на счетъ его состоянія, а Ленѣ вы потакаете потому что она влюблена. Ну, а если любовь эта приведетъ ее къ несчастію?

— Что же, отвѣчала матушка,—что же вы сдѣлали бы на нашемъ мѣстѣ? Вы сами утверждаете что любовь въ супружествѣ главная вещь. Развѣ можно запретить Ленѣ любить человѣка только потому что онъ бѣденъ?

— Сохрани Богъ, отозвался Нейбергъ,—по моему убѣжденію ничего не надо запрещать. Еслибы вы стали противиться, было бы еще хуже.

— Ну, такъ какъ же?

— Мнѣ хочется только, возразилъ онъ,—чтобы вы хорошенько обо всемъ разузнали истину. Что не построено на истинѣ, то разрушится. Матушка объявила тогда ему что помѣзка невесты уже рѣшена. Тогда было обыкновеніе у насъ чтобы невеста, если выходитъ замужъ на сторону, должна съѣздить до свадьбы къ жениху съ своими родными, чтобы ознакомиться съ будущимъ домомъ. Матушка тоже хотѣла участвовать въ этой помѣзкѣ и увѣряла заботливаго Нейберга что намѣрена высмотрѣть все какъ можно лучше.

Помѣзка совершилась, но я въ ней не участвовалъ и могу только передать разказы которые безпрестанно слышалъ по возвращеніи всѣхъ домой. Тетя Лена сама не разказывала ничего, но тѣмъ болѣе разказывали матушка и бабушка. Онѣ

были очень поражены тѣмъ что видѣли. Онѣ перебывали дѣдушку и моего отца и торопились докончить разказъ. По этимъ извѣстіямъ въ семьѣ Гебгарда все было чрезвычайно хорошо. Мать жениха почтеннѣйшая женщина и сестры его самыя благородныя особы. Ленѣ и желать нельзя лучшей свекрови и лучшихъ золовокъ. Даже къ г. Альтману, оказалось, всѣ у насъ были несправедливы. Это правда, онъ немножко заносится и живетъ ужъ слишкомъ по-барски, за то у него и манеры самыя благородныя. Все семейство такое что поучиться у нихъ какъ себя держать. Удивительно какъ пріятно всѣ себя чувствовали въ этомъ домѣ. И какъ тамъ все дѣлается! Къ столу, напримѣръ, каждому, даже самому маленькому ребенку, подаютъ салфетку! Это была роскошь въ нашемъ краю тогда мало извѣстная. Невѣстѣ и ея подругамъ по утрамъ подавали апельсины. Всѣ эти мелочи были замѣчены и разказывались безъ устали, и всѣ радовались что Лена будетъ жить въ такомъ довольствѣ и въ пріятной обстановкѣ и въ такомъ большомъ городѣ. Только одно смущало какъ-то. Женихъ до сихъ поръ не подарилъ невѣстѣ жемчужнаго ожерелья. По обычаю онъ долженъ былъ это сдѣлать. Отецъ мой даже спросилъ объ этомъ и былъ не пріятно пораженъ когда ему не могли показать ожерелья. Его увѣряли что Гебгардъ въ этомъ городѣ не могъ найти такого какое ему хотѣлось подарить и что онъ заказалъ уже въ другомъ мѣстѣ.

Несмотря на эти увѣренія отецъ мой началъ что-то подозревать и скоро эти подозрѣнія въ немъ и во всемъ нашемъ семействѣ значительно разрослись.

Никто не замѣтилъ изъ насъ въ эти тревожные дни отсутствія Нейберга. Мы всѣ очень удивились когда увидѣли его идущаго къ намъ изъ лѣсу по большой дорогѣ съ котомкой за плечами и палкой въ рукѣ. Онъ былъ загрязненъ, запыленъ и замѣтно усталъ. Видно было что онъ ходилъ далеко. Ему, конечно, не дали пройти мимо, зазвали его, просили сѣсть, закусить и разказать куда онъ ходилъ. Онъ столько лѣтъ нигде не ходилъ изъ деревни, что ему вздумалось идти и куда? Онъ сѣлъ около дѣдушки, откашливался и былъ въ очевидномъ затрудненіи. „Ну, сказалъ онъ наконецъ, очень натурально, что мнѣ вздумалось попутешествовать именно потому что я такъ здѣсь засидѣлся. Эти противныя занятія которыя мнѣ здѣсь такъ надоели! Не все ли равно, не правда

ли? гдѣ бы ни приклонить свою лѣвивую голову? Да и что же? Весь свѣтъ нынче путешествуетъ....“

Потомъ онъ перемѣнилъ разговоръ, разказалъ что-то о посвященіи какого-то родственника и спросилъ бабушку довольна ли она своею поѣздкой? Бабушка тотчасъ начала терпливо все ту же пѣсню о приличіи и роскоши обстановки въ домѣ жениха и, разказывая, такъ увлеклась что не замѣчала какъ Нейбергъ покачивалъ все головой и задумчиво бормоталъ: „да, да!“ или „такъ, такъ!“ упираясь подбородкомъ въ набалдашникъ своей палки. Когда Елена вышла (можетъ она устала слушать все тотъ же разказъ о женихѣ), Нейбергъ вдругъ, къ удивленію бабушки, высказался и въ полголоса пробормоталъ: „я былъ въ городѣ и все разузналъ объ этомъ семействѣ, также какъ и вы, а можетъ и гораздо лучше....“

— Какъ, что? спрашивали всѣ въ одинъ голосъ.

— Что мнѣ было здѣсь сидѣть когда Ленушка уѣхала, началъ Нейбергъ въ сильномъ волненіи, — и я сказалъ себѣ: ты пойдешь въ городъ и разузнаешь все. На женщинъ нельзя понадеваться. Имъ можно пыли пустить въ глаза. А что я правъ былъ, я вамъ это докажу, госпожа Бракъ!

Бабушка хотѣла возражать, но онъ нетерпѣливо махнулъ рукой и сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Я не хочу васъ обидѣть и дѣло не въ томъ чтобы намъ съ вами спорить, а дѣло въ счастье Ленушки.

— Онъ правъ, замѣтила дѣдушка, и обратился къ Нейбергу прибавилъ: — Ну, а что ты такое узналъ?

Тогда Нейбергъ всталъ и, сильно жестикулируя, тономъ убѣжденія сказалъ почти такъ:

— Разорены, кругомъ въ долгахъ, каждый волосъ на головѣ подлежить описи, ни одинъ камень ихъ дома не принадлежитъ имъ. Приданого Лены не хватитъ далеко на уплату долговъ. И алельсины что вы ѣли, — сказалъ онъ бабушкѣ и моей матери, — взяты въ долгъ, и жемчугъ который пришло въ долгъ у закладчика, конечно за тройную цѣну.

Сказавъ это, Нейбергъ, какъ бы возмущенный тѣмъ что такое извѣстіе принято такъ легко, вышелъ изъ комнаты и направился домой по улицѣ.

Всѣ наши семейные были поражены. Одинъ глядѣлъ на другаго какъ будто хотѣлъ заговорить, но никто не начиналъ. Бабушка заговорила первая:

— Вотъ, сказала она, — дурацкія сплетни! Всякій знаетъ что дураку можно написать что угодно! Но онъ хорошій малый, а только изъ ревности къ Ленушкѣ онъ все это выдумалъ. Знаете, когда человѣкъ становится какъ больной отъ ревности и досады....

— Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ дѣдушка покачивая головой, — Нейбергъ не выдумываетъ, и то что онъ говоритъ....

Но дѣдушка не докончилъ, потому что вошла тетя Лена. Всѣ замолкли, никто не находилъ что говорить когда она внимательно посмотрѣла кругомъ на смущенныя лица и печально про себя усмѣхнулась. Дѣдушка посадилъ ее около себя на скамью и погладилъ по щекѣ. Онъ хотѣлъ говорить, но не могъ. Отецъ мой, когда увидѣлъ слезы на глазахъ старика, нетерпѣливо вскочилъ, заложилъ руки за спину и вышелъ изъ комнаты. Бабушка и мать моя начали тотчасъ же всхлипать. Только Лена осталась спокойна.

— Батюшка, прошептала она, — не тревожься, я знаю что ты хочешь мнѣ сказать. Что мнѣ надо дѣлать? Прикажи. Я ко всему готова. Только я ему ничего не хочу писать, потому что я его люблю и не разлюблю, что бы тамъ ни случилось.

— Мы еще не такъ далеко зашли, дитя, возразилъ дѣдушка съ видимымъ принужденіемъ, — мы хотимъ только знать какъ поступать. Поди напиши ему словечка два чтобъ онъ пріѣхалъ и объяснилъ намъ все откровенно.

— Я сдѣлаю, батюшка, какъ ты приказываешь, сказала тетя Лена, и пошла къ себѣ.

Отецъ мой, братъ Лены, не былъ, къ несчастью, такъ кротокъ какъ дѣдушка. Когда онъ услышалъ что сестра его пишетъ къ жениху, онъ поспѣшилъ къ ней и велѣлъ раз навсегда прекратить все это. Такой человѣкъ: никакого положенія, никакихъ заятій, никакого состоянія, одни долги, да игра на скрипкѣ! Никогда ей за нимъ не быть!

Лена отвѣчала ему спокойно и усмѣхаясь, онъ же, все больше сердясь, велѣлъ ей написать что она считаетъ Гебгарда за низкаго обманщика и презираетъ его. Если она этого не сдѣлаетъ, онъ ее не считаетъ своею сестрой.

— Я этого не сдѣлаю, сказала Лена спокойно. И мой отецъ ушелъ отъ нея въ сильномъ гнѣвѣ. Онъ объявилъ громкогласно что съ этой минуты умываетъ руки во всей этой глупой исторіи и не будетъ вмѣшиваться, пусть сестра идетъ за кого хочетъ.

Въ тотъ же вечеръ мы получили маленькую посылочку. Ее передали моему отцу, такъ какъ ему передавалось все что адресовано было на имя „Мельхиоръ Брантъ и Сынъ“. Онъ вскрылъ коробочку. Тамъ былъ жемчугъ. Съ гнѣвомъ бросилъ онъ его на столъ и потомъ, такъ какъ я одинъ тутъ случился въ комнатѣ, передалъ его мнѣ въ руки и сказалъ: отнеси это тетѣ Ленѣ и скажи ей что это слезы и что ей впредь кромѣ слезъ ждать нечего!

Я гордился этимъ порученіемъ и хотѣлъ исполнить его хорошенько. Неся жемчугъ, я все повторялъ слова отца чтобы не забыть ихъ и передать вѣрно. Лена сидѣла въ уголкѣ у печки когда я вошелъ. Я поднялъ жемчугъ и передалъ:

— Папа велѣлъ тебѣ сказать: это слезы и впредь кромѣ слезъ ждать тебѣ нечего...

Тетя Лена схватила жемчугъ, припала къ нему рыдающимъ лицомъ и по красивымъ зернамъ ожерелья покатались жемчужныя слезы горя.

IV.

Дядя Гебгардъ не заставилъ себя дожидаться. На вызовѣ тети Лены онъ тотчасъ явился. Изъ всего семейства можетъ быть одинъ я встрѣтилъ его попрежнему сердечно. Я уже зналъ что у него совсѣмъ нѣтъ денегъ и что онъ не хочетъ отдавать какихъ-то денегъ, но, во мнѣ заговорила какая-то привязанность къ дядѣ Гебгарду и мнѣ было жалко что у него, бѣднаго, нѣтъ денегъ. Онъ это почувствовалъ и еще разъ оборотился меня поцѣловать послѣ холодныхъ рукопожатій съ которыми его встрѣтили. Я замѣтилъ что теперь онъ не принесъ намъ ни пряниковъ, ни колбасиковъ. За столомъ я вслухъ замѣтилъ что прежде, при дядѣ Гебгардѣ, кушанья у насъ за обѣдомъ были лучше. Послѣ обѣда еще стало скучнѣе чѣмъ до обѣда и вечеръ прошелъ въ молчаніи и прошелъ бы еще хуже еслибъ я не замѣтилъ что на этотъ разъ дядя Гебгардъ принесъ свою скрипку. Мать моя и бабушка столько говорили объ игрѣ его на скрипкѣ что я очень желалъ ее послушать. Я началъ просить его поиграть и сдѣлавъ этою просьбой большую услугу обществу, которое просто не знало что дѣлать съ нимъ и съ собой. Всѣ стали его просить и дядя Гебгардъ взялъ свою скрипку. Онъ сыгралъ нѣсколько венгерскихъ и цыганскихъ

лѣсенъ. Я конечно не могъ имѣть своего мнѣнія объ этомъ, какъ ребенокъ, но мой дѣдушка, старый Чехъ, самъ игралъ когда-то и былъ тронутъ. Даже мой отецъ тихонько сказалъ что нельзя повѣрить чтобы могъ такъ играть человекъ по уши въ долгахъ. Съ первыхъ же звуковъ отъ сердецъ нашихъ стала отлетать тяжесть которая давила цѣлый вечеръ. Всѣ были заинтересованы и растроганы, и всѣ какъ-то заговорили съ дядей Гебгардомъ попрежнему, какъ будто у него не было ни одного крейцера долгу. У бабушки вырвалось что одна такая игра стоитъ тысячъ гульденовъ, а отецъ мой шелнулъ матушкѣ: „эти артисты никогда ничего не получаютъ“. Матушка отвѣтила ему задумчиво: „много надо имѣть горя на сердцѣ чтобы играть такъ печально!“ Самая спокойная изъ всѣхъ была тетя Лена, которая сидѣла въ своемъ уголку, гдѣ ее совсемъ не было видно, только глаза ея блестѣли иногда въ темнотѣ.

Вслѣдствіе этого вечера дѣдушка принялъ рѣшеніе въ тотъ же день переговорить съ женихомъ объ его печальныхъ обстоятельствахъ. Онъ однако отложилъ это непріятное объясненіе до утра. Но когда наступило утро, дяди Гебгарда не было и помину. Онъ ушелъ очень рано.

Смущеніе было велико. Никто не зналъ какъ себѣ это объяснить. Отецъ мой рѣшилъ что дѣло бросовое и что счастливо оно еще кончилось. Но явилась тетя Лена и сообщила что она сама уговорила жениха уйти.

— Ты съ нимъ покончила и отказала? быстро спросилъ мой отецъ.

— Нѣтъ, сухо отвѣчала та.—Я только хотѣла предупредить допросъ и разъяснить все что нужно. Наединѣ со мной ему легче было дѣлать признанія, я же передамъ вамъ ихъ всѣ.

Она сѣла и начала тономъ спокойнаго разказа.

— На девятнадцатомъ году Гебгардъ отправился за границу путешествовать послѣ смерти своего отца. Покойный предназначалъ его для торговой дѣятельности. Мальчикъ не имѣлъ къ ней ни малѣйшей склонности. Онъ хотѣлъ осмотрѣться, поискать счастья и подходящихъ занятій. Онъ не былъ созданъ сидѣть сиднемъ у домашнего очага. Его опекунъ Альтманъ далъ ему небольшую сумму. Случайно познакомился Гебгардъ съ однимъ молодымъ венгерскимъ магнатомъ. Магнатъ очень его полюбилъ и сдѣлалъ его своимъ

домашнимъ секретаремъ, собственно же они были друзья. Они много путешествовали вмѣстѣ, преимущественно по Венгріи. Гебгардъ былъ счастливъ. Онъ скакалъ верхомъ, охотился, жилъ въ величественныхъ венгерскихъ „лустахъ“, учился на скрилкѣ у одного Цыгана. Счастливые годы — веселая и дикая жизнь! Сдѣлавшись совершеннолѣтнимъ, онъ писалъ своему родственнику и опекуну Альтману чтобы тотъ принялъ на себя управленіе его имуществомъ. Онъ не особенно безпокоился объ этомъ небольшомъ имуществѣ, даже когда слышалъ что Альтманъ пускается на разные рискованныя спекуляціи и, очень вѣроятно, тратитъ его деньги. Онъ имѣлъ хорошее и пріятное положеніе и даже радовался, что отцовское наслѣдство идетъ на пользу его же роднымъ.

Венгерскій магнатъ, другъ его, на охотѣ упалъ съ дикой степной лошади, расшибся и умеръ. Гебгардъ вдругъ очутился безпомощнымъ и одинокимъ. Умершій другъ общалъ позаботиться о его судьбѣ, но наслѣдники имѣній не считали себя обязанными помогать незнакомому человѣку. Въ это же время онъ получилъ письмо. Ему писали что семейство его разорено, просили у него же помощи и вызывали немедленно домой. Въ Венгріи Гебгарду ждать было нечего — со смертью друга все кругомъ ему опротивѣло и онъ поѣхалъ на родину. Въ письмѣ говорилось еще что онъ долженъ спасти честь и достоинство фамилии. Еслибы Гебгардъ не возвратился, тогда его родные за долги должны были идти въ тюрьму. Ихъ домъ, единственное достояніе его старухи-матери, долженъ былъ быть проданъ. Возвращеніе Гебгарда обнадежило кредиторовъ, потому что Альтманъ бралъ деньги и на его имя. Кредиторамъ представили что они ничего не достигнутъ если разорять и обезчестятъ дѣлюю фамилію и что напротивъ очень могутъ получить если дадутъ Гебгарду отсрочку. Альтманъ кромѣ того увѣрилъ ихъ что за Гебгардомъ дѣло не станетъ, что онъ скоро сдѣлаетъ блестящую партію. Онъ изъ приданого невѣсты уплатитъ всѣ долги. И Гебгардъ узналъ что въ немъ одномъ единственная надежда семейства. Кредиторы согласились на самую короткую отсрочку. Еслибъ онъ не пошелъ на это соглашеніе, то онъ съ своимъ родственникомъ долженъ бы былъ идти въ тюрьму и мать свою и сестеръ-дѣвушекъ пустить по міру. Незнакомый съ торговыми дѣлами и оборотами,

Гебгардъ легко довѣрился родственнику. Все это разказалъ онъ мнѣ сегодня, но я съ самаго начала знала это изъ его отрывочныхъ намековъ. Онъ меня не обманывалъ — я знала что дѣлаю. Да, это правда—родственникъ его привелъ его сюда чтобы насъ обмануть. Хотѣли только моего приданого. Но во второй разъ онъ пришелъ одинъ, уже по своей волѣ, и разказалъ мнѣ все. Онъ уже хотѣлъ со мною проститься совсѣмъ.

— Теперь конечно, сказалъ мой отецъ, — теперь ты конечно сомнѣваться не станешь, ты знаешь что они хотѣли сдѣлать съ твоимъ приданымъ?

— Какой вамъ отъ того убытокъ, улыбаясь замѣтила тетя Лена, — еслибы мое приданое и истрачено было? Развѣ я не говорила тебѣ — *я его люблю!* Какое лучшее употребленіе я могу сдѣлать изъ этихъ денегъ? Я его спасу отъ тюрьмы и позора. Ему нужно мое приданое, но и я ему нужна. Онъ не практическій человекъ какъ вы. Онъ художникъ по натурѣ, и его ли вина что онъ не могъ и не умѣлъ такъ сколачивать состояніе какъ люди практическіе?

Она встала, какъ бы высказавъ все что надо. Послѣ этого я примому было у насъ въ дому какъ-то пасмурно. По дому ходили тихо, какъ будто былъ кто-нибудь опасно боленъ. Дѣдушка задумчиво сидѣлъ на своей качалкѣ; бабушка приходила къ нему и разказывала какъ безпокойно Ленушка опять провела ночь. Мой отецъ въ горѣ всегда былъ раздражителенъ и не одинъ толчокъ получилъ я за это неприятное время. Несмотря на то что тетя Лена, наконецъ, прекратила всякія разсужденія по этому вопросу, все-таки не оставляли въ покоѣ; ей представляли на какое несчастіе она шла. По здравому смыслу уже ей надо непремѣнно оставить это дѣло. Ни о чемъ другомъ въ домѣ не говорили. Я самъ такъ интересовался этимъ что когда начинали говорить о чемъ-нибудь другомъ, я не слушалъ. Но одна сцена вѣзлась особенно въ моей памяти. Сказаны были только нѣсколько словъ, но они произвели на меня такое впечатлѣніе какъ потомъ не производили самыя патетическія сцены трагедій.

Это было утроемъ. Дѣдушка сидѣлъ на своей качалкѣ. Тетя Лена стояла у камина и противъ зеркала которое поставила на каминную полку разчесывала свои длинные, черные волосы. Дѣдушка опять заговорилъ на ту же тему, на которую говорили не одну недѣлю. Тетя Лена почти не отвѣ-

чала, и это я понималъ что отвѣчать ей нечего. Я разсуждалъ про себя — всѣ эти безконечные разговоры бѣдной тетускѣ должны страшно наскучить. Я удивлялся еще ея терпѣнію. Рука ея однако все болѣе и болѣе дрожала на длинныхъ волосахъ пока дѣдушка говорилъ про лаутовъ-родственниковъ Гебгарда. Она какъ будто пріостанавливала иногда руку съ гребнемъ. Дѣдушка замолчалъ, ожидая ея отвѣта. Отвѣта не было. Тогда старикъ поднялся на своихъ больныхъ ногахъ, поднялъ правую руку, оперся лѣвою о кресло и сказалъ глухимъ голосомъ:

— Лена! Слушай! Если ты собою не дорожишь, ты не знаешь что еще съ тобой тогда будетъ!

Тетя Лена подошла къ старику и съ блѣдными губами и сверкающими глазами отвѣтила:

— Я буду просить милостыни, но никогда не подойду къ вашимъ дверямъ....

Я не знаю какія были послѣдствія. Сцена эта въ моей памяти рѣзко осталась какъ будто картина въ рамкѣ. Я знаю только—свадьба наконецъ устроилась и я жаловался въ тотъ день матускѣ и тетѣ Ленѣ что свадьба вовсе не веселая. Я уже зналъ какія должны быть свадьбы, потому что всего за годъ предъ этимъ тетя Розалія выходила замужъ. Ея свадьба была для меня идеаломъ свадебъ. Женихъ, веселый, богатый малый, привезъ съ собою всѣхъ своихъ братьевъ и родственниковъ. То были краснощекіе, здоровые деревенскіе хозяева. Дѣдушка угощалъ весь околотокъ—танцовали, пѣли, по дому и по двору раздавались крики и смѣхъ, и деревенская молодежь веселилась до утра. Теперь было совсѣмъ иначе. Съ нашей стороны были только семейные, родные моего отца, которые на эту свадьбу смотрѣли съ такимъ же предубѣжденіемъ. Женихъ привезъ съ собою только одну молоденькую сестренку, которая робко и тихо бродила по дому. Точно она боялась упрековъ или непріятностей. О танцахъ никто и не думалъ. Никто не подумалъ и о деревенской молодежи. Вообще этотъ странный день въ моемъ воспоминаніи не сказывается ничѣмъ пріятнымъ и веселымъ.

Въ одно утро, вскорѣ, тетя Лена съ мужемъ и его сестрой уѣхали въ коляскѣ. Въ числѣ прощавшихся стоялъ у крыльца и Нейбергъ. Когда новобрачная ему протянула руку, онъ притянулъ ее немного къ себѣ и сказалъ ей на ухо прерывающимся голосомъ, со слезами на глазахъ:

— Ленушка! Ты знаешь, у меня есть немножко, если ты будешь нуждаться....

Къ удивленію присутствующихъ (они этихъ словъ не слышали) Лена вдругъ обняла Нейберга и поцѣловала и вскочила въ коляску. Коляска тяжело двинулась съ мѣста. Мы смотрѣли вслѣдъ, пока ее было видно, потомъ молча разошлись. Всѣ сѣли дома, молчаливые и печальные, точно послѣ похоронъ.

V.

Въ первое же воскресенье, когда тетя Лена пошла съ мужемъ въ церковь, она увидѣла у дверей церковныхъ маленькаго старичка въ засаленномъ, длинномъ сюртукѣ, со старою вытертою шляпой въ рукахъ. Лена приняла его за нищаго. Но онъ захопоталъ и началъ къ нимъ проталкиваться на встрѣчу. Онъ сталъ около Лены такъ близко что залѣлъ ея праздничное платье своимъ засаленнымъ рукавомъ. Онъ сказалъ Ленѣ какимъ-то смѣшнымъ, театральнымъ шепотомъ, такъ что всѣ прихожане могли слышать:

— Если въ слѣдующее воскресенье мнѣ не будетъ заплачено за это ожерелье, я сорву его при всѣхъ съ вашей шеи...

Лена увидѣла измѣнившееся лицо мужа и его руку поднятую надъ головой старика. Она отстранила мужнину руку, сняла съ шеи ожерелье и передала старiku.

— Не надо мнѣ ожерелья! бранчиво заговорилъ тотъ, оно продано, я хочу свои денежки получить.

Лена взяла ожерелье обратно и вошла въ церковь.

Въ слѣдующее воскресенье за ожерелье было заплачено и оно само продано. Заплачено за мебель, уплачено еще много векселей и Лена въ своей дѣятельности зашла такъ далеко что хотѣла продать все что было чтобы уплачивать долги. Впрочемъ и судъ принялъ въ этомъ участіе и продалъ домъ. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ медовый мѣсяцъ тети Лены. Она не писала въ своихъ письмахъ къ намъ объ этомъ. Ни одной жалобы не вывалось у нея, хотя не исполнились планы которые она составляла задолго до свадьбы. Но милостыни просить не пошла тетя Лена.

Съ маленькою суммой которая осталась отъ продажи дома арендовала она фермочку съ землей близъ города. Потомъ продала свои платья и украшенія и съ этимъ начала свое хозяйство. Никто изъ насъ не видалъ ея въ этомъ положе-

ни—какъ она работала въ полѣ. Дѣдушка былъ ужъ слишкомъ старъ для развѣздовъ и боленъ. А отецъ мой рѣшилъ не ѣхать къ ней пока она сама его не пригласитъ.

Черезъ годъ послѣ свадьбы мы получили извѣстiе что у нея родился мальчикъ, и что она довольна. Она можетъ содержать все семейство и старуху свекровь, которая живетъ съ ними. Чего же ей больше?

Въ одномъ письмѣ она говорила:

„О, какъ стали бы вы отъ всего сердца просить прощенiя у моего бѣднаго мужа еслибы видѣли какъ онъ въ дождь и въ зной трудится въ полѣ, какъ онъ носитъ овощи на базаръ на сплнѣ. Мальчикъ мой, настоящiй портретъ отца, цвѣтетъ и здоровѣетъ. Вечеромъ, когда не очень устанетъ, мужъ мой играетъ намъ съ мальчикомъ на скрипкѣ свои чудныя пѣсни. Мы счастливы...“

Прочитавъ это, дѣдушка продалъ коляску свою, лошадей, все лишнее; взялъ свою долю капитала изъ оборота „Брантъ и Сынъ“ и послалъ эти деньги тетѣ Ленѣ. Черезъ нѣсколько дней онъ возвращены съ благодарностью. Тетя Лена писала что она въ нихъ не нуждалась.

Прошли три и четыре года. Дѣдушка почти уже не двигался съ мѣста, бабушка вдругъ опустилась и сильно постарѣла. Чтѣ было у нея въ эти четыре года, я не знаю, потому что уже былъ въ городѣ въ школѣ. Я знаю только что о тетѣ Ленѣ беспокоились больше прежняго.

Былъ несчастный годъ. Весной сильныя дожди и бури испортили посѣвы. Чтѣ пощадилъ весеннiя бури, то погубили ужасныя лѣтнiе жары. Со страхомъ ожидали зимы и всѣхъ ужасовъ голоднаго года. Правительство и магнаты воспользовались несчастiемъ нашей страны чтобы заселить пустыни Венгрии и основать тамъ новыя поселенiя. Особыми объявленiями приглашались къ переселенiю въ Венгriu. Духовенство и чиновники, которые въ этомъ переселенiи видѣли единственный исходъ, распространяли это объявленiе, ободряли бѣдныхъ къ переселенiю, старались ихъ ссужать деньгами на дорогу. Казалось, чуть не цѣлая половина населенiя страны собиралась выселяться. Объ Америкѣ и эмиграци у насъ еще не знали. И поднялись всѣ изъ родныхъ мѣстъ въ плодородную Венгriu, которую имъ представили страной обфтованною. По дорогамъ лтянулись толпы лѣшихъ, ряды повозокъ, на дальнiй Востокъ....

Велико было смятенiе въ нашей семьѣ когда прошелъ

слухъ что тетя Лена съ мужемъ и сыномъ также собираются въ Венгрію. Дѣдушка поднялся было самъ къ ней отговорить ее. Мой отецъ нарушилъ свое слово не ѣздить къ сестрѣ безъ приглашенія и собрался въ путь. Онъ пріѣхалъ въ Прагу, взялъ меня съ собой (тогда была вакація) и мы скоро отправились.

Мы нашли въ домикѣ, который арендовала тетя Лена, уже другаго жильца. Отъ него узнали что семья Гебгарда въ маленькой, крытой рогожкой повозкѣ, въ одну лошадку, уѣхала только вчера.

Не трудно было на парѣ нашихъ сильныхъ лошадей нагнать повозку. Отецъ мой не долго раздумывалъ, и мы въ тотъ день сѣдлали еще пряжку по указанному направленію. Отдохнувшія лошади шли крупною рысью. Наши путешественники должны были быть уже близко, и мы внимательно посматривали на дорогу. Много повозокъ и семей обгоняли мы, но нашихъ не было видно. Около полудня увидали мы, наконецъ, въ сторонкѣ отъ дороги, въ тѣни кустовъ, повозку, которая, по соображеніямъ, должна была принадлежать нашимъ. Мы оставили лошадей и свою толѣжку съ работникомъ на дорогѣ и чрезъ лѣсъ пошли къ этой повозкѣ.

Тропинка по которой мы шли спускалась въ оврагъ, и за кустами мы потеряли направленіе. Мы начали соображать такъ ли мы идемъ, когда услышали нѣжные звуки скрипки. Мы остановились тихонько. Отецъ мой спрятался за дерево и заплакалъ. Да, я помню, онъ плакалъ. Тихіе, стройные звуки разносились по воздуху, когда отецъ мой тихо пошелъ, стараясь не шумѣть вѣтвями. Я шелъ за нимъ также безсознательно тихо, притаивъ дыханіе. Мы остановились шагахъ въ двадцати отъ нашихъ путешественниковъ, за кустами. Мы могли видѣть ихъ ясно.

Маленькая крестьянская рогожная повозка была приворочена въ тѣни кустовъ и близъ нея ласлась спутанная лошадка. Дальше въ лѣсу, въ тѣни огромнаго бука, пріютилось все семейство. Дядя Гебгардъ сидѣлъ на поваленномъ деревѣ и съ большимъ оживленіемъ игралъ чешскую старую пѣсню. Короткополая шалочка отбѣняла его смуглое лицо, загорѣлое и обвѣтренное. Это лицо было попрежнему красиво, пожалуй еще красивѣе,—въ немъ появилось что-то сильное и мужественное. Онъ сбросилъ съ себя кафтанъ чтобы рукамъ было свободнѣе. Онъ положилъ ногу на ногу и играя лѣвою смотрѣлъ на ребенка, который припавъ на колѣни

матери тихо дремала подъ игру. Тетя Лена положила одну руку на кудрявую головку своего ребенка, а другою подперла подбородокъ. Съ нѣжною улыбкой глядѣла она на мужа и слегка покачивала головой въ тактъ пѣсни. Она удивительно мало перемѣнилась. Кромѣ повязки на головѣ и крестьянскаго синяго платья, я съ перваго взгляда узналъ мою прежнюю хорошенькую тетю Лену. Правда, она нѣсколько пополнѣла, свѣжесть ея щекъ не была такъ ярка какъ прежде. Но милыя очертанія лица были тѣ же и глаза были какъ прежде темны и блестящи, только взглядъ сталъ кротче и спокойнѣе. Между ними стояли въ травѣ остатки простаго завтрака и большая кружка. На эту картину, озаренную яркимъ солнцемъ, мы смотрѣли въ волненіи,—на эту картину мирнаго и спокойнаго счастія. Казалось у отца моего не хватало духу нарушить это уединеніе, онъ все прятался въ кустахъ. Я же увидѣвъ свою прежнюю тетю Лену, не дожидаясь отца, невольно выскочилъ изъ кустовъ и кинулся на шею къ тетѣ и дядѣ Гебгарду и разцѣловалъ своего маленькаго племянника.

Что мнѣ дальше разказывать? То были чудныя минуты человѣческой любви и прощенія. Тетя Лена съ моимъ отцомъ встрѣтилась какъ самая нѣжная сестра; она была счастлива что видѣла своихъ семейныхъ предъ отъѣздомъ въ Венгрію. Она не перемѣнила намѣренія и спокойно оказалась отъ всѣхъ предложеній моего отца и его проектовъ. Отецъ мой былъ растроганъ и смягчился. Ребенокъ тети Лены плѣнился брелоками на жилетѣ моего отца и получилъ ихъ въ подарокъ вмѣстѣ съ золотою цѣпочкой. Сердца наши были полны такой дружбы и любви взаимной. Да пошлетъ Господь много такихъ минутъ въ сердца людей!

Сцену эту никогда не забудетъ мое сердце. Мы сидѣли до вечерней зари. Тогда дядя Гебгардъ запрегъ свою лошадку, мы простились, и повозка поѣхала въ путь. Мы долго ихъ провожали; что мы говорили и какъ разставались, мнѣ этого не описать.

Пока были живы дѣдушка и бабушка, мы получали изъ Венгріи письма. Но старики успокоились подъ зеленымъ холмикомъ нашего деревенскаго кладбища и мы ничего уже не слышали о нашей тетѣ Ленѣ.

АННА КАРЕНИНА^{*}

Р О М А Н Ъ.

XXVIII.

Какъ и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ собираются люди, такъ и на маленькихъ нѣмецкихъ водахъ куда прѣѣхали Щербацкіе, совершилась обычная какъ бы кристаллизація общества, опредѣляющая каждому его члену опредѣленное и неизмѣнное мѣсто. Какъ опредѣленно и неизмѣнно частица воды на холодѣ получаетъ извѣстную форму снѣжнаго кристалла, такъ точно каждое новое лицо прѣѣзжавшее на воды тотчасъ же устанавливалось въ свойственное ему мѣсто.

Фюрстъ Щербацкій залп гелалии унд тохтэр, и по квартирѣ которую заняли, и по имени, и по знакомымъ которыхъ они нашли, тотчасъ же кристаллизовались въ свое опредѣленное и предназначенное имъ мѣсто.

На водахъ въ этомъ году была настоящая нѣмецкая фюрстинъ, вслѣдствіе чего кристаллизація общества совершалась еще энергичнѣе. Княгиня непремѣнно пожелала представить принцессѣ свою дочь и на второй же день совершила этотъ

---

^{*} См. Русск. Вѣстн. №№ 1, 2 и 3й.

обрядъ. Кити низко и граціозно присѣла въ своемъ выпланномъ изъ Парижа *очень простомъ*, то-есть очень нарядномъ лѣтнемъ платьѣ. Принцесса сказала: „надѣюсь что розы скоро вернутся на это хорошенькое личико“, и для Щербацкихъ тотчасъ же твердо установились опредѣленные пути жизни, изъ которыхъ нельзя уже было выйти. Щербацкіе познакомились и съ семействомъ англійской леди, и съ нѣмецкою графиней, и съ ея раненымъ въ послѣдней войнѣ сыномъ, и со Шведомъ ученымъ, и съ М. Сапут и его сестрой. Но главное общество Щербацкихъ невольно составилось изъ московской дамы Марьи Евгеніевны Ртищевой съ дочерью, которая была непріятна Кити потому что заболѣла также какъ и она отъ любви, и московскаго полковника, котораго Кити съ дѣтства видѣла и знала въ мундирѣ и эполетахъ, и который тутъ со своими маленькими глазками и съ открытою шеей въ цвѣтномъ галстучкѣ былъ необыкновенно смѣшонъ и скученъ тѣмъ что нельзя было отъ него отдѣлаться. Когда все это такъ твердо установилось, Кити стало очень скучно, тѣмъ болѣе что князь уѣхалъ въ Карлсбадъ, и она осталась одна съ матерью. Она не интересовалась тѣми кого знала, чувствуя что отъ нихъ ничего уже не будетъ новаго. Главный же задушевный интересъ ея на водахъ составляли теперь наблюденія и догадки о тѣхъ которыхъ она не знала. По свойству своего характера, Кити всегда въ людяхъ предполагала все самое прекрасное, и въ особенности въ тѣхъ кого она не знала. И теперь дѣлая догадки о томъ кто—кто, какія между ними отношенія и какіе они люди, Кити воображала себѣ самые удивительные и прекрасные характеры и находила подтвержденіе въ своихъ наблюденіяхъ.

Изъ такихъ лицъ въ особенности занимала ее одна русская дѣвушка, пріѣхавшая на воды съ больною русскою дамой, мадамъ Шталь, какъ ее всѣ звали. Мадамъ Шталь принадлежала къ высшему обществу, но она была такъ больна что не могла ходить и только въ рѣдкіе хорошіе дни появлялась на водахъ въ колясочкѣ. Но не столько по болѣзни, сколько по гордости, какъ объясняла княгиня, мадамъ Шталь не была знакома ни съ кѣмъ изъ Русскихъ. Русская дѣвушка ухаживала за мадамъ Шталь и, кромѣ того, какъ замѣчала Кити, сходилась со всѣми тяжело-больными, которыхъ было много на водахъ, и самымъ патуральнымъ образомъ

ухаживала за ними. Русская дѣвушка эта, по наблюденіямъ Кити, не была родня мадамъ Шталь и вмѣстѣ съ тѣмъ не была наемная помощница. Мадамъ Шталь звала ее „Варенька, а другіе звали „Mlle Варенька“. Не говоря уже о томъ что Кити интересовали наблюденія надъ отношеніями этой дѣвушки къ гжѣ Шталь и къ другимъ незнакомымъ ей лицамъ, Кити, какъ это часто бываетъ, испытывала необъяснимую симпатію къ этой Mlle Варенькѣ и чувствовала, по встрѣчающимся взглядамъ, что и она нравится.

Mlle Варенька эта была не то что не первой молодости, но какъ бы существо безъ молодости: ей можно было дать и девятнадцать, и тридцать лѣтъ. Если разбирать ея черты, она несмотря на болѣзненный цвѣтъ лица была скорѣе красива чѣмъ дурна. Она была бы и хорошо сложена, еслибы не слишкомъ большая сухость тѣла и несоразмѣрная голова, по среднему росту, но она не должна была быть привлекательна для мужчинъ. Она была похожа на прекрасный, хотя еще и полный лепестковъ, но уже отцвѣтшій безъ запаха цвѣтокъ. Кромѣ того она не могла быть привлекательною для мужчинъ еще и потому что ей не доставало того чего слишкомъ много было въ Кити—сдержаннаго огня жизни и сознанія своей привлекательности.

Она всегда казалась занятою дѣломъ въ которомъ не могла быть сомнѣнія, и потому, казалось, ничѣмъ постороннимъ не могла интересоваться. Этою противоположностью съ собой она особенно привлекала къ себѣ Кити. Кити чувствовала что въ ней, въ ея складѣ жизни, она найдетъ образецъ того чего теперь мучительно искала—интересовъ жизни, достоинства жизни, въ отвратительныхъ для Кити свѣтскихъ отношеній дѣвушки къ мужчинамъ, представлявшихся ей теперь позорною выставкой товара ожидающаго покупателей. Чѣмъ больше Кити наблюдала своего неизвѣстнаго друга, тѣмъ болѣе убѣждалась что эта дѣвушка есть то самое совершенное существо какимъ она ее себѣ представляла и тѣмъ болѣе она желала познакомиться съ ней.

Обѣ дѣвушки встрѣчались въ день по нѣсколько разъ, и при каждой встрѣчѣ глаза Кити говорили: „кто вы? что вы? Вѣдь правда что вы то предестное существо какимъ я воображаю васъ? Но ради Бога не думайте,“ прибавлялъ ея взглядъ, „что я позволяю себѣ навязываться въ знакомыя. Я просто люблю васъ и люблю васъ.“ — „Я тоже люблю васъ

и вы очень, очень милы. И еще больше любила бы васъ еслибъ имѣла время," отвѣчала взглядъ неизвѣстной дѣвушки. И дѣйствительно, Кити видѣла что она всегда занята: или она уводитъ съ собою дѣтей русскаго семейства, или несетъ пледъ для больной и укутываетъ ее, или старается развлечь раздраженнаго больного, или выбираетъ и покупаетъ печенье къ кофею для кого-то.

Скоро послѣ пріѣзда Щербачихъ, на утреннихъ водахъ появились еще два лица обратившія на себя общее недружелюбное вниманіе. Это были: очень высокій, сутуловатый мужчина съ огромными руками, въ короткомъ, не по росту, и старомъ пальто, съ черными, наивными и вмѣстѣ страшными глазами, и рябоватая миловидная женщина, очень дурно и безвкусно одѣтая. Признавъ этихъ лицъ за Русскихъ Кити уже начала въ своемъ воображеніи составлять о нихъ прекрасный и трогательный романъ. Но княгиня узнавъ по Киглисте что это былъ Левинъ Николай и Марья Иванова, объявила Кити какой дурной человѣкъ былъ этотъ Левинъ, и всѣ мечты объ этихъ двухъ лицахъ исчезли. Не столько потому что мать сказала ей, сколько потому что это былъ братъ Константина, для Кити эти лица вдругъ показались въ высшей степени непріятны. Этотъ Левинъ возбуждалъ въ ней теперь, своею привычкою подергиваться головой, непреодолимое чувство отвращенія.

Ей казалось что въ его большихъ страшныхъ глазахъ, которые упорно слѣдили за ней, выражалось чувство ненависти и насмѣшки и она старалась избѣгать встрѣчи съ нимъ.

Былъ ненастный день, дождь шелъ все утро, и больные съ зонтиками толпились въ галлерей.

Кити ходила съ матерью и съ московскимъ полковникомъ, весело щеголявшимъ въ своемъ европейскомъ, купленномъ готовымъ во Франкфуртѣ сюртучкѣ. Они ходили по одной сторонѣ галлерей стараясь избѣгать Левина ходившаго по другой сторонѣ. Варенька, въ своемъ темномъ платьѣ, въ черной, съ отогнутыми внизъ полями шляпѣ, ходила со слѣпою Француженкой во всю длину галлерей, и каждый разъ какъ она встрѣчалась съ Кити, онѣ перекидывались дружескимъ взглядомъ.

— Мама, можно мнѣ заговорить съ нею? сказала Кити, слѣдившая за своимъ незнакомымъ другомъ и замѣтившая что она подходитъ къ ключу и онѣ могутъ сойтись у него.

— Да, если тебѣ такъ хочется, я узнаю прежде о ней и сама подойду, отвѣчала мать. — Что ты въ ней нашла особеннаго? Компаньйонка должно-быть. Если хочешь я познакомлюсь съ мадамъ Шталь. Я знала ея *belle-soeur*, прибавила княгиня гордо поднимая голову.

Кити знала что княгиня оскорблена тѣмъ что гжа Шталь какъ будто избѣгала знакомиться съ нею. Кити не настаивала.

— Чудо какая милая! сказала она глядя на Вареньку, въ то время какъ та подавала стаканъ Француженкѣ. — Посмотрите какъ все просто, мило.

— Уморительны мнѣ твои *engouements*, сказала княгиня: — нѣтъ, пойдемъ лучше назадъ, прибавила она, замѣтивъ двигавшагося имъ на встрѣчу Левина съ своею дамою и съ нѣмедкимъ докторомъ, съ которымъ онъ что-то громко и сердито говорилъ.

Онѣ поворачивались чтобъ идти назадъ, какъ вдругъ услышали ужъ не громкій говоръ а крикъ. Левинъ остановившись кричалъ и докторъ тоже горячился. Толпа собиралась вокругъ нихъ. Княгиня съ Кити поспѣшно удалились, а полковникъ присоединился къ толпѣ чтобъ узнать въ чемъ дѣло.

Черезъ нѣсколько минутъ полковникъ нагналъ ихъ.

— Что это тамъ было? спросила княгиня.

— Позоръ и срамъ, отвѣчалъ полковникъ. — Одного боишься, это встрѣчаться съ Русскими за границей. Этотъ высокій господинъ поборанился съ докторомъ, наговорилъ ему дерзости за то что тотъ его не такъ лѣчитъ и замахнулся палкой. Срамъ просто!

— Ахъ, какъ непріятно, сказала княгиня. — Ну чѣмъ же кончилось?

— Спасибо тутъ вмѣшалась эта... эта въ шляпѣ грибомъ. Русская кажется, сказалъ полковникъ.

— *Mlle* Варенька? радостно спросила Кити.

— Да, да. Она нашлась скорѣе всѣхъ, она взяла этого господина подъ руку и увела.

— Вотъ, мама, сказала Кити матери, — вы удивляетесь что я восхищаюсь ею.

Съ слѣдующаго дня наблюдая неизвѣстнаго своего друга, Кити замѣтила что *Mlle* Варенька и съ Левинымъ, и его женщиной находится уже въ тѣхъ отношеніяхъ какъ и съ

другими своими *protégés*. Она подходила къ нимъ, разговаривала, служила переводчицей для женщины, не умѣвшей говорить ни на одномъ языкѣ.

Кити еще болѣе стала умолять мать позволить ей познакомиться съ Варенькой. И какъ ни непріятно было княгинѣ какъ будто дѣлать первый шагъ въ желаніи познакомиться съ гжею Шталь позволявшей себѣ чѣмъ-то гордиться, она навела справки о Варенькѣ и узнавъ о ней подробности давшія заключить что не было ничего худого, хотя и хорошаго мало, въ этомъ знакомствѣ, — сама первая подошла къ Варенькѣ и познакомилась съ нею.

Выбравъ время когда дочь ея пошла къ ключу, а Варенька остановилась противъ булочника, княгиня подошла къ ней.

— Позвольте мнѣ познакомиться съ вами, сказала она съ своею достойною улыбкой. — Моя дочь влюблена въ васъ, сказала она. — Вы можете-быть не знаете меня. Я..

— Это больше чѣмъ взаимно, княгиня, поспѣшно отвѣчала Варенька.

— Какое вы доброе дѣло сдѣлали вчера нашему жалкому соотечественнику, сказала княгиня.

Варенька покраснѣла. — Я не помню, я кажется ничего не дѣлала, сказала она.

— Какъ же, вы спасли этого Левина отъ непріятности.

— Да, са сопрagne позвала меня, и я постаралась успокоить его: онъ очень боленъ и не доволенъ быть докторомъ. А я имѣю привычку ходить за этими больными.

— Да, я слышала что вы живете въ Ментонѣ съ вашею тетушкой, кажется, Мме Шталь. Я знала ея *belle-soeur*.

— Нѣтъ, она мнѣ не тетка. Я называю ее *mam*, но я ей не родня; я воспитана ею, опять покраснѣвъ, отвѣчала Варенька.

Это было такъ просто сказано, такъ мило было правдивое и открытое выраженіе ея лица что княгиня поняла почему ея Кити полюбила эту Вареньку.

— Ну что же этотъ Левинъ? спросила княгиня.

— Онъ уѣзжаетъ, отвѣчала Варенька.

Въ это время, сіяя радостью о томъ что мать ея познакомилась съ ея неизвѣстнымъ другомъ, отъ ключа подходила Кити.

— Ну вотъ, Кити, твое сильное желаніе познакомиться съ Mlle....

— „Варенькой“, улыбаясь подсказала Варенька: — такъ всѣ меня зовутъ.

Кити покраснѣла отъ радости и долго молча жала руку своего новаго друга, которая не отвѣчала на ея пожатіе, но неподвижно лежала въ ея рукѣ. Рука не отвѣчала на пожатіе, но лицо Миле Вареньки просіяло тихою радостною, хотя и нѣсколько грустною улыбкой открывавшею большіе, но прекрасные зубы.

— Я сама давно хотѣла этого, сказала она.

— Но вы такъ заняты...

— Ахъ, напротивъ, я ничѣмъ не занята, отвѣчала Варенька. Но въ ту же минуту должна была оставить своихъ новыхъ знакомыхъ, потому что двѣ маленькія русскія дѣвочки, дочери больнаго, бѣжали къ ней.

— Варенька, мама зоветъ! кричали онѣ.

И Варенька пошла за ними.

XXIX.

Подробности которыя узнала княгиня о прошедшемъ Вареньки и объ отношеніяхъ ея къ мадамъ Шталь и о самой мадамъ Шталь были слѣдующія:

Мадамъ Шталь, про которую одни говорили что она замучила своего мужа, а другіе говорили что онъ замучилъ ее своимъ безправственнымъ поведеніемъ, была всегда болѣзненная и восторженная женщина. Когда она родила, уже разведясь съ мужемъ, перваго ребенка, ребенокъ этотъ тотчасъ же умеръ, и родные гжи Шталь, зная ея чувствительность и боясь чтобъ это извѣстіе не убило ея, подмѣнили ей ребенка, взявъ родившуюся въ ту же ночь и въ томъ же домѣ въ Петербургѣ дочь придворнаго повара. Это была Варенька. Мадамъ Шталь узнала въ послѣдствіи что Варенька была не ея дочь, но продолжала ее воспитывать, тѣмъ болѣе что очень скоро послѣ этого родныхъ у Вареньки никого не осталось.

Мадамъ Шталь уже болѣе десяти лѣтъ безвыѣздно жила за границей на югѣ, никогда не вставая съ постели. И одни говорили что мадамъ Шталь сдѣлала себѣ общественное положеніе добродѣтельной, высоко-религіозной женщины; другіе говорили что она была въ душѣ то самое высоко нрав-

ственное существо, жившее только для добра ближняго, какимъ она представлялась. Никто не зналъ какой она религии, католической, протестантской или православной; но одно было несомнѣнно, она находилась въ дружескихъ связяхъ съ самыми высшими лицами всѣхъ церквей и исповѣданій.

Варенька жила съ нею постоянно за границей, и всѣ кто знали мадамъ Шталь знали и любили Mlle Вареньку, какъ всѣ ее звали.

Узнавъ всѣ эти подробности княгиня не нашла ничего предосудительнаго въ сближеніи своей дочери съ Варенькой; тѣмъ болѣе что Варенька имѣла манеры и воспитаніе самая хорошая: отлично говорила по-французски и по-англійски, а главное передала отъ гжи Шталь сожалѣніе что она по болѣзни лишена удовольствія познакомиться съ княгиней.

Познакомившись съ Варенькой, Кити все болѣе и болѣе прельщалась своимъ другомъ и съ каждымъ днемъ находила въ ней новыя достоинства.

Княгиня услыхавъ о томъ что Варенька хорошо поетъ попросила ее придти къ нимъ лѣтъ вечеромъ.

— Кити играетъ и у насъ есть фортепьяно, нехорошее правда, но вы намъ доставите большое удовольствіе, сказала княгиня съ своею притворною улыбкой которая особенно непріятна была теперь Кити, потому что она замѣтила что Варенькѣ не хотѣлось пѣть. Но Варенька однако пришла вечеромъ и принесла съ собой тетрадь нотъ. Княгиня пригласила Марью Евгеньевну съ дочерью и полковника.

Варенька казалась совершенно равнодушною къ тому что тутъ были незнакомыя ей лица и тотчасъ же подошла къ фортепьяно. Она не умѣла себѣ акомпанировать, но прекрасно читала ноты голосомъ. Кити, хорошо игравшая, акомпанировала ей.

— У васъ необыкновенный талантъ, сказала ей княгиня, послѣ того какъ Варенька прекрасно слѣла первую піесу.

Марья Евгеньевна съ дочерью благодарили и хвалили ее.

— Посмотрите, сказалъ полковникъ глядя въ окно, — какая публика собралась васъ слушать. Дѣйствительно, подъ окнами собралась довольно большая толпа.

— Я очень рада что это доставляетъ вамъ удовольствіе, просто отвѣчала Варенька.

Кити съ гордостью смотрѣла на своего друга. Она восхищалась и ея искусствомъ, и ея голосомъ, и ея лицомъ, но

болѣе всего восхищалась ея манерой, тѣмъ что Варенька очевидно ничего не думала о своемъ лѣтѣ и была совершенно равнодушна къ похваламъ; она какъ будто спрашивала только: нужно ли еще лѣтъ или довольно?

„Еслибъ это была я, думала про себя Кити, какъ бы я гордилась этимъ! Какъ бы я радовалась глядя на эту толпу людъ окнами! А ей совершенно все равно. Ее побуждаетъ только желаніе не отказать и сдѣлать пріятное *татан*. Что же въ ней есть? Что даетъ ей эту силу пренебрегать всѣмъ, быть независимо спокойною? Какъ бы я желала это знать и научиться отъ нея этому,“ вглядываясь въ это спокойное лицо, думала Кити. Княгиня попросила Вареньку спѣть еще, и Варенька спѣла другую піесу также ровно, отчетливо и хорошо, прямо стоя у фортепьяно и отбивая по нимъ тактъ своею худою смуглою рукой.

Слѣдующая затѣмъ въ тетради піеса была италіянская лѣсня. Кити сыграла прелюдію и оглянулась на Вареньку.

— Пропустимъ эту, сказала Варенька покраснѣвъ.

Кити испуганно и вопросительно остановила свои глаза на лицѣ Вареньки.

— Ну другое, послѣшню сказала она перевертывая листы, и тотчасъ же понявъ что съ этою піесой было соединено что-то.

— Нѣтъ, отвѣчала Варенька положивъ свою руку на ноты и улыбаясь, — нѣтъ, споемте это, и она спѣла это также спокойно, холодно и хорошо какъ и прежде.

Когда она кончила, всѣ опять благодарили ее и пошли пить чай. Кити съ Варенькой вышли въ садикъ бывшій подлѣ дома.

— Правда что у васъ соединено какое-то воспоминаніе съ этою лѣсней? сказала Кити. — Вы не говорите, послѣшню прибавила она, — только скажите — правда?

— Нѣтъ, отчего? я скажу просто, сказала Варенька, и не дожидаясь отвѣта продолжала: — Да, это воспоминаніе и было тяжелое когда-то. Я любила одного человѣка, и эту вещь я пѣла ему.

Кити съ открытыми большими глазами молча, умиленно смотрѣла на Вареньку.

— Я любила его и онъ любилъ меня, но его мать не хотѣла и онъ женился на другой. Онъ теперь живетъ не далеко отъ насъ и я иногда вижу его. Вы не думали что у меня тоже

былъ романъ, сказала она, и въ красивомъ лицѣ ея чуть брезжилъ тотъ огонекъ который Кити чувствовала когда-то освѣщавъ ее всю.

— Какъ не думала? Еслибъ я была мужчина, я бы не могла любить никого послѣ того какъ узнала васъ. Я только не понимаю, какъ онъ могъ въ угоду матери забыть васъ и сдѣлать васъ несчастною; у него не было сердца.

— О нѣтъ, онъ очень хорошій человѣкъ, и я не несчастна, напротивъ я очень счастлива. Ну, такъ не будемъ больше пѣть нынче, прибавила она, направляясь къ дому.

— Какъ вы хороши, какъ вы хороши! вскрикнула Кити, и остановивъ ее подѣловала.—Еслибъ я хоть немножко могла быть похожа на васъ!

— Зачѣмъ вамъ быть на кого-нибудь похожей. Вы хороши, какъ вы есть, улыбаясь своею кротою и усталою улыбкой, сказала Варенька.

— Нѣтъ, я совсѣмъ не хороша. Ну, скажите мнѣ.... Постоите, посидимте, сказала Кити, усаживая ее опять на скамейку подлѣ себя.—Скажите, неужели не оскорбительно думать что человѣкъ пренебрегъ вашею любовью, что онъ не хотѣлъ....

— Да онъ не пренебрегъ; я вѣрю что онъ любилъ меня, но онъ былъ покорный сынъ....

— Да, но еслибъ онъ не по волѣ матери, а просто, самъ.... говорила Кити, чувствуя что она выдала свою тайну и что лицо ея, горящее румянцемъ стыда, уже изобличило ее.

— Тогда бы онъ дурно поступилъ, и я бы не жалѣла его, отвѣчала Варенька, очевидно понявъ что дѣло идетъ уже не о ней, а о Кити.

— Но оскорбленіе, сказала Кити.—Оскорбленія нельзя забыть, нельзя забыть, говорила она, вспоминая свой взглядъ на послѣднемъ балѣ, во время остановки музыки.

— Въ чемъ же оскорбленіе? вѣдь вы не поступили дурно?

— Хуже чѣмъ дурно,—стыдно.

Варенька покачала головой и положила свою руку на руку Кити.

— Да въ чемъ же стыдно? сказала она:—Вѣдь вы не могли сказать человѣку который равнодушенъ къ вамъ что вы его любите?

— Разумѣется нѣтъ; я никогда не сказала ни одного слова, но онъ зналъ. Нѣтъ, нѣтъ; есть взгляды, есть манеры. Я буду сто лѣтъ жить, не забуду.

— Такъ что жь? Я не понимаю. Дѣло въ томъ, любите ли вы его теперь или нѣтъ, сказала Варенька, называя все по имени.

— Я ненавижу его; я не могу простить себѣ.

— Такъ что жь?

— Стыдъ, оскорбленіе.

— Ахъ! еслибы всѣ такъ были, какъ вы, чувствительны, сказала Варенька.—Нѣтъ дѣвушки которая бы не испытала этого. И все это такъ не важно.

— А что же важно? спросила Кити, съ любопытнымъ удивленіемъ вглядываясь въ ея лицо.

— Ахъ, многое важно, улыбаясь сказала Варенька.

— Да что же?

— Ахъ, многое важнѣе, отвѣчала Варенька, не зная что сказать. Но въ это время изъ окна послышался голосъ княгини: „Кити, свѣжо! Или шаль возьми, или иди въ комнаты.“

— Правда, пора, сказала Варенька вставал:—мнѣ еще надо зайти къ Mme Berthe; она меня просила.

Кити держала ее за руку и съ страстнымъ любопытствомъ и мольбой спрашивала ее взглядомъ: Что же, что же это самое важное, что даетъ такое спокойствіе? Вы знаете, скажите мнѣ. Но Варенька не понимала даже того о чемъ спрашивалъ ее взглядъ Кити. Она помнила только о томъ что ей нынче нужно еще зайти къ Mme Berthe и поспѣть домой къ чаю тамап, къ 12ти часамъ. Она вошла въ комнаты, собрала ноты и, простившись со всѣми, собралась уходить.

— Позвольте я провожу васъ, сказалъ полковникъ.

— Да какъ же одной идти теперь ночью? подтвердила княгиня:—Я пошлю хоть Парашу.

Кити видѣла что Варенька съ трудомъ удерживала улыбку при словахъ что ее нужно провожать.

— Нѣтъ, я всегда хожу одна и никогда сомной ничего не бываетъ, сказала она взявъ шляпу и поцѣловавъ еще разъ Кити, и такъ не сказавъ что было важно, бодрымъ шагомъ съ нотами подъ мышкой скрылась въ полутьмѣ лѣтней ночи, унося съ собой свою тайну о томъ что важно и что даетъ ей это завидное спокойствіе и достоинство.

XXIX.

Кити познакомилась и съ гжою Шталь, и знакомство это, вмѣстѣ съ дружбою къ Варенькѣ, имѣло на нее сильное вліяніе. Кити никогда еще не встрѣчала такихъ людей какъ Варенька и мадамъ Шталь. Кити была несчастлива, искала утѣшенія и ни въ чемъ не находила его. Теперь же это утѣшеніе пришло само собою, благодаря тому что ей открылся совершенно новый міръ, не имѣющій ничего общаго съ ея прошедшимъ, міръ, возвышенный, прекрасный, съ высоты котораго можно было спокойно смотрѣть на это прошедшее. То „что важно“ открылось для нея, и оно было то самое что она и предчувствовала; важно было то что кромѣ жизни истинно-духовной, которой до сихъ поръ отдавалась Кити, была жизнь духовная, понятная для Кити. Жизнь эта открывалась религіей, но религіей не имѣющею ничего общаго съ тою которую съ дѣтства знала Кити,—религіей выражавшеюся въ обѣднѣ и всенощной во Вдовьемъ Домѣ, гдѣ можно было встрѣтить знакомыхъ, и въ изученіи съ батюшкой наизусть славянскихъ текстовъ; это была религія понятная, связанная съ жизнью и проникающая каждое мгновеніе жизни, вся основанная на любви, такая религія, въ которую не только можно было вѣрить, потому что такъ вѣрно, но которую нельзя было не любить.

Кити узнала все это не изъ словъ. Мадамъ Шталь говорила съ Кити какъ съ милымъ ребенкомъ, на котораго любишь какъ на воспоминаніе своей молодости, и только одинъ разъ уломянула о томъ что во всѣхъ людскихъ горестяхъ утѣшеніе даетъ лишь любовь и вѣра, и что для состраданія къ намъ Христа нѣтъ ничтожныхъ горестей, и тогда же перевела разговоръ на другое. Но Кити въ каждомъ ея движеніи, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ небесномъ, какъ называла Кити, взглядѣ ея, въ особенности во всей исторіи ея жизни, которую она знала чрезъ Вареньку, во всемъ узнавала то „что было важно“ и чего она до сихъ поръ не знала. Кити видѣла въ гжѣ Шталь олицетвореніе христіанскаго терпѣнія и высоты душевной.

Но какъ ни возвышенъ былъ ея характеръ, какъ ни трогательна вся ея исторія, какъ ни возвышенна и нѣжна ея

рѣчь, какъ ни восхищалась ею Кити, она не полюбила бы ее сердцемъ, еслибы въ это время Кити могла смотрѣть на что-нибудь не глазами Вареньки. А для Вареньки ея татанъ была верхъ всякаго совершенства. Въ глѣзѣ Шталь Кити невольно подмѣтила такія черты которыя смущали ее. Она замѣтила что разспрашивая про ея родныхъ мадамъ Шталь чуть не улыбнулась презрительно. Эта гордая насмѣшка смутила и оскорбила Кити. Еще больше смутило ее то что во второй разъ какъ она была у мадамъ Шталь она застала у нея католическаго священника, и мадамъ Шталь старательно держала свое лицо въ тѣни абажура. Какъ ни ничтожны были эти два замѣчанія, они смущали ее. Но за то Варенька, одинокая, безъ родныхъ, безъ друзей, съ грустнымъ разочарованіемъ ничего ни желавшая, ничего ни жалѣвшая, а отдававшаяся только своему чувству, была тѣмъ самымъ совершенствомъ, о которомъ только позволяла себѣ мечтать Кити. На Вареньку она поняла что стоило только забыть себя и любить другихъ и будешь спокойна, счастлива и прекрасна. И такую хотѣла быть Кити. Появъ теперь ясно что было *самое вѣрное*, Кити не удовольствовалась тѣмъ чтобы восхищаться этимъ, но тотчасъ же всею душою отдалась этой новой, открывшейся ей жизни. По разказамъ Вареньки о томъ что дѣлала мадамъ Шталь и другія кого она называла, Кити уже составила себѣ планъ будущей жизни. Она, также какъ и племянница гжи Шталь, Aline, про которую ей много разказывала Варенька, будетъ, гдѣ бы ни жила, отыскивать несчастныхъ, помогать имъ сколько можно, раздавать Евангеліе, читать Евангеліе больнымъ, преступникамъ, умирающимъ. Мысль чтенія Евангелія преступникамъ, какъ это дѣлала Aline, особенно прельщала Кити. Но все это были тайныя мечты, которыхъ Кити не высказывала ни матери, ни Варенькѣ. Она видѣла что это прекрасно, что должно это дѣлать; но вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то голосъ говорилъ ей что этого нельзя.

Впрочемъ, въ ожиданіи поры исполнять въ большихъ размѣрахъ свои планы, Кити и теперь, на водахъ, гдѣ было столько больныхъ и несчастныхъ, легко нашла случай предлагать свои новыя правила подражая Варенькѣ.

Сначала княгиня замѣчала только что Кити находится подъ сильнымъ вліяніемъ своего *engouement*, какъ она называла, къ госпожѣ Шталь и въ особенности къ Варенькѣ.

Она видѣла что Кити не только подражаетъ Варенькѣ въ ея дѣятельности, но невольно подражаетъ ей въ ея манерѣ ходить, говорить и мигать глазами. Но потомъ княгиня замѣтила что въ дочери независимо отъ этого очарованія совершается какой-то серьезный душевный переворотъ.

Княгиня видѣла что Кити читаетъ по вечерамъ французское Евангеліе, которое ей подарила госпожа Шталь, чего она прежде не дѣлала; что она избѣгаетъ свѣтскихъ знакомыхъ и сходится съ больными находившимися подъ покровительствомъ Вареньки, и въ особенности съ однимъ бѣднымъ семействомъ больного живописца Петрова. Кити очевидно гордилась тѣмъ что исполняла въ этомъ семействѣ обязанности сестры милосердія. Все это было хорошо, и княгиня ничего не имѣла противъ этого, тѣмъ болѣе что жена Петрова была вполне порядочная женщина, и что принцесса, замѣтившая дѣятельность Кити, хвалила ее, называя ангеломъ-утѣшителемъ. Все это было бы очень хорошо еслибы не было излишества. А княгиня видѣла что дочь ея впадаетъ въ крайность, что она и говорила ей.

— *Il ne faut jamais rien outrer*, говорила она ей.

Но дочь ничего ей не отвѣчала; она только думала въ душѣ что нельзя говорить объ излишествѣ въ дѣлѣ христіанства. Какое же можетъ быть излишество въ слѣдованіи ученію, въ которомъ вѣрно подставить другую щеку, когда ударятъ по одной, и отдать кафтанъ, когда снимаютъ рубашку. Но княгинѣ не нравилось это излишество и еще болѣе не нравилось то что, она чувствовала, Кити не хотѣла открыть ей всю свою душу. Дѣйствительно, Кити таила отъ матери свои новые взгляды и чувства. Она таила ихъ не потому чтобъ она не уважала, не любила свою мать; но только потому что это была ея мать. Она всякому открывала бы ихъ скорѣе чѣмъ матери.

— Что-то давно Анна Павловна не была у насъ, сказала разъ княгиня про Петрову. — Я звала ее. А она что-то какъ будто недовольна.

— Нѣтъ, я не замѣтила, маман, вспыхнувъ сказала Кити.

— Ты давно не была у нихъ?

— Мы завтра собираемся сдѣлать прогулку въ горы, отвѣчала Кити.

— Что же, поѣзжайте, отвѣчала княгиня вглядываясь въ смущенное лицо дочери и стараясь угадать причину ея смущенія.

Въ этотъ же день Варенька пришла обѣдать, и сообщила что Анна Павловна раздумала ѣхать завтра въ горы. И княгиня замѣтила что Кити опять покраснѣла.

— Кити, не было ли у тебя чего-нибудь непріятнаго съ Петровыми? сказала княгиня когда онѣ остались однѣ. — Отчего она перестала присылать дѣтей и ходить къ намъ?

Кити отвѣчала что ничего не было между ними, и что она рѣшительно не понимаетъ почему Анна Павловна какъ будто недовольна ею. Кити отвѣтила совершенную правду. Она не знала причины перемѣны къ себѣ Анны Павловны, но догадывалась. Она догадывалась въ такой вещи, которую она не могла сказать матери, которой она не говорила и себѣ. Это была одна изъ тѣхъ вещей, которыя знаешь, но которыя нельзя сказать даже самой себѣ; такъ страшно и постыдно ошибиться.

Опять и опять перебирала она въ своемъ воспоминаніи всѣ отношенія свои къ этому семейству. Она вспоминала наивную радость выражавшуюся на кругломъ добродушномъ лицѣ Анны Павловны при ихъ встрѣчахъ, вспоминала ихъ тайные переговоры о больномъ, заговоры о томъ чтобъ отвлечь его отъ работы, которая была ему запрещена, и увести его гулять; привязанность меньшаго мальчика, называвшаго ее: „моя Кити“, не хотѣвшаго безъ нея ложиться спать. Какъ все было хорошо! Потомъ она вспомнила худую, худую фигуру Петрова, съ его длинною шеей, въ его коричневомъ сюртукѣ, его рѣдкіе, вьющіеся волосы, вопросительные, страшные въ первое время для Кити голубые глаза, и его болѣзненные старанія казаться бодрымъ и оживленнымъ въ ея присутствіи. Она вспоминала свое усиліе въ первое время чтобы преодолѣть отвращеніе которое она испытывала къ нему какъ и ко всѣмъ чахоточнымъ, и старанія съ которыми она придумывала что сказать ему. Она вспоминала этотъ робкій, умиленный взглядъ которымъ онъ смотрѣлъ на нее и странное чувство состраданія и неловкости и потомъ сознанія своей добродѣтельности которое она испытывала при этомъ. Какъ все это было хорошо! Но все это было первое время. Теперь же, нѣсколько дней тому назадъ, все вдругъ испортилось. Анна Павловна притворно встрѣчала Кити и не переставая наблюдала ее и мужа.

Неужели эта трогательная радость его при ея приближеніи была причиной охлажденія Анны Павловны?

Да, вспоминала она, что-то было не натуральное въ Аннѣ Павловнѣ и совсѣмъ не похожее на ея доброту когда она третьяго дня съ досадою сказала:

— Вотъ все дожидался васъ, не хотѣлъ безъ васъ пить кофе, хотя ослабѣлъ ужасно.

Да, можетъ-быть и это неприятно ей было когда я подала ему пледъ. Все это такъ просто; но онъ такъ неловко это принялъ, такъ долго благодарилъ что и мнѣ стало неловко. И потомъ этотъ портретъ мой который онъ такъ хорошо сдѣлалъ. А главное этотъ взглядъ смущенный и нѣжный! „Да, да, это такъ!“ съ ужасомъ повторила себѣ Кити. „Нѣтъ, это не можетъ, не должно быть. Онъ такъ жалокъ“, говорила она себѣ вслѣдъ за этимъ.

Это сомнѣніе отравляло прелесть ея новой жизни.

XXX.

Уже предъ концомъ курса водъ, князь Щербакій, фздившій послѣ Карлсбада въ Баденъ и Кисингенъ къ русскимъ знакомымъ набраться русскаго духа, какъ онъ говорилъ, вернулся къ своимъ.

Взгляды князя и княгини на заграничную жизнь были совершенно противоположны. Княгиня находила все прекраснымъ, и несмотря на свое твердое положеніе въ русскомъ обществѣ, старалась за границей походить на европейскую даму, чѣмъ она не была, потому что она была русская барыня, и потому притворялась, что ей было отчасти неловко. Князь же, напротивъ, находилъ за границей все сквернымъ, тяготился европейскою жизнью, держался своихъ русскихъ привычекъ и нарочно старался выказывать себя за границей менѣе Европейцемъ чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности.

Князь вернулся похудѣвшій, съ обвислыми мѣшками кожи на щекахъ, но въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Веселое расположеніе его еще усилилось когда онъ увидалъ Кити совершенно поправившуюся. Извѣстіе о дружбѣ Кити съ госпожей Шталь и Варенькой и переданныя княгиней наблюденія надъ какой-то внутреннею работою, происходившею въ душѣ Кити, смущали князя и возбуждали въ немъ обычное чувство ревности ко всему что увлекало его дочь помимо его и страхъ чтобы дочь не ушла изъ подъ его вліянія въ

какія-нибудь недоступныя ему области. Но эти непріятныя извѣстія потонули въ томъ морѣ добродушія и веселости которыя всегда были въ немъ и особенно усилились Карлсбадскими водами.

На другой день по своемъ пріѣздѣ, князь въ своемъ длинномъ пальто, со своими русскими морщинами и одутловатыми щеками, подпертыми крахмаленными воротничками, въ самомъ веселомъ расположеніи духа пешель съ дочерью на воды.

Утро было прекрасное: опрятные, веселые дома съ садами, видъ краснолицыхъ, краснорукихъ, налитыхъ ливомъ, тяжело и весело работающихъ нѣмецкихъ служанокъ и яркое солнце веселили сердце; но чѣмъ ближе они подходили къ водамъ, тѣмъ чаще встрѣчались больные; и видъ ихъ казался еще плачевнѣе среди обычныхъ условий благоустроенной нѣмецкой жизни. Кити уже не поражала эта противоположность. Яркое солнце, веселый блескъ зелени, звуки музыки, были для нея естественною рамкой всѣхъ этихъ знакомыхъ лицъ и переменъ къ ухудшенію или улучшенію, за которыми она слѣдила; но для князя свѣтъ и блескъ іюньскаго утра и звуки оркестра игравшаго модный, веселый вальсъ, и особенно видъ здоровенныхъ служанокъ, казались чѣмъ-то недриличнымъ и уродливымъ въ соединеніи съ этими собравшимися со всѣхъ концовъ Европы уныло двигавшимися мертвецами.

Несмотря на испытываемое имъ чувство гордости и какъ бы возврата молодости, когда любимая дочь шла съ нимъ подъ руку, ему теперь какъ будто неловко и совѣстно было за свою спальную походку, за свои крутые, облитые жиромъ члены. Онъ испытывалъ почти чувство челоѣка не одѣтаго въ обществѣ.

— Представь, представь меня своимъ новымъ друзьямъ, говорилъ онъ дочери пожимая локтемъ ея руку.—Я и этотъ твой гадкій Соденъ полюбилъ за то что онъ тебя такъ спрашивалъ. Только грустно, грустно у васъ. Это кто?

Кити называла ему тѣ знакомыя и незнакомыя лица, которыя они встрѣчали. У самаго входа въ садъ, они встрѣтили слѣдную Mme Berthe съ проводницей, и князь поразился на умиленное выраженіе старой Француженки, когда она услышала голосъ Кити. Она тотчасъ съ французскимъ излишествомъ любезности заговорила съ нимъ, хваля его за то что у него такая прекрасная дочь и въ глаза превозно-

ся до небесъ Кити и называя ее сокровищемъ, перломъ и ангеломъ-утѣшителемъ.

— Ну, такъ она второй ангелъ, сказалъ князь улыбаясь.— Она называетъ ангеломъ номеръ 1й Mlle Вареньку.

— Oh! Mlle Варенька, это настоящій ангелъ, allez, подхватила Mme Berthe.

Въ галлерей они встрѣтили и самую Вареньку. Она послѣдшне шла имъ на встрѣчу неся элегантную красную сумочку.

— Вотъ и папа прѣхалъ! сказала ей Кити.

Варенька сдѣлала, какъ и все что она дѣлала, просто и естественно, движеніе среднее между поклономъ и присѣданіемъ, и тотчасъ же заговорила съ княземъ какъ она говорила со всѣми нестѣсненно и просто.

— Разумѣется я васъ знаю, очень знаю, сказалъ ей князь съ улыбкой, по которой Кити съ радостью узнала что другъ ея поправился отцу.—Куда же вы такъ торопитесь?

— Мама здѣсь, сказала она, обращаясь къ Кити.—Она не спала всю ночь, и докторъ посовѣтовалъ ей выѣхать. Я несу ей работу.

— Такъ это ангелъ № 1й, сказалъ князь, когда Варенька ушла.

Кити видѣла что ему хотѣлось посмѣяться надъ Варенькой, но что онъ никакъ не могъ этого сдѣлать, потому что Варенька понравилась ему.

— Ну, вотъ и всѣхъ увидимъ твоихъ друзей, прибавилъ онъ,—и мадамъ Шталь, если она удостоитъ узнать меня.

— А ты развѣ ее зналъ, папа? спросила Кити со страхомъ, замѣчая зажегшійся огонь насмѣшки въ глазахъ князя, при упоминаніи о мадамъ Шталь.

— Зналъ ея мужа и ее немножко, еще прежде чѣмъ она въ лѣтестки записалась.

— Что такое лѣтестка, папа? спросила Кити, уже испуганная тѣмъ что то что она такъ высоко цѣнила въ госпожѣ Шталь имѣло названіе.

— Я и самъ не знаю хорошенько. Знаю только что она за все благодаритъ Бога, за всякое несчастіе, и за то что у ней умеръ мужъ благодаритъ Бога. Ну, и выходитъ смѣшно, потому что они дурно жили.

— Это кто? Какое жалкое лицо! спросилъ онъ, замѣтивъ сидѣвшаго на лавочкѣ невысокаго больного въ коричневомъ

пальто и бѣлыхъ панталонахъ, дѣлавшихъ странныя складки на лишенныхъ мяса костяхъ его ногъ. Господинъ этотъ приподнял свою соломенную шляпу надъ выющимися рѣдкими волосами, открывая высокій, болѣзненно покраснѣвшій отъ шляпы, лобъ.

— Это Петровъ, живописецъ, отвѣчала Кити, покраснѣвъ. — А это жена его, прибавила она, указывая на Анну Павловну, которая, какъ будто нарочно, въ то самое время какъ они подходили, пошла за ребенкомъ отбѣжавшимъ по дорожкѣ.

— Какой жалкій и какое милое у него лицо, сказалъ князь. — Что же ты не подошла? Онъ что-то хотѣлъ сказать тебѣ?

— Ну, такъ подойдемъ, сказала Кити, рѣшительно поворачиваясь. — Какъ ваше здоровье нынче? спросила она у Петрова.

Петровъ всталъ, опираясь на палку, и робко посмотрѣлъ на князя.

— Это моя дочь, сказалъ князь. — Позвольте быть знакомымъ.

Живописецъ поклонился и улыбнулся, открывая странно блестящіе бѣлые зубы.

— Мы васъ ждали вчера, княжна, сказалъ онъ Кити.

Онъ пошатнулся, говоря это, и повторяя это движеніе, стараясь показать что онъ это сдѣлалъ нарочно.

— Я хотѣла придти, но Варенька сказала что Анна Павловна присылала сказать что вы не поѣдете.

— Какъ не поѣдемъ? покраснѣвъ и тотчасъ же закашлявшійся сказалъ Петровъ, отыскивая глазами жену. — Анета, Анета! проговорилъ онъ громко, и на тонкой бѣлой шеѣ его какъ веревки натянулись толстыя жилы.

Анна Павловна подошла.

— Какъ же ты послала сказать княжнѣ что мы не поѣдемъ! потерявъ голосъ, раздражительно прошепталъ онъ ей.

— Здравствуйте, княжна, сказала Анна Павловна съ притворною улыбкой, столь не похожею на прежнее ея обращеніе. — Очень пріятно познакомиться, обратилась она къ князю. — Васъ давно ждали, князь.

— Какъ же ты послала сказать княжнѣ что мы не поѣдемъ? хрипло прошепталъ еще разъ живописецъ еще сердитѣе, очевидно раздражаясь еще болѣе тѣмъ что голосъ измѣняется ему и онъ не можетъ дать своей рѣчи того выраженія какое бы хотѣлъ.

— Ахъ, Боже мой! Я думала что мы не поѣдемъ, съ досадою отвѣчала жена.

— Какъ же, когда... Онъ закашлялся и махнулъ рукой.

Князь приподнялъ шляпу и отошелъ съ дочерью.

— О, охъ! тяжело вздохнулъ онъ:—о несчастные!

— Да, папа, отвѣчала Кити. — Но надо знать что у нихъ трое дѣтей, никого прислуги и почти никакихъ средствъ. Онъ что-то получаетъ отъ Академіи, оживленно разказывала она, стараясь заглушить поднявшееся въ ней волненіе вслѣдствіе странной въ отношеніи къ ней перемѣны Анны Павловны.

— А вотъ и мадамъ Шталь, сказала Кити, указывая на колясочку въ которой, обложенное подушками, въ чемъ-то сѣромъ и голубомъ подъ зонтикомъ лежало что-то. Это была гжа Шталь. Сзади ея стоялъ мрачный здоровенный работникъ Нѣмецъ, катавшій ее. Подлѣ стоялъ бѣлокурый шведскій графъ, котораго знала по имени Кити. Нѣсколько чловѣкъ большихъ медали около колясочки, глядя на эту даму какъ на что-то необыкновенное.

Князь подошелъ къ ней. И тотчасъ же въ глазахъ его Кити замѣтила, смущавшій ее, огонекъ насмѣшки. Онъ подошелъ къ мадамъ Шталь и заговорилъ, на томъ отличномъ французскомъ языкѣ на которомъ столь немногіе уже говорятъ теперь, чрезвычайно учтиво и мило.

— Не знаю вспомните ли вы меня, Madame, но я долженъ напомнить себя чтобы поблагодарить за вашу доброту къ моей дочери, сказалъ онъ ей, снявъ шляпу и не на дѣвая ея.

— Князь Александръ Щербацкій, сказала мадамъ Шталь, поднимая на него свои небесные глаза, въ которыхъ Кити замѣтила неудовольствіе.—Очень рада. Я такъ полюбила вашу дочь.

— Здоровье ваше все не хорошо?

— Да я ужъ привыкла, сказала мадамъ Шталь, и познакомила князя со шведскимъ графомъ.

— А вы очень мало перемѣнились, сказалъ ей князь. — Я не имѣлъ чести видѣть васъ десять или одиннадцать лѣтъ.

— Да, Богъ даетъ крестъ и даетъ силу нести его. Часто удивляешься къ чему тянется эта жизнь?... Съ той стороны, съ досадою обратилась она къ Варенькѣ, не такъ завертывавшей ей пледомъ ноги.

— Чтобы дѣлать добро, вѣроятно, сказалъ князь, смѣясь глазами.

— Это не намъ судить, сказала госпожа Шталь, замѣтивъ оттѣнокъ выраженія на лицѣ князя.—Такъ вы пришлете мнѣ эту книгу, любезный графъ? Очень благодарю васъ, обратилась она къ молодому Шведу.

— А! вскрикнулъ князь, увидавъ московскаго полковника стоявшаго около, и поклонившись госпожѣ Шталь, отошелъ съ дочерью и съ присоединившимся къ нимъ московскимъ полковникомъ.

— Это наша аристократія, князь, съ желаніемъ быть насмѣшливымъ, сказалъ московскій полковникъ, который былъ въ претензіи на госпожу Шталь за то что она не была съ нимъ знакома.

— Все такая же, отвѣчалъ князь.

— А вы еще до болѣзни знали ее, князь, то-есть прежде чѣмъ она слегла?

— Да. Она при мнѣ слегла, сказалъ князь.

— Говорятъ, она десять лѣтъ не встаетъ....

— Не встаетъ, потому что коротконожка. Она очень дурно сложена....

— Папа, не можетъ быть, вскрикнула Кити.

— Дурные языки такъ говорятъ, мой дружокъ. А твоей Варенькѣ таки достается, прибавилъ онъ.—Охъ, эти больныя барыни!

— О, нѣтъ, папа, горячо возразила Кити.—Варенька обожаетъ ее. И потомъ она дѣлаетъ столько добра! У кого хочешь спроси. Ее и Aline Шталь всѣ знаютъ.

— Можетъ-быть, сказалъ онъ пожимая локтемъ ея руку.— Но лучше когда дѣлаютъ такъ что у кого ни спроси никто не знаетъ.

Кити замолчала, не потому что ей нечего было говорить; но она и отцу не хотѣла открыть свои тайныя мысли. Однако, странное дѣло, несмотря на то что она такъ готовилась не подчиниться взгляду отца, не дать ему доступа въ свою святыню, она почувствовала что тотъ божественный образъ госпожи Шталь, который она мѣсяцъ цѣлый носила въ душѣ, безвозвратно исчезъ, какъ фигура составившаяся изъ брошеннаго платья исчезаетъ когда поймешь какъ лежить это платье. Осталась одна коротконогая женщина,

которая лежитъ потому что дурно сложена и мучаетъ безотвѣтную Вареньку за то что та не такъ подвертываетъ ей пледъ. И никакими усиліями воображенія нельзя уже было возвратить прежнюю мадамъ Шталь.

XXXI.

Князь передалъ свое веселое расположеніе духа и домашнимъ своимъ, и знакомымъ, и даже Нѣмцу-хозяину, у котораго стояли Щербачкіе.

Вернувшись съ Кити съ водъ и пригласивъ къ себѣ къ кофе и полковника, и Марью Евгеньевну, и Вареньку, князь велѣлъ вынести столъ и кресла въ садикъ, подъ каштанъ, и тамъ накрыть завтракъ. И хозяинъ, и прислуга оживились подъ вліяніемъ его веселости. Они знали его щедрость, и чрезъ полчаса больной гамбургскій докторъ, жившій наверху, съ завистью смотрѣлъ въ окно на эту веселую русскую компанію здоровыхъ людей, собравшуюся подъ каштаномъ. Подъ дрожущею кругами тѣнью листьевъ, у покрытаго бѣлою скатертью и уставленнаго кофейниками, хлѣбомъ, масломъ, сыромъ, холодною дичью, стола, сидѣла княгиня въ наколѣхъ съ лиловыми лентами, раздавая чашки и тартинки. На другомъ концѣ сидѣлъ князь, плотно кушая и громко и весело разговаривая. Князь разложилъ подлѣ себя свои покупки, рѣзные сундучки, бирюльки, разрѣзные ножики всѣхъ сортовъ, которыхъ онъ купилъ кучу на всѣхъ водахъ, и раздаивалъ ихъ всѣмъ, въ томъ числѣ Лисхенъ, служанкѣ, и хозяину, съ которымъ онъ шутилъ на своемъ комическомъ дурномъ нѣмецкомъ языкѣ, увѣряя его что не воды выльчили Кити, но его отличныя кушанья, въ особенности супъ съ черносливомъ. Княгиня подсмѣивалась надъ мужемъ за его русскія привычки, но была такъ оживлена и весела какъ не была во все время жизни на водахъ. Полковникъ, какъ всегда, улыбался шуткамъ князя; но насчетъ Европы, которую онъ внимательно изучалъ, какъ онъ думалъ, онъ держалъ сторону княгини. Добродушная Марья Евгеньевна покачивалась со смѣху ото всего что говорилъ смѣшнаго князя, и Варенька, чего еще Кити никогда не видала, раскисала отъ слабого, но сообщающагося смѣха, который возбуждали въ ней шутки князя.

Все это веселило Кити, но она не могла не быть озабочена. Она не могла разрѣшить задачу, которую ей невольно задалъ отецъ со своимъ веселымъ взглядомъ на ея друзей и на ту жизнь которую она такъ любила. Къ задачѣ этой присоединилась еще перемѣна ея отношеній къ Петровымъ, которая нынче такъ очевидно и непріятно высказалась. Всѣмъ было весело, но Кити не могла быть веселою, и это еще болѣе мучило ее. Она испытывала чувство въ родѣ того которое испытывала въ дѣтствѣ когда подъ наказаніемъ была заперта въ своей комнатѣ и слушала веселый смѣхъ сестеръ.

— Ну, на что ты накопилъ эту бездну? говорила княгиня улыбаясь и подавая мужу чашку съ кофеемъ.

— Пойдешь ходить, ну, подойдешь къ лавочкѣ, просятъ купить: „Эрлаухтъ, эксцеленцъ, дурхлаухтъ“. Ну, ужъ какъ скажутъ: „Дурхлаухтъ,“ ужъ я и не могу: десяти талеровъ и нѣтъ.

— Это только отъ скуки, сказала княгиня.

— Разумѣется отъ скуки. Такая скука, матушка, что не знаешь куда дѣться.

— Какъ можно скучать, князь? Такъ много интереснаго теперь въ Германіи, сказала Марья Евгеньевна.

— Да я все интересное знаю: супъ съ черносливомъ знаю, гороховую колбасу знаю. Все знаю.

— Нѣтъ, но какъ хотите, князь, интересны ихъ учрежденія, сказалъ полковникъ.

— Да что же интереснаго? Всѣ они довольны какъ мѣдные гроши; всѣхъ побѣдили. Ну, а мнѣ-то чѣмъ же довольнымъ быть? Я никого не побѣдилъ, а только сапоги снимаю самъ, да еще за дверь ихъ самъ выставляю. Утромъ вставай, сейчасъ же одѣвайся, иди въ салонъ чай скверный пить. То ли дѣло дома! Проснешься, не торолясь, посердишься на что-нибудь, поворчишь. Оломнишься хорошенько, все обдумашь, не торолишься.

— А время деньги, вы забываете это, сказалъ полковникъ.

— Какое время! Другое время такое что цѣлый мѣсяцъ за полтинникъ отдашь, а то такъ что никакихъ денегъ за полчаса не возьмешь. Такъ ли, Катенька? Что ты какая скучная?

— Я ничего.

— Куда же вы? Посидите еще, обратился онъ къ Варенькѣ.

— Мнѣ надо домой, сказала Варенька вставая и опять за-
лилась смѣхомъ. Оправившись, она простилась и пошла въ
домъ чтобы взять шляпу.

Кити пошла за нею. Даже Варенька представлялась ей те-
перь другою. Она не была хуже, но она была другая чѣмъ
та какою она прежде воображала ее себѣ.

— Ахъ, я давно такъ не смѣлась! сказала Варенька со-
бирая зонтикъ и мѣшочекъ. — Какой онъ милый, вашъ папа.

Кити молчала.

— Когда же увидимся? спросила Варенька.

— Мама хотѣла зайти къ Петровымъ. Вы не будете тамъ?
сказала Кити, испытывая Вареньку.

— Я буду, отвѣчала Варенька. — Они собираются уѣзжать,
такъ я общалась помочь укладываться.

— Ну, и я приду.

— Нѣтъ, что вамъ?

— Отчего? отчего? отчего? широко раскрывая глаза, заго-
ворила Кити, чтобы не выпускать Вареньку, взявшись за ее
зонтикъ. Нѣтъ, постойте, отчего?

— Такъ; вашъ папа прѣхалъ, и потомъ съ вами они стѣс-
няются.

— Нѣтъ, вы мнѣ скажите, отчего вы не хотите чтобы я
часто бывала у Петровыхъ? Вѣдь вы не хотите? Отчего?

— Я не говорила этого, спокойно сказала Варенька.

— Нѣтъ, пожалуйста скажите.

— Все говорить? спросила Варенька.

— Все, все, подхватила Кити.

— Да особеннаго ничего нѣтъ, а только то что Михаилъ
Алексѣевичъ (такъ звали живописца) прежде хотѣлъ ѣхать
раньше, а теперь не хочетъ уѣзжать, улыбаясь сказала Ва-
ренька.

— Ну! Ну! торопила Кити мрачно глядя на Вареньку.

— Ну, и почему-то Анна Павловна сказала что онъ не хо-
четъ оттого что вы тутъ. Разумѣется это было не кстату,
но изъ-за этого, изъ-за васъ вышла ссора. А вы знаете какъ
эти больные раздражительны.

Кити, все болѣе хмурясь, молчала, и Варенька говорила одна,
стараясь смягчить и успокоить ее, и видя собиравшійся
взрывъ, она не знала чего, — слезъ или словъ.

— Такъ лучше вамъ не ходить... И вы понимаете, вы не обижайтесь...

— И по дѣломъ мнѣ, и по дѣломъ мнѣ, быстро заговорила Кити, схватывая зонтикъ изъ рукъ Вареньки и глядя мимо глазъ своего друга.

Варенькѣ хотѣлось улыбнуться, глядя на дѣтскій гнѣвъ своего друга, но она боялась оскорбить ее.

— Какъ по дѣломъ? Я не понимаю, сказала она.

— По дѣломъ за то что все это было притворство, потому что это все выдуманное, а не отъ сердца. Какое мнѣ дѣло было до чужаго человѣка, и вотъ вышло что я причиной ссоры, и что я дѣлала то чего меня никто не просилъ. Оттого что все притворство! притворство! притворство!..

— Да съ какою же цѣлью притворяться? тихо сказала Варенька.

— Ахъ, какъ глупо, гадко! Не было мнѣ никакой нужды.... Все притворство, говорила она, открывая и закрывая зонтикъ.

— Да съ какою же цѣлью?

— Чтобы казаться лучше предъ людьми, предъ собой, предъ Богомъ; всѣхъ обмануть. Нѣтъ, теперь я уже не поддамся на это. Быть дурною, но по крайней мѣрѣ не лживою, не обманщицей.

— Да кто же обманщица? укоризненно сказала Варенька:— вы говорите какъ будто...

Но Кити была въ своемъ припадкѣ вспыльчивости. Она не дала ей договорить.

— Я не объ васъ, совсѣмъ не объ васъ говорю. Вы совершенство. Да, да, я знаю что вы всѣ совершенство; но что же дѣлать что я дурная? Этого бы не было еслибъ я не была дурная. Такъ пускай я буду какая есть, но не буду притворяться. Чтѣ мнѣ за дѣло до Анны Павловны! Пускай они живутъ какъ хотятъ, и я какъ хочу. Я не могу быть другою... И все это не то, не то...

— Да чтѣ же не то? въ недоумѣніи говорила Варенька.

— Все не то. Я не могу иначе жить какъ по сердцу, а вы живете по правиламъ. Я васъ полюбила просто, а вы вѣрно только затѣмъ чтобы спасти меня, научить меня!

— Вы несправедливы, сказала Варенька.

— Да я ничего не говорю про другихъ, я говорю про себя.

— Кити! послышался голосъ матери:— поди сюда, покажи папа свои корольки.

Кити съ гордымъ видомъ, не помирившись съ своимъ другомъ, взяла со стола корольки въ коробочкѣ и пошла къ матери.

— Что съ тобой? Что ты такая красная? сказали ей мать и отецъ въ одинъ голосъ.

— Ничего, отвѣчала она, — я сейчасъ приду, и поцѣкала назадъ.

„Она еще тутъ!“ подумала она. „Что я скажу ей, Божемой! что я надѣлала, что я говорила! За что я обидѣла ее? Что мнѣ дѣлать? Что я скажу ей?“ думала Кити, и остановилась у двери.

Варенька, въ шляпѣ и съ зонтикомъ въ рукахъ, сидѣла у стола, разсматривая пружину которую сломала Кити. Она поднимала голову.

— Варенька, простите меня, простите, прошептала Кити, подходя къ ней. — Я не помню что я говорила. Я....

— Я право не хотѣла васъ огорчать, сказала Варенька улыбаясь.

Миръ былъ заключенъ. Но съ прїездомъ отца для Кити измѣнился весь тотъ миръ въ которомъ она жила. Она не отреклась отъ всего того что узнала, но поняла что она себя обманывала думая что можетъ быть тѣмъ чѣмъ хотѣла быть. Она какъ будто очулась; почувствовала всю трудность безъ притворства и хвастовства удержаться на той высотѣ на которую она хотѣла подняться, и почувствовала всю тяжесть этого міра горя, болѣзней, умирающихъ, въ которомъ она жила, ей мучительны показались тѣ усилія которыя она употребляла надъ собой чтобы любить это, и поскорѣе захотѣлось на свѣжій воздухъ, въ Россію, въ Покровское, куда, какъ она узнала изъ письма, перѣѣхала уже ея сестра Долли съ дѣтьми.

Но любовь ея къ Варенькѣ не ослабѣла. Прощаясь, Кити упрашивала ее прїѣхать къ нимъ въ Россію.

— Я прїѣду когда вы выйдете замужъ, сказала Варенька.

— Я никогда не выйду.

— Ну, такъ я никогда не прїѣду.

— Ну, такъ я только для этого выйду замужъ. Смотрите жъ, помните обѣщаніе, сказала Кити.

Предсказанія доктора оправдались. Кити возвратилась домой, въ Россію, излѣченная. Она не была такъ безработна и весела какъ прежде, но была спокойна. Московскія горести ея стали воспоминаніемъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Сергѣй Ивановичъ Кознышевъ хотѣлъ отдохнуть отъ умственной работы, и вмѣсто того чтобъ отправиться по обыкновенію за границу, пріѣхалъ въ концѣ мая въ деревню къ брату. По его убѣжденіямъ, самая лучшая жизнь была деревенская. Онъ пріѣхалъ теперь наслаждаться этою жизнью къ брату. Константинъ Левинъ былъ очень радъ, тѣмъ болѣе что онъ не ждалъ уже въ это лѣто брата Николая. Но несмотря на свою любовь и уваженіе къ Сергѣю Ивановичу, Константину Левину было въ деревнѣ не ловко съ братомъ. Ему не ловко, даже непріятно было видѣть отношеніе брата къ деревнѣ. Для Константина Левина деревня была мѣсто жизни, то-есть радостей, страданій, труда; для Сергѣя Ивановича деревня была, съ одной стороны, отдыхъ отъ труда, съ другой, полезное противудіе испорченности, которое онъ принималъ съ удовольствіемъ и сознаніемъ его пользы. Для Константина Левина деревня была тѣмъ хороша, что она представляла поприще для труда несомнѣнно полезнаго; для Сергѣя Ивановича деревня была особенно хороша тѣмъ что тамъ можно и должно ничего не дѣлать. Кромѣ того, и отношеніе Сергѣя Ивановича къ народу нѣсколько коробило Константина. Сергѣй Ивановичъ говорилъ что онъ любитъ и знаетъ народъ, и часто бесѣдовалъ съ мужиками, что онъ умѣлъ дѣлать хорошо, не притворяясь и не ломаясь, и изъ каждой такой бесѣды выводилъ общія данныя въ пользу народа и въ доказательство что знаетъ этотъ народъ. Такое отношеніе къ народу не правилось Константину Левину. Для Константина народъ былъ только главный участникъ въ общемъ трудѣ, и несмотря на все уваженіе и какую-то кровную любовь къ мужику, воссанную имъ, какъ онъ самъ говорилъ, вѣроятно съ молокомъ бабы-кормилицы, онъ, какъ участникъ съ нимъ въ общемъ дѣлѣ, иногда приходившій въ восхищеніе отъ силы, кротости, справедливости этихъ людей, очень часто, когда въ общемъ дѣлѣ требовались другія качества, приходилъ въ озлобленіе на народъ за его безпечность, неряшливость, пьянство, ложь. Констан-

тинъ. Левинъ, еслибъ у него спросили любить ли онъ народъ, рѣшительно не зналъ бы какъ на это отвѣтить. Онъ любилъ и не любилъ народъ, также какъ и вообще людей. Разумѣется, какъ добрый человѣкъ, онъ больше любилъ чѣмъ не любилъ людей, а потому и народъ. Но любить или не любить народъ, какъ что-то особенное, онъ не могъ, потому что не только жилъ съ народомъ, не только всѣ его интересы были связаны съ народомъ, но онъ считалъ и самого себя частью народа, не видѣлъ въ себѣ и народѣ никакихъ особенныхъ качествъ и недостатковъ и не могъ противопоставлять себя народу. Кромѣ того, хотя онъ долго жилъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ мужикамъ, какъ хозяинъ и посредникъ, а главное какъ совѣтникъ (мужики вѣрили ему и ходили верстъ за сорокъ къ нему совѣтоваться), онъ не имѣлъ никакого опредѣленнаго сужденія о народѣ, и на вопросъ: знаетъ ли онъ народъ, былъ бы въ такомъ же затрудненіи отвѣтить какъ на вопросъ: любить ли онъ народъ? Сказать что онъ знаетъ народъ было бы для него то же самое что сказать что онъ знаетъ людей. Онъ постоянно наблюдалъ и узнавалъ всякаго рода людей и въ томъ числѣ людей-мужиковъ, которыхъ онъ считалъ хорошими и интересными людьми, и безпрестанно замѣчалъ въ нихъ новыя черты, измѣнялъ о нихъ прежнія сужденія и составлялъ новыя. Сергій Ивановичъ напротивъ. Точно также какъ онъ любилъ и хвалилъ деревенскую жизнь въ противоположность той которую онъ не любилъ, точно также и народъ любилъ онъ въ противоположность тому классу людей котораго онъ не любилъ, и точно также онъ зналъ народъ какъ что-то противоположное вообще людямъ. Въ его методическомъ умѣ ясно сложились опредѣленныя формы народной жизни, выведенныя отчасти изъ самой народной жизни, но преимущественно изъ противоположенія. Онъ никогда не измѣнялъ своего мнѣнія о народѣ и сочувственнаго къ нему отношенія.

Въ случавшихся между братьями разногласіяхъ при сужденіи о народѣ, Сергій Ивановичъ всегда побѣждалъ брата, именно тѣмъ что у Сергія Ивановича были опредѣленныя понятія о народѣ, его характерѣ, свойствахъ и вкусахъ; у Константина же Левина никакого опредѣленнаго и неизмѣннаго понятія не было, такъ что въ этихъ спорахъ Константинъ всегда былъ уличаемъ въ противорѣчіи самому себѣ.

Для Сергѣя Ивановича меньшей братъ его былъ славный малый, съ сердцемъ поставленнымъ хорошо (какъ онъ выражался по-французски), но съ умомъ хотя и довольно быстрымъ, однако подчиненнымъ впечатлѣніямъ минуты и потому исполненнымъ противорѣчій. Со спускательностью старшаго брата, онъ иногда объяснялъ ему значеніе вещей; но не могъ находить удовольствія спорить съ нимъ, потому что слишкомъ легко разбивалъ его.

Константинъ Левинъ смотрѣлъ на брата какъ на человѣка огромнаго ума и образованія, благороднаго въ самомъ высокмъ значеніи этого слова и одареннаго способностью дѣятельности для общаго блага, и потому при всѣхъ разногласіяхъ съ нимъ, находя что источникъ разногласія ихъ лежитъ въ его, Константина Левина, неспособности принимать къ сердцу отвлеченное, общее благо, онъ смирялся. Но въ глубинѣ своей души, чѣмъ старше онъ становился и чѣмъ ближе узнавалъ своего брата, тѣмъ чаще и чаще ему приходило въ голову что эта способность дѣятельности для общаго блага, которой онъ чувствовалъ себя совершенно лишеннымъ, можетъ быть не есть качество, а напротивъ недостатокъ чего-то—не недостатокъ добрыхъ, честныхъ, благородныхъ желаній и вкусовъ, но недостатокъ силы жизни, того что называютъ сердцемъ, того стремленія которое заставляетъ человѣка изъ всѣхъ безчисленныхъ представляющихся путей жизни выбрать одинъ и желать этого одного. Чѣмъ больше онъ узнавалъ брата, тѣмъ болѣе Левинъ замѣчалъ что и Сергѣй Ивановичъ, и многіе другіе дѣятели для общаго блага не сердцемъ были приведены къ этой любви къ общему благу, но умомъ разсудили что заниматься этимъ хорошо, и только потому занимались этимъ. Въ этомъ предположеніи утвердился Левинъ еще и то замѣчаніе что братъ его нисколько не больше принималъ къ сердцу вопросы объ общемъ благѣ и о безсмертіи души чѣмъ о шахматной партіи или объ остроумномъ устройствѣ новой машины. Онъ замѣчалъ большее оживленіе въ братѣ только тогда когда затрогивалось его самолюбіе.

Кромѣ того, Константину Левину было въ деревнѣ не ловко съ братомъ еще и отъ того что Константинъ въ деревнѣ, особенно лѣтомъ, бывалъ постоянно занятъ хозяйствомъ, и ему не доставало длиннаго лѣтнаго дня для того чтобы передѣлать все что нужно, а Сергѣй Ивановичъ отдыхалъ. Кон-

Константинъ Левинъ зналъ что Сергѣй Ивановичъ любилъ говорить. Хотя онъ и отдыхалъ теперь въ деревнѣ, то есть не работалъ надъ своимъ сочиненіемъ, но такъ привыкъ къ умственной дѣятельности что любилъ высказывать, въ красивой, сжатой формѣ, приходившія ему мысли, и любилъ чтобы было кому слушать. Самый же обыкновенный и естественный слушатель его былъ братъ. И потому, несмотря на дружескую простоту ихъ отношеній, Константину не довело было оставлять его одного. Сергѣй Ивановичъ любилъ лечь въ траву на солнцѣ и лежать такъ жарясь, и лѣниво болтать.

— Ты не повѣришь, говорилъ онъ брату, — какое для меня наслажденіе эта хохлацкая лѣнь. Ни одной мысли въ головѣ, хоть шаромъ покати.

Но Константину Левину скучно было сидѣть и слушать его, особенно потому что онъ зналъ что безъ него взять навозъ на неразлѣшенное поле и навалить Богъ знаетъ какъ, если не посмотрѣть; и рѣзцы въ плугахъ не завинтить, а поснимаютъ, и потомъ скажутъ что плуги выдумка пустая, и то ли дѣло соха Андревна и т. п.

— Да будетъ тебѣ ходить по жарѣ, говорилъ ему Сергѣй Ивановичъ.

— Нѣтъ, мнѣ только на минутку забѣжать въ контору, говорилъ Левинъ, и убѣгалъ въ поле.

II.

Въ первыхъ числахъ іюня случилось что няня и экономка Агаѣя Михайловна понесла въ подвалъ баночку съ только-что посоланными ею грибами, поскользнулась, упала и свихнула руку въ кисти. Пріѣхалъ молодой, болтливый, только-что кончившій курсъ студентъ, земскій врачъ. Онъ осмотрѣлъ руку, сказалъ что она не вывихнута, наложилъ компрессы, и оставшись обѣдать, видимо наслаждался бесѣдой со знаменитымъ Сергѣемъ Ивановичемъ Кознышевымъ и разказывалъ ему, чтобы выказать свой просвѣщенный взглядъ на вещи, все уѣздныя сплетни; жалуюсь на дурное положеніе земскаго дѣла. Сергѣй Ивановичъ внимательно слушалъ, спрашивалъ, и возбуждаемый новымъ слушателемъ, разговорился и высказалъ нѣсколько мѣткихъ и вѣскихъ замѣчаній, почтительно оцѣненныхъ молодымъ докторомъ.

Когда докторъ уѣхалъ, Левинъ замѣтилъ что Сергѣй Ивановичъ пришелъ въ свое, знакомое брату, оживленное состояніе духа, въ которое онъ обыкновенно приходилъ послѣ блестящаго и оживленнаго разговора, и пожелалъ ѣхать съ удочкой на рѣку. Сергѣй Ивановичъ любилъ удить рыбу, и какъ будто гордился тѣмъ что можетъ любить такое глупое занятіе.

Константинъ Левинъ, которому нужно было на похоту и на луга, вызвался довести брата въ кабріолетѣ.

Было то время года, перевалъ лѣта, когда урожай нынѣшняго года уже опредѣлился, когда начинаются работы о посѣвѣ будущаго года и подошли покосы, когда рожь вся выколосилась и, сѣрозеленая, не палитица еще легкимъ колосомъ волнуется по вѣтру, когда желтозеленые овсы съ раскиданными по нимъ кустами желтой травы неровно выкидываются по позднимъ посѣвамъ, когда ранняя гречиха уже допущится, скрывая земаю, когда убитые въ камень скотиной пары съ оставленными дорогами, которыя не беретъ соха, вспаханы до половины; когда присохшія вывезенныя кучи навоза пахнутъ по зарямъ вмѣстѣ съ медовыми травами, и на нескошенныхъ буграхъ нѣжно синѣютъ расходящіяся фигуры незабудокъ, а въ низахъ, ожидая косы, стоятъ сплошнымъ моремъ бережные луга съ чернѣющими кучами стеблей вылопнутаго щавельника.

Было то время когда въ сельской работѣ наступаетъ короткая передышка предъ началомъ, ежегодно повторяющейся и ежегодно вызывающей всѣ силы, всю энергію народа, уборки. Урожай былъ прекрасный, и стояли ясные, жаркіе лѣтніе дни, съ росистыми, короткими ночами.

Братья должны были проѣхать чрезъ лѣсъ чтобы подѣхать къ лугамъ. Сергѣй Ивановичъ любовался все время красотою заглохшаго отъ листвы лѣса, указывая брату то на темную съ тѣнистой стороны, пестрящую желтыми прилистками, готовящуюся къ цвѣту, старую липу, то на изумрудомъ блестящіе молодые побѣги деревь нынѣшняго года. Константинъ Левинъ не любилъ говорить и слушать про красоты природы. Слова снимали для него красоту съ того что онъ видѣлъ. Онъ поддакивалъ брату, но невольно сталъ думать о другомъ. Когда они проѣхали лѣсъ, все вниманіе его поглотилось видомъ пароваго поля на бугрѣ, частію желтѣ-

ющаго травой, частью сбитаго и изрѣзаннаго клѣтками, частью уваленнаго кучами, и частью внаханнымъ. По полю ѣхали вереницей телѣги. Сосчитавъ телѣги и оставшіеся довольнымъ тѣмъ, что вывезется все что нужно, мысли Левина перешли, при видѣ луговъ, на вопросъ о покосѣ. Левинъ всегда испытывалъ что-то особенно забирающее за живое въ уборкѣ сѣна. И теперь, спустившись внизъ и подѣхавъ къ лугу, Левинъ почувствовалъ приближеніе этого забирающаго чувства.

Утренняя роса еще оставалась внизу на густомъ подсѣдѣ травы, и Сергѣй Ивановичъ, чтобы не мочить ноги, попросилъ довести себя по лугу въ кабриолетѣ до того ракитоваго куста у котораго брались окуны. Какъ ни жалко было Константину Левину мять свою траву, онъ вѣхалъ въ лугъ. Высокая трава мягко обвивалась около копытъ и ногъ лошади, оставляя свои сѣмена на мокрыхъ нивахъ и ступицахъ.

Братъ сѣлъ подъ кустомъ, разобравъ упряжки, а Константинъ Левинъ отвелъ лошадь, привязалъ ее и вошелъ въ недвижимое вѣтромъ огромное сѣрозеленое море луга. Трава была почти по поясъ на заливномъ мѣстѣ, шелковистая, съ послѣвующими сѣменами, мягкая сверху и густая снизу.

Перейдя лугъ поперекъ, Константинъ Левинъ вышелъ на дорогу и встрѣтилъ старика съ опухшимъ глазомъ, несшаго роевню съ пчелами.

— Что? или поймалъ, Омицъ? спросилъ онъ.

— Какое поймалъ, Константинъ Митричъ! Только бы своихъ уберечь. Ушелъ вотъ второй разъ другакъ... Спасибо ребята доскакали. У васъ пашутъ. Отпратли лошадь, доскакали.

— Ну что скажешь, Омицъ, косить или подождать?

— Да что жъ! По нашему до Петрова дня подождать. А вы раньше всегда косите. Что жъ, Богъ дастъ, травы добрыя. Скотинѣ просторъ будетъ.

— А погода, какъ думаешь?

— Дѣло Божье. Можетъ и погода будетъ.

Левинъ подошелъ къ брату.

Ничего не ловилось, но Сергѣй Ивановичъ не скучалъ и казался въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Левинъ видѣлъ что раззадоренный разговоромъ съ докторомъ, онъ хотѣлъ поговорить. Левину же напротивъ хотѣлось скорѣе домой чтобы распорядиться о вызовѣ косцовъ къ завтраму и рѣшить одно сомнѣніе насчетъ покосовъ которое сильно занимало его.

— Что жь, побдемъ, сказалъ онъ.

— Куда жь торопиться? Посидимъ. Какъ ты измокъ однако! Хотя не ловится, но хорошо. Всякая охота тѣмъ хороша что имѣешь дѣло съ природой. Ну что за прелесть эта стальная вода, сказалъ онъ.

— Эти берега луговые всегда напоминаютъ мнѣ загадку. Знаешь? Трава говоритъ водѣ: а мы пошатаемся, пошатаемся.

— Я не знаю эту загадку, уныло отвѣчалъ Левинъ.

III.

— А знаешь, я о тебѣ думалъ, сказалъ Сергій Ивановичъ. — Это ни на что не похоже что у васъ дѣлается въ уѣздѣ, какъ мнѣ поразказалъ этотъ докторъ; онъ очень неглупый малый. И я тебѣ говорилъ и говорю: не хорошо что ты не ѣдешь на собранія и вообще устранился отъ земскаго дѣла. Если порядочные люди будутъ удаляться, разумѣется все пойдетъ Богъ знаетъ какъ. Деньги мы платимъ, онѣ идутъ на жалованья, а нѣтъ ни школъ, ни фельдшеровъ, ни повивальныхъ бабокъ, ни аптекъ, ничего нѣтъ.

— Вѣдь я пробовалъ, тихо и неохотно отвѣчалъ Константинъ Левинъ, — не могу! ну что жь дѣлать!

— Да чего ты не можешь, я, признаюсь, не понимаю. Равнодушія, неумѣнья — я не допускаю; неужели просто лѣнь?

— Ни то, ни другое, ни третье. Я пробовалъ и вижу что ничего не могу сдѣлать, сказалъ Константинъ Левинъ.

Онъ мало вникалъ въ то что говорилъ братъ. Вглядываясь за рѣку на лашню, онъ различалъ что-то черное; но не могъ разобрать: лошадь это, или прикащикъ верхомъ.

— Отчего же ты не можешь ничего сдѣлать? Ты сдѣлалъ попытку, и не удалось по твоему, и ты покоряешься. Какъ не имѣть самолюбія?

— Самолюбія, сказалъ Левинъ, задѣтый за живое словами брата, — я не понимаю. Когда бы въ университетѣ мнѣ сказали что другіе понимаютъ высшую математику, а я не понимаю, тутъ самолюбіе. Но тутъ надо быть убѣжденнымъ прежде что нужно имѣть извѣстныя способности для этихъ дѣлъ и главное въ томъ что все эти дѣла важны очень.

— Такъ что жь! развѣ это не важно! сказалъ Сергій Ивановичъ, задѣтый за живое и тѣмъ что братъ его находилъ

неважнымъ то что его занимало, и въ особенности тѣмъ что онъ очевидно почти не слушалъ его.

— Миѣ не кажется важнымъ, не забираетъ меня, что жъ ты хочешь?... отвѣчалъ Левинъ, разобравъ что то что онъ видѣлъ былъ прикащикъ, и что прикащикъ вѣроятно спустилъ мужиковъ съ пахоты. Они перевертывали сохи. „Неужели уже отпахались“, подумалъ онъ.

— Ну, послушай, однако, нахмутивъ свое красивое, умное лицо, сказалъ старшій братъ, — есть границы всему. Это очень хорошо быть чудачкомъ и искреннимъ человекомъ и не любить фальшь, я все это знаю; но вѣдь то что ты говоришь или не имѣетъ смысла, или имѣетъ очень дурной смыслъ. Какъ ты находишь неважнымъ что тотъ народъ, который ты любишь, какъ ты увѣряешь...

„Я никогда не увѣрялъ“, подумалъ Константинъ Левинъ.

— ... Мреть безъ помощи, грубыя бабки замариваютъ дѣтей; и народъ коснѣетъ въ невѣжествѣ и остается во власти всякаго лисаря, а тебѣ дано въ руки средство помочь этому, и ты не помогаешь, потому что по твоему это не важно.

И Сергѣй Ивановичъ поставилъ ему дилемму: или ты такъ не развить что не можешь видѣть всего что можешь сдѣлать, или ты не хочешь поступиться своимъ спокойствіемъ, тщеславіемъ, я не знаю чѣмъ, чтобъ это сдѣлать.

Константинъ Левинъ чувствовалъ что ему остается только покориться или признаться въ недостаткѣ любви къ общему дѣлу. И его это оскорбило и огорчило.

— И то, и другое, сказалъ онъ рѣшительно; — я не вижу чтобы можно было....

— Какъ? Нельзя, хорошо развѣстивъ деньги, дать врачебную помощь?

— Нельзя, какъ миѣ кажется... На четыре тысячи квадратныхъ верстѣ нашего уѣзда, съ нашими зазорами, метелями, рабочею порой, я не вижу возможности давать повсемѣстно врачебную помощь. Да и вообще, не вѣрю въ медицину.

— Ну, позволь; это несправедливо.... Я тебѣ тысячи примѣровъ назову.... Ну, а школы?

— Зачѣмъ школы?

— Что ты говоришь? Развѣ можетъ быть сомнѣніе въ пользѣ образованія? Если оно хорошо для тебя, то и для всякаго.

Константинъ Левинъ чувствовалъ себя нравственно перепертымъ къ стѣнѣ и потому разгорячился и высказалъ невольно главную причину своего равнодушія къ общему дѣлу.

— Можетъ-быть все это хорошо; но мнѣ-то зачѣмъ заботиться объ учрежденіи пунктовъ медицинскихъ, которыми я никогда не пользуюсь, и школы, куда я своихъ дѣтей не буду посылать, куда и крестьяне не хотятъ посылать дѣтей, и я еще не твердо вѣрю что нужно ихъ посылать, сказалъ онъ.

Сергѣя Ивановича на минуту удивило это неожиданное воззрѣніе на дѣло; но онъ тотчасъ составилъ новый планъ атаки.

Онъ помолчалъ, вынулъ одну удочку, перекинулъ, и улыбаясь, обратился къ брату.

— Ну, позволь.... Вопервыхъ, пунктъ медицинскій понадо- бился. Вотъ мы для Агаѣи Михайловны послали за зем- скимъ докторомъ.

— Ну, я думаю что рука останется кривою.

— Это еще вопросъ.... Потомъ грамотный мужикъ, работ- никъ, тебѣ же нужнѣе и дороже.

— Нѣтъ, у кого хочешь спроси, рѣшительно отвѣчалъ Константинъ Левинъ, — грамотный какъ работникъ гораздо хуже. И дороги починить нельзя; а мосты какъ поставятъ, такъ и украдутъ.

— Впрочемъ, нахмурившись сказалъ Сергѣй Ивановичъ, не любившій противорѣчій, и въ особенности такихъ кото- рыя безпрестанно перескакивали съ одного на другое и безъ всякой связи вводили новые доводы, такъ что нельзя было знать на что отвѣчать, впрочемъ, не въ томъ дѣло. Позволь.

Признаешь ли ты что образованье есть благо для народа?

— Признаю, не могъ не сказать Левинъ. Онъ чувствовалъ что если онъ признаетъ это, ему будетъ доказано что онъ го- ворить пустяки не имѣющіе никакого смысла. Какъ это бу- детъ ему доказано, онъ не зналъ, но зналъ что это несомнѣн- но логически будетъ ему доказано, и онъ ждалъ этого дока- зательства, впередъ уже придумывая новую постановку во- проса.

Доводъ вышелъ гораздо проще чѣмъ того ожидалъ Кон- стантинъ Левинъ.

— Если ты признаешь это благомъ, сказалъ Сергѣй Ива- новичъ, — то ты какъ честный человѣкъ не можешь не лю- бить и не сочувствовать такому дѣлу, и потому, не желать работать для него.

— Но я еще не признаю этого дѣла хорошимъ, покраснѣвъ сказалъ Константинъ Левинъ.

— Какъ? Да ты сейчасъ сказалъ....

— То-есть, я не признаю его возможнымъ.

— Этого ты не можешь знать не сдѣлавъ усилій.

— Ну, положимъ, сказалъ Левинъ, хотя вовсе не предполагая этого,—положимъ что это такъ; но я все-таки не вижу для чего я буду объ этомъ заботиться.

— То-есть какъ?

— Нѣтъ, ужъ если мы разговариваемъ, то объясни мнѣ съ философской точки зрѣнія, сказалъ Левинъ.

— Я не понимаю къ чему тутъ философія, сказалъ Сергій Ивановичъ, какъ показалось Левину, такимъ тономъ какъ будто онъ не признавалъ права брата разсуждать о философіи. И это раздражило Левина.

— Вотъ къ чему, горячася заговорилъ онъ.—Я думаю что двигатель всѣхъ нашихъ дѣйствій есть все-таки личное счастье, личное или общее счастье массы, которой каждый изъ насъ чувствуетъ себя членомъ. Теперь въ земскихъ учрежденіяхъ я, какъ дворянинъ, не вижу ничего что бы содѣйствовало моему благосостоянію. Дороги не лучше и не могутъ быть лучше; лошади мои везутъ меня и по дурнымъ. Доктора и пункта мнѣ не нужно, мировой судья мнѣ не нуженъ, я никогда не обращаюсь къ нему и не обращаюсь. Школы мнѣ не только не нужны, но даже вредны, какъ я тебѣ говорилъ. Для меня земскія учрежденія просто повинность платить восемнадцать копѣекъ съ десятины, ѣздить въ городъ, почевать съ клопами и слушать всякій вздоръ и глупости, а личный интересъ меня не побуждаетъ.

— Позволь, перебилъ съ улыбкой Сергій Ивановичъ,—личный интересъ не побуждалъ насъ работать для освобожденія крестьянъ, а мы работали.

— Нѣтъ, все болѣе горячася перебилъ Константинъ.—Освобожденіе крестьянъ было другое дѣло. Тутъ былъ личный интересъ. Хотѣлось сбросить съ себя это ярмо, которое давило насъ всѣхъ хорошихъ людей. Но быть гласнымъ, разсуждать о томъ сколько золотарей нужно и какъ трубы провести въ городѣ гдѣ я не живу, быть присяжнымъ и судить мужика укравшаго ветчину, и шесть часовъ слушать всякій вздоръ который мелютъ защитники и прокуроры, и какъ председатель спрашиваетъ у моего старика Алешки-

дурачка: „признаете ли вы, подсудимый, фактъ похищенія ветчины?“ „Ась?“

Константинъ Левинъ уже отвлекся, сталъ представлять предсѣдателя и Алешку-дурачка, ему казалось что это все идетъ къ дѣлу.

Но Сергій Ивановичъ пожалъ плечами.

— Ну, такъ что ты хочешь сказать?

— Я только хочу сказать что тѣ права которыя меня... мой интересъ затрогиваютъ, я буду всегда защищать всѣми силами; что когда у насъ у студентовъ дѣлали обыскъ и читали наши письма жандармы, и готовъ всѣми силами защищать эти права, защищать мои права образованія, свободы. Я понимаю военную повинность, которая затрогиваетъ судьбу моихъ дѣтей, братьевъ и меня самого, потому что мнѣ пріятно знать что я не имѣю никакихъ привилегій, не задаю чужой хлѣбъ; я готовъ обсуждать и вообще то что меня касается близко, но судить куда распредѣлить сорокъ тысячъ земскихъ денегъ или Алешу-дурачка судить, я не понимаю и не могу.

Константинъ Левинъ говорилъ такъ какъ будто прорезало платину его словъ. Сергій Ивановичъ улыбнулся.

— А завтра ты будешь судиться: что же, тебѣ пріятнѣе было бы чтобы тебя судили въ старой уголовной палатѣ?

— Я не буду судиться. Я никого не зарѣжу, и мнѣ этого не нужно. Ну, ужъ, продолжалъ онъ, опять перескакивая къ совершенно нейдущему къ дѣлу, — наши земскія учрежденія и все это похоже на березки которыя мы патыкали какъ въ Троицынъ день, для того чтобы было похоже на лѣсъ, который самъ выросъ въ Европѣ, и не могу я отъ души поливать и вѣрить въ эти березки.

Сергій Ивановичъ пожалъ только плечами, выражая этимъ жестомъ удивленіе тому откуда теперь явились въ ихъ спорѣ эти березки, хотя онъ тотчасъ же понялъ то что хотѣлъ сказать этимъ его братъ.

— Позволь, вѣдь такъ нельзя разсуждать, замѣтилъ онъ.

Но Константину Левину хотѣлось оправдаться въ томъ недостаткѣ который онъ зналъ за собой, въ равнодушіи къ общему благу, и онъ продолжалъ:

— Я думаю, сказалъ Константинъ, — что никакая дѣятельность не можетъ быть прочна если она не имѣетъ основы въ личномъ интересѣ. Это общая истина, философская, ска-

залъ онъ съ рѣшительностью, повторяя слово *философская*, какъ будто желая показать что онъ тоже имѣетъ право. какъ и всякій, говорить о философіи.

Сергій Ивановичъ еще разъ улыбнулся. „И у него тамъ тоже какая-то своя философія есть на службу своихъ наклонностей,“ подумалъ онъ.

— Ну, ужъ о философіи ты оставь, сказалъ онъ. — Главная задача философіи всѣхъ вѣковъ состоитъ именно въ томъ чтобы найти ту необходимую связь которая существуетъ между личнымъ интересомъ и общимъ. Но это не къ дѣлу, а къ дѣлу то что мнѣ только нужно поправить твое сравненіе. Березки не натыканы, а которыя посажены, которыя посажены, и съ ними надо обращаться осторожнѣе. Только тѣ народы имѣютъ будущность, только тѣ народы можно назвать историческими которые имѣютъ чутье къ тому что важно и значительно въ ихъ учрежденіяхъ и дорожатъ ими.

И Сергій Ивановичъ перенесъ вопросъ въ область философски-историческую, недоступную для Константина Левина, и показалъ ему всю несправедливость его взгляда.

— Что же касается до того что тебѣ это не нравится, то извини меня, это наша русская дѣнь и барство, а я увѣренъ что у тебя это временное заблужденіе и пройдетъ.

Константинъ молчалъ. Онъ чувствовалъ что онъ разбитъ со всѣхъ сторонъ, но онъ чувствовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ что то что онъ хотѣлъ сказать было непонято его братомъ. Онъ не зналъ только почему это было не понято: потому ли что онъ не умѣлъ сказать ясно то что хотѣлъ, потому ли что братъ не хотѣлъ, или потому что не могъ его понять. Это сомнѣніе раздражало его.

Сергій Ивановичъ замоталъ послѣднюю удочку, отвязалъ лошадь, и они поѣхали.

IV.

Сомнѣніе, занимавшее Левина во время разговора его съ братомъ, было слѣдующее: въ прошломъ году, пріѣхавъ однажды на покосъ и разсердившись на прикащика, Левинъ употребилъ свое средство успокоенія, — взялъ у мужика косу и сталъ косить.

Работа эта такъ понравилась ему что онъ нѣсколько разъ принимался косить; выкосилъ весь дугъ предъ домомъ и нынѣшній годъ съ самой весны составилъ себѣ планъ косить

съ мужиками цѣлые дни. Со времени прїѣзда брата онъ былъ въ раздумьи: косить или нѣтъ? Ему совѣстно было оставлять брата одного по цѣлымъ днямъ, и онъ боялся чтобы братъ не посмѣялся надъ нимъ за это. Но пройдясь по лугу, вспоминая впечатлѣнія косы, онъ уже почти рѣшилъ что будетъ косить. Послѣ же раздражительнаго разговора съ братомъ онъ уже окончательно рѣшилъ что завтра пойдетъ косить съ мужиками.

„Нужно физическое движеніе, а то мой характеръ рѣшительно портится“ подумалъ онъ съ раскаяніемъ вспоминая споръ свой съ братомъ.

Съ вечера Константинъ Левинъ пошелъ въ контору, сдѣлалъ распоряженія о работахъ и послалъ по деревнямъ вызвать на завтра косцовъ съ тѣмъ чтобы косить Калиновыи лугъ, самый большой и лучшій.

— Да мою косу пошлите пожалуйста къ Титу чтобъ онъ отбылъ и вынесъ завтра; я, можетъ-быть, буду самъ косить тоже, сказалъ онъ, стараясь не конфузиться.

Прикащикъ улыбнулся и сказалъ:

— Слушаю-сь.

Вечеромъ за чаемъ онъ сказалъ и брату.

— Кажется погода установилась, сказалъ онъ.—Завтра я начинаю косить.

— Я очень люблю эту работу, сказалъ Сергій Ивановичъ.

— Я ужасно люблю. Я самъ косилъ иногда съ мужиками и завтра хочу цѣлый день косить.

Сергій Ивановичъ поднялъ голову и съ любопытствомъ посмотрѣлъ на брата.

— То-есть какъ?

— Наравнѣ съ мужиками, цѣлый день. Это очень пріятно, сказалъ Левинъ.

— Это прекрасно какъ физическое упражненіе, только едва ли ты можешь это выдержать, безъ всякой насмѣшки сказалъ Сергій Ивановичъ.

— Я пробовалъ. Сначала тяжело, потомъ втягиваешься. Я думаю что не отстану....

— Вотъ какъ! но скажи, какъ мужики смотрятъ на это? Должно-быть посмѣиваются что чудитъ баринъ.

— Нѣтъ. Не думаю, но это такая веселая и вмѣстѣ трудная работа что некогда думать.

— Ну, какъ же ты обѣдать съ ними будешь? Туда лафигу тебѣ прислать и индюшку жареную ужъ неловко.

— Нѣтъ, я только въ одно время съ ихъ отдыхомъ прїѣду домой.

На другое утро Константинъ Левинъ всталъ раньше обыкновеннаго, но хозяйственныя распоряженія задержали его, и когда онъ прїѣхалъ на покосъ, косцы шли уже по второму ряду. Еще съ горы открылась ему подъ горою тѣнистая, уже скошенная часть луга съ сѣрѣющими рядами и черными кучками кафтановъ, снятыхъ косцами на томъ мѣстѣ откуда они зашли первый рядъ.

По мѣрѣ того какъ онъ подъѣзжалъ, ему открывались медшїе другъ за другомъ растянутую веревницей и различно махавшіе косами мужики, кто въ кафтанахъ, кто въ однихъ рубахахъ. Онъ насчиталъ ихъ сорокъ два человека.

Они медленно двигались по неровному низу луга, гдѣ была старая запруда. Нѣкоторыхъ своихъ Левинъ узналъ. Тутъ былъ старикъ Ермилъ въ очень длинной, бѣлой рубахѣ, согнувшись махавшій косою: тутъ былъ молодой малый Васька, бывшій у Левина въ кучерахъ, съ размахомъ бравшій каждый рядъ. Тутъ былъ и Титъ, по косябѣ дядька Левина, маленький, худенькій мужичокъ. Онъ не сгибаясь шелъ передомъ, какъ бы играя косою сдѣлывая свой широкій рядъ. Левинъ слѣзъ съ лошади, и привязавъ ее, у дороги сошелся съ Титомъ, который, доставъ изъ куста вторую косу, подавъ ее.

— Готова, баринъ, бѣгаетъ. Сама косить, сказалъ Титъ, съ улыбкой снимая шапку и подавая ему косу.

Левинъ взялъ косу и сталъ примѣриваться. Кончившіе свои ряды, потные и веселые, косцы выходили одинъ за другимъ на дорогу и, поспѣваясь, здоровались съ баринкомъ. Они все глядѣли на него, но никто ничего не говорилъ до тѣхъ поръ пока вышедшій на дорогу высокій старикъ со сморщеннымъ и безбородымъ лицомъ, въ овчинной курткѣ, не обратился къ нему.

— Смотри, баринъ, взялся за гужъ, не отставать, сказалъ онъ, и Левинъ услышалъ сдержанный смѣхъ между косцами.

— Постараюсь не отстать, сказалъ онъ становясь за Титомъ и выжидая времени начинать.

— Мотри, повторилъ старикъ.

Титъ освободилъ мѣсто, и Левинъ пошелъ за нимъ. Трава была низкая, придорожная, и Левинъ, давно не косившій и

смущенный обращенными на себя взглядами, въ первыя минуты косилъ дурно, хотя и махалъ сильно. Сзади его послышался голосъ:

— Насажена неладно, рукоятка высока, вишь ему сгибаться какъ, сказалъ одинъ.

— Пяткой больше налягай, сказалъ другой.

— Ничего, ладно, настрывается, продолжалъ старикъ.— Вишь, пошелъ.... Широко рядъ берешь, умаешься.... Хозяинъ, нельзя, для себя старается. А вишь подрядье-то! За это нашего брата по горбу бывало.

Трава пошла мягче, и Левинъ, слушал, но не стѣбя и стараясь косить какъ можно лучше, шелъ за Титомъ. Они прошли шаговъ сто. Титъ все шелъ не останавливаясь. Левину уже страшно становилось что онъ не выдержитъ: такъ онъ усталъ, дѣлая излишнія усилія.

Онъ чувствовалъ что махаетъ изъ послѣднихъ силъ и рѣшился просить Тита остановиться. Но въ это самое время Титъ самъ остановился и, нагнувшись, взялъ травы, отеръ косу и сталъ точить. Левинъ расправился и, вздохнувъ, оглянулся. Сзади его шелъ мужикъ и очевидно также усталъ, потому что сейчасъ же, не доходя Левина, остановился и принялся точить. Титъ наточилъ свою косу и косу Левина, и они пошли дальше.

На второмъ пріемѣ было то же. Титъ шелъ махъ за махомъ не останавливаясь и не уставая. Левинъ шелъ за нимъ стараясь не отставать, и ему становилось все труднѣе и труднѣе: наступала минута когда, онъ чувствовалъ, у него не остается болѣе силъ, но въ это самое время Титъ останавливался и точилъ.

Такъ они прошли первый рядъ. И длинный рядъ этотъ показался особенно труденъ Левину; но за то когда рядъ былъ дойденъ, и Титъ, вскинувъ на плечо косу, медленнымъ шагомъ пошелъ заходить по слѣдамъ оставленнымъ его каблукami по прокоосу, и Левинъ точно также пошелъ по своему прокоосу,—несмотря на то что потъ катилъ градомъ по его лицу и капалъ съ носа, и вся спина его была мокрая какъ вымоченная въ водѣ,—ему было очень хорошо. Въ особенности радовало его то что онъ зналъ теперь что выдержитъ.

Его удовольствіе отравилось только тѣмъ что рядъ его былъ не хорошъ. „Буду меньше махать рукой, больше вѣстидуловищемъ,“ думалъ онъ, сравнивая какъ по ниткѣ обрѣ-

занный рядъ Тита со своимъ раскиданнымъ и не ровно лежащимъ рядомъ.

Первый рядъ, какъ замѣтилъ Левинъ, Титъ шелъ особенно быстро, вѣроятно желая попытать барина, и рядъ попался длиннѣе. Слѣдующіе ряды были уже легче, но Левинъ все-таки долженъ былъ напрягать всѣ свои силы чтобы не отставать отъ мужиковъ.

Онъ ничего не думалъ, ничего не желалъ кромѣ того чтобы не отстать отъ мужиковъ и какъ можно лучше сработать. Онъ слышалъ только лязгъ косъ и видѣлъ предъ собой удалявшуюся, прямую фигуру Тита, выгнутый полукругъ прокоса, медленно и волнисто склоняющіяся травы и головки цвѣтовъ около лезвія своей косы и впереди себя конецъ ряда, у котораго наступить счастливая минута отдыха.

Не понимая что это и откуда, въ серединѣ работы онъ вдругъ испыталъ пріятное ощущеніе холода по жаркимъ вспотѣвшимъ плечамъ. Онъ взглянулъ на небо во время натачиванья косы. Набѣжала низкая, тяжелая туча, и шелъ крупный дождь. Одни мужики пошли къ кафтанамъ и наѣли ихъ; другіе, точно также какъ Левинъ, только радостно пожимали плечами подъ пріятнымъ освѣщеніемъ.

Прошли еще и еще рядъ. Проходили длинные, короткіе, съ хорошею, съ дурною травой ряды. Левинъ потерялъ всякое сознаніе времени и рѣшительно не зналъ поздно или рано теперь. Въ его работѣ стала происходить теперь перемѣна доставлявшая ему огромное наслажденіе. Въ серединѣ его работы на него находили минуты во время которыхъ онъ забывалъ то что дѣлалъ, ему становилось легко, и въ эти же самыя минуты рядъ его выходилъ почти также ровнѣе и хорошѣе какъ и у Тита. Но только-что онъ вспоминалъ о томъ что онъ дѣлаетъ, начиналъ стараться сдѣлать лучше, тотчасъ же онъ испытывалъ всю тяжесть труда и рядъ выходилъ дурнѣе.

Пройдя еще одинъ рядъ, онъ хотѣлъ опять заходить, но Титъ остановился и, подойдя къ старику, что-то тихо сказалъ ему. Они оба поглядѣли на солнце. „О чемъ это они говорятъ и отчего онъ не заходить рядъ?“ подумалъ Левинъ, не догадываясь что мужики не переставая косили уже не менѣе четырехъ часовъ, и имъ пора завтракать.

— Завтракать, баринъ! сказалъ старикъ.

— Развѣ пора? Ну, завтракать.

Левинъ отдалъ косу Титу и, вмѣстѣ съ мужиками пошедшими къ кафтанамъ за хлѣбомъ, чрезъ забрызнутые дождемъ ряды длиннаго скошеннаго пространства пошелъ къ лошади. Тутъ только онъ понялъ что не угадалъ погоду и дождь молчалъ его сѣно.

— Испортить сѣно, сказалъ онъ.

— Ничего, баринъ, въ погоду коси, въ дождь гребь, сказалъ старикъ.

Левинъ отвязалъ лошадь и поѣхалъ домой пить кофе.

Сергѣй Ивановичъ только-что всталъ. Напившись кофею, Левинъ уѣхалъ опять на покосъ прежде чѣмъ онъ успѣлъ одѣться и выйти въ столовую.

V.

Послѣ завтрака Левинъ попалъ въ рядъ уже не на прежнее мѣсто, а между путникомъ-старикомъ, который пригласилъ его въ сосѣди, и молодымъ мужикомъ, съ осени только женатымъ и пошедшимъ косить первое лѣто.

Старикъ шелъ впередъ, ровно и широко передвигая вывернутыя ноги и не сгибаясь, точнымъ и ровнымъ движеньемъ, не стоившимъ ему повидимому болѣе труда чѣмъ маханье руками на ходьбѣ, какъ бы играя откладывалъ одинаковый, высокій рядъ. Точно не онъ, а одна острая коса сама позвякивала по сочной травѣ.

Сзади Левина шелъ молодой Мишка. Милостивое, молодое лицо его, обвязанное по волосамъ жгутомъ свѣжей травы, все работало отъ усилій; но какъ только взглядывали на него, онъ улыбался. Онъ видимо готовъ былъ умереть скорѣе чѣмъ признаться что ему трудно.

Левинъ шелъ между ними. Въ самый жаръ, косьба показалась ему не такъ трудна. Обливавшій его потъ прохлаждалъ его, а солнце, жегшее его спину, голову и засученную по локоть руку, придавало крѣпость и упорство въ работѣ, и чаще и чаще приходили тѣ минуты безсознательнаго состоянія когда можно было не думать о томъ что дѣлаетъ. Коса рѣзала сама собой. Но это были счастливыя минуты. Еще радостнѣе были минуты когда, подходя къ рѣкѣ въ которую утыкались ряды, старикъ обтиралъ мокрою, густою травой косу, полоскалъ ея сталь въ свѣжей водѣ рѣки, зачерпывалъ брусницу и угощалъ Левина.

— Ну-ка, кваску моего! А, хорошо? говорилъ онъ подмигивая.

И дѣйствительно, Левинъ никогда не пивалъ такого напитка какъ эта теплая вода съ плавающей зеленою и ржавымъ отъ жестяной брусницы вкусомъ. И тотчасъ послѣ этого наступала блаженная, медленная прогулка съ рукой на косѣ, во время которой можно было отереть лившій потъ, вздохнуть полною грудью и оглядѣть всю тянущуюся вереницу косцовъ и то, что дѣлалось вокругъ, въ лѣсу и въ полѣ.

Чѣмъ долѣе Левинъ косилъ, тѣмъ чаще и чаще онъ чувствовалъ минуты забытья, при которомъ уже не руки махали косой, а сама коса двигала за собой все сознающее себя, полное жизни тѣло, и какъ бы по волшебству, безъ мысли о ней, работа правильная и отчетливая дѣлалась сама собой. Это были самыя блаженныя минуты.

Трудно было только тогда когда надо было прекращать это, слѣвавшееся безсознательнымъ, движеніе, и думать; когда надо бы скашивать кочку или невыполоный щавельникъ. Старикъ дѣлалъ это легко. Приходила кочка, онъ измѣнялъ движеніе, и гдѣ ляткой, гдѣ кондомъ косы, подбивалъ кочку съ обѣихъ сторонъ коротенькими ударами. И дѣлая это, онъ все разсматривалъ и наблюдалъ что открывалось предъ нимъ; то онъ срывалъ кочетокъ, съѣдалъ его или угощалъ Левина, то отбрасывалъ носкомъ косы, вѣтку, то оглядывалъ гнѣздышко перепелиное, съ котораго, изъ-подъ самой косы, вылетѣла самка, то ловилъ козюлю попавшуюся на пути, и какъ вилкой поднявъ ее косой, показывалъ Левину и отбрасывалъ.

И Левину, и молодому малому сзади его, эти перемѣны движеній были трудны. Они оба, наладивъ одно напряженное движеніе, находились въ азартѣ работы и не въ силахъ были видоизмѣнять движеніе и въ то же время наблюдать что было предъ ними.

Левинъ не замѣчалъ какъ проходило время. Еслибы спросили его сколько времени онъ косилъ, онъ сказалъ бы что полчаса, а ужъ время подошло къ обѣду. Заходя рядъ, старикъ обратилъ вниманіе Левина на дѣвченокъ и мальчиковъ, которые съ разныхъ сторонъ, чуть видныя по высокой травѣ и по дорожкѣ, шли къ косцамъ, неся оттягивавшіе имъ ручонки узелки съ хлѣбомъ и заткнутые тряпками кувшинчики съ квасомъ.

— Вить козявки ползуть, сказалъ онъ, указывая на нихъ, и изъ-подъ руки поглядѣлъ на солнце.

Прошли еще два ряда, старикъ остановился.

— Ну, баринъ, обѣдать, сказалъ онъ рѣшительно. И дойдя до рѣки, косцы направились черезъ ряды къ кафтанамъ, у которыхъ, дожидаясь ихъ, сидѣли дѣти принесшія обѣды. Мужики собрались—дальніе подъ телѣги, ближніе—подъ ракутовый кустъ, на который накидали травы.

Левинъ подсѣлъ къ нимъ; ему не хотѣлось уѣзжать.

Всякое стѣсненіе предъ бариномъ уже давно исчезло. Мужики приготавливались обѣдать. Одни мылись, молодые ребята купались въ рѣкѣ, другіе прилаживали мѣсто для отдыха, развязывали мѣшочки съ хлѣбомъ и оттыкали кувшинчики съ квасомъ. Старикъ накрошилъ въ чашку хлѣба, размялъ его стеблемъ ложки, налилъ воды изъ брусницы, еще разрѣзалъ хлѣба, и посылавъ солью, сталъ на востокъ молиться.

— Ну-ка, баринъ, моей тюрьки, сказалъ онъ, присаживаясь на колѣни предъ чашкой.

Тюрька была такъ вкусна что Левинъ раздумалъ ѣхать домой обѣдать. Онъ пообѣдалъ со старикомъ и разговорился съ нимъ о его домашнихъ дѣлахъ, принимая въ нихъ живѣйшее участіе, и сообщилъ ему все свои дѣла и все обстоятельства которыя могли интересоваться старика. Онъ чувствовалъ себя болѣе близкимъ къ нему чѣмъ къ братьямъ, и невольно улыбался отъ нѣжности которую онъ испытывалъ къ этому казавшемуся ему прекраснѣйшимъ члену вѣку. Когда старикъ опять всталъ, помолился и легъ тутъ же подъ кустомъ, положивъ себѣ подъ изголовье травы, Левинъ сидѣлъ то же и, несмотря на липкихъ, шальныхъ, упорныхъ на солнцѣ мухъ и козявокъ, щекотавшихъ его плотное лицо и тѣло, заснулъ тотчасъ же и проснулся только когда солнце зашло съ боку куста и достало его. Старикъ давно не спалъ и сидѣлъ отбивая косы молодыхъ ребятъ.

Левинъ оглянулся вокругъ себя и не узналъ мѣста. Такъ все перемѣнилось. Огромное пространство луга было скошено и блестѣло особеннымъ, новымъ блескомъ, со своими уже пахнущими рядами, на вечернихъ косыхъ лучахъ солнца. И окошенные кусты у рѣки, и сама рѣка, прежде не видная, а теперь блестящая сталью въ своихъ извилахъ, и движущійся и поднимающійся народъ, и крутая стѣна травы недоко-

шеннаго мѣста дуга, и лестреба вившіеся надъ оголенными дугомъ, все это было ново и неожиданно прекрасно. Очнувшись, Левинъ сталъ соображать сколько скошено, и сколько еще можно сдѣлать нынче.

Сработано было чрезвычайно много на сорокъ два человѣка. Весь большой дугъ, который кашивали два дня при барщинѣ въ тридцать косъ, былъ уже скошенъ. Нескошенными оставались углы съ короткими рядами. Но Левину хотѣлось какъ можно больше скосить въ этотъ день, и досадно было на солнце которое такъ скоро спускалось. Онъ не чувствовалъ никакой усталости; ему только хотѣлось еще и еще поскорѣе и какъ можно больше сработать.

— А что, еще скосимъ, какъ думаешь, Машкинъ Верхъ? сказалъ онъ старику.

— Какъ Богъ дастъ, солнце не высоко. Нечто водочки ребятамъ.

Во время полдника, когда опять сѣли, и курящіе закурили, старикъ объявилъ ребятамъ что „Машкинъ Верхъ скосить—водка будетъ“.

— Эка, не скосить! Заходи, Титъ! Живо смахнемъ! Наѣшься ночью. Заходи, слышались голоса и, дождавъ хлѣбъ, косцы пошли заходить.

— Ну, ребята, держись! сказалъ Титъ, и почти рысью пошелъ передомъ.

— Иди, иди, говорилъ старикъ спѣя за нимъ и легко догоняя его,—срѣжу. Берегись!

И молодые и старые какъ бы на перегонку косили. Но какъ они ни торопились, они не портили травы, и ряды откладывались также чисто и отчетливо. Остававшійся въ углу уголокъ былъ смахнутъ въ пять минутъ. Еще послѣдніе доходили ряды, какъ передніе захватили кафтаны на плечи и пошли черезъ дорогу къ Машкину Верху.

Солнце уже спускалось къ деревьямъ, когда они, побрякивая брусницами, вошли въ лѣсной овражекъ Машкина Верха.

Трава была по поясъ въ серединѣ лощины, и нѣжная и мягкая, лопушистая, кое-гдѣ по лѣсу лестрѣющая Иваномъ-да-Марьей.

Послѣ короткаго совѣщанія вдоль ли, поперекъ ли ходить, Прохоръ Ермилинъ, тоже извѣстный косецъ, огромный, черноватый мужикъ, перешелъ задомъ, прошелъ рядъ впередъ, повернулся назадъ и отвалилъ, и всѣ стали выравниваться

за нимъ, ходя подъ гору по дощикѣ и на гору подъ самую опушку лѣса. Солнце зашло за лѣсъ. Роса уже пала, и косцы только на горкѣ были на солнцѣ, а въ низу, по которому поднимался ларь, и на той сторонѣ шли въ свѣжей, росистой тѣни. Работа кипѣла.

Подрѣзаемая съ сочнымъ звукомъ и прямо пахнущая трава ложилась высокими рядами. Тѣпившіеся по короткимъ рядамъ косцы со всехъ сторонъ побрякивали брусницами и звучали то столкнувшимися косами, то свистомъ бруска по оттачиваемой косѣ, то веселыми криками, подгоняя другъ друга.

Левинъ шелъ все также между молодымъ малымъ и старикомъ. Старикъ, надѣвшій свою овчинную куртку, былъ также веселъ, шутивъ и свободенъ въ движеніяхъ. Въ лѣсу безпрестанно попадались березовые, разбухшіе въ сочной травѣ грибы, которые рѣзались косами. Но старикъ, встрѣчая грибъ, каждый разъ сгибался, подбиралъ и клалъ за пазуху. „Еще старухѣ гостинцу“, приговаривалъ онъ.

Какъ ни было легко косить мокрую и слабую траву, но трудно было спускаться и подниматься по крутымъ косогорамъ оврага. Но старика это не стѣняло. Махая все также косою, онъ маленькимъ, твердымъ шажкомъ своихъ обутыхъ въ большіе лапти ногъ влѣзалъ медленно на кручъ, и хоть и трясся всемъ тѣломъ и отвисшими ниже рубахи лортками, не пролускалъ на пути ни одной травинки, ни одного гриба, и также шутилъ съ мужиками и Левинымъ. Левинъ шелъ за нимъ и часто думалъ что онъ непременно упадетъ поднимаясь съ косою на такой крутой бугоръ, куда и безъ косы трудно взлѣзть. Но онъ взлѣзалъ и дѣлалъ что надо. Онъ чувствовалъ что какая-то виѣшняя сила двигала имъ.

VI.

Машкинъ Верхъ скосили, додѣлали послѣдніе ряды, надѣли кафтаны и весело пошли къ дому. Левинъ сѣлъ на лошадь и, съ сожалѣніемъ простившись съ мужиками, поѣхалъ домой. Съ горы онъ оглянулся; ихъ не видно было въ поднимавшемся изъ низу туманѣ, были слышны только веселые, грубые голоса, хохотъ и звукъ сталкивающихся косъ.

Сергѣй Ивановичъ давно уже отобѣдалъ и пилъ воду съ

лимонамъ и льдомъ въ своей комнатѣ, просматривая только что полученные съ почты газеты и журналы, когда Левинъ, съ прилипшими отъ лота ко лбу слутанными волосами и почернѣвшею, мокрою спиною и грудью, съ веселымъ говоромъ ворвался къ нему въ комнату.

— А мы сработали весь дугъ! Ахъ, какъ хорошо, удивительно! А ты какъ поживалъ? говорилъ Левинъ, совершенно забывъ вчерашній непріятный разговоръ.

— Батюшки! на что ты похожъ, сказалъ Сергѣй Ивановичъ, въ первую минуту недовольно оглядываясь на брата.— Да дверь-то, дверь-то затворяй! вскрикнулъ онъ.—Непремѣнно впустилъ десятокъ цѣлый.

Сергѣй Ивановичъ терпѣть не могъ мухъ и въ своей комнатѣ отворялъ окна только ночью и старательно затворялъ двери.

— Ей-Богу ни одной. А если впустилъ, я поймаю. Ты, не повѣришь какое наслажденіе! Ты какъ провелъ день?

— Я хорошо, но неужели ты цѣлый день косилъ? Ты, я думаю, голоденъ какъ волкъ. Андрей тебѣ все приготовилъ.

— Нѣтъ, мнѣ и ѣсть не хочется. Я тамъ поѣлъ. А вотъ пойду умоюсь.

— Ну, иди, иди, и я сейчасъ приду къ тебѣ, сказалъ Сергѣй Ивановичъ покачивая головой глядя на брата.—Иди же, иди скорѣй, прибавилъ онъ улыбаясь, и собравъ свои книги' приготовился идти. Ему самому вдругъ стало весело и не хотѣлось разставаться съ братомъ.—Ну, а во время дождя гдѣ ты былъ?

— Какой же дождь? чуть покрпалъ. Такъ я сейчасъ приду. Такъ ты хорошо провелъ день? Ну и отлично.—И Левинъ ушелъ одѣваться.

Черезъ пять минутъ братья сошлись въ столовой. Левинъ, хотя ему и казалось что не хочется ѣсть, и онъ сѣлъ за обѣдъ только чтобы не обидѣть Андрея, но когда началъ ѣсть, то обѣдъ показался ему чрезвычайно вкусенъ. Сергѣй Ивановичъ улыбаясь глядѣлъ на него.

— Ахъ да, тебѣ письмо, сказалъ онъ. — Андрей, принеси пожалуйста снизу. Да смотри, дверь затворяй.

Письмо было отъ Облонскаго. Левинъ вслухъ прочелъ его. Облонскій писалъ изъ Петербурга: „Я получилъ письмо отъ Долли, она въ Клементьѣ, и у ней все не ладится. Сѣзди пожалуйста къ ней, помоги совѣтомъ, ты все знаешь. Она

такъ рада будетъ тебя видѣть. Она совсѣмъ одна, бѣдная. Теща со всѣми еще за границей."

— Вотъ отлично! Непременно съѣзжу къ нимъ, сказалъ Левинъ. — А то поѣдемъ вмѣстѣ. Она такая славная. Не правда ли.

— А они не далеко тутъ?

— Верстъ тридцать. Пожалуй и сорокъ будетъ. Но отличная дорога. Отлично съѣздимъ.

— Очень радъ, все улыбаясь сказалъ Сергѣй Ивановичъ.

Видъ меньшаго брата непосредственно располагалъ его къ веселости.

— Ну, аппетитъ у тебя, сказалъ онъ, глядя на его склоненное надъ тарелкой буро-красно-загорѣлое лицо и шею.

— Отлично! Ты не повѣришь какой это режимъ полезный противъ всякой дури. Я хочу обогатить медицину новымъ терминомъ: *Arbeitscur*.

— Ну, тебѣ-то это не нужно, кажется.

— Да, но разнымъ нервнымъ больнымъ.

— Да, это надо испытать. А я вѣдь хотѣлъ было придти на покосъ посмотреть на тебя, но жара была такая невыносимая что я не пошелъ дальше лѣса. Я посидѣлъ и лѣсомъ прошелъ на слободу, встрѣтилъ твою кормилицу и сондировалъ ее насчетъ взгляда мужиковъ на тебя. Какъ я понималъ, они не одобряютъ этого. Она сказала: „не господское дѣло“. Вообще мнѣ кажется что въ понятіи народномъ очень твердо опредѣлены требованія на извѣстную, какъ они называютъ, „господскую“ дѣятельность. И они не допускаютъ чтобы господа выходили изъ опредѣлившейся въ ихъ понятіи рамки.

— Можетъ-быть, но вѣдь это такое удовольствіе какого я въ жизнь свою не испытывалъ. И дурного вѣдь ничего нѣтъ. Не правда ли? отвѣчалъ Левинъ. — Что же дѣлать если имъ не правится. А впрочемъ я думаю что ничего. А?

— Вообще, продолжалъ Сергѣй Ивановичъ, — ты, какъ я вижу, доволенъ своимъ днемъ.

— Очень доволенъ. Мы скосили весь дугъ. И съ какимъ старикомъ я тамъ подружился! Это ты не можешь себѣ представить что за прелесть!

— Ну, такъ доволенъ своимъ днемъ. И я тоже. Вопервыхъ, я рѣшилъ двѣ шахматныя задачи, и одна очень мила, откры-

вается пѣшкой. Я тебѣ покажу; а потомъ думалъ о нашемъ вчерашнемъ разговорѣ.

— Что? о вчерашнемъ разговорѣ? сказалъ Левинъ, блаженно щурясь и отдаваясь послѣ оконченнаго обѣда и рѣшительно не въ силахъ вспомнить какой это былъ вчерашній разговоръ.

— Я нахожу что ты правъ отчасти. Разногласіе наше заключается въ томъ что ты ставишь двигателемъ личный интересъ, а я полагаю что интересъ общаго блага долженъ быть у всякаго человѣка стоящаго на извѣстной степени образованія. Можетъ-быть ты и правъ что желательнѣе была бы заинтересованная матеріально дѣятельность. Вообще ты натура слишкомъ *primésautière*, какъ говорятъ Французы; ты хочешь страстной, энергической дѣятельности или ничего.

Левинъ слушалъ брата и рѣшительно ничего не понималъ и не хотѣлъ понимать. Онъ только боялся какъ бы братъ не спросилъ его такой вопросъ по которому будетъ видно что онъ ничего не слышалъ.

— Такъ-то, дружокъ, сказалъ Сергѣй Ивановичъ трогая его по плечу.

— Да, разумѣется. Да что же! Я не стою за свое, отвѣчалъ Левинъ съ дѣтскою, виноватою улыбкой. „О чемъ бить я спорилъ,“ думалъ онъ. „Разумѣется, и я правъ, и онъ правъ, и все прекрасно. Надо только пойти въ контору распорядиться.“ Онъ всталъ потягиваясь и улыбаясь.

Сергѣй Ивановичъ тоже улыбнулся.

— Хочешь пройтись, пойдемъ вмѣстѣ, сказалъ онъ не желая разставаться съ братомъ, отъ котораго такъ и вѣяло свѣжестью и бодростью. — Пойдемъ, зайдемъ и въ контору, если тебѣ нужно.

— Ахъ, батюшки! вскрикнулъ Левинъ, такъ громко что Сергѣй Ивановичъ испугался.

— Что, что ты?

— Что рука Агаѣи Михайловны? сказалъ Левинъ, ударяя себя по головѣ. — Я и забылъ про нее.

— Лучше гораздо.

— Ну, все-таки я сбѣгаю къ ней. Ты не устѣнешь шляпы надѣть, я вернусь.

И онъ какъ трещотка загремѣлъ каблуками сбѣгая съ лѣстницы.

VII.

Въ то время какъ Степанъ Аркадьевичъ пріѣхалъ въ Петербургъ для исполненія самой естественной, извѣстной всѣмъ служащимъ, хотя и непонятной для неслужащихъ, нужнѣйшей обязанности, безъ которой нѣтъ возможности служить—напомнить о себѣ въ министерствѣ, и при исполненіи этой обязанности, взявъ почти всѣ деньги изъ дому, весело и пріятно проводилъ время и на скачкахъ, и на дачахъ. Долли съ дѣтьми переехала въ деревню чтобъ уменьшить сколько возможно расходы. Она переехала въ свою приданую деревню Клекотокъ, ту самую гдѣ весной былъ проданъ лѣсъ, и которая была въ пятидесяти верстахъ отъ Покровскаго Левища.

Въ Клекоткѣ большой старый домъ былъ давно сломанъ, и еще княземъ былъ отдѣланъ и увеличенъ флигель. Флигель лѣтъ двадцать тому назадъ, когда Долли была ребенкомъ, былъ помѣстителенъ и удобенъ, хоть и стоялъ, какъ всѣ флигеля, бокомъ къ выѣздной аллеѣ и къ югу. Но теперь флигель этотъ былъ старъ и гнилъ. Когда еще Степанъ Аркадьевичъ ѣздилъ весной продавать лѣсъ, Долли просила его осмотрѣть домъ и велѣть поправить что нужно. Степанъ Аркадьевичъ, какъ и всѣ виноватые мужья, очень заботившійся объ удобствахъ жены, самъ осматривалъ домъ и сдѣлалъ распоряженія обо всемъ по его понятію нужномъ. По его понятію, надо было перебить кретономъ всю мебель, ловѣсить гардины, расчистить садъ, сдѣлать мостики у пруда и посадить цвѣты; но онъ забылъ много другихъ необходимыхъ вещей, недостатокъ которыхъ потомъ измучилъ Дарью Александровну.

Какъ ни старался Степанъ Аркадьевичъ быть заботливымъ отцомъ и мужемъ, онъ никакъ не могъ помнить что у него есть жена и дѣти. У него были холостые вкусы, и только съ ними онъ соображался. Вернувшись въ Москву, онъ съ гордостію объявилъ женѣ что все приготовлено, что домъ будетъ игрушечка, и что онъ ей очень совѣтуетъ ѣхать. Степану Аркадьевичу отъѣздъ жены въ деревню былъ очень пріятенъ во всѣхъ отношеніяхъ: и дѣтямъ здорово, и расходовъ меньше, и ему свободнѣе. Дарья же Александровна

считала переѣздъ въ деревню на лѣто необходимымъ для дѣтей, въ особенности для дѣвочки, которая не могла поправиться послѣ скарлатины, а наконецъ чтобъ избавиться отъ мелкихъ униженій, мелкихъ долговъ дровенику, рыбнику, башмачнику, которые измучили ее. Сверхъ того, отъѣздъ былъ ей пріятенъ еще и потому что она мечтала залучить къ себѣ въ деревню сестру Кити, которая должна была возвратиться изъ-за границы въ серединѣ лѣта, и ей предписано было купанье. Кити писала съ водѣ что ничто ей такъ не улыбается какъ провести лѣто съ Долли въ Клеветкѣ, полномъ дѣтскихъ воспоминаній для нихъ обѣихъ.

Первое время деревенской жизни было для Долли очень трудное. Она жила въ деревнѣ въ дѣтствѣ, и у ней осталось впечатлѣніе что деревня есть спасенье отъ всѣхъ городскихъ непріятностей, что жизнь тамъ хотя и не красива, не элегантна (съ этимъ Долли легко мирилась), за то дешева и удобна: все есть, все дешево, все можно достать, и дѣтямъ хорошо. Но теперь, хозяйкой пріѣхавъ въ деревню, она увидѣла что это все совсѣмъ не такъ какъ она думала.

На другой день по ихъ пріѣздѣ пошелъ проливной дождь, и ночью потекло въ корридоръ и въ дѣтской, такъ что кровати перенесли въ гостиную. Кухарки людской не было; изъ девяти коровъ оказались, по словамъ скотницы, однѣ теленныя, другія первымъ теленкомъ, третьи стары, четвертныя тугосицы; ни масла, ни молока даже дѣтямъ не доставало. Яицъ не было. Курицу нельзя было достать; жарили и варили старыхъ, лиловыхъ, жилистыхъ лѣтужковъ. Нельзя было достать бабъ чтобы вымыть полы, всѣ были на картошкахъ. Кататься нельзя было, потому что одна лошадь заминалась и рвала въ дышлѣ. Купаться было негдѣ, весь берегъ рѣки былъ исполтанъ скотиной и открытъ съ дороги; даже гулять нельзя было ходить, потому что скотина входила въ садъ черезъ сломанный заборъ, и былъ одинъ страшный быкъ который ревелъ и потому должно-быть бодался. Шкаповъ для платья не было. Какіе были тѣ не закрывались и сами открывались когда проходили мимо ихъ. Чугуновъ и корчагъ не было; котла для прачечной и даже гладильной доски для дѣвчечьей не было.

Первое время, вмѣсто спокойствія и отдыха, попавъ на эти страшныя, съ ея точки зрѣнія, бѣдствія, Дарья Александровна была въ отчаяніи: хлопотала изъ всѣхъ силъ,

чувствовала безвыходность положенія, и каждую минуту удерживала слезы наворачивавшіяся ей на глаза. Управляющій, бывшій вахмистръ, котораго Степанъ Аркадьевичъ любилъ и опредѣлилъ изъ швейцаровъ за его красивую и почтительную наружность, не принималъ никакого участія въ бѣдствіяхъ Дарьи Александровны, говорилъ почтительно: „никакъ невозможно, такой народъ скверный“, и ни въ чемъ не помогалъ.

Положеніе казалось безвыходнымъ. Но въ домѣ Облонскихъ, какъ и во всѣхъ семейныхъ домахъ, было одно незамѣтное, но важнѣйшее и полезнѣйшее лицо, Марья Филимоновна. Она успокаивала барыню, увѣряла ее что все *образуется* (это было ея слово, и отъ нея перенялъ его Матвѣй), и сама, не топясь и не волнуясь, дѣйствовала.

Она тотчасъ же сошлась съ прикащицей и въ первый же день пила съ нею и съ прикащикомъ чай подъ акаціями и обсуждала всѣ дѣла. Скоро подъ акаціями учредился клубъ Марьи Филимоновны, и тутъ, черезъ этотъ клубъ, состоявшій изъ прикащицы, старосты и конторщика, стали повсѣмному уравниваться трудности жизни, и черезъ недѣлю дѣйствительно все *образовалось*. Крышу починили, кухарку нашли, старостину куму, куръ купили, коровы стали давать молока, садъ загородили жердями, катокъ сдѣлалъ плотникъ, къ шкапамъ придѣлали крючки, и они стали отворяться непроизвольно, и главное орудіе, гладильная доска, обернутая солдатскимъ сукномъ, легла съ ручки кресла на комодъ, и въ дѣвичьей запахло уютномъ.

— Ну вотъ! а все отчаивались, сказала Марья Филимоновна указывая на доску.

Даже построили изъ соломенныхъ щитовъ купальню. Лили стала купаться, и для Дарьи Александровны сбылись хотя отчасти ея ожиданія хотя не спокойной, но удобной деревенской жизни. Спокойною съ шестью дѣтьми Дарья Александровна не могла быть. Одинъ заболѣвалъ, другой могъ заболѣть, третьему не доставало чего-нибудь, четвертый выказывалъ признаки дурнаго характера и т. д. и т. д. Рѣдко, рѣдко выдавались короткіе спокойные періоды. Но хлопоты и безпокойства эти были для Дарьи Александровны единственно возможнымъ счастьемъ. Еслибы не было этого, она бы оставалась одна со своими мыслями о мужѣ который не любилъ ея. Но кромѣ того, какъ ни тяжелы были для матери страхъ болѣз-

ней, самыя болѣзни и горе въ виду признаковъ дурныхъ наклонностей въ дѣтяхъ, сами дѣти выплачивали ей уже теперь мелкими радостями за ея горести. Радости эти были такъ мелки что онѣ незамѣтны были какъ золото въ песокѣ, и въ дурныя минуты она видѣла однѣ горести, одинъ песокъ; но были и хорошія минуты, когда она видѣла однѣ радости, одно золото.

Теперь, въ уединеніи деревни, она чаще и чаще стала сознать эти радости. Часто глядя на нихъ, она дѣлала всевозможныя усилія чтобъ убѣдить себя что она заблуждается, что она, какъ мать, пристрастна къ своимъ дѣтямъ, все-таки она не могла не говорить себѣ что у нея прелестныя дѣти всѣ шестеро, всѣ въ разныхъ родахъ, но такія какія рѣдко бываютъ, и была счастлива ими, и гордилась ими.

VIII.

Въ концѣ мая, когда уже все болѣе или менѣе устроилось, она получила отвѣтъ мужа на свои жалобы о деревенскихъ неустройствахъ. Онъ писалъ ей прося прощенія въ томъ что не обдумалъ всего, и обѣщалъ пріѣхать при первой возможности. Возможность эта не представилась, и до начала іюня Дарья Александровна жила одна въ деревнѣ.

Петровками, въ воскресенье, Дарья Александровна ѣздила къ обѣднѣ причащать всѣхъ своихъ дѣтей. Дарья Александровна, въ своихъ задумчивыхъ, философскихъ разговорахъ съ сестрой, матерью, друзьями, очень часто удивляла ихъ своимъ вольнодумствомъ относительно религіи. У ней была своя странная религія метампсихозы, въ которую она твердо вѣрила, мало заботясь о догматахъ церкви. Но въ семьѣ она, — и не для того только чтобы показывать примѣръ, а отъ всей души, — строго исполняла всѣ церковныя требованія, и то что дѣти около года не были у причастія очень беспокоило ее, и съ полнымъ одобреніемъ и сочувствіемъ Марьи Филимоновны она рѣшила совершить это теперь, лѣтомъ.

Дарья Александровна за нѣсколько дней впередъ обдумала какъ одѣть всѣхъ дѣтей. Были сшиты, передѣланы и вымыты платья, выпущены рубды и оборки, пришиты пуговицы и приготовлены ленты. Одно платье на Таню, которое взялась шить Англичанка, испортило много крови Дарья Але-

Ксандровнѣ. Англичанка, перешивая, сдѣлала выточки не на мѣстѣ, слишкомъ вынула рукава и совсѣмъ было испортила платье. Танѣ подхватило плечи такъ что видѣть было больно. Но Марья Филимоновна догадалась вставить клинья и сдѣлать пелеринку. Дѣло поправилось, но съ Англичанкой произошла было почти ссора. Наутро, однако, все устроилось, и къ девяти часамъ, срокъ до котораго просили батюшку подождать съ обѣдней, сіяющія радостью, разошлись дѣти стояли у крыльца предъ коляской, дожидаясь матери.

Въ коляску, вмѣсто заминающагося Ворона, запрягли, по протекціи Марьи Филимоновны, прикащика Бураго, и Дарья Александровна, задержанная заботами о своемъ туалетѣ, одѣтая въ бѣлое кисейное платье, вышла садиться.

Дарья Александровна причесывалась и одѣвалась съ заботой и волненіемъ. Прежде она одѣвалась для себя, чтобы быть красивой и нравиться; потомъ, чѣмъ больше она старилась, тѣмъ непріятнѣе ей становилось одѣваться; она видѣла какъ она подурнѣла. Но теперь она опять одѣвалась съ удовольствіемъ и волненіемъ. Теперь она одѣвалась не для себя, не для своей красоты, а для того чтобы она, какъ мать этихъ прелестей, не испортила общаго впечатлѣнія. И посмотрѣвши въ послѣдній разъ въ зеркало, она осталась довольна собой. Она была хороша. Не такъ хороша какъ она, бывало, хотѣла быть хороша на балѣ, но хороша для той цѣли которую она теперь имѣла въ виду.

Въ церкви никого, кромѣ мужиковъ, дворниковъ и ихъ бабъ, не было. Но Дарья Александровна видѣла, или ей казалось что она видѣла, восхищеніе возбуждаемое ея дѣтьми и ею. Дѣти не только были прекрасны собой въ своихъ нарядныхъ платьицахъ; но они были милы тѣмъ какъ хорошо они себя держали. Алеша, правда, стоялъ не совсѣмъ хорошо, онъ все поворачивался и хотѣлъ видѣть сзади свою курточку; но все-таки онъ былъ необыкновенно милъ. Таня стояла какъ большая и смотрѣла за маленькими. Но меньшая, Лили, была прелестна своимъ наивнымъ удивленіемъ предъ всѣмъ, и трудно было не улыбнуться когда, причастившись, она сказала: „please some more“.

Возвращаясь домой дѣти чувствовали что что-то торжественное совершилось, и были очень смирны.

Все шло хорошо и дома; но за завтракомъ Гриша сталъ свистать и, что было хуже всего, не послушался Англичанки

и быть оставленъ безъ сладкаго пирога. Дарья Александровна не допустила бы въ такой день до наказанія, еслибъ она была тутъ; но надо было поддержать распоряженіе Англичанки, и она подтвердила ея рѣшеніе что Гришѣ не будетъ сладкаго пирога. Это испортило немного общую радость.

Гриша плакалъ, говоря что и Николинъка свисталъ, но что вотъ его не наказали, и что онъ не отъ пирога плачетъ, ему все равно, но о томъ что съ нимъ несправедливы. Это было слишкомъ уже грустно, и Дарья Александровна рѣшилась, переговоривъ съ Англичанкой, простить Гришу и пошла къ ней. Но тутъ, проходя чрезъ залу, она увидала сцену наполнившую такую радостью ея сердце что слезы выступили ей на глаза, и она сама простила преступника.

Наказанный сидѣлъ въ залѣ на угловомъ окнѣ; подлѣ него стояла Таня съ тарелкой. Подъ видомъ желанія обѣда для куколъ, она попросила у Англичанки позволенія снести свою порцію пирога въ дѣтскую, и вмѣсто этого принесла ее брату. Продолжая плакать о несправедливости претерпѣннаго имъ наказанія, онъ ѣлъ принесенный пирогъ и сквозь рыданія приговаривалъ: „ѣшь сама, вмѣстѣ будемъ ѣсть... вмѣстѣ“.

На Таню сначала подѣйствовала жалость за Гришу, потомъ сознаніе своего добродѣтельнаго поступка, и слезы у ней тоже стояли въ глазахъ, но она, не отказываясь, ѣла свою долю.

Увидавъ мать, они испугались, но взглянувъ въ ея лицо поняли что они дѣлаютъ хорошо, засмѣялись, и съ полными пирогомъ ртами, стали обтирать улыбающіяся губы руками и измазали всѣ свои сіяющія лица слезами и вареньемъ.

— Матушки!! Новое, бѣлое платье! Таня! Гриша! говорила мать, стараясь спасти платье, но со слезами на глазахъ улыбалась блаженною, восторженною улыбкой.

Новыя платья сняли, велѣли надѣть дѣвочкамъ блузки, а мальчикамъ старыя курточки, и велѣли закладывать линейку, опять, къ огорченію прикащика, Бураго въ дышло, чтобъ ѣхать за грибами и на купальню. Стовъ восторженнаго визга поднялся въ дѣтской и не умолкалъ до самаго отъѣзда на купальню.

Грибовъ набрали цѣлую корзинку, даже Лили нашла березовый грибъ. Прежде бывало такъ что миссъ Гуль найдетъ и покажетъ ей, но теперь она сама нашла большой березовый

шлюпикъ, и былъ общій восторженный крикъ: „Тили наша шлюпикъ!“

Потомъ подѣхали къ рѣкѣ, поставили лошадей подъ березками и пошли въ купальню. Кучеръ Терентій, привязавъ къ дереву отмахивающихся отъ оводовъ лошадей, легъ, примная траву, въ тѣни березы и курилъ тютюнъ, а изъ купальни доносился до него неумолкавшій дѣтскій веселый визгъ.

Хотя и хлопотливо было смотрѣть за всѣми дѣтьми и останавливать ихъ шалости, хотя и трудно было вспомнить и не перепутать всѣ эти чулочки, панталончики, башмачки съ разныхъ ногъ, и развязывать, разстегивать и завязывать тесемочки и луговки, Дарья Александровна, сама для себя любившая всегда купанье, считавшая его полезнымъ для дѣтей, ничѣмъ такъ не наслаждалась какъ этимъ купаньемъ со всѣми дѣтьми. Перебирать всѣ эти пухленькія ножки, натягивая на нихъ чулочки, брать въ руки и окунать эти голенькія тѣльца, и слышать то радостные, то испуганные визги; видѣть эти задыхающіяся, съ открытыми, испуганными и веселыми глазами лица, этихъ брызгающихся своихъ херувимчиковъ, было для нея большое наслажденіе. Наслажденіе это увеличилось еще тѣмъ что къ купальнѣ, когда уже половина дѣтей были одѣты, подошли нарядныя бабы, ходившія за сныткой и молочникомъ и робко остановившіяся у купальни. Марья Филимоновна кликнула одну чтобы дать ей высушить уропенную въ воду простыню и рубашку, и Дарья Александровна разговаривалась съ бабами. Бабы, сначала смѣявшіяся въ руку и не понимавшія вопроса, скоро осмѣлились и разговаривались, тотчасъ же подкуливъ Дарью Александровну искреннимъ любованьемъ дѣтьми, которое онѣ выказывали.

— Ишь ты красавица, бѣленькая какъ сахаръ, говорила одна, любуясь на Таничку и покачивая головой. — А худая...

— Да, больна была.

— Вишь ты, знать тоже купали, говорила другая на груднаго.

— Нѣтъ, ему только три мѣсяца, отвѣчала съ гордостью Дарья Александровна.

— Ишь ты!

— А у тебя есть дѣти?

— Было четверо, двое осталось: мальчикъ и дѣвочка. Вотъ, въ прошлый мясодѣзъ отняла.

— А сколько ей?

— Да другой годокъ.

— Что же ты такъ долго кормила?

— Наше обыкновеніе три поста...

И разговоръ сталъ самый интересный для Дарьи Александровны. Какъ рожала? Чѣмъ былъ боленъ? Гдѣ мужъ? Часто ли бываетъ?

Дарья Александровна не хотѣлось уходить отъ бабъ, такъ интересенъ ей былъ разговоръ съ ними, такъ совершенно одни и тѣ же были ихъ интересы. Пріятнѣе же всего Дарья Александровна было то что она ясно видѣла какъ всѣ эти женщины любовались болѣе всего тѣмъ какъ много было у нея дѣтей и какъ они хороши. Бабы и насмѣшили Дарью Александровну и обидѣли Англичанку тѣмъ что она была причиной этого непонятнаго для нея смѣха. Одна изъ молодыхъ бабъ приглаждалась къ Англичанкѣ, одѣвавшейся послѣ всѣхъ, и когда она надѣла на себя третью юбку, то не могла удержаться отъ замѣчанія: „ишь ты, крутила, крутила, все не накрутить“, сказала она, и всѣ разразились хохотомъ.

IX.

Окруженная всѣми выкупанными, съ мокрыми головами дѣтьми, Дарья Александровна, съ обвязанною платкомъ головой, уже подѣзжала къ дому, когда кучеръ сказалъ: „Баринъ какой-то идетъ, кажется Покровскій“.

Дарья Александровна выглянула впередъ и обрадовалась увидавъ въ сѣрой шляпѣ и сѣромъ пальто знакомую фигуру Левина, шедшаго имъ на встрѣчу. Она и всегда рада ему была, но теперь особенно рада была что онъ видитъ ее во всей ея славу. Никто лучше Левина не могъ понять ея величія и въ чемъ оно состояло.

Увидавъ ее, онъ очутился предъ одною изъ картинъ своего когда-то воображаемаго семейнаго быта.

— Вы точно насѣдка, Дарья Александровна.

— Ахъ, какъ я рада! сказала она, протягивая ему руку.

— Рады, а не дали знать. У меня братъ живетъ. Ужъ я отъ Стивы получилъ записочку что вы тутъ.

— Отъ Стивы? съ удивленіемъ спросила Дарья Александровна.

— Да, онъ пишетъ что вы переѣхали и думаетъ что вы позволите мнѣ помочь вамъ чѣмъ-нибудь, сказалъ Левинъ, и сказавъ это вдругъ смутился, и прервавъ рѣчь, молча про-
т. схѣт. 20*

должалъ идти подлѣ линейки, срывая липовыя побѣги и перекусывая ихъ. Онъ смутился вслѣдствіе предположенія что Дарьѣ Александровнѣ будетъ непріятна помощь посторонняго человѣка въ томъ дѣлѣ которое должно было быть сдѣлано ея мужемъ. Дарьѣ Александровнѣ дѣйствительно не нравилась эта манера Степана Аркадьевича навязывать свои семейныя дѣла чужимъ. И она тотчасъ же поняла что Левинъ понимаетъ это. За эту-то тонкость пониманія, за эту деликатность и любила Левина Дарья Александровна.

— Я понялъ, разумѣется, сказалъ Левинъ,—что это только значить то что вы хотите меня видѣть, и очень радъ. Разумѣется, я воображаю что вамъ, городской хозяйкѣ, здѣсь дико, и если что нужно, я весь къ вашимъ услугамъ.

— О, нѣтъ! сказала Долли. — Первое время было неудобно, а теперь все прекрасно устроилось. Благодаря моей старой нянѣ, сказала она, указывая на Марью Филимоновну, понимавшую что говорить о ней и весело и дружелюбно улыбающуюся Левину. Она знала его, и знала что это хорошій женихъ барышнѣ, и желала чтобы дѣло сладилось.

— Извольте садиться, мы сюда потѣсимся, сказала она ему.

— Нѣтъ, я пройдуся. Дѣти, кто со мной на перегонки съ лошадьми?

Дѣти знали Левина очень мало, не помнили когда видали его, но не выказывали въ отношеніи къ нему того страннаго чувства застѣнчивости и отвращенія которое испытываютъ дѣти такъ часто ко взрослымъ притворяющимся людямъ и за которое имъ такъ часто и больно достается. Притворство въ чемъ бы то ни было можетъ обмануть самого умнаго, проницательнаго человѣка; но самый ограниченный ребенокъ, какъ бы оно ни было искусно скрываемо, узнаетъ его и отвращается. Какіе бы ни были недостатки въ Левинѣ, притворства не было въ немъ и признака, и потому дѣти высказали ему дружелюбіе такое же какое они нашли на лицѣ матери. На приглашеніе его, два старшіе тотчасъ же соскочили къ нему и побѣжали съ нимъ также просто какъ бы они побѣжали съ няней, съ миссѣй Гуль или съ матерью. Лица тоже стала проситься къ нему, и мать передала ее ему; онъ посадилъ ее на плечо и побѣжалъ съ ней.

— Не бойтесь, не бойтесь, Дарья Александровна, говорилъ онъ весело улыбаясь матери,—невозможно чтобы я ушибъ или уронилъ.

И глядя на его ловкія, сильныя, осторожно-заботливыя

и слишком напряженные движенія, мать успокоилась, и весело и одобрительно улыбалась глядя на него.

Здѣсь, въ деревнѣ, съ дѣтьми и съ симпатичною ему Дарьей Александровной, Левинъ пришелъ въ то, часто находившее на него, дѣтски веселое расположеніе духа, котораго онъ стыдился и тщательно скрывалъ его въ обществѣ, по которое Дарья Александровна особенно любила въ немъ. Бѣгая съ дѣтьми, онъ училъ ихъ гимнастикѣ, смѣшилъ миссъ Гуль своимъ дурнымъ англійскимъ языкомъ, и разказывалъ Дарьѣ Александровнѣ свои занятія въ деревнѣ.

Послѣ обѣда, Дарья Александровна, сидя съ нимъ одна на балконѣ, заговорила о Кити.

— Вы знаете, Кити пріѣдетъ сюда и проведетъ со мною лѣто.

— Право? сказалъ онъ вспыхнувъ, и тотчасъ же, чтобы переменить разговоръ, сказалъ: — Такъ прислать вамъ двухъ коровъ? Если вы хотите считаться, то извольте заплатить мнѣ по пяти рублей въ мѣсяць, если вамъ не совѣстно.

— Нѣтъ, благодарствуйте. У насъ устроилось.

— Ну, такъ я вашихъ коровъ посмотрю, и если позволите, я распоряджусь какъ ихъ кормить. Все дѣло въ кормѣ.

И Левинъ, чтобы только отвлечь разговоръ, изложилъ Дарьѣ Александровнѣ теорію молочнаго хозяйства, состоящую въ томъ что корова есть только машина для переработки корма въ молоко и т. д.

Онъ говорилъ это, и страстно желалъ услышать подробности о Кити; но ему страшно было что разстроится то спокойствіе которое онъ начиналъ испытывать.

— Да, но впрочемъ за всѣмъ этимъ надо слѣдить, а кто же будетъ? неохотно отвѣчала Дарья Александровна.

Она такъ теперь наладила свое хозяйство черезъ Марью Филимоновну что ей не хотѣлось ничего мѣнять въ немъ; да, по правдѣ, она и не вѣрила знанію Левина въ сельскомъ хозяйствѣ. Разсужденія о томъ что корова есть машина для дѣланья молока были ей подозрительны. Ей казалось что такого рода разсужденія могутъ только мѣшать хозяйству. Ей казалось все это гораздо проще, что надо только, какъ объясняла Марья Филимоновна, давать Чернухъ и Пеструхъ больше корму и поила, и чтобы поваръ не уносилъ помои изъ кухни для прачкиной коровы. Это было ясно. А разсужденія о мучномъ и травяномъ кормѣ были сомнительны и не ясны. Главное же ей хотѣлось говорить о Кити.

— Кити пишетъ мнѣ что ничего такъ не желаетъ какъ уединенія и спокойствія.

— А что здоровье ея, лучше? съ волненіемъ спросилъ Левинъ.

— Слава Богу, она совсѣмъ поправилась. Я никогда не вѣрила чтобъ у нея была грудная болѣзнь.

— Ахъ, я очень радъ! сказалъ Левинъ, и что-то трогательное, безпомощное показалось Долли въ его лицѣ въ то время какъ онъ сказалъ это и молча смотрѣлъ на нее.

— Послушайте, Константинъ Дмитричъ, сказала Дарья Александровна, улыбаясь своею доброю и нѣсколько насмѣшливою улыбкой, — за что вы сердитесь на Кити?

— Я? Я не сержусь, сказалъ Левинъ.

— Нѣтъ, вы сердитесь. Отчего вы не заѣхали ни къ намъ, ни къ нимъ, когда были въ Москвѣ?

— Дарья Александровна, сказалъ онъ, краснѣя до корней волосъ, — я удивляюсь даже что вы, съ вашею добротой, не чувствуете этого. Какъ вамъ просто не жалко меня, когда вы знаете....

— Что я знаю?

— Знаете что я дѣлалъ предложеніе и что мнѣ отказано, проговорилъ Левинъ, и вся та нѣжность, которую минуту тому назадъ онъ чувствовалъ къ Кити, замѣнилась въ душѣ его чувствомъ злобы за оскорбленіе.

— Почему же вы думаете что я знаю?

— Потому что всѣ это знаютъ.

— Вотъ ужъ въ этомъ вы ошибаетесь; я не знала этого, хотя и догадывалась.

— А! ну такъ вы теперь знаете.

— Я знала только то что что-то было что ее ужасно мучило, и что она просила меня никогда не говорить объ этомъ. А если она не сказала мнѣ, то она никому не говорила. Но что же у васъ было? Скажите мнѣ.

— Я вамъ сказалъ что было.

— Когда?

— Когда я былъ въ послѣдній разъ у васъ.

— А знаете что я вамъ скажу, сказала Дарья Александровна, — мнѣ ее ужасно, ужасно жалко. Вы страдаете только отъ гордости.

— Можетъ-быть, сказалъ Левинъ, — но....

Она перебила его.

— Но ее, бѣдняжку, мнѣ ужасно и ужасно жалко. Теперь я все понимаю.

— Ну, Дарья Александровна, вы меня извините, сказалъ онъ вставая.—Прощайте, Дарья Александровна, до свиданья.

— Нѣтъ, постойте, сказала она, схватывая его костлявою рукою за рукавъ.—Постойте, садитесь.

— Пожалуста, пожалуста не будемъ говорить объ этомъ, сказалъ онъ садясь и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя что въ сердцѣ его странно, какъ мертвецъ, поднимается и шевелится казавшаяся ему похороненною надежда.

— Еслибъ я васъ не любила, сказала Дарья Александровна, и слезы выступили ей на глаза.—Еслибъ я васъ не знала какъ я васъ знаю....

Мертвецъ надежды оживалъ все болѣе и болѣе, поднимался и завладѣвалъ сердцемъ Левина.

— Да, я теперь все поняла, продолжала Дарья Александровна,—вы этого не можете понять; вамъ, мужчинамъ, свободнымъ и выбирающимъ, всегда ясно кого вы любите. Но дѣвушка, въ положеніи ожиданія, съ этимъ женскимъ, дѣвичьимъ стыдомъ, дѣвушка, которая видитъ васъ, мужчину, издалека, принимаетъ все на слово; у дѣвушки бываетъ и можетъ быть такое чувство что она не знаетъ что сказать.

— Да, если сердце не говорить...

— Нѣтъ, сердце говорить, но вы подумайте, вы, мужчины, имѣете виды на дѣвушку, вы ѣздите въ домъ, вы сближаетесь, высматриваете, выжидаете, найдете ли вы то что вы любите, и потомъ, когда вы убѣждены что любите, вы дѣлаете предложеніе....

— Ну, это не совсѣмъ такъ.

— Все равно, вы дѣлаете предложеніе когда ваша любовь созрѣла или когда у васъ между двумя выбираемыми совершился перевѣсъ; а дѣвушку не спрашиваютъ. Хотятъ чтобъ она сама выбирала, а она не можетъ выбрать и только отвѣчаетъ: да и нѣтъ.

„Да, выборъ между мной и Вронскимъ“, подумалъ Левинъ, и оживавшій мертвецъ опять умеръ и только мучительно давилъ его сердце.

— Дарья Александровна, сказалъ онъ, — такъ выбираютъ платье или не знаю какую покупку, а не любовь. Выборъ сдѣланъ, и тѣмъ лучше.... И повторенья быть не можетъ.

— Ахъ, гордость и гордость! сказала Дарья Александровна, какъ будто презирая его за низость этого чувства въ сравненіи съ тѣмъ другимъ чувствомъ которое знаютъ одни женщины.— Въ то время какъ вы дѣлали предложеніе Кити,

она именно была въ томъ положеніи когда она не могла отвѣчать. Въ ней было колебаніе. Колебаніе: вы или Бронскій. Его она видѣла каждый день, васъ давно не видала. Положимъ, еслибъ она была старше, для меня, напримѣръ, на ея мѣстѣ не могло бы быть колебанья. Онъ мнѣ всегда противенъ былъ, и такъ и кончилось.

Левинъ вспомнилъ отвѣтъ Кити. Она сказала: *Нѣтъ, это не можетъ быть...*

— Дарья Александровна, сказалъ онъ сухо, — я цѣню вашу довѣренность ко мнѣ; я думаю что вы ошибаетесь. Но правъ я или неправъ, эта гордость, которую вы такъ презираете, дѣлаетъ то что для меня всякая мысль о Катеринѣ Александровнѣ невозможна, вы понимаете, совершенно невозможна.

— Я только одно еще скажу: вы понимаете что я говорю о сестрѣ которую я люблю какъ своихъ дѣтей. Я не говорю чтобъ она любила васъ, но я только хотѣла сказать что ея отказъ въ ту минуту ничего не доказываетъ.

— Я не знаю, вскакивая сказалъ Левинъ. — Еслибы вы знали какъ вы больно мнѣ дѣлаете! Все равно какъ у васъ бы умеръ ребенокъ, а вамъ бы говорили: а вотъ онъ былъ бы такой, такой и могъ бы жить, и вы бы на него радовались. А онъ умеръ, умеръ, умеръ....

— Какъ вы смѣшны, несмотря на волненіе Левина, съ грустною усмѣшкой сказала Дарья Александровна. — Да, я теперь все больше и больше понимаю, продолжала она задумчиво. — Такъ вы не пріѣдете къ намъ когда Кити будетъ?

— Нѣтъ, не пріѣду. Разумѣется, я не буду избѣгать Катерины Александровны, но гдѣ могу постараюсь избавить ее отъ непріятности моего присутствія.

— Очень, очень вы смѣшны, повторила Дарья Александровна, съ нѣжностью вглядываясь въ его лицо. — Ну, хорошо, такъ какъ будто мы ничего про это не говорили. Зачѣмъ ты пришла, Таня? сказала Дарья Александровна по-французски вошедшей дѣвочкѣ.

— Гдѣ моя лопатка, мама?

— Я говорю по-французски, и ты также скажи.

Дѣвочка хотѣла сказать, но забыла какъ лопатка по-французски; мать ей подсказала, и потомъ по-французски же сказала гдѣ отыскать лопатку.

Все теперь казалось Левину въ домѣ Дарьи Александровны и въ ея дѣтяхъ совсѣмъ уже не такъ мило какъ прежде.

„И для чего она говоритъ по-французски съ дѣтьми“, подумалъ онъ: „какъ это неестественно и фальшиво! И дѣти чувствуютъ это. Выучить по-французски и отучить отъ искренности,“ думалъ онъ самъ съ собой, не зная того что Дарья Александровна все это двадцать разъ уже передумала, и все-таки, хотя и въ ущербъ искренности, нашла необходимымъ учить этимъ путемъ своихъ дѣтей.

— Но куда же вамъ ѣхать? Посидите.

Левинъ остался до чая, но веселье его все исчезло, и ему было неловко.

Послѣ чая онъ вышелъ въ переднюю велѣть подавать лошадей, и когда вернулся, засталъ Дарью Александровну взволнованную, съ разстроеннымъ лицомъ и слезами на глазахъ. Въ то время какъ Левинъ выходилъ, случилось для Дарьи Александровны событіе разрушившее вдругъ все ея сегоднешнее счастье и гордость дѣтьми. Гриша и Таня подрались за мячикъ. Дарья Александровна, услышавъ крикъ въ дѣтской, выбѣжала и застала ихъ въ ужасномъ видѣ. Таня держала Гришу за волосы; а онъ, съ изуродованнымъ злобой лицомъ, билъ ее кулаками куда попало. Что-то оборвалось въ сердцѣ Дарьи Александровны, когда она увидала это. Какъ будто мракъ надвинулся на ея жизнь: она поняла что тѣ ея дѣти, которыми она такъ гордилась, были не только самыя обыкновенныя, но даже нехорошія, дурно воспитанныя дѣти, съ грубыми, звѣрскими наклонностями, злыя дѣти.

Она ни о чемъ другомъ не могла говорить и думать и не могла не разказать Левину своего несчастья.

Левинъ видѣлъ что она несчастлива и постарался утѣшить ее, говоря что это ничего дурного не доказываетъ, что всѣ дѣти дерутся, но говоря это, въ душѣ своей Левинъ думалъ: „нѣтъ, я не буду ломаться и говорить по-французски со своими дѣтьми; но у меня будутъ не такія дѣти; надо только не портить, не уродовать дѣтей, и они будутъ прелестны. Да, у меня будутъ не такія дѣти“.

Онъ простился и уѣхалъ, и она не удерживала его.

Х.

Въ половинѣ іюля къ Левину явился староста сестриной деревни, находившейся за двадцать верстъ отъ Покровскаго, съ отчетомъ о ходѣ дѣлъ и о покосѣ. Главный доходъ съ

имѣнія сестры получался за заливные луга. Въ прежніе года покосы разбирались мужиками по двадцати рублей за десятину. Когда Левинъ взялъ имѣнье въ управленіе, онъ, осмотрѣвъ покосы, нашель что они стоѣтъ дороже и назначилъ цѣну за десятину двадцать пять рублей. Мужики не дали этой цѣны и, какъ подозрѣвалъ Левинъ, отбили другихъ покупателей. Тогда Левинъ поѣхалъ туда самъ и распорядился убирать луга частію наймомъ, частію изъ доли. Свои мужики препятствовали всѣми средствами этому приему, но дѣло пошло, и въ первый же годъ за луга было выручено почти вдвое. Въ третьемъ и прошломъ году продолжалось то же противодѣйствіе мужиковъ, и уборка шла тѣмъ же порядкомъ. Въ нынѣшнемъ году мужики взяли всѣ покосы изъ третьей доли, и теперь староста пріѣхалъ объявить что покосы убраны и что онъ, побоявшись дождя, пригласилъ конторщика, при немъ раздѣлилъ и сметалъ уже одиннадцать господскихъ стоговъ. По неопредѣленнымъ отвѣтамъ на вопросъ о томъ сколько было сѣна на главномъ дугу, по послѣдності старосты раздѣлившаго сѣно безъ спросу, по всему тону мужика, Левинъ понялъ что въ этомъ дѣлѣ сѣна что-то не чисто, и рѣшился съѣздить самъ повѣрить дѣло.

Пріѣхавъ въ обѣдъ въ деревню и оставивъ лошадь у пріятеля-старика, мужа братиной кормилицы, Левинъ вошелъ къ старику на пчельникъ, желая узнать отъ него подробности объ уборкѣ покоса. Говорливый, благообразный старикъ Парменъ радостно принялъ Левина, показалъ ему все свое хозяйство, разказалъ всѣ подробности о своихъ пчелахъ и о роевщинѣ нынѣшняго года; но на вопросы Левина о покосѣ говорилъ неопредѣленно и неохотно. Это еще болѣе утвердило Левина въ его предположеніяхъ. Онъ пошелъ на покосъ и осматривалъ стога. Въ стогахъ не могло быть по пятидесяти возовъ, и чтобъ уличить мужиковъ, Левинъ велѣлъ сейчасъ же вызвать возившія сѣно подводы, поднять одинъ стогъ и перевезти въ сарай. Изъ стога вышло только тридцать два воза. Несмотря на увѣренія старосты о лухлявости сѣна, на его божбу о томъ что все было по-божески, Левинъ настаивалъ на своемъ что сѣно дѣлили безъ его приказа, и онъ не принимаетъ этого сѣна за пятьдесятъ возовъ въ стогъ. Послѣ долгихъ споровъ, дѣло рѣшили тѣмъ чтобы мужикамъ принять эти одиннадцать стоговъ, считая по пятидесяти возовъ, на свою долю, а на господскую долю

выдѣлять вновь. Переговоры эти и дѣлѣть копенъ продолжались до полдника. Когда послѣднее сѣно было раздѣлено, Левинъ, поручить остальное наблюденіе конторщику, присѣлъ на отмѣченной тычинкой ракутника колнѣ, любуясь на клящій народомъ дугъ.

Предъ нимъ, въ загибѣ рѣки, за болотцемъ, весело, треща звонкими голосами, двигалась пестрая вереница бабъ, и изъ растрясеннаго сѣна быстро вытягивались по свѣтлозеленой отавѣ сѣрые извилистые валы. Слѣдомъ за бабами шли мужики съ вилами, и изъ валовъ выростали широкія, высокія, пухлыя колны. Слѣва, по убранному уже лугу, гремѣли тележки, и одна за другою подаваемые огромными навиллинами исчезали колны, и на мѣсто ихъ навивались, нависающіе на зады лошадей, тяжелые воза душистаго сѣна.

— За погодуку убрать! Сѣно же будетъ, сказалъ старикъ, присѣвшій подлѣ Левина. — Чай, не сѣно! Ровно утятъ зерно разсыпъ, какъ подбираютъ! прибавилъ онъ указывая на навиваемыя колны. — Съ обѣда половину добрую свезли.

— Последнюю что ль? крикнулъ онъ на малаго, который, стоя на передѣ тележнаго ящика и помахивая концами пеньковыхъ вожжей, ѣхалъ мимо.

— Последнюю, батюшка! прокричалъ малый, придерживая лошадь и, улыбаясь, оглянувшись на веселую, тоже улыбающуюся, румяную бабу сидѣвшую въ тележномъ ящикѣ, и погналъ дальше.

— Это кто же? Сынъ? спросилъ Левинъ.

— Мойменьшенькій, съ ласковою улыбкой сказалъ старикъ.

— Какой молодецъ!

— Ничего малый.

— Ужь женатъ?

— Да третій годъ пошелъ съ Филиповокъ.

— Чтожь и дѣти есть?

— Какія дѣти? Совсе немысленный былъ, отвѣчалъ старикъ. — Ахъ, хорошо сѣно! Чай, настоящій, повторилъ онъ, желая переменить разговоръ.

Левинъ внимательно присмотрѣлся къ Ванькѣ Парменову и его женѣ. Они не далеко отъ него навивали колну Иванъ Парменовъ стоялъ на возу, принимая, разравнивая и оталтывая огромныя навиллины сѣна, которыя сначала охалками, а потомъ вилами ловко подавала ему его молодая красавица-хозяйка. Молодая баба работала легко,

весело и ловко. Крупное, слежавшееся сѣно не бралось сразу на вилы. Она сначала расправляла его, всовывала вилы, потомъ упругимъ и быстрымъ движеніемъ налегала на нихъ всею тяжестью своего тѣла, и тотчасъ же, перегибая перетянутую краснымъ кушакомъ спину, выпрямлялась, и выставляя полную грудь изъ-подъ бѣлой занавѣски, съ ловкою ухваткой перехватывала руками вилы и вскидывала навилину высоко на возъ. Иванъ послѣдно, видимо стараясь избавить ее отъ всякой минуты лишняго труда, подхватывалъ, широко раскрывая руки, подаваемую охапку и расправлялъ ее на возу. Подавъ послѣднее сѣно граблями, баба отряхнула засылавшуюся ей за шею труху, и оправивъ сбившійся надъ бѣлымъ, незагорѣлымъ лбомъ красный платокъ, поѣхала подъ телѣгу увязывать возъ. Иванъ училъ ее какъ цѣплять за лисицу и чему-то сказанному ею громко расхохотался.

Возъ былъ увязанъ. Иванъ спрыгнулъ и повелъ за поводъ добрую, сытую лошадь. Баба вскинула на возъ грабли и бодрымъ шагомъ, размахивая руками, пошла къ собравшимся хороводомъ бабамъ. Иванъ, выѣхавъ на дорогу, вступилъ въ обозъ съ другими возами. Бабы съ граблями на плечахъ, блестя яркими цвѣтами и треща звонкими, веселыми голосами, шли позади возовъ. Одинъ грубый, дикій, но необыкновенно отчетливый бабій голосъ затянулъ пѣсню и допѣлъ ее до повторенья, и дружно, въ разъ, олять сначала подхватили ту же пѣсню полсотни разныхъ грубыхъ и тонкихъ могучихъ голосовъ, и Левину показалось что и колна, на которой онъ лежалъ, и земля, и небо, все заходило и заколыхалось подъ размѣры этой дикой, развеселой и стройной пѣсни, со вскриками, присвистами и ёканьями.

Хороводъ приближался, и Левину казалось что неудержимая туча съ громомъ веселья надвигалась на него. Туча надвинулась, захватила его и стала удаляться. Левинъ не могъ оторваться, смотрѣлъ и слушалъ, и когда народъ скрылся изъ вида и слуха, тяжелое чувство тоски за свое одиночество, за свою тѣлесную праздность, за свою враждебность къ этому міру охватило его.

Нѣкоторые изъ тѣхъ самыхъ мужиковъ, которые больше всѣхъ съ нимъ спорили за сѣно, тѣ которыхъ онъ обидѣлъ, или тѣ которые хотѣли обмануть его, эти самые мужики весело кланялись ему и очевидно не имѣли и не могли имѣть

къ нему никакого зла или никакого не только раскаянія, но и воспоминанія о томъ что они хотѣли обмануть его. Все это потонуло въ морѣ веселаго, общаго труда. Богъ далъ день, Богъ далъ силы. И день и силы посвящены труду, и въ немъ самомъ награда. А для кого трудъ? Какіе будутъ плоды труда? Это соображенія постороннія и ничтожныя.

Левинъ часто любовался на эту жизнь, часто испытывалъ чувство зависти къ людямъ живущимъ этою жизнью, но нынче въ первый разъ, въ особенности подъ впечатлѣніемъ той прелестной идилліи которую онъ видѣлъ въ отношеніяхъ Ивана Парменова къ его молодой женѣ, Левину въ первый разъ ясно пришла мысль о томъ что отъ него завистить перемѣнить ту столь тягостную его праздную, искусственную и личную жизнь которою онъ жилъ, на эту трудовую, чистую и общую жизнь.

Старикъ, сидѣвшій съ нимъ, уже давно ушелъ домой; народъ весь разобрался. Ближніе уѣхали домой, а дальніе собрались къ ужину и ночлегу въ лугу. Левинъ, не замѣчаемый народомъ, продолжалъ лежать на конѣ и смотрѣть, слушать и думать. Народъ оставшійся ночевать въ лугу не спалъ почти всю короткую лѣтнюю ночь. Сначала слышался общій веселый говоръ и хохотъ за ужиномъ, потомъ оляты лѣсни и смѣхи.

Весь длинный, трудовой день не оставилъ въ нихъ другаго слѣда кромѣ веселости. Передъ утреннею зарей все затихло. Слышались только ночные звуки неумолкаемыхъ въ болотѣ лягушекъ, бекаса бляеваго барашкомъ гдѣ-то въ вышинѣ или внизу и лошадей фыркавшихъ по лугу въ поднявшемся предъ утромъ туманѣ и толтавшихся спутанными ногами у воды. Левинъ всталъ съ коня, оглядѣлъ звѣзды и понялъ что прошла ночь.

„Ну, такъ что же я сдѣлаю? Какъ я сдѣлаю это?“ сказалъ онъ себѣ, стараясь выразить для самого себя все то что онъ передумалъ и перечувствовалъ въ эту счастливую, рѣшительную для него ночь. Все что онъ передумалъ и перечувствовалъ раздѣлялось на три отдѣльные хода мысли. Одинъ, это было отреченіе отъ своей старой жизни, отъ своихъ бесполезныхъ знаній, отъ своего ни къ чему ненужнаго образованія, въ особенности отъ мечтаній семейной жизни, какъ онъ ее воображалъ себѣ прежде по образцу семейной жизни своего дѣтства. Это отреченье доставляло ему

наслажденіе и было для него легко и просто. Другія мысли и представленія касались той жизни которою онъ желалъ жить теперь. Простоту, чистоту, законность, несомнѣнность этой жизни онъ ясно чувствовалъ, и былъ убѣжденъ что онъ найдетъ въ ней то удовлетвореніе, успокоеніе и достоинство, отсутствіе которыхъ онъ такъ болѣзненно чувствовалъ. Но третій рядъ мыслей вертѣлся на вопросѣ о томъ какъ сдѣлать этотъ переходъ отъ старой жизни къ новой. И тутъ ничего яснаго ему не представлялось. „Имѣть жену—это первое и главное. Имѣть работу и необходимость работы. Оставить Покровское? Купить землю? Приписаться въ общество? Жениться на крестьянкѣ? Какъ же я сдѣлаю это?“ опять спрашивалъ онъ себя и не находилъ отвѣта. „Впрочемъ я не спалъ всю ночь, и не могу дать себѣ яснаго отчета“, сказалъ онъ себѣ. „Я уясню послѣ. Одно вѣрно: эта ночь рѣшила мою судьбу. Всѣ мои прежнія мечты семейной жизни вздоръ, не то“, сказалъ онъ себѣ. „Все это гораздо проще и лучше...“

„Какъ красиво!“ подумалъ онъ глядя на странную и прелестную раковину изъ бѣлыхъ барашковъ-облачковъ, оставивавшуюся надъ самою головой его на срединѣ неба. „Какъ все прелестно въ эту прелестную ночь! И когда успѣла образоваться эта раковина? Недавно я смотрѣлъ на небо, и на немъ ничего не было—только двѣ бѣлыя полосы. Да, вотъ такъ-то незамѣтно измѣнилась и моя жизнь!“

Онъ вышелъ изъ луга и пошелъ по большой дорогѣ къ деревнѣ. Поднимался вѣтерокъ, и стало сѣро, мрачно. Наступила пасмурная минута предшествующая обыкновенно разсвѣту, полной побѣдѣ свѣта надъ тьмой.

Пожимаясь отъ холода, Левинъ быстро шелъ глядя на землю. „Это чтò, кто-то ѣдетъ“, подумалъ онъ, услышавъ бубенцы, и поднялъ голову. Въ сорока шагахъ отъ него, ему навстрѣчу, по той большой дорогѣ-муравкѣ по которой онъ шелъ, ѣхала четверней карета съ важами. Дышловыя лошади жались отъ колеи на дышло, но ловкій ямщикъ, бокомъ сидѣвшій на козлахъ, держалъ дышломъ по колѣбѣ, такъ что колеса бѣжали по гладкому.

Только это замѣтилъ Левинъ, и не думая о томъ кто это можетъ ѣхать, разсѣянно взглянулъ въ карету.

Въ каретѣ дремала въ углу старушка, а у окна, видимо только-что проснувшись, сидѣла молодая дѣвушка держа

обѣими руками за ленточки бѣлаго чепчика. Свѣтлая и задумчивая, вся исполненная изысканной и сложной внутренней работы жизни, она смотрѣла черезъ него на зарю восхода.

Въ то самое мгновеніе какъ видѣныя это ужь исчезало, правдивые, нѣжные глаза взглянули на него. Она узнала его, и удивленная радость вспыхнула въ ея лицѣ.

Онъ не могъ ошибиться. Только одни на свѣтѣ были эти глаза. Только одно было на свѣтѣ существо способное сосредоточивать для него весь свѣтъ и смыслъ жизни. Это была она. Это была Кити. Онъ понималъ что она ѣхала въ Клементовку со станціи желѣзной дороги. И все то что волновало Левина въ эту безсонную ночь вдругъ исчезло. И тамъ только, въ этой быстро удалявшейся и переѣхавшей на другую сторону дороги каретѣ, тамъ только была возможность разрѣшенія столь мучительно-тяготавшей его послѣднее время загадки его жизни.

Она не выглянула больше. Звукъ рессоръ пересталъ быть слышенъ, чуть слышны стали бубенчики. Лай собакъ показывалъ что карета проѣхала и деревню, и остались вокругъ мертвыя, пустыя поля, деревня впереди, и онъ самъ одинокій и чужой всему.

Онъ взглянулъ на небо, надѣясь найти хоть тамъ ту раковину которою онъ любовался и которая выражала для него весь ходъ мыслей и чувствъ нынѣшней ночи. На небѣ не было болѣе ничего похожаго на раковину. Тамъ, въ недосигаемой тишинѣ, совершилась уже таинственная перемѣна. Не было и слѣда раковины, и былъ ровный, разстилавшійся по цѣлой половинѣ неба коверъ все уменьшающихся и уменьшающихся барашковъ. Небо погодубѣло и просіяло, и съ тою же нѣжностью, но и съ тою же недосигаемостью, отвѣтило на его вопрошающій и умоляющій взглядъ.

„Нѣтъ, все вздоръ! Я могу себя понять только съ нею. Я не переставалъ и не могу перестать любить ее.“

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ГРАФЪ ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦІИ

ЗА ПЕРВУЮ ЧЕТВЕРТЬ ГОДА.

Будущій историкъ, которому придется охарактеризовать настоящій періодъ политической жизни Франціи, будетъ вѣроятно поставленъ въ немалое затрудненіе. Какое качественное опредѣленіе прищдетъ онъ для этого страннаго періода? Въ жизни народовъ мы видимъ эпохи героическія, эпическія, мирныя, воинственныя; но какое прилагательное примѣнить для опредѣленія отличительнаго характера нынѣшней политической фазы Франціи? Какъ пойметъ будущій историкъ эти безпрестанныя перемѣны формъ правленія, эти безпрестанныя смѣны правительствъ; какъ пойметъ онъ этихъ случайныхъ правителей появляющихся вдругъ, неожиданно, у власти, и не увѣренныхъ 30го декабря такого-то года въ томъ, придется ли имъ принимать поздравленія на Новый Годъ; эти многочисленные конституціи, не выслужившія, въ общей сложности, ни одна даже десятилѣтней давности, этихъ министровъ называющихъ себя съ первой же минуты *калифами на часъ*, и не рѣшающихся окончательно переѣзжать „въ свой домъ“ на казенную министерскую квартиру; эти безцѣльные парламентскія пренія, вращающіяся безплодно кругомъ одного и того же, какъ колесо около оси; эти палатскія представле-

нія начинающіяся громко и великолѣпно и заканчивающіяся убогими водевилями безъ развязки; эти случайные союзы, ссоры, сдѣлки, компромиссы, перемирія, разъединенія; эту скандальнѣйшую политико-парламентскую сплетню — продуктъ новѣйшаго издѣлія — пріобрѣтшую такое значеніе въ послѣднее время?

Что за странная панорама — этотъ восьмидесятилѣтній періодъ исторіи Франціи!

Законному королю, виновному въ томъ что онъ былъ либеральнѣе и добрѣе сорока предшествовавшихъ правителей, отрубають голову. Монархическія эмблемы толчатыся въ грязь при изступленныхъ вопляхъ народа, нахлобучившаго на себя фригійскій красный шутовской колпакъ. Появляются идолы — *богиня разума* — и народъ распадается въ грязи предъ этимъ разумнымъ кумиромъ. Царствуетъ плаха и терроръ; головы валятся тысячами; стоитъ море крови. Изъ этого моря всплываетъ желѣзная фигура, гениальная и фатальная, и объявляетъ себя властелиномъ. Страна подобострастно преклоняется предъ этимъ новымъ кумиромъ, обнажаетъ голову и бросаетъ въ сторону свой фригійскій колпакъ. Съ тѣхъ которые не захотѣли разстаться съ этимъ головнымъ украшеніемъ, желѣзная фигура срыываетъ его силою. Республиканскія эмблемы топчатыся въ грязь при радостныхъ вопляхъ народа; ихъ смѣняютъ императорскія. Пышный императорскій дворъ замѣняетъ бывший королевскій; люди гибнутъ тысячами въ постоянныхъ битвахъ. Страна съ трепетнымъ восторгомъ взираетъ на эти гомерическія побоища и провозглашаетъ властелина полубогомъ. Одна неудачная кампанія; нѣсколько проигранныхъ сраженій — побѣдоносный непріятель подступаетъ, въ свою очередь, подъ стѣны Парижа... Страна вдругъ отворачивается отъ властелина, объявляетъ его тираномъ, кровопійцею, и съ восторженными воплями встрѣчаетъ наследника законнаго короля, сложившаго нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ голову на плахѣ. Проходитъ лятнадцать лѣтъ — мигъ въ жизни народа — страна сваливаетъ снова короля и провозглашаетъ республику (на этотъ разъ безъ фригійскаго колпака), при восторженныхъ вопляхъ народа. Нѣсколько недѣль спустя республика смѣняется новою монархіей, „конституціонною“. Нація восторженно привѣтствуетъ „конституціоннаго“ монарха. Проходитъ немного лѣтъ — валится и эта монархія; народъ съ восторженными

воплями привѣтствуетъ республику. Наступаетъ 2е декабря 1851 года и государственный переворотъ Лудовика-Наполеона. Провозглашается вторая имперія. Нація присматривается и кончаетъ тѣмъ что восторженно привѣтствуетъ и этотъ режимъ. Два мѣсяца до Франко-Прусской войны семь миллионъвъ пятьсотъ тысячъ человѣкъ, на десять миллионъвъ избирателей, высказываются за имперію (плебисцитъ). Наступаетъ Седанскій погромъ; французскія арміи разлетаются въ прахъ, разбитыя Германцами. Нація предаетъ проклятію имперію и провозглашаетъ республику. Съ этихъ поръ все ждутъ, одни имперію, другіе монархію, третьи — куріозное дѣло! — республику. Какую? спросите вы, если они уже имѣютъ счастье обрѣтаться въ республикѣ? — *Окончательную!*

Странно, дико звучитъ это прилагательное примѣненное къ какому-нибудь изъ режимовъ провозглашаемыхъ во Франціи за послѣднія восемьдесятъ лѣтъ.

Скажутъ что періодъ этотъ переходный. Можетъ-быть.... Для всего на этомъ бѣломъ свѣтѣ, при нѣкоторомъ стараніи, можно подыскать отпустительныя формулы; но, во всякомъ случаѣ, этотъ „переходный“ періодъ носитъ характеръ самаго шаткаго отношенія Французскаго народа, отъ мала до велика, къ жизненнымъ вопросамъ своего политическаго бытія.

Взгляните на истекшую сессію. Началась она 30го ноября прошлаго года, закрылась 20го истекшаго марта. Эти сто восемь дней парламентскихъ засѣданій разбиваются на два періода поразительно разнствующихъ между собою по характеру дѣятельности семисотъ представителей страны.

Первый періодъ, отъ 30го ноября по 6е января, представляетъ благообразное и утѣшительное зрѣлище какой-то парламентской Аркадіи: тишина, спокойствіе, двадцатиминутныя засѣданія самаго мирнаго свойства; отсутствіе всякихъ острыхъ споровъ, бурныхъ преній, тщательное устраненіе всякихъ *incidents* могущихъ, по существу своему или по характеру затронутыхъ личностей, возбуждать политическія страсти и подать поводъ къ парламентскимъ рѣзкостямъ. Словомъ, образцовыя, но въ высшей степени безсодержательныя засѣданія.

Второй періодъ, отъ 6го января по день закрытія сессіи, напротивъ, изобилуетъ бурными сценами, столкновеніями, преніями зачастую разнузданными до крайности, ознаменованъ ладеніемъ кабинета, продолжительнѣйшимъ и запутан-

нѣйшимъ министерскимъ кризисомъ, и вообще напичканъ значительными событіями.

Почему эта рознь? — Почему?... это „почему“ такъ куріозно что подлежало бы величайшему сомнѣнію, еслибы неопровержимые документы не подтверждали его безусловно. Слушайте, но прежде позвольте наломнить вамъ слѣдующее:

Страна управляется учрежденіемъ называемымъ палатою или національнымъ собраніемъ. Этому учрежденію власть была, очевидно, вручена не для собственнаго удовольствія и забавы, а для того чтобы заботиться о странѣ и оказать возможно болѣе благодѣтельное вліяніе на ея благосостояніе. Власть эта занялась возложеннымъ на нее дѣломъ, занялась... какъ вы знаете — мы уже довольно говорили съ вами объ этомъ. Положеніе страны, вслѣдствіе подобнаго управленія, не только не поправилось, но ухудшилось. Власть разбилась на нѣсколько частей, изъ которыхъ одна мечтала возродить одно, другая возстановить другое, третья провозгласить третье. Ни то, ни другое, ни третье не удалось. Убѣдили власть что не имѣя возможности организовать ни одной изъ трехъ вещей — монархіи, имперіи и республики — ей оставалось одно, сложить съ себя званіе и отказаться отъ миссіи выполнить которую она, чуть ли не по собственному сознанию, была немошна. Власть отвѣтила на это нѣчто въ родѣ того что произнесъ маршалъ Макъ-Магонъ при взятіи Малахова Кургана: *j'y suis, j'y reste!* Странѣ отъ этого нисколько не лучше — хуже. Это довольно ясно наминаютъ власти, которая рѣшается, ничего не рѣшивъ, разойтись... на время, *чтобы дать передышку странѣ*. Вотирруется четырехмѣсячная вакація до декабря. За время этой вакаціи страна вздохнула нѣсколько свободнѣе. На пятый мѣсяцъ, 30го ноября, власть снова собирается и хочетъ приступить къ „обычнымъ занятіямъ“. Всеобщая тревога.

Тутъ-то появляется то куріозное „почему“ о которомъ упомянуто выше.

Готовой приступить къ „обычнымъ занятіямъ“ власти говорятъ слѣдующую необычайную вещь:

„Послушайте, скоро Новый Годъ, праздники. Вамъ конечно извѣстно что для мелкой торговли это самое бойкое время. Подумайте только, если вы приметесь теперь за ваше дѣло, вы убьете и эту торговлю, какъ успѣли уже убить крупную торговлю и промышленность. Поэтому, если можно,

отложите до поры до времени, до послѣ праздниковъ, ваши заботы о благоустройствѣ страны.“

На это удивительное предложеніе, власть отвѣтила что соглашается отложить въ сторону, до первыхъ чиселъ января, всѣ важнѣйшіе вопросы по благоустройству страны, а до тѣхъ поръ будетъ заниматься лишь *текущими или неполитическими дѣлами*.

Иначе говоря, власть согласилась сдѣлать для преуспѣянія торговли апельсинами и рождественскими грошовыми сюрпризами то что нашла излишнимъ сдѣлать для жизненныхъ интересовъ страны. Встѣ причина по которой первый періодъ минувшей сессіи изображалъ какую-то парламентскую Аркадію.

По общему согласію членовъ палаты, законодательная власть въ теченіе всего декабря занялась исключительно вопросами неполитическими.

Замѣчательное дѣло! для власти, при такихъ условіяхъ, почти не нашлось занятій! Двадцатиминутныя или получасовыя засѣданія; трибуна стояла пустая; вопросы президента — вещь до сего немыслимая — въ родѣ слѣдующихъ: „имѣетъ ли кто-нибудь что-нибудь сказать?“ и это чуть ли не вслѣдъ за чтеніемъ протокола прошедшаго засѣданія; пустая скамейка, пустая трибуна, пустыя засѣданія.

Наступаютъ рождественскіе праздники и разумѣется требуются для депутатовъ праздничныя вакаціи. Одинъ депутатъ, въ виду благодатнаго состоянія, производимаго бездѣйствіемъ палаты, предлагаетъ продлить вакаціи до 14го января; другой депутатъ находитъ еще болѣе удобнымъ разойтись до 1го февраля, а почтенный г. Малартръ, специалистъ по части вакацій палаты, полагаетъ за лучшее продлить рождественскія вакаціи до Пасхи, дабы „слить“ ихъ съ пасхальными!!

Наконецъ 24го декабря палата расходится на праздники, условившись почить до 6го января отъ своихъ декабрьскихъ занятій.

Здѣсь начинается второй періодъ, бурный и напичканный событіями всякаго рода.

За декабрьское затишье, столь не сродное версальскому парламентаризму, палата вознаградила себя сразу, съ перваго же дня.

Чрезвычайно бурное засѣданіе, президентское посланіе и

паденіе министерства — таковъ балансъ перваго дня настоящихъ послѣпраздничныхъ трудовъ палаты. Такой рѣшительный приступъ не преминулъ отозваться обычнымъ образомъ тотчасъ же на торговомъ и промышленномъ движеніи страны. Все вздрогнуло, тревожно прислушиваясь къ версальскимъ отголоскамъ, и приостановилось. Биржа, съ своей стороны, успѣшила отвѣтить на такой результатъ перваго дня парламентскихъ занятій. Отвѣтъ былъ коротокъ и ясенъ: курсъ понизился въ двадцать четыре часа на семьдесятъ сантимовъ.

Такой дебютъ втораго періода истекшей сессіи можно было впрочемъ предвидѣть почти навѣрняка, принимая во вниманіе, съ одной стороны, навязанное палатѣ декабрьское парламентское постыжничество, столь ей не сродное и непривычное, съ другой — несчастный результатъ сдѣланныхъ во время праздниковъ попытокъ къ соглашенію между обоими центрами.

Эти попытки были предприняты по личной инициативѣ маршала - президента. 30 декабря, къ президенту собрались звѣзды первой величины политическихъ группъ, успѣлись самымъ дружественнымъ, чуть ли не интимнымъ образомъ у чайнаго стола и говорили битыхъ пять часовъ. 31го декабря повторилось то же: собрались, успѣлись у чайнаго стола и проговорили пять часовъ съ лишнимъ. Изъ этихъ двухъ продолжительныхъ политическихъ бесѣдъ ничего рѣшительно не вышло, и не могло выйти. Звѣзды первой величины ни до чего не договорились, потому вѣроятно что не успѣли ни выслушать, ни понять другъ друга, по слѣдующимъ причинамъ чисто мѣстнаго свойства.

Каждый изъ государственныхъ мужей Франціи имѣетъ свою собственную правительственную программу, свой собственный проектъ государственнаго переустройства, тщательно выработанную политическую линію. Каждый изъ нихъ, довольный своимъ твореніемъ, и слушать не хочетъ того что предлагаютъ другіе. Силенъ онъ, — онъ противится, побѣждаетъ, безсиленъ, нравственно побитъ, — онъ подчиняется при невольномъ, оплозируя лассивно. Отсюда это мѣстное фигуральное выраженіе: *on nous l'impose*, говоря о какомъ-нибудь нелюбезномъ режимѣ. Самообожаніе это поразительно для сѣвжаго человѣка. Всѣ положительно, начиная съ самыхъ даровитыхъ, дѣльныхъ — съ Тьера напримѣръ — всѣ заражены

этимъ. Говоря—они слушаютъ себя, слушая—они больше всего думаютъ о томъ что и какъ отвѣтить, какъ „блеснуть отвѣтомъ“. Проникнуться же тѣмъ что говоритъ оппонентъ, они считаютъ чѣмъ-то въ родѣ излишней траты времени. При такихъ условіяхъ дебаты и пренія могутъ затянуться на вѣчныя времена и кружиться безысходно около одного и того же, что впрочемъ и доказано какъ нельзя нагляднѣе тѣми результатами которые далъ французскій парламентаризмъ за послѣдніе три года. Короче говоря, каждая изъ звѣзд первой величины успѣшила заявить о томъ что *хочетъ дать*, вмѣсто того чтобы объявить что *можетъ принять* какъ *maximum* уступокъ.

Это праздничное безцѣльное переливаніе изъ пустого въ порожнее было названо „послѣднею попыткою соединенія центровъ національнаго собранія“.

Вернемся къ первому дню парламентской сессіи послѣ рождественскихъ вакацій. Засѣданіе открылось чтеніемъ посланія президента собранію.

Въ этомъ блѣдномъ документѣ говорилось и настаивалось на томъ о чемъ не договорились участвовавшіе въ „послѣдней попыткѣ“, а именно объ утвержденіи чего-нибудь болѣе прочнаго, конечно въ отношеніи селтеевата. Президентское посланіе состояло изъ двухъ совершенно отдѣльных пунктовъ. Первый изъ этихъ пунктовъ можно назвать президентскимъ, второй—министерскимъ.

Въ первомъ маршалъ снова приглашаетъ приступить немедленно къ разсмотрѣнію конституціонныхъ законовъ (повтореніе того что было уже сказано 9го іюля прошлаго года). Во второмъ правительство настаиваетъ на томъ чтобы первенство въ дебатахъ было дано законопроекту касающемуся учрежденія сената.

Національное собраніе сразу и рѣзко раздѣлило посланіе президента, согласно обоимъ пунктамъ, на двѣ части. Первую оно приняло, давъ свое согласіе на немедленное разсмотрѣніе конституціонныхъ законовъ. Вторую оно отвергло, при большинствѣ полутораго голоса. Всѣ лѣвыя, крайнія права и группа воззванія къ народу (бонапартисты) вотировали противъ.

Предвидѣть такой результатъ можно было навѣрное. Что побудило правительство патронировать такъ рѣшительно „первенство“ для преній о второй палатѣ? Палата объявила

свое *veto*—что легко можно было предсказать за недѣлю; министерство поклонилось и подало въ отвѣтку.

Наступившій такъ-называемый министерскій кризисъ былъ на этотъ разъ особенно затруднительнаго, ложнаго и остраго свойства. Положеніе которое натягивалось въ теченіе столькихъ мѣсяцевъ дошло повидимому до крайней степени возможной растяжимости. Струна на которой такъ долго наигрывались всевозможные компромиссы, сдѣлки, обходы, словомъ, болѣе или менѣе искусныя варіаціи на одну и ту же тему, угрожала наконецъ лопнуть. Хотя маршалъ-президентъ и объявилъ сгоряча въ первый день что не желаетъ помѣщать въ *Официальномъ Журналѣ* отставокъ министровъ пока новый кабинетъ не будетъ окончательно сформированъ (что давало поводъ предполагать о непродолжительности кризиса), по по мнѣнію опытныхъ людей заматорѣлыхъ въ сложной наукѣ политическихъ подвиговъ,* дѣло на этотъ разъ было особенно трудно, и надѣяться быстро покончить съ кризисомъ нельзя было. Уже одно то что самые спокойные и разумные политики, въ виду состава будущаго министерства, начали дѣлать скачки отъ Дюфора (съ программой лѣваго центра) къ круто-реакціонерному проекту кабинета Броль—Фурту, уже одно это доказываетъ до чего руководящія головы не знали ни какой политической линіи держаться, ни что дѣлать.

То же можно было сказать и о правительствѣ, потому что повидимому и президентъ, и падшее министерство до послѣдней минуты своей жизни не знали что дѣлали. Два депутата, изъ двухъ совершенно разныхъ политическихъ лагерей, очень вѣрно опредѣлили это странное правительственное плутаніе. Герцогъ д'Одифре-Пакье, правый централистъ,** на предложеніе вступить въ составъ кабинета, отвѣтилъ слѣдующее:

— Я вступаю только тогда въ кабинетъ когда буду знать куда „намѣрены идти“, а въ особенности куда намѣренъ идти маршалъ.***

* Между прочимъ, извѣстный публицистъ и политическій пророкъ, Эмиль де-Жирарденъ, вечеромъ перваго же дня кризиса, сказалъ слѣдующее: *Pour cette fois vous êtes dedans; l'abcès est trop mûr, il crevera quand même.*

** Нынѣ президентъ Версальскаго національнаго собранія.

*** Je n'entrerai dans un cabinet que lorsque je saurai ou l'on va et surtout ou veut aller le maréchal.

Эрнестъ Пикарь (членъ лѣваго центра), на заявленіе депутата Галонда о необходимости отсрочить засѣданія палаты на нѣсколько дней (заявленіе въ которомъ между прочимъ говорилось слѣдующее: *въ виду положенія въ какое поставлено министерство...*) сдѣлалъ такое замѣчаніе:

— Вѣрнѣе было бы сказать: *въ виду положенія въ какое поставило себя министерство!* (Общій смѣхъ.)

Вообще роль и положеніе принятое правительствомъ во всемъ этомъ были такъ странны и неясны что на пораженіе кабинета смотрѣли не какъ на протестъ противъ министерства, а скорѣе какъ на протестъ противъ орлеанистской агитаціи, противъ орлеанистскаго элемента, задумшевною мечтою котораго было именно учрежденіе второй палаты или сената (стоить вспомнить только 22е мая 1874 года). Этотъ взглядъ казался тѣмъ болѣе вѣрнымъ что во многочисленныхъ спискахъ разныхъ проектированныхъ кабинетовъ (спискахъ начавшихъ бѣгать по рукамъ съ перваго же дня кризиса) ни разу не встрѣчалось имени подавшаго въ отставку министра внутреннихъ дѣлъ, генерала де-Шабо-Латура, — считавшагося главнымъ двигателемъ по части орлеанистской агитаціи.

Вліяніе же бонапартистскаго элемента, напротивъ, видимо усилилось съ первой же минуты кризиса. Руэръ громко и рѣзко обсуждалъ положеніе, и его словамъ внимали. Имя бывшаго министра Фурту (завѣдомо расположеннаго сильно къ бонапартизму, *bouapartiste honteux*, какъ здѣсь говорится) стало появляться во всѣхъ кабинетныхъ комбинаціяхъ. Органы бонапартизма стали кричать громче и рѣшительнѣе чѣмъ когда-либо.

Это положеніе принятое бонапартистскою партіей подало поводъ къ пелѣнымъ слухамъ, державшимся нѣсколько времени весьма упорно, о возможности чего-то въ родѣ государственнаго переворота который бы совершилъ маршалъ-президентъ въ пользу юнаго Наполеона, называемаго имперіалистами четвертымъ. Слухи эти въ особенности усилились послѣ удачныхъ для бонапартистовъ выборовъ въ департаментъ Верхнихъ Пиреней (17го января). Казо, кандидатъ бонапартизма, получилъ 29.770 голосовъ и былъ избранъ, побивъ селтенналиста-республиканца Алико 6.500 голосами. Бонапартистскіе органы заливовали и стали прямо кричать что огромное большинство страны ждетъ не дожидается возврата имперіи.

Кризисъ продолжался; никакія комбинаціи не приводили къ лутному результату, отставки министровъ, продолжавшихъ править своими частями „лишь изъ чувства гражданскаго долга“, не появлялись въ *Официальномъ Журналь*, и неопредѣленность въ которой обрѣталась исполнительная власть угрожала затянуться на долго. Положеніе на этотъ разъ казалось безвыходнымъ: противъ конституціонныхъ законовъ (въ особенности же противъ учрежденія второй палаты) въ консервативномъ смыслѣ были всеъ лѣвыя, бонапартисты и крайніе монархисты; противъ тѣхъ же законовъ въ республиканскомъ смыслѣ — всеъ правыя и опять-таки бонапартисты, главною цѣлью которыхъ было именно дѣлать возможныя помѣхи утвержденію всякаго окончательнаго или по крайней мѣрѣ устойчиваго режима. Въ самую затруднительную и острую минуту кризиса вдругъ всплываетъ снова и начинаетъ дѣйствовать и агитировать все съ большею и большею силою слишкомъ извѣстная фигура герцога де-Броля, дѣйствовать и агитировать въ пользу образованія кабинета, котораго онъ, де-Броль, былъ бы премьеромъ.

Какимъ образомъ герцогъ де-Броль, конституціоналистъ и сторонникъ скорѣйшаго декретированія палатою учредительныхъ законовъ выработанныхъ подъ его неусыпнымъ надзоромъ комиссіею тридцати, герцогъ де-Броль свалившійся при первой попыткѣ представленія національному собранію этихъ законовъ (22го мая 1874 года), — какимъ образомъ герцогъ де-Броль могъ явиться въ такую анти-конституціонную минуту, какъ говорится, *l'homme de la situation*?

Это легко объяснимо. Когда правительство окончательно зарвалось и подступила минута министерской катастрофы, вліяніе герцога въ правительственныхъ кружкахъ сразу усилилось, потому что этотъ ловкій человекъ доказывалъ, такъ сказать *in anima vili*, что по части консервативныхъ политическихъ плановъ, которыхъ держались анти-республиканцы національнаго собранія, его программа оказалась на дѣлѣ еще самою устойчивою, твердою и откровенною. Да, откровенною, потому что консервативныя стремленія болѣе опредѣленно и рѣзко противопоставлялись либерально-республиканской оппозиціи.

Когда рухнуло послѣднее министерство, де-Броль объявилъ во всеуслышаніе что образовать новое, могущее представить

какое-нибудь большинство въ палатѣ, не было возможно, пока палата не выскажется наконецъ рѣшительно на счетъ вопроса благодаря которому столько кабинетовъ приказало долго жить, а именно пока палата не выскажется рѣшительно на счетъ конституціонныхъ вопросовъ. Относительно послѣдняго благородный герцогъ былъ совершенно правъ, такъ какъ переживаемый кризисъ, по выраженію Эмиля де-Жирардена, былъ „не министерскій, а политическій“.

На основаніи этого, когда новая попытка маршала образовывать министерство изъ элементовъ большинства одержавшаго побѣду 6го января (то-есть изъ лѣвыхъ и крайней правой: Дюфоръ—де-Ларси), не увѣнчалась успѣхомъ, герцогъ принялъ на себя сформировать кабинетъ со слѣдующею программой:

„Подавшее въ отставку министерство временно управлять дѣлами, до того времени пока палата не выскажется окончательно на счетъ учредительныхъ законовъ.“

„Затѣмъ, если законы (въ проектированномъ видѣ) будутъ приняты — что въ высшей степени сомнительно, — политическій путь для новаго кабинета прямо и логично указанъ. Если же законы будутъ отвергнуты, новое министерство, не компрометтированное нисколько въ вопросѣ о законахъ, вступитъ въ управленіе своими вѣдомствами и имѣетъ держаться слѣдующей политики: возможно скорое распущеніе.“

Новое положеніе принятое герцогомъ являлось результатомъ глубокаго убѣжденія что всякія попытки организовать личный септеннатъ не должны были привести ни къ чему при настоящемъ составѣ и состояніи партій палаты.

Между тѣмъ національное собраніе, окончивъ съ нѣкоторыми законами второстепеннаго значенія, приступило наконецъ къ обсужденію конституціонныхъ законопроектовъ. 20го января начались дебаты.

Первыми выступили на поприще крайніе монархисты съ своими анти-конституціонными протестами. Одинъ изъ столповъ легитимизма, депутатъ Карейонъ-Латуръ, въ страстной и блестящей рѣчи силился доказать „невозможность республиканскаго режима во Франціи“.

— Всѣ республики имѣли на страну гибельное вліяніе, сказалъ между прочимъ Карейонъ-Латуръ, — потому что всѣ вели къ имперіи, которая въ свою очередь приводила насъ

каждый разъ къ непріятельскому нашествію и чуть ли не крайней гибели.

Далѣе, депутатъ правой атакуетъ Тьера.

— Онъ (Тьеръ) обѣщалъ всѣмъ намъ быть строго нейтральнымъ, и не взирая на это клятвенное обѣщаніе, сдѣланное въ одну изъ торжественнѣйшихъ и печальнѣйшихъ минутъ нашей исторіи, *il a fait pencher la balance au profit de la république* (онъ далъ перевѣсъ республикѣ).

Карейонъ-Латуръ заключилъ свою рѣчь обѣщаніемъ, отъ имени крайней правой, вотировать законы „необходимые для огражденія власти маршала, но не основныя“.

Наконецъ, ораторъ объясняетъ что при вотированіи семилѣтнихъ правъ и полномочій маршалу Макъ-Магону, легитимисты были если не кругомъ обмануты герцогомъ де-Бролемъ, то по крайней мѣрѣ введены въ заблужденіе.

— Насъ обвиняютъ въ томъ что мы будто бы не держимъ данного слова. Это невѣрно; мы просимъ только чтобъ исполнили то что намъ обѣщано... Когда мы дали наше согласіе, мы не могли подозрѣвать того что происходитъ теперь.

На это докладчикъ конституціонной комиссіи Вантавонъ возразилъ слѣдующею фразой:

— *L'honneur commande de tenir la parole même témérairement engagée* (честь повелѣваетъ держать слово даже неосторожно данное).

Странное сужденіе въ устахъ одного изъ тѣхъ которые, можно сказать, вытащили это „неосторожно данное слово“.

Другой ораторъ крайней правой, Люсіенъ Бренъ, также налегъ съ особенною силой на то что легитимисты были будто бы „обмануты кругомъ 20го ноября 1873 года“ (вотированіе септенната).

Понятно что герцогъ де-Броль, *Deus ex machina* септенналетской операціи 20го ноября, счелъ долгомъ явиться на трибунѣ чтобъ опровергнуть сыпавшіяся на него со всѣхъ сторонъ обвиненія. Что могъ онъ сказать, не взирая на всю свою ловкость и умъ, въ опроверженіе взводимого на него обвиненія? Общія мѣста, ловкія фразы, макіавелическія, искусно излучистыя. На протестъ монархистовъ относительно того что семилѣтній срокъ выжидательнаго режима не можетъ и не долженъ касаться законной монархіи и законнаго короля, герцогъ отвѣтилъ:

— Коль скоро палата сама отняла у себя право что-либо

измѣнить относительно срока полномочій маршала, это право нельзя было предоставить никому, ни въ средѣ собранія, ни внѣ его". *

Рауль Дюваль, одинъ изъ даровитѣйшихъ и независимѣйшихъ членовъ группы *воззванія къ народу*, возражаетъ напомниманіемъ что онъ самъ, Рауль Дюваль, обращался къ герцогу съ вопросомъ: „будемъ ли мы имѣть право провозгласить монархію въ теченіе этихъ семи лѣтъ, и что на такой вопросъ герцогъ ничего не отвѣтилъ. Призванный къ порядку за слишкомъ рѣзкія заключенія относительно „орлеанистской продѣлки“ 20го ноября, Дюваль мѣтко охарактеризовалъ слѣдующею фразой мнѣніе консервативныхъ фракцій, искрусно вовлеченныхъ въ орлеанистскую интригу 20го ноября, относительно образа дѣйствій герцога де-Броль.

— *Je disais seulement que les explications fournies par M. le vice-président du conseil (Броль) du 20 novembre ont pour le moins manqué de lucidité.* **

За анти-конституціонными монархистами, на трибуну выступили республиканскіе ораторы. Атаковать законопроекты выработанные комиссіею, доказать ихъ непригодность и требовать конституціи основанной на республиканскомъ началѣ, такова была цѣль всѣхъ рѣчей произнесенныхъ представителями республиканской идеи.

Первымъ началъ Жюль Фавръ. Рѣчь его, длинную, яркую, можно назвать антитезисомъ рѣчи Карейонъ-Латура, потому что ораторъ доказывалъ непригодность и вредъ монархическаго режима для Франціи, необходимость республиканской формы правленія и пр. Рѣчь эта произвела странное впечатлѣніе. Всѣ, и монархисты и умѣренные республиканцы, встали противъ злосчастнаго оратора. Первые обвиняли Фавра въ клеветѣ, въ извращеніи исторической истины; вторые нашли, „оставляя въ сторонѣ ораторскія первостепенныя достоинства рѣчи, что она ни на шагъ не подвинула вопроса, ничего не разъяснила, а только растравила новыя раны, разожгла

---

* Or, quand l'assemblée s'était retiré à elle même le droit de rien changer à la durée des pouvoirs du Maréchal, on ne pouvait le laisser à personne, ni au sein de cette assemblée, ni au dehors.

** Я только сказалъ что объясненія данныя господиномъ вице-президентомъ совѣта 20го ноября грѣшили по меньшей мѣрѣ неясностью.

новыя страсти и, можетъ-быть, отстранила нѣкоторые изъ *неръшительныхъ* отъ республики“ (*Temps*).

Послѣ этой блестящей, но неудачной и неполитичной рѣчи, приступлено было къ баллотированію, и палата большинствомъ 557 голосовъ противъ 146 рѣшила перейти ко „второму чтенію“ законопроектовъ.

Послѣ такого принятія „въ ансамбль“ конституціонныхъ законовъ, начались чтенія отдѣльныхъ статей (первое чтеніе).

Законопроектъ о второй палатѣ прошелъ чрезвычайно легко, при „почтенномъ“ большинствѣ. Депутаты повидимому взглянули на этотъ разъ гораздо практичнѣе на дѣло и сочли совершенно излишнимъ терять время въ ненужныхъ спорахъ при первомъ чтеніи, когда всегда предстояла возможность забраковать и отвергнуть при второмъ и третьемъ чтеніи то что было принято при первомъ. Логика, правда, теряла нѣсколько въ этомъ, за то выигрывалось время.

Двадцать восьмага января состоялось второе чтеніе конституціонной статьи объ образѣ правленія. При этомъ произошло нѣчто чрезвычайно замѣчательное, съ одной стороны, дающее въ нѣкоторой степени ключъ къ неожиданной „Валлоновской развязкѣ“, * съ другой, указывающее на сколько умѣренный республиканизмъ можетъ, на самомъ дѣлѣ, разчитывать на радикализмъ какъ на союзную силу.

Послѣ нѣкоторыхъ республиканскихъ и консервативныхъ предложеній о редакціи статьи гласящей объ образѣ правленія, на трибунѣ появился лѣвый централистъ Лабулѣ съ своимъ широко-развитымъ проектомъ. Ораторъ началъ съ того что доказалъ различнымъ монархическимъ фракціямъ палаты безплодность ихъ усилій для утвержденія любезнаго каждой изъ нихъ режима. „Вы пробовали утвердить монархію. Гдѣ же вашъ король? Онъ уклоняется и, наконецъ, развѣ онъ подчинится волѣ народной? Вы (легитимисты) это знаете. Почему же вы отказываетесь исполнить вашъ долгъ — организовать страну?“ Монархистамъ-конституціоналистамъ Лабулѣ сказалъ что вслѣдствіе „слиянія“ (фузіи) сторонники июльской монархіи потеряли право и надежду на восстановление ихъ режима. „Что же касается бонапартизма,—продолжалъ ораторъ,—его возвратъ не можетъ дать ни спокойствія, ни свободы. Воспоминаніе о Седанѣ слишкомъ живо и горько,

* Касательно принятія радикалами послѣдней конституціи.

чтобъ имперія не почувствовала немедленно необходимости начать войну и смыть прошедшее.“ *

Затѣмъ авторъ переходитъ къ восхваленію республики. „Пострадала ли собственность за это время? Угрожала ли какая-нибудь опасность религіи? Не возвратили ли орлеанскимъ принципамъ ихъ конфискованное наслѣдство? Напротивъ, республика поддержала порядокъ и защищала общество“, и пр.

Возраженія и протесты правой лосыпались на оратора. „Правленіе о которомъ вы говорите не республика, кричать ему въ отвѣтъ на это мѣсто рѣчи:—иное было бы при радикалахъ!“

Лабулэ заключаетъ предложеніемъ слѣдующей конституціонной статьи гласящей объ образѣ правленія:

„Правительство республики состоитъ изъ двухъ палатъ и президента.“ **

Рѣчь Лабулэ произвела впечатлѣніе на нерѣшительныхъ консерваторовъ. Послѣ нея должны были приступить къ голосованію статьи о формѣ правленія. Монархисты сильно встревожились. Помимо невыгоднаго для нихъ вліянія рѣчи Лабулэ, они замѣтили еще другое; многіе изъ депутатовъ правыхъ группъ палаты удалились изъ залы засѣданія въ томъ предположеніи что никакого голосованія не могло произойти въ тотъ день (по недостатку времени), такъ что республиканское большинство могло совсѣмъ неожиданно осилить консерваторовъ, находившихся далеко не въ полномъ составѣ. Но тутъ на выручку монархистовъ явился..... Луи Бланъ, радикальный депутатъ.

Здѣсь надо вамъ припомнить что правительственные программы умѣреннаго республиканизма и радикализма разнствовали между собою *du tout au tout*, какъ говорятъ Французы. Умѣренные республиканцы признавали двѣ палаты и президента какъ главу исполнительной власти. Радикалы же признавали лишь одну палату, безъ всякаго президента. Эта разнь была большою помѣхой для республиканцевъ,

* Le souvenir de Sedan est trop amer pour que l'Empire n'éprouve pas le besoin presque immédiat de recommencer la guerre et de laver le passé.

** Le gouvernement de la république est composé de deux chambres et d'un président.

такъ какъ ихъ конституціонный проектъ встрѣчалъ такимъ образомъ оппозицію не только въ консервативныхъ группахъ, но и въ радикальномъ лагерѣ. Поэтому всѣ усилія умѣренныхъ были направлены на то чтобы убѣдить радикаловъ примкнуть къ лѣво-централистскому конституціонному проекту. Усилія эти къ началу января увѣщались полнымъ успѣхомъ: „Друзья наши созрѣли и поняли насъ наконецъ“, говорили умѣренныя газеты. „Намъ надо примкнуть во имя республики“,—говорили въ свою очередь радикальные листки. Словомъ, крайняя лѣвая согласилась подать голосъ за проектъ Дюфора или за какой другой составленный въ томъ же духѣ. На словахъ, *убѣжденія* играли главную роль въ этой политико-парламентарной аферѣ, на самомъ же дѣлѣ тутъ было совсѣмъ другое. Радикалы разумѣется внутренно не уступили ни на іоту своимъ случайнымъ политическимъ друзьямъ, но надѣялись, какъ не разъ уже случалось, что уступивъ имъ на время, они употребятъ ихъ подножкою когда представится случай и возможность.

Въ такомъ положеніи было это дѣло, когда послѣ рѣчи Лабуля, предъ самымъ голосованіемъ конституціонной статьи объ образѣ правленія, Луи Бланъ счелъ долгомъ появиться на трибунѣ и, къ величайшему негодованію *своихъ*, радикально разгромить „учрежденіе президентства“. Отъ собственнаго имени и отъ имени друзей своихъ, Эдгара Кинз, Пейра, Мадье де-Монжо, Ординера, Марку и другихъ гражданъ-представителей столь же багроваго закала, Луи Бланъ объявляетъ что „по совѣсти“ они не могутъ во-тировать за президентство, потому что „президентство ведетъ прямо къ диктатурѣ. *Наша совѣсть воспрещаетъ намъ это*“, закончилъ онъ.

При этихъ словахъ въ залѣ собранія произошло куріозное явленіе; правыя неистово апплодируютъ радикальному оратору, лѣвыя шикаютъ, кричатъ и требуютъ чтобы Луи Бланъ пересталъ говорить.

Поучительные апплодисменты, поучительное шиканье!

Голосованіе было отложено до слѣдующаго дня. Засѣданіе 29го января открылось голосованіемъ предложенія Лабуля. Оба лагеря, консервативный и республиканскій, явились въ полномъ составѣ на состязаніе. Началось собраніе голосовъ, за которымъ съ обѣихъ сторонъ зорко слѣдили, дабы еще до

поѣрки приблизительно узнать результатъ. Вдругъ въ лагерь въ лагерѣ все зашевелилось: разнесся слухъ что недоста-
етъ только трехъ голосовъ чтобы предложеніе Лабулэ было
принято. Луи Блана, Пейра и Эдгара Кинэ окружаютъ и
убѣждаютъ идти вотировать за конституціонный проектъ.

— Идите, ради Бога, вотируйте за предложеніе.

— Да какъ же намъ за него вотировать когда не ранѣе
какъ вчера мы торжественно высказались противъ и объ-
явили что наша совѣсть заставляетъ насъ такъ дѣйствовать?

— Ну пожалуста, для насъ.... Такъ вѣдь республика утвер-
дится.... Только и не хватаетъ что трехъ голосовъ.

— Да вѣдь это будетъ не та республика которой мы жела-
емъ. Эта по нашему мнѣнію гибельна для страны.

— Ну, для насъ! Ради Бога! не губите республику!

— Вы хотите чтобы мы шли противъ убѣжденій всей на-
шей жизни.

— Да вѣдь мы же идемъ, чѣмъ же мы хуже?

— Право пельзя.

— Ну что вамъ значить.

— Ахъ! какіе вы право!

И потащили Луи Блана, Пейра и Эдгара Кинэ подавать
голоса. Эти три мужа поплелись съ понуренными главами и
положили утвердительные бюллетени предложенію Лабулэ.

Увы! гражданскій подвигъ этотъ пропалъ даромъ. Счетчики
ошиблись: предложенію Лабулэ не хватило еще двадцати че-
тырехъ голосовъ чтобы быть принятымъ.

Послѣ неудачи постигшей предложеніе Лабулэ, президентъ
національнаго собранія представляетъ текстъ соотвѣтствующей
статьи законопроекта выработаннаго коммиссіею, при-
близительно слѣдующаго содержанія:

„Законодательная власть состоитъ изъ двухъ палатъ,—па-
латы депутатовъ и сената. Палата депутатовъ избирается
всеобщею подачей голосовъ. Сенатъ состоитъ изъ членовъ
на половину избранныхъ всеобщею подачею голосовъ, на по-
ловину назначенныхъ главою исполнительной власти.“

Слово „республика“ ни разу не встрѣчается въ предложен-
ной статьѣ. Благодаря этой искусной редакціи вышеизложен-
ная статья была принята огромнымъ большинствомъ націо-
нальнаго собранія.

Едва состоялось это голосованіе какъ на трибунѣ появил-

ся высокій, массивнаго сложенія старикъ, съ рѣзкими, энергическими чертами лица, сѣдою окладистою бородой и густыми нависшими бровями. Не говоря уже о публикѣ, имени этого человѣка не знали даже многіе изъ депутатовъ. Старикъ ровнымъ и спокойнымъ голосомъ предложилъ палатѣ такую добавочную статью къ только-что принятой:

„Президентъ республики избирается большинствомъ голосовъ соединенныхъ палатъ. Онъ избирается на семь лѣтъ. Онъ можетъ быть вновь избранъ.“

Эта статья заключала въ себѣ актъ признанія республиканскаго режима. Предложеніе не могло быть тутъ же положено на голоса: докладчикъ комиссіи Тридцати, Вантавонъ, понявъ опасность могущую произойти для монархическаго дѣла еслибы добавочная статья была принята палатою, просилъ отложить голосованіе ея до слѣдующаго дня, подѣ предложомъ дать время комиссіи разсмотрѣть внесенный проектъ, и въ томъ разчетѣ что консервативный лагерь успѣетъ за это время собрать силы для образованія пужнаго большинства.

На другой день имя старика предложившаго „добавочную статью“ стало извѣстно Франціи и всему образованному міру. Это былъ г. Валлонъ, именемъ котораго и окрещена послѣдняя конституція Французскаго народа.

Въ этотъ слѣдующій день, 30го января, было баллотировано предложеніе Валлона и принято при большинствѣ *одного* голоса (352—353). Да еще при этомъ депутатъ Гену заявилъ что не положилъ отрицательнаго бюллетеня *по ошибкѣ!* Такимъ образомъ предложеніе Валлона имѣло счастье избрать математическій центръ мнѣній палаты.

Это было откровеніемъ. Ищущіе какого-нибудь конституціоннаго исхода поняли наконецъ чего надо было приблизительно держаться, оставивъ совершенно въ сторонѣ анти-конституціонныя группы крайнихъ монархистовъ. Начались „пробы пера“: безчисленное множество проектовъ конституціонныхъ статей. Справа и слѣва рѣшились, какъ скоро опредѣлилось это благое движеніе къ развязкѣ, на нѣкоторыя обоюдныя уступки. Можно смѣло сказать, безъ всякой фигуральности, что съ этой минуты появившіеся одинъ за другимъ проекты представляли каждый смягченный полутонъ предшествовавшаго ему проекта. Появились умѣреннѣйшія

предложенія Сезанна, * Делакура, ** Ваддингтона, *** Вотрена **** и Клапье. † Но и на этотъ разъ преимущество осталось за Валлономъ, имѣвшимъ или счастье или природныя данныя чтобы снова попасть въ настоящую точку и сосредоточить около своего проекта наиболѣе голосовъ.

Но какъ странно все это вотивалось и чего-чего не успѣло быть принятымъ и отвергнутымъ въ эти двѣ недѣли, въ теченіе которыхъ разразился надъ депутатами этотъ градъ всяческихъ проектовъ и предложеній! Принятіе предложенія Валлона, иначе говоря, признанія республики, большинствомъ *одного* голоса; принятіе слѣдующей статьи того же Валлона большинствомъ *двадцати* голосовъ; принятіе всего законопроекта вообще (*l'ensemble de la loi*) большинствомъ *ста двадцати* голосовъ; принятіе закона о сенатѣ на чисто избирательномъ началѣ (предложеніе Паскаля Дюпра) большинствомъ *десяти* голосовъ; принятіе различныхъ организаціонныхъ статей этого сената, каждой приномъ большинствѣ, все возраставшемъ, варьируя отъ *двадцати* до *ста тридцати* голосовъ, и наконецъ.... наконецъ, для увѣнчанія этихъ законодательныхъ усилій, отверженіе всего законопроекта о сенатѣ большинствомъ *двадцати двухъ* голосовъ. Не взирая на все это, чувствовалось тяготивніе вѣщо и проекты Валлона пріобрѣтали съ каждымъ днемъ болѣе шансовъ на успѣхъ.

---

* Предложеніе Сезанна: „Сенаторы имѣютъ быть избраны вѣкторальнымъ корпусомъ составленнымъ изъ: 1) депутатовъ департамента; 2) генеральныхъ совѣтниковъ; 3) отъ каждой коммуны по одному делегату избранному изъ среды муниципальнаго совѣта, или вѣщаго“.

** Предложеніе Делакура: „Сенаторы имѣютъ быть избраны генеральными совѣтниками и делегатами, по одному отъ каждой коммуны“.

*** Предложеніе Ваддингтона: „Сенатъ будетъ составленъ изъ 255 сенаторовъ избранныхъ слѣдующимъ образомъ: 195 избирательнымъ корпусомъ (генеральные совѣтники, окружные совѣтники) 45, назначенныхъ палатою, 15 Институтомъ“.

**** Предложеніе Вотрена: „Сенатъ имѣетъ быть избранъ лицами избранными въ свою очередь посредствомъ всеобщей подачи голосовъ (*élection au second degré*)“.

† Предложеніе Клапье: „Треть сенаторовъ назначены президентомъ, двѣ трети—избраны всеобщей подачей голосовъ.“

Между тѣмъ кабинетная комбинація шла своимъ порядкомъ и не приводила ни къ чему, забирая то круто вправо, то влѣво, то приостанавливаясь на полуоборотахъ, то задерживаясь на срединѣ. Однако въ виду движенія влѣво, опредѣлившася вдругъ въ палатѣ вслѣдствіе успѣха предложеній Валлона, присутствіе герцога де-Броа оказалось немислимымъ въ будущемъ кабинетѣ. Въ правительственныхъ кружкахъ убѣдились въ необходимости также принять влѣво. Съ этой минуты однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ выступаетъ Дюфоръ, лѣвый централистъ умѣреннѣйшаго отѣнка; онъ является чѣмъ-то въ родѣ соединительнаго звена центровъ.

Усилія Дюфора не остались безплодными. Въ виду предстоявшаго третьяго и послѣдняго чтенія конституціонныхъ законопроектовъ, чтенія рѣшительнаго, лѣвая предприняла сдѣлать нѣкоторые авансы правымъ конституціоналистамъ. Правая съ своей стороны (здѣсь, разумѣется, подразумѣвается только правый центръ) поспѣшила искать какого-нибудь компромисса, надѣясь осуществить наконецъ вещь казавшуюся до тѣхъ поръ невозможною на практикѣ, а именно соединеніе центровъ. Маршалъ Макъ-Магонъ съ своей стороны объявилъ что такъ какъ назначеніе части сената президентомъ есть единственный пунктъ на который не хотѣли сдаться лѣвые, то онъ готовъ отказаться отъ этой „личной прерогативы“, въ виду скорѣйшаго соглашенія. Конституціонное большинство, разнородное, движимое чуть ли не противоположными интересами, но тѣмъ не менѣе согласное по крайней мѣрѣ относительно одного, необходимости скорѣйшаго провозглашенія конституціи, понемногу обрисовывалось и слачивалось.... на время, конечно, на самое короткое время.

Крайніе монархисты и бонапартисты были вѣдь себя отъ неожиданнаго успѣха послѣднихъ попытокъ сліянія конституціонныхъ консерваторовъ съ республиканцами и употребили все усилія дабы разстроить ненавистное имъ соглашеніе. Между прочимъ они пытались поселить снова раздоръ между срединными группами палаты посредствомъ интерпелляціи о правительствѣ 4го сентября. Они разчитывали что споръ приметъ особенно острый характеръ и что центры раздѣлятся во мнѣніяхъ и въ голосованіяхъ. Съ другой стороны, эти двѣ группы были чрезвычайно недовольны „уступчивостью“ маршала, и объявили что и знать не хотятъ

сената на тѣхъ началахъ на которыхъ были готовы принять его правительство и президентъ. Мало того, коммиссія тридцати (большинство ея монархисты), въ виду движенія проявившагося въ палатѣ, а также влѣдствіе положенія принятаго правительствомъ, объявила что сохраняетъ свой проектъ и что не приметъ во вниманіе ни предложенія Валлона, ни кого другаго. Иначе говоря, коммиссія хотѣла сохранить маршалу право отъ котораго послѣдній самъ добровольно отказался, право назначать сенаторовъ. Правда что коммиссія считала что дѣло здѣсь идетъ не о какомъ-нибудь правѣ, не о личномъ преимуществѣ, а объ интересахъ консервативныхъ идей.

Въ довершеніе всей этой политической сумятицы, въ послѣдніе дни предшествовавшіе третьему чтенію конституціоннаго законопроекта, проявилась и слѣва оппозиція противъ предложенія Валлона о сенатѣ. Гриви и его группа напали этотъ проектъ слишкомъ благопріятнымъ бонапартизму.

Медиаторы удвоили усилія въ виду этихъ затрудненій и компликацій поднявшихся съ разныхъ сторонъ и успѣли, за два дня до срока назначеннаго для вотированія конституціонныхъ законовъ, снова кое-какъ сплотить консервативные и республиканскіе „союзные“ элементы, разлѣзавшіеся было опять въ стороны.

Наконецъ наступило 22е февраля, день назначенный для окончательныхъ конституціонныхъ дебатовъ, и партіи схватились. Произошла жаркая парламентская битва. Анти-конституціоналисты не хотѣли сдаваться, отступали шагъ за шагомъ, про отставивъ каждую лядь, каждый клочокъ земли.

Послѣ чтенія проекта коммиссіи, *—совершенно излишняя процедура, такъ какъ всѣ знали что послѣдній плодъ учредительныхъ трудовъ коммиссіи не будетъ принятъ большинствомъ палаты,—на трибунѣ появляется Валлонъ. Онъ предлагаетъ измѣнить послѣднюю фразу статьи коммиссіоннаго проекта ** слѣдующимъ образомъ: „сто несмѣняемыхъ сенаторовъ назначаются національнымъ собраніемъ“. Затѣмъ

---

* О второй палатѣ.

** Сенатъ состоитъ изъ 300 членовъ: 200 избранныхъ генеральными совѣтами и делегатами муниципальныхъ совѣтовъ на девяти-мѣсячный срокъ, 100 несмѣняемыхъ, назначаются президентомъ республики.

Валлонъ требуетъ для законопроекта безотлагательность, и коль скоро послѣдняя будетъ принята, немеленные дебаты.

Это было прологомъ баталіи. Первыми и на этотъ разъ выступили крайніе монархисты. Дюбоданъ, Белькастель и Денейръ бросаются одинъ за другимъ къ трибунѣ. Первый заявляетъ что не разслышалъ ни одного слова изъ прочитаннаго и требуетъ нѣсколько дней для размышленія,—обыкновенная парламентская уловка. Два другихъ требуютъ того же во имя устава національнаго собранія, одна изъ статей котораго гласитъ что „чтенія должны быть обдуманы обстоятельно“. За ними появляется Лоржериль, одинъ изъ столповъ легитимизма, и раздражается негодующею рѣчью. Президентъ Бюффе останавливаетъ слишкомъ зарвавшагося оратора.

— Вы всегда останавливаете меня когда я на трибунѣ! восклицаетъ раздражительно Лоржериль.

— Призываю васъ къ порядку, отвѣчаетъ Бюффе.

— Это недостойно! раздаются крики въ легитимистской группѣ.—Въ такомъ случаѣ призывайте всѣхъ насъ къ порядку!

— Всѣхъ, всѣхъ! кричитъ неистово присутствовавшая публика въ отвѣтъ легитимистамъ.

За Лоржерилемъ появляется Ганиве и взываетъ къ какой-то статьѣ устава. Затѣмъ снова Белькастель, снова Денейръ. Всѣ эти усилія остаются втунѣ. Палата вотируетъ безотлагательность и немедленные дебаты для закона о сенатѣ.

Послѣ этого перваго пораженія анти-конституціоналистовъ пошли въ атаку бонапартисты. Рауль Дюваль, неутомимый ораторъ группы воззванія къ народу, появляется на трибунѣ и требуетъ чтобы весь сенатъ былъ избранъ всеобщей подачей голосовъ (предложеніе радикальнаго депутата Паскаля Дюпра, сперва принятое, потомъ отвергнутое палатою нѣсколько дней предъ тѣмъ). * Этимъ парламентскимъ маневромъ Дюваль надѣется оторвать крайнюю лѣвую отъ образовавшагося большинства. Онъ объясняетъ что возобновилъ въ настоящую минуту предложеніе Дюпра дабы видѣть какъ *господа радикалы подадутъ голоса противъ иль же проекта*. Для этого ловкій ораторъ требуетъ открытое голосованіе (*scrutin public*).

* Смори выше.

Увы! и успія бонапартистовъ остаются тщетными. Президентъ объявляетъ Руалю Дювалю что уставъ воспрещаетъ открытое голосованіе какого-нибудь посторонняго предложенія, когда уже вотирована безотлагательность для другаго вопроса. Рауль Дюваль настаиваетъ, Бюффе опирается на уставъ, отказывается и запрашиваетъ палату *par assis et levé*. * Палата отвергаетъ просьбу Дюваля.

Противники конституціонныхъ законовъ не унываютъ послѣ новаго пораженія. Нѣсколько членовъ крайней правой требуютъ чтобы дебаты были отложены до завтра. Требованіе вотируется *par assis et levé*. Нѣсколько робкихъ головъ праваго центра, устрешенныхъ этою отчаянною схваткой, отстаютъ отъ конституціоннаго большинства. Испытаніе *par assis et levé*, благодаря этому, объявляется сомнительнымъ; приступаютъ къ голосованію. Проходитъ полтора часа потеряннаго времени; наконецъ къ семи часамъ объявляютъ результатъ голосованія: продолженіе дебатовъ вотировано большинствомъ девяти голосовъ. Правая и бонапартисты неистовствуютъ, остальная часть палаты раздражена этими проволочками.

Наконецъ наступаетъ развязка. Является онъ же, Валлокъ, нежданный, негаданный *deus ex machina* конституціоннаго вопроса, и представляетъ свой проектъ. Новая атака крайнихъ монархистовъ, новыя усилія, новыя попытки отложить и задержать дебаты, усилія и попытки столь же тщетныя какъ предшествовавшія. Положенная на голоса, первая статья проекта Валлона принята 422 голосами противъ 261, то-есть при большинствѣ 161 голоса.

Главное было сдѣлано. Съ этой минуты можно было смѣло разчитывать что весь законопроектъ Валлона будетъ принятъ палатою. Дѣйствительно, не взирая на всѣ усилія анти-конституціоналистовъ, въ слѣдующіе два дня, 23го и 24го февраля, весь законъ о сенатѣ и двѣ первыя статьи Валлоновскаго проекта французской конституціи были вотированы національнымъ собраніемъ. Новое большинство съ каждымъ разомъ обрисовывалось все яснѣе и становилось день ото дня компактнѣе. Наконецъ въ четвергъ, 25го февраля,

---

* Кратчайшій способъ знать волю палаты относительно какого-нибудь второстепеннаго вопроса: одни встаютъ, другіе продолжаютъ сидѣть. Если большинство сразу не очерчивается, приступаютъ къ голосованію.

въ пять часовъ пополудни, Версальская палата 436 голосами противъ 262, то-есть при большинствѣ 174 голосовъ, провозгласила республиканскій образъ правленія для Франціи, снабдивъ предварительно послѣднюю двумя палатами и слѣдующею конституціей:

Статья 1я. Законодательная власть исполняется двумя палатами: палатою и сенатомъ.

Палата депутатовъ избирается всеобщею подачею голосовъ, при условіяхъ опредѣленныхъ электоральнымъ закономъ.

Составъ, способъ назначенія и права сената будутъ опредѣлены спеціальнымъ закономъ.

Ст. 2я. Президентъ республики избирается абсолютнымъ большинствомъ голосовъ сената и палаты соединенныхъ въ національное собраніе. Онъ назначается на семь лѣтъ; онъ можетъ быть снова избранъ.

Ст. 3я. Президентъ республики можетъ, съ согласія сената, распустить палату депутатовъ до истеченія законнаго срока.

Въ этомъ случаѣ избиратели имѣютъ быть созваны для новыхъ выборовъ не позже какъ въ трехмѣсячный срокъ.

Ст. 4я. Министры солидарно отвѣтственны предъ обѣими палатами относительно правительственной политики вообще, и лично за ихъ личныя дѣйствія.

Президентъ республики отвѣтственъ только въ случаѣ государственной измѣны.

Ст. 5я. Для замѣщенія президента, въ случаѣ смерти или по какой другой причинѣ, обѣ палаты собираются немедленно и избираютъ новаго. Въ промежуткѣ времени до новаго избранія совѣтъ министровъ облеченъ исполнительною властью.

Ст. 6я. Палаты имѣютъ право, вслѣдствіе ли отдѣльныхъ рѣшеній принятыхъ въ каждой большинствомъ голосовъ или же по просьбѣ президента республики, объявить необходимость пересмотра конституціонныхъ законовъ.

Послѣ того что каждая изъ палатъ приметъ это рѣшеніе, онѣ соберутся для приступленія къ пересмотру.

Рѣшенія касающіяся пересмотра конституціонныхъ законовъ, всѣхъ вообще или только части оныхъ, должны быть приняты абсолютнымъ большинствомъ членовъ составляющихъ національное собраніе. Однако, въ теченіи срока правъ

и полномочій предоставленныхъ маршалу Макъ-Магону закономъ 20го ноября 1873 года, этотъ пересмотръ можетъ не иначе состояться какъ по просьбѣ президента республики.

Ст. 7я. Мѣстопробываніе исполнительной власти и обѣихъ палатъ имѣть быть въ Версалѣ.

Ст. 8я. Конституціонные законы будутъ декретированы только послѣ закона о сенатѣ.

Засѣданіе 25го февраля—по мнѣнію мѣстныхъ газетъ, историческое—ознаменовалось бурными сценами, до и послѣ голосованія вышеприведенной конституціи. До голосованія пошли въ послѣдній разъ въ атаку легитимисты и бонапартисты. Д'Аббовиль, маркизь де-Франлье, Ла-Рошетъ и Белькастель еще разъ взываютъ къ чувствамъ отпавшихъ монархистовъ и умоляютъ ихъ одуматься. Неутомимый Рауль Дюваль, съ своей стороны, атакуетъ каждую отдѣльную статью предложенной конституціи, анализируетъ, критикуетъ, предлагаетъ измѣненія. Тщетны всѣ эти усилія. Конституціонное большинство не хочетъ ничего слышать и ждетъ нетерпѣливо только одного—голосованія.

Послѣ принятія конституціи произошли сцены другого рода. На трибунѣ появляется юный депутатъ Савари и читаетъ палатѣ докладъ объ избраніи бонапартистскаго депутата де-Бургоэна, въ департаментъ Ньевры. Докладъ изобилуетъ розоблаченіями самаго остраго и недвусмысленнаго свойства относительно бонапартистской агитаціи въ Парижѣ и провинціи. Группа имперіалистовъ, видѣвъ себя, отъ этого чтенія.

— *C'est une infamie!*—вскрикиваетъ Аббатуччи, одинъ изъ депутатовъ этой группы.

Лѣвыя отвѣчаютъ свистками и шиканьемъ на это восклицаніе. Бонапартисты протестуютъ въ свою очередь. Словомъ, провозглашеніе республики ознаменовалось парламентскимъ скандаломъ.

Докладъ Савари произвелъ сильнѣйшее впечатлѣніе на палату. Въ присутствіи поразительныхъ фактовъ, подкрѣпленныхъ неопровержимыми доказательствами, и слѣдственная коммиссія по дѣлу избранія де-Бургоэна и палата встревожились и поняли наконецъ что успѣлъ сдѣлать бонапартизмъ въ странѣ пока они спорили и бранились въ палатѣ, и какихъ серіозныхъ и значительныхъ результатовъ достигла его пропаганда. Въ особенности же поразилъ всѣхъ от-

казъ министра юстиціи сообщить комиссіи главнѣйшіе документы по этому дѣлу. Но для одного дня всего этого было слишкомъ много—національное собраніе отложило разсмотрѣніе доклада Савари.

На другой день послѣ „историческаго“ засѣданія, въ *Официальномъ Журналь* появилась слѣдующая правительственная замѣтка:

„Послѣ вчерашняго сеанса, г. президентъ республики рѣшился поручить г. Бюффе образованіе министерства.

„Послѣ вотированія конституціонныхъ законовъ, какъ и до того, г. президентъ республики сохраняетъ твердую рѣшимость держаться консервативныхъ принциповъ, составляющихъ основу его политики съ тѣхъ поръ какъ ему вручена исполнительная власть національнымъ собраніемъ. Новый кабинетъ долженъ будетъ держаться этихъ принциповъ, которыми г. Бюффе преданъ не менѣе маршала Макъ-Магона. Его поддержать умѣренныя люди всѣхъ партій.“

Правительственное объявленіе произвело непріятное дѣйствіе на болѣе или менѣе радикальные элементы конституціонной лиги. Радикальные элементы возмечтали было что съ минуты вотированія конституціи, слово „консерватизмъ“ должно быть забыто правительствомъ.

Вслѣдствіе вотированія палатою конституціонныхъ законовъ, министерскій кризисъ вступилъ, какъ то свидѣтельствовала правительственная замѣтка, въ новую фазу. Начались исканія Бюффе за новыми кабинетными комбинаціями.

Казалось что на этотъ разъ не должно было представиться никакихъ затрудненій для отысканія десятка людей олицетворявшихъ конституціонное большинство, но на дѣлѣ оказалось совсѣмъ другое. Оказалось что внѣ конституціонныхъ скрижалей, внѣ мертвой буквы этихъ урѣзанныхъ, подточенныхъ, подпиленныхъ, вывернутыхъ, перевернутыхъ сто разъ и наконецъ кое-какъ прилаженныхъ фразъ, оказалось что внѣ этихъ восьми статей, никакого большинства не существовало. Согласившись, при помощи постепенныхъ обоюдныхъ уступокъ, и благодаря сочетанію нѣкоторыхъ обстоятельствъ, относительно такихъ-то и такихъ-то статей, разнородные элементы образовавшіе конституціонную лигу очутились, коль скоро дѣло перешло на практичную почву, въ томъ же положеніи какъ и прежде. Республиканцы, притянутые искусственно къ центру, потянули влѣво, консерваторы—

конституціоналисты—вправо. Цѣлыхъ двѣ недѣли прошло въ тщетныхъ исканіяхъ, при крикахъ и протестахъ и республиканцевъ и консерваторовъ. И тѣ и другіе приписывали себѣ побѣду, и тѣ и другіе хотѣли первенствовать въ кабинетѣ. Первые находили что составъ министерства долженъ былъ быть чисто либеральный, лѣвоцентристскій; вторые, напротивъ, требовали продолженія той политики которой до тѣхъ поръ держалось министерство, и считали даже необходимымъ сохранить административный персоналъ герцога де-Броля. Надо было во что бы то ни стало торопиться съ образованіемъ кабинета, потому что, съ каждымъ днемъ, недавніе союзники все болѣе отшатывались другъ отъ друга и взаимныя ихъ отношенія становились натянутѣе.

Ко всему этому явилось новое затрудненіе въ сформированіи министерства, на сей разъ со стороны маршала-президента. Макъ-Магонъ объявилъ рѣшительно что желаетъ видѣть въ числѣ членовъ кабинета одного изъ депутатовъ побитаго анти-конституціоннаго меньшинства. Основывалъ свое желаніе Макъ-Магонъ на томъ что считаетъ себя обязаннымъ предъ группами правой стороны палаты, вручившими ему власть въ 1873 году. Это было со стороны маршала очень благородно, но отнюдь не парламентарно.

Дюфоръ и другіе лѣвоцентристскіе кандидаты на министровъ, узнавъ это, тотчасъ же отказались отъ предложенныхъ портфелей и объявили что не вступать въ кабинетъ одинъ изъ членовъ котораго принадлежалъ бы къ числу депутатовъ подавшихъ голосъ противъ конституціонныхъ законовъ. Въ виду упорнаго отказа лѣвыхъ центристовъ, Бюффе удалось убѣдить Макъ-Магона предоставить которе-нибудь изъ второстепенныхъ министерствъ *одному изъ депутатовъ правой, воздержавшихся отъ подачи голоса при востановленіи конституціи.*

Это замѣчательное предложеніе—злая проія на воображаемую республиканско-консервативную лигу—было принято маршаломъ, и депутатъ правой Мо (одинъ изъ воздержавшихся при голосованіи конституціи) избранъ для вступленія въ кабинетъ. Лѣвые центристы уступили благоразумно въ этомъ случаѣ. Съ этой минуты образованіе кабинета не встрѣтило болѣе серіозныхъ препятствій, въ особенности же когда Бюффе, отказавшійся было въ началѣ отъ

портфеля, * согласился принять, съ вице-президентомъ совѣта, министерство внутреннихъ дѣлъ.

Наконецъ 11го марта, то-есть двѣ недѣли спустя послѣ окончательнаго вотированія конституціи, въ *Официальномъ Журналь* появился списокъ новаго министерства.

Вице-президентъ совѣта и министръ внутреннихъ дѣлъ Бюффе.

Министръ иностранныхъ дѣлъ—герцогъ Деказь.

Министръ юстиціи—Дюфоръ.

Министръ финансовъ—Леонъ-Се.

Военный министръ генераль—де-Сиссе.

Морской министръ—адмираль де-Монтаньякъ.

Министръ публичныхъ работъ—Кальйо.

Министръ народнаго просвѣщенія—Валлонъ.

Министръ земледѣлія и торговли—де-Мо.

Составъ этого кабинета, разбирая личность cadaго министра отдѣльно, замѣчательно блестящій: Дюфоръ и Бюффе государственные дѣятели выходящіе изъ ряду по своимъ способностямъ; Леонъ-Се замѣчательный финансистъ, герцогъ Деказь превосходный министръ иностранныхъ дѣлъ; генераль де-Сиссе, адмираль де-Монтаньякъ и Кальйо отличные специалисты по своимъ частямъ. Къ сожалѣнію, взятые всѣ вмѣстѣ эти блестящіе дѣятели далеко не внушаютъ того довѣрія которое внушаетъ каждый изъ нихъ взятый порознь. Можно ли надѣяться чтобъ эти люди, положившіе всю предыдущую свою жизнь на служеніе прямо противоположнымъ убѣжденіямъ и интересамъ, отрѣшились вдругъ отъ своего прошлаго, тѣсно, дружно сплотились и образовали то въ чемъ Франція, въ настоящую минуту, болѣе всего нуждается, а именно, однородное правительственное цѣлое.

Какъ только обнародованъ былъ списокъ министерства 11го марта, почти всѣ мѣстныя газеты сочли долгомъ помѣстить на своихъ столбцахъ, подъ спискомъ министровъ, предполагаемую программу новаго кабинета. И что же, между этими пятнадцатью-двадцатью программами появившимися 12го марта въ разныхъ газетахъ, не было двухъ которыя сходились бы между собою! До того неясное, неопредѣленное, туманное впечатлѣніе произвелъ съ первой же минуты этотъ сборный кабинетъ.

* Онъ желалъ быть вице-президентомъ совѣта безъ портфеля.

Того же 12го марта, Бюффе прочелъ палатѣ „декларацию“, иначе говоря программу, министерства. Эта декларация, строго консервативная, нисколько не отступающая по предначертанной политической линіи отъ образа дѣйствій предыдущихъ кабинетовъ, возбудила величайшее негодованіе въ республиканскомъ и радикальномъ лагеряхъ.

— Стоило намъ взваливать себѣ на плечи подобную безобразную конституцію чтобы снова ничего не добиться! воскликнулъ при этомъ кто-то въ республиканскомъ лагерѣ.

Республиканскіе листки и всѣ группы лѣвой набросились на Бюффе и на его сторонниковъ. Консервативныя газеты—вчерашнія союзницы, и правые централисты набросились въ свою очередь на республиканцевъ. Началась жаркая полемика, споры и брань. Въ палатѣ, депутаты лѣвой выступили снова съ запросами правительству. Конституціонный консерватизмъ сталъ опять препираться съ республиканизмомъ. Словомъ, все пошло по старому и отъ пресловутаго консервативно-республиканскаго союза осталось только восемь статей послѣдней французской конституціи. Осталось впрочемъ также провозглашеніе *окончательной* республики во Франціи.

Двадцатаго марта палата разошлась, назначивъ 10е мая днемъ открытія будущей парламентской сессіи.

ПЕТРЪ ПЕТРОВЪ.

РЕАЛЬНАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА

Сочиненія О. М. Рѣшетникова. Изданіе К. Т. Солдатекова. Съ портретомъ автора. Два тома. Москва, 1874.

Никому изъ нашихъ беллетристовъ журналистика не оказала такой услуги, какъ Рѣшетникову. Про этого писателя можно сказать что онъ цѣликомъ выдуманъ журналисткой и навязанъ ею публикѣ. Извѣстность которою онъ пользуется основывается не на его произведеніяхъ — ихъ мало кто читалъ, — но на отзывахъ журнальной и газетной критики. Явленіе весьма замѣчательное, хотя оно и перестаетъ удивлять насъ, какъ скоро мы поставимъ его въ связь съ общимъ движеніемъ нашей литературы въ періодъ шестидесятихъ годовъ, къ которому относится дѣятельность Рѣшетникова. Тѣмъ не менѣе все-таки достойно вниманія что несмотря на долговременное и настойчивое возвеличиванье этой литературной посредственности, критика до сихъ поръ не сказала о ней ничего. далѣе голословныхъ, общихъ фразъ, не сумѣла указать опредѣленнымъ образомъ тѣхъ предполагаемыхъ высокихъ достоинствъ на которыхъ основывается литературная репутація Рѣшетникова. Говорили обыкновенно что авторъ *Подлиповцевъ* вышелъ изъ народа, что онъ знаетъ народъ, что его разказы безыскусственны; но мало ли кто вышелъ изъ народа, знаетъ народъ и пишетъ безыскусственно, то-есть не литературно и не очень грамотно? Пого-

воривъ на эту тему, критика обыкновенно хваталась, какъ за послѣднюю опору, за извѣстную фразу г. Тургенева, выразившагося въ своихъ отрывкахъ изъ литературныхъ воспоминаній что произведенія Рѣшетникова отличаются *трезвою правдою*. Эта *трезвая правда* была радостно подхвачена нашею журналистикой и повторена ею безчисленное множество разъ. Поймавъ фразу г. Тургенева критика успокоилась, словно задача ея была рѣшена сама собою. Въ статьѣ г. Глѣба Успенскаго, предпосланной новому изданію сочиненій Рѣшетникова, опять все сводится ни къ чему иному, какъ къ тому же вердикту г. Тургенева о трезвой правдѣ. Біографъ Рѣшетникова ничѣмъ другимъ не находится помянуть своего любимого писателя, какъ „вѣчнымъ спасибо за простую и глубокую правду о простомъ русскомъ человѣкѣ“, хотя по его же собственному разъясненію правда эта зародилась въ Рѣшетниковѣ довольно страннымъ образомъ и въ довольно странномъ мѣстѣ, именно за дверью въ углу. „Цѣлый годъ, разказываетъ г. Успенскій о Рѣшетниковѣ, онъ провелъ въ домѣ дяди, сидя въ углу за дверью и думая о себѣ и о своемъ прошломъ, и здѣсь впервые зародилась въ немъ та симпатичная и дорогая черта его будущихъ произведеній, которую принято характеризовать словомъ *правда*.“ Но очевидно что правда, хотя бы зародившаяся въ углу за дверью, еще не даетъ достаточныхъ правъ на литературную репутацію. Правда есть только одинъ изъ элементовъ входящихъ въ авторскую индивидуальность, и сама по себѣ не составляетъ писателя. Притомъ, правда правдѣ розь. Если мы скажемъ что лѣтомъ жарко, а зимою холодно, что рыбы плаваютъ въ водѣ, а зайцы скачутъ по землѣ — это будетъ правда, совершенно трезвая правда, но литературы тутъ совсѣмъ не будетъ. Литературная правда заключается въ вѣрномъ и искреннемъ отношеніи автора къ изображаемой дѣйствительности и въ правдоподобности повѣстическаго вымысла, а не въ томъ чтобъ изображать дѣйствительность сырьемъ, отмѣчать безъ всякаго выбора составляющія ее подробности и разказывать человѣческую жизнь съ внѣшнею точностью и внутреннею безпорядочностью записной книжки.

Новое полное изданіе сочиненій Рѣшетникова, снабженное біографическимъ очеркомъ его жизни, подаетъ намъ поводъ провѣрить сложившуюся въ извѣстной части журналистики оцѣнку этого писателя и опредѣлить мѣсто занимаемое имъ

въ литературѣ. Мы предпринимаемъ эту попытку безъ всякаго предвзятаго отношенія къ названному писателю и будемъ разсматривать его произведенія совершенно независимо отъ того къ какому направленію примыкалъ авторъ и какъ пользовались имъ въ извѣстномъ литературномъ лагерѣ. Предъ нами будетъ просто беллетристическій матеріалъ, въ оцѣнкѣ котораго мы останемся вѣрны тѣмъ самымъ требованіямъ, какія предъявляли къ другимъ беллетристическимъ произведеніямъ.

Пользуясь біографическою статьей г. Успенскаго, мы прежде всего постараемся дать отчетъ о тѣхъ умственныхъ и нравственныхъ средствахъ съ которыми Рѣшетниковъ вступилъ въ литературу. Если произведенія какого-нибудь писателя справедливо считаются результатомъ полученнаго имъ образованія и вынесенныхъ имъ жизненныхъ впечатлѣній, то понятно что предварительное знакомство съ духовнымъ матеріаломъ какимъ владѣлъ авторъ выступая на литературное поприще, чрезвычайно существенно для оцѣнки его литературной производительности.

Рѣшетниковъ былъ человѣкъ несомнѣнно и глубоко несчастный въ своей жизни. Въ послѣднее время критика наша очень много занимается разслѣдованіемъ крайне неблагоприятныхъ обстоятельствъ при которыхъ сложилась жизнь Бѣлинскаго и которыя безъ сомнѣнія роковымъ образомъ отразились на его журнальной дѣятельности. Но условія при которыхъ воспитался Рѣшетниковъ—неизмѣримо хуже. Бѣлинскій могъ бы считать себя баловнемъ судьбы и счастливымъ человѣкомъ, сравнительно съ Рѣшетниковымъ. Гнетущая бѣдность преслѣдовавшая знаменитаго критика въ его молодые годы не даетъ понятія о той абсолютной нищетѣ и умственной тѣмѣ которыя окружали юность Рѣшетникова. Авторъ *Подлиповцевъ* родился въ средѣ которую дѣшъ изъ дядей его опредѣлялъ словами: „между нищими и средними“, и такое опредѣленіе скорѣе снисходительно чѣмъ строго. Отецъ Рѣшетникова сначала былъ дьячкомъ въ Екатеринбургѣ и велъ нетрезвую жизнь; потомъ поступилъ въ почтальйоны и въ этомъ званіи кажется остался до конца, не измѣняя своей страсти къ спиртнымъ напиткамъ. Съ женой онъ жилъ такъ плохо что она ушла отъ него къ его брату въ Пермь, гдѣ скоро умерла, оставивъ девятимѣсячнаго сына на попеченіе дяди, служившаго также въ почтовой конторѣ.

Обстановка въ которую попалъ въ Перми будущій писатель была ужасна. Бѣдность доходила до того что „несмотря на дешевизну жизни, огурцы оказывались роскошью совершенно недоступною карману дяди. Жалованья его не хватало также чтобы позволить себѣ употребленіе чая. Въ этой жизни три копѣйки составляли сумму о которой писались письма и возможность найти которую возбуждала сомнѣнія. Кажется, единственною роскошью какую позволяли себѣ отецъ и дядя Рѣшетникова, была переписка: служа въ почтовой конторѣ, они могли посылать письма бесплатно. За то и допекла же ихъ эта самая служба. „Не знаю—писалъ отецъ Рѣшетникова—за что преслѣдуетъ меня почтмейстеръ съ самаго моего прибытія. Живу какъ должно: какъ у деньщика, или у крѣпостнаго, сюртукъ не слѣзаетъ съ плечъ.... Я мѣсяца съ три всяко вытаскался для почтмейстера, а онъ меня такъ уважилъ что лучше нельзя.“ Въ другомъ письмѣ читаемъ: „Почтмейстеръ проситъ чтобы меня перевели къ нему; но сохрани меня небесная сила отъ такого ига; онъ тамъ вдо-стать изъ меня оставшійся сокъ вытянетъ.“

Умственный и нравственный уровень этой среды былъ конечно не выше ея матеріальнаго положенія. Искусившіеся въ терпѣніи и покорности, дядя и тетка Рѣшетникова старались воспитать эти качества и въ своемъ племянникѣ. Средствами служили безпрестанное битье и дранье. „Били его—повѣствуетъ біографъ—положительно за все и притомъ все, кто хотѣлъ и считалъ нужнымъ, а иной разъ и безъ всякой надобности. Ребенокъ вездѣ лѣзъ и колотили его тоже вездѣ. Дядя принесъ лубочную картинку и сталъ разсматривать—воспитанника разобрало любопытство, онъ лоткнулъ картину къ себѣ и разорвалъ пополамъ—„за это дядя меня такъ ударилъ что я ударился головой объ полъ, изо рта пошла кровь“. Одна *Священная Исторія* ветхаго и новаго завѣта съ картинками, книга единственная во всемъ домѣ, сколько неисчислимымъ бѣдъ причинила маленькому Рѣшетникову! Картинки постоянно привлекали къ ней его вниманіе, и постоянно, аккуратно каждый разъ какъ только книга попадала ему въ руки, онъ непремѣнно получалъ ударъ этой же книгой въ голову. Чтобы отдѣлаться отъ нея, онъ засунулъ ее въ печку; книгу вытащили, но „за это, говоритъ Рѣшетниковъ, дядя долго дралъ меня ремнемъ“. Били его также и за то что любитъ сказки, а не молится за отца и мать,

торыхъ никогда не видалъ. Захочетъ онъ, напимѣръ, подѣлаться къ дядѣ, оказать ему услугу, чтобы поѣхать за Каму „рыбачить“—примется чистить ему сапоги: чистить и старается до тѣхъ поръ пока тетка не выхватить изъ его рукъ щетки и не ударить ею по головѣ. Нельзя, конечно, ожидать чтобъ эти воспитательные приемы благотворно дѣйствовали на мальчика: маленькій Рѣшетниковъ ожесточался и не находилъ выхода изъ окружавшей его нравственной тьмы. Онъ сталъ придумывать „удивительнѣйшія мерзости“, какъ выражается его біографъ, относящій впрочемъ эту злую изобрѣтательность къ „природной даровитости“ будущаго писателя. „Ему ничего, напимѣръ, не стоило—разказываетъ тотъ же писатель—засунуть въ квашню или кадку съ водой дохлую кошку, измазать въ грязи чистое развѣшенное бѣлье, вытащить изъ самовара кранъ, забросить его черезъ заборъ и распать самоваръ, и т. д.“ Онъ сдѣлался истиннымъ божескимъ наказаніемъ цѣлому двору, истиннымъ врагомъ всѣмъ и каждому; вскорѣ ему не было другаго имени, кромѣ „воръ“, „поганая рожа“; его вихры, уши и щеки сдѣлались общимъ достояніемъ. Били и ругали всѣ, и онъ ругалъ всѣхъ, воевалъ со всѣми, запуская камнями, кусался, билъ враговъ по лицу и въ то же время не уставалъ изобрѣтать еще новыя и новыя пытки врагамъ своимъ. „Меня отдерутъ, говоритъ Рѣшетниковъ, я сяду куда-нибудь въ уголъ и думаю: чтѣ бы мнѣ еще такое сдѣлать, да такъ, чтобы никто не узналъ“. Развитіе ребенка въ этой темной средѣ было до такой степени ограничено что онъ съ удивленіемъ и любопытствомъ разсматривалъ мебель, платье, какія случалось ему увидѣть въ первый разъ....

Десяти лѣтъ отдали его въ бурсу, гдѣ продолжались тѣ же изязанія и тотъ же мракъ. Переносить бурсацкую жизнь стало ему невтерпѣжъ и онъ бѣжалъ, ночевалъ въ колокольнѣ, а поутру вышелъ на рѣку, гдѣ стояли рыбацкія лодки. Въ шалашѣ нашелъ онъ краюху хлѣба, и по пріобрѣтенной привычкѣ вредить кому можно и гдѣ можно, повертѣлъ въ лодкѣ дыру, распласталъ неводъ и обрѣзалъ нѣсколько удочекъ. Толпа бурсаковъ, вышедшая на поиски за нимъ, скоро нашла его и, связавъ, приволокла по кочкамъ въ бурсу. Тамъ ему была задана „баня“, послѣ которой бѣглець два мѣсяца пролежалъ пластомъ въ лазаретѣ. Оправившись, онъ вновь бѣжалъ, бросилъ въ воду свой бурсацкій сюртукъ, вымазался

грязью и пошелъ по заводскимъ домамъ и кабакамъ просить хлѣба „Христа ради“. Рабочіе были къ нему жалостливы. „Много, говоритъ онъ, увидѣлъ я здѣсь хорошаго. Мнѣ такъ понравилась простота ихняя что я хотѣлъ на всю жизнь остаться у нихъ“. Бродяжничая, онъ попалъ въ руки нищихъ, которые насильно таскали его съ собою, заставляли плясать и поили водкой. Наконецъ одна женщина, часто бывавшая у его дяди, узнала его и привела домой, гдѣ ему задали новую „баню“. Послѣ этого-то втораго побѣга и просидѣлъ онъ цѣлый годъ въ углу за дверью въ домѣ дяди, и здѣсь-то и зародилась въ немъ, по свидѣтельству его біографа, „симпатичная и дорогая черта его будущихъ произведеній, которую принято характеризовать словомъ *правда*“. Біографъ свидѣтельствуется что въ это время, подъ вліяніемъ всеобщей ненависти и одиночества, въ десятилѣтнемъ Рѣшетниковѣ „начался процессъ глубокаго анализа окружающихъ, близкихъ къ нему людей“; къ сожалѣнію, мы не знаемъ никакихъ фактовъ объ этомъ процессѣ, а изъ послѣдующаго узнаемъ что еще много лѣтъ спустя Рѣшетниковъ находился на такой безпомощной степеніи умственнаго и нравственнаго развитія, которая устраняетъ всякую мысль о какомъ-нибудь „глубокомъ анализѣ“.

Чрезвычайно грустно то что передаетъ біографъ о первомъ свиданіи Рѣшетникова съ отцомъ. Это случилось вѣкорѣ послѣ возвращенія его въ домъ дяди. Однажды вечеромъ, когда ребенокъ уже легъ спать, „дядя привелъ съ собою какого-то человѣка въ почтальйонской одеждѣ, обрюзгаго, съ отекившимъ лицомъ. Человѣкъ этотъ постоянно болѣзненно кашлялъ и разказывалъ о томъ какъ онъ несчастливъ, какъ къ нему несправедливы, какъ его бьютъ. Страхъ и радость охватили Рѣшетникова при видѣ отца, но когда сынъ подошелъ къ нему, бѣдный отецъ не зналъ что сказать... „Большой выросъ“, произнесъ онъ. „Что жъ ты не цѣлуешь отца?“ „Да что мнѣ его цѣловать-то?“ И больше ничего. На другой день, разговорившись съ теткой о сынѣ, отецъ спрашивалъ ее: „Дери ты его... что есть мочи дери“.

Нельзя не удивляться настойчивости съ которою дядя, изнемогавшій въ нищетѣ, продолжалъ возиться съ племянникомъ, и употреблялъ всякія усилія, чтобы вывести его по своему разумѣнію на надлежащую дорогу. Онъ заставлялъ его ходить въ уѣздное училище, гдѣ продол-

жалось то же дранье и гдѣ повидимому было также мало
лицу для умственного развитія ребенка. Рѣшетниковъ уже
не замышлялъ бѣгства, и „старался только стать въ концѣ
шеренги предназначенной къ свѣченію, потому что къ концу
ея сторожъ уставалъ. Иногда онъ отдѣлывался гривенни-
комъ, который зарабатывалъ, занимаясь въ почтовой конто-
рѣ составленіемъ крестьянамъ писемъ.“ Учителей онъ дога-
дался задобривать иначе: отправлялъ имъ задаромъ письма,
доставлялъ получаемую на ихъ имя корреспонденцію и по-
сылъ къ нимъ тайкомъ съ почты газеты, которыя по про-
чтеніи закидывалъ за заборъ въ сѣнѣ. Разъ ему случилось
закинуть такимъ образомъ одинъ казенный пакетъ и его от-
дали подѣ уголовный судъ. Дѣло тянулось два года, и по
судебному рѣшенію малолѣтній преступникъ былъ отосланъ
на покаяніе въ монастырь. Біографъ удостовѣряетъ что эти
тяжкіе два года были весьма знаменательны въ жизни Рѣ-
шетникова, такъ какъ сознаніе виновности въ немъ „возрос-
ло до высшей степени“, „мысль его была возбуждена до выс-
шей степени“. По соображеніямъ г. Успенскаго, „мысль ма-
ленькаго Рѣшетникова должна была работать надъ всѣмъ
механизмомъ окружавшей его жизни, вникать въ самыя мель-
чайшія подробности этого механизма“. Къ сожалѣнію, мы
опять не находимъ никакихъ слѣдовъ подобнаго внутрення-
го процесса, и встрѣчаемъ Рѣшетникова въ послѣдствіи на
той же невысокой степени развитія, не допускавшей ника-
кого подъема мысли.

Трехмѣсячное пребываніе въ монастырѣ не оказало на Рѣ-
шетникова благотворнаго вліянія. Сначала въ немъ съ силою
пробудилось религіозное чувство, но безпорядочная жизнь
монаховъ охладила этотъ порывъ. Негодованіе противъ дур-
ныхъ примѣровъ, съ какими встрѣчался онъ въ монастырѣ,
также не долго тревожило его: къ концу своего пребыванія въ
обители, онъ уже съ удовольствіемъ принимаетъ участіе въ
грубыхъ развлеченияхъ новыхъ друзей своихъ. „И такъ я чуд-
но и весело проводилъ время съ монахами, писалъ онъ предъ
отъѣздомъ изъ монастыря; они меня поили пивомъ и я ча-
сто приходилъ домой пьянымъ. Да и всѣ меня любили сер-
дечно, и я тоже питалъ свою любовь къ нимъ. Иногда обѣ-
далъ и спалъ въ кельяхъ... Словомъ, очень весело я провелъ
время съ доброю братією и въ особенности тогда какъ лили
пиво...“ Біографъ поясняетъ въ этомъ мѣстѣ что монастырь

ское пиво обыкновенно наставлялось на листовомъ табакѣ... „Мрачно и печально, продолжаетъ Рѣшетниковъ, что я разлучаюсь съ моими друзьями, истинными христианами. Но что дѣлать, дядя мой единокровный хочетъ этого. Но я еще когда-нибудь могу поступить въ монастырь и мнѣ хочется кончить жизнь тамъ, гдѣ живутъ только мирно.“

Рѣшетниковъ жилъ не въ самомъ монастырѣ, а на квартирѣ у родственниковъ, принадлежавшихъ также къ сословию почталіоновъ. Въ этой средѣ онъ также завелъ себѣ друзей и ходилъ съ ними въ почталіонскомъ сюртукѣ выпрашивать *новогоднее*. Ему удалось добыть такимъ образомъ 1 р. 15 к. и потомъ еще 45 к. и на эти деньги онъ купилъ себѣ помады, за что и получилъ отъ дяди строгій выговоръ. „Осѣдомился я—писалъ ему дядя—что ты взялъ въ привычку шататься и въ карты играть съ почталіонами и примазываться помадой и свадьбѣ смотрѣть, а за этимъ откроются и другія слабости, за которыя ты подвергнешся хотя и не тяжкому, но все-таки наказанію и до смерти твоей нариданію и пороку. Не лучше ли тебѣ было и будетъ заниматься науками, или ты хочешь быть и вести жизнь въ дурацкомъ положеніи, которое для тебя будетъ лучше—выбери то или другое. Я ужъ не могу тебѣ дать заочно какое-либо наставленіе, потому что ты и въ глазахъ моихъ вотъ какъ уже насолпилъ что я по гробъ не долженъ позabyть сдѣланныя тобою слабости. За добродѣтель мою, мое воспитаніе и хорошее содержаніе...“

По отбытіи трехмѣсячной элѣтіи, Рѣшетниковъ возвратился въ Пермь. Ему было тогда шестнадцать лѣтъ отъ роду. Нельзя не обратить вниманія на то что въ послѣдніе два года совершились событія чрезвычайной важности. Россия жила лихорадочною жизнью, среди безпримѣрнаго напряженія всѣхъ силъ; подъ стѣнами Севастополя рѣшались самыя кровныя ея интересы. Все это, повидимому, прошло совершенно безслѣдно для Рѣшетникова и для среды въ которой онъ вращался. Біографъ не указываетъ чтобы въ письмахъ или дневникѣ его сохранились какіе-либо слѣды тяжелыхъ впечатлѣній подъ бременемъ которыхъ жилъ въ ту годину Русскій народъ. Событія проходили, оставаясь словно совершенно чуждыми этой темной средѣ.

Рѣшетниковъ опять поселился у дяди и сталъ ходить въ первый классъ уѣзднаго училища. О томъ, на какой степе-

на развитіи стояла тогда его мысль и его литературные вкусы и приемы, можно судить по слѣдующимъ строкамъ его извѣстнаго: „Не только въ новѣйшее время, но даже и въ древнія времена, по заведенію иностранцевъ, открыто и у насъ въ Россіи играть въ карты. Этимъ основывается наша публика господъ. Въ этомъ кругу былъ и дядя мой, и онъ иногда для увеселенія скуки занимался симъ увеселеніемъ. Тетка очень не любила это. Странно очень то что тетка, лишь мужа ея не будетъ дома, скучаетъ и не спитъ, хоть онъ придетъ въ восемь часовъ утра. Когда же онъ придетъ, она начинаетъ его ругать, зачѣмъ онъ игралъ въ карты... Кому такіе выговоры, особенно отъ женщины, понравятся? Подумать надобно, сколько тяжело сносить тому укоризны кто своимъ трудомъ кормитъ все семейство. Не одинъ мой дядя играетъ (онъ не играетъ, но еще учится), но и всѣ почтальйоны и проч. Что же учить женамъ мужей, которые вполнѣ по своему образованію, частію отъ наставниковъ, частію отъ публики, могутъ дать тысячи наставленій и полезныхъ предметовъ своей женѣ.“ Вскорѣ потомъ воспитателемъ его пріѣхали въ Екатеринбургъ, а Рѣшетниковъ остался въ Перми, но уже на частной квартирѣ. Учился онъ мало, и для пополненія своихъ скудныхъ средствъ занимался во время бывшихъ въ городѣ пожаровъ караулить дома обывателей, получая по двадцати копѣекъ за ночь. Этимъ трудомъ онъ нажилъ 1 руб. 20 коп. Были впрочемъ развлеченія дѣйствовавшія на него болѣе благотворнымъ образомъ. Онъ полюбилъ ѣздить рыбачить за Каму, гдѣ ему случалось иногда проводить съ простымъ народомъ цѣлыя ночи. „Часто въ это время—говоритъ онъ—случалось что я сида въ лодкѣ глядѣлъ куда-нибудь вдаль; глаза останавливались, въ головѣ чувствовалась тяжесть и вертѣлись слова: какъ же это? отчего это? И въ отвѣтъ—ни одного слова. Очнешься—и плюнешь въ воду. Начнешь удить и думаешь: ахъ, еслибъ я былъ богатъ, я бы накулилъ книгъ много... Я бы все выучилъ“.

Въ 1859 году Рѣшетниковъ кончилъ курсъ уѣзднаго училища и вернулся къ дядѣ въ Екатеринбургъ. Перспектива канцелярской службы въ уѣздномъ городѣ, подъ надзоромъ ворчливой родни, не очень манила Рѣшетникова; ему хотѣлось провести лѣто на свободѣ и повидать одного изъ своихъ родственниковъ въ Тагилѣ. Но дядя рѣшительнымъ

образомъ положилъ преграду всѣмъ подобнымъ мечтамъ. „Теперь надо думать объ опредѣленіи твоемъ, а не о гулянкѣ, писалъ онъ къ нему.—Тебѣ хочется повидать А. въ Тагилѣ, но что изъ этого выйдетъ, я напередъ скажу: то что ты на первый даже день долженъ имѣть свою лицу по случаю бѣдности и нетрезвости его. Думай-ка лучше о службѣ, а не о прогулкѣ своей.“ Племяннику оставалось признать благоразуміе дяди, такимъ образомъ Рѣшетниковъ вступилъ въ самостоятельную жизнь, въ качествѣ писца Екатеринбургскаго уѣзднаго суда, съ жалованіемъ по 3 р. въ мѣсяцъ.

„Мелкая чиновничья среда—разсказываетъ біографъ—не менѣе среды монастырской повредила его развитію. Мысль его должна была тратиться на пониманіе мелкихъ чиновничьихъ интересовъ, дразгъ, заботъ, словомъ, всего подъяческаго обихода, въ то время, какъ извѣстно, залесневѣлаго, затхлаго. Мысли его стали волновать мелкія чиновничьи интриги, взятки, мелочныя и непрерывныя огорченія и обиды и т. д. Какъ бы презрительно ни смотрѣлъ онъ на все это, но какъ человѣкъ, поставленный въ эту среду необходимостью имѣть насущный кусокъ хлѣба, онъ невольно долженъ былъ проникаться ея интересами, долженъ было много терять отъ неразвитости и дикости новыхъ товарищей.“

Чтобы какъ-нибудь спастись отъ одолевавшей его скуки и вмѣстѣ удовлетворить зародившейся въ немъ потребности, Рѣшетниковъ принялся сочинительствовать. Первымъ литературнымъ опытомъ его была длинная поэма *Приговоръ*. Изъ того что сообщаетъ объ этомъ произведеніи г. Успенскій, видно что это было нѣчто совершенно нелѣпое и невозможное. Деятнадцатилѣтній авторъ однако не скоро пришелъ къ этому заключенію; онъ показывалъ свое произведеніе пріятелямъ, настойчиво прося ихъ сказать ему свое мнѣніе и отмѣтить недостатки. Пріятели однако мало удовлетворили его: одинъ подчеркнул два слова карандашомъ, другой написалъ сбоку: „это что-то серьезное“, третій выразилъ на словахъ весьма неопредѣленное замѣчаніе, въ родѣ того что „въ серединѣ много лишку“—„а что именно лишнее, того не потрудился указать“, жаловался на него Рѣшетниковъ. Поэтъ однако не унывалъ, и вслѣдъ за поэмой сочинилъ драму въ шести дѣйствіяхъ, тоже въ стихахъ. Онъ долженъ былъ однако догадаться что поэзія не его дѣло, и послѣ двухъ опытовъ бросилъ ее. Нельзя не признать что несмотря на крайне небла-

попріятныя для развитія условія жизни и воспитанія, въ немъ шевелились порывы къ какому-то неопредѣленно и смутно сознаваемому добру. По словамъ біографа, сослуживцы по уздному суду главнымъ образомъ возмущали Рѣшетникова отсутствіемъ пониманія лежавшихъ на нихъ обязанностей. „Какъ ни скучна была ему чиновничья жизнь, но въ то же время онъ гордился тѣмъ что служить въ такомъ мѣстѣ гдѣ рѣшаются дѣла о людяхъ, которымъ онъ можетъ (какъ онъ полагалъ) сдѣлать пользу, тогда какъ изъ канцелярскихъ братій никто объ этомъ и не думалъ.“ Въ предисловіи къ повѣсти *Приговоръ* мы находимъ слѣдующія слова, въ которыхъ можно понять мысль, хотя дурно и неумѣло выраженную: „Человѣкъ любящій честность и правду, свидѣтель многихъ сценъ въ разныхъ бытахъ человѣчества, можетъ сказать что-нибудь о людяхъ достойныхъ или похвалы, или порицанія.“ Въ 1860 году, получивъ мѣсто помощника столоначальника въ томъ же уздномъ судѣ, онъ пытается отнестись самостоятельно къ своимъ обязанностямъ. „Мнѣ страшно казалось, рассказываетъ онъ, рѣшать участь человѣка, и я сталъ читать бумаги и дѣла, заглядывалъ въ разныя мѣста, читалъ разныя копіи, реестры и все то что ни попадалось на глаза. Когда я бывалъ дежурнымъ, то рылся вездѣ гдѣ не заперто, и узналъ здѣсь очень многое.“ Правда, то что онъ узнавалъ такимъ образомъ, весьма мало могло поднять и расширить его мысль, но отвлекало его отъ прежнихъ нелѣпыхъ мнимо-поэтическихъ фантазій къ дѣйствительности. Новыя произведенія его написанныя имъ въ 1860 и 1861 году представляли, какъ кажется, болѣе смысла, хотя въ литературномъ отношеніи конечно были все также невозможны. Содержаніе этихъ произведеній, какъ объясняетъ біографъ, было чисто обличительное и имѣло предметомъ разныя судейскія и заводскія плутни.

Къ этому же времени относится одно письмо Рѣшетникова къ дядѣ, любопытное въ томъ отношеніи что въ немъ поразительно рисуется вся умственная безпомощность будущаго писателя. Рѣшетниковъ старается въ немъ опредѣлить самого себя, свое положеніе, свои отношенія къ дядѣ, свои виды на будущее. Съ матеріальной стороны онъ совершенно удовлетворенъ должностью помощника столоначальника въ уздномъ судѣ. „Освободившись отъ бѣдствій, находясь уже на службѣ, и чего бы кажется? всемъ доволенъ“, говоритъ

онъ. „Не знаю, отчего скучать молодому человѣку, образованному всеми средствами довольства.“ — „Я освободился отъ несчастій посредствомъ вась—обращается онъ къ своему воспитателю — направилъ себя дозволу къ жизни, поступилъ въ общество людей себѣ равныхъ по образованію, служу съ ними... и заслуживаю любовь... Теперь я взрослый юноша и понимаю себя и другихъ, и хоть не обучался въ гордыхъ салонахъ и не знакомъ съ паркетами, однако могу по крайней мѣрѣ писать не хуже другихъ.“ Однако остаться въ этомъ положеніи, хотя бы и „образованномъ всеми средствами довольства“, Рѣшетникову не хотѣлось. У него разыгрывается честолюбіе: „служба въ судѣ, я кромѣ столоначальничества никакой не вижу впереди карьеры... Я вполнѣ понималъ службу уѣзднаго суда и она давно мнѣ наскучила... Мнѣ желательно знать больше въ другихъ мѣстахъ, служить въ виду губернскаго начальства... Въ низшей инстанціи не научишься добродѣтели, кромѣ взятокъ, которыя мараютъ нашу честь и совѣсть. Итакъ вотъ въ какомъ положеніи я нахожусь... Не знаю какъ мнѣ вырваться изъ этого хаоса!“

Ближайшимъ выходомъ представлялось ему перевестись въ Пермь, и продолжать службу „въ виду губернскаго начальства“. Дядя мало сочувствовалъ этимъ стремленіямъ, подозревая въ нихъ заднюю мысль — удалиться отъ родныхъ чтобы пользоваться болѣею свободой и предаться страсти къ сочинительству, отъ чего онъ не ожидалъ добра. Въ отвѣтномъ письмѣ племяннику онъ упрекаетъ его въ недостаткѣ благодарности и указываетъ на живнаго въ Тагилѣ родственника которому негдѣ преклонить голову. „А ты у меня“, продолжаетъ дядя, „отъ этого ига и бремя изъять, да еще жалуеться на провидѣніе Всевышняго и судьбу и на то самое что тебѣ далъ я образованіе въ низшемъ учебномъ заведеніи. Я не ладилъ и даже не желалъ сдѣлать изъ тебя поэта или какого-нибудь дурака, а всегда старался сдѣлать изъ тебя умнаго и образованнаго человѣка.“ Рѣшетниковъ не сдавался на эти увѣщанія и продолжалъ сочинять „черную немочь“, какъ называлъ дядя его бумагомаранье. Последняго такое упорное сочинительство стало серьезно смущать, и онъ съ грустью приговаривалъ: „смотри, парень, какъ бы тебѣ не было худо.“ Наконецъ онъ рѣшился пригласить и угостить какого-то мѣстнаго литератора чтобы тотъ показалъ Рѣшетникову какъ

сочинять. Но мѣстный сочинитель оказался человѣкомъ коварнымъ: онъ не посовѣтовалъ юному поэту ничего хорошаго, да еще задумалъ, несмотря на угощеніе, описать его въ газетахъ, вмѣстѣ съ дядей и теткой. Разсерженный дядя сорвалъ гнѣвъ на племянникѣ, „засвѣтилъ ему оплеуху“.

Рѣшетниковъ однако настоялъ на своемъ и въ половинѣ 1861 года перебрался въ Пермь. Но губернскій городъ встрѣтилъ его не ласково: два мѣсяца потерялъ онъ, тщетно отыскивая мѣста: и когда наконецъ допустили его въ канцелярію уголовной палаты, безъ жалованья, вдругъ достигла туда изъ Екатеринбурга вѣсть о прежней судимости Рѣшетникова и онъ долженъ былъ удалиться изъ палаты. Кое-какъ удался ему однако зачислиться въ казенную палату. Новое положеніе его было далеко незавидное: „Меня посадили“, пишетъ онъ, въ регистратуру. Вся моя работа не уместившаяся, а машинная, состоитъ въ записываніи входящихъ бумагъ, надпискахъ на конвертахъ отправляемыхъ изъ палаты и печатаніи ихъ. Эта работа обременительна одному и при полученіи пяти или шести рублей жалованья кажется вдвойнѣ обременительной. Для ума же никакой нѣтъ нищѣ.“ Жизнь потекла вяло и тоскливо. Рѣшетниковъ поселился на хлѣбахъ у родственника, которому отдавалъ за содержаніе вѣсь свои пять рублей. „Въ палатѣ мы сидимъ до 4го часа и выходимъ только тогда когда выходитъ предѣдатель. Придемъ домой, разувѣтся послѣ шестичасоваго сидѣнья устанешь и какъ отобѣдаешь, невольно клонить тебя ко сну... Ляжешь и пробудишься часу въ шестомъ. Тутъ чай и опять тягость. Сядешь у окна и думаешь... что бы дѣлать? Писать. И лишь станешь обдумывать, явится дѣдушка, начнетъ разказъ, или супруга его заведетъ съ нимъ какую-нибудь сцену, невольно принужденъ будешь слушать и прослушать до 10го часа, а тамъ темнота. Надо замѣтить что если дѣдушка начнетъ говорить, то вступленіямъ нѣтъ конца... Скучно слушать нной его разказъ, но должно слушать не огорчая старика. Только одно мнѣ непріятно что онъ смѣется надъ моими сочиненіями и совѣтуетъ ихъ бросить совсѣмъ. По его понятіямъ, я непременно долженъ сойти съ ума...“ Сочинительство оставалось попрежнему самымъ большимъ пунктомъ. Рѣшетниковъ продолжалъ писать прозой и стихами, и искать человѣка который могъ бы ему посовѣтовать въ этомъ дѣлѣ. Одинъ такой совѣтникъ нашлся: щадя автора, онъ не

высказалъ ему всей правды, но сказалъ что для того чтобы писать, необходимо прежде поднять свое образованіе. Но какимъ образомъ могъ бы Рѣшетниковъ послѣдовать этому совѣту? Онъ продолжалъ искать литературнаго суда надъ своими произведеніями, и между прочимъ приподнесъ ихъ даже предсѣдателю казенной палаты, отъ котораго и получилъ за то строгое замѣчаніе. Юный авторъ очень пріунылъ съ тѣхъ поръ, однако не переставалъ обращаться къ литературному суду своихъ сослуживцевъ. Одинъ изъ нихъ, нѣкто Т., оказалъ отчасти знакомъ съ литературой. Рѣшетниковъ показывалъ ему свою новую драму *Два барина*, въ стихахъ; Т. объявилъ напрямикъ что сочиненіе крайне плохо и для печати никакъ не годится. Молодой поэтъ кажется не все понималъ изъ того что говорилъ ему Т., по крайней мѣрѣ изъ отрывки его въ дневникѣ выходитъ будто Т. забраковалъ его драму потому что драмъ стихами никто еще у насъ въ Россіи не писалъ. Приговоръ Т. сильно опечалилъ Рѣшетникова и заронилъ въ немъ сомнѣніе въ своихъ силахъ. „Т. правъ“, записалъ онъ въ своемъ дневникѣ, „*Два барина*“ дрянъ. Они давно мнѣ самому такими казались. Еще когда писалъ, то думалъ бросить. Однако попытаюсь послать (въ какую-нибудь редакцію), есть же и не занимательныя стихотворенія. Да! стихотворенія, стихи, а у меня-то что? Всѣ говорятъ: не стихи и не проза... Что же такое? Господи Боже мой! Какъ плохо быть бѣдному человѣку со способностями! Оляты: „со способностями“. А кто знаетъ, есть ли во мнѣ способности? Можетъ-быть это бредъ, глупость, какъ говорить мой дядя... О, если это скажетъ мнѣ одинъ изъ будущихъ моихъ редакторовъ и рецензентовъ, я брошу все и уйду... буду жить въ одной любви ко Всеблагому Отцу моему и Творцу...”

Рѣшительный толчокъ послѣдовалъ въ судьбѣ Рѣшетникова два года спустя. Въ Пермь пріѣхалъ изъ Петербурга ревизоръ, у котораго Рѣшетниковъ сталъ заниматься перепиской бумагъ на дому. По обыкновенію, онъ и ему приподнесъ для прочтенія свои драмы съ просьбою похлопотать о помѣщеніи ихъ въ какомъ-нибудь журналѣ. Ревизоръ посоветовалъ ему оставить всякія мечты о сочинительствѣ, но принялъ въ немъ участіе и обѣщалъ перевести его на службу въ Петербургъ. Въ 1863 году Рѣшетниковъ дѣйствительно перѣѣхалъ въ Петербургъ и получилъ мѣсто въ одномъ изъ департаментовъ Министерства Финансовъ, съ жаловань-

емъ по 9 руб. въ мѣсяцъ. Онъ сталъ писать небольшіе очерки для *Сѣверной Пчелы*, и наконецъ, по совѣту одного сослуживца, снесъ въ редакцію *Современника* только-что написанный очеркъ *Подминовы*.

Съ этого времени началась литературная извѣстность Рѣшетникова какъ беллетриста „вышедшаго изъ народа“ и умѣющаго разказывать съ „трезвою правдой“ о судьбахъ „простого бѣднаго человѣка“.

Мы съ намѣреніемъ остановились такъ долго на біографическомъ матеріалѣ представляемомъ статьей г. Глѣба Успенскаго. Намъ казалось существенно важнымъ, прежде одѣнки произведеній Рѣшетникова, дать отчетъ о тѣхъ духовныхъ средствахъ, о томъ запасѣ впечатлѣній и наблюденій съ которыми этотъ писатель вступилъ въ литературу. Внутренняя высота произведеній всякаго писателя безъ сомнѣнія находится въ прямомъ отношеніи къ подъему его собственной мысли, къ ширинѣ и богатству жизни открытой его авторской наблюдательности. Подбирая грустные факты біографіи Рѣшетникова, мы были далеки отъ мысли искать въ нихъ чего-либо невыгоднаго для его литературной репутаціи. Напротивъ, мы должны сказать что біографія Рѣшетникова возбуждала въ насъ чувство участія, къ которому мы не были предрасположены его произведеніями. Въ переданныхъ нами фактахъ его жизни многое, безъ сомнѣнія, располагаетъ въ его пользу. Въ той темной, роковой обстановкѣ среди которой онъ выросъ, было заслугою сохранить до конца хотя бы смутное стремленіе къ чему-то лучшему; даже упорное желаніе Рѣшетникова сдѣлаться во что бы то ни стало „сочинителемъ“ было конечно своего рода порываніемъ изъ мрака къ свѣту, отъ духовной и матеріальной нищеты къ жизни болѣе отвѣчавшей его вкусамъ и сознанію своихъ врожденныхъ способностей. Но въ области мысли и искусства способности требуютъ непременно правильной культуры. Роковыя условія воспитанія тяготѣли надъ Рѣшетниковымъ до конца его жизни; мы увидимъ ниже что уровень его мысли, его понятій, мало возвысился вслѣдствіе сближенія съ литературными кругами, и что внутреннее содержаніе его произведеній, стяжавшихъ ему такой успѣхъ въ нѣкоторыхъ журнальныхъ рядахъ, исчерпывается тѣмъ запасомъ идей съ которыми онъ вступилъ въ петербургскую литературу. Можно думать даже что онъ вообще не былъ приго-

товлемъ къ перемѣнѣ происшедшей въ его положеніи, когда онъ изъ уѣзднаго канцелярскаго чиновника сдѣлался заглавнымъ петербургскимъ литераторомъ. Одинъ фактъ нахо-
димый въ біографическомъ очеркѣ г. Успенскаго заставляетъ полагать что и въ Петербургѣ, при обстановкѣ неизмѣримо лучшей, Рѣшетниковъ сохранилъ многое что напоминало въ немъ человека жестоко обойденнаго судьбой, напоминало его прежнюю, темную жизнь. Фактъ этотъ такого рода. Между бумагами оставшимися послѣ смерти Рѣшетникова, сохранилось прошеніе къ Петербургскому оберъ-полицеймейстеру. „Въ прошеніи этомъ, передаетъ біографъ, Рѣшетниковъ разсказываетъ слѣдующее: Вздумалось ему однажды пойти въ концертъ; прочитавъ афишу и не замѣтивъ что она вчерашняя, старая, онъ отправился въ Дворянское Собраніе, гдѣ вѣроятно въ это время происходило уже что-нибудь другое. Городовой не пустилъ Ѳ. М. въ подъѣздъ; онъ пошелъ въ другой, и тамъ не пустили, „прогнали прочь“, по собственному его выраженію. Ѳ. М. разсердился и отвѣтилъ; на него прикрикнули: — куда ты лѣзешь? кто ты такой? „Мастеровой!“ отвѣчалъ Ѳ. М. Результатомъ такого отвѣта было то что Рѣшетниковъ почевалъ въ части, откуда вышелъ избитый, безъ денегъ и кодыца. „Довожу объ этомъ до свѣдѣнія вашего превосходительства, писалъ онъ въ прошеніи. Я ничего не ищу. Я только объ одномъ осмѣливаюсь утруждать васъ, чтобы пристава, квартальные, ихъ подчаски и городовые не били народъ. Этому „народу“ и такъ придется много получить всякой всячины.“

Рѣшетниковъ вступилъ въ литературу безъ сомнѣнія съ большимъ запасомъ знанія народнаго быта. Суровая школа которую прошелъ онъ въ дѣтствѣ и въ ранней молодости ставила его лицомъ къ лицу съ нищетою, голодомъ, дикостью и злобой. Но знаніе пріобрѣтенное имъ этимъ путемъ было слишкомъ непосредственное, опытное; для того чтобы переработать его въ литературный матеріалъ, ему необходимо было самому отдѣлаться отъ этой жизни, подняться надъ нею, взглянуть на нее какъ на предметъ наблюденія, а не какъ на свое личное, кровное дѣло. Каждый крестьянинъ, мѣщанинъ, фабричный, конечно, до тонкости знаетъ свой бытъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ чтобы каждый изъ нихъ могъ быть хорошимъ повѣствователемъ народной жизни. Для того чтобы этотъ сырой матеріалъ получилъ лите-

атурную дѣйствительность, необходима довольно высокая степень культуры въ самомъ писателѣ. Этой-то культуры недостигало Рѣшетникова, хотя сдѣлавшись писателемъ онъ и старался кое-какъ, путемъ чтенія и общенія съ образованными людьми, восполнить недостатки своего воспитанія. Дѣло это однако настолько трудное что рѣдко удается при тѣхъ неблагоприятныхъ условіяхъ какими былъ окруженъ Рѣшетниковъ. Мысль его прояснилась очень немного: читая его произведенія, даже позднѣйшія, замѣчаешь что онъ остается на уровнѣ той самой жизни которую извѣдалъ личнымъ опытомъ. Поэтому надо замѣтить что самое знаніе народной жизни у Рѣшетникова было очень одностороннее. Настоящій русскій народъ, народъ пахарей, былъ ему, кажется, вовсе неизвѣстенъ. Ближайшее знакомство онъ имѣлъ съ заволожскими инородцами, съ Мордвой, съ Черемисами, Зырянами, съ горнозаводскими бобылями, съ выброшенными изъ духовнаго званія причетниками, почтальйонами, съ мелкими приказными чиновничествомъ, словомъ, съ самыми мутными слоями русскаго населенія. Въ этихъ по преимуществу паразитныхъ особахъ и представлялся ему обликъ русскаго народа. Оттого этотъ обликъ никогда не рисуется у него съ тѣми положительными, глубокими чертами, которыя ему присущи. Можно сказать, не опасаясь власти въ натяжку, что кореннаго русскаго мужика, русскаго крестьянина-пахаря, Рѣшетниковъ вовсе не зналъ и не понималъ, какъ не знаетъ и не понимаетъ его вообще вся новѣйшая литература отрицательнаго направленія. Духъ русскаго народа совершенно неуловимъ въ произведеніяхъ Рѣшетникова и не вѣетъ надъ ними. Оттого, несмотря на постоянно, настойчиво звучащую въ нихъ ноту любви къ народу, читатель чувствуетъ что вмѣсто народа ему подсовываютъ что-то другое — какое-то летучее, паразитное наслоеніе, далеко не заключающее въ себѣ тѣхъ здоровыхъ элементовъ которыми живетъ настоящій народъ. Къ этому летучему слою, плавающему на поверхности народной жизни, и обращены всѣ симпатіи „новой литературы“, тогда какъ дѣйствительное русло этой жизни остается постоянно въ сторонѣ отъ ея наблюденія и пониманія. Даже болѣе: дѣйствительная, настоящая жизнь, на верху и внизу, является какъ бы предметомъ озлобленія этой литературы...

Если мы позволимъ себѣ выразиться выше что перемѣна

обстановки, общеніе съ людьми болѣе или менѣе образованными, литературный успѣхъ, что все это очень мало отразилось на умственныхъ силахъ Рѣшетникова, мы имѣли въ виду подтвердить высказанное нами ссылкою на произведенія этого писателя. Съ такою цѣлью мы прежде всего обратимся къ повѣсти *Между людьми*, представляющей для насъ особенный интересъ потому что изображаемая въ ней среда преимущественно близка автору. То что разказываетъ Рѣшетниковъ въ этой повѣсти, напоминаетъ весьма часто факты и условія его собственной жизни. Интересно слѣдовательно посмотрѣть какъ взглянулъ на эту жизнь Рѣшетниковъ, уже отдѣлившись отъ нея, уже не какъ воспитанникъ сортировщика уѣздной почтовой конторы, среди площадной брани и подзатыльниковъ строчащій свою „черную немочь“, а какъ прославленный петербургскій литераторъ, положеніе котораго предполагается на самой вершинѣ отечественной интеллигенціи.

Авторъ начинаетъ съ того что ему „нравится ходить въ кабаки, какихъ въ Петербургѣ много“ и въ какіе, по его мнѣнію, ходитъ каждый петербургскій житель. „Пѣсни и пляски рабочихъ и мелкихъ торгашей слышались даже на улицѣ, поэтому легко себѣ представить читателю что значить пѣсни и пляски въ самомъ трактирѣ, а это знаетъ, я думаю, каждый житель Петербурга“. Въ этомъ-то кабацкѣ, за однимъ столомъ съ авторомъ оказался собесѣдникъ обратившій на себя его вниманіе. „Первое что бросается въ глаза, описываетъ авторъ, это растрепанные волосы, блѣдное лицо, разбитая бровь. Надѣто на немъ суконное пальто, грязное, продранное въ разныхъ мѣстахъ, изобличающее его въ томъ что онъ или драться любитъ, или его бьютъ. Пальтомъ онъ не закрывается; поэтому полы пальто лежатъ на полу и видится грязная холщевая рубаха и сѣрые тиковыя коротенькія брюки; на ногахъ что-то въ родѣ калошъ.“ Господинъ этотъ обращается къ автору съ просьбой:

„— Одолжите мнѣ, если есть, палировку.“

Авторъ даетъ и незнакомецъ обращается къ нему съ дальнѣйшимъ разговоромъ:

„— Не повѣрите ли какъ хорошо здѣсь.

„— Почему?

„— Народъ хорошій. Славный народъ. Выпьемте.“

Къ незнакомцу подходитъ полупьяный мужчина въ красной рубахѣ и ударивъ его по плечу говоритъ:

— Петька! спой „возлѣ рѣчки“.

Тотъ, поломавшись, соглашается. Поетъ онъ хорошо „какъ будто бы онъ былъ въ пѣвчихъ“. Спустя нѣкоторое время авторъ находитъ его въ Обуховской больницѣ уже мертвымъ. Умеръ онъ отъ безмѣрнаго пьянства. Послѣ него осталась тетрадка съ его автобіографіей, которую авторъ и предлагаетъ читателямъ.

Въ автобіографіи этого Петьки, какъ мы уже сказали, есть много извѣстнаго намъ изъ статьи г. Глѣба Успенскаго о жизни Рѣшетникова. Поэтому мы можемъ главное содержаніе ея передать вкратцѣ. Петька былъ сынъ дьячка, перешедшаго потомъ въ почталыоны. Отецъ такъ пьянствовалъ что не могъ держать сына при себѣ; мать умерла чрезъ девять мѣсяцевъ послѣ рожденія ребенка, и Петьку взялъ на воспитаніе дядя, служившій также по почтовой части. Слѣдуютъ извѣстныя намъ подробности *Священной Истории*, которую Петька забрасываетъ въ печьку, о картинкѣ разорванной имъ полозямъ, о свирѣломъ битвѣ за всѣ эти проказы и пр. На почтовомъ дворѣ жило множество семействъ. „Мнѣ правилось, рассказываетъ Петька, тереться у какой-нибудь семьи. А правилось потому что я выглядывалъ тамъ нѣтъ ли хорошихъ картинокъ, хорошихъ книгъ съ картинками; мнѣ нравились платья, мебель и пр., и быть тамъ казалось веселѣе. Увижу мѣдныя деньги, непременно стану гривну или копѣйку. Если деньги были считаны, то жаловались теткѣ что я укралъ; я запирался; тетка говорила что на меня говорить напрасно. Если кто ругалъ меня или обижалъ, я самъ тому мстилъ такимъ образомъ: однажды на только что развѣшанномъ во дворѣ для сушенія бѣльѣ я начертилъ углемъ косые кресты, меня замѣтила одна женщина и привела къ теткѣ за уши. Когда мнѣ задали за это хорошую баню, я придумалъ новое средство къ своей мести: нашелъ во дворѣ подохлаю кошку, принадлежавшую этой женщинѣ, и бросилъ ее въ кадку съ водой, принадлежавшую этой же женщинѣ. Подумали на меня; меня отодрали и пожаловались почтмейстеру что отъ меня никому нѣтъ покоя. Почтмейстеръ сдѣлалъ выговоръ дядѣ. Послѣ этого мнѣ такъ правилось злить почтовыхъ женщинъ что я почти каждый день придумывалъ какую-нибудь штуку. И больно нравились мнѣ

мои штуки, и больно мнѣ приходилось за нихъ. Лишь только отдеруть меня, я сажусь куда-нибудь въ уголъ и думаю: что бы мнѣ такое сдѣлать, да такъ чтобы не узналъ никто? Стоить въ корридорѣ чей-нибудь самоваръ. Самоваръ шумитъ. Я вытащу изъ него кранъ и заброшу куда-нибудь, а самъ спрячусь дома.“

Петьку отдали въ бурсу, гдѣ начальство драго его за лѣвъ, а товарищи за кражу булокъ и лепешекъ. Слѣдуетъ разказать о двухъ побѣгахъ изъ бурсы, шатаньи по селамъ и заводамъ, нищенствѣ и пр. Петьку приводятъ домой, гдѣ онъ въ теченіи дѣлаго года сидитъ въ углу за дверью. Опускаемъ подробности о первой встрѣчѣ Петьки съ отцомъ, о поступленіи его въ уѣздное училище, о кражѣ газетъ и пакетовъ съ почты, о томъ какъ за это онъ два года пробылъ подъ судомъ, былъ сосланъ въ монастырь и пр. Самые факты уже извѣстны намъ изъ статьи г. Успенскаго. Гораздо любопытнѣе взглянуть на тѣ попытки самоопредѣленія, самосознанія и анализа, которыя дѣлаетъ Петька: онъ всего лучше объясняетъ намъ отношенія самого автора къ изображаемой имъ средѣ и тѣ воззрѣнія которыя онъ вынесъ изъ своего собственнаго жизненнаго опыта. „Мнѣ никто не нравился въ губернскомъ городѣ, говоритъ герой повѣсти *Между людьми*, вѣроятно потому что о жителяхъ его разсуждали мои воспитатели, родня и знакомые очень худо. Аристократію дядя ненавидѣлъ и ругалъ ее при встрѣчѣ почти что вслухъ. Смотря на него не любилъ аристократію и я. Дядя говорилъ что въ уѣздномъ судѣ и въ прочихъ мѣстахъ берутъ взятки, этому вѣрилъ и я, вѣрилъ потому что все говорили такъ. О своей конторѣ (почтовой) я думалъ что это самое лучшее мѣсто гдѣ только можно служить. Я видѣлъ что все сколько ни есть въ городѣ людей, не могутъ обойтись безъ почты, все ходятъ отправлять и получать корреспонденцію, значить почитаютъ почту, и я гордился почтой, дядей, почтмейстеромъ, который ругалъ въ глаза даже равныхъ ему. Я видѣлъ что когда шелъ губернаторъ или какой-нибудь предсѣдатель, народъ сторонился, и этотъ же народъ не одобрялъ ихъ; я видѣлъ также что все эти важные люди ѣздили въ каретахъ, приказывали брать въ часть пьяныхъ, распекали на улицахъ бѣдныхъ людей; я видѣлъ что эти люди выжидали, гордо говорили съ людьми ниже ихъ положеніемъ въ обществѣ, и какъ обѣгали ихъ тѣ которые небогате

одѣвались. Я и товарищи мои по училищу всячески старались передразнить ихъ... Мнѣ досадно было что товарищи наперерывъ разказываютъ городскіе скандалы, а мнѣ нечего было разказывать изъ почтового быта... Мнѣ часто случалось съ людьми заглядывать въ окна Дворянскаго Соборнаго, несмотря на то что насъ гнали прочь казаки палками. Мы смотрѣли изъ любопытства, какъ тамъ стилизовались, и это перенимали, стараясь также отплясывать на улицахъ или гдѣ-нибудь на вечеркахъ. Я даже заходилъ въ самое Собрание, но меня всегда гнали прочь кулаками, и мнѣ больно было завидно что есть счастливчики, равные мнѣ по годамъ, которые удостоиваются быть тамъ, и этихъ счастливчиковъ какъ я такъ и товарищи мои не любили до того что не давали имъ прохода по городу. Попадется напримѣръ барищъ, я ему языкъ высуну. Онъ обидится, я толкну его; онъ обзоветъ меня подлецомъ, я шапку съ него сброшу и убѣгу. Конечно, это дѣлалось одинъ на одинъ, или толпа нашего брата нападала на толпу барищей и тогда завязывались драка, за которую насъ жестоко пороли... Я ходилъ въ училище четыре года, и въ это время ровно ничего не понималъ изъ задаваемыхъ уроковъ, да и мнѣ самому не до уроковъ было. Въ классѣ я сидѣлъ просто для своего удовольствія. Меня не драли, потому что я старался выслужиться предъ учителями и смотрителемъ тѣмъ что замѣнялъ имъ сторожа: приносилъ имъ письма, пакеты и сдавалъ ихъ корреспонденцію... Я постоянно мечталъ о себѣ много: лежу я, мнѣ хочется написать хорошее; во снѣ я бредилъ хорошими знакомствами; шелъ куда-нибудь, я воображалъ себя сочинителемъ; на службѣ ненавидѣлъ служащихъ и думалъ: погодите, будете вы бояться меня...

Нѣтъ надобности останавливаться надъ этими строками: некрасивая подкладка подобныхъ изліяній чувствуется сама собою. Петька недоволенъ дѣйствительностью среди которой поставила его судьба; его мысль напрягается чтобы выразить какой-то смутный протестъ. Но это недовольство, этотъ протестъ исходятъ не изъ потребности собственнаго совершенствованія, не изъ желанія стать лучше, чѣмъ его сдѣлали воспитаніе и обстановка. Совсѣмъ напротивъ: Петька досадуетъ что надъ нимъ есть какая-то другая жизнь, болѣе заманчивая, болѣе удобная для счастливцевъ которые ею пользуются. Ему досадно что есть какіе-то избранные,

живущіе, думающіе и чувствующіе иначе, чѣмъ обитатели почтового двора. Онъ не сознаетъ что къ этой жизни есть доступъ путемъ ученья, труда; даже та скромная доза образованья которая предлагается ему уѣзднымъ училищемъ для него и непонятна, и противна. Ему хотѣлось бы разомъ, однимъ прыжкомъ подняться на самую верхушку — сдѣлаться, едва разумѣя грамотѣ, „знаменитымъ сочинителемъ“. Какія права имѣетъ онъ на то? что повѣдаетъ онъ міру съ этой высоты, на которую стремится? Подобные вопросы конечно не беспокоютъ его: сидя въ своемъ темномъ углу, онъ увѣренъ что изъ этой щели долженъ пролиться свѣтъ на всю вселенную, что для человечества нѣтъ ничего важнѣе, ничего любопытнѣе этого темнаго угла.

Вторая половина повѣсти *Между людьми* посвящена похождениямъ Петьки въ Петербургѣ. Продолжается все та же исторія нравственной и матеріальной нищеты, того же безпомощнаго блужданія въ потемкахъ. Сумракъ даже болѣе и болѣе сгущается вокругъ и внутри этого злосчастнаго скитальца, по мѣрѣ того какъ судьба приводитъ его въ соприкосновеніе съ той самой жизнью къ которой онъ стремился изъ своего захолустья. Въ департаментѣ смѣются надъ его безграмотностью; въ редакціи газеты для которой онъ пишетъ (этого рода дѣятельности, какъ извѣстно, у насъ безграмотность мало препятствуетъ) ему не платятъ гонорара. Изъ службы его скоро выгоняютъ, онъ остается безъ всякихъ средствъ, шляется по кабакамъ и торгуетъ на толкучкѣ старыми сапогами. Въ такомъ положеніи онъ адресуетъ къ редактору газеты слѣдующее письмо:

„Вы довели меня до нищеты, но я еще не нищій; я честнѣе васъ, потому что я достаю себѣ теплый уголь и хлѣбъ такимъ трудомъ надъ которымъ вы въ вашей ларшивой газетѣ смѣетесь. Идите на плацъ и увидите вашего сотрудника съ сапогами и сюртуками, кричащаго: сапоги хороши! Сапоговъ купи, господинъ редакторъ! Спросите Петьку Кузьмина. Его всѣ знаютъ. Онъ по вашей милости пьяницей сдѣлался.

„Какъ-то я прочиталъ одинъ номеръ вашей ларшивой газеты, и позвольте васъ спросить: какое направленіе у вашей плюговой газеты, какія вы идеи проводите? Въ одномъ мѣстѣ кто-то пишетъ что вотъ это бы хорошо сдѣлать для цивилизаціи нашего отечества, въ другомъ вы отвергаете

эту пользу, въ третьемъ говорите чортъ знаетъ о чемъ... Вы думаете, я ничего не понимаю? Эхъ вы, цивилизація парикмахерская. Ну, чего вамъ нужно? Кому вы навязываете свои нефтяныя мыслишки, пролитыя гнилью... Вы для денегъ завели газету, славу себѣ хотите стяжать... Чѣмъ? А что говорить народъ (?) про вашу газету — даже мы, простые бѣдные люди, о которыхъ вы пишете въ газетѣ какъ о мошенникахъ и которыхъ вы стремитесь искоренить, сами не зная гдѣ зло, откуда оно заводится?

„Мнѣ стыдно что я писалъ у васъ“ и пр.

Хотя смыслъ повѣсти для насъ уже достаточно выяснился раньше, но это письмо Петьки къ редактору газеты не оставляетъ никакихъ сомнѣній на счетъ того что хотѣлъ сказать авторъ этимъ произведеніемъ. Очевидно, его отношенія къ своему герою вполне положительны. Петька привлекаетъ къ себѣ его симпатію не только своей злосчастною судьбой, но и той формой развитія которую раскрываетъ въ немъ авторъ. Его идеи — если позволительно употребить здѣсь такое слово — очевидно представляются Рѣшетникову гораздо выше и человѣчнѣе какой-то „парикмахерской цивилизаціи“, проповѣдуемой непріятною газетою. Не надо спрашивать что за идеи развившіяся въ темнотѣ, въ которой безпомощно напрягается мысль Петьки; мы уже знаемъ ихъ. Это протестъ темныхъ закоулковъ жизни противъ окружающей дѣйствительности, на которую свѣтитъ солнце.

Мы остановились на повѣсти *Между людьми*, потому что она изображаетъ жизнь которой принадлежалъ Рѣшетниковъ, опредѣляетъ кругъ идей въ которомъ онъ вращался до котораго онъ „доразвился“. Но литературная репутація его основана не на этомъ произведеніи, а на этнографическомъ этюдѣ *Подлиповцы*, стяжавшемъ ему славу реальнаго изобразителя „трезвой правды“ и знатока народной жизни. Объ этомъ произведеніи здѣсь необходимо сказать нѣсколько словъ и представить изъ него кое-какія выдержки.

Для того кто, не читая *Подлиповцевъ*, привыкъ соединять съ заглавіемъ этого очерка понятіе о чемъ-то *народномъ*, о произведеніи съ замѣчательною правдивостью изображеніемъ самыя типическія черты нравовъ, обычаевъ и быта русскаго простолюдина — для того будетъ новостью узнать что въ этомъ произведеніи русскій простолюдинъ вовсе не выступаетъ на сцену. Герои его въ той же мѣрѣ русскіе люди

въ какой это названіе приличествуетъ Самоѣдамъ, прѣзжающимъ зимой съ оленями въ Петербургъ, или оренбургскимъ Башкирамъ. Они не русскаго происхожденія, говорятъ не русскимъ языкомъ; и если считаются православными, то только потому что такъ значится въ метрикахъ и въ ревизскихъ сказкахъ. „Сколько священникъ ни толковалъ имъ о Богѣ, они ничего не могли понять; хотя имѣли образа, но прятали ихъ подъ лавки, и вынимали когда являлся священникъ; окрестившись, они изъ боязни стали отдавать крестить дѣтей; вѣнчались сначала по-своему, потомъ ѣхали въ село къ попу, везли къ нему покойниковъ... Ничего бы этого они не дѣлали, да священникъ становымъ ихъ пугалъ“... „Замкнулись въ своей деревнѣ и живутъ по-своему, какъ живетъ; вѣдь растеть же дерево, растутъ же лошади и коровы.... Знаютъ Подлиповцы что безъ жены неловко; надо бабѣ — и живутъ съ бабами... У нихъ своя любовь; играли вмѣстѣ, вмѣстѣ росли, вмѣстѣ и жить надо. Такъ и дѣлается въ Подлипной. Досадно имъ, зачѣмъ это дѣти рождаются отъ нихъ, и съ маленькими дѣтьми обращаются какъ люди съ котятами.“ Герой повѣсти, Пила, былъ самый развитой человѣкъ во всей мѣстности. „Онъ одинъ изъ Подлиповцевъ понималъ что ничего не дѣлая жить нельзя.“ Далѣе кажется не простиралось его развитіе, насколько можно судить по крайней мѣрѣ изъ слѣдующаго факта: „Онъ увидалъ въ городѣ крестьянина съ травами. Пила не понималъ для чего крестьянинъ травы продаетъ. — Это што? спросилъ Пила крестьянина.—Это лѣкарствіе. Слово „лѣкарство“ было для Пилы новостью; ему показалось что это что-то басное. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ собирать травы и давать ихъ больнымъ въ деревнѣ. „Больной ѣлъ, и ему становилось либо лучше, либо хуже, и все-таки всѣ просили у Пилы травы.“ Читатель замѣчаетъ что здѣсь самый развитой между Подлиповцами человѣкъ является уже на значительно низшемъ уровнѣ чѣмъ лѣсные звѣри и птицы, потому что тѣ, какъ извѣстно, понимаютъ цѣлебное свойство травъ и умѣютъ находить ихъ. „Священникъ требовалъ, продолжаетъ авторъ, чтобы крестьяне непременно крестили дѣтей, везли въ село умершихъ, вѣнчались; первое Подлиповцы не исполняли до тѣхъ поръ пока священникъ не прѣзжалъ самъ за сборомъ; за умершихъ они боялись и везли всѣ покойника въ село; свадьбы вѣнчались рѣдко: Подлиповцы ждали до тѣхъ поръ

пока опять не придетъ священникъ за сборомъ; а какъ приѣхалъ—бѣда: возить съ собой штуку какую-то (метрическую книгу) и давай считать да пугать—бѣда!“ Семейныхъ отношеній у Подлиповцевъ разумеется никакихъ. Авторъ намекаетъ что Пила прижилъ отъ своей дочери Апроськи ребенка, а теперь Апроська опять должна скоро родить, и отецъ зналъ что ребенокъ будетъ отъ его друга Сысойки. Старшаго сына, Ивана, Пила посылалъ къ Агашкѣ: „дубина ты, какъ я погляжу, не знаешь што баско... Пора тебѣ съ бабой жить.—А пошто!—Дурень ты! говорятъ, будетъ баско Ивану казалось смѣшно, онъ чего-то пугался, однако скоро уже постоянно ходилъ къ Агашкѣ. Эта любовь продолжалась полгода: Павелъ узналъ отъ брата что съ дѣвкой жить хорошо, тоже нашелъ себѣ дѣвку.“ У Сысойки сумасшедшая мать и маленькіе братъ и сестра, Петръ да Пашка. Нищета у нихъ полная, такъ какъ Сысойка умѣетъ только лапти плести, и живетъ подачками Пилы. Ему хотѣлось бы переселиться къ Пилѣ въ избу: „съ Апроськой баско, Пила хлѣбъ носить“, думаетъ онъ, но Пила не соглашается: изба маленькая, гдѣ помѣститъ Сысойку со старухой и ребятами? Вотъ, когда тѣ помрутъ, тогда можно. „Ужъ померли бы скорѣе, пользы-то отъ нихъ нѣтъ, только мука одна, думалъ про себя Пила и сообщалъ объ этомъ Апроськѣ и Сысойкѣ, которые съ своей стороны тоже соглашались въ этомъ мнѣніи съ Пилой; и стали ждать да ждать чтобы тѣ умерли.“ Ждать имъ пришлось не долго. Разъ собрался Пила топить у Сысойки печь. Дѣти лежали въ печи, нагѣе. „Эй вы, дѣшніе! выльзайте! спалю тажно“, закричалъ Пила.

Изъ печки не слышно было ни голоса, ни движенія.

Пила потащилъ изъ печки за ногу мальчика. Мальчикъ былъ мертвый.

„— Ишь ты! сказалъ Пила и сталъ щупать мальчика.— Померъ.

„— Кто? спросилъ Сысойка.

„— Парень.

„— Ну и ладно. А дѣвка-то? спросилъ Сысойка и высунулъ голову съ полатей.“

Пила вытащилъ за ногу и дѣвушку. Она была мертвая. Лѣвый високъ ея былъ чѣмъ-то проломленъ; лица ея незаметно было: все оно залеклось отъ крови и на немъ засохъ мусоръ отъ печки.

„— Сысойка! гл! (смотри).

Сысойка плохо видѣлъ съ полатей.

„— А што, померла?

„— Сдѣлѣ ты, што ли? Гляди, убита!

„— Вре?!

„Пила положилъ мальчику и дѣвушку на лавку, и долго смотрѣлъ на нихъ жалобно.

„— Слышь, Сысойка? Ты убилъ дѣву-то?

„— А пошто?

„— Право ты?

„— Цудело ты, Пила! Што я, медвѣдь што ли, экъ ты... Сысойка не сталъ и говорить больше, а спряталъ голову въ полушубокъ.“

Пила осмотрѣлъ внутренность печки и догадался что дѣвчонку убило отвалившимся камнемъ.—„Вотъ, Сысойка, и померли ребята!“ проговорилъ онъ.

„— Померли. Теперь я къ тебѣ пойду.

„— А мать?

„— Помереть.

Пила сердился что ребятъ опасно зарыть прямо въ лѣсу, а надо везти въ село къ священнику.

„— Ты не вози, сказалъ Сысойка.

„— Ишь ты! Какъ найдетъ — лучше будетъ? Нѣтъ ужъ свезу.“

Такова „трезвая правда“ о русскомъ народѣ повѣствуемая Рѣшетниковымъ. Мы съ намѣреніемъ привели здѣсь эту сцену, такъ какъ большинство нашей читающей публики знакомо съ произведеніями Рѣшетникова лишь по наслышкѣ, и вводимое въ заблужденіе журнальною критикой, предполагаетъ въ нихъ чрезвычайную простоту, правдивость и непосредственность изображеній. Въ приведенномъ отрывкѣ, напротивъ, все придумано и сочинено ради заранее предположенной цѣли — представить жизнь русскаго простолюдина (насколько Подлиповцы русскіе люди, предоставляемъ судить читателю) въ невообразимо скотской обстановкѣ, а самихъ крестьянъ русскихъ — на той степени развитія на которой человѣкъ почти ничѣмъ не отличается отъ животнаго. Какъ ни мало вѣроятною можетъ показаться жизнь изображаемая въ только-что приведенной сценѣ, эта сцена не самая „яркая“ въ *Подлиповцахъ*. Авторъ заставляетъ Пилу и Сысойку хоронить Апроську, которую

они считаютъ умершею, хотя она только впала въ оцѣпленіе. Оба Подлиповца присутствуютъ при отпѣваніи.

„Пилу и прежде и теперь одно занимало: зачѣмъ это священникъ какою-то штукой съ дымомъ такимъ баскимъ машетъ? Это занимало и дѣтей его, и Сысойку.

„— Батшко, ты не хлестай Апроську-то, сказалъ Пила.

„Священникъ молчалъ.

„— Право брось! Ишшо вырвется....

„.... Сысойка просилъ еще посмотрѣть на Апроську, а Пила хочетъ закрыть гробъ и увязать веревкой.

„— Пила, я ошшо погляжу!

„— Ишшо не наглядѣлся!

„— Пила, я Апроськѣ носъ откушу!

„— А это вишь? Пила показалъ Сысойкѣ кулакъ.

„— Пра, откушу!

„— Не тронь!

„— Да?!

„Сысойка расцапался съ Пилой. Дьячокъ и сторожъ вы проводили Подлиповцевъ изъ церкви, и съ двумя крестьянами вытащили гробъ за улицу.“

Насколько все это возможно въ дѣйствительности, хотя бы эту дѣйствительность мы искали на самомъ глухомъ инородческомъ сѣверѣ Пермской губерніи, гдѣ авторъ помѣщаетъ деревню Подлинную—мы судить не беремся. Но вотъ что мы считаемъ безусловно невозможнымъ. Несмотря на то что въ трехъ верстахъ отъ Подлинной была рѣчка, куда изъ деревни ходили купаться, авторъ заставляетъ Подлиповцевъ не понимать что такое рѣчное теченіе и даже просто рѣка.

„— Это што? спросилъ Пила, указывая на большое пространство занимаемое рѣкой.

„— Это рѣка Кама.

„— Вре!“

Когда прошелъ ледъ и первая барка поплыла по теченію, „Подлиповцы ротъ разинули“. Поплыли и остальные барки. „Пила и Сысойка стояли посредиѣ коломенки, ничего не понимая. — Сысойка! сказалъ Пила съ боязнію, и вцѣпилъ въ полу Сысойкина полшубка.—Боюсь, отвѣтилъ Сысойка.“

„Бурлаки сидятъ и удивляются что они плывутъ; впереди и позади тоже барки плывутъ. Много ихъ пущено. Сидятъ они, смотрятъ на деревья и дивуются: ровно коломенка-то

стоятъ, только деревья бѣгутъ, вонъ и камни бѣгутъ, и мужикъ какой-то бѣжитъ. Чудно! Ничего не поймешь!”

Сыновья Пилы, поставленные на барку къ водолызу, тоже изумляются.

— Диво! Пошто это барка-то бѣжитъ? Вѣдь ее никто не везетъ?

— То-то и есть.

„Ребята старались сами узнать, почему это такъ? Спросить некого. Они знали что бурлаковъ не стоить спрашивать. Вотъ они разъ бросили съ барки доску, доска поплыла; бросили камень, камень утонулъ. Спустили шестъ на воду, шестъ потянуло къ низу, и они никакъ не могли удержать его.—Эка сила!—Вотъ поэтому и тащитъ насъ.—А мы попробуемъ, зайдемъ въ рѣку—поплывемъ али нѣтъ?“

Такихъ обращиковъ множество въ повѣсти *Подлиповцы*. Представителю „трезвой правды“ въ новой нашей беллетристикѣ вѣроятно казалось что если Ньютонъ допытывался почему яблоко падаетъ книзу, а не кверху, то бурлакамъ и подавно простительно изумляться почему барки плывутъ по теченію. Впрочемъ наврядъ ли онъ зналъ о Ньютонѣ.

Подобрать цѣлый рядъ куріозовъ въ томъ же родѣ было бы весьма не трудно. Однѣ тѣ страницы гдѣ описываются похождения Подлиповцевъ въ губерльскомъ городѣ могли бы доставать намъ обильный запасъ диковинокъ. Тамъ наприпримѣръ Пила, встрѣтивъ молодаго дьякона въ шелковой рясѣ, „долго смотрѣлъ на него, разсуждая кто это; ему казалось что это женщина, и онъ хотѣлъ догнать дьякона, по-смотрѣть на него, да товарищи отговорили“. Къ сожалѣнію, всѣ куріозы у Рѣшетникова похожи одинъ на другой, и приведенныхъ обращиковъ совершенно достаточно чтобы читатель могъ судить насколько *Подлиповцы* изображаютъ русскій народъ, и сколько во всемъ этомъ тенденціозномъ балагурствѣ трезвой правды.

Впрочемъ у Рѣшетникова есть разказъ каррикатурностью вымысла далеко превосходящій *Подлиповцевъ*. Авторъ самъ счелъ необходимымъ объяснить въ началѣ его такимъ образомъ: „Я знаю что всякій изъ васъ скажетъ что этотъ разказъ небывальщина, и въ настоящее время пошлая вещь; но я васъ предупреждаю: многіе изъ васъ такихъ людей можетъ-быть не видали; да и по одной наружности нельзя судить о человѣкѣ.“ Хотя мудрено понять что именно хотѣлъ

сказать авторъ этими путанными фразами, однако одно ясно, что онъ сильно опасался за правдоподобность своего разказа. И было чего опасаться. Разказъ называется *Никола Знаменскій*. Въ немъ повѣствуется объ одномъ сельскомъ священникѣ, въ одной сѣверной губерніи, населенной Черемисами, Тептерями и пр. Священникъ этотъ нигдѣ не учился и почти совсѣмъ не умѣлъ читать. Былъ онъ дячкомъ, но вдругъ вызвали его къ архіерею—въ попы ставить. Пріѣхавъ онъ въ городъ, спросилъ какъ къ владыкѣ пройти. „Поди, бають, къ набольшему дякону, — разказываетъ самъ Никола, и дорогу показали. Я пошелъ. Сердитый такой, хайло у у него побольше моего... „Што, баеть, тебѣ?“—Я баю, баю, Никола Знаменскій. — „Кто?“ спрашиваетъ. Кое-какъ растолковались.... „Отчево, баеть, ты безъ рясы?“ (авторъ вѣроятно позабылъ что Никола еще дячокъ.) Я баю: а пошто ряса? Онъ какъ закричить; я ему хотѣлъ было дать масла, такъ не беретъ: „Мы, баеть, эту дрянь не беремъ, намъ, баеть, дѣвать ее некуда. Давишь деньги“. Ну, далъ я ему десять рублей—и спасибо не сказалъ. „Ну, баеть, я иду къ самому владыкѣ, айда со мной!“ На другой день его ставили въ соборѣ въ дяконы. „Вотъ молодые дякона, повѣствуетъ самъ Никола, што архіерея одѣвали, повели меня грѣшнаго человѣка на средину церкви, да сперва одинъ, а потомъ другой, и давай толкать меня въ шею. Я смотрю на нихъ и дивлюсь, а они зовутъ меня въ алтарь. Ну, какъ я пойду, когды въ большія двери полы ходять? а большой дяконъ стоитъ въ большихъ дверяхъ и машетъ меня. Ну, перекрестился и пошелъ.... Не оглядѣлся я, какъ большой дяконъ подвелъ меня къ архіерею, а онъ сидитъ. Ничего потомъ не помню окромя того какъ вдругъ большой дяконъ рявкнетъ: ахъ-ти вошь! Ну я, братъ, больно испугался. А штучки-то эти у меня таки водились. Помню еще что волоса мнѣ стриган; ну да это куда ни шло. Послѣ обѣдни владыко бранилъ, бранилъ меня, и все-таки обѣщалъ завтра попомъ сдѣлать, а отъ большого дякона просто покою не было.... На другой день меня съ дяконами поставили, ектенію заставляли сказывать. Спасибо дяконъ, што рядомъ со мной стоялъ, сказалъ, да и пѣвчіе скоро пѣли.... Не легко, братецъ ты мой, попомъ сдѣлался.... Послѣ этого меня двѣ недѣли учили, да плохо я понималъ. Маялись, маялись и послали домой.“

Водворившись въ своемъ приходѣ, Никола сталъ звать крестьянъ въ церковь. „Я пѣть стану. Баско слою, какъ у наибольшаго лопы поютъ“.

Церковь была полна, Никола читалъ громко, пропуская то чего не могъ разобрать. Когда онъ кланялся народу или кадиль, то кто-нибудь кричалъ:

— А мнѣ што не кланяешься?

— Погоди, и тебѣ будетъ. Не всяко лыко въ строку, отвѣчалъ попъ.

Никола не зналъ ни когда постъ, ни когда праздникъ, и справлялся объ этомъ въ городѣ у сестры Матрены. „А Петро-Павла скоро?“ спросить бывало у нея. Еще недѣля. „А теперь што?“ Постъ. „А я ужъ отгулялъ Петро-Павла“.

Пріѣхавъ къ нему новый благочинный и спрашиваетъ:

„— Я слышалъ што ты сегодня обѣдаю не служилъ?“

„— Я-то?... А пошто ее служить-то? Развѣ праздникъ какой?“

„— А ты развѣ не знаешь этого?“

„— А почему мнѣ знать-то.... Вонъ я вчера изъ лѣсу пришелъ съ Сергурькой. Мелвѣдѣвъ-то новѣ маловато, а рабковъ да глухарей это благодать.“

„— Ты сгубилъ? Развѣ дозволено священнику проливать кровь?“

„— Эко слово сказать! Да я всегды этимъ занимаюсь, потому кору бы глодавъ. Зачѣмъ! А ты батшко благочинный, залѣзай въ избу-то, я те ливкомъ лопощую да глухарей дамъ.“

Какъ ни мало знаемъ мы о глухихъ захолустяхъ нашего дальняго Сѣвера, все-таки ни одинъ читатель не можетъ принять подобныхъ разказовъ иначе какъ за шутку, не особенно замысловатую и не совсѣмъ умѣстную. Въ литературѣ допускаются даже каррикатурныя преувеличенія, но у Рѣшетникова эти преувеличенія отличаются поразительнымъ отсутствіемъ остроумія и юмора. Все что мы успѣли привести на этихъ страницахъ, нисколько не смѣшно; да Рѣшетниковъ кажется и не имѣлъ въ виду разсмѣшить читателя. У него просвѣчиваетъ какъ бы единственная мысль, единственное стараніе, представить всякое лицо или явленіе изображаемой имъ дѣйствительности въ такомъ опаскуженномъ видѣ, чтобы читателю самому сдѣлалось гадко. Эта фатальная потребность обнаруживается у него даже тамъ гдѣ изображаемый имъ предметъ всегды очень хорошо извѣстенъ,

какъ напимѣръ Петергофскіе сады. Описывая ихъ въ одномъ небольшомъ отрывкѣ, Рѣшетниковъ сумѣлъ представить ихъ, вмѣстѣ съ гуляющею въ нихъ публикой, въ какомъ-то такомъ невозможно гадкомъ видѣ что бывавшіе въ Петергофѣ должны съ удивленіемъ спросить себя: да почему же однако намъ все это никогда не казалось такимъ противнымъ, и никогда мы не видѣли тамъ такой лублики и не слышали такихъ разговоровъ, какіе находимъ у автора?

Здѣсь, конечно, вина лежитъ уже не на недостаткѣ литературнаго дарованія, а на той жизни которая воспитала Рѣшетникова и на его культурномъ уровнѣ.

Читатели, конечно, не потребуютъ отъ насъ чтобы мы дали здѣсь отчетъ о всѣхъ многочисленныхъ произведеніяхъ Рѣшетникова. Сознаемся откровенно, мы не были въ силахъ прочесть и половины ихъ. Да едва ли это и было бы нужно. Рѣшетниковъ принадлежалъ къ числу тѣхъ писателей авторскій горизонтъ которыхъ остается навсегда въ однихъ и тѣхъ же предѣлахъ. Сфера наблюденій его повидимому нисколько не расширилась въ теченіи его литературной карьеры. Переѣздъ въ Петербургъ очень немного помогъ его развитію, потому что и въ Петербургѣ его интересовала и была понятна ему только та же самая среда которую онъ наблюдалъ въ провинціи. *Подминовы* остались до конца лучшимъ его произведеніемъ; за ними по крайней мѣрѣ то преимущество что недостатки автора сказались въ нихъ впервые, не безъ оттѣнка нѣкоторой оригинальности, между тѣмъ какъ въ послѣдующихъ повѣстяхъ и разказахъ Рѣшетниковъ уже явно повторялъ самого себя. Въ послѣднемъ романѣ онъ остается на томъ же самомъ уровнѣ понятій и вкусовъ на которомъ стоялъ при первомъ появленіи въ литературѣ: дѣлѣ Пилы и Сысойки ему очевидно уже нечего было сказать своимъ читателямъ. Даже внѣшніе литературные приемы его ни мало не усовершенствовались, не выработались. Сравнивая его повѣсти съ вышеприведенными отрывками изъ его дневника, нельзя не предположить что первыя являлись въ печати уже значительно выправленными редакціей или литературными пріятелями автора; но даже и послѣ такихъ поправокъ, слогъ Рѣшетникова обнаруживаетъ крайнее незнаніе литературнаго языка и какую-то безпомощную путанность мысли. Даже самыя простыя описанія не удаются ему; они загромождены массою совершенно излишнихъ подробностей

и слова сочѣтаются часто такимъ образомъ что читатель становится въ туликъ. Вотъ, на примѣръ; въ послѣднемъ романѣ *Свой альбъ*, онъ описываетъ старый запустѣлый домъ. „Говорятъ что въ немъ прежде жилъ намѣстникъ (?) города и въ нижнемъ этажѣ помѣщалась городская тюрьма въ которую сажали воровъ и другихъ обвиняемыхъ въ какихъ-нибудь преступленіяхъ людей и изъ другихъ мѣстъ (?)... Въ (?) пустыхъ площадкахъ на полуразвалившихся печахъ и стѣнахъ обитали голуби, галки и вороны, и деревенскіе жители не имѣвшіе въ городѣ пристанища частенько ночевали тамъ“ (на стѣнахъ?)... Захочетъ Рѣшетниковъ описать нарядъ дѣвушки, и вдругъ скажетъ: „подъ платьемъ не было криolina“. Вообще впрочемъ все то что говоритъ авторъ о женщинахъ не изъ мѣщанскаго круга представляетъ сплошной рядъ куріозовъ. Роковое тяготѣніе среды чувствуется здѣсь въ такой степени что становится тяжело и какъ-то стыдно за автора. Вотъ на примѣръ какъ описываетъ Рѣшетниковъ въ упомянутомъ романѣ красивую губернскую львицу: „Волосы у нея густые, но къ нимъ на затылокъ подъ сѣтку она прибавляетъ еще комокъ фальшивыхъ волосъ, для приданія себѣ больше красоты; съ этою же цѣлю она и лицо свое натираетъ мѣломъ... Она часто ужимается губами, какъ бы стараясь этимъ придать себѣ грацію, кокетливо встряхиваетъ головой и постоянно поправляетъ свое платье, оборачивая голову назадъ. Такъ и видна въ ней дама привыкшая бывать въ кругу аристократовъ-поклонниковъ, любящая танцы и вообще женщина желающая всѣмъ понравиться. Какъ женщина выросшая въ губернскомъ городѣ и считающая себя губернской львицей, она съ шикомъ раскланялась съ гостями, подавъ каждому руку“... и т. д.

Читатели могутъ замѣтить что тонъ и стиль этого отрывка довольно близко напоминаютъ приведенныя гораздо ранѣе строки изъ дневника Рѣшетникова о томъ что „по заведенію иностранцевъ открыто у насъ играть въ карты, и этимъ основывается наша публика господъ“... Восемь лѣтъ проведенныя авторомъ въ Петербургѣ, въ званіи первостепеннаго русскаго литератора, очевидно не много помогли его образованію и воспитанію.

Мы остановились на романѣ *Свой альбъ*, потому что это произведеніе, какъ самое послѣднее по времени, должно дать

понятіе о наличности силъ съ которыми Рѣшетниковъ по-кидалъ литературное поприще. Какъ оказывается, эти силы не приумножились противъ того итога съ которымъ онъ вступилъ въ литературу. Скорѣе можно даже сказать что онъ потерпѣли довольно значительный ущербъ. Какъ ни плохо написаны *Подлиповцы*, въ нихъ есть кое-какой свѣ-жій матеріалъ, чувствуется нѣкоторая безпритязательная простота приемовъ; хотя грубая и неуклюжая, но не лишен-ная отбѣлка оригинальности. При невоспитанности нашихъ литературныхъ вкусовъ, при безпринципности нашей крити-ки, эта неуклюжая грубость могла даже быть принята за си-лу. Ничего такого въ романѣ *Свой хлѣбъ* уже не встрѣчает-ся. Хотя среда изображаемая въ этомъ произведеніи—среда мелкаго чиновничества и мѣщанства—близко знакома автору, но романъ сочиненъ по извѣстному рецепту новѣйшей тен-денціозной литературы. Дочь провинціальнаго чиновника не хочетъ жить на счетъ своихъ родителей и поступаетъ шве-ей въ модный магазинъ, чтобы зарабатывать „свой хлѣбъ“. Въ этомъ главное содержаніе романа. Почему такая мысль вспадаетъ на умъ героини, остается загадкою для читателя, такъ какъ героиня повидимому ничѣмъ не возвышается надъ окружающею средой, и какого-нибудь посторонняго вліянія также не испытываетъ. Рѣшетникову очевидно просто зада-ли тему и посоветовали написать романъ въ „современномъ духѣ“. Ради того же „современнаго духа“ авторъ заставилъ свою героиню бѣжать изъ монастыря — обстоятельство ни-чѣмъ не связанное съ остальнымъ разказомъ. Безконечно длинный и скучный романъ этотъ состоитъ изъ утомитель-ныхъ подробностей о прелятствіяхъ и лишеніяхъ претер-пѣваемыхъ героиней въ погонѣ за „своимъ хлѣбомъ“. Пре-лѣтствія и лишенія эти самаго матеріальнаго свойства: то ей ѣсть нечего, то въ коморкѣ у нея холодно и сыро, то башмаки истрепались. Для образца приведемъ одну неболь-шую выдержку. Знакомая старушка дала Дарьѣ Андреевнѣ, героинѣ романа, поѣсть киселя: „Вдругъ Дарья Андреевна взглянула на ложку. Въ ложкѣ оказалось нѣсколько разбух-шихъ таракановъ. Она не могла больше ѣсть.

„— Что же ты умничаешь? Ышь!

„— Тараканы, Ольга Герасимовна!

„— Гдѣ?

„— Въ киселѣ.

„— Не можетъ быть!

„Ольга Герасимовна засутилась, зажгла салъную свѣчку, наставила ее надъ горшкомъ и стала мѣшать въ немъ жидкость ложкой. Въ жидкости оказалось множество таракановъ. Дарью Андреевну передернуло, но Ольга Герасимовна, усмотрѣвъ въ ложкѣ двухъ таракановъ, хладнокровно спустила ихъ назадъ въ горшокъ.

„— Экіе вѣдь право негодяи! киселя захотѣли кушать! Вотъ Господь ихъ и наказаль — подошли. Я то же чувствовала что какъ будто немного кисловато. Испортиться киселю кажется не отъ чего, вчера варила. А вонъ-оно какаля оказія-то. Тыфу! А много ихъ въ горшкѣ-то?

„— Да, столько сколько и ягодъ.

„— Ну, слава Богу! теперь ихъ у меня меньше будетъ. А то недѣлю тому назадъ, такъ въ оба уха по таракану залѣзло. Насилу деревяннымъ масломъ ихъ оттуда выжила. А ты, мать моя, извини меня слѣпую старуху что я тебя такимъ кушаньемъ угостила. И не думай о нихъ, еще тошнить будетъ. Поди вылей воды—все проилетъ.“

Просимъ у читателей извиненія за такую выписку: рецензентъ обязанъ показать самыя характеристическія особенности разбираемаго произведенія, а характеристичнѣ этой исторіи съ тараканами не многое можно найти даже у Рѣшетникова.

Прибавлять что-нибудь къ немалочисленнымъ выдержкамъ сдѣланнымъ нами изъ упомянутого писателя кажется не зачѣмъ. Мы старались показать Рѣшетникова такимъ каковымъ онъ является самъ въ своихъ произведеніяхъ. Читатель располагаетъ всѣми данными чтобы самому опредѣлить его мѣсто въ литературѣ.

Не знаемъ, читаетъ ли кто-нибудь теперь сочиненія Рѣшетникова. Но тѣхъ кто во время оно успѣлъ съ ними познакомиться, мы приглашаемъ вспомнить о знаменательной, еще недавней эпохѣ, когда этимъ произведеніямъ отводилось почетное мѣсто въ нашей беллетристикѣ, когда критика видѣла въ нихъ новое слово — „трезвую правду о простомъ русскомъ человѣкѣ“. Явленіе это лучше многихъ другихъ можетъ объяснить какое удивительное время мы пережили...

ПАМЯТИ

ПАВЛА МИХАЙЛОВИЧА ЛЕОНТЬЕВА.

24го марта, послѣ непродолжительной болѣзни, неожиданно для близкихъ, до послѣдней минуты не терявшихъ надежды, скончался, на пятьдесятъ третьемъ году отъ рожденія, директоръ Лицея Цесаревича Николая, издатель *Московскихъ Вѣдомостей*, заслуженной профессоръ Павелъ Михайловичъ Леонтьевъ.

Въ послѣдніе годы Павелъ Михайловичъ часто страдалъ катарромъ дыхательныхъ путей; но несмотря на болѣзнь онъ обыкновенно не прерывалъ своихъ многочисленныхъ и тяжкихъ занятій, продолжалъ посѣщать Лицей, и только при крайнемъ ожесточеніи болѣзни оставался въ постели. 11го марта, вечеромъ, Павелъ Михайловичъ простудился. На другой день, чувствуя уже сильную боль въ лѣвомъ боку, онъ продолжалъ свои занятія въ Лицее. 13го марта, во время урока, онъ почувствовалъ потрясающій ознобъ и едва могъ говорить, но не прервалъ урока. Вслѣдствіе простуды развилось воспаление лѣваго легкаго и легочной плевы. Но и при страданіяхъ смертельной болѣзни, думы и заботы о Лицее не оставляли покойнаго; несмотря на всѣ просьбы окружающихъ, онъ не прекращалъ занятій лицейскими дѣла-

ми, и еще въ пятницу, 21го марта, трудился надъ контрактомъ по устройству церкви въ Лицеѣ. Организмъ изнуренный непомѣрными трудами оказался не въ силахъ перенести болѣзнь. Въ субботу, 22го, онъ приобщился Св. Таинъ, а 24го, въ понедѣльникъ, въ шестомъ часу полудни, скончался такъ тихо что окружавшіе его долгое время думали что онъ заснулъ.

Павель Михайловичъ, сказано въ краткомъ автобіографическомъ очеркѣ помѣщенномъ въ *Биографическомъ Словарѣ преподавателей Московскаго Университета* (1855 года, по случаю столѣтняго юбилея университета), „родился въ городѣ Тулѣ, 18го августа 1822 года. Первую молодость провелъ онъ въ деревнѣ Елифанскаго уѣзда Тульской губерніи, въ домѣ родителей, употреблявшихъ всѣ средства своего весьма небольшого состоянія для хорошаго воспитанія дѣтей. Съ ранняго возраста онъ привыкъ видѣть постоянныя занятія людей окружавшихъ его: отца, любящаго чтеніе и хозяйство, мать, приготовляющую лѣкарства для окрестныхъ простолюдиновъ; со всѣхъ сторонъ стекавшихся къ ней за пособіями домашней медицины, и употреблявшую досугъ съ особенною охотою на рукодѣлія трудныя и изысканныя. * Любознательное уваженіе къ книгамъ получилъ онъ вмѣстѣ съ первыми впечатлѣніями младенчества; дома было книгъ много и еще болѣе у прапрадѣда его по матери, Андрея Тимофеевича Болотова, къ которому каждый годъ его возили родители до смерти почитаннаго старца въ 1832 году. Первое обученіе получилъ онъ отъ матери и трехъ домашнихъ учительницъ, изъ которыхъ одна была воспитанница Московскаго Екатерининскаго Института и двѣ иностранки. Въ началѣ 1833 года его отдали въ Пансіонъ, который г. Бегагель содержалъ въ Тулѣ; въ этомъ же году скончалась мать его. Пансіонское ученіе шло не совсѣмъ удовлетворительно, но въ латинскомъ языкѣ и математикѣ

* Ею былъ, напримѣръ, сдѣланъ чепецъ изъ паутины, обращавшій на себя вниманіе въ собраніи г. Свиньина. Она любила также рисовать на паутинѣ.

лучше нежели въ другихъ предметахъ; математику преподавалъ г. Сытинъ, учитель гимназій, бывшій потомъ инспекторомъ. Лѣтомъ 1834 года Леонтьевъ вышелъ изъ пансіона и продолжалъ заниматься дома въ деревнѣ подъ надзоромъ родителя, а въ январѣ 1835 года поступилъ въ Дворянскій Институтъ, въ Москвѣ, въ четвертый классъ. Вслѣдствіе особыхъ распоряженій тогдашняго директора института С. Я. Унковскаго онъ оставался по полугоду въ четвертомъ, пятомъ и шестомъ классахъ (классовъ было восемь), успѣвая особенно въ латинскомъ языкѣ, подъ руководствомъ Т. П. Сиринова, и въ математикѣ, которую преподавалъ А. И. Мохтинъ. Лѣтомъ 1836 года институтъ былъ преобразованъ. Ученіе, сдѣлавшееся гимназическимъ, по выходѣ изъ восьмого класса послѣднихъ воспитанниковъ бывшаго Университетскаго Благороднаго Пансіона, было распределено по особому плану и раздѣлено на шесть годовыхъ курсовъ. Вслѣдствіе того Леонтьевъ былъ переведенъ изъ прежняго шестаго класса въ шестой новый, соответствовавшій седьмому классу гимназій. Въ преподавателяхъ произошли также перемѣны; латинскій языкъ въ двухъ высшихъ классахъ былъ порученъ профессору Московскаго университета Д. Л. Крюкову, который однимъ своимъ появленіемъ въ Институтъ сильно подѣйствовалъ на учениковъ. По его совѣту, Леонтьевъ сталъ брать у г. Клима, теперь преподавателя въ Московскомъ университетѣ, частные уроки въ греческомъ языкѣ, который не преподавался въ Дворянскомъ Институтѣ. Курсъ окончилъ онъ первымъ ученикомъ и получилъ серебряную медаль лѣтомъ 1837 года, когда ему не исполнилось еще 15 лѣтъ. Вступленіе въ университетъ представляло трудности: тогдашнее собственное желаніе вело его въ математическое отдѣленіе; но попечитель Московскаго учебнаго округа, графъ С. Г. Строгановъ, постоянно сдѣланный за успѣвающими не только въ университетѣ, но и въ гимназіяхъ, совѣтовалъ ему избрать словесное отдѣленіе и на томъ же настаивалъ профессоръ Крюковъ. Представляя себѣ что отъ исполненія

этого совѣта зависитъ принятіе его въ университетъ ранѣе установленнаго возраста, Леонтьевъ рѣшился вступить въ словесное отдѣленіе тогдашняго философскаго факультета. Будучи студентомъ, онъ занимался преимущественно подъ руководствомъ профессора Крюкова, которому наиболѣе обязанъ своимъ филологическимъ образованіемъ.

Окончивъ курсъ въ 1841 году, былъ опредѣленъ графомъ С. Г. Строгановымъ въ должность помощника бібліотекаря, которую занималъ до конца 1843 года. По выдержаніи магистерскаго экзамена, отправленъ за границу на казенномъ издѣвленіи въ январѣ 1843 года; слушалъ лекціи въ Кенигсбергскомъ (профессоровъ Лобека и Розенкранца), Лейпцигскомъ (Готфрида Германа, Гаулта, Штильбаума), Берлинскомъ (Вѣка, Лахмана, Шеллинга, Гергарда) и другихъ университетахъ и посѣтилъ замѣчательнѣйшіе города Италіи. Возвратившись оттуда, былъ опредѣленъ исправляющимъ должность адъюнкта (въ сентябрѣ 1847 года) и экстраординарнаго профессора (въ маѣ 1851 года) по кафедрѣ римской словесности и древностей.

Началась та славная ученая, литературная и общественная дѣятельность покойнаго, главные черты которой еще у всѣхъ въ свѣжей памяти....

Отпѣваніе и погребеніе тѣла Павла Михайловича происходило въ пятницу, 28го марта. Уже къ 9 часамъ утра, къ дому Университетской Типографіи собирались лица желавшія отдать послѣдній долгъ усопшему. Предъ домомъ стояла густая толпа народа, постепенно возрастающая. Въ 9½ час. карета преосвященнаго Леонида медленно подѣхала къ крыльцу среди толпы наполнявшей дворъ и улицу. Послѣ краткой литіи совершенной преосвященнымъ, студенты и воспитанники высшихъ классовъ Лицея и друзья Павла Михайловича на своихъ рукахъ понесли гробъ въ Университетскую церковь. Открылось величественное погребальное шествіе. Впередѣ поѣзда шли ряды рабочихъ и служащихъ въ типографіи,

а за ними попарно воспитанники Лицея. Когда шедшіе впереди процессіи были уже близъ Охотнаго Ряда, отъ дома Университетской Типографіи едва начали двигаться экипажи замыкавшіе процессію; по улицамъ пересѣкавшимъ путь шествія прекращалось движеніе; по обѣимъ сторонамъ стояли толпы, по временамъ, присоединявшіяся къ процессіи и умножавшія число провожавшихъ. На Большой Дмитровкѣ, предъ зданіемъ гдѣ нынѣ помѣщается Лицей, была совершена литія.

У дверей храма тѣло было встрѣчено преосвященнымъ Леонидомъ съ прочимъ духовенствомъ. Храмъ, лѣстница и обширныя сѣны были переполнены лицами собравшимися отдать послѣдній долгъ покойному, между которыми замѣтную долю составляли родители и родственники воспитанниковъ Лицея. Гробъ окружали лица близкія покойному и Лицей во всемъ его составѣ. Собралось все что есть въ Москвѣ наиболѣе замѣтнаго въ правительственныхъ и общественныхъ кругахъ. Въ числѣ присутствовавшихъ были: московскій генералъ-губернаторъ, князь В. А. Долгоруковъ, неоднократно присутствовавшій, какъ и многія другія изъ почетнѣйшихъ лицъ столицы, и при домовыхъ панихидахъ надъ тѣломъ; командующій войсками Московскаго военного округа А. И. Гильденштубе, также не пропускавшій почти ни одной панихиды; московскій комендантъ А. К. Фридрихсъ, начальникъ первой гренадерской дивизіи Э. А. Моллеръ, почетные олекуны: Д. Н. Бѣлевцевъ, В. А. Дашковъ, графъ А. Н. Ламздорфъ, московскій оберъ-полицеймейстеръ Н. У. Араловъ, бывшій попечитель Вилenskаго учебнаго округа П. Н. Батюшковъ, начальникъ Архива иностранныхъ дѣлъ баронъ Э. А. Бюлеръ, московскій городской голова Д. Д. Шумахеръ и весьма многіе другіе. Учебное вѣдомство, которому главнымъ образомъ принадлежала дѣятельность покойнаго, было представлено полно. Присутствовали: попечитель Московскаго учебнаго округа князь Н. П. Мещерскій, находившійся въ самыхъ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ къ покойному и нынѣ проводившій его пѣшкомъ почти

весь длинный путь до мѣста погребенія; помощникъ попечителя С. С. Ивановъ, ректоръ университета С. М. Соловьевъ, прибывшіе изъ Петербурга друзья покойнаго: председатель ученаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, А. И. Георгіевскій, редакторъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* Е. М. Теоктистовъ, завѣдующій реальными училищами А. М. Гезенъ, профессора, директоры и преподаватели гимназій, начальственныя и учащія лица другихъ учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ начальника женской классической гимназіи С. Н. Фишеръ и нѣсколько ученицъ этой гимназіи, многіе студенты и воспитанники гимназій. Послѣ литургіи преждеосвященныхъ даровъ совершенной архіерейскимъ служеніемъ, настоятель Университетской церкви Н. А. Сергіевскій произнесъ слово. Отпѣваніе тѣла совершали преосвященный Леонидъ, архимандритъ Златоустовскаго монастыря Аѳанасій, протоіерей Н. А. Сергіевскій, профессоръ университета, протоіерей А. М. Иванцовъ-Платоновъ, редакторъ *Православнаго Обозрѣнія* священникъ П. А. Преображенскій, законоучители Лицея: протоіерей Я. Д. Головинъ, протоіерей Д. В. Разумовскій, священникъ Н. Г. Малиновскій и приходскій священникъ А. В. Остроглазовъ.

Гробъ былъ наполненъ цвѣтами, которые и во время богослуженія приносились и полагались на его тѣло чителями его памяти.

Послѣ отпѣванія, законоучитель Лицея, Яковъ Даніловичъ Головинъ произнесъ теплое слово, слѣдующаго содержанія:

„У неожиданнаго гроба глубоко чтимаго директора Лицея Цесаревича Николая, незабвеннаго Павла Михайловича, наша рѣчь, безъ сомнѣнія, будетъ о немъ. О чемъ же и о комъ и въ Божьемъ храмѣ говорить намъ, какъ не о томъ кто теперь въ устахъ всѣхъ насъ и дома, и въ Лицеѣ, и составляетъ невольный предметъ глубокихъ и искреннихъ сѣтованій и соболѣзнованій, кто такъ близокъ нашему сердцу и кого мы провожаемъ въ путь далекій, далекій.... Скорѣе мы придемъ къ нему,—когда Владыка жизни и спасенія найдетъ наилучшую минуту

призвать насъ къ Себѣ, какъ призвалъ его,—чѣмъ онъ къ намъ. Съ того берега высшаго и совершеннѣйшаго бытія уже не возвращаются сюда, въ область жизни переходной и приготовительной, грѣшной, и потому не легкой и часто страдальческой.

„Послѣ перваго потрясающаго впечатлѣнія вѣстію о несчастіи постигшемъ наше юное училище, можетъ-быть не намъ однимъ пришелъ на память священный текстъ: *Аще и мнози пѣстуны имате о Христѣ, но не мнози отцы* (1 Кор. 4, 15), и навелъ на мысль что мы, лицеисты, въ лицѣ почившаго о Господѣ лишаемся не учителя только, хотя бы наилучшаго и даже главнаго, не просто директора, искренно чтимаго и горячо любимаго всѣми, но *отца* и притомъ въ высокомъ значеніи слова.

„Отъ печальнаго зрѣлища на минуту перенесемся къ тому благословенному времени когда впервые засіялъ свѣтъ Евангельскій, когда закладывались основанія христіанской семьи, дѣйствительно семьи человѣческой и образованія истинно гуманнаго. Въ Коринѣ Св. Апостолъ основалъ Церковь Христову единую и нераздѣльную. Но послѣ него въ цвѣтущей церкви Коринѣской явилось много учителей, которые, руководясь не чисто христіанскими побужденіями, произвели въ ней раздѣленія. Тогда-то Св. Павелъ, возстановляя пошатнувшуюся Церковь, между прочимъ лишетъ Коринѣянамъ: „Хотя и многихъ наставниковъ вы имѣете, но отцовъ не многихъ“,—и тѣмъ полагаетъ глубокое и рѣзкое различіе между отцами и людьми не имѣющими отеческихъ чувствъ и свойствъ. Отецъ—это лицо изъ четы, Богомъ соединенной, которую, благословляя дѣтьми, Господь надѣляетъ пламенною и чистою любовію къ нимъ, заботами безкорыстными о благѣ ихъ, то-есть такими чувствами какихъ не отцы совсѣмъ не имѣютъ или имѣютъ очень рѣдко.

„Незабвенный Павелъ Михайловичъ, вмѣстѣ съ богатствомъ другихъ даровъ, и умственныхъ и нравственныхъ, былъ надѣленъ отъ Бога истинно отеческимъ сердцемъ, хотя и никогда не былъ отцомъ въ тѣсномъ смыслѣ. Особенно для Лицея онъ былъ отецъ. Скажемъ болѣе. Для дѣтей-лицействъ онъ замѣнялъ мѣсто матери.

„Павелъ Михайловичъ—отецъ Лицея уже и потому что онъ былъ учредителемъ и основателемъ его, хотя и не одинъ, какъ Апостолъ былъ основателемъ Церкви Коринѣской. Онъ основалъ это училище, съ единственною и высокою цѣлію дать или указать дорогому отечеству нашему способъ наилучшаго и дѣйствительнаго

развитія и образованія молодыхъ силъ Россіи, будущихъ ея дѣателей. Но онъ—еще больше отецъ нашего Лицея по своимъ чувствамъ къ нему, по заботамъ о немъ и трудамъ для него. Онъ, какъ отецъ, любилъ Лицей горячо, неизмѣнно, безкорыстно, отдавъ ему свое мягкое и нѣжное сердце, богатое сокровище своихъ знаній и опытности и въ послѣднее время всѣ свои силы и время,—ласкалъ дѣтей, радовался на нихъ, какъ мать, особенно когда дѣти возвращались изъ домовъ родителей цвѣтущими и съ бодрыми силами. Говоримъ какъ очевидцы, радовавшіеся на это свѣтлое зрѣлище. Отъ крупнаго до мелочей, отъ преподаванія до приготовленія пищи,—во весь бытъ дѣтей проникали его заботы. Онъ не только не искалъ интереса въ матеріальномъ смыслѣ отъ своего учрежденія, но жертвовалъ для него собственнымъ своимъ достояніемъ. Онъ работалъ для Лицея дни и ночи, и одинъ Богъ знаетъ когда отдыхалъ онъ. Новое помѣщеніе для лицеистовъ, по грандіозности достойное заведенія и соответствующее любви къ нему учредителя, еще не совершенно отдѣлкой, но въ немъ все уже размѣрено, исчислено и опредѣлено собственною рукою его чтобы всѣмъ и во всемъ было удобство. При недостаткѣ времени днемъ, на эти труды съ строителями посвящались часы послѣ полуночи. Какъ отецъ, какъ мать, онъ желалъ перелить свою любовь къ Лицею во всѣхъ служащихъ при немъ и сдѣлалъ многое для того, чтобы, обезпеченные въ содержаніи, они свободно могли посвящать свои силы и время дѣтямъ лицейскимъ. Онъ поставилъ себѣ трудную задачу воспитать своихъ любимцевъ чистыми и нравственно непорочными какъ дѣвцы и певѣсты. Къ этому направлены и безпримѣрный, въ нашихъ училищахъ надзоръ и внушеніе, и наставленія и примѣромъ любви къ труду вообще, и въ частности къ труду научному. Кто, кромѣ матери и отца, пожелаетъ такого воспитанія и столько потрудится для дѣтей нашихъ?

„Глубоко и искренно любимый нашъ директоръ былъ доступенъ дѣтямъ всегда и вездѣ. Начальническая суровость была чужда ему и невѣдома. Наблюдателя поражало въ немъ удивительное сочетаніе высокаго, всегда себѣ равнаго достоинства съ неизмѣннымъ спокойствіемъ духа и мягкостію обращенія. Дѣти не боялись его какъ боятся начальниковъ въ школахъ; они шли къ нему со всѣми своими нуждами смѣло и свободно и въ стѣнахъ Лицея и за стѣнами, среди улицы, когда встрѣчались, и, конечно, съ любовію были удовлетворяемы тутъ

же, выражая по-дѣтски свою радость, какъ предъ отцомъ и матерью. Съ Павломъ Михайловичемъ и дѣтская гроза, экзамены, казалась легче, несмотря на то что почившій былъ безусловно справедливъ въ оцѣнкѣ отвѣтовъ и положительно строгъ. Извѣстны его высокія требованія отъ учениковъ трудолюбія и разумнаго знанія. Въ чемъ же тайна? Въ тихомъ, кроткомъ обращеніи экзаменатора и его безпристрастіи, равномъ для всѣхъ. Особенно къ новичкамъ умѣлъ подходить почившій такъ что экзаменующійся не чувствовалъ экзамена и все ждалъ его впереди. Все это опять передаемъ какъ свидѣтели фактовъ.

„Лицейсты-наставники и дѣти! Мы знаемъ что сказанное нами извѣстно вамъ, и даже лучше и короче нашего. Знаемъ также, какъ и вы знаете, что мы не кончили бы нашей рѣчи еслибы захотѣли изображать всѣ неоцѣненные педагогическія достоинства Павла Михайловича. И это говоримъ не для похвалы почившему. Что ему въ человѣческихъ похвалахъ и славѣ, когда онъ предсталъ на судъ всевидящаго Бога, все оцѣнивающаго лучше всякаго человѣка и прославляющаго Своихъ труженниковъ, какъ *солнце въ царствѣ Своемъ*? Говоримъ для того чтобы напомнить вамъ о подражаніи отцу Лицея въ его трудолюбіи, къ которому онъ такъ желалъ приучить всѣхъ насъ, и большихъ и малыхъ, въ его обращеніи, кроткомъ и тихомъ, въ его любви къ Лицею, безпристрастіи и пр. Если въ цѣломъ характерѣ Павелъ Михайловичъ неподражаемъ, то возможно подражаніе хоть въ частныхъ чертахъ, какъ и Апостоль убѣждалъ Коринѳяны подражать ему въ его отеческихъ чувствахъ.

„Еще одно слово: у каждаго изъ насъ и у васъ, дѣти, есть въ сердцѣ тепленькій уголокъ гдѣ помѣщаются ваши близкіе и дорогіе. Присоедините къ нимъ навсегда и отца Лицея, незабвеннаго Павла Михайловича. И когда вы возносите ваши вздохи и сердце къ Тому Кто объемлетъ и внимаетъ вздохамъ цѣлаго міра, не забывайте вздохнуть и о немъ чтобы милосердіе Божіе покрыло неизбѣжныя немощи и прегрѣшенія его, и упокоило въ мирѣ и свѣтѣ радости того кто не зналъ здѣсь покоя для васъ. Аминь.“

Умилительно и трогательно было послѣднее цѣлованіе... Наконецъ, дорогая ноша снова поднята на руки. Гробъ несли лицейскіе студенты и воспитанники, часто смѣнясь не отъ усталости, а отъ рвенія. Непосредственно за гробомъ, смѣнявшаяся съ толпою сопровождавшихъ,

шли родственники, друзья и близкіе знакомые покойнаго; изъ нихъ многіе лѣшкомъ совершили весь путь до Алексѣевского монастыря. Затѣмъ ѣхала пустая погребальная колесница и за нею длинная вереница экипажей. Поѣздъ тянулся на такомъ протяженіи что движеніе на Тверской было прервано почти на полчаса, и линія процессіи занимала длину нѣсколькихъ бульваровъ. Предъ зданіями Университета, Лицея и Типографіи были отслужены литіи. Отъ зданія Типографіи гробъ несли наборщики и рабочіе; но близъ монастыря лицеисты снова приняли на себя дорогую ношу.

Во святыхъ воротахъ монастыря гробъ былъ встрѣченъ преосвященнымъ Леонидомъ, и въ сопровожденіи прибывшихъ московскаго генералъ-губернатора князя В. А. Долгорукова и московскаго оберъ-полицеймейстера и всѣхъ поѣзжанъ, отнесенъ на кладбище къ склепу, съ приготовленнымъ свинцовымъ гробомъ. На могилѣ, когда возглашена была *вѣчная память*, учитель исторіи въ Лицеѣ Цесаревича Николая, В. В. Назаревскій, сказалъ слѣдующее:

„Моисею, воспитавшему новое племя въ народѣ, не суждено было ввести это племя въ обѣтованную землю и самому жить на ней съ тѣми кого онъ воспитывалъ. Ему дозволено было однако издалека увидѣть предметъ пламенныхъ желаній его сердца. Онъ покинулъ здѣшній міръ со скорбнымъ и вмѣстѣ радостнымъ чувствомъ, когда раскрылась его взору величественная картина обѣтованнаго края съ его зеленѣющими нивами и лажитями, съ его свѣтлыми потоками, его виноградниками и лѣсами кипарисовъ.

„Не съ такимъ ли чувствомъ оставилъ этотъ міръ и твой мощный духъ, нашъ почившій учитель и руководитель?

„Изоцривъ свои рѣдкія дарованія глубокимъ изученіемъ культуры великихъ народовъ древности Грековъ и Римлянъ въ произведеніяхъ ихъ литературы и въ самой ихъ исторіи, приготовивъ себя къ высокому призванію долговременною дѣятельностію на полѣ высшаго научнаго образованія, ты сталъ руководителемъ не обольстительнаго на видъ, но истиннаго просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ. Ты создалъ свою школу въ образцѣ для дру-

гихъ, и для нея не щадилъ ни труда, ни силъ, ни здоровья. Это знаютъ ночи проведенныя тобою безъ сна, знаютъ стѣны твоей школы. Своею рукой, слабѣвшею день ото дня, ты клалъ, можно сказать, каждый камень для величественнаго новаго зданія твоего Лицея. И вотъ когда наше училище развилось до значительныхъ размѣровъ, когда оно привлекло къ себѣ сочувствіе и надежды, когда нива, воздѣланная твоею рукой, оршенная лѣтомъ твоего труда, покрылась колосьями, ждущими серпа и жнеца, когда воспитанники твои готовы выдти на жизненное поле, и самыя стѣны Лицея уже высятся надъ окружающими ихъ зданіями Москвы, когда предъ твоими глазами открывалась земля обѣтованная, сильный духъ твой оставилъ слабое тѣло, не могшее болѣе служить его энергіи.... Грустно было думать твоей покидать созрѣвающую ниву....

„Но въ насъ живетъ убѣжденіе что при всей грусти на разставаніи съ этимъ міромъ твоего труда, душа твоя глубоко утѣшалась сознаніемъ прочности твоего дѣла, вѣрою въ счастливую его будущность, убѣжденіемъ что твои питомцы будутъ вѣрны направленію какое ты далъ имъ. Поручкой этой вѣрности искреннія слезы твоихъ учениковъ, опорой этой прочности — глубокое сочувствіе и уваженіе представителей общества сопровождающихъ твой прахъ до могилы гдѣ тебѣ опредѣлено успокоиться отъ изумительныхъ твоихъ трудовъ.... Твоею предсмертною заботой было устроить храмъ Божій въ новомъ монументальномъ зданіи твоей школы. Но тебѣ довелось только положить первые камни этого храма и видѣть его издалека въ очертаніяхъ плана,—а самъ ты уже не будешь молиться въ немъ вмѣстѣ съ нами за дорогое и великое дѣло воспитанія молодыхъ поколѣній. За то твой дорогой для насъ прахъ, надѣмся мы, будетъ храниться подъ алтаремъ Лицея въ залогъ его благосостоянія, и какъ свидѣтельство что твой духъ, духъ знанія, мудрости, труда и энергіи, будетъ жить въ немъ какъ великая несокрушимая сила.“

Затѣмъ прочтена была рѣчь одного изъ старшихъ учителей Лицея, А. Г. Кудрявцева, который не былъ въ силахъ самъ произнести ее:

„Почій въ мирѣ, вѣчная память тебѣ, великій труженикъ, незабвенный основатель Лицея! Воспоминаніе о тебѣ никогда не угаснетъ въ сердцахъ всѣхъ которые предстоятъ здѣсь и оплакиваютъ твою безвременную кончину. Пройдутъ года, и всѣ предстоящіе здѣсь въ

свою череду сойдутъ въ могилу, время сложетъ мраморъ великолѣпныхъ монументовъ, но память о тебѣ будетъ и тогда жить въ отдаленномъ потомствѣ. Ты воздвигъ себѣ нерушимый памятникъ: созданный и воздѣланный тобою Лицей, оскѣненный Августѣйшимъ, незабвеннымъ для Россіи именемъ Цесаревича Николая, будетъ передавать отъ поколѣнія къ поколѣнію и славное имя своего основателя. Черезъ много, много лѣтъ будутъ указывать на тебя какъ на образецъ неустаннаго, безкорыстнаго служенія великому, благородному дѣлу воспитанія юныхъ поколѣній. Наставники Лицея будутъ разказывать своимъ питомцамъ преданіе о томъ какъ ты, одолевая силою духа тѣлесныя немощи, неустанно трудился съ утра до поздней ночи, самъ уча дѣтей и постоянно руководя, возбуждая и ободряя наставниковъ. Безвременно застигла тебя смерть среди тяжкихъ заботъ и великихъ помысловъ о завершеніи твоего созданія, и всѣ мы, воспитатели и воспитанники, продаемъ слезы, вызванныя сердечнымъ горемъ и сознаніемъ важности нашей утраты. Но не одними слезами должны мы почитать твою память, великій труженикъ. Всего лучше докажемъ мы міру какъ дорого намъ воспоминаніе о тебѣ если безъ слезъ, безъ унынія, бодро приложимъ всѣ свои силы къ дѣлу тобою начатому и тобою же въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ съ безпримѣрнымъ усиліемъ веденному. Воодушеви и благослови насъ, духъ великаго труженика, на дѣятельность тобою предначертанную, на пути тобою предуказанномъ.

„Почій въ мирѣ, вѣчная тебѣ память!“

Рѣдко похороны сопровождаются такимъ выраженіемъ общественнаго участія какъ похороны Павла Михайловича, а онъ при жизни не искалъ, а убѣгалъ популярности. Достоинства и заслуги его, и вся важность утраты причиненной его кончиною въ минуту когда такъ неожиданно и несвоевременно была прервана цѣль его жизни, вдругъ стали ясны для всѣхъ.

Невознаградима понесенная утрата. Тяжелъ ударъ обрушившійся на любившихъ и чтившихъ покойнаго. Но съ покорностью склоняясь предъ волей Провидѣнія, они въ эти дни печали имѣли великое и укрѣпляющее силы утѣшеніе въ знакахъ общаго сочувствія, а болѣе всего въ томъ умильномъ зрѣлищѣ какое представляла тѣсная семья воспитанниковъ Лицея. За первую же пав-

нихидой, чрезъ нѣсколько часовъ послѣ кончины Павла Михайловича, уже составилъ вѣнокъ вокругъ его тѣла изъ преданныхъ и благодарныхъ юношей. Исполненные искренняго чувства, три дня и четыре ночи смѣнялись они у его гроба, молясь за него со слезами, и передавая другъ другу для чтенія святую *Книгу Хвалений*.

„Былъ я, говоритъ авторъ письма изъ Москвы помѣщеннаго въ № 14 *Гражданина*, на панихидѣ, когда покойный лежалъ въ гробу еще въ домѣ. Молодежь Лицея день и ночь смѣнялась у гроба. Я всматривался въ ихъ лица. Почести отдаваемые по заказу видны сейчасъ; здѣсь я не могъ не обратить вниманія на выраженіе этой молодежи. Приносима покойному дань благодарности читалась въ этомъ выраженіи лицъ, гдѣ было столько дѣтской скорби и столько сердечной сосредоточенности на роковой мысли: ужъ онъ не встанетъ и не заговоритъ съ своими милыми друзьями. Во время панихиды я видѣлъ юношей плачущихъ: душѣ какъ-то легче и теплѣе стало при видѣ этихъ слезъ; я старъ уже, и я не помню плачущихъ лицъ между подчиненными у гроба начальника; я помолодѣлъ въ эту минуту при видѣ этихъ слезъ; душа захотѣла молиться не только за упокой души лежавшаго въ гробѣ, который, чувствовалось, заработалъ себѣ этотъ покой въ потѣ лица своего, но въ особенности за эту новую по духу молодежь, да дастъ Богъ этимъ ученикамъ, оплакивающимъ своего учителя, помнить его во всю жизнь въ соблюденіи ученія его: да не соблазняютъ и не смутятъ ихъ юныхъ душъ лжеучители, которыхъ теперь у насъ легіоны! Вотъ оттого-то преждевременная смерть въ рядахъ такихъ людей, которыхъ маленькая горсть, такъ безусловно безотрадна.“

Вечеромъ въ четвергъ 27го марта, когда еще тѣло Павла Михайловича не было предано землѣ, Московское отдѣленіе Общества Классической Филологіи и Педагогіки, котораго покойный состоялъ председателемъ, имѣло, по случаю его кончины, экстренное засѣданіе въ обычномъ мѣстѣ своихъ собраній, въ одной изъ залъ Лицея Цесаревича Николая. Засѣданіе это, посвященное исключительно памяти „одного изъ главнѣйшихъ учредителей и достойнѣйшихъ представи-

телей Общества", привлекло многочисленныхъ членовъ и стороннихъ посѣтителей.

По открытіи засѣданія, предсѣдатель Общества Классической Филологіи и Педагогики, А. И. Георгіевскій, прибывшій въ Москву изъ Петербурга по случаю кончины Павла Михайловича, произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Мм. гг.—Какъ предсѣдатель Общества Классической Филологіи и Педагогики, я просилъ васъ собраться сегодня вмѣсто обычной у васъ для такихъ собраний послѣдней субботы каждаго мѣсяца. Я полагалъ что первое засѣданіе ваше послѣ постигшей всѣхъ насъ невознаградимой потери будетъ исключительно посвящено памяти одного изъ главнѣйшихъ учредителей и достойнѣйшихъ представителей нашего Общества, и мнѣ, обязанному по дѣламъ службы неминуемо выѣхать завтра обратно въ Петербургъ, хотѣлось лично принять участіе въ этомъ вашемъ засѣданіи подъ тѣмъ самымъ гостеприимнымъ кровомъ, гдѣ почти два года тому назадъ мы собирались чтобы подъ руководствомъ нашего дорогаго Павла Михайловича положить начало нашему Обществу здѣсь въ Москвѣ, хотѣлось принять участіе въ воспоминаніяхъ объ этомъ общемъ нашемъ руководителѣ въ томъ мѣстѣ которое было послѣднимъ подрищемъ его самоотверженной дѣятельности на пользу общую, на пользу науки, просвѣщенія и добраго воспитанія нашего юношества, и въ кругу тѣхъ лицъ которыя въ послѣднее время были ближайшими свидѣтелями и соучастниками этихъ его трудовъ. Надѣюсь, мм. гг., что вы извините мнѣ это мое желаніе и не посѣтуете на меня за это нарушеніе обычныхъ вашихъ порядковъ. Позвольте мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ первому начать рядъ нашихъ воспоминаній о только-что отшедшемъ въ вѣчность незабвенномъ и незамѣнимомъ устроителѣ этого перваго въ Россіи общественнаго учебнаго заведенія.

„Въ виду еще и землѣ не преданнаго праха его, подъ тяжестью всѣхъ насъ удручающей скорби о неожиданной нашей уtratѣ, я, конечно, не въ силахъ буду собрать всѣ мои о немъ воспоминанія и изложить ихъ въ надлежащемъ порядкѣ, и еще менѣе буду въ состояніи свести въ одинъ живой нравственный образъ всѣ выдававшіеся такъ рельефно черты его характера; но высокое достоинство лица составляющаго предметъ нашей бесѣды да покроетъ всѣ недостатки слабаго моего слова.

„Я узналъ покойнаго почти 28 лѣтъ тому назадъ, осенью

1847 года, тотчасъ по возвращеніи его изъ-за границы. Какъ теперь помню первое его появленіе предъ огромною массою студентовъ, собравшихся на первую вступительную лекцію его въ большой словесной аудиторіи здѣшняго университета. Предметъ этой лекціи и теперь еще, чрезъ 28 лѣтъ, не утратилъ своего великаго, современнаго значенія для Россіи. Она была посвящена раскрытію предъ нами, его слушателями, важности всесторонняго изученія классической древности. Она была какъ бы программю, осуществленію которой была посвящена затѣмъ вся дальнѣйшая жизнь его какъ профессора, какъ публициста, какъ дѣятельнаго соучастника въ учебной реформѣ 1871 года, какъ учредителя, устроителя и перваго директора этого разсадника научнаго образованія. Лекція эта заслуживала бы того чтобы быть теперь перепечатанною во главѣ сочиненій покойнаго, который было бы такъ желательно собрать и издать вновь въ свѣтъ, дополнивъ ихъ его незабвенными, въ высокой степени полезными по своей глубокой и многосторонней основательности лекціями.

„Не знаю какъ теперь, а тогдашніе студенты были очень чутки и воспримчивы къ живому, исполненному глубокаго пониманія сущности предмета слову своихъ наставниковъ, и послѣ первой же лекціи Павла Михайловича, межъ нами, студентами, не было сомнѣнія что въ лицѣ его мы приобрѣли истинно достойнаго представителя науки, и что онъ не замедлитъ стать честью и украшеніемъ нашего университета. Надежды наши сбылись вполнѣ, и даже выше нашихъ ожиданій. Особенно высоко цѣнили мы его лекціи по реальнымъ предметамъ классической филологіи. Его лекціи о римскихъ государственныхъ древностяхъ, въ которыхъ живыми чертами воссоздавался предъ нами государственный бытъ древняго Рима въ послѣдовательномъ его развитіи, и притомъ съ оцѣнкою всѣхъ характеристическихъ его явленій, при свѣтѣ политическихъ воззрѣній Платона, Аристотеля, Цицерона, не только глубоко вводили насъ въ древній классическій міръ, но и были школою высшаго политическаго разумѣнія. Лекціи эти вскорѣ стали привлекать многочисленныхъ слушателей даже съ юридическаго факультета. Его лекціи по исторіи и археологіи древняго искусства были для многихъ изъ насъ первою школою эстетическаго образованія, а въ нѣкоторыхъ заронили плодотворное сѣмя любви къ археологическимъ изысканіямъ, къ собиранію произведеній древняго искусства какъ отечественнаго, такъ и иноземнаго, а всѣхъ болѣе

или менѣе ввелъ въ обаятельный міръ античнаго художества. Его лекціи по исторіи древнихъ языческихъ религіозныхъ вѣрованій ввели насъ впервые въ доисторическую пору рода человѣческаго, и могли наглядно убѣдить что истинная наука можетъ служить надежною опорою для истинной религіи. Только эти три курса мыѣ и удалось самому слышать у нашего достойнѣйшаго представителя классической филологіи въ Московскомъ университетѣ, достойнѣйшаго, смѣю сказать, за все время существованія нашего университета.

„Но вліяніе его на насъ, студентовъ, не ограничивалось только чтеніемъ лекцій. Съ лучшими изъ нихъ, со всѣми кто желалъ дѣйствительно чему-нибудь научиться, онъ всегда готовъ былъ дѣлиться всѣми сокровищами своей глубокой и многосторонней учености въ неизсякаемыхъ, отличавшихся величайшею непринужденностью бесѣдахъ, въ которыхъ молодымъ собесѣдникамъ нисколько не стѣснительно было своими вопросами и разспросами обнаруживать недостатокъ своихъ познаній. Говорить ли еще что своими заботами онъ не оставлялъ своихъ учениковъ и за предѣлами ихъ студенчества, а при случаѣ готовъ былъ имъ помогать и матеріальными своими средствами?

„Года четыре тому назадъ у меня зашла рѣчь съ Павломъ Михайловичемъ о нынѣшнемъ настроеніи студентовъ и объ ихъ отношеніяхъ къ профессорамъ. Можно себя представить какъ сокрушало его, глубоко проникнутаго высшими идеальными стремленіями, то отсутствіе подобныхъ стремленій которое еще недавно такъ отличало нашихъ учащихся юношей и которое страшило его за ближайшее двадцатилѣтіе Россіи. Единственное дѣльное средство противъ язвы матеріализма видѣлъ онъ въ восстановленіи серіознаго классическаго образованія, вмѣстѣ съ подъемомъ религіознаго и патріотическаго чувства.

„Павелъ Михайловичъ, при всей своей глубокой и основательной учености, менѣе всего былъ человѣкомъ дѣла въ теоріи, только слова; онъ былъ человѣкомъ дѣла въ лучшемъ смыслѣ слова. Покойный товарищъ его П. Н. Кудрявцевъ нерѣдко высказывалъ свое удивленіе къ его практичности, къ тому умѣнью съ которымъ онъ приводилъ свои замыслы въ исполненіе, тогда какъ другіе, въ виду встречаемыхъ затрудненій и прелятствій, оставались бы при однихъ разговорахъ. Въ самый разгаръ разгрома нашей ученой школы, когда число университетскихъ слушателей было ограничено тремя ста-

ми, а въ связи съ этимъ древніе языки почти вовсе были изгнаны изъ гимназій, Павелъ Михайловичъ задумалъ и блистательнымъ образомъ осуществилъ свою мысль объ изданіи *Пропилеевъ*, сборника статей по классической древности, долженствовавшего поддержать интересъ въ публикѣ къ изгнаннымъ въ то время изъ школы предметамъ классической филологіи.

Въ послѣдствіи организаторскій талантъ его проявился въ значительно высшей степени и значительно болѣешихъ размѣрахъ въ трудахъ его по изданію *Русскаго Вѣстника*, *Современной Лѣтописи*, *Московскихъ Вѣдомостей* и особенно по устройству Лицея Цесаревича Николая и постройкѣ для него истинно образцоваго, монументальнаго училищнаго зданія. Павелъ Михайловичъ не былъ скоръ на рѣшенія, долго обдумывалъ напередъ и соображалъ прежде чѣмъ принять не только рѣшеніе, но и дать совѣтъ или выразить мнѣніе по важному дѣлу; но какъ только рѣшеніе было имъ принято, онъ не терялъ ни минуты для его исполненія, и поистинѣ изумительна, почти невѣроятна та внутренняя энергія мысли и та сила глубокаго воодушевленія своею идеей, которыя дѣлали его въ продолженіе всей его жизни самымъ неутомимымъ, не знавшимъ ни отдыха, ни развлеченія, ни усталости труженикомъ. Другіе бываютъ способны по временамъ къ проявленію не меньшей энергіи, но я не зналъ никого кто могъ бы такъ неослабно, такъ неутомимо трудиться изо дня въ день, изъ ночи въ ночь, кто бы обладалъ въ такой мѣрѣ постоянствомъ въ трудѣ какъ Павелъ Михайловичъ, тѣмъ качествомъ которое Нѣмцы называютъ *Ausdauer* и для котораго въ русскомъ лексиконѣ, кажется, нѣтъ и слова. Мнѣ перѣдко случалось быть свидѣтелемъ этого изумительнаго качества Павла Михайловича и въ пору моего участія въ редакціи *Московскихъ Вѣдомостей*, и въ ту пору когда только-что зарождался нынѣшній уставъ гимназій. Это было ровно шесть лѣтъ тому назадъ, 27го, 28го и 29го марта 1869 года, когда Павелъ Михайловичъ, прибывъ въ Петербургъ по вызову министра народнаго просвѣщенія, по шести и семи часовъ сряду участвовалъ въ самыхъ оживленныхъ преніяхъ усиленнаго нѣсколькими членами ученаго комитета совѣта министра, подъ предсѣдательствомъ И. Д. Деянова, а по ночамъ вырабатывалъ главныя черты новаго проекта устава и объяснительной къ нему записки, послужившихъ основаніемъ для всего дальнѣйшаго хода этого дѣла. Но уставъ гимназій, это

одна сторона дѣла; другая, соотвѣтствующая ему, уставъ реальныхъ училищъ. Я пораженъ былъ тяжелою болѣзнию когда надобно было писать представленіе объ этомъ уставѣ въ Государственный Совѣтъ. Павелъ Михайловичъ явился на помощь, и добрал, самая трудная половина дѣла была имъ сдѣлана. Какъ часто бывалъ я тогда свидѣтелемъ какъ этотъ неустанный борецъ за добрую русскую школу, изнемогши подъ тяжестью труда и безсонныхъ ночей, засыпалъ на какіе-нибудь четверть часа откинувшись на спинку стула! Всѣ дальнѣйшіе и важнѣйшіе шаги на пути учебной реформы были сдѣланы при дѣятельномъ его участіи, какъ-то: первый предначертаніи по осуществленію учебной реформы, установленіе учебныхъ плановъ и въ особенности по древнимъ языкамъ, окончательное установленіе правилъ объ испытаніяхъ, причемъ этому домогству, всегда тяжелою на подъемъ, два раза еще приходилось на болѣе или менѣе долгій срокъ времени покидать любезный его сердцу Лицей и отправляться къ намъ въ Петербургъ. Заслуги его Министерству Народнаго Просвѣщенія поистинѣ неоцѣнимы, и наша обновленная школа не можетъ не считать его своимъ благодѣтелемъ.

„Дѣятельности его по Лицею найдутся болѣе близкіе свидѣтели. Я же изумлялся всегда тому какъ онъ умѣлъ соединить величайшую для учениковъ авторитетность съ чрезвычайною мягкостью обращенія съ ними, и какъ онъ умѣлъ внушить имъ и надлежащій страхъ къ себѣ, и полное, непринужденное довѣріе. Не менѣе изумляло меня то терпѣніе, та снисходительность, то вниманіе съ которыми онъ выслушивалъ насъ, всегда болѣе или менѣе докучливыхъ родителей дѣтей ввѣренныхъ его попечительности.

„У него были только двѣ радости въ жизни: честное неутомимое служеніе наукъ, просвѣщенію, доброму воспитанію юншества, всѣмъ драгоценнѣйшимъ интересамъ отечества, и поистинѣ трогательная дружба къ неразлучному соучастнику во всѣхъ трудахъ его и заботахъ...

„Заклучу мое слабое слово безсмертными словами Тацита, которыя истолковывалъ намъ въ первый же годъ своей профессорской дѣятельности въ университетѣ нашъ дорогой, нашъ незабвенный Павелъ Михайловичъ. Слова эти напомнились мнѣ теперь, когда его не стало. Я нашелъ въ нихъ нѣкоторое для себя облегченіе и надѣюсь что и вы почерпнете въ нихъ утѣшеніе. Позволю себѣ примѣнить ихъ къ доро-

тому для всѣхъ насъ, такъ неожиданно утраченному нами руководителю нашему: „Покойся въ мѣрѣ, и насъ, твоихъ сродичей *по духу*, обрати отъ безсильной тоски по тебѣ и отъ женскаго плача къ созерданію твоихъ добродѣтелей, о которыхъ нельзя скорбѣть, нельзя сокрушаться. Лучше почтимъ тебя удивленіемъ, непреходящими хвалами и если станетъ силъ — подражаніемъ: таковъ истинный почетъ, такова *должна быть* благоговѣйная преданность каждаго изъ самыхъ близкихъ къ тебѣ людей... Великія души не угасаютъ вмѣстѣ съ тѣломъ... Нравственный образъ *человѣка* вѣченъ: сохранять и запечатлѣть его ты можешь не съ помощью чуждаго матеріала и искусства, а самъ въ своей жизни, въ своихъ правахъ. Все что мы любили, чему удивлялись въ *Леонтьевѣ*, остается и останется въ умахъ людей, въ вѣчности времени, въ *исторіи нашей науки, нашего просвѣщенія, нашего учебно-воспитательнаго дѣла*.“ *

„Да, милостивые государи, почтимъ его, нашего дорогаго наставника и руководителя, удивленіемъ и если можемъ подражаніемъ. Постараемся сохранить и запечатлѣть нравственный его образъ въ собственныхъ нашихъ дѣйствіяхъ, въ такомъ же честномъ, добросовѣстномъ, неуклонномъ служеніи наукъ, просвѣщенію, учебно-воспитательному дѣлу. Чѣмъ тяжелѣе и незамѣнимѣе утрата такого дѣятеля для всѣхъ этихъ драгоценнѣйшихъ интересовъ, тѣмъ значительнѣе должны быть наши усилія для ихъ сохраненія. И прежде всего угубимъ наши усилія, по мѣрѣ нашихъ средствъ и способовъ, на сохраненіе, поддержаніе и развитіе всего что было такъ дорого и такъ близко сердцу покойнаго въ послѣдніе годы его жизни: нынѣшней нашей учебной системы, созданнаго и устроеннаго имъ Лицея Цесаре-

* Tac. Agr., 46: Placide quiescas, nosque domum tuam ab infirmo desiderio et muliebribus lamentis ad contemplationem virtutum tuarum voces, quas nec lugeri, nec plangere est; admiratione te potius et immortalibus laudibus et si natura suppeditet, imitando colamus: is verus honos, ea conjunctissimi cujusque pietas.... Ut sapientibus placet, non cum corpore extinguuntur magnae animae.... Forma mentis aeterna, quam tenere et exprimere non per alienam materiam et artem, sed tuis ipse moribus possis. Quidquid ex Agricola amavimus, quidquid mirati sumus, manet mansurumque est in animis hominum, in aeternitate temporum, in fama rerum....

вича Николая, а также и нашего Общества Классической Филологіи и Педагогики, въ которомъ покойный видѣлъ одинъ изъ залоговъ прочности и преуспѣянія нашего учебно-воспитательнаго дѣла, нашей доброй русской школы, устроенной на общечеловѣческихъ, испытанныхъ вѣками основахъ."

По выслушаніи этой рѣчи, принятой всѣми съ живѣйшимъ сочувствіемъ, собраніе занялось обсужденіемъ способовъ къ изданію въ свѣтъ ученыхъ сочиненій Павла Михайловича; упомянутой выше вступительной, его лекціи, которая была тогда же напечатана въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, сочиненій о поклоненіи Зевсу въ древней Греціи, о судьбѣ земледѣльческаго населенія въ древней Римской Имперіи, его статей напечатанныхъ въ *Пропилеяхъ* и пр., и пр. Что же касается до курсовъ о римскихъ государственныхъ древностяхъ, объ исторіи и археологіи древняго искусства и объ исторіи языческихъ религіозныхъ вѣрованій, то А. И. Георгіевскій заявилъ что у него имѣются довольно хорошо составленныя лекціи П. М. Леонтьева по этимъ предметамъ, но что желательно было бы привести въ извѣстность, не сохранилось ли собственныхъ записокъ покойнаго, а также не сохранилось ли записокъ и у другихъ его слушателей, а затѣмъ составить особую комиссію для изданія въ свѣтъ какъ этихъ курсовъ, такъ и прочихъ всѣхъ сочиненій П. М. Леонтьева. Постановлено принять надлежащія къ тому мѣры.

Засѣданіе 30го марта Общества Любителей Россійской Словесности при Московскомъ университетѣ открылось рѣчью временнаго предсѣдателя Общества, Д. И. Иловайскаго, посвященною памяти П. М. Леонтьева:

"Милостивые государи! Настоящее засѣданіе наше всего достойнѣе, в сего справедливѣе начать словомъ о той недавней чувствительной утратѣ, которую понесло все образованное русское общество. Я говорю о Павлѣ Михайловичѣ Леонтьевѣ, хотя онъ, къ сожалѣнію, и не былъ членомъ Общества Любителей Россійской Словесности." Такъ началъ свою рѣчь г. Иловайскій. Затѣмъ ораторъ

говорилъ о видномъ значеніи покойнаго въ новѣйшей исторіи русскаго просвѣщенія, съ которымъ тѣсно связаны интересы и задачи Общества Любителей Россійской Словесности. Говорилъ о необычайной энергіи, которою запечатлѣна вся дѣятельность покойнаго и о его побѣдоносной борьбѣ за классическую школу. Г. Иловайскій упомянулъ о томъ что, хотя по нѣкоторымъ частнымъ сторонамъ вопроса онъ и высказывалъ другое мнѣніе, но въ существѣ самаго дѣла, во взглядахъ на великое значеніе обще-европейской школы и ея классической основы не должно быть разногласія между людьми истинно просвѣщенными и патріотически настроенными.

Затѣмъ на кафедру взошелъ дѣйствительный членъ О. Б. Миллеръ и произнесъ слѣдующее:

„Позвольте и мнѣ, мм. гг., сказать нѣсколько словъ о покойномъ П. М. Леонтьевѣ.

„Хотя онъ, какъ замѣтилъ нашъ почтенный предсѣдатель, не былъ къ сожалѣнію членомъ нашего Общества, но онъ половину своей жизни провелъ на служеніи Московскому университету, наше же Общество именуется „состоящимъ при Московскомъ университетѣ“, а потому я полагаю, что оно, въ своемъ засѣданіи въ стѣнахъ этого Университета, не только въ правѣ, но *обязано* почтить память такого замѣчательнаго дѣятеля какимъ былъ Павелъ Михайловичъ.

„Правда, онъ имѣлъ враговъ, да у кого же ихъ и нѣтъ? Но и самые враги его всегда отдавали должное его обширному уму, его глубокой учености, его энергіи и неутомимой дѣятельности: и они, забывъ вражду, собрались у его гроба чтобъ отдать послѣдній, священный долгъ усопшему, а непритворныя слезы воспитанниковъ основаннаго имъ Лицея ясно показали всѣмъ какъ дорогъ былъ онъ для нихъ и какъ высоко цѣнили они его о нихъ заботы. Да, эти заботы, быть-можетъ, болѣе чѣмъ самаа болѣзнь были причиной его преждевременной кончины. Онъ до послѣдней минуты своей жизни былъ занятъ мыслью о судьбѣ дорогаго для него заведенія и о его питомцахъ, о которыхъ заботился онъ такъ какъ можетъ заботиться только нѣжный отецъ о своихъ дѣтяхъ....

Такъ да почіетъ мужъ труда,
Примѣрный дѣятель науки!
Ни голова его, ни руки
Не отдыхали никогда!

Онъ трудъ цѣнилъ, онъ трудъ любилъ,
Ему свою всю отдавъ силу;
Но этотъ трудъ его сломилъ
И свелъ безвременно въ могилу!...

Да успокоится онъ тамъ,
Гдѣ нѣтъ ни горя, ни страданья!
Своею жизнью дая онъ намъ
Примѣръ достойный подражанья!

Рѣчи Д. И. Иловайскаго и Ѳ. Б. Миллера вызвали выраженія общаго сочувствія.

Память покойнаго чествовалась не въ одной Москвѣ, но и во многихъ другихъ городахъ:

„Въ нашемъ городѣ, пишетъ изъ города Лубны, Полтавской губерніи въ *Московскія Вѣдомости* (№ 93) отецъ протоіерей Алексѣй Дамаскинъ, 29го марта, отслужена была въ городскомъ соборѣ панихида по усопшемъ Павлѣ Михайловичѣ Леонтьевѣ. Такому молитвенному воспоминанію, въ числѣ другихъ почитателей покойнаго, способствовалъ помѣщикъ Х. Чтò другое выражала наша молитва какъ не искреннюю дань признательности, уваженія и благодарной памяти къ заслугамъ, благимъ намѣреніямъ и самымъ честнымъ трудамъ усопшаго Леонтьева, на пользу отечеству нашему и нашей наукѣ и воспитанію нашего юношества?

„Съ глубокимъ уваженіемъ къ трудамъ покойнаго и вообще къ его личности, я долгомъ считаю сообщить редакціи *Московскихъ Вѣдомостей* объ этихъ изъясненіяхъ общественной признательности и почтенія къ памяти Леонтьева, коихъ удалось мнѣ быть свидѣтелемъ въ Лубнахъ.“

30го марта въ Костромской гимназіи, по просьбѣ бывшихъ воспитанниковъ Павла Михайловича Леонтьева, была отслужена по немъ панихида законоучителемъ той же гимназіи, протоіереемъ П. Т. Виноградскимъ. На панихидѣ присутствовали: г. вице-губернаторъ, директоръ, инспекторъ, наставники и довольно значительное число воспитанниковъ гимназіи.

Панихиды по П. М. Леонтьевѣ были отслужены въ Московскихъ, Тульской, Тверской и другихъ гимназіяхъ.

Окружный инспекторъ Московскаго учебнаго округа Я. И. Вейнбергъ бывшій въ послѣдніе годы, по дѣламъ округа, въ весьма частыхъ сношеніяхъ съ покойнымъ, помѣстилъ въ № 98 *Московскихъ Вѣдомостей* слѣдующія строки:

„Недавняя кончина Павла Михайловича произвела на всѣхъ знавшихъ его, на всѣхъ слѣдившихъ за многоплодною и разнообразною его дѣятельностью глубокое и тяжелое впечатлѣніе. Всѣми чувствуется что не стало неутомимаго труженика, человѣка всецѣло преданнаго своему дѣлу, дѣятеля — подобнаго которому весьма и весьма рѣдко встрѣтить можно. Какъ-то не вѣрится что нѣтъ болѣе Павла Михайловича, того самаго Павла Михайловича, къ которому бывало обращалось такъ много людей съ такимъ множествомъ вопросовъ и который всегда готовъ былъ помогать другому и дѣломъ и совѣтомъ, проводя за работой дни и ночи, никогда не зная покоя; не вѣрится что изумительная дѣятельность этого человѣка прекратилась, и прекратилась именно въ то время когда всего менѣе того ожидали, когда она такъ много и такъ многимъ была нужна!... Какъ общественный дѣятель, покойный имѣлъ много горячихъ поклонниковъ, много друзей, имѣлъ и противниковъ (кто же ихъ не имѣетъ?); но тѣ и другіе одинаково не могутъ не признать въ немъ личность съ умомъ необыкновеннымъ, съ энергіей изумительною; даже недруги не могли не сознаться что этотъ человѣкъ всею силою души преданъ своей идеѣ и неуклонно стремился къ тому что по искреннему, глубокому его убѣжденію должно было служить на пользу другимъ. Павелъ Михайловичъ во всемъ и всегда оставался вѣрнымъ самому себѣ; онъ работалъ для другихъ, а самъ какъ бы ступшевался; свою личность онъ всегда ставилъ на послѣднемъ планѣ. Работать для другихъ, жертвовать своимъ временемъ, своимъ трудомъ, даже здоровьемъ, казалось ему дѣломъ весьма естественнымъ: въ его глазахъ тутъ не было никакой жертвы. Таковъ былъ девизъ всей его жизни, и въ этомъ заключается

одна изъ причинъ того глубокаго уваженія, почти благоговѣнія, которое покойный вселялъ во всѣхъ близко знавшихъ его или же имѣвшихъ случай ознакомиться съ его изумительно-разностороннею дѣятельностью. Было какъ-то странно и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко-поучительно видѣть какъ непрерывно и неустанно работала мысль этого человѣка, какъ духовная его природа постоянно одерживала верхъ надъ физическою. Онъ могъ работать по цѣлымъ днямъ и ночамъ, не чувствуя ни голода, ни усталости; немногихъ минутъ дремоты въ креслѣ было достаточно чтобы подкрѣпить его на цѣлыя сутки; обѣду онъ удѣлялъ весьма мало времени и то не всегда, довольствуясь зачастую кускомъ хлѣба или чашкою давно остывшаго чая. Людей близко знавшихъ Павла Михайловича поражала легкость съ какою бывало переходилъ онъ отъ одного занятія къ другому, совершенно разнородному; но еще болѣе удивлялись они необыкновенной его способности анализировать каждый вопросъ со всѣхъ сторонъ, такъ что могло казаться будто именно этотъ, а не иной вопросъ составлялъ предметъ спеціальныхъ его занятій. Павелъ Михайловичъ находилъ время для всего, а между тѣмъ никто не видалъ чтобъ онъ когда-либо торопился или выражалъ нетерпѣнiе, или возвышалъ голосъ; всегда совершенно спокойный, онъ неторопливо и глубоко вникалъ во все, одинаково внимательно выслушивалъ тысячи разнообразныхъ дѣлъ, каждому давалъ отвѣтъ и отвѣтъ до того обстоятельный и исчерпывающій всѣ подробности что въ невольномъ изумленіи каждый спрашивалъ себя: когда же этотъ человѣкъ находитъ время для всего, какъ можетъ онъ все это припоминать, какъ можетъ интересоваться столь многими?

„Нерѣдко можно встрѣтить усиленную дѣятельность, не рѣдкость также и отличная память; но едва ли кто обладалъ такою способностію сосредоточиваться на данномъ вопросѣ какъ Павелъ Михайловичъ. Въ эту минуту для него исчезало все кромѣ предстоящаго вопроса, который онъ старался освѣтить всѣмъ блескомъ сво-

его ума, всею силой своего знанія, всеѣмъ авторитетомъ громадной своей опытности; но стоило лишь явиться новому повѣстителю чтобы на очередь стало совершенно иное дѣло и чтобы Павелъ Михайловичъ, безъ малѣйшаго почти замедленія или усталости, перешелъ къ занятію новымъ предметомъ съ тою же энергіей. Такъ продолжалъ онъ дѣйствовать многіе годы безъ отдыха, часто безъ сна и безъ пищи. Всю ночь проработавъ въ тиши кабинета, онъ утромъ являлся совершенно бодрымъ въ Лицей, которому въ послѣдніе годы, какъ извѣстно, покойный отдался всецѣло. Тутъ всякій незнакомый съ дѣятельностью Павла Михайловича могъ бы подумать что у него никакихъ занятій кромѣ Лицея нѣтъ и никогда не было: то давалъ онъ по нѣскольку уроковъ къ ряду, то долго бесѣдовалъ съ родителями учащихся, то спрашивалъ тупоровъ и наставниковъ, вникая во все подробности касающіяся воспитанниковъ, то съ любовью разговаривалъ съ лицеистами объ ихъ занятіяхъ, то по нѣскольку часовъ обсуживалъ съ архитекторомъ планъ новаго Лицейскаго зданія, или же разговаривалъ со множествомъ лицъ, пользовавшихся двухчасовымъ перерывомъ уроковъ чтобы посоветоваться съ Павломъ Михайловичемъ о своихъ дѣлахъ.

„Въ числѣ послѣднихъ довольно часто случалось бывать и мнѣ. По служебнымъ своимъ обязанностямъ озбоченный приисканіемъ лицъ для замѣщенія учительскихъ вакансій въ гимназіяхъ Московскаго учебнаго округа, я часто прибѣгалъ къ совѣтамъ покойнаго, который всегда чрезвычайно обязательно помогалъ мнѣ указаніемъ на знакомыхъ ему лицъ для замѣщенія этихъ вакансій, въ особенности по древнимъ языкамъ. Тутъ приходилось мнѣ неоднократно удивляться громадной его памяти и знанію всехъ подробностей относящихся къ рекомендуемымъ имъ лицамъ, даже къ домашнимъ обстоятельствамъ послѣднихъ. Такъ, бывало, припоминалъ онъ что такой-то не рѣшится оставить Москву, имѣя больную мать; другой, напротивъ, охотно приметъ предлагаемое ему мѣсто въ такомъ-то городѣ, такъ какъ

тамъ у него родня; третьему было бы лучше поручить такіе-то уроки въ такихъ-то классахъ, потому что это будетъ ему полезно при дальнѣйшихъ его занятіяхъ. Должно признаться что всякое такое посѣщеніе Павла Михайловича въ Лицеѣ бывало для меня весьма тягостно: какъ-то совѣстно было отнять время у этого труженника, обремененнаго такимъ множествомъ работъ! Я высказывалъ ему это неоднократно, но встрѣчалъ каждый разъ съ его стороны самую любезную готовность оказать мнѣ свое содѣйствіе. Онъ уводилъ меня обыкновенно въ свою маленькую комнатку, гдѣ едва могли уѣсться двое, такъ она была завалена множествомъ книгъ, тетрадей, чертежей, картъ, плановъ и т. д. Тутъ покойный начиналъ перечислять всѣ имѣющіяся учительскія вакансіи, и по скольку уроковъ и въ какихъ именно классахъ предстоитъ новому преподавателю въ каждой гимназіи— все это наизусть, безъ малѣйшаго труда. Въ моей записной книжкѣ я имѣлъ обыкновеніе записывать распредѣленіе уроковъ между преподавателями каждаго учебнаго заведенія и, слѣдя за этою книжкой, мнѣ оставалось лишь пожимать плечами слыша какъ безошибочно Павелъ Михайловичъ помнитъ всѣ даже маловажныя обстоятельства. Разъ однакоже мнѣ показалось что онъ ошибся: въ моей книжкѣ значилось что въ такой-то гимназіи учитель Б. имѣетъ 29 уроковъ, а Павелъ Михайловичъ утверждалъ что онъ имѣетъ лишь 27.

„Вы ошибаетесь, П. М., сказалъ я. — Б. имѣетъ 29 уроковъ древнихъ языковъ въ такихъ-то классахъ.“ — „Нѣтъ, спокойно отвѣтилъ П. М., не 29, а только 27.“ — „Да вотъ у меня въ книжкѣ подробно обозначено...“ — „Вы забыли, возразилъ онъ своимъ тихимъ, неторопливымъ голосомъ, — что Б. уступилъ Д. два урока. — И дѣйствительно, теперь я вспомнилъ что учитель Д. въ VI классѣ съ учениками читалъ Виргилія, на что назначалось 2 урока; другой же преподаватель Б. читалъ съ ними Цицерона и Тита Ливія, и стало-быть имѣлъ въ этомъ классѣ не 6, а только 4 урока. Это обстоятельство я какъ-то позабылъ обозначить въ книжкѣ, а Павелъ Ми-

хайловичъ зналъ и помнилъ все: его изумительная память не нуждалась ни въ какихъ книжкахъ, — а между тѣмъ этотъ человѣкъ въ одномъ Лицее только-что проработалъ часовъ шесть непрерывно, и чего, чего только не передѣлалъ онъ въ это время! Бесѣда наша длилась довольно долго, какъ раздался стукъ въ дверяхъ; вошли два лицейскіе татора и обратились къ Павлу Михайловичу со множествомъ разнообразныхъ вопросовъ (это было наканунѣ праздника и стало-быть — отпуска воспитанниковъ). Онъ не только далъ имъ весьма подробныя указанія, но просилъ не забывать что такого-то воспитанника слѣдуетъ отпустить до такого-то часа; другому слѣдуетъ дать лѣкарство чрезъ два часа; третій обязанъ предъ отпускомъ повторить урокъ; четвертый долженъ передѣлать extempore, гдѣ встрѣчаются такіе-то ошибки; пятого слѣдуетъ тепло укутать, такъ какъ онъ подверженъ простудѣ и т. д. Я сталъ прощаться. „Выйдемте вмѣстѣ, сказалъ П. М., я ѣду домой, мнѣ спать пора.“ Оказалось что онъ всю ночь проработалъ и даже спать не ложился, и лишь теперь (въ четвертомъ часу пополудни) чувствовалъ себя *немного утомленнымъ*. А сколько такихъ бессонныхъ ночей провелъ покойный, и едва ли кто зналъ объ этомъ, такъ какъ о себѣ онъ любилъ говорить всего менѣе!

„Не могу забыть еще одинъ случай. Въ концѣ іюля прошлаго года я имѣлъ надобность видѣться съ Павломъ Михайловичемъ въ Москвѣ, куда обыкновенно раза три въ недѣлю прѣзжалъ онъ съ дачи; сначала заѣзжалъ онъ въ Университетскую Типографію, а оттуда отправлялся на Остоженку, въ бывшій Михайловскій дворецъ, гдѣ нынѣ воздвигается громадное зданіе для Лицея. Покойный въ послѣднее время особенно много занимался этою постройкой, и смѣло можно сказать что мельчайшія подробности касающіяся ея не ускользнули отъ его вниманія. Нужно ли говорить что къ этому дѣлу онъ относился съ тою же сосредоточенностью и глубокою обдуманностью съ какою обыкновенно относился ко всему? Онъ разказывалъ мнѣ перѣдко ка-

кія мѣры приняты имъ для надлежащей вентиляціи зданія, а также для того чтобы воздухъ былъ достаточно влаженъ. Онъ наизусть перечислялъ величину классныхъ комнатъ, длину трубъ для водянаго отопленія, количество свѣжаго воздуха потребнаго для вентиляціи и т. д. На письменномъ столѣ его въ послѣднее время можно было видѣть нѣсколько плановъ нарисованныхъ имъ карандашомъ и исцѣренныхъ множествомъ цифръ. Казалось что онъ весь превратился въ архитектора: мы однако не сомнѣваемся что еслибы для пользы Лицея потребовалось воздухоплаваніе, онъ сдѣлался бы аэронавтомъ, причемъ конечно болѣе ознакомился бы съ этою наукой и вѣроятно высказалъ бы не мало дѣльных замѣчаній. Я былъ увѣдомленъ что Павелъ Михайловичъ пріѣдетъ на Остоженку около пяти часовъ вечера. Пріѣхавъ туда въ шесть часовъ, я засталъ его на стройкѣ всего покрытаго пылью и известью, тяжело дышавшаго и окруженнаго мастеровымъ людомъ и надсмотрщиками которымъ онъ что-то толковалъ. А между тѣмъ ему предстояло произвести экзаменъ двумъ юношамъ пожелавшимъ поступить въ число воспитанниковъ Лицея. Экзаменъ этотъ онъ производилъ долго, потому имѣлъ продолжительный разговоръ съ отцомъ будущихъ лицеевцевъ, причемъ весьма подробно разспрашивалъ объ ихъ характерѣ, наклонностяхъ и т. д. Только-что окончился экзаменъ какъ пріѣхалъ одинъ господинъ, а вслѣдъ за нимъ молодой ученый Э., долженствовавшій на слѣдующій день отправиться за границу для приготовленія себя къ званію профессора древнихъ языковъ. Попросивъ у меня извиненія и прося обождать чтобы потомъ переговорить на досугѣ, Павелъ Михайловичъ занялся разговоромъ съ г. Э. и подробно указалъ ему въ чемъ должны будутъ состоять его занятія, какихъ надлежитъ ему слушать профессоровъ, — словомъ, вникалъ въ малѣйшія подробности академической жизни г. Э., что, конечно, со стороны послѣдняго вызвало самую искреннюю благодарность. Наконецъ, въ десять часовъ вечера, очередь дошла до меня, и Павелъ Михайловичъ, какъ ни въ

чемъ не бывало, тотчасъ же по обыкновенію своему углубился въ предложенные мною ему вопросы; онъ сталъ предлагать мнѣ всевозможныя комбинаціи, и притомъ съ такою ясностію и отчетливостію, съ такою свѣжею памятію и такъ бодро что оставалось только удивляться. Послѣ продолжительной бесѣды, змѣтивъ уже около полуночи что Павелъ Михайловичъ дышетъ тяжело и кажется весьма утомленнымъ, я началъ собираться въ путь. „А вы уже торопитесь, сказалъ онъ мнѣ съ легкимъ упрекомъ;—вѣдь еще рано, а дѣло это нужно хорошо обдумать!“ Я опять сѣлъ и помню что ушелъ далеко за полночь. На мое пожеланіе ему спокойной ночи, П. М. легко улыбнулся, но ничего не сказалъ; а какъ только я вышелъ изъ кабинета, меня замѣнилъ лицейскій тудоръ, съ огромною кипю тетрадей въ рукахъ. Я узналъ потомъ что бесѣда ихъ длилась до четырехъ часовъ утра!

„Такъ способенъ былъ работать этотъ труженикъ на пользу дѣла которому посвятилъ онъ почти всю жизнь. На послѣднемъ лицейскомъ актѣ, истомленный лихорадкой и едва держась на ногахъ, Павелъ Михайловичъ изложилъ предъ слушателями всѣ подробности касающіяся хода учебно-воспитательнаго дѣла; чрезвычайно подробно говорилъ о ходѣ постройки новаго зданія Лицея, привелъ множество цифръ и тутъ же показалъ планы. Во все это время въ немъ замѣтно было крайнее изнеможеніе; но какъ одушевился онъ когда пришлось ему говорить о воспитанникахъ окончившихъ курсъ гимназическихъ классовъ и удостоенныхъ званія студентовъ! Съ какою любовью указалъ онъ на молодыхъ людей заслужившихъ похвалу! На истомленномъ лицѣ отразилась душевная радость, и голосъ сталъ звучнѣе. Оправившись отъ болѣзни, онъ сталъ заниматься дѣлами попрежнему, съ обычною энергіей, хотя организмъ ослабѣвалъ все болѣе и болѣе, и никакія просьбы, ни совѣты не могли побудить его хоть нѣсколько уменьшить занятія. На смертномъ одрѣ, несмотря на совершенный упадокъ силъ, онъ продолжалъ заниматься дѣ-

лами, и за день до кончины разматривалъ и обсуждалъ проектъ Лицейской церкви. Надѣялся ли онъ дожить до возжеланнаго для него дня открытія новаго зданія или же чувствовалъ близкую кончину, но скрывалъ ее, дабы не опечалить окружающихъ — остается неизвѣстнымъ: извѣстно только то что какъ тихо и невозмутимо трудился онъ при жизни, такъ тихо и безмятежно отошелъ и въ вѣчность. Провидѣніе судило ему видѣть многіе плоды трудовъ своихъ, но многого, чѣмъ особенно дорожилъ Павелъ Михайловичъ, ему не суждено было довести до конца“....

Въ № 97 *Московскихъ Вѣдомостей* отъ имени издателя этой газеты и *Русскаго Вѣстника* сказано слѣдующее:

„Подъ страшнымъ поразившимъ меня ударомъ, у меня не было словъ обращаться къ публикѣ съ моимъ личнымъ горемъ или оцѣнивать понесенную всѣми утрату. Я и теперь едва въ силахъ говорить объ этой утратѣ. Человѣкъ котораго мы всѣ лишились былъ для меня не то что для всѣхъ. Въ немъ потерялъ я и не просто близкаго человѣка, товарища, друга. Я потерялъ въ немъ часть своего существа, и притомъ лучшую. Во мнѣ нѣтъ ничего что не было бы съ нимъ связано и что не болѣло бы теперь съ его утратой. Въ продолженіе всей зрѣлой поры нашей жизни мы были неразлучны съ нимъ до послѣднихъ тайниковъ мысли и сердечныхъ движеній. Прошло около тридцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мы узнали другъ друга. Симпатическія отношенія установились между нами сразу, и до конца ни на мгновеніе не колебались. Въ теченіе почти двадцати лѣтъ насъ соединяла совокупная дѣятельность, и семнадцать лѣтъ мы жили, почти не разставаясь, подъ однимъ кровомъ. Между нами не было никакой розни. Мысль возникавшая въ одномъ непосредственно продолжала дѣйствовать и зрѣть въ другомъ. Онъ былъ истиннымъ хозяиномъ моего дома, душой моей семьи; всѣ дѣти мои его крестники, и ничего у насъ безъ его благословенія и согласія

не дѣлалось. Между имъ и мною не было ни разу не только ссоры, но и серьезнаго разногласія. Единственнымъ поводомъ къ горячимъ объясненіямъ между нами были мои усилія оторвать его отъ чрезмѣрныхъ трудовъ, которые онъ налагалъ на себя. Всегда спокойный и невозмутимый, онъ въ этихъ случаяхъ, при настойчивости съ моей стороны, обнаруживалъ необычное ему раздраженіе. Онъ готовъ былъ принять на себя всякій трудъ для другихъ, но ни чье вліяніе не было сильно убѣдить его чтобъ онъ облегчилъ себя въ трудѣ. Бывали и еще споры, которые забавляли нашихъ друзей; когда я протестовалъ противъ пристрастій его дружбы ко мнѣ, противъ преувеличеннаго мнѣнія о моихъ способностяхъ и достоинствахъ, не позволявшаго ему, несмотря на все мои настоянія, что-нибудь измѣнить или исправить въ моихъ писаніяхъ и заставлявшаго его пассивно подчиняться моей инициативѣ, между тѣмъ какъ я, напротивъ, нуждался гораздо болѣе въ его указаніяхъ и совѣтахъ.

„Смерть открыла его всемъ и дала всемъ почувствовать его цѣну. Теперь все признають его высокія умственные и нравственные достоинства, все отдають справедливость его заслугамъ.

„Но долгъ близкихъ къ нему, мой долгъ по преимуществу, засвидѣтельствовать о младенческой чистотѣ и чуждости его души, о безпредѣльной преданности его любви. Вотъ человѣкъ который никогда ни при чемъ не думалъ о самомъ себѣ. Мысль о себѣ ни къ чему у него не примѣшивалась. Онъ никогда не раздвоился между собою и дѣломъ которое занимало его, между собою и тѣмъ кого любилъ. Онъ никогда ничего не искалъ для себя и ничего за себя не боялся. Отсюда спокойствіе его духа, его самообладаніе, отсюда энергія съ которою онъ овладѣвалъ всякимъ дѣломъ; оттого всякое дѣло такъ удивительно спорилось въ его рукахъ. Оттого у него совсѣмъ не было того что обыкновенно называютъ нервностью. Оттого онъ никогда не приходилъ въ уныніе, и мучительная физическая боль не сильна была прерывать теченіе его мыслей и отвлекать его отъ занятія.

Бывало въ этихъ случаяхъ только взглядъ близкаго человека могъ усмотрѣть на его лицѣ черту страданія и изъ легкаго, чуть слышнаго покрехтыванія заключить о силѣ боли. Самоотверженность которою были запечатлѣны всѣ движенія его души, всѣ его дѣйствія не была у него плодомъ усилій и борьбы; ему никогда не приходилось подавлять въ себѣ инстинкты самолюбія и себялюбія: такихъ инстинктовъ въ немъ вовсе не было. Самоотверженность была благодатью его природы. Онъ былъ счастливъ счастьемъ другихъ. Не было для него большей радости какъ услыхъ тѣхъ кого онъ любилъ. Ему было пріятно оставаться въ тѣни и неизвѣстности, и во всемъ онъ выбиралъ себѣ что потяжеле и похуже. Никакая хвала обращенная лично къ нему не дѣйствовала на него, но друзья наши знаютъ какъ легко было подкупить его добрымъ словомъ о его товарищѣ. Достоинство любви не зависитъ отъ того на что она обращается, и она остается свята при всемъ недостоинствѣ ея предметовъ.

„Съ другой стороны, истинное, не переходящее достоинство дѣлъ человѣческихъ опредѣляется любовью. „Если я, говоритъ Апостолъ (Коринѣ. I, 13), раздамъ все имѣніе мое и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю; имѣть мнѣ въ томъ никакой пользы.“ Апостолъ исчисляетъ признаки любви. „Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а радуется истинѣ, все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ...“ Таковъ именно былъ человекъ котораго мы лишились. Таковы были черты его духовнаго облика. Любовь, которая, по слову Апостола, и въ вѣчности сохраняетъ свою силу, тогда какъ другія совершенства человѣческія упраздняются, перенесъ онъ съ собою въ другой міръ какъ свое неотъемлемое достояніе, покинувъ суету земной дѣятельности и предметы своей любви.

„Онъ былъ незлобивъ какъ младенецъ, и если у него были враги, то развѣ по ошибкѣ и недоразумѣнію. Иног-

да онъ могъ казаться слишкомъ мнительнымъ и недо-
вѣрчивымъ. Но если онъ былъ иногда мнителенъ, то
единственно по отношенію къ дѣлу которому служилъ;
во всемъ же что касалось его лично онъ былъ младен-
чески довѣрчивъ. Онъ могъ казаться слишкомъ расчет-
ливымъ, и онъ дѣйствительно былъ таковъ въ интересѣ
общественномъ или другихъ людей; но во всемъ что ка-
салось его лично, онъ былъ само безкорыстіе, сама до-
брота. Руки его всегда были открыты для благодѣяній,
и не только руки, но и сердце. Самъ онъ довольствовалъ
ся безконечно малымъ; привычки его отличались почти
аскетическою умѣренностію. Благодѣяній своихъ онъ не
считалъ, и никогда не услаждался ихъ опіямомъ. До-
брыя дѣла свои онъ дѣлалъ не оглядываясь на себя и
не вмѣняя ихъ себѣ въ заслугу. На немъ поистинѣ
сбывалось евангельское слово о десницѣ не вѣдающей
что творить шуйца. Благодѣянія его сопровождались
живымъ личнымъ участіемъ и заботливостію, безъ кото-
рыхъ простая раздача денегъ, по слову Апостола, не
приноситъ пользы дающему и не имѣетъ нравственной
цѣнности. Всякому кто имѣлъ въ немъ надобность отда-
валъ онъ себя въ полное распоряженіе. Кому былъ ну-
женъ его совѣтъ или содѣйствіе, могъ брать у него сколь-
ко хотѣлъ времени какъ будто это былъ самый праз-
дный на свѣтѣ человѣкъ; всякій находилъ въ немъ пол-
ное, всегда свѣжее, всегда заботливое вниманіе, какъ
будто никакихъ другихъ дѣлъ у него не было. Съ уди-
вительнымъ терпѣніемъ выслушивалъ онъ всякаго и
самъ затягивалъ рѣчь чтобы глубже войти въ подро-
бности дѣла, какъ бы оно ни было чуждо ему и какъ бы
съ общей точки зрѣнія ни казалось мелкимъ. Онъ обла-
далъ непобѣдимымъ здравомысліемъ и тонкостью всегда
основательнаго практическаго сужденія; но онъ былъ
способенъ къ самому возвышенному энтузіазму, и нѣтъ
высоты на которую не восходилъ бы его умъ. Онъ былъ
глубоко вѣрующій человѣкъ, и религіозныя убѣжденія
самаго положительнаго свойства были у него не въ раз-
ладѣ, но въ полномъ согласіи съ его разумомъ.

„Въ тишинѣ и смиреніи своего сердца, онъ не былъ человѣкомъ начинаній. Онъ не любилъ опираться на свою волю. Его дѣятельность, къ чему бы ни приступалъ онъ, была всегда какъ бы подвигомъ послушанія. Но войдя въ дѣло, онъ весь отдавался ему, не колебался, не оглядывался, не медлилъ, не откладывалъ. За принятымъ рѣшеніемъ тотчасъ же слѣдовало у него исполненіе, и вступалъ въ дѣйствіе его необыкновенный организаторскій даръ. Мысль тотчасъ же принимала у него дѣловой оборотъ. Отдавшись дѣлу, онъ запрягался въ него и становился его чернорабочимъ, и въ дѣлѣ его служенія не было для него неважныхъ мелочей. Но въ подробностяхъ никогда не терялась имъ идея цѣлаго; она одушевляла его во всемъ и постоянно направляла его дѣятельность, придавая всѣмъ развѣтвленіямъ ея высокій смыслъ и цѣну.

„Стройка лицейскаго дома показала до какихъ подробностей могъ доходить онъ въ своемъ трудѣ. Взявшись, по порученію совѣта Лицея, за веденіе этого дѣла, онъ не ограничивался общимъ бдительнымъ надзоромъ надъ ходомъ работъ и распредѣленіемъ занятій между представленными лицами; онъ, еслибы можно было, самъ положилъ бы каждый кирпичъ въ стѣнахъ зданія. Съ архитекторами онъ былъ архитекторъ, какъ будто весь вѣкъ специально занимавшійся строительнымъ дѣломъ. Ни одна подробность при составленіи плановъ не ускользнула отъ его вниманія; все имъ предусматривалось, направлялось, поправлялось. Всѣ техническія производства связанныя съ постройкой зданія, системы отопленія, вентиляціи, волопроводовъ, были изучены имъ съ отчетливостію изумлявшею мастеровъ, которые едва могли поспѣвать за нимъ. Заводчики и подрядчики съ которыми онъ имѣлъ дѣло по заготовленію строительныхъ матеріаловъ и производству работъ не лучше его знали все относящееся къ ихъ промысламъ и въ техническомъ, и въ экономическомъ отношеніи.

„Въ послѣдніе годы своей жизни, онъ посвятилъ Лицею не только всю свою дѣятельность, но всю душу свою.

„Мысль объ учрежденіи этого учебнаго заведенія была вызвана въ насъ вопросомъ объ общей учебной реформѣ въ нашемъ отечествѣ. Проникнутые убѣжденіемъ, что безъ этой реформы тщетны были бы всѣ обновляющія движенія въ нашей народной жизни, что только путемъ образованія можетъ совершиться наше народное обновленіе и что для обезпеченія судебъ нашего отечества необходимо прежде всего поставить будущихъ учителей и руководителей народа въ правильныя условія воспитанія, мы посвящали этому предмету всю энергію къ какой только были способны. „Надобно было не только „разъяснять, но и бороться“, писали мы въ 1867 году (*Моск. Вѣд.* № 209). „Въ эту борьбу положили мы свою „душу; мы слѣдили за ея перепетіями съ трепетомъ и „сердечною болью. Чѣмъ яснѣе представлялось намъ „дѣло, чѣмъ глубже были убѣждены мы въ жизненной „важности вопроса подлежащаго рѣшенію, тѣмъ вос- „примчивѣе были мы ко всему что могло возбуждать „опасеніе за благополучный исходъ его. То была истин- „ная мука Сизифа. Сколько разъ дѣло казалось выигран- „нымъ, и сколько разъ снова подвергалось сомнѣнію и „замѣшательству! Вскорѣ мы увидѣли себя въ положеніи людей которые, приложивъ свое плечо къ общему „дѣлу, вдругъ почувствовали на себѣ чуть ли не всю „его тяжесть. Само собою развилось въ насъ чувство „какъ бы нравственной отвѣтственности предъ этимъ „дѣломъ, подъ тяжестію котораго мы не разъ изнемогали. „Оно стало для насъ какъ бы фактомъ нашей жизни, и „мы невольны не принимать сердечнаго участія въ судь- „бахъ его.“

Мы почувствовали тогда что одной аргументаціи, сколько бы мы ни вливали въ нее нашего разумія и энергіи, было недостаточно, что отъ людей преданныхъ дѣлу требовались еще другія усилія. И вотъ возникла у насъ мысль устроить учебное заведеніе которое не было бы нашею частною собственностію, но было бы такъ организовано чтобъ управленіе его имѣло полную свободу дѣйствій. Мы принимали на себя всю отвѣтствен-

ность въ направленіи дѣла по плану давно нами обдуманному, и въ выборѣ лицъ достойныхъ и способныхъ нести педагогическія обязанности, и предоставляли себѣ право распоряжаться въ немъ по своему усмотрѣнію въ предѣлахъ утвержденного законодательствомъ устава. Но у насъ не было и мысли о томъ чтобы тому или другому изъ насъ взять на себя обязанности главнаго учителя или директора. Отвѣтственность за выборъ директора и за его дѣятельность брали мы на себя, но ни тотъ ни другой изъ насъ не предполагалъ взять на себя самое это званіе, не потому только что другія наши обязанности и занятія не давали намъ возможности сосредоточить на этой должности столько времени и силы сколько она, по нашему разумѣнію, требовала, но еще болѣе потому что ни тотъ ни другой изъ насъ тогда не чувствовалъ себя призваннымъ и готовымъ къ практической дѣятельности педагога.

„Когда мы обдумывали планъ Лицея, мы имѣли въ виду одно изъ близкихъ къ намъ тогда лицъ на директорскую должность, чѣмъ и было ускорено наше рѣшеніе. Но предположеніе это не состоялось; не сбылись потомъ и другія предположенія. А между тѣмъ жизнь начавшагося заведенія уже втянула въ себя душу нашего друга своими призывами къ труду, самоотверженію и дѣламъ любви. Здѣсь онъ сразу почувствовалъ себя въ своей стихіи, и вскорѣ весь отдался ей.

„Да и какое иное дѣло могло такъ соответствовать его природѣ, всѣмъ способностямъ и влеченіямъ его души? Его высокое научное образованіе, его умъ методически воспитанный и навѣнчанный въ правильномъ трудѣ, его филологическая спеціальность при обширныхъ и основательныхъ познаніяхъ по всѣмъ предметамъ общаго образованія, его почти тридцатилѣтняя опытность въ университетскомъ преподаваніи, практической складъ его мысли, невозмутимое спокойствіе, самообладаніе и всегдашняя ясность его духа, непоколебимая твердость его нравственныхъ и политическихъ правилъ, глубоко искренняя, совершенно положительная вѣра, наконецъ

та святая любовь которою была исполнена его душа, — удивительное сочетаніе качествъ для того чтобъ упрочить и одушевить учебно-воспитательное заведеніе такихъ размѣровъ и такого характера какъ нашъ Лицей, восходящій отъ приготовительнаго класса съ восьмилѣтними малютками до высшихъ степеней научнаго образованія по университетскимъ факультетамъ. Здѣсь открывался безграничный просторъ его дѣятельности; здѣсь находило себѣ примѣненіе все чѣмъ душа его, въ своей скромности, была такъ неистощимо богата... Какъ основатель и членъ правленія Лицея, онъ былъ въ немъ хозяиномъ и не нуждался въ званіи директора для того чтобы дѣлать все то добро къ которому былъ способенъ. Дѣятельность его съ самаго начала простерлась во всѣ стороны и обняла все сверху до низу. Онъ разомъ несъ на себѣ всѣ службы учебно-воспитательнаго заведенія. Онъ былъ всѣмъ въ заведеніи, и замѣщалъ собою всякое отсутствіе, восполняя всякій недостатокъ. Наконецъ, въ 1872 году, открылся старшій классъ Лицея, и Павелъ Михайловичъ, оставивъ университетъ, формально принялъ на себя должность главнаго учителя или директора, которая въ его лицѣ, какъ основателѣ заведенія, имѣла особое значеніе.

„Всѣ въ Лицѣ и окрестъ его, воспитатели, воспитанники, ихъ родители, знаютъ чѣмъ былъ онъ для этого заведенія. Внутреннее существо его, что жило и дѣйствовало втайнѣ и проявлялось лишь въ негласныхъ отношеніяхъ человѣка къ человѣку, то стало фактомъ общественнымъ и очевиднымъ. Положеніе въ которомъ онъ очутился выдало тайну его души и огласило его. Всѣ чувствовали себя въ присутствіи чего-то необыкновеннаго. Предъ всѣми, изо дня въ день, приносилъ себя въ жертву человѣкъ не по вынужденію обстоятельствъ, не по принятому правилу, не въ исполненіе наложеннаго долга, но изъ чистой любви, въ простотѣ и смиреніи. Почтительное, можно сказать благоговѣйное чувство невольно возбуждалось у всѣхъ, и вотъ оно сказалось когда человѣка не стало. Не всѣ однако могли

знать какъ глубоко простиралась заботливость покойнаго не только объ общихъ дѣлахъ Лицея, но о каждомъ изъ юныхъ существъ, ему вѣранныхъ, какъ принималъ онъ къ сердцу ихъ благосостояніе и совершенствованіе. Они не знали, эти дѣти и юноши, какъ тяжело обходился ему всякій дурной поступокъ кого-либо изъ нихъ, какихъ мучительныхъ заботъ стоила ему всякая замѣченная имъ неодобрительная наклонность или порча. Но я могу свидѣтельствовать объ этомъ; мнѣ онъ повѣрялъ свои наблюденія, со мною дѣлился своими заботами, ища совѣта и опоры для своихъ рѣшеній. Черезъ него я близко узнавалъ всѣ особенности характера и умственного склада воспитанниковъ выдающихся и въ хорошемъ и въ дурномъ смыслѣ. Онъ вводилъ меня въ тайники ихъ дѣтскихъ душъ, раскрывавшихся предъ зоркостью его любви. Бывало, возвратившись изъ Лицея, онъ проводилъ цѣлые часы, урывая ихъ у своего сна, въ обсужденіи какого-нибудь случая школьной жизни, какого-нибудь признака замѣченнаго имъ въ характерѣ мальчика или мѣры которую требовалось принять относительно виновнаго. Въ этихъ случаяхъ, наединѣ съ человѣкомъ которому онъ все повѣрялъ, онъ нерѣдко измѣнялъ своему характеру, всегда спокойному и твердому: онъ колебался, волновался, возвращался на свои рѣшенія, и окончательное рѣшеніе его выходило пережитое и проверенное всѣмъ существомъ его.

„Но если юные питомцы Лицея не знали какъ много мѣста занимали они въ заботахъ и думахъ своего воспитателя, то они должно-быть хорошо чувствовали это. Да, они это чувствовали, и мы видѣли какъ сказалось это чувство у его гроба. Каждый изъ нихъ, на комъ останавливался его взглядъ, чувствовалъ себя живымъ существомъ, не исчезающимъ въ массѣ, цѣлью помысленій, предметомъ вниманія и заботъ. Онъ не баловалъ ихъ, онъ не старался пріобрѣсти ихъ привязанность уступками и поощреніями; напротивъ, онъ былъ требователенъ и строгъ, но выходило нерѣдко такъ что кто-боже испыталъ на себѣ его требовательность и стро-

гость, тотъ болѣе и глубже полюбилъ его. У его гроба рыдали и горячо молились юноши, быть-можетъ не разъ роптавшіе на него при жизни.

„Посѣтителямъ Лицея было странно видѣть массу дѣтей безцеремонно рѣзвившихся въ то время какъ между ними запросто проходилъ, слѣвша отъ дѣла къ дѣлу, главный начальникъ заведенія. Можно было счесть его за незначащее должностное лицо при заведеніи, или подумать что заведеніе находится въ разстройствѣ, что въ немъ нѣтъ ни порядка, ни дисциплины. Но для внимательнаго наблюдателя вскорѣ оказывалось что этотъ человѣкъ пользуется здѣсь безграничнымъ авторитетомъ, что одного имени его достаточно чтобы смирить самаго непокорнаго; что это мнимо дезорганизованное заведеніе создано по образу доброй семьи гдѣ господствуетъ полная непринужденность и гдѣ не требуется условныхъ правилъ, гдѣ дозволяется все кромѣ дурнаго. Но для того чтобы осуществить въ большомъ общественномъ учебномъ заведеніи образъ семейства, требуются необыкновенныя качества отличавшія покойнаго, и прежде всего его святое самозабвеніе въ заботахъ о другихъ.

„Особенно надо было видѣть его въ лазаретѣ заведенія, у постели опасно больного. Досточтимый отецъ Головинъ, законоучитель Лицея, воздававшій хвалу усопшему надъ его еще незакрывшимся гробомъ въ церкви, сказалъ что покойный былъ не только отцомъ, но и матерью ввѣренныхъ его попеченію дѣтей. Въ этихъ выразительныхъ словахъ нѣтъ преувеличенія. И нѣжность материнской любви всего болѣе обнаруживалась въ его уходѣ за опасно больными дѣтьми. Сами матери, которымъ случалось заставлять его въ такихъ заботахъ о ихъ дѣтяхъ, съ благоговѣйнымъ удивленіемъ узнавали въ немъ свое чувство, и сознавались что онѣ не могли бы съ большимъ самозабвеніемъ, съ большею зоркостью, нѣжностью и чуткостью ходить за своими дѣтьми. Святая любовь которая жила въ его душѣ дѣйствительно соединяла въ немъ дальновидную попечительность добраго отца съ тонкостью и нѣжностью материнскаго чув-

ства. Лицей не разъ посѣщали опасныя болѣзни, но благодареніе Богу, въ стѣнахъ его не было ни одного смертнаго случая между воспитанниками. Мы много обязаны искусству и заботливости состоящаго при заведеніи врача. Но всѣмъ въ Лицеѣ извѣстно съ какою неутомимою энергіей боролся покойный съ опасностію угрожавшею больному, какъ неистощимо изобрѣтателенъ, и какъ стойкъ, какъ неуступчивъ, какъ непобѣдимо упоренъ былъ онъ въ этой борьбѣ....

„Что будетъ теперь, спрашиваютъ иные, съ осиротѣвшимъ Лицеемъ? Устоитъ ли онъ? Кто замѣнитъ отшедшаго? Замѣнитъ его никто не можетъ; но дѣло въ которое внесена святыня его любви, не можетъ не быть прочно, — дѣло подъ которымъ похоронилъ себя этотъ поистинѣ праведный человѣкъ, не можетъ не устоять, какъ бы ни слабы были руки которымъ достанется поддерживать его.

„Внутреннее устройство Лицея можетъ считаться завершеннымъ; память которую оставилъ въ немъ усопшій устроитель пребудетъ руководящимъ и направляющимъ началомъ для дальнѣйшей жизни этого заведенія. На обязанности болѣе прочихъ близкаго и болѣе всѣхъ осиротѣвшаго человѣка лежитъ собрать всѣ слѣды его на землѣ и возстановить всѣ черты его духовнаго облика.

„Будемъ надѣяться что Богъ пошлетъ намъ средства докончить къ назначенному сроку и самое зданіе воздвигнутое имъ для Лицея съ неимоверною быстротой. Эта колоссальная постройка, удивительная по своимъ приспособленіямъ къ педагогическому дѣлу, послужитъ усопшему достойнымъ памятникомъ.

„Ежедневно церковь молится о „безболѣзненной, непостыдной и мирной кончинѣ“. Смерть человѣка котораго мы оплакиваемъ была поистинѣ такою кончиною. Она достойно завершила его земную жизнь.... М. К.“

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМЪ СТО ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

М А Р Т Ъ

	Стр.
Война и революція. Очерки нашего времени. Продолженіе. <i>В. П. Безобразова</i>	6
Осада Коринѳа. Поэма лорда Байрона. <i>Д. Е. Мина</i>	36
Университетскій вопросъ. Гл. XIV—XX. <i>Н. А. Любимова</i>	69
Законъ и женщина. Романъ. Вилки Коллинза. Переводъ съ англійскаго. Часть вторая. Гл. XXXV—XLII.	124
Тапти. Листки изъ записной книжки. <i>Тиманскаго</i>	188
Парижскіе силуэты. <i>Петра Петрова</i>	213
Церковище. Стихотвореніе. <i>М. А. Хитрово</i>	243
Анна Каренина. Романъ. Часть вторая. Гл. XI—XXVII. <i>Гр. Л. Н. Толстаго</i>	246
Новыя сочиненія Всеволода Крестовскаго: 1) <i>Кровавый Путь</i> . Хроника о новомъ смутномъ времени государства Россійскаго. С.-Петербургъ, 1875. 2) <i>Изъ походныхъ очерковъ</i> . С.-Петербургъ, 1872. 3) <i>На западъ и на востокъ</i> . С.-Петербургъ, 1872. <i>А.</i>	317
По поводу одной новой повѣсти. <i>Т. Н.</i>	343

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Парижане. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. Переводъ съ англійскаго. Книга одиннадцатая, гл. I—III.
Военныя дѣйствія на Океусѣ и паденіе Хивы. Макъ-Гахана. Переводъ съ англійскаго (съ рисунками). Часть первая, гл. XIV—XXI. Часть вторая, гл. I—V.

А П Р Ъ Л Ъ.

	<i>Стр.</i>
Какъ установилось единодержавіе Петра. <i>М. П. Погодина</i>	357
О правахъ нейтральныхъ. <i>Ю. А. Новосильцева</i>	416
Законъ и женщина. Романъ Вилки Коллинза. Переводъ съ англійскаго. Окончаніе.....	453
Отецъ и сынъ. Опытъ культурно-біографической хроники. Гл. I—II. <i>М. О. Де-Пуле</i>	494
Тетя Лена. Разказъ изъ чешской народной жизни Морица Гартмана. Переводъ <i>Н. Б-ва</i>	545
Анна Каренина. Романъ. Часть вторая. Гл. XXVIII—XXXI. Часть третья. Гл. I—X. <i>Гр. Л. Н. Толстаго</i>	572
Внутренняя политика Франціи за первую четверть года. <i>Петра Петрова</i>	642
Реальная беллетристика. <i>А</i>	671
Памяти Павла Михайловича Леонтьева.....	705

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Парижане. Романъ. Эдуарда Булвера, лорда Литтона. Переводъ съ англійскаго. Книга одиннадцатая. гл. IX—XIII.
Военныя дѣйствія на Оксусѣ и паденіе Хивы. Макъ-Гахана. Переводъ съ англійскаго (съ рисунками). Часть вторая, гл. VI—XI.

Сего 1го апрѣля 1875 года вышла и разослана подписчикамъ IV'я, апрѣльская, книга ежемѣсячнаго историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА.“

Содержаніе книги: I. С.-Петербургскій Воспитательный Домъ подъ управленіемъ Бецкаго, историческое изслѣдованіе А. П. Пятковского. — II. Кн. Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій, біографическій очеркъ по неизданнымъ матеріаламъ: переписка и событія 1779—1786 гг. — III. Дѣти правительницы Анны Леопольдовны въ Даніи, разказъ по датскимъ извѣстіямъ. Сообщ. Ак. Я. К. Гротъ. — IV. Василій Назаровичъ Каразинъ, основатель Харьковскаго университета; мысли его о народномъ просвѣщеніи въ Россіи. — V. Воспоминанія перваго камеръ-лажа великой княгини (императрицы) Александры Ѳеодоровны, 1817—1819 гг. К. Ѳ. Багровъ; — Пажескій корпусъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ; — начальство и обученіе лажей; — служба камеръ-лажей при дворѣ; — императрица Марія Ѳеодоровна и жизнь ея въ Павловскѣ; — бракосочетаніе великаго князя Николая Павловича; — первые мѣсяцы, проведенные новобрачными въ Павловскѣ; — отъѣздъ въ Москву и пр. — VI. Воспоминанія П. А. Каратыгина: театры и общество въ Петербургѣ въ царствованіе Александра Павловича; — разовыя свѣчки; — артистки Е. Семенова и Валберхова; — смерть актера Кондакова въ Москвѣ; — нѣмецкій театръ 1820хъ гг.; — Александръ Якубовичъ; — 14е декабря. — VII. Атаманъ Войска Донскаго Алексѣй Васильевичъ Иловайскій, 1821—1827 гг.: столкновеніе атамана съ генераломъ А. И. Чернышевымъ; — записка поданная Иловайскимъ въ 1826 г., объясненіе Чернышева и пр. — VIII. А. И. Тургеневъ, нѣсколько о немъ припоминаній. (Окончаніе.) Акад. И. И. Срезневскаго. — IX. А. С. Даргомыжскій и пребываніе его за границей въ 1864—1865 гг. — X. Неизданное стихотвореніе М. Ю. Лермонтова: въ альбомѣ товарищу по Московскому Университету Н. Поливанову, 1831 года. — XII. Листки изъ записной книжки *Русской Старины*: 1) Ширяй, эпизодъ изъ царствованія Павла. — 2) Письмо поэта Веневитинова, 1826 г. — Проводы княгини М. Н. Волконской въ Сибирь, 27го декабря 1826 г., — изъ дневника Веневитинова. — 4) Заключеніе предсказателя монаха Авеля въ Спасо-Евфимі-

евъ монастырь, въ 1826 г.—5) Пожаръ балагана Лемана въ 1836 г.—XIII. Петербургская Старина: рѣшенія императора Павла на всеподданнѣйшія прошенія въ 1798 г.—XIV. Библиографическій листокъ новыхъ книгъ.

Къ этой книгѣ приложенія: I. Портретъ В. Н. Каразина, основателя Харьковского университета, гравировалъ Акад. Л. А. Сѣряковъ. — II. Алфавитный указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ XII томѣ *Русской Старины*; и III. Записки генерала Манштейна о Россіи, 1727—1744 гг., переводъ съ французскаго, съ подлинной рукописи автора. Глава I—IV, событія 1727—1732 гг.

При этой книгѣ разсылается годовой отчетъ о *Складчиннѣ* изданіе русскихъ писателей въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая въ 1874 г.

Русская Старина изд. 1870, 1871, 1873 и 1874 годовъ разошлась сполна по подпискѣ.

Русская Старина 1872 года, изданіе второе, можно получить всѣ 12 книгъ съ приложеніями. Цѣна восемь рублей съ пересылкой. (Осталось 52 экзempl.)

Подписка на *Русскую Старину* изд. 1875 г. продолжается. 12 книгъ, съ портретами, рисунками и пр. приложеніями.

ЦѢНА 8 РУБ. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ *Русской Старины*—въ книжномъ магазинѣ А. О. Базунова (Невскій, 30); въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Ив. Григорьевича Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Гг. *инородныхъ* подписчиковъ просятъ *исключительно* обращаться въ редакцію *Русской Старины* въ С.-Петербургѣ Надеждинская, въ домѣ Трута, кв. № 12.

Примѣчаніе. Въслѣдствіе многократныхъ требованій, редакція приступила къ печатанію новаго (третьяго) изданія *перваго* года *Русской Старины*, т.-е. 1870 г., двѣнадцати книгъ со всѣми приложеніями и рисунками; желающіе получить это изданіе благоволятъ присылать восемь рублей, дабы своевременно получить это изданіе по его отпечатаніи. Цѣна 8 руб. съ пересылкой.

Вышла и раздается гг. подписчикамъ АПРѢЛЬСКАЯ книжка историческаго, иллюстрированнаго сборника „ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ“.

Содержаніе ея слѣдующее:

Текстъ: I. Станиславъ Лещинскій. Историко-біографическій очеркъ. *О. М. Уманца.*—II. Малорусскія народныя думы и кобзарь Остапъ Вересай. Проф. *О. О. Миллера.*—III. А. С. Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ.—*А. С. Суворина.*—IV. Два лалідарныхъ памятника. *А. Н. Савельева.*—V. Черты изъ жизни графа Аракчеева. III. Сельское хозяйство и порядки, введенныя Аракчеевымъ въ Грузинской волости. *И. К. Отто.*—VI. Восхожденіе на Денежкинъ камень, въ 1873 году. VII. Библіографія. 1) А. Т. Болотовъ. Памятникъ протекшихъ время и краткія записки о бывшихъ происшествіяхъ и носившихся въ народѣ слухахъ. М. 1875. *Б. Гив.*—2) Очеркъ русской морской исторіи. *О. Веселаго.* Ч. I. Спб. 1875. *Е. А. Бѣлова.*—VIII. Воспоминаніе объ А. И. Артемьевѣ и письма его. *К. Н. Тихонравова.*—IX. Нѣсколько свѣдѣній о дѣятельности М. Л. Магницкаго по отношенію къ Сибирской гимназій. *Н. Н. Соболева.*—X. Городища и курганы въ Минской губерніи.—XI. Указатель книгъ по русской исторіи, географіи и этнографіи, вышедшихъ съ 1го января по 8е марта 1875 года. *Рисунки:* 1) Станиславъ Лещинскій.—2) Кобзарь Остапъ Вересай.—3) А. С. Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ (храмолитографія съ картины профес. Н. Н. Ге).—4) Снимокъ съ одного изъ лалідарныхъ памятниковъ.—5) Крестьянскіе дома въ селѣ Грузинѣ при графѣ Аракчеевѣ.—6) Ворота на Денежкиномъ камнѣ.

Первыя три книжки Сборника вышли своевременно. Содержаніе ихъ слѣдующее:

ЯНВАРЬСКАЯ КНИЖКА.

Текстъ: I. В. Н. Татищевъ, администраторъ и историкъ первой половины XVIII столѣтія. Гл. I—IV. Проф. *К. Н. Бестужева-Рюмина.*—II. Сенатъ въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II. Профессора *С. М. Соловьева.*—III. Царевичъ Алексѣй Петровичъ. Проф. *Н. И. Костомарова.*—IV. Эпизодъ изъ литературы тридцатыхъ годовъ. (Три повѣсти Пав-

лова.) Академ. *М. И. Сухомякина*. — V. Очерки Восточной Сибири: I. Общая характеристика Восточной Сибири. *П. А. Ровинскаго*. — VI. А. И. Артемьевъ. Некрологъ. *П. Н. Петрова*. — VII. Черты изъ жизни графа Аракчеева: I. Родственники графа Аракчеева. *И. К. Отто*. — VIII. Библиографія. *Рисунки*: 1. В. Н. Татищевъ. — 2. Петръ I и царевичъ Алексѣй Петровичъ. (Съ картины проф. Ге.) — 3. Кронпринцесса Шарлота-Софія (супруга царевича Алексѣя Петровича). — 4. Бирюса, пограничное селеніе Иркутской губерніи, послѣ лѣснаго пожара и наводненія. — 5. Видъ Тельминской фабрики. — 6. А. И. Артемьевъ. — 7. Шлемъ великаго князя Ярослава Всеволодовича.

ФЕВРАЛЬСКАЯ КНИЖКА.

Текст: I. Воспитаніе Екатерины II. Академ. *Я. К. Гро-та*. — II. В. Н. Татищевъ, администраторъ и историкъ первой половины XVIII столѣтія. Гл. V и VI. Проф. *К. Н. Бестужева-Рюмина*. — III. Царевичъ Алексѣй Петровичъ. (Окончаніе.) Проф. *Н. И. Костомарова*. — IV. Эллино-скиѣ-скій міръ на берегахъ Понта. Историко-этнографическій очеркъ. Гл. I—III. Проф. *Д. И. Пловайскаго*. — V. Иосафъ Батуричъ. Эпизодъ изъ исторіи царствованія императрицы Елисаветы Петровны, по архивнымъ документамъ. *А. П. Барсукова*. — VI. Калиостро въ Петербургъ, въ 1779 году. *Е. П. Карновича*. — VII. Очерки Восточной Сибири: I. Иркутскъ, его настоящее и прошлое. *П. А. Ровинскаго*. — VIII. Библиографія. — IX. Историческіе матеріалы. *Рисунки*: 1. Императрица Екатерина II (въ молодости). — 2. Принцъ Христіанъ Ангальтъ-Цербстскій (отецъ Екатерины II). — 3. Принцесса Іоанна-Елисавета Ангальтъ-Цербстская (мать Екатерины II). — 4. Царица Евдокія Федоровна. — 5 и 6. Двѣ древнія вазы съ изображеніями Скивовъ. — 7. Калиостро. — 8. Видъ Иркутска.

МАРТОВСКАЯ КНИЖКА.

Текст: I. Графъ П. А. Толстой. 1645—1729. Биографическій очеркъ. Проф. *Н. А. Попова*. — II. Безвѣстный герой смутнаго времени. *Н. Е. Забѣлина*. — III. В. Н. Татищевъ, администраторъ и историкъ первой половины XVIII столѣтія. Гл. VII и VIII. Проф. *К. Н. Бестужева-Рюмина*. — IV. Князь-инокъ Вассіанъ Патрикѣевъ. Историко-литературный очеркъ. *Н. П. Хрущова*. — V. Эллино-скиѣскій міръ на берегахъ Понта. Историко-этнографическій очеркъ. Гл. IV—VI. (Окончаніе.) Проф. *Д. И. Пловайскаго*. — VI. Черты изъ жизни графа Аракчеева. II. Настасья Минкина и Михаилъ Шумскій. *И. К. Отто*. — VII. Очерки Восточной Сибири. II. На Кругобайкальской дорогѣ. — Нѣсколько словъ о климатѣ и

погодѣ.—Ангара и ея вліяніе на жизнь.—На перевозѣ.—Кая.—Прелестный уголокъ въ долині Іркута и зобатые.—Картинны природы.—Рабочіе на дорогѣ.—У Байкала. *П. А. Ровинскаго.*—VIII. Библиографія. Архивъ князя Воронцова. Кн. 7я. М. 1875 г. *Е. А. Бллова.*—IX. Русская театральная публика во времена Сумарокова. *Д. П. Дмитриева.*—X. Смѣсь. Города и курганы въ Минской губерніи. *Рисунки:* 1. Графъ П. А. Толстой.—2. Кресть преп. Иринарха.—3 и 4. Два вида пещеры и гробницы въ курганѣ Юзь-Оба.—5. Рабочіе изъ селенія Тунки на Кругобайкальской дорогѣ. (Большая хромо-литографія.)

ПОДПИСКА НА СБОРНИКЪ ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ принимается: въ Петербургѣ: въ главной конторѣ редакціи, на Невскомъ проспектѣ, рядомъ съ Пассажемъ, домъ № 46й; при типографіи и хромо-литографіи издателя В. И. Граціанскаго, и въ книжныхъ магазинахъ: А. Θ. Базупова, на Невскомъ просп., д. № 30й, и И. Г. Мартынова, на Вознесенскомъ просп., д. № 15й. Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, домъ Алексѣевыхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ДВѢНАДЦАТЬ КНИЖЕКЪ
ВЪ ГОДЪ 12 руб., съ доставкой на домъ 12 руб. 50 коп.,
съ пересылкой 13 руб. 50 коп. 3465.

ВАЖНАЯ ЗАМѢТКА.

№ 1164 ИЛЛЮСТР. НЕДѢЛИ выйдетъ 27го апрѣля, вмѣстѣ съ юмористич. альбомомъ: *ВОЯЖЪ Г. НЕЗАБУДКИ ВЪ ПЯТИГОРСКЪ, князя Оедора Николаевича Туркестанова.*

Такъ какъ послѣдній назначенъ для всѣхъ нашихъ подписчиковъ *безъ исключенія*, то мы покорнѣйше просимъ каждого изъ нихъ, при полученіи означеннаго номера, удостовѣриться прежде всего находится ли въ немъ альбомъ, въ противномъ случаѣ не принимать его; а затѣмъ *немедленно* увѣдомить насъ дабы мы могли обратиться съ жалобою въ газетную экспедицію.

Въ скоромъ времени въ ИЛЛЮСТР. НЕДѢЛИ будутъ помѣщены ПТИЦЫ НЕБЕСНЫЯ, очерки *В. И. Немировича-Данченко* и РАЗКАЗЪ ПРЕСТУПНИКА, *А. А. Шкляревскаго.*

ИЛЛЮСТР. НЕДѢЛЯ съ ИЛЛЮСТР. ВѢСТНИКОМЪ даютъ ежегодно матеріаловъ для чтенія болѣе чѣмъ на 50 томовъ обыкновенной печати. Журналъ этотъ, по разнообразію содержанія, смѣло можно назвать журналомъ *для всѣхъ и обо всѣхъ.*

Годовая цѣна ИЛЛЮСТР. НЕДѢЛИ съ перес. 6 руб., съ ИЛЛЮСТР. ВѢСТНИКОМЪ 9 руб. Всѣ новые подписчики получаютъ его, начиная съ первыхъ номеровъ, а вмѣстѣ съ ними и преміи *Иллюстр. семейный календарь и юмористич. альбомъ.* Адрес. *А. О. Бауману, Захарьевская, 27, въ Петербургѣ.* 4413.

ство плана, мало-по-малу свелось къ простымъ разбойническимъ набѣгамъ. Еслибы Хивинцы въ состояніи были оцѣнить собственныя выгоды, то могли бы безъ большаго труда и безо всякихъ потерь для себя представить Русскимъ во время ихъ движенія неодолимая препятствія, они могли бы вѣроятно даже запереть самый проходъ въ Хиву. Имъ легко было разрушить всѣ мосты; а такъ какъ при колоннѣ имѣлся всего одинъ мостъ, то Русскіе никакъ не были бы въ состояніи переправиться черезъ каналы, которые были очень быстры и глубоки, и часто достигали отъ 40 до 100 футовъ ширины. А между тѣмъ по всему пути мосты не только нигдѣ не были разрушены, но еще оказывались такими крѣпкими что подъ нихъ требовалось не болѣе двухъ-трехъ подпорокъ изъ древесныхъ стволовъ чтобы переправлять самыя тяжелыя пушки. Теперь однако непріятель приступилъ къ сожиганію мостовъ. На первое время это очень было затруднительно для движенія Русскихъ, но спустя нѣкоторое время они стали высылать впередъ кавалерію, которой удавалось почти всегда подъѣзжать вовремя къ подожженнымъ мостамъ и тушить огонь прежде чѣмъ онъ могъ причинить значительныя поврежденія.

Въ слѣдующіе дни нѣсколько разъ завязывалась перестрѣлка съ непріателемъ, который, какъ всегда, нападалъ на верблюдовъ и обозъ съ фуражемъ.

Армія шла теперь чрезвычайно плодородною страной. Однажды, когда войска проходили стѣю безчисленныхъ ручьевъ, каналовъ, густыхъ садовъ и глиняныхъ построекъ, они внезапно были окружены со всѣхъ сторонъ. Положеніе ихъ, посреди тѣсно застроеннаго узбекскаго селенія, сначала казалось весьма критическимъ. Но пробили нѣсколько глиняныхъ стѣнъ, пѣхота установила пушки и непріятель былъ отбитъ и потерялъ большую потерю. У Русскихъ же было тяжело ранено одинъ офицеръ и одинъ солдатъ, да трое солдатъ легко ранены.

Во время дальнѣйшаго слѣдованія отряда къ нему выходили на встрѣчу жители окрестныхъ деревень, многіе съ окровавленными головами. Они говорили что ихъ собственные земляки избили ихъ и ограбили, и просили помощи и защиты Русскихъ. По ихъ словамъ, Хивинцы не только потеряли огромныя потери, но многіе изъ нихъ, попрятавшіеся по домамъ въ страхъ отъ приближенія пѣхоты, были захвачены

сожжены Русскими солдатами, не подозревавшими что Хивинцы засѣли внутри.

23го мая (4го іюня) около полудня въ отрядѣ было получено посланіе отъ хана съ предложеніемъ перемирія. Генералъ Веревкинъ тотчасъ понялъ что единственною цѣлью хана было выгадать время, и понятное дѣло, отвергъ это предложеніе.

Это ханское посланіе было чрезвычайно замѣчательнымъ произведеніемъ, и возбудило не мало смѣху въ лагерѣ Русскихъ. Начиналось оно заявленіемъ что и генералу фонъ-Кауфману посланъ былъ документъ такого же содержанія. Далѣе, ханъ самымъ дружескимъ и наивнымъ образомъ просилъ командующихъ русскими отрядами считать себя по вступленіи въ Хиву его гостями. Самъ онъ, говорилось въ любезномъ посланіи, всегда былъ очень дружески расположенъ къ Русскимъ войскамъ и почтеть теперь за счастіе принять ихъ у себя и угостить ихъ роскошнѣйшимъ образомъ въ своей столицѣ. Онъ просилъ дать ему только три или четыре дня срока чтобъ устроить достаточно великолѣпный пріемъ для дорогихъ гостей. Пѣсколько разъ въ этомъ посланіи повторялъ ханъ увѣренія въ своемъ дружескомъ расположеніи къ Русскимъ начальникамъ, прося ихъ отнюдь не судить объ немъ по дѣйствіямъ варваровъ и грабителей Туркменъ, которые имѣли неслыханную дерзость прелятствовать движенію русскаго отряда. У него, хана, съ этими разбойниками нѣтъ ничего общаго; напротивъ того, онъ даже считаетъ ихъ своими законными врагами.

26го мая (7го іюня) колонна подошла къ обширнымъ сѣдамъ ханскаго загороднаго дворца Шанахъ-Тчикъ, лежащимъ всего въ четырехъ верстахъ отъ сѣверныхъ городскихъ воротъ. Здѣсь простояли Русскіе три дня и имѣли нѣсколько большихъ и малыхъ стычекъ съ хивинскими войсками. Въ одной изъ этихъ встрѣчъ непріятель потерялъ отъ четырехъсотъ до пятисотъ человѣкъ.

Между тѣмъ о приближеніи генерала Кауфмана не получалось никакихъ извѣстій; напротивъ того, еще ходили слухи что Туркестанскій отрядъ принужденъ былъ, за недостаткомъ провізій и подводъ, возвратиться къ рѣкѣ, и былъ еще во ста верстахъ отъ Хивы. Этотъ фактъ вмѣстѣ съ утомительнымъ дѣйствіемъ на людей и лошадей ежедневныхъ стычекъ съ непріятелемъ, да наконецъ и распространившійся

слухъ что ханъ готовится дать большое сраженіе подъ стѣнами города, довели генерала Веревкина до убѣжденія что неблагоприятно было бы еще дальше откладывать нападеніе на Хиву.

Итакъ, вечеромъ 27го мая (8го іюня) были отданы необходимыя распоряженія для рекогносцировки города на слѣдующій день.

Утромъ 28го мая (9го іюня) пошли къ городу. Генералъ Веревкинъ со штабомъ, по обыкновенію, былъ во главѣ колонны. Непріятель высыпалъ большими толпами, но нападать не пытался. Наконецъ войско вышло на узкую дорогу, не болѣе двухъ сажень шириною. Она была огорожена стѣнами, и вездѣ кругомъ раскинулись непроницаемой сѣтью дома, сады и каналы.

Стали тихо и осторожно подвигаться по этой узкой тропинкѣ, поднимая на ходу такое густое облако пыли что ни одинъ человекъ въ отрядѣ не былъ въ состояніи рассмотреть своего сосѣда. Вдругъ слухъ ихъ былъ пораженъ, какъ громовымъ ударомъ, ружейными выстрѣлами и грохотомъ артиллерійскихъ орудій; засвистали надъ головами ружейныя пули и пронеслось тяжелое ядро, всѣвшее въ глиняную стѣну тотчасъ за ними. Это была печальность, чуть ли не западня. Благодаря окружающимъ ихъ стѣнамъ, деревьямъ и пыли, они подошли, сами того не замѣтивъ, на сотню шаговъ къ городской стѣнѣ, и Хивинцы открыли по нимъ огонь въ упоръ.

Залпы слѣдовали одинъ за другимъ, но къ счастью Русскихъ, Хивинцы цѣпились слишкомъ высоко и большая часть пуль проносилась надъ головами отряда. Однако люди стали падать; приходилось дѣйствовать со всевозможною потерянностью.

Отступленіе становилось уже невысказуемо еслибы того и желали. Единственнымъ исходомъ было идти къ стѣнамъ подъ огнемъ, который съ каждою минутой дѣлался все смертоноснѣе.

Генералъ Веревкинъ отдалъ войскамъ приказъ подвигаться бѣгомъ. Черезъ минуту они очутились на открытомъ мѣстѣ противъ однихъ изъ городскихъ воротъ. Прямо передъ ними, саженьяхъ въ пятидесяти и въ такомъ же разстояніи отъ городскихъ стѣнъ воздвигнуто было что-то въ родѣ землянаго укрѣпленія, которое пересѣкало дорогу и было защи-

щено четырьмя пушками. Артиллеріи данъ приказъ выдвигнуться впередъ, но тѣмъ временемъ огонь непріятельской батареи до того усилился что генералъ Вережкинъ рѣшился сперва взять ее. На приступъ посланы были двѣ роты пѣхоты подъ начальствомъ майора Буровцева. Минуту спустя люди съ крикомъ стремительно бросились впередъ по пыльной дорогѣ. Но не доходя нѣсколько шаговъ до бруствера, они встрѣтили глубокой и широкой каналъ съ узкимъ мостомъ перекинутымъ черезъ него. Странное дѣло—непріятель не подумалъ уничтожить этотъ мостъ. Перебѣжали черезъ него подъ градомъ непріятельскихъ пуль, сыпавшихся на нихъ съ городскихъ стѣнъ, воротъ и самаго бруствера, съ крикомъ перескочили черезъ всѣ препятствія и ударили въ штыки на пушкарей. Русскіе уже завладѣли пушками; но на обратномъ пути было такъ много препятствій и такъ былъ смертоносенъ непріятельскій огонь что оттащить ихъ съ мѣста было задачей весьма трудной. Они принуждены были спрятаться за берегомъ канала и, присѣвъ тутъ, стали отвѣчать огнемъ на непріятельскіе выстрѣлы со стѣнъ. Ихъ пули почти не имѣли никакого дѣйствія при непріятельской защищенной позиціи. Еслибы при нихъ были лѣстницы, то безопасное оказалось бы штурмовать стѣны нежели отступать. Артиллерія горячо принялась за дѣло, а маленькому отряду Русскихъ, очутившемуся такимъ образомъ между двухъ огней, теперь оставалось только прислушиваться къ свисту хивинскихъ ядеръ и русскихъ гранатъ, которыя такъ близко пролетали надъ ихъ головами что чуть-чуть ихъ не задѣвали.

Такъ продолжалось съ четверть часа; когда же русская артиллерія заставила непріятеля на минуту прекратить огонь, то и сама перестала стрѣлять, чтобы дать возможность людямъ ходившимъ на приступъ батареи отступить. Эти послѣдніе воспользовались представившимся случаемъ, схватили пушки и стали тянуть ихъ съ мѣста. Но Хивинцы немедленно возобновили пальбу и Русскіе принуждены были подъ ихъ огнемъ перетаскивать пушки одну за другою по узкому мосту и дорогѣ, на разстояніи сотни сажень, прежде чѣмъ дошли до прикрытія. Имъ удалось оттащить только три пушки; одну пришлось оставить на мѣстѣ.

Тѣмъ временемъ генералъ Вережкинъ былъ раненъ выстрѣломъ прямо надъ лѣвымъ глазомъ; рана эта едва не

оказалась смертельною. Давъ приказъ установить батарею чтобы сдѣлать брешь въ стѣнѣ, онъ удался, передавъ начальство полковнику Саранчеву.

Теперь открыта была правильная бомбардировка, подъ руководствомъ полковника Скобелева, и продолжалась до четырехъ часовъ.

Въ это время прибылъ отъ хана посланный, прося прекратить бомбардировку чтобы вступить въ переговоры объ условіяхъ капитуляціи.

Полковники Саранчевъ и Ломакинъ согласились приостановить непріязненные дѣйствія на нѣсколько часовъ; но едва посланный удался отъ Русскихъ, какъ Хивинцы опять стали стрѣлять. Русскіе немедленно возобновили бомбардировку.

Опять явился посолъ отъ хана съ увѣреніемъ что онъ не былъ виноватъ въ этой стрѣльбѣ, которая продолжалась вопреки его желанію и даннымъ приказаніямъ, непокорными ослушниками Туркменами. Заявленіе это принято было за самое нахальное безстыдство со стороны хана, и бомбардировка продолжалась. Послѣ, однако, оказалось что ханъ говорилъ правду: онъ дѣйствительно не имѣлъ никакой власти надъ Туркменами.

Подъ вечеръ отъ генерала Кауфмана, съ которымъ установлено было сообщеніе, пришелъ приказъ прекратить бомбардировку; хотя и неохотно, но приказу этому повиновались. Этимъ и закончились дѣйствія 28го мая (9го іюня).

VIII. Вступленіе въ городъ.

Какъ я уже говорилъ въ одной изъ предыдущихъ главъ, ханъ прислалъ генералу Кауфману письмо, въ которомъ заявлялъ свою покорность и просилъ прекратить бомбардировку. Надо вспомнить что въ это время генералъ Кауфманъ стоялъ еще въ пятнадцати верстахъ отъ города. Онъ немедленно послалъ курьера къ генералу Веревкину съ приказаніемъ прекратить бомбардировку, а хану написалъ чтобы тотъ выѣзжалъ на слѣдующее утро съ сотней своихъ приближенныхъ за городскія ворота, и что тамъ ему будутъ объявлены условія сдачи.

На слѣдующее утро съ восходомъ солнца выступили мы къ городу. Ходили несообразнѣйшіе слухи о томъ что произошло въ Хивѣ за эту ночь.

Народъ, высыпавшій толпами на дорогу съ своими приношеніями въ знакъ мира, сообщилъ намъ что когда обыватели узнали о намѣреніи хана сдать городъ непріятелю, то пришли въ совершенное бѣшенство, прогнали своего властелина и поставили на его мѣсто брата его, рѣшившись обороняться à outrance. Словомъ, это было другое 4е сентября, устроенное по послѣдней французской модѣ. Радость распространившаяся въ отрядѣ при перспективѣ давно-желанной битвы не знала границъ; но не долго суждено было ей длиться. Верстахъ въ пяти подѣ Хивой мы были встрѣчены депутаціей съ Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умаромъ, дядей хана, во главѣ, о которомъ я уже упоминалъ, какъ о губернаторѣ Хазаръ-Асла. Онъ вышелъ сдавать городъ и сообщилъ генералу Кауфману что народъ и не думалъ прогнать хана, но что послѣдній бѣжалъ самъ. Женамъ и рабамъ своимъ онъ оставилъ приказъ слѣдовать за собою, но народъ не выпустилъ женщинъ изъ дворца, а содержалъ ихъ подѣ карауломъ въ томъ же гаремѣ, думая сдѣлать въ лицѣ ихъ пріятный подарокъ на мировую генералу Кауфману. Бѣгство хана произошло слѣдующимъ образомъ.

Какъ оказалось, Туркмены рѣшились защищаться до послѣдней возможности. Несмотря на запрещеніе хана, они продолжали стрѣлять по войскамъ генерала Веревкина, подошедшимъ къ стѣнамъ. При отвѣтномъ огнѣ Русскихъ битва возобновилась съ перерывами. Наконецъ Русскіе принялись опять бомбардировать городъ; бомбардировка продолжалась, съ нѣкоторыми промежутками, цѣлую ночь. Нѣсколько гранатъ даже попадало во дворецъ; въ послѣдствіи Русскіе нашли въ ханскихъ конюшняхъ одну не разорвавшуюся гранату. Эта постоянная бомбардировка такъ перепугала хана что онъ бѣжалъ въ сопровожденіи сотенъ двухъ-трехъ Туркменъ въ Имуқчиръ, близъ Иліали. Городскіе же обыватели ни мало не желали продолженія битвы; напротивъ того, рады были сдаться.

Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умару было на видѣ лѣтъ семьдесятъ. Отвислая нижняя челюсть и открытый ротъ—слѣдствіе употребленія опиума, какъ объяснили мнѣ, придавали лицу его совершенно идіотское выраженіе. Однако онъ вовсе не былъ такъ глупъ; здравый разсудокъ его виденъ уже въ томъ что онъ цѣлые годы томъ назадъ уговаривалъ хана согласиться

на требованія Русскихъ, въ предупрежденіе ихъ нападенія. Долгое время находился онъ даже въ опалѣ, благодаря своему миролюбивому расположенію къ Русскимъ; вслѣдствіе этихъ же политическихъ соображеній, однако, былъ онъ посланъ ханомъ въ настоящемъ случаѣ чтобы сдать городъ и ходатайствовать предъ непріателемъ за провинившагося племянника. Одѣтъ онъ былъ въ яркій зеленый халатъ, на головѣ у него была высокая хивинская баранья шапка, а на ногахъ большіе сапоги изъ нечерной кожи, загнутые вверхъ на носкахъ и украшенные высокими и узкими каблукками.

Генераль фонъ-Кауфманъ разказывалъ мнѣ что когда Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умаръ уговаривалъ настоящаго хана согласиться на требованія Русскихъ, то въ дѣло вмѣшался другой ханскій совѣтникъ, говоря: „Когда я былъ еще маленькимъ мальчикомъ, то помню всѣ говорили что Русскіе на насъ идутъ, но они не пришли. Съ тѣхъ поръ чуть ли не каждый годъ слышалъ я что они идутъ. Вотъ я уже успѣлъ состарѣться, а Русскіе все еще не пришли, да я думаю никогда и не придутъ.“ Аргументъ этотъ показался совершенно убѣдительнымъ, и ханъ созналъ его ошибочность только тогда когда Русскіе стали громить его столицу.

Меньшой братъ хана, Ата-Джанъ, содержавшійся послѣдніе два года въ заключеніи и только теперь освобожденный, сопровождалъ Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умара и, какъ тутъ оказалось, былъ кандидатомъ на престолъ. Генераль Кауфманъ принималъ его ласково, но ханомъ обѣщалъ посадить его только въ такомъ случаѣ если старшій его братъ не вернется. Ата-Джанъ былъ высокій, худощавый, немного олуховатый на видъ юноша, вовсе, казалось, неспособный держать въ рукахъ своихъ кормило правленія. Однако говорятъ что онъ гораздо умнѣ чѣмъ кажется съ перваго взгляда, и очень любимъ народомъ.

Было уже около девяти часовъ, и колонна двинулась дальше. Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умаръ и Ата-Джанъ присоединились къ штабу. День становился жарокъ, пыль была невообразимая; она поднималась вокругъ насъ такимъ густымъ столбомъ что минутами нельзя было различить ѣхавшаго рядомъ сосѣда. Въ десять часовъ, верстахъ въ двухъ отъ Хивы, мы были встрѣчены частью Оренбургскаго отряда, выѣхавшей намъ на встрѣчу въ полной парадной формѣ. Весело сошлись здѣсь войска въ первый разъ по

выступленія своемъ чуть ли не съ разныхъ частей земнаго шара; но самого генерала Веревкина тутъ не было для встрѣчи Кауфмана: оказалось что будучи раненъ онъ не въ состояніи былъ выйти изъ своей палатки.

Главнoкомандующій свернулъ съ дороги подъ деревья чтобы тамъ выслушать донесеніе Оренбургскаго отряда. Этимъ временемъ опять раздалось со стороны города нѣсколько выстрѣловъ, что показалось мнѣ нѣсколько страннымъ послѣ того какъ городъ уже сдался на капитуляцію. Объяснить себѣ этого обстоятельства я не могъ въ теченіе всѣхъ послѣдующихъ дней, такъ какъ, по какой-то непонятной причинѣ, офицеры нашего отряда скрывали отъ меня правду на этотъ счетъ. До истины добрался я только тогда когда познакомился съ офицерами Оренбургскаго отряда.

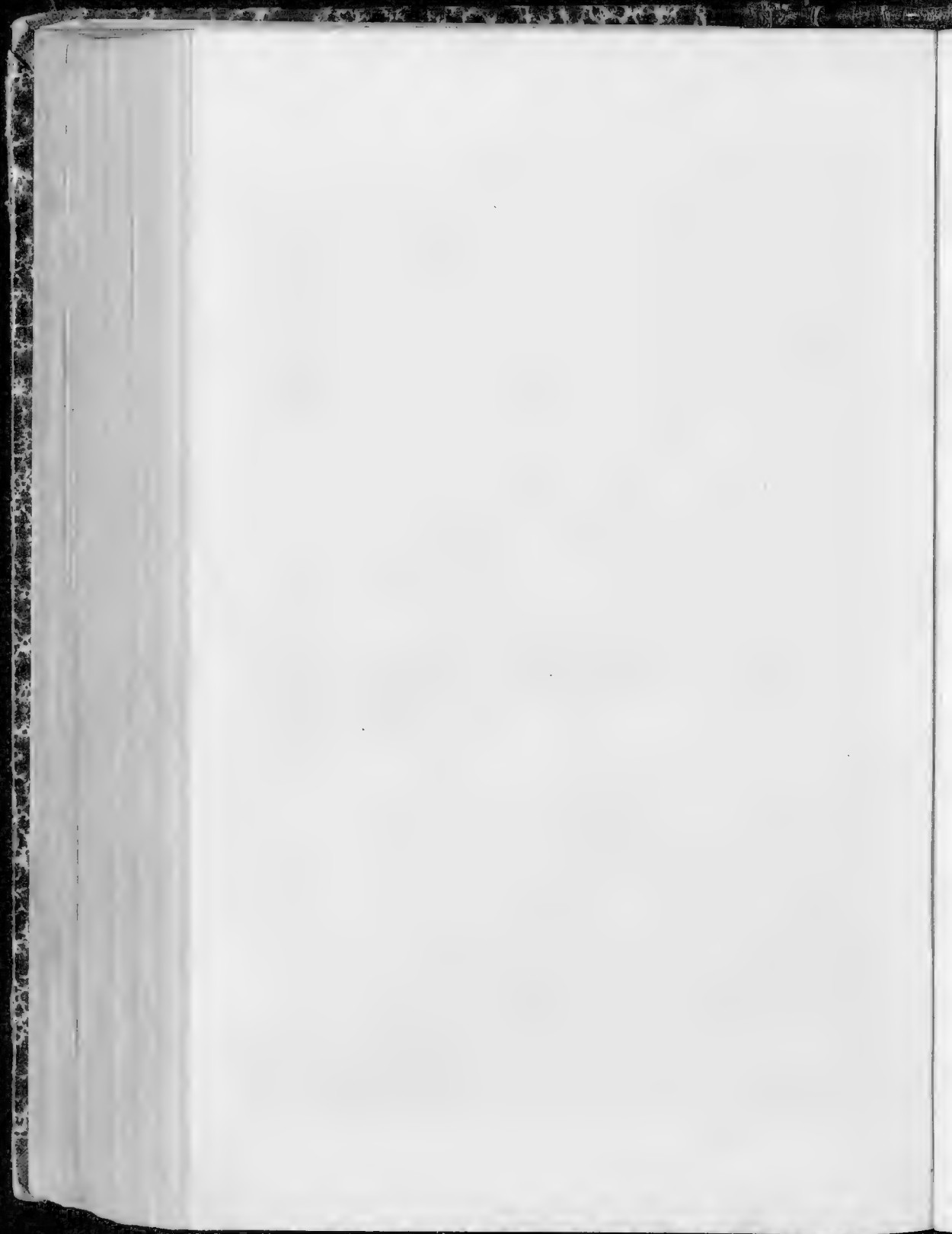
Вотъ въ чемъ было дѣло. Туркмены, не довольные такимъ смиреннымъ окончаніемъ войны, рѣшились продолжать сопротивленіе. Генералъ фонъ-Кауфманъ подвигался по дорогѣ отъ Хазартъ-Аспа къ городскимъ воротамъ того же имени, тогда какъ генераломъ Веревкинымъ наканунѣ было произведено нападеніе на сѣверныя, Хазаватскія ворота, лежащія верстахъ въ двухъ дальше. Хотя Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умаръ и вышелъ сдавать городъ со стороны Хазартъ-Аспа, но это не помѣшало Туркменамъ время отъ времени продолжать стрѣлять по войскамъ генерала Веревкина, противъ которыхъ у нихъ была какая-то злоба. Я не могу достаточно надивиться на этотъ народъ и налюбоваться на него. Долгое время спустя послѣ того какъ самъ ханъ и остальные обитатели оазиса отказались отъ всякаго сопротивленія, они все продолжали сражаться; еслибы всѣ прочіе хивинскіе народы выказали такую же отвагу и пастойчивость какъ Туркмены, то результатъ кампаніи былъ бы совершенно другой. Русскіе, конечно, взяли бы городъ, но понесли бы такой уронъ что положеніе ихъ въ странѣ было бы чрезвычайно ненадежно.

Полковникъ Саранчевъ, которому пришлось послѣ генерала Веревкина командовать отрядомъ, чуть ли не былъ также расположенъ сражаться какъ и сами Туркмены. Да и окруженъ онъ былъ молодыми, пылыми офицерами, подобными полковнику Скобелеву и графу Шувалову, которые съ радостію схватывались за представившійся предлогъ для продолженія битвы.

ХИВА и ВОРОТА ХОЗАРАСПЪ. (Съ рисунка капитана Федорова.)

Хотя генераль Кауфманъ уже самымъ мирнымъ образомъ входилъ въ городъ съ противоположной стороны, они, разгоряченные туркменскимъ огнемъ, рѣшились взять, съ своей стороны, городъ приступомъ.

Направили нѣсколько гранатъ на ворота Хазавата, пробили ихъ, и полковникъ Скобелевъ съ графомъ Шуваловымъ во главѣ тысячи человекъ солдатъ, бросились на приступъ подъ градомъ выстрѣловъ изъ ручныхъ орудій, сыпавшихся на нихъ съ городскихъ стѣнъ. Какъ только Русскіе овладѣли воротами, Туркмены сошли со стѣнъ и разбѣжались по улицамъ и домамъ, все еще продолжая стрѣлять. Русскіе же стали расчищать себѣ дорогу ракетами и шли, сражаясь все время на ходу, пока не достигли ханскаго дворца.

Не успѣли они здѣсь простоять и пяти минутъ, какъ пришло извѣстіе что Туркестанскій отрядъ входитъ воротами Хазаръ-Асла. Полковникъ Скобелевъ немедленно далъ приказъ отступать тѣми же воротами какими вошли. Въ дѣлѣ этомъ графъ Шуваловъ былъ такъ сильно контуженъ упавшимъ бревномъ что не совѣтъ еще оправился и уѣзжая изъ Хивы; ранено было 14 солдатъ.

Мы же тѣмъ временемъ стояли съ другой стороны города, выжидая результата переговоровъ съ Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умаромъ. Когда все было устроено по обоюдному соглашенію, генераль Головачовъ двинулся дальше. Впереди колонны выступали двѣ роты пѣхоты сопровождаемая четырьмя полевыми орудіями; за ними слѣдовали еще двѣ роты и 200 казачковъ.

Время уже близилось къ полудню когда впервые открылся предъ нами знаменитый городъ. Завидѣли мы его всего за полверсты, благодаря массамъ деревьевъ которыя совершенно заслоняли его отъ насъ. Наконецъ мы различили его въ облакѣ поднятой нами пыли. Высокія, зубчатая стѣны изъ убитой глины съ массивными круглыми контрафорсами, окруженныя рвомъ, частью пересохшимъ, частью еще наполненнымъ водою, съ видѣвшимися за ними верхушками деревьевъ, высокими минаретами, куполами мечетей и, посреди всего этого, огромная круглая башня, какъ фарфоръ отражающая солнечные лучи. Мы были предъ воротами Хазаръ-Асла. Крытый ходъ десяти футовъ ширины при двадцати вышины, съ выложенными кирпичомъ сводами; по бокамъ двѣ тяжелыя башни съ бойницами; таковы были ворота

открытыя теперь предъ нами и сами по себѣ представлявшія маленькое укрѣпленіе. Мы вошли въ городъ въ такомъ густомъ облакѣ пыли что я не могъ различить головы моей собственной лошади; знамена развѣвались высоко надъ головами, а военный оркестръ Оренбургскаго отряда игралъ русскій національный гимнъ: *Боже Царя храни*. Пройдя ворота, мы оставили пыль за собою и увидали наконецъ самый городъ.

Я думаю, каждый изъ насъ испыталъ нѣкоторое чувство разочарованія въ эту первую минуту. Мы, конечно, не надѣялись встрѣтить въ Хивѣ величественныхъ архитектурныхъ красотъ, но все-таки думали увидать что-нибудь поразительное, живописное; ожиданія наши были жестоко обмануты. Хива представляетъ очень живописный видъ, но не съ той стороны съ которой мы вошли въ нее; когда мы подошли ближе, то даже самый оригинальный ся пунктъ — большая изразцовая башня — скрылся за ближайшими деревьями и стѣнами. Прямо предъ нами, вдоль внутренней части стѣны, разстилалось большое открытое мѣсто съ разбросанными по немъ деревьями, глиняными домами и сараями, не болѣе десяти-пятнадцати футовъ вышины; немного вправо, множество круглыхъ, полусферическихъ гробницъ — кладбище находится почти въ центрѣ города, — дальше опять дома изъ глины, повыше и съ большими претензіями, съ высокими портиками и разбросанными между ними деревьями; затѣмъ глиняныя стѣны цитадели, изъ-за которыхъ видѣлись верхи минаретовъ. При входѣ не встрѣтилось намъ ни одной живой души, но когда мы вѣхали въ длинную, узкую, изогнутую улицу; обнесенную безобразными, голыми стѣнами, то стали различать въ боковыхъ улицахъ людей въ грязныхъ, оборванныхъ халатахъ, которые снимали шапки и робко отвѣщивали намъ поклоны. Это были городскіе обыватели не знавшіе еще перерѣжутъ ихъ всѣхъ поголовно или помилуютъ. Съ какимъ, должно-быть, чувствомъ страха и даже сѣвѣрнаго ужаса смотрѣли они намъ вслѣдъ, когда мы тутъ проходили пыльные и грязные, послѣ девятистотверстнаго перехода пустыней, считавшейся ими непроходимой для войска. Суровыми, грозными и непобѣдимыми должны мы были казаться имъ, какъ какіе-то странные, могущественные обитатели невѣдомаго имъ міра.

Затѣмъ мы проѣхали мимо толпы рабовъ-Персіянъ, кото-

рые встрѣтили насъ ликующими криками, со слезами радости. Они положительно обезумѣли отъ счастья. И сюда дошелъ слухъ что куда ни проникали Русскіе, оттуда всегда исчезало рабство, и они не сомнѣвались что такъ будетъ и здѣсь. Нѣкоторые уже сами освободились, и теперь ешибали цѣли съ нѣсколькихъ другихъ несчастныхъ, крича, смѣясь и плача въ одно и то же время самымъ дикимъ образомъ.

Я воспользуюсь этимъ случаемъ чтобы досказать начатую мною прежде исторію одного изъ хивинскихъ рабовъ. Людямъ моимъ посчастливилось встрѣтить молодаго Киргиза мать котораго приходила въ кибитку Бей-Табука просить меня освободить ея сына захваченнаго въ рабство. Его нашли закованнѣмъ въ тяжелыя цѣпи за попытку къ бѣгству, и немедленно освободили. Я послѣ встрѣтилъ его совершеннымъ щеголемъ, въ красномъ халатѣ, съ мечомъ и ружьемъ, на хорошей лошади, по всей вѣроятности захваченной имъ у прежняго хозяина.

Узкая, пыльная и кривая улица привела насъ къ цитадели, въ которую входъ былъ длинными кирпичными воротами со сводомъ. Когда вступили за ворота, то могли ближе рассмотреть большую башню, выступившую теперь предъ нами во всемъ блескѣ своихъ яркихъ, разноцвѣтныхъ узоровъ. Повернувъ прямо на башню въ узкую улицу не болѣе десяти футовъ шириною, мы скоро выѣхали на четырехугольное открытое мѣсто, сажень въ двадцать пять шириною, при сорока длины, которое и оказалось большою городскою площадью предъ ханскимъ дворцомъ. Одна сторона этой площади была занята дворцомъ, состоящимъ изъ тяжелыхъ, растянутыхъ строеній съ зубчатыми глиняными стѣнами около двадцати футовъ вышины; на противоположной сторонѣ стояла новая, еще неотстроенная медресе; двѣ остальные стороны окружены были сараями и частными домами, у юго-восточнаго же угла дворца возвышалась, красивая и величественная, знаменитая хивинская башня.

Она была футовъ тридцати въ діаметрѣ при основаніи и, постепенно суживаясь къ вершинѣ, казалось, была тамъ, на высотѣ 125 футовъ, всего футовъ пятнадцати въ діаметрѣ. Она не имѣла ни пьедестала, ни капители, ни какого другаго украшенія, стояла на землѣ безо всякихъ затѣй—простая круглая башня—но поверхность ея вся была покрыта изразцами голубаго, зеленаго, пурпуроваго и бураго цвѣтовъ,

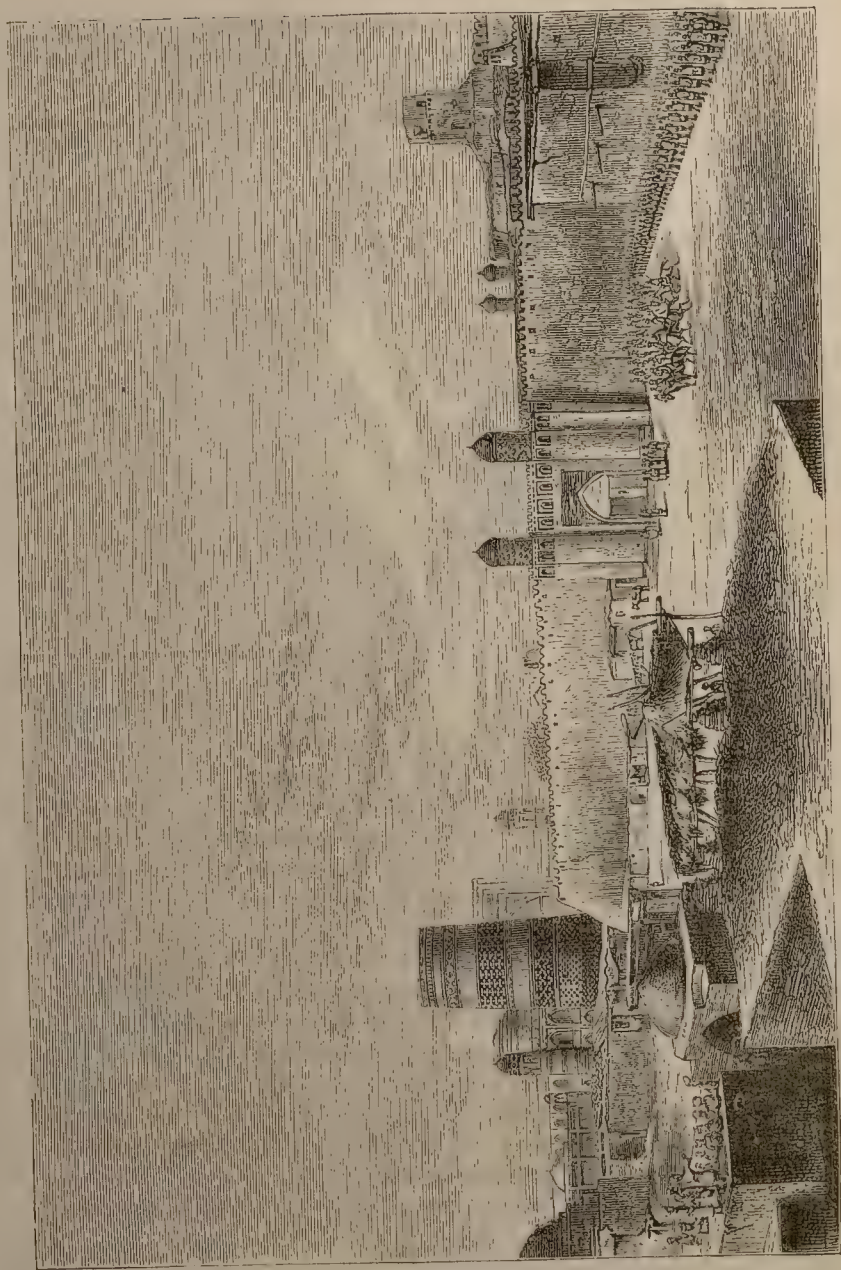
выложенными по снѣжно-бѣлому грунту самыми разнообразными полосами и фигурами; въ цѣломъ это производило самый блестящій и прекрасный эффектъ. Башня эта испещрена изреченіями изъ Корана и пользуется большимъ почетомъ Хивинцевъ; съ вершины ея ежедневно на закатѣ солнца раздается рѣзкій, пронзительный голосъ муалы, призывающаго правовѣрныхъ къ молитвѣ.

Вершины двухъ боковыхъ башенъ у дворцовыхъ воротъ были обдѣланы подобно большой башнѣ, также часть фасада новой, еще не оконченной медресе предполагалось, повидимому, изукрасить такимъ же образомъ. Почти по серединѣ площади былъ четырехугольникъ, футовъ десяти въ квадратѣ и углубленный футовъ на шесть въ землю, что, какъ я узналъ послѣ, было мѣстомъ казни преступниковъ.

Выѣхавъ на эту площадь, мы развѣстались вокругъ нея, въ ожиданіи прибытія генерала Кауфмана. Онъ въѣхалъ сопровождаемый Великимъ Княземъ Николаемъ Константиновичемъ, Княземъ Лейхтенбергскимъ, всѣмъ штабомъ, и былъ встрѣченъ громкимъ ура. Мы всѣ сошли съ коней и вошли въ дворцовыя ворота, частію заслоненныя тяжелою мѣдною пушкой. Ими прошли мы въ длинный, узкій, неправильный дворъ. Вѣтвь отъ него шла вѣтвь ведущая къ конюшнямъ; направо была двѣ высокія тяжелыя деревянныя двери гарема, а прямо предъ нами возвышалась масса низкихъ, неправильныхъ глиняныхъ строеній. Въ нихъ-то теперь направляемся мы темнымъ узкимъ корридормъ и входимъ въ полутемную комнату футовъ восьми ширины при шестнадцати длины, въ которую свѣтъ проникалъ всего чрезъ одно отверстіе въ потолокъ; отсюда переходимъ въ другой темный корридоръ и выходимъ на главный дворцовый дворъ. Онъ около сорока футовъ въ квадратѣ, вымощенъ кирпичомъ, осѣненъ тѣнью одного вяза и окруженъ стѣнами футовъ двадцати вышиною, надъ которыми, съ сѣверной стороны высилась четырехугольная башня гарема. На южной же сторонѣ расположена была большая пріемная зала, гдѣ ханъ давалъ свои аудіенціи.

Представьте себѣ родъ портика, совершенно открытый ко двору, тридцати футовъ вышины, двадцати ширины, десяти въ глубину, съ башнями по бокамъ, изукрашенными подобно большой башнѣ на площади; полъ, возвышенный футовъ на шесть надъ дворомъ; потолокъ, подпертый двумя высокими

БОЛЬШАЯ ПЛОЩАДЬ ВЪ ХИВѢ. (Съ рисунка капитана Одерова.)

деревянными рѣзными столбами — общій видъ весьма напоминающій театральныя подмостки — и вы будете имѣть весьма вѣрное понятіе о большой приѣмной залѣ, въ которой возсѣдаетъ Хивинскій ханъ, изрекая свои приговоры, казня и милуя народъ. Мы всѣ подыались по ступенькамъ на это подобіе сцены — генералъ Кауфманъ, генералъ Головачевъ, Великій Князь Николай Константиновичъ, Князь Лейхтенбергскій, офицеры штаба и всѣ остальные, и разсѣлись на ней отдыхать; въ это время военный оркестръ игралъ разныя піесы. Когда раздалась въ ушахъ нашихъ старыя, давно извѣстные мотивы присутствующая молодежь подняла дружный крикъ восторга, который раздался по всему дворцу.

Старый Якубъ-Бекъ, одинъ изъ ханскихъ министровъ, принесъ намъ воды со льдомъ, чего мы никогда и не воображали найти въ Хивѣ, пшеничныхъ лепешекъ, абрикосовъ, вишенъ, и мы весело приступили къ этому угощенію. Самъ хивинскій властелинъ, Сеидъ - Мохамедъ - Рахимъ-Богалуръ-Ханъ, бѣжалъ, его дворецъ и гаремъ были теперь во власти Русскихъ. Такъ-то пала великая твердыня ислама въ Центральной Азіи, славная Хива, послѣ цѣлаго ряда направленныхъ противъ нея несчастныхъ экспедицій, обнимающихъ собою, съ промежутками, періодъ въ двѣсти лѣтъ.

IX. Предшествовавшія экспедиціи противъ Хивы.

Не безынтересно теперь будетъ бросить бѣглый взглядъ на прежнія экспедиціи направленныя противъ Хивы.

Первая изъ нихъ была предпринята Яикскими или Уральскими казаками. Она была задумана, подготовлена и приведена въ дѣйствіе однимъ знаменитымъ казацкимъ атаманомъ и, въ сущности, была не болѣе какъ грабительскимъ набѣгомъ, организованнымъ въ обширныхъ размѣрахъ. Атаману этому дѣйствительно удалось завоевать ханство. Захвативъ хана врасплохъ, не подготовленнымъ къ войнѣ, онъ самого его прогналъ, занялъ его столицу, захватилъ его казну и его жену. Затѣмъ объявилъ себя ханомъ и, говоря, правилъ страной два или три мѣсяца, обратилъ этимъ временемъ ханскую жену въ христіанство и женился на ней. Наконецъ, убѣдившись что ему долѣе въ Хивѣ не продержаться,

онъ забралъ всю награбленную добычу и пошелъ обратно на Уралъ.

Тѣмъ временемъ ханъ успѣлъ собрать большое войско и пустился преслѣдовать казаковъ, замышляя кровавую месть, и наконецъ нагналъ ихъ. Завязалась страшная битва, въ которой казаки потерпѣли рѣшительное пораженіе и были перерѣзаны. Спаслось ихъ всего пять или шесть человекъ, которые возвратясь домой и разказали о происшествіи. Видя что нѣтъ спасенія, казакій атаманъ убилъ свою молодую обращенную въ христіанство жену, чтобы ей не пасть жертвою взбѣшеннаго хана, а затѣмъ умеръ самъ съ мечомъ въ рукахъ, окруженный гекатомбой перебитыхъ мусульманъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, другая казачья экспедиція напала на Куня-Ургень, захватила около 1.000 женщинъ себѣ въ жены и пошла назадъ съ богатою добычей. Ханъ преслѣдовалъ ихъ, нагналъ и перебилъ почти до послѣдняго человека. Еще одна казачья экспедиція была также несчастлива. Эти даже и не дошли до оазиса, но были на полдорогѣ встрѣчены и разбиты толпами Хивинцевъ, значительно превосходившими ихъ численностію.

Слѣдовавшія затѣмъ дѣйствія Русскихъ противъ Хивы состояли изъ экспедиціи Бековича-Черкаскаго, въ 1717 году, въ царствованіе Петра Великаго. Въ 1700 году къ Петру явился посолъ отъ хивинскаго хана Шахъ-Ніазъ, который, не будучи въ состояніи справиться со своими возставшими подданными, прибѣгалъ подъ могущественную защиту Русскаго монарха. Шахъ-Ніазъ просилъ Петра принять ханство въ свое подданство. Такъ какъ Петръ, несмотря на непрестанныя свои заботы связать Россію съ остальною Европой, никогда не упустилъ также и случая усилить торговля сношенія своего государства съ Азіей, то онъ письмомъ отвѣтилъ хану что принимаетъ подданство Хивы.

Но никакихъ другихъ мѣръ не было принято для скрѣпленія этого добровольнаго соглашенія. Наконецъ, въ 1714 году, одинъ Туркменъ по имени Хофа-Нефетъ, бывшій въ Хивѣ, доложилъ разъ Петру, при личномъ свиданіи съ монархомъ, что въ странѣ лежащей по теченію Аму-Дарьи находится золото; и что рѣка, впадавшая прежде въ Каспійское море, переведена Хивинцами, изъ страха предъ Русскими, въ море Аральское, но легко можетъ опять быть проведена въ старое

русло, если разрушить всего одну дамбу. Въ этомъ же послѣднемъ дѣлѣ, говорилъ Туркмень, народы его племени охотно помогутъ Русскимъ.

Чтобы провѣрить это извѣстіе, Петръ Великій послалъ князя Бековича-Черкаскаго изслѣдовать берега Каспійскаго моря, а также и посмотрѣть какіе могутъ предстоять шансы успѣха если направить экспедицію по берегамъ предполагаемаго стараго русла Аму къ Хивѣ. Бековичъ провелъ три года надъ этою задачею, разслѣдуя восточное побережье Каспійскаго моря и строя форты для защиты страны занятой здѣсь Русскими, убѣдился въ справедливости словъ Туркмена что Аму-Дарья первоначально текла въ Каспійское море. Вернувшись, Бековичъ доложилъ о результатѣ своихъ изслѣдованій Петру, и императоръ послалъ въ Хиву экспедицію, чтобы водворить тамъ свою власть, основываясь на выраженной ханомъ Шахъ-Ніазомъ 17 лѣтъ тому назадъ покорности. Бековичемъ была немедленно снаряжена для этой экспедиціи армія изъ 4.000 человекъ регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ.

Экспедиція вышла изъ Гурьева, при устьѣ Урала, въ началѣ іюня. Обогнула Каспійское море по сѣвернымъ его берегамъ, напала на старый караванный путь къ Хивѣ и пошла на перерѣзъ пустыни. Походъ этотъ, предпринятый во время лѣтнихъ жаровъ, былъ ужасенъ. Пока отрядъ дошелъ до Хивы, одна четверть людей уже вымерла. Прошли они въ 65 дней 1.350 верстъ по голой, безводной пустынѣ, въ самую жаркую пору года, и вышли въ половинѣ августа къ дельтѣ Оксуса, въ 150 верстахъ отъ Хивы.

Не доходя еще до этого мѣста, Бековичъ отправилъ хану письмо, увѣряя его что онъ пришелъ не воевать, а съ дружескимъ посланіемъ отъ Русскаго государя, сущность же дѣла объяснить при свиданіи. Этимъ временемъ, однако, прежній ханъ, Шахъ-Ніазъ, скончался, и его мѣсто занялъ ханъ Ширъ-Гази, взглядъ котораго на Русскихъ совершенно расходился со взглядомъ его предшественника. Посланные отъ Бековича, по прибытіи въ Хиву, брошены были въ темницу, ханъ послѣдственно собралъ большую армію изъ Хивинцевъ, Туркменъ, Киргизовъ, Кара-Каллаковъ, и рѣшился встрѣтить Русскихъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Въ тотъ день какъ Русскіе вступили въ предѣлы оазиса, ихъ встрѣтила хивинская конница и, не лускаясь ни въ

какіе переговоры, бросилась на русскій лагерь. Битва, завязавшаяся такимъ образомъ, продолжалась до самой ночи; тогда Хивинцы отступили. Предвидя новое нападеніе, Бековичъ въ теченіе ночи укрѣпилъ свой лагерь и выставилъ въ позицію свои шесть полевыхъ орудій. На слѣдующее утро битва возобновилась и длилась цѣлыхъ два дня, по прошествіи которыхъ Хивинцы, видя что имъ не отбить Русскихъ, прибѣгли къ переговорамъ. Прибыль отъ хана посоль съ заявленіемъ что нападеніе на Русскихъ произведено было безъ его вѣдома и что, если Бековичъ дѣйствительно прибылъ въ Хиву въ качествѣ дружескаго посла, то ему нечего бояться вражды Хивинцевъ. Вступили въ личныя переговоры и пришли къ соглашенію, которое и было изложено въ предварительномъ договорѣ и скрѣплено присягой: ханъ подѣловалъ Коранъ, а Бековичъ крестъ.

Затѣмъ Бековичъ принялъ предложеніе хана идти съ нимъ въ его столицу; оставляя главные силы отряда позади, подъ начальствомъ полковника Франкенбурга, онъ велѣлъ этому послѣднему слѣдовать за собою въ нѣкоторомъ разстояніи, а самъ пошелъ впередъ, всего съ одной тысячею солдатъ. Когда до столицы оставалось два луга Бековичъ остановился и имѣлъ продолжительный разговоръ съ ханомъ. Осылаясь на трудность снабженія такого большого Русскаго отряда квартирами и провизіей въ самой столицѣ, ханъ сталъ при этомъ свиданіи уговаривать Бековича раздѣлить состоявшій при немъ конвой и колонну оставленную позади на нѣсколько небольшихъ отрядовъ, которые легко бы было размѣстить по ближнимъ къ столицѣ городамъ.

Такое необыкновенное предложеніе не могло бы не возбудить подозрѣнія всякаго другаго человѣка; но Бековичъ, очевидно, уже не былъ этимъ временемъ въ своемъ умѣ. Въ самый день его выступленія изъ Астрахани утонула его жена съ двумя дочерьми, и это, вмѣстѣ съ тяжелымъ переходомъ по пустынѣ, потерей такого количества людей и сознаніемъ страшной отвѣтственности лежащей на немъ, довело его почти до сумашествія. Онъ не только не обнаруживалъ никакой подозрительности относительно чистосердечія ханскаго предложенія, но, ни мало не медля, отправилъ полковнику Франкенбургу приказъ раздѣлить войска; когда тотъ три раза отказывался исполнить этотъ приказъ, Бековичъ послалъ къ нему четвертый разъ, грозя

ему военнымъ судомъ въ случаѣ ослушанія. Тогда Франкенбургъ раздѣлилъ все войско на пять частей, которыя и разставили по городамъ сообразно инструкціямъ хана. Свой собственный конвой Бековичъ сократилъ до двухсотъ человекъ.

Едва все это было приведено въ исполненіе, какъ Хивинцы напали на Бековича. Часть его людей была перерѣзана, часть взята въ плѣнъ. Самого его съ состоявшими при немъ офицерами бросили въ темницу, подвергли жесточайшимъ пыткамъ и наконецъ обезглавили. Въ то же время, по данному сигналу, поднялось все хивинское населеніе и перерѣзало разбросанные по странѣ маленькіе Русскіе отряды. Изъ четырехъ тысячъ войска что выступили въ эту экспедицію, спаслось всего 40 человекъ. Прдержавъ долгое время этихъ послѣднихъ въ плѣну, Хивинцы наконецъ выпустили ихъ на свободу, взявъ за нихъ большой выкупъ. Любопытно что въ числѣ выпущенныхъ плѣнныхъ были два брата Бековича. Таковъ былъ конецъ четвертой экспедиціи противъ Хивы.

Въ теченіе сѣдовавшихъ за тѣмъ 120 лѣтъ Хивинцы помѣнялись ролями съ казаками. Прежде казаки нападали на Хивинцевъ и грабили ихъ—теперь же Хивинцы стали нападать на казаковъ. Ежедневно почти производились Хивинцами нападенія на Русскіе торговые караваны, преходившіе по Центральной Азіи, причемъ захватывали цѣлыя тысячи казаковъ и другихъ Русскихъ и уводили въ рабство въ Хиву.

Въ 1839 году разбойничество это дошло до невозможныхъ размѣровъ. Много было сдѣлано попытокъ чтобы мирнымъ путемъ заставить хана положить конецъ этому грабительству. Но, не добившись ничего этимъ путемъ, Русскіе опять принуждены были послать свои войска на Хиву.

Эта экспедиція была снаряжена въ Оренбургѣ генераломъ Перовскимъ. Приготовленія къ ней длились цѣлый годъ: наконецъ, въ началѣ декабря 1839 года вышелъ изъ Оренбурга отрядъ изъ пяти тысячъ человекъ съ 22 полевыми орудіями и обозомъ изъ 10.000 верблюдовъ. Перейти пустыню лѣтомъ считалось невозможнымъ, по недостатку воды. Потому и рѣшились выступить въ походъ зимой.

Въ половинѣ декабря термометръ Реомюра стоялъ на 32° ниже точки замерзанія, и самая ртуть наконецъ замерзла въ трубкѣ. Несмотря на это, однако, войска добрались до Омбы

въ хорошемъ состояніи; ни одного человѣка не замерзло и не умерло. Но зима эта оказалась необыкновенно суровою. Снѣгъ дошелъ до глубины невиданной до тѣхъ поръ даже въ степи. Начиная съ этого времени верблюды стали падать въ такомъ множествѣ что не доходя полулуги къ Хивѣ при войскѣ осталось всего 5.000 верблюдовъ изъ тѣхъ десяти тысячъ что выступили въ походъ: цѣлая половина ихъ падала въ изнеможеніи на снѣгу. Страданія выпавшія на долю солдатъ были ужасны. Чтобъ облегчить насколько возможно оставшихся животныхъ, лѣхотѣ пришлось подвигаться впередъ четырьмя рядами чтобы протоптать дорогу верблюдамъ. Когда снѣгъ былъ уже слишкомъ глубокъ, кавалерія проѣзжала нѣсколько разъ взадъ и впередъ по одному мѣсту; а въ другихъ мѣстахъ лѣхотѣ приходилось лопатами разгребать снѣгъ. Несмотря однако на все эти предосторожности, верблюды продолжали падать во множествѣ.

Потеря всякаго верблюда причиняла не мало затрудненій людямъ. Надо было перетаскивать вьюкъ съ павшаго животного и распредѣлять его между другими, а затѣмъ и самого его оттаскивать съ дороги чтобы дать проходъ всему отряду. Люди доводились до изнеможенія подобными работами, при которыхъ сами уходили по колѣна, а иногда и по поясъ въ снѣгъ. Мѣстами снѣгъ былъ твердъ какъ ледъ и способенъ выдерживать всякую тяжесть; въ другихъ же мѣстахъ онъ былъ совершенно рыхлый, и людямъ стоило неимоверныхъ трудовъ вытаскивать изъ него лошадей, верблюдовъ и орудія. Въ иные дни, послѣ всей этой усталости, всей этой борьбы съ препятствіями, оказывалось что подвинулись впередъ всего на какія-нибудь три, четыре версты.

Во время ужасныхъ степныхъ бурановъ не было уже никакой возможности идти впередъ; приходилось останавливаться и на мѣстѣ ждать пока утихнетъ метель. Морозы съ каждымъ днемъ усиливались. Даже на ночныхъ стоянкахъ войска почти не знали отдыха: при каждой остановкѣ приходилось разбирать 19.000 тюковъ и надо было выкапывать изъ жесткой, мерзлой почвы топливо для костровъ. Затѣмъ приходилось разчищать отъ снѣга мѣсто для лошадей и верблюдовъ, и бѣднымъ солдатамъ не приходилось никогда остановиться самимъ на отдыхъ раньше восьми или девяти часовъ вечера. Въ два, три часа слѣдующимъ утромъ прихо-

дилось опять выступать въ путь. Въ такіе морозы не было никакой возможности стирать бѣлье и поддерживать какую-нибудь чистоплотность. Многіе не только не мѣняли бѣлья, но и платья не снимали въ теченіе всей кампаніи. Наконецъ обезсиленные работами и голодомъ, покрытые грязью и всякаго рода гадами, солдаты стали подвергаться болѣзнямъ.

Къ 1му февраля отрядъ дошелъ до источника Акъ-Булакъ, на окраинѣ возвышеннаго плоскогорья Усть-Урта, почти на полупути къ Хивѣ. Тутъ оказалось что число падавшихъ въ день верблюдовъ доходило до цѣлой сотни; ихъ оставалось даже меньше пяти тысячъ, а тѣ что могли двигаться впередъ не были въ состояніи нести болѣе четверти обыкновеннаго вьюка. Число же больныхъ при отрядѣ возрастало съ быстротой ужасающею. 236 человекъ уже умерли; 528 было больныхъ, тогда какъ много также людей было оставлено гарнизономъ на Эмбѣ. За вычетомъ всего этого дѣйствительныя силы отряда сводились всего къ 2.000 человекъ. А впередъ оставалось еще перейти цѣлыхъ 500 миль до вступленія въ обитаемую часть Хивы. Генералъ Перовскій рѣшился отступить.

На возвратномъ пути пришлось бороться съ тѣми же прелестствіями; морозы продолжались, термометръ колебался между 15 и 20 градусами Реомюра. Кромѣ того снѣжные вихри свѣжались чаще, воды было мало, топливо же какъ и прежде приходилось выкапывать изъ мерзлаго грунта. Обратный походъ былъ также тяжелъ какъ и движеніе впередъ; да кромѣ того и люди пали духомъ при отступленіи. Весь путь былъ усыпанъ трупами верблюдовъ оставленными войскомъ позади, и кости этихъ животныхъ были обступлены стаями алчныхъ волковъ и лисицъ.

Число больныхъ все увеличивалось, цынготная болѣзнь распространилась какъ между солдатами, такъ и въ средѣ офицеровъ. Павшія духомъ и вполне изнеможенные войска дошли 20го февраля до Эмбенскаго укрѣпленія и здѣсь стали дожидаться возвращенія весны.

Такова-то была печальная судьба лятѣй экспедиціи противъ Хивы. Снаряженная генераломъ фонъ-Кауфманомъ была по счету шестою.

X. Во дворцѣ.

Главнѣйшій пробыль въ ханскомъ дворцѣ около двухъ часовъ; а затѣмъ отправился вмѣстѣ съ Великими Князьями въ лагерь Оренбургскаго отряда навѣстить генерала Верекина, который, надо вспомнить, былъ раненъ въ дѣлѣ предыдущаго дня.

Во дворцѣ остался генералъ Головачевъ съ тремя или четырьмя ротами солдатъ, которые частію расположились во дворцѣ, а частію на площади предъ ханскимъ дворцомъ.

Соснувъ часа два на полу въ большой пріемной залѣ, я выпилъ стаканъ чая съ ливанскими лепешками и пошелъ осматривать дворецъ.

Время близилось къ вечеру, и душливый дневной жаръ начиналъ понемногу спадать. Дворецъ, какъ я уже замѣтилъ прежде, состоялъ изъ множества глиняныхъ построекъ, сгруппированныхъ въ одно большое неправильное зданіе, окруженное тяжелою глиняною стѣной, футовъ около двадцати въ вышину, съ довольно красивыми воротами и нѣсколькими сторожевыми башнями. Стѣны, при входѣ, были конюшни, которыя мы застали уже пустыми; на той же сторонѣ множество маленькихъ комнатъ или жилыхъ отдѣленій, а при каждомъ отдѣленіи свой маленькій дворикъ, обнесенный стѣнами 10ти — 15ти футовъ вышиной, на который и выходили эти комнаты. На одной сторонѣ дворовъ былъ всегда устроенъ портикъ, очень высокій, воздушный и открытый съ сѣверной стороны — особенность хивинской архитектуры. Комнаты были полутемныя, получавшія весь свѣтъ черезъ дверь или черезъ маленькое квадратное отверстіе прорубленное въ стѣнѣ, у потолка; онѣ, можетъ-быть, были даже комфортабельны, когда были убраны яркими коврами, одѣялами и подушками, но теперь, пустыя и оголенные, съ глиняными стѣнами, онѣ болѣе походили на коровьи стойла, чѣмъ на покои ханскаго дворца. Были комнаты въ которыхъ намъ, однако, попадались нѣкоторыя вещи, какъ-то: одѣяла, ковры, кухонная посуда, разбросанная повсюду при послѣднемъ бѣгствѣ. Я, впрочемъ, не могу сказать навѣрное сами ли обитатели этой части дворца нашли время при бѣгствѣ за-

хватить съ собою самыя цѣныя свои вещи, или народъ, по отъѣздѣ хана ворвался во дворецъ и ограбилъ его.

Прямо противъ главнаго входа была высокая и тяжелая двойная дверь, ведущая въ гаремъ, а немного влѣво низкимъ коридоромъ шелъ ходъ въ главный дворцовый дворъ. Въ комнатахъ окружающихъ этотъ дворъ жили главные сановники ханской свиты; та же комната что непосредственно слѣдовала за большимъ портикомъ или пріемною залой, которал, какъ я говорилъ, напоминала театральныя подмостки, была ханскою сокровищницей.

Въ теченіе дня генералъ Головачевъ приказалъ отпереть эту комнату; она оказалась низкою, со сводами, и одного размѣра съ портикомъ; стѣны и потолокъ были покрыты фресками, изображающими, по большей части, цвѣты и виноградныя лозы самыхъ грубыхъ и несообразныхъ оттѣнковъ, какіе только можно себѣ представить. Въ одномъ концѣ этой комнаты, на квадратномъ возвышеніи въ родѣ платформы, помѣщался тронъ—широкое кожаное кресло съ низкою спинкой, хорошей работы и, повидимому, не хивинскаго произведенія. На верхней части спинки этого кресла была овальная серебряная пластинка съ надписью: „Во времена Магомедъ-Рахима, шаха Харезма, въ 1231 году. Издѣліе недостойнаго Магомета“. Въ другомъ концѣ комнаты стояло нѣсколько огромныхъ сундуковъ окованныхъ желѣзомъ, съ тяжелыми висячими замками; сундуки эти были открыты и совершенно пусты, кромѣ двухъ, изъ которыхъ въ одномъ найдено рублей на 250 хивинскаго серебра, а въ другомъ—сѣдло, уздечка и сбруя, почти сплошь покрытыя золотыми бляхами, изумрудами, рубинами и бирюзой, по большей части низкаго достоинства, но которыя тѣмъ не менѣе должны были на солнцѣ производить большой эффектъ.

Насколько я могъ замѣтить, во время моего пребыванія въ Хивѣ, въ этой странѣ попадаются очень крупныя драгоценныя камни, но почти всѣ съ изъяномъ: или вся поверхность изрыта маленькими дырочками, или самый цвѣтъ камня такъ блѣденъ что отнимаетъ большую половину его цѣны.

У стѣны и на полу лежало кучами всякаго рода оружіе—мечи, кинжалы, ружья, пистолеты, револьверы всевозможныхъ цѣвъ и размѣровъ. Здѣсь было нѣсколько великолѣп-

ныхъ старыхъ фитильныхъ ружій съ изогнутыми рукоятками, длинными тонкими стволами, постепенно суживающимися къ концу, богато выложенные золотомъ; также много было ружей болѣе современнаго образца и одна великолѣпная англійская охотничья двуствольная винтовка, заряжающаяся съ казенной части, номеръ 12 или 16, съ большимъ запасомъ патроновъ и картелей, при ней формы для круглыхъ пуль и всѣ инструменты для наполненія патроновъ. Винтовка эта, какъ мы потомъ узнали, была подаркомъ Лорда Нортбрука, сопровождавшимъ его отвѣтное посланіе хану на просьбу этого послѣдняго о помощи противъ Русскихъ. Кромѣ того тутъ была еще полевая зрительная труба, табатертка съ музыкой и еще нѣсколько бездѣлицъ — все подарки Остѣ-Индскаго вице-короля, и его письмо, отъ сентября 1872 года. Кажется, письмо это было опубликовано въ англійскихъ газетахъ. Пистолеты были здѣсь всевозможныхъ родовъ, начиная самыми старинными съ кремневыми замками и кончая чѣмъ-то напоминающимъ револьверъ Кольта; тутъ же нашлась весьма плохая русская поддѣлка револьвера Смита и Вестона, что показывало что ханъ имѣлъ уже понятіе о новѣйшемъ усовершенствованномъ оружіи. Мечи также были самые разнообразные: двѣ или три сабли англійскаго произведенія; широкіе, красивые, слегка изогнутые хорасанскіе клинки, выложенные золотомъ, нѣсколько тонкихъ, изогнутыхъ персидскихъ сабель, въ ножнахъ изукрашенныхъ изумрудами и бирюзой, короткіе, толстые, изогнутые авганистанскіе кинжалы и ножи, всѣ богато обдѣланные и вложенные въ ножны почти сплошь покрытыя драгоценными камнями. Тутъ же найдены были великолѣпные ковры, шелковыя одѣяла самыхъ яркихъ цвѣтовъ, подушки, халаты и множество кашмирскихъ шалей, разбросанные въ величайшемъ безпорядкѣ, свидѣтельствовавшимъ о поспѣшности ханскаго бѣгства.

Въ концѣ этой комнаты было нѣсколько ступенекъ, ведущихъ въ другую. Эта послѣдняя была низкая и маленькая комната, служившая хану и библіотекой и кладовой вмѣстѣ. Здѣсь свалено было около трехсотъ томовъ книгъ, посреди всякаго хлама, кольчуги и латы, пыльные и заржавленные, съ полдюжиной никуда негодныхъ телескоповъ, изъ которыхъ одинъ очень большаго размѣра, луки и стрѣлы; немало тамъ также было старой посуды, ломанаго желѣза и свинца.

Многія изъ книгъ, какъ я слышалъ отъ г. Куна, оріента-

листа экспедиціи, были очень любопытны и цѣнны; всѣ онѣ были въ рукописяхъ, нѣкоторыя даже писаны съ артистическимъ изяществомъ, и въ кожаныхъ переплетахъ. Въ числѣ этихъ книгъ была одна—*Всемирная Исторія*, и одна—*Исторія Хивы*, начиная съ древнѣйшихъ временъ. Всѣ онѣ были отпращены въ С.-Петербургскую Императорскую Публичную Библіотеку.

Между воинскими доспѣхами попадались нѣкоторыя съ великолѣпнымъ золотымъ наборомъ; онѣ вѣроятно перешли сюда отъ крестоносцевъ черезъ Сарациновъ. На одной парѣ великолѣпныхъ рыцарскихъ перчатокъ, напримѣръ, была начертана золотомъ лилія, а подлѣ нея полумѣсяцъ, уже позднѣйшаго и много грубѣйшаго издѣлія. Эти перчатки, повидимому, потеряны были въ отчаянномъ единоборствѣ, гдѣ какой-нибудь благородный французскій рыцарь палъ подъ острымъ кинжаломъ Сарацина.

Во время осмотра внутреннихъ покоевъ дворца, мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ любопытнаго примѣра проворства рабовъ Персіянъ въ воровствѣ. Двое или трое изъ этихъ рабовъ, помогавшихъ открывать двери, вошли за нами, никѣмъ не замѣченные. Въ ту минуту какъ мы готовились выйти и залереть комнату, я замѣтилъ что одинъ изъ Персіянъ проворно стануль кинжалъ и сунуль его подъ полу своего халата. Никто изъ присутствующихъ, кромѣ меня, не замѣтилъ этой проделки, хотя въ комнатѣ толпились съ полдюжины офицеровъ; я же продолжалъ наблюдать за Персіянномъ.

Немного спустя онъ вышелъ во дворъ, нѣсколько минутъ походилъ тамъ, а потомъ преспокойно пошелъ своею дорожкой. Я слѣдовалъ за нимъ пока онъ не вошелъ въ другой дворъ, гдѣ не было офицеровъ, тутъ я его остановилъ выразительнымъ жестомъ со словомъ *бирз!* — *отдай*. Первымъ его дѣломъ было притвориться ничего не понимающимъ, и онъ распахнулъ халатъ, показывая что у него ничего нѣтъ; но лишь только я ему пригрозилъ револьверомъ, онъ немедленно вытащилъ кинжалъ изъ своего рукава. Я взялъ кинжалъ, а ему сдѣлалъ знакъ убираться. Онъ ускользнулъ какъ вьюнъ, съ переkrивленнымъ еще отъ страха лицомъ, но вполнѣ довольный что такъ дешево отдѣвался. Двѣ причины побудили меня отпустить его вмѣсто того чтобы выдать русскимъ офицерамъ. Во первыхъ, я не хотѣлъ

чтобъ его разстрѣляли, что неминуемо случилось бы еслибъ я на него донесъ, а вѣроятно, меня самого предѣстия этотъ кинжалъ. Впрочемъ, мнѣ на этомъ же кинжалѣ пришлось убѣдиться въ справедливости поговорки что грѣхъ нажитое—въ прокъ нейдетъ: не прошло и двухъ недѣль, какъ этотъ изслучившій кинжалъ былъ у меня украденъ вмѣстѣ съ лучшею моею конною, и, какъ я полагаю, тою же искушою рукой. Единственное мнѣніе оставшееся мнѣ было искренно пожелать чтобъ этотъ Персіянинъ находился въ числѣ тѣхъ несчастныхъ которые, на возвратномъ пути въ свою страну, были захвачены и перерѣзаны Туркменами.

Начинаю смеркаться, и я сталъ поглядывать, не покажется ли кто изъ моихъ людей, которыхъ я не видалъ еще со вступленія въ городъ. Не находя никого изъ нихъ, я начиналъ уже беспокоиться, когда вниманіе мое было привлечено совершенно постороннимъ обстоятельствомъ, которое оказалось настолько занимательнымъ что тутъ же заставило меня позабыть свои поиски. Двери въ гаремъ, у котораго было выставлено двое часовыхъ, были пріотворены, а за ними видѣлась толпа женщинъ и дѣтей, которыя кричали, плакали и вопили, точно ожидая, что вотъ-вотъ сейчасъ ихъ поведутъ на смертную казнь. Старыя и молодыя, хорошенькія и безобразныя, дѣти и взрослые, молоденькія пятнадцатилѣтнія дѣвушки и беззубыя старухи чуть ли не полтора ста дѣтъ отъ роду—всѣ онѣ ломали себѣ руки и рыдали самымъ страдальческимъ образомъ. Такъ какъ невозможно было понять чего онѣ требовали, то доложили офицеру поставленному начальникомъ надъ ханскимъ дворцомъ и привели его на мѣсто въ сопровожденіи переводчика. Оказалось что женщины просто желали выбраться изъ гарема въ городъ, увѣряя, что имъ страшно тутъ оставаться. Въ этомъ имъ, впрочемъ, было рѣшительно отказано. Тогда онѣ стали жаловаться что имъ нечего ѣсть и пить даже воды для питья. Офицеръ немедленно приказалъ приготовить огромное количество пива и сказалъ чтобъ онѣ выставили у дверей свои кувшины и кружки и вода будетъ имъ принесена. Этимъ онѣ, повидимому, удовольствовались, пива въ быль принесено, вода также, онѣ возвратились во дворъ, и двери за ними были заперты. Офицеръ приказалъ никого въ гаремъ не впускать, и ушелъ чтобы выслать сюда ночной караулъ.

Присутствіе женщинъ во дворѣ очень меня удивило, такъ

какъ я предполагалъ что онѣ послѣдовали за ханомъ. Впрочемъ, какъ оказалось въ послѣдствіи, ханомъ былъ данъ приказъ гарему слѣдовать за нимъ въ его бѣгствѣ; но тѣ самыя Хивинцы которые освободили его брата, не допустили исполненія этого приказанія, а удержали женщинъ силой во дворцѣ, думая сдѣлать въ лицѣ ихъ пріятный подарокъ побѣдителя.

Я сказалъ что женщины все плакали, но это не совсѣмъ вѣрно: вскорѣ я замѣтилъ что между ними была одна которая оставалась совершенно спокойна; другія относились къ ней съ почтеніемъ и послушаніемъ, точно становясь подъ ея покровительство. На видъ ей было лѣтъ 18; бѣлая кожа изобличала ея кавказское происхожденіе; она была средняго роста; круглолицая, съ низкимъ лбомъ и темными волосами; главная же прелесть ея лица заключалась въ глубокихъ, темныхъ съ поволокою глазахъ. Все ея движенія были проникнуты какою-то спокойною твердостью; къ другимъ она обращалась съ такимъ спокойнымъ видомъ власти и благородства, все остальные женщины относились къ ней съ такимъ уваженіемъ что нельзя было не узнать въ ней владычицу ханскаго гарема, несмотря на старый истасканный халатъ, накинутый на ея плечи и голову. Она не плакала и не визжала подобно прочимъ, а вела переговоры съ офицеромъ такимъ смѣлымъ и разсудительнымъ образомъ что сразу завоевала наше общее расположеніе. Ко мнѣ она повертывалась нѣсколько разъ съ какимъ-то полумолящимъ взоромъ, точно подозревая что я не Русскій, и собиралась меня о чемъ-то просить. Никогда, кажется, въ жизнь мою не досадовало я такъ на свое непониманіе чужаго языка какъ въ эту минуту. Я сталъ опять посматривать, не покажется ли гдѣ Акт-Мама-товъ, съ намѣреніемъ привести его къ ней и черезъ него узнать что могу я для нея сдѣлать. Но старый Акт-Мама-товъ положительно исчезъ; какъ послѣ оказалось, онъ послѣдовалъ за генераломъ Кауфманомъ въ Оренбургскій лагерь, предполагая что и я туда отправился.

Между тѣмъ я не могъ отвязаться отъ преслѣдующаго меня молящаго взгляда ханской жены даже послѣ того какъ она скрылась за дверьми гарема; не могъ забыть я ея лица, проникнутаго такою женственностію посреди враговъ ея племени и религіи и всехъ этихъ женщинъ и дѣтей, отъ нелюбимой, какъ видно, ожидающихъ помощи и совѣта. Я

рѣшился свидѣться съ нею олатъ и, если возможно, ей помочь. На горе мое, я никогда до тѣхъ поръ не видалъ офицера которому былъ порученъ присмотръ за дворцомъ, и не могъ пуститься въ разспросы не возбуждая его подозрѣній. Искренно проклиналъ я Акъ-Маматова, который не слѣдовалъ за мною, какъ ему было приказано; но такъ какъ ясно было что его нѣтъ нигдѣ ни во дворцѣ ни по близости, то я рѣшился дѣйствовать одинъ.

XI. Приключеніе въ гаремѣ.

Первою заботой моею было отыскать другой входъ въ гаремъ. Я зналъ что былъ еще входъ съ главнаго двора, но и тамъ стояли часовые.

Побродивъ нѣкоторое время кругомъ, пройдя двумя маленькими дворами и цѣлымъ рядомъ комнатъ, непосредственно за главнымъ дворомъ, я наконецъ набрелъ на узкую, круглую и темную лѣстницу, ведущую вверхъ. Я поднялся по ней и очутился на вершинѣ наружной дворцовой стѣны. Дворецъ, оказалось, примыкалъ прямо ко внутренней сторонѣ стѣны цитадели; посмотрѣвъ внизъ между зубцовъ стѣны, я увидалъ что высота ея тутъ была отъ 40 до 50 футовъ. Я направился къ большой четырехугольной башнѣ, зная что въ той сторонѣ долженъ быть гаремъ.

Скоро дошелъ я до мѣста съ котораго открывался видъ на главный дворъ гдѣ генералъ Головачовъ спалъ сномъ усталаго воина. Я былъ на крылѣ башни, образующемъ здѣсь платформу футовъ въ десять вышины, почти на одномъ уровнѣ съ высокими стѣнами цитаделей.

Внимательно прислушавшись, я различилъ неясный говоръ человѣческихъ голосовъ, долетавшій ко мнѣ сверху. Въ башнѣ были часовые.

Время близилось къ полуночи, и городъ лежалъ въ тихомъ, сонномъ спокойствіи, весь залитый яркимъ потокомъ луннаго свѣта. Вся мѣстность преобразилась. Плоскія глиняныя крыши казались мраморными; точно великаны часовые поднялись надъ городомъ неясныя очертанія высокихъ, стройныхъ минаретовъ. Мѣстами разстлались черными пятнами маленькіе дворы и густые сады, изъ которыхъ высились тѣнистые массы вивозъ, да тянулись къ небу

бу стройные тополи. Вдали обрисовывались неясныя очертанія наружныхъ городскихъ стѣнъ съ ихъ зубцами и башнями, совсѣмъ казалось уходящими въ небо и сливающимися съ туманнымъ горизонтомъ. Это уже не былъ дѣйствительный, обитаемый городъ, а скорѣе мѣсто дѣйствія волшебныхъ арабскихъ сказокъ, изъ *Тысячи и одной ночи*.

Большой дворъ гарема, лежавшій у моихъ ногъ, былъ на половину освѣщенъ мѣсяцемъ, тогда какъ остальная его часть была покрыта густою зубчатою тѣнью стѣны. Изъ этого мрака повременамъ выбѣгала женская фигура и промелькнувъ на дворѣ быстро исчезала въ другой сторонѣ, а въ покояхъ, расположенныхъ вокругъ двора, изрѣдка мелькали огни. Я вошелъ въ башню и напалъ на дверь запертую внешнимъ замкомъ; впрочемъ, косяки такъ слабо держались у стѣны что оказалось весьма не труднымъ снять ее не производя почти никакого шума. За дверью оказалась каменная лѣстница безъ перилъ, ведущая въ освѣщенный мѣсяцемъ дворъ; одна только стѣна гарема и отдѣляла его отъ двора гдѣ расположился генералъ Головачевъ. Спустившись въ этотъ дворъ, я увидѣлъ предъ собою два выхода, одинъ—ведущій къ главному входу, у котораго стояли часовые, а другой—по всей вѣроятности, во внутреннія комнаты гарема. Подумавъ немного и прислушавшись, я направился къ этому послѣднему. Не могу, впрочемъ, сказать чтобъ я вошелъ совершенно спокойно. Темнота была непроницаемая, я же не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ куда упаду, какія могутъ представиться мнѣ препятствія, на какія западни я могу наткнуться въ этомъ мракѣ; я могъ встрѣтиться и съ вооруженными людьми, которымъ легко еще было здѣсь скрываться, или съ охранителями гарема, и зналъ чего могу ожидать въ такомъ случаѣ; могъ, наконецъ, просто заблудиться въ этомъ лабиринтѣ корридоровъ, не найти до утра дороги обратно, а быть найденнымъ здѣсь Русскими вовсе не представлялось мнѣ пріятнымъ окончаніемъ моихъ походовъ.

Теперь, впрочемъ, было уже слишкомъ поздно отступать, и взявъ револьверъ въ одну руку, и ощупывая дорогу другою, я вступилъ въ корридоръ, который, казалось мнѣ, долженъ былъ идти по направленію того двора гдѣ я видѣлъ предъ тѣмъ мелькавшія въ лунномъ свѣтѣ женскія фигуры.

Ощупывая дорогу по стѣнѣ, такъ какъ часто зажи-

гать спички я избѣгалъ, боясь привлечь чье бы то ни было вниманіе. я скоро набрелъ на дверь, которая подалась при первомъ прикосновеніи, и вышелъ на открытое, освѣщенное луною мѣсто; первую мою мыслью было что я опять вышелъ на прежній дворъ, но осмотрѣвшись кругомъ я увидалъ что это совсѣмъ не то. Дворъ этотъ былъ гораздо меньше; корридоръ продолжался у стѣнъ, отдѣленный отъ двора низкою перегородкой, тогда какъ на вышинѣ футовъ пятнадцати выдавалась надъ нимъ дворцовая крыша, что и образовало такимъ образомъ нѣчто въ родѣ высокаго портика. Осторожно обхожу я вокругъ двора, стараясь, насколько возможно, держаться въ тѣни, пока не подхожу къ другому корридору. Здѣсь опять прихотилось подвигаться во тьмѣ крошечной, пока я не вошелъ въ высокую комнату, слабо освѣщенную мѣсяцемъ, черезъ маленькія квадратныя отверстія у потолка. Изъ этой комнаты нашелъ я не одинъ выходъ, а цѣлыхъ пять или даже шесть, ведущихъ по разнымъ направленіямъ; припоминая впрочемъ, насколько могъ, положеніе большаго двора, я выбралъ ту дверь которая, по моимъ соображеніямъ, всего вѣроятнѣе могла привести меня въ его сторону. Но должно-быть частые повороты и темнота совершенно сбили меня съ толку, такъ какъ я попалъ въ совершенный лабиринтъ самыхъ запутанныхъ проходовъ и крошечныхъ комнатъ, которымъ не предвидѣлось конца. Я захватилъ съ собою на всякій случай огарокъ свѣчи и коробку спичекъ. Чаше и чаще сталъ я теперь зажигать спички, думая что при свѣтѣ ихъ найду какое-нибудь указаніе настоящей дороги; но и это не привело ни къ чему: я окруженъ былъ одиными голыми стѣнами и ничто не изобличало недавняго пребыванія здѣсь мужчинъ или женщинъ. Кладутшки эти были величиной отъ восьми до пятнадцати квадратныхъ футовъ и должны были быть совершенно темны даже днемъ, такъ какъ мнѣ не попадалось въ нихъ ни одного отверстія черезъ которое могъ бы проходить свѣтъ. Можно бы принять ихъ за темницы, еслибы не глиняныя стѣны, не допускавшія этой мысли. Какъ послѣ оказалось изъ обыска произведеннаго по распоряженію генерала Кауфмана, въ ханскомъ дворцѣ вовсе не существовало темницъ. Въ сущности, темничное заключеніе есть уже наказаніе изобрѣтенное утонченною жестокостію, неизвѣстною въ Хивѣ. Тамъ людямъ рѣжутъ носы, уши или годовы, полосуютъ бичами, лоби-

ваютъ камнями, но въ темницы не запирають никогда; во всей Хивѣ нѣтъ даже ни одного зданія гдѣ бы и недѣлю можно было продержатъ заключеннаго.

Спустя немного времени, я попадаю въ большую низкую комнату съ нѣсколькими старомодными глиняными печами, въ родѣ тѣхъ что можно встрѣтить въ домѣ почти каждаго американскаго фермера, на каждой печи было по большому чугунному котлу, а кругомъ были разбросаны всякаго рода кухонныя принадлежности. Это была, повидимому, дворцовая кухня.

Еще нѣсколько шаговъ и я очутился въ комнатѣ съ тѣми мокрымъ и грязнымъ поломъ что я сталъ жечь спичку за спичкой чтобы хорошенько огрядѣть. Какова же была мой ужасъ когда я увидалъ что стою на самомъ краю колодца, огороженнаго одною низкою закладной.

Сильно перепуганный, я зажечь имѣвшійся при мнѣ огонекъ и рѣшился лучше встрѣтиться лицомъ къ лицу со врагами Хивинцами которые могли заѣсть ширваться, нежели еще далѣе подвергаться риску попасть въ воду или въ какую-нибудь ужасную яму. Колодезь находился въ маленькой, закрытой и низкой комнатѣ, проникнутой особенныи запахомъ, присущимъ склепамъ, и никакъ не могъ я сообразить почему такое необыкновенное мѣсто было выбрано для колодца. Вода въ немъ должна была отстоять футовъ на 50 отъ поверхности, насколько я могъ заключать бросивъ туда комъ земли.

Опять сталъ я внимательно прислушиваться—я опять слышу всякаго результата. Это безмолвіе начинало уже меня тяготить; неестественность всего окружающаго возбуждала какое-то жуткое, непріятное чувство. Повидимому, я былъ теперь далеко отъ жилой половины гарема, и не могъ даже сообразить въ какой сторонѣ она можетъ находиться. Впрочемъ, дѣлать было нечего, и я пустился на дальнѣйшіе поиски, но уже съ зажженою свѣчей. Скоро, однако, пришлось мнѣ убѣдиться что свѣча могла быть еще опаснѣе для меня, чѣмъ темнота. Войдя въ маленькую и низкую комнату, я замѣтилъ въ одномъ изъ угловъ большую кучу черной земли. Повинуясь какому-то непонятному побужденію, котораго теперь я не могу себѣ объяснить, я наклонился чтобы захватить въ горсть немного этой земли, но едва успѣлъ я къ ней прикоснуться, какъ отдернулъ руку и отскочилъ въ ужасѣ.

Это былъ порохъ. Пробѣжавъ двѣ-три комнаты, я прислонился къ стѣнѣ, еще весь дрожа отъ страха.

Этотъ примѣръ безпечности Туркменъ въ обращеніи съ порохомъ былъ уже не первымъ на моихъ глазахъ; во дворцѣ Хазаръ-Аспа точно также нашли мы порохъ разсыпаннымъ во многихъ мѣстахъ безо всякаго призора. Въ этой одной маленькой комнатѣ его было достаточно чтобы взорвать весь ханскій дворецъ, а я уже въ продолженіи цѣлаго часа расхаживалъ по сосѣдству, зажигая спички и бросая по сторонамъ тлѣвшіе еще остатки ихъ. Можетъ-быть, думалось мнѣ, ханъ и нарочно наложилъ этотъ порохъ чтобы взорвать все это мѣсто, какъ часто дѣлается въ этихъ странахъ. Мнѣ припомнился ужасный разказъ о гибели китайскаго правителя Кульджи. Предвидя что магометане скоро возьмутъ городъ, онъ собралъ весь свой плѣтъ, совѣтниковъ, министровъ, женъ и дѣтей, какъ бы для переговоровъ о томъ что лучше предпринять. Во время засѣданія этого совѣта слышались крики входящихъ въ городъ побѣдителей; не долго думая, правитель потихоньку опустилъ свою трубку съ огнемъ около себя на полъ, куда была проведена дорожка пороха отъ пороховаго магазина, находившагося внизу, и тѣмъ разомъ положилъ конецъ всѣмъ своимъ заботамъ и недоразумѣніямъ. Исторія эта, пришедшая на умъ въ подобную минуту, не могла быть очень успокоительною. Все это похожденіе мое начало мнѣ представляться несообразнымъ и глупымъ до нельзя; я даже не могъ и понять какимъ путемъ дошелъ я до такого идиотизма чтобы предпринять его.

Однако, у меня не было лишняго времени на раскаяніе, я взялъ свѣчу чтобы возвратиться назадъ, рѣшаясь предоставить гаремной царицѣ самой, какъ знаетъ, распутываться со своими дѣлами. Я уже два раза какимъ-то чудомъ избѣжалъ, казалось, неминуемой смерти, и этого было для меня слишкомъ достаточно.

На дѣлѣ, впрочемъ, оказалось что выбраться отсюда не такъ-то легко. Проходя въ болѣе получаса по этому лабиринту комнатъ и не находя никакого выхода, я уже начиналъ думать что заблудился окончательно, когда судьба сжалилась надо мною, и я очутился въ широкомъ корридорѣ. Не имѣя ни малѣйшаго понятія въ которой сторонѣ можетъ быть выходъ, я повернулъ наугадъ направо, рѣшившись, впрочемъ, немедленно возвратиться, если не найду его въ этой сторонѣ,

и искать съ другой, но ни въ какомъ случаѣ не углубляться опять въ эти запутанныя каморки.

У конца корридора нашелъ я запертую дверь. Думая что мнѣ посчастливилось напасть на выходъ, я уже собирался толкнуть ее, когда меня внезапно поразили звукъ голосовъ, долетавшихъ изъ-за нея. Поспѣшно задувъ я свѣчу и, притавивъ дыханіе, сталъ внимательно прислушиваться. Одного момента достаточно было чтобы разпознать что голоса были женскіе, а черезъ нѣсколько минутъ я уже почти былъ убѣжденъ что мужчинъ въ этой комнатѣ не было.

Повидимому, я подошелъ къ гарему именно въ ту минуту когда меньше всего объ немъ думалъ, и теперь меня отдѣляла отъ него одна деревянная дверь. Къ удивленію моему, доносившіеся до меня голоса болтали и смѣялись самымъ веселымъ и беззаботнымъ образомъ, хотя и въ нѣсколько сдержанномъ тонѣ. Изъ-за двери можно было принять ихъ за голоса толпы пансіонерокъ, устроившихъ себѣ ночной лиръ вопреки всеѣмъ пансіонскимъ уставамъ и подъ самымъ носомъ беззаботно почивающей начальницы; женщины же, видѣнныя мною въ началѣ вечера у дверей, все ломали себѣ въ отчаяніи руки и плакали самымъ неутѣшнымъ образомъ; да и поводъ имѣли онѣ къ тому настолько основательный что мнѣ въ голову не приходило заподозрить искренность ихъ горя. Обстоятельство это нѣсколько сбивало меня съ толку, но сообразивъ что въ началѣ онѣ готовились къ тому что Русскіе по меньшей мѣрѣ порубятъ имъ головы, а теперь убѣдились что никто и не думаетъ имъ дѣлать никакого вреда, я понялъ ихъ веселость, и уже не находилъ ее странною.

Я повернулъ ручку двери, но она не подавалась; толкнувъ ее также безъ успѣха: повидимому она была приперта изнутри.

Я рѣшился наконецъ постучаться. Но находившіяся за дверью были, повидимому, такъ заняты своимъ дѣломъ что не слышали стука въ дверь; я принужденъ былъ повторить его нѣсколько разъ прежде нежели онъ привлекъ ихъ вниманіе. Тогда, вдругъ, все голоса смолкли и воцарилась мертвая тишина.

Я тихо постучался опять.

Черезъ минуту у самыхъ дверей послышался шопотъ и сдержанное хихиканье. Я опять постучался, и на этотъ

разъ изъ-за двери раздаѣся мягкій женскій голосъ и сказалъ мнѣ что-то на татарскомъ нарѣчїи, напоминавшемъ нѣчто среднее между щебетомъ птицы и журчаньемъ воды. Я, конечно, не понялъ ни слова, но не трудно было догадаться что она спрашиваетъ „кто тамъ“. Я отвѣчалъ „аманъ“, что значитъ „миръ вамъ“, обыкновенное привѣтствіе въ подобныхъ случаяхъ, и опять мысленно отправилъ Акъ-Мама-това въ преисподнюю за его способность исчезать именно въ ту минуту когда я всего болѣе въ немъ нуждался. Послышался тотъ же сдержанный хохотъ, а затѣмъ тѣ же слова „аманъ, аманъ“ повторяются изъ-за двери нѣсколько разъ вопросительнымъ тономъ, точно съ требованіемъ подтвержденія моихъ миролюбивыхъ намѣреній. Я не замѣдливъ повторить завѣтное слово; послышался стукъ задвижки, дверь распахивается и меня привѣтствуютъ взрывомъ самаго веселаго хохота.

Сознаюсь, никогда не былъ я болѣе удивленъ во всю свою жизнь. Я готовился къ тому что всѣ въ страхѣ разбѣгутся увидавъ кто я такой, что мнѣ будетъ стоить величайшаго труда ихъ уговорить и успокоить, онѣ же не только не выказывали никакого страха, но какъ будто бы ждали меня какъ приглашеннаго гостя. Ихъ было человекъ восемь — нѣкоторыя старыя и уродливыя, другія молодыя и хорошенькія. Одѣтыя въ свои странные костюмы, онѣ всѣ столпились у двери, и я тутъ же распозналъ между ними ту что привлекла мое вниманіе еще въ началѣ вечера. Она сама отпирала задвижку, и теперь стояла держась одною рукой за дверь, а другою держа немного надъ головой каменную лампу отъ которой падалъ мерцающій свѣтъ на всю эту сцену. Она пристально всматривалась въ меня своими глубокими глазами, и только сдержанно улыбалась, тогда какъ другія продолжали хохотать.

Придя немного въ себя, я также не могъ не разсмѣяться, проговорилъ: „саламъ“, и попросилъ у нихъ чаю. Это онѣ поняли немедленно, и та которую я еще прежде называлъ ихъ повелительницей выступила впередъ, взяла меня за руку и вывела сначала на крошечный дворикъ, въ восемнадцать квадратныхъ футовъ, а оттуда уже на большой дворъ, освѣщенный мѣсяцемъ. Остальныя слѣдовали за ними, болтая самымъ оживленнымъ образомъ.

Это былъ главный дворъ гарема; для Хивы онъ былъ очень

УЗБЕКЪ.

великъ: футовъ сто пятьдесятъ въ длину и пятьдесятъ въ ширину; на одной изъ сторонъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ устроены были большіе, высокіе портики, подобные тѣмъ что я уже описывалъ, а въ серединѣ двора раскинуты три или четыре большія кибитки на круглыхъ кирпичныхъ подмосткахъ. Обстановка эта казалась чрезвычайно оригинальною и красивою при лунномъ свѣтѣ.

На все это я бросилъ тогда только бѣглый взглядъ, такъ какъ моя красавица быстро обогнула со мною выступъ стѣны, ввела меня въ тѣнь портика, а оттуда въ большую комнату позади. Пригласивъ меня жестомъ садиться на грудь подушекъ, она сама зажгла еще пять, шесть лампъ, подобныхъ той что была у нея въ рукахъ, и разставила ихъ вокругъ стѣны; потомъ схватила чайникъ и выбѣжала съ нимъ, отдавая въ то же время приказанія другимъ женщинамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя вышли за нею; а затѣмъ вошли другія женщины, усѣлись и стали смотрѣть на меня и обмѣниваться замѣчаніями — о моей наружности, поведению.

Я же тѣмъ временемъ сидѣлъ и оглядывался въ полнѣйшемъ изумленіи. Комната въ которой я находился была футовъ въ десять шириной при двадцати футахъ длины; стѣны и потолокъ были мѣстами изукрашены множествомъ первобытныхъ рисунковъ самыхъ грубыхъ колоритовъ, подобно ханской сокровищницѣ. Одна стѣна сверху до низу была покрыта деревянными полками какой-то странной отдѣлки, и онѣ были уставлены фаянсовою посудой, чашками, кубками всѣхъ размѣровъ и цвѣтовъ, горшками, чайниками и вазами. Здѣсь было множество чашекъ стариннаго китайскаго фарфора, очень цѣнныхъ, а разставлены онѣ были въ перемежку съ дешевыми чайниками русскаго издѣлія, ярко изукрашенными, и, повидимому, на глаза Хивинцевъ между этими вещами не было никакой разницы.

Въ комнатѣ царилъ величайшій безпорядокъ. На полу навалены были ковры, подушки, одѣяла, шали, халаты, перемѣшанные въ страшномъ хаосѣ всякаго рода домашними принадлежностями, оружіемъ, въ которомъ попалась мнѣ еще двустольная англійская винтовка съ пустыми патронами, капсюлями, нѣсколько гитаръ, все это такъ и бросалось въ глаза при свѣтѣ лампъ по стѣнамъ. Во всемъ видѣлись

приготовленія къ бѣгству, и самыя цѣнныя вещи, повидимому, были уже отобраны.

Пока я оглядывался такимъ образомъ и старался убѣдить себя что все это происходитъ со мною не во снѣ, возвратилась хозяйка съ чайникомъ, отъ котораго шелъ паръ, и поставила его предо мною на полъ, тогда какъ другія женщины внесли хлѣбъ, фрукты и всякія сласти. Затѣмъ она знакомъ спросила меня не хочу ли я вымыть руки, и на мой утвердительный отвѣтъ повела меня на другой конецъ комнаты, гдѣ въ полу было четырехугольное углубленіе, въ родѣ таза, а сама взяла въ руки красивой формы мѣдный кувшинъ, безъ ручки и съ тонкимъ изогнутымъ носикомъ, полила мнѣ на руки, воды и дала полотенце, все съ самымъ ласковымъ и услужливымъ видомъ. Покончивъ съ этимъ, она сняла съ полокъ чашки, налила чаю сперва мнѣ, а потомъ всѣмъ остальнымъ и себѣ самой, и принялась слѣдить за мной, пока я его пилъ, съ какимъ-то страннымъ, испытующимъ любопытствомъ. Мнѣ опять пришло въ голову прежнее мое предположеніе что у нея есть до меня какая-то просьба. Последствія показали что я не ошибался.

Изъ восьми окружавшихъ меня женщинъ три были до того стары и уродливы что больше напоминали вѣдьмъ, нежели женщинъ; три были надѣлены лицами ничѣмъ незамѣчательными, одна была очень молода и очень красива, тогда какъ сама хозяйка и не была красавицей, но положительно была интереснѣе всѣхъ другихъ, благодаря своему умственному превосходству и еще чему-то особенному, что рѣзко выдѣляло ея фигуру отъ окружавшихъ ее простыхъ женщинъ. На ней была надѣта короткая зеленая шелковая куртка вся расшитая золотомъ; длинная, шелковая же, красная рубашка, застегнутая у подбородка однимъ изумрудомъ, распахивалась на груди и спускалась ниже колѣнъ; широкіе шаровары и красные сапоги; тюбана на ней не было, а волосы были уложены на головѣ тяжелыми блестящими косами; въ уши были вдѣты странной формы серги, состоявшія изъ множества маленькихъ подвѣсокъ, а на руки надѣты неразгибавшіеся, безъ застежекъ, браслеты очень оригинальнаго образца, попадавшіеся мнѣ въ первый разъ. Они были изъ серебра съ золотымъ узоромъ, около дюйма шириной и въ четверть дюйма толщиною, формой напоминали букву С, съ пустымъ пространствомъ около полудюйма между обоими

концами; какъ я видѣлъ послѣ, въ это пространство втискиваютъ руку у кисти бокомъ.

Сама она теперь полусидѣла, полустояла на колѣняхъ на полу противъ меня, не спуская съ меня пристального взгляда своихъ большихъ черныхъ глазъ, что меня наконецъ начинало уже смущать, хотя и не мѣшало послѣ моей прогулки выпить двѣ чашки чаю и истребить значительное количество сластей. Въ головѣ же у меня тѣмъ временемъ неотступно вертѣлись вопросы: что будемъ мы дѣлать потомъ? какъ буду я съ ними объясняться, не зная почти ни слова изъ ихъ языка? Повелительница гарема вѣроятно думала о томъ же самомъ, судя по ея безпокойному испытующему взгляду, точно будто обдумывая какое-нибудь средство облегчить наши переговоры, тогда какъ остальные слѣдили за нами въ какомъ-то выжидательномъ положеніи, точно вотъ-вотъ должны мы вступить въ интересную и дружескую бесѣду.

Чтобы завязать какъ-нибудь разговоръ, я сталъ спрашивать ихъ имена: „Фатима?“ спросилъ я наугадъ повелительницу гарема—первое татарское имя которое могъ припомнить. Она поняла мой вопросъ и, покачавъ отрицательно головой, указала на одну изъ старухъ, изъ чего я заключилъ что Фатимой звали эту послѣднюю. Указывая затѣмъ на себя произнесла „Зулейка“, и такимъ образомъ назвала мнѣ всѣхъ поочереди.

Довольный такимъ успѣшнымъ началомъ, я рѣшился не упускать благопріятнаго случая и пуститься въ общій разговоръ. „Урусъ ма якши?“ спрашиваю я, то-есть Русскіе добры?—„Іокъ, іокъ“, посыпалось со всѣхъ сторонъ, и всѣ онѣ непріязненно замотали руками.

Это меня нѣсколько ошеломило, такъ какъ я, конечно, предполагалъ что онѣ во мнѣ самомъ должны видѣть Русскаго, а принимая во вниманіе что я былъ ихъ гостемъ, это было немного черезъ-чуръ откровенно.

Чтобы выгородить себя изъ этой національной непріязни „минъ Урусъ іокъ“,—„я не Русскій“, сказалъ я, на что онѣ послѣдшне закивали головами, точно говоря „знаемъ, знаемъ“.

Это очень поразило меня, тѣмъ болѣе что въ эту минуту я рѣшительно не зналъ чѣмъ себѣ это объяснить. Въ послѣдствіи я впрочемъ имѣлъ возможность убѣдиться что вѣсть о моемъ нерусскомъ происхожденіи быстро разнеслась между Хивинцами и, какъ мнѣ потомъ объясняли, они

подозрѣвали во мнѣ агента высланнаго англійскимъ правительствомъ, подобно Шекспиру въ 1840 году, во время бѣдственной экспедиціи Перовскаго.

Этимъ фактомъ объяснялся и весь пріемъ который мнѣ сдѣланъ былъ этой ночью. Ханъ бѣжалъ, ихъ же не допустили бѣжать ихъ собственные слуги, и бѣдняжки теперь полагались на помощь иностранца.

Я объяснилъ имъ какъ умѣлъ что Русскихъ бояться нечего. Хотя разговоръ нашъ велся болѣе знаками, однако визитъ мой все-таки продолжался болѣе двухъ часовъ. Прощаясь съ ними, я роздалъ имъ какія оказались у меня въ карманахъ бездѣлушки. Онѣ довели меня до двери у которой я постучался, но когда я объяснилъ что и отсюда не найду дороги, Зулейка проводила меня до маленькаго двора, въ который я сперва попалъ изъ большой башни. Здѣсь я ее оставилъ и поднялся по каменной лѣстницѣ. Будучи уже на верху, я обернулся на нее еще разъ; она на прощанье послала мнѣ воздушный поцѣлуй и исчезла въ темномъ корридорѣ, я же благополучно добрался до двора занятаго генераломъ Головачовымъ, растянулся на коврѣ подлѣ одного изъ офицеровъ и тутъ же уснулъ мертвымъ сномъ.

Когда на другое утро послали въ гаремъ лицъ, его нашли пустымъ: всѣ женщины бѣжали!

ХІІ. Гаремъ при дневномъ свѣтѣ.

Конечно, я не счелъ нужнымъ на слѣдующій день доносить о своихъ ночныхъ походахъ генералу Кауфману, и онъ теперь, вѣроятно, услышитъ объ нихъ въ первый разъ. Я надѣюсь что въ виду совершенно особенныхъ обстоятельствъ этого дѣла онъ извинитъ что я не сообщилъ ему о томъ раньше.

„Женщины бѣжали“ были первыя слова которыя я услыхалъ просыпаясь на слѣдующее утро. Капитанъ Рейсе, поставленный начальникомъ надъ дворцомъ, узналъ объ этомъ бѣгствѣ только тогда когда послалъ въ гаремъ приготовленный на завтракъ женщинамъ лапавъ. Цѣль русскихъ солдатъ разставлена была кругомъ, у всѣхъ дверей были часовые; какимъ же образомъ, спрашивали всѣ, умудрились женщины

бѣжать? Предположеній было множество; конечно, и я не больше другихъ былъ способенъ дать вѣрный отвѣтъ на эту загадку. Въ рапортѣ представленномъ генералу Кауфману объ этомъ дѣлѣ говорилось что онѣ спустились по водосточной трубѣ, предпріятіе съ ихъ стороны довольно рискованное, особенно въ виду того что въ Хивѣ и понятія не существуетъ о такомъ предметѣ какъ водосточная труба.

Въ теченіе дня старшій дядя хана, Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умаръ, донесъ что женщины у него, а такъ какъ не было никакой необходимости беречь ихъ подѣ карауломъ, то генералъ Кауфманъ и дозволилъ имъ тамъ оставаться.

Теперь мы въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ отправились осматривать гаремъ. Тяжелыми воротами, о которыхъ уже было упомянуто, входимъ мы въ высокій и широкій корридоръ и послѣ многочисленныхъ поворотовъ выходимъ на большой гаремный дворъ. Теперь, при дневномъ свѣтѣ, онъ нисколько не напоминаетъ тотъ дворъ что представился мнѣ прошлой ночью при лунномъ освѣщеніи. Тогда онъ былъ картиной которая могла бы возникнуть въ воображеніи при чтеніи *Далла-Рукъ*; теперь же предъ нами открывался безобразный, грязный дворъ, обнесенный полуразрушенными глиняными стѣнами, отъ которыхъ, послѣ одного хорошаго хивинскаго ливня, не осталось бы ничего кромѣ груды земли.

Входимъ въ комнату въ которой меня такъ хорошо угощали прошедшею ночью. Почти всѣ вещи находятся еще въ томъ же порядкѣ въ какомъ я ихъ засталъ въ первый разъ. Мы проходимъ затѣмъ по другимъ комнатамъ: онѣ всѣ очень похожи на первую, только въ нихъ меньше претензій. Груды халатовъ, одѣялъ, женской одежды, кухонная посуда, домашняя утварь, кружки, мѣдные кувшины весьма изящной формы, гитары съ мѣдными струнами, двѣ, три самопрѣлки — все это наваленное на полу въ полнѣйшемъ безпорядкѣ — вотъ картина которая вездѣ представлялась нашимъ глазамъ.

При болѣе внимательномъ розыскѣ, мы нашли много женскихъ туалетныхъ принадлежностей и бездѣлушекъ, хотя болѣшую часть подобныхъ вещей обитательницы гарема вѣроятно захватили съ собою. Тутъ были маленькія зеркальца съ полустертою амальгамой; деревянные гребни весьма грубой отдѣлки, маленькія стклянки духовъ какого-то особеннаго

проницательнаго запаха, вовсе не похожіе на тѣ что употребляются въ Европѣ, и баночки хашиша. Проходили мы и по кладовымъ, гдѣ всѣ эти вещи были свалены въ громадномъ количествѣ; въ одной изъ кладовыхъ было нѣсколько маленькихъ желѣзныхъ ящичковъ съ тяжелыми замками, въ которыхъ, повидимому, хранились драгоценности женщинъ. Ящички, однако, всѣ были открыты и пусты. По всему было видно что все цѣнное было повывезено. Должно-быть ханъ за нѣсколько дней до паденія своей столицы предвидѣлъ что событія этого не миновать, и потому имѣлъ время перевезти и припрятать свои деньги и драгоценности. Я только удивляюсь что онъ еще оставилъ на мѣстѣ столько цѣнныхъ вещей. Такъ, напримѣръ, намъ попались двѣ хорошія англійскія двуствольныя охотничьи винтовки, нѣсколько табатерокъ съ музыкой, вѣроятно очень цѣнными женщинами, одинъ изъ этихъ инструментовъ даже игралъ арію изъ *Belle Hélène*. Эту видимую оплошность хана, а также и то что онъ оставилъ женщинъ въ гаремѣ на жертву побѣдителю, я могу объяснить себѣ только тѣмъ предположеніемъ что онъ рѣшился, было, остаться во дворцѣ, полагаясь на милость генерала Кауфмана, пока бомбардировка начатая отрядомъ генерала Веревкина не нагнала на него паническій страхъ и не заставила его послѣдно бѣжать, оставляя все на произволъ судьбы.

Самыми цѣнными вещами что намъ попадались, за исключеніемъ кашмирскихъ шалей, была великолѣпная коллекція стараго китайскаго фарфора, въ которой насчитали не мѣнѣе тысячи вещей. Тутъ были чаши и чашки всѣхъ размѣровъ, начиная маленькими чайными чашками и кончая большими чашами, вмѣщающими чуть ли не цѣлый галлонъ воды. Большею частью онѣ были бѣлыя и синія, но нѣкоторыя были также прекрасныхъ яркихъ цвѣтовъ—красныя, коричневыя, зеленыя. Все это безъ разбора было разставлено бокъ о бокъ съ дешевою, но ярко-вызолоченною посудой русскаго издѣлія.

Жаль было смотрѣть какъ этотъ чудный фарфоръ — утѣшеніе и гордость гаремныхъ женщинъ, накопленный заботами не одного поколѣнія — былъ весь переверочень солдатами, которые способны были его перебить и растерять. Много изъ этихъ вещей, конечно, попало въ руки офицеровъ, которые знали имъ цѣну, да и я долженъ сознаться что пере-

купилъ нѣсколько прекрасныхъ вещей, найденныхъ Акъ-Маматовымъ, но большею частью всѣ эти вещи были затеряны и разрознены.

Сдѣлана была опись всѣмъ прочимъ вещамъ; затѣмъ захвачены были ковры, халаты, одѣяла, одежда, все что имѣло хоть какую-нибудь цѣну, чтобы продать въ пользу солдатъ. Оставлена была только часть старыхъ ковровъ, одѣялъ, негодной одежды разбросанной въ беспорядкѣ во дворѣ, а затѣмъ двери были заперты, и мы вышли изъ опустошеннаго гарема.

Для черезъ два войска выступили изъ города; оставленъ былъ всего небольшой отрядъ для охраны дворца и для поддержания порядка.

Генераль Кауфманъ расположилъ свой лагерь въ большомъ саду, версты за полторы отъ города. Садъ этотъ принадлежалъ лѣтней резиденціи хана. Занимаетъ онъ около шести акровъ земли и окруженъ толстою глиняною стѣной футовъ пятнадцати въ вышину; онъ засаженъ абрикосовыми, персиковыми и сливовыми деревьями, но главную его красу составляютъ великолѣпные вязы и двѣ прекрасныя аллеи молодыхъ тополей; извиающіеся по всѣмъ направленіямъ маленькіе каналы орошаютъ почву, доставляютъ воду для поливки деревъ и наполняютъ нѣсколько маленькихъ бассейновъ подъ вязами. Лѣтній дворецъ хана стоитъ въ одномъ углу этого сада и гораздо комфортабельнѣе устроенъ чѣмъ городская его резиденція.

Представьте себѣ большое прямоугольное зданіе ста яровъ въ длину при пятидесяти въ ширину, съ зубчатыми стѣнами, какъ у феодальныхъ замковъ. Черезъ узкую дверь, прорубленную въ стѣнѣ, входите вы изъ сада въ большой дворъ; посреди его растутъ четыре большіе вяза, подъ которыми устроенъ маленькій бассейнъ. Съ правой стороны высокій портикъ, открытый къ сѣверу, за которымъ, какъ и всегда, находится темная, прохладная комната, очень удобная во время жаровъ. Надъ первымъ портикомъ устроенъ другой, а надъ вторымъ еще третій, въ который вязы простираютъ свои длинныя вѣтви.

За этими рядами портиковъ и комнатъ находится другой небольшой дворъ, также съ маленькимъ бассейномъ и двумя большими вязами. Это дворъ гарема; съ трехъ сторонъ его лѣнятся ряды маленькихъ комнатъ; а надъ четвертою, солнечною стороною, свѣшиваются густыя, тяжелыя вѣтви

вязовъ, растущихъ у самой стѣны снаружи двора, представляя чудную тѣнь и прохладу. Каждое жилое отдѣленіе состоитъ изъ одной комнаты внизу и двухъ наверху, съ маленькимъ портикомъ или балкономъ выходящимъ во дворъ; въ рѣшоткахъ и деревянной отдѣлкѣ этихъ балконовъ видно было дѣло рукъ лѣвннхъ Русскихъ, которые преимущественно употреблялись на дворцовыя и садовыя работы.

Великій Князь Николай Константиновичъ расположился съ одной стороны этого двора, а Князь Евгений Максимиліановичъ съ другой. За дворцомъ въ саду были два лѣтніе дома, оственные тѣнью вязовъ; въ нихъ-то помѣстился генералъ фонъ-Кауфманъ и генералъ Головачовъ, остальные же офицеры раскинули свои палатки гдѣ только находилось для нихъ мѣсто подъ фруктовыми деревьями.

Мы съ Чертковымъ рѣшили помѣститься въ самомъ дворцѣ, въ портикѣ втораго этажа, при которомъ нашлись двѣ очень темныя, прохладныя комнаты; самъ же портикъ былъ оственъ густою листвою вязовъ. Здѣсь раскинули мы свои ковры и войлоки, устроили себѣ постели изъ одѣялъ, которыми наши люди нашли въ другомъ дворцѣ, и расположились какъ дома. На этой квартирѣ мы пользовались всѣми выгодами открытаго мѣста и въ то же время были защищены отъ солнца густою тѣнью вязовъ. Стоило намъ только подняться на верхній портикъ, футовъ на тридцать надъ землею, и предъ нами открывался великолѣпный видъ на городъ и окружающій оазисъ, за которымъ видѣлись желтые пески пустыни.

Единственнымъ недостаткомъ этого великолѣпнаго помѣщенія была лѣстница. Я не думаю даже чтобы въ самые славные дни своего существованія она могла съ честью выдержать сравненіе съ лѣстницами Тюилерійскаго или Сентъ-Джемокаго дворцовъ. Она была просто-на-просто слѣплена изъ грязной глины; а всѣмъ извѣстно что каковы бы ни были другія качества этого прекраснаго матеріала, онъ никакъ не отличается прочностью, въ особенности для мѣста которое вѣчно уталтывается множествомъ народа. Ступенки почти всѣ были разрушены, а нѣкоторыя даже совсѣмъ сглажены, когда мы завладѣли комнатами, а черезъ нѣсколько дней отъ нихъ не осталось почти и слѣдовъ, и спускъ изъ нашихъ покоевъ представлялъ весьма трудную и рискованную задачу.

Что касается стола, то Акъ-Маматовъ былъ нашимъ поваромъ, а дылать, барановъ, арбузовъ, дынь, абрикосовъ, винограда и персиковъ было вволю. Каждое утро не только доставлялись намъ горячія пшеничныя лепешки со свѣжимъ молокомъ, но даже и ледъ. Хивинцы заготовляютъ большой запасъ льда ежегодно и цѣнятъ его весьма высоко, судя по деньгамъ которыя они за него требовали. Какъ читатель видитъ, житье намъ въ Хивѣ выпало вовсе не такое плохое, какъ бы можно было предполагать.

Въ первые дни генераль Кауфманъ не имѣлъ никакихъ извѣстій о ханѣ. Наконецъ, стало извѣстно что онъ бѣжалъ въ Имукчиръ, сопровождаемый своими вѣрными Туркменами. Генераль Кауфманъ немедленно послалъ ему письмо съ заявленіемъ что если онъ вернется въ Хиву и сдаться Русскимъ, то ему будутъ оказываться все подобающія его положенію почести; если же онъ откажется это исполнить, то на его мѣсто посадятъ ханомъ кого-нибудь другаго. Такъ какъ генераль Кауфманъ не имѣлъ въ виду окончательнаго занятія страны, то желалъ возможно скорѣе возстановить въ ней порядокъ и спокойствіе.

Ата-Джанъ, меньшей братъ хана, который содержался въ послѣднее время въ заключеніи, считался кандидатомъ на престолъ, и уже заявилъ о своихъ притязаніяхъ генералу Кауфману. Еслибы ханъ не послушался вразумленій, заключенныхъ въ письмѣ, то безъ сомнѣнія былъ бы низложенъ русскимъ генераломъ.

ХІІІ. Генераль фонъ-Кауфманъ и ханъ.

2го (14го) іюня ханъ вернулся въ Хиву и явился къ побѣдителю.

Генераль фонъ-Кауфманъ принялъ его подъ вязами, предъ своею палаткой. Здѣсь была платформа изъ кирпичей, устланная теперь коврами и уставленная стульями и столами. На этой-то платформѣ произошло первое свиданіе генерала Кауфмана съ ханомъ.

Едва разнесся слухъ о пріѣздѣ послѣдняго, мы все собрались вокругъ генерала Кауфмана, интересуясь видѣть владетелина о которомъ слышали такъ много. Теперь онъ довольно смиренно вѣхалъ въ свой собственный садъ, сопро-

вождаемый свитой человекъ въ двадцать; когда же подъѣхалъ къ концу коротенькой аллеи изъ молодыхъ тополей, ведущей къ палаткѣ генерала Кауфмана, то сошелъ со своего богато-убраннаго коня и подошелъ лѣшкомъ, снявъ свою высокую баранью шапку. Онъ поднялся на маленькую платформу, сидя на которой ему вѣроятно часто приходилось самому видѣть выраженія почтительнѣйшей покорности своихъ подданныхъ, и сталъ на колѣна предъ генераломъ Кауфманомъ, сидѣвшимъ на своемъ походномъ стулѣ. Затѣмъ онъ отодвинулся немного дальше, не сходя однако съ платформы, покрытой вѣроятно его собственнымъ ковромъ, и остался на колѣняхъ. Надо замѣтить что Хивинцы не сидятъ скрестивъ ноги какъ Турки, но усаживаются полу-стоя на колѣняхъ и въ этой позѣ, которую я уже описывалъ говоря о Киргизахъ, они ѣдятъ, разговариваютъ и совѣщаются. Итакъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ колѣнопреклоненіе хана не было выраженіемъ униженія и покорности.

Ханъ человекъ лѣтъ тридцати, съ довольно пріятнымъ выраженіемъ лица, когда оно не отуманивается страхомъ, какъ въ настоящемъ случаѣ; у него красивые большіе глаза, слегка загнутый орлиный носъ, рѣдкая бородка и усы и крупный, чувственный ротъ. По виду онъ мушкетеръ очень крѣпкій и могучій, ростомъ въ цѣлыхъ шесть футовъ и три дюйма, плечи его широко пропорціонально этой вышины, и на мой взглядъ, вѣсу въ немъ должно быть никакъ не меньше шести, даже семи пудовъ. Одѣтъ онъ былъ въ длинный яркосиній шелковый халатъ; на головѣ была высокая хивинская баранья шапка. Смирненно сидѣлъ онъ предъ генераломъ Кауфманомъ, едва осмѣливаясь поднять на него глаза. Едва ли чувства хана были пріятнаго свойства когда онъ очутился такимъ образомъ въ концѣ-концовъ у ногъ туркестанскаго генералъ-губернатора, славнаго ярымъ-падишаха. Два человека эти представляли любопытный контрастъ: генералъ Кауфманъ ростомъ былъ чуть ли не на половину меньше хана, и въ улыбка скользившей по его лицу, когда онъ смотрѣлъ на сидящаго у его ногъ русскаго историческаго врага, сказывалась не малая доля самодовольства. Мнѣ казалось что трудно бы и подобрать болѣе рѣзкое олицетвореніе побѣды ума надъ грубою силой, усовершенствованнаго военнаго дѣла надъ первобытнымъ способомъ веденія войны, чѣмъ оно являлось въ этихъ двухъ мушкетерахъ. Во времена

МУХАМЕДЪ-РАХИМЪ-БОГАДУРЪ-ХАНЪ.

рыцарства ханъ этотъ со своею могучею фигурой великана былъ бы чуть не полубогомъ; въ рукопашномъ бою онъ обра- тилъ бы въ бѣгство цѣлый полкъ; весьма вѣроятно былъ бы настоящимъ „*Cœur de Lion*“, а теперь самый послѣдній солдатъ русской арміи былъ, пожалуй, сильнѣе его.

— Такъ вотъ, ханъ, сказалъ генералъ Кауфманъ,—вы ви- дите что мы наконецъ и пришли васъ навѣстить, какъ я вамъ обѣщалъ еще три года тому назадъ.

Ханъ.—Да; на то была воля Аллаха.

Генералъ Кауфманъ.—Нѣтъ, ханъ, вы сами были причиной этому. Еслибы вы послушались моего совѣта три года тому назадъ и исполнили бы тогда мои справедливыя требованія, то никогда не видали бы меня здѣсь. Другими словами, еслибы вы дѣлали что я вамъ говорилъ, то никогда бы не было на то воли Аллаха.

Ханъ.—Удовольствіе видѣть ярымъ-падишаха такъ велико что я не могъ бы желать какой-нибудь перемѣны.

Генералъ Кауфманъ (смѣясь).—Могу увѣрить васъ, ханъ, что въ этомъ случаѣ удовольствіе взаимно. Но перейдемъ къ дѣлу. Что вы будете дѣлать? Что думаете пред- принять?

Ханъ.—Я предоставляю это рѣшить вамъ, въ вашей вели- кой мудрости. Мнѣ же остается пожелать одного—быть слу- гой великаго Бѣлаго Царя.

Генералъ Кауфманъ.—Очень хорошо. Если хотите, вы можете быть не слугою его, а другомъ. Это зависитъ отъ васъ однихъ. Великій Бѣлый Царь не желаетъ свергать васъ съ престола. Онъ только хочетъ доказать что онъ доста- точно могущественъ чтобы можно было оказывать ему пре- небреженіе, и въ этомъ, надѣюсь, вы теперь достаточно убѣ- дились. Великій Бѣлый Царь слишкомъ великъ чтобы вамъ мстить. Показавъ вамъ свое могущество онъ готовъ теперь простить васъ, и оставить попрежнему на престолѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, о которыхъ мы съ вами, ханъ, погово- римъ въ другой разъ.

Ханъ.—Я знаю что дѣлалъ очень дурно, не уступая спра- ведливымъ требованіямъ Русскихъ; но тогда я не понималъ дѣла, и мнѣ давали дурные совѣты; впередъ я буду лучше знать что дѣлать. Я благодарю великаго Бѣлаго Царя и славнаго ярымъ-падишаха за ихъ великую милость и снис- хожденіе ко мнѣ и всегда буду ихъ другомъ.

Генераль Кауфманъ.—Теперь вы можете возвратиться, ханъ, съ свою столицу. Возстановите свое правленіе, судите свой народъ и охраняйте порядокъ. Скажите своимъ подданнымъ чтобъ они принимались за свои труды и занятія, и никто ихъ не тронетъ; скажите имъ что Русскіе не разбойники и не грабители, а честные люди; что они не тронутъ ни ихъ женъ, ни имуществъ.

Затѣмъ произошелъ обменъ вопросовъ о здоровьѣ и взаимныя пожеланія всѣхъ благъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ; потомъ ханъ удалился. Онъ возвратился въ столицу и приступилъ къ своимъ обычнымъ занятіямъ; но не жилъ больше во дворцѣ, въ которомъ и жить, собственно говоря, было уже нельзя, а проводилъ ночи у Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умара.

За первымъ визитомъ хана послѣдовало нѣсколько другихъ въ теченіе послѣдующихъ дней; въ одно изъ этихъ посѣщеній ханъ съ своимъ братомъ присутствовалъ на смотре русскихъ войскъ. Забавно и интересно было видѣть съ какимъ любопытствомъ и удивленіемъ слѣдилъ онъ за движеніями русской арміи. Твердый, мѣрный шагъ солдатъ и быстрый, дружный отвѣтный возгласъ на привѣтствіе главнокомандующаго должны были казаться хану чѣмъ-то таинственнымъ и демоническимъ. Онъ мнѣ напомнилъ выраженіемъ своей фигуры полу-испуганнаго ребенка, слѣдщаго съ робкимъ любопытствомъ за развитіемъ дѣйствія въ какой-нибудь страшной святочной пантомимѣ. Таковы-то люди, думалось ему вѣроятно, что покоряютъ себя всю Центральную Азію; предъ горстью которыхъ погибли цѣлыя мусульманскія рати въ Самаркандѣ какъ трава подъ косой; таково-то могучее племя изъ котораго двѣнадцати сотенъ оказалось достаточно чтобы взять приступомъ Ташкентъ, съ его столѣтнимъ населеніемъ, люди подъ дыханіемъ которыхъ самый исламизмъ исчезаетъ съ земной поверхности!

По распоряженію генерала Кауфмана былъ собранъ диванъ или совѣтъ для обсужденія средствъ и способовъ къ уплатѣ военной контрибуціи, которую предполагалъ назначить русскій главнокомандующій. Совѣтъ этотъ состоялъ изъ самого хана съ тремя его министрами и изъ трехъ русскихъ офицеровъ, въ числѣ которыхъ былъ и полковникъ Ивановъ. Задача этого совѣта заключалась не въ одномъ обсужденіи

средствъ къ уплатѣ Русскимъ военныхъ расходовъ, но также и въ томъ чтобы своими совѣтами руководить хана въ дѣлахъ общаго управленія страной. Всѣ эти распоряженія возбудили сильный интересъ хана, и онъ выказалъ много усердія въ исполненіи всѣхъ требуемыхъ мѣръ.

По правдѣ говоря, онъ былъ такъ неопытенъ въ государственныхъ дѣлахъ что они имѣли для него все обаяніе новизны. До сихъ поръ онъ предоставлялъ все управленіе государствомъ своему министру, диванъ-бегі Матъ-Мураду, о которомъ придется еще говорить дальше. Теперь же онъ выказывалъ такую ребяческую послѣднюю при выполненіи всѣхъ распоряженій генерала Кауфмана что подчасъ портилъ все дѣло. Для примѣра я приведу одинъ случай, разказанный мнѣ самимъ русскимъ главнокомандующимъ. Намѣреваясь освободить рабовъ, онъ написалъ хану письмо, сообщая ему о своемъ рѣшеніи и прося его издать по этому поводу прокламацію. Вторая половина письма заключала разныя внушенія и совѣты относительно лучшихъ способовъ привести въ исполненіе эту мѣру; между прочимъ онъ убѣждалъ хана снестись со всѣми губернаторами провинцій чтобы прокламація эта была прочитана во всемъ ханствѣ въ одинъ тотъ же день, дабы лишить Узбековъ возможности мучать Персіянъ напоследокъ. Ханъ же, прочтя только первую часть письма, тутъ же, не дочитавъ до конца, написалъ требуемую прокламацію и далъ приказъ своимъ герольдамъ читать ее по всѣмъ улицамъ на слѣдующій день, а самъ послѣдшилъ къ генералу Кауфману сообщить о своемъ распоряженіи и показать какъ онъ слѣдуетъ исполнять всѣ его желанія.

— Развѣ вы не читали послѣдней части моего письма? спросилъ Кауфманъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ ханъ,—я не зналъ что это необходимо.

— Да, конечно, сказалъ Кауфманъ,—у насъ вторая половина письма верѣдко даже самая важная. Въ ней я совѣтовалъ вамъ повременить еще немного изданіемъ этой прокламаціи.

— Ну, этого я не зналъ, возразилъ ханъ;—я сейчасъ вернусь къ себѣ, дочту ваше письмо до конца и не прикажу обнародовать этой прокламаціи до того времени какое вы назначили.

Онъ, однако, скоро освоился съ русскимъ способомъ веденія дѣлъ, выказывалъ даже большую понятливость и много

здраваго смысла въ управленіи. Весьма вѣроятно что испытать однажды всю прелесть власти, онъ не такъ-то охотно ввѣритъ ее опять другому.

До сихъ поръ, какъ кажется, Русскимъ удалось собрать еще весьма мало свѣдѣній объ устройствѣ администраціи и о доходахъ ханскаго правительства, о средствахъ и населеніи страны. Одна изъ особенностей хивинской администраціи состоитъ въ томъ что за исключеніемъ муллъ и небольшого числа людей составляющихъ полицію для присмотра за порядкомъ и наказанія виновныхъ, почти никто изъ чиновниковъ не получаетъ опредѣленной платы. Всѣ они, отъ высшаго до самаго незначительнаго чиновника, живутъ посторонними доходами захваченными въ довѣренной имъ части администраціи; система эта конечно ведетъ къ ужасному воровству и взяткамъ со стороны чиновниковъ.

Въ финансовой части ханскаго управленія оказалась страшнѣйшая путаница и невообразимый безпорядокъ. По изслѣдованіямъ г. Куна, посвятившаго много времени на ознакомленіе со всѣмъ что относилось къ управленію ханствомъ, весь государственный доходъ доходилъ до 90.000 тиллъ; но счета были всѣ до того запутаны что не было никакой возможности сдѣлать вѣрную смѣту дѣйствительно собранныхъ налоговъ. Также не было извѣстно какая часть доходовъ приходилась на долю самого хана. Судя по его умѣренному, простому образу жизни я думаю что онъ получалъ долю самую незначительную. При его обстановкѣ было бы невозможно истратить и десятую часть всего государственнаго дохода; хотя у него было большое семейство и отъ трехъ до четырехъ сотъ рабовъ, но у него были также большія земли, приносяшія ему вѣроятно хорошій доходъ. Роскошь, въ нашемъ смыслѣ этого слова, неизвѣстна хану. Единственною нѣсколько дорогою прихотью его была конюшня, полная великолѣпныхъ туркменскихъ коней, да отъ времени до времени покупка новой жены. Постояннаго войска онъ, кажется, не содержалъ. Доходъ этотъ, каковы бы ни были его дѣйствительные размѣры, набирался изъ разнородныхъ налоговъ.

Одною изъ первыхъ статей дохода былъ „закетъ“, или пошлина съ товаровъ, собираемый Матъ-Мурадомъ.

Насколько можно было понять изъ книгъ Матъ-Мурада, налогъ собираемый съ русскихъ товаровъ, въ $2\frac{1}{2}$ процента, доходилъ

до 11.000 малыхъ тиллъ (каждая малая тилла=1 р. 80 к.); зякетъ же съ товаровъ привозимыхъ изъ Бухары и другихъ странъ составлялъ 8.663 малыхъ тиллъ. Но только половина этой суммы поступала въ казну. Кладъ ли Мать-Мурадъ другую половину денегъ просто себѣ въ карманъ, или самъ ханъ ему присуждалъ извѣстную долю зякета въ вознагражденіе за труды и расходы по сбору—неизвѣстно. Однако, болѣе чѣмъ вѣроятно что Мать-Мурадъ просто кралъ эти деньги у правительства.

Кромѣ того зякетъ еще собирался тѣмъ же Мать-Мурадомъ со внутренней торговли. Податью этою облагались всѣ купцы, сообразно величинѣ лавки и продаваемому въ ней товару, отъ 1 кокана (20 коп.) до 1 тилли (1 р. 80 коп.).

Затѣмъ слѣдовала подать „салгутнаа“, взимаемая съ земли и домовъ. Собиралась она двумя министрами хана, мехте-ромъ и кушъ-беги.

Съ Каракалпаковъ взималось по одному барану съ сотни, по одной штукѣ съ каждыхъ 20ти головъ рогатаго скота и по одному верблюду изъ каждыхъ шести. Киргизы, пригонявшіе скотъ на базары, облагались пошлиной въ размѣрѣ отъ 3хъ до 5ти кокановъ съ cadaго верблюда и 2хъ кокановъ съ cadaго десятка барановъ.

Кромѣ того существовалъ еще налогъ на урожай. Когда подходило время жатвы, нарочно для того назначаемыя должностныя лица выѣзжали въ объѣздъ по полямъ и оцѣнивали на глазъ количество предполагаемаго урожая, въ присутствіи собственника земли.

Точно опредѣлить населеніе ханства не оказалось никакой возможности; я думаю даже что нескоро и добьются этихъ свѣдѣній. Даже и въ тѣхъ среднеазиатскихъ городахъ что давно находятся подъ властію Русскихъ оказалось невозможнымъ произвести вѣрную перепись, благодаря подозрительности народа на этотъ счетъ. Ничто неспособно такъ враждебно настроить ихъ какъ перепись. Полагають однако что все населеніе ханства доходило до 500.000 душъ, не считая кизиль-кумскихъ Киргизовъ, на которыхъ нѣкоторымъ образомъ также простиралась ханская власть.

Дороги и каналы поддерживаются на счетъ правительства, и на этотъ предметъ опредѣляется часть налога получаемого съ земли. Поземельный налогъ можетъ также, вмѣсто уплаты назначенной суммы денегъ, отрабатываться натурой.

Правила существующія въ Хивѣ относительно земли, почти тѣ же что и въ прочихъ магометанскихъ странахъ. Земля считается собственностію государства, или, вѣрнѣе говоря, собственностію магометанскаго вѣроисповѣданія, и не дается никому въ полную собственность. У правовѣрныхъ однако трудно отнять разъ поступившую въ ихъ руки землю, пока они вносятъ за нее налоги и воздѣлываютъ ее. Если же земля остается цѣлыхъ три года невоздѣланною, то ее можетъ потребовать себѣ каждый прохожій, и его права на нее тогда считаются настолько же основательными, какъ и права прежняго владѣльца. Однакоже, если прежній владѣлецъ явится въ непродолжительномъ времени, предлагая уплатить деньгами за подрастающій урожай и сдѣланныя улучшенія, то новый владѣлецъ обязанъ возратить ее прежнему хозяину. Приобрѣсти необработанный участокъ земли въ Центральной Азіи весьма легко, такъ какъ въ ея воздѣлываніи предполагается главный источникъ богатства страны: стоить только засадить невоздѣланную землю нѣсколькими деревьями и снабдить ее орошеніемъ.

XIV. Свиданіе съ ханомъ.

Найдя что садъ въ которомъ стояли войска слишкомъ неудобенъ для астрономическихъ наблюдений, поручикъ Сыроватскій, астрономъ экспедиціи, просилъ позволить ему занять одну изъ комнатъ ханскаго городского дворца. Получивъ разрѣшеніе на такое перемѣщеніе, онъ отправлялся во дворецъ два раза въ день и тамъ же почевалъ. Ханъ выражалъ такое любопытство относительно инструментовъ что Сыроватскій общалъ ему объяснить ихъ. Въ назначенный ханомъ день Сыроватскій предложилъ мнѣ сопровождать его.

Представивъ сначала подарокъ, состоявшій изъ ковра и револьвера, поручикъ Сыроватскій переправилъ свои инструменты въ одинъ изъ внутреннихъ дворцовыхъ дворовъ. Здѣсь застали мы хана, сидѣвшаго на платформѣ, о которой я уже разъ говорилъ. Подмостки эти не были устланы ковромъ. Я полагаю что у хана осталось весьма мало ковровъ и онъ находилъ нѣкоторое злобное удовольствіе выставять свою бѣдность на показъ Русскимъ. Когда мы поднялись по ступенькамъ, онъ далъ намъ знакъ садиться и

предложилъ намъ арбуза, хлѣба и чаю. Затѣмъ онъ выразилъ желаніе видѣть инструменты. Сперва ему показанъ былъ большой телескопъ, но такъ какъ мы со всѣхъ сторонъ были окружены стѣнами, то можно было наблюдать только солнце. Вставили темное стекло и окуляръ достаточной силы чтобы видѣть пятна на солнцѣ. Ханъ смотрѣлъ въ телескопъ, а поручикъ Сыроватскій объяснялъ ему видимыя въ телескопъ явленія; но это повидимому не интересовало хана, вѣроятно ему было гораздо пріятнѣе еслибы стекло было направлено на земные предметы. Затѣмъ Сыроватскій пытался объяснить ему употребленіе квадранта и ртутнаго горизонта; объясненіе это повергло хана въ бѣздну смущенія, хотя онъ, повидимому, и старался понять что ему толкуютъ. Ханъ несравненно болѣе заинтересовался, когда Сыроватскій сталъ ему объяснять что хотя бы его, Сыроватскаго, привели съ завязанными глазами въ любой городъ на свѣтѣ, онъ всегда будетъ въ состояніи при помощи квадранта опредѣлить въ какомъ онъ находится городѣ, если только ему дадутъ посмотреть на солнце изъ такого же маленькаго двора. „Я могу тогда вѣрно сказать вамъ что я въ Хивѣ, а не въ Бухарѣ, или въ Бухарѣ, а не въ Самаркандѣ“. Ханъ широко раскрылъ глаза отъ удивленія, и съ этой поры, какъ кажется, считалъ астронома чѣмъ-то въ родѣ колдуна. Въ то же время онъ вѣрно въ душѣ проклиналъ Сыроватскаго какъ невѣрнаго лса что онъ своими бѣсовскими чарами указалъ Русскимъ дорогу въ Хиву, считавшуюся недосыгаемою. Онъ очень заинтересовался также и барометромъ. Когда Сыроватскій сталъ показывать ему свои большіе и маленькіе хронометры, ханъ вынулъ свои золотые часы, подарокъ лорда Нордбрука, и сталъ свѣрять время. Хотя былъ уже полдень, ханскіе часы показывали всего шесть часовъ утра. Осмотрѣвъ его часы, Сыроватскій сказалъ ему что они очень хороши. Когда инструменты были осмотрѣны, ханъ сталъ выказывать значительное любопытство касательно меня. Не одинъ разъ случалось мнѣ замѣчать его испытующій, пристальный взглядъ, обращенный на меня, такъ что я вовсе не былъ удивленъ когда онъ потомъ заявилъ желаніе имѣть вторичное со мною свиданіе.

Онъ началъ разговоръ вопросомъ изъ какой я страны пріѣхалъ.

— Изъ Америки, отвѣчалъ я.

— Такъ, стало-быть, вы не Англичанинъ? спросилъ онъ съ видимымъ удивленіемъ. Вопросъ этотъ подтвердилъ мои предположенія что онъ принималъ меня за англійскаго агента.

— Нѣтъ, возразилъ я;—страна моя гораздо дальше.

— А какъ далеко?

— За большимъ моремъ; 400 дней пути, верблужьимъ ходомъ.

Пораженный, онъ освѣдомился, какъ же я переѣхалъ такое большое море.

Тогда я спросилъ его, не видалъ ли онъ русскій пароходъ на нижнемъ теченіи Аму-Дарьи. Онъ отвѣчалъ что амъ его не видалъ, но много о немъ слышалъ. Я сообщалъ ему что такой-то пароходъ можетъ переѣхать то море въ десять дней, подвигаясь впередъ ровно въ сорокъ разъ быстрѣе верблюда. Затѣмъ я ему заявилъ что мои земляки изобрѣли эти пароходы, а также и ту быструю систему сообщенія посредствомъ которой можно бы переслать извѣстіе изъ Хивы въ Бухару въ какія-нибудь пять минутъ. Это заявленіе однако показалось хану совершенно невѣроятнымъ; я даже думаю что онъ счелъ меня тутъ великимъ лгуномъ.

Телеграфъ былъ доведенъ до Ташкента уже послѣ паденія Хивы и весьма мало Азіятцевъ имѣютъ понятіе объ этомъ изобрѣтеніи.

Я сказалъ также что Американцы изобрѣли винтовки употребляемыя Русскими — заявленіе весьма не любезное съ моей стороны, въ виду того какъ пришлось пострадать бѣдному хану отъ дѣйствія этихъ самыхъ орудій. Это сообщеніе однако возбудило въ немъ большой интересъ. Онъ сталъ меня спрашивать, много ли выдѣлывается въ Америкѣ винтовокъ? Что онѣ стоять? Трудно ли ихъ достать? Когда я отвѣтилъ на всѣ эти вопросы, онъ сталъ разспрашивать меня о Франкистанѣ (Франціи) и Англіи.

Я начертилъ приблизительную карту на клочкѣ бумаги, объясняя ему относительное положеніе Франціи, Германіи, Англіи, Россіи и Индіи, и онъ внимательно въ нее всматривался. Я сказалъ ему что у Франціи была съ Германіей война, что Франкистанъ былъ побитъ и принужденъ выплатить большую сумму денегъ. Это очень его тронуло, онъ немедленно уловилъ сходство положенія этой страны со своимъ собственнымъ. Онъ полюбопытствовалъ, узнать, всегда ли такимъ же образомъ ведется война на Западѣ. Я увѣрилъ его что всегда и что тамъ не убиваютъ плѣнныхъ, не муча-

ють ихъ и не продають въ рабство; не выжигаютъ и не грабятъ непріятельской страны, а существуютъ тамъ болѣе дѣйствительныя средства для достиженія того же результата. Когда я сказалъ ему что во Франціи насчитывается 40.000.000 народонаселенія, и почти столько же въ Германіи, и что каждая изъ этихъ странъ выставила на поле битвы армію въ 1.000.000 человекъ, онъ былъ пораженъ до послѣдней степени; для него, конечно, было не малымъ утѣшеніемъ узнать что и такая большая страна какъ Франгистанъ можетъ подвергнуться такому же униженію, какъ и онъ.

Тутъ онъ меня спросилъ, велика ли страна Русскихъ. Я отвѣчалъ ему что Россія больше Франціи, Англіи, Германіи и Индіи сложенныхъ вмѣстѣ, и что населеніе ея вдвое многочисленнѣе населенія Англіи или Франціи.

Больше всего поразило его изъ разказовъ объ Америкѣ то что тамшній ханъ царствуетъ всего четыре года, и что затѣмъ избирается другой ханъ на мѣсто прежняго.

— Да какъ же ханъ допускаетъ выбрать другаго на свое мѣсто? спрашивалъ онъ въ удивленіи.

— Таковъ законъ; еслибъ онъ не захотѣлъ подчиниться закону, народъ бы его къ тому принудилъ. Тутъ я прибавилъ что даже и я, по возвращеніи своемъ домой, могу быть выбранъ ханомъ.

Онъ, однако, взглянулъ на меня съ весьма недовѣрчивымъ видомъ, вѣроятно думая что ужъ этому-то послѣднему никогда не бывать. Онъ спросилъ меня затѣмъ, въ дружбѣ ли находятся Англичане съ Русскими. Я отвѣчалъ утвердительно; сообщилъ хану о только-что объявленной помолвкѣ Дочери Великаго Бѣлаго Царя съ сыномъ Англійской королевы, увѣряя его что и теперь Левъ Англіи и Медвѣдь Россіи лежатъ рядомъ въ такомъ добромъ согласіи будто два ягненка.

Наружность хана довольно привлекательна. Выраженіе его лица пріятное и веселое, и во взглядѣ нѣтъ ничего жестокаго и кровожаднаго. Я нашелъ его даже весьма вѣжливымъ и ласковымъ. Въ то же время въ осанкѣ его проглядывало что-то царственное—видъ спокойнаго самообладанія человека привыкшаго повелѣвать. Вообще мнѣ кажется что онъ расположенъ къ кроткому образу дѣйствій. Пѣвныя Русскіе отзывались о немъ очень хорошо. Проходя

мимо нихъ во время работъ, ханъ не рѣдко останавливался и вступалъ съ ними въ дружелюбный разговоръ. Конечно, въ настоящую кампанію онъ выказалъ себя со стороны весьма невыгодной, оказался неблагодарнымъ и трусливымъ въ высшей степени. Онъ нигдѣ лично не предводительствовалъ своими войсками, бѣжалъ при первомъ появленіи Русскихъ, и наконецъ, какъ увидитъ читатель, выказалъ потомъ самую черную неблагодарность относительно Туркменъ.

Въ теченіе всего моего свиданія съ ханомъ, одинъ изъ стоящихъ при немъ слугъ черезъ каждыя пять минутъ вносилъ ему трубку. Ханъ затягивался и отдавалъ трубку назадъ; затѣмъ ее набивали вновь и опять подносили ему. Я потомъ узналъ что онъ цѣлый день продолжаетъ такъ курить. Во время пребыванія Русскихъ въ Хивѣ онъ проводилъ день свой слѣдующимъ образомъ. Утромъ прѣзжалъ въ русскій лагерь и присутствовалъ въ совѣтѣ или диванѣ, подъ председательствомъ полковника Иванова. Здѣсь проводилъ онъ часть-другой въ обсужденіи государственныхъ дѣлъ. Отсюда возвращался въ свой дворецъ, завтракалъ, а затѣмъ часа два судилъ народъ. Онъ выслушивалъ всевозможныя жалобы, начиная съ самыхъ серіозныхъ раздоровъ касавшихся имуществъ, и кончая самыми пустыми ссорами мужей съ женами. Послѣ полудня, напившись чая, онъ отправлялся отдыхать въ гаремъ. Вечеромъ же опять выѣзжалъ верхомъ, заѣзжалъ къ генералу Кауфману или просто прогуливался по странѣ, сопровождаемый тремя, четырьмя, а иногда и двадцатью изъ своихъ приближенныхъ. Онъ всегда старался отвѣчать на поклоны встрѣчныхъ людей; никогда я не видалъ чтобъ онъ пропустилъ чей-нибудь поклонъ—былъ ли то Русскій или самый послѣдній изъ его подданныхъ — не поклонившись въ свою очередь.

Говорили что у Хана всего четыре жены; но кромѣ того у него еще около сотни рабынь всѣхъ племенъ, попадавшихъ въ его владѣнія. О точномъ числѣ ихъ я однако не могъ справиться, такъ какъ въ Центральной Азіи считается крайне неприличнымъ упомянуть челоѣку хотя бы однимъ словомъ о его женѣ или женахъ. Образъ жизни женщинъ здѣсь очень простъ и воздерженъ. У нихъ не существуетъ соперничества относительно одежды; и даже женщины цивилизованнаго міра могли бы брать съ нихъ примѣръ во многихъ отношеніяхъ. Большую часть своего времени проводятъ онѣ по

домамъ, выдѣлявая одежду, ковры, постели для всего семейства и присматривая за хозяйствомъ.

Въ Хивѣ было нѣсколько государственныхъ сановниковъ: Матъ-Мурадъ, Матъ-Ніазъ, Якубъ-Бей и дядя хана, Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умаръ. Матъ-Муратъ Авганецъ, рабъ прежняго хана, вкравшійся въ его довѣріе. Онъ также сумѣлъ заслужить расположеніе молодаго хана, и этотъ послѣдній, по вступленіи своемъ на престолъ, сдѣлалъ его своимъ главнымъ совѣтникомъ. Матъ-Мурадъ сильно ненавидѣлъ Русскихъ, и по его именно наущенію ханъ отказывался выполнить ихъ требованія. Онъ предводительствовалъ хивинскамъ войскомъ подъ Шейхъ-арыкомъ, и затѣмъ сопровождалъ хана въ его бѣгствѣ. Генераль Кауфманъ спрашивалъ Матъ-Ніаза, способный ли человѣкъ его товарищъ Матъ-Мурадъ. „Онъ хитеръ, но не уменъ“, было отвѣтомъ. Когда ханъ сдался Русскимъ, Матъ-Мурада захватили и никогда болѣе не допускали видѣться съ его властелиномъ. Потомъ его отправили въ Казалю, гдѣ онъ, какъ кажется, до сихъ поръ содержится въ заключеніи.

Матъ-Ніазъ, также какъ и Сеидъ-Эмиръ, оба принадлежатъ къ партіи мира. Первый изъ нихъ маленькій, безобразный человѣкъ, съ круглыми глазами, рѣдкою бородкой и вздернутымъ носомъ. Къ Русскимъ онъ былъ, повидимому, расположенъ очень дружелюбно, и онъ-то доставилъ генералу Кауфману самыя вѣрныя свѣдѣнія относительно ханства. Лѣтъ ему было около сорока пяти. Якубъ-Бей старикъ, лѣтъ шестидесяти. Это еще бодрый, крѣпко сложенный человѣкъ, съ пасмурнымъ выраженіемъ лица, украшеннаго короткимъ толстымъ носомъ и весьма напоминающій бульдога; онъ кривъ на одинъ глазъ. Въ нѣкоторыхъ чертахъ его было сходство съ Туркменами, да можетъ-быть и въ жилахъ его текла туркменская кровь. Сеидъ-Эмиръ-Уль-Умара я уже описывалъ прежде.

У хана было два брата; одного онъ очень любилъ, другаго же рѣшительно ненавидѣлъ. Этотъ послѣдній имѣлъ виды на престолъ, какъ я уже говорилъ прежде, онъ даже заявилъ свои притязанія генералу Кауфману, во время бѣгства хана, когда престолъ былъ никѣмъ не занятъ.

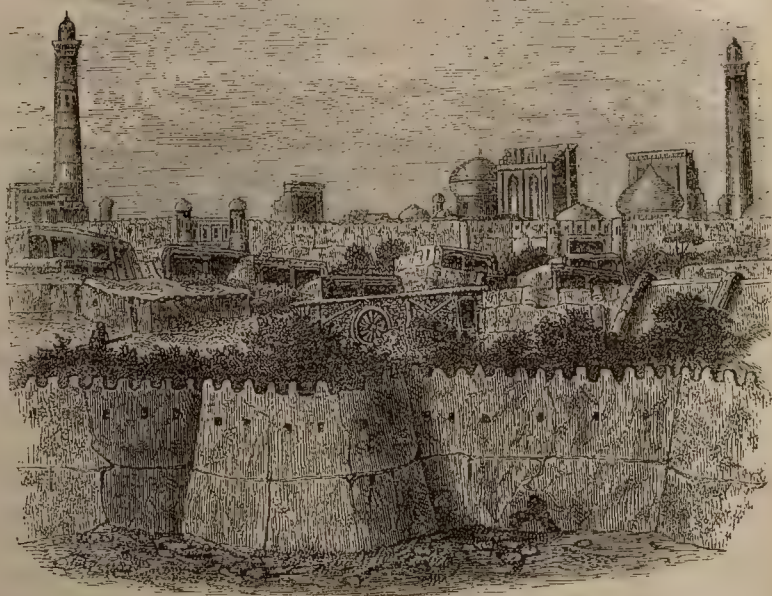
Отъ русскихъ офицеровъ я слышалъ что по разказамъ нѣкоторыхъ купцовъ изъ Куня-Ургенча, ханъ ежегодно закупалъ большое количество вина, привозимаго изъ Россіи, и

нерѣдко напивался пьянъ. Но такъ какъ во дворѣ не найдено было ни одной бутылки, да и самый разказъ весьма неправдоподобенъ, то почти ничего и сомнѣваться что это было чистѣйшею выдумкой.

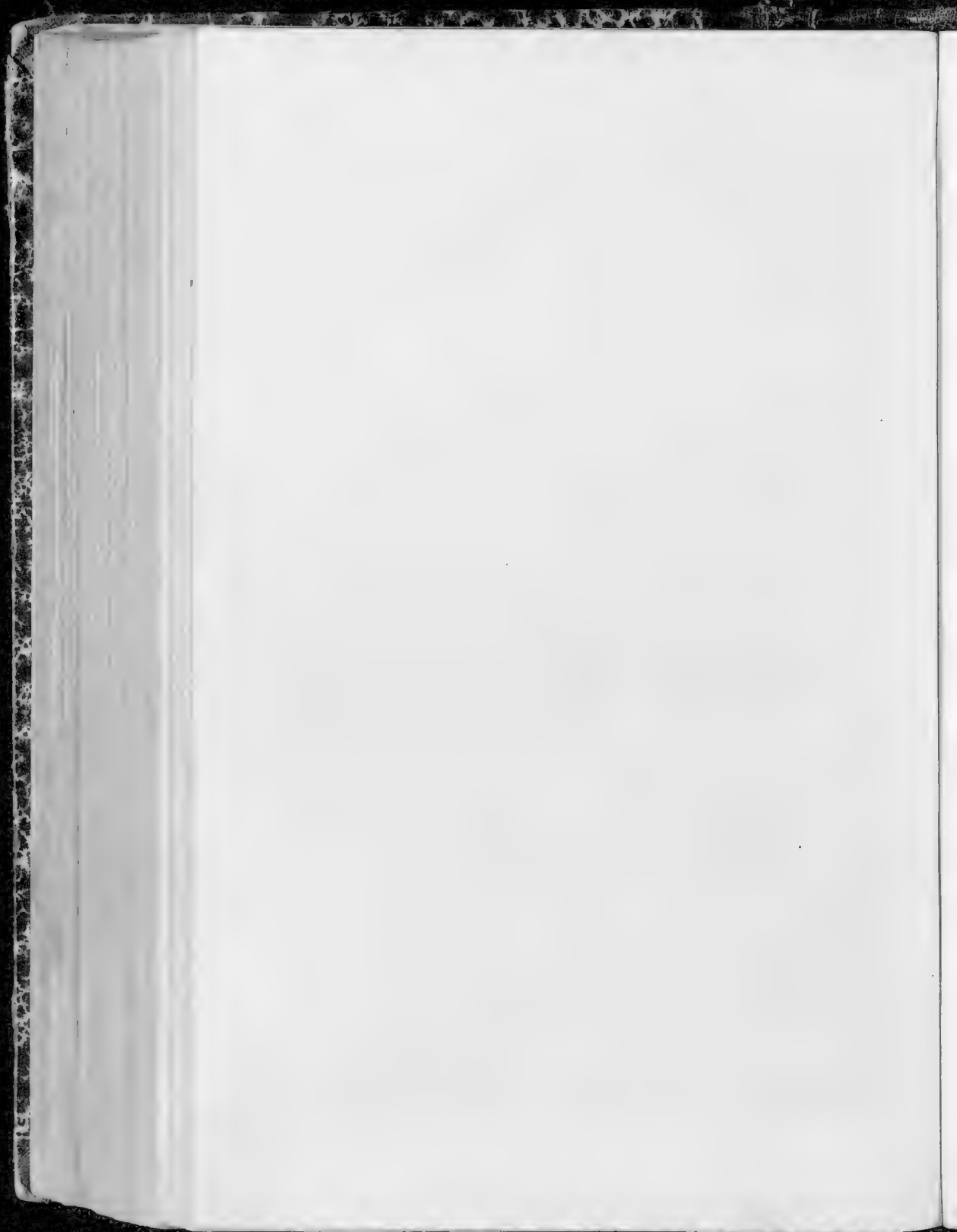
ХУ. Городъ Хива въ 1873 году.

Наружный видъ Хивы съ нѣкоторыхъ пунктовъ очень оригиналенъ. Высокія зубчатая стѣны съ башнями; крытыя ворота съ тяжелыми башнями по бокамъ; возвышающіеся изъ-за городскихъ стѣнъ куполы мечетей и минаретовъ; если видѣть все это на фонѣ западнаго небосклона при освѣщеніи заходящаго солнца, то картина представляется очень живописная; но пріятное впечатлѣніе произведенное наружнымъ видомъ вполнѣ забывается при входѣ въ самый городъ. Во всемъ городѣ найдется не болѣе трехъ-четырехъ строеній представляющихъ хотя бы какой-нибудь намекъ на архитектуру; все остальное слѣплено изъ глины и представляетъ самый жалкій видъ.

Въ Хивѣ находятся двѣ большія стѣны: одна снаружы, другая внутри города. Внутренняя стѣна, съ частью города которую она оцѣпляетъ, образуетъ цитадель въ одну милю длины и четверть мили ширины. За этой стѣной находится ханскій дворецъ, большая башня, нѣсколько медресе и большая часть публичныхъ зданій. Стѣна защищена тремя-четырьмя башнями. Сооруженіе ея относится къ гораздо болѣе древнему періоду, чѣмъ постройка стѣны наружной; въ сущности никто не въ состояніи опредѣлить времени ея сооруженія. Весьма вѣроятно что прежде за этой стѣной заключался и весь городъ Хива. Наружная же стѣна была построена всего въ 1842 году, когда ханъ того времени, Аллахъ-Кули, велъ войну съ Бухарой; онъ построилъ стѣну какъ дополнительную защиту своей столицы. Диаметръ этой наружной стѣны далеко не вездѣ одинаковъ, такъ какъ форма окруженнаго ею пространства нѣсколько напоминаетъ раковину устрицы, съ удлинненнымъ узкимъ кондомъ, срѣзаннымъ подъ прямымъ угломъ. Диаметръ по длиннѣйшему направленію доходитъ до полуторы мили, а по кратчайшему составляетъ одну милю. Средняя высота стѣны достигаетъ двадцати пяти футовъ, но во многихъ мѣстахъ она выше; у осно-

ВИДЪ НА ЦИТАДЕЛЬ (Съ рисунка капитана Федорова).

ванія она двадцати пяти футовъ толщины, но при вершинѣ не шире трехъ и даже двухъ футовъ. Городъ окруженъ еще ровомъ отъ двадцати до двадцати пяти футовъ шириной. Ровъ этотъ я мѣстами видалъ до краевъ наполненнымъ водой, не хуже любого канала, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ онъ совсѣмъ пересохъ. Мнѣ уже случилось упомянуть о двухъ воротахъ, которые ведутъ въ городъ. Кромѣ воротъ Хазарь-Асла и Хазаватскихъ существуетъ еще пять другихъ входовъ въ городъ.

Пространство заключающееся между наружною и внутреннею стѣнами въ одномъ мѣстѣ почти сплошь покрыто гробницами. Это уже не первый случай что мнѣ приходилось замѣчать странный обычай туземцевъ устраивать могилы рядомъ съ жилищами живыхъ людей. То же самое находилъ я и прежде того на Хала-Атѣ, въ Хазарь-Аслѣ—наконецъ, во всемъ ханствѣ.

Въ другомъ мѣстѣ весь промежутокъ между двумя стѣнами былъ засаженъ садами. И эта часть города, западная, самая пріятная для жилья. Здѣсь множество вязовъ, фруктовыхъ деревьевъ и маленькихъ каналовъ, такъ что по свѣжести воздуха этотъ кварталъ напоминаетъ хорошенькое предмѣстье, или же маленькій голландскій городокъ, гдѣ каждая улица имѣетъ свой каналъ. Вода доставляется сюда преимущественно изъ двухъ каналовъ: Чингери, съ сѣверной, и Ингрикъ, съ юго-западной стороны города. Внутри всѣхъ почти дворовъ при домахъ устроенъ маленькій бассейнъ для домашняго обихода, наполняемый водой изъ каналовъ.

По безобразной наружности хивинскихъ глиняныхъ домовъ, не слѣдуетъ заключать что они представляютъ такое же печальное, некомфортабельное устройство и внутри. Совсѣмъ напротивъ: они очень хорошо приспособлены къ мѣстности и климату; хотя они и не соответствуютъ нашимъ понятіямъ о роскоши, но за то въ своихъ прохладныхъ, темныхъ комнатахъ доставляютъ пріятное убѣжище отъ палящаго зноя; часто они и убраны съ комфортомъ, заставляющимъ вполне забывать объ ихъ жаломъ наружномъ видѣ.

Расположеніе хивинскаго жилища слѣдующее. Большой дворъ въ который ведетъ или маленькая, узкая дверь или же ворота достаточной ширины для проѣзда телѣги. Вокругъ двора расположены жилыя комнаты, которыя всѣ имѣютъ двери выходящія во дворъ, но между собою не имѣютъ

никакого сообщенія. На южной сторонѣ устроенъ высокій портикъ, открытый съ сѣвера; крыша его возвышается отъ 8 до 10 футовъ надъ окружающею стѣной и служитъ къ тому чтобы захватывать вѣтеръ, и спускать его во дворъ, внизу. Такимъ образомъ почти всегда искусственно поддерживается токъ воздуха; каковы бы ни были невыгоды этого расположенія для зимняго времени, но лѣтомъ оно безспорно доставляетъ большое удобство и полезно для здоровья.

Внутреннее убранство комнатъ такое же какъ и въ ханскомъ гаремѣ, который я описывалъ, но нѣтъ, конечно, такого изобилія вещей.

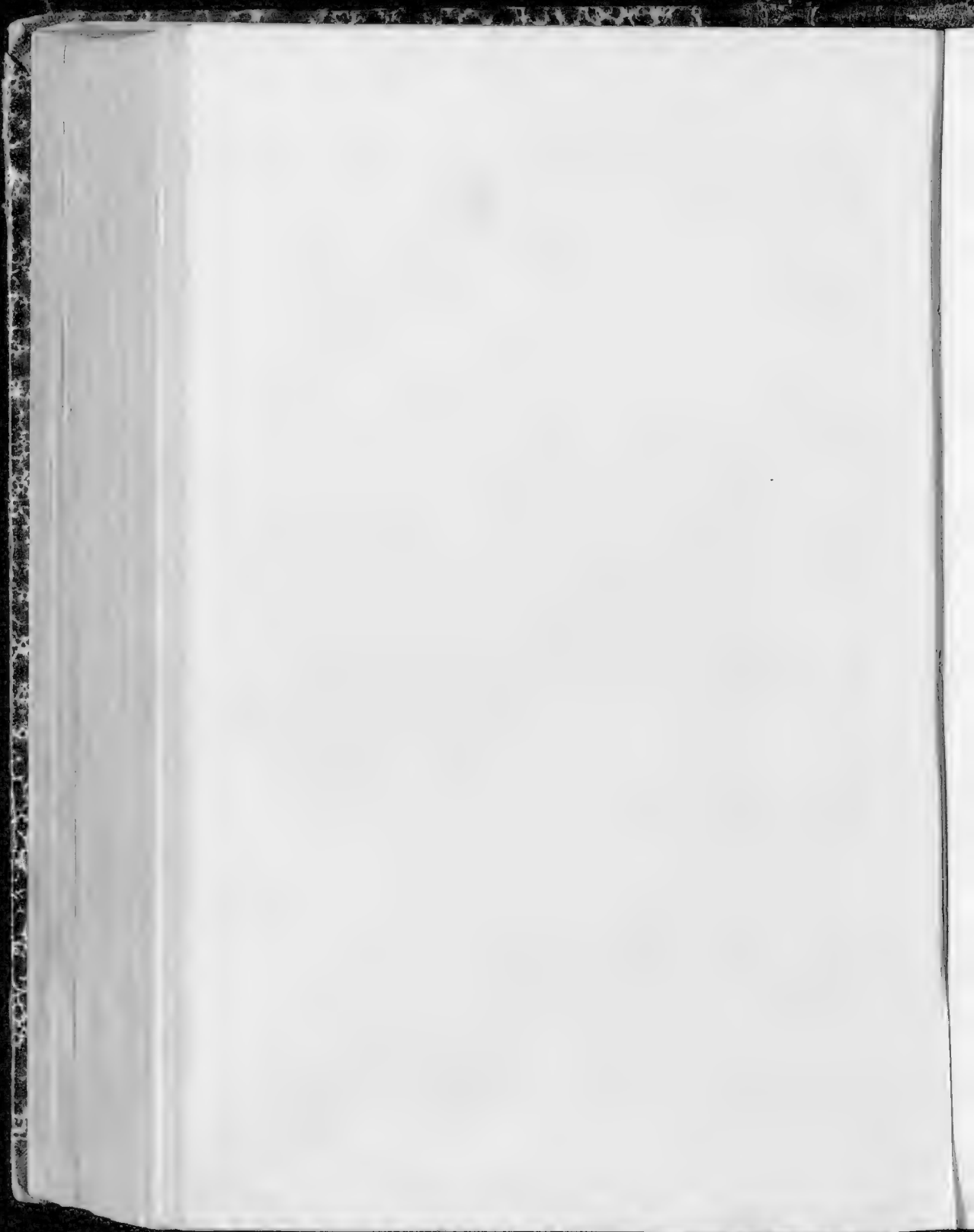
Излишнимъ, я думаю, будетъ и говорить что здѣсь неизвѣстны ни стулья, ни столы, а замѣняются они коврами, войлоками, подушками и одѣялами самыхъ яркихъ цвѣтовъ и блестящихъ матерій. Оконныя стекла также вещь здѣсь неизвѣстная, да лѣтомъ и я не видѣлъ тутъ въ нихъ необходимости, такъ какъ свѣтъ неразлученъ съ жарой, а полумракъ царствующій въ этихъ покояхъ даже и днемъ, гораздо комфортабельнѣе и пріятнѣе яркаго дневнаго свѣта.

Такъ какъ въ городѣ не существуетъ почти и намека на архитектуру,—нѣтъ оконъ, мало дверей даже и на главныхъ улицахъ,—то прогулка по Хивѣ представляетъ столько же разнообразія и удовольствія какъ всякая прогулка между двумя стѣнами отъ 10ти до 20ти футовъ вышины въ любомъ другомъ мѣстѣ. Улицы шириною отъ десяти до двадцати футовъ, конечно очень пыльные въ это время года; проѣзжая по нимъ вы только и видите съ обѣихъ сторонъ грязныя голыя стѣны, изрѣдка перерѣзанныя поперечными улицами, ничто кромѣ того не нарушаетъ это глянцное однообразіе. Развѣ иногда за дверью, полуоткрытой въ темное пространство, мелькнетъ одна, другая женщина, спѣша спрятаться отъ любопытныхъ взоровъ ненавистнаго „Уруса“. Временами случается подѣлывать къ группамъ маленькихъ дѣвочекъ лѣтъ пяти-шести, да и тѣ, уже наученныя избѣгать мужскаго взгляда, рассылаются по сторонамъ и прячутся какъ молодыя куропатки, или же встрѣчается женщина вся укутанная безобразнымъ вуалемъ изъ конскаго волоса, и она прижимается на ходу къ противоположной сторонѣ улицы, будто одного вашего взгляда достаточно чтобы повредить ей, или же она просто-на-просто оборачивается къ вамъ спиной, выжидая пока вы проѣдете. Мальчики однако вовсе не пугливы, шаловливы и

ВИДЪ ВНУТРИ ОГРАДЫ. (Съ рисунка капитана Оедарова).

любопытны какъ мальчишки всего свѣта и всегда готовы поддержать вашу лошадь или оказать вамъ какую-нибудь другую маленькую услугу.

Въ Хивѣ насчитывается семнадцать мечетей и двадцать два медресе. Медресе имѣетъ нѣкоторое сходство съ католическимъ монастыремъ; это мѣсто въ которомъ, по убѣжденію народной массы, муллы или духовныя лица ведутъ праведную жизнь и приобрѣтаютъ научныя религіозныя свѣдѣнія. Я посѣтилъ однажды нѣсколько такихъ медресе вмѣстѣ съ барономъ Каульбарсомъ. Сперва мы отправились къ хану и застали его въ совѣтѣ или диванѣ, застѣдающемъ въ кибиткѣ въ одномъ изъ садовъ. Онъ послѣдшилъ снабдить насъ проводникомъ и, казалось, польщенъ былъ интересомъ который мы выказывали относительно медресе.

Самое великолѣпное и въ то же время самое священное зданіе въ Хивѣ—это мечеть Полванъ-Ата. Расположена она очень уютно въ глубинѣ маленькаго сада и весьма красива благодаря высокому куполу. Выстроена изъ обожженаго кирпича. Куполъ имѣетъ около шестидесяти футовъ вышины, покрытъ такими же изразцами какъ и большая городская башня, о которой я уже говорилъ, только ярко-зеленаго цвѣта, и заканчивается позолоченымъ шаромъ. Общій видъ нѣсколько напоминаетъ русскую церковь. Построена эта мечеть Магомедъ-Рахымъ-ханомъ въ 1811 году и въ ней помѣщается гробница Полвана, почитаемаго святымъ патрономъ Хивы.

Внутренній видъ купола очень красивъ. Онъ весь выложенъ изразцами украшенными тонкимъ голубымъ узоромъ въ перемежку съ изреченіями изъ Корана. Изразцы такъ плотно пригнаны одинъ къ другому что швовъ между ними вовсе не видно, и общій видъ купола представляетъ какъ бы опрокинутую и вывернутую вазу прекраснаго китайскаго фарфора.

Вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенностей постройки, куполъ этотъ отличается особенными акустическими свойствами, которыми Хивинцы приписываютъ сверхъестественное происхожденіе. Молитвы читаемыя громкимъ голосомъ и многими людьми заразъ, повторяются эхомъ довольно внятно; этого, конечно, болѣе чѣмъ достаточно для убѣжденія простыхъ умовъ Хивинцевъ что Аллахъ слышитъ ихъ молитвы.

Внутри помѣщаются гробницы предшественниковъ хана. Онѣ расположены въ стѣнной нишѣ и обнесены мѣдною рѣшеткой. Въ этой части мечети похоронены три хана: Муха-

медь-Рахимъ, Абуль-Гази и Ширъ-Гази. Повѣстно что мѣсто гдѣ покоился Ширъ-Гази возбуждало не малый интересъ Рускихъ: надо вспомнить что это былъ ханъ который такъ предательски умертвилъ князя Бековича-Черкаскаго и перебилъ почти всѣхъ людей его экспедиціи.

Въ сторонѣ отъ этого главнаго отдѣленія мечети находятъ ся двѣ небольшія комнаты. Въ одной помѣщается гробница хана Аллахъ-Кули, умершаго въ 1843 году и построившаго внѣшнюю городскую стѣну; въ другой гробница самого святаго Полвана. Квадратная комната эта очень мала и низка; и почти темна, такъ какъ освѣщается всего однимъ маленькимъ окномъ. Стѣны и гробница выложены сѣрыми изразцами. Гробница помѣщается посреди пола; она семи футовъ въ длину, четырехъ въ ширину и трехъ въ вышину; изразцы ея покрывающіе такъ плотно соединены между собою что всю ее можно принять за цѣльный кусокъ сѣраго мрамора.

За мечетью находится глиняное строеніе, заключающее въ себѣ множество комнатъ, занятыхъ слѣпыми. Мы осмотрѣли нѣсколько изъ этихъ комнатъ. Это были простыя кельи, иногда всего шести футовъ длины при четырехъ ширины, и все убранство такой комнаты состояло изъ небольшого количества кухонной посуды, овчины, разостланной на полу съ двумя одѣялами для постели и каменнаго кувшина для воды. Какъ ни мала была комната, въ углу всегда находили мы миниатюрную печку, въ которой предоставлялось самому слѣпому варить себѣ пищу и чай. Было что-то трогательное въ заботливой чистотѣ въ которой все содержалось; опрятность и порядокъ царствующіе въ расположеніи ихъ вещей возбуждали невольную симпатію, выказывая въ этихъ отшельникахъ тѣ же особенности которыми отличаются слѣпцы нашихъ расъ.

Здѣсь жило отъ пятнадцати до двадцати слѣпыхъ. Они намъ сказали что имъ ежедневно выдается чай, рисъ и хлѣбъ, мясо раза два, три въ недѣлю, да кромѣ того, при всякомъ выходѣ своемъ на базаръ, они получаютъ отъ прохожихъ маленькіе подарки, заключающіеся въ кускахъ сахара и фруктахъ. Учрежденіе это поддерживается частію вкладомъ основателя его святаго Полвана, частію же настоящимъ ханомъ. Уже изъ того что подобное заведеніе существуетъ въ Хивѣ, видно что народъ здѣсь вовсе не такой варварскій, какъ полагаютъ.

УЛИЦА. (Съ рисунка Верещагина).

Затѣмъ поднялись мы по узкой изогнутой лѣстницѣ въ верхній этажъ, то-есть на площадку идущую кругомъ главнаго купола, по которой были въ безпорядкѣ разбросаны маленькія кельи или комнатки, гдѣ жили муллы. Эти комнатки расположены отдѣленіями, состоящими изъ двухъ, трехъ каморокъ, не больше тѣхъ гдѣ живутъ слѣпые; всѣ онѣ помѣщаются на южной сторонѣ. Эти темныя маленькія кельи, хотя и расположенныя на солнечной сторонѣ, вовсе не были некомфортабельны, когда притворялась входная дверь; и мы охотно уѣли въ одной изъ нихъ на полу, пока мулла готовилъ для насъ чай и пилавъ.

Отсюда пошли мы въ медресе, построенное настоящимъ ханомъ на площади предъ дворцомъ. Медресе это принадлежитъ къ новѣйшимъ постройкамъ, сооружено изъ прекрасно обожженныхъ кирпичей и выказываетъ большія претензіи на архитектурное изящество. Выстроено оно по плану одного персидскаго караванъ-сарая; рисунокъ этотъ вѣроятно доставленъ тѣми же рабами-Персіянами которые работали надъ его постройкой. Зданіе это около ста футовъ въ квадратѣ, состоитъ изъ двухъ этажей и представляетъ очень красивый фасадъ съ возвышеннымъ порталомъ около пятидесяти футовъ вышины, который по окончаніи работъ весь будетъ украшенъ бѣлыми и синими изразцами о которыхъ я уже такъ часто упоминалъ.

Внутри находится большой, хорошо вымощенный дворъ, съ котораго идутъ входы во всѣ комнаты. Комнаты расположены двумя этажами вокругъ двора. Каждый мулла имѣетъ двѣ комнаты: одну для кухни, такъ какъ муллы всѣ сами готовятъ себѣ пищу, а другую для ученыхъ занятій. Большая изъ этихъ двухъ комнатъ, футовъ шести шириною при восьми длины, снабжена печкой съ трубой и другими принадлежностями кухни, но въ такихъ миниатюрныхъ размѣрахъ что онѣ кажутся дѣтскими игрушками. Комнаты эти освѣщаются однимъ маленькимъ отверстіемъ надъ входною дверью; конечно при этомъ онѣ очень темны и вовсе не приспособлены къ ученымъ занятіямъ. Верхній этажъ состоитъ изъ цѣлаго ряда маленькихъ келлій, выходящихъ на длинный балконъ, огибающій весь фасадъ; изъ нихъ открывается прекрасный видъ на площадь и ханскій дворецъ. Это медресе, по хивинскимъ требованіямъ, представляетъ достаточное помѣщеніе для ста человѣкъ, но до сихъ

поръ оно почти-что совсѣмъ не занято. Удивительно какъ вздумалъ ханъ выстроить медресе вмѣсто новаго дворца, когда его настоящій дворецъ далеко не можетъ сравниться съ этимъ медресе по вкусу, прочности и удобствамъ постройки.

У самаго ханскаго дворца находится медресе построенное Мухамедъ-Эмиръ-ханомъ въ 1844 году. Это главное городское медресе, и состоитъ изъ четырехугольнаго строенія, окружающаго большой вымощенный дворъ.

Построено оно по такому же плану какъ и описанное выше; въ немъ содержатся триста учениковъ, обучаемыхъ четырьмя учителями. Каждому ученику выдается въ годъ пятнадцать четвериковъ лшеницы, пятнадцать четвериковъ джугары и отъ 20 до 26 рублей деньгами. У угла этого медресе стоитъ большая башня, предметъ наиболѣе бросающійся въ глаза во всей Хивѣ.

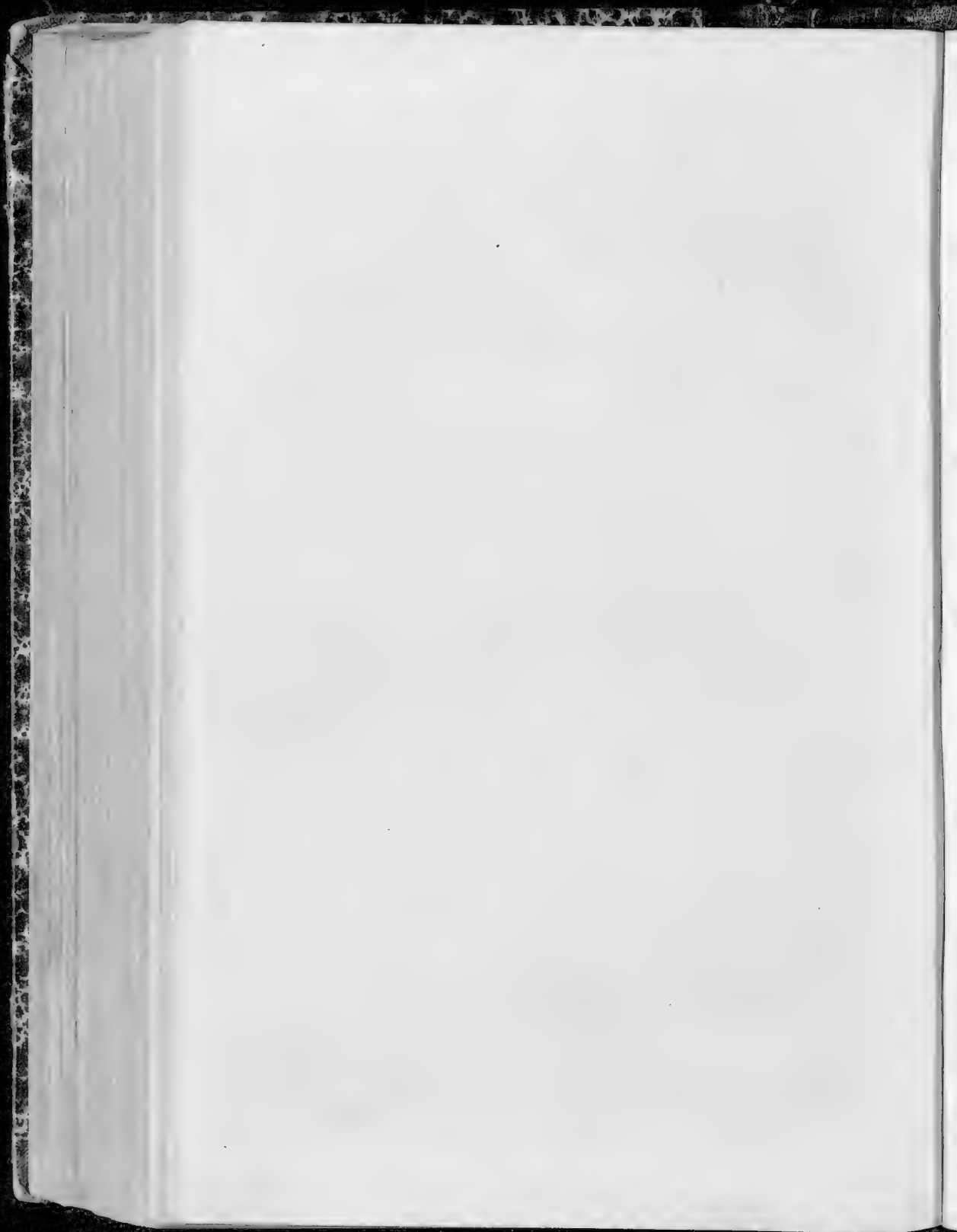
Только четыре или пять хивинскихъ медресе выстроены изъ кирпича, остальные сдѣланы изъ глины и почти не отличаются отъ окружающихъ домовъ.

Муллы совершенно непохожи на обыкновенныхъ людей. Бродятъ они по городу худые и изнуренные, съ длинными бородами и вялыми глазами; лица ихъ, тупыя и безмысленныя, оживляются только по временамъ вспышками возбужденнаго фанатизма.

Долгіе годы пребыванія въ тѣсныхъ и темныхъ кельяхъ, ученіе наизусть Корана, безъ малѣйшаго пониманія, вѣчныя усилія надъ одною и тою же задачею, отчуждающей ихъ отъ всякаго живаго человѣческаго интереса, доводятъ ихъ до этого полундіотскаго состоянія. Вотъ рѣзкій примѣръ ихъ невѣжества и тупости, который однако также служитъ доказательствомъ ихъ способности къ умственному труду. Мнѣ разказывалъ генералъ Кауфманъ что разъ, въ бытность свою въ Самаркандѣ, онъ услышалъ объ одномъ молодомъ муллѣ, славившемся своею набожностію и знаніемъ Корана. Когда генералъ Кауфманъ выразилъ желаніе съ нимъ познакомиться, мулла явился къ нему. Оказалось что онъ зналъ весь Коранъ наизусть по-арабски, могъ начать съ любого мѣста и безъ ошибки продолжать свое чтеніе наизусть до конца книги. Когда же муллу этого попросили перевести главу изъ Корана, онъ выразилъ полнѣйшее удивленіе при такой необыкновенной на его взглядъ просьбѣ, и заявилъ что онъ ни слова по-араб-

ДЕРВИШЪ. (Съ рисунка Верещагина.)

ски не понимаетъ. А между тѣмъ этотъ бѣдныя лучшіе годы своей жизни убилъ надъ этимъ занятіемъ достойнымъ попу-
гая. Удивительно ли что послѣ цѣлыхъ годовъ проведенныхъ въ этомъ безтолковомъ долбленіи наизусть, люди эти не толь-
ко кажутся, но становятся дѣйствительно полнѣйшими иди-
отами.

Но не говоря уже объ образѣ ихъ жизни, однихъ голов-
ныхъ уборовъ ихъ достаточно чтобы затормозить какую угод-
но головную работу, лишить ихъ послѣдняго проблеска раз-
ума, удѣлѣвшаго послѣ ихъ суроваго религіознаго воспита-
нія. Уборъ этотъ состоитъ изъ высокой бараньей шапки, фун-
товъ въ семь-восемь вѣсу, у краевъ обмотанной въ видѣ чал-
мы тридцатью или сорока аршинами бѣлой кисеи. Носится
эта шапка въ самую жаркую пору лѣта, и надо видѣть
несчастныхъ муллъ, бродящихъ съ этими чудовищными баш-
нями на головѣ подъ жгучими лучами палящаго солнца что-
бы понять до какой жестокости къ себѣ можетъ дойти че-
ловѣкъ! Не легко понять что заставляетъ ихъ носить эту
баранью шапку лѣтомъ, когда Коранъ требуетъ ношенія
одной чалмы.

Духовенство это имѣетъ самое пагубное вліяніе на народ-
ную массу: оно поддерживаетъ въ ней духъ нетерпимости,
изувѣрства и суевѣрія, препятствуетъ всякому прогрессу,
поощряетъ пороки и невѣжество, ограничивая всякое знаніе
однимъ долбленіемъ Корана. Я даже думаю что именно отсут-
ствию муллъ у Киргизовъ надо приписать ихъ честность, тер-
пимость и доброту, не встрѣчаемая въ городскомъ населеніи.

XVI. Б а з а р ъ.

Разъ выхожу я въ полдень изъ своей квартиры въ Хивѣ
съ цѣлью осмотрѣть базаръ. На улицахъ жарко и пыльно;
солнце печетъ немилосердно; сѣрыя глиняныя стѣны до то-
го раскаляются подъ солнечными лучами что отъ нихъ такъ
и пышетъ жаромъ, и прогулку по такой улицѣ можно срав-
нить развѣ съ прогулкой внутри раскаленной печи.

Пріятно вступить изъ этого пекла въ прохладную тѣнь
базара. При входѣ васъ охватываетъ смѣшанный запахъ
пряностей и другихъ веществъ; въ ушахъ звенитъ отъ шу-
ма и гула толпы людей и животныхъ, и вы видите предѣ

собой пеструю массу людей, лошадей, верблюдовъ, ословъ и воевъ. Базаръ просто-на-просто состоитъ изъ крытой улицы, въ которой все устроено на первобытный ладъ. Крыша образуется бревнами, перекинутыми съ одной стѣны на другую поверхъ узкой улицы; на бревнахъ плотно уложены не большіе куски дерева и все это засыпано землею. Сооруженіе это, однако, вполне отвѣчаетъ своему назначенію, прекрасно защищаетъ отъ яркаго свѣта и жары.

Съ наслажденіемъ вдыхаете вы прохладный, сырой, пропитанный запахомъ пряностей воздухъ и видите предъ собой груды свѣжихъ, спѣлыхъ фруктовъ, наваленныхъ въ безчисленномъ количествѣ. Тутъ найдете вы абрикосы, персики, сливы, виноградъ, арбузы, дыни всевозможныхъ сортовъ, и неподдающійся никакому описанію рядъ товаровъ, встрѣчаемыхъ въ одной Центральной Азіи. Лавокъ, въ собственномъ смыслѣ, тутъ нѣтъ, а просто устроена вдоль одной стороны возвышенная платформа, на которой возсѣдаютъ люди среди груды товаровъ, и между ихъ владѣніями не видать никакой пограничной черты. Съ другой стороны улицы помѣщаются цирюльники, мясники, лочинщики старой обуви и мелочные торговцы.

Съ трудомъ пробиваетесь вы съ лошадью чрезъ эту толпу на протяженіи около двадцати саженъ и встрѣчаете другую крытую улицу, пересѣкающую эту поперекъ. Взявъ влѣво, проѣзжаете вы тяжелыми, сводчатыми кирпичными воротами — цѣловъы на самомъ базарѣ, извѣстномъ подъ названіемъ „Тимъ“. На этомъ базарѣ производится главная мелочная торговля города; помѣщается онъ подъ двойнымъ сводомъ, образующимъ проходъ саженъ въ 50 длины и 20 ширины. Построенъ этотъ проходъ изъ кирпича сложеннаго цѣлымъ рядомъ арокъ; крыша отстоитъ саженъ на двадцать отъ земли; и каждая арка оканчивается чѣмъ-то въ родѣ купола съ пробитымъ въ немъ подобіемъ трубы, служащимъ для освѣщенія и вентиляціи мѣста. Посреди находится куполъ выше всѣхъ остальныхъ и не лишенный нѣкоторыхъ архитектурныхъ претензій.

Лавки состоятъ изъ простыхъ балагановъ или стойлъ футовъ восьми и даже шести въ квадратѣ, открытыххъ съ одной стороны для выставки несообразнѣйшей смѣси всевозможныхъ товаровъ. Въ одномъ такомъ стойлѣ увидите вы чай, сахаръ, шелковыя и бумажныя матеріи, халаты, сапоги,

МУЛЛА НА МОЛИТВЪ. (Съ рисунка Верещагина.)

табакъ, словомъ, все что только можно найти въ Центральной Азіи.

Вы садитесь напротивъ этихъ балагановъ и наѣдаетесь какъ только можете холодными, сочными арбузами, сладкими румяными персиками и виноградомъ, живо напоминающимъ собою хорошее вино. Если же вы нуждаетесь въ болѣе существенномъ подкрѣпленіи, въ одно мгновеніе явится предъ вами лилавъ съ горячими пшеничными лепешками; вы можете спокойно возсѣдать среди этой волнующейся толпы и наслаждаться ѣдой. Кстати замѣтить что чай здѣсь употребляется зеленый, единственный привозный предметъ составляющій монополію Англичанъ.

Никто вамъ также не ломѣшаетъ растянуться на коврѣ въ какомъ-нибудь углу и цѣлые часы наблюдать съ постояннымъ интересомъ за вѣчно мѣняющимися группами и проходящимъ мимо васъ рядомъ странныхъ, дикихъ лицъ. Въ этой пестрой толпѣ найдутся представители всѣхъ средне-азиатскихъ народностей. Вотъ Узбекъ въ длинномъ халатѣ, высокой черной бараньей шапкѣ, съ задумчивымъ видомъ и степенною осанкой, свойственными всему его племени. Потомокъ покорителей страны, онъ принадлежитъ къ хивинской земельной аристократіи, стоящей въ такомъ же положеніи относительно остальныхъ Хивинцевъ, какъ потомки франко-норманнской расы къ массѣ англійскаго народа. Узбекъ высокъ, хорошо сложенъ, съ прямымъ носомъ, правильными чертами лица, густою бородой и задумчивымъ видомъ; его легко бы принять и за Европейца, если бы не выдавали его настоящее происхожденіе смуглый цвѣтъ лица, худощавая жилистая фигура и какое-то жесткое выраженіе, присущее всѣмъ обитателямъ Востока, къ какому бы племени и странѣ они ни принадлежали. Теперь бѣдному Узбеку конечно есть надъ чѣмъ призадуматься: прошли красные дни господства его племени надъ Хивой, едва ли даже Мухамедъ-Рахимъ-Богадуръ-ханъ не будетъ послѣднимъ Узбекомъ владычествующимъ въ странѣ. Вотъ Киргизъ, возсѣдающій на своемъ верблюдѣ; его широкоскулое, плоское, глуповатое, но тѣмъ не менѣе добродушное лицо выражаетъ самую комичную застѣнчивость. Насмѣшки сыплются на бѣднягу со всѣхъ сторонъ изъ толпы раздвигаемой его верблюдомъ; онъ служитъ предметомъ множества замѣчаній, какъ видно не совсемъ лестнаго свойства. Высоко-образованные и

утонченные городскіе обыватели относятся съ немалою долей презрѣнія къ этимъ простымъ номадамъ, живущимъ вдали отъ столицы, центра просвѣщенія и удовольствій. Киргизъ этотъ вѣроятно ѣхалъ верстъ за пятьдесятъ или шестьдесятъ затѣмъ чтобы продать пару овецъ да купить немного чаю, сахару, а можетъ-быть новый халатъ для себя, и горсть-другую бисера для жены и дочери.

Вотъ этотъ человѣкъ въ бѣлой чалмѣ и яркоцвѣтномъ, блестящемъ на солнцѣ халатѣ—бухарскій купецъ, пріѣхавшій въ этотъ провинціальный на его взглядъ городъ съ цѣлью понаблюдать своихъ собратій, хивинскихъ торговцевъ, а можетъ-быть и закулить одного, другаго раба, если подойдетъ удобный случай. Последнему его разчету, однако, уже не суждено осуществиться.

Затѣмъ взглядъ вашъ останавливается на человѣкѣ со смуглымъ, почти чернымъ лицомъ, съ толстыми губами, тяжелыми нависшими бровями, короткимъ вздернутымъ носомъ и свирѣпыми глазами. Онъ возсѣдаетъ съ видомъ самодовольной независимости, чуть ли даже не дерзости, на своемъ высокомъ красивомъ конѣ, погоняя его и ни мало, по видимому, не заботясь о томъ что легко можетъ и раздавить кого-нибудь въ этой толпѣ. На этого не сыплется ни насмѣшекъ, ни остротъ, хотя онъ заслуживаетъ народную неприязнь гораздо болѣе скромнаго Киргиза. Причина этого уваженія не маловажна. Человѣкъ этотъ за отвѣтомъ въ карманѣ не полѣзетъ, а если что ему придется не по вкусу, то сабля въ рукахъ его окажется еще пожалуй подвижнѣе языка во рту. Это Туркменъ-Томутъ, о которомъ еще рѣчь впереди.

Дальше слѣдуетъ Персіянинъ, недавній рабъ; этотъ отличается острымъ, рѣзко очерченнымъ лицомъ, быстрыми кошачьими движеніями, и проходя мимо, вскидываетъ на васъ быстрый взглядъ своихъ хорьковыхъ глазъ. Но вотъ бросается вамъ въ глаза высокая бѣлая чалма, извѣстная уже вамъ принадлежность женскаго наряда, и вы напрягаете все ваше зрѣніе въ надеждѣ увидать наконецъ опять женское лицо. Но нѣтъ. Женщина вся обернута длинными одеждами въ лохмотьяхъ, на плечи ея накинутъ грязный халатъ, а ужасный вуаль изъ чернаго конскаго волоса задерживаетъ все ея лицо будто саванъ; развѣ только удастся вамъ уловить мгновенный проблескъ ея взгляда, когда она

проскользнетъ мимо васъ. Здѣшнія женщины одѣваются въ самыя грязныя и оборванныя одежды при выходѣ на улицу, съ цѣлю отвратить этимъ вниманіе прохожихъ. Обычай этотъ составляетъ одну изъ самыхъ непріятныхъ особенностей Хивы. Въ теченіи цѣлыхъ недѣль и мѣсяцевъ встрѣчаете вы вездѣ и повсюду одни мужскія лица, такъ что наконецъ желаніе видѣть женское лицо дѣлается такою же настоятельною потребностью какъ взглянуть на зеленую траву и цвѣты послѣ долгаго переѣзда пустыней.

„Тимъ“ служитъ центромъ торговли мелочной, тогда какъ бѣольшая часть оптовой торговли производится въ караванъ-сараѣ.

Караванъ-сараѣ этотъ, какъ я узналъ изъ русскихъ источниковъ, построенъ въ 1823 году Мухамедъ - Рахимъ - ханомъ по плану всѣхъ подобныхъ строеній въ Центральной Азіи. Это квадратное зданіе съ четырехугольнымъ мощенымъ дворомъ отъ пятидесяти до шестидесяти футовъ величиной. Съ каждой изъ четырехъ сторонъ расположено множество клѣтушекъ, служащихъ лавками, каждая не болѣе восьми футовъ въ квадратѣ. Балаганы устроены со сводчатыми потолками, открыты во дворъ и получаютъ все освѣщеніе черезъ дверь. Въ этихъ-то балаганахъ совершаютъ всѣ свои торговые обороты богатые хивинскіе купцы, ведущіе торговлю съ Россіей и Центральною Азіей.

Въ одной изъ русскихъ газетъ мнѣ попалась замѣтка о томъ какъ одно духовное лицо вызываетъ нѣсколько разъ въ день на базаръ для разрѣшенія жалобъ относительно мѣры и вѣсовъ. На этомъ же лицѣ лежитъ отвѣтственность чтобы никто не проспалъ часть молитвы. Всѣ провинившіеся наказываются на мѣстѣ преступленія; кара эта производится помощниками духовнаго лица, сопровождающими его въ этомъ объѣздѣ. Можетъ-быть, вслѣдствіе повсемѣстно еще царствовавшей неурядицы, мнѣ самому ничего подобнаго видѣть не случилось. Мѣры и вѣсы употреблялись русскіе, также какъ и счеы, на которыхъ купцы производятъ свои вычисленія. Денежная хивинская единица есть „коканъ“ или „тенга“, стоѣщая двадцать копѣекъ. Девять кокановъ составляютъ „тиллю“, золотую монету, въ 1 р. 80 к. с. стоимостью. Есть еще бѣольшія тиллы, цѣною въ 3 р. 60 копѣекъ; существуетъ и мѣдная монета „пуль“ или „чека“, и шестьдесятъ такихъ монетъ

составляютъ тенгу, такъ какъ пулъ цѣнится въ $\frac{1}{3}$ копѣйки серебромъ.

Здѣсь же находился и невольничій рынокъ. Захватъ русскихъ и персидскихъ подданныхъ и продажа ихъ въ рабство продолжались долгое время. Въ первой половинѣ настоящаго столѣтія численность рабовъ-Русскихъ была велика; судя по вышеупомянутому источнику ихъ было до 2.000 предъ экспедиціей генерала Перовскаго. Но во время этой кампаніи, въ 1839—40 годахъ, большая часть Русскихъ были освобождены и высланы въ Оренбургъ. По договору заключенному послѣ этой несчастной экспедиціи полковникомъ Данилевскимъ съ Хивинскимъ ханомъ, послѣдній обязывался не позволять болѣе торговли русскими плѣнными. Несмотря однако на этотъ трактатъ и на другой заключенный въ 1858 году, торговля Русскими невольниками продолжалась, хотя и не въ такихъ обширныхъ размѣрахъ.

Рабы Русскіе продавались въ послѣднее время на Хивинскихъ рынкахъ по 100 и даже по 200 тилъ за каждого; Персіянне цѣнились въ 70, а женщины и мальчики до четырнадцати лѣтъ отъ 60 и до 300 тилъ. Рабы Русскіе цѣнились выше Персіянъ, потому что работали они лучше; по большей части они доставались самому хану. Нѣкоторые Русскіе получали даже почетныя назначенія, имъ поручалось командование войскомъ или обученіе артиллеріи.

Персія однако доставляла самое большое число рабовъ. Туркмены захватывали на Персидской границѣ огромное количество персидскихъ „шітовъ“ или еретиковъ. Туркмены нарочно обращались съ этими плѣнными какъ нельзя болѣе варварски. По свидѣтельству Вамбери, ихъ едва даже кормили, изъ опасенія что сытые они въ состояніи будутъ убѣжать. Уже не говоря о страшныхъ побояхъ бичомъ, ихъ истязали всевозможными пытками, которыя въ состояніи придумать одни только азійскіе варвары. На ночь ихъ такъ крѣпко привязывали что они не могли ни стоять, ни сидѣть. Понятное дѣло что въ Хиву они доставлялись совершенными скелетами.

Насколько я однако въ состояніи былъ разузнать, въ самой Хивѣ рабы содержатся вовсе не такъ дурно. Имъ выдаютъ достаточное количество пищи и питья; что же касается одежды, то въ этомъ отношеніи между хозяиномъ и рабомъ почти что нѣтъ разницы. Да и работой они, какъ видно,

не были обременены, если нѣкоторымъ изъ нихъ удавалось даже вырабатывать еще достаточно денегъ для выкупа себя изъ рабства.

Захватывали и Аванцевъ, но на основаніи предписаній Корана они не могли быть продаваемы въ рабство, будучи правовѣрными суннитами, а не еретиками. Однако жадные до добычи Туркмены и Хивинцы бичеваніемъ и другими пытками доводили этихъ несчастныхъ до признанія себя „шіитами“ и тогда продавали ихъ въ рабство за отступничество отъ истинной религіи. Евреевъ никогда не обращали въ рабство благодаря презрѣнію съ которымъ относятся къ нимъ всѣ магометане. Русскихъ захватывали Туркмены главнымъ образомъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря, а Киргизы брали въ плѣнъ рыбаковъ сѣвернаго побережья этого моря, а также и другихъ Русскихъ по границамъ Оренбургской губерніи и Сибири.

Какъ Персіане, такъ и всѣ другіе рабы съ безумнымъ восторгомъ привѣтствовали приближеніе Русскихъ, зная что занятіе Русскими какого бы то ни было пункта въ Центральной Азіи сопровождалось немедленнымъ освобожденіемъ рабовъ.

Тотчасъ по занятіи Хивы между рабами и хозяевами началась открытая война. Персіане начали грабить Хивинцевъ, и послѣдніе стали приходять къ Русскимъ цѣлыми толпами, прося защиты отъ ярости Персіанъ. Для подавленія безпорядка были приняты строгія мѣры, двухъ Персіанъ уличенныхъ въ грабительство судили военнымъ судомъ и повѣсили. Я видѣлъ ихъ тѣла, когда они висѣли на базарѣ въ теченіи нѣсколькихъ дней. Я могу однако засвидѣтельствовать что многіе изъ русскихъ офицеровъ сильно осуждали это рѣшеніе, полагая что надо было принять во вниманіе и то что Персіане имѣли болѣе чѣмъ достаточныя причины мстить своимъ хозяевамъ. Наказаніе это имѣло два послѣдствія, оно уредило Персіанъ и поощрило ихъ хозяевъ къ новымъ истязаніямъ ихъ въ наказаніе за то какъ они воспользовались минутною свободой. Нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ приходили въ нашъ лагерь, показывая рубцы на лодолвахъ и раны на икрахъ ногъ въ которыя насыпанъ былъ мелко нарѣзанный конскій волосъ.

Узнавъ объ этихъ звѣрствахъ, генераль-Кауфманъ поручилъ хану издать прокламацію объ уничтоженіи рабства; при

этомъ ханъ сдѣлалъ ту смѣшную ошибку, о которой я говорилъ въ одной изъ предыдущихъ главъ. Прокламація эта была издана 12го (24го) іюня; глашатаи читали ее на улицахъ Хивы и по всемъ главнымъ хивинскимъ городамъ.

Вѣрныхъ свѣдѣній о численности рабовъ мы добиться не могли. Мать-Мурадъ на вопросъ объ этомъ отвѣчалъ что ихъ всего три или четыре тысячи. Потомъ же оказалось что у самого Мать-Мурада ихъ было 400. По тѣмъ свѣдѣніямъ какія могли собрать, мы заключили что въ Хивѣ было около 30.000 Персіянъ, изъ которыхъ 27.000 состояли въ рабствѣ. Я слышалъ что одно время у Русскихъ было предположеніе надѣлать Персіянъ частью незаселенной хивинской земли; я не знаю, однако, приведена ли эта прекрасная мысль въ исполненіе. Часть Персіянъ Русскіе рѣшили выслать на родину. Составлено было три партіи — каждая человекъ въ 500, и персидскому правительству дано было по телеграфу знать чтобъ оно приняло ихъ на границѣ. Тѣ Персіяне которые высланы были на Красноводскъ и Киндерлинскую бухту благополучно достигли своего назначенія, тѣ же что пошли на Атрекъ попались въ руки Туркменъ-Теке и встрѣтили злую смерть. Рабы оставшіеся въ Хивѣ хотя и считаются освобожденными, но житье имъ, какъ кажется, не лучше прежняго. Нѣкоторые русскіе офицеры были даже того мнѣнія что три четверти Персіянъ еще останутся въ положеніи рабовъ, и что мѣры принятыя въ этомъ отношеніи не достаточно рѣшительны. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно что это теоретическое уничтоженіе рабства неминуемо приведетъ и къ его дѣйствительному искорененію.

Центръ торговли ханства находится въ Яны-Ургенчѣ, верстахъ въ тридцати на сѣверо-востокъ отъ Хивы. Здѣсь проживаютъ самые богатые хивинскіе купцы, ведущіе оптовую торговлю съ Россіей, Бухарой и Персіей; въ самой же столицѣ денегъ мало и торговля незначительна. Въ Хивѣ насчитывается до 300 лавокъ, но товару въ нихъ немного, да и открыты онѣ по большей части бываютъ всего два дни въ недѣлю, въ понедѣльникъ и четвергъ, базарные дни; въ остальные дни недѣли не производится почти никакихъ торговыхъ оборотовъ.

На базарахъ и въ лавкахъ продаются слѣдующіе товары: слѣдые и сухіе фрукты, пшеница, рожь, джугара, клеверное сѣмя, хлѣбъ, русскій сахаръ, зеленый чай, доставляемый изъ

Индіи на Бухару, русскія бумажныя и бухарскія шелковыя матеріи, одѣяла, сапоги и башмаки, мѣдные товары, чугузная посуда, чайники, чайныя чашки и блюда, также доставляемые изъ Россіи.

Уже изъ этого краткаго перечня видно, что большая часть торговли производится съ Россіей. Изъ англійскихъ товаровъ попадаютъ только дешевый ситецъ и кисей со штем-пелемъ Глазго. Русскій ситецъ болѣе легкой доброты и продается отъ десяти до пятнадцати копѣекъ за аршинъ.

Хивинскіе фрукты замѣчательно хороши и изобильны, и въ сухомъ видѣ они составляютъ главный предметъ вывоза изъ ханства въ Россію. Дыни необыкновенно вкусны и съ-ются въ огромномъ количествѣ; созрѣваютъ онѣ въ первой половинѣ іюня и лѣтомъ составляютъ главную пищу Хивинцевъ. Дыни встрѣчаются во множествѣ, различныхъ сортовъ, и продаются копѣекъ по пяти за штуку. Арбузы и гранаты позднѣе. Огурцы въ Хивѣ такой же формы какъ и дыни, и внутренность ихъ даже очень схожа.

Шелковое производство довольно развито въ Хивѣ. Весь оазисъ засаженъ тутовыми деревьями и во всякомъ сельскомъ домѣ находили мы двѣ даже три большія комнаты, наполненныя трудолюбивыми маленькими прядильщиками, питающимися тутовыми листьями. Хотя весь процессъ шелкового производства устроенъ на самый первобытный ладъ, но матеріи тѣмъ не менѣе выдѣлываются очень красивыхъ узоровъ и удивительной прочности. Часто всѣ работы, пряжа нитокъ, крашеніе и самое тканье матеріи, производится въ одномъ семействѣ однимъ или двумя его членами. Цвѣта очень хороши, но располагать ихъ туземцы не умѣютъ. Искусство такъ располагать узоры и цвѣты что они выдѣляются на солнцѣ будто сами свѣтятся—это искусство которымъ такъ славятся бухарскіе и коканскіе ткачи—Хивинцамъ совершенно неизвѣстно. Единственный ихъ способъ размѣщенія цвѣтовъ здѣсь состоитъ въ расположеніи ихъ красными, желтыми, пурпуровыми и бурыми полосами.

Проходя хивинскими улицами, вы встрѣтите многія стѣны совершенно увѣшанныя шелковою пряжей, которую красильщики вывѣсили сушить, и если вы не остережетесь вовремя, то все платье ваше будетъ обрызгано разноцвѣтными каплями, стекающими съ массъ шелка, свѣсившихся надъ головами прохожихъ. При ближайшемъ осмотрѣ эти факто-

рип едва ли напомнятъ вамъ о громадной мануфактурѣ Bonnet въ Лионѣ, но и онѣ въ своемъ родѣ интересны, представляя собою цѣлую отрасль существованія этого страннаго, затеряннаго въ пещахъ народа. Первая, однако, операція шелкового производства, состоящая въ размоткѣ нитей съ коконовъ, до того схожа со способами употребляемыми на огромной фабрикѣ Bonnet что если эта работа остановится у него за недостаткомъ рабочихъ рукъ, ему легко будетъ найти для этого дѣла искусныхъ рабочихъ въ Хивѣ. Вы видите такіе же маленькіе желтые шарики, прыгающіе въ тазахъ горячей воды въ то время какъ нити наматываются на шпульки и носъ вашъ чувствуетъ тотъ же непріятный запахъ. Я даже замѣтилъ что какъ на лионскихъ фабрикахъ, такъ и тутъ на составленіе первой нити берутся лять коконовъ. Машина при работѣ употребляется самая простая: большое деревянное колесо футовъ восьми въ діаметрѣ поворачивается рукою и приводитъ въ движеніе множество маленькихъ шпuleкъ, на которыя наматываются нити коконовъ. Одно или два мотовила для изготовленія основы составляютъ всѣ машины отдѣленія гдѣ производится сученіе пряжи. Ткацкій станокъ еще того проще. Для раздѣленія основы и пропуска челнока не существуетъ никакого механическаго приспособленія и положительно нельзя не удивляться какъ при такихъ первобытныхъ снарядахъ Хивинцамъ еще удается выдѣлывать такъ много хорошаго шелка.

XVII. Обѣдъ у Узбека.

Мирза-Хакимъ кокандскій посланникъ въ Ташкентѣ. Не могу сказать чѣмъ онъ былъ во времена своей вѣрности азіатизму; теперь же, во всякомъ случаѣ, онъ славный малый. Говоритъ по-русски, провелъ зиму въ Петербургѣ и былъ принятъ въ лучшихъ кругахъ тамошняго общества. Онъ держитъ сторону Патти противъ Нильсона, пьетъ шампанское, куритъ папирсы, словомъ, цивилизованъ вполнѣ.

Контрастъ между нимъ и его царственнымъ повелителемъ поразителенъ.

Худояръ-Ханъ представляетъ собою совершенный образецъ среднеазіатскаго владетеля. До шестнадцатилѣтняго возраста онъ былъ подъ опекой нѣкоего Мусульманъ-Куля,

который правилъ страной его именемъ, угнеталъ народъ, совершалъ всякія жестокости и крѣпко держалъ бразды правленія въ своихъ рукахъ. Чтобы не дать возможности хану пріобрѣсти себѣ друзей и съ ихъ помощію предъявить въ одинъ прекрасный день свои права на престолъ, хитрый министръ этотъ совѣтъ не давалъ ему денегъ, а самого его держалъ на положеніи заключеннаго съ весьма ограниченнымъ содержаніемъ.

Наконецъ нескончаемыя безчинства Мусульманъ-Куля довели народъ до возстанія. Молодой ханъ принялъ довольно оригинальное рѣшеніе присоединиться къ партіи бунтовщиковъ, хотя номинально возстаніе направлялось противъ его собственнаго правленія. Бунтовщики встрѣтили его съ открытыми объятіями; произошла битва, Мусульманъ-Куль былъ сверженъ и захваченъ съ 500 приверженцами.

По вступленіи своемъ на престолъ, молодой ханъ торжествовалъ это радостное событіе рядомъ блистательныхъ праздниковъ, длившимся цѣлыхъ два мѣсяца. И не будучи злопамятенъ онъ приглашалъ Мусульманъ-Куля присутствовать при каждомъ торжествѣ. Каждый такой праздникъ ознаменовывался живою картиной весьма пріятнаго содержанія—для Мусульманъ-Куля въ особенности—а именно, казнилось человекъ пятнадцать-двадцать изъ его прежнихъ сторонниковъ и приближенныхъ. Этотъ интересный спектакль повторялся ежедневно въ теченіи двухъ или трехъ мѣсяцевъ, и Мусульманъ-Куль прилежно посѣщалъ каждое представленіе. Наконецъ, когда ложились со всеми его приближенными, то пригласили его самого промѣнять роль зрителя на роль главнаго дѣйствующаго лица. Сказавъ только „Аллахъ акбаръ“—Аллахъ великъ, Мусульманъ-Куль спокойно подставилъ свою голову подъ ножъ палача.

Однажды Мирза-Хакимъ пришелъ ко мнѣ, приглашая меня на обѣдъ къ одному изъ своихъ пріятелей, сосѣднему Узбеку. Я съ удовольствіемъ принялъ это приглашеніе. После часоваго переѣзда садами мы очутились у дома Узбека. Это было большое прямоугольное зданіе такой же постройки какъ и описанныя мною прежде узбекскія жилища. Тяжелая изогнутая стѣна окружала строенія и отдѣляла собой акровъ шесть земли. Для Хивы это было большое помѣстье, и потому надо было полагать, что хозяинъ нашъ принадлежалъ къ богатому классу земельныхъ собственниковъ. Пройдя

черезъ большой, грубой отдѣлки входъ мы очутились на маленькомъ дворѣ, со множествомъ стойлъ по сторонамъ. Прямо предъ собой увидали мы входъ въ самый домъ, предъ которымъ стоялъ хозяинъ со своими родственниками и гостями, готовясь встрѣтить и привѣтствовать насъ. Въ домъ онъ насъ однако не повелъ, а проводилъ узкими воротами въѣзъ, въ окружающій садъ. Подъ вязами раскинута была палатка, а на зеленой полянѣ у маленькаго бассейна воды были разостланы для насъ ковры.

Трудно бы найти болѣе пріятное мѣсто для обѣда. Какъ я сказалъ, садъ разстился на нѣсколько акровъ кругомъ и былъ засаженъ фруктовыми деревьями, подъ которыми по всѣмъ направленіямъ протекали маленькіе каналы прозрачной воды. Въ сторонѣ отъ мѣста гдѣ мы расположились видѣлось нѣсколько домиковъ, въ родѣ бесѣдокъ, занятыхъ, повидимому, семействомъ хозяина. Многіе члены его семейства собрались кругомъ насъ и осматривали насъ съ большимъ любопытствомъ, но въ то же время почтительно; другіе же помогали намъ стягивать наши тяжелые сапоги и подставляли туфли.

Повидимому, Узбекъ приложилъ всѣ старанія чтобъ устроить намъ великолѣпный пріемъ: онъ не только предложилъ намъ русскихъ папиросъ, но угощалъ и наливкой. Папиросы и вино были добыты отъ русскихъ купцовъ, которые въ числѣ десяти-двѣнадцати человѣкъ появились тутчасъ по занятіи Хивы, привезли шампанское и другія вина, табакъ и множество всякихъ товаровъ—примѣръ энергіи русскихъ купцовъ въ распространеніи русской торговли въ Центральной Азіи.

Немного погода на коврѣ разстелили скатерть и внесли обѣдъ. Въмѣсто того чтобъ откладывать десертъ до конца обѣда, когда вы не въ состояніи уже оцѣнить его по достоинству, въ Центральной Азіи его подаютъ прежде ѣды. Итакъ, первымъ поданнымъ намъ блюдомъ были фрукты, абрикосы, дыни и тутовые ягоды. Затѣмъ послѣдовали сласти нѣсколькихъ сортовъ, очень цѣнныхъ въ Центральной Азіи. Онѣ напоминаютъ нѣсколько пастилу съ прибавленіемъ зеренъ различныхъ орѣховъ, бываютъ всевозможныхъ цвѣтовъ—красныя, зеленыя и желтыя и очень вкусны. Затѣмъ поданъ былъ какой-то пѣнистый составъ, напоминающій вкусомъ сливочное мороженое, только не холодное. Такъ какъ составъ этотъ почти совершенно жидокъ, а ложекъ намъ не

подають, то мы мочимъ въ немъ свои тонкія пшеничныя лепешки. Дальше слѣдуютъ орѣхи всевозможныхъ сортовъ наливка и наконецъ *pièce de résistance*, предъ нами ставится дымящійся плавъ, состоящій изъ огромнаго количества риса, обжареннаго вмѣстѣ съ сочными кусками баранины. Блюдо это вовсе не дурно и представляетъ главную основу хивинскаго обѣда.

Внесли большія трубки и я съ удовольствіемъ сталъ думать что вотъ предстоитъ мнѣ наконецъ насладиться куреньемъ такого же прекраснаго табака какъ настоящій турецкій. Меня однако ждало маленькое разочарованіе. Трубка состояла изъ большой выдолбленной тыквы около фута вышиною; она была почти наполнена водою, а на верху ея была головка набитая уже зажженнымъ табакомъ, которая сообщалась съ водою посредствомъ трубы. Съ обѣихъ сторонъ при вершинѣ, тотчасъ надъ водою, было по отверстію, но чубука не имѣлось. Вы просто берете всю эту посудину въ руку и дуete въ одно изъ отверстій чтобы выгнать весь дымъ что еще есть внутри. Затѣмъ прикрываете пальцемъ отверстіе съ одной стороны и приставляете ротъ къ другому, втягивая дымъ себѣ въ легкія; для этой операціи требуется не мало ловкости и проворства чтобы не обжечь себѣ ротъ и не опалить бровей. Конечно я затынулся не болѣе двухъ-трехъ разъ и радъ былъ приняться олять за палиросы.

Послѣ обѣда пошли мы осматривать все хозяйство и Узбеки показывали намъ все повидимому съ большимъ удовольствіемъ. Осматривать однако оказалось почти нечего кромѣ плуга, не болѣе, вѣроятно, мудраго устройства чѣмъ тотъ что употреблялся Адамомъ, нѣсколькихъ мотыгъ и грабель, двухъ-трехъ телѣгъ или арбъ, по мѣстному названію, да нѣсколькихъ кося. Затѣмъ хозяинъ повелъ насъ на гумно, гдѣ стояли большіе стога свѣжаго сѣна и только-что скошенной пшеницы и ячменя; я было надѣялся что онъ проведетъ насъ и въ домъ, покажетъ его внутреннее устройство, свою жену и дѣтей,—но въ этомъ я ошибся.

Въ послѣдствіи мнѣ представился случай осмотрѣть внутренность узбекскаго дома, и я думаю что жилище угощавшаго насъ Узбека не очень уклонялось отъ видѣннаго мною образца. Роскоши въ убранствѣ домовъ не встрѣчается даже у самыхъ богатыхъ людей; въ этомъ отношеніи

бѣдные стоятъ на одномъ уровнѣ съ богачами. Нѣсколько ковровъ на полу, одѣяла и подушки у стѣнъ, на стѣнахъ полки для глиняной посуды и китайскаго фарфора, нѣсколько тяжелыхъ, пожелтѣлыхъ книгъ въ кожаныхъ переплетахъ, банки съ вареньемъ и консервами изъ фруктовъ — вотъ и все что вы найдете въ комнатахъ. Двѣ или три комнаты обыкновенно устраиваются совершенно особеннымъ образомъ и снабжены полнымъ освѣщеніемъ. Въ такой комнатѣ одна изъ стѣнъ не доведена до верху на довольно большое пространство, въ которое заглядываютъ вѣтви вязы растущихъ у наружной стѣны. Эффектъ производимый этимъ устройствомъ очень оригиналенъ и не лишень нѣкоторой пріятности. Такая комната обыкновенно окружена глиняными стѣнами, имѣетъ неровный полъ, въ ней попадаетъ первобытнѣйшая домашняя утварь, а иногда застанете въ ней еще тлѣющій костеръ; со середины же ея можете любоваться на голубые клочки неба, виднѣющіеся сквозь листву вяза. Выдающаяся сверху крыша защищаетъ отъ дождя; въ холодную же погоду, конечно, подобная комната остается не занятою.

Нѣсколько комнатъ отводится подъ шелковичныхъ червей, забота о которыхъ возлагается на женщинъ. О шелковичныхъ червяхъ очень пекутся, такъ какъ большая часть расходовъ по дому оплачивается ихъ коконами.

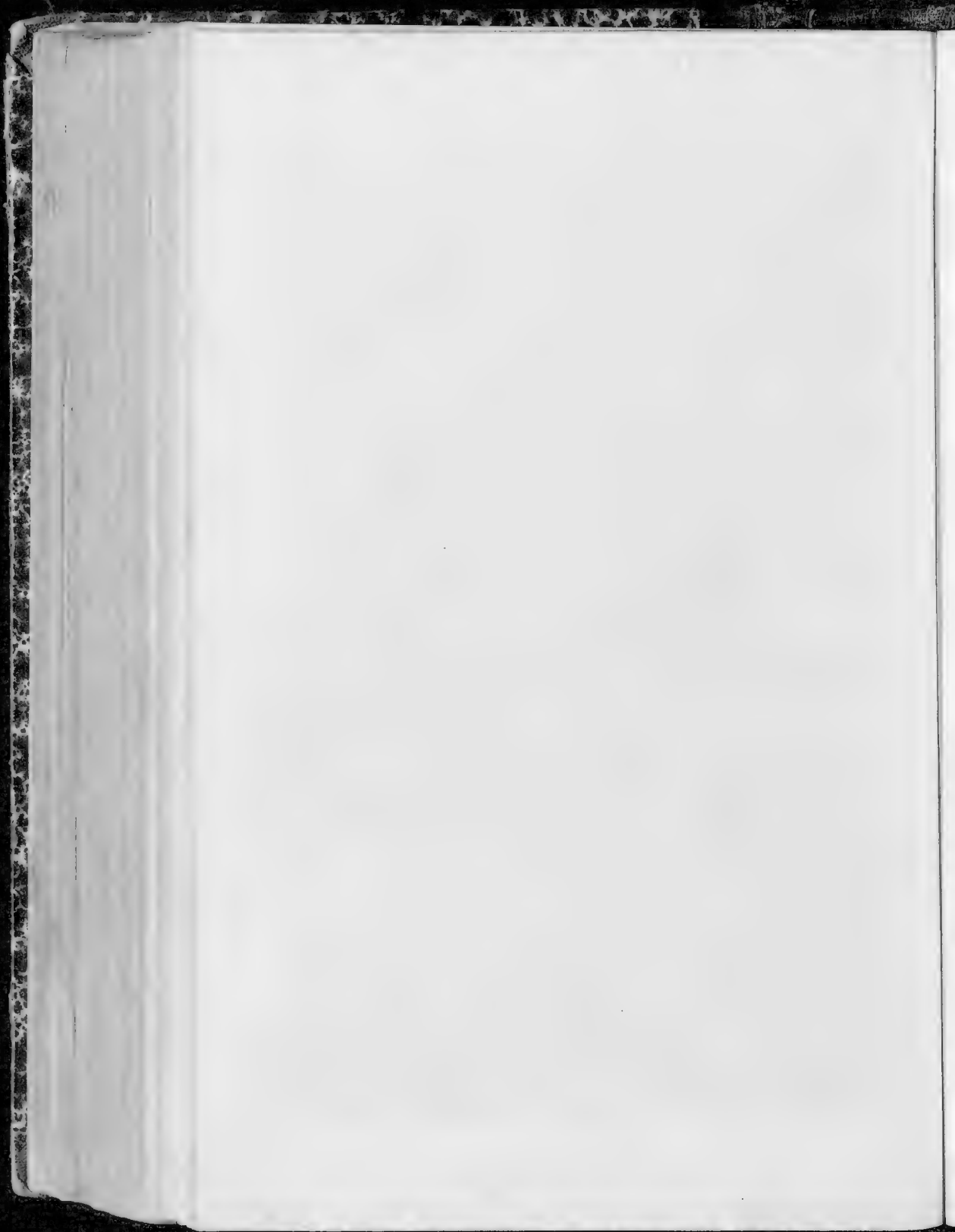
Но возвратимся теперь къ моему хозяину. Солнце сѣло и готовилась главная забава вечера. Мы возвратились на лужайку гдѣ обѣдали, сѣли и принялись опять за трубки и папиросы. Выступили впередъ два мальчика, одинъ лѣтъ восьми, другой около десяти, и сѣлавъ почтительный *самалъ*, приготовились къ ляскѣ. Они были одѣты просто въ длинные, почти до лятъ, широкіе хивинскіе халаты, головы ихъ были обриты, только за каждымъ ухомъ оставлено было по одной длинной прядкѣ, спускавшейся имъ на плечи; они были босикомъ, на головахъ имѣли маленькія коническія ермолки. Это были очень красивыя дѣти съ большими глазами, обѣненными густыми, длинными рѣсницами; они казались очень веселыми, живыми и вполне довольными своею судьбой; я даже удивлялся какъ могли ихъ лица сохранить такое разумное, ясное выраженіе при такомъ унизительномъ занятіи.

Вокругъ собралась небольшая толпа домашнихъ и при-

ТАНЦІЮЮЩІЕ МАЛЬЧИКИ.

слуги принимавшаго насъ Узбека. Выступилъ оборванный музыкантъ, держа въ рукахъ трехструнную гитару, очень напоминавшую тѣ что найдены были въ ханскомъ дворцѣ и которыя я уже описывалъ. Присѣвъ на землю подъ деревомъ, онъ сталъ пѣть, акомпанируя себѣ на гитарѣ. Манера его пѣнія нѣсколько походила на киргизскую; въ ней не слышалось никакой мелодіи, да повидимому и не было никакого музыкальнаго склада, просто тянулся несладный визгъ, но временамъ прерываемый восклицаніями. Акомпаниментъ гитары былъ хотя и странный, но тѣмъ не менѣе пріятный. Мальчики начали плясать. Сначала ихъ движенія были довольно плавны и медленны, они просто перепрыгивали съ одной ноги на другую въ тактъ музыки, хлопая руками надъ головой и изгибаясь въ разнообразныхъ граціозныхъ позахъ и движеніяхъ. Скоро однако музыка оживилась и мальчики постепенно воодушевились. Дико хлопали они руками, издавали отрывочные крики и наконецъ стали кувыркаться, бороться другъ съ другомъ и кататься по полу. Это, повидимому, приводило зрителей въ восторгъ, они аплодировали отъ чистаго сердца. Самъ Узбекъ былъ очень доволенъ, хотѣлъ самымъ дикимъ образомъ и, поднявъ съ земли мальчиковъ, ласково съ ними разговаривалъ, угощая ихъ лакомствами. Представленіе это повторялось, почти безъ варіацій, разъ пять въ теченіи вечера.

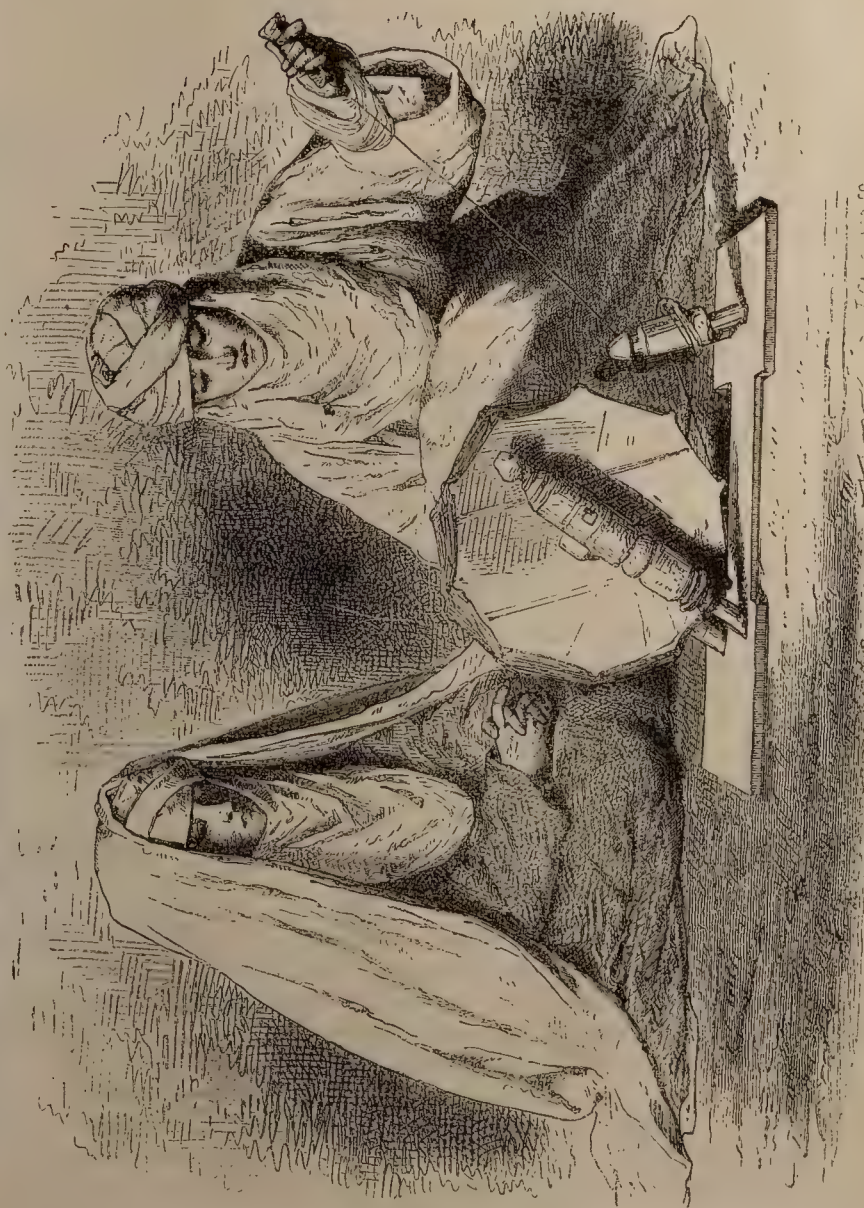
Когда стемнѣло вынесли факелы и размѣстили ихъ вокругъ, воткнувъ въ землю или привязавъ къ стволамъ и сучьямъ деревьевъ. Красивѣйшій изъ двухъ мальчиковъ теперь переодѣлся дѣвочкой; на руки и на ноги его навязаны были маленькіе колокольчики, а на головѣ была надѣта красивая пестро-изукрашенная шапочка, покрытая колокольчиками и серебряными бляхами, съ вуалетъ, свѣшивавшимся назадъ. Онъ протанцовалъ новый танецъ, болѣе спокойный и скромный чѣмъ въ костюмѣ мальчика. Около четверти часа спустя выступилъ и другой мальчикъ, и оба стали танцовать, очень хорошо изображая сцену влюбленныхъ. Тотъ что разыгрывалъ роль дѣвушки представился обиженнымъ, отворачивался отъ другаго, повидимому сердясь и дуясь. Другой мальчикъ сталъ выплясывать вокругъ этой оскорбленной дѣвицы, ухищряясь всевозможными ласками привести ее въ хорошее настроеніе. Не добившись однако ничего, онъ также разсердился и началъ дуться въ свою

очередь. Барышню эта уловка нѣсколько смягчила, и она, въ свою очередь, прибѣгла ко всевозможнымъ способамъ примиренія. Молодой влюбленный, выдержавъ еще немного роль сердитаго, наконецъ сдался, они стали танцовать вѣтѣвъ самымъ веселымъ и беззаботнымъ образомъ и наконецъ убѣжали со сцены, сопровождаемые хохотомъ публики. Все это разыграно было очень граціозно и со смысломъ. Мимика того (который представлялъ дѣвочку) была въ особенности мила и кокетлива. Колеблющійся свѣтъ факеловъ, освѣщающій нависшія вѣтви, дикія лица окружающихъ, двое дѣтей, разыгрывающихъ любовную сцену,—все это сливалось въ оригинальную, живописную картину.

Время было позднее. Такъ какъ мы съ Мирзой-Хакимомъ располагали вернуться въ лагерь до разстановки ночныхъ патрулей, то и не справились объ условленномъ паролѣ для прохода. Итакъ, возвращеніе въ лагерь не обѣщало быть пріятнымъ: уже не говоря о томъ что пришлось бы вѣхать садами, во тьмѣ кромѣшной, трудно было пробраться и мимо русскихъ часовыхъ. Мы рѣшились провести у Узбека всю ночь; онъ, однако, и тутъ не пригласилъ насъ въ домъ; а велѣлъ разстелить намъ одѣяла и уложить подушки въ палаткѣ. Мы съ Мурзой - Хакимомъ разлеглись и скоро заснули. Ночью мы были разбужены дождемъ, бившимъ намъ въ лицо; сдвинувъ плотно полы палатки мы легли опять и умудрились не очень промокнуть, несмотря на ливень. На слѣдующее утро, позавтракавъ, мы дружески распрощались съ хозяиномъ, сѣли на коней и вернулись въ лагерь.

XIX. Два портрета Русскихъ. — Андрей Александровичъ. Иванъ Ивановъ.

Андрей Александровичъ принадлежитъ къ одной изъ старинныхъ русскихъ дворянскихъ фамилій—а это вещь не послѣдняя, такъ какъ нѣкоторые изъ этихъ фамилій ведутъ свою родословную съ восьмага вѣка, отъ владѣтельныхъ князей въ то время раздробленной Русской земли. Въ этотъ длинный, чуть ли не тысячелѣтній періодъ времени, фамилія Андрея Александровича мало переродилась; многіе изъ ея членовъ еще могутъ похвастаться такою же физическою силой и выносливостью, какія доставили владычество ихъ пред-

УЗБЕКСКІЯ ЖЕНЩИНЫ. (Из рисунка Верещагина.)

Л. А. С. ТАБ. 350

камъ. Въ ихъ средѣ нѣрѣдко можно встрѣтить, какъ и въ другихъ хорошихъ фамиліяхъ, человѣка который также легко ломалъ пальцами пятифранковую монету, какъ свинцовую пластинку. Родственники Андрея Александровича сохранили всю свою родовую гордость; едва ли даже кто изъ Гогенцоллерновъ такъ гордится древностію своего происхожденія.

У родителей Андрея Александровича большое имѣніе въ Харьковской губерніи; не одною тысячею душъ владѣли они во времена крѣпостнаго права, да и теперь еще очень богаты. Отецъ его отличился во время Наполеоновскихъ войнъ, дослужился до высокаго чина и многочисленныхъ орденовъ. Естественнo что онъ и сына своего пожелалъ вести къ той же карьерѣ. Безъ труда помѣстили Андрея съ раннихъ лѣтъ въ Пажескій Корпусъ; здѣсь его баловали дамы, глаживалъ по головкѣ Великій Князь, а подчасъ и самъ Государь. Здѣсь обучился онъ танцовать, пѣть и фехтовать, отвѣчать комплиментомъ на комплиментъ, сарказмомъ на сарказмъ, научился также и всѣмъ прочимъ искусствамъ предназначеннымъ для того чтобы снискивать благосклонность дамъ и отличія въ средѣ мушій. Кончивъ курсъ наукъ въ высшемъ военномъ заведеніи, онъ произведенъ былъ въ чинъ прапорщика и принятъ въ гвардію.

Гвардейская карьера самая модная въ Россіи. Рѣдко можно встрѣтить человѣка съ претензіей на свѣтскость который хотя бы короткое время не числился въ этомъ привилегированномъ корпусѣ. Это *corps d'élite* Имперіи, центръ всего того бѣшеннаго кутежа, дурачества и мотовства, которымъ такъ славится Петербургъ. Надо бы имѣть болѣе холодную голову и болѣе флегматическую натуру, чѣмъ тѣ которыми природа надѣлила болѣшую часть русской молодежи, чтобы пройти этотъ водоворотъ не потерпѣвъ финансоваго крушенія.

Андрей Александровичъ изъ общаго правила исключенія не составляетъ. Трехлѣтняго пребыванія въ гвардіи оказалось достаточнымъ для его разоренія. Въ это время ему не только удалось промотать все свое состояніе, но и посчастливилось влѣзть по уши въ долги. Гвардію приходится оставить за неимѣніемъ средствъ въ ней поддерживаться, и онъ переходитъ въ армію.

И вотъ, Андрей Александровичъ проводитъ нѣкоторое время въ какомъ-то переходномъ состояніи, увертываясь отъ кредиторовъ, проводя квартирныхъ хозяевъ и содержателей

ресторановъ, не думая о будущемъ, а перебиваясь кое-какъ, изо дня на день, своею изобрѣтательностью да искусствомъ играть въ карты. Но это конечно не можетъ продолжаться долго, и Андрею Александровичу приходится наконецъ выбирать одинъ изъ слѣдующихъ трехъ исходовъ: жениться на богатой купчихѣ и тѣмъ поправить свое состояніе; попытать счастья въ статской службѣ; или же наконецъ перейти въ Туркестанъ.

Тихія радости семейной жизни не представляютъ еще пока особенной прелести въ глазахъ Андрея Александровича; къ статской службѣ также призванія онъ не чувствуетъ; на сторону же Туркестана тянетъ еще перспектива обаятельнаго разгула походной жизни, съ двойнымъ окладомъ жалованья и двойною возможностью выслужиться. Надо замѣтить что Туркестанъ въ новѣйшія времена играетъ роль прежняго Кавказа, представляя готовое убѣжище для людей подобнахъ Андрею, которые растратили свое состояніе, но не лишились еще послѣдней надежды выбраться изъ своего положенія. Итакъ, распрощавшись со своими петербургскими друзьями, Андрей Александровичъ пускается въ дальній путь, а по достиженіи Казалы немедленно получаетъ приказъ идти впередъ чтобы принять участіе въ осадныхъ дѣйствіяхъ подъ Акъ-Мечетью.

Въ день своего прибытія онъ застаётъ все готовымъ къ приступу и, ни мало не медля, вызывается вести охотниковъ; его храбрость доставляетъ ему разомъ орденъ и два чина, и фортуна, повидимому, снова ему улыбается. Но Андрей Александровичъ имѣетъ способность быстрѣе разсточать дары фортуны, чѣмъ они могутъ сыпаться на него, хотя бы ему цѣлая сотня бабушекъ ворожила.

Въ одно прекрасное утро выходитъ онъ на прогулку за городъ, съ цѣлью зайти по дорогѣ въ кибитку одной молодой дамы киргизскаго племени, прелести которой удостоились его вниманія. Въ кибиткѣ этой застаётъ онъ своего товарища по службѣ Степана Ивановича. А Степанъ Ивановичъ, надо замѣтить, принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ людей которыхъ Андрей Александровичъ не долюбиваетъ. Уже не одинъ разъ завязывалась между ними ссора или за карточнымъ столомъ, или подъ хмѣлькомъ, за стаканами; а такъ какъ заносчивый нравъ Андрея Александровича всѣмъ извѣстенъ, то не разъ уже товарищи совѣтовали ему избѣгать по

возможности встрѣчь со Степаномъ Ивановичемъ. Андрей Александровичъ обѣщалъ избѣгать столкновеній; но встрѣча при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, конечно, не могла кончиться иначе какъ дуэль. Дуэль происходитъ, и при первомъ выстрѣлѣ Степанъ Ивановичъ получаетъ пулю въ сердце. Андрей Александровичъ преданъ военному суду и разжалованъ въ солдаты. Такимъ-то образомъ онъ лишается не только всего что заслужилъ въ Туркестанѣ, но еще кое-чего изъ прежнихъ отличій.

Въ Центральной Азіи, однако, гдѣ почти постоянно происходятъ стычки съ непріятелемъ, храброму офицеру не долго приходится ждать случая отличиться. Черезъ два, три года Андрею Александровичу возвращается прежній чинъ и перепадаетъ нѣсколько новыхъ орденовъ. Тѣмъ временемъ Русскіе подвинулись въглубь Туркестана, и генералъ Черняевъ осадилъ стѣны Ташкента. Здѣсь опять представилась Андрею Александровичу возможность отличиться и онъ ею воспользовался слѣдующимъ образомъ.

Въ самомъ разгарѣ осадныхъ дѣйствій, онъ затѣваетъ ссору съ однимъ изъ товарищей-офицеровъ, который обвиняетъ его въ недостаткѣ храбрости. Не вступая въ дальнѣйшія по этому предмету препиранія, Андрей Александровичъ предлагаетъ своему противнику вмѣстѣ сдѣлать приступъ на городскія стѣны. Безо всякаго на то разрѣшенія со стороны начальства, эти два офицера выстраиваютъ своихъ людей и устремляются на приступъ. Стѣны окружены широкимъ и глубокимъ рвомъ, сами онѣ вышиною футовъ въ тридцать, бреши никакой еще пробито не было, а у солдатъ даже и лѣстницъ нѣтъ. Легко можно вообразить себѣ результатъ такого приступа. Одна половина людей остается во рву, другимъ, послѣ такой безумной попытки, едва удается спастись отступленіемъ подъ сильнѣйшимъ огнемъ открытымъ по нимъ со стѣнъ; Андрей Александровичъ самъ получаетъ три раны и уносится своими солдатами съ мѣста дѣйствія; противникъ же его, другой офицеръ, лежитъ въ числѣ мертвыхъ. За этотъ неудачный подвигъ его, понятное дѣло, опять разжаловали въ рядовые.

Въ слѣдующіе годы Андрею Александровичу почти не представлялось случаевъ отличиться, и онъ ведетъ безцѣльную, беззаботную, бродяжническую жизнь, которая въ Центральной Азіи имѣетъ своего рода прелесть. Цѣлые дни одинъ

за другимъ проводить онъ въ куреньѣ, питьѣ водки, карточной игрѣ; единственное развлеченіе среди этого разнообразія представляет изрѣдка охота на тигровъ.

Андрей Александровичъ былъ однимъ изъ первыхъ людей который подошелъ ко мнѣ по пріѣздѣ моемъ въ армію генерала Кауфмана; завязавшееся при подобныхъ обстоятельствахъ знакомство наше быстро перешло въ короткость, а затѣмъ и въ дружбу. Этимъ временемъ, послѣ двадцатилѣтней службы, онъ достигъ высокаго чина пралорщика. Такая несообразность лѣтъ съ чиномъ вовсе однако не поражаетъ васъ съ перваго раза, потому что человѣкъ этотъ точно одаренъ вѣчною молодостью. Хотя въ дѣйствительности ему уже около сорока, на видъ вы ему никакъ не дадите болѣе двадцати лѣтъ, несмотря на безобразную жизнь которую онъ велъ.

Такого славнаго малаго я еще въ жизнь свою не встрѣчалъ; щедрость въ немъ доходила до излишества. Никогда не заботясь о будущемъ, онъ въ одно утро потратитъ бывало на завтракъ товарищамъ полтораста рублей, выигранные за ночь въ карты, а на слѣдующій день идетъ занимать денегъ на покупку себѣ чая съ сахаромъ и лошади своей ячменя. Храбрый какъ левъ, онъ пойдетъ на отчаянный приступъ, выйдетъ и на трехмѣсячный переходъ пустыней и на простой парадъ съ одинаковымъ хладнокровіемъ и беззаботностію, и даже чуть ли не съ одинаковыми приготовлениями. Въ сущности онъ и въ Хивинскую кампанію выступилъ всего съ трехдневнымъ запасомъ провизіи.

Андрей Александровичъ хорошо знаетъ иностранные языки—но и это не по своей винѣ. Въ дѣтствѣ къ нему представлена была Англичанка, Француженка и Нѣмка, и онъ такимъ образомъ научился ихъ языкамъ какъ своему собственному, безо всякаго труда и старанія. Теперь же онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Туркестанѣ, а между тѣмъ почти ни слова не понимаетъ по-татарски. Чтò онъ знаетъ въ военномъ дѣлѣ—а знаетъ онъ не мало—добыто имъ не изъ книгъ, а по личному опыту. Онъ обладаетъ даже не малымъ литературнымъ талантомъ; а французскіе стихи пишетъ съ замѣчательною легкостью.

Послѣ Хивинской кампаніи онъ получилъ два ордена, Св. Владиміра и Анну. Предлагалось и повышеніе въ чинѣ, но онъ отказался „Видите-ли“, сказалъ онъ мнѣ, „разница

въ жалованьи прапорщика и поручика такъ незначительна, что не стоить и говорить объ ней. А въ мои лѣта рѣшительно все равно быть тѣмъ, или другимъ. Да не всякому и удастся быть прапорщикомъ въ тридцать восемь лѣтъ.“

— Мнѣ кажется я бы предпочелъ повышение ордену, замѣтилъ я.

— И дурно бы сдѣлалъ. А у меня еще есть почтенная тетюшка съ материной стороны, которая, какъ услышитъ что я дослужился до Владиміра—вѣдь это высшій орденъ, вы знаете, за Георгіемъ—такъ ужъ навѣрное разщедрится тысячу на двадцать.

— Ну, а на долго ли вамъ станетъ этихъ денегъ? спрашиваю я.

— Да на годъ, а можетъ-быть на два. На что же и деньги если ихъ не тратить и ничего за нихъ не имѣть!

Андрей Александровичъ представляетъ собою преувеличенный типъ довольно значительнаго числа русскихъ офицеровъ. Конечно немногіе бываютъ по нѣскольку разъ въ жизнь разжалованы въ рядовые и немногіе остаются прапорщиками до срока лѣтъ, но въ остальныхъ отношеніяхъ карьера многочисленнаго разряда схожа съ карьерой Андрея Александровича. Почти всѣ побывали въ гвардіи, промотали въ ней свое состояніе, и пошли по избитымъ слѣдамъ своихъ предшественниковъ. О будущемъ никто изъ нихъ не заботится, порѣшивъ пользоваться лишь настоящимъ; и всѣ ведутъ ту же беззаботную, бродяжническую жизнь. Большую часть времени убиваютъ за карточной игрой; эта манія игры доходитъ во всѣхъ классахъ русскаго общества до невѣроятныхъ размѣровъ. Офицеровъ же я не рѣдко видалъ играющими по двое сутокъ, почти не вставая съ мѣста. Большинство ничего не изучаютъ и не болѣе своихъ солдатъ заботятся о будущихъ дѣйствіяхъ арміи и даже о приказахъ на слѣдующій день. При такой кампаніи какъ настоящая, за исключеніемъ нѣсколькихъ штабныхъ офицеровъ, ни у кого не было картъ; они даже не знали великъ ли предстоялъ переходъ до слѣдующаго колодца. Хотя всѣ они хорошо знакомы съ иностранными языками, но во всемъ русскомъ отрядѣ не нашлось бы и трехъ офицеровъ знающихъ языкъ туземный.

Изъ всего этого однако никакъ не слѣдуетъ заключать что русскіе офицеры плохи. Храбры они какъ львы; едва ли вы

найдете въ средѣ ихъ хотя одного который остановился бы предъ самымъ отчаяннымъ предпріятіемъ или не пошелъ бы на вѣрную смерть съ такимъ же равнодушіемъ какъ на объѣдъ. Приказы выполняются ими съ какимъ-то слѣпымъ, неразсуждающимъ героизмомъ, съ которымъ можетъ сравниться развѣ только героизмъ ихъ солдатъ. Къ тому же все они щедры, добры и веселы, всегда готовы встрѣтить васъ самымъ радушнымъ гостепріимствомъ, и въ концѣ-концовъ вы не можете отъ души не полюбить и не уважать ихъ.

Иванъ Ивановъ состоитъ рядовымъ въ полку Андрея Александровича.

Родился Иванъ Ивановъ крѣпостнымъ Андрея Александровича и ничѣмъ не походилъ на этого молодого барича. Но чтобы вѣрно оцѣнить правъ Ивана Иванова необходимо имѣть нѣкоторое понятіе и объ отцѣ его, Иванѣ Михайловѣ. Иванъ Михайловъ крестьянинъ, и цѣлыя поколѣнія его предковъ были крѣпостными предковъ Андрея Александровича. Въ жизнь свою не видалъ онъ ничего кромѣ тяжелой работы и самой плохой пищи. До освобожденія крестьянъ приходилось ему работать четыре дня изъ семи на барина, на своихъ харчахъ, поставляя своихъ лошадей и орудія; на содержаніе же себя съ семействомъ предоставлялось ему работать въ остальные три дня.

Если принять во вниманіе что цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ въ году въ Россіи и работать невозможно, благодаря климату, то понятное дѣло что жизнь на долю Ивана выпала не красная. Проработавъ, бывало, цѣлый день на помѣщика, онъ еще половину ночи работаетъ на себя и всю жизнь свою проводить на пустыхъ щахъ съ лохлебкой да на черномъ хлѣбѣ. Жилище его состоитъ изъ одной избы въ которой тѣснятся все члены семьи — старые старики и малые ребята. Женатые сыновья его съ женами и дѣтьми живутъ съ нимъ же, въ той же избѣ, въ той же комнатѣ. Нельзя и ожидать чтобы при подобныхъ обстоятельствахъ Иванъ Михайловъ могъ отличаться особенною утонченностью нравовъ, образованіемъ и просвѣщеннымъ образомъ мыслей. Онъ, напротивъ того, отличается именно отсутствіемъ всехъ этихъ качествъ. Неразвитъ и суевѣренъ онъ до крайности; но найдутся въ немъ и хорошія черты. По природѣ онъ не жестокъ

и не безчеловѣченъ, нѣтъ въ немъ никакихъ унижительныхъ пороковъ. Слабая сторона у Ивана Михайлова та же что и у Наполеона I. Это фатализмъ. Дѣйствуетъ онъ однако на Ивана Михайлова совершенно другимъ образомъ, не только не надѣляя его безумною отвагой и рѣшимостью на всякій рискъ, а напротивъ того, развивая въ немъ какую-то безнадежность. У Ивана Михайлова нѣтъ восторженной вѣры въ свою звѣзду. Онъ даже и не знаетъ что у него есть звѣзда, а если и знаетъ, то считаетъ ее злополучною и обманчивою звѣздой, на которую не только нельзя полагаться, а скорѣе приходится ее избѣгать и проклинать.

Изба ли его загорится—Господня на то воля, и онъ оставляетъ ее догорать до тла. Грѣхъ противиться Божьему суду. Заболѣетъ онъ—лѣчиться не станетъ по той же причинѣ. Самому ли ему придется сплеховать, присвоить себѣ чужое добро или деньги—опять-таки не его въ томъ вина, и онъ твердо стоитъ на томъ что его лукавый попуталъ, а самъ онъ въ дѣлѣ томъ неповиненъ.

По правдѣ говоря, въ Иванѣ Михайловѣ не существуетъ никакой свободной инициативы. Цѣлые вѣка нравственнаго угнетенія тяготѣвшіе надъ его предками и надъ нимъ самимъ довели его до этого фатализма. Къ чему противиться неизбежному? Къ чему бороться противъ неодолимаго? И потому весь образъ мыслей Ивана и все его чувства подернуты какимъ-то мрачнымъ колоритомъ, проникнуты горечью и уныніемъ.

Разказы его все имѣютъ трагическое окончаніе, самого его осаждаютъ и угнетаютъ сказочный міръ вампировъ, привидѣній и чертей, отъ лукавства и кровожадности которыхъ нѣтъ спасенія. Слова его пѣсень проникнуты тою же безнадежностью, все напѣвы въ минорныхъ тонахъ и отзываются безысходною грустью.

Все эти характерныя черты найдутся и въ Иванѣ Ивановичѣ, съ прибавленіемъ еще нѣсколькихъ особенностей. Оторванный въ ранней молодости отъ семьи и друзей для того чтобы провести пятнадцать, двадцать лѣтъ на службѣ, онъ оставляетъ далеко за собой все обыкновенныя людскія надежды и желанія. Цѣлыхъ двадцать лѣтъ приходится ему наполнить одною рутинной лагерной жизни. Нѣтъ у него въ перспективѣ ни своего очага, ни семьи, ни дѣтей.

Большую часть друзей молодости ему никогда уже не видать. Онъ хорошо знаетъ что задолго до того какъ ему вернуться на родину, его отецъ съ матерью помрутъ, желанную выдадутъ замужъ, братья съ сестрами состарятся, да и самого его все успѣютъ позабыть. Судьба разомъ перевернула всю его жизнь, сдѣлала его другимъ существомъ. Быть-можетъ вначалѣ не разъ приходилось ему всплакнуть надъ своею горькою долей: бѣдная изба его, конечно, была не очень удобна и привлекательна, но все-таки тамъ онъ былъ подъ роднымъ кровомъ, и никогда, быть-можетъ, туда не возвратится. Но прошли годы, и великая государственная машина отлила и его въ общую форму, подвела подъ общій уровень. И вотъ съ тѣхъ поръ зажилъ онъ живымъ автоматомъ, покорный волѣ недосигаемой для критики его простаго разума; сѣло покорился онъ своей участи, не пытаясь сопротивляться. Да и не въ его природѣ бороться противъ неотвратимаго. На то была Божья воля, бесполезно и грѣшно на нее роптать, и махнулъ Иванъ Ивановъ на прошлое рукой, стараясь примѣниться къ настоящему.

Наконецъ вѣчное возбужденіе и оживленіе солдатской жизни заставляетъ его забывать о родныхъ покинутыхъ на дальней родинѣ. Хотя и мало у него надеждъ впереди, да за то и терять ему больше нечего, не предвидится больше горя, и вотъ онъ дѣлается самымъ веселымъ малымъ, безшабашною головой.

Главный источникъ увеселенія Ивана состоитъ въ пѣсняхъ. Поетъ онъ съ утра до ночи. На ходу не замолкаетъ онъ въ теченіе цѣлыхъ часовъ. Въ репертуарѣ его найдутся лѣсни въ цѣлыя сотни стиховъ, и поетъ онъ ихъ съ начала до конца съ полнымъ довольствомъ этою утѣхой. Среди пустыни — въ Иркибаѣ, Хала-Атѣ, Алты-Кудукѣ, когда и воды ему выдавалось по кружкѣ въ день, и тогда бы могъ его видѣть стоящимъ въ полукругѣ пятнадцати, двадцати товарищей и поющимъ что есть мочи. И надо замѣтить что въ пѣвнн этомъ видитъ онъ для себя занятіе далеко не маловажное, которое можно бы выполнять спустя рукава. Потому, когда поетъ нашъ Иванъ, то всегда стоитъ на ногахъ, а товарищи собираются вокругъ него и подтягиваютъ ему хоромъ чуть ли не при концѣ каждаго стиха. Въ весельѣ его чувствуется даже какое-то преувеличеніе. Неприличіе нѣко-

торыхъ его пѣсень доходить до такой несообразности что утрачиваетъ самый свой характеръ неприличія, переходя въ какую-то смѣшную неаѣлость.

Вѣра Ивана Иванова въ честность и способность своихъ офицеровъ поистинѣ похвальна и назидательна. Онъ твердо убѣжденъ въ ихъ непогрѣшимости и вполне увѣренъ что что бы они ни дѣлали, лучше того не придумать, удачнѣе того не исполнить. Потому онъ никогда и не бунтуетъ. Другіе солдаты стали бы ролтать на то что имъ не выдается молока къ кофе или мяса хоть разъ на день. Иванъ же и не снизойдетъ до того чтобы жаловаться на такіе пустяки. Если не выдается ему мяса, то ужъ конечно оттого что его нѣтъ. Если выданное мясо уже начало портиться, то понятное дѣло виновата въ томъ жара, противъ которой ничего не подѣлаешь. Сапоги ли его оказываются никуда не годными и ноги Иванъ отморозить—виноваты въ томъ морозъ. Сухари его подточать черви—виноваты въ томъ черви. Ему и въ голову не приходитъ никого осуждать и упрекать. Если по какой оплошности или ошибкѣ попадетъ онъ подъ огонь, гдѣ товарищи его падаютъ вокругъ сотнями и полку его грозитъ вѣрное истребленіе—опять-таки Божья на то воля и нечего больше дѣлать какъ ей покориться. Ему никогда и на мысль не приходитъ бѣствомъ исправить ошибку начальниковъ. Словомъ, Иванъ Ивановъ держится того убѣжденія что все ведетъ къ лучшему и охотно принимаетъ вещи въ томъ видѣ въ какомъ онѣ ему представляются. Онъ вполне удовольствуется жизнью при одномъ черномъ хлѣбѣ и чаѣ, и никогда не подумаетъ жаловаться.

Некого Ивану Иванову любить кромѣ товарищей и офицеровъ, и вотъ онъ привязывается къ нимъ страстно, но безсознательно. Нерѣдко случается пасть на мѣстѣ восьми, десяти солдатамъ подъ непріятельскимъ огнемъ, въ то время какъ они пытаются унести раненаго товарища. Въ Иванѣ не найдете вы никакого мелодраматизма. Онъ совершитъ самый геройскій подвигъ даже и не думая о томъ что совершаетъ дѣйствіе необыкновенное, заслуживающее похвалы. Въ Иванѣ коренится какой-то безсознательный, но тѣмъ не менѣе величественный героизмъ. Эта именно его черта и заставила сказать о немъ Наполеона: „Мало убить Русскаго солдата—надо его еще съ ногъ свалить“.

Объ иностранцахъ у Ивана сложилось понятіе совершенно своеобразное. Для него всѣ они бунтовщики противъ Батюшки-Царя. Англичане, Французы, Нѣмцы, Азіаты, всѣ сподрядъ мятежники; ни онъ вполнѣ увѣренъ что рано или поздно все человѣчество покорится власти законнаго православнаго Царя. Въ Иванѣ не проявляется никакой неприязни ко врагу, онъ его и не ругаетъ. Не будь они мятежниками — всѣ они распрекрасные люди. Онъ даже не оспариваетъ и храбрости ихъ. Потому вы рѣдко услышите отъ него презрительный отзывъ о врагѣ, что такъ обыкновенно въ средѣ другихъ солдатъ. Въ томъ, быть-можетъ, и заключается причина что Иванъ не поддается паникѣ; никогда врагъ не можетъ удивить его какимъ-нибудь нечаяннымъ нападеніемъ, потому что того онъ только и ждетъ.

Иванъ Ивановъ, однимъ словомъ, совершенный идеалъ солдата; и нельзя не сознаться что онъ лучшій солдатъ во всемъ мірѣ.

ЧАСТЬ III.

ТУРКМЕНСКІЙ ПОХОДЪ.

I. Туркмены.

Туркмены самое храброе и воинственное племя Центральной Азіи.

Это кочевой народъ, бродящій почти по всей странѣ между Оксусомъ и Каспійскимъ моремъ, на востокъ до Авганистана, на югъ до границъ Персіи. Средства существованія ихъ различны: Туркмены живущіе по берегамъ Каспія занимаются большею частію рыболовствомъ; тѣ которые кочуютъ далѣе къ востоку и сѣверу держатъ стада и табуны. Но однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ ихъ дохода до послѣдняго времени былъ захватъ Персіянъ и продажа ихъ въ рабство въ Хиву и Бухару.

Туркмены живущіе въ Хивѣ принадлежатъ къ шести племенамъ: Имралы, которыхъ считается до 2.500 кибитокъ; Кодоры 3.500 кибитокъ; Карадашлы 2.000; Кара-Егелды 1.500; Амелы-Игокланы 1.500, Юмуды 11.000; всего 22.000 кибитокъ, что составитъ, полагая среднимъ числомъ по пяти человѣкъ въ кибиткѣ, населеніе въ 110.000 душъ.

Это дикое и безпокойное населеніе никогда не подчинялось никакой правильной формѣ правленія; они отвергаютъ всякую власть, и хана и эмира и Русскаго Царя.

Каждое племя состоитъ изъ многихъ болѣе мелкихъ подраздѣленій, основую которыхъ служатъ вѣроятно семейныя связи и родство, и которыя состоятъ подъ властью старшины или предзодителя. Но у Туркменъ нѣтъ никакого государственнаго устройства, нѣтъ ни правящихъ классовъ, ни признанныхъ властей, ни верховной власти, ни другаго суда

кромѣ общественнаго голоса. Правда, ихъ старшины имѣютъ нѣкоторую номинальную власть разбирать ссоры; но они не имѣютъ силы заставить повиноваться своимъ рѣшеніямъ. Враждебныя стороны могутъ по собственному желанію или подчиниться этому рѣшенію или же продолжать ссору, раздѣляясь по своему. Тѣмъ не менѣе своеобразныя понятія о правомъ и неправомъ такъ сильно развиты въ средѣ ихъ и общественное мнѣніе такъ уважаетъ эти понятія что между ними рѣдко происходятъ ссоры и несогласія.

Хивинскій ханъ никогда не былъ въ состояніи управлять Туркменами живущими въ его владѣніяхъ. На дѣлѣ это происходитъ почти наоборотъ; сами Туркмены очень рѣшительно управляютъ дѣйствіями хана. Допуская его имѣть нѣкоторую номинальную власть какъ правителя ихъ сосѣдей Узбековъ, они противятся всякой попыткѣ распространить эту власть на нихъ самихъ. Проживая на хивинской территоріи они отказываются отъ всякаго участія въ общихъ повинностяхъ, и не только не думаютъ платить какія-нибудь подати, но еще сами собираютъ поборы. Они всегда готовы сражаться за хана, исключая впрочемъ случаевъ когда сражаются противъ него; изъ нихъ-то онъ составляетъ главнѣйшимъ образомъ свои войска. Они въ значительной мѣрѣ отстали отъ кочевого образа жизни, но ни мало не покинули своихъ хищническихъ привычекъ. Это даетъ поводъ къ постоянной борьбѣ между ними и Узбеками; почти не проходитъ года безъ того чтобъ они не воевали между собою. Главнымъ поводомъ вызвавшимъ походъ Русскихъ на Хиву было также хищничество Туркменъ.

Ханъ неоднократно пытался усмирять ихъ, но всегда безуспѣшно. Несмотря на недостатокъ артиллеріи, имъ всегда удавалось брать верхъ надъ превосходными ханскими силами и оказывать весьма сильное вліяніе на дѣла ханства.

Обыкновенный планъ дѣйствій хана слѣдующій. Онъ собираетъ войско, вступаетъ въ ихъ землю, располагается лагеремъ и укрѣпляется. Туркмены немедленно атакуютъ его или только показываютъ видъ что хотятъ атаковать, рыщутъ вокругъ лагеря, съ крикомъ и гиканьемъ, стрѣляютъ изъ своихъ фитильныхъ ружей, и захватываютъ небольшія партіи ханскихъ войскъ которыя показываются изъ-за окопа. Въ отвѣтъ на нападеніе ханъ посылаетъ въ нихъ тяжеловѣсные выстрѣлы изъ своихъ пушекъ; но такъ

какъ ему приходится израсходовать нѣсколько тоннъ желѣза чтобъ убить одного человѣка, то вредъ причиняемый Туркменамъ очень незначителенъ. Самъ ханъ никогда не выступаетъ изъ своего лагеря; такимъ образомъ они мѣняются ролями, и вмѣсто того чтобы подчинить себѣ Туркменъ, хану представляется вѣроятность самому подчиниться имъ. Такое положеніе дѣлъ продолжается обыкновенно нѣсколько недѣль. Туркмены очень любятъ подобныя войны, и для нихъ это время настоящій праздникъ. Когда у хана истощаются военные снаряды и припасы — Туркмены безъ труда отрѣзываютъ путь къ подвозамъ, — онъ заключаетъ съ ними договоръ, который ни мало не измѣняетъ ихъ взаимныхъ отношеній, и съ торжествомъ возвращается въ свою столицу; Туркмены же снова принимаютъ за свои обычныя занятія.

Впрочемъ, говоря вообще, ханъ имѣлъ болѣе причинъ быть довольнымъ Туркменами, нежели наоборотъ. Несмотря на эти небольшія недоразумѣнія, они всегда были ему преданы. Не соглашаясь признавать его власть надъ собою, они охотно помогали ему удерживать власть надъ другими. Если они отказывались платить налоги или допускать какое-нибудь вмѣшательство въ свои дѣла, то всегда были готовы обнажить свой мечъ на его защиту, отстаивать его противъ домашнихъ претендентовъ и вѣншихъ враговъ. Единственное серьезное сопротивленіе Русскимъ было оказано ими; они продолжали сражаться когда ханъ прекратилъ борьбу, считая ее безнадежной, и когда, пораженный ужасомъ при бомбардировкѣ столицы войсками генерала Веревкина, онъ бѣжалъ изъ города и собственныя подданные возстали противъ него и избрали на престолъ его брата, — онъ нашелъ убѣжище у Туркменъ. Забывая все это, забывая услуги которыя они оказали ему, преданность и мужество обнаруженныя ими въ войнѣ за него, онъ представилъ ихъ Русскимъ какъ разбойниковъ и нарушителей закона. Во время переговоровъ съ генераломъ Кауфманомъ касательно уплаты военныхъ издержекъ, онъ объявилъ что не можетъ принять на себя ответственности за уплату части причитающейся на ихъ долю; ссылаясь на то что они никогда не платили никакихъ налоговъ, онъ утверждалъ что они не платятъ и теперь; онъ же не можетъ принудить ихъ къ этому. Далѣе, чтобы вернуть себѣ свои пушки, онъ увѣрялъ что безъ артиллеріи не будетъ

имѣть возможности держать ихъ въ локоѣ, ни даже ручаться за безопасность собственнаго престола.

Генераль Кауфманъ, не имѣя надобности въ этихъ пушкахъ, возвратилъ хану восемнадцать или девятнадцать изъ числа двадцати одной доставшихся Русскимъ при взятіи города; фактъ этотъ доказываетъ увѣренность Русскихъ въ собственной силѣ. Что же касается представленій хана, то они не могли имѣть вліянія на дѣйствія генерала Кауфмана противъ Туркменъ, такъ какъ онъ уже рѣшилъ взять сборъ военной контрибуціи въ свои руки.

Онъ издалъ прокламацію въ которой предписывалось Іомудамъ уплатить въ теченіи двухъ недѣль 300.000 рублей. Въ отвѣтъ на это они прислали нѣсколько депутацій съ обѣщаніемъ уплаты, но съ просьбою назначить большій срокъ, указывая на невозможность собрать такую значительную сумму въ такое короткое время. Но генераль Кауфманъ рѣшилъ настаивать на немедленной уплатѣ и сдѣлалъ приготовленія для вступленія въ ихъ страну.

II. Огнемъ и мечомъ.

Іомуды, противъ которыхъ рѣшенъ былъ походъ русскихъ войскъ, самое многочисленное и могущественное племя Туркменовъ. Ихъ насчитывается 11.000 кибитокъ, столько же сколько во всѣхъ остальныхъ племенахъ вмѣстѣ.

7го (19го) іюля, пять недѣль спустя послѣ паденія Хивы, отрядъ подъ командою генераль-майора Головачова, въ составѣ восьми ротъ пѣхоты, восьми сотень казаковъ, при десяти орудіяхъ,—въ числѣ ихъ двѣ картечницы,—съ батареею ракетъ, двинутъ былъ изъ Хивы къ Хазавату, гдѣ начинается земля Іомудовъ.

Путь лежалъ чрезъ сады, подъ развѣсистыми вязами, темная листва которыхъ отражалась въ прозрачныхъ маленькихъ озерахъ. Абрикосовыя деревья все еще блестятъ на солнцѣ своими золотисто-розовыми плодами; маленькія рисовыя поля, все еще зеленые, пріятно разнообразятся желтѣющею пшеницей и ячменемъ, уже скошенными и сложенными въ стоги какъ сѣно, въ ожиданіи молотбы, которая производится ногами лошадей.

Во время нашего похода Узбеки выходятъ толпами на

встрѣчу и предлагаютъ намъ хлѣбъ, плоды и молоко, и изумленными глазами слѣдятъ за грознымъ строемъ артиллерійскихъ орудій, блестящихъ на солнцѣ зловѣщимъ блескомъ и безшумно подвигающихся по пыльной дорогѣ.

Верстахъ въ восьми отъ Хивы путь нашъ пролегаетъ по окраинѣ пустыни, которая въ этомъ мѣстѣ глубоко врѣзывается въ оазисъ. Пески здѣсь такъ часто пересѣкаютъ обработанную землю, подобно морскимъ протокамъ, что Хивинскій оазисъ можно сравнить съ рядомъ маленькихъ острововъ, между коими и окружающею пустыней происходитъ постоянная борьба за господство. Война между пескомъ и плодородною почвой ведется неустанная и нескончаемая. Первый, наносимый свирѣпыми вихрями пустыни, переступаетъ границу и глубоко погребаетъ подъ собой богатую почву съ ея растительностью. Но вода, получая богатые запасы изъ Оксуса, проникаетъ и смачиваетъ песокъ, такъ что самый песокъ становится плодороднымъ; снова появляется растительность, и почва остается любительницей, — чтобы потомъ въ свою очередь быть побѣжденной и засыпанной пескомъ. Борьба эта происходитъ уже цѣлыя столѣтія безъ замѣтнаго успѣха съ той или другой стороны. Впрочемъ въ послѣдніе годы, если судить по тому что въ разныхъ частяхъ пустыни встрѣчаются слѣды прежняго орошенія, песокъ повидимому торжествуетъ; граница между почвой и пескомъ также ясно и рѣзко обозначена какъ между землею и водой.

Въ одиннадцать часовъ отрядъ достигъ Хазаватскаго канала, верстахъ въ двадцати отъ Хивы, и расположился лагеремъ на его берегахъ. Арьергардъ же прибылъ на мѣсто не ранѣе пяти часовъ; причиною такой медленности была узкая мучительная дорога. Каналъ у котораго мы стали лагеремъ служитъ для отвода излишней воды главнаго Хазаватскаго арыка, и оканчивается въ пустынѣ, верстахъ въ полутора ниже мѣста нашей стоянки. Онъ около тридцати футовъ ширины и десять футовъ глубины; прозрачная тихая вода протекаетъ по немъ со скоростью отъ пяти до шести миль въ часъ. Кстати замѣтить что всѣ главные каналы оазиса, получающіе гораздо болѣе воды чѣмъ нужно для орошенія земли, имѣютъ подобные отводы, чрезъ которые огромное количество воды направляется въ пустыню и тамъ теряется чрезъ испареніе. Это доказываетъ что при небольшемъ ста-

раніи оазисъ могъ быть распространенъ гораздо далѣе къ югу; нѣтъ сомнѣнія что при господствѣ здѣсь Русскихъ это и будетъ сдѣлано.

Отрядъ простоялъ здѣсь лагеремъ весь слѣдующій день, въ ожиданіи что Туркмены явятся съ утлатой. Рано утромъ 9го (21го) числа онъ двинулся далѣе. Двухчасовой переходъ привелъ насъ на территорію Юмудовъ. Страна была богата и плодородна, повсюду перерѣзана глубокими каналами, берега коихъ обсажены длинными рядами тополей, небольшія луговины покрыты богатою травой, тамъ и сямъ по нимъ разбросаны чащи кустарниковъ.

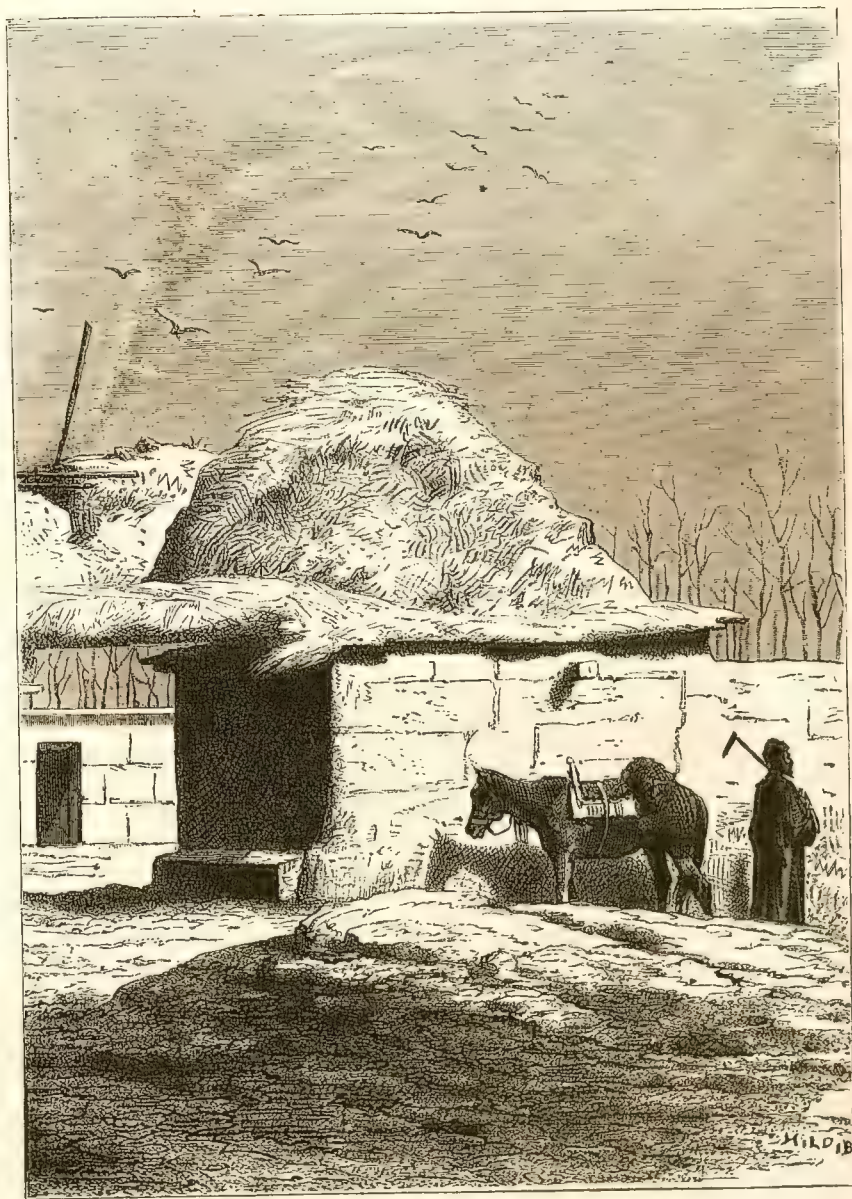
Земледѣліе у этого племени повидимому не такъ развито, какъ у Узбековъ. Здѣсь меньше встрѣчается фруктовыхъ деревьевъ, меньше засѣянныхъ полей, и гораздо болѣе пастбищъ. Населеніе не такъ густо; жилища болѣе грубы. Нигдѣ не видать толстыхъ зубчатыхъ стѣнъ и роскошныхъ вязовъ отличающихъ жилища Узбековъ. Дома здѣсь большею частію низкіе глиняные и конюшни и зимнія помѣщенія сосредоточиваются въ нихъ подъ одною крышею; а въ сторонѣ стоитъ одна или двѣ кибитки, въ которыхъ живутъ лѣтомъ. Короче, все обличаетъ народъ въ переходномъ состояніи между кочевымъ и осѣдымъ образомъ жизни, народъ который еще не привязался настолько къ своему дому чтобы попытаться улучшить его.

Всѣ дома были покинуты жителями. Ни одной вещи изъ мебели не было оставлено въ комнатахъ; хозяйственныя строенія также были пусты; нельзя было встрѣтить ни ребенка ни курицы. Въ нѣкоторыхъ домахъ еще тлѣлся огонь, ясное доказательство что бѣгство жителей произошло очень недавно.

Генераль остановилъ движеніе авангарда, выжидая пока стянется вся армія. Казаки отдѣлились отъ остальнаго отряда и разсыпались во всѣ стороны, въ то время какъ пѣхота продолжала двигаться по дорогѣ. Значеніе этого движенія объяснилось для меня скоро и неожиданно.

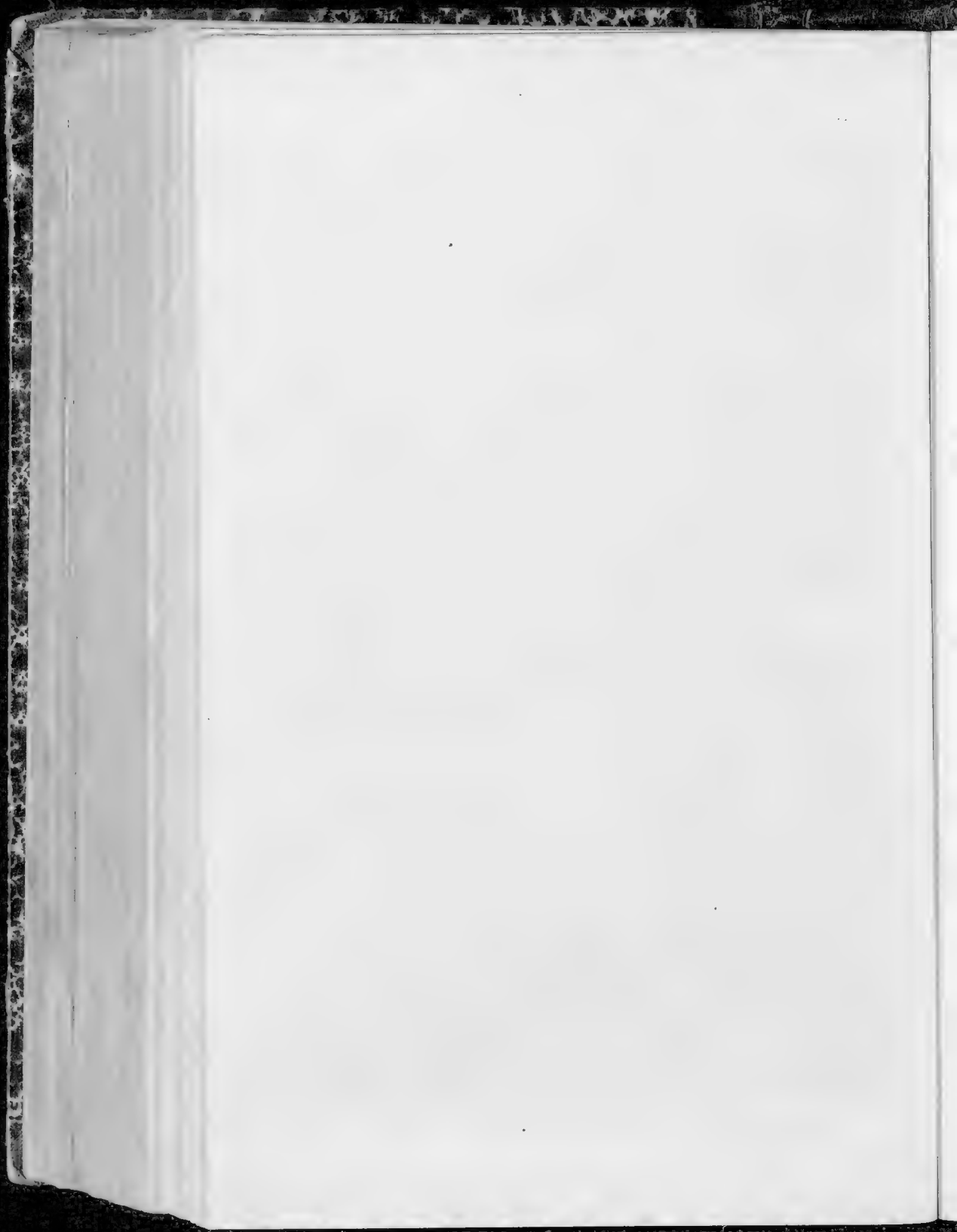
Я стоялъ раздумывая о тишинѣ и пустынности мѣста, какъ вдругъ пораженъ былъ трескомъ раздавшимся позади. Оглянувшись вокругъ я увидѣлъ длинный языкъ пламени вырвавшійся изъ-подъ крыши дома въ который я только-что заглядывалъ, и другой изъ стога невымолоченной пшеницы рядомъ съ домомъ. Сухая соломенная крыша вспыхнула какъ

ТУРКМЕНСКИЙ СКОТНЫЙ ДВОРЬ. (Из рисунка Верещагина.)

порохъ; пшеница почти также скоро была обхвачена пламенемъ. Огромныя клубы густаго чернаго дыма поднимались изъ-за деревьевъ во всѣхъ направленіяхъ и свертывались надъ головами въ черныя зловѣщія облака, освѣщенные яркимъ отблескомъ пламени снизу. Я взѣхалъ на вершину небольшой возвышенности и сталъ смотрѣть вокругъ. Странное, дикое зрѣлище представилось моимъ глазамъ. Въ невѣроятно короткое время пламя и дымъ поднялись надъ горизонтомъ съ обѣихъ сторонъ, и подвигаясь впередъ въ томъ же направленіи какъ шли мы, понемногу застилали всю окрестность. Казаки двигались въ дыму какъ привидѣнія. Съ пылающими головнями въ рукахъ, они быстро передвигались съ мѣста на мѣсто, перескакивая канавы, переносясь черезъ стѣны, какъ настоящіе демоны, и оставляя позади себя слѣды пламени и дыму. Они рѣдко слѣшивались, но просто подѣзжали къ домамъ, прикладывали горѣвшія головни къ соломеннымъ крышамъ или стогамъ невымолоченной пшеницы, и неслись прочь. Пять минутъ спустя, волны клочущаго пламени и облака чернѣющаго дыма свидѣтельствовали какъ успѣшно они дѣлали свое дѣло. Вся страна была въ огнѣ.

Черезъ полчаса скрылось солнце, небо омрачилось, и, какъ будто такое множество вспыхивающихъ огней произвело какое-то измѣненіе въ атмосферѣ, пошелъ дождь, явленіе почти неизвѣстное въ Хивѣ, и прибавилъ еще новую печальную черту къ этой и безъ того печальной картинѣ. Дождь былъ рѣдкій и мелкій, онъ не имѣлъ силы потушить огня, и только сбивалъ пепелъ и дѣлалъ горѣніе ярче, онъ не давалъ дыму подниматься вверхъ, и дымъ темными сплошными массами висѣлъ надъ деревьями, омрачая воздухъ и составляя темный фонъ картины кроваваго пламени. Это была война какой я никогда не видалъ до сихъ поръ и какую рѣдко можно видѣть въ наши дни.

Это былъ грустный видъ, ужасное зрѣлище войны въ ея разрушительной работѣ, странно сочетавшейся съ этою страшною, дикою страной.

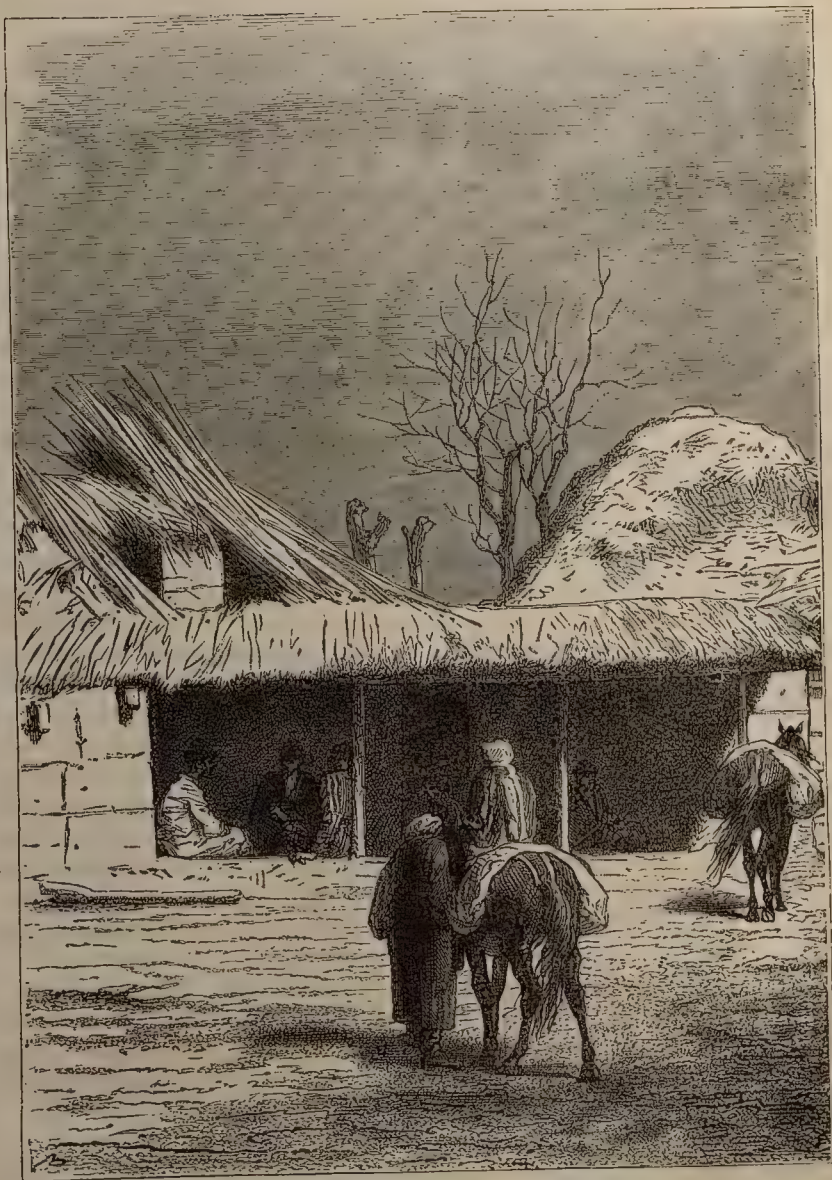
Мы медленно подвигались вдоль узкой извилистой дороги, сопровождаемые съ обѣихъ сторонъ дымомъ и пламенемъ. Такъ шли до полудня, когда авангардъ донесъ что бѣгущіе жители находятся въ виду. Отрядъ всадниковъ остановился для переговоровъ съ авангардомъ. На вопросъ чего

они желаютъ, они отвѣчали что желали бы знать зачѣмъ Русскіе вторглись въ ихъ страну. Они никогда не вели войны съ Русскими; зачѣмъ же Русскіе идутъ противъ нихъ войною?

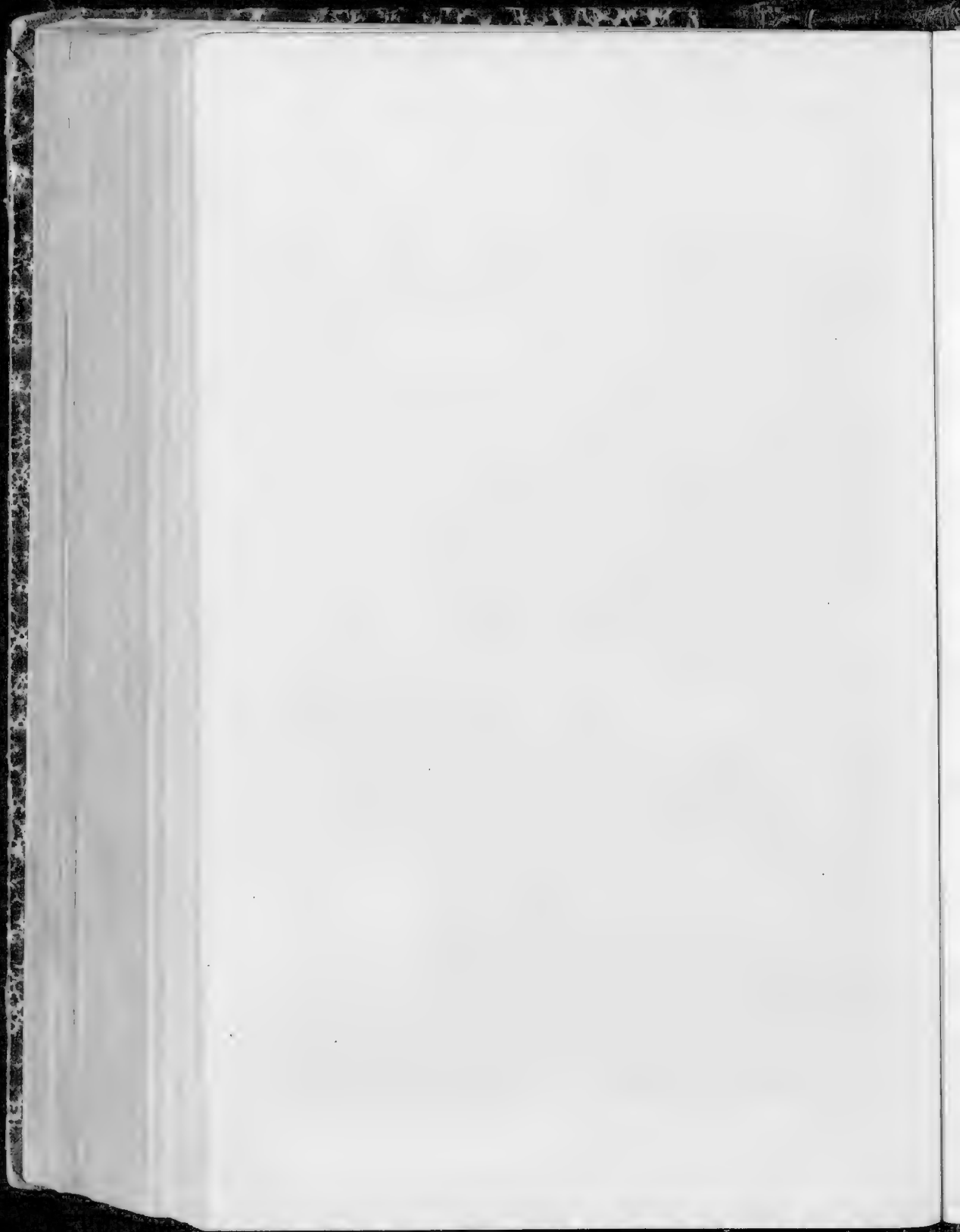
Передовой отрядъ пригласилъ ихъ отправиться къ генералу Головачову, который выслушаетъ ихъ жалобы; но они отказались отъ этого предложенія, разразившись потокомъ угрозъ. „Насъ не одна тысяча,“ говорили они, „и если Русскіе вторглись въ нашу страну, жестоко будетъ ихъ наказаніе!“ По словамъ ихъ они рѣшились сражаться. Такъ какъ именно этого и желали Русскіе, то нечего было больше говорить, и всадники усакали чтобы присоединиться къ своимъ бѣгущимъ товарищамъ.

Русская кавалерія такъ и рвалась въ атаку. Нѣсколько разъ офицеръ командовавшій авангардомъ посылалъ назадъ просить разрѣшенія начать нападеніе. Генералъ Головачовъ, однако, долго колебался прежде чѣмъ далъ приказъ. Въ числѣ бѣгущихъ Туркменъ было много женщинъ и дѣтей и я думаю что онъ великодушно помышлялъ о ихъ участи.

Наконецъ получило извѣстіе что Туркмены сворачиваютъ въ пустыню, гдѣ преслѣдованіе становилось невозможнымъ; и если имѣлось въ виду нападеніе, то оно должно было быть произведено немедленно. Казакамъ данъ былъ приказъ преслѣдовать бѣглецовъ. Какъ только я услышалъ объ этомъ, я поскакалъ впередъ къ головѣ колонны. Войска были какъ разъ на краю пустыни, выстроенныя въ двѣ линіи, каждая сотня съ своимъ значкомъ, развѣвающимся по вѣтру; люди и лошади одинаково рвались въ битву. Въ разстояніи около трехъ верстъ къ югу, исчезая за гребнемъ длинной, высокой песчаной возвышенности, видны были бѣгущіе Туркмены, сплошная масса мужчинъ, жейщинъ, дѣтей, лошадей, верблюдовъ, овецъ, козъ и рогатаго скота, въ которой ничего нельзя было различить и которая стремилась впередъ въ дикомъ ужасѣ и безпорядкѣ. Ихъ было всего тысячи двѣ или три; это были только отсталые отъ главныхъ силъ, ушедшихъ уже на нѣсколько миль впередъ. Минуты черезъ двѣ или три они скрываются за вершиною холма и исчезаютъ изъ вида.

ТУРКМЕНСКИЙ СКОТНЫЙ ДВОРЪ. (Съ Рисунка Верещагина.)

III. Рѣзня.

Шесть сотенъ казаковъ были назначены для преслѣдованія непріятеля. Пробѣжая по фронту, я увидѣлъ Князя Евгенія Максимиліановича, который помѣстилъ меня въ одинъ изъ своихъ эскадроновъ, какъ въ хорошій пунктъ для наблюденій.

Приказъ двинуться пробѣжалъ по линіи, и черезъ минуту мы мчимся въ галопъ по пустынѣ. Черезъ десять минутъ мы уже на вершинѣ холма за которымъ бѣжавшіе скрылись у насъ изъ виду; мы видимъ ихъ въ разстояніи версты или двухъ далѣе, переваливающихъ черезъ другое возвышеніе. Они не представляютъ болѣе сплошной массы. Овцы и козы разбѣжались безъ призора по всѣмъ направленіямъ; повсюду попадаются вещи оставленныя при спѣшности бѣгства; выюки сброшенные съ верблюдовъ, телѣги изъ которыхъ лошади были выпряжены; наконецъ толпы отсталыхъ, отдѣлившихся отъ своихъ и попадающихъ въ руки враговъ.

При спускѣ съ возвышенности лошади наши вязнутъ по колѣна въ сыпучемъ пескѣ; потому мы несемся далѣе по пустынѣ подобно урагану.

Затѣмъ слышны вопли и крики, раскаты залпа изъ ружей, линія наша разорвана встрѣтивъ покинутыя телѣги, и движеніе замедляется толпами овецъ и скота которые мечутся по равнинѣ. Все это представляетъ видъ дикаго смѣшенія. Я останавливаюсь на минуту чтобъ оглядѣться кругомъ. Вотъ Туркмень лежитъ въ пескѣ, съ головой пробитою пулей; немного далѣе казакъ свалился на землю съ ужасною сабельною раной на лицѣ; тамъ двѣ женщины съ тремя или четырьмя дѣтьми, сидятъ на пескѣ, жалобно плача и рыдая и моля о пощаду; я кричу имъ на скаку: „аманъ, аманъ“, миръ, миръ, чтобы разсѣять ихъ страхъ. Еще далѣе цѣлая куча арбъ и телѣгъ, ковровъ и одѣялъ, перемѣшанныхъ съ мѣшками наполненными зерномъ, огромными узлами и выюками, кухонною посудой и всякимъ домашнимъ добромъ.

Потомъ еще нѣсколько женщинъ съ трудомъ подвигающихся впередъ таща ребятъ и горько плача; между ними одна очень толстая старуха едва передвигающая ноги тащить

на рукахъ ребенка, вѣроятно своего внука. Дальше верблюды, овцы, козы, ослы, коровы, телята, собаки, каждое животное по-своему дополняетъ картину общаго ужаса.

Сначала я былъ пораженъ множествомъ Туркменъ лежащихъ недвижно на землѣ. Я не могу удержаться отъ мысли что если все это убитые, то нѣтъ на свѣтѣ болѣе мѣткихъ стрѣлковъ чѣмъ казаки. Однакоже немного спустя тайна разъясняется, я замѣчаю какъ одинъ изъ убитыхъ повидимому Туркменъ осторожно приподнимаетъ голову и тотчасъ же снова принимаетъ прежнее неподвижное положеніе. Многие изъ нихъ только притворились мертвыми, и счастье для нихъ что казаки не открыли обмана.

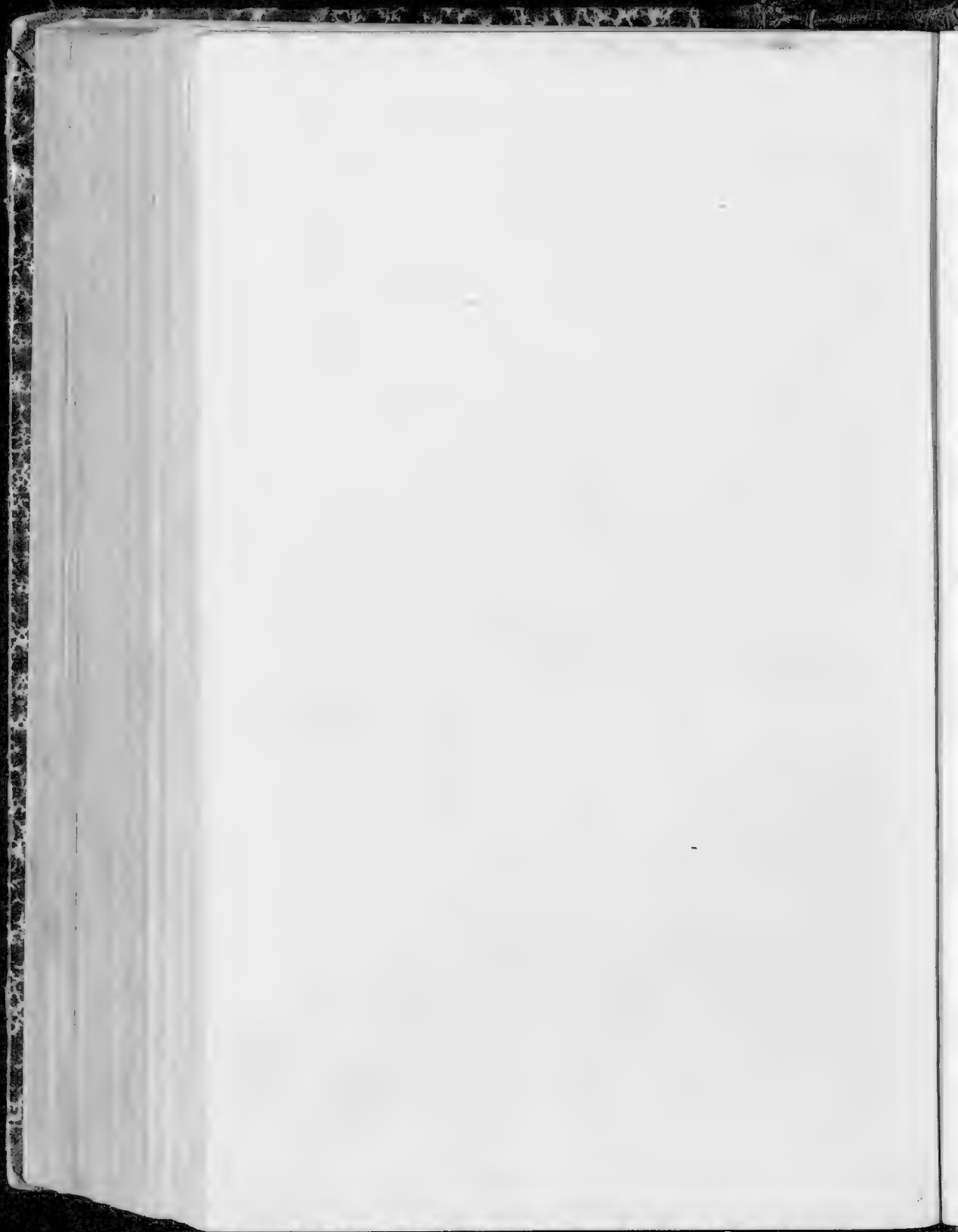
Промедливъ нѣсколько наблюдая эти сцены, я замѣчаю что остался позади и снова поспѣшаю впередъ. Перебравшись чрезъ возвышенность я вижу что моя сотня мчится по краю узкаго болота, стрѣлая по Туркменамъ, которые уже на другой сторонѣ поспѣшно взбираются на другое отлогое возвышеніе. Я спускаюсь къ болоту, встрѣтивъ по пути два или три мертвыя тѣла. Въ болотѣ двадцать или тридцать женщинъ и дѣтей, по шею въ водѣ; ищутъ укрыться въ травѣ и камышахъ, умоляютъ о пощадѣ и волятъ самымъ жалобнымъ образомъ. Казаки уже проскакали, не обративъ на нихъ вниманія. Однако одинъ, отвратительно грубый на видъ, отдѣлился отъ своихъ, поднявъ ружье, прицѣлился въ плачущую группу, и прежде чѣмъ я успѣлъ остановить его, спустилъ курокъ. Къ счастью ружье осѣклось; не успѣвъ онъ надѣть другой пистонъ какъ я подскочилъ и пригрозивъ ему нагайкой велѣвъ возвратиться къ своей сотнѣ. Онъ немедленно и безропотно повиновался; закричавъ несчастнымъ сидѣвшимъ въ водѣ *аланг!* я послѣдовалъ за нимъ.

Нѣсколько сажень далѣе четыре казака окружили Туркмена. Ударъ за ударомъ падаютъ на его голову. Онъ валится ничкомъ въ воду со страшною раной на шеѣ, и казаки скачутъ прочь. Минуту спустя встрѣчаю я женщину сидящую у воды, тихо плачущую надъ мертвымъ тѣломъ мужа. Вдругъ моя лошадь дѣлаетъ скачокъ, отъ котораго я едва не вылетѣлъ изъ сѣдла; слухъ мой пораженъ рѣзкимъ, пронзительнымъ, порывистымъ трескомъ; оглядываюсь и вижу огненная полоса пропеслась по небу и разсыпалась среди непріятелей. Это не болѣе какъ ракета, но за ней слѣдуетъ другая, еще и еще, и смѣшиваясь съ во-

КАВАЛЕРИЙСКАЯ АТАКА. (Съ рисунка Верещагина изъ Лондонской
Иллюстраціи.)

племѣ женщинъ и дѣтей, топотомъ казацкихъ лошадей, блеяніемъ овецъ и козъ, ревомъ животныхъ которыя дико мечутся по равнинѣ, все это представляетъ цѣлый адъ ужасовъ. Такъ продолжается нѣсколько минутъ.

Туркмены постепенно исчезаютъ за другимъ возвышеніемъ, одни въ одномъ, другіе въ другомъ направленіи; у насъ труба даетъ сигналъ къ сбору. По мѣрѣ того какъ мы стягиваемся я напрасно смотрю по сторонамъ чтобъ увидать женщинъ и дѣтей которыхъ раньше видѣлъ въ водѣ. Всѣ они пещезли; и такъ какъ ихъ не видать нигдѣ поблизости, то я начинаю бояться что испуганныя ракетами онѣ побросались въ воду и перетонули. Это тѣмъ болѣе прискорбно что, за исключеніемъ случая о которомъ я упомянулъ, наши войска не тревожили женщинъ и дѣтей. Я даже видѣлъ какъ одинъ молодой казацкій офицеръ наказалъ фухтелемъ одного изъ своихъ людей за попытку убить женщину.

Когда всѣ собрались, стали подбирать раненыхъ, и докторъ оказывали немедленную помощь всѣмъ кого находили. Мальчикъ лѣтъ тринадцати или четырнадцати былъ опасно раненъ сабельнымъ ударомъ въ голову. При немъ была его мать убитая горемъ; пока докторъ дѣлалъ перевязку она не спускала съ него дикихъ, жадныхъ взоровъ. Для ея первобытныхъ понятій было съ трудомъ вѣроятно что тѣ же самые люди которые прежде хотѣли убить ея сына, теперь стараются его вылѣчить. Когда рана была тщательно перевязана и докторъ увѣрилъ ее что сынъ ея будетъ жить, она схватила его руку и принялась цѣловать обливаясь благодарными слезами.

Мы дали небольшой отдыхъ лошадямъ; потомъ нѣсколько казаковъ было послано чтобъ отвести захваченный скотъ и овецъ, около двухъ тысячъ головъ, и мы потянулись къ лагерю. Много разъ мы оглядывались назадъ, гдѣ среди странной пустыни было зрѣлище отъ котораго мы съ трудомъ могли оторвать взоры. Это была мать которая съ своею дочерью сидѣла надъ раненымъ сыномъ. Вокругъ нея лежали жалкіе остатки ея земнаго богатства; можетъ-статься невдалекѣ было мертвое тѣло ея мужа; вдали исчезали пораженный толпы ея племени. Она стояла воллощенной картиной бѣдствія и отчаянія.

IV. Картина войны.

На слѣдующее утро мы продолжали свой путь сожигая и истребляя все на пути. Мы оставляли позади себя обнаженную полосу, около трехъ миль шириною, гдѣ были однѣ только груды тлѣющаго пепла. Желая посмотрѣть поближе какъ производилась операція сожиганія, я лоѣхалъ вмѣстѣ съ отрядомъ который получилъ приказаніе жечь все на правой сторонѣ пути. Дѣло было разумѣется отталкивающее, тѣмъ не менѣе въ немъ было что-то возбуждающее и интересное, что-то льстящее духу разрушенія, который вѣроятно въ скрытомъ состояніи существуетъ во всякомъ даже самомъ мирномъ и цивилизованномъ человѣкѣ.

Мы скакали туда и сюда, перепрыгивая черезъ канавы и стѣны, пробираясь чрезъ изгороди и выламывая ворота, знаменуя наше поступательное движеніе столбами дыма и яростнымъ пламенемъ.

Тишина жилищъ которая мы такимъ образомъ истребляли представляла рѣзкій контрастъ съ суматохой и насиліемъ нашихъ дѣйствій. Во всѣхъ домахъ царствовало полнѣйшее молчаніе. Во многихъ мы могли еще встрѣтить слѣды мирной повседневной жизни ихъ обитателей, отпечатки маленькихъ дѣтскихъ ногъ, остатки женскихъ домашнихъ работъ, простые снаряды которыми онѣ пользовались при своихъ занятіяхъ.

Они жили здѣсь въ спокойномъ довольствѣ — потому что если и принимали участіе въ войнахъ, то это было далеко, на русской и персидской границѣ, — жили въ своемъ маленькомъ оазисѣ окруженномъ обширною пустыней, настолько разобщенные со внѣшнимъ міромъ какъ какой-нибудь еще не открытый островокъ въ южной части Тихаго Океана. Но факель коснулся ихъ жилищъ, и они узнали, слишкомъ дорогою цѣной, объ этомъ великомъ внѣшнемъ мірѣ.

Мы рѣдко находили что-нибудь въ домахъ. Немного кухонной посуды, иногда нѣсколько цыплятъ, которыхъ тотчасъ же ловили казаки, старую лошадь или молодого теленка, которые не въ силахъ были слѣдовать за послѣднимъ бѣгствомъ; часто можно было встрѣтить кошку мирно си-

дѣющую на стѣнѣ или на крышѣ, умывающуюся лалкой и съ любопытствомъ смотрящую на происходившее вокругъ, пока жгучее пламя не сгоняло ее прочь. По временамъ, но рѣдко, мы находили собаку, которая была оставлена, или же съ кошачьимъ инстинктомъ отказалась сама оставить домъ; при нашемъ приближеніи она бросалась прочь съ отчаяннымъ лаемъ. Разъ я былъ пораженъ страшнымъ визгомъ нѣсколькихъ щенятъ неожиданно очутившихся среди непроходимаго пламени.

Мы завтракали около десяти часовъ жареными циплятами, во фруктовомъ саду примыкавшемъ къ дому который былъ подожженъ нами. Такъ какъ пѣхота осталась далеко позади и стало-быть намъ не зачѣмъ было торопиться, то мы растянулись на травѣ подъ деревьями, и нѣкоторые заснули, другіе наблюдали пламя, огненное дыханіе котораго поджигало и корчило деревья и иногда почти достигало до насъ горячими; сердитыми вслышками. Тяжелый черныи дымъ висѣлъ густыми столбами и садился на деревья, скрывая до половины казаковъ, которые весело заваривали свой чай, и лошадей, роскошно лакомящихся богатою туркменскою пшеницей. Надо всемъ этимъ воздымалось русское знамя, неясно различаемое сквозь дымъ, лѣниво развѣвавшееся и казавшееся какимъ-то громаднымъ коршуномъ лающимъ надъ этою сценой разрушенія.

Мы стали лагеремъ около двухъ часовъ пополудни, отойдя около двадцати верстъ отъ послѣдняго мѣста стоянки, и провели остатокъ дня въ разстояніи шестидесяти верстъ отъ Хивы.

Движеніе слѣдующаго дня было подобно предыдущему: мы продолжаемъ истребленіе огнемъ, прилагая горяція головни ко всему что только можетъ горѣть, и оставляя за собою чернѣющую пустыню. Къ полудню мы достигли равнины Кизиль-Текирь. Это голая, открытая, песчаная пустыня, и на ней на протяженіи нѣсколькихъ верстъ только двѣ хозяйственныя постройки. Впрочемъ во всѣхъ направленіяхъ она перерѣзана каналами, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ есть еще вода, что доказываетъ что мѣсто это когда-то было прекрасно обработано. Но какая-нибудь война подобная настоящей вѣроятно превратила прежніе фруктовые сады въ эту безпріютную обнаженную пустыню. Это мѣсто гдѣ Маркозовъ долженъ

былъ впервые вступитъ въ оазисъ послѣ перехода Туркменскою степью. Около полудня мы стали лагеремъ на равнинѣ близъ дома съ садомъ, который повидимому былъ уже давно покинутъ обитателями.

Жара въ это время стала невыносима, такъ что оказалось необходимо сдѣлать дневку, чтобы дать отдыхъ войскамъ. Я вскорѣ узналъ что въ это утро былъ взятъ въ плѣнъ одинъ туркменскій мальчикъ. Не вѣдая объ ужасахъ происходившихъ вокругъ, бѣдный малый, когда его нашли, спалъ глубокимъ сномъ въ тѣни дерева близъ дома; ему было лѣтъ двѣнадцать, но черты его были удивительно грубы для ребенка, голова очень большая, съ сильно выдавшимися скулами, съ короткимъ вздернутымъ носомъ, желтою кожей, и большими черными глазами, сердитыми и блестящими. Онъ говорилъ что у него нѣтъ ни отца ни матери. Дядя его, у котораго онъ жилъ, убѣжалъ, оставивъ его спящимъ. Но ребенокъ, какъ мы узнали послѣ, былъ оставленъ безъ намѣренія; такъ какъ дядя его, узнавъ по окончаніи похода что мальчикъ находится у Русскихъ, пришелъ за нимъ и просилъ отдать его, выражая величайшую радость при свиданіи съ нимъ. Мальчикъ сопровождалъ насъ во время похода и сдѣлался любимцемъ солдатъ, которые снабдили его новою парой плаща, изъ числа вещей взятыхъ у его соотечественниковъ, дали ему осла для ѣзды и учили говорить по-русски.

Я воспользовался этою остановкой чтобы посѣтить развалины крѣпости Имукчира, близъ которыхъ мы стояли лагеремъ. Онѣ занимаютъ пространство около четырехъ акровъ, и стѣны, доходившія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до тридцати футовъ вышины, довольно хорошо еще сохранились; построены онѣ были не изъ сырого, но изъ превосходнаго обожженнаго кирпича, блѣдно-краснаго цвѣта, шести дюймовъ въ квадратъ и полтора дюйма толщины; все это показываетъ что крѣпость не хивинской постройки. Время построенія ея можно отнести ко временамъ китайскаго или персидскаго владычества. Пока мы стояли здѣсь, мимо насъ прослѣдовали Юмуды, бывшіе въ заключеніи въ Хивѣ по распоряженію главнокомандующаго и направлявшіеся къ мѣсту гдѣ могли встрѣтить своихъ бѣжавшихъ соплеменниковъ. Они были

освобождены съ порученіемъ убѣдить своихъ соплеменниковъ подчиниться требованіямъ Русскихъ и уплатить военныя издержки. Судя по тому что произошло дальше, старанія ихъ, если только они прилагали старанія, остались безуспѣшны.

Утромъ 12го (24го) числа мы опять двинулись въ походъ. Въ этотъ день однако мы ничего не жгли, потому что находились въ пересѣкавшей оазисъ песчаной полосѣ, гдѣ нечего было жечь. За это время мы уже прошли всю землю Юмудовъ и опустошили страну на протяженіи около 150 квадратныхъ верстѣ. Теперь мы приближались къ мѣстности обитаемой Узбеками, которые были намъ дружественны. На дорогѣ мы нашли Персіянина котораго Юмуды оставили умирать въ лескахъ. На немъ было не меньше пятнадцати или двадцати сабельныхъ ранъ. Раны были перевязаны нашимъ докторомъ и онъ былъ помѣщенъ въ лазаретъ, но никто не надѣялся что онъ останется въ живыхъ, хотя кажется въ послѣдствіи онъ неожиданно поправился.

Въ десять часовъ мы опять видимъ сады и зеленѣющія деревья, и къ одиннадцати располагаемся въ тѣни ихъ лагеремъ, на самомъ краю пустыни, верстахъ въ трехъ разстояніи отъ города Ильялы. Пока мы разбиваемъ свои палатки слышится радостный крикъ: „базаръ!“ Всякій оставляетъ свою работу и спѣшитъ на указанное мѣсто. Нетерпѣніе наше понятно, потому что уже много дней мы не имѣли ни свѣжаго хлѣба, ни плодовъ, ни молока, ни мяса; а на базарѣ, какъ намъ было извѣстно, мы могли раздобыться всею этими предметами роскоши.

Я долженъ пояснить что слово *базаръ* прилагается ко всякому мѣсту, большому или малому, богатому или бѣдному, гдѣ что-нибудь продается. Хотя бы весь товаръ состоялъ изъ одной телѣги съ дынями или изъ одного мѣшка хлѣба, тѣмъ не менѣе употребляется это звучное слово. На нашемъ базарѣ мы нашли пять или шесть телѣгъ наполненныхъ дынями, горячими пшеничными лепешками и кринками молока. Нужно ли говорить что мы разобрали весь запасъ этихъ лакомыхъ вещей? На этомъ мѣстѣ жило человѣкъ двадцать Узбековъ, которые, какъ я уже имѣлъ случай нерѣдко упоминать прежде, въ теченіи всей экспедиціи доставляли пищу и питье для утоленія голода и жажды русскихъ войскъ.

Мы разбили свои палатки въ тѣни яблонь и тополей, разстелили свои ковры на травѣ и вскорѣ наши чайники зашѣли свои привѣтныя лѣсны. Пріятна тѣнь и прохлада деревьевъ послѣ жары; пріятна послѣ поста эта усладительная пища; пріятно послѣ долгаго перехода растянуться на травѣ! Мы отдаемся настроенію минуты, переговариваемся лишь лѣнивыми полусловами, и вскорѣ „усталыя вѣки смежаютъ усталыя очи“.

Вдругъ неожиданно трубятъ тревогу: случилось извѣстіе что Туркмены приближаются черезъ пустыню. Мы немедленно вскакиваемъ съ земли, послѣшно одѣваемся, хватаемъ револьверы, и взбираемся на тѣлѣги или другія возвышенныя мѣста чтобы видѣть приближеніе непріятеля.

У. С т ы ч к а.

Туркмены послѣшно приближались нестройными массами по пустынѣ, всѣ верхомъ, но повидимому имѣя въ виду скорѣе рекогносцировку нежели нападеніе.

Чтобы сдѣлать понятнымъ слѣдующее я долженъ напомнить что мы стояли лагеремъ между пустынею и садами, въ сторонѣ отъ дороги по которой пришли. Здѣсь дорога входила въ сады и продолжая идти садами до города Ильялы, въ трехъ верстахъ разстоянія, была совершенно скрыта деревьями и стѣнами. Къ югу и западу тянулася пустыня, далеко разстилаясь широкою, слегка волнистою плоскостію, поросшею мелкою сорною травой.

Туркмены приближались со стороны пустыни. Двѣ роты лѣхоты были уже посланы имъ на встрѣчу и кавалеріи отданъ былъ приказъ готовиться къ дѣлу. Генералъ Головачевъ съ своимъ штабомъ выѣхалъ изъ лагеря на небольшое возвышеніе, съ котораго можно было слѣдить за ходомъ дѣла.

Я сѣлъ на лошадь и поѣхалъ къ передовому отряду, который подвигался въ разстояніи около версты впереди лагеря. Я догналъ ихъ когда они тянулись вдоль высохшаго канала: правымъ крыломъ командовалъ полковникъ Дрешеръ, лѣвымъ полковникъ Новомлинскій. Туркмены были въ разстояніи около версты въ значительномъ числѣ; они скакали взадъ и вле-

редѣ по равнинѣ, но не обнаруживали расположенія подѣзжать ближе. Застрѣльщики тамъ и сямъ стрѣляли по временамъ, иногда раздавался раскатъ выстрѣла картечницы, но повидимому эти выстрѣлы не причиняли большого вреда.

Такъ продолжалось нѣсколько минутъ, когда оглянувшись въ сторону лагеря, я увидѣлъ поднимающееся надъ деревьями и приближающееся вдоль дороги отъ Ильялы густое облако пыли, очевидно поднятое толпою всадниковъ приближавшихся въ галопѣ.

Это было нападеніе на лагерь съ другой стороны, и оно угрожало опасностью, такъ какъ всѣ, офицеры и солдаты, собрались въ сторонѣ ближайшей къ равнинѣ, наблюдая дѣйствія нашей передовой линіи стрѣлковъ; кромѣ того нападающіе были скрыты деревьями и стѣнами.

Казалось никто въ лагерь не вѣдалъ о ихъ приближеніи, и одну минуту можно было опасаться что Русскіе будутъ захвачены врасплохъ, благодаря самой простой и немудреной военной хитрости. Теперь стала понятна причина появленія непріятелей на равнинѣ и ихъ повидимому безцѣльное скаканье взадъ и впередъ.

Я повернулъ лошадей чтобы дать знать о приближеніи непріятеля когда увидѣлъ что полковникъ Новомлинскій замѣтилъ его почти въ то же время и поворотилъ своихъ людей чтобы дать отпоръ нападенію. Черезъ минутку солдаты бѣжали бѣгомъ въ направленіи Ильяльской дороги.

Тѣмъ временемъ Туркмены показались изъ-за деревьевъ и мы неявно могли различать ихъ темныя фигуры среди пыли и кустовъ, въ разстояніи около ста сажень отъ лагеря.

Еслибы непріятель продолжалъ смѣло двигаться впередъ, онъ несомнѣнно могъ имѣть хотя минутный перевѣсъ надъ Русскими, которые, собравшись въ другой сторонѣ лагеря и наблюдая за происходившимъ въ равнинѣ, ни мало не подозрѣвали объ опасности имъ угрожавшей. Въмѣсто того однакоже, Туркмены остановились и начали угонять лошадей и верблюдовъ бродившихъ вблизи лагеря. Это дало время поднять тревогу. Русскіе бросились къ оружію, солдаты сомкнулись въ ряды и изготовились къ битвѣ почти безъ помощи офицеровъ.

Между тѣмъ полковникъ Новомлинскій приблизился на разстояніе ста сажень отъ дороги, зайдя во флангъ Туркменамъ. Онъ скомандовалъ полуоборотъ, затѣмъ быстро послѣдовала

команда: „фсай“, „клатс“, „пм!“ Рѣзкій звукъ пронизалъ воздухъ и рой штуцерныхъ пуль полетѣлъ черезъ небольшое поле отдѣлявшее насъ отъ Туркменъ. Затѣмъ послѣдовали быстро одинъ за другимъ три новые залпа изъ американскихъ винтовокъ. Туркмены не выдержали такого сильного и мѣткого огня; повернувъ лошадей они поскакали назадъ съ такою же послѣдностью съ какою приближались къ лагерю. Я видѣлъ какъ нѣкоторые изъ нихъ падали, видѣлъ какъ ихъ товарищи останавливались и подбирали ихъ, несмотря на убійственный огонь съ нашей стороны.

Еслибъ они рѣшились пробиться черезъ лагерь — что было бы вовсе не трудно — они избѣжали бы убійственного огня во флангъ и соединились бы со своими, которые, какъ мы вскорѣ узнали, сдѣлали диверсію къ югу.

На югѣ, не болѣе какъ въ ста саженяхъ отъ лагеря, стоялъ пикетъ изъ пяти человѣкъ. Пока происходили только что описанныя событія, между этимъ пикетомъ и толпою Туркменъ завязалось непродолжительное но отчаянное дѣло. Какъ это случилось, осталось неизвѣстнымъ. Молодой офицеръ, поручикъ Каменецкій, повѣрявшій караулы, прибылъ къ этому пикету въ то время когда началась битва на другой сторонѣ, и вѣроятно они такъ пристально смотрѣли на происходившее въ другомъ концѣ лагеря что допустили захватить себя врасплохъ. Когда битва на нашей сторонѣ кончилась, на мѣстѣ гдѣ стоялъ пикетъ найдено было шесть мертвыхъ тѣлъ, обнаженныхъ и обезглавленныхъ. То обстоятельство что это произошло въ разстояніи ста саженъ отъ лагеря и не было никѣмъ замѣчено, свидѣлствуетъ объ некусствѣ и смѣлости Туркменъ.

Между тѣмъ четыре или пять сотенъ казаковъ двинуты были въ равнину гдѣ въ началѣ появился непріятель, съ порученіемъ убѣдиться расположенъ ли онъ дать сраженіе. Желая по возможности ближе видѣть этотъ своеобразный способъ веденія войны, я послѣдовалъ за ними и вскорѣ опять очутился между сражающимися.

Сцена представившаяся моимъ глазамъ была нѣсколько забавна и очень живописна.

Туркмены скачутъ вокругъ въ значительномъ числѣ, съ крикомъ и гиканьемъ, но не обнаруживаютъ расположенія сдѣлать съ нашими войсками, а ихъ великолѣпные кони дѣлаютъ для насъ невозможнымъ подойти къ нимъ бли-

же чѣмъ они находятъ для себя удобнымъ. По временамъ мы стрѣляемъ по нимъ, нарочно доставляемъ имъ случаи для нападеніи, разсыпаясь въ безпорядкѣ, и крича имъ чтобы они приближались; но они отказываются.

Все это имѣетъ видъ забавы, которая насъ много потѣшаетъ. Наѣздническое искусство обнаруживаемое Туркменами поистинѣ удивительно; и мы замѣчаемъ что у нихъ нѣтъ недостатка въ личной храбрости. Будь у нихъ дисциплина, изъ нихъ вышла бы самая грозная кавалерія.

Они обнаруживаютъ также наклонности стараго рыцарства и вызываютъ насъ на единоборство. Подскакиваютъ къ намъ по одному, по двое, по трое, сажень на двадцать, салютуютъ намъ своими кривыми саблями, дѣлая въ то же время какія-то замѣчанія на невѣдомомъ языкѣ—можетъ-быть касающіяся лично каждого изъ насъ.

Нѣкоторые изъ нашихъ Кавказцевъ такъ и рвутся ломаться съ ними, и еслибъ не осторожность нашего полковника, мы могли бы имѣть цѣлый рядъ великолѣпныхъ турнировъ, которые вѣроятно окончились бы общею рукопашною схваткой. Судя по тому что я видѣлъ въ послѣдствіи, я теперь расположенъ думать что для насъ было лучше что дѣло не кончилось такимъ образомъ.

Одинъ молодецъ, на великолѣпномъ ворономъ конѣ, подѣзжаетъ къ намъ сажень на двадцать и остановившись салютуетъ намъ граціознымъ движеніемъ своей сабли. Казаки начинаютъ стрѣлять по немъ. Ни мало не испугавшись, онъ пускаетъ свою лошадь въ легкій галопъ и проѣзжаетъ вдоль всей нашей линіи, въ то время какъ каждый изъ казаковъ разряжаетъ по немъ свое ружье. Мы видимъ какъ пули взрываютъ песокъ, иногда подъ самыми ногами его лошади; но онъ остается невредимъ, и возвращается къ своимъ, очевидно съ одинаковымъ презрѣніемъ къ нашей мѣткости въ стрѣльбѣ и къ нашей храбрости.

— Не хотите ли принять участіе въ атакѣ? слышу я обращенный ко мнѣ вопросъ.

— Съ удовольствіемъ.

— Я съ сотней казаковъ хочу атаковать ту толпу которую вы видите тамъ справа. Подтяните подпругу и будьте готовы.

Мы вытянулись въ линію—сто человѣкъ, съ обнаженными саблями. Туркмены находятся въ разстояніи ста пятидесяти

сажень, столпившись въ нестройную массу въ которой человекъ 300 или 400.

— Готово?—Въ атаку! раздается команда и мы несемся на нихъ подобно лавинѣ. Взвилося облако пыли, раздался топъ лошадей, звякнули шпоры, блеснули сабли, и мы уже на мѣстѣ.

Но Туркменъ тамъ нѣтъ.

Мы видимъ ихъ сажень на полтора ста дальше; они подвигаются легкимъ галопомъ, повидимому ни мало не спѣша и очевидно не допуская мысли что мы можемъ ихъ настигнуть. Мы продолжаемъ скакать далѣе, но также безуспѣшно. Это можетъ привести въ отчаяніе. Съ такимъ же успѣхомъ мы могли бы идти въ атаку на стаю дикихъ гусей; и мы оставляемъ наше намѣреніе.

Послѣ нѣсколькихъ стычекъ, безъ большой потери съ обѣихъ сто нъ, мы возвращаемся въ лагерь. Но Тумуды немедленно поворачиваются и слѣдуютъ за нами съ насмѣшливыми криками, давая намъ понять что считаютъ насъ величайшими изъ трусовъ.

Мы возвращаемся однако въ лагерь мало обращая на нихъ вниманія, за исключеніемъ одного залпа изъ ружей когда они подошли уже слишкомъ близко. Они продолжаютъ слѣдовать за нами и не доходя около полуверсты до лагерь удаляются. На возвратномъ пути мы находимъ два тѣла Туркменъ убитыхъ нашими застрѣльщиками; одному пуля пробила голову, другому попала въ грудь. Я думаю что эти двое Туркменъ были единственными убитыми оставленными на полѣ, хотя они должны были потерять не мало убитыхъ стрѣлками полковника Новоманскаго.

Потеря Русскихъ состояла всего изъ шести человекъ.

Жара днемъ была необычайная, и мы были рады, возвращаясь въ лагерь, сбросить свои доспѣхи и растянуться для отдыха на коврахъ подъ тѣнью деревъ. Скоро мы принялись весело толковать о событіяхъ дня, за хорошимъ обѣдомъ, состоявшимъ изъ жареной баранины, молока, дынь и свѣжихъ, съ пылу горячихъ, пшеничныхъ лепешекъ доставленныхъ намъ Узбеками.

VI. Въ промежуткѣ.

Это нападеніе со стороны непріятелей показывало что они дѣйствительно хотѣли биться, и еслибъ они продолжали также какъ начали, то могли бы имѣть серіозный успѣхъ. Мы увидали что слишкомъ легко прежде относились къ ихъ храбрости и что это былъ непріятель котораго нельзя было презирать. Слѣдующій день мы провели въ лагерѣ ничего не предпринимая. Узбеки опять принесли намъ провизію; мнѣ казалось любопытнымъ какимъ образомъ они съ такимъ безграничнымъ довѣріемъ ввѣряли намъ свою жизнь и собственность, когда мы такъ сурово поступали съ ихъ сосѣдями. Съ своей стороны я находилъ очень мало разницы между ними и Туркменами, какъ по одеждѣ такъ и по наружности; только когда они снимали свои бараньи шапки и можно было видѣть очертаніе головы, тогда разница становилась замѣтна. Но даже и тогда въ большей части случаевъ было трудно различить ихъ, ибо между обоими племенами жившими въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ естественно должно было происходить смѣшеніе, и различіе типовъ свойственныхъ каждому изъ нихъ должно было болѣе или менѣе сглаживаться. На самомъ дѣлѣ, хотя мы и были убѣждены въ противномъ, половина этихъ Узбековъ могли быть Туркменами, которые приходили въ лагерь для развѣдокъ. Однакоже, такъ какъ не было вѣрнаго способа различать ихъ, Узбеки же не были настолько преданы Русскимъ чтобы выдавать своихъ единовѣрцевъ Магометанъ, и такъ какъ Туркмены ничего бы не поняли изъ русскихъ военныхъ порядковъ еслибъ и видѣли ихъ, то противъ плѣнцовъ и не принималось никакихъ мѣръ.

Въ теченіи этого дня прибыли новые уполномоченные отъ Туркменъ, повидимому для переговоровъ; но я могъ узнать касательно ихъ предложеній только то что они не были приняты.

Что они готовы были помириться и не имѣли особенной злобы противъ Русскихъ, это доказывается ихъ отношеніемъ къ Оренбургскому отряду, который проходилъ по этимъ самымъ мѣстамъ всего три недѣли тому назадъ. На всемъ пути его они выходили во множествѣ, принося дыни, фрукты,

молоко и хлѣбъ, и предлагали все это самымъ радушнымъ образомъ, не требуя платы. Одинъ офицеръ послѣ разказы-
валъ мнѣ что войска этого отряда, находившіяся верстѣ за
пятьдесятъ ниже по рѣкѣ, близъ Куня-Ургенча, жили съ Турк-
менами въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, въ то время
какъ мы жгли и разоряли ихъ страну по всѣмъ направленіямъ.
Онъ говорилъ что нѣкоторые изъ Юмудовъ даже пытались
заключить съ ними оборонительный и наступательный союзъ
противъ нашего отряда. Они говорили наизусть: „Мы покла-
лись съ вами въ дружбѣ и считаемъ себя вашими союзни-
ками. Но другое племя Русскихъ, изъ Туркестана, затѣло
съ нами войну, и мы полагаемъ что вы должны помогать
намъ противъ нихъ, какъ и мы стали бы помогать вамъ про-
тивъ вашихъ враговъ.“

VII. Б и т в а.

Мы пролежали цѣлый день въ бездѣйствіи. Подъ вечеръ
генераль Головачевъ, казалось, собиралъ свѣдѣнія куда укры-
лись массы Туркменъ, готовясь сдѣлать на нихъ нападеніе.
Когда стемнѣло, у лагерныхъ огней стали перешептываться
что на слѣдующее утро до разсвѣта мы выступаемъ, чтобы
напасть врасплохъ на непріятеля въ его лагерѣ, верстахъ
въ десяти отъ насъ. Около десяти часовъ слухъ этотъ под-
твердился офиціальнымъ приказомъ отданнымъ по лагерю.
Обоимъ должно было остаться позади подъ прикрытіемъ, и
мы должны были выступить въ часъ утра.

Туркмены, какъ говорили, находятся по ту сторону города
Иавилы, въ восьми или девяти верстахъ, и тамъ намѣрены
сдѣлать стоянку.

Около одиннадцати часовъ, когда всѣ разошлись спать,
сдѣлалась тревога; раздалось нѣсколько выстрѣловъ, и
мы бросились къ оружію, ожидая немедленнаго нападенія.
Однакоже все стихло и съ пикета донесли что тамъ видѣли
темную фигуру крадущуюся въ тѣни и по ней данъ былъ вы-
стрѣлъ. Больше ничего не случилось и мы снова ложимся
чтобы воспользоваться краткимъ отдыхомъ. Снова разбуже-
ны мы, немного раньше часа, выстрѣломъ и дикимъ крикомъ,
который всѣхъ насъ поднялъ на ноги подобно электриче-
скому удару. Снова призывъ къ оружію; минутное смятеніе;
всѣ становятся по мѣстамъ, и все замолкло — мы ожидаемъ

нападенія. На этотъ разъ это уже не фальшивая тревога, такъ какъ пикетъ выстрѣлилъ въ темнотѣ по чему-то очень къ нему близкому, и затѣмъ поднята была сабля. Ясное доказательство что непріятель бродитъ гдѣ-то по близости.

Это побуждаетъ генерала Головачова не выступить въ частъ, какъ было назначено прежде, но выждать до трехъ, какъ разъ предъ разсвѣтомъ.

Согласно этому, въ три часа насъ будить зоря; всѣ машины упаковываются и размѣщаются въ четырехугольномъ пространствѣ окруженномъ арбами, числомъ около двухсотъ; при нихъ оставляется триста человѣкъ солдатъ. Когда это окончено, съ немалой сумятицей въ темнотѣ, генералъ съ своимъ штабомъ садится на коней и становятся у выхода изъ лагеря, чтобы видѣть какъ дефилируетъ выступающая пѣхота.

Слѣдуетъ припомнить что мы находимся на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ два дня тому назадъ происходило небольшое дѣло; мы выступаемъ въ открытую равнину на западъ, въ направленіе Иавиль, такъ какъ слѣдовать по ней въ темнотѣ удобнѣе нежели по болѣе прямой дорогѣ садами. На востокѣ чуть-чуть брежитъ слабый свѣтъ занимающейся зари, на западѣ же, въ томъ направленіи куда лежитъ наша путь, черная, непроницаемая темнота. Въ воздухѣ чувствуется что-то странное, какое-то особенное, какъ бы электрическое состояніе, которое наводитъ на мысль о готовящейся бурѣ. Бѣлая разнузданная лошадь бѣшено мчится тамъ и сямъ пересѣкая ряды и описывая какую-то причудливую ломаную линію, — я съ интересомъ припомнилъ послѣ этотъ случай.

Кавалерія выступила въ равнину, и вѣроятно отъѣзжала уже болѣе полуверсты; пѣхота же только строится въ порядокъ на глазахъ генерала; двое или трое изъ насъ толкуютъ о вѣроятности захватить Туркменъ враслохъ, какъ вдругъ внезапно дикіе, неистовые возгласы, страшное смѣшеніе испуганныхъ голосовъ, выстрѣлы тамъ и сямъ, толпотъ мчащихся лошадей, поражаютъ нашъ изумленный слухъ. Повсюду—спереди, сзади, вокругъ—воздухъ полонъ дикими мстительными криками. Долина оживаетъ. Туркменамъ. Наши ожиданія внезапнаго нападенія исполнились нѣсколько неожиданнымъ образомъ.

Затѣмъ нестройный залпъ ружей, сверкнувшій какъ молнія, потомъ длинная огненная полоса которая проливаетъ

ваетъ темноту со страшнымъ, трескучимъ, потрясающимъ нервы звукомъ, и разражается смертоноснымъ взрывомъ, потомъ цѣлый букетъ голубаго, зеленаго и краснаго пламени, которое вспыхиваетъ и исчезаетъ; еще нѣсколько огненныхъ полосъ, свистъ лулъ, топотъ перепуганныхъ лошадей, и случайный блескъ сабель.

Съ минуту мы остаемся какъ бы прикованные къ сѣдлу, слишкомъ изумленные чтобы предпринять что-нибудь, и только смотримъ съ нѣмымъ удивленіемъ.

Генералъ Головачевъ даетъ послѣдній приказъ пѣхотѣ и артиллеріи двинуться впередъ; черезъ минуту мы движемся въ темнотѣ вслѣдъ за нимъ, не зная куда направляемся. Еще минута, и мы уже посреди сражающихся. Тѣмъ временемъ ракетные выстрѣлы прекратились, частью потому что, будучи попорчены, ракеты часто разрывались въ рукахъ солдатъ; отчасти потому что Туркмены слишкомъ близко, такъ что при самомъ низкомъ углѣ подъ которымъ мы можемъ метать ихъ, ракеты перелетаютъ черезъ головы неприятеля и не причиняютъ ему ни вреда ни страха. Ружейная перестрѣлка дѣлается живѣе и съ обѣихъ сторонъ раздаются нестройные залпы, при свѣтѣ которыхъ тамъ и сямъ выдѣляется изъ темноты грозная фигура, и дикое лицо, и блестящая сабля, которыя тотчасъ же припадаютъ въ темнотѣ, между тѣмъ какъ крики и вопли продолжаютъ съ удесятеренною адскою силой. Казаки, кажется, нѣсколько смѣшались и медленно отступаютъ. Тамъ и сямъ Туркмены прорвали линію и схватка становится рукопашной. Въ суматохѣ я отдѣленъ отъ генерала Головачева. Когда я снова подѣвжаю къ нему, онъ спокойно отдаетъ приказанія, но покрытъ кровью. Онъ раненъ сабельнымъ ударомъ; полковникъ Фриде, начальникъ штаба, рядомъ съ нимъ, также обливается кровью, обильно истекающею изъ раны пулей въ голову. Туркмены прорѣзали или фланкировали линію во многихъ мѣстахъ и одинъ изъ нихъ ранилъ генерала Головачева.

Вдругъ какъ волна подаются казаки назадъ и увлекаютъ меня за собою. Можетъ - быть это не бѣгство, но что-то очень похожее на него, или же это начало бѣгства; въ самомъ воздухѣ носится что-то зловѣщее, чего я никогда не испытывалъ ни прежде ни послѣ, что можно сравнить только съ угрожающею атмосферой, предвѣстницей землетрясенія; какое-то боязливое содроганіе, первый тре-

летъ ужаса, начинается закрадываться въ массу солдатъ меня окружающихъ; среди криковъ, гиканья и смятенія, носится тихій, зловѣщій, испуганный шелотъ, какъ предвѣстіе крика отчаянія; мы за минуту отъ паники. Казаки потеряли своего полковника; присматриваясь ближе я могу различать ихъ испуганные, встревоженные лица, и я знаю что это значитъ. Пораженіе—бойня: ни одинъ изъ насъ не спасется отъ Юмудовъ, съ ихъ быстроногими конями. Мало того; возстаніе разнеслось бы затѣмъ изъ Хивы въ Ханки, въ Ташкентъ—но всему Туркестану. Въ этотъ моментъ колебалось на вѣсахъ все владычество Русскихъ въ Средней Азіи. Оглядываясь по направленію лагеря изъ котораго мы вышли, я вижу длинную линію темныхъ фигуръ которыя скачутъ между нами и лагеремъ, ихъ высокія черныя формы ясно вырисовываются противъ свѣтлѣющаго восточнаго края неба; мы совершенно окружены. Вдали справа слышится трескъ картечи, что доказываетъ что битва идетъ на большомъ протяженіи.

Не зная куда могутъ увлечь меня казаки въ своемъ обратномъ движеніи, я рѣшаюсь выѣхать изъ ихъ рядовъ. Я очутился на краю фронта и между мной и непріателемъ нѣтъ ничего. Туркмены надвигаются съ запада, гдѣ все погружено въ глубокую темноту, но я могу различить на разстояніи можетъ-быть сажень въ двадцать темную, нестройную массу всадниковъ несущихся въ галопъ. Они визжатъ какъ бѣсы, и при свѣтѣ выстрѣловъ я могу видѣть ихъ свирѣпыя, темныя лица и блескъ обнаженныхъ сабель. Мнѣ не нужно много времени чтобы понять что я не могу здѣсь оставаться; быстро повернувъ лошадь я бросаюсь прочь, разрядивъ прежде по толпѣ свой револьверъ. Почти въ ту же минуту рота пѣхоты подходитъ съ лѣвой стороны.

Они подходятъ бѣглымъ шагомъ и движеніе ихъ нѣсколько напоминаетъ движеніе заброшеннаго аркана. Офицеръ выстраиваетъ ихъ въ боевую линію. Я лоспѣшно шпорю лошадь и становясь позади ихъ чувствую себя на минуту безконечно счастливымъ. Они выстраиваются, лѣвая нога впереди, ружья на готовѣ; черезъ минуту раздается команда: „пла!“ и воздухъ съ шумомъ и свистомъ пронизываетъ туча летящихъ пуль.

За первымъ залпомъ слѣдуетъ другой, третій, черезъ короткіе промежутки. Это было вовремя; Туркмены такъ близ-

ко что нѣкоторые изъ убитыхъ падаютъ почти у самыхъ ногъ нашихъ солдатъ. Вдали справа начинается раздаваться громкій, яростный ревъ пушекъ, которыя явились на мѣсто дѣйствія и начинаютъ изрыгать пули и картечь.

Появленіе разсвѣта было вѣроятно замедлено на нѣскольکو минутъ пылью и дымомъ которые висѣли надъ нами, потому что теперь, когда пыль и дымъ разсѣялись легкимъ порывомъ вѣтра, какъ бы по волшебству, тѣмъ раздвинулась и мы видимъ Туркменъ несущихся по равнинѣ на своихъ быстроногихъ коняхъ въ совершенномъ бѣгствѣ.

Я оглядѣлся вокругъ. Около пятидесяти сажень въ сторону вижу знамя генерала Головачова; нѣсколько казаковъ и офицеровъ окружили его; остальные казаки стояли тамъ и сямъ неправильными группами; пѣхота растянулась разорваннымъ кругомъ, сажень около полутораста въ діаметрѣ, но все еще въ боевой линіи; артиллеристы стоя за дымящимися пушками слѣдятъ за бѣгущимъ непріателемъ и колеблются дать ли по немъ выстрѣлъ на прощанье. Сраженіе кончено.

VIII. Послѣ битвы.

Около меня лежатъ двое или трое убитыхъ русскихъ солдатъ, и трое или четверо раненыхъ. Немного дальше, полковникъ Есиповъ, которому я пожималъ руку за полчаса до выступленія, лежитъ холодный и недвижимый, съ пулею въ груди, и Георгіевскій крестъ его обрызганъ кровью. Онъ умеръ смертью храбраго.

Я направляюсь къ тому мѣсту гдѣ разлѣвается значокъ генерала, безпокоюсь узнать не опасно ли онъ раненъ. Рука его перевязана, бѣлый китель облитъ кровью, но онъ все еще въ сѣдлѣ. Рана его только порѣзъ саблей по рукѣ и нанесена пѣхотинцемъ.

Мы объѣзжаемъ поле чтобы сосчитать убитыхъ и раненыхъ. Тѣла Туркменъ разбросаны во множествѣ. Вотъ одинъ лежитъ на боку, обѣ руки его еще сжимаютъ длинную палку, къ которой привязана короткая кривая коса. Онъ босикомъ, съ непокрытою головою, вся одежда его состоитъ изъ легкой холщевой рубахи и шароваръ; темная тѣнь несправности видна еще въ его жесткихъ, грубыхъ чертахъ, сохранившихъ печать дикой ярости побудившей его выступить съ такимъ неравнымъ оружіемъ противъ русскихъ стрѣлковъ.

Тамъ трое или четверо лежать рядомъ, какъ бы убитые одновременно, и трое, четверо или пятеро свалились въ кучу на трупъ превосходнаго коня, какъ бы убитые одинъ за другими, вѣдѣвъ за благороднымъ животнымъ, въ попыткѣ помочь другъ другу. Дальше, еще трупы лошадей, еще убитые люди, подускрытые низкою травой въ небольшой песчаной ложбинѣ. Въ одномъ мѣстѣ земля буквально усыпана тѣлами. Но раненыхъ не было; не было ни стонровъ, ни моленій о помощи. Сначала я былъ удивленъ этому: хотя Туркмены всегда стараются увозить своихъ раненыхъ, но они не имѣли возможности захватить съ собою всѣхъ которые могли быть ранены Русскими въ недавней битвѣ.

Явленіе это вкорѣ для меня объяснилось ужаснымъ и неожиданнымъ образомъ. Я увидѣлъ солдата осторожно приближавшагося къ одному изъ мертвыхъ Туркменъ. Движенія его были странны, они возбудили мое любопытство, и я отъѣхалъ на двадцать или на тридцать футовъ и сталъ слѣдить за нимъ. Онъ былъ такъ занятъ своимъ дѣломъ что не замѣтилъ меня; и я могъ видѣть дикій, испуганный блескъ его глазъ, напоминавшихъ отчасти безумнаго. Внезапно, прежде нежели я могъ догадаться что онъ намѣренъ дѣлать, онъ глубоко вознилъ свой штыкъ въ бока Туркмена. Я испустилъ невольный крикъ ужаса; онъ взглянулъ, увидѣлъ меня, и испѣшился прочь, не говоря ни слова. Туркменъ только притворялся мертвымъ; но даже теперь у него не вырвалось ни стопа, онъ не открылъ глазъ, между тѣмъ какъ кровь струилась у него изъ бока и изъ рта краснымъ потокомъ; я бы и теперь считъ его за мертвеца, еслибы не замѣтилъ судорожнаго движенія пальцевъ и сокращенія членовъ. Я отвернулся съ болью въ сердцѣ, такъ какъ зналъ что бѣдняга уже внѣ человѣческой помощи.

Я радъ что могу заявить, къ чести русскаго войска, что по всѣмъ моимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ изъ лучшихъ источниковъ, это былъ единственный случай такой хладнокровной жестокости. Хотя я излѣзая все поле, я не видѣлъ подобнаго случая. Этотъ солдатъ былъ очевидно трусъ, смертельно перепуганный и искавшій отмстить за это.

Но отсутствіе раненыхъ объяснилось. Всѣ они притворились мертвыми изъ боязни быть убитыми. Мы насчитали всего около трехсотъ тѣлъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ или залаявшихся горами, но непріятель послѣ показавъ что

потеря его простиралась до пятисотъ человѣкъ. Потеря Русскихъ состояла всего изъ сорока человѣкъ убитыми и ранеными, что можно приписать тому что Туркмены были вооружены только саблями и косами. Это было смѣлое и блестящее нападеніе, и еслибы не стойкость обнаруженная русскою пѣхотой, оно могло имѣть для насъ печальный исходъ. Начнись только паника, ни одинъ изъ насъ не уцѣлѣлъ бы. Между тѣмъ это было первое дѣло въ которомъ участвовали эти войска. Хладнокровіе генерала Головачова во время дѣйствія было изумительно и вѣроятно много способствовало предупрежденію паники.

Генераль сдѣлалъ быстрый осмотръ поля, отдалъ приказъ о помощи раненымъ и о погребеніи убитыхъ, и продолжалъ движеніе. Въ это время взошло солнце и бросило длинныя тѣни вдоль лустыни; кругомъ царствовало подавляющее молчаніе, смѣнявшее шумъ и смятеніе битвы, и мы въ тишинѣ подвигались впередъ, переговариваясь вполголоса.

Нападеніе было такъ внезапно, такъ неожиданно, такъ яростно и отчаянно, что теперь нами овладѣлъ ужасъ при мысли объ опасности которой мы съ такимъ трудомъ избѣжали.

Такъ какъ теперь уже не было особенной причины идти по открытому мѣсту, то мы свернули вправо и скоро двигались по дорогѣ ведущей чрезъ сады къ Ильяламъ. Черезъ полчаса мы завидѣли сквозь деревья глиняныя стѣны города, сѣрыя и хмурыя въ утреннихъ тѣняхъ. Дорога шла вокругъ города. Жители собрались большою толпою у воротъ чтобы встрѣтить насъ, поднося свѣже-испеченныя лепешки, дыни, виноградъ и персики.

IX. Преслѣдованіе.

Жители Ильяль были Узбеки, съ которыми мы были въ мирѣ.

Но хотя они знали что мы не ведемъ противъ нихъ войны, тѣмъ не менѣе были испуганы шумомъ сраженія; они смотрѣли на насъ боязливыми глазами, когда мы проѣзжали мимо, покрытые пылью и грязью, и съ ужасомъ глядѣли на генерала Головачова, бѣлый китель котораго былъ весь въ крови и рука перевязана.

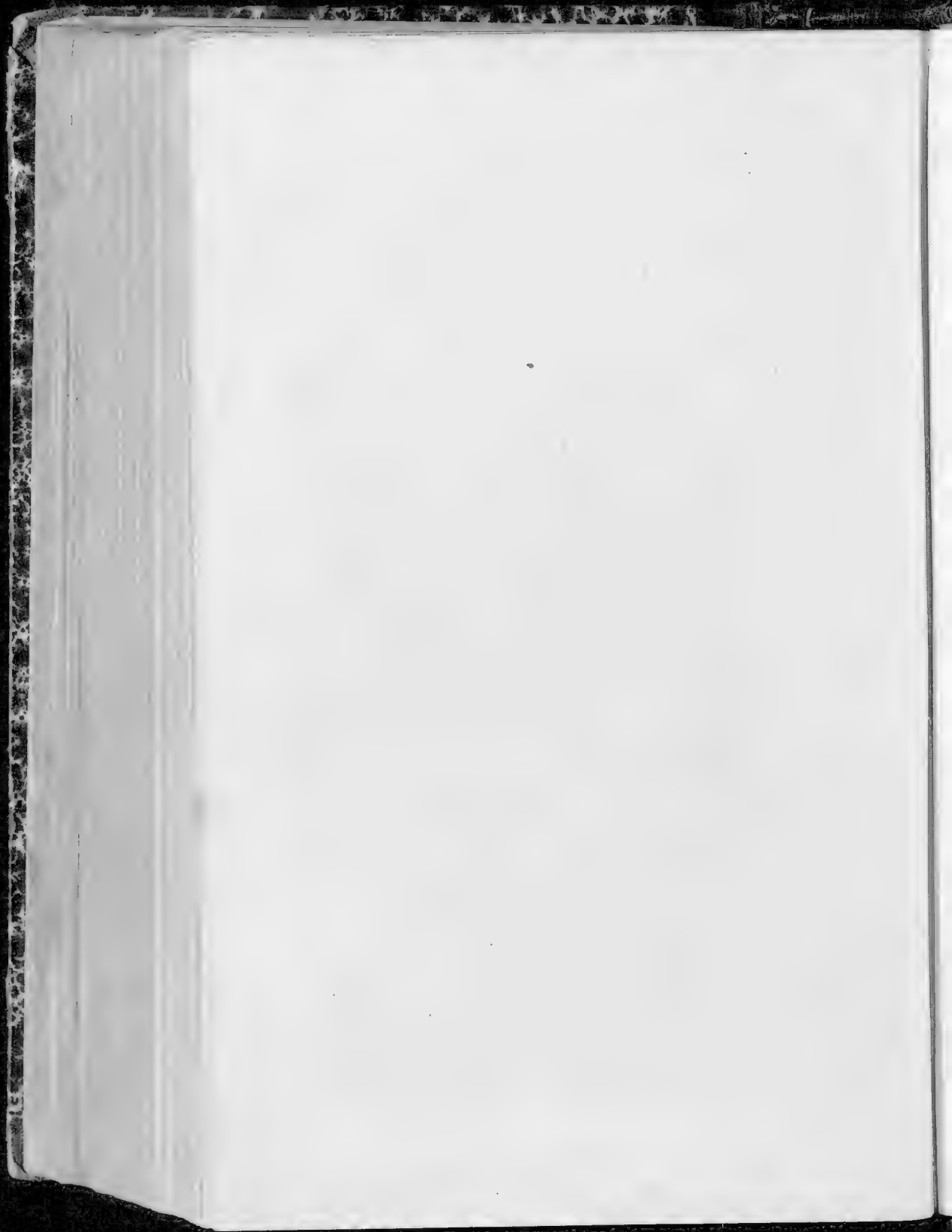
Мы не вошли въ городъ, но обошли по дорогѣ огибающей

ГЕНЕРАЛЪ ГОЛОВАЧОВЪ.

стѣны и продолжали путь къ сѣверо-западу. Черезъ часть мы были опять въ пустынь. Дорога наша лежала по окраинамъ ея, неправильной и извилистой, такъ что мы постоянно пересѣкали то полосы песка, то пространства воздѣланной земли. Мы искали туркменскаго лагеря, на который собирались напасть врасплохъ выступая сегодня утромъ, и который, какъ полагали, находился въ восьми или девяти верстахъ отъ Ильяля.

Туркмены совершенно исчезли тотчасъ же послѣ сраженія, и часа два или три мы вовсе ихъ не видали. Однакоже около девяти часовъ они показались въ послѣднемъ движеніи вдоль горизонта сѣва отъ насъ. Черезъ полчаса равнина была покрыта ими; снова началось сраженіе, если только это можетъ быть названо сраженіемъ. Они появились въ значительныхъ массахъ справа и сѣва и впереди насъ, такъ что мы должны были ждать нападенія въ любомъ пунктѣ. Мы послали впередъ застрѣльчиковъ, которые укрывались за берегами каналовъ, во многихъ мѣстахъ представлявшихъ превосходную защиту. Непріятель обнаруживалъ довольно смѣлости, несмотря на утреннее пораженіе; часто Туркмены подѣзжали на ружейный выстрѣлъ и мчались мимо бѣшеннымъ галопомъ.

Мы приближались къ ихъ лагерю и они имѣли въ виду по возможности замедлить наше движеніе, чтобы дать возможность не принимающимъ участія въ сраженіи удалиться.

Движеніе наше при такихъ обстоятельствахъ было очень медленно. Подвигаясь въ боевомъ порядкѣ, съ линіей застрѣльчиковъ брошенной сѣва, справа же защищенные кавалеріей, мы принуждены были поминутно останавливаться чтобы выравнивать нашу порвавшуюся линію или перемѣнять фронтъ. Чувствуя страхъ къ нашей пѣхотѣ, Іомуды ни мало не боялись кавалеріи. Нѣсколько разъ они бросались на казаковъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, и были удерживаемы только залпами пѣхоты или гранатой пронызывавшей ихъ ряды.

Подобнаго рода битва на ходу продолжалась два или три часа; Іомуды скакали вокругъ насъ во всѣхъ направленіяхъ, съ крикомъ и гиканьемъ, стрѣлая изъ своихъ фитильныхъ ружей. Повидимому они не имѣли какого-нибудь опредѣленнаго плана дѣйствія или нападенія, кромѣ того чтобы наско-

кивать на насъ нестройными массами, безъ всякаго порядка и системы.

Разъ человѣкъ шесть изъ нихъ собрались позади развалинъ дома, въ разстояніи около полтора саженъ отъ дороги, и когда мы проходили, они выскочили одинъ за другимъ и промчались невредимо подъ бѣглымъ огнемъ нашей цѣпи.

Генералъ Головачевъ, видя что ихъ собрались цѣлая масса въ пустынѣ съ лѣвой стороны, въ разстояніи около двухъ верстъ, послалъ туда дюжину гранатъ, въ видѣ сигнала Оренбургскому отряду. Отрядъ этотъ, какъ полагали, приближался съ другой стороны, въ разстояніи двѣнадцати или пятнадцати верстъ, съ цѣлю совершенно отразить бѣгущихъ. Эти гранаты, брошенныя безъ особаго намѣренія нанести вредъ непріятелю, причинили ему одако же много вреда, какъ мы узнали послѣ. Онъ утѣли въ лагерь который мы отыскивали и который, укрывшись въ небольшой ложбинѣ, былъ для насъ непримѣтенъ, и принудили непріятеля бѣжать съ такою поспѣшностью что онъ побросалъ все.

Это мы узнали отъ войскъ Оренбургскаго отряда, которыя пришли на слѣдующій день въ покинутый лагерь и нашли нѣсколько сотъ арбъ и телѣтъ которыя были оставлены, вмѣстѣ съ нѣсколькими убитыми тѣлами и множествомъ вещей. Бѣднagi такъ перепугались лопавшихся гранатъ что вскочили на коней, побросавъ все и не успѣвъ даже захватить тѣла убитыхъ.

Въ числѣ найденныхъ тамъ любопытныхъ вещей были бумаги лейтенанта Шекспира, который прибылъ въ Хиву съ порученіемъ Англіи, во время злополучной экспедиціи Перовскаго въ 1840 году. Слѣдуетъ припомнить что лейтенантъ Шекспиръ отправленъ былъ въ Хиву съ порученіемъ способствовать мирному окончанію недоразумѣній между Русскими и Хивинцами.

Въ числѣ этихъ бумагъ была копія съ письма лорда Палмерстона, въ которомъ давалось порученіе британскому посланнику увѣдомить русское правительство что Англія сочтетъ присоединеніе Хивы за *casus belli*.

Нашъ отрядъ вовсе не нашелъ лагеря въ которомъ были открыты эти бумаги. Проводники всѣ исчезли во время утренней схватки. Никто не зналъ въ точности гдѣ именно находится этотъ лагерь, и мы прошли мимо, не выдавъ его, такъ какъ онъ остался у насъ верстахъ въ трехъ слѣва.

Въ полдень мы дошли до канала Ана-Мурата, который изливалъ сильный потокъ воды въ пустыню, и перейдя ее прекращался. Здѣсь мы очутились около стараго укрѣпленнаго лагеря, устроеннаго хапомъ во время войны съ этими самими Туркменами. Лагерь занималъ пространство около десяти акровъ, и глиняныя стѣны его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходили до десяти футовъ вышины и были почти невредимы. Ханъ передавалъ генералу Кауфману исторію этой войны, которая довольно любопытна.

Потерявъ всякое терпѣніе вслѣдствіе отказовъ Туркменъ платить подати или признавать его власть, онъ рѣшилъ пойти на нихъ войной и покорить ихъ. Онъ собралъ войско изъ Узбековъ, между которыми и Туркменами существуетъ, какъ я уже замѣтилъ выше, смертельная ненависть. Ханъ пошелъ съ войскомъ въ землю Туркменовъ; и придя на это мѣсто, которое представляло сильную позицію, будучи защищено съ двухъ сторонъ глубокими каналами, укрѣпился въ немъ.

Здѣсь оставался онъ нѣсколько недѣль; Туркмены ежедневно дѣлали дѣйствительныя или притворныя нападенія на его лагерь; которыя — судя по тому что мы сами видѣли — доставляли имъ много удовольствія. Ханскія войска стрѣляли въ нихъ тяжелыми ядрами изъ своихъ пушекъ, не причиняя имъ большого вреда, между тѣмъ какъ они скакали кругомъ лагеря съ крикомъ и гиканьемъ, стрѣляя изъ своихъ фитильныхъ ружей, размахивая саблями и наслаждаясь этою потѣхой. Наконецъ ханъ, истощивъ свои припасы и людей, съ торжествомъ возвратился въ столицу. Туркмены же разошлись по домамъ и принялись за свои обычные занятія.

Это былъ тотъ самый лагерь въ которомъ мы теперь находились. Позиція была хороша, и генералъ Головачевъ рѣшилъ отдохнуть здѣсь остальную часть дня.

Иомуды съ своей стороны хорошо воспользовались даннымъ имъ такимъ образомъ временемъ и продолжали свое бѣгство. Такъ какъ мы уже обошли ихъ, то они вернулись на свой слѣдъ, подобно преслѣдуемому зайцу, и двинулись почти по той же самой дорогѣ по которой пришли мы, направляя свой путь къ юго-востоку. Цѣлый день и цѣлую ночь они продолжали свое успешное бѣгство, и такимъ образомъ ушли отъ насъ на нѣсколько верстъ.

На слѣдующее утро, на разсвѣтѣ, мы пустились за ними въ погоню. Пройдя немного мы нашли трупъ русскаго сол-

дата, обнаженный и обезглавленный; вѣроятно онъ былъ въ пикетѣ, на который они напали врасплохъ ночью. Цѣлый день мы гнались по слѣдамъ бѣглецовъ, останавливаясь только чтобы дать время солдатамъ позавтракать. Такъ какъ вещей у насъ съ собой было не много, то движеніе наше было очень быстро. Мы опять прошли близъ Ильяля, оставляя городъ влѣво отъ себя, и пересѣкши небольшой оазисъ очутились на обширной открытой равнинѣ, которая, судя по множеству перерѣзывавшихъ ее каналовъ, въ недавнемъ прошломъ должна была быть обработана. Мы не видѣли никакого слѣда бѣжавшихъ почти вплоть до захода солнца, когда облако пыли на горизонтѣ показало намъ что мы скоро ихъ достигнемъ.

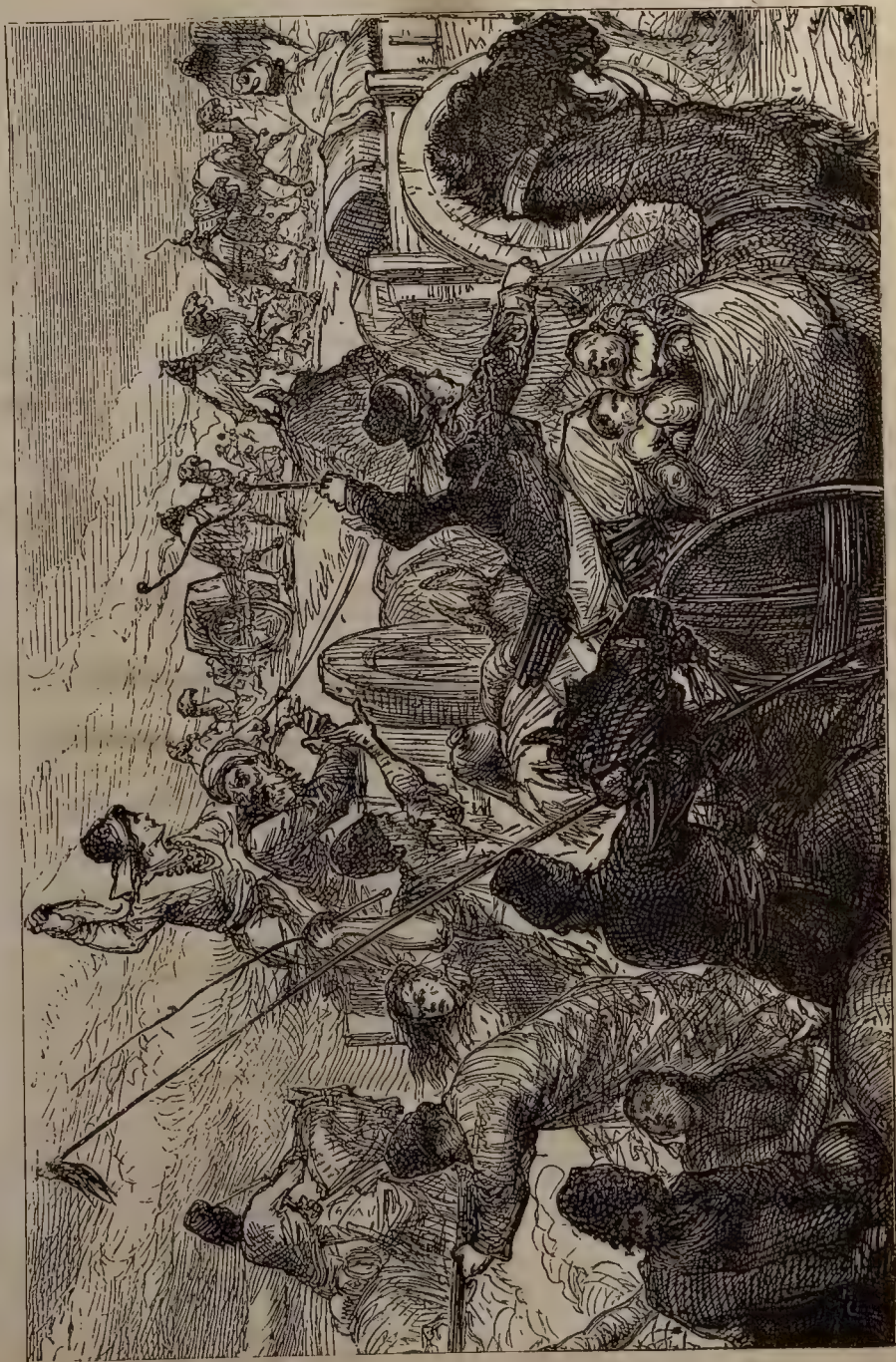
Немного спустя мы стали лагеремъ на берегу канала, который представлялъ обильный запасъ воды; черезъ нѣсколько минутъ казаки разсыпались по равнинѣ, отыскивая корму для своихъ лошадей. Верстахъ въ двухъ отъ лагеря они нашли нѣсколько сѣна, которое только что было накошено и припасено Туркменами. Во время этой фуражировки случилось печальное происшествіе. Одинъ изъ туземныхъ проводниковъ, отѣхавшій на нѣкоторое разстояніе отъ другихъ, былъ принятъ за Гомуда; казакъ выстрѣлилъ въ него, и ранилъ такъ опасно что два часа спустя онъ умеръ, несмотря на всѣ усилія нашего доктора спасти его.

Х. Бѣгство.

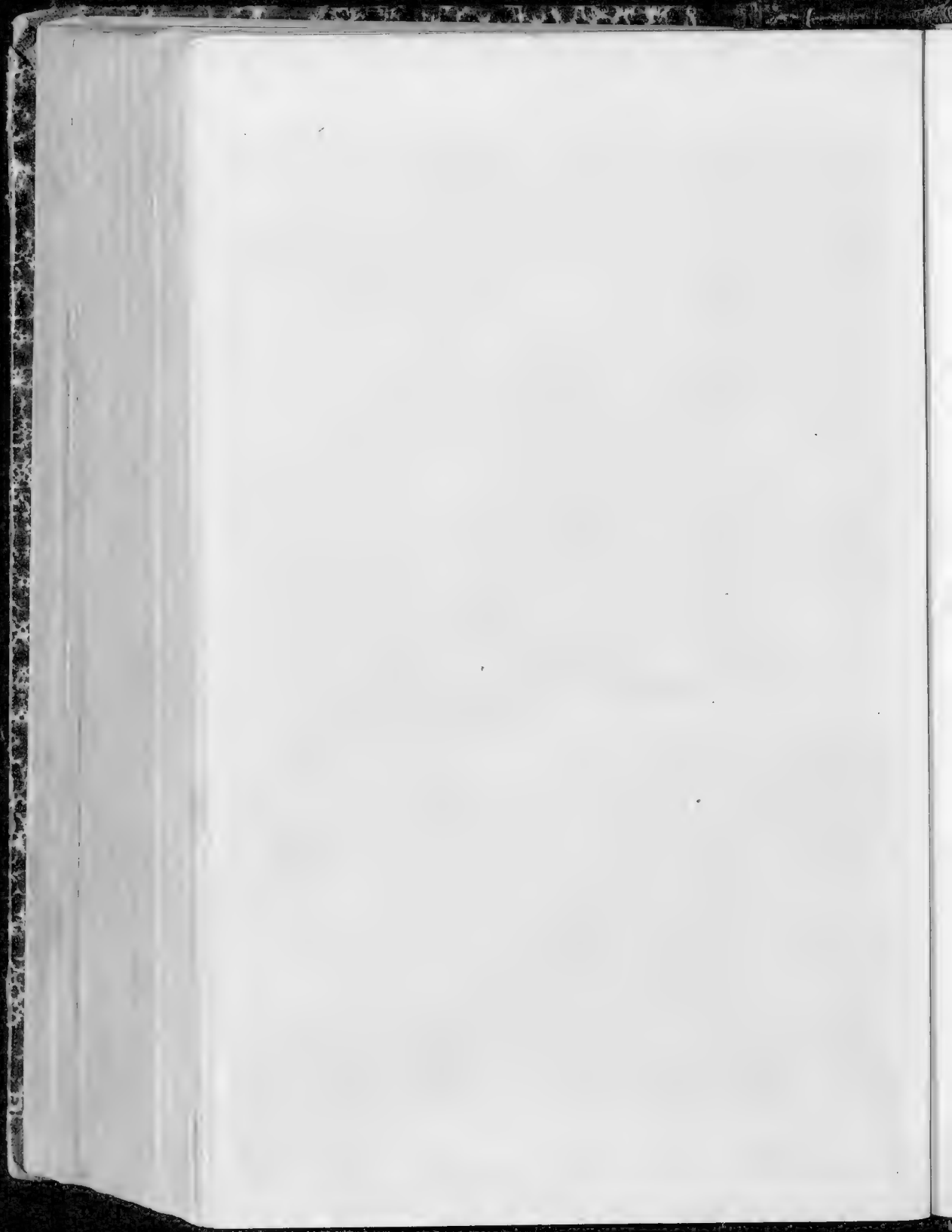
На слѣдующій день рано утромъ мы возобновляемъ преслѣдованіе и вскорѣ замѣчаемъ слѣды бѣглецовъ. Здѣсь арба нагруженная пожитками и оставленная въ попыхахъ; тамъ корова или теленокъ которые не могли слѣдовать за бѣгущими; вотъ старуха, полумертвая отъ страха, думающая что ее сейчасъ же поведутъ на казнь; тамъ старикъ, оборванный, покрытый пылью, жалкій, который опирался на палку смотритъ на насъ свирѣпыми глазами. Дальше начинаютъ попадаться намъ стада ягнятъ и козлятъ, потомъ стада овецъ и рогатого скота и опять арбы.

Генераль Головачевъ отдалъ приказъ кавалеріи, шедшей впереди, открыть и атаковать бѣглецовъ и если можно заставить ихъ принять сраженіе. Судя по тому что я видѣлъ

БѢГСТВО. (Съ мучка Бенедикта изъ Лондонской Империалы.)

въ первый день, нападенію неизбежно должны подвергнуться остальные, потому я рѣшаюсь остаться позади при штабѣ.

Кавалерія скоро исчезаетъ въ облакѣ пыли; пѣхота продолжаетъ твердо идти впередъ. Черезъ полчаса мы подходимъ къ узкому, глубокому каналу, наполненному водой, который пересѣкаетъ равнину подъ прямымъ угломъ къ линіи нашего движенія, и здѣсь странная и страшная сцена представляется нашимъ глазамъ.

По равнинѣ разбросаны во всѣхъ направленіяхъ арбы или телѣги, нагруженныя домашнимъ скарбомъ Іомудовъ. Нѣмѣя возможности перейти каналъ по единственному узкому мосту, они выпрягли лошадей, оставивъ всѣ свои пожитки. Нѣкоторые однако не успѣли бѣжать; потому ли что у нихъ не было лошадей, или можетъ-быть потому что они слишкомъ много полагались на великодушіе Русскихъ. Они были настигнуты и изрублены казаками.

Повсюду между тѣсно наставленными арбами лежали тѣла убитыхъ, въ крови, съ сабельными ранами на головахъ и на лицахъ; видъ ихъ былъ страшенъ. Но еще хуже былъ видъ женщинъ, которыя прятались подъ телѣгами, подобно безсловеснымъ животнымъ, смотря на насъ съ испуганными лицами и умоляющими глазами, безъ словъ, окруженныя мертвыми тѣлами своихъ мужей, возлюбленныхъ и братьевъ. Онѣ ожидали что съ ними поступать также какъ ихъ мужья, возлюбленные и братья поступаютъ съ побѣжденными при подобныхъ обстоятельствахъ.

Я вижу однакоже одну женщину которая не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на то что происходитъ вокругъ нея. Она держитъ на колѣняхъ голову человѣка умирающаго отъ страшнаго сабельнаго удара въ голову. Она сидитъ, глядя ему въ лицо, неподвижно какъ статуя, даже не поднимая глазъ при нашемъ приближеніи; мы могли бы счесть это за выраженіе идиотскаго равнодушія, еслибы не слезы тихо катившіяся съ ея длинныхъ рѣсницъ и калавшія на лицо умирающаго. Въ ней не было страха предъ Русскими. Горе пересилило страхъ.

Но хуже всего было видѣть множество малютокъ дѣтей, отцы которыхъ были вѣроятно убиты. Нѣкоторые съ плачемъ ползали между колесъ; другіе, все еще сидя на телѣгахъ среди поклажи, смотрѣли на насъ изумленными дѣтскими

глазами; одна маленькая дѣвочка ворковала и смѣялась, увидавъ развѣвавшееся знамя.

Я передалъ одного плачущаго ребенка женщинѣ которая сидѣла съ дикимъ взглядомъ подъ тѣнью; но она не обратила на него вниманія, и проѣзжая послѣ я видѣлъ что малютка лежитъ на землѣ близъ нея, крича изо всей мочи.

Генералъ и штабъ остановились на нѣсколько минутъ, а я поѣхалъ не спѣша впередъ. Повсюду были брошенные арбы, набитыя коврами, подушками, кухонною посудой, мѣшками пшеницы, мотками шелка и одеждой; то тамъ то сямъ оляты тѣло зарубленнаго Туркмена. Тамъ старуха, лѣтъ восьмидесяти, по виду, сидитъ согнувшись посреди дороги съ ребенкомъ на рукахъ, склоняясь надъ нимъ съ видомъ безнадежности и отчаянія. Она выжидала закрывъ глаза, какъ бы рѣшившись не видѣть сабли которая, она была убѣждена, должна убить ихъ обоихъ. Она не оставила своей внучки, которую можетъ-быть оставила мать. Дальше подъ арбою молодая красивая женщина съ окровавленнымъ лицомъ, въ изодранной одеждѣ, съ убитымъ горемъ выраженіемъ лица, которое разказывало ея грустную повѣсть. Поддаваясь безсознательному порыву я предложилъ ей денегъ; она оттолкнула ихъ и съ рыданіемъ закрыла лицо руками.

Я долженъ сказать однако что случаи насилія противъ женщинъ были крайне рѣдки; и хотя Русскіе сражались здѣсь съ варварами которые совершали всевозможныя жестокости надъ плѣнными, что въ значительной мѣрѣ могло бы извинить жестокость со стороны солдатъ, тѣмъ не менѣе поведеніе ихъ было безконечно лучше нежели поведеніе другихъ европейскихъ войскъ въ европейскихъ войнахъ.

Немного дальше старуха лежитъ близъ дороги, съ тяжелою сабельною раной на шеѣ; но ее легко было принять за мушину, потому что на головѣ у нея не было чалмы. Приказано было не щадить мужчинъ, будутъ ли они сопротивляться или нѣтъ, но это была единственная раненая женщина которую я видѣлъ, и мнѣ говорили что всего было три или четыре такихъ случая.

Я проѣхалъ около трехъ верстъ по равнинѣ, которая и здѣсь покрыта оставленными тѣлами. Онѣ разбросаны въ разныхъ мѣстахъ, по пяти, по шести вмѣстѣ, нѣкоторыя на самой дорогѣ, другія въ разстояніи полверсты или болѣе вправо и влѣво, какъ будто хозяева ихъ думали укрыться

въ пустынь когда приближеніе казаковъ принудило ихъ бросить эту попытку.

Пятнадцать или двадцать человѣкъ Іомудовъ верхами показались въ недалекомъ разстояніи въ пустынь, а такъ какъ лѣхота верстахъ въ трехъ позади, а кавалерія можетъ-быть въ пяти или шести верстахъ впереди, то я считаю безопаснѣе остановиться. Пока я стою и жду, одинъ Іомудъ, который вѣроятно прятался гдѣ-нибудь по близости, внезапно появляется, направляясь въ мою сторону. Онъ вооруженъ только дубиной, но имѣетъ такой вызывающій видъ что я схватился за револьверъ. Онъ и тогда не обнаружилъ ни малѣйшаго признака страха, перешелъ черезъ дорогу впереди меня въ разстояніи не больше десяти футовъ, сверкая своими свирѣпыми черными глазами, какъ бы собираясь броситься на меня со своею дубиной, несмотря на мою пару револьверовъ и винтовку.

Первымъ моимъ движеніемъ было заставить его бросить свою дубину и сдаться мнѣ какъ побѣдителю, но молодецъ этотъ имѣлъ такой видъ отваги и независимости что возбудилъ мое восхищеніе, кромѣ того я подумалъ что я этимъ не выкажу храбрости, имѣя столько преимуществъ на своей сторонѣ. Онъ прошелъ мимо, даже не пожелавъ мнѣ добраго утра, и исчезъ среди мелкихъ песчаныхъ холмовъ.

Скоро подошла лѣхота и движеніе продолжалось еще верстъ шесть или семь дальше. Опять попадаются овцы, скотъ, опять верблюды, старые и молодые, но нѣтъ лошадей. Не малаго замѣчанія достойно что хотя многія тысячи головъ овецъ были захвачены въ теченіе похода, но не было поймано ни одной лошади; это показываетъ какъ умно распорядились Іомуды дорожа своими великолѣпными коняму. Можетъ-быть только тѣ кто не имѣлъ лошадей и были взяты въ лѣвнѣ или убиты въ этотъ день.

Увидавъ въ сторонѣ отъ дороги двухъ или трехъ казаковъ расхищавшихъ группу телѣтъ, я подѣхалъ къ нимъ чтобы взглянуть на ихъ работу. На землѣ лежали тѣла двухъ убитыхъ Іомудовъ, а возлѣ нихъ стояла дѣвочка лѣтъ трехъ, смотрѣвшая на казаковъ испуганнымъ, удивленнымъ взглядомъ и тихо, но горько плакавшая.

Малютка умерла бы отъ жажды еслибъ ее оставить тутъ, и я взялъ ее на свою лошадь, съ тѣмъ чтобъ отдать ее первой женщинѣ которую встрѣчу. Вскорѣ я увидалъ другую

дѣвочку и, передавъ первую моему спутнику Черткову, подѣхалъ ко второй. У бѣднаго ребенка былъ большой разрывъ на подошвѣ; рана была полна песку, ничѣмъ не защищена отъ палящаго солнца и должна была причинять ей сильную боль. Дѣвочка не плакала, но смотрѣла на казаковъ хозяйничавшихъ около арбы, которая принадлежала можетъ-быть ей отцу, любопытнымъ, вызывающимъ взглядомъ. Когда я сказалъ ей что возьму ее съ собою, она пустилась бѣжать, и я принужденъ былъ сойти съ лошади и погнавшись за ней.

Она отбивалась и визжала какъ дикая кошка, и я потоптилъ весь мой татарскій лексиконъ прежде чѣмъ она согласилась довѣриться мнѣ. Но убѣдившись наконецъ что мои намѣренія были миролюбивы, она обвила мою шею руками и заснула.

Я долженъ былъ представлять довольно странное зрѣлище когда ѣхалъ между войскомъ, съ дикаркой крѣпко обнявшею мою шею и положившею голову, покрытую корой грязи, на мою грудь. Но вскорѣ я встрѣтилъ одного штабнаго офицера съ такою же находкой и убѣдился что я не былъ исключеніемъ. Топуды, очевидно, покидали дѣвочекъ охотнѣе чѣмъ мальчиковъ.

Около одиннадцати часовъ мы нагнали кавалерію остановившуюся чтобы дать отдыхъ лошадямъ.

Бѣглецы разсѣялись во все стороны, но главная масса ихъ, благодаря своимъ быстрымъ лошадямъ, должна была быть за нѣсколько миль дальше, и преслѣдовать ихъ было бы бесполезно. Генералъ Головачовъ разсудилъ что такъ какъ бѣлая часть ихъ имущества захвачена, то они достаточно наказаны, и рѣшилъ вернуться въ Ильялы.

Даже здѣсь, такъ далеко отъ оазиса, было два или три канала, одинъ изъ коихъ былъ все еще полонъ воды, что показываетъ что эта равнина, теперь безплодная, была нѣкогда обработана и можетъ быть снова сдѣлана плодородною. Судя по моимъ наблюденіямъ, Хивинскій оазисъ былъ нѣкогда значительно больше чѣмъ теперь, такъ какъ вездѣ на этихъ песчаныхъ равнинахъ, начиная съ самаго города, который стоитъ на границѣ между плодородною землею и пустыней, вадны слѣды прежней ирригаціи.

На пути въ лагерь я встрѣтилъ пять или шесть женщинъ и хотѣлъ взять мою маленькую protégée, но онѣ всѣ отказались, указывая на собственныхъ дѣтей. Дѣйстви-

тельно, онѣ были не въ такомъ состояніи чтобы взять ребенка, потому что у каждой изъ нихъ было уже по пяти или шести ребятъ. Такимъ образомъ, я привезъ мою дѣвочку въ лагерь, самъ не зная что сдѣлаю съ ней. Всего проще было бы бросить ее въ пустынь, въ жертву шакаламъ, но въ такомъ случаѣ не для чего было и брать ее оттуда гдѣ я ее нашелъ. Обдумывая этотъ вопросъ, я устроилъ ей постель подъ телѣгой, на кучѣ хлопка, наваленнаго вокругъ большими грудами, вмѣстѣ съ шерстяными одѣялами, коврами и кухонною посудой изъ разграбленныхъ кибитокъ. Потомъ, съ помощью доктора, я обмылъ и обвязалъ ее раненую ногу.

Она была мужественная дѣвочка и вынесла эту операцію такъ терпѣливо что привела насъ въ изумленіе. Несмотря на то что мы должны были причинять ей сильную боль пока очищали рану, которая опухла и была сильно воспалена, она не выронила ни одной слезы. Послѣ долгихъ стараній, мнѣ удалось смыть и лицо ея отъ налипшей на немъ грязи, и я увидалъ что она прехорошенькая. Она съ жадностью пила воду. Увидавъ что солдатъ доить корову, я принесъ дѣвочкѣ столько молока сколько она могла выпить, и уложилъ ее на приготовленную постель. Словомъ, я такъ привязался къ ней и она была такая славная дѣвочка что мнѣ было жаль разстаться съ ней, когда, немного позже, отыскалась ея мать. Мать была очевидно въ восторгѣ что нашла ее, но поблагодарила меня холодно и послѣ того даже ни разу не взглянула на меня. Это показалось мнѣ нѣсколько жестокимъ, тѣмъ болѣе что я возвратилъ ей дочь съ хорошимъ гардеробомъ, который выбралъ для нея въ захваченномъ имуществѣ ея соотечественниковъ, и съ золотою монетой, которая лѣтъ десять спустя можетъ послужить ей приданымъ. Но очень можетъ быть что, вопреки наружной холодности, въ глубинѣ сердца, мать горячо поблагодарила кяфира.

Послѣ трехчасовой остановки, въ продолженіе которой были разобраны и сожжены всѣ кибитки найденныя здѣсь, мы пустились въ обратный путь въ Ильялы.

Солдатамъ приказано было отобрать и захватить съ собою все цѣнное, а остальное сжечь, и казаки охотно исполнили приказаніе. Ковры, шелковыя матеріи, носильное платье и серебряныя украшенія — вотъ все что было цѣннаго; все же остальное, необработанный хлопокъ и шелкъ, старые ковры, признанные солдатами негодными, зерно, мука,

кухонная посуда; мѣхи съ молокомъ и разный другой домашній скорбъ, были разбросаны по землѣ.

Грустно было смотрѣть на разрушеніе столькихъ счастливыхъ хозяйствъ. Для этихъ бѣдныхъ людей каждая вещь была старымъ, знакомымъ другомъ, къ которому они привязались вслѣдствіе многолѣтняго употребленія, съ которымъ соединено было множество воспоминаній. Грустно было думать какъ женщины, возвращаясь по этой дорогѣ, будутъ стараться спасти хоть что-нибудь изъ общаго разрушенія и плакать надъ знакомыми, любимыми вещами, жалкими остатками ихъ нѣкогда счастливыхъ, теперь разрушенныхъ хозяйствъ.

Но было нѣчто еще болѣе достойное симпатіи и сожалѣнія.

Вотъ тѣла трехъ Юматовъ залитыя ихъ собственною кровью и возлѣ нихъ шесть человѣкъ дѣтей, отъ четырехъ до шести лѣтъ, одни съ своими покойниками. Старшій, здоровый мальчикъ, ухаживалъ какъ умѣлъ за младшими. Онъ устраивалъ имъ постель изъ обрывковъ хлопка, шелка, старыхъ ковровъ и лохмотьевъ носильнаго платья, жалкихъ остатковъ ихъ нѣкогда зажиточной кибитки. Онъ не удостоилъ меня ни малѣйшимъ вниманіемъ когда я подѣхалъ, не поднимая глазъ онъ дѣлалъ свое дѣло, и я увѣренъ что его дѣтское сердце горѣло яростью и негодованіемъ противъ меня. Лѣтъ двадцать спустя, кто-нибудь изъ кяфировъ можетъ быть узнать какъ сильна была ненависть, посѣянная въ сердцѣ ребенка.

Я позаботился чтобы солдаты не сожгли телѣгу подъ которой пріютились дѣти, добылъ имъ мѣхи съ молокомъ и поѣхалъ дальше, оставивъ ихъ однихъ съ ихъ покойниками въ необъятной пустынѣ. Хорошо сказалъ Викторъ Гюго: „Ceux qui n'ont vu que la misère des hommes n'ont rien vu; il faut voir la misère des femmes. Ceux qui n'ont vu que la misère des femmes n'ont rien vu; il faut voir la misère des enfants“.

Я видѣлъ только одного убитаго ребенка. Это былъ еще младенецъ и убитъ онъ былъ повидимому ударомъ лошадинаго копыта или какимъ-нибудь тупымъ орудіемъ, такъ какъ крови на немъ не было.

Весь нашъ обратный путь былъ отмѣченъ огнемъ и пламенемъ. Прибывъ къ каналу, о которомъ было упомянуто выше и гдѣ была оставлена первая масса кибитокъ, я нашелъ что онѣ были уже вполне опустошены и что почти

всѣ женщины и дѣти исчезли. Но нѣкоторые еще оставались, и любопытно было видѣть какъ солдаты отрывались отъ своего разрушительнаго занятія чтобы дать ребенку кусокъ хлѣба или воды изъ собственной фляжки. Они дѣлали это съ удивительною нѣжностью и потомъ снова принимались за свое дѣло.

Я нашелъ маленькую дѣвочку которая утромъ такъ радостно привѣтствовала знамя генерала Головачова все въ той же телѣгѣ. Были сумерки, а бѣдный ребенокъ провелъ тутъ весь день подъ плавающимъ солнцемъ, не ѣвши и не пивши и терпѣливо дожидаясь чтобы кто-нибудь взялъ его. Я нашелъ въ грудѣ другихъ вещей мѣхъ съ молокомъ и наполнилъ дѣвочку, хотя и съ большимъ затрудненіемъ, такъ какъ не нашелъ ни одной чашки.

Тутъ было отъ пяти до шести сотъ арбъ, сдвинутыхъ такъ близко что когда одна или двѣ были подожены, пламя быстро охватило другія и теперь уже приближалось къ той въ которой сидѣла дѣвочка. Я отнесъ ее подальше отъ опасности и посадилъ на коверъ, не зная что дѣлать съ ней. Хотя тутъ оставались еще двѣ или три женщины, но одно то что онѣ оставляли ее весь день одну показывало ясно что на нихъ нельзя было разчитывать. Былъ вечеръ, возвращенія Юмудовъ нельзя было ждать раньше слѣдующаго дня, а шакаловъ было множество и вой ихъ уже слышался въ отдаленіи.

Я уже рѣшилъ было взять дѣвочку въ лагерь, когда увидалъ подходившую ко маѣ женщину съ двумя дѣтьми, которую я до тѣхъ поръ не замѣтилъ. Я показалъ ей на дѣвочку и спросилъ: „ваша?“ „Юкъ“ (нѣтъ), отвѣчала она и указавъ на тѣло убитаго Юмуда прибавила: „его“. „Мать есть?“ спросилъ я. „Юкъ“ (нѣтъ). Тогда я объяснилъ ей знаками что хочу взять дѣвочку въ лагерь. Мое намѣреніе ей видимо не понравилось, и я спросилъ ее не возьметъ ли она ее на свое попеченіе. На это она охотно согласилась тутъ. Она взяла дѣвочку на руки и пошла вдоль канала, по обширной пустынѣ, Богъ вѣсть куда, въ сопровожденіи двухъ дѣтей, устало слѣдовавшихъ за ней.

Арріергардъ достигъ лагеря долго спустя послѣ захода солнца, такъ какъ наше возвращеніе замедлялось множествомъ

овецъ, рогатаго скота и верблюдовъ, которыхъ мы должны были завзатить съ собою. Ихъ мычаніе и блѣяніе въ темнотѣ ночи нагоняло тоску; а зарево на южной сторонѣ горизонта надъ горящими арбами, печальное свидѣтельство гибели и разрушенія, усиливало ее еще болѣе.

XV. Военная контрибуція.

Генералъ Кауфманъ съ значительнымъ войскомъ встрѣтилъ нашъ отрядъ въ Ильялы. Сообщение съ генераломъ Головачевымъ было нѣсколько дней прервано, и это обстоятельство, въ связи со смутными слухами о большомъ сраженіи подъ Хивой, встревожило главнокомандующаго. Собравъ, при содѣйствіи хана, столько арбъ сколько возможно было собрать въ полдня, онъ послѣдно отправился къ намъ на помощь. Но получивъ на пути донесеніе генерала Головачева о дѣлѣ 27го іюля, онъ, конечно, успокоился.

Могущество Туркменъ-Томудовъ было сокрушено, большая часть ихъ имуществъ захвачена, весь ихъ хлѣбный запасъ приготовленный на зиму и жилища ихъ сожжены.

Но ихъ гордый духъ повидимому остался непреклоннымъ. Они отказывались покориться и возвратиться въ свои жилища, какъ приглашалъ ихъ генералъ Кауфманъ. Они скитались по пустынѣ вблизи границъ оазиса въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, до тѣхъ поръ пока генералъ Кауфманъ не перешелъ Оксусъ на обратномъ пути въ Ташкентъ. Тогда, какъ я узналъ по возвращеніи въ Европу, они напали на соседнихъ Узбековъ и отчасти вознаградили себя за ущербъ причиненный имъ Русскими.

Но сначала ихъ положеніе должно было быть ужасно. Генералъ Кауфманъ говорилъ мнѣ что слышалъ будто бы они посылали пословъ къ Туркменамъ Теке, на Каспійскомъ морѣ и на Атрекѣ, прося у нихъ позволенія переселиться въ ихъ владѣнія. Туркмены дали имъ братскій отвѣтъ что они могутъ переселяться, но что у нихъ будетъ отнято все что имъ удалось уберечь отъ Русскихъ. Если это справедливо, то я полагаю что немногіе изъ нихъ переселились въ страну Теке.

Генералъ Кауфманъ сталъ лагеремъ въ Ильялы и издалъ прокламацію къ другимъ племенамъ Туркменъ, въ которой

возвѣстилъ имъ что налагаетъ на нихъ военную контрибуцію, которую они должны представить чрезъ недѣлю, если не хотятъ подвергнуться такому же наказанію какое потерпѣли Йомуды.

На эту прокламацію Туркмены отвѣчали чрезъ депутацію старшинъ, которые обѣщали заплатить, но просили продолжить срокъ. Нѣтъ никакой возможности, говорили они, собрать столько денегъ въ такое короткое время, и генералъ Кауфманъ согласился дать имъ двухнедѣльный срокъ.

Размѣръ платежа составлялъ по пятнадцати тилъ съ кибитки для всѣхъ племенъ, кромѣ Кара-Егелды, которые должны были уплатить двадцать тилъ съ кибитки. Соотвѣтственно сравнительному богатству обоихъ народовъ эта контрибуція была значительно тяжелѣе той, которую Германія взяла съ Франціи. Дня два спустя, Туркмены, вѣрные своему слову, уже прислали нѣсколько сотъ рублей мелкою туземною серебряною монетою и нѣсколько фунтовъ серебра въ формѣ браслетъ и другихъ женскихъ украшеній.

Любопытное зрѣлище представлялъ лагерь въ слѣдующіе дни. Въ странѣ не оказалось, вѣроятно, достаточно денегъ для уплаты требуемой суммы, громадной для Туркменъ, и они приходили въ лагерь съ лошадьми, коврами и верблюдами, и сбывали ихъ за хорошую цѣну офицерамъ. Многимъ Русскимъ хотѣлось пріобрѣсти чистокровныхъ туркменскихъ лошадей, превосходство которыхъ было ясно доказано тѣмъ, что во всю кампанію не было захвачено ни одной.

Судя однако по тѣмъ, которыхъ я видѣлъ, я полагаю что Туркмены или не продавали своихъ лучшихъ лошадей или что лошади ихъ хуже чѣмъ у Йомудовъ. Немногіе изъ нихъ, сколько я могу судить, отличались особенностями свидѣтельствующими о силѣ и быстротѣ. Узкая грудь, переднія ноги расположены какъ у кролика, большая голова и большіе уши, почти полное отсутствіе гривы, жидкій хвостъ, очень высокій ростъ—вотъ характеристическія черты туркменскихъ лошадей. Лейтенантъ Штуммъ, судя по экземплярамъ захваченнымъ во время похода къ Хивѣ, готовъ былъ заключить что порода туркменскихъ лошадей выродилась, что онъ теперь не лучше, а можетъ-быть даже хуже киргизскихъ. Но я расположенъ думать что онъ не видалъ настоящихъ туркменскихъ коней,

такъ какъ хозяева цѣнять ихъ дороже своихъ дочерей и скорѣе разстанутся съ дочерью чѣмъ съ лошадыю.

Во время похода противъ Иомудовъ наша кавалерія не могла подойти къ нимъ ближе чѣмъ на пятьдесятъ сажень, и Иомуды такъ полагались на превосходство своихъ коней что повидимому никогда не гнали ихъ, очевидно не удостоивая утомлять ихъ ради насъ, между тѣмъ какъ мы пускали въ ходъ нагайки и шпоры и употребляли всѣ старанія чтобы нагнать ихъ. А у казаковъ лошади тоже превосходныя.

Но каковы бы ни были лошади которыхъ Туркмены приводили продавать, они брали за нихъ хорошую цѣну, отъ ста двадцати до трехсотъ рублей.

Туркменскіе ковры также покупались охотно, несмотря на высокую цѣну и на то что множество такихъ ковровъ было захвачено во время похода противъ Иомудовъ. Коверъ въ двадцать футовъ длины и въ шесть ширины продавался за двадцать пять и за тридцать рублей. Любопытною чертой торговли было то что Иомуды, какъ ни сильно должны они были нуждаться въ это время въ деньгахъ, не уступали ни колѣйки изъ первоначально назначенной цѣны. Ковры ткются женщинами и ничѣмъ не уступаютъ никакимъ другимъ коврамъ. У каждаго семейства особый рисунокъ, который передается изъ рода въ родъ безъ малѣйшаго измѣненія. Преобладающіе цвѣта красный и бѣлый, съ небольшою примѣсью коричневаго и зеленаго, очень красивые и прочные.

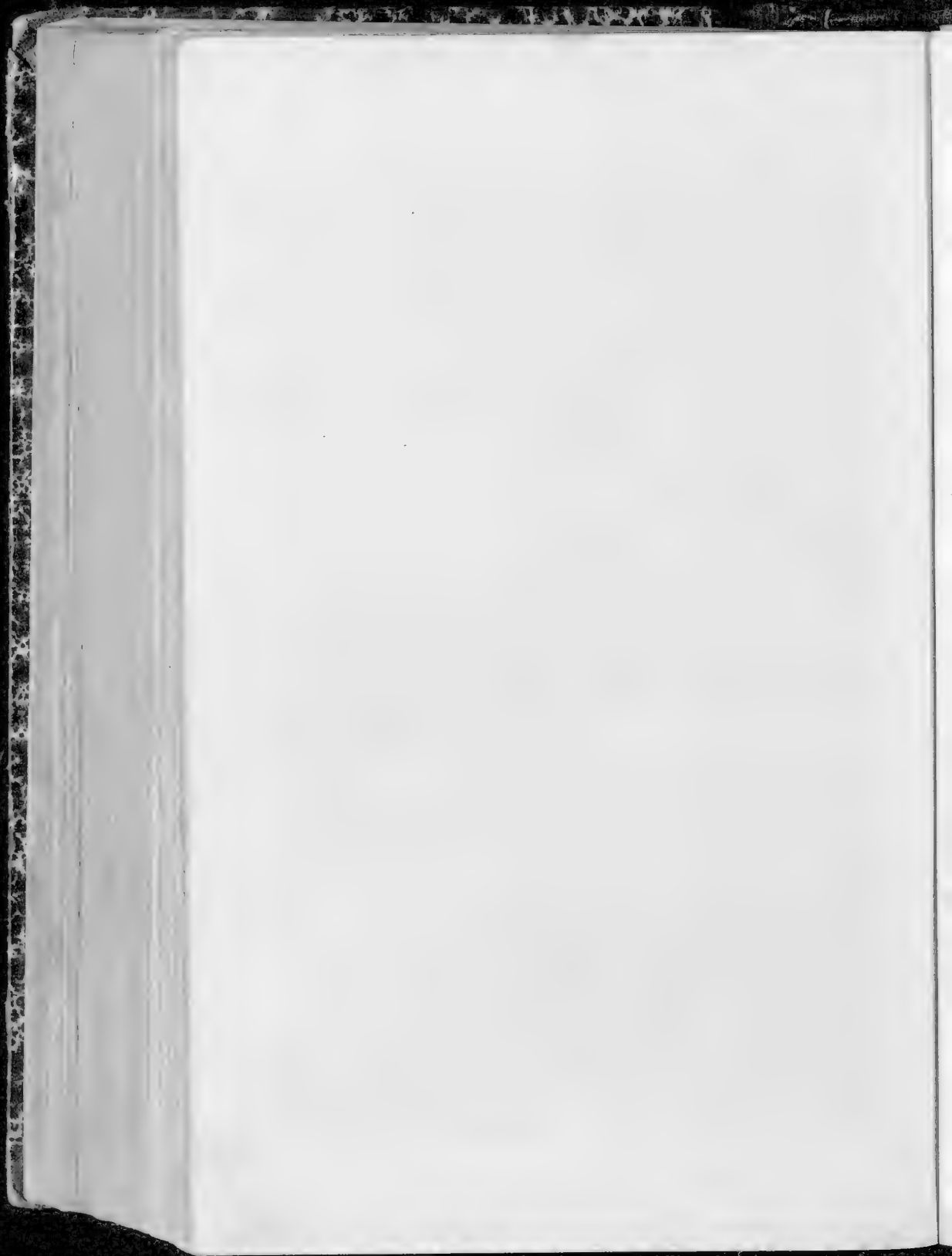
Какъ ни странно это покажется, но большая часть военной контрибуціи была уплачена женщинами. У каждой Туркменки множество серебряныхъ браслетъ, ожерельевъ, пуговицъ и головныхъ уборовъ. Эти украшенія составляютъ, кажется, послѣ лошадей главный предметъ богатства Туркменъ. Они приносили ихъ сотнями, и Русскіе принимали ихъ по двадцати пяти рублей за фунтъ серебра. Всѣ украшенія были изъ серебра высшей пробы, очень грубой работы и очень массивныя. Пара браслетъ часто вѣсила больше фунта. Они очень широки и толсты, имѣютъ форму буквы С, нѣкоторые отдѣланы золотомъ и всѣ съ сердцевидными украшеніями.

Грустно подумать какъ тяжело было женщинамъ отдать эти незатѣйливыя драгоценности чтобъ удовлетворить безграничное корыстолюбіе Уруса. Нѣкоторыя вещи были въ семействѣ нѣсколько поколѣній. Матери, бабушки и прабабушки современныхъ Туркменокъ надевали ихъ въ день

ТУРКМЕНСКАЯ ЖЕНЩИНА.

своей свадьбы и разчитывали что ихъ дочери, внучки и правнучки будутъ носить ихъ въ свою очередь. И вдругъ пришелъ ненавистный кяфиръ и все ихъ взял себѣ. Можно представить какія горькія слезы проливали женщины надъ этими простыми вещами, какъ онѣ раскладывали ихъ на полу своихъ кибитокъ, пересчитывали ихъ и любовались ими въ послѣдній разъ.

Для оцѣнки и взвѣшиванія серебра была назначена комиссия изъ офицеровъ. Они были заняты съ утра до ночи, но тѣмъ не менѣе, когда прошелъ назначенный срокъ, они получили въ счетъ контрибуціи меньше половины требуемой суммы. Но такъ какъ Туркмены дали достаточныя доказательства своей готовности заплатить и такъ какъ невозможность собрать такую значительную сумму въ такое короткое время была слишкомъ очевидна, то генералъ Кауфманъ рѣшилъ отсрочить имъ уплату остальныхъ денегъ еще на годъ. Было ясно что Туркмены при всемъ желаніи не могли бы собрать эту сумму въ нѣсколько недѣль, а армія должна была перейти Оксусъ и приготовиться къ обратному походу до 1го сентября, чтобъ не быть застигнутою морозами въ пустынѣ.

Уплата контрибуціи была дѣйствительно сопряжена для Туркменъ съ величайшими затрудненіями. Главнымъ изъ нихъ, послѣ недостатка монеты, было неумѣніе распредѣлить сборъ по кибиткамъ. У нихъ нѣтъ, какъ я уже говорилъ, никакого государственнаго устройства, нѣтъ верховной власти, уполномоченной назначать и распредѣлять подати и побуждать къ уплатѣ, нѣтъ оцѣночной вѣдомости собственности подлежащей налогу и нѣтъ никого кто могъ бы это сдѣлать, такъ какъ они никогда не платили податей. Поэтому организація вѣдомства для распредѣленія и сбора контрибуціи была для нихъ очень труднымъ дѣломъ. Генералъ Кауфманъ, желая помочь имъ, пробовалъ дать ихъ старшинамъ всѣ инструкціи возможныя при подобномъ положеніи дѣлъ. Онъ старался объяснить имъ что они должны распредѣлить налогъ по кибиткамъ, соразмѣрно съ принадлежащимъ каждой кибиткѣ количествомъ овецъ, рогатаго скота, лошадей и верблюдовъ. На это они возражали что часто тотъ кто богатъ скотомъ, бѣденъ деньгами, и что поэтому ему труднѣе заплатить чѣмъ другому, а что тѣ у кого есть деньги, прячутъ ихъ и отказываются отдать ихъ для общаго блага. Генералъ Кауфманъ объяснялъ имъ что тѣ у кого есть деньги

могутъ дать ихъ взаймы тѣмъ у кого ихъ нѣтъ, что старшины могутъ сдѣлать заемъ во имя народа, съ тѣмъ что народъ заплатитъ его чрезъ годъ скотомъ. Словомъ, онъ сдѣлалъ все что могъ чтобы дать имъ понятіе о государственномъ строѣ и о народномъ займѣ, но все это было слишкомъ сложно для нихъ и онъ наконецъ предоставилъ имъ дѣйствовать какъ знаютъ.

Все это время мы стояли лагеремъ въ большомъ саду, окруженномъ высокою стѣной, примыкающею къ городу Ильялы. Это небольшой городокъ, имѣющій около двухъ тысячъ жителей и обнесенный толстою стѣной, образующею прямоугольникъ около ста тридцати сажень длины и около восьмидесяти шести ширины. Въ городѣ есть базаръ, но ни одной мечети. Половина его построекъ въ развалинахъ, вслѣдствіе землетрясенія, и весь городъ имѣетъ жалкій видъ запустѣнія, несмотря на то что окружающая его мѣстность богата и плодородна.

Для тѣхъ изъ насъ кто не былъ занятъ пересчитываніемъ и взвѣшиваніемъ туркменскаго серебра, двѣнадцать дней проведенные здѣсь были довольно скучнымъ временемъ. Однообразіе лагерной жизни казалось нестерпимымъ послѣ возбужденія краткой, но интересной кампаніи. Бѣтъ, пить, угощать другъ друга—вотъ все что намъ оставалось дѣлать, и мы предались этимъ занятіямъ со рвеніемъ удивлявшимъ насъ самихъ.

Мы начали смотрѣть на Хиву какъ на центръ дѣятельности, новостей и удовольствій, также какъ люди смотрятъ на Парижъ, на Лондонъ или на Петербургъ, послѣ долгаго пребыванія въ какомъ-нибудь захолустѣ, вдали отъ желѣзной дороги. Что же касается возможности увидать снова Лондонъ, Парижъ или Петербургъ, то мы помышляли объ этомъ какъ о чемъ-то очень далекомъ. Хива была теперь центромъ всѣхъ нашихъ желаній, и мы мечтали объ ея базарѣ какъ нѣкоторые изъ насъ нѣкогда мечтали о парижскихъ бульварахъ.

И наконецъ настала счастливая минута когда мы сѣли опять на коней и направились къ Хивѣ, куда и прибыли послѣ пятидневнаго перехода.

XII. Т р а к т а т ъ.

Вскорѣ послѣ взятія Хивы, генераль Кауфманъ написалъ проектъ трактата который предстояло заключить съ ханомъ, и послалъ его съ нарочнымъ въ Петербургъ на усмотрѣніе Государя Императора. Трактатъ былъ вполне одобренъ Государемъ и вовремя возвращенъ въ Хиву. Для за два или за три до подписанія, хану дана была копія съ него на узбекскомъ нарѣчій, чтобъ онъ могъ заранѣе познакомиться съ его содержаніемъ.

Трактатъ былъ подписанъ генераломъ Кауфманомъ и ханомъ 23го августа, въ присутствіи офицеровъ штаба. Я приношу его цѣлкомъ:

1. Сеидъ-Мухамедъ-Рахимъ-Богадуръ-ханъ признаетъ себя покорнымъ слугою Императора Всероссійскаго. Онъ отказывается отъ всякихъ непосредственныхъ и дружескихъ сношеній съ соседними владѣтелями и ханами, и отъ заключенія съ ними какихъ-либо торговыхъ и другихъ договоровъ, и безъ вѣдома и разрѣшенія высшей русской власти въ Средней Азіи не предпринимаетъ никакихъ военныхъ дѣйствій противъ нихъ.

2. Границей между русскими землями и хивинскими служить Аму-Дарья, отъ Кукертли внизъ по рѣкѣ, до отдѣленія изъ нея самаго западнаго протока Аму-Дарьи, а отъ этого мѣста по сему протoku до впаденія его въ Аральское море. Далѣе граница идетъ по берегу моря на мысъ Ургу, а отсюда вдоль подошвы чинка Усть-Урта, по такъ-называемому старому руслу Аму-Дарьи.

3. Весь правый берегъ Аму-Дарьи и прилежающія къ нему земли, до нынѣ считавшіяся хивинскими, отходятъ отъ хана во владѣніе Россіи, со всѣми проживающими и кочующими тамъ народами. Участки земель по правому берегу, составляющіе нынѣ собственность хана, и жалованныя имъ для пользованія сановникамъ ханства, отходятъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ собственность русскаго правительства, безъ всякихъ претензій со стороны прежнихъ владѣльцевъ. Хану предоставляется вознаградить ихъ убытки землями на лѣвомъ берегу.

4. Въ случаѣ если по Высочайшей волѣ Государя Императора, часть этого праваго берега будетъ передана во владѣніе Бухарскаго эмира, то Хивинскій ханъ признаетъ сего послѣдняго законнымъ владѣльцемъ этой части прежнихъ своихъ владѣній, и отказывается отъ всякихъ намѣреній возстановить тамъ свою власть.

5. Русскимъ пароходамъ и другимъ русскимъ судамъ, какъ

правительственнымъ, такъ и частнымъ, предоставляется свободное и исключительное плаваніе по рѣкѣ Аму-Дарьѣ. Этимъ правомъ могутъ пользоваться суда хивинскія и бухарскія, не иначе какъ съ особаго разрѣшенія высшей русской власти въ Средней Азіи.

6. Въ тѣхъ мѣстахъ на лѣвомъ берегу гдѣ окажется необходимымъ и удобнымъ, Русскіе имѣютъ право устраивать свои пристани. Ханское правительство отвѣчаетъ за безопасность и сохранность этихъ пристаней. Утвержденіе выбранныхъ мѣстъ для пристаней зависитъ отъ высшей русской власти въ Средней Азіи.

7. Независимо отъ этихъ пристаней предоставляется Русскимъ право имѣть на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи свои факторіи для склада и храненія своихъ товаровъ. Подъ эти факторіи, въ тѣхъ именно мѣстахъ гдѣ будетъ указано высшею русскою властью въ Средней Азіи, ханское правительство обязуется отвести свободныя отъ населенія земли въ достаточномъ количествѣ для пристаней и для постройки магазиновъ, помѣщеній для служащихъ въ факторіи и имѣющихъ дѣла съ факторіей, для помѣщеній подъ купеческія конторы и для устройства хозяйственныхъ фермъ. Эти факторіи со всеми живущими въ нихъ людьми и сложенными въ нихъ товарами находятся подъ непосредственнымъ покровительствомъ ханскаго правительства, которое отвѣчаетъ за сохранность и безопасность таковыхъ.

8. Всѣ вообще города и селенія Хивинскаго ханства открыты для русской торговли. Русскіе купцы и русскіе караваны могутъ свободно разѣзжать по всему ханству и пользуются особеннымъ покровительствомъ мѣстныхъ властей. За безопасность каравановъ и складовъ отвѣчаетъ ханское правительство.

9. Русскіе купцы торгующіе въ ханствѣ освобождаются отъ платежа зякета и всякаго рода торговыхъ повинностей, такъ точно какъ хивинскіе купцы не платятъ съ давнихъ поръ зякета ни по пути чрезъ Казалинскъ, ни въ Оренбургѣ, ни на пристаняхъ Каспійскаго моря.

10. Русскимъ купцамъ предоставляется право безпошлиннаго провоза своихъ товаровъ чрезъ хивинскія владѣнія во всѣ сосѣднія земли (безпошлинная транзитная торговля).

11. Русскимъ купцамъ предоставляется право, если они пожелаютъ, имѣть въ городѣ Хивѣ и въ другихъ городахъ ханства своихъ агентовъ (караванъ-башей) для сношеній съ мѣстными властями и для наблюденія за правильнымъ ходомъ торговыхъ дѣлъ.

12. Русскимъ подданнымъ предоставляется право имѣть въ ханствѣ недвижимое имущество. Оно обладаетъ поземельною податью по соглашенію съ высшею русскою властью въ Средней Азіи.

13. Торговля обязательства между Русскими и Хивинцами

должны быть исполняемы свято и ненарушимо какъ съ той, такъ и съ другой стороны.

14. Жалобы и претензіи русскихъ подданныхъ на Хивинцевъ ханское правительство обязуется безотлагательно разслѣдовать, и если онѣ окажутся основательными, то немедленно удовлетворить. Въ случаѣ разбора претензій со стороны русскихъ подданныхъ и хивинскихъ, преимущество при уплатѣ долговъ отдается Русскимъ предъ Хивинцами.

15. Жалобы и претензіи Хивинцевъ на русскихъ подданныхъ, въ томъ даже случаѣ если послѣдніе находятся внутри предѣловъ ханства, передаются ближайшему русскому начальству на разсмотрѣніе и удовлетвореніе.

16. Хивинское правительство ни въ какомъ случаѣ не принимаетъ къ себѣ разныхъ выходцевъ изъ Россіи, являющихся безъ дозволенія на то вида отъ русской власти, къ какой бы національности они ни принадлежали. Если кто изъ преступниковъ, русскихъ подданныхъ, будетъ скрываться отъ преслѣдованія законовъ въ предѣлахъ ханства, то ханское правительство обязывается изловить таковыхъ и доставить ближайшему русскому начальству.

17. Объявленіе Сеидъ - Мухамедъ - Рахимъ-Богадуръ-хана, обнародованное 12го числа минувшаго іюля, объ освобожденіи всѣхъ невольниковъ въ ханствѣ и объ уничтоженіи на вѣчныя времена рабства и торгоа людьми, остается въ полной силѣ, и ханское правительство обязуется всѣми зависящими отъ него мѣрами слѣдить за строгимъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ этого дѣла.

18. На Хивинское ханство налагается пеня въ размѣрѣ 2.200.000 рублей, для покрытія расходовъ русской казны на веденіе послѣдней войны, вызванной самимъ ханскимъ правительствомъ и ханскимъ народомъ. Такъ какъ хивинское правительство, по недостаточности денегъ въ странѣ, и въ особенности—въ рукахъ правительства, не въ состояніи уплатить эту сумму въ короткое время, то, во вниманіе къ этому затрудненію, предоставляется ему право уплачивать эту пеню съ разсрочкой и съ расчетомъ процентовъ по 5% въ годъ, съ тѣмъ чтобы въ первые два года въ русскую казну вносилось по 100.000 руб., въ слѣдующіе затѣмъ два года—по 125.000 руб., затѣмъ два года—по 175.000 руб., а въ 1881 году, т.-е. черезъ восемь лѣтъ—200.000 руб. и наконецъ до окончательной расплаты—не менѣе 200.000 руб. въ годъ. Взносы могутъ производиться какъ русскими кредитными билетами, такъ и ходячею хивинскою монетою, по желанію ханскаго правительства.

Срокъ первой уплаты назначается 1го декабря 1873 года. Въ счетъ этого взноса, предоставляется хану собрать подать съ населенія праваго берега за истекающій годъ, въ размѣрѣ установленномъ до сего времени; это взиманіе должно быть окончено къ 1му декабря, по соглашенію ханскихъ сборщиковъ съ русскимъ мѣстнымъ начальникомъ.

Слѣдующіе взносы должны быть производимы ежегодно, къ 1му ноября, до окончательной уплаты всей пени, съ процентами.

Черезъ 19 лѣтъ, къ 1му ноября 1892 года, по уплатѣ 200.000 руб. за 1892 годъ, останется за ханскимъ правительствомъ еще 70.054 руб., а къ 1му ноября 1893 года придется уплатить послѣдніе 73.557 руб. Ханскому правительству предоставляется право уплачивать и болѣе вышеопредѣленнаго ежегоднаго взноса, ежели пожелаетъ сократить число платныхъ лѣтъ и проценты причитающіеся за остающійся еще долгъ.

Условия эти съ обѣихъ сторонъ, — съ одной стороны туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, генералъ-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ Имъ, а съ другой — владѣтелемъ Хивы, Сеидъ-Мухамедъ-Рахимъ-Богадуръ-ханомъ, установлены и приняты къ точному исполненію и постоянному руководству, въ саду Гендеміанъ (лагерь русскихъ войскъ у города Хивы), августа въ 12й день 1873 года (мѣсяца Раджаба въ 1й день, 1290 года).

Подлинный договоръ подписали: туркестанскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ *фонъ-Кауфманъ Имъ*, и приложилъ свою печать, и *Сеидъ-Мухамедъ-Рахимъ-Богадуръ-ханъ*, съ приложеніемъ своей печати.

XIII. Россія и Англія въ Азіи.

До сихъ поръ я избѣгалъ говорить о причинахъ похода Русскихъ противъ Хивы. Причины могутъ быть перечислены въ весьма немногихъ словахъ. Главною изъ нихъ было задержаніе въ Хивѣ двадцати одного Русскихъ, обращенныхъ тамъ въ рабство, но освобожденныхъ еще до начала войны, затѣмъ частыя нападенія Хивинцевъ на русскіе кулеческіе караваны, чему ханъ Хивинскій не хотѣлъ или не могъ помѣшать.

Мирный трактатъ показываетъ что были и другіе, болѣе важные поводы къ войнѣ. Русскіе имѣли въ виду покорить единственное изъ ханствъ все еще отказывавшееся признать ихъ верховенство, подвинуть свою границу до Оксуса и овладѣть теченіемъ этой рѣки до границъ Бухары.

Результатомъ войны было то что Русскіе подвинули свою границу на 300 миль дальше на югъ, приобрѣли 80.000 квадратныхъ миль территоріи и нижнее теченіе Оксуса.

Исслѣдованіе рѣки, произведенное еще до выхода генерала Кауфмана изъ Хивы, привело къ заключенію что по уничтоже-

ніи искусственныхъ преградъ въ каналѣ, устроенныхъ Хивинцами, рѣка можетъ быть доступна для русскихъ пароходовъ отъ устья до самаго города Хивы, а можетъ-быть и выше.

Теперь нельзя еще опредѣлить точно сколько новыхъ подданныхъ приобрѣла Россія, но такъ какъ правый берегъ рѣки заселенъ рѣдко, то я полагаю что ихъ не больше 50.000.

Мнѣ неизвѣстенъ точный смыслъ соглашенія между графомъ Шуваловымъ и лордомъ Гранвилемъ. По общему мнѣнію, оно состояло въ томъ что Россія условилась не занимать территоріи на югъ отъ Оксуса. Трактатъ показываетъ что Русскіе не нарушили своего обѣщанія, но въ то же время они подчинили себѣ хана и присоединили значительную часть его владѣній. Онъ теперь не можетъ сдѣлать шагу безъ разрѣшенія Русскихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на немъ лежитъ вся отвѣтственность правленія. Всѣ преимущества такого соглашенія на сторонѣ Русскихъ. Они получаютъ около двухъ третей всѣхъ доходовъ ханства, безъ всякихъ хлопотъ и издержекъ сопряженныхъ со сборомъ податей, страна до такой же степени въ ихъ власти какъ еслибы была присоединена къ Россіи, и русскіе торговцы могутъ проходить по ней такъ же свободно какъ по собственной странѣ.

Такое положеніе дѣлъ для Россіи гораздо выгоднѣе полнаго занятія страны, и мнѣ кажется что Русскіе не заняли бы ее немедленно еслибы даже не были связаны обѣщаніемъ даннымъ лорду Гранвилю. Теперь Хивинцы мало-по-малу привыкають къ присутствію Русскихъ, предразсудки ихъ постепенно исчезаютъ, самъ ханъ служить орудіемъ чтобы подготовить ихъ къ русскому правленію. И я не сомнѣваюсь что гораздо раньше чѣмъ будетъ уплачена военная контрибуція, смерть хана или какое-нибудь другое событіе дастъ возможность Русскимъ взять спокойно правленіе въ свои руки, можетъ-быть даже по просьбѣ самого народа.

Отъ меня ожидаютъ можетъ-быть что я скажу что-нибудь о политическомъ положеніи Русскихъ въ Средней Азіи. Я долженъ сознаться что на этотъ счетъ я могу сказать очень немного. Я не имѣю претензіи думать что одинъ тотъ фактъ что я былъ въ Средней Азіи во время краткаго похода даетъ мнѣ право судить объ этомъ вопросѣ. Читате-

лей желающихъ получить вѣрное понятіе о положеніи дѣлъ въ Средней Азіи я отсылаю къ трудамъ такихъ людей какъ сэръ-Герри Роулинсонъ, мистеръ Мичель и другіе, которые изучали этотъ вопросъ нѣсколько лѣтъ. Мистеръ Скайлеръ и мистеръ Аштонъ Далкъ также готовятъ къ печати свои труды о Средней Азіи.

Безполезно съ моей стороны было бы говорить и объ общихъ интересахъ Россіи и Англіи въ Средней Азіи. Факты относящіеся къ этому вопросу приведены во множествѣ у другихъ писателей; что же касается личныхъ мнѣній, они уже составлены людьми интересующимися дѣломъ.

Я скажу только что по моему мнѣнію покореніе Хивы и даже ея присоединеніе, если оно совершится, не могутъ имѣть важнаго значенія въ дѣлѣ приближенія Русскихъ къ Индіи. Паденіе Хивы будетъ, конечно, имѣть сильное нравственное вліяніе на все магометанское населеніе Средней Азіи. До сихъ поръ Хива считалась недоступною и непобѣдимую и послѣ паденія Бухары была послѣднею великою твердыней исламизма въ Средней Азіи. Ея покореніе подтвердитъ уже сильно распространенную вѣру въ непобѣдимость Русскихъ.

Но помимо этого нравственного престижа, покореніе Хивы имѣетъ мало значенія. При настоящемъ положеніи Русскихъ въ Средней Азіи, есть два пути для похода въ Индію. Одинъ отъ южнаго берега Каспійскаго моря, вдоль сѣверной границы Персіи, къ Герату и оттуда къ западной границѣ Индустана, путь въ 1.000 миль. Если даже есть возможность движенія по этому пути, то одинъ взглядъ на карту покажетъ что Хива въ этомъ случаѣ не будетъ имѣть никакого значенія съ военной точки зрѣнія. Другой и болѣе вѣроятный путь похода это путь отъ Самарканда чрезъ Бухару въ Керки и далѣе вдоль Оксуса въ Кундусъ. Хива отстоитъ отъ Керки на 375 миль къ сѣверо-востоку и слѣдовательно на столько же отъ прямого пути въ Индію. Большая часть этого пространства представляетъ пустыню, такъ какъ даже берега Оксуса въ этой части его теченія необитаемы. Слѣдовательно и въ случаѣ похода по этому пути Хива будетъ бесполезна для арміи.

Скажутъ что Россія можетъ переправить армію воднымъ путемъ по Сыру, по Аральскому морю и вверхъ по Оксусу.

Но не говоря уже о томъ что у Русскихъ на Аральскомъ морѣ только небольшое количество мелкихъ судовъ, далеко недостаточное для переправы большой арміи, весьма невѣроятно чтобы Оксусъ былъ судоходенъ на всемъ своемъ протяженіи до Керки. Слѣдовательно и этотъ планъ похода неисполнимъ.

Я не изъ тѣхъ кто вѣрить въ русскую традиціонную политику завоеванія относительно Средней Азіи. Я не вѣрю также чтобы Русскіе имѣли какіе-нибудь виды на Индію. Они видятъ что между ихъ владѣніями и англійскими есть свободное пространство территоріи, которое должно рано или поздно попасть въ руки той или другой державы, и они не прочь присоединить себѣ сколько удастся.

XIV. Возвращеніе.

Я разкажу здѣсь подвигъ смѣлости полковника Скобелева, имя котораго было уже не разъ упомянуто въ моемъ разказѣ. Вопросъ о томъ удалось ли бы полковнику Маркозову, командовавшему отрядомъ выступившимъ отъ устья Ат-река, дойти до мѣста своего назначенія, еслибъ онъ продолжалъ идти впередъ, вмѣсто того чтобы вернуться назадъ, былъ весьма важнымъ и интереснымъ вопросомъ. Для того чтобы рѣшить его, нужно было изслѣдовать часть пустыни которую оставалось пройти полковнику Маркозову до пункта съ котораго онъ вернулся. Но такая экспедиція для большого отряда была бы слишкомъ тяжела, а для маленькаго слишкомъ опасна, потому что озлобленные Юмуды скитались въ этой сторонѣ. Къ тому же вопросъ былъ не такъ столько важенъ чтобы можно было подвергнуть опасности значительное число людей. Проѣхать опасный путь, набросать на карту мѣстность, изслѣдовать колоды и рѣшить какое количество воды могли они доставить, долженъ былъ кто-нибудь одинъ или вдвоемъ и полагаясь только на свою ловкость и на быстроту своей лошади. Это дѣло было предпринято и блистательно исполнено полковникомъ Скобелевымъ. Переодѣвшись въ туркменскій костюмъ, онъ взялъ съ собою трехъ Туркменъ, которые служили у него нѣсколько лѣтъ на Каспійскомъ морѣ, и въ тотъ день когда

мы выступили изъ Ильяля въ Хиву, углубился въ пустыню по другому направленію.

Мы не видали его десять дней и уже потеряли надежду на его возвращеніе когда онъ внезапно вошелъ къ намъ, сильно утомленный, но съ извѣстіемъ что предпріятіе его исполнено. Онъ пришелъ къ заключенію что всякая попытка со стороны полковника Маркозова идти дальше съ утомленными людьми и животными повела бы къ неминуемой гибели отряда, отъ недостатка воды въ той части пути которую ему оставалось пройти.

24го августа Русскіе покинули Хиву и направились къ Оксусу. Утромъ въ этотъ день ханъ пріѣзжалъ въ лагерь чтобы проститься съ главнокомандующимъ и съ офицерами штаба, и веѣмъ имъ пожалъ руки. Я былъ въ это время въ городѣ, но на обратномъ пути въ лагерь повстрѣчался съ ханомъ, который ѣхалъ въ сопровожденіи свиты человекъ въ пятнадцать или двадцать. Моего переводчика не было со мной и мы не могли вступить въ разговоръ, но ханъ пожалъ мнѣ руку съ добродушною улыбкой и сказалъ нѣсколько прощальныхъ словъ. Въ его обращеніи замѣтно было то назойливое добродушіе которое люди довольные обстоятельствами распространяютъ на всякаго встрѣчнаго. Его дружеское прощаніе со мной было конечно слѣдствіемъ его радости что Русскіе уходятъ.

Полковникъ Скобелевъ, только-что возвратившійся изъ своей опасной поѣздки, не написалъ еще донесенія которое намѣревался представить генералу Кауфману и не хотѣлъ выѣхать изъ Хивы пока оно не будетъ написано. Онъ попросилъ меня остаться съ нимъ въ лѣтнемъ дворцѣ хана, гдѣ мы стояли лагеремъ, и я согласился. Войска выступили около двухъ часовъ и къ тремъ часамъ скрылись изъ виду, и полковникъ Скобелевъ, его два служителя и я, ничтожный остатокъ побѣдоносной арміи, остались одни среди много численнаго непріятеля.

Полковникъ тотчасъ же сѣлъ за составленіе своего донесенія и сопровождавшей его карты, а я провелъ день перечитывая старые номера *Revue des Deux Mondes* и бродя по покинутому лагерю. Шумъ и движеніе смѣнились невозмутимою тишиной, земля была усыпана обрывками старыхъ картъ, ковровъ и палатокъ, и два Персіянина копались въ оставленномъ сору въ надеждѣ найти что-нибудь цѣнное.

Ночью мы легли спать на небольшомъ внутреннемъ дворѣ дворца. Полковникъ проспалъ всю ночь сномъ человека разбитаго усталостью, но его слуги и я не были такъ счастливы, насъ разбудили какіе-то громкіе взрывы, подобные пушечнымъ выстрѣламъ. Встревоженные мы взошли на одинъ изъ высокихъ портиковъ и взглянули на городъ. Мы не могли однако разглядѣть ничего особеннаго кромѣ зарева какое обыкновенно видѣется ночью надъ городами освѣщенными газомъ. Но такъ какъ въ Хивѣ нѣтъ ни газоваго, ни какого-либо другаго освѣщенія, то мы пришли къ заключенію что взрывы и свѣтъ были не что иное какъ потѣшныя огни которыми Хивичи праздновали выходъ непріятеля.

На другой день рано утромъ мы пустились въ путь чтобы присоединиться къ войску. Было прекрасное солнечное утро и не безъ сожалѣнія бросили мы послѣдній взглядъ на мечети, минареты и стѣны Хивы. Ихъ неопрятный видъ при яркомъ свѣтѣ ранняго утра казался краснымъ, а привычка къ мѣсту въ которомъ мы провели болѣе двухъ съ половиной мѣсяцевъ придавала нашему прощанію съ нимъ отѣнокъ не совсѣмъ непріятной грусти. Часа три или четыре мы ѣхали среди цвѣтущихъ полей и садовъ оазиса, встрѣчая на пути Узбековъ, которые кланялись намъ почтительно, но видимо радуясь что послѣдніе Русскіе уѣзжаютъ. Никто изъ нихъ не выказалъ однако ни малѣйшаго поповозненія оскорбить насъ, и нашъ маленькій отрядъ въ четыре человека ѣхалъ также спокойно какъ еслибы насъ была тысяча.

Мы нагнали арріергардъ въ Ханки и четверть часа спустя были на берегу Оксуса. Эту ночь армія переночевала на берегу, а на слѣдующее утро началась переправа, сопряженная съ немалыми затрудненіями. Вопервыхъ, число каюковъ было далеко не достаточное, вовторыхъ, въ томъ мѣстѣ рѣки гдѣ переправлялась армія было два острова. Подѣхавъ къ острову, войска должны были высаживаться, переходить его лѣшкомъ и на другой сторонѣ снова садиться въ лодки. То же самое и на другомъ островѣ, хотя онъ былъ отдѣленъ отъ суши только узкимъ проливомъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ затрудненій переправа продолжалась около двухъ недѣль.

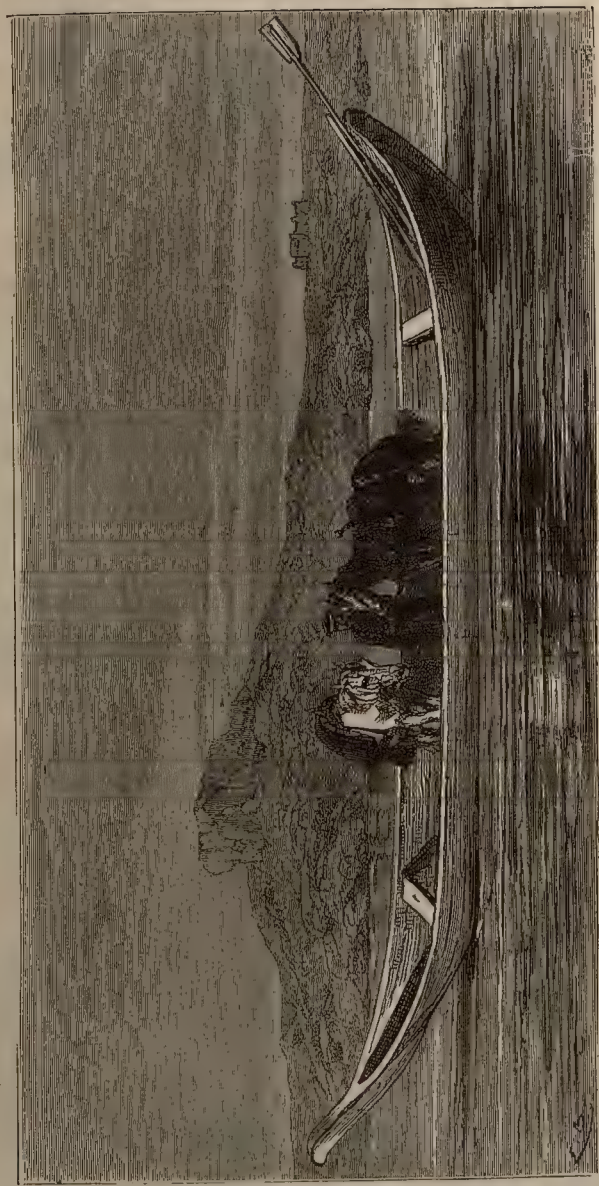
Между тѣмъ генералъ Кауфманъ и его штабъ осматривали правый берегъ рѣки, ища удобнаго мѣста для постройки укрѣпленія. Выборъ ихъ остановился наконецъ на большомъ

садѣ, окруженномъ высокою стѣной. Это мѣсто было уже само-по-себѣ крѣпостью и нуждалось только въ нѣкоторыхъ приспособленіяхъ чтобы сдѣлаться вполне пригоднымъ для цѣлей Русскихъ. Немедленно было приступлено къ работамъ и фортъ вышелъ похожимъ на всѣ другіе форты Средней Азіи. Готовыя стѣны были усилены земляными укрѣпленіями и пристройками для постановки пушекъ. По мѣстоположенію на берегу рѣки, въ плодородной мѣстности, гдѣ зимній холодъ и лѣтній жаръ довольно умеренны для этой части свѣта, это одинъ изъ лучшихъ фортовъ Средней Азіи. Онъ стоитъ на разстояніи двадцати пяти миль отъ столицы. Гарнизонъ его состоитъ изъ двухъ баталіоновъ пѣхоты въ 1.000 человекъ, 200 казаковъ, шести пушекъ и двухъ тяжелыхъ орудій, отнятыхъ у хана, гарнизонъ не большой, но вполне достаточный чтобы держать Хивинцевъ въ страхѣ и повиновеніи.

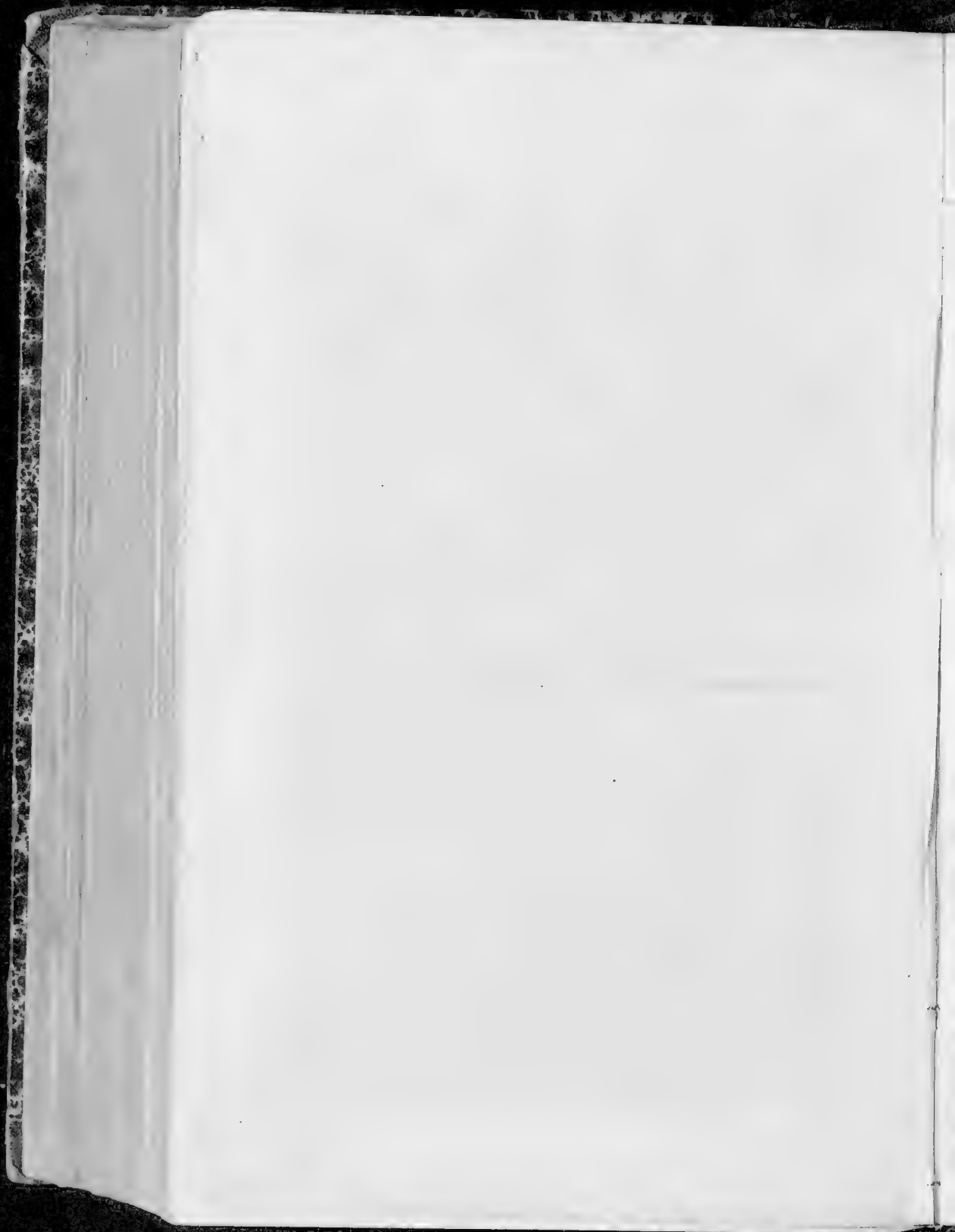
При фортѣ оставлены полковникъ Ивановъ и полковникъ Дрешернъ, первый какъ военный комендантъ округа, второй какъ начальникъ форта. Лучшаго выбора нельзя было сдѣлать. Полковникъ Ивановъ и полковникъ Дрешернъ въ высшей степени способные офицеры. Они преданы своей профессіи, любознательно и живо интересуются народомъ съ которымъ будутъ имѣть дѣло. Въ добавокъ они чрезвычайно популярны какъ между солдатами, такъ и между офицерами.

Рѣшено было что различные отряды пойдутъ назадъ по тѣмъ же путямъ по которымъ пришли. Отрядъ генерала Вревкина отправился въ Оренбургъ, отрядъ полковника Ламакина къ Киндерлійской бухтѣ. Эти два отряда выступили недѣлей раньше генерала Кауфмана, возвратившагося въ Ташкентъ. Что же касается Казалинскаго отряда, то большая часть его осталась въ новомъ фортѣ на берегу Оксуса.

Больныхъ и раненыхъ рѣшено было отправить на каюкахъ къ устью Оксуса, гдѣ стояла флотилія подъ командой лейтенанта Ситникова, а оттуда на пароходахъ въ Фортъ № 1. Желая ознакомиться съ нижнимъ теченіемъ Оксуса, я рѣшился присоединиться къ этому отряду. Такъ какъ лодки были необходимы для переправы войска, то намъ пришлось ждать пока большая часть его не была перевезена на другой берегъ. Но наконецъ намъ дали двадцать большихъ каюковъ. Отрядъ

КАЮКЪ. (Съ рисунка Верещагина.)

наше состояло изъ тридцати или сорока раненыхъ и больныхъ, изъ пятидесяти человекъ конвоя и нѣсколькихъ офицеровъ получившихъ отпускъ и отправлявшихся въ Оренбургъ, въ Петербургъ и въ другія мѣста. Въ числѣ послѣднихъ былъ генералъ Колокольниковъ, одинъ изъ самыхъ храбрыхъ и опытныхъ офицеровъ русской арміи, баронъ Корфъ, съ которымъ я встрѣтился впервые въ Алты-Кудукѣ, и генералъ Пистолькорсъ, у котораго вѣроятно больше ранъ чѣмъ у кого-либо другаго въ русской арміи. Мы размѣстились человекъ по десяти и по пятнадцати въ лодкѣ, построили навѣсы изъ тростниковыхъ циновокъ; у большинства офицеровъ были постели, въ концѣ каждой лодки былъ устроенъ очагъ для варки кушанья, словомъ, наше путешествіе было обставлено всеми удобствами какія только возможны при подобныхъ обстоятельствахъ.

Утромъ 1го сентября мы отчалили отъ хивинскаго берега, четверть часа спустя вышли изъ узкаго канала въ Оксусъ и поплыли внизъ по рѣкѣ съ умеренною быстротою, то дѣйствуя веслами, то предоставляя себя теченію, быстрота котораго въ этомъ мѣстѣ около четырехъ миль въ часъ. Ниже теченіе замедляется и близъ устья скорость его не болѣе полумили въ часъ.

Путешествіе наше было весьма пріятное. Мы запаслись достаточнымъ количествомъ провизіи. Два раза въ день мы высаживались на берегъ, чтобы дать стянуться лодкамъ и чтобы гребцы могли отдохнуть. Въ это время мы варили себѣ кушанье, ѣли и ложились отдыхать на травѣ, въ тѣни деревьевъ. Первые ночи мы ночевали на сушѣ, находя невозможнымъ лыть въ темнотѣ. Дни проходили въ пріятной праздности. Мы играли въ карты, удилъ рыбу, купались разъ въ день, а иногда лежали по цѣлымъ часамъ на постеляхъ, слушая тѣмъ же солдаты, сопровождаемое плескомъ веселъ, что составляло очень пріятную музыку.

Берега представляли мало признаковъ жизни. Рѣдко случалось намъ увидать человека, хотя мы видѣли множество домовъ окруженныхъ цвѣтниками и фруктовыми садами и не мало мечетей на кладбищахъ. Мечеть составляетъ такую же необходимую принадлежность въ хивинскомъ ландшафтѣ, какъ сельская церковь въ англійскомъ. Сельскія мечети имѣютъ высокій, стройный фасадъ, футовъ въ двадцать ширины и футовъ въ пятьдесятъ вышины и квадратную вершину. За

фасадомъ видѣется куполъ, часто покрытый зеленою черепицей. Хивинскія могилы почти вездѣ такія же какъ тѣ которыя я описалъ подъ стѣнами города. Это небольшіе полу-сферическіе глиняные холмы, мѣстами украшенные черепицей и изреченіями изъ Корана, написанными голубою краской.

Въ рѣкѣ намъ попададась прекрасная рыба, и во все время пути мы имѣли свѣжую икру. Здѣсь кетати упомянуть что рыба *Scaphyrhynchus*, встрѣчавшаяся до сихъ поръ только въ Массисипи, водится и въ Оксеусѣ. Натуралисты сопровождавшіе экспедицію называли этотъ новый видъ *Oaxianus*.

Ширина Оксеуса измѣняется отъ трехъ четвертей мили до двухъ миль съ половиной. Первый привалъ мы сдѣлали на хивинскомъ берегу, но потомъ постоянно высаживались на правый берегъ, ставшій по трактату русскимъ. Хивинскій берегъ покрытъ садами, деревьями и домами, на правомъ же рѣдко встрѣчается что-нибудь кромѣ тростника и высокой травы, и есть признаки что рѣка по временамъ затопляетъ эту сторону.

Намъ встрѣчались лодки, медленно поднимавшіяся вверхъ по рѣкѣ. Такъ какъ противъ теченія, вслѣдствіе его быстроты, нѣтъ возможности плыть на веслахъ, то эти лодки тащились обыкновенно на веревкахъ: два человека идя по берегу тянутъ веревки, а два другіе правятъ. Случалось намъ также раза два перегонять киргизскіе плоты. То были вѣроятно аулы совершавшіе свое ежегодное переселеніе.

Противъ Килчака мы высаживались на берегъ. Въ этомъ мѣстѣ рѣки есть небольшой порогъ, не препятствующій впрочемъ судоходству. Ниже до того пункта гдѣ Оксеусъ выдѣляетъ Улкуль-Дарью и въ самой Улкуль-Дарьѣ нѣтъ ни пороговъ ни утесовъ, и рѣка вполне судоходна отъ самой Хивы. Немного ниже Килчака, на правомъ берегу возвышается рядъ низкихъ горъ или лучше сказать холмовъ. Они безплодны и принадлежатъ къ той же формации какъ и Кизиль-Кумскія горы. Здѣсь русло рѣки сдѣлалось уже и глубже, и насъ относило теченіемъ отъ одного берега къ другому. На слѣдующій день, когда мы были на разстояніи ста миль отъ Хивы, горы на правомъ берегу, сады и поля на лѣвомъ смѣнились болотомъ заросшимъ тростникомъ. Миль на тридцать ниже Ходжейли мы повер-

нули въ Улкунъ-Дарью, рукавъ Оксуса. Она гораздо уже и глубже главнаго русла рѣки и вслѣдствіе этого удобнѣе для судоходства. Впрочемъ она очень извилиста, и нѣкоторыя извилины такъ круты что мы съ трудомъ поворачивали наши тяжелыя лодки. Случалось намъ также запутываться въ высокомъ тростникѣ которымъ заросли оба берега.

Когда мы приближались къ Ходжейли, комендантъ Кунграда выѣхалъ къ намъ на встрѣчу въ небольшой лодкѣ съ двумя спутниками. Его обращеніе съ Русскими было теперь совсѣмъ иное чѣмъ въ то время когда онъ просилъ генерала Веревкина дать ему три дня срока чтобы собрать пушки. Онъ взялся быть нашимъ проводникомъ по Улкунъ-Дарѣ и дѣйствительно съ этого пункта его можно было постоянно видѣть впереди на его узенькой лодочкѣ. Въ это время мы не высаживались на берегъ, потому что тростникъ росъ такъ густо въ водѣ по обѣ стороны рѣки что не было возможности пробраться чрезъ него. Въ продолженіе трехъ сутокъ мы даже не видали твердой земли и по ночамъ должны были привязывать лодки къ тростнику. Въ эти три ночи тѣ у кого не было сѣтокъ сильно страдали отъ москитовъ. Прежде, когда москиты одолѣвали насъ, мы высаживались на берегъ, зажигали костеръ изъ сухаго тростника и поддерживали его всю ночь. Теперь же это было невозможно.

Вечеромъ на седьмой день нашего пути узкое русло Улкунъ-Дарьи обратилось въ обширное озеро, въ которомъ вода стояла почти неподвижно. Это озеро имѣетъ миль восемь или десять въ длину и изобилуетъ небольшими пловучими островками, поросшими тростникомъ и кустарникомъ. На другой день послѣ полудня мы наконецъ разглядѣли въ отдаленіи тонкія мачты кораблей.

Предъ вечеромъ мы выѣхали изъ тростниковыхъ болотъ, окружавшихъ насъ болѣе трехъ дней. Русло рѣки сузилось опять. Оно имѣло теперь отъ 300 до 600 футовъ въ ширину. На заходѣ солнца мы подошли къ флотиліи и вскорѣ были на борту, обмѣниваясь привѣтствіями съ друзьями и знакомыми.

Лейтенантъ Ситниковъ былъ нѣсколько удивленъ когда увидалъ меня, такъ какъ по отъѣздѣ моемъ изъ Казалы онъ думалъ что я наѣзжаю въ Ташкентъ. Я передалъ ему вкратцѣ мои приключенія; и мы отъ души посмѣя-

лись надъ шуткой которую я сыгралъ надъ моимъ другомъ капитаномъ Вережагинымъ въ Казалѣ.

Я встрѣтилъ здѣсь между прочими молодого графа Шувалова. Этотъ храбрый молодой офицеръ, какъ извѣстно, былъ контуженъ при взятіи Хивы. Онъ былъ отправленъ домой съ Оренбургскимъ отрядомъ, но въ дорогѣ ему сдѣлалось хуже и его принуждены были отправить въ тарантасъ на флотилію. Я съ удовольствіемъ узналъ въ послѣдствіи что его здоровье совершенно поправилось.

Флотилія состояла изъ двухъ пароходовъ, *Самаркандъ* и *Перовскій*, и трехъ баржей. На эти суда перенесли всѣхъ больныхъ, *Перовскій* взялъ на буксиръ одну баржу, *Самаркандъ* двѣ, и на слѣдующій день мы поплыли на всѣхъ ларяхъ внизъ по Улкунъ-Дарѣ въ Аральское море. Въ тотъ же день вечеромъ мы достигли устья рѣки и стали на якорь, такъ какъ нельзя было пройти черезъ баръ въ темнотѣ. На другой день чѣмъ свѣтъ мы опять развели пары, четверть часа спустя прошли баръ и поплыли по синимъ волнамъ Аральскаго моря. Спустя двое сутокъ мы достигли устья Сыръ-Дарьи, а еще черезъ тридцать шесть часовъ я былъ опять въ Казалѣ. Отсюда одни изъ офицеровъ уѣхали въ Ташкентъ, другіе въ Петербургъ.

Здѣсь я встрѣтился впервые съ мистеромъ Керомъ, который былъ посланъ съ такимъ же порученіемъ какъ и я отъ газеты *Daily Telegraph*. Я узналъ съ сожалѣніемъ что судьба не была къ нему такъ милостива какъ ко мнѣ и что ему не удалось исполнить свое предпріятіе. Онъ уже издалъ въ свѣтъ разказы о своихъ приключеніяхъ, и я могу засвидѣтельствовать что его описанія мѣстности также вѣрны какъ и живописны.

Мнѣ пришлось прождать почтовыхъ лошадей три дня. Я купилъ новый тарантасъ и 15го сентября былъ опять на почтовой дорогѣ въ Оренбургъ.

Разстояніе отъ Казалы до Саратова, которое въ первый разъ отняло у меня шесть недѣль, въ этотъ разъ я проѣхалъ въ двѣ, благодаря тому что лошади поправились на лѣтнихъ пастбищахъ. Въ дальнѣйшемъ путешествіи не было ничего особеннаго, и я оканчиваю мое повѣствованіе и прощаюсь съ читателемъ.

ТРОФЕЙ. (Съ рисунка Верецагина.)

